Питер Хизер

ПАДЕНИЕ РИМА И РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВАРВАРОВ

Питер Хизер

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВАРВАРОВ

ПАДЕНИЕ РИМА И РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Питер Хизер

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВАРВАРОВ

PETER HEATHER

EMPIRES AND BARBARIANS

THE FALL OF ROME AND THE BIRTH OF EUROPE

Питер Хизер

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВАРВАРОВ

ПАДЕНИЕ РИМА И РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(430).012
ББК 63.3(0)4
Х43

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Книга издается с согласия
Macmillan Publishers Limited

Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой

Хизер Питер
Х43 Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы / Пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. — М.: Центрполиграф, 2016. — 830 с.

ISBN 978-5-227-07058-6 (ОИ)
ISBN 978-5-227-07057-9 (Memorialis)

Книга Питера Хизера, авторитетного специалиста по истории раннего Средневековья, посвящена великому переселению народов в 1-м тысячелетии от Рождества Христова. Автор дает всестороннюю характеристику периода, ставшего ключевым для возникновения наций и создания первых государств франков, германцев, славян и других народов; анализирует модели и причины миграции в контексте преобразований, затронувших западную часть континента. Особое внимание Питер Хизер уделяет масштабной славянизации Центральной и Восточной Европы и укреплению славянских государств, которые существуют по сей день. Отстаивая определяющую роль миграции в преображении варварской Европы, историк не умаляет важности внутренних экономических, социальных и политических трансформаций, а также взаимопроникновения культур, распространения христианства, письменности и ремесел. Описывая процесс рождения новой Европы, Питер Хизер убедительно доказывает, что миграция — ключевое явление 1-го тысячелетия, определившее современную карту мира.

УДК 94(430).012
ББК 63.3(0)4

Copyright © Peter Heather, 2009
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-07058-6 (ОИ)
ISBN 978-5-227-07057-9 (Memorialis)

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВАРВАРОВ

ПАДЕНИЕ РИМА
И РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Посвящается отцу Алану Фредерику Хизеру
(28.02.1923—14.01.2008)
и тестю Ричарду Майлзу Сойеру
(30.07.1917—03.09.2007)

ПРЕДИСЛОВИЕ

На создание этой книги у меня ушло очень много времени. Я подписал договор на ее публикацию, когда мой сын Уильям еще не появился на свет. А когда моя работа увидит свет, он будет сдавать экзамены на получение аттестата об общем среднем образовании (для тех из вас, кто незнаком с британской системой образования: это означает, что ему шестнадцать...). Отчасти работа оказалась столь продолжительной из-за того, что я был занят и другими делами, однако этот проект сам по себе потребовал четыре академических отпуска — ни над одной из своих книг я не работал так долго, и это, разумеется, говорит о сложности поставленной задачи. Временные рамки, которые охватывает эта книга, чрезвычайно велики, как велики и географические регионы, поэтому потребовалось привлечь обширную специальную литературу. Отдельные области мне не удалось охватить целиком, к примеру историю славянских народов или археологию, и я должен выразить признательность специалистам за укоренившуюся у них привычку опубликовывать свои основные теории и их положения на западноевропейских языках. В этих, как и во многих других интеллектуальных областях данного труда, я нередко забредал так глубоко, что зачастую сомневался, смогу ли найти дорогу обратно. Разумеется, это стало второй причиной того, что реализация проекта заняла так много времени.

Однако скрупулезное сравнение и сопоставление самых разных взглядов и подходов является основополагающим базисом этой книги. Мой изначальный замысел предусматривал описанне трансформации варварской Европы в 1-м тысячелетии с двух точек зрения. Во-первых, мне представлялось, что схожие модели развития можно обнаружить в германских об-

ществах на границах Римской империи в первой половине 1-го тысячелетия н в славянских обществах на границах Франкского королевства и Византийской империи — во второй. Сходство между ними не могло быть случайным. Во-вторых, я счел, что на некоторые современные подходы к изучению феномена переселения варварских народов в этот период повлияла излишняя абсолютизация его важности в предшествовавших исследованиях. Отсюда проистекает намеренное преуменьшение роли этого явления в современной историографии. Для того чтобы помочь себе переосмыслить переселение народов в 1-м тысячелетии, я счел, что будет интересно ознакомиться с более современными и хорошо документированными аналогиями. Поэтому в конечном счете моя книга и приобрела нынешние очертания. Постепенно при изучении современных компаративных исследований, затрагивающих проблемы миграции, я стал осознавать, что, во-первых, ее основные черты и формы обычно неразрывно связаны с превалирующими моделями социального и экономического развития общества и, во-вторых, она неотделима от политического контекста (или контекстов), который определяет ее и служит для нее фоном. Другими словами, хоть у меня и ушло много времени на то, чтобы это осознать, я понял, что два независимых аспекта моего подхода к изучению варварской Европы в 1-м тысячелетии были далеко не независимыми, а неразрывно связанными, взаимодополняющими чертами единого глобального процесса трансформации. Характерные особенности миграции в 1-м тысячелетии были обусловлены и неразрывно связаны с более масштабными социально-экономическими и политическими преобразованиями варварского общества в этот период. На миграционные процессы также влияло и взаимодействие отдельных сообществ с современными им имперскими силами. Эта основополагающая идея данной книги появилась исключительно благодаря широкому применению компаративного подхода, ставшего определяющим для всего проекта. Разумеется, только читатель сможет решить, принесло ли применение вышеупомянутого подхода свои плоды и стоили ли они известного пренебрежения деталями, которое стало его неизбежным следствием.

Тем не менее мне бы хотелось с огромным удовольствием и благодарностью упомянуть и о той помощи, которую я получил за долгие годы работы над проектом. Я в неоплатном дол-

гу перед некоторыми институтами и организациями. Кафедры классических наук и истории Йельского университета предоставили мне убежище с 1999 по 2000 год, за этот период я сумел в значительной степени обогатить свои познания, в том числе о характерных особенностях миграции. Исследовательский совет по искусству и гуманитарным наукам осенью 2004 года выделил мне еще один семестр академического отпуска — у меня было порядка восьми месяцев, за которые мне удалось набросать завершающие главы этой книги. Часть этого времени я провел в изумительно приятном месте — Думбартон-Окс в Вашингтоне, округ Колумбия. Там, в окружении огромного количества книг и при контакте с вдохновляющим обществом, было невероятно легко работать. С большим удовольствием я хочу поблагодарить директора и членов совета за премию в знак признания достижений в осенний семестр 2004 года. Небольшой грант в рамках проекта «Миграции и диаспоры» Исследовательского совета по искусству и гуманитарным наукам позволил мне весной и летом 2005 года провести несколько семинаров на тему «Миграция и 1-е тысячелетие н. э.», которые оказались весьма плодотворными как для меня, так и, надеюсь, для других участников.

Академические долги, накопившиеся у меня за эти шестнадцать лет, неподъемны, и я не могу поблагодарить лично каждого. В первые годы, когда я только обдумывал эту тему, мне повезло стать членом подгруппы проекта «Трансформация римского мира», которую финансировал Европейский научный фонд. Этот опыт оказал на меня большое влияние, и я не могу передать, скольким я ему обязан — благодаря обмену идеями и информацией, который имел место тогда и не прервался после. Я в особенности признателен Пщемыславу Урбаньчику за то, что он пригласил меня в Польшу и дал возможность глубже изучить славян раннего Средневековья, о которых у меня в ту пору имелись крайне поверхностные представления. Далее я хотел бы поблагодарить всех людей, способствовавших тому, что семинары по миграции, спонсированные Исследовательским советом по искусству и гуманитарным наукам, оказались таким приятным и полезным опытом. Я хотел бы поблагодарить многих ученых, помогавших мне в процессе работы, щедро делясь своими мыслями и публикациями, и в особенности Пола Барфорда, Анджея Буко, Джеймса Кемпбелла, Дэвида Дамвилла, Гая Халсалла, Вольфганга Хаубрихса, Лотте Хедеа-

гер, Агнара Хельгасона, Кристиана Любке, Вальтера Пола, Марка Щукина, Марка Томаса, Брайана Уорда Перкинса, Майка Уитби, Марка Уиттоу, Криса Уикхема, Иэна Вуда и Алекса Вульфа. Перед вами далеко не полный список, но эти имена могут, по крайней мере, стать символом моего интеллектуального долга остальным, который слишком велик.

За непосредственную работу над книгой я бы хотел выразить признательность моему редактору Джорджине Морли, редакторам-корректорам Сью Филпотт и Нику де Сомогию вместе с главным редактором Таней Адамс. Я знаю, что изрядно усложнил им жизнь, но они внесли огромный вклад в проект, и я бесконечно благодарен за каждую подмеченную и исправленную неточность или ошибку. Оставшиеся погрешности, разумеется, полностью на моей совести. Большое спасибо Нилу Маклинну и другим моим друзьям и коллегам, которые прочли столько страниц этой книги в черновиках. Я глубоко благодарен им за терпение, поддержку и исправления. И как обычно, я в неоплатном долгу перед близкими за то, что они выносили меня эти долгие месяцы. Бонго и Туки выдержали проверку терпением, хотя обычно им не отличаются, а Уильям и Натаниель великодушно прощали мою вечную занятость и дурной нрав. Но прежде всего я хочу поблагодарить Гейл, которая не только оказывала мне логистическую и эмоциональную поддержку, но и долго и упорно трудилась на последних этапах создания этой книги. Может, мои долги и впрямь неизмеримы, но, по крайней мере, такова и моя ответная любовь и благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Летом 882 года близ Альфёльда, где между Альпами и Карпатами течет Дунай, Святополк, князь Моравский, и его люди захватили в плен Веринара, «среднего сына из троих сыновей Энгельшалька, и их родственника графа Веццелина, и отрезали им правые ладони, языки и — ужасная жестокость! — гениталии, так что ни следа их [гениталий] не осталось». Два аспекта в этом инциденте выделяются на фоне европейской истории 1-го тысячелетия.

Во-первых, моравы были славянами. Великая Моравия располагалась к северу от Дуная, приблизительно на территории нынешней Словакии, и с современной точки зрения тот факт, что славяне господствовали в этой части Центральной Европы, удивления не вызывает. Они живут там и сейчас. Но в начале 1-го тысячелетия и на протяжении следующих пятисот лет Словакия да и остальные земли вокруг нее находились под контролем германцев. Откуда же появились славяноязычные моравы?

Во-вторых, случай примечателен сам по себе. Несмотря на то что мы узнали о нем от франкского, а не моравского историка, и несмотря на описываемые ужасающие увечья, автор источника склонен сочувствовать славянам. Моравы пошли на это, утверждает он, чтобы отомстить и упредить новый удар. Они мстили за то, как отец Веринара Энгельшальк и его дядя Вильгельм обращались с ними, когда вдвоем отвечали за сохранность границы с франкской стороны. В-третьих, то была превентивная мера — они пытались помешать сыновьям Энгельшалька продолжить дело своего отца, заняв его место. При всей своей свирепости моравы не проявлялн ее без причины, и даже франкский летописец видел четкую цель за их

жестокостью. Они хотели, чтобы та часть границы управлялась приемлемым для них образом. Археологические свидетельства помогают рассмотреть это требование в исторической перспективе. Моравия была первым более или менее крупным славянским государством, появившимся в конце 1-го тысячелетия, и ее археологические остатки производят сильное впечатление. В Микульчице, моравской столице, исследователи обнаружили ряд массивных каменных перекрытий и руины великолепного собора площадью 400 квадратных метров — построек таких размеров не было в то время нигде, даже в теоретически более развитых регионах Европы[1]. Опять же, это весьма интересно на фоне общей картины 1-го тысячелетия. На рубеже двух эр в Моравии господствовали германцы, которые жили маленькими группками под управлением вождя — и не строили ничего серьезнее, чем чуть более крупные (в противовес чуть более мелким) деревянные хижины.

Описанное выше приграничное столкновение в конце IX века, таким образом, превосходно иллюстрирует проблему, лежащую в основе этой книги, — фундаментальную трансформацию варварской Европы в 1-м тысячелетии. Термин «варварская» используется на протяжении всей книги в довольно специфическом смысле, который включает в себя лишь часть того значения изначального греческого barbaros. Для греков, а затем и римлян слово «варварский» содержало коннотацию «низший» — во всем, от моральных устоев до поведения за столом. Оно значило «противоположный», «другой», было зеркальным отражением цивилизованного имперского Средиземноморья, которое объединила под своей властью Римская империя. Я же использую это понятие в более узком смысле, лишив его оценочной коннотации. Варварская Европа в данном исследовании означает не римский, не имперский мир востока и севера. При всех достижениях Средиземноморья, во всем, от философии до инженерии, оно оставалось миром, где считалось нормой скармливать людей диким животным ради развлечения, поэтому я даже не знаю, как можно сравнивать имперскую и варварскую Европу в моральном плане.

Эта история начинается с рожденнем Христа, когда европейские просторы были царством контраста. Круг Средиземноморья, недавно объединенной под властью Римской импе-

[1] *Фульдские* анналы (882) (об инциденте); Poulik (1986) (об археологии).

рии, был родиной цивилизации со сложным политическим аппаратом, передовой экономикой и развитой культурой. У этого мира была философия, банковская система, профессиональные армии, литература, потрясающая архитектура и система сбора мусора. В остальной Европе, помимо редких участков к западу от Рейна и к югу от Дуная, которые уже начинали маршировать под музыку Средиземноморья, проживали слаборазвитые земледельцы, собиравшиеся в маленькие политические образования. Большая ее часть находилась под господством германцев, которые умели изготавливать железные орудия труда и оружие, но работали по большей части с деревом, были практически безграмотны и не строили из камня. Чем дальше к востоку, тем проще все становилось — меньше железных орудий, менее продуктивные методы земледелия и низкая плотность населения. Таким был древний мировой порядок на западе Евразии: доминирующее Средиземноморье властвовало над отсталыми северными рубежами.

Перенесемся на тысячу лет вперед — мир изменился совершенно. Не только славяне сменили германцев в роли доминирующей силы в большей части Европы варварской, а часть германцев, в свою очередь, — римлян и кельтов в цивилизованной, но, что еще более важно, господству Средиземноморья пришел конец. В политическом ключе это было вызвано появлением более крупных и крепких государственных образований на старых северных рубежах, вроде уже упоминавшихся моравов, но политикой дело не исчерпывается. К 1000 году многие культурные модели Средиземноморья — не в последнюю очередь христианство, грамотность и каменные постройки — распространились на север и восток. И разумеется, модели организации человеческой жизни смещались к большей однородности во всей Европе. Именно эти новые государственные и культурные структуры навсегда разрушили древний мировой порядок, при котором над миром доминировало Средиземноморье. Варварская Европа перестала быть варварской. Древний мировой порядок уступил место культурным и политическим моделям, от которых и произошли таковые в современной Европе.

Общее значение этого передела влияния проявляется в том, что история многих европейских стран, хоть и с натяжкой, уходит корнями в новое политическое сообщество, образовавшееся приблизительно в середине и конце 1-го тысячелетия.

Но тем не менее большинство наций Европы никогда не смогут проследить свою историю дальше, хотя бы до рождения Христа, не то что во времена до н. э. В глубинном смысле политические и культурные трансформации 1-го тысячелетия стали свидетелями процесса рождения современной Европы. Ведь Европа — не столько географический, сколько культурный, экономический и политический феномен. С точки зрения географии это всего лишь западная часть огромного евразийского массива. Но подлинную историческую идентичность Европе дает появление сообществ, столь тесно взаимодействовавших друг с другом в политическом, экономическом и культурном плане, что у них появились важные общие черты, и впервые это сходство возникло в результате трансформации варварской Европы в 1-м тысячелетии.

Поскольку этот период стал ключевым для возникновения наций и разделения Европы на регионы, он давно привлек внимание ученых и широкой общественности. Варианты гипотез, в которых древние национальные сообщества возникали в тех или иных условиях, преподавались в школах, и с введением системы всеобщего образования осталось очень мало современных европейцев, которые незнакомы по крайней мере с приблизительной историей своих стран. Однако именно на этом этапе история становится весьма приблизительной.

Вплоть до недавнего времени научные и общественные представления об изучаемом периоде отдавали главную роль в истории иммигрантам всех видов и сортов, которые появлялись в разных местах в разные моменты тысячелетия. В середине германоязычные иммигранты уничтожили Римскую империю и создали первые государства, ставшие далекими предками современных. За ними пришли другие германцы, а следом и славяне, чьи действия поставили на место немало кусочков в европейской мозаике. Новые иммигранты из Скандинавии и степей ближе к концу тысячелетия завершили ее. Споры о деталях были весьма жаркими, но общая картина ни у кого не вызывала сомнений — массовая миграция мужчин и женщин, молодых и стариков, сыграла решающую роль в этой саге о создании Европы.

За последнее поколение, однако, согласие среди ученых по данным вопросам было нарушено, поскольку вдруг выяснилось, что проблемы эти были слишком просты. Не появилось никаких новых подходов, пересмотров, однако результатом

большого числа более поздних работ на эту тему стало принижение роли миграции, по крайней мере, некоторых из дальних предков современных европейских наций. К примеру, теперь нередко утверждают, что лишь очень малые объединения (если таковые вообще были) продвигались путями, по которым, как предполагалось, шла массовая миграция. Раньше считалось, что большие социальные группы регулярно передвигались по просторам Европы 1-го тысячелетия, а в последнее время стали доказывать, что переселялись очень немногие и к ним уже в процессе присоединялись другие, приобретавшие тем самым новую групповую идентичность. И куда более важную роль, чем миграция любого масштаба, в преображении варварской Европы за тысячу лет с рождения Христа, как показывает эта работа, сыграли внутренние экономические, социальные и политические трансформации.

Основная цель данной книги — предоставить подробный обзор становления Европы, который покажет полную картину, принимая в расчет все позитивные аспекты ревизионистского подхода, избегая при этом его ловушек. Как напоминает случай с моравами, формирование государства в ранее недоразвитой, варварской Европе, появление и рост все более крупных и цельных политических образований — это, по крайней мере, такая же, если не более важная часть истории 1-го тысячелетия, как миграция. Именно возникновение (к концу изучаемого периода) государств вроде Моравии на североевропейском политическом ландшафте не позволяло средиземноморским государствам вновь утвердить свое повсеместное господство, как то делала тысячу лет назад Римская империя. Тем не менее очень важно не перейти из одной крайности в другую и не начать утверждать, будто мигрантов было очень мало и все они с легкостью меняли групповую идентичность. Верный подход, как покажет эта работа, заключается в том, чтобы не отвергать миграцию, в том числе и перемещения больших групп, но проанализировать ее различные модели в контексте преобразований, происходивших тогда в варварской Европе.

В целом эта книга ставит перед собой еще более дерзкую задачу, нежели вернуть массовую миграцию в список важных феноменов 1-го тысячелетия, бесстрастно уместив ее в череде других трансформаций. Она покажет, что можно подвести единую теорию под трансформацию варварской Европы. При ближайшем рассмотрении процессы, повлиявшие как на фор-

мирование государств, так на конкретные формы миграции, правильнее всего понимать не как два разных вида трансформации, но как альтернативную реакцию на одни и те же стимулы. И те и другие необходимо рассматривать как реакцию на колоссальное неравенство между более и менее развитыми регионами Европы, которое имелось в начале н. э. И те и другие, на мой взгляд, сыграли свою роль в устранении этого неравенства. Миграция и формирование государств — тесно связанные феномены, которые уничтожили древний мировой порядок средиземноморского господства и заложили фундамент для возникновения современной Европы.

Глава 1
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ВАРВАРЫ

В апреле 1994 года около 250 тысяч человек покинули восточноафриканскую Руанду и направились в соседнюю Танзанию. В июле того же года невероятное количество людей — миллион — последовало их примеру и направилось в Заир. Они бежали от волны чудовищного насилия, которая была спровоцирована заказным убийством, имевшим на редкость печальные последствия. 6 апреля того года президент Руанды Жювеналь Хабиаримана и президент Бурунди Сиприен Нтарьямира погибли, когда их самолет потерпел крушение при попытке приземлиться в столице Руанды, — от двух ведущих либеральных политиков региона избавились одним ударом. Других либерально настроенных политиков в законодательных, исполнительных и судебных органах власти заставили замолчать схожим образом, и начались убийства — не только в городах, но и по всей стране. По подсчетам ООН, только в апреле погибло около 100 тысяч человек, а всего за время конфликта число жертв составило около миллиона. Единственным спасением оставалось бегство, и в апреле и июле мужчины, женщины и дети массово покидали страну, чтобы сохранить жизнь. Большинство беженцев оставляли все свое имущество, а также лишались качественной воды и пищи. Результаты были предсказуемы. За первый же месяц после июльского бегства в Заир погибли 50 тысяч человек, а за все время около 100 тысяч — одна десятая общего числа беженцев — умерло от холеры и дизентерии.

Руанда — один из самых трагических примеров миграции в современном мире, вызванной политическим кризисом. Чуть позже 750 тысяч косовских албанцев бежали в соседние государства, точно так же пытаясь спастись от вспыхнувшего в стране конфликта. Однако массовый отток беженцев, вызванный опасной ситуацией в стране, — лишь одна из причин

миграции. Куда чаще люди пытаются переехать в страну «побогаче» для того, чтобы улучшить качество своей жизни. Этот феномен встречается по всему миру. 200 тысяч из 3,5 миллиона человек уехали из Ирландской республики в 80-х годах — преимущественно в более богатые регионы Европы, хотя многие из них впоследствии после расцвета ирландской экономики вернулись, и уже сама Ирландия стала привлекать мигрантов, ищущих работу. Из различных народностей субсахарской Африки 15 миллионов человек проживают на Ближнем Востоке, 15 — в Южной и Юго-Восточной Азии, еще 15 — в Северной Америке и 13 — в Западной Европе. Причины столь масштабной миграции — ведь эти цифры очень велики, почти невообразимы — заключаются в огромной разнице в благосостоянии населения. Средний доход в Бангладеш, к примеру, составляет лишь одну сотую такового в Японии. Это означает, что житель Бангладеш, работающий в Японии всего лишь за половину средней заработной платы, за две недели получит столько же денег, сколько получил бы на родине за два года. Политическое насилие в сочетании с экономическим неравенством порождает миграцию — в самых разных формах, — которая является одной из важных черт современного мира.

В прошлом ситуация ненамного отличалась от нынешней. «История человечества — это история миграции»[1]. Это прописная истина, которая, как и большинство других, в широком смысле верна. В ней заключена основа всех имеющихся на сегодняшний день доказательств человеческой эволюции — ведь, эволюционировав в благоприятных условиях Африканского континента, различные виды гоминидов с помощью умения приспосабливаться, дарованного им более развитым мозгом, расселились практически по всем природным регионам планеты. Весь мир, в сущности, населен потомками переселенцев, ищущих себе прибежище.

Документированная история прошлого тысячелетия также содержит многочисленные примеры миграции, некоторые из них — особенно берущие начало в Европе — описаны на удивление подробно. Современные Соединенные Штаты Америки — феномен, созданный иммигрантами. До 60 миллионов европейцев переехали с 1820 по 1940 год в самые разные точки

[1] Bohning (1978), 11.

земного шара, из них 38 миллионов — в Северную Америку. Не стихающие волны испаноязычных иммигрантов означают лишь одно: американская история еще далека от завершения. Точно так же четверть миллиона человек эмигрировали из Испании в Новый Свет в XVI веке, еще 200 тысяч — в первой половине XVII. В те же самые века соответственно 80 тысяч и полмиллиона британцев переплыли северную часть Атлантического океана. Но чем глубже мы погружаемся в века, тем менее подробными и полными становятся записи. Ясно одно: миграция всегда была важным явлением. В расцвет Средневековья около 200 тысяч германоговорящих крестьян лишь за XII век переселились на территории к востоку от Эльбы, чтобы занять земли в Гольштейне, западном Бранденбурге и саксонских степях[1].

НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

Однако в этой книге рассматривается еще более отдаленное прошлое — Европа в 1-м тысячелетии н. э. Это мир, балансирующий на грани между историей и доисторической эпохой. Некоторые его регионы более-менее изучены благодаря письменным историческим источникам, другие — благодаря вещественным свидетельствам, археологическим остаткам. Их разнообразие и сочетания представляют собой известные сложности для ученых, однако нет никаких сомнений в том, что самые разные мигранты бороздили просторы Европы в 1-м тысячелетии после рождения Христа. Учитывая роль, которую переселение как феномен сыграло в истории человечества, было бы странно, если бы они этого не делали. В течение первых двух веков н. э. римляне двинулись за границы Италии, чтобы принести блага городской жизни и центральное отопление в другие крупные регионы Западной Европы. Однако именно переселение так называемых варваров за

[1] С полезными обзорами современных свидетельств можно ознакомиться в следующих работах: Salt и Clout (1976); King (1993); Collinson (1994), 1–7, 27–40; Holmes (1996); Cohen (1995), (1996), (1997), (2008); Vertovec and Cohen (1999). Кэнни (Canny (1994) приводит обзор источников о миграции в раннее Новое время. 200 тысяч германоязычных крестьян: Kuhn (1963), (1973); Bartlett (1993), 144–145; и более общие исследования — Phillips (1988), (1994).

границы имперской Европы давно считается главной чертой 1-го тысячелетия.

Кем были эти варвары, где и как они жили незадолго до того, как в Вифлееме родился Христос?

ВАРВАРСКАЯ ЕВРОПА

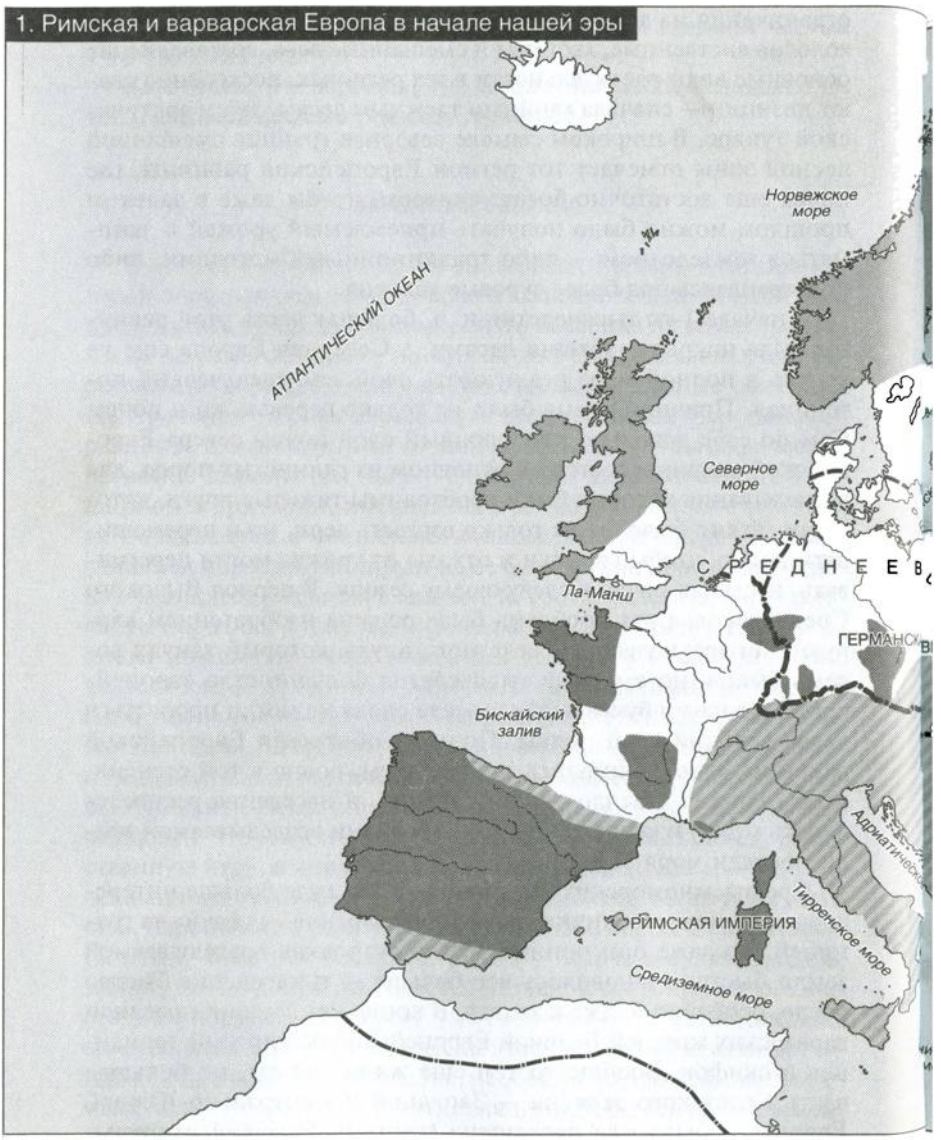
В начале 1-го тысячелетия имперская Европа, границы которой определялись лишь мощью и количеством легионов Рима, протянулась от Средиземноморского бассейна на север практически до самого Дуная и на восток до Рейна. Дальше жили европейские варвары, занимавшие отдельные горные области в Центральной Европе и большую часть Великой Европейской равнины, самый крупный из четырех основных географических регионов Европы (см. карту 1). Однако целостность этой обширной территории, имеющаяся в ее геологической структуре, не наблюдается в социально-экономической сфере. Тяжелая глиняная порода доминирует на ее бескрайних просторах, однако имеющиеся различия в климате и, соответственно, растительности породили существенную неравномерность и в плодородности земель, что очень важно для сельского хозяйства — оно зависит как от продолжительности посевного периода, так и от богатства самой почвы. Западные регионы, и в особенности Южная Британия, Северная Франция и страны Бенилюкса, подвержены влиянию атлантических погодных явлений, в них умеренные, влажные зимы и прохладные летние месяцы с обильными осадками. Почему именно британцы изобрели крикет, единственную игру, в которую нельзя играть под дождем, — одна из величайших загадок истории. В центральных и восточных регионах Европейской равнины климат больше похож на континентальный, зима там холоднее, а лето — жарче и суше. Средняя зимняя температура понижается дальше к востоку, и в юго-восточном направлении также уменьшается количество осадков, выпадающих летом. Исторически это явление оказывало значительное влияние на земледелие, особенно до эпохи Нового времени, когда технологии земледелия не отличались разнообразием. На юго-востоке, даже в знаменитых своим плодородием черноземных районах Украины, урожайность была ограничена малым количеством осадков летом и поселения появлялись преимущественно в речных долинах. На севере и востоке серьезные

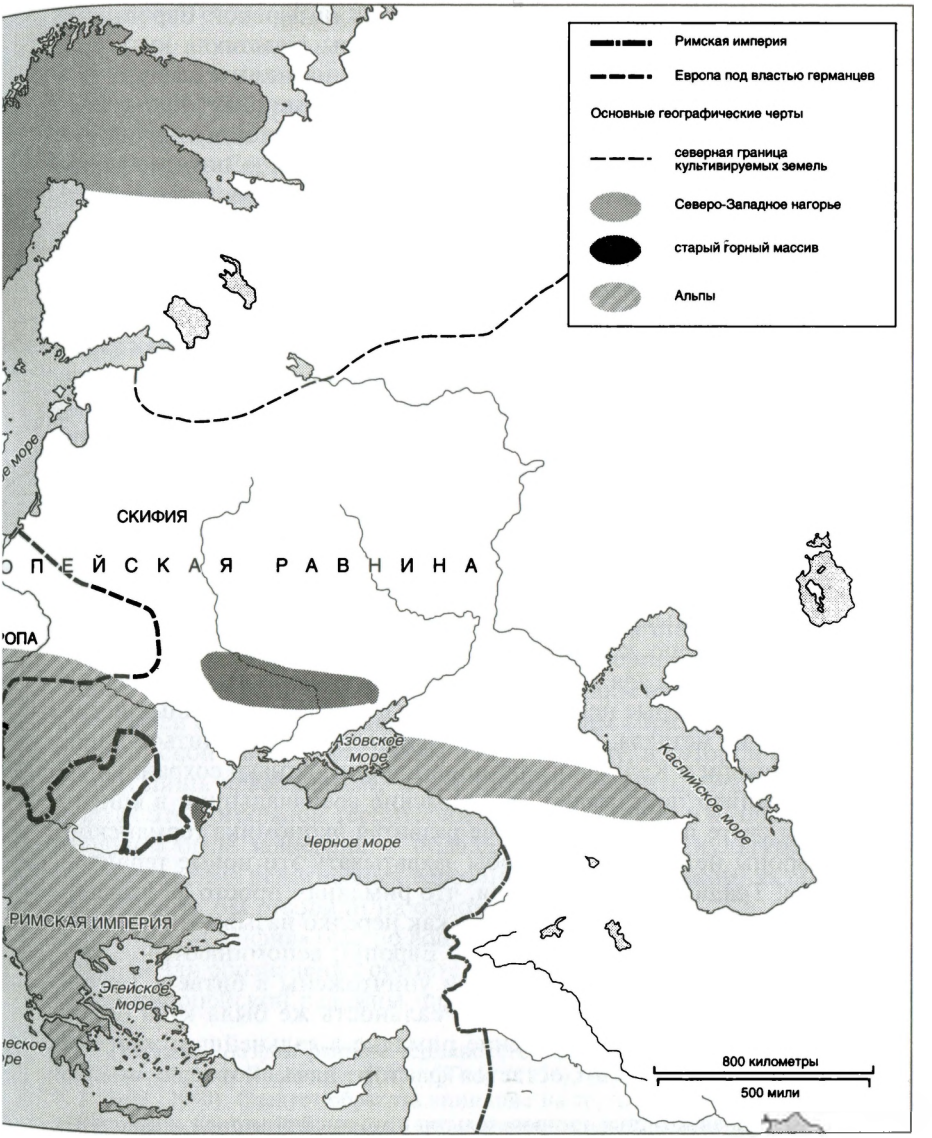
ограничения на земледелие накладывали суровые зимы. Из-за холодов лиственные, хвойные и смешанные леса, составляющие основные виды растительности в тех регионах, постепенно сдают позиции — сначала хвойным таежным лесам, затем арктической тундре. В широком смысле северная граница смешанной лесной зоны отмечает тот регион Европейской равнины, где почва еще достаточно богата гумусом, чтобы даже в далеком прошлом можно было получать приемлемый урожай и заниматься земледелием — либо традиционными методами, либо подстраиваясь под более суровые условия.

В начале 1-го тысячелетия н. э. большая часть этой равнины была покрыта густыми лесами, а Северная Европа еще не успела в полной мере реализовать свой земледельческий потенциал. Причиной тому были не только деревья, но и почва. Сам по себе довольно плодородный слой почвы севера Европейской равнины состоит в основном из глинистых пород, для возделывания которых были необходимы тяжелые плуги, которыми можно было бы не только взрезать дерн, но и перемешивать землю, чтобы сорняки и отходы от урожая могли перегнивать, насыщая почву к следующему сезону. В период Высокого Средневековья эта проблема была решена изобретением каруки, четырехколесного железного плуга, который тянули восемь быков, но в начале тысячелетия большинство европейских варваров в буквальном смысле слова не могли прорваться через верхний слой почвы. Поэтому обитатели Европейской равнины мало занимались земледелием, ровно в той степени, чтобы урожая хватило для выживания, и население распределялось между изолированными островками возделываемой земли посреди моря зелени.

Средиземноморских историков всегда куда больше интересовали соотечественники, нежели варварские «чужаки» за границей, но даже они понимали, что островков возделываемой земли быстро становилось все больше — и население быстро росло, особенно ближе к западу. В конце концов они поделили варварских жителей Великой Европейской равнины на германцев и скифов. Вообще-то там еще жили кельты, но большая часть Кельтского региона — Западной и Центрально-Южной Европы — была уже поглощена армиями Римской империи. И в начале 1-го тысячелетия жители этих земель не желали иметь с варварами ничего общего; там царствовал латинский язык, имелись города и свалки для мусора. Археологические

1. Римская и варварская Европа в начале нашей эры

Римская империя
Европа под властью германцев
Основные географические черты
северная граница культивируемых земель
Северо-Западное нагорье
старый горный массив
Альпы
СКИФИЯ
Азовское море
Черное море
Каспийское море
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
Эгейское море
800 километры
500 мили

находки указывают на то, что граница имперской Европы не случайно была проведена именно здесь. Кельтская культура доримского периода знаменита своим узнаваемым стилем, часто находившим выражение в работах по металлу. Кельтские поселения того периода также обладали развитой культурой во многих аспектах материального благополучия — помимо всего прочего, там процветало гончарное дело (производство велось с помощью гончарных кругов), встречались поселения, обнесенные стенами (так называемые оппидумы), применение железных орудий труда позволило создать довольно развитую систему земледелия[1].

Материальные свидетельства, оставленные германцами того же периода, по сравнению с кельтскими менее сложны и многочисленны. Типичные находки в германской Европе включают в себя захоронения праха в урнах с немногочисленными дарами для загробной жизни, глиняную посуду, сделанную вручную, а не на гончарном круге; у них не было развитого кузнечного дела, никаких оппидумов. Общий уровень земледельческих работ в районах, заселенных германцами, был не таким высоким. Причина заключалась в том, что экономика германской Европы меньше опиралась на земледелие, чем в соседних с ними регионах кельтов, и, разумеется, там было куда меньше возможностей для развития ремесел — кузнечного дела или искусства, которые необходимы для изготовления сложных предметов из металла. Римляне не собирались ограничиться лишь завоеванием Кельтского региона Европы, однако сохранившиеся записи показывают, что римские военачальники в конечном счете поняли, что менее развитая экономика германской Европы не стоит того, чтобы захватывать эти новые территории. Традиционно считается, что римлянам просто не удалось покорить германцев (Germani, как нередко называют германоязычные племена, населявшие Европу); вспоминают, что три легиона Квинтилия Вара были уничтожены в битве в Тевтобургском лесу в 7 году н. э. Реальность же была куда более прозаична. За это поражение римляне в дальнейшем жестоко отомстили, но факт остается фактом: дань, которую можно

[1] Для знакомства с миром кельтов в доримский период можно изучить, например, следующие работы: Cunliffe и Rowley (1976); Cunliffe (1997); James (1999). На самом деле прямых параллелей между кельтами и оппидумами нет, но римское завоевание не слишком продвинулось за границы культурного пространства последних: см.: Heather (2005), 49—58.

было брать с покоренной германской Европы, не окупила бы затрат ни на завоевание, ни на последующее размещение на той территории римских гарнизонов.

В результате вскоре после Рождества Христова различные германоязычные племена получили в свое распоряжение обширные просторы Европы между Рейном и Вислой (см. карту 1). Соответственно, основные социальные и политические объединения германцев были небольшими. Тацит в I веке и Птолемей во II-м предоставили список племен, вызывающий недоумение, — их можно разместить на карте лишь приблизительно. Однако совершенно ясно одно: этих политических объединений («племен», если вам так угодно, хотя у этого слова наличествуют не вполне приемлемые коннотации) было так много, что каждое отдельно взятое «племя» было, по всей вероятности, невелико.

Но не весь этот регион оказался под властью германцев — или, по крайней мере, не всегда был их собственностью. Греко-римские источники утверждают, что германская Европа периодически увеличивалась в размерах, хотя в них не содержится сколько-нибудь подробных сведений об указанном процессе. К примеру, германоязычные бастарны двинулись к юго-востоку от Карпат в конце III века до н. э., чтобы стать главной силой на территориях к северо-востоку от Черного моря. На рубеже тысячелетий германоязычные маркоманы изгнали кельтских бойев с горных склонов Богемии. Таким образом, говоря о германской Европе, мы имеем в виду Европу, в которой германцы лишь *преобладают*, и нет причин полагать, будто все народы этой огромной территории — часть которой в недавнем прошлом была завоевана — обладали однородной культурой (с точки зрения религиозных верований или социального уклада) или хотя бы говорили на одном языке[1].

Термин «Скифия» быстро вошел в обиход греко-римских географов для обозначения обитателей восточных регионов Восточно-Европейской равнины, протянувшихся от реки Вислы и

[1] Полезные обзоры раннего германского мира представлены в следующих работах: Hachmann (1971); Todd (1975), (1992); Kruger (1976), т. 1; Pohl (2000). Следует обратить внимание на то, что в некоторых из указанных исследований присутствует заметная тенденция избегать дискуссии о германских племенах, находившихся близ Вислы и к востоку от нее. Это последствие нацистской эпохи — в то время тот факт, что древние германоязычные племена однажды населяли эти земли, использовался как повод для территориальной агрессии.

предгорий Карпат до Волги и Кавказа (см. карту 1). В греческой географии и этнографии эти земли нередко изображались как дикие края, архетипичное «другое», зеркальное отражение греческой цивилизации. А обитателям этого мира приписывались обычаи, свойственные самым нецивилизованным народам, — ослепление, снятие скальпов, порка, нанесение татуировок и даже питье вина, не разбавленного водой. На деле же территорию, обозначаемую этим понятием, населяли самые разные народности. В долинах великих рек, плавно несущих свои воды с восточных окраин Великой Европейской равнины к югу, имелись плодородные земли, пригодные для возделывания, по крайней мере в пределах температурных зон, свойственных лесостепи. К югу лежали куда более засушливые степи, где на поросших травой просторах паслись стада, принадлежащие кочевникам. Дальше к северу и востоку земледелие постепенно сдавало позиции, уступая место собирательству и охоте, процветавшим до самого Полярного круга[1].

Из разнообразных народностей только кочевники в дальнейшем сыграют важную роль в нашем рассказе о преображении варварской Европы в 1-м тысячелетии, но и то косвенную, а следовательно, нет необходимости подробно описывать их уклад. Довольно будет сказать, что к началу этого периода племена кочевников уже давно скитались по землям к юго-востоку от Карпатских гор и к северу от Черного моря. Географически этот район опять-таки является частью Великой Европейской равнины, однако скудость летних осадков делает земледелие здесь по меньшей мере сложным, если не невозможным. К востоку от Дона дожди столь редки, что без ирригации заниматься сельским хозяйством попросту невозможно, а поскольку эта технология не была принесена в эти земли в античную эпоху, там сохранялась лишь традиционная степная растительность — трава. К западу от Дона влаги для культивации достаточно, однако эти долины находятся слишком близко к засушливой зоне, недалеко от побережья Черного моря, где опять же начинаются степи. Поэтому не следует удивляться тому, что господство над этой территорией во времена Античности получали то кочевые

[1] Интересный, современный, подробный обзор приведен в следующей работе: Batty (2007). О том, какую важную культурную роль играла Скифия в формировании греческой картины мира, можно узнать в работе Braund (2005).

народы, то оседлые племена земледельцев. По рождению Христа германоязычные бастарны и певкины, пришедшие в эти земли в III веке до н. э., по-прежнему оставались их полноправными хозяевами, однако вскоре их разбили кочевые племена сарматов, пронесшиеся по этим степям в I веке н. э.[1]

К северу от лесостепи восточные регионы Восточно-Европейской равнины покрыты лесами, ближе к северу — преимущественно хвойными. Здесь средняя зимняя температура ниже, в почве меньше гумуса и условия для земледелия куда менее благоприятные. Этот мир был почти незнаком жителям Средиземноморского региона в начале 1-го тысячелетия. В своем труде «Германия» Тацит помещает охотников и собирателей феннов на дальнем севере, а еще одно племя, венедов, между ними и германцами — певкинами, в предгорья Карпатских гор: «Венеды перенялн многое из их [сарматов] нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой». Живший раньше Плиний также слышал о венедах, как он их называет, но не сообщил о них абсолютно никаких подробностей, и даже географ II века Птолемей знал о них очень немногое — только названия некоторых племен. Эта земля была менее таинственной, чем та, что лежала за ней, где люди имели «человеческие лица, но тела зверей», но лишь совсем ненамного.

Археологические свидетельства рисуют довольно простую картину жизни обитателей лесных зон Восточной Европы на рубеже двух эр. Как можно предположить по сведениям Тацита о наличии постоянных поселений, это был мир земледельцев, но земледельцев, обладавших крайне простой культурой, менее развитой даже, чем у племен, живущих дальше к западу в германской Европе. Остатки глиняной посуды, орудий и поселений настолько незамысловаты, что невозможно даже установить особенности стиля или хотя бы отнести находки к определенной эпохе, поскольку развитие в первой половине 1-го тысячелетия н. э. происходило слишком медленно. Археологические свидетельства позволяют предположить, что здесь преобладали немногочисленные, изолированные друг от друга поселения зем-

[1] В работе Хазанова (1984) приводится замечательный обзор мира степи.

ледельцев, средств к существованию у них было еще меньше, чем у германцев, почти не оставалось излишков продовольствия, не было торговых связей с более богатым миром Средиземноморского региона к югу от них. Этническая и лингвистическая принадлежность этих живущих в лесах венедов стала предметом жарких споров, особенно в вопросе родства с другими племенами, говорящими на славянских диалектах, которые стали играть важную роль в Европе с начала второй половины 1-го тысячелетия. Мы вернемся к этому вопросу в главе 8, однако, на мой взгляд, место, где на рубеже тысячелетий с наибольшей вероятностью могли обитать славяне или их предки, — земли между этими простыми фермерскими поселениями и восточными окраинами Великой Европейской равнины[1].

Таким образом, с незначительными упрощениями варварская Европа в начале 1-го тысячелетия может быть разделена на три основные зоны. Дальше всего к западу и ближе к Средиземному морю жили наиболее цивилизованные народы, с высоким уровнем сельскохозяйственного производства и материальной культурой, о чем свидетельствуют хорошо развитые ремесла — гончарное и кузнечное дело, продукты которых разнообразны и изысканны. В этом регионе уже давно прочно обосновались кельтские племена, и многие из них попали под владычество Рима. Дальше к востоку лежала Европа, в которой господствовали германцы, сельское хозяйство там было менее развитым, как и, соответственно, материальная культура. Однако даже у германцев земледелие процветало по сравнению с обитателями лесов Восточной Европы, почти не оставившими следов собственной материальной культуры. В этом кратком обзоре нет почти никаких противоречивых фактов — разве что место жительства первых славян остается спорным. Однако еще более спорной является роль, которую сыграло переселение народов в удивительной трансформации варварской Европы, произошедшей в течение следующего тысячелетия.

[1] *Тацит.* Германия. 46.2 (ср.: 46.4 о том, что было дальше), см.: *Плиний.* Естественная история. 4.97; *Птолемей.* География. 3.5.1, 7. О географии и археологических свидетельствах экономической и социальной жизни регионов см.: Dolukhanov (1996). На границе русской лесной зоны названия большинства рек скорее балтийского, чем славянского происхождения, это характерно даже для тех территорий, где господствовали славяне к концу 1-го тысячелетия н. э. Неясно, были венеды Тацита славяно- или балтоязычными или же являлись носителями общего праязыка (см. главу 8).

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВАРВАРОВ И 1-Е ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

Тот факт, что переселение народов так или иначе имело место в варварской Европе в 1-м тысячелетии, признается всеми. Однако общая картина остается противоречивой. До Второй мировой войны миграция рассматривалась как явление чрезвычайной важности, сыгравшее ключевую роль в преображении варварской Европы — этакий хребет, сформировавший облик тысячелетия. Масштабная миграция германцев в IV и V веке н. э. разрушила Западную Римскую империю и принесла лингвистические и культурные новообразования на север. В эту эпоху готы, жившие на северном побережье Черного моря, прошли больше 2 тысяч километров к юго-западу современной Франции — тремя скачками на протяжении тридцати пяти лет (ок. 376—411 н. э.). Вандалы из Центральной Европы преодолели в два раза более длинный путь и пересекли все Средиземноморье, оказавшись в итоге (опять-таки за три перехода) в центральных провинциях Северной Африки, входившей в Римскую империю. На это у них ушло тридцать три года (ок. 406—439 н. э.), в этот период вошла и довольно продолжительная остановка в Испании (411—430). Тогда же произошел крутой поворот в истории Британских островов — с приходом туда англосаксонских иммигрантов из Дании и Северной Германии.

Однако еще более важную роль (хотя с этим можно поспорить) сыграла миграция славян. Их происхождение всегда было предметом горячих споров, однако, откуда бы они ни взялись, не приходится сомневаться в одном: сравнительно малочисленные прежде, в VI веке, племена, говорящие на славянских диалектах, расселились по обширным регионам Центральной и Восточной Европы. Значительную часть этих земель до того занимали германские народы, поэтому приход славян ознаменовал собой серьезные перемены в культуре и политике. Так появилась третья обширная лингвистическая зона современной Европы (вместе с романскими и германскими языками), и границы между ними мало менялись с самого своего появления. Переселение скандинавов в IX и X веках завершило тысячелетие массовой миграции. В Атлантике впервые были колонизированы совершенно новые территории — Исландия и Фарерские острова, в то время как мигранты-викинги в Западной Европе основали Данелаг в Англии и герцогство Нормандия на континенте. Дальше к востоку другие скандинавские

переселенцы сыграли важную роль в создании первого Русского государства, Киевской Руси, появление которого установило основные границы в Европе вплоть до наших дней[1].

Ни один из подходов к этим переселениям и оценке их значимости не получил всеобщего признания. Многие детали, как станет ясно в последующих главах, всегда были и останутся весьма противоречивыми. Однако твердая уверенность в том, что миграция варваров сыграла крайне важную роль в формировании Европы в 1-м тысячелетии, была характерной чертой всех европейских научных подходов вплоть до 1945 года. Самые именитые ученые провозглашали это утверждение несомненным. Считалось, что мигранты 1-го тысячелетия установили основные лингвистические зоны современной Европы — границы между регионами, в которых жили носители романских, германских и славянских языков. Однако переселению народов отводилась ключевая роль и в глубинных проблемах. Считалось, что отдельно взятые группы переселенцев заложили основы таких крупных и долго существующих политических единиц, как Англия, Франция, Польша и Россия, не говоря уже о прочих славянских государствах, которые завоевали независимость от многонациональных империй Европы в XIX и XX веках. В период между двумя мировыми войнами количество современных европейских государств, которые могли проследить свою историю вплоть до появления в 1-м тысячелетии первых переселенцев, поражало. Это общее видение прошлого в дальнейшем получило название «великий нарратив». Споры из-за отдельных деталей так до конца и не утихли, но это не имело особого значения. Важно одно: многие нации, населяющие современную Европу, считали, что корни их самобытности уходят в далекое прошлое, к тому или иному моменту в переселении народов 1-го тысячелетия[2].

Неотъемлемой частью этого нарратива было своеобразное видение природы народностей, которые переселялись из одно-

[1] Кочевники тоже сыграли свою роль: гунны — в падении Римской империи, авары — в славянизации Центральной и Восточной Европы, мадьяры и булгары — в основании двух независимых политических образований, чья продолжительная история определила существование современных Венгрии и Болгарии.

[2] Исследования, посвященные культурной значимости подъема национализма, весьма многочисленны, см., например: Gellner (1983); Anderson (1991); Geary (2002).

го региона в другой. Многие из этих переходов не получили подробного освещения в исторических источниках, некоторые — никакого вовсе. Однако сохранившиеся исторические источники нередко сообщают о больших группах мужчин, женщин и детей, которые весьма целеустремленно двигались от одного региона к другому. Эти сведения нашли у ученых живейший отклик. Поскольку группы мигрантов рассматривались как прародители чего-то большего — народов, которых ждала долгая история и которые в конечном счете дали жизнь нациям современной Европы, — казалось вполне естественным применить эту точку зрения ко всем переселенцам. Таким образом, все группы мигрантов 1-го тысячелетия — встречались они в исторических источниках или нет — стали рассматриваться как крупные народности, обладающие самобытной культурой, самовоспроизводящиеся, этнически однородные группы, которые передвигались из пункта А в пункт Б, не встречая никаких преград и не испытывая стороннего влияния. Хорошей иллюстрацией, наглядно объясняющей суть процесса миграции, может стать обитый зеленым сукном стол, по которому катаются бильярдные шары. Что-то может заставить их двинуться из одной части стола в другую (обычно основной причиной мнграции считали перенаселение), но все шары, проходя свой путь, остаются нензменными до конца перемещения. Именно так рассматривали в первую очередь переселение германских племен с IV по VI век, в меньшей степени — скандинавов и славян. Современные славянские нации — сербы, хорваты и словенцы, к примеру, могут проследить свою историю вплоть до соответствующих народностей, переселившихся в эти земли в 1-м тысячелетии[1].

[1] В источниках раннего Нового времени и последующих эпох часто фигурируют семьи переселенцев. Более современные изучаемому периоду римские источники также иногда упоминают (в тех редких случаях, когда об этом вообще заходит речь) о том, что вместе с воинами были женщины и дети. (Я намеренно здесь упрощаю суть, поскольку сами свидетельства будут рассмотрены в последующих главах.) У историков, изучающих падение Римской империи, встречаются два основных подхода к переселению германцев: для одних оно причина падения империи, для других — следствие. С подробным обзором широты мнений по данному вопросу см.: Demandt (1984) и Ward Perkins (2005). Учитывая влияние славян, некоторые исследователи пытались обнаружить скопление славянских народностей в Центральной и Восточной Европе во времена бронзового века, однако доказательства остаются неубедительными (см. главу 8). Полезное исследование традиционного подхода к

Однако нарратив о 1-м тысячелетии и сам был лишь частью еще более грандиозного нарратива, который касается заселения Европы в доисторические времена. Рождение Христа стало поворотным моментом, когда письменные исторические источники стали более или менее многочисленными и в них содержались сведения об обширных регионах Европы к северу от Альп. Реконструкция более отдаленного прошлого базировалась полностью на археологических находках, и оно представлялось — до 1945 года — как последовательное замещение более «развитыми» народностями друг друга в качестве доминирующей силы в Европейском регионе. Первые фермеры позднего каменного века пришли с востока, вытеснив охотников и собирателей, жители медного века потом сделали то же самое с ними, затем любители бронзы сместили своих предшественников, и так до тех пор, пока мы не доходим до железного века и 1-го тысячелетия н. э. Подробности этой цепочки нас не касаются, однако необходимо осознать, что модель миграции, почерпнутая из текстов 1-го тысячелетия, в которой сплоченные группы мужчин, женщин и детей целенаправленно преодолевают немалые расстояния, чтобы захватить новые земли, применялась и для объяснения событий более отдаленного прошлого, для расшифровки археологических находок, относящихся к доисторической Европе. Ученые считали фактом то, что в 1-м тысячелетии при миграции пришлые вытесняли местных, и тот же принцип применяли к древним временам: по аналогии так же когда-то первые земледельцы, по их мнению, вытеснялись теми, кто освоил медь, затем бронзу и железо, другими словами, все новые группы рассматривались как пришлые чужаки, стремившиеся утвердить свое господство в Европе[1]. И в рамках этого самого грандиозного нарратива о заселении Европы избранный нами период, таким образом, знаменовал конец и начало. Это время последних из многочисленных масштабных миграций, формировавших облик континента с последнего ледникового периода, и появления европейских народов как сообществ

изучению викингов см.: Sawyer (1962), глава 1. Судьба националистической идеологии также привела к преуменьшению значения «норманнской теории», в соответствии с которой викинги стали основателями первого Русского государства (см.: Melnikova (1996), глава 1, а также главу 9 данной книги).

[1] Childe (1926), (1927).

с долгой историей (то есть групп, практически не затронутых дальнейшей миграцией), сохранившихся до наших дней. Тогда же появилась модель миграции, по которой была представлена вся история Европы. Повсеместная распространенность этой модели и является ключом к пониманию того, насколько сильным было ее влияние в последующих интеллектуальных построениях.

ВЕЛИКИЙ СПОР О ПЕРЕСЕЛЕНИИ

С 1945 года так много ключевых элементов в нарративе о миграционном прошлом Европы было поставлено под сомнение, что старые, казавшиеся незыблемыми положения этой теории лишились основ. В некоторых регионах Европы привычное, старое построение еще удерживает позиции, однако (и особенно в англоговорящих академических кругах) переселение народов было низложено до очередной вехи в исторической драме, которая теперь касается преимущественно трансформации Европы, вызванной внутренними причинами. Эта интеллектуальная революция оказалась столь значительной, а ее воздействие на более поздние трактовки миграционных процессов 1-го тысячелетия было таким сильным, что наши дальнейшие изыскания будут лишены смысла без понимания ее основных положений. Ключ к ним — порожденное послевоенной эпохой новое понимание того, каким образом люди объединяются, создавая более крупные социальные единицы.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Может показаться странным, что, говоря о миграции, в первую очередь я заостряю внимание на вопросе национальной идентичности, однако старый «великий нарратив» европейской истории неразрывно связал феномен переселения народов и самоопределение племен, по крайней мере в 1-м тысячелетии. Тому есть две основные причины. Во-первых, миграционная модель «бильярдного стола», легшая в основу старого нарратива, предполагает, что люди всегда приходили в новые земли организованными группами из мужчин, женщин и детей, которые не контактировали с чужаками и поддерживали свою

численность с помощью эндогамии (то есть браков, заключаемых исключительно между представителями одной и той же социальной группы). Во-вторых, при прежнем подходе национальная идентичность играла важную роль, поскольку предполагалось наличие непременной и очевидной связи между переселявшимися народами 1-го тысячелетия и нациями современной Европы с похожими названиями. Так, поляки были прямыми потомками славянских полян, англичане — англосаксов и т. д. Наличие национальной идентичности у этих народов было общепринятым, неизменным «фактом», наделявшим современные нации древним наследием, которое перевешивало притязания других политических образований. Там, где сами нации не могли восторжествовать на законных основаниях, играя роль главенствующей политической силы, появились новые формы власти (вроде многонациональных империй Центральной и Восточной Европы), которые навязали свою волю силой, и такое правительство необходимо свергнуть. Оба этих положения в итоге оказались неверными.

Зверства нацистов сыграли ключевую роль, заставив историков наконец пересмотреть смелое предположение, возникшее на пике европейского национализма в конце XIX — начале XX века, о том, что нации существовали всегда и были единственно верным способом организации крупных сообществ. В руках нацистов эти идеи вылились в притязания на Lebensraum («жизненное пространство» — немецкая концепция захвата и освоения земель к востоку от Германии, распространенная в 1890—1940 гг., особый интерес приобрела, когда у власти находилась НСДАП. — *Пер.*), основанные на том, сколько европейских земель в свое время контролировали древние германцы. К этому добавилась уверенность в превосходстве германской расы — а в результате появились концентрационные лагеря. Возможно, этот вопрос и без того рано или поздно вновь привлек бы внимание историков, однако радикальные проявления зашедшего слишком далеко национализма послужили мощным стимулом для переосмысления собственного прошлого. При более вдумчивом рассмотрении предположение о том, что древние и современные носители соответствующих языков каким-то образом обладают общей и непрерывно развивавшейся национальной идентичностью, оказалось лишенным всяческой основы. Нации, выдвинувшиеся на политическую арену в XIX веке в Европе, возможно, действительно появились в далекие времена, однако они не были воз-

вращением к корням, к фундаментальному сообществу, некогда якобы существовавшему, но давно забытому. Без средств массовой коммуникации, ставших доступными в XVIII веке, было бы попросту невозможно связать огромные по численности и географически удаленные друг от друга разрозненные народности в национальные сообщества. Племенная идентичность не могла образоваться в ранние эпохи без помощи каналов связи, газет, железной дороги, без всего этого не мог сложиться мир, в котором слово «земля» имело бы одинаковое значение, скажем, для всех жителей Британии. Появление современного национализма потребовало совместных и сознательных усилий ученых, создававших национальные словари, описывавших национальные костюмы, собиравших танцы и народные сказки, с помощью которых впоследствии можно было «замерить» этничность (мне всегда представлялось, что эти люди чем-то похожи на профессора Турнесоль из «Приключений Тинтина»). Те же индивидуумы затем создали образовательные программы, скрепившие с трудом найденные элементы национальной культуры в самовоспроизводящийся культурный комплекс, которому можно обучать в школе и таким образом донести его до еще большего числа людей — во времена, когда всеобщее начальное образование быстро становилось (впервые в истории Европы) нормой. Появление национализма — само по себе великий миф, справедливо привлекший к себе внимание последнего поколения ученых. Однако вывод, к которому мы приходим, прост и ясен. В 1-м тысячелетии Европа вовсе не была заселена большими объединениями народов, сознающих свою принадлежность к определенной нации и национальные особенности, которые определяли их жизнь и занятия. Таковые особенности, вполне сформировавшиеся в XIX и начале XX века, нельзя проецировать на далекое прошлое[1].

Результатом переосмысления националистского феномена были не менее революционные выводы, к которым пришли социологи, изучающие вопросы о том, как — и в какой степени — индивидуумы чувствуют свою принадлежность той или иной групповой идентичности. В 50-х годах мир перевернулся, когда антрополог Эдмунд Лич, исследовавший феномен идентичности

[1] С общей концепцией соглашаются все ученые (например, Смит (Smith (1986), в том числе те, кто стремится выявлять цельные и крупные групповые идентичности в эпохе до национализма.

в холмах Северной Мьянмы, сумел показать, что групповая идентичность индивидуума не всегда включает в себя культурные черты, которые можно отследить, будь то материальные аспекты (типы домов или глиняной посуды) или нематериальные (общие социальные ценности, устои веры и т. д.). Люди, обладающие схожими культурными чертами (включая и язык — один из главных символов групповой идентичности в националистскую эру), могут считать себя принадлежащими к разным социальным группам, а люди с разными культурами — к одной. Таким образом, идентичность, в сущности, связана с восприятием, а не со списком определенных показателей: восприятие идентичности индивидуумом кроется в его собственном сознании и в том, как его самого воспринимают окружающие. Культурные черты могут выражать идентичность, но не определять ее. Шотландец может носить килт, но и без него он останется шотландцем.

В дальнейшем это положение было подтверждено многочисленными исследованиями, и появился совершенно иной взгляд на связи, определяющие идентичность группы людей — по сравнению с тем, который имел место до Второй мировой войны. Вплоть до 1945 года идентичность рассматривалась как данность, нечто неотъемлемое, определяющее жизнь любого индивидуума. Однако исследования ученых, вдохновленных работой Лича, показали, что групповая идентичность индивидуума может меняться и меняется и отдельный индивидуум может обладать не одной групповой идентичностью, а иногда даже выбирать одну из нескольких в зависимости от того, какая сейчас выгоднее. В нашем постнационалистском мире это вызывает куда меньше удивления, чем шестьдесят лет назад. У моих сыновей будут и американские, и британские паспорта, хотя до 1991 года в восемнадцать лет им пришлось бы выбирать между первым и вторым (тогда двойное гражданство в Соединенных Штатах существовало только с Израилем и Ирландией — интересное сочетание); граждане ЕС обладают идентичностью своей родной страны — и Европейского союза. И вместо того чтобы считаться, как раньше, доминирующим фактором, определяющим ход всей жизни человека, групповая идентичность теперь играет куда более скромную роль. Особое значение в изучении истории 1-го тысячелетия имеет сборник статей норвежского антрополога Фредрика Барта, выпущенный в 1969 году. В общем и целом в его работах идентичность по-

казана лишь как общая стратегия личностного развития. По мере того как меняются обстоятельства, делая одну групповую идентичность более выгодной, чем другая, индивидуум меняет и свою приверженность ей. Знаменитое описание этого феномена Бартом, предложенное во введении к упомянутому сборнику, гласит, что групповую идентичность необходимо понимать как «эфемерное ситуационное построение, а не прочный, долговечный факт»[1].

Эта работа уводит нас бесконечно далеко от пре́дставления о том, что у человека должна иметься одна стабильная национальная идентичность, которая определяет, кто он такой, всю его жизнь, — от представления, которое не только не подвергалось сомнению в эпоху национализма, но и легло в основу тогдашней модели миграции, в свою очередь послужившей базисом «великого нарратива» о развитии Европы в 1-м тысячелетии (да и в более отдаленном прошлом). «Бильярдная» модель миграции категорически утверждала, что переселенцы перемещались полноценными социальными группами, закрытыми для чужаков, поддерживавшими свою численность посредством эндогамии, обладавшими собственной культурой и заметно отличавшимися от любой из других групп, которые они могли встретить на своем пути. Это представление отчасти основывалось на отдельных исторических источниках, как мы уже видели, однако по большей части — на популярных теориях о том, как организовывались человеческие сообщества, поскольку упомянутые письменные источники немногочисленны и разрозненны. Как только националистские положения о групповой идентичности были подорваны, открылся сезон охоты на «великий нарратив», который так уверенно опирался на них.

НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ?

Затем эстафету переосмысления далекого прошлого Европы с постнационалистской точки зрения перехватили археологи. Традиционные подходы к европейской археологии заключались в нанесении на карту основных сходств и различий

[1] Leach (1954); Barth (1969), 9. Также более современные обзоры, например: Bentley (1987); Kivisto (1989); Bacall (1991).

в археологических находках, датированных приблизительно одним периодом, в определенном регионе, где в дальнейшем выделяли субрегионы или собственно «культуры». Изначально подобные построения базировались практически исключительно на видах глиняной посуды, поскольку ее фрагменты сами по себе неразрушимы и легко находимы, однако любое сходство (в похоронных обычаях, типах домов, металлических изделиях и т. д.) можно было трактовать в соответствии с имеющимся подходом, что в дальнейшем и делалось. Тот факт, что границы порой можно провести между регионами, в которых археологические находки разнятся, быстро стал очевиден в XIX веке, когда археология как научная дисциплина стала быстро развиваться. В том интеллектуальном и политическом контексте — и вновь мы возвращаемся к пику европейского национализма — невозможно было не приравнять культуры, отображенные на картах, к древним «народам», которые якобы обладали каждый своей собственной материальной (и не материальной) культурой. При изрядном везении и работе над сравнительно поздним периодом вы могли порой даже дать имя носителям культуры, следы которой обнаружили в земле, на основании данных, полученных из исторического трактата вроде «Германии» Тацита.

Развитие этого подхода, сейчас нередко называемого «методом археологии поселений», особенно тесно связано с немецким ученым Густафом Коссинной, который занимался им с конца XIX по начало XX века. Его подход был более тонким, чем считают некоторые. Он вовсе не утверждал, что все области, в которых найдены схожие археологические остатки, следует приравнивать к независимым древним народам. Это верно лишь в тех случаях, писал он, когда можно провести четкую границу между различными археологическими регионами и где сходства в отдельно взятом регионе отчетливы и ярко выражены. Однако такие термины, как «четкий», «отчетливый» и «ярко выраженный», всегда можно было трактовать по-своему, и основной принцип археологических изысканий того периода заключался в том, что археологические остатки можно аккуратненько разделить между соответствующими «ярко выраженными» «культурами» и заявить, что эти культуры — следы проживания здесь «народов».

Для нас же ключевым моментом является тот факт, что «метод археологии поселений» Коссинны в известной степени

подвел фундамент под «великий нарратив». Представления об археологических культурах как о «народах» принесли с собой тенденцию объяснять резкие археологические изменения переселением народов. Раз явно выраженные, отчетливые скопления материальных остатков — археологические «культуры» — приравнивались к одному из древних «народов», было вполне естественным считать, что любое изменение в существующем ряде остатков говорит о влиянии нового «народа». Считая, что каждый народ обладал своей «культурой», вы вдруг находите новую «культуру» поверх предыдущей и вполне логично полагаете, что один «народ» сменил другой. Миграция, особенно в форме массовой замены одного сообщества другим, стала характерным объяснением наблюдаемых в археологических остатках изменений. В современной терминологии, хотя термин пока еще не прижился, старый взгляд на заселение Европы (которое представлялось непрерывным процессом, движущей силой коего были регулярные, следующие друг за другом этнические чистки) получил выразительное название «гипотеза вторжения»[1].

Новые веяния и взгляды на групповую идентичность оказали большое влияние на старые интеллектуальные построения. Как только было опровергнуто утверждение о том, что материальные остатки можно разложить по полочкам и отнести к полноценным «культурам», оставленным древними «народами», стало ясно, что на деле все гораздо сложнее. По мере того как обнаруживались новые остатки, а уже существующие фонды подвергались более пристальному изучению, многие границы между предположительно «ярко выраженными» различными культурами начали стираться. Идентификация важных местных вариантов находок нередко ставила под сомнение однородность предполагаемых культур, подрывая основы старого тезиса. Несмотря на то что сходства между археологическими остатками порой действительно имеются и в этом случае играют важную роль, стало ясно, что ни одно простое правило (типа «культуры = народы») не может применяться во всех слу-

[1] Эта гипотеза была обозначена еще в работе Коссинны (Kossinna (1928). Еще ярче эта идея проявляется в столь же влиятельной работе Гордона Чайлда, он обобщил многие идеи Коссинны, при этом опустив часть допущений о господстве северных рас. О наследии Коссинны см. следующие работы: Chapman и Dolukhanov (1993), 1—5; Renfrew and Bahn (1991).

чаях без исключения. Значимость обнаруженных сходств и различий зависит от того, что именно в находках совпадает, а что — нет. Наблюдаемая археологическая «культура» может представлять собой физические остатки предметов, принадлежащих к разным сферам, будь то социальное либо экономическое взаимодействие культур, или общие религиозные верования (к примеру, сходство похоронных обрядов), или даже, в некоторых случаях, политический союз (как указывал еще Коссинна). Чтобы ярче показать разницу между новым подходом и старым, я бы отметил, что Коссинна считал археологические культуры остатками сообществ — «народов», однако современные археологи рассматривают их как остатки систем взаимодействия, и их природа вовсе не обязана в каждом случае быть одинаковой[1].

Таким образом, переосмысление природы культур позволило археологам продемонстрировать, что даже серьезные изменения в материальной культуре можно объяснить другими причинами помимо вторжения извне. Поскольку наблюдаемое археологическое сходство культур могло появиться по целому ряду причин — торговля, социальное взаимодействие, общие религиозные воззрения или любая другая, которая может прийти вам в голову, — изменения в одной или нескольких сферах жизни людей могут послужить причиной культурного сдвига. Перемены не всегда обозначают появление новой социальной группы, они могут быть вызваны изменениями в системе уже существующей культуры. Именно глубокая неудовлетворенность интеллектуальными ограничениями, налагаемыми гипотезой вторжения, повсеместно используемой в качестве монолитной модели преобразования общества, вкупе с воздействием новых взглядов на групповую идентичность, в 60-х годах XX века заставили целое поколение археологов сбросить ее оковы — сначала в англоязычном мире, а затем и во многих других странах.

Следовательно, в 60-х годах у археологов появились весомые причины все реже обращаться к гипотезе вторжения и все

[1] С обзором этих интеллектуальных построений можно ознакомиться в работах: Shennan (1989); Renfrew и Bahn (1991); Chapman Dolukhanov (1993), 6—25 (в нем прослеживается разница в подходах двух авторов), Ucko (1995). Работы Яна Ходдера (Hodder (1982), (1991) сыграли важную роль в восстановлении значимости подхода, указывающего, что сходства и различия в объектах материальной культуры могут отражать важные аспекты организации общества.

чаще искать альтернативные объяснения. Эти новые подходы оказались весьма плодотворными и в процессе развития еще больше подорвали пошатнувшийся фундамент «великого нарратива». Вплоть до 60-х годов доисторическая Европа рассматривалась как совокупность земель, на которых одни группы населения все время вытесняли другие с помощью новых навыков и умений (в земледелии или металлургии), чтобы установить свое господство над определенной территорией, прогнав с нее предшественников. Сегодня большинство ступеней развития общества Центральной и Западной Европы между бронзовым веком и римским железным веком (примерно два последних тысячелетия до н. э.) можно вполне убедительно описать без обращения к миграции и этническим чисткам. Вместо того чтобы рассказывать, как одни захватчики сменяются другими, отбрасывая друг друга прочь со спорных земель, на территории Европы теперь видят сообщества, способные учиться новым навыкам и со временем развивать новые экономические, социальные и политические структуры[1].

Есть еще один элемент в этой интеллектуальной революции, который оказал существенное влияние на сравнительно новые подходы к вопросу, рассматриваемому в данной книге. В процессе освобождения от несомненной тирании «метода археологии поселений» и гипотезы вторжения, отдельные (в особенности британские и североамериканские) представители профессии археолога со временем начали умалять важность миграции, не желая рассматривать ее в качестве источника значительных перемен в обществе. Все вздохнули с облегчением, вырвавшись из тисков концепции Коссинны, но отдельные ученые, похоже, приняли решение вообще никогда больше не возвращаться к вопросу о переселении народов. Для этих археологов миграция ассоциируется с прежней, менее передовой эпохой развития их научной дисциплины, когда, по их мнению, археология была подотчетна истории. «Бильярдная» модель миграции, однако, как мы видели, находила свое подтверждение в отдельных исторических источниках, и, когда культуры были равноценны «народам», было возможно писать о историче-

[1] Кларк в своей работе (Clark (1966) представил ключевую позицию, которая позволила отойти от гипотезы вторжения. Для знакомства с гипотезами, которые высказывались в дальнейшем, см. Renfrew и Bahn (1991); Preucel и Hodder (1996); Hodder и Hutson (2003).

ской археологической трансформации как о квазиисторическом нарративе, в котором народ X вытеснил народ Y и т. д.

В результате в сознании отдельных археологов появилось убеждение, что любая модель прошлого, включающая в себя миграцию населения, говорит о склонности к упрощению. Как было сказано в недавнем обзоре кладбищ раннего Средневековья, избегать темы миграции в объяснении археологического сдвига необходимо «просто для того, чтобы избавиться от чрезмерно упрощенных и, как правило, безосновательных предположений и заменить их более тонкой интерпретацией данного периода». Обратите внимание на формулировку, в особенности на контраст между «простой», «безосновательной» моделью мира (в которой доминирует миграция) и «более тонкой» (то есть любой другой интерпретацией). Суть этого высказывания ясна. Ученый, столкнувшийся с географически неверным положением отдельных видов археологических остатков либо с изменениями в их применении и желающий предложить модель прошлого, которая будет «тонкой» и «сложной», должен любой ценой избегать упоминания о миграции. Ситуация изменилась на противоположную. С позиции повсеместного преобладания в период до 60-х годов переселение народов превратилось в исчадие зла, в исследовательский архаизм[1].

Такой резкий переворот в сознании не мог не отразиться на подходах историков к событиям 1-го тысячелетия (а в данной области археологические свидетельства всегда обладали первостепенной важностью), к тому же исследователи уже успели задуматься о том, что для них может означать великий спор о национальной идентичности. Поворот в историческом мышлении, с которого и начались попытки найти новые подходы к феномену идентичности и, соответственно, переселению народов в 1-м тысячелетии, произошел в 1961 году, когда была

[1] Halsall (1995b), 61. Также необходимо обратить внимание на последующий комментарий: «[Гипотеза вторжения] в настоящее время редко пользуется доверием в археологических кругах. Использовать эту упрощенную модель так же необоснованно, как и предполагать, что переход от неоклассической к неоготической архитектуре или от классической к романтической живописи в XIX веке был результатом вторжения» (Ibid. P. 57). Этот подход к миграции «до и после» достаточно распространен. Аналогичные взгляды можно обнаружить в комментариях Николаса Хигхема (Hines (1997), 179), в которых при описании археологических остатков тема миграции сознательно опускается, поскольку проблема «куда сложнее». Начало этой дискуссии в работе: Hines (1984).

выпущена работа немецкого ученого Рейнхарда Венскуса под заглавием Stammesbildung und Verfassung («Происхожденне и связи племен»). В ней доказывалось, что вовсе не обязательно вчитываться в труды Тацита, древнеримского историка I века, чтобы понять, что германскне племена были полностью истреблены, а на их месте возникли другие, совершенно новые и неизвестные. И когда дело доходит до Великого переселения народов, происходившего с IV по VI век, становится только больше доказательств того, что история этих племен была прервана. Как мы подробнее рассмотрим далее, все германские племена, основавшие в эту эпоху свои государства на бывших территориях Римской империи — готов, франков, вандалов и др., — можно представить как новые политические образования, созданные на ходу и принимавшие добровольцев из самых разных народностей, некоторые из которых даже не были германоязычными. Политические союзы, созданные германцами в 1-м тысячелетии, таким образом, отнюдь не являлись закрытыми группами с довольно продолжительной историей, но могли появляться и разрушаться и, по мере развития, увеличиваться или уменьшаться в размерах в зависимости от исторических условий. С тех пор было немало споров о том, как групповая идентичность могла влиять на германцев 1-го тысячелетия, о ее вероятной силе воздействия, и в должный момент мы вернемся к этому вопросу. Пока важно другое: во всех последующих построениях отправной точкой была гипотеза Венскуса[1].

Эти наблюдения оказали соответствующее воздействие на понимание миграции германцев как исторического феномена. При старых представлениях о закрытых, неизменяющихся племенах со стабильной групповой идентичностью, если народ X внезапно оказывался в регионе Б вместо региона А, было вполне естественным заключить, что туда переместилось все «племя» или группа. Если же мы принимаем тот факт, что групповая идентичность — явление более податливое и гибкое, тогда даже нескольких (возможно, весьма немногочисленных) представителей народа X будет вполне достаточно, чтобы образовалось новое ядро, вокруг которого в дальнейшем может сформироваться новая народность благодаря притоку людей самого разного происхождения. «Бильярдная» модель миграции, таким

[1] Wenskus (1961); ср. также: о готах (Wolfram (1988) и об аварах (Pohl (1988).

образом, сменяется моделью «снежного кома». Вместо больших, организованных групп мужчин, женщин и детей, целенаправленно перемещающихся по Европейской равнине, ученые теперь представляют иную картину, мыслят категориями демографического «снежного кома» — изначально малые группы, возможно состоящие преимущественно из воинов, благодаря успехам на поле битвы, привлекают многочисленных рекрутов по мере своего продвижения.

В таком постнационалистском толковании археологических остатков варварской Европы в 1-м тысячелетии прослеживается известное сходство с новой эрой, которая в тот же период началась в археологии, хотя два этих обстоятельства не были взаимосвязаны. Однако новое умонастроение археологов теперь еще активнее подталкивало специалистов к очевидному выходу из положения — нужно переписать историю варварской миграции, основываясь на исторических источниках. Отдельные историки столь свято уверовали в невозможность существования в прошлом больших миграционных единиц (или групп), что начали заявлять: немногочисленные исторические источники, утверждавшие обратное, которые были основанием для гипотезы вторжения и соответствующей старой модели переселения, сообщают неверные, искаженные сведения. Появилось предположение о том, что греко-римские источники построены на миграционном топосе, своеобразном культурном рефлексе, стереотипе, что более цивилизованные средиземноморские авторы, не вдаваясь в подробности, автоматически называли всех переселяющихся варваров «народом», какой бы ни была подлинная этническая природа этих групп. Европейская история, ранее состоявшая из массовых переселений на большие расстояния, заменяется историей небольших мобильных объединений, собирающих последователей по мере продвижения. Миграция — хотя теперь это слово практически не используется — остается частью новой концепции, это очевидно, однако уменьшается ее масштаб — вместе с количеством людей, пускавшихся в путь. Ключевой исторический процесс теперь не передвижение само по себе, но включение в группы новых членов[1].

[1] Гери (Geary (1985) и (1988) в предисловиях к своим работам исходит из этих концепций. Крупное исследование событий IV—VI веков представлено в следующей работе: Halsall (2007). Упоминание о миграционном топосе можно встретить в следующих работах: Amory (1997) и Kulikowski (2002).

В этом есть своя красота и симметрия. Старый «великий нарратив» подстраивал археологию под нужды истории: археологические культуры приравнивались к «народам», а модель миграции, выведенная из исторических источников 1-го тысячелетия, укладывала прогресс этих культур в исторический нарратив, пестривший эпизодами массового переселения и этнических чисток. Теперь же надежность самих исторических источников была поставлена под сомнение реакцией на развенчанный миф о переселении народов, начавшейся с отказа археологов от метода «археологии поселений» и гипотезы вторжения, бывшей его естественным продолжением. Раньше история вела археологию, теперь археология ведет историю. В процессе изменения парадигм видение ранней европейской истории, развивающейся под влиянием миграции, уступило другой модели, характеризующейся относительно малым количеством иммигрантов и большим количеством местных жителей, приспосабливавшихся к переменам, принесенным немногочисленными переселенцами; другими словами, историн преимущественно внутреннего развития. Этот подход по-своему хорош. Мы теперь достигли этапа, на котором новая модель стала зеркальным отражением старой, господствовавшей пятьдесят лет назад. С точки зрения интеллектуального развития эта модель обладает приятной симметрией, однако достаточно ли она убедительна с точки зрения истории? Действительно ли переселение народов можно приравнять к незначительному, проходному эпизоду в истории варварской Европы 1-го тысячелетия н. э.?

МИГРАЦИЯ И ВТОРЖЕНИЕ

Гипотеза вторжения похоронена и забыта. Теперь нам и в голову не придет засорять доисторические времена и 1-е тысячелетие европейской истории чередой древних «народов», создававших для себя место под солнцем с помощью взрывной смеси долгих массовых переходов и этнических чисток. Пожалуй, было бы лучше, если бы этот коктейль вовсе не существовал. К тому же этническая чистка как элемент старого «великого нарратива» практически не находит подтверждения в исторических источниках — по крайней мере, я его не обнаружил. Однако крах гипотезы вторжения вовсе не означает, что

миграция полностью исчезла из истории. Она не могла исчезнуть. Даже если согласиться с тем, что у средневековых авторов имелись общие стереотипы относительно миграции варваров, их предвзятое мнение о культуре переселенцев все равно должно было сформироваться под влиянием тех или иных пришлых групп. К тому же имеются археологические свидетельства, которые делают вполне вероятным предположение, что довольно большие группы людей действительно периодически меняли места обитания. В связи с этим появились две альтернативные версии модели массовой миграции — в противовес гипотезе вторжения.

Первая модель — «волна продвижения». Она применяется к небольшим мигрирующим группам и предоставляет альтернативный взгляд на то, как именно группа чужаков может захватить контроль над тем или иным регионом. В частности, именно с ее помощью объясняется, как по Европе расселялись первые оседлые земледельцы в эпоху неолита. Она показывает, как земледельцы, пусть даже отдельные их группы не ставили перед собой такой цели, стали доминировать во всех подходящих для возделывания земли регионах. В соответствии с этой моделью неолитические фермеры вовсе не пришли огромной толпой и не выселили силой охотников-собирателей. Просто способность производить продукты питания в куда больших количествах привела к быстрому увеличению численности изначально небольших групп, и со временем они просто поглотили охотников-собирателей. Возделываемые участки разрастались, заполняя один регион за другим, по мере того как появлялись новые фермеры и отправлялись на поиски новых наделов. Это модель миграции малых масштабов, когда переселялись роды или семьи, ненамеренного захвата новых территорий, которая, благодаря этим особенностям, допускает, что отдельные охотники-собиратели могли обучиться земледелию по мере его распространения. Что может быть приятнее для ученых, пытающихся вырваться из мира массовых передвижений и завоеваний?[1]

Еще более популярной среди археологов — из-за большей потенциальной применимости — является модель «переселение элит». Здесь группа, вторгающаяся в чужие земли, не так

[1] О модели «волна продвижения» см. работу Ренфрю (Renfrew (1987), главы 1—2, 4 (обзор предыдущих подходов) и главу 6 (сама модель).

велика, однако агрессивно завоевывает новые территории. Затем смещается уже существующая элита целевого общества, и чужаки занимают в нем центральные позиции, в то время как большая часть социальных и экономических структур, создавших старую, ныне изгнанную или истребленную элиту, остается нетронутой. Классическим примером такого феномена в средневековой истории является завоевание Англии норманнами. Благодаря обилию информации, сохранившейся в Книге Судного дня, мы знаем, что несколько тысяч нормандских семей, получивших в свое владение земли, сменили своих чуть более многочисленных англосаксонских предшественников на вершине социального устройства Англии XI века. Представление о миграции, даваемое этой моделью, куда менее драматично, нежели то, которое предлагает гипотеза вторжения. Она оставляет такие черты последней, как намеренный захват и насилие, однако, поскольку речь идет лишь о замене правящей верхушки, при которой более широкие социальные структуры остаются нетронутыми, этот процесс куда менее жесток, чем этническая чистка, бывшая основой старой модели. И поскольку суть новой гипотезы заключается в замене одной элиты на другую, результаты гораздо менее драматичны и в некотором смысле менее значимы, поскольку все основные существующие социальные и экономические структуры остаются на месте, как это произошло в Англии при Нормандском завоевании[1].

Интеллектуальная реакция на чрезмерную простоту гипотезы вторжения, таким образом, вылилась в появление двух новых моделей, которые, каждая по-своему, снизили значение миграции — либо сократив количество возможных переселенцев, степень насилия и значение последствий миграции, либо уменьшив ее масштаб, доказывая, что реального намерения куда-то переселяться либо захватывать новые земли не было вовсе. Очевидно, что эти модели были для ученых более приемлемыми, чем гипотеза вторжения, поскольку основывались на подходах к групповой идентичности, отрицающих возможность намеренного перемещения больших, организованных групп из одного региона в другой. Однако, хоть эти модели куда более сложные и продуманные и, соответственно, являются шагом в нужном направлении, они пока не способны

[1] Детальный разбор теории «перемещения элит» см. в главе 6.

предложить удовлетворительное объяснение феномена миграции в Европе в 1-м тысячелетии. Если попытаться заключить дискуссию в рамки, предлагаемые этими двумя моделями, возникнут три специфические проблемы и еще одна куда более широкого характера.

ОШИБОЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Первая проблема проистекает из следующего факта. На радостях признав, что люди далеко не всегда образуют организованные поселения, которые самовоспроизводятся и закрыты для чужаков (и, я полагаю, преисполнившись решимости навсегда изгнать мерзостные учения нацистской эры), историки и археологи, специализирующиеся на 1-м тысячелетии н. э., нередко принимали лишь половину представлений об идентичности, бытовавших в социально-научной литературе их времени. Пока Лич, Барт и другие сосредотачивали свое внимание на групповом поведении и наблюдении за тем, как индивидуумы меняют свою приверженность той или иной культуре с выгодой для себя, вторая группа ученых принялась более пристально наблюдать за индивидуальным поведением человека. Их иногда называли примордиалистами, поскольку они утверждали, что групповая принадлежность всегда являлась неотъемлемой частью человеческого поведения. Некоторые из этих исследователей пришли к иным выводам, нежели предложенные Личем и Бартом, — они показали, что в ряде случаев врожденным чувством групповой идентичности нельзя манипулировать по своей прихоти, оно заставляет индивидуума соблюдать определенные правила поведения, которые могут противоречить его нынешним интересам. Различия во внешности, речи (будь то язык или диалект), социальном укладе, моральных ценностях и понимании прошлого могут — если они уже появились и закрепились — образовать непреодолимую преграду, не позволяя индивидуумам прикрепиться к другой группе даже ради улучшения своего положения[1].

[1] Смит (Smith (1986) объясняет историческую применимость этих воззрений на групповую идентичность; Бентли (Bentley (1987), 25—55) использует концепт габитуса Бурдьё в качестве основы для теории о том, как идентичность может быть заложена в человека обществом, в котором он растет. Когда речь идет о различиях, которые не дают человеку

Две ветви исследований иногда считали противоречащими друг другу, но, на мой взгляд, это не так. На самом деле они определяют противоположные концы спектра возможных положений. В зависимости от конкретных обстоятельств, и не в последнюю очередь прошлого, наследуемая групповая идентичность может являться более или менее сдерживающим фактором для индивидуума и представлять собой более или менее настойчивое побуждение к действию. И это утверждение четко соответствует наблюдаемой действительности. Что касается вопроса о групповой идентичности больших сообществ... Скажем, в современных дискуссиях о Европейском союзе риторика, обращенная к британцам, задевает куда более чувствительную струну в жителях Соединенного Королевства, нежели пролюксембургская — в люксембуржцах, которые мирно существуют, уютно расположившись между Германией, Францией и Бельгией. Различается идентичность и на индивидуальном уровне — отдельные члены любой многочисленной общности демонстрируют явные различия в степени своей преданности ей. Принимая тот факт, что групповая идентичность играет иногда большую, иногда меньшую роль в жизни людей, мы никоим образом, я подчеркиваю, не противоречим тому, о чем говорил Барт (даже если *он* счел бы, что это так). Его знаменитое положение звучит так: идентичность необходимо понимать как «ситуационный конструкт». Это вполне справедливо, однако тут важно помнить о том, что ситуации могут быть разными. Отчасти на Барта повлияла старая марксистская догма: любая идентичность, не основанная на классовом делении (а групповая идентичность не может

легко изменить собственную идентичность (религия, язык, социальные ценности и т. д.), воззрения примордиалистов могут выглядеть так, словно они не претерпели изменений и до сих пор застряли в интеллектуальном мире эпохи до Второй мировой войны, когда старательно составлялись всевозможные списки и критерии. Но, с точки зрения примордиалистов, идентичность определяется не этими параметрами самими по себе, а реакцией на них каждого конкретного человека. В большей части Европы принадлежность к католикам или протестантам не является главенствующим фактором, определяющим групповую принадлежность, но в Северной Ирландии — в силу определенных исторических событий — эти религиозные отличия играют главенствующую роль для самоопределения человека в системе общественных координат. Недостаточно сделать отметку в списке критернев, чтобы определить групповую принадлежность человека, необходимо брать в расчет отношение к каждому фактору конкретного индивидуума.

быть таковой, если только каждый член такой группы не обладает одинаковым статусом), должна считаться «ложным сознанием», а отчасти — резко негативная реакция на мир, в котором преобладали националистские идеологии. Он обращал особое внимание — и проявлял большой интерес — к ситуациям, порождающим ослабление чувства групповой принадлежности. Однако даже построение его собственного высказывания подспудно намекает на то, что могут быть и иные ситуации, которые порождают более сильное чувство общности, и так называемые ученые-примордиалисты исследовали некоторые из них.

Два совершенно разных типа сдерживающих факторов могут сыграть роль барьеров. С одной стороны, существуют неформальные границы «нормального», и не важно, говорим ли мы о еде, одежде или даже моральных ценностях. Исследования показывают, что индивидуум усваивает многие такие характеристики, определяющие социальную группу как таковую, в ранние годы жизни, что, разумеется, помогает объяснить, почему они порой оказывают столь сильное влияние на человека, заставляя его чувствовать себя так некомфортно вне норм его собственного общества, что он попросту не способен жить в ином. С другой стороны (и этот фактор нередко идет рука об руку с ощущением дискомфорта), могут существовать и более формальные преграды, мешающие сменить идентичность. Теоретически вы можете объявлять себя принадлежащим к какой угодно группе, но это еще не означает, что она признает вас своим членом. В современном мире членство в социуме обычно подразумевает наличие соответствующего паспорта, следовательно, первостепенное значение для вас приобретает возможность или невозможность выполнить это условие и обзавестись им. В прошлом, разумеется, паспорта не существовали, однако некоторые древние сообщества тщательно следили за своим составом. Права на римское гражданство, к примеру, ревниво оберегались, и бюрократический аппарат был создан в том числе для того, чтобы отслеживать притязания индивидуумов иного происхождения. Греческие города-государства ранее применяли схожую стратегию. Такие бюрократические методы опирались прежде всего на грамотность, однако нет никаких причин, по которым у неграмотных сообществ не могло быть своих методов отслеживания группового членства при определенных обстоятельствах. Суще-

ствует и такое явление, как степень группового членства. В Америке и Германии в современном мире есть более и менее официально признанные группы иностранных рабочих, которые наделяются далеко не всеми гражданскими правами, и здесь, по-моему, лежит ключ к полноценному пониманию феномена групповой идентичности. Когда полное членство в сообществе приносит преимущества либо юридического, либо материального характера — например, полезные права и привилегии, — следует ожидать, что оно будет тщательно контролироваться[1].

Получается, выводы, которые можно сделать из дебатов относительно идентичности, более сложны, чем представлялось ранее. У индивидуумов, рожденных в любых условиях, кроме самых простых, групповая идентичность наслаивается постепенно. Семья, более дальние родственники, город, край, страна, затем современные международные связи (вроде гражданства ЕС) вкупе с его собственными решениями — желанием, к примеру, жить в другом месте — все это дает индивидууму возможность стать членом более крупного сообщества. Однако любые притязания, которые могут быть у него или нее, должны быть признаны, и, в зависимости от ситуации, потенциальная принадлежность к другой группе может налагать на ее нового члена более или менее серьезные ограничения. В сущности, знаменитый афоризм Барта подчеркивает контраст, которого нет. Любого рода групповая идентичность — это и есть «ситуационный конструкт», они создаются, они меняются, они могут вообще прекратить свое существование, но одни более «недолговечны», чем другие.

Из этого следует первая потенциальная проблема современных подходов к переселению народов в 1-м тысячелетии. Они заранее убеждены, что идентичность, свойственная мно-

[1] О греках и римлянах см.: Sherwin-White (1973). Халсалл (Halsall (1999) возражает против использования мной такой аналогии, но, кажется, он не понимает, что гастарбайтеры и мигранты без разрешения на работу даже отдаленно не пользуются полнотой прав гражданина в тех обществах, где они живут, а также игнорирует очевидные свидетельства того, что даже в I веке групповая идентичность являлась в сложном культурном контексте возможностью использования разных прав (см. главу 5). Он также придерживается (на мой взгляд, странной) точки зрения, что кто угодно мог потребовать свою долю, когда варвары, завоевывавшие римский запад, распределяли захваченные территории и богатства (см.: Heather (2008b).

гочисленной группе, — явление слабое, но это неполное понимание проблемы идентичности и самосознания. Если позиция по ней принимается заранее, априори — и не важно, считается ли идентичность сильной (как в националистскую эпоху) или слабой (как в современном, еще не до конца сложившемся дискурсе), — то все доказательства иных мнений будут игнорироваться или оспариваться. На мой взгляд, крайне важно сохранять готовность переосмыслить свидетельства переселения народов в 1-м тысячелетии, не исходя из тезиса о том, что связь индивидуумов в больших группах, участвовавших в нем, непременно должна была быть очень непрочной, как предполагает современное однобокое понимание проблемы идентичности.

Вторая проблема появляется, когда яростное отрицание миграции как возможной причины глубинных перемен, которым грешат отдельные англоязычные археологи, вступает в противоречие с археологической рефлексией переселения, следы которого нередко встречаются на практике. В современном мире массовое передвижение целых социальных групп отнюдь не редкое явление, и, как мы увидим в следующих главах, оно имело место и в изучаемом периоде. Зато почти нет доказательств этнических чисток, якобы происходивших тогда. В таком случае переселение народов почти всегда включало в себя передвижение части группы из пункта А в пункт Б, причем как минимум часть коренного населения оставалась на месте; единственное исключение — Исландия, которая вовсе не была заселена до прихода туда норвежцев в IX веке. Вот почему вряд ли удастся обнаружить полное перемещение всей материальной культуры. Скорее лишь отдельные ее элементы будут перенесены в пункт Б, вероятно те, которые обладают определенной важностью для подгруппы населения, непосредственно вовлеченной в процесс миграции. В то же время какая-то (возможно, даже бóльшая) часть коренной материальной культуры пункта Б продолжит свое существование, и в результате взаимодействия мигрантов и исконного населения могут появиться совершенно новые элементы культуры или предметы быта. Археологическая трактовка многочисленных миграционных процессов 1-го тысячелетия, другими словами, зачастую будет откровенно противоречивой и сомнительной, поскольку невозможно, основываясь лишь на мате-

риальных остатках, быть абсолютно уверенным в том, что миграция действительно имела место[1].

Пока все идет неплохо: если единственные археологические свидетельства возможной миграции скорее сомнительны, чем определенны, пусть будет так. Это лучше, чем заполонить европейскую историю огромным количеством надуманных вторжений. Однако и это становится проблемой, если теорию миграции считают «упрощенной» и «как правило, необоснованной». Если подходить к проблеме с такой позиции, то к неоднозначным археологическим находкам беспристрастного отношения уже не будет. Когда вы видите следы археологических трансформаций, которые могут быть свидетельствами миграционного процесса, их и нужно описывать как таковые, не больше и не меньше. Однако, поскольку археологи с таким трудом отошли от вездесущей миграции, у некоторых ученых есть тенденция (по крайней мере, это верно для Британии и Северной Америки) полностью исключать ее из своих построений[2]. В современной науке достаточно указать, что наблюдаемая трансформация могла произойти без влияния миграции, чтобы это положение тут же было принято как непреложный факт. Однако, поскольку археологическая рефлексия многих миграционных процессов так и останется недоказанной, тот факт, что практически любую археологическую трансформацию можно, в результате известных интеллектуальных усилий, объяснить иными явлениями, но только не миграцией, еще не означает, что так *нужно* делать. Правильным будет не говорить, что, раз данные противоречивы, миф о миграции развенчан, а принять эту противоречивость и посмотреть, не поможет ли что-то еще — в особенности соответствующие письменные источники — разрешить проблему.

В той же степени небезопасно выстраивать свою оценку потенциальных масштабов миграции в 1-м тысячелетии, от-

[1] Ср.: Antony (1990); Энтони (Antony (1992) отмечает, что новый подход к переосмыслению указанных явлений помог прекратить многие старые споры, в которых археология и миграция связывались тесиее.

[2] Хэрке (Harke (1998), 25—42) предлагает потрясающий взгляд на проблему, который позволяет современным археологическим традициям воспринимать миграцию как возможный двигатель перемен, что дает куда большую исследовательскую свободу. Британская «неподвижность» (то есть отказ от миграции) находит свои параллели в старом Советском Союзе и Дании. Немецкая традиция по-прежнему учитывает миграцию как одну из ключевых парадигм.

талкиваясь от предположения, что групповая идентичность всегда была слаба, или же вовсе не учитывать ее, если встречаются лишь противоречивые археологические свидетельства. Эти два наблюдения, в свою очередь, порождают третью проблему. Концепция миграционного топоса — утверждение, что на средиземноморских авторов повлиял культурный рефлекс, заставляющий их каждую перемещающуюся группу варваров называть «народом», — иногда использовалась для того, чтобы не считаться с историческими свидетельствами миграции варваров большими, малыми и смешанными группами. Однако вплоть до настоящего момента это построение о культурном стереотипе основывается лишь на предположении, аргументированных доказательств его существования нет. Оно считается правдоподобным априори, ведь ученые исходят из представления о том, что групповая идентичность не могла быть достаточно сильной, чтобы стать причиной миграции больших групп, о которой вроде бы сообщают источники, а археологические доказательства миграции, как уже отмечалось, нередко вызывают сомнения. Но если в противоречивости археологических остатков нет ничего неожиданного, а полагаться на предположение о заведомо слабой групповой идентичности у всех народов в 1-м тысячелетии, небезопасно вследствие его необоснованности, то эти два аргумента, которые должны подтвердить существование миграционного топоса, на самом деле подрывают эту концепцию. Поэтому будет необходимо в дальнейшем разобраться, действительно ли можно так легко отбросить сообщения письменных источников о миграции больших групп.

Даже самих по себе этих трех проблем хватило бы для того, чтобы обосновать необходимость переосмысления феномена переселения народов в 1-м тысячелетии. Однако есть четвертая, куда более серьезная причина, по которой современные подходы к этой теме требуется подвергнуть тщательному пересмотру.

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Компаративное изучение человеческой миграции имеет долгую историю. Как и многие другие сферы научных изысканий, компаративистика перешла от изначально простых моделей к более сложным и любопытным, особенно в последнем поко-

лении. Интерес к этому вопросу изначально был вызван экономическими мотивами как основополагающим фактором в объяснении передвижений населения, и основные исследования довольно успешно обосновали тот факт, что иммиграция в Соединенные Штаты непосредственно соотносится с экономическим циклом страны[1]. В стремлении объяснить миграционные процессы в 1-м тысячелетии ученые порой обращались к этой быстро развивающейся области науки о миграции. К примеру, в плане каузальности концепт факторов выталкивания и притяжения — то есть вещей, которые были неприятными в месте отъезда и привлекательными в пункте назначения, — давно уже вошел в научный обиход. Важность точных данных о формировании миграционных потоков и тот факт, что массовой миграции нередко предшествует индивидуальная миграция первопроходцев («разведчиков»), чей опыт заметно ускоряет процесс, также стали частью научного мира. Однако эти идеи не более чем верхушка айсберга компаративного изучения миграции, и в целом ученые, занимающиеся миграцией в 1-м тысячелетии, практически не обращались к современной литературе по этой проблеме[2].

Весьма странное упущение, поскольку компаративистика предлагает широкий спектр хорошо описанных случаев миграции, с которыми можно сравнить данные о переселении народов в 1-м тысячелетии; очевидно, что таким образом можно существенно расширить количество возможных миграционных моделей — за пределы «волны продвижения» и «переселения элиты». Среди прочих примеров, история Нового времени представляет нам экономически мотивированные потоки мигрантов, неорганизованных в том смысле, что каждым из них движут индивидуальные причины. Тем не менее со временем они могут (особенно если им помогут те, кто уже достиг места назначения) заполнить всю страну — даже такую большую, как Соединенные Штаты Америки. XX век также подчеркнул важность другой основной причины для миграции — политических конфликтов.

[1] Jerome (1926).

[2] Недавнее пятисотстраничное исследование Халсалла, посвященное миграционным процессам в период падения Западной Римской империи, содержит всего лишь несколько обзоров археологических изысканий, но автор не делает никаких обобщений (Halsall (2007), 417—422). Для сравнения: в той же книге вопросам групповой идентичности отводится целая глава, которая опирается на масштабное (и вдумчивое) привлечение специальной литературы.

Отдельные беженцы, пытающиеся спастись от репрессивных политических режимов, — явление очень частое, но политические беспорядки вполне могут породить и куда более концентрированные миграционные потоки. Самый ужасающий пример тому из недавнего прошлого — Руанда, с которого началась эта глава. Однако есть и многие другие — этнические чистки в бывшей Югославии, отток иностранцев из Саудовской Аравии в 1973 году (страну покинули 88 тысяч человек всего за три месяца), переселение 25 миллионов беженцев в Центральной и Восточной Европе в конце Второй мировой войны, уход из страны и бедственное положение палестинских беженцев.

Даже если не углубляться в работы, посвященные этим примерам, компаративные исследования миграции указывают на то, что при исследовании любого миграционного процесса необходимо ставить более продуманные вопросы, чем это делалось ранее по отношению к переселению народов в 1-м тысячелетии. Изучение случаев раннего Нового и Нового времени не обнаруживает примеров того, чтобы население пункта А целиком переместилось в пункт Б. Миграция — действие, всегда выполняемое подгруппами, и это наблюдение приводит нас к постановке наиболее значимых вопросов. Что заставляет одних индивидуумов оставаться дома, когда другие при схожих обстоятельствах срываются с места? Исследования, направленные на объяснение этого феномена, обозначили некоторые интересные закономерности. Экономические мигранты, как правило — и особенно в первое время, — люди молодые, чаще мужчины, и в условиях собственного общества получившие довольно хорошее образование. Нередко также отваживаются на миграцию люди, уже один раз переезжавшие. При более близком рассмотрении половина голландских мигрантов, которые оказались в местечке, в итоге превратившемся в Нью-Йорк, когда-то переехали в Нидерланды из других стран Европы. Точно так же многие «ирландцы», принимавшие участие в колонизации Америки на ранних ее этапах, были выходцами из шотландских семей, которые прожили в Ирландии лишь одно поколение[1]. Миграцию на большие расстояния, следовательно, необходимо изучать с учетом уже установленных закономер-

[1] Об ирландских и датских мигрантах см.: Bailyn (1994), 1—2. Об общих закономерностях: Fielding (1993a); King (1993), 23—24; Rystad (1996), 560—561. Об исторических параллелях: Canny (1994), особенно страницы 278—280 (вместе со всеми комментариями).

ностей внутреннего демографического переселения. Участники последнего с куда большей вероятностью могут быть задействованы в первой.

Однако даже в пределах этих закономерностей решение мигрировать принимается не только в результате, как можно выразиться, рационального экономического расчета. Иные факторы осложняют процесс мышления индивидуума. Сведения о предполагаемых местах назначения и возможных маршрутах — одна ключевая переменная. Массовые миграционные потоки в новое место жительства начинаются только после того, как становятся ясны основные достоинства и недостатки пути и потенциального пристанища. До этой стадии довольно часто встречается «направленная» миграция. При такой модели группы населения из стран, выезд из которых затруднен, по прибытии в место назначения собираются в определенных регионах. Похоже, это объясняется тем, что доступные сведения весьма ограниченны и люди хотят заручиться поддержкой ранее мигрировавших соотечественников. Транспортные расходы, что неудивительно, также учитываются в расчетах потенциального переселенца, не менее важны и психологические последствия. Чуждость жизни на новом месте, последующее нарушение эмоциональных связей, имеющихся между индивидуумом и семьей, тоже влияют на решение переехать и остаться в другой стране. Значительный процент обратной миграции — характерная черта всех хорошо документированных перемещений населения[1].

Однако помимо всех этих факторов на потенциальные миграционные потоки могут влиять политические структуры, существующие в месте отъезда либо назначения или же в них обоих. С 1970-х годов западноевропейские страны более или менее сумели остановить потоки легальных рабочих-мигрантов из тех или иных стран третьего мира, которые стали привычным явлением после Второй мировой войны. Это решение было продиктовано скорее политическими, нежели экономическими соображениями, поскольку в промышленности сохранялась потребность в дешевой рабочей силе, которую представляли собой мигранты. Однако правительствам было необходимо умерить враждебность, нараставшую по отношению к сообществам мигрантов в

[1] О расчете стоимости см.: Rystad (1996), 560—561; Collinson (1994), 1—7 (в обоих случаях необходимо обратить внимание на комментарии). Об обратной миграции см., например: Gould (1980); Kuhrt (1984).

отдельных регионах. Миграционные потоки не иссякли, их источники не изменились, но переселение приняло новую форму воссоединения семей, а не появления новых рабочих, и, соответственно, теперь в основном приезжали мигранты другого возраста и пола. Молодых мужчин сменили женщины, нередко пожилые, жены и родители первых мигрантов. Это лишь один пример известного правила: политические структуры всегда определяют набор доступных вариантов, в рамках которых потенциальные мигранты принимают решение[1].

Исследования, посвященные миграции, также предлагают новый взгляд на ее последствия, на то, как сформировать ее оценку, понять, является ли миграция более или менее важным явлением в том или ином случае. Благодаря наследию гипотезы вторжения такого рода спорные моменты в истории 1-го тысячелетия теперь нередко упираются в вопрос о том, сколько все-таки было мигрантов. Что мы изучаем — «массовую миграцию» или же куда более скромное явление, больше похожее на переселение элиты? И оценка важности миграционного потока меняется в зависимости от численности переселенцев. Однако, поскольку источники 1-го тысячелетия не называют точных цифр, если вообще упоминают о количестве мигрантов, не следует удивляться тому, что все споры подобного рода заходят в тупик. Таким образом, потенциально более полезным может стать относительное, а не статистическое определение массовой миграции, которое применяется в компаративных исследованиях миграции. Что, по большому счету, входит в понятие «массовая миграция»? Прибытие группы иммигрантов, составляющей 10 процентов от численности населения в пункте назначения? 20 процентов? 40 процентов? Сколько? К тому же поток миграции в любом случае следует рассматривать с точки зрения всех его участников. Теоретически, поток мигрантов может составлять небольшой процент населения в конечном пункте, но при этом включать в себя большую часть населения в исходном. Тогда то, что с точки зрения принимающего населения окажется «переселением элиты», для самих иммигрантов будет куда более значительным феноменом с точки зрения де-

[1] Об изменении политики по отношению к миграции в Западной Европе и ее последствиям см.: Cohen (1997); King (1993), 36—37; Fielding (1993b); Collinson (1994), глава 4; Rystad (1996), 557—562; Cohen (2008). Очевидно, что в последние годы расширение ЕС привело к большому наплыву мигрантов из Восточной Европы.

мографии. Для того чтобы охватить все разнообразие и варианты миграционных ситуаций и избежать проблем с цифрами, исследователи стали определять «массовую миграцию» как поток людей (независимо от их численности), который изменяет территориальное распределение населения в начальном либо в конечном пунктах или же «оказывает выраженное воздействие либо на политическую, либо на социальную системы», опять-таки в одном или обоих пунктах[1].

Но это не означает, что можно автоматически применять к событиям 1-го тысячелетия современные данные и подходы. Исследователи миграции в большинстве своем работали с примерами XX века, наблюдаемыми более или менее единовременно, или же изучали заселение европейцами Америки — либо Северной и Южной, в первой его стадии (с XVI по XVIII век), либо только Северной (масштабные волны иммиграции в конце XIX — начале XX века)[2]. Однако между указанными культурно-историческими пространствами и Европой 1-го тысячелетия имеются серьезные структурные различия. Экономика последней по сути была сельскохозяйственной, по объему конечной продукции практически не выходя за рамки натурального хозяйства. Тогда не существовало массового производства, поэтому закономерности, выявленные в переселении рабочих-мигрантов XIX и XX веков из сельскохозяйственной Европы в Европу индустриальную, а затем и в другие регионы мира, здесь попросту неприменимы[3]. Население Европы в 1-м тысячелетии было к тому же значительно меньше нынешнего, и вплоть до XX века власти европейских стран стремились контролировать не столько иммиграцию, сколько эмиграцию. Возможности правительства и административного аппарата государств 1-го тысячелетия (там, где таковые существовали) также были куда более ограниченными и потому не обладали воз-

[1] King и Oberg (1993), 2. С дискуссией о количественных показателях массовой миграции см., например: King and Oberg (1993), 1—4; Fielding (1993a).

[2] О дискуссии о высоком Средневековье см.: Phillips (1988), (1994); Bartlett (1993), 144—145.

[3] В 1990-х годах была развернута дискуссия о том, как изменение подходов в массовом промышленном производстве повлияет на потоки мигрантов (Fielding (1993a). Сейчас мы уже частично можем дать ответ на этот вопрос: в Западной Европе растет спрос на квалифицированных рабочих, а на Востоке определяющим фактором является массовость (Cohen (2008).

можностью создавать и насаждать иммиграционную политику так, как это делают эквивалентные им современные структуры.

Схожим образом обстояла ситуация с транспортом и доступностью информации. И то и другое имело место в 1-м тысячелетии, однако транспортные расходы были огромными по сравнению с современным миром. Возможно, самая знаменитая экономическая статистика Древнего мира — отчет в «Эдикте о ценах» императора Диоклетиана о том, что стоимость телеги пшеницы удваивалась за каждые 80 километров, на которые перевезли зерно. Пока транспорт стоил так дорого (то есть вплоть до второй половины XIX века), это представляло существенную проблему для потенциальных мигрантов, хотя иногда ее можно было решить с помощью государства[1]. Информация в дописьменных и бесписьменных обществах также передавалась на куда более короткие расстояния и совершенно другими способами, отличными от современных средств массовой информации, что также затрудняло потенциальным мигрантам сбор сведений о возможных пунктах назначения. В высоком Средневековье эта проблема иногда решалась с помощью специальных разведчиков, предпринимающих пробные путешествия, однако ограничения, неизбежно преграждавшие путь потокам информации в 1-м тысячелетии, очевидны[2]. Тем не менее современные исследователи миграции как минимум обратили внимание на новые проблемы и стали ставить более продуманные вопросы, выдвинув тем самым изучение миграции в 1-м тысячелетии далеко за пределы старой гипотезы вторжения и даже современных откликов на эту модель.

Но больше всего сведений современный мир предоставил нам о причинах миграции, что может стать особенно актуальным для исследователей, пытающихся разрешить загадку переселения народов в 1-м тысячелетии. На уровне индивидуальной миграции компаративный анализ ушел далеко вперед от списков факторов выталкивания и притяжения. У миграции есть две движущие силы — это относительно добровольная эконо-

[1] Об испанской миграции в Новый Свет и британской миграции в Австралию и Новую Зеландию см.: Sanchez-Albornoz (1994); Borrie (1994), 45 и далее. Корабли с заключенными, отправляющиеся в Австралию, были еще одним примером реализации государственной миграционной политики.

[2] Bartlett (1993), 134—138.

мическая мотивация и вынужденная политическая. Однако четкую границу между экономической и политической миграцией обычно провести не удается. Политические причины могут стоять за решением мигрировать, которое на первый взгляд кажется экономически мотивированным, — допустим, к примеру, что политическая дискриминация стала причиной недоступности различных благ и рабочих мест для определенных групп населения. Нередко происходит и обратное — экономические мотивы могут преобладать в, казалось бы, чисто политическом решении переехать, пусть это происходит и не так часто, как утверждали отдельные министры внутренних дел Великобритании. В любом случае экономическое давление может так же сильно ограничивать свободу человека, как и политическое. Когда вы видите, как ваша семья умирает от голода, потому что у вас нет права получить землю или работу, — это экономическая проблема или политическая? Такого рода трудности означают, что процесс принятия решения потенциальным мигрантом сложно проанализировать с точки зрения факторов выталкивания и притяжения, он моделируется как график, на одной оси координат которого находятся факторы экономические и политические, а на другой — факторы добровольной и вынужденной миграции[1]. В общих чертах, можно сказать, что потенциальные мигранты сталкиваются с выбором своеобразного объекта инвестиций. Решение мигрировать включает в себя разнообразные начальные неприятности и расходы — транспорт, утраченный за время поиска работы доход, психологические проблемы, вызванные расставанием с тем, что было привычно и любимо, — которые сопоставляются с возможными выгодами, доступными в конечном пункте. В зависимости от своих расчетов индивидуум может принять решение уехать, или остаться, или уехать на время, чтобы получить больше возможностей для повышения уровня жизни в родной стране (что является одной из основных причин возвратной миграции).

Все это в равной степени увлекательно и сложно, однако в более общем плане исследования миграции могут предоставить еще более важный и содержательный урок. Не в послед-

[1] Полезные работы о мотивации: Fielding (1993a); Collinson (1994), особенно 1—7; Voets et al. (1995), особенно 1—10; Rystad (1996); Vertovec и Cohen (1999); Cohen (2008). А также статьи различных авторов в сборнике под редакцией Кинга (King (1993).

нюю очередь из-за того, что политику не всегда возможно отделить от экономики, экономические факторы остаются одной из основных причин миграции. Неравенство в уровне экономического развития между двумя регионами или в доступности природных ресурсов уже не раз создавало свободные миграционные потоки между ними — разумеется, если иммигранты в достаточной степени ценят потенциальные возможности, имеющиеся в пункте назначения. Таково фундаментальное заключение так называемых «теорий мировых систем», которые изучают отношения между центрами с более развитой экономикой и периферией, когда миграция нередко оказывается основным компонентом существующей между ними связи[1].

Это основополагающее наблюдение говорит о двух вещах. Во-первых, удовлетворительное изучение миграции в любую эпоху требует сочетания более широкого анализа (например, экономического контекста, который делает ее возможной) и поиска ответов на ряд конкретных вопросов: кто именно участвует в миграционном потоке, почему и как именно процесс начался и развивался[2]. Во-вторых, оно подчеркивает (и это куда более важно), что существует глубинная связь между миграцией и уровнем экономического развития общества. Из-за наследия гипотезы вторжения в исследованиях истории Европы 1-го тысячелетия появилась традиция проводить четкую грань между внутреннимн движущими силами социальной трансформации (такимн, как экономическое и политическое развитие) и внешними последствиями миграции. Уже второе поколение археологов с 60-х годов видит во внутренней трансформации обществ смертельного врага миграции, когда дело доходит до объяснения наблюдаемых перемен в материальных свидетельствах прошлого. В таком интеллектуальном контексте самый важный урок, который можно извлечь из современных исследований миграции, заключается в следующем: четкое разграничение между ними является ошибочным. Модели и принципы миграции формируются прежде всего в условиях преобладающего неравенства в развитии общества и изменяются вместе с ним, являясь и причиной, и следствием последующей трансформации. В этом свете миграция и внутренняя трансформация рассматриваются не как взаимоисключающие

[1] См., например: Cohen (1996), (2008).
[2] См., например: Rystad (1996), 560—561; Bailyn (1994), 4—5.

объяснения тех или иных процессов, но как две стороны одной и той же монеты.

Старый способ видения истории 1-го тысячелетия породил «великий нарратив» — представление о том, как в Древнем мире, в котором господствовали средиземноморские народы, на протяжении тысячелетий путем регулярных вторжений и этнических зачисток появилась более или менее знакомая нам Европа. Новые данные — и не в последнюю очередь новое понимание групповой идентичности и миграции — успешно разрушили это представление, и пришла пора заменить его чем-то новым. Именно эту задачу ставит перед собой книга «Империи и варвары», в первую очередь доказывая, что миграцию и развитие необходимо рассматривать вместе, а не разделять как соперничающие и взаимоисключающие причины исторических явлений. Это взаимосвязанные феномены, которые только вместе способны дать удовлетворительное объяснение тому, как средиземноморское господство на варварском севере и востоке подошло к концу и на руинах древнего мироустройства появилась знакомая нам Европа.

Глава 2
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕРМАНЦЫ

Летом 357 года н. э. огромная армия германцев под предводительством различных царей алеманнов собралась на западном, римском берегу реки Рейн близ современного города Страсбурга. Вот что пишет об этом Аммиан Марцеллин в одном из самых полных исторических трудов позднеримского периода (с 275 года и далее): «Предводительствовали над всеми воинственными и дикими полчищами Хонодомарий и Серапион, превосходившие властью других царей. Преступный зачинщик всей этой войны, Хонодомарий, с пунцовым султаном на голове... прежде храбрый солдат, теперь прославленный полководец. Правое крыло вел Серапион... сын брата Хонодомария, Медериха... отец которого, долго пробыв в качестве заложника в Галлии и познакомившись с некоторыми греческими таинствами, дал такое имя своему сыну... За ними следовали ближайшие к ним по власти цари, числом пять, десять царевичей, большое количество знатных и 35 тысяч воинов, которые были собраны из разных племен отчасти по найму за деньги, отчасти по договору в силу обязательства взаимной помощи».

Описание Аммиана не оставляет ни малейших сомнений в том, что единого короля над германскими племенами алеманнов, главенствовавших в южном регионе, граничащем с Римом по реке Рейн в позднеримский период, не было. Отталкиваясь от этого сообщения, историки нередко утверждали, что в германском мире почти ничего не изменилось с I века н. э., когда Корнелий Тацит написал свой знаменитый географический и этнографический очерк. Даже при беглом прочтении сочинения Тацита «Германия» нельзя не обратить внимание на одно из ключевых его положений — германский мир был тогда совершенно раздробленным (в политическом плане). В этом отношении его поддерживает более поздний, II века, трактат Птолемея «Руководство по географии», в котором также отмечается, что прими-

тивных политических объединений было слишком много, чтобы перечислить их все поименно: более пятидесяти. Поэтому лучше всего поместить их на карту, которая, даже если географическое их расположение приблизительно, даст превосходное представление о германской политической раздробленности в I веке (см. карту 2)[1]. Однако при более пристальном ее изучении становится ясно, что было ошибкой считать, что в обществе алеманнов с I века по IV не произошло важных изменений, основываясь лишь на том факте, что у них по-прежнему было много королей.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ЕВРОПЫ

Первый намек на происшедшие перемены виден при беглом анализе карты германской Европы середины IV столетия, которая выглядит совсем иначе, нежели предложенная в очерке Тацита (см. карту 3). На юго-востоке открывается совершенно другая картина — с преобладанием различных готских племен в Карпатских горах, к востоку от них и в соседних с ними регионах. На западе также многое изменилось. Вместо многочисленных маленьких сообществ, знакомых Тациту и Птолемею, явно доминируют четыре крупных объединения, располагавшиеся непосредственно у границы с Римом вдоль Рейна: алеманны и франки на переднем рубеже, саксы и бургунды сразу за ними. Пытаясь понять, как функционировали эти сообщества IV века, мы, как обычно, сталкиваемся с полным отсутствием интереса к «варварским делам» у римских авторов, но, преимущественно благодаря Аммиану, об алеманнах мы знаем куда больше, нежели обо всех остальных. И как становится ясно из его труда, политические отношения между алеманнами были весьма сложными.

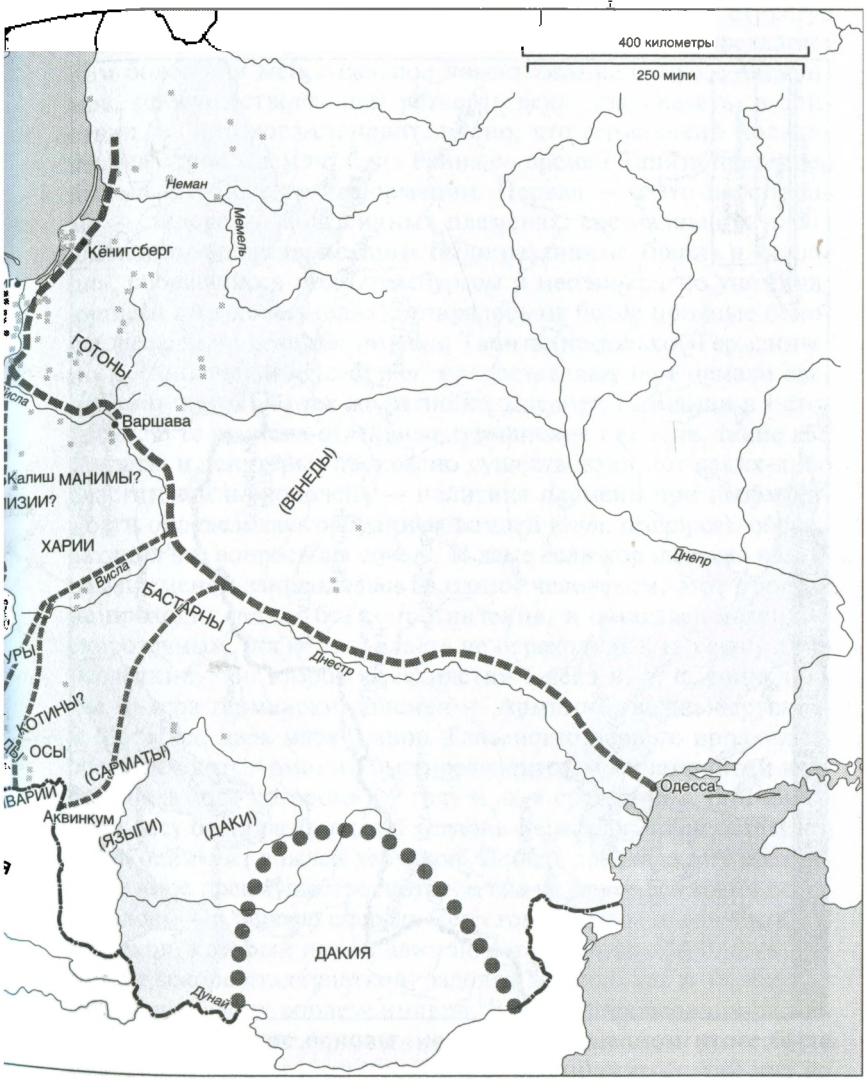
ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ

В дошедших до нас книгах своей «Истории», довольно подробно описывающих события с 354 по 378 год, Аммиан не дает аналитического обзора политических отношений, суще-

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 16.12.23–26. Попытки определить местоположение этих объединений см.: Kruger (1976–1983), т. 1, 44–55, 202–219. О том, что мало что изменилось с I по IV век, см., например: James (1989), 42; Thompson (1965), 40.

2. Размещение германских племен во времена Тацита

400 километры
250 мили
Неман
Мемель
Кёнигсберг
ГОТОНЫ
Висла
Варшава
Калиш
МАНИМЫ?
ИЗИИ?
(ВЕНЕДЫ)
ХАРИИ
Висла
Днепр
БАСТАРНЫ
Днестр
УРЫ
КОТИНЫ?
ОСЫ
(САРМАТЫ)
ВАРИИ
Аквинкум
(ЯЗЫГИ)
(ДАКИ)
Одесса
ДАКИЯ
Дунай

3. Германская Европа в середине IV века
600 километры
400 мили
находки германского стекла
Северное море
ЮТЫ
Балтийское море
ФРИЗЫ
ФРАНКИ
САКСЫ
Висла
Рейн
АЛЕМАННЫ
БУРГУНДЫ
ВАНДАЛЫ?
ГОТЫ ГРЕЙТУНГИ
(АЛАНЫ)
Дон
КВАДЫ И МАРКОМАНЫ
Дунай
ГЕПИДЫ?
ГЕРУЛЫ?
САРМАТЫ
ГОТЫ ТЕРВИНГИ
Милан
Равенна
Сирмий
Черное море
Адриатическое море
Рим
Сардика
Константинополь

ствовавших между алеманнами, как и перечисления структур и институтов, поддерживавших их властителей. Он предлагает нам более или менее связное повествование о союзе алеманнов, просуществовавшем четверть века, так сказать, в действии, из которого становится ясно, что германский политический строй в землях близ Рейна со времен Тацита претерпел две масштабные трансформации. Первая — и это неоспоримо — лидерство в различных племенах, составлявших народ алеманнов (главами которых были различные «цари» и «короли», собравшиеся под Страсбургом и неоднократно упоминающиеся в труде Аммиана), опиралось на более прочные основы, нежели в I веке. Сочинения Тацита (не только «Германия», но и «Анналы» и «История») предоставляют нам немало сведений о примерно тех же регионах Древней Германии в I столетии. В те времена отдельные германские племена, такие как узипеты и тенктеры, прекрасно существовали без каких-либо властителей и «королей» — политика племени при необходимости определялась собранием вождей (*лат.* principes), обсуждающих все вопросы на совете. И даже если королевская власть над племенем закреплялась за одним человеком, этот процесс не проходил легко, без сопротивления, и оставался явлением скоротечным, поскольку власть не переходила к его сыну либо наследнику. Во втором десятилетии I века н. э. выдвинулись два лидера германских племен — Арминий, вождь херусков, и Маробод, царь маркоманов. Главенство первого продлилось очень недолго. Арминий был предводителем в знаменитом восстании, в ходе которого в 9 году н. э. в сражении в Тевтобургском лесу были разбиты три легиона Вара, однако он оставался лишь одним из вождей херусков. Победа даровала ему кратковременное преимущество, которое тем не менее все время оспаривалось — в первую очередь Сегестом, вторым предводителем херусков, который порой даже помогал римлянам. Власть Арминия вскоре стала шаткой, задолго до того, как в 19 году он пал от рук своих соплеменников. Власть Маробода опиралась на более глубокие основы, но и она в конечном итоге была подорвана Римом и внутренним соперничеством, так что во времена Тацита, на рубеже I и II веков, маркоманов возглавляли не наследники Маробода[1].

[1] Работ, посвященных Арминию и Мароботу, существует огромное количество, но для ознакомления можно изучить следующие: Krüger

Средоточием политической жизни в обществе алеманнов IV века, напротив, были короли и цари (*лат.* reges). Имеющиеся у нас данные позволяют предположить, что регион, называемый алеманнами Аламаннией, был разделен на несколько кантонов или подрегионов (вероятно, для их обозначения уже существовало германское слово gau), каждый из которых (или, по крайней мере, из тех, о каких мы знаем) управлялся царем (*лат.* rex или regalis). Эта королевская власть, похоже, была отчасти наследуемой и переходила если не напрямую от отца к сыну, то по крайней мере к другому представителю царствующего клана. Хнодомар и Серапион, главные властители Страсбурга, были родственниками — дядей и племянником; а отец Серапиона, Медерих, был настолько важной персоной, что провел довольно долгое время в качестве заложника у римлян, успев обзавестись пристрастием к культу египетского бога Сераписа, почему он и назвал сына именем, чуждым германскому миру. В сочинении Аммиана мы также встречаем отца и сына, Вадомария и Витикабия, каждый из которых в свое время был королем. Но здесь главное — не спешить с необоснованными обобщениями. Алеманнские цари вполне могли лишиться власти. Некий Гундомад был убит собственными последователями, когда отказался присоединиться к армии, сражавшейся под Страсбургом. С другой стороны, важные люди, не бывшие королями, могли долго сохранять влияние в алеманнском обществе, Аммиан упоминает об оптиматах, которые присутствовали на поле боя. Тем не менее короли представляли собой куда более грозную и стабильную силу в обществе алеманнов IV века, нежели в раннеримский период[1].

Поздний союз алеманнов в целом проявлял себя как куда более прочное политическое образование, нежели его предвест-

(1976—1983), vol. 1, 374—412; Pohl (2000), 21—24. О ранних королевствах и их общих чертах: Green (1998), глава 7. О том, что у Маробода не было наследников, см.: *Тацит.* Германия. 42.

[1] Хнодомар, Серапион и Медерих: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 16.12.23—26. Вадомарий и Витикабий: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 27.10.3—4. Гундомад: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 16.12.17. Оптиматы: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 16.12.23—26. Взгляд на наследственный порядок передачи королевской власти принимается большинством ученых, занимающихся данной проблематикой, см., например: Pohl (2000), 29—30, 102 и далее; Drinkwater (2007), 117 и далее. Некоторые из названий племен алеманнов (бризигавы, букинобанты, ленцианцы) сохранились в качестве современных топонимов (Брайсгау, Бухенау, Линцгау).

ники в I веке. Данное утверждение более спорное, поскольку, как мы видели, союз этот не функционировал как централизованное сообщество с единым полновластным правителем. В IV веке вообще не существовало единого царя алеманнов. А Германия I века была в состоянии произвести на свет даже более крупные сообщества, включающие в себя несколько малых политических объединений. Поэтому для некоторых ученых это не говорит о сколь-нибудь существенных переменах, якобы происшедших в общественном и политическом строе алеманнов. Однако надплеменные союзы I века были либо долгосрочными (но при этом отнюдь не неизменными) и преимущественно религиозными по своей сути, либо же политическими и в высшей степени непрочными. Тацит упоминает о трех «племенах с единым культом» (группах племен, которые сохраняют приверженность общему религиозному культу в добавление к своим собственным) — ингевоны, ближайшие к морю, герминоны в середине, истевоны на западе. О них нам известно немногое, и мне бы не хотелось недооценить их важность для раннегерманского мира, поскольку Птолемей также упоминал о них, а значит, они существовали не только в I веке, но и во II. Однако рассказы о попытках римлян покорить этот регион и собственно успешных завоеваниях показывают, что этот тип племенных объединений никогда не являлся основанием для коллективной политической или же военной реакции на внешнее нападение. Словом, какой бы ни была их истинная ценность — а она вполне могла быть большой в иных сферах жизни, — объединенные племена с единым культом не являлись при этом прочными политическими организациями. Когда сопротивление Риму или же — в более ранний период — попытка германцев утвердиться на кельтских территориях выливались в политическое объединение, оно формировалось вокруг отдельных личностей, облеченных властью. Таковыми были Ариовист во времена Цезаря, Армний и Маробод в период предполагаемого римского завоевания территорий между Рейном и Эльбой, а позже и великого восстания, организованного вождем батавов Юлием Цивилием. Все эти вожди — с помощью харизмы, убеждения и запугивания — создавали большие союзы, собирая воинов со всех просторов германского мира, то есть из многочисленных малых политических объединенний, перечисленных Тацитом, а после него — Птолемеем. Однако каждый из этих союзов распадался с поражением предводителя и уже не собирался вновь. Объеди-

нение племен под властью Маробода продержалось чуть дольше остальных, но и оно быстро исчезло после его смерти[1].

Именно по этому признаку, по общей стабильности объединения, видна разница между обществом алеманнов I и IV веков. В сражении при Страсбурге они потерпели жестокое поражение: «В этой битве пали двести сорок три солдата и четверо старших офицеров со стороны римлян... Но алеманны потеряли шесть тысяч воинов, оставшихся лежать на поле, и мертвецов, которых уже нельзя было опознать, уносили воды реки [Рейна]». Сам Хнодомар был взят в плен при попытке переправиться через реку. Цезарь Юлиан, правивший западом от имени своего кузена Августа Константина II, впоследствии воспользовался этой победой, чтобы навязать выжившим в битве алеманнским царям собственные условия мира. На самом деле Хнодомар смог неспешно, вольготно собрать свои войска лишь потому, что гражданская война в Римской империи создала вакуум власти в регионе на границе вдоль Рейна. Тем не менее, и в этом общество алеманнов IV века разительно отличается от такового в I веке, поражение Хнодомара не привело к распаду союза, как было в I столетии после разгрома армий Арминия и Маробода. Менее могущественные цари алеманнов, участвовавшие в бою, не только сохранили свои позиции милостью Юлиана — не прошло и десяти лет, как римлян начало беспокоить выдвижение нового лидера, Вадомария. Его весьма ловко убрали, подослав наемных убийц, но затем появился третий предводитель — Макриан. Аммиан упоминает о трех попытках одного из преемников Юлиана, Валентиниана I, устранить Макриана, захватив его в плен либо убив. Однако в конце концов, поглощенный событиями на востоке, император сдался. Римлянин и алеманн встретились в центре Рейна и провели совет на воде, и в результате император признал главенство Макриана над алеманнами[2]. В отличие от событий I века те-

[1] Об объединениях и союзах I и II веков см., например: *Тацит*. Германия. 38—40 (про свевов). Более общие обзоры см., например: Hachmann (1971), 81 и далее; Kruger (1976—1983), т. I, 374—412; Pohl (2000), 65—66. В восстании Юлия Цивилия принимали участие батавы, фризы, канинефаты, бруктеры и тенктеры (*Тацит*. История. 4.18, 21), но союз распался после поражения.

[2] «В этой битве пали...»: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 16.12.60. Дипломатия Юлиана упоминается в: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 17.1, 17.6, 17.10, 18.2. Вадомарий: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 21.3—4. Макриан: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 28.5, 29.4, 30.3.

перь даже поражение в войне не сумело разрушить крупное объединение племен алеманнов.

Следует предположить, что это объединение обладало некоей политической идентичностью, которая ныне была куда глубже укоренена в сознании людей, нежели в I веке, — в том смысле, что оно уже не исчезало вместе с отдельными индивидуумами. Менялись обстоятельства, тот или иной царь получал верховную власть, однако союз в целом пережил превратности политических карьер отдельных людей и сохранил относительную целостность. На прочность этих связей также намекают отдельные сведения, предоставляемые Аммианом, и не в последней мере рассказ о правителе одной из областей (или кантонов) — Гундомаде, которого свергла группа его же последователей за то, что он не присоединился к крупному союзу, собиравшемуся под Страсбургом. По крайней мере, для этих людей групповая идентичность порой становилась более важным детерминантом политического поведения, нежели преданность собственному царю. Как именно эта групповая идентичность функционировала, Аммиан не сообщает. Однако он говорит о том, что цари устраивали пиры друг для друга, и узы взаимной поддержки связывали по меньшей мере некоторых вождей, сражавшихся при Страсбурге. В деталях таких соглашений и подробностях об организации пиров заключались бы все сведения, необходимые нам для понимания подлинной структуры общества алеманнов IV века, однако Аммиан, к сожалению, о них умалчивает.

Как у многих позднеантичных и раннесредневековых сообществ, у алеманнов была, как я полагаю, традиция устраивать политические и дипломатические советы, на которых определялось положение тех или иных царей как верховных либо подчиняющихся верховным и, соответственно, приносящих им клятву верности и выполняющих определенные обязанности, при этом сохраняя власть над своими вотчинами. В подобных системах политическая преемственность не могла быть абсолютной. Ни один верховный правитель не получал в наследство готовую политическую структуру от своего предшественника. Однако, когда устанавливался новый порядок, новая иерархия, в действие вступали принятые обществом отношения между царями с разными статусами, и с помощью этих связей можно было определять права обеих сторон — старшей и младшей — при заключении новых соглашений. Подобная система, на мой взгляд, как раз и имела место в

обществе алеманнов IV века, и явный признак ее важности — общие особенности римской дипломатии в этом приграничном регионе. Стоило римлянам отвлечься на иные вопросы и дела (во времена Аммиана таковыми чаще всего становились события на границе с Персией), к власти тут же приходил очередной верховный правитель алеманнов. Римская политика на Рейне, соответственно, чаще всего была направлена на устранение преемственности между царями, появлявшимися в охватываемый Аммианом период[1].

Однако, к сожалению, римский историк вновь не дает нам никаких сведений о том, функционировали ли схожие системы в более крупных племенах близ Рейна — у франков, саксов и бургундов. Как и их алеманнскими соседями, франками в IV веке, безусловно, правили цари, но мы не так часто видим их в действии, чтобы сказать наверняка, позволяла ли этим народам их политическая идентичность действовать сообща, как делали их соседи, и собираться вновь даже после тяжелых поражений. У нас нет причин полагать, что все германские племена VI века были абсолютно одинаковы, как, впрочем, и их предшественники три века тому назад. По сведениям Тацита, у одних племен уже были цари, у других — нет. Доказательством тому, что более широкая и подкрепленная политическими связями идентичность имелась не только у алеманнов, являются вестготы — объединение готских племен, действовавшее у восточной римской границы близ предгорий Карпат. Вестготы (или тервинги) — единственное германское племя, помимо алеманнов, непосредственно соседствовавшее с Римской империей, о котором источники сообщают довольно подробные сведения.

С точки зрения политических качеств и прочности союз вестготов проявляет три основные черты, свойственные также обществу алеманнов и отличающие его от любых подобных объединений I века. Во-первых, власть над тервингами, похоже, оставалась в руках одной и той же династии на протя-

[1] В раннесредневековой Ирландии и Англии можно встретить более частные примеры, для общего ознакомления см., например: Binchy (1970a) и статьи в сборнике Bassett (1989). В настоящей работе я придерживаюсь взгляда, отличного от минималистической позиции немецкоязычных исследователей, с которой можно ознакомиться, например, в работах: Humver (1998) и Drinkwater (2007), 121 и далее. Дринкуотер указывает, что у алеманнов IV века не было потребности к объединению, хотя он и признает, что, когда к V веку влияние Рима исчезло, образовался союз алеманнов.

жении по меньшей мере трех поколений, с 330 по 370 год, а официально титул правителя звучал как «судья». Как и в случае с царями отдельных областей (кантонов) у алеманнов, власть в восточногерманском мире стала скорее наследственной. Во-вторых, как и у алеманнов, судьи тервингов управляли союзом, в который входили несколько царей и королей. И в-третьих, союз вестготов скреплялся столь прочными узами, что пережил даже тяжелые поражения. Первые упоминания о союзе вестготов относятся к началу 330-х годов, когда император Константин нанес им сокрушительное поражение. Однако тогда союз не просто не распался — власть осталась в руках той же династии, и через поколение ее представители уже планировали избавиться от наиболее тяжелых обязательств, навязанных им Константином[1]. Здесь следует подчеркнуть, что алеманны и тервинги — единственные германские народности IV века, о которых мы имеем сколько-нибудь подробные сведения, а потому нельзя с ходу предположить, что каждое крупное объединение германских племен того периода имело такие же черты. Тем не менее в нашем распоряжении два превосходных примера того, что в IV веке в Древней Германии появилась более стабильная и глубоко укоренившаяся групповая идентичность, связывавшая различные племена, которой не существовало тремя столетиями ранее.

Откуда она взялась?

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ЦАРСТВА

Эту историю невозможно просто рассказать. Не существует источника, который предлагал бы полное и подробное описание какого-либо аспекта римско-германских отношений в период с I по IV век, который для нас крайне важен. Даже такое потрясение, как Маркоманская война, пришлось реконструировать по

[1] См.: Wolfram (1988), 62 и далее, и последующую дискуссию: Heather (1991), 97 и далее, против, например, Thompson (1966), 43—55; ср.: Thompson (1965), 29—41. Три поколения: Арарих (пришел к власти в 332 году), анонимный сын Арариха и его внук — Атанарих. Об этом конкретном случае реконструкции готско-римских отношений, против которого выступал Томпсон (Thompson (1966), см.: Heather (1991), 107—121. Другие ученые описывали готско-римские отношения иначе, однако несомненным остается тот факт, что тервинги потерпели тяжелое поражение от Константина, и то, что титул «судьи» оставался неизменным.

фрагментарным свидетельствам. В любом случае вряд ли хоть один римский историк (даже из тех, чьи труды утрачены) стал бы методично описывать все трансформации, происходившие с алеманнами и вестготами. Источники I века говорят о борьбе за власть, постоянно шедшей между племенами. Мы слышим даже о том, что создавались и уничтожались целые племена. Батавы, к примеру, изначально откололись от хаттов; римские историки описывали уничтожение племени бруктеров; Тацит рассказывает о битве до смерти между хаттами и гермундурами и уничтожении изгнанных и лишившихся своих земель ампсиварах[1]. Изредка мы даже слышим о борьбе за власть в том или ином племени; по крайней мере, таковая существовала между Арминием и Сегестом, соперничавшими за главенство над херусками. Но в этих обрывочных сведениях нет ничего, что могло бы убедить нас в том, что политическая структура германского общества в целом имела тенденцию к увеличению союзов и укреплению связей между составляющими их племенами. И ключ к процессам, в действительности лежавшим в основе их появления, появился из совершенно невероятного источника.

В 1955 году несколько датских рабочих копали канаву в Хадерслеве в Шлезвиге, северном регионе Южной Ютландии. Однако им пришлось прервать работу, когда в одном из ответвлений канавы они обнаружили нечто потрясающее — шестьсот металлических предметов, многие из коих относились к временам Римской империи. Низина, в которой трудились рабочие, когда-то была озером, пусть и не слишком глубоким. В течение девяти лет были бережно извлечены 1700 кубометров земли и найдены самые неожиданные артефакты, вплоть до каркаса судна. Все эти вещи сваливали в озеро в разные периоды эпохи Римской империи — это ясно по образовавшимся скоплениям. Более того, иногда их сбрасывали туда сразу в больших количествах, из мешков или корзин. Разумеется, это далеко не первая находка такого рода. Во второй половине XIX века в болотах на севере Европы (в особенности в Дании) был обнаружен целый ряд подобных захоронений предметов. Однако в Эйсбёл-Моор (так называлось место раскопок в Хардеслеве) впервые при раскопках применялись современные археологические методы. На-

[1] Батавы: *Тацит.* История. 4.12; Германия. 29. Хатты, бруктеры и ампсивары: *Тацит.* Анналы. 58; Германия. 33. Гермундуры: *Тацит.* Анналы. 13.57.

конец стало возможным ответить на главный вопрос, оставшийся после более ранних исследований: сбрасывали ли в воду вещи часто и в малых количествах — или реже, но в куда бóльших?

Ответ нашелся, ясный и четкий, благодаря тому, что на сей раз при исследованиях особое внимание уделялось стратиграфическим аспектам. Предметы, обнаруженные в Эйсбёл-Моор, действительно были захоронены в разные времена, однако в то же время огромное количество предметов были сброшены в воду вместе. Археологам удалось обнаружить огромное единое захоронение — военное снаряжение, рассчитанное на небольшой отряд примерно из двухсот воинов и затопленное в водах озера приблизительно в 300 году н. э. Общее количество предметов составило несколько сотен, снаряжение явно принадлежало единому, хорошо организованному войску со строгой иерархией. Оно состояло приблизительно из двухсот копейщиков, каждый из которых был вооружен метательным копьем с зазубренным наконечником и пикой. Археологи обнаружили сто девяносто три зазубренных наконечника и сто восемьдесят семь простых. Примерно у трети воинов имелось и личное оружие. На месте раскопок нашли шестьдесят три ременные пряжки, шестьдесят мечей и шестьдесят два ножа, изначально крепившиеся к поясу. Войском управляли десять или более всадников. Десять уздечек и семь пар шпор было также обнаружено при раскопках.

Что интересно, все это снаряжение было ритуально повреждено, прежде чем погрузиться в воды озера. Все мечи были погнуты, древки копий — сломаны (об этом говорит множество щепок). Очевидное намерение окончательно испортить их может означать только одно — здесь был проведен некий ритуал, о котором изредка сообщают исторические источники: в соответствии с ним оружие врага приносилось в жертву богам[1]. Несколько всадников, возможно, бежали пешими, или же недостающие шпоры просто затерялись. Одно бесспорно — археологи обнаружили последние материальные свидетельства некогда существовавшей военной силы, стертой с лица земли в давно забытой, нигде не упоминаемой Vernichtungsschlacht (смертельной битве) на рубеже III и IV веков.

[1] Об Эйсбёл-Моор см.: Ørsnes (1963). О жертвоприношении оружия побежденных врагов см.: *Гай Юлий Цезарь.* Записки о Галльской войне. 6.17; *Тацит.* Анналы. 13.57.

Эйсбёл-Моор — пример безупречного проведения археологических изысканий, однако у найденных там предметов есть и куда более широкое значение. Они создают вполне четкий образ профессионального, хорошо организованного войска со строгой иерархией, что вполне соответствует сведениям письменных источников о том, что к IV веку германские предводители — цари — держали постоянное личное войско именно такой численности. Когда римляне наконец загнали Хнодомара в ловушку после сражения при Страсбурге, его войско сдалось вместе со своим предводителем. По странному совпадению, оно также состояло из двухсот человек. У подобных дружин явно было военное предназначение — и, к счастью, имеются немногочисленные, но поистине бесценные сведения о том, что таковое не ограничивалось только боевыми действиями, эти отряды представляли собой инструмент социальной власти. Когда предводители тервингов в начале 70-х годов IV века попытались установить единую веру среди своих подданных, воины из дружин были отправлены в готские деревни, чтобы обеспечить покорность местных жителей. Здесь важно отметить: Тацит утверждает, что подобного института в I веке не было. Дружины и войска уже существовали, но они не функционировали постоянно, и вожди лишь иногда получали добровольные дары в виде запасов продовольствия для содержания солдат. Археологические свидетельства той эпохи также ничуть не похожи на профессиональное, разнообразное снаряжение, найденное в Эйсбёл-Моор. За прошедшие два века германские короли постепенно выводили постоянные отряды на совершенно иной уровень[1]. Этим и объясняется тот факт, почему они сами порой встречаются в дошедших до нас источниках VI века в роли куда более устоявшегося и важного элемента германского общества, нежели их предшественники во времена Тацита.

Более поздние важные доказательства значимости этого достижения появились из совершенно иного источника. Одной из более новых и сложных дисциплин в области гуманитарного зна-

[1] Хнодомар: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 16.12.60. Дринкуотер (Drinkwater (2007), 120—121) полагает, что у Хнодомара и троих его друзей было по пятьдесят воинов, и не считает, что все они подчинялись царю. Если это было так, то остается неясным, в чем проявлялось его главенство. Тервинги: «Страсти св. Саввы Готского». О подданных см., например: Hedeager (1987); Todd (1992), 29 и далее (с примечаниями). Этот контраст с раннеримским периодом еще более поразителен в работе Томпсона: E.A. Thompson (1965).

ния является компаративная филология — изучение лингвистического происхождения слов и их значений вместе с их переходом из одной языковой группы в другую. Как показали недавние исследования, во всех германских языках понятие, обозначающее «царя» или «предводителя», происходило от трех корней: thiudans (властитель народа), truthin и kuning. Kuning вошло в употребление позже. Главное, на что нужно обратить внимание, — понятие truthin изначально означало «предводитель войска», но к позднеримскому периоду стало употребляться как основное обозначение «царя» или «предводителя» во всем германском мире. И это не просто изменение титула. Thiudans означает правителя народа, для которого военные обязанности — лишь часть выполняемых им функций, и, вполне вероятно, не самая важная. Так, например, Тацит пишет о германских обществах I века: «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных», что в целом подтверждает вышесказанное. К IV веку новые титулы предводителей указывают на то, что это различие исчезло, и военное командование стало основной задачей тогдашних германских царей. Сложно придумать более убедительное доказательство исключительной важности прихода к власти в позднеримский период предводителей нового типа, чья позиция укреплялась постоянным войском, находившимся в полном их распоряжении[1]. Археология, письменные источники и филология — все они указывают на то, что к VI веку в обществе германцев образовалась куда более стабильная королевская власть.

Получается, что в период с I по IV век класс военных предводителей (вождей) создал новую военную силу и с ее помощью увеличил дистанцию (в плане социальной власти) между собой и простыми людьми. Не нужно долго раздумывать, чтобы понять: этот процесс не мог происходить с согласия обеих сторон, ведь небольшая элитарная группа фактически захватывала власть над всеми остальными. И это, в свою очередь, создает единственное возможное объяснение событиям, приведшим в конечном итоге к появлению захоронения оружия близ Эйсбёл-Моор. Археологи обнаружили там снаряжение целого военного отряда. Поскольку само оружие было намеренно уничтожено, можно смело предположить, что та же судьба постигла владевших им людей. Устанавливая в обществе свою власть, новые военные

[1] См.: Green (1998), глава 7; ср.: Wolfram (1997), глава 1; Pohl (2000), 66 и далее. «Царей они выбирают из наиболее знатных...»: *Тацит*. Германия. 7 («reges ex nobilitate duces ex virtute sumunt»).

цари шли на риск, ставки были очень высоки, и Эйсбёл-Моор служит напоминанием о том, что на каждую выигравшую группу приходилась одна или несколько проигравших. И тут же складываются два возможных сценария развития событий для потерпевших поражение. Случайно увековеченный в памяти потомков побежденный отряд мог быть полностью уничтожен своими соперниками — либо же группой обычных германцев, которым вовсе не улыбалась перспектива отдать в руки военному предводителю власть, которой он жаждал. Если мыслить категориями Голливуда, перед нами сюжет «Крестного отца» (с помощью некогда существовавшего озера захвативший верховную власть царь предупреждал возможных соперников, что их может ждать вечный сон на дне в компании рыб (в нашем случае — пресноводных) — или же «Великолепной семерки» (толпа крестьян находит способ избавиться по крайней мере от одного военного отряда). Мы никогда не узнаем, что именно тогда произошло, хотя ярость, с которой оружие было уничтожено, скорее говорит в пользу Юла Бриннера, а не Аль Пачино. По известным нам более поздним подобным событиям, предводители победивших отрядов нередко принимали побежденных в свое войско, увеличивая его численность — и свою власть[1]. Но это несущественно. Для нас гораздо важнее тот факт, что военные цари могли прийти к власти только в результате долгого, нередко жестокого процесса, в ходе которого неспешно шла борьба как между предводителями различных отрядов, так и между предводителем и предполагаемыми подданными.

ЭКСПАНСИЯ И РАЗВИТИЕ

Но это лишь часть истории. Войска вроде отряда, уничтоженного при Эйсбёл-Моор или находящегося в распоряжении Хнодомара, содержать было нелегко. Воины не выращивали еды и не производили товаров, однако их нужно было кормить, и все имеющиеся у нас данные об эпохе германских военных отрядов — по большей части, правда, взятые из более поздней героической поэзии, однако упоминающиеся и в тру-

[1] См. главу 6 о восстании Хлодвига. Хлодвиг действовал на Римской земле, что может означать, что он пользовался поддержкой куда большего числа воинов. Однако экономика германцев была слишком бедной, что делает это предположение маловероятным.

дах Аммиана, и в антропологических исследованиях аналогичных, но лучше документированных случаев, — заставляют нас предположить, что «кормили» войско и впрямь героически: много жареного мяса и алкогольных напитков, как недавно было показано в голливудской версии «Беовульфа». Военное снаряжение также стоило недешево. Среди находок близ Эйсбёл-Моор нет нательной брони, а такой доспех — самый дорогой элемент снаряжения воина в Древнем мире и Средневековье. По словам Аммиана, к примеру, Хнодомара было легко узнать на поле боя по его доспехам, поэтому мы имеем право предположить, что в IV веке германские воины их не носили. Тем не менее у трети отряда, чье оружие было найдено близ Эйсбёл-Моор, имелись мечи. Большая часть обнаруженного там снаряжения была изготовлена умелыми ремесленниками из дорогого сырья[1]. Другими словами, отряды, сделавшие военных царей столь заметной фигурой в истории германцев в IV веке, не смогли бы появиться без двух предпосылок. Во-первых, им нужны были излишки продовольствия и других произведенных местным населением товаров, необходимых для торговли или обмена. Во-вторых, у царей должна была быть возможность распоряжаться этими излишками по своему выбору и для своих целей.

Это непосредственное предположение, однако, наносит серьезный урон мнению о том, что вплоть до Рождества Христова значительные запасы продовольствия и других ценностей, пригодных к обмену или торговле, почти не встречались в германской Европе. Поэтому эта история начинается с сельскохозяйственного производства. Экономика германской Европы — как, впрочем, и экономика Римской империи и любой другой европейской страны 1-го тысячелетия — была преимущественно сельскохозяйственной. Археологические исследования, проводимые со времен Второй мировой войны, показали, что германская Европа претерпела небольшую революцию сельскохозяйственного производства в течение тех четырехсот лет, когда граничила с Римской империей на западе и юге.

В начале этого периода ведение сельского хозяйства к востоку от Рейна было преимущественно «экстенсивным» — то есть противоположным «интенсивному». Это означало, что для

[1] О доспехах Хнодомара: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 16.12.25; мы вернемся к разговору об этих мечах чуть позже в этой главе.

обеспечения достойного существования того или иного поселения была необходима довольно крупная территория, поскольку собираемый урожай был скудным. Для такого метода земледелия в высшей степени характерны поселения небольших размеров, отстоящие далеко друг от друга и существующие максимум на протяжении двух поколений, после чего их обитателям нужно было перемещаться на новое место. Поэтому у жителей германской Европы не было желания — либо необходимости — поддерживать плодородие своих полей, чтобы каждый год получать обильные урожаи и возделывать одно и то же поле постоянно, а не в течение столь малого срока. Начав получать урожай меньше необходимого, они просто переходили на новое место. Доказательства этого утверждения представлены в многочисленных видах и формах.

В больших регионах на севере Центральной Европы до сих пор различимы границы широко распространенных в тот период «кельтских полей» — стены, сложенные из камней, найденных в земле при возделывании. Поля эти очень велики, что наглядно показывает, сколько требовалось земли, чтобы прокормить одну-единственную семью. Известные нам типы поселений подтверждают это заключение. До 1945 года германские поселения, принадлежащие I—II векам, встречались крайне редко, и мир ранних германцев изучался археологами преимущественно по кладбищам. Теперь сложилась обратная ситуация — соотношение поселений и кладбищ составляет приблизительно 7:1, причем количество первых быстро увеличивается. Причины существовавшего ранее дисбаланса сейчас также вполне очевидны. Все известные нам теперь поселения тех времен были маленькими, и век их был короток. Зная, что на новом месте им жить не так уж и долго, поселенцы не стремились сделать постройки прочными и долговечными и не прилагали к их возведению чрезмерных усилий. Следовательно, таких деревень было много, однако их следы сложно обнаружить. Те немногочисленные свидетельства древнегерманских методов ведения сельского хозяйства, которые сохранились до наших дней, подтверждают это предположение. Хорошо изученное кладбище раннегерманского периода близ Одри на территории современной Польши, к примеру, было устроено прямо поверх старого «кельтского поля». Под одним из курганов обнаружили признаки того, что эту землю некогда разрабатывали и удобряли. Методы и того и другого были примитивными. Вспахивали

землю узкими, соединенными крест-накрест тяпками. Это означало, что землю на поле не переворачивали и, следовательно, сорняки и ботва не сгнивали в ней, насыщая ее питательными веществами — прежде всего азотом — и возвращая ей плодородность. Единственным удобрением, которое здесь применялось, была зола. При таких методах возделывания земля не могла долго оставаться достаточно плодородной[1].

Убедительное доказательство того, что в германских сельскохозяйственных практиках в римский период произошли разительные перемены, было получено лишь в 1950-х годах, на глиняных полях в приморских районах современной Голландии и Германии. К этому времени уже было обнаружено и хорошо изучено захоронение предметов близ Эйсбёл-Моор, а потому интерес археологов постепенно смещался в сторону поселений, и быстрое развитие методов ведения раскопок привело к тому, что теперь можно было получить куда более полные и ценные сведения. Первые крупные раскопки на месте раннегерманских поселений были сосредоточены на характерных искусственных холмах, часто встречающихся в прибрежных районах этих стран, — холмы эти называются terpen по-голландски и Wierde по-немецки. Они появились в результате многолетних, последовательно появлявшихся поселений на одном и том же месте, изначально — не на возвышенности. С годами сгнившие отбросы, древесина, из которой строили дома, и другие следы человеческой жизнедеятельности постепенно повышали уровень почвы. Это обстоятельство и сделало такие холмы предметом археологических изысканий, однако местные фермеры тоже приметили, что почва на таких возвышенностях весьма плодородна, поэтому некоторые из них были полностью либо частично срыты до того, как до них добрались ученые.

Однако самая плодотворная и кропотливая работа проводилась в месте, получившем большую известность среди специалистов, пусть даже о том, что было за его пределами, почти ничего не известно, — в Феддерсен-Вирде. Тщательные

[1] Об Одри см.: Kmiecinski (1968). В восточных областях обитания германцев кладбища были куда более постоянными, чем поселения в два первых столетия н. э., они обозначены большими каменными кругами, и здесь проводилась большая часть погребений (если не все). Можно предположить, что именно кладбища, а не сами поселения были местом проведения племенных собраний.

стратиграфические раскопки велись здесь почти десять лет, с 1955 по 1963 год, и позволили проследить весь путь развития поселения. Оно появилось в I веке н. э., когда на этом месте поселились первые пять семейств. Тогда здесь проживало максимум пятьдесят человек, и они практиковали смешанное земледелие, вкладывая много сил в разведение скота. Судя по числу стойл, построенных в первую фазу заселения, основавшие поселок пять семей держали около ста коров. Но это было только началом. Поселение процветало на протяжении трех веков, достигнув максимального размера во второй половине III века н. э.; к этому времени численность его обитателей доходила до трехсот человек, державших в общем счете четыреста пятьдесят коров. Проводились также кропотливые исследования их повседневной жизни, обычных занятий и обязанностей, но нас интересует прежде всего размер поселения и срок его существования. Они позволяют судить о том, что в сельском хозяйстве германцев произошла революция. При старых методах возделывания почвы, для которых основным условием являлись весьма протяженные поля, столько людей не сумело бы жить бок о бок друг с другом на протяжении трехсот лет, это немыслимо. Очень скоро они перестали бы получать достаточно богатые урожаи, да и производство не могло бы вестись с необходимой эффективностью. Феддерсен-Вирде мог появиться лишь потому, что его жители усвоили новые, куда более эффективные методы земледелия, позволившие им значительно повысить и успешно поддерживать плодородность почвы на полях, вследствие чего концентрация населения увеличивалась на протяжении многих поколений. Точный ход этой революции уже не подлежит восстановлению, однако как минимум требовалось регулярно и тщательно перепахивать землю, добавляя в нее навоз скота, чтобы поддерживать плодородность возделываемых полей[1].

С нашей стороны было бы чересчур поспешным по одному образцу судить о других местах, к тому же нет причин полагать, что Феддерсен-Вирде, в основе которого лежала существенная интеграция пахотного и пастбищного хозяйства, представляет собой пример единственной модели развития германского сельского хозяйства. Однако значительное число иных поселений римского периода, в которых велись раскопки, подтверждает,

[1] Полную дискуссию см.: Haarnagel (1979).

что это далеко не единственный пример успешного развития фермерства. Вийстер почти так же знаменит, как и Феддерсен-Вирде, — и тоже находится на северо-западе Древней Германии. Первой там поселилась большая семья и начала обрабатывать землю в середине I века до н. э. Много слоев почвы было выбрано современными фермерами, поэтому обширные участки поселения получили слишком большие повреждения, чтобы можно было вести раскопки с помощью стандартных процедур. Однако к IV веку семейное хозяйство выросло в крупное поселение, вмещающее по меньшей мере пятьдесят—шестьдесят семей, которые возделывали рыхлую, богатую песком почву близ устья реки Дренте. Другие крупные поселения римского периода, обнаруженные в этом районе за Рейном, включают в себя Ходдер, Форбассе, Гиндрап, Мариенсмайнде и Норре-Фианд.

В других регионах картина менее ясна, да и точный путь развития сельского хозяйства гораздо сложнее проследить, однако нам известно достаточно, чтобы установить следующее: во времена Римской империи развитие сельского хозяйства в Древней Германии шло довольно активно. На территории современной Центральной Германии (на восточных и юго-восточных рубежах Древней Германии за Карпатами) модель развития поселений не так хорошо изучена, и, разумеется, у нас нет причин считать, что методы ведения сельского хозяйства развивались и менялись повсюду в одно и то же время. Тем не менее во всех этих регионах встречаются крупные поселения — к примеру, Бархорст в 50 километрах к западу от Берлина, где проживало тридцать семей, или многочисленные большие готские деревни на юго-востоке, где жили носители черняховской культуры IV века. Это показывает, что за время существования Римской империи во всей Древней Германии в обиход вошли более развитые методы земледелия. Иногда сельскохозяйственные орудия находят отдельно, и даже они свидетельствуют ровно о том же: железные лемеха и сошники явно были способны куда эффективнее переворачивать землю, чем примитивные плуги. Рост и долгий срок существования поселений, в сочетании с имеющимися доказательствами появления эффективных пахотных орудий, указывают на важные изменения в сельском хозяйстве германской Европы в первые века н. э., пусть даже применяемые здесь методы и технологии по-прежнему

были менее совершенными, нежели по другую, римскую сторону границы[1].

Из этого следуют два вывода. Во-первых, появление излишков продовольствия в результате революции в сельском хозяйстве, объясняет то, каким образом новые военные цари содержали свои войска. До обнаружения поселений и орудий труда ученые сомневались в том, что неразвитая германская сельскохозяйственная экономика в IV веке была способна поддерживать постоянное войско, состоявшее из профессиональных воинов. Во-вторых — и это уже более смелое утверждение, — наличие огромных запасов пищи заставляет нас предположить, что население германской Европы значительно выросло в этот же период. Назвать точную цифру прироста невозможно, однако, как говорят демографы, одно из главных ограничений роста человеческого населения — доступность пищевых продуктов. О демографическом росте говорит и другое явление — на германских кладбищах, появившихся в римский период и тщательно изученных в наши дни, в III и IV веках стало гораздо больше захоронений по сравнению с первыми двумя столетиями н. э. Палинология также предоставляет данные, подтверждающие это положение. В течение первых четырех веков н. э. пропорции пыльцы, производимой зерновыми посевами, возрастают при уменьшении количества пыльцы трав и деревьев, что также свидетельствует о развитии и расширении сельского хозяйства[2].

Заметный прирост сельскохозяйственной продукции не только объясняет существование регулярного войска, но и, вероятно, является основным источником обогащения в германском обществе данного периода, о чем как раз и говорит наличие дорогого военного снаряжения для воинских отрядов. Запасы

[1] О Вийстере см.: Van Es (1967). Более современные исследования, относящиеся к данному вопросу: Kruger (1976—1983); Myhre (1978); Steuer (1982), 258 и далее; Hedeager (1988), (1992), 193 и далее; Todd (1992), глава 4. Интересная дискуссия о том, что происходило с римской стороны границы: Carroll (2001), глава 4.

[2] Гоффарт (Goffart (2006), 26—32) возражает против укоренившейся точки зрения, основанной на работе известного историка Иордана (Гетика. 4.25) о том, что Скандинавия в частности и Германия в целом были прародиной наций, наводнявших Римскую империю до тех пор, пока она наконец не пала. Этот комментарий к старомодной историографии вполне применим, хотя Гоффарт в своей работе не оперирует конкретными археологическими свидетельствами.

продовольствия можно было обменивать на необходимые элементы экипировки. Однако сельское хозяйство, при всей его значимости, было не единственным источником дохода для германских царей. В последние годы появились доказательства того, что в течение первых четырех веков н. э. общий уровень материального благосостояния германской Европы заметно возрос благодаря выраженному разделению производства и, соответственно, системе обмена самых разных товаров, помимо запасов пищи.

Свидетельства развития металлопродукции и связанных с ней ремесел заставляют нас сделать вывод о соответственном расширении и этого сектора экономики. В особенности выделяются два основных центра производства металлов на территории современной Польши — в Свентокшиских горах и в Южной Мазовии, где, по приблизительным подсчетам, в эпоху Римской империи было получено свыше 8 миллионов килограммов железной руды, причем разработка месторождений стала вестись гораздо активнее в последние века этого периода. Данные о металлообработке более разрозненные, однако столь же убедительные. Когда из земли близ Эйсбёл-Моор извлекли первые шестьдесят мечей, ученые было решили, что обнаружили самое крупное из всех захоронений римского оружия. Однако более глубокий анализ показал, что, пусть и основанные на римских образцах, эти мечи были выкованы в кузницах германской Европы. К 300 году н. э. по меньшей мере в одном центре выпускалось стандартное военное снаряжение, причем довольно крупными партиями; более ранние германские мечи все изготавливались индивидуально[1].

Находки, относящиеся к сфере обработки драгоценных металлов, не менее поразительны. Целое собрание изысканных золотых и серебряных сосудов было обнаружено в Пьетроассе в Румынии во второй половине XIX века. Большинство датированы V столетием, но по меньшей мере одно серебряное блюдо было изготовлено в IV веке и за пределами Римской империи, в германской Европе. Формы для создания подобных предметов были обнаружены в слоях, характерных для Древней Германии IV века, и общее качество и количество личных украшений, изготовленных из драгоценных металлов, возрастает в позднеримский период. К IV веку изысканные фибулы — бро-

[1] См.: Urbanczyk (1997b).

ши или же просто булавки, — которыми германцы традиционно скрепляли одежды, были распространены почти повсеместно, и остатки мастерских, производящих подобные изделия, были найдены во владениях по крайней мере одного алеманнского царя. В первые два века н. э. фибулы делали обычно из бронзы либо железа. С середины III века меняются способы изготовления германской глиняной посуды. В III и IV веках германские горшечники впервые — пусть не повсеместно и не все сразу — начинают применять гончарный круг. Это достижение в сочетании с улучшенной технологией обжига приводит к тому, что в германской Европе появляется качественная керамика. Переход к производству с помощью гончарного круга не только предоставляет германцам более качественные продукты, но и тесно связан с более крупным, коммерческим производством посуды. В некоторых регионах эта экономическая трансформация оказалась всеобъемлющей. В преимущественно готских причерноморских поселениях (центрах черняховской культуры) в IV веке посуда, изготовленная на гончарном круге, становится нормой (хотя большие горшки по-прежнему делали вручную). Однако на территории алеманнов того же периода немногочисленные экспернменты с гончарным кругом закончились неудачей, и такая посуда не получила всеобщего распространения — возможно, не выдержав конкуренции с более прочными и качественными римскими изделиями, заполучить которые им было куда проще, чем готам. Однако к началу позднеримского периода все качественные товары, изготовленные на гончарных кругах и найденные в германских поселениях, без исключения были римского производства, поэтому даже с виду незначительное экономическое развитие свидетельствует о серьезных изменениях[1].

Металлообработка и гончарное дело являются важными сферами экономики, поскольку производят более дорогие или дешевые товары широкого потребления. Методы производства становятся все более профессиональными и в иных секторах позднегерманской экономики, появляются даже совершенно новые технологии. Самым заметным и важным достижением является производство стекла. До IV века все стеклянные то-

[1] О кладе в Пьетроассе см.: Harhoiu (1977). О производстве фибул в Рундер-Берг (см. примечание на с. 93) см.: Christlein (1978), 43—47, 171. О гончарном деле см.: Heather и Matthews (1991), глава 3; Drinkwater (2007), 89—93; ср. с общей работой: Kruger (1976—1983), т. 2, 123 и далее.

вары, находимые на территории германской Европы, были римского пронзводства и импортировались из империи. Однако после 300 года н. э. появился центр изготовления стекла в городе Комаров неподалеку от Карпат. Его продукция была широко распространена в Центральной и Восточной Европе (см. карту 3). Слои, в которых были обнаружены стеклянные предметы, и их непосредственное окружение указывают на то, что они принадлежали элите и свидетельствовали о высоком статусе владельцев. Вряд ли производство было массовым, однако оно, вне всякого сомнения, приносило ремесленникам немалый доход. В той же степени интересный, хотя и совершенно иной пример был найден в поселении на территории, на которой в IV веке жили готы. В Бырлад-Валя-Сяке в современной Румынии исследователям удалось обнаружить целых шестнадцать хижин, построенных для производства предмета, который почти всегда находят в могилах этого периода, — гребней, сделанных из оленьих рогов. Во многих германских племенах политическая верность тому или иному царю выражалась с помощью причесок, которые также говорили о социальном статусе человека. Самый знаменитый тому пример — так называемый свебский узел, описанный Тацитом и прекрасно сохранившийся на черепе древнего германца. В этом контексте вряд ли следует удивляться тому, что гребни были весьма ценными личными вещами. Внутри хижин были обнаружены части гребней разной степени законченности, что позволило пролить свет на процесс их изготовления. В этом случае, похоже, целое поселение занималось одним и тем же — производством основного продукта[1].

Следовательно, не только сельское хозяйство, но и иные сферы экономики германской Европы начали процветать (в определенном смысле) к позднеримскому периоду. По всей ее территории на протяжении первых веков н. э. происходит быстрое развитие и накопление материальных благ. Как и современная глобализация, которая является как минимум столь же важным историческим явлением, процесс протекал неравномерно, новое богатство не разделялось поровну между всеми жителями Древней Германии. В результате развития экономики в германском мире появились явные победители и побежденные, и именно в этот момент военные короли и их непо-

[1] О стекле: Rau (1972). О гребнях: Palade (1966).

средственные слуги стали играть важную роль в экономическом развитии. Многие из производимых предметов — не только еда, но и иные товары — отходили к новым военным королям и их вооруженным отрядам. Железо было необходимо для стального оружия, это очевидно, однако они получали не только его, но и различные изделия из стекла и драгоценных металлов. Все эти предметы встречались в могилах, которые, как становится ясно из тщательного анализа, принадлежали элите германского общества позднеримского периода[1]. Но насколько велик был масштаб начавшейся социальной и политической революции?

ВОИНЫ, ЦАРИ И ЭКОНОМИКА

Романтические концепции древнегерманского общества, появлявшиеся в XIX веке на пике популярности националистических идей, выдвигали понятие раннегерманской Freiheit (свобода) — идею о том, что Германия до рождения Христа была миром вольных и благородных дикарей, в котором не было знати, а правители напрямую отвечали за свои действия перед собранием свободных людей. Это было ошибкой. Даже во времена Тацита германцы держали рабов, хотя у тех и имелись собственные хозяйства и они всего лишь отдавали хозяину часть продукции, а не находились непосредственно в его распоряжении, исполняя роли беспрекословных слуг в чужих владениях. И хотя материальные остатки германского мира в последние несколько веков до н. э. не предоставили нам никаких явных сведений о социальной дифференциации, это еще не означает, что различий в статусе не было вовсе. Даже в материально простой культуре — а в III веке до н. э. самым заметным признаком неравенства среди германцев Северной и Центральной Европы были чуть более изысканные фибулы, которыми скреплялись одежды, — различия в социальном положении могли оказывать огромное влияние на качество жизни. Если более высокий статус означал, что человек получал больше еды, выполнял меньше тяжелой работы и обладал всеми возможностями для продолжения своего рода, эта разница

[1] Основа этих исследований была заложена в следующей работе: Steuer (1982).

уже была бы весьма весомой, несмотря на то что она не выражалась в обладании материальными ценностями. Более того, я всерьез сомневаюсь в том, что различия в социальном положении, описанные Тацитом, были новыми для германского мира I века н. э., даже если их следы нельзя обнаружить в археологических материалах, относящихся к предыдущим столетиям[1].

Таким образом, исторические свидетельства не противоречат тому, что зародившееся ранее социальное неравенство стало еще заметнее во времена Римской империи. Мы уже с этим сталкивались. Новые военные цари и их приближенные — по крайней мере, те, кто был достаточно богат и влиятелен, — являлись одними из тех, кто получал свою долю от новых богатств. Археологически их приход к власти проявляется в двух типах памятников — по практике захоронений и в остатках поселений. Между богатством загробных даров и прижизненным статусом покойного нет прямой связи. Самые богатые могилы (в германской традиции они называются Furstengraber, или княжеские захоронения) бывает не так легко датировать — скажем, одна группа могил конца I века может располагаться рядом с захоронениями конца III века, это так называемые типы «Любсов» и «Лёйна-Хасслебен» соответственно. Однако нельзя считать, будто элита существовала только в эти сравнительно небольшие периоды; а ведь озвучивались предположения о том, что появление подобных могил отмечает времена социальной нестабильности, когда выдвигались новые претензии на социальное господство — теми, кто руководил похоронами, разумеется, а не теми, кого закапывали в землю. Тем не менее в перспективе изменения в ритуале захоронения, вне всякого сомнения, говорят о возросшей роли обретенного этими людьми богатства. Вплоть до последних нескольких веков до н. э. германские похоронные обычаи выглядят практически идентичными, общими для всех: немного глиняной посуды ручной работы и немногочисленные личные вещи покойного — вот все, что в тот период отправлялось на погребальный огонь вместе с телом. Однако во времена Римской империи не только появляются скопления богатых княжеских захороне-

[1] Для знакомства с историографией см.: Thompson (1965). Я имею серьезные основания считать, что определение социального статуса через обладание различными предметами лежит в обычном человеческом стремлении к неравенству, которое в том или ином виде существовало всегда, начиная с появления Homo sapiens sapiens.

ний, но и в отдельных, более скромных могилах встречаются ценные загробные дары, которые нередко включают в себя оружие для мужчин и драгоценности для женщин. Установление могильных камней — еще один способ заявить о высоком статусе усопшего в некоторых регионах германской Европы, в особенности в Польше, где группы захоронений отмечались грудами камней, образовавшими курганы, а отдельные могилы — возведением вертикальных камней — стел. Кладбище Вельбарк близ Одри, к примеру, состоит из пятисот индивидуальных захоронений и двадцати девяти курганов[1].

Найденные археологами поселения тоже в целом отражают происходившие в обществе германцев перемены. Самая верхушка общества — цари и царевичи алеманнов — получали лучшие жилища, которые подверглись тщательному исследованию. Одно из самых известных таких поселений — Рундер-Берг в Урахе, на территории, некогда принадлежавшей алеманнам. Здесь в конце III века или начале IV на возвышенности прочным деревянным частоколом была обнесена территория 70 × 50 метров. Внутри располагались деревянные же строения, включая и помещение, подозрительно напоминающее большой зал, где устраивались пиры для воинов, слуг или других царей. На склонах холма располагались другие здания, включая мастерские ремесленников и, возможно, дома для других слуг. Здесь обнаружилось куда больше римской посуды и прочих дорогих и качественных предметов, нежели при раскопках древних ферм. Таких крупных жилых комплексов на территории Древней Германии в доримский период не существовало вовсе, однако в первые века н. э. они стали встречаться довольно часто. Разумеется, не все поместья были такими роскошными, однако даже в фермерских поселениях, в том же Феддерсен-Вирде, во II веке имелся дом, выделявшийся на фоне других. Он превосходил их размером и был обнесен деревянным частоколом. Археологи сделали вывод, что в нем жил глава поселения. Похожие крупные постройки были обнаружены и в некоторых других местах, например в Хальдерне (неподалеку от Везеля) и Каблове (в 30 километрах к юго-востоку от Берлина), и все они датируются римским периодом. Лучше всего

[1] Полезные исследования см.: Thompson (1965), главы 1—2; Todd (1992), глава 2; более детальную дискуссию см.: Gebuhr (1974); Hedeager (1987), (1988), (1992), главы 2—3; Hedeager и Kristiansen (1981); Steuer (1982), 212 и далее; Pearson (1989). Об Одри см. примечание на с. 83.

изучены поселения на территориях алеманнов, и в них были обнаружены шестьдесят две элитные постройки того или иного плана, датируемые IV и V веками. В десяти из них проводились раскопки. Схожие постройки встречаются на всей территории германской Европы, в том числе и в восточных ее регионах, вплоть до владений готов к северу от Черного моря, хотя большинство этих поселений изучено куда хуже[1].

Таким образом, общая картина вполне ясна. Поселения и извлеченные из могил предметы демонстрируют очевидное, нарастающее социальное неравенство, и не нужно долго думать, чтобы понять, что возможность распоряжаться собственным войском позволила царям и их слугам получить доступ к большей части новых источников обогащения. В результате к IV веку н. э. мы получаем мир древних германцев, для которого характерна более развитая социальная стратификация по сравнению с таковой в I веке; к тому же, по крайней мере в отдельных регионах, отмечается более структурированная и стабильная политическая организация общества. На самом деле вполне естественно, что эти два феномена появляются одновременно. Уже давно, когда закономерности развития организации человеческого общества стали изучаться в компаративном ключе, было установлено, что разделенне общества на классы и появление государственности всегда идут рука об руку. Однако как далеко зашло это неравенство к IV веку и как следует оценивать новые политические образования, преобладающие в этом регионе? Были ли они «государствами» в полном смысле этого слова?

У изучения и категоризации человеческих обществ и их политических систем давняя история, которая уходит корнями еще во времена Аристотеля. В современную эпоху это направление получило новый импульс к развитию благодаря значимости, которую Маркс и Энгельс приписывали государству и его эволюции. В классической марксистской теории государство, с одной стороны, является совокупностью социальных, политических и законодательных структур, с другой — выступает в роли их «за-

[1] О Рундер-Берг см.: Christlein (1978); Siegmund (1998); Brachmann (1993), 29—42; Drinkwater (2007), 93—106. В этих работах указывается, что в низинах должны существовать строения, принадлежавшие алеманнской знати, однако они пока не обнаружены. О Феддерсен-Вирде см.: Haarnagel (1979). О готских территориях см.: Heather (1996), 70 и далее (с примечаниями). Более общие обзоры: Kruger (1976—1983), т. 2, 81—90; Hedeager (1988), (1992), глава 4; Todd (1992), глава 6; Pohl (2000).

щитника». Оно предоставляет доминирующему классу контроль над основными способами обогащения в ту или иную эпоху, и не важно, говорим ли мы о земле в Древнем мире, о тяжелой промышленности в недавнем прошлом или компьютерных разработках в современности. Эта суровая реальность всегда скрывается под тем или иным идеологическим занавесом, ведь элита, разумеется, утверждает, будто государство несет благо всем без исключения. Однако, если присмотреться к его деятельности, по теории марксистов станет ясно, что оно неизменно поддерживает статус и положение привилегированного меньшинства. Последние работы в этой области наконец вышли за рамки упрощенных марксистских построений; они опираются на более комплексные исследования, посвященные анализу ранних форм государственности с точки зрения размера и сложности встречающихся в нем структур, которые обозначаются такими понятиями, как «племя», «простое вождество» и «раннее государство». Однако мы не станем пытаться здесь как можно точнее определить положение алеманнов и готских союзов IV века на этой шкале. Будет лучше, заимствовав из этих трудов общую концепцию, обозначить четыре ключевых параметра, призванные охарактеризовать работу любой политической системы[1].

Первым параметром, разумеется, является масштаб. Какова численность населения, объединившегося в пределах рассматриваемой политической системы? Во-вторых, какого рода правительственные структуры в ней функционируют? Есть ли бюрократы или государственные чиновники и какого рода властью они наделены, какие технологии используют? Третий параметр — уровень экономического развития и соответствующая ему социальная стратификация. Принимаете вы марксистские объяснения тех или иных положений или нет, в любом случае определенные типы политических систем ассоциируются с определенными типами экономической организации. Крупные, централизованные государственные системы не могут существовать при экономике,

[1] Два классических и очень влиятельных подхода, один из которых является полностью марксистской интерпретацией Фрида (Fried (1967), а второй — более оптимистичной точкой зрения Сервиса (Service (1975). Эти исследования установили цель для последующих, более тщательных исследований небольших обществ. Четыре проблемы, которые я выделил, являются выдержкой из очень полезных работ: Claessen и Skalnik (1978), (1981); Claessen и van de Velde (1987); Skalnik (1989); Earle (1991); Claessen и Oosten (1996).

не производящей избытков продукции, которые могли бы пойти на оплату деятельности чиновников, не принимающих непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве[1]. И наконец, в-четвертых, необходимо внимательно изучить политические отношения в обществе. Каким образом избираются правители и легитимируется их власть? С помощью каких механизмов они создают и поддерживают свой авторитет? Прежде всего нас интересует соотношение между силой и согласием, до какой степени правители обязаны своим подданным, что именно они должны дать им в обмен на экономическую и иную поддержку, которую сами получают от народа[2].

Изучать Древнюю Германию IV—V веков в соответствии с этими критериями отнюдь не просто, учитывая природу имеющихся у нас свидетельств. Как правило, их немного, да и те относятся преимущественно к обществам алеманнов и готов-тервингов, тем самым еще больше усложняя исследовательские процедуры — не вполне ясно, до какой степени эти данные применимы к другим случаям. Однако по крайней мере эти политические образования предоставляют нам точные пределы возможного развития германских обществ IV века, и между ними имеется известное сходство, поэтому (с учетом имеющихся обрывочных сведений о других группах) будет вполне разумно строить более общие заключения, основываясь на их достижениях и способах функционирования.

ВЛАСТЬ И ЦАРЬ

Сведения о масштабе новых образований оставляют желать лучшего. Однако и алеманны, и готы обладали военным потенциалом — количество молодых людей, способных сражать-

[1] Это справедливо независимо от того (см. предыдущее примечание), придерживаетесь ли вы точки зрения Сервиса на происходящее (в соответствии с коей функций становится больше и реализуются они успешнее) или склоняетесь к менее оптимистичному марксистскому подходу Фрида (который подразумевает, что рост бюрократии ведет к дальнейшему усилению властных структур).

[2] Ключевым понятием здесь будет «взаимовыгодный обмен», означающий, что правитель и подданные обменивались чем-либо ценным. Обмен, разумеется, не был (и не должен был быть) равноценным, но сам по себе акт обмена является весьма почетным. Односторонний обмен, напротив, унизителен.

ся, превышало 10 тысяч человек. Аммиан пишет, что перед битвой при Страсбурге Хнодомар собрал армию из 35 тысяч человек. Не все из них были алеманнами, к тому же к сообщениям римлян о численности варварских войск следует относиться с осторожностью, даже если они, как в данном случае, не кажутся преувеличением. Но римское войско насчитывало 12 тысяч человек, и эта цифра, вызывающая меньше сомнений, подтверждает, что армия Хнодомара превосходила вражескую больше чем на 10 тысяч воинов. Римляне в IV веке по-прежнему превосходили германцев в тактике, не в последнюю очередь потому, что, как мы видели, лишь очень немногие варвары носили броню, так что Хнодомар вряд ли бы принял бой, не имея перевеса хотя бы в численности. Данные о численности готов более туманны, однако по крайней мере в трех случаях союз племен направлял отряды из 3 тысяч человек для участия в войне Рима с Персией, и, скорее всего, это количество не составляло даже трети от общего числа их воинов. Военная мощь тервингов была столь велика, что они три года уклонялись от агрессивных притязаний императора Валента, с 367 по 369 год, и я склонен считать, что Аммиан полагает, что даже после раскола союза большая его часть по-прежнему могла выставить по меньшей мере 10 тысяч воинов на поле боя. Все это заставляет нас предположить, что как алеманны, так и тервинги могли с легкостью собрать свыше 10 тысяч воинов или, что также вполне вероятно, даже больше, вплоть до 20. Оценки общей численности этих союзов зависят, разумеется, от того, сколько процентов входящих в них людей могли бы носить оружие. Минимальное соотношение, которое обычно применяется при подсчетах, — примерно четыре или пять к одному, и тогда общее число представителей каждого из данных народов составляет от 50 до 100 тысяч человек. Однако я считаю, что такой метод подсчета существенно занижает реальную численность групп, входивших в эти племенные союзы[1].

[1] Алеманны: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 16.12. Тервинги: Heather (1991), 109 (о событиях до 376 года н. э., основываясь на текстах Аммиана Марцеллина (Деяния. 20.8.1, 23.2.7, 26.10.3). Дринкуотер (Drinkwater (2007), 142—144) предполагал, что при Страсбурге было более 15 тысяч алеманнов и их союзников. Он постоянно занижает данные о численности алеманнов, основываясь на своем предположении, что они не представляли реальной угрозы безопасности римской границе. По моему мнению, это ошибочный и неубедительный подход, см.: Heather (2008a). Свидетельства позволяют сделать четкие выводы о том, что в

К тому же авторы дошедших до нас римских источников не потрудились составить описание государственных структур, благодаря которым функционировали варварские союзы. Поэтому в данном исследовании нам приходится судить о правоспособности правительства древних германцев преимущественно по административным актам, появлявшимся в рамках соответствующей политической системы. В отдельных сферах цари алеманнов и тервингов демонстрируют удивительную правоспособность. Нам точно известно, что, по крайней мере, перед столкновением с военной мощью Рима и те и другие обладали понятием «своей земли». Когда появлялась возможность избежать интервенции римлян на свои территории, цари алеманнов и тервингов встречались с императорами на судах в середине Рейна и Дуная соответственно; это говорит о том, что реки были вполне четкой границей между ними и империей. Имелись ли столь же ясные границы между ними и другими германскими племенами — как в их собственном восприятии, так и на деле, — доподлинно неизвестно, однако вполне вероятно. К примеру, река Днестр, похоже, служила границей между тервингами и соседним племенем готов, грейтунгами, а между алеманнами и их соседями, бургундами, царила вражда, поэтому разумно будет предположить, что обе стороны (об этом же пишет и Аммиан) установили четкую границу между своей землей и чужой. По его словам, они использовали весьма удобные римские межевые знаки, установленные ранее, чтобы определять пределы собственных территорий[1].

В этих пределах — по крайней мере, в ответ на давление со стороны Рима — германские предводители иногда действовали весьма смело и предприимчиво, вплоть до попыток установить культурное единообразие на своей территории, тем самым объединив население. Культурная гегемония Рима на Дунае в IV веке, к примеру, постепенно приняла новую форму, выражавшуюся в распространении христианства на соседние земли. Известны по меньшей мере два случая, когда правители тервингов, имея возможность противодействовать новой вере,

этих обществах было распространено рабство, а рабы, как правило, не могли стать воинами. Мы не знаем, сколько именно было рабов, но, скорее всего, они составляли немалую часть населения. Следовательно, нельзя недооценивать количество молодых мужчин в этих сообществах.

[1] О встречах на воде: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 27.5.9 (также: Фемистий. Речи. 10), 30.3.4—6. О бургундско-алеманнской границе: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 28.5.11.

с решимостью брались за дело. В 348 году римские миссионеры были изгнаны с их земель, а во второй раз, уже после 369 года, христиане из числа самих готов подвергались гонениям и преследованиям, вплоть до казни, в результате чего появилось немало мучеников. Из этого следует вывод, что по крайней мере у готских тервингов понятие собственных земель имело и культурный контекст, а не только экономический и военный[1].

Более того, действия различных царей и вождей показывают, что у германцев имелись и отдельные институты власти. На мой взгляд, особенно впечатляют доказательства введения понятия воинской повинности у тервингов. Как мы видели, трижды союз посылал военные отряды на войну Персии с Римом. Составлявшие их мужчины получали определенную компенсацию со стороны Римской империи, однако в общем и целом получается, что подобного рода служба — на чужой границе в полутора тысячах километров от родины, стоит отметить, — была навязана Римом и вызывала всеобщее недовольство. Оказание военной помощи, несомненно, было одним из условий статуса клиента (то есть свободного государства, находящегося под покровительством Римской империи), которым предводители готов тяготились и от которого стремились избавиться при первой же возможности. Алеманны также время от времени присылали людей на военную службу в Римской империи, однако об этом нам мало что известно, к тому же им не приходилось передвигаться на такие огромные расстояния. Что интересно, слово, употребляющееся в германских языках в значении «нести военную службу», было заимствовано из латинского языка, что, возможно, означает, что выдвинутое империей требование по необходимости предоставлять боеспособные отряды в итоге способствовало появлению понятия обязательной воинской службы в тех германских племенах, которые отправляли солдат в Рим[2].

Помимо этого, предводители алеманнов и тервингов также обладали определенными правами на экономическую поддержку — предположительно, в форме налогообложения сельскохозяйственного производства. Это было необходимо для содержа-

[1] Общий обзор этих свидетельств см.: Heather & Matthews (1991), глава 5.

[2] О готских отрядах см. Heather (1991), 107 и далее. Военная служба была навязана готам Римом, когда им удалось одержать дипломатическую победу. О войсках алеманнов: Heather (2001). О заимствованных словах: Green (1998), глава 11.

ния военных отрядов. К IV веку ни один царь с постоянным войском, состоявшим из профессиональных солдат, не мог позволить себе полагаться на добровольные пожертвования запасов продовольствия на их содержание, как, по всей видимости, было в I веке. Количество импортируемых из Римской империи товаров, и в первую очередь амфоры с вином, обнаруженные при раскопках элитных поместий IV века, также говорит о том, что цари удерживали часть продукции для того, чтобы обменять ее на римскую для собственного потребления. Однако вполне вероятно, что у германских предводителей был как минимум еще один способ обогащения. Как мы видели, торговля с Римской империей стала более оживленной в IV веке и превратилась в важную часть германской экономики. Властители Римской империи устанавливали таможенные взносы на ввозимые товары, и вполне вероятно, что схожим образом поступали и предводители германцев. У нас нет прямых доказательств того, что такие обычаи имелись у алеманнов и тервингов; однако прочие германские цари, чьи земли располагались близ римских границ, ввели пошлины уже в I веке, и богатство царя маркоманов Ванния напрямую связывали с присутствием при его дворе римских купцов, поэтому вряд ли правители IV века упустили бы такую возможность. В противном случае было бы сложно объяснить, почему торговля и ее регулирование заняли столь важное место в числе обсуждаемых вопросов на дипломатических переговорах вождей тервингов и представителей Восточной Римской империи. К тому же уже упоминавшийся Хнодомар откуда-то взял средства на то, чтобы помимо своих войск, собранных близ Страсбурга, оплатить еще и услуги наемников[1].

В обоих этих союзах также правитель обладал правом обязать хотя бы часть населения трудиться. Цари алеманнов могли силой собрать рабочих для строительства укрепленных поместий вроде Рундер-Берг, и иногда были вынуждены поставлять их римлянам в соответствии с заключенными соглашениями, как, например, в мирном договоре, навязанном им императором Юлианом после битвы при Страсбурге. Те же обычаи были в ходу у тервингов — тогдашний правитель попытался остановить нападение гуннов, возведя ряд укреплений (которые Аммиан называет

[1] Ванний: *Тацит*. Анналы. 12.25. О римском импорте в знатные готские поместья см.: Heather (1996), 70—72. О торговле и дипломатии см.: Heather (1991), 109. Разумеется, Хнодомар мог просто пообещать часть военной добычи, а не давать деньги вперед.

«стеной» Атанариха). Скорее всего, это была попытка обновить старые римские укрепления вдоль реки Олт, которая закончилась ничем. Однако сам факт, что такой проект имел шансы воплотиться в жизнь, показывает, что царь имел право собрать рабочих для строительства, и о том же свидетельствуют результаты раскопок в домах знати, похожих на Рундер-Берг, в различных готских царствах[1]. На территории Рима (и позже в западных землях бывшей империи, оказавшихся под властью германцев) трудовой повинностью, как правило, облагались только низшие слои населения — то есть те, кто не был занят на военной службе. У нас нет сведений о том, что таким же был обычай и среди алеманнов и вестготов, однако это более чем вероятно.

Получается, что в отдельных сферах предводители германцев обладали хорошо развитой системой прав. Они могли обязать — возможно, определенные категории жителей своих земель — нести военную службу, выполнять различные работы и отдавать часть сельскохозяйственной продукции. Не приходится сомневаться (хоть ни один из источников не сообщает об этом напрямую, поскольку их авторы не уделяли внимания данному вопросу) также и в том, что они обладали правом улаживать споры юридического характера — по крайней мере, если таковые случались между более-менее влиятельными их подданными. Все вожди в различных исторических контекстах наделялись такой властью, поэтому смело можно предположить, что предводители тервингов и алеманнов также ею пользовались[2]. Что же до того, как именно эти права осуществлялись... Следует сказать, что ни у одного из союзов — по крайней мере, насколько нам известно — не было развитой бюрократии. Источники не упоминают о бюрократах в германском мире IV века, хотя у царей, несомненно, были чиновники, и права, вероятно, осуществлялись практически без посредничества грамотных людей. Средневековым германцам были знакомы различные

[1] О «стене» Атанариха см.: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.3.8; Heather (1996), 100, где дается определение. О Рундер-Берг и прочих раскопах см. примечание на с. 93.

[2] Основываясь на литературе, упомянутой в комментарии на с. 86. Даже прославившиеся своей инертностью средневековые ирландские короли (которым дал чудесное прозвище Патрик Вормальд — «царственные овощи») не отказывались разрешать споры в подвластных поселениях. В известном трактате об ирландских королях «Разветвленная покупка» (Crith Gablach) упоминается, что для этого был специально выделен один день, см.: Binchy (1970b); ср.: Wormald (1986).

виды письменности. Употреблялись руны, отдельные представители племен могли объясниться на латыни; к тому же в середине IV века активно развивалась письменная разновидность готского языка (первая из всех германских) — для нужд христианских проповедников. Однако нет свидетельств тому, что хотя бы один из этих алфавитов использовался для учета доходов, получаемых путем сельскохозяйственного производства.

Необходимо подчеркнуть: далеко не обязательно это все означает, что подсчеты велись от случая к случаю и не слишком тщательно. О том, что они вполне могли осуществляться регулярно, но бесписьменно, свидетельствуют ранние источники из англосаксонской Англии. Здесь в VII веке сельскохозяйственная экономика управлялась с помощью разделения того или иного района на два крупных преуспевающих региона, каждый из которых должен был ежегодно отдавать определенную часть своей продукции в виде излишков продовольствия. Такая система требовала немалых усилий в первой стадии, при разделе земли; нужно было выбрать места для хранения товаров и ввести систему учета поставок, однако она не требовала постоянного присутствия многочисленных чиновников — как и письменных форм регистрации поступлений. Это прямой способ сбора налогов, используемый при сельскохозяйственной экономике, который встречается в самых разных исторических контекстах, и нет никаких причин полагать, что он был недоступен вестготам и алеманнам[1]. Земли алеманнов, как мы уже видели, были разделены на округа (*нем.* Gaue), которые могли выполнять в том числе фискальные функции. В случае с алеманнами, разумеется, мы имеем дело не с одним царем, а с несколькими, многие из которых управляли собственными кантонами. Система сбора налогов в таких условиях, вероятно, устанавливалась в первую очередь менее влиятельными правителями, поскольку они, скорее всего, часть доходов должны были отдавать верховному правителю.

В период раннего Средневековья в англосаксонской Англии и многих других регионах система налогообложения была нацелена прежде всего на получение продуктов питания, а не иных объектов товарооборота, и явление, получившее название

[1] Исследования о ранней англосаксонской системе налогообложения: Campbell (2000); Blair (1994). Следы аналогичной системы были обнаружены даже в тех частях Британии, которые никогда не находились под властью римлян, см.: Barrow (1973).

«объезд королевских территорий», стало в те времена ключевым условием ее работы. Это означало, что, вместо того чтобы управлять двором, состоявшим из круга приближенных, царь, его советники и войско почти постоянно путешествовали по стране, останавливаясь в тех или иных резиденциях. Эти же поместья были центрами сбора налогов, и таким образом решались самые серьезные проблемы, связанные с логистикой, ведь еду и зерно перевозить куда сложнее, чем, скажем, легкие и занимающие мало места монеты. Не горы продуктов ехали к царю — царь ехал к ним сам. У нас нет доказательств того, что подобные объезды были в ходу в германском обществе IV века, однако, поскольку сбор налогов в виде продуктов питания куда легче осуществлять именно таким образом, подобная вероятность существует апрнори. Вероятно, в результате «кочевого» образа жизни варварских правителей римляне просто не могли знать заранее, в каком месте и в какое время будет находиться нужный им алеманнский царь. К тому же при такой системе, несомненно, по всему региону должны были появиться многочисленные царские резиденции, и это, в свою очередь, объясняет, почему в землях алеманнов найдено так много элитных построек. Их территории делились на двадцать пять кантонов, что подразумевает наличие двадцати пяти царей, однако археологи уже обнаружили шестьдесят два элитных поместья, и все они построены на холмах и снабжены необходимыми укреплениями, а в письменных источниках упоминаются и другие (пока не найденные), в низинах[1].

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Последствия экономического развития для укрепления и расширения власти царя в обществе германцев трудно оценить во всей их полноте, однако два основных заключения можно легко вывести. Общее население германской Европы существенно выросло в римский период, когда сельскохозяйственное производство стало более интенсивным и эффективным и

[1] О такой мобильности алеманнских царей можно сделать вывод на основании сложностей, с которыми столкнулись римляне при попытке похитить одного из них, см.: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 29.4.2 и далее. Отличный обзор обширной библиографии, посвященной их передвижениям: Charles-Edwards (1989).

появилось, или как минимум наметилось, разделение труда. Однако новые доходы распределялись между царями и воинами неравномерно. Сложности начинаются при попытках определить, как именно распределялась власть в обществе. Более того, из источников следует, что не стоит преувеличивать масштаб этих изменений. Как литературные, так и археологические свидетельства указывают на то, что все остальные, кроме царя и его приближенных, по-прежнему играли свою привычную роль в германском обществе IV века.

Более или менее надежные источники — это рассказы о германской политике в действии. Как заметил видный медиевист, специализирующийся на захвате Рима варварами, из описаний Аммиана следует, что цари не могли так просто раздавать воинам приказы, но были вынуждены «просить» и «убеждать» их следовать им. К тому же мы уже рассматривали случай, когда алеманнский царь был свергнут собственными последователями за то, что не выступил под знаменами Хнодомара. Аммиан открыто утверждает, что это произошло в результате действий жителей (*лат.* plebs, populus) его собственного кантона. Возможно, это указание на особый политический мир, существующий вокруг дружины царя. Хотя Аммиан не говорит об этом прямо, но в Страсбурге существовало военно-политическое сообщество, власть которого простиралась далеко за пределы своих социальных кругов. Алеманнская армия, собравшаяся там, насчитывала, по сообщениям современников, 35 тысяч воинов. Отряды даже верховных царей состояли из нескольких сотен человек. Аммиан упоминает о 16 царях и королях, собравшихся под Страсбургом, и даже если чисто теоретически мы предположим, что у каждого было свое войско, состоявшее из 200 воинов (хотя большинство из них, разумеется, были не столь многочисленны, ведь Хнодомар был самым влиятельным из правителей), то всего мы получим 3200 бойцов. Участие в войнах, таким образом, было обязательным не только для королей и их личных небольших дружин. Да и обладать высоким статусом могли не только они. Имеются археологические свидетельства того, что количество вещей, которые клали в могилу вместе с покойным, возросло за время существования Римской империи, и этот обычай касался не только небольшого числа богатых княжеских захоронений. Возле этих исключительных захоронений, как правило, имеются многочисленные могилы, в которых нет вообще ничего, немного реже попадаются те, в которых содержится не-

сколько вещей усопшего — обычно глиняная посуда и, как уже упоминалось, оружие для мужчин и украшения для женщин. Однако в позднеримский период количество оружия, находимого в могилах, резко возрастает, хотя и не во всех регионах Древней Германии, что косвенно подтверждает предположение о том, что в жизни мужчин военная служба начинает играть важную роль. О том же говорит и увеличение численности и влияния профессиональных отрядов. Однако общее количество таких захоронений указывает, что не только цари и воины ступили на военный путь к обретению веса в обществе[1].

Многочисленные законодательные источники VI и VII веков дают нам ответ на вопрос, кем были эти люди. Тексты кодексов, написанных в государствах, ставших преемниками Западной Римской империи, обеспечивают нас первым в истории полным описанием социальных групп, имеющихся в обществе германцев. Учитывая дату их составления, все эти документы описывают германские общества, в течение некоторого времени тесно взаимодействовавшие с тем, что осталось от экономических, государственных и социальных институтов Западной Римской империи после ее распада, поэтому с их помощью не так легко установить, какие категории населения имелись в германском обществе IV века. Но по крайней мере — и это общее мнение ученых, а не только мое, — эти более поздние взаимодействия усугубили уже существующее неравенство среди германцев, основанное на уровне дохода или социальном статусе, поскольку завоевание территорий бывшей империи привело к дальнейшему неравномерному разделению приобретенных богатств между будущими королями и их приближенными. И поэтому авторы этих более поздних источников имеют склонность недооценивать социальную и политическую важность социальных групп, не находящихся непосредственно на королевской службе. Соответственно, с их помощью можно установить *максимальный* уровень неравенства, наличествовавшего в IV веке.

[1] См.: Thompson (1966); ср.: Heather (1991), 177 и далее (и все примечания). Даже если согласиться с предположением Дринкуотера (Drinkwater (2007), 142—144) о том, что было 24 алеманнских правителя кантонов, они не смогли бы собрать более 4800 воинов. О разнообразии материалов в погребениях см.: Steuer (1982); Weski (1982); Harke (1992). О полностью пустых могилах см., напримерː Heather and Matthews (1991), 62 (о примерах территорий, населенных готами).

Описания общественных статусов, обнаруженные в этих законодательных материалах, поразительно единообразны. Короли обладали особым статусом, разумеется, и пребывание на королевской службе также обеспечивало человеку более высокое положение. К тому же в кодексах часто упоминается знать. Все эти группы не без оснований можно счесть принадлежащими к миру, схожему с миром царей и их приближенных в IV веке. Однако все кодексы (а мы располагаем судебниками многочисленных королевств-правопреемников) также упоминают класс, стоящий ниже знати, класс свободных людей, обладавших значительными правами и определенными обязанностями. Эти свободные люди стояли над двумя низшими классами: вольноотпущенниками и рабами. Как правило, свободные граждане поступали на военную службу (порой так же делали вольноотпущенники и никогда — рабы), они могли давать свидетельские показания в случае какого-либо разбирательства, и их статус оберегался определенными гарантиями, не позволявшими рабам и вольноотпущенникам пересечь эту грань[1].

Значение этого класса свободных граждан постоянно переоценивалось в проникнутых романтическими настроениями исследованиях XIX века, посвященных германскому обществу. Ничто не указывает, к примеру, на то, что они представляли собой несомненное большинство мужского населения, а учитывая их привилегированное положение, я готов поспорить на крупную сумму, что все было с точностью до наоборот. Привилегиями наслаждается меньшинство, а не большинство. По сведениям из отдельных (и не слишком надежных) остготских и лангобардских источников можно предположить, что свободные составляли примерно одну четвертую или пятую долю мужчин, носивших оружие в VI веке (рабы из расчетов исключаются, поскольку у них такой привилегии не было). Соответственно, это означает, что свободные граждане составляли скорее меньшую часть населения. Однако не были они и плодом воображения авторов кодексов. Свободные люди действительно существовали — на западных территориях послеримского периода они играли важную роль в местных сообществах (прежде

[1] Беглый обзор законодательных источников вестготских, франкских, лангобардских и англосаксонских королевств указывает на важность этого социального класса; о нем также упоминается в источниках, касающихся более мелких политических образований, например Тюрингии, Баварии и Алеманнии.

всего выступая в качестве свидетелей на судебных разбирательствах). Они также упоминаются в письменных источниках, рассказывающих о военных действиях между германскими союзами и Восточной Римской империей[1]. Если этот класс оставался значимым и в государствах — преемниках Рима, когда дальнейший приток римских богатств усугубил социальное неравенство, то в обществе германцев IV века свободные граждане, по всей вероятности, пользовались куда бóльшим влиянием — до того как процесс социальной дифференциации поднялся на новую ступень. Другими словами, не следует считать, будто социальная стратификация, усилившаяся в римский период, уменьшила социально и политически важный слой германского общества до крошечной группы правителей и их приближенных. В изменяющихся экономических условиях более широкий социальный слой свободных граждан сохранил — или даже приобрел новые — социальные и экономические привилегии. Возможно, именно его представители были владельцами больших и богатых длинных домов, найденных в деревнях III и IV веков на территории Древней Германии, и это их останки обнаружены в не самых богатых, но содержащих личные вещи захоронениях.

Этот довольно сложный вариант социальной стратификации в германском обществе IV века неизбежно приводит нас к последнему и ключевому параметру анализа — балансу между принуждением и согласием в германской политике.

Свидетельства наличия определенной доли принуждения очевидны. У царей имелись собственные дружины. С их помощью они утвердили традицию передачи своей власти по наследству. Эти войска могли также использоваться в качестве силы социального принуждения, что и происходило, как мы видели, в обществе тервингов, когда короли стали преследо-

[1] О противопоставлении свободных и рабов см.: Heather (1996), 324—325; *Прокопий.* История войн. 3.8.12 (один элитный воин к четырем подчиненным в готских войсках), 8.26.12 (почти один к одному в лангобардских войсках). Об этих войнах см.: Heather (1996), особенно приложение 1 (обзор данных о двух классах воинов, которые упоминались в римских письменных источниках). О кодексах: Wickham (1992), (2005), часть 3. Послеримское общество не сразу оказалось под властью небольших групп землевладельческих элит, которые господствовали в каролингский период (с IX века и далее): см., например, главу 6 про рост поместий, которые были основой для правящей аристократии в англосаксонской Англии и Северной Франкии. Более общие комментарии: Wickham (2005), часть 2.

вать христиан. В упомянутом нами инциденте политика преследования расходилась с интересами деревенского сообщества[1]. Предводители тервингов также могли, как мы видели, отправить военные отряды в долгий и опасный поход, чтобы сражаться на стороне Рима в войне с Персией. И что может яснее говорить о том, что не все были согласны с приходом к власти тех или иных военных царей, чем оружие, найденное близ Эйсбёл-Моор?

Однако как цари и их дружины не вытеснили более широкий и имеющий определенные привилегии класс (свободных граждан?), так и политический процесс не мог развертываться без согласия и одобрения тех или иных решений со стороны представителей более многочисленного привилегированного, элитарного класса населения. Как мы видели, царей свергали, если их политика оказывалась непопулярной. Алеманнский царь, отказавшийся примкнуть к Хнодомару, возможно, действительно был устранен собственными воинами, но, скорее всего, об этом позаботились свободные граждане его собственного кантона. Схожим образом последний представитель старой правящей династии из числа тервингов, Атанарих, был свергнут в процессе возведения оборонительных сооружений, когда неприятие его представлений о способах предотвращения угрозы со стороны гуннов переросло в политическое разногласие[2]. Оба этих происшествия подчеркивают, что у власти новых военных царей имелись четко очерченные границы.

Более подробно изучить этот вопрос невозможно, однако из имеющихся у нас источников следует, что существовали определенные механизмы, обозначавшие и определявшие эти границы. Для начала, наверное, не следует проводить слишком четкую грань между свободными жителями и воинами царя. Имеются свидетельства того, что в германском обществе важную роль играли возрастные рамки, обозначавшие вполне определенные фазы жизни индивидуума, в соответствии с которыми он получал те или иные права и обязанности. К примеру, пожилых людей, даже обладавших высоким статусом, никогда не хоронили с оружием, и это позволяет нам предположить, что, по всей видимости, для военной службы имелись возраст-

[1] В деревнях нередко пытались защитить местных жителей-христиан: *Страсти* св. Саввы Готского. 4.4; Heather и Matthews (1991), глава 4.

[2] См.: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.3.8.

ные ограничения. Что касается женщин, из кодексов следует, что в каждой страте самую важную роль они играли на протяжении детородного периода. Детей, не достигших подросткового возраста, почти никогда не хоронили на кладбищах рядом со взрослыми, из чего опять-таки можно сделать вывод, что возраст и статус шли рука об руку[1]. Доступных нам исторических источников недостаточно для того, чтобы более детально исследовать этот вопрос, однако весьма вероятно, что по крайней мере некоторые мужчины из числа свободных граждан в молодости традиционно поступали на военную службу в царские дружины.

Возможно, имелись и иные связи между мирами свободных фермеров и царских воинов, о которых нам почти ничего не известно. Деревни, вне всякого сомнения, осуществляли экономическую поддержку правителей и их приближенных; однако, вероятно, ожидалось, что те будут регулярно устраивать пиры не только для своих воинов, но и для более влиятельных свободных граждан, представителей более широкого класса. Если такого рода празднества были обычным делом, значит, между царем и свободными людьми сохранялись связи и взаимные обязательства вплоть до IV века. Опять-таки, в некоторых регионах такие обычаи сохранялись куда дольше, они были в ходу даже в германских государствах — преемниках Римской империи, что подтверждает вероятность их существования в позднеримский период. В ранней англосаксонской Англии ожидалось, что короли, объезжающие свои земли, снизойдут до присутствия на общинных пирах — в обмен на предлагаемые им запасы продовольствия, и такого рода мероприятия нередко закладывали основы для более важных социальных и политических процессов. Достаточно взглянуть на размер, например, алеманнских кантонов — они были слишком малы для того, чтобы их правители оказывались изолированными от остального населения, и я бы предположил, что пиры и прочие формы взаимодействия были неизбежны и, вероятно, очень долго оставались неизмен-

[1] Своды законов вновь демонстрируют нам, как социальная значимость человека менялась на протяжении его жизни. Так, например, больше всего прав у женщины было в детородном возрасте. Возраст много значил и для мужчин: старики могли быть похоронены со шпорами, но никогда с оружием, что дает основание предположить, что у военной службы имелись возрастные ограничения: см.: Hedeager (1988). Детей, как правило, не хоронили на кладбищах, см., например: Siegmund (1998), 179 и далее.

ной чертой германского общества, как и прочих потенциально схожих с ними исторических контекстов[1].

Собрания также играли важную роль в обществе, ограничивая власть царей. Германские политические институты раннеримского периода, как правило, были представлены советами, на которых обсуждалась и определялась политика всей группы (племени). Тацит в своих работах говорит о важности этого института, и очевидно, что это не просто плод его богатого воображения. На мой взгляд, наиболее поразительны доказательства (несколько отдельных случаев, описанных в немногочисленных и крайне обрывочных источниках, относящихся к I и II векам) того, что в качестве наказания за мятеж или для его предотвращения правители империи запрещали германцам проводить собрания племени или же разрешали устраивать их только в присутствии римских наблюдателей. Источники и археологические свидетельства IV века почти не проливают свет на роль собраний в жизни общества, однако по меньшей мере в деревнях собрания по-прежнему проводились, да и решение вестготов искать убежище в Римской империи в 376 году было принято после долгих споров — по всей вероятности, на всеобщем собрании влиятельных членов союза. Процедуры улаживания раздоров, описанные в судебниках возникших позднее государств — преемников Римской империи, также указывают на то, что собрания проводились регулярно и были необходимы для разрешения правовых конфликтов. Учитывая все это, я бы предположил, что традиция проведения собраний не прерывалась и в племенных союзах IV века и они являлись сдерживающим фактором судебной власти царей[2].

Нет доказательств и тому, что германские цари могли развернуть в обществе не требующую ни оправдания, ни под-

[1] Об общей значимости совместных застолий для «принципа взаимной выгоды» (см. примеч. 2 на с. 95) см.: Earle (1984), (1991). Свидетельства I века рассматриваются в: Thompson (1965). Об англосаксонской идеологии и реальности см.: Charles-Edwards (1989); Campbell (2000), глава 8.

[2] О раннеримском периоде см.: Thompson (1965), 37 и далее. О римском контроле над собраниями см.: *Дион Кассий*. 72.19.2, 73.2.1—4. О деревенских собраниях см.: *Страсти* св. Саввы Готского; Heather и Matthews (1991), глава 4. Решение вестготов см.: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.3.8 (diuque deliberans), также главу 4. Томпсон (Thompson (1965), (1966) делает упор на отсутствие отсылок в источниках VI века (то есть в сочинениях Аммиана) к регулярному проведению советов у готов и других германцев. Замечание верное, но это не доказывает, что они действительно не проводились.

тверждения идеологию, в соответствии с которой они могли бы получить почти неограниченную власть. К примеру, иногда выдвигались предположения, что они наделяли себя сакральным значением, выделяя отдельные кланы, представляя их избранными богами, и все это затрудняло сопротивление их притязаниям. Но прямых доказательств тому почти нет. Ни одно из трех основных слов в германских языках, обозначающих «правителя», не имеет религиозных или культовых коннотаций. Они все, как мы уже видели, сугубо практичны: «предводитель народа», «предводитель войска», «предводитель союза». Германские цари, вне всякого сомнения, прибегали к концепции божественного благоволения — таковое обозначалось словом heilag и его производными в соответствующих ответвлениях германского языка, — однако она появилась позднее и закреплялась с годами. Если правитель выигрывал сражения и получал власть, значит, он наделен благословением богов (heilag). Однако ничто не говорит о том, что власть автоматически передавалась любому, кто объявлял себя «божественным», или мешала кому-то другому подняться на ту же ступень и бросить вызов уже имеющемуся правителю — что нередко приводило к разрушительным последствиям, как утверждают письменные источники. И если узурпатору повезло, значит, он доказал, что теперь благословен *он*.

Есть лишь один пример того, что исключительности и избранности династии придавалось большое значение, так как ее представители якобы были наделены властью свыше. Такого рода пропаганда умело разворачивалась в начале VI века в Италии при дворе Теодориха, предводителя остготов из династии Амалов. Он был правителем одного из первых государств — наследников Западной Римской империи. Объяснения тому, почему эта династия считалась священной, предложены в «Вариях» Кассиодора и нашли косвенное отражение в «Гетике» Иордана. Однако, если сопоставить эти притязания с настоящей историей династии Амалов, результаты будут весьма поучительны. Эта династия смогла получить немалую власть над готами только за поколение до самого Теодориха или около того (мы рассмотрим этот вопрос подробнее в главе 5), и, когда после его смерти не обнаружилось подходящих наследников мужского пола, от династии быстро избавились. Теодорих доказал, что он heilag благодаря серии блистательных завоеваний, и не в последнюю очередь самой Италии, однако этого было

недостаточно для того, чтобы уберечь династию от крайне некомпетентных наследников. Все, что говорилось о роде Амал в тот период, когда Теодорих пытался закрепить власть за своим наследником, которым был его на тот момент несовершеннолетний внук[1], являлось на самом деле обычной пропагандой.

Доказательства важности разделения на возрастные группы, обязанности присутствовать на пирах, проведения советов и попыток утверждения своеобразных идеологий, методы насаждения которых были довольно ограниченными, лишь в самых общих чертах обрисовывают реалии политической жизни германцев. Однако основная идея ясна. Новая элита эксплуатировала экономическое развитие германских стран римского периода, укрепляя свое социальное влияние, позволив создать в IV веке, по крайней мере в некоторых регионах германской Европы, более крупные и стабильные политические институты; однако мы не должны переоценивать ее возможности. Более широкий социальный класс за пределами круга приближенных царя или короля и его дружинников сохранял свою значимость, как социальную, так и экономическую, и не мог не оказаться вовлеченным в политический процесс. Более того, он по-прежнему превосходил численностью королевских воинов и приближенных, поэтому поддержка этого класса была необходима для проведения масштабных военных кампаний. И в любом случае, как мы видели, между свободными гражданами и представителями царской дружины так или иначе могла существовать связь.

В более широком плане эта социальная группа также должна была в той или иной форме дать свое согласие на создание новых и куда более крупных союзов в позднеримский период. Аммиан приводит такой пример, рассказывая о попытке одного из алеманнских вождей выйти из союза незадолго до битвы при Страсбурге, что привело его к свержению и смерти. О том же говорит и тот факт, что не все старые политические объединения I столетия были уничтожены при создании новых в III и IV веках. У нас есть тому неопровержимые доказатель-

[1] Исследований о сакральности королевской власти много, см., например: Wenskus (1961) и Wolfram (1994). Терминология и концепция понятия heilag достаточно ясна, см., например: Green (1998), глава 7 (лингвистические свидетельства), Pohl (2000) и Moisl (1981) (практическая реализация). О настоящей (а не придуманной) истории рода Амалов см.: Heather (1991), главы 1—2 и часть 3; Heather (1996), главы 6, 8 и 9.

ства — касающиеся, правда, только племени франков: римские источники сообщают, что в этот союз вступили некоторые из уже имевшихся объединений, а именно: хатты, батавы, бруктеры и ампсивары. Процесс консолидации, по всей видимости, никогда не был простым; сомнительно, что уже образовавшиеся союзы просто решали вопрос о присоединении к новому голосованием, к тому же постоянно появлялись другие объединения. Аммиан уже упоминает о саллиях. Однако полного разрушения старых союзов для создания новых тоже не требовалось[1].

В череде политических образований, выделяемых в компаративных исследованиях, племенные союзы IV века, скорее всего, были бы связующим звеном между «ранними государствами» и «сложными вождествами». По обычно применяемым для анализа критериям, союзы эти были слишком крупными и стабильными и обладали слишком явственной социальной дифференциацией, чтобы считаться «племенами» или «простыми вождествами». И если присмотреться, станет ясно, что различия между ранними государствами и сложными вождествами заключаются в основном в степени организованности, стабильности, правоспособности и прочих аспектах. Нехватка надежных сведений о германских союзах IV века значительно усложняет попытки более точного их описания, к тому же те данные, которыми мы располагаем, порой приводят исследователя к противоречивым выводам. Масштаб полномочий формировавшихся правительств и, особенно в обществе тервингов, появление правящей династии, — это признаки государства, однако отсутствие придворных, каждый из которых выполнял бы свою функцию, и наличие признаков того, что уцелел более широкий класс элиты общества, скорее указывают на сложное вождество. Однако мы не ставим своей целью непременно найти ответ на этот вопрос. Для нас важен тот факт, что экономическая и со-

[1] См.: *Григорий Турский*. История франков. 2.9; о хатах также упоминает *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 20.10. Саллии: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 17.8; среди большого количества исследований см.: James (1988), глава 1, и относящиеся к проблеме статьи в сборнике Wieczorek et al. (1997). Политические процессы у разных поколений алеманнов не могли быть совершенно разными. Названия старых объединений не сохранились к IV веку, но союз племен не был образован в одночасье, а формировался постепенно. Например, лютинги (племя, чье самоназвание было новым) являлись отдельной независимой группой, которая к IV веку действовала как часть союза племен, см.: Drinkwater (2007), 63 и далее.

циальная трансформации породили новый связующий элемент в германском обществе — по крайней мере, в некоторых регионах близ римской границы, — который был способен консолидироваться для решения определенных задач и даже собрать при необходимости десятки тысяч человек. В политическом плане эти новые структуры (союзы) основывались на уже имеющихся, в том числе существующих ранее социальных институтов, но их возможности и прочность свидетельствовали о том, что к прошлому древней Германии возврата уже нет.

Однако остался незаданным еще один важный вопрос. Что повлекло за собой экономический сдвиг, стоявший за появлением крупных союзов, и как именно экономическое развитие продолжалось при новых политических структурах?

СВЯЗИ С РИМЛЯНАМИ

Приблизительно в 30 году н. э. римский купец по имени Гаргилий Секунд приобрел корову у человека по имени Стелий, не римлянина, жившего близ современного голландского города Франекер на Рейне. Запись об этой сделке, стоившей купцу 115 серебряных монет и засвидетельствованной двумя римскими центурионами, уцелела. Один современный исследователь назвал ее «банальной», и таковой она и была — незначительной и ничем не примечательной. Если что-то хоть раз случилось на границе Рима с германской Европой — считай, это происходило тысячу раз. И так полагают не без причины. Особенно в ранний период (но и позже тоже) большие отряды римских солдат размещались прямо на границе империи. В экономическом плане они представляли собой неизменный источник спроса. В 1 веке н. э. 22 тысячи римских солдат — легионеров и наемников — были расквартированы на территории, на которой проживало всего 14 тысяч или около того местных жителей, канифатов — и это только на севере Рейна. Последние никак не смогли бы обеспечить солдат необходимыми запасами продовольствия, кормом для лошадей и материалами вроде кожи или древесины для возведения построек и приготовления пищи. Легиону из 5 тысяч человек требовалось приблизительно 7,5 тонны зерна и 450 килограммов фуража в день, или 225 и 13,5 тонны того и другого соответственно — в месяц. Часть необходимых солдатам запасов по-

ставляли непосредственно из столицы империи, но это было обременительно и проблематично в плане логистики. Поэтому имперские власти предпочитали передавать деньги поставщикам на местах, чтобы те уже заботились об удовлетворении нужд войска[1].

ТОРГОВЛЯ И КОНТРОЛЬ

Следовательно, на протяжении всего римского периода приграничье стало главным источником спроса на основные продукты сельского хозяйства, и есть все причины полагать, что заботы по удовлетворению потребностей войска ложились преимущественно на местных, а не римских поставщиков. Этот порядок сохранился и в IV веке, и страницы, на которых Аммиан рассказывает об алеманнах, вновь предоставляют нам интересные сведения. После победы при Страсбурге император Юлиан был властен навязать какие угодно условия побежденным царям алеманнов. Условия заключенных тогда мирных договоров варьировались, но в целом сводились к тому, что германцы должны были поставлять римлянам продукты питания и необработанные материалы вроде древесины для строительства жилых помещений и изготовления повозок, а также предоставить им рабочих для выполнения соответствующих задач. Одержав победу, Юлиан мог бы попросту забрать у германцев все необходимое, но обстоятельства не всегда бывали столь же благоприятными, а римская армия нуждалась в продовольствии постоянно, поэтому за него приходилось платить. Однако вне зависимости от того, предлагалась местным плата или нет, римские легионы были постоянным источником спроса для приграничных германских земель.

Никакие товары, упомянутые в мирных договорах Юлиана, не оставили следа в археологии. Невозможно отыскать остатки германской пшеницы, древесины, срубленной в германской Европе, кожи, выделанной германцами, выполненных ими простых построек, потому что они и не могли сохраниться до наших дней. Однако все это действительно имело место, и тому имеются косвенные подтверждения — прежде всего быстрое

[1] О корове Гаргилия см.: Boeles (1951), 130, рис. 16, цит. в: Geary (1988), 3. Расчет потребностей легионеров: Elton (1996).

расширение сельскохозяйственного производства, наблюдавшееся в германской Европе в римский период. Часть появившихся избытков продовольствия отходила новым королям и их дружинам, часть шла на нужды возросшего населения Древней Германии, но дальнейший — а может, и изначальный — стимул к повышению производительности был получен от римской армии. Во-первых, появление спроса на германские товары со стороны Римской империи и активное развитие сельского хозяйства совпадают хронологически. Самые первые из новых деревень вроде Феддерсен-Вирде или Вийстера также возникали в регионах, из которых проще всего поставлять продукцию к устью Рейна, а оттуда — вверх по течению к военным лагерям. Как совершенно правильно подчеркивается в современных исследованиях — и о чем свидетельствуют находки вдоль границ Римской империи, — эта самая граница служила скорее линией связи, нежели рубежом, отделяющим империю от ее ближайших соседей[1].

В случае с германцами Рим мог сыграть роль источника не только дополнительного экономического спроса, но и отдельных технологий, сделавших возможным резкий скачок в развитии сельского хозяйства. Близ Вийстера и Феддерсен-Вирде более высокие урожаи, скорее всего, стали результатом более систематической интеграции пахотного и пастбищного сельского хозяйства; для поддержания плодородности полей под пшеницу в качестве удобрения использовался навоз. В более общем смысле это включало в себя освоение более сложных методов и орудий возделывания почвы. Где и как именно эти идеи получили распространение, пока неясно, однако и более эффективные плуги, и более грамотные методы земледелия были хорошо известны в римской и латенской (кельтской) Европе, большую часть которой империя поглотила еще в I веке до н. э. (см. главу 1) — задолго до появления римлян на землях германцев, — и эти регионы, возможно, как раз и начали сельскохозяйственную революцию в Древней Германии.

Другие товары, производимые на территориях германских племен, также были востребованы в Римской империи. Отдельные лингвистические заимствования и упоминания в письмен-

[1] Мирные соглашения Юлиана детально разбираются в Heather (2001). О границе и ее функционировании см.: Whittaker (1994); Elton (1996); Wells (1999), глава 6; Carroll (2001). В двух последних работах внимание сосредоточено больше на римском берегу Рейна.

ных источниках указывают на некоторые такие продукты. Одними из них были гусиный пух для подушек и рыжая краска для волос. Однако куда более важным был спрос на два — или, возможно, три — вида материалов. Спорным остается вопрос о поставках железа. Нет очевидных доказательств того, что на юг и запад в больших количествах привозили заготовки, переправляя их через границу между Римской империей и германской Европой. Однако железо производилось в двух местах на территории современной Польши в количествах, значительно превышающих местные потребности. Возможно, его поставки осуществлялись исключительно по Древней Германии, однако вполне вероятно, что железо шло и на нужды Рима. Относительно двух других материалов никаких сомнений нет. Первый — это янтарь, застывшая смола оказавшихся в воде деревьев, которую вымывало на побережье Балтийского моря. «Янтарь» — одно из редких заимствований, проникших в латинский из германских языков, и мы знаем, что римлянам был нужен этот материал для ювелирных украшений. Во времена Нерона миссия сенаторов даже отправилась на север, чтобы узнать о его происхождении, и Янтарный путь из Балтики (обе его ветви: одна, ведущая на юг к центральному течению Дуная и легендарной крепости Карнунт, вторая, тянущаяся к востоку от Карпат и заканчивающаяся у портов Черного моря (см. карту 2) был хорошо известен римским авторам[1].

По меньшей мере столь же важной, хотя и реже обсуждаемой в известных нам источниках была потребность в людях. Она принимала две основные формы. Во-первых, римским войскам всегда были нужны рекруты. Так называемая варваризация римской армии и стала впоследствии одной из причин, повлекших за собой падение империи. Последнее утверждение в лучшем случае частично ошибочно. Со времен Августа по меньшей мере половина всей армии — дополнительные отряды, состоявшие из наемников, — всегда включала в себя неримлян. В ней было немало выходцев с германских земель. Во времена поздней империи произошла перестройка военных институтов, в результате чего различия между легионерами — гражданами Рима и обитателями других стран отчасти стер-

[1] О заимствованных словах и торговле см.: Green (1998), 186—187 и глава 12. О добыче железа см.: Urbanczyk (1997b); ср. с более общей работой: Kruger (1976—1983), т. 2, 157 и далее.

лись. Ничто не говорит о том, что в IV веке в римской армии процент солдат-германцев вдруг существенно возрос или что из-за них войска стали менее надежны. Но считается правдоподобным предположение, что вербовщики солдат в легионы на практике уже какое-то время «забывали» о требовании, согласно которому призывать в постоянные войска можно только граждан империи. Таким образом, на протяжении всего римского периода был спрос на рекрутов-германцев, и многие из них упоминаются в письменных источниках. В частности, из них мы знаем, что набор этих людей осуществлялся двумя способами. Иногда приходили добровольцы, решившие пойти на прибыльную службу в римской армии. У других не было выбора. Аммиан весьма недвусмысленно говорит об этом. Принудительный призыв на службу был частью большинства мирных договоров между империей и варварскими племенами, условия которых он приводит в своем труде. Для того чтобы вновь заручиться расположением империи после поражения, нужно было не только поставлять ей рабочих и продукты, но и отдавать отряды молодых людей на службу в римской армии[1].

Но империи была необходима и рабочая сила иного вида. Рабы. У нас нет подробных сведений о том, как именно осуществлялась работорговля в римскую эпоху, вроде тех, которые оставили арабские авторы IX и X веков (глава 10). Поэтому мы ничего не знаем о личности торговцев, регионах, в которых они захватывали своих жертв, и даже о том, имелись ли невольничьи рынки в Древней Германии, на которых могли продавать рабов либо посредникам, либо непосредственно римским торговцам. Однако работорговля продолжалась на протяжении всей римской эпохи, и есть одно убедительное доказательство ее важности: германские языки для обозначения торговли и купцов заимствовали основу латинского слова mango, которое обозначало не купца вообще, но именно работорговца. Следовательно, римские купцы, появлявшиеся на территории Древней Германии, торговали по большей части именно живым товаром[2].

В общем и целом можно смело утверждать, что новые возможности торговли с куда более богатой Римской империей, которые внезапно появились на рубеже двух эр с расширением европейских границ Рима к северу, сыграли важную роль в

[1] О принудительном призыве см.: Heather (2001).
[2] См.: Green (1998), глава 12.

экономическом развитии Древней Германии в течение первых веков н. э. По словам Цезаря, в середине I века до н. э. германцы не были заинтересованы в торговле с римскими купцами и пускали их на свои земли, только если был шанс продать свои военные трофеи. Но даже если в I веке до н. э. дела обстояли именно так, то затем ситуация резко изменилась. К концу I века н. э. торговля через границу вдоль Рейна стала обычным делом, и римские серебряные денарии стали использоваться для обмена германскими племенами, жившими на восточных берегах реки. И действительно, вполне вероятно, что большая часть серебряных изделий, найденных на территории Древней Германии и относящихся к римским временам — к примеру, затейливых фибул, — были изготовлены из переплавленных римских монет, многие из которых оставались в ходу вплоть до IV века. И хотя (по причинам, к которым мы скоро вернемся) далеко не каждое приграничное племя торговало с империей так активно, чтобы начать использовать римские монеты, время от времени подобное все же случалось. Это проявляется в наличии довольно больших скоплений мелких разменных римских монет определенных периодов на приграничных территориях. К примеру, монеты IV века были найдены неподалеку от старых римских дорог к востоку от Рейна, которые по-прежнему существовали на Декуматских полях (треугольник земли между верхним Рейном и верхним Дунаем), принадлежавших тогда алеманнам, и дальше к востоку по Дунаю, в районах, граничащих с римской провинцией Мёзией[1].

Столь же поразителен тот факт, что на протяжении всего существования Римской империи ее непосредственные соседи были заинтересованы в том, чтобы получить привилегии для торговли с римскими купцами — привилегии, которые Рим держал под строгим контролем. Даже когда племя вестготов в IV веке попыталось обрубить большую часть связей с империей, частью последующего соглашения было продолжение торговли в двух выбранных центрах. Впечатление, складывающееся при изучении письменных источников, подтверждается большим количеством археологических свидетельств. Немалые скопления самых разных римских товаров были обнаружены при про-

[1] *Гай Юлий Цезарь*. Записки о Галльской войне. 4.2; *Тацит*. Германия. 5 (где отмечается, что некоторые германские племена не ценили римскую монету); Green (1998), глава 12. О концентрации монет IV века см.: Drinkwater (2007), 128—135; Heather и Matthews (1991), 91—93.

ведении крупномасштабных раскопок древнегерманских поселений, датированных первыми четырьмя веками н. э.

У этих находок есть определенные хронологические и географические закономерности. В первые два века н. э., к примеру, наблюдалось резкое увеличение количества римских товаров в Древней Германии во многих приграничных областях, до 100 километров к северу от охраняемых рубежей, и встречались они как в поселениях, так и в могилах. Качественная глиняная посуда (*лат.* terra sigillata), бронзовые украшения и стекло встречаются там в больших количествах — вместе с римскими монетами, о которых мы уже упоминали. В слоях, соответствующих I и II векам в Вестрихе, к примеру, римские изделия составляют приблизительно треть найденных глиняных и металлических предметов, и это отнюдь не редкое явление. В одних регионах такая закономерность существует, в других — нет, как, например, в северных землях вдоль Рейна, между реками Рейном и Везером, где римские товары встречаются гораздо реже. Если отойти от границы и углубиться в германские земли близ Эльбы, нам вновь откроется иная картина. Здесь римские изделия присутствуют в изобилии, однако лишь в определенных районах. В регионе близ реки Зале в современной Тюрингии, к примеру, обнаружилось одно такое скопление. Позже были найдены и другие близ притоков Эльбы в верхнем течении в Богемии (сердце Чешской Республики) и к югу от Эльбы в нижнем течении, а также в среднем и нижнем течении реки Везер (в Нижней Саксонии). Вторая зона изобилия товаров римского производства обнаружена близ побережья Северного моря. Чем дальше мы отходим от границы на север, тем реже и в меньших количествах встречаются римские товары, однако даже там было найдено несколько значимых скоплений вроде Якузовице на юге Польши, в комплексе Гудме-Люденбург в Скандинавии, в Восточной Дании[1]. В целом у нас предостаточно свидетельств того, что быстрое развитие германской экономики в первые века н. э. отчасти было обусловлено необходимостью платить за большое количество привлекательных римских товаров. Однако как объяснить наличие этих скоплений?

[1] О тервингах и торговле см.: *Фемистий*. Речи. 10 (с комментариями Heather (1991), 107 и далее). Об общей направленности римского импорта и его путях см.: Eggers (1951); Hedeager (1988); von Schnurbein (1995); Wells (1999), глава 10; Drinkwater (2007), 34 и далее.

Часть ответа заключается в логистике. Тот факт, что цена телеги пшеницы удваивалась каждые 80 километров пути, подчеркивает, насколько сложной и дорогой была транспортировка товаров в Древнем мире. Поэтому сравнительно недорогие изделия вроде глиняной посуды, бронзы и стекла, вероятнее всего, перевозили на сравнительно короткие расстояния, если только не было возможности переправить их по реке или еще каким-либо незатратным способом. В этом случае не приходится удивляться тому, что римские товары обнаруживаются в больших количествах только непосредственно в приграничной зоне. Сложностями транспортировки можно объяснить и еще одно своеобразное явление. Возможность перевозки товаров по воде, вероятно, позволяла и сравнительно отдаленным уголкам вроде Феддерсен-Вирде участвовать в снабжении римской армии, стоящей на границе. И, как можно предположить по найденным монетам, система старых римских дорог на Декуматских полях и в IV веке по-прежнему способствовала развитию торговли, даже после того как хозяевами этих земель стали алеманны. Однако логистикой можно объяснить далеко не все.

Далее, чтобы увидеть всю картину, нам необходимо внимательнее изучить механику торговли в германском мире и роль, которую в германском обществе играли римские товары. Если верить Цезарю, то изначально германцы не желали торговать с имперней. Однако это чувство очень быстро исчезло, и в конечном итоге дошло до того, что обладание римскими товарами стало ассоциироваться с высоким социальным статусом. Анализ видов изделий, которые встречаются в богатых захоронениях, показал, что с конца I века н. э. прослеживается четкое соотношение между большим количеством предметов повседневного использования местного производства, явно дорогими изделиями местного производства (вроде оружия или украшений) и римскими товарами. Импортируемые из империи предметы быстро стали общепринятым способом демоистрации социального превосходства. Повторюсь, это неудивительно. Римские товары были довольно экзотическими, к тому же за них нужно было платить, отдавая что-то римскому купцу взамен. Таким образом, они не могли не стать показателем определенного статуса. Это еще одно проявление феномена, который мы уже наблюдали. Как и в условиях современной глобализации, доходы, появлявшиеся в процессе экономического развития Древней Германии,

распределялись неравномерно — они оказывались под контролем царей и королей, а также их приближенных. Как и следовало ожидать, римские товары в конечном итоге также попадали к ним в руки.

На этом стоит заострить внимание, поскольку, пусть с современной точки зрения такое положение дел кажется совершенно естественным, оно может сообщить нам нечто важное о том, как именно функционировали новые способы обмена. Если вдуматься, это обстоятельство может говорить только об одном: цари и их приближенные распоряжались доходами, полученными в условиях развивающейся экономики, по своему усмотрению. С одной стороны, получив в свое распоряжение личное войско, короли обрели возможность требовать оговоренный процент избытков продукции сельского хозяйства, который теперь имелся в их землях. Затем они могли использовать его не только для того, чтобы кормить воинов, но и для того, чтобы торговать с Римской империей, получая взамен монеты из драгоценных металлов, вино и оливковое масло — словом, все, чего они могли пожелать.

Однако благодаря дружинам короли смогли закрепить за собой еще и право на львиную долю прибыли, получаемой от иных видов торговли. Вспомните о работорговле. Рабы не служат в армии. Кто-то должен был набирать их в германских землях и перепродавать римским торговцам; вряд ли этот процесс был мирным и безболезненным. Это заключение также наводит нас на иное объяснение захоронению оружия, обнаруженному близ Эйсбёл-Моор. Если оно, к примеру, принадлежало работорговцам, тем более не приходится удивляться тому, что неизвестные выместили на нем ярость. И даже торговля янтарем вовсе не была мирной процедурой, начинавшейся с того, что кто-то лениво гулял по берегу, собирая все, что за ночь принесло волнами. Одна из самых поразительных находок была обнаружена не так давно в Северной Польше — это остатки деревянных настилов, тянущихся многие километры и обозначавших сеть дорог, ведущих через болотистые земли близ Балтийского моря. С помощью углеродного анализа и дендрохронологии было установлено, что их проложили в начале I века и поддерживали в хорошем состоянии почти двести лет. Причина тому была обозначена вполне верно — они отмечали северную ветвь Янтарного пути. Однако все это требовало колоссальных усилий. Другими словами, прибыль должна была

быть баснословной, чтобы кто-то стал тратить силы на такое предприятие. В обмен эти люди, скорее всего, получали существенную часть доходов от торговли, возможно в виде пошлины или платы. Что интересно, слово, обозначающее «пошлину» в германских языках, также заимствовано из латинского — видимо, это понятие не существовало в германском обществе до появления непосредственной границы с империей. И разумеется, раз доля доходов от торговли янтарем приносила такую прибыль, другие лица со временем тоже должны были ею заинтересоваться. И здесь важную роль играли отряды. С помощью войска можно было вынудить людей, не обладавших высоким статусом, выполнять физический труд по созданию этих дорог и настилов и поддержанию их в надлежащем состоянии, а также не дать другому вооруженному отряду отобрать столь приятный источник дохода[1].

Однако, несмотря на банальные утверждения появившейся в 80-х годах теории «просачивания благ сверху вниз», экономическое развитие — не всегда положительное явление. Обогащение населения в германском обществе в римский период стало причиной крупномасштабной и порой жестокой борьбы за контроль над разделением доходов. В развивающихся областях экономики неблагоприятные последствия были, возможно, не такими серьезными. Нам известно, что собирать налог с сельскохозяйственного производства было не так легко, и повышение производительности в любом случае зависело от числа работников, по крайней мере в пахотном хозяйстве, поэтому потребности царей и дружинников (некоторые из которых к тому же нередко набирались из числа богатых фермеров) вряд ли были чрезмерными. А вот другие аспекты экономического развития куда больнее били по тем, кто оказывался в роли источника дохода. В первую очередь это касается рабов, но мне на ум приходит еще и добыча железной руды — в той же Римской империи работа в шахтах являлась одной из высших мер наказания. И даже в элите общества борьба за право контролировать новые источники обогащения могла иметь серьезные последствия. Скопление оружия близ Эйсбёл-Моор — лишь одно из тридцати с лишним таких захоронений, обнаруженных в болотах Северной Европы, большинство из которых были сделаны

[1] О римских товарах и социальном статусе см.: Steuer (1982). О янтарных путях см.: Urbanczyk (1997b). О пошлинах см.: Green (1998).

между 200 и 400 годами н. э., что явно свидетельствует о росте насилия в германском мире, вызванном борьбой за право управлять быстро растущими притоками доходов. Более того, нет причин полагать, будто эта борьба шла исключительно в тех областях, где имелись удобные болота и озера, в которых можно было тихо избавиться от побежденных соперников. Тацит упоминает о ритуале исполнения обета, бывшем в ходу в I веке, который заключался в повешении мертвецов и их оружия на деревьях. Такого рода «захоронения» не смогли бы сохраниться до наших дней, и я лично склонен считать, что причина, по которой прямые доказательства борьбы за власть и богатство преимущественно обнаруживаются в землях близ Северного моря, — случайность, обусловленная особенностями региона. Германцы воевали и соперничали друг с другом повсюду, а не только в приморских регионах[1].

Идея рассматривать торговлю с Римской империей как одно из возможных объяснений трансформаций, происходивших в германском обществе в первых веках н. э., не нова. Однако, как уже было указано, торговля сама по себе никогда не являлась достаточно мощным стимулом к развитию, да и римские товары не везде встречаются в больших количествах. Впрочем, предположение о важности таких торговых связей становится куда более убедительным, если учесть не только новые притоки богатств сами по себе, но и неизбежную борьбу за власть, начавшуюся в результате их появления. Другими словами, не само по себе существование новых источников обогащения, но последствия их обнаружения дали толчок к бурному развитию. Различные германские племена оперативно отреагировали на появление новых доходов, поспешив прибрать к рукам основные источники прибыли, и таким образом способствовали преображению социальных и политических структур своего мира.

Этот новый предмет споров примыкает к тем явлениям, которые в исследованиях в русле постколониальной науки получили общее название «фактор». Дело в том, что в ранних работах («колониальных», а не «постколониальных») влияние более развитых обществ на менее развитые изучалось слишком уж пассивно и вяло. С помощью термина «фактор» (хотя ушло не-

[1] См.: *Гай Юлий Цезарь*. Записки о Галльской войне. 6.17; *Тацит*. Анналы. 13.57. О захоронениях на болотах см.: Ørsnes (1963), (1968); Ilkjaer и Lonstrup (1983); Ilkjaer (1995); и более общие работы: Hedeager (1987); Steuer (1998); Muller-Wille (1999), 41—63.

мало чернил на обоснование более точных дефиниций) подчеркивается, что исконные народы в ответ на внешние стимулы реагируют захватом конкретных возможностей (и никаких иных) по собственным причинам и в соответствии со своими приоритетами. В данном случае экономические перспективы, открывшиеся благодаря контакту с Римом, приняли ряд вполне определенных форм, и разные племена воспользовались ими по-разному, выбрав те или иные способы. Некоторые научились производить излишки продовольствия, другие принялись экспортировать железо или янтарь, третьи взялись за работорговлю. Да, последующий рост неравенства обеспечил подходящие экономические условия для создания более крупных политических образований IV века, но ход этого процесса отчасти отражен в неравномерных скоплениях римских товаров, обнаруженных археологами. Концентрации римских изделий в приграничной зоне от границы до Эльбы, вероятно, были созданы германскими племенами, получившими право контролнровать специфический источник дохода, берущий начало в Римской империи, и на получаемую с него прибыль они покупали товары, найденные в итоге археологами. К примеру, прибыль от работорговли IX и X веков наблюдается археологически благодаря результатам этой деятельности, а также обозначена в исторических источниках (чего нельзя сказать о римской эпохе), поэтому будет вполне разумно применить тот же принцип к германскому обществу римского периода[1]. Однако даже этот важный аспект имперского влияния и соответствующая реакция на него германцев не полностью отражает, на мой взгляд, истинную роль Рима в преображении германского мира. Для этого нам нужно узнать, какими способами империя создавала условия политической стабильности близ своих границ.

ИСКУССТВО РАБОТЫ С КЛИЕНТАМИ

В 1967 году при добыче гравия из русла Рейна вблизи старого римского города Цивитас-Неметум (современный Шпайер) было обнаружено захоронение награбленного добра из рим-

[1] Глубокая работа о важности торговли: Fulford (1985). О бенефициарах IX и X веков см. главу 10. Об источниках обогащения и связанных с ними проблемах см.: Wilson (2008).

ской виллы. Раскопки велись очень осторожно и тщательно целых шестнадцать лет, и в итоге археологам удалось восстановить полную картину происшедшего. Найденные предметы оказались там потому, что в конце III века алеманны после набега пытались переправиться с награбленным добром через Рейн, когда их суда угодили в засаду и были потоплены римскими речными патрульными кораблями. Последние, называемые «лузориями», были легкими весельными боевыми кораблями, оснащенными таранами; плавали на них хорошо вооружённые воины. Обычная приграничная история, если не упоминать о грузе, который грабители пытались увезти домой. Трофеи общим весом около 700 килограммов были сложены в три или четыре телеги, которые алеманны переплавляли на плотах на восточный берег Рейна. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что у них при себе было почти все имущество с одной римской виллы — захватчики забрали все металлические изделия, которые только смогли отыскать. Единственное, чего недоставало среди награбленного, — это изысканных изделий из серебра и дорогих украшений. Либо хозяин и хозяйка поместья сумели бежать до нападения, либо самые ценные трофеи переправляли отдельно. Тем не менее в телегах обнаружилась груда серебряных тарелок из столовой, кухонная утварь (включая 51 котелок, 25 мисок и тазов и 20 железных черпаков) и достаточно орудий и инструментов (всех подряд, от садовых кривых ножей до наковален), чтобы управлять немаленькой фермой, а также несколько сакральных предметов из святилища при вилле и 39 серебряных монет хорошего качества[1].

Природа этого необычного клада проясняет всю глубину проблемы, с которой столкнулась империя после установления торговых отношений с приграничными племенами. Мы привыкли считать, что варварских грабителей интересовало в первую очередь золото и серебро, — и действительно, в различных кладах и захоронениях нередко встречаются ценные предметы из этих металлов. Однако ассортимент востребованных товаров был куда шире. Поскольку экономика германских племен была менее развита, чем экономика империи, все эти товары грабители могли использовать сами или же перепродать их кому-то еще — алеманнским фермерам или хозяйкам, или даже кузне-

[1] Подробный обзор находки: Kunzl (1993); на английском языке см.: Painter (1994).

цам — на переделку. Это, пожалуй, самая яркая иллюстрация того, какого рода добыча была нужна среднестатистическому германскому налетчику. Однако исторические источники ясно указывают на то, что грабежи, возможно меньшего масштаба, чем описаная нами очистка целого поместья от всего маломальски ценного, происходили повсеместно вдоль северных границ Римской империи.

Тот факт, что продвижение легионов в I веке постепенно остановилось — в основном у русел рек Рейна и Дуная, — еще не означал, что римские земли по другую сторону границы жили в мире и покое. Напротив, у варваров появилась прекрасная возможность совершать регулярные набеги на империю, что вполне естественно, когда сосуществуют два общества, находящиеся на разных уровнях экономического развития. К тому же Рим, вопреки утверждениям отдельных исследователей, вовсе не перешел ни с того ни с сего от нападения к защите. Для сохранности границ требовалась куда более активная, упреждающая оборонительная стратегия, и на протяжении большей части своей истории Рим сохранял военное превосходство над соседними землями вдоль всей своей европейской границы, которое поддерживалось в том числе и довольно агрессивной дипломатией. Такая политика весьма эффективно способствовала превращению ближайших соседей в клиентов империи[1].

Используемые Римом методы практически не менялись на протяжении всего существования империи и оказывали серьезное воздействие на социально-политическое развитие германского мира. За примером можно обратиться к Аммиану, который рассказывает о действиях императора Константина II в ответ на беспорядки в землях у срединного течения Дуная в 358—359 годах. В первую очередь Константин, как и все императоры до него, установил здесь военное главенство Рима. Он начал действовать сразу после весеннего равноденствия, когда враги считали, что им пока ничто не угрожает. Император приказал поставить на Дунае понтонный мост, и римская армия обрушилась на ни о чем не подозревавших сарматов. Итоги этого нападения были печальны: «Большинство однако было перебито, так как страх сковывал их движения; а те, кого спасла от смерти быстрота, спрятались в уединенных горных долинах и смотрели оттуда, как гибла от меча их родина».

[1] Более детальный обзор и все свидетельства: Heather (2001).

За несколько недель военная кампания успешно перешла на соседние земли квадов и остальных приграничных племен в этом регионе. В дальнейшем император с помощью военного превосходства Римской империи навязал германцам условия мира, которые, как он надеялся, станут долгосрочным мирным договором. Один за другим племена и их предводители представали перед императором, дабы услышать его решение.

Не все они удостаивались одинакового обращения. К некоторым Константин благоволил. Один царевич сарматов, Зизаис, прекрасно знал свою роль: «Увидев императора, он бросил оружие и пал всем телом, как мертвый, на землю. От страха он потерял голос в тот самый момент, когда должен был изложить свою просьбу. Несколько раз пытался он заговорить, но рыдания мешали ему, и он не мог объяснить, чего он хочет. Это обстоятельство вызвало к нему особое сострадание».

Варварам полагалось демонстрировать подобострастие и раболепие перед божественным могуществом Рима, о чем Зизаис был прекрасно осведомлен, — о том же говорят изображения варваров на римских монетах и памятниках. Варвары всегда представлены лежащими ниц в самом низу изображения, порой в буквальном смысле слова под стопой императора. Вполне вероятно, что сармат хорошо просчитал свое поведение и добился желаемого результата. Константин решил вернуть политическую независимость народу Зизаиса, который существовал на правах клиента после заключения не самого выгодного для него соглашения, а самому царевичу даровал титул независимого царя. Реорганизация политической системы объединений народностей этих приграничных земель происходила именно в том ключе, в каком она наиболее соответствовала интересам Рима, и являлась одной из главных забот Константина. Это означало, что было необходимо разрушить слишком крупные и, следовательно (с точки зрения Римской империи), потенциально опасные союзы. Там, где победил Зизаис, проиграли остальные. Арахарий, царь квадов, несмотря на все возражения, был лишен власти над своим сарматским подданным, королем Юзафером, которому, как и Зизаису, император вернул независимость. Иногда вмешательство правителя Рима принимало куда более жестокие формы. Другая тактика, которая использовалась три раза за двадцать четыре года, описанные в повествовании Аммиана, заключалась в том, чтобы пригласить

на ужин представителей потенциально опасных династий и либо захватить их в заложники, либо убить[1].

Помимо политического переустройства принимались и прочие меры — взыскание компенсации за затраты империи на ведение военных действий и наложение ограничений, для того чтобы новый порядок сохранялся и после того, как легионы уйдут из этих земель. Некоторые меры были стандартными, например набор молодых мужчин из разных племен для службы в римской армии в качестве добровольцев. Как мы уже видели, за века существования империи это был не единственный способ для молодых германцев оказаться в Риме на военной службе. К тому же римляне брали заложников в каждом племени, как правило высокородных молодых людей. В империи с ними обращались не совсем как с пленниками, однако иногда могли и казнить — при нарушении их соплеменниками соглашения. Все римские воины, попавшие в плен, возвращались на родину. В остальном детали договоров варьировались. В соответствии со степенью вины, которую император присуждал тому или иному племени за участие в противостоянии, германцев могли обязать поставлять рабочую силу, материалы и продукты питания — или же, напротив, даровать им привилегии в торговле. Субсидии различного характера также были оружием, служившим римской дипломатии. В прошлом некоторые историки сомневались в этом, считая, что плата царям варваров — признак военной слабости Рима в поздний период. Это мнение ошибочно. Мы бы назвали эти выплаты не данью, а «помощью иностранным государствам», этот прием был в ходу на протяжении всей истории Рима, даже после важных военных побед. Сокрушив алеманнов при Страсбурге, к примеру, Юлиан даровал побежденным царям право на ежегодные выплаты со стороны Рима. Причина проста: с их помощью цари, с которыми Рим заключал соглашения, могли сохранить власть. В этом плане субсидии были отличным капиталовложением[2].

Помимо всей этой дипломатической активности, в результате интервенции Константин получил еще одну проблему. Им-

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 17.12—13, а также Heather (2001). Об устранении потенциально опасных вождей: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 21.4.1—5, 27.10.3; 29.4.2 и далее; 29.6.5, 30.1.18—21.

[2] О рациональном подходе к заложникам: Braund (1984). О выплатах: в работе Клозе (Klose (1934) собраны свидетельства о раннем периоде, у Хезера (Heather (2001) — данные о позднем периоде империи.

перии было ни к чему чрезмерное скопление германцев непосредственно у ее границ — по двум причинам. Во-первых, это означало бы, что рядом слишком много племен, у которых есть возможность совершать набеги на римские земли. Во-вторых, как показывает реорганизация и учреждение варварских вождеств и царств, между приграничными племенами всегда существовало соперничество, и их борьба за наиболее выгодное положение могла вылиться в волны насилия на римских землях, если бы в игру вступило еще больше племен. Поэтому Константин и его советники в конечном итоге решили, что при установлении нового порядка на германских землях нужно заставить группу сарматов — лимигантов (еще один племенной союз) — уйти от римских границ. Лимиганты, естественно, остались не в восторге от такой перспективы, поэтому пришлось продолжить военные действия с целью устрашения. После истребления двух подгрупп, амицеисов и пицензов, остальные сдались и согласились переселиться. Казалось, в приграничных районах наконец наступил мир и покой — но это ожидание не вполне оправдалось. Год спустя, в 359 году, некоторые из лимигантов вернулись, сказав, что предпочли бы переехать в саму империю в качестве платящих данников, нежели и дальше жить на выделенных им землях так далеко от границы.

События, происшедшие вслед за этим, довольно таинственны. Аммиан возлагает всю вину на вероломных лимигантов, но от него другого ожидать и не приходится. Похоже, что между представителями племени и Римом был заключен договор. Сарматам было даровано разрешение переправиться через реку и ступить на римскую почву. Константин вновь вернулся в этот регион со своей армией. И в ключевой момент что-то пошло не так. Вместо того чтобы подчиниться, сарматы атаковали императора — по крайней мере, так утверждает Аммиан, — и римляне вступили в бой. «И так как наши ринулись с тем, чтобы смыть позор своей храбростью, и пылали гневом на вероломного врага, то без всякой пощады убивали всех, кто попадался навстречу, топтали ногами живых, умирающих, убитых; прежде чем насытилась их ярость кровью варваров, воздвиглись целые груды мертвых тел».

Возможно, лимиганты действительно поступили вероломно. Или же Константин хотел этим подчеркнуть, что его приказам должно следовать беспрекословно. Или же, что не менее вероятно, трагедия произошла в результате недоверия и непони-

мания. Но за время своего существования империя иногда принимала в свой состав представителей иных народностей, обитавших за ее пределами, чтобы иметь возможность контролировать приграничные территории. С одной стороны, римляне получали новых налогоплательщиков и, возможно, будущих солдат; с другой — было необходимо предотвратить потенциально опасное перенаселение близ границы[1].

Все эти методы использовались довольно часто. Периодические военные вторжения привели к заключению мирных договоров со всеми племенами, населяющими тот или иной приграничный регион, при этом нередко разрушались уже существующие опасные крупные союзы, друзья вознаграждались, враги наказывались. Так с помощью кнута и пряника — страха, порожденного карательными военными кампаниями и взятием заложников, в сочетании с оказанием финансовой поддержки отдельным племенам и даровании им торговых привилегий — римляне заботились о том, чтобы установленный ими порядок не рухнул сразу же, а просуществовал как можно дольше. Эти методы были вполне эффективны, но, разумеется, не идеальны. С точки зрения империи их успешность можно определить по долгосрочности соглашений и договоров. По моим подсчетам, в среднем дипломатические соглашения, заключаемые между империей и племенами, жившими на берегах Рейна и Дуная, действовали на протяжении двадцати — двадцати пяти лет, то есть в пределах одного поколения — благодаря военной интервенции. Вполне вероятно, что игра стоила свеч (мир в обмен на военные потери) и римляне устанавливали вполне разумные условия. Однако необходимо помнить, что вся эта система держалась на редких, но решительных военных кампаниях империи. Приграничные племена были частью римского мира, однако они входили туда отнюдь не по доброй воле и на взаимовыгодных условиях. Рим регулярно прибегал к военной силе, подтверждая свое превосходство.

Методы римской дипломатии сами по себе весьма интересны и описаны в соответствующих научных трудах. Они также

[1] «И так как наши ринулись...»: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 19.11. Последующие рассуждения о балансе переселений и приеме в состав империи см. главу 3 и Heather (1991), глава 4 (о стандартной римской миграционной политике). Об организованной перегруппировке племен, которые обитали на границе с Римской империей: Carroll (2001), 29 и далее.

способствовали развитию и трансформации германского общества. Чтобы понять, почему все обстояло именно так, нам вновь придется вернуться к народам, населяющим земли вдали от римской границы, рассматривая их в качестве активных участников событий. Римская дипломатия, разумеется, оказывала на них определенное прямое воздействие, но это лишь часть истории. Племена и отдельные индивидуумы на землях Древней Германии по-разному реагировали на стимулы, применяемые во внешней политике Рима на протяжении четырех веков, и эта реакция не менее важна, чем вмешательство империи в их развитие.

Трансформационный потенциал одного аспекта римской дипломатии давно привлек внимание исследователей — речь идет о ежегодных выплатах (или субсидиях). Они выдавались не только деньгами или золотыми и серебряными слитками, но и в виде ценных римских товаров, таких как изысканные ювелирные изделия или дорогие, богатые ткани. В эпоху Византии римляне иногда снабжали германцев продуктами питания, недоступными для них, и, возможно, точно так же они поступали и в первые века н. э. Цель этих субсидий, как мы уже видели, заключалась в том, чтобы укрепить власть более уступчивых приграничных царей, ведь если те сохранят свое влияние, то смогут поддерживать мир в приграничных землях. Получаемые средства укрепляли позиции уже правящих властителей. Однако важно понимать, что, как и в торговле янтарем или рабами, дипломатические выплаты представляли собой новый источник обогащения в германских землях, и, как и в случае с торговыми прибылями, его появление породило соперничество между потенциальными получателями. Утрата потенциального источника дохода в виде таких выплат отчасти объясняет нежелание лимигантов поселиться вдали от границы, помимо понижения статуса (в глазах Рима) с независимого царства на зависимое. И конечно, даже незначительное снижение в количестве или качестве ежегодных даров могло вызвать кризис, как в 364 году, когда Валентиниан урезал выплаты алеманнам. У нас есть свидетельства того, что отдельные племена специально переселялись ближе к границе в надежде потеснить нынешних счастливчиков и занять их место. Соперничество за контроль над притоком доходов в виде субсидий таким образом ускоряло трансформационные процессы в обществе и говорило о том, что Рим порой награждал победителей в борь-

бе между племенами, находившимися за пределами его влияния[1].

Но субсидии были лишь частью римской дипломатической стратегии, прочие аспекты которой также оказывали свое воздействие. Возьмем, к примеру, периодические военные интервенции, которые в IV веке стали обычным явлением; в среднем насчитывается одна кампания в поколение в каждом приграничном секторе. В ходе этих интервенций, как правило, римляне сжигали все, что попадалось им на пути, до тех пор пока местный царь или король не появлялся перед императором, чтобы заверить его в своей преданности. Тогда вновь начинались переговоры и в конечном итоге возобновлялись выплаты. Экономические последствия таких интервенций требуют тщательного осмысления. У нас нет точных сведений об этой стороне из источников IV века, однако довольно интересная аналогия встречается в хозяйственных записях средневековых поместий, находившихся в районах, подвергавшихся схожим нападениям. К примеру, земли епископа Йоркского, на которые в XIV веке нередко совершали набеги шотландцы, показывают, что на восстановление после таких грабежей уходили доходы, производимые на протяжении целого поколения. Это происходило потому, что налетчики, помимо похищения движимого имущества, которое не так сложно заменить, также нацеливались на такие важные элементы сельского хозяйства, как пахотные животные (которые в средневековых условиях были по стоимости сродни трактору). Они были очень дорогими сами по себе, не говоря уже об упряжи и прочих необходимых вещах. Все это нужно было заменить, следовательно, доходы резко падали на двадцать и более лет.

Если такого рода экономические последствия вписать в картину жизни германских племен у римской границы, то (в особенности в те времена и в тех регионах, где конфликты с римлянами происходили регулярно) станет ясно, что тесное соседство с Римской империей значительно сдерживало темп экономического развития, и это, опять-таки, подтверждается археологическими свидетельствами. Из числа приграничных районов, где

[1] Сокращение количества даров Валентинианом: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 26.5; 27.1. Дополнительные комментарии: Heather (2001); Drinkwater (2007), глава 8 (где автор, на мой взгляд, придерживается, в ущерб всему остальному, мнения, что алеманны не могли представлять угрозу для Рима).

римские товары стали весьма многочисленны в раннеримский период, выделяются, к примеру, побережья Рейна и Везера. Римские изделия там представлены в незначительном количестве, и поселения остаются не слишком многочисленными вплоть до второй половины II века. Это следствие вражды, существовавшей между многими племенами этого региона и Римской империей, ведь здесь обитали в том числе херуски. Здесь же при восстании Арминия были разбиты легионы Вара в Тевтобургском лесу в I веке н. э. Далее, единственный регион, который в V веке на протяжении некоторого времени, похоже, переживал период расцвета и экономического роста, принадлежал алеманнам. Там есть явные признаки вырубки лесов и расширения поселений и пахотных земель, а отсюда можно сделать вывод и о росте населения. На мой взгляд, это неудивительно, поскольку одновременное ослабление власти Западной Римской империи означало, что никто уже не сжигал поля и деревни раз в поколение и не забирал излишки продовольствия. В V веке достигла пика и явная тенденция к объединению, имевшаяся в племенах алеманнов, и в результате у них появился единственный полноправный правитель. И опять-таки это неудивительно, поскольку постоянное вмешательство Рима во внутреннюю политику племен, которое строилось, как мы уже видели, на устранении периодически появлявшихся сильных лидеров, наконец утратило свою эффективность[1].

Стоит оценить также и прочие аспекты римской дипломатической стратегии с точки зрения алеманнов — или даже в целом племен, живших близ границ империи. Регулярное уничтожение деревень могло возыметь лишь один эффект — вызвать еще большее негодование народа, и Аммиан нередко упоминает о неприязни к Риму по другую сторону границы. Но на деле даже менее насильственные методы вмешательства империи в политику и жизнь германских племен, в том числе разделение царей на победителей и проигравших, не могли не вызывать острого недовольства последних. Пресмыкательство, ожидаемое при открытых церемониях и мастерски продемонстрированное Зизаисом, не могло приветствоваться теми, от кого оно требовалось. Возможно, Зизаис искренне радовался установлению политической независимости своего народа, но его быв-

[1] О Рейне и Везере см.: Drinkwater (2007), 38—39. О расширении экономики алеманнов в V веке: Ibid. P. 355—344.

ший властелин, внезапно потерявший контроль над многочисленными подданными, вряд ли чувствовал что-то помимо раздражения и злобы. Аммиан также пишет, что другой бывший верховный правитель, Арахарий, пришел в ярость, когда его лишили подчиненного народа. К тому же империя порой решала — как в случае с лимигантами, — что некоторые варварские племена больше не должны жить на своих землях, и, как мы видели, без раздумий прибегали к насильственной политике, чтобы навязать им свою волю. И это лишь один пример деспотизма Рима из тех, что встречаются в повествовании Аммиана. Валентиниан I, к примеру, в одностороннем порядке изменял условия действующих договоров: по своему усмотрению и без предупреждения снижал стоимость ежегодных даров, вручаемых предводителям алеманнов, или же сооружал укрепления, несмотря на уже имеющееся соглашение о том, что их в том или ином регионе не будет. В источниках есть также намеки на то, что отдельные императоры периодически передавали гордый статус «ценный союзник» от одних народов в подвластных Риму регионах другим — чтобы поддерживать в германских правителях должное подобострастие. Говоря о более жестких мерах, можно вновь вспомнить, что императоры без колебаний отдавали приказы об устранении приграничных царей, представлявших слишком серьезную угрозу. Представление о политике Рима в приграничных районах, таким образом, создается вполне отчетливое. Регулярное сожжение соседствующих с империей деревень шло рука об руку с определенным набором дипломатических приемов, вплоть до заказных убийств.

Если рассматривать все это с точки зрения не римлян, а варваров, становится очевидно, что в наше уравнение необходимо включить еще и тяготы, вызванные римским господством. Неприязнь к Риму, испытываемая германцами, попавшими под его власть, выглядит в исторических источниках по-разному. В самой простой форме она проявляется в готовности, с которой приграничные племена организовывали набеги на римские владения. Налеты на земли близ границы были обычным делом и, разумеется, представляли собой еще один источник обогащения за счет Рима, за который стоило побороться. Контроль над ним мог оказать определенное политическое воздействие на трансформацию германского мира. Что еще более поразительно, неприязнь к Риму выражалась также в готовности будущих представителей правящих династий организовывать мас-

штабные восстания, будь то бунт Арминия в I веке (очевидной причиной которого были требуемые империей налоги) или восстание Хнодомара в IV веке, когда накал страстей достиг такого пика, что отказавшегося участвовать в нем царя Гундомада просто-напросто устранили.

Следовательно, основным фактором, который стоит учитывать при описании характера трансформации германских сообществ в этот период, является острая враждебность племен по отношению к Риму, вызванная военной жестокостью и агрессивной дипломатией последнего.

Не так давно были предложены два объяснения милитаризации германцев в римский период, выразившейся археологически в увеличении количества найденного оружия. Одно гласит, что все больше германцев отправлялись на военную службу в римской армии в качестве наемников, второе — что римские набеги и военные кампании к востоку от Рейна значительно повысили социальный статус воинов. Как было верно подмечено, оба этих мнения, пусть и кажущиеся противоположными, на деле отнюдь не несовместимы. Различные представители германского общества могли по-разному реагировать на давление со стороны Рима, и наверняка имело место и первое и второе явление, причем в жизни одних и тех же народов в разные периоды[1]. Я лишь подчеркиваю, что негативную реакцию на укрепление римской власти следует воспринимать всерьез, как и ее роль в политическом объединении разрозненных народов.

Ведь милитаризация, как мы уже видели, ушла далеко вперед — это уже не просто обычай хоронить воина с оружием. В римский период появляется новый язык политического лидерства, подчеркивающий возросшую важность войны. Верховные правители в буквальном смысле слова получали титул военного предводителя, и такого рода метаморфозу насильно вызвать нельзя. Германское политическое сообщество в позднеримский период по-прежнему включало в себя немало важных фигур, помимо королей, царей и их приближенных, и было необходимо согласие еще одного слоя общества (свободных людей?) на политическое объединение различных народов

[1] См.: Wells (1999), главы 10—11, а также von Schnurbein (1995), где делается упор на увеличение импорта римского оружия в германские земли после середины II века.

путем повышения статуса военных царей. Здесь вновь слились воедино позитивные и негативные факторы. Успешный в военном плане правитель, как верно подмечали многие, непременно привлек бы внимание Рима как возможный партнер для ведения приграничных дел и, следовательно, получал бы дары и субсидии. Однако при этом он оставался человеком — вроде Атанариха или Макриана, — способным воспротивиться наиболее грабительским требованиям империи и регулярным вторжениям легионов на его земли. Две вышеупомянутые личности, как мне представляется, демонстрируют важность антиримских настроений и пределов их выражения, имевших место к IV веку. Оба предводителя обрели почет и власть среди собственных народов благодаря своей ненависти к римским захватчикам и оказанием упорного сопротивления, однако при этом они же были готовы заключать с империей разного рода договоры, когда римляне по каким-либо причинам уступали и предлагали более приемлемые условия[1]. Это яркая иллюстрация того, по какой тонкой грани шел процесс политической централизации в германском обществе с самого начала.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Связи с Римом, существовавшие одновременно на разных уровнях и нередко накладывавшиеся друг на друга, ускорили трансформацию германского мира. Экономические потребности приграничья — возможно, в сочетании с передачей методов и технологий производства — стимулировали развитие сельскохозяйственного производства, которое, в свою очередь, вызывало другие изменения. Многие отправлялись на военную службу в римскую армию в качестве наемников и приносили домой либо деньги, либо ценности, полученные по окончании военной карьеры. К тому же (по крайней мере, в некоторых регионах, где имелись постоянные поселения, состоявшие в тесной связи с империей) в определенные периоды были в ходу римские монеты, ставшие элементом эффективного и простого механизма обмена. Появлялись новые торговые сети, возможно

[1] Атанарих: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 27.5; Макриан: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 30.3. В обоих случаях у соответствующих императоров были большие сложности в других регионах — у Валентиниана на Дунае, а у Валента в Персии, см.: Heather и Matthews (1991), глава 2.

для продажи железной руды и куда более ценных товаров — рабов и янтаря. И не менее важным, чем новые источники обогащения, открывшиеся для германского мира, было то обстоятельство, что торговля рабами и янтарем требовала более сложных форм организации. Тут уже не просто римский покупатель подходил к германскому производителю. Северный янтарный путь и разросшиеся сети работорговли подчеркивают, что доходы вовсе не накатывали плавной волной на весь германский мир, разделяясь в равной степени между племенами. Появлялись отдельные группы, которые закрепляли за собой, нередко с помощью силы, право извлекать бóльшую выгоду из новых возможностей, предоставляемых продвижением римских легионов к Рейну и Дунаю. Дипломатические и политические контакты также приводили к появлению новых источников обогащения; к тому же цари обладали, помимо всего прочего, военной силой в виде их личных дружин, а значит, могли требовать больших доходов и прав в торговле, а также забирать немалую часть ежегодных субсидий, поступавших в их земли.

И в то же время перемены в германском обществе форсировались иными контактами с Римской империей. Ежегодные выплаты не предоставлялись просто так, их нужно было заслужить — ведь экономическая поддержка была лишь одним из многочисленных приемов римской дипломатии для сохранения мира вдоль границы. Иногда приграничные германские племена подвергались военным налетам со стороны Рима. Влияние империи на них было столь велико, что ее правитель даже имел право решать, где им жить, с кем заключать союз, под чьей властью находиться. К тому же Рим нередко требовал с вынужденных союзников товары, услуги и даже людей. Их общественная жизнь должна была укладываться в жесткие рамки открытого, унизительного преклонения перед властью империи. Недовольство, вызванное этими обстоятельствами в большинстве народов-клиентов, выражалось в настоящей эпидемии мелких набегов на римские земли. На мой взгляд, оно также сыграло важную роль в процессе легитимации нового типа военных королевств, которые появились в германских землях в этот период и стали основанием более прочной политической консолидации, наблюдаемой в новых союзах. В распоряжении военных предводителей были реальные силы, позволяющие им требовать больше ресурсов у своих подданных и получать боль-

ше прибыли из новых источников обогащения, но при этом они также были способны защитить своих сторонников от имперского произвола.

Другими словами, «позитивные» и «негативные» аспекты связей, появившихся между германскими племенами и Римской империей (хотя, опять же, такого рода термины неизбежно порождают вопрос: для кого они были положительными или отрицательными?), возымели в общем и целом тот же эффект. По мере укрепления этих отношений и первые и вторые ускоряли процесс политического объединения. То, что мы наблюдаем, по своей сути, — это ранний пример глобализации. Плохо развитая экономика, построенная преимущественно на натуральном хозяйстве с невысокой диверсификацией производства, а также слабой торговой и социальной стратификацией, внезапно оказывается бок о бок с высокоразвитой экономикой и мощным государственным аппаратом Римской империи. Новые источники обогащения и усилия, прилагаемые для установления контроля над ними, а также для ограничения агрессии Рима, в конечном итоге вызвали к жизни новые, более развитые социальные структуры, на основе которых появились новые политические образования. Близкое соседство и действия империи и соответствующая реакция на них местного населения и создали новую Германию позднеримского периода.

Разумеется, нельзя сказать, что доримское германское общество наслаждалось процветанием и покоем. Как мы видели, существенная разница в развитии между германскими носителями ясторфской культуры в Северной и Центральной Европе и западноевропейскими кельтами, носителями латенской культуры, наблюдалась задолго до того, как римские легионы покинули средиземноморское побережье. И, как мы уже видели, в отсталых обществах, населявших регионы с остатками ясторфской культуры, уже начинался процесс реорганизации — им была нужна возможность пользоваться достижениями своих более развитых соседей, носителей латенской культуры, а ведь дело было задолго до того, как в этом регионе появились римские войска. Очень показательна в этом плане личность Ариовиста — идеальный пример трансформации, которая неизбежно происходит, когда рядом сосуществуют два общества с разным уровнем благосостояния. Преображение местных германских племен началось еще до того, как в игру вступил Рим. Но в начале н. э. Европа образца латенской культуры смени-

лась еще более богатой, монолитной и куда более успешной в военном плане Римской империей. В результате сила воздействия мощных внешних стимулов и реакция на них германского общества возросли многократно.

Возможно, неравенство среди самих германцев в конце концов стало бы причиной появления более крупных и прочных политических образований, даже без вмешательства Рима. Однако постоянное и динамичное взаимодействие с империей ускорило этот процесс на много веков. Однако даже это не открывает нам полиой картины того, как контакты с империей преобразили Древнюю Германию. Нам необходимо еще изучить миграционные феномены, развернувшиеся одновременно в разных регионах Германии, вкупе с социальной и политической трансформацией существовавших в ней сообществ.

Глава 3
ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ?

Летом 172 года император Марк Аврелий оказался в отчаянном положении. Вдоль всех европейских границ Рима по-прежнему полыхало пламя войны, с 166 года, в особенности в регионе среднего течения Дуная, где теперь увяз сам император. Один из его главных командиров, преторианский префект Виндекс, был убит к северу от Дуная в битве с германским племенем маркоманов в Богемии. Марк Аврелий возглавил второй поход римлян против квадов в Словакии. Лето выдалось на редкость жарким, а римляне, продвигаясь по чужой территории, были вынуждены идти строем в полном вооружении и доспехах. Квады знали местность — и были осведомлены о приближении римлян. Вместо того чтобы встретиться с ними в битве, они отступали, заманивая их в глубь страны, все дальше и дальше от подводов с провизией. И наконец ловушка захлопнулась. Римляне были захвачены врасплох, без продовольствия и даже без воды, квады окружили их, сражаться не было нужды.

«Тогда варвары приостановили сражение, полагая, что легко добьются победы благодаря жаре и отсутствию [у римлян] воды, и, заняв все [высоты], заперли их со всех сторон, чтобы им неоткуда было взять воды: варвары ведь имели многократный численный перевес. И вот... римляне оказались в исключительно скверном положении, страдая от усталости, ран, солнца и жажды, уже не могли из-за этого ни продолжать битву, ни отступить, но продолжали стоять в строю на своих позициях, палимые зноем».

Их положение казалось критическим.

«Неожиданно собрались большие тучи и — не без воли божества — разразился мощный ливень... Когда ливень хлынул, сначала все поднимали головы и ловили его ртом, а затем одни подставляли под него щиты, другие шлемы и жадно тянули воду сами и давали пить коням. А затем, когда варвары на них напали, они одновременно пили и сражались».

Вода дала римлянам новые силы и вынудила квадов вступить в бой, поскольку теперь надеяться на капитуляцию римлян от жажды и изнеможения от зноя не приходилось. Гром и молнии — по словам очевидцев, разившие варваров — довершили начатое, и Марк Аврелий вырвался из ловушки, сохранив свою армию и пополнив список своих военных успехов блистательной победой.

Дождь, разумеется, был объявлен чудом Марка Аврелия, и о спасении римской армии говорили повсюду, его сочли еще одним доказательством того, что высшие силы поддерживают Римскую империю. Вызвал он и немало споров. Дион Кассий, на чьи труды мы в основном опираемся, приписывает божественное вмешательство заслугам Арнуфия, египетского мага, христианские же авторы утверждают, что молитвы христианского легиона из Сирии были услышаны. Какие бы высшие силы ни решили вмешаться, гроза спасла императора от плена, и он был очень им благодарен. Он выиграл войну и восстановил мир на европейской границе империи, хотя на это ушло почти целое десятилетие. Чудодейственный дождь, наравне с прочими событиями войны, был увековечен в резьбе на триумфальной колонне, которую император приказал возвести в честь победы в столице[1]. Но почему Марк Аврелий вообще оказался в такой опасности?

ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО ЧЕРНОГО МОРЯ

Экспансия Рима в северные, преимущественно германские регионы Европы приостановилась в I веке н. э., и приблизительные границы империи проходили по рекам Рейн и Дунай, но это не означало того, что позиция ее стала сугубо оборонительной. Как мы уже видели в прошлой главе, военное превосходство Рима шло рука об руку с агрессивной дипломатией, и благодаря этому племенные союзы, непосредственно граничащие с ним, становились государствами — клиентами империи. Набеги, угрозы, военные демонстрации и подчинение варваров были стандартными методами, но открытые столкновения происходили крайне редко. Наученные горьким опытом, германцы быстро усваивали, что открытый конфликт с римскими легионами обычно заканчивался катастрофой. К середине II века маркоманы и квады уже больше века являлись клиентами империи, что

[1] *Дион Кассий.* Римская история. 32.8—10.

делает войну, в которой едва не погиб Марк Аврелий, еще более странным явлением. Почему союз, давно бывший клиентом Рима, после ста лет мирного сосуществования, изредка прерываемого мелкими конфликтами, попытался уничтожить императора и его армию в полномасштабном военном противостоянии?

Чудо с дождем произошло в период бунтов и волнений, которые в совокупности называются Маркоманской войной. Но в ней участвовали и другие племена, не только богемские маркоманы, хотя именно последние принимали участие в самых ярких ее эпизодах. Воссоздать ход этой войны — задача не из легких. Историк Дион Кассий полностью описал все ее этапы — включив в повествование множество довольно важных подробностей, — однако его труд сохранился лишь фрагментарно, а прочие источники весьма ограниченны. В результате мы располагаем сведениями лишь об отдельных эпизодах, связь между которыми нередко остается неясной. И главное, вопросы о масштабе этой войны и ее подлинных причинах по-прежнему вызывают недоумение. Римские источники, разумеется, твердят лишь о вспышках недовольства в приграничном регионе и о том, как именно вооруженный конфликт постепенно перешел на земли самой империи. Однако исторические и археологические источники ясно показывают, что одним из факторов, дестабилизировавших ситуацию в приграничных землях, стало прибытие новых германских племен.

МАРКОМАНСКАЯ ВОЙНА

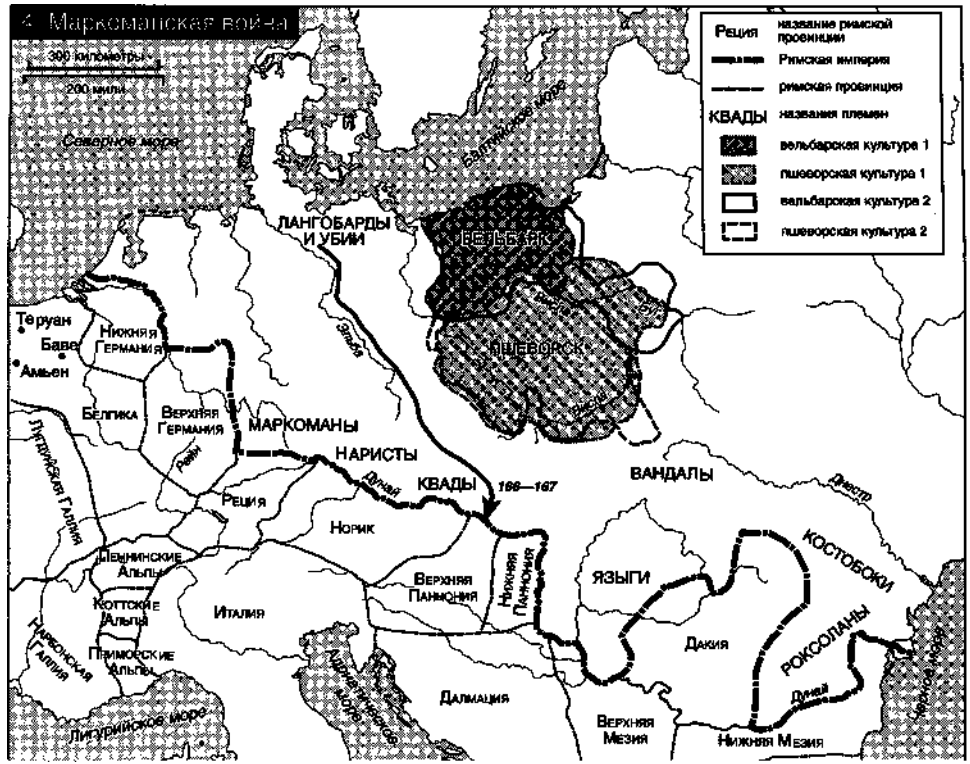
Марк Аврелий пришел к власти в 161 году и в самом начале своего правления был вынужден заниматься урегулированием конфликта с парфянами на месопотамской границе империи. Среди прочих мер он перевел на восток три легиона — 18 тысяч человек — из приграничных районов близ Рейна и Дуная, однако к середине десятилетия неприятности начали назревать уже на западе. Зимой 166/167 г. 6 тысяч лангобардов и убиев вторглись в римскую провинцию Паннония — современная Венгрия, к югу от Дуная, к юго-западу от Карпатских гор. Они потерпели поражение, однако на этом проблемы в данном регионе не закончились. В 168 году маркоманы и виктуалы, давние клиенты Рима в этих землях, потребовали разрешения войти на территорию империи. Как было указано в прошлой главе, случай не был

беспрецедентным, племена иногда обращались к императору с подобными просьбами и порой даже получали желаемое разрешение. Однако на сей раз Марк Аврелий ответил отказом. Возможно, для того, чтобы адекватно контролировать ситуацию, в тот период ему не хватало военной мощи. Однако он был решительно намерен изменить это обстоятельство.

В 170 году император собрал свои войска в Паннонии. Некоторые источники намекают, что он планировал аннексировать территории, занимаемые маркоманами и квадами. Но последующая кампания оказалась крайне неудачной. Маркоманы обошли римскую армию с флангов, и, поскольку со многих опорных пунктов войска были выведены, неистовые варвары сумели добраться до самой Италии. Одерцо был разграблен, Аквилея — осаждена. Таких бед римская Италия не знала с III века до н. э., и захватчиков прогнали только к концу 171 года. Тем временем начались волнения по всему течению Дуная. Языги — одно из кочевых племен сарматов — и германские квады досаждали империи на Среднедунайской низменности к западу от Карпат, а два племени вандалов — астинги и лакринги — подобрались вплотную к северным границам Трансильванской Дакии (см. карту 4). Костобоки с северо-востока Дакии нападали на Фракию, Македонию и Грецию, предположительно двинувшись на юг вдоль восточных, а не западных склонов Карпат. В то же время серьезные набеги начались на северной границе вдоль Рейна. Всем этим угрозам приходилось противостоять, и это вынуждало императора отложить возмездие, а потому лишь в 172 году Марк Аврелий смог вернуться к непосредственным зачинщикам. Два года напряженных военных действий на среднем течении Дуная, во время которых и произошло чудо с дождем, заставили маркоманов, квадов и языгов покориться. Волнения в Богемии, Словакии и на Среднедунайской низменности были подавлены, но до конца десятилетия император был поглощен принятием комплексных военных и дипломатических контрмер, направленных на то, чтобы, как всегда, превратить победу в долгосрочный мир[1].

Уцелевшие фрагменты труда Диона могут дать некоторое представление о них, но, увы, далеко не полное. Тем не менее сходство их с дальнейшими уловками, которые в том же регионе применял император Констанций II два века спустя, поразительно. Цари-бун-

[1] Хорошее исследование по теме: Birley (1966), главы 6—8 и приложение III; см. также: Bohme (1975).

4 Маркоманская война
300 километры
200 мили
Северное море
Балтийское море
ЛАНГОБАРДЫ
И УБИИ
ВЕЛЬБАРК
ПШЕВОРСК
Эльба
Одер
Висла
Тервуан
Бавэ
Амьен
Нижняя Германия
Белгика
Верхняя Германия
Рейн
МАРКОМАНЫ
НАРИСТЫ
КВАДЫ
166—167
Дунай
Реция
Норик
Лугдунская Галлия
Пеннинские Альпы
Коттские Альпы
Приморские Альпы
Нарбонская Галлия
Лигурийское море
Италия
Верхняя Паннония
Нижняя Паннония
Адриатическое море
Далмация
ВАНДАЛЫ
ЯЗЫГИ
Дакия
КОСТОБОКИ
РОКСОЛАНЫ
Днестр
Днепр
Верхняя Мезия
Нижняя Мезия
Черное море
Реция
название римской провинции
Римская империя
римская провинция
КВАДЫ
названия племен
вельбарская культура 1
пшеворская культура 1
вельбарская культура 2
пшеворская культура 2

товщики были заменены более сговорчивыми, особенно среди квадов и сарматов, — и устранение предыдущих ставленников императора (Фуртия и Санктия) вызвало неприкрытую враждебность по отношению к Римской империи. Маркоманы и квады были вынуждены согласиться на размещение 20 тысяч римских солдат в ряде укреплений на их землях. Все это, разумеется, служило напоминанием о том, что, несмотря на выплаты и прочие знаки благоволения, иногда клиентами Римской империи становились не по доброй воле. Отдельным племенам было дозволено перебраться на новые земли (асдингам, в частности), другим ответили отказом (квады), а третьи получили разрешение поселиться на территории империи (наристы, общей численностью 3 тысячи). Все это было сделано в соответствии с пожеланиями императора и его представлениями о том, что наилучшим образом послужит интересам империи. Наристы были куда малочисленнее маркоманов, и теперь уже Марк Аврелий диктовал условия как победитель, поэтому на сей раз он дал свое согласие. Торговые привилегии даровались либо отзывались в соответствии с представлениями императора о верности того или иного племени, вновь были утверждены нейтральные территории различных размеров. Опасное сарматское племя языгов, как и лимиганты в 358 году, было вынуждено поселиться в два раза дальше от реки. В землях народностей, вызывавших у императора особые подозрения, были размещены римские гарнизоны и отменены всеобщие собрания, на которых определялась политика племени. Когда порядок был восстановлен и власть лояльных царей укрепилась, условия стали менее жесткими. Языгам было позволено вернуться в свои прежние земли и пройти по римской провинции Дакии, чтобы возобновить связи с другим сарматским племенем, роксоланами. Таким образом, масштабные военные кампании Марка Аврелия укрепили сложное переплетение дипломатических договоров и союзов, которое соответствовало давно установившимся методам взаимодействия с клиентами Рима. Однако на сей раз, как отмечал Дион, масштабы проблемы — куда более серьезной, нежели та, с которой столкнулся в 358 году Констанций, были таковы, что даже по смерти императора в 181 году работа его еще не была закончена[1].

[1] См.: *Дион Кассий*. Римская история. 72.20.1—2 (о размещении войск); 72.11—12, 72.20.2, 72.21 (о перемещениях асдингов, квадов и наристов соответственно); 72.15, 72.16.1—2, 72.19.2, 73.3.1—2 (о торговых привилегиях и нейтральных территориях); 72.19.2, 73.2.1—4 (о собраниях).

Но главный вопрос так и остался без ответа. Что все-таки послужило причиной войны?

По сведениям одного из главных наших источников, истинная причина — всплеск захватнической деятельности, включавшей и миграцию, со стороны нескольких германских племен из Северо-Центральной Европы: «В то время как виктуалы и маркоманы производили повсюду смятение, а другие племена, теснимые с севера варварами, начинали военные действия, если их не впускали в римские пределы».

В соответствии с «великим нарративом» этот абзац, разумеется, считался доказательством того, что Маркоманская война стала первой фазой крупномасштабной миграции из германских земель, которая в конечном счете и уничтожила Римскую империю. Однако выдержка взята из «Истории Августов», свидетельства которой всегда спорны. В ней содержится немало исторических сведений, в особенности касающихся более отдаленного прошлого, II века, однако рукопись считается фальшивкой — вероятно, она была написана в Риме приблизительно в 400 году одним из сенаторов, который сознательно сделал ее похожей на источник III века. Невозможно определить, насколько можно доверять излагаемым в ней сведениям по каким-либо вопросам, поскольку нам неизвестно, что основано на подлинных данных, а что автор просто выдумал. К тому же любой писатель того времени, как мы увидим в следующей главе, прекрасно знал бы, к примеру, готских мигрантов-варваров, которые в больших количествах наводнили Европу, спасаясь «от других варваров», гуннов. Следовательно, будет вполне логично подвергнуть сомнению версию «Истории Августов» о том, что на самом деле вызвало беспокойство Марка Аврелия, и один из современных ученых не так давно высказал мнение, что представленный в книге взгляд на масштабные причины и более серьезные последствия войны не следует учитывать вовсе. В этом случае все рассуждения о IV веке лучше отложить на потом. Маркоманскую войну нельзя считать первым предвестником волны германских переселенцев, которая в конечном счете захлестнет Римскую империю. Напротив, едва закончив войну с парфянами, Марк Аврелий решил восстановить власть Рима на европейских границах, где из-за перевода войск на восток участились набеги и налеты, но ничего слишком уж необычного там не происходило. В этом свете именно жесткий отпор и подавление беспорядков со стороны императора — другими словами, агрес-

сия Рима — воспламенили границу. Паника вынудила маркоманов и квадов начать действовать — попытаться отомстить[1].

Некоторые аспекты такой реконструкции событий вполне справедливы. Необходимо помнить о возможных хронологических ошибках, однако в любом случае страх перед агрессией со стороны Рима, несомненно, присутствовал бы в расчетах варваров. Рим считал, что всегда будет диктовать свою волю на границах, опираясь на военное превосходство, и варварские союзы — клиенты империи — вряд ли питали иллюзии относительно того, что империя назначит «справедливое» или «соответствующее проступку» наказание. Императорам надлежало проявлять суровость по отношению к варварам и их делам. Однако, невзирая на все вышеизложенное, мне не представляется убедительным предположение о том, что в 60—70-х годах II века не происходило ничего из ряда вон выходящего. Здесь очень важно не перейти от одной упрощенной точки зрения (в соответствии с которой эта война рассматривалась как начало великого противостояния германцев и Римской империи) к другой (войны не было вовсе, это обычные приграничные стычки). Даже если отбросить, возможно, не вполне верные параллели с событиями, имевшими место в IV веке, война приобрела слишком большой размах для обычного приграничного конфликта, и те ее причины, которые подлежат восстановлению, говорят о том, что в игру вступили серьезные силы.

Прежде всего: масштаб. Географическая протяженность нападений была исключительной. В самом начале 70-х годов II века начались серьезные конфликты в римских землях вдоль северной границы по Рейну, на Среднедунайской низменности и на северных и восточных границах Дакии — то есть практически по всей границе Рима с Европой. Даже самые серьезные бунты I века никогда не выходили одновременно за Рейн и пределы Среднедунайской равнины — здесь мы явно имеем дело с кризисом совершенно иного рода, нежели даже тот, который был вызван амбициями Хнодомара в IV веке (он, как мы видели в прошлой главе, коснулся только одного приграничного сектора). К тому же военные действия продолжались с перерывами целых пятнадцать лет. В IV-веке приграничные

[1] *История* Августов: Марк Аврелий. 14.1; об особенностях этого источника: Syme (1968), (1971a), (1971b). О римской агрессии: Drinkwater (2007), 28—32. Дринкуотер также рассуждает о возможной роли болезней и о важности чувства долга для Марка Аврелия.

конфликты, хорошо описанные в хрониках, длились не больше двух или трех, и даже поднятый Хнодомаром бунт затих через пять лет. Географии и хронологии вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что во II столетии происходило нечто куда более серьезное.

Тяжелее всего судить о количественном аспекте этой войны. Сколько людей приняли в ней участие за эти пятнадцать лет? Конкретных сведений ничтожно мало. Единственные цифры, которые у нас есть, дает Дион, рассказывая о том, что в первом нападении на Паннонию участвовали 6 тысяч лангобардов и убиев. Если эта цифра верна, то перед нами серьезная, но отнюдь не грозная сила (особенно в сравнении с той, которая была в распоряжении алеманнов в битве при Страсбурге). Прочие данные имплицитны и/или субъективны. Численность римских войск, вовлеченных в конфликты на Среднедунайской низменности, была, несомненно, значительной; к началу контрнаступления, к примеру, Марк Аврелий набрал два новых легиона (12 тысяч человек).

Последствия войны также были довольно суровыми — не только в Италии, но и к западу от границы вдоль нижнего течения Рейна, от бельгийского побережья до Соммы, где были сровнены с землей такие города, как Тарвенна (Теруан), Багакум (Баве) и Самаробрива (Амьен). В конфликте участвовало столько маркоманов и квадов, что германцы даже сумели убить префекта и угрожать жизни императора, что, в свою очередь, указывает на крупный военный конфликт — как и тот факт, что Марк Аврелий в дальнейшем решил поставить огромный памятник самому себе в Риме в честь своей победы. Пропагандистское и хвалебное предназначение колонны не вызывает сомнений, однако более ранние колонны, к примеру императора Траяна, ставились для того, чтобы возвестить о победе в полномасштабной войне (в его случае — завоевание Дакии). Тот факт, что Марк Аврелий воздвиг подобный памятник самому себе, не став предметом осмеяния, говорит о многом. Если вы всерьез намерены уменьшить масштаб и серьезность конфликта, каждый из этих фактов можно попытаться объяснить по отдельности, но вместе они приводят нас к неизбежному выводу о том, что Маркоманская война представляла собой нечто необычное в отношениях между Римом и его варварами-соседями[1].

[1] О последствиях войны на Рейне см.: Carroll (2001), 138; о легионах и памятнике, который Марк Аврелий воздвиг в свою честь, см.: Birley.

О том же говорят и географические перемещения — иногда явно принимающие форму миграции, — которые формируют весьма интересный фон для войны. И здесь опять-таки становятся очевидными различия между этим конфликтом и волнениями I века. Лангобарды и убии, нападение которых на Паннонию открывает череду набегов схожего рода, к примеру, прошли приблизительно 800 километров к югу от нижнего течения Эльбы (если верить Тациту, именно эти земли они населяли в конце I века — и, по свидетельству Птолемея, в середине II века) всего за десять лет до начала войны. Никаких письменных свидетельств их продвижения на юг нет, однако проще всего было бы направиться вниз по течению Эльбы, одной из основных водных артерий, прорезающих Европу с юга на север, далее — в Богемию через долину реки Моравы и оттуда уже на Среднедунайскую низменность (см. карту 4). Если так, то они прошли по одному из главных путей Центральной Европы, по нему же двести пятьдесят лет спустя прошествуют кимвры и тевтоны. Мы не знаем, были ли эти лангобарды и убии налетчиками, которые впоследствии планировали вернуться домой с награбленным, или же они намеревались поселиться в приграничном регионе. У некоторых групп желание обрести новый дом прослеживается более отчетливо. Оно явно двигало вандалами, которые во время войны также двинулись на юг, но их путь оказался немного короче — их племена вышли из Средней Польши; они предприняли, очевидно сговорившись с римлянами, попытку захватить земли костобоков в приграничных регионах Дакии. Чтобы нейтрализовать кризис, как мы уже видели, римляне разрешили наристам поселиться в империи, и маркоманы и виктуалы раньше просили о том же. Однако далеко не все стремились обосноваться в приграничье. Один раз Марку Аврелию пришлось вмешаться, чтобы не дать квадам всем племенем двинуться на север в земли семнонов в среднем течении Эльбы[1].

Но здесь главное — не увлекаться. Все это вовсе не свидетельствует о том, что с севера хлынула волна мигрирующих

[1] О родине лангобардов в I веке см.: *Тацит*. Германия. 40. Группа численностью 6 тысяч человек представляет собой лишь небольшое образование, за ними в V веке последует еще больше лангобардов (см. главу 5). Позже лангобарды наводнили земли в среднем течении Дуная и образовали поселения в Богемии, но неизвестно, было ли происходившее характерно и для племен II века.

варваров, а маркоманы, квады и языги воспользовались случаем и беспокойными временами, чтобы обогатиться. Некоторые из чужаков, приходивших в приграничные земли, также имели только одну цель — грабежи. Но, несмотря на это, многие обстоятельства указывают на то, что германские племена, жившие близ границы с Римом и по большей части являвшиеся полузависимыми клиентами империи, а не ее заклятыми врагами, приняли участие в войне в том числе и из-за того, что появились новые племена, и им, как они и утверждали, действительно требовалась помощь Рима. Балломарий, царь маркоманов, в свое время предстал перед императором Марком Аврелием в качестве представителя делегаций одиннадцати приграничных племен, в земли которых могли вторгнуться пришельцы с севера[1]. Если бы у нас не было больше никаких сведений о Маркоманской войне, то вплоть до 1970 года ситуация выглядела бы крайне интригующе, но вместе с тем и весьма досадно. Сами по себе исторические источники не способны дать нам более или менее реальных представлений о масштабе конфликта, ведь споры Марка Аврелия с маркоманами и квадами были лишь его частью. Однако за последние двадцать лет были обнаружены обширные археологические свидетельства, которые коренным образом изменили наши представления о том, что происходило на севере Древней Германии во II веке.

Обнаружение этих свидетельств — очень интересный побочный эффект холодной войны. Многочисленные раскопки проводились в Центральной и Восточной Европе до 1939 года, однако большая часть находок затерялась в ходе разрушительной Второй мировой войны, и после ее окончания ученые были вынуждены фактически начинать с нуля. Стимул, финансирование и кадры поступали преимущественно из одного источника — объединения восточных государств, появившихся под влиянием Советского Союза. Эти государства преследовали две цели, которые на первый взгляд кажутся несочетаемыми. С одной стороны, в них были очень сильны националистические тенденции. Археологически они выражались в желании доказать, что нынешние обитатели этих земель — далекие потомки коренного населения, которое на протяжении длительного периода занимало одну и ту же территорию, и историю

[1] См.: *Дион Кассий.* Римская история. 72.3.1а.

его можно проследить до самого глубокого прошлого. Желание это сочеталось со здоровым интересом и стремлением продемонстрировать на практике процессы исторического развития, описанные в XIX веке господами Марксом и Энгельсом, несмотря на то что, как мы уже видели, для марксистов национальная идентичность любого рода могла быть лишь ложным сознанием. По двум этим причинам изучение далекого прошлого за «железным занавесом» рассматривалось как весьма похвальное стремление, а в результате появилась целая индустрия, спонсируемая государством. Если взять на себя труд сейчас ознакомиться с выпущенными тогда работами, то от идеологического подтекста отдельных публикаций, в особенности времен 60-х и 70-х годов, волосы встают дыбом. Однако многие ученые упорно не желали работать под гнетом официальной марксистско-националистской идеологии и ее видения прошлого и, либо поддерживая эти идеи на словах, либо просто их игнорируя, занимались исследованиями честно и беспристрастно. Даже в сталинскую эпоху на основе новых находок проводилась колоссальная и очень важная работа, а к концу 70-х и 80-х годов многие научные сообщества Восточной Европы обрели почти полную интеллектуальную свободу[1].

В результате мы получили прежде всего куда более полную и ясную картину основных материальных культурных систем германской Европы в римский период, в частности, была выявлена вельбарская культура Северной Польши, заметно отличающаяся от своего ближайшего соседа, пшеворской культуры, которая была довольно полно изучена и описана между Первой и Второй мировыми войнами. Между ними немало сходств, но различия, как незначительные — к примеру, в росписи посуды, изготовлении оружия, — так и куда более весомые и значимые, заставляют разделить их. Вельбарских мужчин никогда не хоронили с оружием, но такой обычай имелся у носителей пшеворской культуры. Вельбарские кладбища указывают на то, что в ходу были обряды как кремации, так и предания земле, в то время как их соседи всегда сжигали мертвецов. Такие несоответствия свидетельствуют о существенных различиях в религиозных верованиях, касающихся посмертия.

[1] См., например: Barford (2001), введение и главу 1.

Обнаружение различий между этими культурами для нас важно потому, что изобилие новых находок привело к дальнейшему развитию более надежных способов определения возраста археологических находок. Коссинна — автор теории «археологии поселений» — стал основоположником этого процесса, используя одновременно два элемента. Во-первых, он и его соратники установили принцип использования стилистического развития с целью определения относительных дат в рамках определенной «культуры». Появление более изысканных вариантов того или иного предмета или более сложных форм в рамках одного типа украшений заставило их предположить — и вполне разумно, как показывает практика, — что более простые варианты предшествуют им и являются более ранними. В общем и целом этот подход можно перенести на любые типы объектов, однако метод изначально применялся преимущественно к керамике. Первые исследователи затем стали в своих построениях опираться на предметы, датировка которых не вызывает затруднений, чтобы выстроить временную шкалу стилистических изменений в рамках общей хронологии. Скажем, если монета 169 года н. э. была найдена вместе с керамикой определенного вида, значит, посуда была произведена после ее выпуска. Этот метод в целом неплох, однако о временных промежутках между производством и захоронением датируемых объектов оставалось только догадываться, и ошибки случались достаточно часто — поскольку, как мы теперь знаем, римские монеты хорошего качества, изготовленные в I и II веках, по-прежнему широко использовались в варварской Европе даже в IV столетии.

Применяя этот подход к куда большему числу остатков культур, которые были обнаружены к 1970 году, ученые сумели установить последовательность эволюции стилей для оружия, пряжек, украшений и гребней, помимо всего остального. Это дало датировке находок куда более прочное и серьезное основание, поскольку можно было отталкиваться от целого ряда предметов, обнаруженных в том или ином скоплении, а не судить по какой-то одной вещи. В результате хронология основных германских культурных систем теперь может быть разделена на вполне отчетливые фазы, каждая из которых определяется по типу вооружения, определенным формам брошей, пряжек, горшков и гребней. В частности, благодаря этому стало гораздо легче выделять «нестандартные» предметы из пре-

дыдущего периода, оставшиеся в использовании. Ранее их обнаружение в захоронении, скорее всего, сделало бы правильную датировку сложной, если не невозможной[1].

Все это имеет большое значение для изучения Маркоманской войны, поскольку именно благодаря новым сведениям стало ясно, что приблизительно в середине II века начали происходить серьезные изменения в сложившейся структуре германских (или преимущественно германских) систем материальных культур на территории нынешней Польши. В частности, вельбарская культура начала распространяться к югу от Померании на север Великой Польши (между реками Нотець и Варта) и на юго-восток через Вислу в Мазовию (см. карту 4). В прошлом идентичность племен, населявших эти территории, вызывала яростные споры из-за их потенциальной значимости в вопросе происхождения славян, однако теперь в основном принимается следующая точка зрения: носители вельбарской культуры проникли в регионы, в которых в первых двух веках н. э. господствовали готы, руги и другие германцы, даже несмотря на то, что остальная часть населения изначально не была (или так и не стала) германоязычной. На новых территориях, по которым с 150 года начинают распространяться археологические остатки вельбарской культуры, прежде обитали носители пшеворской культуры. Их традиционно ассоциировали с вандалами, однако, вне всякого сомнения, здесь проживали и иные племена. Как и большинство таких культурных ареалов, этот был достаточно велик, чтобы здесь сосуществовали

[1] Фундаментальное значение здесь имеет работа недавно скончавшегося Казимира Годловского, особенно общие ее положения относительно севера Центральной Европы в римский период: Godłowski (1970). Щукин (Shchukin (1990) опубликовал хорошее обзорное исследование, опиравшееся на работу Годловского. Спор о частностях, обсуждение «культур» и фаз их развития теперь ведется в куда более определенных хронологических границах. Ранее точно датировать можно было только римские монеты. Начиная с 1945 года получило развитие изучение римской керамики с позиции хронологии, это касается как обеденной посуды, так и амфор для хранения оливкового масла и вина. Два наиболее современных метода предоставляют нам максимально точные даты: углеродный анализ (дает возможность уточнить хронологический диапазон) и дендрохронология, которая опирается на годовые кольца деревьев (то есть можно узнать, когда конкретно было срублено дерево). Совмещая это с подходом Годловского, эти научные методы позволили получить обширную хронологическую базу, которая бы поразила ученых предыдущих поколений.

несколько небольших германских племен, упомянутых Тацитом и Птолемеем.

Первостепенное значение имеет даже не идентификация культур, а сам факт экспансии вельбарской культуры. Хронологическое совпадение слишком поразительно, чтобы можно было его проигнорировать. Экспансия вельбарской культуры, указывающая на серьезные проблемы в Северной Польше, произошла приблизительно в то же время, что и Маркоманская война. Скорее всего, эти два явления связаны, а значит, приграничные волнения, упоминаемые в римских источниках, совпали с более широкими потрясениями, происходившими на территории германской Европы. Однако археологические свидетельства не могут объяснить, была эта связь причинной или следственной. Даже с помощью подробной системы хронологии использования различных стилей остатки можно датировать в лучшем случае с погрешностью в четверть века, к тому же следует учитывать, что смежные этапы могут в рамках временной шкалы накладываться друг на друга. В этом случае двадцати пяти лет было бы вполне достаточно для того, чтобы экспансия вельбарской культуры послужила либо причиной, либо следствием Маркоманской войны. Более точные методы датировки вроде радиоуглеродного анализа и дендрохронологии смогут дать ответ на этот вопрос, однако пока мы вынуждены оставить его открытым[1].

Остается также неясным ход развития событий после экспансии вельбарской культуры. Археологические зоны — это материальные остатки культур, не вещей, поэтому экспансию в географическом регионе одной системы за счет другой не следует трактовать как акт завоевания, как сразу же предположил бы Коссинна. По большому счету, такого рода экспансия культуры может быть следствием развития любого рода — разумеется, в том числе завоевания или аннексии, но также и расширения торговых связей, изменения системы верований и т. д. В нашем случае вполне очевидно, что экспансия вельбарской культуры до определенного предела представляла собой слияние разных культур; пшеворское население приспосабливалось к нормам вельбарской культуры, а вовсе не заменялись полностью ее носителями. Как видно на карте 4, на некото-

[1] Если определять периоды, то расширение приходится на римский железный век, фазы B2, B2/C1a. Два последних абзаца опираются на важные сборники статей: Peregrinatio Gothica I и 2; Shchukin (2005).

рых кладбищах захоронения вельбарского типа заменили своих пшеворских предшественников сразу же, нет никаких признаков того, что какое-то время кладбище не использовалось. Возможно, мы имеем дело со следующим явлением — пшеворское население усвоило новые ритуалы погребения, принесенные носителями вельбарской культуры в том, что касается захоронения с оружием, и, возможно, также верования, которые их определяли. Однако даже перемены такого рода не происходят в вакууме. Что-то должно было заставить носителей пшеворской культуры изменить давно сложившиеся устои жизни, точнее, смерти. Что именно? Об этом археологические свидетельства умалчивают. На мой взгляд, самый правдоподобный ответ — новый уровень политического влияния, поскольку даже культурная ассимиляция обычно следует за установлением политического господства.

Столь же важно отметить, что помимо слияния культур экспансия вельбарской культуры также включала в себя переселение жителей северной Великой Польши на юг. Это отражено в исторических источниках. К примеру, к 200 году н. э. римская армия смогла завербовать в свои ряды готов — принадлежавших как раз к одному из старых вельбарских племен и живших близ границ Дакии. Еще сто лет назад готы находились слишком далеко от границ Римской империи, чтобы подобное могло произойти. Однако археологические данные сами по себе весьма показательны. Общая плотность населения в вельбарских становищах быстро росла с начала тысячелетия. Отдельные поселения существовали недолго, сравнительно быстро выходя из использования на протяжении I и II веков, отражая неспособность жителей поддерживать плодородность полей в течение длительного срока. Однако есть и другой аспект этого процесса. Каждые двадцать пять лет после рождения Христа появлялось все больше жилых поселений в землях носителей вельбарской культуры. Это заставляет сделать вывод о росте населения, который мог бы объяснить и постепенное перемещение этих народов на юг, ближе к Карпатам — что, в свою очередь, и позволило римлянам набрать рекрутов из числа готов. Это также говорит о вероятном давлении со стороны носителей вельбарской культуры на своих непосредственных соседей пшеворского происхождения в Центральной Польше. Как мы видели, свидетельства сельскохозяйственного производства в германской Европе и впрямь говорят о существенном росте населе-

ния в римский период, поэтому открывающаяся картина вполне правдоподобна. Если так, растущее вельбарское население, по всей вероятности, поставило своих пшеворских соседей перед нелегким выбором — принять вельбарскую культуру либо пуститься на поиски новых земель[1].

Разумеется, хотелось бы знать гораздо больше подробностей — и очень жаль, что мы не можем установить, действительно ли экспансия вельбарской культуры предшествовала беспорядкам близ границ империи, которые Марк Аврелий упорно подавлял, или же стала одним из их последствий. Тем не менее вместе история и археология ясно показывают, что война была весьма необычна по своему масштабу и продолжительности, и позволяют предположить, что одной из причин тому стала роль, сыгранная агрессивно настроенными группами населения, пришедшими в приграничные регионы издалека. Не только ненадежные свидетельства «Истории Августов» являются основанием для утверждения, что одной из черт Маркоманской войны было появление большого количества переселенцев. Некоторые фрагменты куда более надежного источника, «Истории» Диона Кассия, указывают на то же самое, и это в сочетании с экспансией вельбарской культуры добавляет новое измерение к нашему пониманию происходивших тогда событий. Всего этого вместе достаточно, чтобы показать: Маркоманскую войну нельзя трактовать как типичный приграничный конфликт, разве что чуть более ожесточенный. И у нас появляется еще больше причин считать ее переломным моментом, если речь идет о III веке, когда размах экспансии вельбарской культуры возрос и продолжающаяся миграция германцев полностью перестроила мир близ границ Рима.

К ЧЕРНОМУ МОРЮ И ДАЛЬШЕ

Предпринятые Марком Аврелием контрмеры вполне эффективно нейтрализовали острый кризис, начавшийся в 160-х годах, и в европейском приграничье Рима воцарился мир, который продлился почти два поколения. В III веке, однако,

[1] Более полный обзор см.: Heather (1996), 35–38. Существует большое количество обрывочных свидетельств в античных источниках, в которых упоминаются группы готов, перемещавшиеся на юг и восток. см.: Batty (2007), 384–387.

снова назрела проблема — и еще более серьезная, чем раньше. Положение ухудшилось еще и из-за того, что в этот же период стала укрепляться власть династии Сасанидов, которая превратила Ближний Восток (преимущественно территорию современных Ирака и Ирана) в сверхдержаву, способную потягаться с Римом. Сасаниды стали куда более серьезной угрозой, уничтожив армии трех римских императоров — и даже захватив в плен последнего из них, Валериана, проведя его в цепях за шахиншахом (царем царей) Шапуром I Сасанидом. После смерти Валериана с его тела содрали кожу и сделали чучело — военный трофей. Эта новая угроза, естественно, вынудила Рим сосредоточить военные ресурсы на востоке, и события на Рейне и Дунае необходимо рассматривать именно в этом контексте. Если бы Сасаниды столь стремительно не ворвались в историю, противники империи в Европе ни за что бы не получили такой свободы действий[1].

В Западной Европе, на Рейне и в верхнем течении Дуная, кризис III века включал в себя умеренную миграцию и значительную политическую реорганизацию. В этот период начинают формироваться новые племенные союзы германцев, о которых мы говорили в прошлой главе. Алеманны впервые становятся врагами Рима в 213 году, когда император Каракалла выступил против них с упреждающим ударом, начав военную кампанию. Предположительно, алеманны уже тогда представляли собой угрозу, однако наши источники, и без того немногочисленные, указывают на то, что она стала гораздо серьезнее в 230-х годах. Алеманны совершили серьезное нападение на Рим в 242 году, и подобные налеты были более или менее регулярными на протяжении 40-х и 50-х годов, хотя такая картина складывается на основании ряда фрагментарных исторических данных и археологических свидетельств, прежде всего монетных кладов, — серьезных источников, повествующих о событиях тех лет, к сожалению, не сохранилось. Однако самое позднее к 260 году алеманны и другие племена, жившие в этом регионе, стали источником серьезных проблем для Рима. Некоторые из них уже получали субсидии, и в надписях на алтаре-жертвеннике, обнаруженном в Майнце, увековечено ответное нападение римлян, в ходе которого были освобождены тысячи пленников,

[1] Исследований по данной теме очень много. Краткое введение и все необходимые источники см.: Heather (2005), глава 2.

5. Декуматские поля и Эльбский треугольник
160 километры
100 мили
римская граница, оставленная ок. 270 г.
римская граница в IV в.
Балтийское море
Эльба
Одер
Варта
Хафель
Вессер
Шпреве
Рейн
Кёльн
Маас
Тюрингия
Лимес
ЭЛЬБСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
Мозель
Трир
Майнц
Майн
ГАЛЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ
Декуматские поля
Реция
Дунай
Лех
Норик
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

захваченных в Италии. Но самым поразительным было то, что примерно в 261 году (римляне никогда не трубили направо-налево о своих поражениях) так называемые Декуматские поля, земли, находившиеся под властью римлян с начала I века (см. карту 5), были потеряны для империи.

Насколько нам известно, это нельзя назвать алеманнским завоеванием. Просто тогдашний правитель Галльской империи, Постум, отозвал войска из этого региона для защиты стратегически более важных земель. Тем не менее это решение свидетельствует о серьезности обстановки, сложившейся в приграничной зоне, и переводом войск решить проблему не удалось. В конце 60-х годов и до середины 70-х последовали новые набеги со стороны алеманнов, ярким свидетельством которых послужили тринадцать тел — несчастных жестоко убили, расчленили, частично оскальпировали, а затем бросили в колодец на ферме в Регенсбурге-Хартинге. Ситуация на новой границе стабилизировалась в результате более поздней римской кампании в конце III — начале IV века, под командованием тетрархов и императора Константина. Ими было положено начало восстановления привычных отношений с германцами как с клиентами империи, которые мы наблюдали в главе 2[1].

Хотя во многом этот кризис был вызван ростом военной мощи, ставшим одним из результатов развития племен и новых политических образований, а также двумя волнами миграции, которые, несомненно, сыграли немаловажную роль в происходящем. Сначала, сразу после перевода галльских войск, алеманны двинулись в Декуматские поля, где они обустроились в IV веке. Они прошли не такой уж долгий путь. Что значило быть алеманном в III веке? Это спорный вопрос, и мы вернемся к нему далее в этой главе. Однако материальные остатки, обнаруженные в Декуматских полях, — украшения, керамика и захоронения, — указывают на то, что новые германские хозяева этих территорий жили ранее не так далеко к востоку от них, на так называемом Эльбском треугольнике между побережьем Северного моря и реками Эльбой и Везером, к западу от Эльбы, от Богемии на юге к Мекленбургу на севере (см. карту 5).

[1] Современный подход к описываемым событиям: Drinkwater (2007), глава 2 (особенно обратите внимание на его замечания на с. 43—45 о том, что народность под названием алеманны в 210-х годах уже существовала, к этому мы еще вернемся). Об учиненном насилии см.: Там же, с. 78—79 (и последующие примеры); Carroll (2001), глава 9.

Во-вторых, сразу за территорией алеманнов в IV веке располагались земли бургундов, также периодически испытывавших на себе влияние римской дипломатии. В отличие от алеманнов, нового политического образования, появившегося в позднеримский период, бургунды уже были известны Тациту и Птолемею в I и II веках н. э. На том этапе они занимали земли куда дальше к востоку (на территории современной Польши). Некогда они жили бок о бок с вандалами, где-то между Одером и Вислой. Таким образом, к IV веку некоторые группы бургундов в общем счете прошли на запад около 500 километров. Исторические свидетельства указывают на то, что к этому моменту они обитали в землях близ среднего течения реки Майн, и тому есть археологические подтверждения. Свидетельств не так много, однако в этом регионе были найдены захоронения с оружием. Материалы, обнаруженные в могилах, напоминают остатки, ранее находимые в восточных германских землях, и существенно отличаются от предметов, которые традиционно ассоциируются с племенами из Эльбского треугольника. Однако нельзя забывать о том, что эти свидетельства имеют ряд ограничений. Вплоть до III века и даже позже восточногерманские племена, как правило, сжигали мертвецов, а мечи в Майне были найдены именно в захоронениях. Исторические свидетельства также указывают на то, что в IV веке бургунды обитали в долине реки Кохер, однако там не обнаружено никаких остатков, характерных для восточных германцев. Очевидно, что имела место миграция — среди как алеманнов, так и бургундов, однако ее природу, масштаб и причины следует изучать с осторожностью и тщательностью[1].

Если на Рейне в III веке разразился серьезный кризис, то дальше к востоку ситуация обострилась еще сильнее. Маркоманская война преимущественно разворачивалась на Среднедунайской низменности, однако на сей раз самые суровые бои шли к востоку от Карпат, на обширных территориях, граничащих с северными берегами Черного моря. Конфликт начался в 238 году с описанного в источниках нападения готов на город Гистрия, расположенный неподалеку от устья Дуная, впадающего в Черное море (см. карту 6). Это событие положило начало набегам германцев (преимущественно готов) на Римскую империю, происходившим вдоль границы по нижнему течению

[1] О происхождении алеманнов см.: Drinkwater (2007), 48—49, 108—116 (и все комментарии).

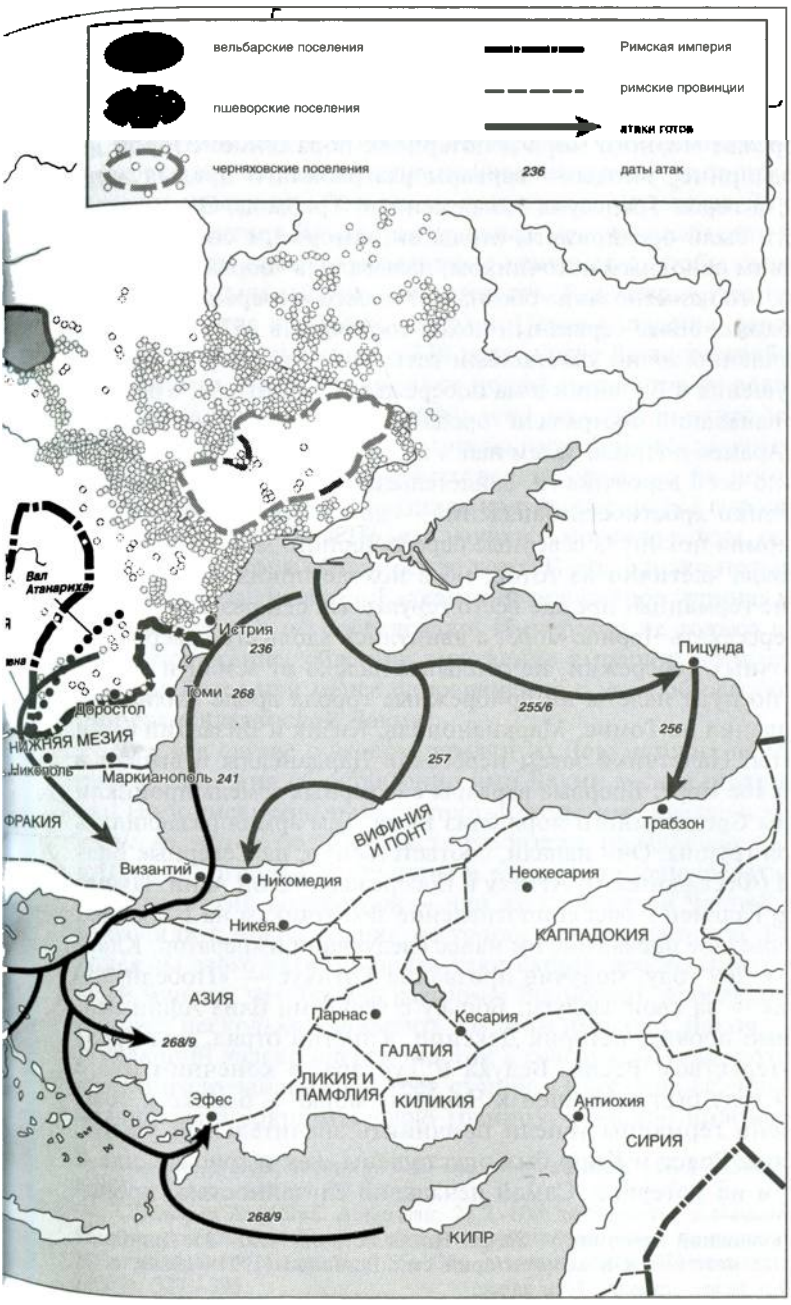
Дуная, между Карпатами и Черным морем. Воссоздать даже относительно полную картину этих нападений невозможно, однако ясно, что кризис достиг своего пика приблизительно в 250 году. В 249 году город Маркианополь на востоке Балканского полуострова был разграблен войском готов под предводительством двух вождей — Аргаиха и Гунтериха, и конфликт начал быстро набирать обороты.

Весной 250 года другой готский предводитель по имени Книва прорвался через римскую границу и пересек Дунай близ старого легионерского форта Эскус, защищавшего одну из самых удобных переправ. Затем он двинулся в самое сердце Балканского полуострова, захватив город Филиппополь (современный Пловдив в Болгарии) к югу от Гемских гор, где остался на зиму. В следующем году император Деций Траян попытался перехватить отступающих готов, но потерпел поражение и в конечном итоге был убит в битве при Абритте[1]. Это стало катастрофой. В каком-то смысле происшедшее было даже хуже, чем знаменитое поражение римлян в битве в Тевтобургском лесу. Впервые правящий император пал в бою с варварами. С другой стороны, ситуация здесь была не настолько серьезной, как может показаться. Когда погиб Деций, империю разрывали на части внутренние беспорядки, вызванные эффектом домино — последствие серьезного кризиса, порожденного в рамках римской политической системы появлением сверхдержавы Сасанидов. Деций правил лишь частью римской Европы и Северной Африкой и повел в битву сравнительно небольшую часть имперской армии. Римляне потерпели сокрушительное поражение, но потери в численности войска были не столь высоки, чтобы представлять собой серьезную угрозу безопасности империи. Это становится очевидным в ходе последующих событий. В 253 и 254 годах состоялись новые набеги, но они почти ничего не дали, и готы покинули земли близ Дуная. Преемники Деция, разумеется, успешно укрепили позиции Рима в этих землях.

Вскоре после этого смешанные отряды грабителей появились в другом регионе — они пересекали Черное море на кораблях и высаживались в Малой Азии на протяжении трех лет

[1] Аргаих и Гунтерих: *Иордан*. Гетика. 16.91 (ср.: *История* Августов: Гордиан. 31.1 об «Аргунте», чье имя, возможно, было производным от тех двух). Книва: *Зосим*. Новая история. 1.23; *Иордан*. Гетика. 18.101—103; *Иоанн Зонара*. Хроника. 12.20.

6. Германская экспансия в Причерноморье в III в.
НИЖНЯЯ ГЕРМАНИЯ
БЕЛГИКА
ВЕРХНЯЯ ГЕРМАНИЯ
ЛУГДУНСКАЯ ГАЛЛИЯ
РЕЦИЯ
НОРИК
ПЕННИНСКИЕ АЛЬПЫ
КОТТСКИЕ АЛЬПЫ
НАРБОНСКАЯ ГАЛЛИЯ
ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ
ВЕРХНЯЯ ПАННОНИЯ
НИЖНЯЯ ПАННОНИЯ
ИТАЛИЯ
ДАЛМАЦИЯ
Железные ворота
ВЕРХНЯЯ МЕЗИЯ
КОРСИКА
Рим
270
Ниш
САРДИНИЯ
МАКЕДОНИЯ
Фессалоники
СИЦИЛИЯ
АХЕЯ
АФРИКА (ПРОВИНЦИЯ)
400 километры
300 мили

вельбарские поселения
пшеворские поселения
черняховские поселения
Римская империя
римские провинции
атаки готов
236
даты атак
Вал Атанариха
Истрия
236
Томи
268
Дюростол
НИЖНЯЯ МЕЗИЯ
Никополь
Маркианополь
241
ФРАКИЯ
257
255/6
256
Пицунда
Трабзон
ВИФИНИЯ И ПОНТ
Византий
Никомедия
Никея
Неокесария
КАППАДОКИЯ
АЗИЯ
Парнас
Кесария
268/9
ГАЛАТИЯ
ЛИКИЯ И ПАМФЛИЯ
КИЛИКИЯ
Эфес
Антиохия
СИРИЯ
268/9
КИПР

подряд, с 255 по 257 год[1]. Первая экспедиция была неудачной — германцы направились к Пицунде на юго-восточном побережье Черного моря и потерпели поражение. Второй их поход принес плоды — варвары разграбили и предыдущую цель, и город Трапезунд (современный Трабзон). Эти первые набеги были предприняты отрядами, которые, в соответствии с нашим основным источником, назывались «бораны» (скорее всего, это наименование обозначает просто «северяне»). Третий и, похоже, более серьезный поход состоялся в 257 году, в нем совершенно точно участвовали готы; они учинили страшные разрушения в Вифинии и на побережье Пропонтиды, в результате нападений пострадали города Халкидон, Никомедия, Никея, Арамея и Пруса. Затем наши источники вновь умолкают — что, по всей вероятности, свидетельствует о прекращении или снижении яростности нападений — до 268 года, когда огромная армия покинула северные берега Черного моря. Она вновь состояла частично из готов, но в походе приняли участие и другие германцы, прежде всего герулы. На сей раз они не стали пересекать Черное море, а двинулись вдоль его северных и восточных побережий, не отплывая далеко от земли и совершая по пути налеты на прибрежные города вроде Анхиалия. Нападения на Томис, Маркианополь, Кизик и Византий были отбиты. Налетчики затем пересекли Дарданеллы и вышли в Эгейское море. Впервые варвары с северных земель проникли в воды Средиземного моря близ Рима. Там армия разделилась на три группы. Они напали, соответственно, на Северные Балканы (Фессалоники), Аттику и побережье Малой Азии. Император Галлиен начал сопротивление захватчикам на Балканах, но серьезное поражение им нанес следующий император, Клавдий, в 269 году, получив прозвание Готикус — «Победитель готов» — за свои заслуги. Борьбу с герулами близ Афин вел, помимо прочих, историк Дексипп, а третий отряд, под предводительством Респа, Ведука и Туруара, в конечном итоге в 269 году был отброшен к Черному морю — однако к тому времени германцы успели причинить значительный ущерб. Острова Родос и Кипр был опустошены, как и города Сиде и Илнум на материке. Самой печальной случайностью, проис-

[1] Основной источник — *Зосим.* Новая история. 1.31—35. Дополнительные источники и комментарии см.: Paschoud (1971—1989), т. 1, с. 159 и далее, примеч. 70 и далее.

шедшей в результате этого набега, было разрушение легендарного храма Дианы в Эфесе[1].

Ответ римлян был яростен и жесток. Они не просто разбили все эти отряды — крупных военных походов за пределы Дарданелл варвары больше не совершали. Что же до Дуная... После поражения Деция можно только предположить, что были предприняты самые эффективные контрмеры, чтобы оградить границу от дальнейших посягательств. Разумеется, это не решило до конца проблему с готами. Новое нападение варваров из-за Дуная произошло в 270 году, когда были разграблены Анхиалий и Никополь, однако новый император Аврелиан в 271 году повел свои войска через реку, на север, и нанес сокрушительное поражение предводителю готов Каннабаду, который, предположительно, был ответствен за недавние беспорядки. Контратака Аврелиана задушила новую опасность в зародыше. В середине 70-х годов III века начались морские рейды, основной целью которых был прежде всего Понт, однако новых нападений из-за Дуная на Балканский полуостров, принадлежащий римлянам, не последовало. Император не только нанес готам поражение, облегчив положение империи, но и распорядился более или менее одновременно с этим об освобождении трансильванской Дакии[2].

Как и в случае с уходом римлян из Декуматских полей на западе, сведения об оставлении ими Дакии весьма ограничены. Но и письменные источники, и монетные клады указывают на то, что по большей части грабители, нападавшие на Рим в III веке, огибали ее границы и проникали непосредственно на Балканский полуостров — или же пересекали Черное море и входили в Малую Азию, не трогая саму провинцию. Вывод войск из этого региона опять-таки скорее просто стратегический маневр, чем боязнь разгрома. Возможно, Аврелиан планировал несколько уменьшить границы империи. Дакия — выступающий далеко вперед участок к северу от Дуная, который нужно было защищать с трех сторон. Освободив ее, Рим мог значительно сократить свою границу — на 800 километров.

[1] *Зосим*. Новая история. 1.42—43, 46; Paschoud (1971—1989), т. 1, с. 159 и далее, примеч. 70 и далее.

[2] *История* Августов: Аврелиан. 22.2. Нет доказательств того, что он был родственником Книвы, который действовал в том же регионе поколением ранее (см. примеч. 15). Обо всех нападениях III века см.: Batty (2007), 387—395.

К тому же это успешно отвлекло внимание германских налетчиков — теперь у них появился спорный трофей, и они на время оставили империю в покое. В IV веке историк Евтропий отмечает, что Дакия «теперь» (в 369 году) поделена между таифалами, виктуалами и тервингами. Политика Аврелиана, умело сочетавшая в себе военные победы и своевременный уход войск, разрядила обстановку, однако пройдет еще целое поколение до того, как в приграничных регионах близ Дуная наконец вновь воцарится мир[1]. Что же до Рейна, то дальнейшие кампании тетрархов и Константина вынудили готов и другие германские племена вернуться к прежнему статусу полуклиентов империи, в котором мы их застали в предыдущей главе.

Однако кто эти готы, принявшие такое заметное участие в событиях III века, и что именно скрывается за волнениями на восточноевропейских границах Римской империи, продлившимися два-три поколения?

Не приходится сомневаться в том, что внезапное господство готов знаменовало собой настоящую революцию в самой природе угрозы, с которой столкнулась Римская империя на границе, проходящей по нижнему течению Дуная. В I и II веках Рим преимущественно имел дело в этом регионе с ираноязычными сарматами и осевшими там носителями дакийского языка. К IV веку племя, называвшееся готы, стало главной целью римских военных и дипломатических кампаний. Готские тервинги, как мы уже видели в главе 2, стали главным клиентом империи за Дунаем в его нижнем течении, и, как показывают события, которые мы только что обрисовали, период военных походов германцев продемонстрировал опасность силы, угрожавшей Риму вдоль не только наземных, но и морских границ. В I и II веках варвары не вторгались на территорию империи через Дакию, Черное море или пролив Дарданеллы — и тем более их нападения не принимали такого размаха.

Традиционным ответом на эти замечания всегда было предположение, что миграция германцев была ключевым элементом этой внезапной революции в стратегии. Готы не появлялись на северном побережье Черного моря в I и II веках, когда единственными племенами, обитавшими в здесь, были сарматы и даки. Единственные готы, о которых нам что-то известно, в то время жили в северной части Польши. И что полу-

[1] *Евтропий.* Бревиарий от основания Города. 8.2.

чается? На старт, внимание — марш мигрировать? Не совсем. Не так давно Майкл Куликовски оспорил эту точку зрения, сказав, что традиционное представление о развитии племен к северу от Черного моря — «текстуальная фантазия». Этот термин взят из жаргона археологов (хотя сам Куликовски к их числу не принадлежит) и используется для обозначения ситуации, когда интерпретация археологических свидетельств искажается, чтобы подогнать их под имеющиеся письменные исторические источники. В данном случае среди прочих не слишком надежных исторических материалов, касающихся III века, представлена история готов, написанная в VI столетии Иорданом, в которой рассказывается о миграции готов на побережье Черного моря под руководством некоего короля Филимера. Куликовски утверждает, что этот рассказ не просто неправдоподобен, но к тому же слишком сильно влияет на истолкование историками и археологами материальных свидетельств. По его мнению, без этого источника прочие археологические и исторические материалы никого бы не заставили говорить о миграции. На самом деле за проблемами Рима в III веке и за господством готов в IV-м стоит вовсе не миграция, но социально-политическая реорганизация уже обитающего в регионе населения — приблизительно такая же, как та, в результате которой появились новые германские союзы на западе империи[1]. Прав ли он?

Два довода в его заключении весьма убедительны. Во-первых, нет ни малейшего сомнения в том, что социально-экономическая и политическая реорганизация — развитие — были важным элементом в истории германцев. Готские тервинги IV века обладали сложной конфедеративной политической системой, развитой структурой социальной иерархии и экономическим профилем, направленным как на производство, так и на обмен, которые выходили далеко за рамки германских обществ I века. Их политическая система была основана на наследовании власти и была достаточно прочна, чтобы пережить серьезные поражения и развить вполне последовательную стратегию по преодолению их самых серьезных последствий. Во-вторых, Куликовски совершенно верно полагает, что на Иордана полагаться не стоит. Иордан писал об этих событиях

[1] Свидетельства I и II веков о готах см.: *Тацит*. Германия. 43—44; *Страбон*. География. 7.1.3 (бутоны); *Птолемей*. География. 3.5.8. Kulikowski (2007), главы 3—4; ср.: *Иордан*. Гетика. 4.25—28 (о Филимере см. далее в этой главе).

три века спустя, и можно доказать, что он воспроизвел лишь анахроническую картину готского мира IV века, но об этом подробнее чуть дальше[1]. Если он мог так ошибиться, описывая историю готов IV века, это не может не поставить под сомнение сведения, сообщаемые им о событиях III столетия, даже несмотря на то, что у нас слишком мало источников того периода, чтобы систематически проверять истинность его утверждений. Даже учитывая эти доводы, однако, остается достаточно убедительных доказательств того, что миграция германцев с севера на юг сыграла очень важную роль в стратегической революции III века.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что перемена в природе сил, которые противостояли Риму в приграничных землях близ нижнего течения Дуная, заключалась не только в названии племен. В первых двух веках н. э. восточные предгорья Карпат — современные Молдавия и Валахия — были заняты несколькими дакийскими племенами, которые так и не оказались под властью римлян, когда Траян завоевал Трансильванию. В III веке они создали политическое образование новой ступени и стали известны как одна народность — карпы. Крупное племя сарматов, известное как роксоланы, жило к северу от Черного моря, и они вместе с языгами лишили германоязычных бастарнов господства в этом регионе в начале I века н. э. Языги в конечном счете перебрались на равнину Альфёльд (часть современной Венгрии к западу от Карпат), а роксоланы остались на востоке, получив власть над древнегреческими городами Понта, которые еще сохраняли определенную независимость в III веке. И сарматы, и даки стали в некоторой степени клиентами Рима, покорившись империи после завоевания Траяном трансильванской Дакии, несмотря на то что официально они в империю не вошли. Внезапное господство появившихся здесь готов и других германоязычных племен, таким образом, вызвало значительный сдвиг культур. А в том, что новые хозяева этих земель, готы, говорили на одном из германских языков, нет никаких сомнений. Перевод Готской Библии был выполнен для одной из их групп Ульфилой, потомком римских пленников, захваченных готами в Малой Азии, и его принадлежность к семье германских

[1] Больше подробностей о тервингах в главе 2. О том, что представления Иордана ошибочны, впервые было указано: Heather (1991), главы 1—2 (где я указывал свое мнение о труде Иордана еще до Куликовски).

языков неоспорима. Появление готов, таким образом, привело к серьезным изменениям в характере и идентичности сил, сформировавшихся на северо-восточной границе Римской империи[1].

Разумеется, не впервые германоязычные захватчики стали господствующим народом в этом регионе. Бастарны, вытесненные сарматами в начале 1-го тысячелетия, также были германцами. Так что теоретически можно было бы объяснить доминирование готов во всем Северном Причерноморье в III веке возрождением тех племен, которые были покорены в I веке. Однако довольно многочисленные археологические остатки заставляют нас предположить, что, напротив, важнейшую роль в происходящем сыграла иммиграция новых германоязычных народов.

В период дакийского и сарматского господства племена, известные как готы — или, возможно, «готоны» или «гутоны», — населяли земли далеко отсюда к северо-западу, у Балтики. Тацит помещает их там в конце I века н. э., как и Птолемей в середине II века, причем последний поселил их там среди нескольких других народностей, обитавших близ устья реки Вислы. Несмотря на различные транслитерации на греческий и латинский языки, у филологов нет сомнений, что это название одного и того же народа, который внезапно сменил свой основной ареал обитания и в III веке с севера Польши двинулся к Черному морю. И так в этот период поступило не одно племя. Готы получили почетное центральное место в наших источниках и научных дискуссиях, однако в этом процессе участвовали и другие германские племена. Мы уже упоминали о герулах, к тому же источники конца III — начала IV века говорят о присутствии вблизи и непосредственно в регионе Карпатских гор германоязычных гепидов, вандалов, таифалов и ругов. Руги, как и готы, занимали во времена Тацита часть побережья Балтийского моря, а наиболее вероятное место обитания вандалов в тот период — север и центр Польши, к югу от готов и ругов. Появление вандалов и ругов в Карпатском регионе вместе с готами может говорить только о намеренном и масштабном переселении — они все двинулись на юго-во-

[1] О I и II веках см.: Shchukin (1990); и ср.: Batty (2007), 353 и далее о различных племенах бастарнов, сарматов и даков (необходимо обратить внимание на все источники и учитывать, что к ним зачастую подходили с политизированной позиции). Об Ульфиле и его Библии см.: Heather и Matthews (1991), главы 5—7.

сток от Польши по направлению к Понту. Тацит о герулах не упоминает, однако в IV и V веках вторая группа герулов проживала далеко отсюда к северо-западу, так что, возможно, наши герулы оказались на Дунае в ходе миграции. Гепиды и таифалы, как и герулы, впервые упоминаются в конце III века, и мы вернемся к роли этих «новых» германоязычных племен далее.

Разумеется, нам бы хотелось знать больше, однако, несмотря на очевидные недостатки и пробелы, исторические свидетельства в целом указывают на то, что волна экспансии германцев, движущихся с северо-запада на юго-восток, в конечном итоге и вынудила Аврелиана изменить стратегию и покинуть горные регионы Трансильвании. С этим необходимо разобраться. В римских источниках того периода нет точного описания миграции германцев, они ограничиваются преимущественно ее последствиями — нападением этих новых племен на земли империи. Если бы «готы» были единственным племенем с севера Центральной Европы, сменившим в этот период место обитания, можно было бы предположить, что это лишь случайное совпадение, однако, как мы видим, это сделали не только «готы». А потому нет причин подвергать сомнению факты, о которых нам прямым текстом сообщают имеющиеся исторические свидетельства. К востоку от Карпатских гор владычество германоязычных варваров, утерянное бастарнами и их союзниками после появления здесь сарматских кочевников в I веке н. э., было восстановлено в III столетии с приходом готов, ругов, герулов и других германских племен[1].

Это промежуточное заключение подкрепляется двумя более широкими аспектами, почерпнутыми из письменных свидетельств. Во-первых, рост влияния готов к северу от Черного моря в конечном счете вынудил отдельные местные племена покинуть этот регион. Как мы скоро рассмотрим подробнее, множество карпов, говорящих на дакийском языке (но не все), были допущены на территорию Римской империи в конце III — начале IV века. Набиравшее обороты соперничество между племенами, уже обитавшими в этом регионе, возможно, могло в конечном счете заставить их покинуть свои земли, однако уход

[1] О размещении готов в I—II веках см. примечание на с. 167. Руги: *Тацит*. Германия. 44. Вандалы: Courtois (1955), глава 1. (Куликовски описывает не так много свидетельств.)

карпов куда лучше согласуется с последствиями массовой миграции германцев. Во-вторых, новые жители региона, готы, по-прежнему оставались весьма мобильными, даже после того, как они перебрались на равнины к югу и востоку от Карпат, оставленные карпами. В 330-х годах готское племя тервингов собиралось двинуться со всеми пожитками в Среднедунайский регион, а с 70-х годов, как мы узнаем в следующей главе, они и вовсе обосновались вместе с готами-грейтунгами на территории Римской империи. Сохранение этой мобильности — важный фактор, поскольку, как мы видели, компаративные исследования показали, что миграция — своего рода привычка, сохраняющаяся в культуре, формирующаяся у определенных групп населения. Тот факт, что готы сохраняли свободу передвижения в IV веке, дает нам новые доказательства того, что они — или же их предки — не были оседлым народом и в III веке. Сами по себе эти доводы не были бы достаточно убедительными, однако археологические свидетельства подтверждают, что миграция готов сыграла важную роль в изменении ситуации к северу от Черного моря в III столетии[1].

Археологическое наследие холодной войны, более того, позволяет нам вывести дискуссию за рамки исторических источников. Между 150 и 220—230 годами н. э. продолжилась обширная экспансия вельбарской культуры на юго-восток, прежде всего в Полесье и Подляшье, а затем в Волынь и Северную Украину. Этот процесс по географическому масштабу в разы превосходил раннюю экспансию вельбарской культуры, происходившую во времена Маркоманской войны. В то же время вельбарские поселения и кладбища в Западной Померании выходили из употребления, поэтому сдвиг вельбарского центра притяжения был огромен (см. карту 6). Учитывая, что культура готов и, возможно, также ругов (племен, недавно утвердивших свое господство в Причерноморском регионе) зародилась в рамках вельбарской системы в I и II веках, эти находки весьма красноречивы и проливают свет в том числе на маршрут, по которому продвигались отдельные германоязычные племена, оказавшиеся в конечном счете у Черного моря. Череда вельбарских кладбищ, более или менее точно датированных, тянется на юг вдоль верхних притоков реки Вислы, а оттуда — к верх-

[1] О 230-х годах см.: *Аноним Валезия*. 1.6.30.376, глава 4. О миграционных привычках см. главу 1.

нему течению Днепра (см. карту 6). Это, вне всякого сомнения, хронологически связано с внезапным появлением готских захватчиков под стенами Гистрии в 238 году[1].

Однако поразительным открытием в археологии Северного Понта этого периода было даже не дальнейшее распространение вельбарской культуры само по себе, но порождение ею ряда новых культурных систем, вобравших в себя отдельные ее черты. Самой важной из них была черняховская, которая к середине IV века распространилась по обширной территории между Дунаем и Доном (см. карту 6). Вот еще один случай, в котором датировка и идентичность культуры долгое время служили предметом споров, однако сейчас основные ее характеристики уже установлены. Было обнаружено больше 5 тысяч поселений и многочисленные крупные биритуальные кладбища, и найденные в них остатки не оставляют сомнений в том, что культура эта процветала со второй половины III века по 400 год или чуть дольше. Хронологически, как и географически, остатки ее совпадают с установлением и сохранением готского господства в позднеримский период, которое было зафиксировано в надежных источниках соответствующей эпохи, и теперь считается признанным тот факт, что на основе этой системы можно реконструировать мир, созданный готами — и, возможно, другими германоязычными племенами — к северу от Черного моря[2].

Отдельные черты новой системы сильно напоминают элементы вельбарской культуры, процветавшей на северо-западе (или и вовсе ничем не отличаются от них), однако необходимо признать, что последняя продолжала развиваться по своим законам; вовсе не все ее носители покинули Северную Польшу. Часть посуды полностью идентична — вручную изготовленная вельбарская керамика (по форме напоминающая миски) была особенно распространена на ранних стадиях развития черняховской культуры. Кроме того, многие броши вроде фибул и

[1] Если говорить об этих переменах, то они произошли в период B2—C1a/b. Более полный анализ см.: Heather (1996), 43—50, он опирается на источники, упоминавшиеся в примечании на с. 153, сейчас дополнен Shchukin (2005). Куликовски (Kulikowski (2007), 60 и далее) преуменьшает важность археологических свидетельств в целом и не затрагивает феномен расширения вельбарской культуры.

[2] Обсуждение этих материалов см.: Kazanski (1991); Shchukin (2005) и более подробный список исследований, упомянутый в: Heather (1996), 47—50.

покрой женской одежды (броши носили парами, на каждое плечо) совпадают с теми, которые встречаются в областях, некогда населенных носителями вельбарской культуры. Отдельные типы домов, в особенности длинные, в которых жили одновременно и люди, и животные (*нем.* Wohnstallhauser), весьма распространены по крайней мере в отдельных районах в обеих культурах. Особенно поражает — хотя на данный момент полного сравнительного анализа их не проводилось — тот факт, что обе разновидности похоронных обычаев, отличающих вельбарские кладбища от обнаруженных в соседних областях севера Центральной Европы, также встречаются в землях носителей черняховской культуры. На кладбищах представителей обеих этих систем сосуществовали два типа погребений — захоронение и кремация. Население вельбарских регионов, как правило, не хоронило покойников мужского пола с оружием (и вообще с железными предметами), и отсутствие этого обычая являлось также отличительной чертой черняховских ритуалов.

У прочих черт черняховской культурной системы разное происхождение. Вельбарская керамика ручной работы была представлена только на ранних стадиях, затем очень быстро для этой системы стала характерной более сложная посуда, изготовленная на гончарном круге, в общих чертах напоминающая ту, которая использовалась в провинциях Римской империи. Длинные дома, разумеется, пришли к ним из преимущественно германских культур севера Центральной Европы, однако еще одним характерным типом построек во многих черняховских районах были землянки и полуземлянки (*нем.* Grübenhaus). Они были широко распространены на восточных предгорьях Карпат и далее и не встречались в вельбарской культуре или в северных германских поселениях I и II веков. Археологи также обнаружили на черняховских кладбищах редкие случаи захоронения по сарматским обычаям — вещи покойника складывались на полке, вырезанной в могиле. Таким образом, одно из сарматских племен внесло свой вклад в смесь культур, порожденной иммиграцией северных германцев в земли близ Черного моря.

Интерпретация этих остатков долгое время оставалась спорной. Когда в 1906 году были извлечены первые остатки, отмечалось явное их сходство (в особенности это касалось металлических изделий) с типично германскими, обнаруженными на севере Центральной Европы; об этом заговорили задолго до

того, как была изучена и описана вельбарская культура. Эти находки быстро связали с миграцией готов, известной по историческим источникам, и в эпоху нацизма они нередко приводились в качестве нелепых оправданий территориальных запросов Германии в Восточной Европе. Нацистские бюрократы зашли так далеко, что предлагали переименовать отдельные города на побережье Черного моря в честь героев из числа готов, к примеру, название Теодорихшафен — «гавань Теодориха» (великий правитель готов V и VI веков, см. главу 7) предлагалось для Севастополя в Крыму. В общем, «гипотеза вторжения» применялась к археологическим остаткам с большим энтузиазмом. Металлические изделия такого же типа были обнаружены на побережьях Балтийского и Черного морей, следовательно, одно из племен, живших близ первого, захватило затем южные территории, вытеснив оттуда местное население. Если говорить честно, это объяснение получило подтверждение в записях, касающихся ухода карпов.

Однако, даже если забыть о политике, миграция — это слишком простой ответ на загадки, предлагаемые археологическими находками. Влияние вельбарской культуры на черняховскую очевидно, но вместе с тем в ней много элементов совершенно иного происхождения, а предметы и обычаи можно перенести из одного региона в другой без массового оттока населения в качестве основной движущей силы. Вещи можно продавать, а технологии и привычки — перенимать или даже развивать. Появление черняховской культурной системы, несмотря на очевидное сходство ее с вельбарской, не может, таким образом, само по себе служить доказательством миграции. И как мы видели, это ключевой аргумент противников теории о миграции варваров — они утверждают, что обнаруженных параллелей, существовавших между вельбарскими и черняховскими археологическими остатками, недостаточно для того, чтобы кому-то в голову могла прийти мысль о миграции, в особенности если бы рассказа Иордана о маршруте готов не существовало.

Однако, на мой взгляд, уже одних исторических источников — даже если не брать в расчет Иордана — более чем достаточно, чтобы согласиться с тем, что миграция была ключевым фактором в переустройстве понтийского побережья. К тому же археологические свидетельства куда более убедительны, чем утверждают противники теории миграции. Прежде чем

приступить непосредственно к изучению источников, необходимо вспомнить, чего именно мы можем ожидать. Если перед вами не один из тех редких случаев, когда пришлые захватчики практически полностью вытесняют или истребляют местное население или являются первыми поселенцами на нетронутой пока земле, то археологические следы, оставленные миграцией, и не будут многочисленными или значительными. Если мигранты смешиваются с коренным населением, сохранятся лишь некоторые, возможно, очень немногочисленные элементы их материальной культуры — лишь те, которые осознанно или подсознательно связывались с глубоко укоренившимися верованиями или поведением. Они, разумеется, никуда не исчезнут. В прочих же сферах жизни мигранты, скорее всего, переймут приемлемые для них элементы местной культуры (как поступают и современные переселенцы) или же их обычаи станут незначительным и ничем не выделяющимся компонентом в новых культурных сочетаниях, созданных соприкосновением исконной и чуждой культур. Другими словами, вряд ли в археологических свидетельствах вы обнаружите нечто большее, чем спорные подтверждения миграции, поэтому неоднозначность находок сама по себе не может служить доказательством того, что миграции не было вовсе.

Однако в нашем случае археологические остатки, подтверждающие наличие миграционных процессов, отнюдь не спорны или недостаточны. И это не только мое мнение, спешу уточнить, но и единодушный вердикт экспертов, кропотливо работавших с найденными материалами на протяжении последнего поколения. Следует также подчеркнуть, что эти эксперты не подвержены влиянию какой-либо идеологии. Два самых авторитетных ученых среди них — это Казимир Годловский и Марк Борисович Щукин, первый поляк, второй русский. Им обоим в ранние годы своей научной деятельности пришлось бороться с однобокими интеллектуальными установками, которые основывались на взглядах, резко расходившихся с их собственными. Работа Годловского продемонстрировала несостоятельность старой догматики (к которой мы вернемся в главе 8), в соответствии с которой «побежденные» славяне всегда занимали территорию Польши. И именно Щукин впоследствии скорректировал время расцвета черняховской культуры, отнеся его к концу III—IV веку, и установил ее связь с готами, вопреки глубоко укоренившейся в советское время «официальной на-

уке», стремившейся приписать археологические свидетельства, говорящие о довольно развитой цивилизации, первым славянам. Более того, после Второй мировой войны ни у поляков, ни у русских не было ни малейшего желания преувеличивать роль, которую сыграли германоязычные племена в Центральной и Юго-Восточной Европе, поэтому этих ученых нельзя обвинить в вовлеченности в интеллектуальные игры с целью продвижения своей карьеры. Причины, по которым они единодушно пришли к выводу о наличии глубинных связей между вельбарской и черняховской культурными системами, не так сложно отыскать.

Если сравнить развивающуюся вельбарскую культуру I и II веков с новыми системами, появившимися к востоку от Карпат и к северу от Черного моря в III веке, обнаруживаются поразительные сходства. Мы имеем здесь дело не с передачей отдельных предметов или технологий, но с куда более яркими культурными чертами, представляющими характерные обычаи и традиции, социальные нормы (женская одежда), социально-экономические установки и стратегии (длинные дома) и даже глубоко укоренившиеся системы верований (обряды захоронения). Интересен также и тот факт, что вельбарская керамика преобладает на ранних стадиях развития черняховской культуры и что вельбарская система за предыдущие поколения распространилась далеко на юго-восток, до самых границ региона, где в конечном итоге и появится черняховская[1].

Но все это вовсе не означает, что больше здесь нечего сказать. Было бы неплохо получить монографию, в которой сравнивалось бы соотношение захоронений и случаев кремации на кладбищах этих двух культур с учетом региональных вариаций обрядов, не говоря уже о подробном обсуждении и описании различных методик и стратегий ведения сельского хозяйства в зависимости от конкретного региона огромной территории распространения черняховской системы; которая указала бы, где именно встречаются длинные дома, где преобладают землянки. Если исходить из того, что миграция, как правило, осуществляется по известным маршрутам до тех пор, пока у мигрантов не накопится достаточно информации, то можно определить, где сосредоточилась наибольшая концентрация мигрантов, а где преобладало местное население. Даже с нашими нынешними

[1] См.: Kazanski (1991); Heather (1996), 47—50; Shchukin (2005).

знаниями по этим вопросам прослеживаются вполне четкие параллели, достаточно глубокие для того, чтобы прийти к следующему выводу: археологические находки действительно подтверждают сведения, имеющиеся в исторических источниках, о том, что миграция варваров с северо-запада сыграла важную роль в революции III века близ северного побережья Черного моря.

Однако, как и в случае с Маркоманской войной, свидетельства о миграционных потоках III века не так полны, как хотелось бы, и достоверность отдельных находок можно, вне всякого сомнения, поставить под вопрос. Тем не менее позиция ярых противников теории о миграции отдает желанием закрыть глаза на очевидное, особенно с учетом того, что и исторические источники, и археологические остатки указывают на ключевую роль миграции в происходящих событиях. В общем и целом у нас предостаточно данных для того, чтобы установить: переселение германцев к речным границам Рима начало постепенно изменять обстановку в варварской Европе с середины II века и обрело еще больший размах в III-м. Миграция имела место и на западе, и (в еще больших масштабах) на востоке, и в обоих случаях миграционные феномены происходили наряду с другими политическими и социально-экономическими трансформациями, которые и стали причиной появления новых союзов в Древней Германии IV века. Но признание этого факта — лишь начало. Миграция может принимать самые разные формы и иметь многочисленные и взаимосвязанные причины. Каковы были природа и подлинный масштаб этой миграции германцев III века, как именно осуществлялись сопутствующие ей процессы и, наконец, что именно ее вызвало?

МИГРАЦИЯ И ГЕРМАНЦЫ

Ни в одном из уцелевших источников начала н. э. не приводятся подробности переселений, ассоциируемых с Маркоманской войной, но есть один рассказ о миграции готов в III веке, сохранившийся в написанной в VI столетии истории готов авторства Иордана, который и сам был отчасти готского происхождения. Он описывает переход готов к Черному морю: «Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями дви-

нулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом сама природа сделала ее недосягаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], хотя слышно это издалека. Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем»[1].

Иордан в этом отрывке приводит практически идеальный пример гипотезы вторжения в действии. Один король и один народ все вместе отправляются на поиски нового дома, побеждают народ, уже занимающий желаемые территории, и селятся на них сами. Какая часть этого рассказа, записанного почти через три столетия после описываемых событий, имеет хоть какое-то отношение к реалиям III века?

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТОК

В источниках, более близких по времени написания к изучаемому периоду, уцелело достаточно сведений, чтобы стало ясно: миграционные процессы того времени были куда более сложными, чем представлял Иордан. Прежде всего, в процессе участвовало несколько племен, а вовсе не одни готы. Что еще интереснее — и это куда более существенное отклонение от его видения проблемы — готы и другие народности, двинувшиеся в новые земли, вовсе не действовали как единые, цельные объединения, как предполагает модель Иордана «один король — один народ». Лучше всего это утверждение можно

[1] *Иордан.* Гетика. 4.25—28.

проиллюстрировать на примере готов, поскольку в их случае мы обладаем наибольшим количеством источников, современных событиям. Готские племена действовали в весьма обширном географическом регионе, и действовали они по-разному — шли по земле и морю, встречаются всюду, от устья Дуная, где был убит император Деций, до Крыма (расстояние между ними составляет почти тысячу километров) и далее. В соответствии с протяженностью и разнообразием их передвижений выдвигается целый ряд независимых предводителей, включающий в себя Книву, Аргаита, Гунтериха, Респу, Ведука, Тарвара и Каннабада. Некоторые из них были союзниками, однако в надежных источниках III века нет никаких упоминаний о некоем одном короле, который правил бы всеми готами, — и в особенности так не называют Филимера, о котором писал Иордан[1].

Итогом всей этой разрозненной активности в III веке стало создание не одного готского королевства в IV столетии (что было бы естественным следствием хорошо организованного захвата новых земель под командованием общего короля), а нескольких. Нередко выдвигаются предположения, опять-таки с опорой на Иордана, что события, которые мы сейчас анализируем, создали два основных готских политических образования к северу от Черного моря — вестготов и остготов. Однако Иордан переносил принципы политической организации современных ему готов VI века на общество готов IV века. Вестготы и остготы, племена, которые в дальнейшем создали государства, ставшие преемниками Западной Римской империи, были новыми порождениями того века, сформировавшимися фактически на глазах у римлян и на римской почве, как мы вскоре увидим. Ни один из источников того периода не дает нам полного описания мира, сложившегося на понтийском побережье IV века, это было бы слишком просто. Однако через пятьдесят лет или около того, после 375 года, появляется по меньшей мере шесть крупных племен готов, которые в исторических источниках того времени выступают как не связанные друг с другом. Каждая из них, по всей вероятности, появилась из той или иной независимой группы IV века, что предполагает наличие полудюжины или даже сверх

[1] Иордан (Гетика. 16—17.90—100) здесь описывает триумф короля Острогота из рода Амалов в III веке. Скорее всего, это выдуманный персонаж, который был изобретен, чтобы объяснить, откуда остроготы (остготы) получили свое названне, и затем уже его имя было вплетено в реальные исторические события, см.: Heather (1991), 22—23, 368.

того политических образований готов, но никак не всего двух. Этого и следует ожидать, учитывая крайне разнообразную активность готов в III веке. Больше всего достоверных сведений сохранилось именно о готах, однако этот принцип применим и к другим племенам. Участвовавшие в серьезном морском походе 268—269 годов герулы разделились на две отдельные группы — одни отправились с готами в Африку, другие осадили Фессалоники в Македонии. Поэтому миграция в III веке попросту не могла быть такой простой, как предполагает модель Иордана «один король, один народ, одно переселение»[1].

Происходившее в III веке не совпадает с гипотезой вторжения еще в одном аспекте — в наших источниках впервые появляются неизвестные ранее германские племена. Первые упоминания о герулах, гепидах и таифалах встречаются именно в III веке или в самом начале IV-го. Возможно, что они существовали и ранее, но не привлекали к себе внимания, однако хотя бы на простейшем уровне перечней племен источники I и II веков авторства Тацита и Птолемея кажутся довольно полными, а значит, можно считать отсутствие в них этих названий показательным. Хотя появление новых германских племен в ходе этих бурных событий вовсе не удивительно. Новые группы — алеманны и ютунги — формировались на западе ровно в это же время, и мы точно знаем, что германские племена периодически появлялись и исчезали. Как и любое объединение, их можно было создать и уничтожить, и сведения, которые у нас имеются, похоже, говорят о том, что политическое устройство Германии римского периода было довольно нестабильным. К примеру, в I веке Тацит рассказывает о появлении батавов. Изначально они принадлежали к племени хаттов, однако затем отделились от остальных, получили собственное название и пошли собственным путем в истории. В его труде также подробно описывается уничтожение трех других племен в разные периоды — ампсиваров, хаттов (что показывает, как умно поступили батавы, вовремя отколовшись от них) и бруктеров. Все это делает вполне вероятным вывод о том, что гепиды, герулы и таифалы были действительно новыми племенами, образовавшимися в III веке[2].

[1] Больше деталей: Heather (1991), глава 1 и 84—89.

[2] Батавы: *Тацит.* История. 4.12; *Он же.* Германия. 29. Хатты, бруктеры и ампсивары: *Он же.* Анналы. 58; *Он же.* Германия. 33.

По большому счету, даже у Иордана сохраняется отголосок этих перипетий. Все его рассказы о миграции готов содержат выраженный мотив социально-политической фрагментации. К примеру, в повествовании о странствии Филимера упоминается рухнувший мост, отделивший часть готов от основной группы. В другом разделе он рассказывает о более раннем переселении готов на трех кораблях из Скандинавии. Один из кораблей отстает, и, как утверждает Иордан, в результате этого разделения и появляются в дальнейшем гепиды. Несмотря на крайний скептицизм, который теперь принято проявлять в некоторых кругах по отношению к данному труду, есть вероятность того, что оба эпизода берут начало (хоть и весьма условно) в устных готских преданиях. Если так, то эти рассказы, пусть и описывающие миграцию в терминах «короли и народы», тем не менее доносят до нас куда более важные сведения — главной чертой миграционных процессов в тот период была политическая разобщенность, неоднородность групп, а вовсе не незамысловатое передвижение уже существующих социальных объединений из пункта А в пункт Б[1].

Археологические свидетельства также отражают этот факт. Заметные сходства между вельбарской и черняховской культурными системами можно вполне закономерно счесть следствием перемещения населения между соответствующими регионами, однако вельбарская система сама по себе не исчезла, а продолжила существовать вплоть до V века приблизительно на тех же землях к северо-западу от региона, впоследствии ставшего территорией черняховской культуры. Археологи также начали выделять ряд промежуточных систем материальной культуры, географически располагавшихся между ними. Продолжаются споры о том, стоит ли рассматривать их как отдельные явления, никак не связанные с двумя основными системами, или же просто как их местные разновидности. Здесь необходимо удержаться от искушения сразу же приписать ту или иную культуру одному из племен, упоминаемых в источниках III—IV веков. Границы распределения материальной культуры могут совпадать с политическими, однако, как мы видели, это нельзя считать истиной априори. Какую бы мы ни интерпретировали материальные

[1] О разделении при Филимере см. выше. Бериг: *Иордан*. Гетика. 4.25—26, 17.94—95. Гоффарт (Goffart (1988), 84 и далее) разумно полагает, что готская устная история стала основой для «Гетики», что умаляет для нас ее значимость, см.: Heather (1991), 5—6, 57—58, 61—62.

остатки — возможно, при ближайшем рассмотрении вся черняховская культурная система в конечном счете может быть реорганизована в объединение нескольких взаимосвязанных региональных групп — благодаря масломецкой (появившейся в 180—220-х годах) и ружиканской и волхнянской группам (220—260-е годы), — несомненным остается одно: материальная культура, порожденная мигрантами и соответствующая новому политическому устройству общества, определенно не была монолитной. Не все вельбарские племена, двинувшиеся на юг, закончили миграцию одинаково. Некоторые пошли по одному историческому пути и в конечном счете создали черняховскую культурную систему и прочие новые политические образования, другие продолжили жить, как жили прежде, но на новых землях, а третьи вообще остались на месте[1].

Таким образом, в III веке мигрировали не целые народы, а несколько меньших групп, каждая из которых до определенного предела действовала независимо от другой, что во многом совпадает с общими характеристиками современных миграционных потоков (см. главу 1). Отдельные перемещения населения, ассоциируемые с Маркоманской войной, вероятно, происходили по тому же принципу. В нападении на Паннонию, послужившем началом войны, определенно участвовали не все лангобарды. Массовая миграция лангобардов в Среднедунайский регион началась только через триста пятьдесят лет, приблизительно в 500 году, а большинство их, вероятно, так и осталось жить на севере близ Эльбы, не отправившись на юг. То же самое верно для продвижения германцев на запад в III веке. Здесь у нас еще меньше письменных исторических источников, однако археологические свидетельства ясно показывают, что Декуматские поля вовсе не были заселены сразу и полностью. Как мы видели в прошлой главе, политическая власть еще не была закреплена в обществе алеманнов IV века, и это, возможно, напоминание о более раннем периоде, когда племена переселялись в новые земли по частям. Некоторые, похоже, двинулись туда вскоре после того, как рнмляне освободили этот регион в 260 году, однако в прочих местах процесс заселения шел куда медленнее. Материалы, характерные для германских племен на Эльбе, сменились остатками, характер-

[1] См., например: Borodzej et al. (1989); Kokowski (1995); Shchukin (2005).

ными для региона рек Рейна и Везера, только в самом начале IV века, спустя почти два поколения[1]. Как на востоке, так и на западе, таким образом, имели место несколько миграционных потоков, разрозненных и разнородных, а вовсе не происходил захват огромных территорий «целыми» народами. Но какие именно группы населения отваживались на переселение?

Некоторые из мигрирующих подгрупп были военными отрядами — сравнительно небольшими, состоявшими из нескольких сотен молодых мужчин под предводительством именитого воина, ищущих богатств или славы. Создание небольших, хорошо организованных вооруженных дружин (таких, как та, что была увековечена близ Эйсбёл-Моор), стало характерной чертой германского общества в римский период; часть из них возглавляли цари и короли, в других воины были приблизительно равны. Поэтому вряд ли следует удивляться тому, что отдельные археологические остатки указывают на участие этих воинских объединений в событиях III века. К востоку от Карпат были обнаружены несколько кладбищ ранней черняховской эпохи — Козия-Ясси, Тодирени и Браниште, — где, в отличие от ритуалов, характерных для черняховской и вельбарской культур, мертвецов захоронили с оружием. Остальные предметы, найденные там, приводят нас к выводу о том, что многие из погребенных здесь были германскими захватчиками с севера. Наличие оружия, однако, предполагает, что они пришли из земель, в которых вельбарская система не была распространена, возможно с пшеворских территорий дальше к югу. Кладбища невелики и вполне вписываются в нарисованную нами картину того, как небольшой вооруженный пшеворский отряд направился на поиски богатства[2]. Было бы очень интересно получить подробное исследование возраста и пола людей, чьи останки были найдены на вельбарских кладбищах, тянущихся вдоль верхнего течения Вислы и Днестра. Возможно, это тоже следы небольших миграционных групп и там захоронены воины примерно одного возраста, что в значительной степени отличалось бы от привычного нам профиля населения. Происходившие на западе события также не противоречат описанной нами картине, особенно учитывая, что Декуматские поля были захвачены не в один заход.

[1] См.: Drinkwater (2007), главы 2 и 85—89 (и комментарии).
[2] См.: Ionita (1976).

Но не всю миграционную активность в III веке можно объяснить передвижением нескольких групп по несколько сотен человек в каждой. Готский предводитель Книва не смог бы нанести поражение императору Дацию, пусть даже тот правил сравнительно небольшой территорией, если бы за ним не следовало несколько тысяч воинов, а не сотен. Готам и герулам нанес поражение Клавдий близ Фессалоник, и, по имеющимся у нас сведениям, они потеряли в бою несколько тысяч человек. Разумеется, мы вправе проявить недоверие к этим цифрам, однако Клавдий, судя по всему, действительно одержал победу в весьма значимой битве. Да и масштабный морской поход 268—271 годов, частью которого было только что упомянутое столкновение, не мог бы стать причиной стольких проблем и разрушений, если бы участвовавшие в нем силы были значительно меньше, чем можно предположить по возможным потерям в битве с Клавдием[1]. Свидетельства, оставшиеся со времен Маркоманской войны, говорят о том же. Часть происходивших событий можно объяснить небольшими столкновениями, в которых участвовали небольшие отряды, но далеко не все. К примеру, до нас дошел рассказ Диона о том, что лангобарды и убии собрали 6 тысяч человек для нападения на Паннонию, и однажды квады, стремившиеся избежать суровых послевоенных ограничений, налагаемых Марком Аврелием, готовились «все вместе переселиться в земли семнонов», лежавшие дальше к северу между Эльбой и Одером[2]. Римляне не дали предполагаемому переселению состояться, приняв соответствующие контрмеры, и мы не можем знать наверняка, действительно ли все члены племени собирались двинуться на север, однако имеющиеся у нас сведения подтверждают, что германские племена, насчитывающие несколько тысяч человек, вполне могли решиться на переселение.

[1] О поражении герулов см.: *Георгий Синкелл*. Хроника. I.717. О других цифрах, касающихся эгейской экспедиции (2 тысячи судов и 320 тысяч человек) см.: *История* Августов: Клавдий Готский. 8.1. Поражение Канабада обернулось гибелью 5 тысяч готов: *История* Августов: Марк Аврелий. 22.2. Большая часть сведений стала известна благодаря историку Дексиппу. Если в качестве основы для сравнения брать параллель с викингами, то можно считать, что начинали процесс очень небольшие группы и только в случае их успеха в дело вступали куда более крупные миграционные единицы. Но свидетельства III века не позволяют нам утверждать, что такой порядок вещей всегда имел место. Более подробные комментарии по данному вопросу см.: Batty (2007), 390 и далее.

[2] Лангобарды: *Дион Кассий*. Римская история. 72.1.9. Там же. 72.20.2.

На то, что по меньшей мере некоторые мигрирующие племена германцев могли быть весьма многочисленными, указывают также и события, развернувшиеся в дальнейшем в тех землях, куда они направлялись. Готы и прочие германцы, добравшиеся до Черного моря, к примеру, пришли вовсе не в пустоту. В 238 году после нападения готов на Гистрию римляне пообещали налетчикам ежегодные выплаты при условии, что те отойдут от города и вернут пленных. Это вызвало яростный протест местных карпов, которые считали себя могущественнее готов. Карпы, как мы видели, принадлежали к так называемым свободным дакам, населявшим молдавские территории неподалеку от Карпат, — они принадлежали к числу тех самых полуклиентов Рима, которые не попали под прямую власть империи. Экспансия в пограничные регионы готов и других германоязычных народов сделала пришельцев соперниками даков. И со временем господство готов в этих землях возросло за счет этих самых карпов. В конечном итоге карпы остались ни с чем. Их политическая независимость была подорвана, и они большими группами — сотнями тысяч, если верить римским источникам, — переселялись на территорию империи в 300 году[1]. Опять-таки, можно поставить под вопрос их точную численность, но не общую картину. Карпы как независимая политическая сила окончательно исчезли с карты в начале IV века, и у нас есть точные сведения о том, что они поселились к югу от Дуная. Точно так же не приходится сомневаться в том, что германоязычные готы заменили обитавших ранее на этих территориях даков и стали доминирующей силой близ Карпат.

Как мы видим, Рим отреагировал на конфликты в приграничной зоне вполне здраво — было принято решение разрядить обстановку и разрешить наиболее пострадавшим народам иммигрировать в империю. Во времена Маркоманской войны этот прием уже был опробован, когда в империю были приняты нариста. Констанций был готов даровать то же разрешение лимигантам в 359 году, и нет причин сомневаться в источниках, сообщающих, что вывод карпов из приграничных территорий

[1] О недовольствах карпов см.: *Петр Патрикий*. Фр. 8. О приходе на Римскую землю см.: *Аврелий Виктор*. О цезарях. 39.43; Consularia Constantinopolitana. 295. См. более общую работу: Bichir (1976), глава 14. Всего против карпов во времена правления императора Галерия (293—311) было проведено шесть кампаний.

приблизительно в 300 году был частью решения проблем, возникших в III веке. К тому же карпы были не единственными из проигравших. Дальше к востоку германские иммигранты захватили сарматские царства и древние греческие города понтийского побережья. Помимо всего прочего, они вынудили империю освободить горы Трансильвании[1]. Не все карпы переселились на юг Дуная, и немалая часть населения Трансильвании и понтийского побережья осталась на своих землях. Тем не менее масштабные переселения и полная перестройка стратегической ситуации в регионе — явные признаки того, что уже принятых Римом мер по обеспечению мира в этих землях было недостаточно после массового вторжения в них германцев. Учитывая все сказанное выше, речь явно идет о германоязычных племенах, способных в любой момент собрать армию в несколько тысяч человек. Малые группы в несколько сотен не смогли бы достичь такого результата.

Ситуация на западе складывалась несколько иначе. Ничто не говорит о столь же масштабных конфликтах, и, поскольку алеманны заняли опустевшие территории на Декуматских полях, им не пришлось выживать уже обитающие там народы. Однако это вовсе не означает, что миграция не была масштабной. За пределами Декуматских полей алеманны вступали в противостояние с другими германскими племенами, уже обитавшими на тех или иных землях (например, близ Рейна и Везера), которые в конечном итоге потерпели поражение в районе среднего течения Майна. Вполне вероятно, что эта борьба потребовала сплоченных действий. Бургунды (как мы скоро рассмотрим подробнее), переселившись на новые территории, были достаточно многочисленны для того, чтобы сохранить собственный восточногерманский диалект. К тому же бургунды и алеманны периодически выступали друг против друга в IV веке, и эти конфликты могли быть продолжением соперничества, зародившегося еще в предыдущем столетии. Если так, то этот фактор мог способствовать дальнейшему объединению, сплачиванию алеманнов — и это полностью согласуется с историческими источниками, которые рассказывают нам об их развитии.

[1] Наристы и лимиганты см.: глава 2. О греческих городах см. классические работы, которые и сейчас являются основополагающими: Minns (1913) и Rostovzeff (1922). Обзор археологических свидетельств приводится в работе: Batty (2007), 284—289 (с комментариями).

С одной стороны, союз алеманнов стал результатом долгого политического процесса. Когда мы впервые встречаем упоминания о них в источниках III века, ютунги, к примеру, еще не входили в его состав. Однако к середине IV века это обстоятельство изменилось — они стали одним из нескольких племен, с которым, судя по всему, периодически заключались соглашения о подчинении и господстве (см. главу 2). Этот процесс начался в начале III века. Одно время было модно утверждать, что первое убедительное упоминание о союзе алеманнов не могло появиться раньше 290-х годов. Тогда было вполне естественным утверждать, что все набеги и завоевания в землях близ Рейна в III веке осуществлялись независимыми отрядами, которые начали объединяться в более крупные структуры только после захвата Декуматских полей. Но это слишком поздняя дата. Император Каракалла уже сражался с алеманнами в 213 году. И пусть союз их в то время еще не включал в себя всех племен, которые войдут в него в начале IV века, один этот факт показывает, что в первые годы III столетия уже имела место значительная политическая реорганизация их общества, что, в свою очередь, заставляет нас рассматривать алеманнов уже не просто как набор военных отрядов[1]. И тогда их действия на западе, вероятно, были во многом схожи с тем, что происходило в это время к востоку от Карпат, — в конфликтах участвовали как крупные группы, так и малые военные отряды.

Возможно, есть и более общая логика, определенные закономерности, в соответствии с которыми происходят любые завоевания такого рода, поскольку археологические свидетельства, найденные на востоке и относящиеся к III веку, в некоторых ключевых аспектах напоминают вторжение скандинавов в Западную Европу в IX веке, которое описано в источниках куда лучше. Здесь тоже все началось с малого. В самом первом набеге участвовали всего три ладьи северян, напавших на южное побережье Англии примерно в 790 году. Еще примерно полтора поколения масштаб происходящего не менялся, однако затем он начал увеличиваться — более крупные объединенные отряды начали действовать в западных водах с 830-х годов,

[1] Дринкуотер (Drinkwater (2007), 43—45) правильно отрицает тенденцию утверждать, что алеманнов не существовало до 290 года, но в то же время считает все события III века, в том числе и полное заселение Декуматских полей, результатом активности кочевых военных отрядов. Эта аргументация не выдерживает никакой критики.

некоторые из них — под предводительством «королей», или ярлов, людей, уже имевших вес в скандинавском обществе. Тенденция к объединению сил достигла своего пика в 860-х годах — несколько крупных отрядов объединились в большую армию, чтобы достичь целей, требовавших более серьезных военных сил. В случае с викингами таковыми целями являлись победа над англосаксами и завоевание франкских королевств. Все это очень напоминает закономерности, выявленные нами в германской экспансии III века. Возможно, и здесь все началось с мелких нападений, однако для того, чтобы разграблять римские города, побеждать римских императоров и отбирать привилегии у государств-клиентов Рима, нужен куда более серьезный уровень политической и военной мощи, приведшей, как и в случае с викингами, к развитию новых союзов среди мигрантов с целью создать силы, достаточные для последующих рискованных предприятий[1].

Степень вовлеченности женщин и детей германских иммигрантов на разных этапах экспансии по-прежнему требует более серьезного изучения. Однако одно из наиболее поразительных изменений, которые произошли в черняховской культуре под влиянием вельбарской, касалось именно женского платья (по крайней мере, женского погребального облачения). Как уже отмечалось ранее, в обеих культурах женское платье удерживалось на двух брошах (фибулах) похожего стиля на плечах; ожерелья и пояса также мало чем отличались друг от друга. Но до III века такой костюм не встречался среди носителей дакийского языка и культуры, обитающих близ Карпатских гор. Сложно поверить, что столь важное культурное заимствование могло пронзойти без участия большого количества женщин — а следовательно, и детей, — отправившихся вместе с мужчинами на юг. Этот довод подтверждается и тем фактом, что готы, по крайней мере, принадлежали к тем племенам, которые на протяжении нескольких поколений сохраняли свой германский язык, с середины III до конца IV века. Если бы, как в случае с вторжением скандинавов в Россию в IX и особенно X веках, мы бы наблюдали феномен проникновения на чуждые земли малых отрядов, то последствия были бы такими же, как в Древней Руси, — иммигранты быстро бы переняли язык местного населения. Однако, как наглядно демонстрирует Гот-

[1] См. главу 9.

ская Библия Ульфилы, в III веке ничего подобного не происходило. Ульфила жил и работал среди готов-тервингов в середине IV века, через сто лет после того, как началось их переселение к Черному морю, и язык племени оставался все это время бесспорно германским[1]. А это было бы невозможно, если бы матери не обучали своих детей родному языку.

Сведения о других случаях миграции куда более скудны. Однако даже для эпохи Маркоманской войны имеются некоторые свидетельства тому, что в отдельные группы мигрантов входили женщины и дети. К счастью, сведения об этом мы находим у Диона, а не в «Истории Августов», следовательно, они куда более надежны. К примеру, попытка маркоманов и квадов переселиться в земли семнонов, так и не осуществленная благодаря усилиям римлян, касалась народа в целом, а не малой группы (*гр.* pandemei). И есть еще более точные сведения о том, что хасдинги (одна из групп вандалов) вели переговоры о том, чтобы оставить своих женщин и детей под защитой местного римского командующего, пока сами они попытаются захватить земли, ранее принадлежавшие свободному дакийскому племени костобоков. Последнее утверждение делает крайне неправдоподобным предположение о том, что в Маркоманской войне участвовали исключительно молодые мужчины в поисках приключений и богатства[2].

Однако исторические источники и свидетельства, касающиеся запада III века, к сожалению, ничего не говорят на этот счет, что и привело одного современного исследователя к «разумному» выводу о том, что военные действия вели небольшие отряды воинов. Однако ранние женские и детские могилы, обнаруженные в Декуматских полях, содержали материалы германского происхождения, характерные для региона близ Эльбы, а потому я бы не стал делать столь смелых предположений. Нам неизвестно, были ли способны такие отряды стать доста-

[1] О женском погребальном костюме см. примеч. 2 на с. 172. О Готской Библии см.: Heather и Matthews (1991), главы 5—7. В качестве противоположности можно привести в пример династию Рюриковичей, представители которой быстро взяли себе славянские имена (см. главу 10); этот случай является одним из наиболее удивительных. См. также главу 6, в которой приведены сведения о лингвистических данных, позволяющих получить представление о ходе завоевания англосаксами Нижней Британии.

[2] Квады: *Дион Кассий.* Римская история. 72.20.2. Хасдинги: *Дион Кассий.* Римская история. 72.12.1.

точно грозной силой, и мы не можем быть уверенными в том, что название алеманны даже в более ранние годы не относилось к крупному политическому объединению. Зато мы знаем, что бургунды, как и готы, довольно долго сохраняли особенности своего языка. Есть неопровержимые доказательства того, что их диалект принадлежал к группе восточногерманских языков, однако считается, что он сформировался в конце V века — его появление датируют образованием независимого королевства бургундов в долине реки Роны в результате падения Западной Римской империи. Следовательно, бургунды сумели сохранить свой язык, несмотря на то что два века прожили на западе. Как и в случае с готами, это было бы невозможно без хотя бы нескольких «полноценных» социальных групп, включающих в себя женщин и детей, которые с востока Одера переселились в земли близ Майна[1]. Поэтому следует проявлять большую осторожность в выводах в условиях нехватки описаний процесса миграции на западе в III веке. Утверждение о том, что будет «разумно» говорить исключительно о маленьких отрядах, по сути, является голословным, как и вся гипотеза вторжения, особенно с учетом вполне внятных рассказов о событиях, происходивших в то же время на востоке, и убедительных доказательств того, что там были представлены куда более разнообразные варианты миграционной активности. И вандалы, и бургунды, и готы оставили достаточно свидетельств, чтобы у нас были веские причины утверждать, что в группы мигрантов-германцев II и III веков иногда входили женщины и дети. Поэтому я бы не спешил утверждать, что алеманны — совершенно иной случай.

Что же до общей численности мигрантов, участвовавших в процессе, установить ее невозможно. Точных цифр у нас практически нет, и можно только гадать о подлинных масштабах проблем, появившихся у местного населения после начала экспансии германцев в эпоху Маркоманской войны и позже в III веке. Но именно в тот момент, когда кажется, что ситуация зашла в тупик, на помощь приходит качественное определение массовой миграции, используемое в компаративистике. «Выраженное воздействие на политические системы», имевшиеся в конечных пунктах всех миграционных потоков, просто не могло бы быть более очевидным. Особенно в III веке — Рим

[1] Drinkwater (2007), 48. О лингвистических особенностях бургундов см.: Haubrichs (2003).

отказался от трансильванской Дакии, многие карпы лишились своих земель и домов, переселившись в империю, и все, что от них осталось, вместе с независимыми сарматскими царствами и греческими городами северного понтийского побережья, в конечном итоге стало частью новой политической системы, созданной потоком германоязычных иммигрантов. Превосходство в этом регионе германцев, ярко выраженное с 300 года, было результатом военного миграционного потока, который исчислялся тысячами — а может, и десятками тысяч. Если мы обратимся к качественному, а не количественному определению, теперь признанному большинством исследователей, то перед нами, несомненно, «массовая» миграция. То же самое, разумеется, происходило и на западе. Прибытие алеманнов и бургундов, уход жителей с Декуматских полей, свержение установившегося господства народов с Рейна и Везера и даже более раннее переселение наристов нельзя не счесть серьезными потрясениями для затронутых миграцией регионов[1].

Они были не менее значительными и для самих мигрантов, среди которых в ходе переселения как зарождались новые политические союзы, так и появлялись совершенно новые племена. Римские источники, разумеется, в основном описывают жестокость и насилие, принесенные на римскую землю, — разграбление городов, набеги на них и на побережье Черного моря, выживание со своих территорий народов вроде карпов. Однако, даже когда местное население было покорено, начался новый, временами не менее жестокий процесс — пришельцы начали устанавливать новый политический порядок между собой. Римские источники, датируемые приблизительно 300 годом, в частности, рассказывают о соперничестве между группами иммигрантов, поселившихся в Дакии[2]. Одним из результатов этого процесса, вероятно, стало объединение тервингов, в котором, как мы видели в прошлой главе, ряд королей подчинялся правящему «судье». У меня есть подозрение, что эти короли были потомками вождей изначально отдельных групп мигрантов,

[1] Качественное описание массовой миграции приведено в главе 1. Если слово «массовая» плохо сочетается с гипотезой вторжения, то можно попробовать подобрать альтернативный термин («значительная»?), но определенно имеет смысл использовать подход в изучении миграции I-го тысячелетия н. э., который характерен для дисциплин, занимающихся современной миграцией населения.

[2] Латинские панегирики. 3 (11).16—18.

которые со временем (не важно, по каким причинам и какими путями) приняли главенство правящей династии тервингов. Упрощенное представление Иордана о переселении целого народа с побережья Балтийского моря к Черному не может передать всей сложности этого многоуровневого процесса.

Разумеется, многое о переселении народов во II и III веках н. э. так и останется неизвестным. Вне всякого сомнения, имели место полноценные потоки миграции, а не просто отдельные вспышки, представленные в модели «гипотеза вторжения», и военные действия, особенно на ранних стадиях, действительно велись в том числе небольшими отрядами. Однако для того, чтобы достичь куда более смелых целей, требовались куда более серьезные силы, которые также оставили след в письменных источниках, — например, масштабная аннексия земель и серьезные битвы с Римской империей. Тот факт, что миграционные потоки в некоторых случаях характеризовались сохранением и передачей новым поколениям лингвистических и культурных особенностей, указывает на то, что отдельные крупные группы состояли не только из мужчин, но и женщин и детей. Таким образом, этот процесс отдельными чертами напоминает старую гипотезу вторжения, особенно если учесть долгосрочное господство готов в Причерноморье. Их прибытие и агрессия повлекли за собой уход из этих земель местного населения — и таких переселенцев было далеко не мало. Процесс покорения германцами побережья Черного моря, таким образом, не так прост, как гипотеза вторжения, и не столь стерилен, как переселение элиты; скорее он балансирует между ними. Вероятно, его можно было бы рассматривать как модифицированную модель гипотезы вторжения, в соответствии с которой мигранты переселяются потоком, набирающим мощь со временем, а не сразу, и большая часть местного населения остается на своих землях, в то время как большие и смешанные группы мигрантов быстро утверждают политическое господство в регионе.

Однако это лишь промежуточное заключение. Нам нужно поставить перед собой новые вопросы, если мы хотим получить более-менее полную картину происходящего. Почему эти миграционные потоки начались именно в тот период, почему они все неизменно вели к римской границе? Вывод о том, что в них нередко участвовали смешанные группы населения, приводит нас к еще одному вопросу чрезвычайной важности.

Некоторые современные миграционные потоки действительно состоят из больших смешанных групп — в особенности если преобладают политические мотивы. Однако они принимают форму неорганизованного притока беженцев, не имеющих ни политического лидера, ни точного направления. Прежде чем мы сможем наконец сделать вывод о том, что мигрировали крупные, смешанные и, главное, *организованные* группы, необходимо ответить на «разумное» утверждение о том, что экспансия в основном проводилась военными отрядами, состоявшими исключительно из мужчин. Была ли у германцев веская причина включать в состав миграционных групп женщин и детей, если речь шла об установлении господства в новых землях?

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПЕРИФЕРИИ

Направление миграционного потока — в широком смысле к границе Римской империи, но с куда большим размахом на востоке, учитывая, сколько земель захватили мигранты, — начинает обретать смысл, когда мы рассматриваем его с точки зрения двух факторов, играющих главную роль в современных миграционных потоках: «информационные поля» и общий контекст, создаваемый политическими структурами. Информационное поле, оперирующее на западе, не требует дополнительных комментариев, поскольку алеманны прошли до Декуматских полей не такой уж большой путь. Мы можем принять на веру, что они знали заранее или смогли очень быстро определить точное место своего назначения. Однако куда более грандиозные расстояния, преодоленные восточными германцами, нуждаются в объяснении. Что мигранты на самом деле знали о Северном Понте?

Самый прямой путь от регионов распространения вельбарской и пшеворской культур в Центральной и Северной Польше к Черному морю идет по внешней стороне Карпат и долинам верхней Вислы и Днестра. Как мы видели, череда вельбарских кладбищ соответствующего периода указывает на то, что германцы выбрали именно его. Это не просто один из естественных путей в центре Восточной Европы — на протяжении нескольких веков до и после рождения Христа он был весьма популярен, и движение на нем не прекращалось. Это одна из двух центральных ветвей Янтарного пути, соединявшего Средиземноморье с богатыми янтарем побережьями Балтийского моря. Как уже

упоминалось выше, затвердевшая смола затонувших деревьев ценилась весьма высоко в Средиземноморье и была одним из самых востребованных товаров на экспорт в Древней Германии. Следовательно, купцы регулярно проходили по будущему маршруту миграции готов, и отдельные носители вельбарской культуры активно участвовали в торговле, сооружая и поддерживая в должном состоянии сложные системы деревянных мостов, дамб и дорог близ Балтийского моря[1]. Таким образом, германоязычные мигранты конца III—IV века с севера Центральной Европы могли получать необходимые сведения о землях к югу и западу от Карпат — и возможных путях, которыми можно до них добраться. Благодаря торговле янтарем они неплохо знали этот маршрут и представляли себе, что за культуры и народы могут их ждать по прибытии. Однако я подозреваю, что более пристальный анализ археологических свидетельств покажет, что восточный поток германских мигрантов изначально был узконаправленным — они собирались в сравнительно немногочисленных пунктах назначения в пределах северного понтийского побережья до тех пор, пока не получали возможность лучше познакомиться с положением дел в регионе.

Когда мигранты оказались в Причерноморском регионе, в игру быстро вступили информационные поля другого рода. Мигранты вскоре узнали о весьма заманчивых возможностях увеличить свое благосостояние путем набегов на куда более развитую в экономическом плане Римскую империю, а также разные маршруты, по которым их можно осуществить. Некоторые из них, возможно, были отчасти известны переселенцам, поскольку готы служили в имперской армии и воевали против Персии еще до нападения на Гистрию в 238 году. Надпись, сделанная примерно за тридцать лет до того, описывает пребывание, по всей вероятности, готских солдат в Римской армии в Аравии. Однако до прибытия в эти края мигранты не могли знать географию Восточного Средиземноморья и лежащих за ним земель — как и того, что богатое побережье Малой Азии располагается сразу за Черным морем. Но эта информация вскоре стала доступной для них. С середины 50-х годов III века они уже предпринимали походы через Черное море — и нет нужды гадать, откуда они получали новые сведения. Исторические источники ясно указывают, что опыт подобных плаваний, коим в избытке обладали жители

[1] См. главу 2.

греческих городов на северных берегах Черного моря, позволил пришельцам быстро найти матросов и корабли для своих экспедиций. И можно предположить, что те же люди послужили источником информации о соблазнительных возможностях, открывавшихся благодаря походам и набегам. Несметные богатства ожидали любого, кто сможет проплыть 200 километров по открытому морю, разделявшему северные и южные берега Понта[1].

Однако если на выбор мигрантов III века влияли сведения, поступавшие к ним благодаря Янтарному пути, то не в меньшей степени — а возможно, даже в большей — на нем сказывались политические структуры окружавшего их мира. В современном мире в миграционные потоки активно вмешивается правительство, пытающееся направлять их, поощрять или ограничивать с помощью паспортов, пограничного контроля и иммиграционной политики. Древние государственные структуры были гораздо проще, однако в Римской империи существовала определенная система приема в империю новых народов, и ее общее воздействие на миграционные потоки из Древней Германии в III веке очевидно.

Экспансия с германского севера Центральной Европы, начавшаяся с середины II века, ограничивалась не только вельбарскими племенами. Лангобарды и убии, обитавшие дальше к западу, у устья Эльбы, стали первым тревожным звонком, что привело к началу Маркоманской войны. А не вельбарская Германия, как мы видели, оставалась вполне активной и в III веке. Миграция алеманнов из земель близ Эльбы и бургундов, обитавших дальше к востоку, сыграла серьезную роль в изменении политической географии в Рейнском приграничном регионе в то же время, как другие германские племена расширяли сферу своего влияния к востоку от Карпат. Следовательно, на протяжении III века стратегическая ситуация претерпела примерно одни и те же изменения вдоль всех границ Рима с германской Европой. И как на востоке, так и на западе положение империи изменилось в худшую сторону. В обоих случаях элемент миграции тесно переплетался с более глобальными политическими трансформациями. На западе верх взяла политическая реорганизация, что сразу бросается в глаза, поскольку ее результатом стали новые объединения франков и алеманнов. На востоке,

[1] О военных надписях см.: Speidel (1977), 716—718; ср.: Batty (2007), 384—387. О кораблестроении: *Зосим*. Новая история. 1.32.2—3.

напротив, возобладала миграция, и это видно по тому, как германская экспансия со временем охватила обширные территории, вызвав в них серьезные культурные изменения. В своем новом мире к северу от Черного моря мигранты создали более крупные и сложные политические структуры, чем те, что существовали в их обществе на севере Центральной Европы.

Но, несмотря на то что компоненты этих процессов были схожими, последствия экспансии на западе и востоке оказались совершенно разными. К востоку от Карпат германцы захватили новые территории или, по меньшей мере, установили на них свое господство; появлялось много новых политических образований, по мере того как мигранты расселялись в новые земли. На западе географическое распространение влияния германцев ограничилось в основном Декуматскими полями, а политическая трансформация свелась преимущественно к образованию союза, нежели к разнообразным формам, которые принимало политическое развитие к северу от Черного моря. Почему мы наблюдаем такие различия? Ключ к разгадке кроется в том, что германская экспансия на западе столкнулась напрямую с военными и политическими структурами Римской империи. Периодически в III веке они приходили в полное расстройство — по большей части из-за быстро растущего могущества сасанидской Персии, война с которой требовала все большего количества ресурсов и перемещения основных сил на восток. В середине века эти обстоятельства предоставили германским племенам, нацеленным на захват новых территорий и обогащение, обширные возможности, однако со временем стало ясно, что устои и политическая организация Рима крепче, чем можно было бы предположить. После довольно долгого периода внутренних преобразований (не в последнюю очередь благодаря значительному повышению налогов) были получены средства для устранения угрозы со стороны Персии и ограничения дальнейшей агрессии германцев на запад. Проще говоря, из-за мощи римской армии и укреплений германская экспансия на западе ограничивалась небольшими участками новых земель, и большая часть сил теперь уходила на внутреннюю политическую реструктуризацию и кратковременные набеги на Рим. На западе попросту не могла сложиться та же ситуация, что и на черноморском побережье, — более раздробленная власть Рима над тамошними клиентами империи позволила германским мигрантам утвердить свое господство на огромных территори-

ях. Пусть у империи еще не было бюрократических возможностей выпускать паспорта, однако ее приграничные политические структуры сыграли ключевую роль в формировании в Восточной и Западной Европе столь разных последствий одной и той же гремучей смеси из миграции и политической реорганизации[1].

При пристальном рассмотрении маршруты и разница в итогах миграции обретают смысл в свете современных исследований, посвященных этому процессу. Однако остаются две важные проблемы. Что заставило германоязычных жителей Европы двинуться в путь в таких количествах в одно и то же время? И как следует трактовать кажущуюся аномальной природу миграционного потока, включающего в себя, как подсказывают источники и археологические свидетельства, довольно крупные смешанные социальные группы?

Проникновению в суть миграционных мотиваций мешает прежде всего отсутствие соответствующих сведений в первоисточниках. Этот вопрос нельзя решить по аналогии с отдельными случаями, более современными и схожими с нашим, поскольку таковых попросту нет. Тем не менее, как мы видели, мотивация мигрантов в современном мире, как правило, выражается в матрице с экономическими и политическими мотивами на одной шкале и добровольным или недобровольным переселением на другой. Считается, что все эти четыре параметра в той или иной степени присутствуют во всех случаях миграции, пусть и в самых разных сочетаниях — для одних мигрантов превалировать будут добровольные и экономические мотивы, для других — недобровольные и политические. И даже если мы не можем проследить ход миграционного процесса так тщательно, как хотелось бы, этот подход все равно способен помочь нам существенно продвинуться вперед.

В общем и целом археологические свидетельства говорят о том, что в мотивации германцев имели место политические причины и элемент принуждения — по крайней мере, для части миграционного потока. Мы, разумеется, не имеем в виду сплошной отток беженцев или нечто, хоть отдаленно напоминающее масштаб трагедии в Руаиде в начале 1990-х годов. Однако яркой

[1] Мне бы хотелось возразить авторам ряда современных работ (например: Whittaker (1994); Elton (1996), в которых основной функцией границы указывается «взаимодействие». Нельзя забывать о том, что одной из важнейших функций государственной границы была военная.

чертой Древней Германии конца II — начала III века, как мы видели в прошлой главе, является явное возрастание острого политического соперничества, что отражается в довольно плотном скоплении захоронений оружия, обнаруженных, в частности, в болотах Дании. И нет причин полагать, что древние даны III века были более воинственны, чем все остальные. Дело, скорее всего, в том, что в болотистых регионах свидетельства агрессии и участившихся противостояний имели больше шансов сохраниться. По крайней мере, одновременное появление новых политических образований с развивающейся военной идеологией лидерства трудно представить без повышения уровня насилия и агрессии. На этом фоне было бы даже странно, если бы миграция в новые области не стала одним из возможных способов ускользнуть от новых превратностей жизни в Древней Германии. Набирающая обороты борьба за контроль над одними и теми же источниками обогащения всегда была основной причиной миграции[1]. И в то время как нарастающее политическое напряжение отчасти отвечает на вопрос, почему столько германцев решили сменить место жительства, то более позитивная экономическая мотивация может объяснить основное географическое направление миграции.

Если не считать отдельных импортируемых средиземноморских товаров, в ходе археологических изысканий, как мы выяснили в первой главе, было установлено, что германский мир на рассвете римской эпохи обладал лишь простейшей материальной культурой — изготовленная вручную керамика, фактическое отсутствие обработки драгоценных металлов и сравнительно мало способов материального подтверждения социального статуса. Ситуация во многом изменилась за следующие несколько веков, по мере того как германский мир развивал связи с более развитыми экономиками Средиземноморья. В результате появились новые источники богатства — в виде выгоды от новых торговых связей, дипломатических субсидий и периодиче-

[1] Странно, но Дринкуотер (Drinkwater (2007), 48—50), принимая свидетельства о все возрастающей конкуренции в германском мире, отказывается признавать, что это одновременно увеличивало давление на римскую границу, поскольку, помимо всего прочего, многие племена стремились покинуть территорию, риск проживания на которой становился неоправданно велик. Уэллс (Wells (1999), глава 9) придерживается не менее странной позиции — он считает, что причины всех волнений на римской границе сосредоточены в приграничных территориях, причем преимущественно с римской стороны границы.

ских набегов. Однако ключевым оставался тот факт, что прибыль не распределялась равномерно по социальным слоям — разные классы получали разные доли. И в географическом плане ситуация была такой же. Контакты с Римской империей (и, как следствие, обогащение) осуществлялись преимущественно через людей, отдававших явное предпочтение германским сообществам, населяющим приграничную зону.

Дипломатические субсидии выплачивались только племенам, обитавшим вблизи границы. Сложно сказать, к примеру, насколько далеко простиралось влияние Констанция на политику приграничных народов, рассмотренное нами в прошлой главе, — конечно, не на жалкие несколько километров, но вместе с тем вряд ли больше чем два или три дня пешего марша для его легионов, значит, приблизительно 100 километров. Набеги на империю, конечно, совершали не только те, кто жил в непосредственной близости от нее, но им было гораздо проще организовать и осуществить их. То же самое касается торговли сельскохозяйственной продукцией и сырьем. Из-за транспортной логистики жителям приграничной зоны было гораздо проще поставлять свои товары непосредственно римским солдатам — основному источнику спроса. Но этот момент не следует переоценивать. Деревни вроде Феддерсен-Вирде вполне могли процветать за счет торговли с римскими армиями благодаря недорогому и несложному способу доставки — по воде. Некоторые сети торговли и обмена тянулись далеко в земли германцев, в первую очередь это касалось работорговли и продажи янтаря. Рабов, вероятно, поставляли предположительно более агрессивные германские племена вдали от границы, а вельбарские дороги говорят о том, что кто-то в Северной Польше получал огромный доход от Янтарного пути. Тем не менее большая часть этих богатств оседала в приграничной зоне, и даже торговлю на более дальние расстояния приходилось осуществлять через посредников — в частности, налоги за проход по чужой территории и перевоз товаров собирались прямо на границе. Вряд ли один только Ванний, царь маркоманов, понял, какую выгоду сулит проход германских торговцев через его земли, — ведь тогда с них можно будет брать налоги. Монополия — очень привлекательный способ обогатиться, и, возможно, именно по этой причине торговые вопросы и соглашения всегда были важной частью дипломатических договоренностей между государствами-клиентами и Римской империей.

Как подчеркивают недавние исследования, посвященные границам государства вообще и Римской империи в частности, укрепления вроде вала Адриана следует рассматривать скорее как центр зоны межкультурных и экономических контактов, происходящих на некотором расстоянии по обе стороны от собственно границ, нежели как линии обороны на случай нападения. В результате не так давно появилась тенденция недооценивать напряженность ситуации и частоту столкновений в приграничном регионе. В этом есть зерно истины, однако это лишь одна сторона приграничной жизни. Вспомним: народы по обе стороны от границы постоянно контактировали друг с другом, а не просто сидели в своих маленьких мирках, под защитой укреплений, не испытывая ровным счетом никакого воздействия со стороны внешнего мира.

Ритм приграничного сосуществования племен мог быть нарушен в одностороннем порядке — к примеру, римским императором, желавшим снискать большую популярность. Ближе к 70-м годам IV века Валентиниану I захотелось показать своим подданным, владеющим землей и исправно платящим налоги, что он не собирается заискивать перед варварами. Он сократил количество ежегодных даров, посылаемых алеманнским царям, что имело катастрофические последствия. Они передавали часть этих даров своим последователям, чтобы поддерживать свой престиж, и решение Валентиниана стало угрожать их собственной власти над своим народом. Результатом была волна агрессии, дестабилизировавшая алеманнский сектор границы по Рейну[1]. Однако, на мой взгляд, куда более важной была постоянная тенденция, наблюдавшаяся в приграничном регионе, к нарушению мирной жизни, источником которой был не Рим. Причина тому вытекает из того, что мы только что наблюдали. Тесные контакты с более развитой Римской империей открыли для приграничных племен целый ряд новых источников обогащения. В итоге появилась «двухскоростная» Германия, экономика и общество которой развивались тем быстрее и интенсивнее, чем ближе племена находились к римской границе — и, соответственно, наоборот. В результате быстро наметились выраженные различия в уровне благосостояния населения в приграничной зоне и удаленных от нее регионах. На мой взгляд, это неравенство стало очень важным компонентом общей мотивации, спровоцировавшей возникновение миграционных

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 26.5, 27.1; ср.: Drinkwater (2007), глава 8.

потоков во II и III веках. Вполне логичное следствие более широкого феномена неравномерного развития. Вооруженные отряды из менее богатых внешних регионов стремились захватить силой хотя бы часть весьма привлекательных возможностей, доступных в землях близ Рейна и Дуная.

Эта тенденция начала проявляться еще в I веке. Мы уже рассматривали случай с Ваннием, царем маркоманов, бывших клиентами Рима в I веке н. э., который правил долго и успешно благодаря римским субсидиям и средствам, получаемым от римских купцов, проживающих в его царстве. Это приятное положение, однако, изменилось в 50 году, когда его земли были разграблены отрядом германцев, пришедших из дальних регионов, — они двинулись в поход, собрав достаточно большой отряд, чтобы присвоить его богатства[1]. Все тот же мотив — захват богатств, имеющихся в приграничных землях, — очевиден или по меньшей мере вероятен в событиях III века. Причерноморский регион, к примеру, изобиловал весьма ценными трофеями. Роскошные захоронения, полные драгоценных металлов, были весьма характерными для сарматских царств северного понтийского побережья в ранние века н. э. Есть все причины полагать, что такое изобилие как магнитом притягивало готов, узнавших о нем от путешественников и торговцев, регулярно проходивших через их земли по Янтарному пути. И, наконец переселившись туда, германские иммигранты перешли к дальнейшим действиям, имеющим лишь одну цель — обеспечить себе максимальный доступ ко всем богатствам региона[2].

Первые вооруженные отряды готов, появившиеся в Причерноморском районе, не только разграбили один из его городов, Гистрию, в 238 году, но и пообещали в дальнейшем соблюдать мир, если им будут дарованы ежегодные римские субсидии[3]. Эта группа с готовностью ухватилась за возможность получать регулярный доход, который мог стать следствием более тесного контакта с римским миром. Мотив был ровно тем же, что и при набегах (что на Балканах, что на побережье Черного моря), — заполучить ценное движимое имущество во всех его возможных формах, в том числе в виде рабов. Следы новых королевств, образованных там, где господствовали германцы, хорошо за-

[1] *Тацит.* Анналы. 12.25.
[2] См., например: Anokhin (1980); Frolova (1983); Raev (1986).
[3] *Петр Патрикий.* Фр. 8.

метны в черняховской культурной системе и служат наглядным подтверждением этого мотива, особенно по сравнению с вельбарскими остатками. Драгоценные металлы теперь попадаются гораздо чаще. В черняховских остатках конца III — начала IV века серебряные фибулы являются обычным явлением, в то время как в вельбарских захоронениях I и II веков они встречаются редко. Римская керамика также очень распространена в черняховских поселениях и захоронениях — как столовая посуда, так и остатки амфор из-под вина или оливкового масла. У нас нет ни местных, ни готских письменных источников, в которых говорилось бы о мотивах иммигрантов, однако я уверен, что они организовывали вооруженные отряды именно для того, чтобы получить доступ к богатствам приграничного региона. Более тесные связи с римским миром не только сделали тамошние племена богаче, чем те, что обитали на периферии, но и в то же время превратили их в мишень для последних, которые объединялись в вооруженные отряды с целью получить свою долю.

Таким образом, в III веке основной мотив для добровольной миграции был преимущественно экономическим, однако в нем имелся и политический элемент. Это не негативная политическая мотивация, стоящая за современными потоками беженцев, но, скорее, хищническое стремление положительного (за неимением лучшего слова) свойства. Богатство, скапливавшееся среди преимущественно германских обществ на границах Римской империи, нельзя было запросто отнять или потребовать себе его долю, как, например, происходит в том случае, если современный мигрант находит работу в индустриальном секторе экономики или сфере услуг. Новое богатство не создавалось на заводах, которым требовалось большое количество рабочих. Напротив, оно оседало при дворах правителей государств-клиентов, и они сами перераспределяли прибыль, полученную в результате взаимодействия с Римской империей, которая всегда вела самые разные дела со своими сторонниками. Именно эти цари получали субсидии, доходы от налогов, оплату за военную службу и, вполне вероятно, долю от набегов на Рим. Несколько чужаков, возможно, сумели благодаря своим заслугам получить место в королевских войсках, но это не говорит о спросе на труд иммигрантов. Войска были не столь многочисленными, и в них требовались только профессиональные воины. Для более крупных групп иммигрантов един-

ственным способом заполучить хотя бы долю чужих богатств были вооруженные нападения — причем достаточно большими отрядами, чтобы сместить царя-клиента и перехватить контроль над всеми его доходами. В III веке многие иммигранты ухватывались за эту возможность, и цари государств-клиентов так быстро и часто сменялись, что это полностью преобразило политическую географию граничащих с Римом земель.

ГЕРМАНСКИЕ ФУРТРЕККЕРЫ?

Этот важный момент объясняет, почему, несмотря на преимущественно экономические мотивы, добровольные по своей природе, германское население во второй половине II и III веке нередко мигрировало большими группами. Это обстоятельство резко контрастирует со схожими потоками добровольных мигрантов в современном мире, где их группы, как правило, невелики — один человек либо с несколькими спутниками. Однако то, что кажется противоречием, объясняется фундаментальными различиями в экономических контекстах. Современные миграционные потоки, как правило, обусловлены экономической перспективой — потребностью в рабочих. Тот же принцип применялся и в римский период, однако природа тогдашней экономической перспективы была совсем иной. В современном мире иммигрант может получить доступ к части благ, порождаемых экономическим развитием, устроившись на завод или найдя работу в сфере услуг. Во II и III веках можно было преуспеть, либо став правителем, либо заполучив место в военной элите государства-клиента, занимающего выгодную позицию близ римской границы. Здесь та или иная миграционная группа — даже несмотря на то что переселенцы действовали добровольно, а их мотивы были преимущественно экономическими — должна была быть весьма многочисленной, чтобы преуспеть в своем начинании. Еще с тех времен, когда Рим только примеривался к землям близ Рейна и Дуная, свободным в этом регионе не был ни один мало-мальски привлекательный район. Если чужак хотел стать частью весьма прибыльной приграничной системы, у него был только один выход — прийти туда с достаточно крупным отрядом и вытеснить уже имеющихся жителей. Хищническая активность обитателей периферии, возможно, началась с незначительных налетов — вроде нападения на Ваннния в I веке

(хотя даже оно кажется довольно масштабным). Но для того чтобы поселиться в том или ином регионе, были необходимы войска численностью в несколько тысяч, а не сотен человек[1].

Это объясняет, хоть и несколько парадоксальным образом, другую кажущуюся аномалию этих древних миграционных потоков — тот факт, что женщины и дети иногда также двигались по направлению к империи вместе с мужчинами-воинами. Объяснение этого феномена кроется в масштабе военной силы, необходимой для захвата выгодной позиции вблизи границы. В римскую эпоху в Древней Германии можно было с легкостью, как мы видели в прошлой главе, собрать отряды численностью в несколько сотен человек, но такие силы, вполне достаточные для мелких грабежей, не смогли бы вызвать таких серьезных структурных изменений, имевших место вдоль всей европейской границы Римской империи в III веке, — ведь новые клиенты Рима повсеместно заменяли прежних. Если мы рассмотрим эту проблему с учетом среднего уровня развития народов Германии, станет ясно: для того чтобы собрать войско, подходящее для широкомасштабных военных действий (вроде завоевания), королям нужно было убедить не только своих вассалов, но и большую часть свободных мужчин, носящих оружие, принять участие в походе. Как мы видели, власть королей и их приближенных в обществе отнюдь не была безграничной, и, только привлекая на свою сторону свободных, они могли собрать достаточно воинов, чтобы осуществить задуманное. Точно так же и у Хнодомара не было бы никаких шансов одержать победу в битве при Страсбурге, если бы его поддерживали только алеманнские цари и их вассалы.

Это наблюдение является ключевым для понимания миграции германцев в III веке, которая кажется такой странной. Размеры личного войска царя были ограничены объемом доступных экономических избытков. Поэтому приходилось привлекать на свою сторону большое число свободных граждан, и это сразу увеличивало вероятность того, что по крайней мере отдельные семьи примут участие в том или ином походе. Если же кампании были длительными или же возвращения вовсе не планирова-

[1] Принципы управления римской границей способствовали этому процессу. Римляне периодически прореживали приграничную территорию, чтобы избежать перенаселенности и вспышек насилия (см. главу 2), что давало удаленным группам возможность собрать достаточно мощное войско и вытеснить римских клиентов с их территории.

лось, как в случае с готами и другими германцами, обитавшими на территории современной Польши и пришедшими на побережье Черного моря, то переселение вместе с семьями было неизбежным. То же самое касается и для вандалов во времена Маркоманской войны[1]. Из-за слишком частого злоупотребления гипотезой вторжения в прошлом сейчас ученые, особенно археологи, стараются избегать даже упоминания о том, что смешанные группы населения могли намеренно двинуться в путь, чтобы захватить новые земли. Мнение о том, что такое представление событий в прошлом — заведомо ложное, даже если о нем сообщают надежные источники того времени, настолько укоренилось, что здесь следует указать на то, что аналогичные явления имели место в более современных реалиях.

Приблизительно в 1800 году около 40 тысяч семей бурских поселенцев проживали на мысе Доброй Надежды вдали от побережья, в изначально датском поселении, основанном в 1652 году. Большинство из них были связаны брачными узами. Однако в начале XIX века, по мере того как экономическое и культурное давление британского империализма стало нарастать, они начали искать новые земли. Внутренняя организация буров не была непосредственно государственной, однако обладала четкой структурой. Комиссия (Commissie) направила разведывательные отряды в соседние территории, чтобы узнать об их сельскохозяйственном потенциале. Один отряд принес удручающие вести о землях, на которых располагается современная Намибия, а второй (состоявший из двадцати одного мужчины и одной женщины) пересек горный хребет Заутпансберг и обнаружил, что в Северном Трансваале и Натале открываются куда более приятные перспективы. В результате начали собираться отдельные группы, которые в итоге двинулись на север, проходя примерно по 10—15 километров в день. Сначала они состояли из пятидесяти—ста семей, каждая из которых забирала с собой скот и все пожитки, погрузив их в фургон, запряженный волами. В феврале 1836 года Хендрик Потгитер двинулся в путь во главе обоза из двухсот человек и шестидесяти кибиток. Тогда же выдвинулись группы схожей численности — под предводительством Йоханнеса ван Ренсбурга (девятнадцать семей), Луиса Трегардта (семь семей, включая

[1] Ср. главу 2. Я бы поспорил с утверждением, что свободные и военные классы общества были друг от друга независимы.

восьмидесятисемилетнего Дэниела Пфеффера, обучавшего детей, которых было тридцать четыре), Андриса Преториуса (шестьдесят кибиток) и Герта Марица и Питера Ретифа (по сто человек в каждой). В состав всех этих групп входили мужчины, женщины и дети всех возрастов.

Помимо вести о хороших пастбищах буров привлекло в докладах разведчиков сообщение о том, что там много невостребованной земли. Оно оказалось ошибочным. В том регионе, куда они направлялись, уже существовали два королевства, обладавшие немалой военной мощью — племя матабеле под предводительством вождя Мзиликази и зулусы под предводительством Дингаана, и они отнюдь не собирались приветствовать буров с распростертыми объятиями. После первых попыток переговоров, одна из которых привела к смерти Питера Ретифа от руки Дингаана, было заключено предварительное соглашение о получении прав на землю — но в последующем ночном нападении погибли пятьсот фуртреккеров, из них пятьдесят семь женщин и сто восемьдесят пять детей. Тогда предводители буров решили, что с этими вождями необходимо бороться. Они объединились в крупные отряды, которые безжалостно сокрушили силы врагов. На стороне фуртреккеров было существенное технологическое преимущество — пятифутовые кремневые ружья, из которых можно было стрелять по несколько раз в минуту, сидя верхом на лошади. Вот почему сравнительно небольшие отряды буров нанесли противнику такой урон. Даже во время нападения на главный политический центр врагов всего несколько сотен человек убили 3 тысячи матабеле, не понеся никакого ущерба, и сожгли крааль вождя. Зулусы Дингаана также не смогли ничего противопоставить огнестрельному оружию. Эти военные успехи подтолкнули других фуртреккеров к переселению из земель, находившихся под властью Британии, и в конечном счете мыс Доброй Надежды покинули 12 тысяч человек.

Не считая технологического превосходства, которое означало, что даже немногочисленные отряды буров могли вести масштабные сражения, перед нами точно такой же случай, как те, что имели место, если верить источникам, в III веке на побережье Черного моря (и позже в IX веке при скандинавской экспансии на запад). Небольшие группы захватчиков, жаждущих обогащения, реорганизовывались в большие отряды и даже армии, когда стало ясно, что захват власти над землями

(и источниками дохода) потребует устранения серьезных политических препятствий. То, как быстро изначально мирный поток мигрантов превратился в собранную, нацеленную на захват армию, — тоже полезное напоминание. Разумный гомо сапиенс прекрасно способен организовываться в вооруженные отряды с целью захватить чужое имущество и иногда поступает так, используя миграцию в качестве транспортного средства. Не менее важен тот факт, что (несмотря на несомненный военный аспект их действий) в миграционные группы буров всегда входили женщины и дети, а не только мужчины — и все имеющиеся у нас данные указывают на то, что данный феномен наблюдался и в III веке при переселении по крайней мере некоторых групп германцев. Случай с бурами не только подтверждает, что такая миграция более чем возможна (в чем — так сильно оказалось общее неприятие гипотезы вторжения — некоторые стали сомневаться), но и придает вес указанной выше причине, стоящей за подобным решением. Если военная мощь захватнического отряда зависит только частично от профессиональных воинов или и вовсе опирается не на них, а на землевладельцев, которые также владеют мечом, тогда те фермеры, которые присоединяются к отрядам, возьмут с собой и свои семьи. Молодые буры с юного возраста обучались верховой езде и стрельбе — как и женщины, которые были отнюдь не беспомощны в бою даже без мужчин, и военные силы мигрантов в конечном итоге одержали победу над матабеле и зулусами. Как мы знаем, у германцев II и III веков имелись дружины, состоящие из профессиональных воинов, но они были немногочисленны, и, поскольку у переселенцев не было такого серьезного преимущества над карпами или сарматами, как огнестрельное оружие, германским племенам, вторгшимся в Северный Понт, было необходимо численное превосходство — в отличие от буров. Следовательно, они склоняли к участию в походах свободных граждан — фермеров, владеющих оружием, которых в германском обществе было явное большинство, и эти люди, разумеется, пускались в путь вместе с семьями.

Для того чтобы обрести хотя бы шанс на успех, предполагаемым лидерам нужно было проводить вербовочные кампании на достаточно приемлемых условиях, чтобы привлечь свободных воинов. К сожалению, описание таковых не дошло до наших дней, однако следующие несколько слов, характеризующие готского предводителя Теодориха, готовящегося к своему

первому крупному военному походу приблизительно в 470 году н. э., довольно внятно передают суть этого процесса: «Теодорих уже приблизился к годам юности, завершив отрочество; ему исполнилось восемнадцать лет. Пригласив некоторых из сателлитов отца и приняв к себе желающих из народа и клиентов, что составило почти шесть тысяч мужей, [он двинулся с ними в поход]»[1].

Этот поход затевался с намерением вернуться домой, поэтому причин брать с собой семьи у воинов не было, однако он показывает, что даже в V веке для того, чтобы собрать серьезное войско, необходимо было, помимо регулярных отрядов, обратиться к более широкому слою германского общества. Однако для того, чтобы полностью постичь миграционные феномены II и III веков и понять, почему свободные граждане и их жены могли решить, что присоединиться к вооруженному походу на черноморское побережье — хорошая идея, нам необходимо вспомнить еще об одном факторе, который часто фигурирует в современных исследованиях миграции, — внутренняя мобильность.

Жители пшеворской и вельбарской зон — как и обитатели остальной Германии в рассматриваемый период — практиковали смешанное земледелие. Коровы, как сообщает Тацит и подтверждает археология отдельных поселений, были показателем статуса, ими измерялось богатство человека, но основным продуктом оставалось зерно, и его производство являлось краеугольным камнем торгово-промышленной деятельности. Германцы не были кочевниками в прямом смысле слова, они не гоняли стада с летних пастбищ на зимние, как поступали тогдашние степные племена. Однако в первые годы н. э. многие германские сообщества, в том числе и носители вельбарской культуры, еще не обладали достаточным опытом ведения сельского хозяйства, чтобы поддерживать плодородность возделываемых полей дольше одного поколения. Следовательно, поселения не были постоянными, они оставались мобильными. Исчерпав потенциал одних земель, фермеры шли дальше, строя новые дома. В соответствии с этим вельбарские кладбища, похоже, являлись более стабильным ориентиром для жизни и смерти. Они куда дольше оставались востребованными — кладбище в Одри использовалось без малого двести лет, за время кото-

[1] *Иордан.* Гетика. 55.282 («ascitis certis ex satellitibus patris et ex populo amatores sibi clientesque consocian»).

рых успело смениться немало поселений — и, возможно, места захоронений служили центрами общественной жизни. Яркая черта вельбарских кладбищ до 200 года, к примеру, — большой каменный круг, в котором не было могил, только в некоторых случаях ставился столб в центре. Археологи сделали вполне правдоподобное предположение, что эти круги отмечали общее место для встреч. Как бы то ни было, вельбарское население явно регулярно меняло место жительства[1].

Это вполне вероятно, поскольку в компаративистике не раз доказывалось, что миграция — жизненная стратегия, наиболее охотно принимаемая народностями, которые уже отличаются географической мобильностью. Этот принцип применим к нескольким поколениям. По статистике, вероятность того, что дети и внуки иммигрантов также будут переезжать, куда выше, чем в обычных семьях. Другая причина, по которой группы мигрантов, состоящие из мужчин, женщин и детей, были готовы выдвинуться из областей распространения вельбарской и пшеворской культур к Черному морю, заключается в том, что они были не способны долго поддерживать плодородие полей и, следовательно, могли рассматривать переселение как подходящий способ поиска лучшей жизни. С одной стороны, реализация этой стратегии в форме организованного передвижения на довольно большие расстояния — не более радикальная перемена, чем, скажем, путешествия, предпринимаемые в XVII веке английскими крестьянами, которые сначала уходили из деревень в города, а затем отправлялись на корабле в Америку. С другой стороны, этот шаг все же более смел.

Вплоть до 200 года, возможно, из-за незначительного роста численности населения — судя по количествам одновременно используемых поселений в каждом поколении — переселение вельбарских племен принимало форму стабильного, плавного движения на юг в районы, ранее бывшие пшеворскими. Эта фаза экспансии вельбарской культуры прекрасно соотносится с тем, что можно ожидать от модели «волна продвижения», — продви-

[1] См. примечание на с. 153. Об Одри: Kmiecinski (1968). Описательные термины вроде понятия «полукочевники» иногда, как мне кажется, приводят к ошибочным трактовкам. Здесь идет речь о смешанном сельскохозяйственном населении, которое держало большое количество животных. Возможно, скот был мерилом богатства, но также позволял успешно развивать сельское хозяйство, компенсируя отсутствие методов обработки почвы в долгой перспективе.

жение на юг в этом случае будет результатом случайного выбора индивидуумов по причине роста населения, а не крупномасштабным потоком направленной миграции. Движение на север было ограничено Балтийским морем, к тому же почва улучшалась по мере продвижения на юг от песчаных и скалистых образований, оставленных на его южных берегах древними ледниками. Но последующий переход к Черному морю — совсем другое дело. Расстояние, которое преодолевали группы мигрантов, было куда больше, и время в пути значительно сократилось. Во II веке они продвинулись в юго-восточном направлении на 300 километров или около того за пятьдесят—семьдесят пять лет. В III веке за тот же период мигранты преодолели больше тысячи километров. Так что этот второй поток — или вторая волна первого потока — явно был более целеустремленным и организованным.

Плавный и стабильный отток растущего населения превратился теперь в направленное вооруженное вторжение в чуждую политическую среду. И вновь мы находим здесь параллели с историей буров. Через 150 лет после основания в 1652 году первого поселения на мысе Доброй Надежды, в связи с неуклонным приростом населения (у Луиса Трегардта, к примеру, было семнадцать детей от четырех женщин) отдельные бурские семьи продвинулись на 800 километров в глубь материка, сдвинув границы своих владений до берегов Оранжевой реки. Это тоже вполне укладывается в рамки модели волновой динамики. Переселение за реку в ответ на негативное политическое, экономическое и культурное давление со стороны британцев было следствием укоренившейся традиции периодически менять место жительства, однако со временем оно стало набирать обороты и превратилось в иной феномен. Миграционные единицы стали крупнее, и, как мы видели, население быстро перешло от мирного сосуществования к военному хищничеству, встретив сопротивление местных. То же самое произошло в III веке с германцами: смена цели на Северный Понт требовала тщательного планирования. Отдельные германские семьи с севера ничего бы не достигли, переселяясь в Причерноморский регион, особенно если предположить, что готы заведомо планировали захватить чужие земли. Установить военное господство на новых территориях можно только при тщательном планировании и привлечении большой массы населения, даже если она организована в отдельные разведывательные отряды, а не передвигается «одним народом», как утверждала старая гипотеза вторжения.

ХИЩНИЧЕСКИЕ ПОТОКИ

Многое в миграционных потоках II и III веков навсегда останется за пределами нашего понимания. Доступные источники и археологические свидетельства не позволяют нам изучить все стимулы и факторы или узнать, какие индивидуумы были готовы принять участие и почему, если многие их соседи оставались дома. Однако исторического материала вполне достаточно для того, чтобы понять: миграция была основным фактором, сыгравшим роль в реорганизации границ Римской Европы. «Развитие» как процесс социально-политической и экономической трансформации, результатом которого стали новые союзы позднеримского периода, также сыграло в этом важную роль. Однако противники теории миграции, истолковывая имеющиеся свидетельства, отвергают слишком многие археологические и письменные свидетельства и при этом оказываются неспособными объяснить культурный сдвиг, происшедший в обществах основных соседей Рима в нижнем течении Дуная и на черноморских границах. Дальше к западу элемент миграции сыграл менее заметную роль, однако он ярко проявляется в процессе оккупации алеманнами Декуматских полей и в прибытии многочисленных групп бургундов на реку Майн.

Археологические свидетельства также помогают установить взаимосвязь между миграцией и развитием. Они не являются альтернативными вариантами объяснения этой проблемы, как нередко считалось, но, напротив, сплетаются в единое целое по мере того, как разворачиваются события, — и связь их очевидна на разных уровнях.

Во-первых, процесс развития в германском мире сам по себе был одной из основных причин формирования миграционных потоков, оказав на племена как негативное воздействие (создав такую яростную конкуренцию между народами, что некоторым пришлось отправляться на поиски более безопасных земель), так и положительное (новые богатства и блага, обнаруженные в приграничной зоне, в конечном счете подтолкнули племена с периферии к вторжению в чужие земли и вытеснению оттуда прежних обитателей). Контакт с Римской империей спровоцировал значительное, но географически неравномерное развитие Древней Германии, и, как и в современном мире, явные различия в уровне благосостояния стали причиной миграции.

Во-вторых, механизм, в соответствии с которым обретались эти новые материальные блага (необходимость стать клиентом или партнером Рима в той или иной приграничной зоне), также отчасти объясняет кажущуюся странность возникшего потока миграции. Сложившаяся картина ничем не напоминает простую и понятную старую гипотезу вторжения. Основное участие в процессе принимали отдельные группы и отряды, только некоторые из которых были многочисленными. К тому же значительная часть населения земель вблизи как Балтийского, так и Черного моря осталась на месте после того, как процесс миграции был успешно завершен. Перед нами вовсе не перемещение целого народа из пункта А в пункт Б с элементами этнической чистки. Тем не менее, для того чтобы получить доступ к новым богатствам приграничной зоны, нужно было заставить Рим отдать предпочтение вновь появившемуся там племени вместо уже имеющегося партнера, а потому приходилось собирать большие войска, чтобы свергнуть уже существующий политический строй. Следовательно, в отличие от современных миграционных единиц, тогдашние должны были быть многочисленными и хорошо вооруженными.

В-третьих, тот факт, что честолюбивые короли, желавшие переселиться с периферии в приграничные регионы, не могли собрать войско нужных размеров только из своих личных военных отрядов, объясняет другую особенность больших групп — наличие в них женщин и детей. В результате мы получаем миграционный поток, который не принимал форму ни «волны продвижения», ни «переселения элиты». Небольшие семейные группы, передвигающиеся наугад по новым территориям, были бы с легкостью уничтожены карпами, сарматами или обитавшими близ Рейна и Везера германцами, а короли со своими небольшими отрядами не смогли бы одержать верх в масштабных сражениях, без которых нельзя было бы достичь цели.

Помимо создания новой модели миграции, учитывающей несомненные связи между миграцией и развитием, изменения, происшедшие в германском обществе в ранний римский период, имеют еще одно важное значение — это первые проблески всеобъемлющего процесса, который в конечном итоге устранит географически обусловленное неравенство в развитии, характерное для Европы начала 1-го тысячелетия. За пределами тех регионов, которые попали под непосредственную власть римлян, тесный контакт с империей вызвал к жизни силы, куму-

лятивное воздействие которых преобразило германское общество. В результате к IV веку, как мы уже видели, появились куда более серьезные политические структуры, охватывавшие больший процент населения. Действие этих сил наиболее отчетливо проявлялось вблизи границы, однако оно ощущалось и в других областях, по всей видимости благодаря сетям экономических контактов, например развернутым системам торговли рабами и янтарем, далеко протянувшим свои щупальца. Еще более важным было появление богатой внутренней периферии, окружавшей Римскую империю со всех сторон, которая породила тенденцию к хищнической миграции в эти регионы из внешней периферии. Таким образом, не только клиенты Рима, проживавшие на тонкой полосе приграничных земель, оказались охвачены трансформационными процессами, которые в конечном итоге подорвут господство империи в Средиземноморском регионе. Однако даже к позднеримскому периоду обширные участки Восточно-Центральной и Восточной Европы по-прежнему оставались не затронутыми трансформацией. Это обстоятельство изменится, лишь когда новый политический строй государств-клиентов, созданный миграционными потоками II и III веков, будет охвачен волнениями и кризисами IV столетия. Миграция пока играла второстепенную роль в развитии, однако это продлится недолго. Началась эпоха гуннов.

Глава 4
МИГРАЦИЯ И ПАДЕНИЕ ГРАНИЦ

Приблизительно в конце лета 376 года большинство готских тервингов — главных клиентов Рима на границе по нижнему течению Дуная на протяжении почти всего IV века — собрались на северных берегах реки, прося предоставить им убежище. Их предводителями были Алавив и Фритигерн, а сама группа откололась от союза племен, которыми единолично правил Атанарих. Грейтунги — другие готы, раньше обитавшие дальше от границы, к востоку от Днестра, — вскоре последовали за ними. И тервинги, и грейтунги жили к югу и востоку от Карпатских гор на протяжении не меньше трех поколений, поэтому неудивительно, что их внезапное продвижение к Дунаю было сочтено началом новой волны беспорядков. Поразмыслив, император Валент решил принять тервингов в империю как федератов, дав им разрешение и помощь для переправы, однако грейтунги получили отказ. Последние, однако, вскоре нашли возможность пересечь реку без разрешения или помощи, и к ним присоединились другие непрошеные гости — таифалы, а также гунны и аланы в 377 году, новые аланы в 378 и некоторые из сарматских клиентов Рима, обитавшие в землях близ среднего течения Дуная, в 379 году. Давние внутренние клиенты вроде тервингов, таифалов и сарматов и внешние (грейтунги и аланы), а также впервые появившиеся здесь гуннские захватчики боролись за контроль над регионом к северу от восточной европейской границы Рима, и эта борьба распространилась постепенно на территорию империи.

Примерно через двадцать лет после событий 376 года установившийся порядок в землях за центральноевропейской границей Рима (бассейн в среднем течении Дуная, к западу от Карпат) потерпел крах. Возможно, в процессе принимали участие и менее значительные племена, однако главные роли достались четырем крупным союзам варваров. Сначала группа,

состоявшая преимущественно из готов, под предводительством некоего Радагайса пересекла Альпы и вторглась в Италию в 405—406 годах. За ними в конце 406 года последовал союз вандалов, аланов и свевов, которые переправились через Рейн и вошли в Галлию, а оттуда — в Испанию, сея на своем пути хаос. Вскоре после этого смешанное войско гуннов и скиров вторглось в восточные римские земли Балканского полуострова, захватив крепость Кастра Мартис в Дакии. Наконец, бургунды прошли мимо своих западных соседей, алеманнов, и расположились на берегах Рейна близ Шпайера и Вормса. Точная дата нам неизвестна, однако несомненно, что они двинулись в путь в период между 406 и 413 годами. В условиях IV века мы получаем интересную смесь народов — приграничные племена-клиенты (свевы), племена, иногда попадавшие в дипломатические сети Рима (бургунды и вандалы), и чужаки, впервые появившиеся в регионе близ среднего течения Дуная (аланы)[1].

Но для Рима последовательное падение восточной и центральной европейских границ было только началом проблем. Тервинги и грейтунги, пересекшие Дунай в 376 году, в конечном счете заключили мирный договор с Римской империей в 382 году, после шести лет войны, в ходе которой погиб император Валент и уцелела всего треть его войска, — речь идет о битве 9 августа 378 года. Некоторые из них — о более точном числе речь пойдет позже — с 395 года начали собираться вокруг Алариха и его последователей. Это войско двинулось сначала по Балканскому полуострову, затем дважды вторглось в Италию и, наконец, в Галлию, где они с 418 года осели уже более прочно, по новому соглашению — в Аквитании. От этого поселения в конечном счете берет начало Вестготское королевство — первое государство — преемник Западной Римской империи. Схожую способность к продолжительному продвижению продемонстрировали некоторые другие народы, внесшие свой вклад в падение центральной европейской границы Рима. Прежде всего это касается вандалов и аланов, которые сначала в 409 году оказались в Испании, а затем переправились на ко-

[1] До этих бурных событий конца IV века западная граница земель аланов проходила по реке Дон. Это фактически позволяло им стать клиентами Рима в приграничном районе нижнего течения Дуная, особенно учитывая тот факт, что империя поддерживала контакты с югом Крыма. Но они оказались в крайне невыгрышном положении после событий 405—408 годов, которые затронули земли близ среднего течения Дуная.

раблях в Северную Африку, где в конечном счете образовали независимое королевство. Бургунды тоже двинулись дальше, пусть они и преодолели более скромное расстояние. Потерпев сокрушительное поражение от гуннов, многие поселились близ озера Женева в конце 430-х годов. В дальнейшем здесь появится третье государство — преемник Западной Римской империи.

Расстояния, пройденные некоторыми группами, поражают. Общий путь тервингов и грейтунгов с северо-западного побережья Черного моря до Аквитании составляет в целом две с половиной тысячи километров (по прямой, хотя готы, разумеется, так не ходили). Вандалы, добравшиеся из Словакии до Туниса, через Испанию и Марокко, преодолели чуть меньше 4 тысяч километров, а аланы, поначалу сопровождавшие их, и того больше. До 376 года Дон был западной границей аланских земель к северу от Черного моря, а оттуда до Карфагена путь составил целых 5 тысяч километров.

В соответствии с традиционной точкой зрения на историю 1-го тысячелетия эти бурные события на европейских границах Рима провозглашались началом Великого германского переселения народов (Völkerwanderung) — даже несмотря на то, что не все группы, принимавшие в нем участие, были по происхождению германскими. Готы, вандалы, бургунды и многие другие, о которых мы будем говорить в этих двух главах, считались полноценными народами, состоявшими из людей обоих полов и всех возрастов, с устоявшейся групповой идентичностью, которые целенаправленно передвигались организованными объединениями из одних земель в другие. В процессе они лишили Римское государство господства в Западной Европе — что, по утверждению отдельных исследователей, является завершением борьбы, начатой еще в 9 году н. э., когда войско Арминия нанесло поражение Вару и трем его легионам в битве в Тевтобургском лесу. И, словно этого мало, события, ассоциируемые с падением Римской империи, сыграли, как мы уже видели, еще более важную роль в представлении создания современной Европы. Модель переселения целых народов, которая якобы появилась в те времена, применялась ко всем случаям передвижения племен в Европе без разбору, причем таковые описывались в терминах миграции, вторжения и «этнической чистки». Вторжения на территорию империи в позднеримский период, таким образом, служат прецедентным случаем в этом вопросе. Были ли они предприняты большими группами населения разного пола и возраста или же нет?

«БЫВШИХ СОЛДАТ НЕ БЫВАЕТ»

В нескольких источниках того периода упоминается о появлении готов на Дунае в 376 году. Во всех их фигурирует одно и то же мнение: основной причиной тому было возникновение новой силы на окраинах Европы — таинственных гуннов (о них подробнее чуть позже). В одном источнике даже приводится численность готов-беженцев, собравшихся на берегу реки, — 200 тысяч человек всех возрастов. Но по сути наше представление о том, что происходило, основано на рассказе одного римского историка — Аммиана Марцеллина. Только он сообщает важные подробности о поражениях готов и последующем их переходе к римской границе. К примеру, только в его работе говорится о том, что в какой-то момент на берегах Дуная собрались три отдельных племени готов и что племена, не принадлежащие к готам, также оказались вовлечены в процесс. И только Аммиан объясняет, почему грейтунги приняли решение переселиться ближе к границе после гибели двух королей и как союз тервингов, разделившись на несколько групп, запросил и получил поддержку в своих попытках избавиться от угрозы со стороны гуннов. В остальном же он, как и другие источники, предельно четко говорит о двух вещах. Во-первых, готы действительно пришли к реке в неимоверных количествах. Точных цифр он не называет (утверждает, что их слишком много, чтобы можно было счесть), однако сообщает о том, что император Валент в Адрианопольской битве выступил против 10 тысяч воинов, что, по его сведениям, составляло лишь часть войска готов, в то время находившегося на Балканском полуострове. Во-вторых, эти воины пришли туда с женами и детьми[1].

Ни один из позднеримских историков не удосужился оставить точное описание хотя бы одной группы варваров — допу-

[1] Такой же подход к описываемым событиям можно встретить и во многих источниках, например: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31; *Евнапий*. История (и *Зосим*. Новая история. 4.20.3, который во многом, но не полностью опирается на Евнапия), *Сократ Схоластик*. Церковная история. 4.34; *Созомен*. Церковная история. 6.37. Сведения о 200 тысяч готов сообщает Евнапий, чьи данные зачастую бывают необоснованными и преувеличенными, и, следовательно, у нас мало оснований им доверять, см.: Paschoud (1971—1989), т. 2, 376, примеч. 143. Но некоторые исследователи соглашаются с этими цифрами, см., например: Lenski (2002), 354—355 (с комментариями). О 10 тысячах воинах см.: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.12.3; они вполне могли быть только одними тервингами, см.: Heather (1991), 139. О перемещениях племен: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.7, 31.11.4—5, 31.12.1 и далее. О семьях: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.4.1. и далее; Зосим. Новая история. 4.20.6.

стим, сказав, что восемь из десяти мужчин-мигрантов пришли вместе с семьями. Но Аммиан точно знал, что вооруженные мужчины-воины переселялись вместе с семьями, их пожитки перевозились целым караваном повозок, который кое-где описывается как крепость на колесах, и из них можно было быстро соорудить неплохо защищенный лагерь (как было и у буров), и, по всей вероятности, обоз этот был огромной длины. Как отмечалось раньше, историки, говоря о соотношении воинов с мирным населением, нередко берут цифры 1:5, но это лишь предположение. Однако какое бы соотношение мы ни взяли, если войско составляло 20 тысяч воинов или даже больше и многие из них были с семьями, то мы получим поток переселенцев, насчитывавший многие десятки тысяч человек. И, ясно говоря о том, что не каждый мигрант принадлежал к одному из главных готских племен, Аммиан сообщает о поразительной слаженности в политическом плане двух главных племен готов — тервингов и грейтунгов, которые переселились в империю в 376 году. Представители каждого из них вели переговоры с Римом с берегов Дуная о судьбе всего племени, и в дальнейшем, по большей части, они также действовали сообща.

Если рассмотреть те черты групп мигрантов 376 года, о которых упоминает Аммиан (смешанный состав, люди обоих полов и всех возрастов, тот факт, что мы имеем дело с несколькими десятками тысяч человек, что они все бежали от гуннов, единство во взаимодействии с Римской империей), то станет очевидно, что заставляет современных исследователей колебаться. Мы получаем схему, подозрительно похожую на старую гипотезу вторжения, — один народ, единая власть, направленное переселение с общей целью или даже несколькими, из коих основные — вторжение и спасение. Мы также убедились, что такого рода модель — отличная от потоков хищнической миграции III века и эпохи викингов — отсутствует в современных, куда лучше описанных случаях миграции. Перед лицом двух этих проблем можно ли верить картине, с такой ясностью описанной Аммианом?

Установить надежность сведений, сообщаемых древним историком — одним из классиков, — напрямую невозможно. Тогда история являлась ветвью риторики, и, хотя в целом авторы стремились к правдивости, истина не всегда излагалась напрямую. Историк должен был что-то приукрасить — отчасти для развлечения слушателей, — однако это опять-таки может открыть многое об истинных чертах людей или обстоятельств. В особенности ин-

тригует то, что нам известно об Аммиане. Он закончил свою «Историю» запоминающимся и в целом верным, хоть и кратким описанием самого себя: «некогда солдат и грек» (*лат.* miles quondam et Graecus). Он родился в Антиохии, в Восточной империи, преимущественно говорящей на греческом, и явно получил прекрасное образование, изучив греческий и латинский языки и литературу до того, как пошел на военную службу. Там он дослужился до офицера среднего ранга — стал кем-то вроде помощника генерала. Он не раз участвовал в сражениях и даже получал секретные поручения (один раз Аммиан пробрался за линии обороны персов, в другой — убил узурпатора), однако, насколько мы можем сказать, сам воинскими отрядами не командовал. Он ушел из армии в середине 360-х годов после смерти последнего римского императора-язычника, Юлиана Отступника, и сам не был христианином. Помимо этого Аммиан почти не говорит ни о себе, ни о том, что побудило его заняться написанием сего труда, если не считать, что он мимоходом упоминает о местах, в которых побывал, уйдя из армии, и что в конечном счете переселился в Рим в конце 380-х годов, где в начале 390-х и завершил свою «Историю».

Исследований, посвященных историку и его труду, очень много и становится все больше, однако в них ясно прослеживаются два основных момента: во-первых, заявляя, что его интересует истина, Аммиан вовсе не стремился избежать литературного приукрашивания того, что он считал правдой, — а иногда даже целенаправленно уклонялся от упоминания отдельных деталей. За время его жизни в Риме в стране происходили серьезные культурные изменения — шла быстрая христианизация империи, однако он в тексте намеренно почти не упоминает об этом и, возможно, даже пытается скрыть собственную неприязнь, притворяясь, что одобряет веротерпимость. А что верно для его рассказа о религии, может быть верно и для всего остального, где не вполне честный подход, возможно, менее заметен[1]. Но, несмотря на это, Гиббон считал Аммиана «самым

[1] Мэтьюс (Matthews (1989) указывает, что Аммиан Марцеллин любит художественно приукрасить повествование, а Барнс (Barnes (1998) говорит о том, что Аммиан не всегда честен. Эти два современных исследования расходятся по многим рассматриваемым вопросам, но в одном они полностью солидарны — сочинение Аммиана Марцеллина не стоит воспринимать как безоговорочную истину. См. по данному вопросу: Drijvers & Hunt (1999); G. Kelly (2008).

верным проводником». Гиббон отнюдь не был глупцом, и второй подход, который мы рассмотрим, подчеркнет верность его суждения. По всем параметрам труд Аммиана наиболее подробный и информативный из всех, созданных в позднеримский период (да и в общем-то в любой другой) и дошедших до наших дней. Мы уже частично ознакомились с его рассказом о готах, и остальное отличается не меньшей правдивостью; количество важных деталей и подробностей, включенных в текст, поражает; они частично совпадают с другими сохранившимися источниками. Столь богатые познания Аммиан приобрел отчасти из личного опыта (к примеру, тайные поручения, которые он выполнял в армии, получили затем подробное и весьма занимательное освещение, плюс историк участвовал в неудавшейся кампании Юлиана против персов), отчасти из бесед со сведущими участниками тех или иных событий, вроде дворцового евнуха в отставке, Евхерия, а отчасти — из документов, хранившихся в архивах. В одном месте Аммиан ссылается на некий «тайный» архив, к которому он не получил допуск, из чего следует, что автор «Истории» ознакомился с другими. В другом он упоминает, что обычным делом для него было при рассказе о карьерах высокопоставленных военных просматривать официальные записи о них. Французский историк также успешно продемонстрировал, что многочисленные подробности, имеющиеся в повествовании Аммиана, основаны на его постоянном обращении к оригиналам посланий и приказов, которыми обменивались римские генералы и подотчетные им командиры[1]. Другими словами, помимо литературных изысков и намеренного уклонения от некоторых тем необходимо принимать в расчет то, что Аммиан проводил серьезные исследования, во многом аналогичные современным историческим, без чего было бы невозможно достичь такого уровня осведомленности. Следовательно, к единому выводу о достоверности сведений, сообщаемых Аммианом, прийти нельзя и каждый случай следует рассматривать отдельно.

В том, что касается событий 376 года, надежность «Истории» не так давно подверглась сомнению по двум параметрам, один из которых весьма серьезен, а другой не столь важен.

[1] О «тайном» архиве: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 14.9.1. Документы о карьере: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 28.1.30. О военных приказах см.: Sabbah (1978).

Остановимся на первом. Было выдвинуто предположение, что рассказ Аммиана о событиях 376 года напоминает старую гипотезу вторжения, поскольку он (и другие авторы, не указывавшие стольких подробностей) просто не мог не представить происходящее именно в таком свете. В сознании классических авторов якобы настолько укоренилась мысль о том, что «варвары» переселялись только «народами» — то есть родственными сообществами одного происхождения, — что они автоматически наделяли этими свойствами любые группы чужаков, появлявшиеся на территории империи. Другими словами, у них имелся четкий стереотип о миграции, который делал невозможным адекватное восприятие и оценку мигрирующих варваров. Во-вторых, было высказано мнение, что акцент, сделанный Аммианом на появлении гуннов как основной причине, заставившей готов прийти на Дунай, неверен. На самом деле действия самой империи дестабилизировали обстановку в землях готов, что и позволило гуннам проникнуть в них, а значит, последние вовсе не были беспощадными захватчиками, которыми их изображают наши источники[1]. Это серьезные замечания, но насколько они убедительны? Действительно ли Аммиан переоценил роль, сыгранную гуннами, и действительно ли он описывал события 376 года как массовое переселение мужчин, женщин и детей просто потому, что в силу своего происхождения и образования не мог верно воспринимать происходящее?

Иногда, как мы видели, наши источники действительно заставляют предположить, что миграционные стереотипы влияли на сознание авторов. Историк VI века Иордан описывает переселение готов в Причерноморский регион в III веке как передвижение «одного народа», в то время как реальность, отображаемая в более ранних источниках, куда сложнее. В свое время мы рассмотрим еще один превосходный пример — рассказ о переселении лангобардов в IV и V веках, записанный в IX. Но что с Аммианом и событиями 376 года?

В этом случае аргумент о стереотипах, связанных с миграцией варваров, кажется крайне неубедительным. Для начала скажу (пусть это и не самое главное), что я не могу с уверенностью сказать, будто Аммиан представляет тервингов или

[1] О стереотипах о миграции см.: Kulikowski (2002). О причинах см.: Halsall (2007), глава 6.

грейтунгов «народами» («сообществами с одним происхождением») в каком-либо идеологическом контексте. Более того, он вообще их не анализирует. Его интересует — и это в целом характерно для «имперских» источников, посвященных варварам, — военная и политическая мощь этих союзов, которая может угрожать безопасности Римской империи. Как именно они функционировали, его не слишком заботило. Тервинги, разумеется, не были «народом» в классическом понимании — закрытой, биологически самовоспроизводящейся группой, члены которой обладают общей и весьма отчетливой культурной идентичностью. Социальная дифференциация уже существовала в германском обществе в начале римского периода и стала более выраженной за последующие три столетия (см. главу 2). Все германские племена позднеримского периода, о которых нам известно, шли в бой двумя отрядами, в которых имелась строгая иерархия, и вклад их в групповую идентичность был разным. Эти отряды, возможно, также включали рабов, которым не дозволялось сражаться. Тот факт, что Аммиан не касается этих подробностей, разумеется, не дает нам до конца понять, кем же были тервинги, однако это вовсе не подтверждает мнения отдельных ученых о том, что в его сознании имелась некая единая простая модель, которую он применял ко всем странствующим группам варваров без разбора. На самом деле — и это куда более важно — из «Истории» явственно следует, что Аммиан прекрасно различал и разграничивал разные типы варваров-мигрантов.

В разных главах, к примеру, встречаются упоминания о варварских военных отрядах на территории Римской империи, занятых своим обычным делом — поиском легкой наживы. Эти войска всегда определяются как таковые, иногда он приводит их численность (нередко доходящую до нескольких сотен). Получается, Аммиан был способен отличить военный отряд от мигрирующей группы, включающей в себя разные слои населения. И это, пожалуй, неудивительно, учитывая огромную разницу в численности между одним таким отрядом и объединенными силами готов, собранными в 376 году. По этой причине его рассказ о битве при Страсбурге, который мы приводили в главе 2, еще более интересен. По оценке Аммиана, в ней участвовало свыше 30 тысяч алеманнов и их союзников, собравшихся под предводительством Хнодомара, — и все они находились на римской земле. Несмотря на размер вражеского войска, он

ясно говорит, что это сугубо военная операция, целью которой была аннексия территорий империи и в которой участвовали только мужчины, воины. Аммиан так же четко разграничивает методы, которыми в конечном итоге была набрана армия Хнодомара. Многие воины служили алеманнским королям, участвовавшим в битве, некоторые свергли своих правителей, чтобы оказаться на поле боя, а другие были обычными наемниками[1]. Таким образом, хотя войско состояло из многих тысяч человек, Аммиан вовсе не был склонен автоматически называть его народом, мы не видим здесь влияния стереотипа «группа варваров = переселяющийся народ».

Это впечатление лишь усиливается, если обратить более пристальное внимание на его рассказ о том, что происходило к северу от Дуная приблизительно в то время, когда на границе появились готы. Не все мигранты, пересекшие Дунай на пути к Константинополю, по словам Аммиана, явились с семьями. Осенью 377 года готы оказались в затруднительном положении — на севере Балканского полуострова с очень ограниченными запасами продовольствия. Чтобы прорваться через римские гарнизоны, контролировавшие перевалы через Гемские (современные Балканские) горы, готы заручились поддержкой гуннов и аланов, пообещав им большую долю трофеев. Их уловка принесла плоды, но для нас важнее другое. Во-первых, Аммиан был способен идентифицировать силу как политически неоднородную (а не один «народ»), когда это соответствовало истине, — в то войско ведь входили гунны и аланы. Во-вторых, хотя на римской территории тогда имелись переселяющиеся варвары, он не упомянул ни о женщинах, ни о детях. Для Аммиана это просто войско наемников, которое пригодилось готам в сложной ситуации[2].

Более того, он даже тервингов не описывает как единый «народ», целенаправленно переселяющийся из своих земель к римской границе. Тервинги прибыли на Дунай в 376 году двумя отдельными группами, потому что между ними наметился раскол. Большая часть под предводительством Алавива и Фритигерна состояла из тех, кому было не по нраву правление Атанариха,

[1] Примеры миграционных стереотипов: см. в главах 3 и 5. О наемниках: *Аммиан Марцеллин.* Деяния, например: 14.4, 17.2, 27.2, 28.5. О Страсбурге: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 16.12.7, 31.8.3.

[2] Дополнительную военную поддержку иногда путают с приходом грейтунгов и тервингов, но это серьезная ошибка, см.: Heather (1991), 144—145, и приложение B.

представителя официальной династии, и кто надеялся обрести пристанище и защиту в империи. Вторая и меньшая, хотя тоже довольно многочисленная группа позже последовала за ними к реке под руководством своего правителя. Там Атанарих, изначально собиравшийся просить разрешения перебраться в империю, пошел по другому пути. Аммиан ясно описывает тервингов как политический союз в разгаре кризиса, а не «народ», спокойно и согласованно двинувшийся в путь[1]. Количество разных типов сил и варваров, собравшихся порой в весьма многочисленные войска, и подробности, сообщаемые им о неурядицах готов, приводят нас все к тому же выводу. Наш греческий солдат был достаточно умен и образован, а также осведомлен о политической ситуации в регионе, чтобы описать события на Дунае подробно и точно. Когда он говорит нам, что к реке подошли два крупных скопления готов с семьями, это и отдаленно не похоже на влияние культурного стереотипа. В других частях «Истории» Аммиан по-разному описывает многочисленные группы варваров, движущихся по территориям Римской империи. Он охарактеризовал происходившие в 376 году на Дунае события именно таким образом намеренно и осознанно, а не потому, что в его сознании имелась лишь одна устоявшаяся модель. Эта точка зрения более или менее принимается в расчет. Даже среди ученых, которые в целом настороженно относятся к описаниям больших групп мигрантов, только один попытался поставить под сомнение цифры, приведенные Аммианом, да и то ссылаясь на существование «миграционного стереотипа», а не какие-либо более серьезные доводы[2]. В общем и целом похоже на то, что Аммиан знал, о чем говорит.

---

[1] О расколе среди тервингов см.: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.3.8 и далее; 31.4.13. Грейтунги тоже разделились, это произошло, когда предводитель одной из групп Фарнобий и его последователи пересекали Дунай, но их судьба сложилась совсем не так, как у основной группы; см.: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.4.12, 31.9.3—4.

[2] Только Куликовски (Kulikowski (2002) отважился предположить, что свидетельства Аммиана полностью неверны, но уже в его последующих работах видно, что он идет на попятную в этом вопросе (Kulikowski (2007), 123 и далее). Он стремится показать, что единства среди готов почти не было, но в то же время соглашается с тем, что они образовывали смешанные группы «численностью в десятки тысяч, а возможно, и больше» (с. 130). Среди других сторонников антимигрантской позиции Халсалл (Halsall (2007) рассуждает о том, что эти группы состояли из 10 тысяч воинов, но полная их численность с семьями не превышала 40 тысяч. Гоффарт (Goffart (1981), (2006) в своих работах никогда детально события 376 года не рассматривал.

Вторая причина ставить под сомнения достоверность «Истории» Аммиана (его утверждение о том, что гунны были первостепенной причиной миграции этих народов) кроется в сообщении из «Церковной истории» Сократа Схоластика о том, что объединение готов, находившееся под властью Атанариха, раскололось не в 376 году из-за неминуемого вторжения гуннов, а сразу после войны Валента с тервингами, закончившейся в 369 году. Именно после этого, по словам Сократа, Фритигерн вышел из повиновения Атанариху. На этом основании Гай Халсалл недавно возразил, что Валент, а вовсе не гунны в конечном счете виноват в том, что готы оказались на Дунае, — в том смысле, что успешные кампании императора привели к поражению Алариха и грейтунгов, тем самым дестабилизировав политическую ситуацию в землях клиентов Рима близ нижнего течения Дуная. И только из-за серьезных внутренних проблем в стане готов гунны сумели проникнуть на их территорию. В этом свете уже нельзя утверждать, что пришельцы — гунны — были грозной воеиной силой, а их вторжение уничтожило существующее политическое устройство в Северном Причерноморском регионе[1].

Ясно, что рассказ Сократа вступает в противоречие с сообщением Аммиана. Два историка по-разному видят, как и когда раскололся союз тервингов. И это в конечном итоге основная проблема в аргументах, предложенных Халсаллом. Заглавие труда Сократа выбрано верно, в большинстве своем он пишет о развитии христианской церкви. Только периодически и вскользь автор затрагивает иные события, но почти никогда не сообщает важных подробностей, так что общие знания Сократа о готах IV века менее глубоки, чем у Аммиана. Более того, Сократ создавал свой труд в Константинополе в середине V века, следовательно, он не был современником событий, которые описывал. Когда речь идет о политике и военных вопросах, с методологической точки зрения исправлять подробный и точный рассказ Аммиана (к тому же написанный в изучаемый период), ссылаясь на более поздний и к тому же обрывочный текст Сократа, — не самый лучший подход; разве что у нас была бы весомая причина сделать это. Но ее нет. Более того, при более вдумчивом прочтении изложение Сократа можно счесть неверной версией сообщения Аммиана об отношениях готов и

[1] См.: Halsall (2007), 170 и далее. Подробный анализ «Церковной истории» Сократа Схоластика приводится в работе Lenski (1995).

римлян (некоторые из событий даже изложены не в том порядке), но обратное верным быть не может никак, поскольку в труде Аммиана куда больше дополнительных сведений и материалов, отсутствующих у Сократа. Стоит также отметить, что война Валента против Атанариха закончилась ничем, что скорее повысило бы престиж готского предводителя, поскольку он был приглашен на переговоры с императором, которые прошли в лодках посреди реки, и был встречен с большим уважением. Этот конфликт был не таким сильным дестабилизирующим фактором, как полная победа императора Константина над тервингами в начале 30-х годов IV века, когда никаких гуннов еще не было и в помине[1]. Следовательно, высказанные сомнения в достоверности и надежности сведений Аммиана весьма неубедительны, и мы можем смело строить дальнейшие выводы, основываясь на предпосылке, что большие, смешанные группы готов действительно двинулись в путь летом 376 года, спасаясь от агрессии гуннов.

Но как нам связать описанные Аммианом миграционные феномены с закономерностями, свойственными массовому переселению людей в современном мире? С одной стороны, масштаб и характер миграционных потоков 376 года вполне согласуются с более современными, поскольку, как единогласно утверждают Аммиан и другие наши источники, основная причина, побудившая вестготов двинуться к Дунаю, была политической и негативной. Гунны подрывали стабильность всего северного Понтийского региона, и готы стремились перебраться в более безопасную местность. Как пишет Аммиан, «они [готы] решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет Фракия; в пользу этого говорили два соображения: во-первых, эта страна имеет богатейшие пастбища и, во-вторых, она отделена мощным течением Истра от пространств, которые уже были

[1] Меня полностью удовлетворяет сравнительный анализ «Аммиан против Сократа Схоластика», который я привел в одной из своих работ (Heather (1986). Стремление Халсалла избежать череды событий, которые бы поставили агрессивную миграцию в центр происходившего, заставляет его отрицать более современные и детальные сведения Аммиана и использовать более поздние и менее полные свидетельства Сократа Схоластика. Однако Халсалл не приводит в доказательство своей позиции серьезных аргументов, которые бы основывались на исторических свидетельствах, и, на мой взгляд, такая линия указывает на то, что для него предубеждение было важнее несоответствующей методологии.

потрясены чужеземными воинами»[1]. Судя по формулировке Аммиана, у готов было два основных мотива: все плюсы обитания на территории империи и желание избежать угрозы к северу от Дуная.

Учитывая вторую причину, миграция их была, разумеется, спровоцирована политическими обстоятельствами — другими словами, страхом, — что, как правило, и заставляет большие, смешанные группы людей пускаться в путь: 250 тысяч человек за один месяц в 1994 году в Руанде, больше миллиона за другой. Учитывая сильную политическую мотивацию, масштаб миграции готов в 376 году — это не проблема. Однако их образ действий расходится с современными аналогами в высокой степени организованности, продемонстрированной по меньшей мере тремя крупными скоплениями готов. Это вовсе не отрицает того факта (скорее напротив), что к северу от Дуная хватало беспорядков и хаоса, однако в конечном счете перед римлянами предстали три вполне организованных объединения — обе части расколовшегося племени тервингов и грейтунги. Вот что отличает их от современных примеров. Будем ли мы говорить о Центральной Европе в конце Второй мировой войны или о Руанде и Косове, толпы политических беженцев везде представляли собой одно и то же — многочисленные неорганизованные потоки людей, спасающих свою жизнь. Если мигранты оказывались в лагерях, нередко вскоре появлялись лидеры и определенный уровень организации, но современный мир не знает примеров упорядоченной эвакуации, описанной Аммианом. Стоит ли ему верить?

Я считаю, что стоит. Наблюдаемые контрасты между событиями 376 года и современными примерами массовой миграции обретают смысл, если их рассматривать в контексте соответствующей эпохи. Часть объяснения кажущейся странности тех событий заключается, к примеру, в самой природе угрозы со стороны гуннов, с которой готы столкнулись в 376 году. Вестготов, как правило, изображают в современных исследованиях напуганными беженцами, отчаянно бегущими от орды гуннов, мчащихся по их следу. Более ранние историки дают множество оснований для такой точки зрения, поскольку окружают появление готов на Дунае аурой паники и поражения. Достаточно привести слова Зосима, которые прекрасно выражают

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.3.8.

основную идею большинства других: «Налетая, бросаясь, своевременно отступая и стреляя со спин своих коней, [гунны] учиняли страшную резню. Поступая так, со временем они довели готов до такого разорения, что выжившие покинули свои дома, оставив их гуннам, и бежали к дальнему берегу Дуная, где молили императора принять их»[1].

Однако подробности, переданные нам Аммианом, рисуют совершенно иную картину. Гунны сначала напали на аланов, ираноязычных кочевников, живших к востоку от готов за рекой Дон. Присоединив к себе часть аланов, гунны вторглись в земли грейтунгов. После долгой борьбы и гибели в бою двух предводителей племени — Эрманариха и Витимера — племя приняло решение отступить на запад. Это привело их на территории, занимаемые союзом тервингов. Затем предводитель вестготов Атанарих двинулся к Днестру, вне всякого сомнения встревоженный в равной степени сообщениями о нападениях гуннов и тем фактом, что у его границ обосновалось многочисленное племя пришлых готов. Внезапный набег гуннов вынудил его отступить к Карпатским горам, где он предпринял попытку создать линию обороны и отстоять свои владения. Изложенные Аммианом сведения не слишком точны с географической точки зрения, однако по ним можно заключить, что в основу оборонительного рубежа Атанариха легли заброшенные римские укрепления, некогда используемые для защиты старой римской Дакии к северу от Дуная (*лат.* limes transalutanus). Однако последующие набеги гуннов подорвали веру тервингов в мудрость Атанариха и заставили «большинство» из них покинуть своего предводителя и обратиться с просьбой о предоставлении убежища к Римской империи. В этом предприятии к ним присоединились продолжавшие отступать грейтунги, которые, похоже, заимствовали эту идею у тервингов[2].

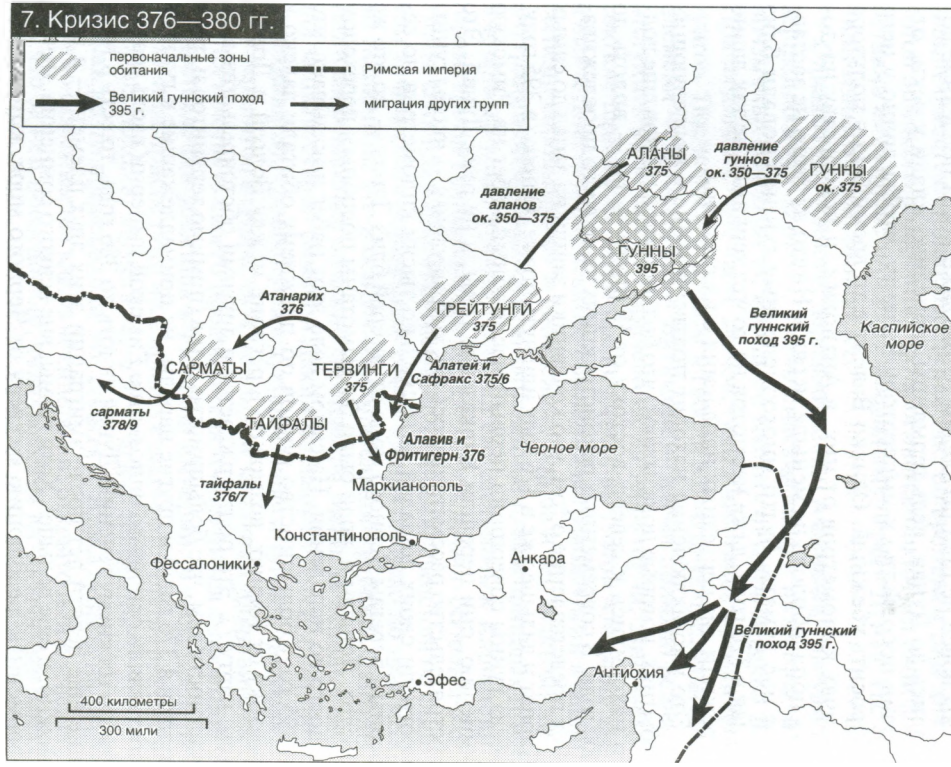
Как долго происходили эти события? Атака гуннов на готов обычно описывается как «внезапная», и, открыто или косвенно, все, что за ней последовало, укладывается во временные рамки года или чуть более того. Однако некоторые детали повествования предполагают иное. Из двух предводителей грейтунгов Эрманарих боролся с гуннами «долгое время» (*лат.* diu), а Витимер — «некоторое время» (*лат.* aliquantisper), и сопротивление это включало в себя «многие мероприятия» (*лат.* multas clades).

[1] *Зосим.* Новая история. 4.20.4—5.
[2] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.3.2—8.

Это неопределенные временные индикаторы, однако «долгая» борьба скорее исчисляется годами, а не месяцами. Более того, гунны вовсе не шли по следам готов, даже когда последние добрались до Дуная, ведь германцы терпеливо ждали у реки, отправив посольство к императору Валенту, чтобы лично у него попросить убежища. Однако Валент в то время был в полутора тысячах километров от них, в Антиохии, и посольству на дорогу понадобилось не меньше месяца. Ничто из этого не заставляет нас думать, будто многочисленные гунны сновали близ Дуная в 376 году, даже несмотря на то что тервинги не так давно пережили два серьезных нападения с их стороны.

Это умозаключение находит подтверждение в последующих событиях, которые показывают, что большинство гуннов еще долго находились к северо-востоку от Черного моря — вплоть до 400 года. В современных реконструкциях чаще всего прослеживается представление о том, что кочевники зашли на запад до самых Карпат и дальше уже в 376 году или чуть позже. Однако в 395 году, когда гунны совершили первый масштабный набег на Римскую империю, они перешли Кавказские горы, а не реку Дунай. Это обстоятельство рассматривалось как хитрая уловка — якобы гунны прогнали своих лошадей за несколько тысяч километров по северным берегам Черного моря от лагерей близ Дуная — но это же абсурд. Лошади и люди были бы вымотаны подобным переходом задолго до нападения. На самом деле этот набег показывает, что в 395 году большинство гуннов по-прежнему обитали далеко к востоку от Карпат, возможно в регионе между Волгой и Доном (см. карту 7). Это подтверждается и другими обстоятельствами, в частности тем, что большинство готов (помимо тервингов и грейтунгов в 376 году) и другие народы, не принадлежащие к гуннам, составляли основную оппозицию Римской империи вдоль границы по нижнему течению Дуная вплоть до 386 года, то есть в течение еще десяти лет после эмиграции этих двух племен — а возможно, и еще дольше[1]. Хотя гунны, вне всякого сомнения, начали форменную революцию к северу от Черного моря, которая вылилась прежде всего в прибытие готов на Дунай в 376 году, сами кочевники еще не зашли так далеко на запад. Другими словами, тервингов вовсе не подгоняли полчища гуннов и град стрел; у них

[1] О переходе Кавказских гор см.: Maenchen-Helfen (1973), 51—59 (автор считает, что гунны пришли с Дуная). Об остальных готах, которые в 383 году находились к северу от Дуная, см.: Achelis (1900); *Зосим.* Новая история. 4.35.1, 4.37—39.

7. Кризис 376—380 гг.
первоначальные зоны обитания
Римская империя
Великий гуннский поход 395 г.
миграция других групп
АЛАНЫ 375
давление гуннов ок. 350—375
ГУННЫ ок. 375
давление аланов ок. 350—375
ГУННЫ 395
Атанарих 376
ГРЕЙТУНГИ 375
Великий гуннский поход 395 г.
Каспийское море
САРМАТЫ
ТЕРВИНГИ 375
Алатей и Сафракс 375/6
сарматы 378/9
ТАЙФАЛЫ
Алавив и Фритигерн 376
Черное море
тайфалы 376/7
Маркианополь
Константинополь
Фессалоники
Анкара
Великий гуннский поход 395 г.
Антиохия
Эфес
400 километры
300 мили

была возможность спланировать и принять ответные меры куда более спокойно и рационально, чем принято считать[1].

Но даже если у тервингов было время организовать эвакуацию, описанную Аммианом, можно ли считать, что именно так они и поступили? Это бы подразумевало, что в племени существовала правящая верхушка, обладавшая достаточным влиянием и авторитетом, чтобы принять и претворить в жизнь подобный план, — что, в свою очередь, поднимает вопрос о политическом строе готов и силе их групповой идентичности. Тот факт, что предводители тервингов могли принимать важные решения, очевиден и по другим примерам. Как мы видели во второй главе, союз племени поддерживал единую политику по отношению к Римскому государству, особенно в том, что касается степени подчиненности, которую они как клиенты готовы были стерпеть. Дошло даже до смелой политики организованного преследования готов-христиан, поскольку новая религия ассоциировалась с навязыванием культурного превосходства империи. Следовательно, нет ничего неправдоподобного в предположении о том, что тервинги могли обладать достаточно сильной идентичностью, чтобы коллективно принять меры в ответ на новую угрозу со стороны гуннов.

Как и кем именно принимались подобные решения, зависит от распространения социальной власти в готском обществе в данную эпоху, прежде всего от степени социальной стратификации и строгости границ между слоями общества. Эти обстоятельства определяли бы, кто и каким способом имел право участвовать в принятии решений. На вершине социальной лестницы стояли предводители вроде Атанариха, Алавива и Фритигерна, которых наши источники называли «судьями» и «короля-

[1] Некоторые группы гуннов заходили дальше на запад до 405—408 годов, но их численность до 400 года оставалась невелика: это были воины, которые присоединились к готам, находившимся к югу от Дуная, осенью 377 года (см. примечание 2 на с. 223). Еще одна гуннско-аланская группа была обнаружена недалеко от Реции в 380-х годах (*Амвросий Медиоланский*. Письма. 25). Войска Улдина в V веке были достаточно многочисленны, но даже они едва ли могли сравниться с силами гуннов, которые пришли из Среднедунайского региона после 405—408 годов (см. главу 5). В целом все это указывает на то, что события 376 года необходимо воспринимать по аналогии с описываемыми Цезарем перемещениями племен тенктеров и узипетов к западу от Рейна в середине I века до н. э. Тогда продолжительный период небольших набегов и нападений, а не полномасштабное вторжение убедил их, что они больше не смогут жить в безопасности на землях к востоку от Рейна; *Гай Юлий Цезарь*. Записки о Галльской войне. 4.1.

ми», и они бы могли проводить свою политику, но, как мы видели в главе 2, более широкий класс (свободных?) мог наложить коллективное вето на предложения своих вождей, а значит, тоже играл пассивную роль в процессе. Некоторые моменты в повествовании Аммиана подтверждают этот тезис. Так, решение войти в Римскую империю было принято далеко не сразу. Как пишет Аммиан, «diuque deliberans», то есть они «долго размышляли». И я подозреваю, что обсуждение было весьма жарким. Точно так же, уже к югу от Дуная, новый предводитель тервингов неоднократно предстает в источниках «увещевающим» и «убеждающим» своих людей согласиться с теми или иными свои решениями, а не просто отдающим приказы[1].

Но это, разумеется, не означает, что все жители регионов, в которых господствовали тервинги, имели право голоса. Археологические остатки и исторические источники указывают на то, что это был мир, состоящий из разных культур. Он был создан военной мощью германоязычных иммигрантов, сумевших удержать господство. Но, несмотря на уход карпов на территорию империи примерно в 300 году, значительная часть местного населения — даки, сарматы и др. — остались на своих землях и после прихода готов. Сложнее всего ответить на вопрос, какими были взаимоотношения между чуждой германоязычной элитой, пришедшей сюда в результате миграционных процессов III века, и местным населением. Их не так легко отделить друг от друга по археологическим остаткам, а потому можно предположить, что две группы быстро смешались в социально-политическом плане. Но это еще не значит, что так все и было, — более того, это маловероятный исход. Ведь идентичность — субъективное явление, укорененное внутренне в самосознании индивидуумов и их отношениях друг с другом, а потому сходство материальных культур еще ни о чем не говорит. Мысль о том, что материальная культура может отражать групповую идентичность, отчасти подтверждается компаративистикой; однако все случаи сходства в данной ситуации ограничиваются одним-двумя предметами, имеющими символическое значение, но не часто встречающимися в полноценных скоплениях артефактов. А чтобы знать наверняка, какие именно предметы имели большое значение, нужны точные этнографические дан-

[1] Об обсуждениях: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.3.8. Об убеждении см.: Heather (1991), 176—177, 179—180.

ные[1]. Тот факт, что остатки черняховской системы примерно одинаковы на всей территории ее распространения, еще не говорит о том, что там не существовало отдельных групповых идентичностей.

Следовательно, очень важно не забывать об общем историческом контексте. Готы и другие германские иммигранты III века, пришедшие в Причерноморье, захватили новые земли с оружием в руках и получили все блага жизни в приграничном регионе. При такой расстановке сил вряд ли разница в идентичности между ними и покоренными народами могла быстро исчезнуть, даже если не было существенной разницы во внешности, как в случае с бурами и их новыми соседями в аналогичной ситуации после Великого трека. Германская идентичность из-за завоевания означала более высокий статус, и наделение им местных могло поставить под угрозу привилегированное положение пришельцев. Другими словами, перед нами полуколониальные условия, в коих у пришлой элиты были все причины оберегать свои привилегии от притязаний местных, которые могли бы попытаться их отнять. И предположение о том, что готы руководствовались подобными соображениями, подтверждается их обращением с римскими пленниками. К числу таковых принадлежал Ульфила, и пленникам и их потомкам на протяжении нескольких поколений было разрешено соблюдать и проводить обряды христианской церкви. Когда в 347 или 348 году Ульфилу изгнали из земель готов, многие из этих потомков ушли вместе с ним, следовательно, они чувствовали себя отдельным и, вероятно, притесняемым (иначе не было бы причин уходить) сообществом в королевстве готов[2]. Та-

[1] Об археологии и групповой идентичности см. главу 1. Среди находок, обнаруженных в черняховских поселениях, особенно важными для определения групп мигрантов мне представляются костяные гребни для волос, некоторые фибулы и характерные для Северной Европы и германцев дома длинного типа. К сожалению, пока еще нет карт, по которым можно было бы проследить скопления данных объектов.

[2] Более подробно про Ульфилу см.: Heather и Matthews (1991), глава 3. Я подозреваю, что альтернативная точка зрения на быстрое социальное смешение, во многом вдохновленная ужасами эпохи нацизма, требует дальнейшего осмысления и заставляет задуматься о том, что связи между так или иначе взаимодействующими друг с другом, но неравными по положению группами всегда будут сводиться к минимуму. Восточная экспансия готов и других германских племен в позднеримский период была успешно раздута гитлеровской пропагандой, чтобы оправдать действия Третьего рейха, см.: Wolfram (1988), глава 1. Но похвальное стремление осуждать зверства нацизма вносит сумятицу в наши размышления, если мы позволяем прошлому застилать нам глаза, а не разумно оценивать реальные данные.

кого рода автономия покоренных народов обнаруживается, как мы увидим в следующей главе, и в других сложных государственных образованиях варваров этой эпохи.

Это не говорит о том, что отдельные индивидуумы и даже группы не могли получить более высокий социальный статус среди готов. Необходимость набирать мужчин на военную службу вполне могла привести к образованию равноправных союзов — вроде тех, которые были заключены между готами, гуннами и аланами на территории Римской империи в 377 году. Также возможно, что некоторые из местных племен смогли получить средний статус воинов низшего ранга (вольноотпущенных?), то есть тех, которым разрешалось сражаться и которые обладали значительным преимуществом по сравнению с рабами, хотя в то же время зависели от того или иного свободного человека. Однако в целом, поскольку идентичность была связана со статусом, интеграция не могла быть автоматической.

В этом свете события 376 года выглядят немного иначе. Принятие решений в стане тервингов не могло обходиться без участия свободных людей, поскольку сторонникам тех или иных политических мер и стратегий нужно было получить их поддержку. Эвакуация, скорее всего, затронула как вольных, так и вольноотпущенных, поскольку эти социальные классы составляли военную силу племени и воины низшего ранга часто встречаются в других переселяющихся готских племенах[1]. Но даже в этом случае, на мой взгляд, множество местных народов оставалось на периферии, не участвуя ни в принятии решения, ни в его осуществлении, и, похоже, на то же косвенно указывают письменные и археологические свидетельства. В одном историческом источнике упоминаются карпо-даки, жившие к северу от Дуная после 376 года, когда тервинги, контролировавшие Карпатский регион, уже покинули его. Нет никаких

[1] Различные классы воинов не упоминаются в Адрианопольской кампании, но они есть в источниках, повествующих о войсках Радагайса в 405 году (*Олимпиодор Фиванский*. История. Фр. 9) и Теодориха, короля остготов из рода Амалов (см. главу 5), а также в более позднем визиготском праве. Также в «Истории Августов» представлены яркие рассказы о перемещении групп готов вместе с семьями и рабами, которые могут быть основаны на событиях IV века (История Августов: Клавдий Готский. 6.6, 8.2, ср. с тем, что упоминалось ранее). Я подозреваю, что, оказавшись в непростом положении на берегах Дуная, тервинги отдавали людей с низшим социальным статусом в рабство римлянам в обмен на еду: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.4.11.

признаков того, что черняховские поселения и кладбища после ухода готов пришли в упадок[1]. Я лично считаю, что сложный социально-политический мир тервингов состоял из доминирующей германоязычной элиты (готов), большинство из которых могли проследить своих предков вплоть до первых иммигрантов, пришедших в их нынешние земли в III веке, к которым примыкали зависимые от них вольноотпущенные и рабы разного происхождения. Бок о бок с этим миром «настоящих готов» сосуществовали различные сообщества потомков народов, изначально населявших этот регион. Они, разумеется, покорились готам, возможно, выплачивали налоги и подати, но в целом оставались вполне автономными и, следовательно, вряд ли участвовали в эвакуации 376 года.

Воссозданная нами картина жизни союза тервингов — в особенности военные, политические и культурные возможности, позволявшие ему оставаться относительно независимым перед Римом, — в целом согласуется с гипотезой о том, что политические лидеры («короли», добивающиеся одобрения своих действий у свободных воинов и, возможно, в меньшей степени вольноотпущенных) вполне могли принимать самые важные решения, на что и указывает Аммиан. Учитывая приведенные им подробности и тот факт, что в его описании этого процесса нет ничего неправдоподобного, сообщению Аммиана в широком смысле следует верить. У нас нет весомых причин сомневаться в нем, если не считать таковыми бездоказательные предположения о том, что в германском мире групповая идентичность была весьма слабой, которые отчасти основаны на одностороннем восприятии недавних дебатов о групповой идентичности. Однако более широкий круг свидетельств в целом указывает на то, что высшие представители власти в обществе тервингов разделяли сильное чувство как минимум политической идентичности, что и делает рассказ Аммиана о том, как принималось решение об эвакуации, вполне убедительным.

Тем не менее даже краткий экскурс в дисциплину, изучающую миграцию, заставляет нас задать более точные вопросы, если мы хотим получить глубокое представление об этом процессе. Во-первых, почему тервинги и грейтунги в 376 году в ответ на кризис, созданный гуннами, приняли решение покинуть эти края и, во-

[1] О карпо-даках: Зосим. Новая история. 4.34.6. О черняховских поселениях см.: Kazanski (1991).

вторых, почему они двинулись к Римской империи? Аммиан не сообщает нам никаких подробностей об этом, поэтому мы не узнаем, что именно обсуждалось во время совета, проводившегося на севере от Дуная. Однако сведения, которые мы можем получить из работ, посвященных изучению миграции, об общих факторах, играющих важную роль в принятии решения перебраться на новое место, заставляют нас сделать несколько важных замечаний.

Тот факт, что тервинги отреагировали на кризис таким образом, сам по себе не удивителен. Мы знали, что доминирующий политический класс преимущественно состоял из потомков германоязычных мигрантов, которые только в III веке подчинили себе Причерноморский регион. Компаративные исследования феномена миграции неоднократно показывали, что склонность к смене места жительства превращается в своего рода привычку мигрирующих групп. Как уже отмечалось ранее, старшее поколение, переселившееся на новое место, вполне способно передать своим потомкам уверенность в том, что при необходимости всегда можно двинуться дальше в поисках лучших условий. И конфликты, с римской точки зрения ассоциируемые с III веком, продолжались за пределами империи и в IV. Только после 300 года тервинги полностью подчинили себе территории за Карпатскими горами и Дунаем, которые до этого находились под властью племен карпов. Несколько таковых переселились к югу от Дуная, к римлянам, между 290 и 310 годами, и это позволило тервингам прочно обосноваться в регионе. Однако вплоть до 330-х годов они по-прежнему оставались мобильными. В 332 году готы двинулись к западу от Карпат, в соседние земли сарматов, но военная мощь Рима вынудила их вернуться в регион нижнего течения Дуная. Некоторые из участников событий начала 330-х годов вполне могли дожить до 376 года, так что среди элиты тервингов, вероятно, сохранилось традиционное представление о том, что самые серьезные проблемы вполне можно решить миграцией[1].

Еще одна нередкая тема в исследованиях миграции — наличие активного информационного поля — также сыграла важную роль в решении искать новые земли для племени именно в империи, а не где-либо еще. Тервинги, разумеется, многое знали о своем могущественном соседе; они были клиентами Рима,

[1] О карпах см. главу 3. О перемещениях сарматов см.: *Аноним Валезия*. Извлечения. 6.31.

сохранявшими определенную автономию, с 20-х годов IV века. Наверное, это повлияло на их выбор места назначения, раз уж они решили, что нужно убираться из этого региона[1]. Однако преимущества, которые они получали в этом случае, следовало обдумать. По видимости, готы предстали перед империей в роли беженцев, предлагая свои услуги в военной сфере в обмен на предоставление им укрытия. Однако у Рима существовала вполне определенная политика по приему потенциальных иммигрантов, и об этом тервинги, опять-таки, были прекрасно осведомлены. Они собственными глазами наблюдали переселение карпов на рубеже III и IV веков и последующую миграцию сарматов в 330-х годах. Условия Рима не обязательно были суровыми — они могли варьироваться от очень неприятных до довольно щедрых, — но все переселения происходили в контексте явного военного превосходства империи. Однако это условие, ранее обязательное, так и не применилось в 376 году. Когда тервинги попросили убежища, император Валент был занят серьезным и сложным конфликтом с Персией, который он сам же и развязал, и основные военные силы были собраны на востоке.

Эти обстоятельства делают мотивы обеих сторон (Рима и готов) пойти на соглашение еще более сложными и непонятными. Многие источники недвусмысленно заявляют, что Валент был даже обрадован появлением германцев на Дунае, рассматривая их как готовый источник рекрутов для своей армии. Однако ключевой чертой римской имперской пропаганды оставалась нетерпимость к тому, чтобы варвары диктовали императору свои условия. Возможно, радость императора по этому случаю как раз и являлась частью пропаганды. Только полный дурак радовался бы нарушению политической стабильности в одном из крупнейших приграничных регионов, когда у него уже есть серьезный конфликт в другом, а Валент, несмотря на свои недостатки, дураком не был[2]. И в самом деле, по весьма

[1] О готах IV века см. главу 2. Точка зрения про информационное поле также применима к меньшинству сторонников Атанариха, которые перебрались в земли сарматов. Такой же переход пытались организовать тервинги в 332 году, однако были обескуражены сопротивлением Рима (см. предыдущий комментарий).

[2] Ноэл Ленски (Noel Lenski (2002), 182 и далее, 325–326) считает, что причина агрессии Валента в Персии — приход готов и расчет на новых рекрутов, которых они могли ему предоставить. Этот аргумент кажется мне неубедительным, и я твердо уверен, что из-за готского кризиса у Валента было очень мало пространства для маневров; см.: Heather (1991), 128 и далее.

осторожной политике, которую проводил император, становится ясно, что чувства его по этому поводу были совсем иными. Вместо того чтобы впустить на территорию империи всех готов, попросивших об убежище, он дал разрешение на переправу только тервингам Алавива и Фритигерна, собрав все доступные войска близ Балканского полуострова, чтобы сдерживать грейтунгов под предводительством Алатея и Сафракса. Император знал, что у него недостаточно сил для того, чтобы прогнать от границ всех готов, и выбрал лучший вариант из всех возможных в сложной ситуации[1].

Что до тервингов, можно смело предположить, что они были прекрасно осведомлены о затруднительном положении Валента. Приграничные клиенты Рима хорошо понимали, что означает внезапное перемещение легионов от Дуная к реке Евфрат, — подготовка войск к войне с Персией. Одной из других особенностей приграничной зоны была скорость распространения информации, которая просачивалась как вода сквозь решето. Аммиан рассказывает одну знаменитую историю об алеманнах, которые первыми в 376 году заподозрили, что дальше к востоку от Дуная назревает конфликт — поскольку началось перемещение войск, стоявших близ их границ. Затем их подозрения подтвердил римский стражник алеманнского происхождения, который вышел в отставку и вернулся домой[2]. Но даже если кажется маловероятным предположение о том, что тервинги предугадали реакцию Валента с самого начала, есть два признака того, что у них были довольно смелые замыслы и они не планировали полностью покориться Риму, что являлось обязательным требованием со стороны империи по отношению к иммигрантам. По словам Аммиана, сперва готы попросили «часть Фракии» — не только потому, что там можно было не опасаться гуннов, но и из-за плодородной почвы. Как правило, иммигрантов разделяли на небольшие группы и направляли в выбранные Римом территории. У тервингов же, как мы видим, была более активная позиция.

[1] Куликовски (Kulikowski (2007), 123 и далее) заявляет, что тервинги и грейтунги подошли к Дунаю и потребовали убежища, но на разных условиях, поэтому Валенту пришлось принимать по каждому случаю независимое решение; этому, однако, противоречат свидетельства Аммиана Марцеллина (*Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.4.12—13, 31.5.2—3).

[2] *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.10; ср. с более общим исследованием, посвященным вопросам границы: Whittaker (1994).

Чтобы верно оценить это, необходимо учитывать общие закономерности экономического развития, действующие в самой империи и близ ее границ. Готы и другие германские мигранты III века переселились в Причерноморский регион, поскольку он являлся частью более развитой внутренней периферии Римской империи, где было много экономических преимуществ. И пока мигранты наслаждались новыми источниками благ цивилизации, Римская империя шла к более высокому уровню развития, предоставлявшему еще больше экономических излишков. Это богатство росло прямо перед глазами племен, обитавших в приграничных регионах империи, — в виде городов, укреплений, армий, даже вилл, которые, как мы видели, нередко привлекали к себе налетчиков. Сообщение Аммиана о мотивах готов — о том, что богатство Рима также повлияло на их расчеты, — отнюдь не лишено смысла и к тому же перекликается с данными о современных случаях миграции, в которых дело редко обходится без причин экономического характера, даже если иммигранты преимущественно пускаются в путь по политическим причинам и не по доброй воле. Это, разумеется, также означает, что в 376 году готы вовсе не были беженцами в привычном понимании этого слова, поскольку желание получить долю богатства Рима неминуемо должно было привести к длительному конфликту с империей, пусть даже Валент в тот момент был слишком занят войной с Персией, чтобы спорить с ними.

Второй признак того, что предводители тервингов лелеяли более честолюбивые планы и были прекрасно осведомлены о возможных последствиях, проистекает из их реакции на решение Валента впустить их, но не грейтунгов. Вместо того чтобы порадоваться своей удаче, они продолжили, как сообщает Аммиан, поддерживать связь с грейтунгами — с расчетом на возможные совместные действия в дальнейшем[1]. Это говорит о том, что вожди тервингов уже разработали более смелый план, в котором им могла понадобиться помощь второй группы, оставшейся в приграничной зоне. Что же до их устремлений... о них нам остается только гадать. Однако элита тервингов напрямую происходила от мигрантов III века, наблюдавших вынужденный уход римлян из их старой провинции в трансильванской

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.5.3—4. Возможно, это была римская паранойя, но мне так не кажется.

Дакии. Это памятное обстоятельство, извлеченное из долгосрочного информационного поля вкупе с их собственным опытом пребывания в роли клиента Римского государства, вполне могло породить надежды на успех смелого предприятия и заставить тервингов летом 376 года обратить ищущий взор в сторону империи. Возможно, они представились беженцами в надежде, что в конечном итоге римляне точно так же уйдут из Фракии, оставив им плодородные земли, в которых уровень экономического развития был в целом выше, чем даже в приграничном регионе.

Поэтому неудивительно, что переговоры так затянулись. Переселение на территорию Римского государства, особенно если в ваши честолюбивые намерения отнюдь не входила полная покорность, было весьма опасным маневром. Армия Валента, возможно, и была в 376 году сосредоточена в другом месте, однако это она ушла не навсегда, а тервинги из первых рук знали о ее мощи — в 330-х годах Рим вынудил их покинуть соседние земли сарматов. Изредка их собственные отряды входили в римские войска, да и в 360-х годах единственным способом для готов избежать разгромного поражения стало бегство с поля боя. Все это еще раз подчеркивает, что их план обрести убежище в империи, несмотря на ее явные экономические преимущества, мог сработать только в том случае, если бы мигрантам удалось собрать серьезную военную силу. Без собственной армии у них не было ни малейшей надежды преодолеть военное сопротивление Рима, которое, разумеется, со временем бы началось. Мощь империи, таким образом, стала одной из основных причин, по которым миграционная группа приняла именно такой вид, и это полностью согласуется с другим ключевым положением компаративного изучения миграции.

Существующие политические структуры всегда являются ключевым детерминантом природы миграционной активности. Из-за сравнительно низкого экономического развития германских племен IV века их правители могли содержать профессиональное войско численностью всего лишь в несколько сотен человек. Силы такого масштаба не могли противостоять императору Рима, у которого имелась многотысячная армия, готовая в любой момент силой добиться выполнения «нормальных» правил иммиграции. Лучшее, на что могло надеяться небольшое войско переселенцев, — это возможность превратиться в

запасной отряд римской армии, и некоторые из воинских объединений шли именно по этому пути[1]. Но для того чтобы у германских переселенцев в 376 году появилась надежда реализовать свой смелый план, вождям тервингов необходимо было вовлечь куда более широкий военный контингент готского общества — свободных граждан и зависимых от них вольноотпущенных, если мое определение двух больших групп населения, имевших воинский статус, верно. Впрочем, точные терминологические обозначения не так уж важны. Самое главное — им требовалось множество воинов, и так же, как и в III веке, это означало, что набирать войско необходимо было не только из специализированных отрядов.

В результате (и опять-таки, как и в III веке) участие в переселении женщин и детей было вполне логичным — они были семьями воинов. Готы 376 года, как и иммигранты из Польши к Черному морю в III столетии, не собирались возвращаться, поэтому вариант «оставить семьи дома, мало ли что» не мог даже рассматриваться. Семьи, оставшиеся без защиты, были бы слишком уязвимы перед рыщущими по стране гуннами. И, как уже отмечалось, в женщинах, как и в мужчинах, глубоко укоренилась привычка мигрировать — по памяти их не столь далеких предков. Текущий уровень экономического развития германцев не позволял правителям содержать достаточное количество профессиональных солдат, чтобы бросить вызов Римскому государству без участия более широких народных масс.

Таким образом, при пристальном рассмотрении переселение тервингов в 376 году уже не похоже на старую гипотезу завоевания в действии, как это могло показаться вначале. Намерение переселиться в империю раскололо союз, и, учитывая путь его исторического развития в III веке, который привел к установлению господства готов в той части Причерноморского региона, решение о миграции, принятое германоязычной элитой, вовсе не опустошило бы эти земли. Как мы видели, в их обществе существовала вполне развитая система социальной стратификации, насчитывающая, по всей вероятности, четыре социальных слоя: свободные, вольноотпущенные, рабы, приписанные к домам готов, и, возможно, по большей части

[1] Например, готы под руководством Свериды и Колии (*Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.6.1); возможно, также алеманны под предводительством Гортария (*Аммиан Марцеллин.* Деяния. 29.4.7).

независимые народы, платящие им дань. Правители и их приближенные и более широкий класс (свободных граждан?), составлявшие элиту, были доминирующей группой в этом сложном культурном мире, и большая часть населения вовсе не была настолько прочно связана имеющимися социально-политическими структурами, чтобы против своей воли присоединиться к миграционному потоку[1]. Но и у нас нет причин сомневаться в рассказе Аммиана о том, что элита тервингов насчитывала множество индивидуумов, несколько десятков тысяч. Это сообщение не просто убедительно само по себе и подтверждается другими источниками, оно и прекрасно соответствует принципам, лежащим в основе наблюдаемых закономерностей процесса человеческой миграции.

Это важное заключение, но есть здесь и более значимый момент. Учитывая количество подробностей, сообщаемых Аммианом Марцеллином, переселение готов 376 года является прецедентным случаем, наглядно показывающим, что могло происходить с другими германскими миграционными потоками в позднеримский период, о которых у нас меньше данных. Разумеется, нельзя сразу предположить, что все миграционные феномены этой эры принимали одну и ту же форму; многие из них имели иной характер. Однако если мы рассматриваем 376 год как первый раунд традиционного переселения народов (Völkerwanderung), то будет разумно предположить, что в тот период началась массовая миграция, предпринимаемая не единым «народом», но объединенными группами населения. И картина эта нарисована для нас современником тех событий, который явно не был рабом идеологической слепоты, связанной с переселяющимися варварами. Она великолепно укладывается как в общую историю готского мира, ставшего продуктом миграции в Причерноморье, так и в условия тогдашнего германского общества, в котором отмечался рост политической и военной силы. К захватническим потокам, превращавшимся из единичных и малочисленных отрядов в куда более серьезные войска, что было весьма характерным для III века, мы можем добавить теперь вторую форму хищнической мигра-

[1] Я подозреваю, хотя у меня и нет доказательств, что это справедливо по отношению к местным народностям, которые просто платили готам дань и в остальном были от них полностью независимы. Подобные взаимоотношения можно встретить между гуннами и подчиненными народами, см. главу 5.

ции (или, в случае с готами, отчасти хищнической) — большую, смешанную по составу группу. Это важное промежуточное заключение, о котором необходимо будет помнить при рассмотрении второй фазы падения границ Рима.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НАРОДОВ

Приблизительно через тридцать лет после того, как последствия вторжения гуннов нарушили спокойствие и целостность восточноевропейской границы Римской империи, то же самое произошло в регионах близ центральной ее части. И в отличие от 376 года, когда граница была пересечена крупным объединением племен всего один раз, второй кризис состоял из нескольких компонентов. Во-первых, в 405—406 годах германский вождь Радагайс привел крупную и, судя по всему, преимущественно готскую армию в Италию. Наши сведения обрывочны и неполны, однако эти захватчики пришли с запада, а не с востока от Карпатских гор, поскольку они перебрались в Италию по восточным маршрутам через Альпы, не проходя по Балканам. И в отличие от тервингов и грейтунгов Радагайс не потрудился попросить разрешения. Его вторжение было непредвиденным[1].

Во-вторых, приблизительно в то же время крупное, смешанное объединение варваров покинуло примерно тот же регион, в котором находились силы Радагайса, но двинулось на запад вдоль верхнего течения Дуная, а не последовало за войском на юг через Альпы. Эта группа состояла по большей части из вандалов, аланов и свевов, хотя в нее входили и меньшие народности. Вандалы (два отдельных племени — хасдинги и силинги) появились к западу от Карпатских гор близ римской провинции Реции (часть современной Швейцарии) уже в 401—402 годах. Ираноязычные аланы, изначально степные кочевники, заняли земли к востоку от реки Дон еще в 370-х годах. Установить идентичность свевов, однако, более проблематично. Этот термин появляется в римских источниках раннеримской эпохи, однако не встречается в текстах, принадлежащих к периоду примерно со 150 по 400 год. Скорее всего, им обознача-

[1] Полные сведения см.: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 934.

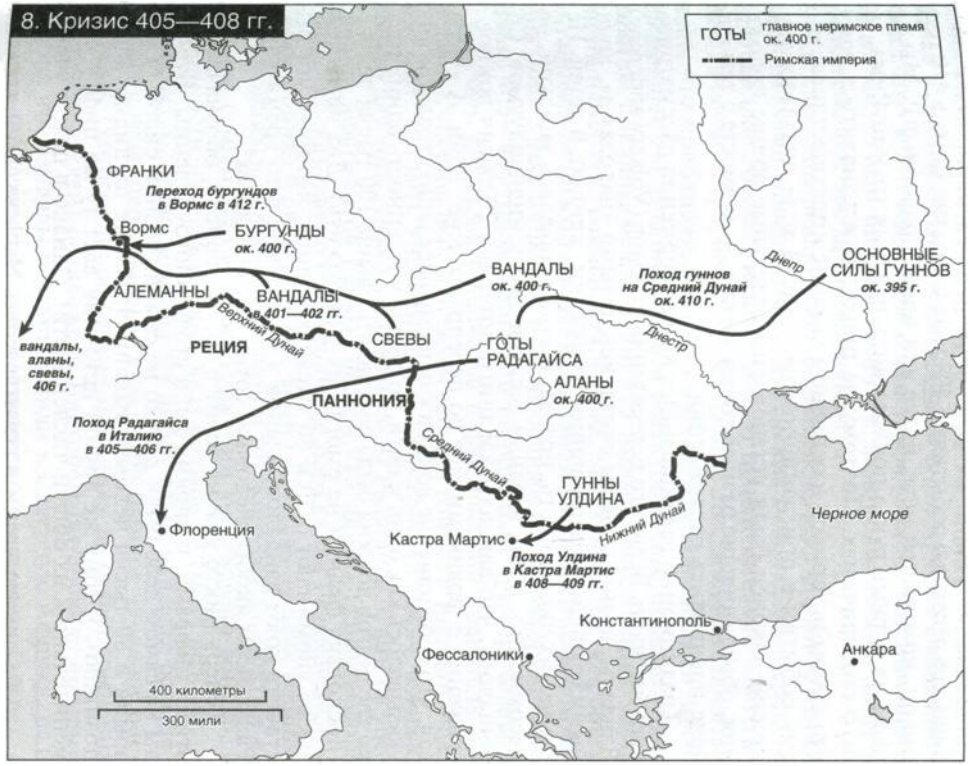
ются маркоманы и квады, составлявшие часть старого свевского союза и обитавшие в Среднедунайском регионе, опять-таки к западу от Карпат, с раннеримского периода. В V веке здесь появилось еще больше свевов, и, как обнаружил в 358 году Констанций II, у различных вождей этих народов был обычай создавать политические союзы между племенами. И в конечном итоге из этих разрозненных групп сформировался союз, который пересек границу в верхнем течении Рейна и вошел на территорию империи. Традиционно считается, что это произошло 31 декабря 406 года[1].

В-третьих, в то же время произошло еще два (пусть и менее ярких) вторжения. В 407—408 годах, вскоре после переправы через Рейн, войско гуннов и скиров под предводительством гуннского вождя Улдина проникло на территорию империи на востоке, в нижнем течении Дуная. Ранее бывший союзником Рима, Улдин обосновался в землях к северу от реки примерно в 400 году. Затем, в-четвертых, к 413 году бургунды прошли довольно значительное, пусть и меньшее расстояние к западу до Рейна. В III и IV веках их оплот находился близ Майна, к востоку от алеманнов. Примерно между 405—406 и 413 годами они обогнали своих прежних соседей и обосновались в приграничной зоне Рима или как минимум вблизи нее, на территории современных Вормса и Шпайера. В общем счете вандалы прошли примерно 150 километров от земель, которые занимали в IV веке (см. карту 8)[2].

Сохранившаяся информация об этих новых нарушениях границ Рима куда менее полная и внятная, нежели о первом (376—380), поскольку не хватает надежных исторических источников вроде труда Аммиана Марцеллина. Если бы «История» Олимпиодора, дипломата, служившего в Константинопо-

[1] О вандалах в Реции см.: *Клавдий Клавдиан*. О готской войне. 278—281, 363—365, 400—404, 414—429. Об идентичности свевов см. современную работу Гоффарта (Goffart (2006), 82—83), в которой автор использует наиболее обоснованный подход к маркоманам и квадам. Пересечение Рейна обычно датируется 31 декабря 406 года с опорой на «Хронику Проспера Аквитанского» (AP 379); о том, что хронист мог иметь в виду 31 декабря 405 года, см.: Kulikowski (2000a), 328—329. Против этого выступает Бирли (Birley (2005), 455—460), и в более поздней работе Куликовски уже не столь уверен в своей трактовке (Kulikowski (2007), 217, примеч. 37).

[2] Об Улдине см.: *Созомен*. Церковная история. 9.25.1—7; *Кодекс* Феодосия. 5.6.3. О бургундах см.: Demougeot (1979), 432, 491—493.

8. Кризис 405—408 гг.
ГОТЫ
главное неримское племя ок. 400 г.
Римская империя
ФРАНКИ
Переход бургундов в Вормс в 412 г.
Вормс
БУРГУНДЫ
ок. 400 г.
АЛЕМАННЫ
ВАНДАЛЫ
401—402 гг.
Верхний Дунай
РЕЦИЯ
СВЕВЫ
вандалы, аланы, свевы, 406 г.
ВАНДАЛЫ
ок. 400 г.
Поход гуннов на Средний Дунай ок. 410 г.
Днепр
ОСНОВНЫЕ СИЛЫ ГУННОВ
ок. 395 г.
Днестр
ГОТЫ РАДАГАЙСА
АЛАНЫ
ок. 400 г.
ПАННОНИЯ
Поход Радагайса в Италию в 405—406 гг.
Средний Дунай
ГУННЫ УЛДИНА
Черное море
Флоренция
Кастра Мартис
Нижний Дунай
Поход Улдина в Кастра Мартис в 408—409 гг.
Константинополь
Фессалоники
Анкара
400 километры
300 мили

ле, сохранилась полностью, мы бы, возможно, нашли в ней многие необходимые сведения, однако, к сожалению, у нас есть лишь его рассказ о событиях с 408 года до взятия Рима в 410 году (но он, по крайней мере, более или менее подробный)[1]. Мы узнаем из первых рук о последствиях падения границ Рима, но не о его причинах. Поэтому не приходится удивляться тому, что споры историков в основном касаются предшествовавших ему событий в приграничном регионе. В ходе недавних дискуссий наконец были установлены отдельные общие положения, объединившие разные точки зрения, — и вместе с тем еще ярче проявились расхождения.

Традиционно все описанные выше вторжения рассматривались как часть Великого переселения народов (Völkerwanderung). Вандалы, аланы и свевы считались целыми «народами», крупными группами, состоявшими из мужчин, женщин и детей. Истинная их численность, правда, всегда оставалась загадкой, но, несомненно, в них входили десятки тысяч индивидуумов. Сообщалось, что вандалы-хасдинги потеряли 20 тысяч воинов в сражении с франками еще до переправы через Рейн. А учитывая, что соотношение воинов к общему населению традиционно указывалось как один к пяти, то общая численность одних только хасдингов должна была составлять свыше 100 тысяч человек (поскольку франки не смогли их уничтожить). Два источника также упоминают о 70 и 80 тысячах воинов, которых мог выставить союз вандалов, аланов и бургундов, в то время как за Радагайсом якобы следовали сотни тысяч человек[2].

Теперь никто уже не верит в то, что войска, обозначаемые этими цифрами, и впрямь были столь многочисленны. Бургунды на самом деле были далеко не самой грозной силой (а ведь армия в 80 тысяч человек выдвинула бы их на лидирующую позицию), к тому же другой источник дает ту же цифру применительно к их общей численности[3]. Однако в целом ученые

[1] Об Олимпиодоре см. в первую очередь: Matthews (1970), также необходимо ознакомиться с положениями, изложенными в следующих работах: Blockley (1981), (1983).

[2] О потерях вандалов см.: *Григорий Турский.* История франков. 2.29. Соотношение 1:5 часто употребляется историками, см., например: Schmidt (1933), 286, 293. О численности вандалов и алеманнов см.: *Прокопий Кесарийский.* История войн. 3.5.18—19; *Виктор Витенский.* История гонений в Африканской провинции. 1.2. О количестве бургундов см.: 7.32.11.

[3] *Иероним Стридонский.* Хроника 2389 года (371 н. э.).

соглашаются с тем, что военная мощь этих племен должна была быть значительной; некоторые из них могли выставить по 10 с лишним тысяч человек, как и два крупных объединения готов в 376 году. Иначе масштабы ущерба, причиненного ими Риму, были бы необъяснимы, да и более точные цифры подтверждают это предположение.

Со стороны римлян кумулятивный эффект борьбы с этими захватчиками проявляется в армейских списках офицерского состава (*лат.* distributio numenorum) приблизительно 420 года. Как продемонстрировал А.Х.М. Джонс, этот документ показывает, что приблизительно восемьдесят полков (то есть почти 50 процентов) западноримской регулярной армии были уничтожены в период между 395 и 410 годами. Несомненно, часть войск полегла в гражданских войнах, на которых мы подробнее остановимся чуть позже, но в основном люди погибали в тяжелых боях с захватчиками, проникавшими на территорию Рима после 405—406 годов. Приведем конкретный пример. Флавий Стилихон, римский полководец и фактический правитель Западной империи, был вынужден собрать войско в тридцать полков (*лат.* numeri), насчитывавшее примерно 15 тысяч человек, только для того, чтобы атаковать силы Радагайса. Один из уцелевших фрагментов первых частей «Истории» Олимпиодора также рассказывает о том, что после поражения Радагайса Стилихон принял в ряды римской армии 12 тысяч лучших воинов, находившихся под командованием готского вождя, подтверждая тем самым, что в этом вторжении участвовало войско, в численности насчитывающее куда больше 10 тысяч человек — скорее всего, превосходящее эту цифру вдвое или даже больше[1].

Для союза, пересекшего Рейн, единственное числовое обозначение (которое по понятным причинам вызывает сомнения у исследователей) предложено Виктором Витенским, который пишет, что вандалы и аланы вошли в Северную Африку, разбившись на семьдесят групп примерно по тысяче человек в каждой (не воинов), и общая их численность составляла 70 ты-

[1] О «distributio» и их значении см.: Jones (1964), приложение III. Аргументация, применяемая Джонсом, не повлияла на Куликовски (Kulikowski (2000b), поскольку он в своей работе опирался на две датированные части «Списка должностей» (*лат.* «Notitia Dignitatum»): восточной армии (395) и западных подразделений (420). О тридцати полках (лат. numeri) см.: *Зосим.* Новая история. 5.26.4. О 12 тысячах последователей Радагайса см.: *Олимпиодор Фиванский.* История. Фр. 9.

сяч — только вот Виктор еще отмечает, что это была уловка, придуманная их предводителем, королем Гейзерихом, чтобы чужаки считали, что племя более крупное и сильное, чем на самом деле. Виктор был епископом в Северной Африке и писал свой труд спустя несколько десятилетий после того, как Гейзерих в 439 году захватил Карфаген, но он работал в основном для читателей своего региона, которым пришлось сосуществовать с вандалами и аланами. Следовательно, есть причины полагать, что он знал, о чем говорит, и потому должен был сообщать более-менее достоверные сведения. Полная численность вандалов и аланов, составлявшая чуть больше 50 тысяч человек (даже если сделать скидку на возможное преувеличение этой цифры), снова говорит о том, что армия их насчитывала больше 10 тысяч воинов. Вспомним и о том, что их переселению в Северную Африку предшествовали тяжелые потери в Испании. Когда племя переправилось через Рейн в 406 году, оно, скорее всего, было значительно крупнее, не в последнюю очередь потому, что часть его составляли свевы[1]. Простор для споров безграничен, однако описание действий и размера группы и указанные данные о римских войсках вполне соответствуют друг другу. По меньшей мере два племени могли выставить до 20 тысяч воинов, возможно, больше, и теперь этот факт, похоже, получил всеобщее признание[2].

Итак, переселяющиеся объединения варваров были крупными, однако природа их была не так проста, как предполагает традиционное описание их как «народов». Союз вандалов, аланов и свевов был новым, они не были одним народом, и то же верно для свевов как отдельной группы, а вандалы изначально состояли из двух отдельных подплемен — силингов и хасдингов. Силинги, хасдинги, аланы и свевы вышли в путь под предводительством своих собственных королей. Группа Радагайса, возможно, была сформирована примерно так же и недавно, хотя он, похоже, являлся единственным правителем, да и гунны и скиры, пришедшие в империю вместе с Улдином,

[1] *Виктор Витенский.* История гонений в Африканской провинции. 1.2. Я склонен придерживаться более оптимистичной точки зрения Виктора Витенского, а не Гоффарта (Goffart (1980), приложение А).

[2] Халсалл (Halsall (2007), 206), например, указывает, что у Радагайса были «крупные войска» и что Рейн пересекали «немалые силы». Только Дринкуотер (Drinkwater (2007), особенно с. 323—324) считает, что все события можно объяснить действиями боевых отрядов.

также были новым политическим образованием эпохи после 376 года[1].

Женщины и дети упоминаются недвусмысленно и регулярно, притом в различных источниках, и это заставляет предположить, что они действительно переселялись вместе с мужчинами. Жены и дети воинов Радагайса, которые в конечном счете присоединились к римской армии, стали, по сведениям источников, заложниками в ряде городов Италии. У нас нет никаких сведений о том, как аланы, вандалы и свевы переправлялись через Рейн, современные этому событию источники ничего не сообщают о нем. Но группа аланов, которая появилась в Галлии в первые годы V века, переселялась вместе с женщинами и детьми. И когда вандалы и аланы двинулись в Северную Африку в 429 году, они шли смешанной группой. Конечно, женами (а следовательно, и детьми) они могли обзавестись после 406 года, и некоторые, вероятно, так и сделали; но это маловероятное и слишком запутанное объяснение появления женщин и детей в таком количестве, особенно учитывая, что у нас есть точные данные о смешанном составе групп в других источниках, прежде всего в тех, которые связаны с событиями 376 года (теперь ученые в целом согласны с тем, что воины германцев и аланов могли переселяться вместе с семьями). Следовательно, скорее всего, женщины и дети присутствовали уже в 406 году. Источники расходятся во мнении, действительно ли все племя насчитывало 80 тысяч человек, или же это количество одних воинов, однако одно остается несомненным. Даже если эти группы не были древними «народами» в привычном понимании, все указывает на то, что мы должны рассматривать их как смешанные группы, состоящие из десятков тысяч человек[2].

[1] Зосим (Новая история. 5.26.3) утверждает, что Радагайс организовывал массовый сбор солдат перед нападением на Италию (хотя мне упорно кажется, что он мог спутать поход Радагайса и переход Рейна). В «Кодексе Феодосия» (5.6.3) указывается, что последователями Улдина были в основном гунны и скиры; это был новый альянс, возникший после 376 года.

[2] О последователях Радагайса: *Зосим*. Новая история. 5.35.5—6. Аланы в Галлии: *Павлин из Пеллы*. Евхаристик. 377—379. О вандалах и аланах в Северной Африке: *Виктор Витенский*. «История гонений в Африканской провинции. 1.2. О бургундах см. примечания 34 и 35, и не стоит забывать, что эта группа смогла сохранить свой восточногерманский диалект, несмотря на все передвижения: см. главу 3. Ни у кого не вызывают сомнений слова Аммиана Марцеллина о том, что в 376 году готы передвигались вместе с женщинами и детьми (*Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.3—4); следовательно, один из основополагающих принципов ведения военных дей-

Еще два положения завоевали всеобщее признание. Во-первых, несмотря на различные траекторин вторжения на территорню империи (Радагайс — через Италию, вандалы, аланы, свевы и бургунды — через Рейн в его верхнем течении, а Улдин — через Северные Балканы), эти группы следует рассматривать как племенное объединение. Поскольку, пусть они и двигались в разных направлениях, все они перед нападением находились непосредственно на Среднедунайской низменности или близ нее, в современной Венгрии, к западу от Карпат.

Во-вторых, вскоре после того, как они двинулись в путь, в Среднедунайском регионе появились первые многочисленные отряды гуннов. Раньше считалось, что нашествие гуннов (*нем.* Hunnensturm) пронеслось по землям к западу от Карпатских гор еще в 376 году. Однако это миение было основано на неверно истолкованных словах римского поэта Клавдия, который сообщает о нападении гуннов со стороны Кавказа, а не Дуная в 395 году (что противоречило имевшимся в свое время точкам зрения), и на неверном восприятии личности гуннского предводителя Улдина, участвовавшего в событиях 405—408 годов. Он был далеко не самой значительной фигурой, по масштабу завоеваний Улдин заметно уступает Аттиле. Следовательно, все указывает на то, что основные силы гуннов оставались к северу и востоку от Черного моря вплоть до 400 года, и вместе с тем самое позднее к 411—412 годам, а возможно, еще в 410 году многие из них обосновались к западу от Карпат[1]. Вместе эти общепризнанные положения определяют историческую проблему, представшую перед нами в вопросах, связанных с падением границ Рима в Центральной Европе в первое десятилетие V века. Все соглашаются с тем, что масштаб военных сил, участвовавших в процессе, очень велик, большинство согласны с тем, что женщины и дети шли вместе с мужчинами, что эпи-

ствий германцами и аланами можно считать доказанным. Против этого выступает только Дринкуотер (Drinkwater (1998), особенно с. 273). Его утверждение, что в дальних походах могли принимать участие только воины, не выдерживает никакой критики, ср.: Drinkwater (2007), 323—324.

[1] Оба этих аспекта, то есть среднедунайский эпицентр кризиса и последующее появление гуннов, впервые были указаны в моей работе (Heather (1995a) и сейчас признаются большинством историков: см., например: Goffart (2006), глава 5; Halsall (2007), 206 и далее. Один из основных моментов в сочинении Клавдия Клавдиана ошибочно связывают с гуннами на Дунае (*Клавдий Клавдиан.* Против Руфина. ii.26 и далее, особенно 36 и далее).

центром кризиса был Альфёльд и что гунны вскоре двинулись именно к этой низменности. Однако при этом причины вторжений по-прежнему остаются предметом жарких споров.

В 1995 году, установив, что основные варварские племена, вовлеченные в кризис 405—408 годов, пришли из Среднедунайского региона, а гунны впервые появились здесь в больших количествах вскоре после этого, я счел, что падение центральноевропейских границ Рима правильнее всего было бы рассматривать как повторение событий 376 года, только на сей раз происходивших к западу, а не к востоку от Карпат. Сходства в природе миграционных единиц и точная хронология продвижения гуннов в Европу заставляют меня предположить, что кризис 405—408 годов был вызван тем, что другие соседи-варвары Рима решили: лучше уж рискнуть и атаковать Римскую империю, нежели вступать в конфликт с гуннами, исход которого никто не мог предсказать. Точно такой же выбор сделали готы-тервинги и грейтунги в 376 году. Другими словами, Рим явно не был причиной кризиса — он был вызван прежде всего развитием варварских королевств[1].

Два сравнительно новых исследования, основанные на альтернативном подходе, возложили основную вину за кризис на римский мир, прежде всего его причиной сочли меняющуюся политику Рима по отношению к чужакам и в сочетании с последствиями разделения империи на Восточную и Западную. В своей работе «Полчища варваров» Уолтер Гоффарт считает возможным, что Константинополь, возможно, поощрял вторжение Радагайса в Италию, чтобы отвлечь Стилихона от намерения вернуть под свой контроль регионы Балканского полуострова (Иллирикума), которые традиционно принадлежали западу, но теперь вошли в состав Восточной империи. Однако в более общем плане он утверждает, что варвары стали по-другому воспринимать политику Рима и именно это обстоятельство, а вовсе не гунны стало основной причиной кризиса. С одной стороны, продолжительное пребывание на территории Римского государства готов, пересекших Дунай в 376 году и оставшихся полуавтономными политическими сообществами, сделало еще более смелыми и без того далекоидущие планы правителей варварских королевств. Другие приграничные племена стали полагать, что они тоже могут войти в экономически

[1] Heather (1995a).

более развитую империю, не теряя своей групповой идентичности и целостности. Ученый доказывает, что эта идея подкреплялась тем, что в то же самое время запад продолжал слабеть — или, по крайней мере, производил такое впечатление. Как реальная, так и кажущаяся слабость Рима проистекала из того, что после смерти императора Феодосия I в 395 году империя окончательно разделилась на две половины, каждой из которых управляли советники от имени двух несовершеннолетних наследников, Аркадия на востоке и Гонория на западе (где фактически правил Стилихон). Это дало приграничным племенам возможность воспользоваться разъединением империи, чтобы повысить свои шансы на выживание и даже обогащение на римской территории[1].

Схожая аргументация была предложена Гаем Халсаллом, который утверждает, что два узурпировавших власть императора Западной империи конца IV века, Магн Максим (383—387) и Евгений (392—394), убрали римские войска с северо-западной границы вдоль Рейна, чтобы использовать их для развязанных ими (и крайне неудачных) гражданских войн с восточным императором Феодосием. Потери запада в этих конфликтах были весьма значительными, в особенности в битве на реке Фригид в 394 году. После 395 года генералиссимус Стилихон, заполучив запад в свое распоряжение, вместо того чтобы исправить ситуацию к северу от римских Альп, продолжил разбираться со своими соперниками в Константинополе, надеясь захватить власть над всей империей. Соответственно, к началу V века сохранность границы по Рейну фактически зависела от доброй воли местных варварских королей — клиентов Западной империи, и это лишь один аспект серьезного ослабления контроля Рима над приграничными территориями. Оно также проявилось в закрытии монетного двора в Трире после свержения Евгения в 394 году и переносе столицы галльской префектуры из Трира на юг, в Арль. Халсалл считает, что это самоустранение империи сыграло в дальнейшем свою роль при возникновении кризиса 405—408 годов. Притоки монет в ряд городов римского северо-запада прекратились со времен Евгения, и

[1] Goffart (2006), глава 5, особенно с. 75—78 (гунны появились в Среднедунайском регионе сразу после кризиса); с. 78—80 (Радагайс); с. 94—95 (общий обзор того, как другие племена отреагировали на то, что готы смогли ступить на Римскую землю и при этом сохранить условную независимость).

Халсалл полагает, что это привело в конечном счете к уменьшению или даже прекращению обычных дипломатических субсидий, которые империя на протяжении веков выплачивала своим полуавтономным клиентам. Увидев в этом явную угрозу собственному положению, предводители вместе со своими последователями начиная с 405 года выдвигались на территорию Рима, чтобы захватить силой богатство, необходимое им для сохранения власти. Как Гоффарт, так и Халсалл считали, что именно внутренние перемены, происходившие в самой империи, подтолкнули варваров, обитавших в Среднедунайском регионе, проникнуть на ее территорию — а гунны просто заполнили образовавшийся в этих регионах политический вакуум[1].

Некоторые факторы, указанные в этих исследованиях, разумеется, сыграли немаловажную роль в развитии и итогах кризиса. Есть свидетельства того, что выгодные условия, дарованные тервингам и грейтунгам в 382 году, во многом изменили взгляды на ситуацию, в которой может оказаться племя, попросившее убежище в Риме. В конце IV века восстание в Малой Азии одного из союзных готских племен под командованием Трибигильда, похоже, изначально было спровоцировано недовольством по отношению к положению других варваров, находившихся на попечении Рима и получивших куда более выгодные условия проживания. Синезий Киренский уже в 399 году заявлял, что договор 382 года (в особенности его видоизмененная версия, ставшая результатом переговоров Алариха и Евтропия в 397 году) привел к тому, что как минимум одно племя чужаков попросило разрешения войти в империю на тех же условиях[2]. Разделение империи на Восточную и Западную не давало римлянам возможности адекватно отреагировать на новую угрозу. Начиная с осени 405 года Стилихон, действующий правитель запада, был, как мы видели, занят спорами с Константинополем за власть над Иллирикумом, даже угрожал войной. Поэтому у Запада не было ни единого шанса на поддержку Востока, когда пали их границы с Центральной Европой, — по крайней мере, до тех пор, пока летом 408 года Стилихон не потерял власть. После этого была получена незначительная военная и

[1] Halsall (2007), 195—212; ср.: Halsall (2005), особенно о тяжелых последствиях прекращения выплат.

[2] О Трибигильде см.: Heather (1988); *Синезий Киренский*. О царской власти. 19—21.

финансовая помощь, однако к тому времени варвары уже прочно обосновались на римской территории[1].

Но нет никаких доказательств того, что Константинополь поощрял нападение Радагайса на Италию, и разногласия между Западом и Востоком Рима помогают объяснить лишь последующее течение кризиса, в частности тот факт, что Константинополь не оказывал никакой помощи вплоть до 409 года, а вовсе не причины, по которым варвары изначально перешли границы. Изменения во взглядах варваров на империю также не являются достаточно весомым объяснением. Вандалы, аланы и свевы пересекли Рейн 31 декабря 406 года, несмотря на разгромные поражения, понесенные армией Радагайса прошлым летом. На это ушло немало времени, но в конечном итоге Стилихон собрал достаточно большое войско, чтобы выступить против захватчиков, и в результате римляне одержали безоговорочную победу. Как мы видели, сам Радагайс попал в плен и был казнен, несколько тысяч отборных воинов (если верить источникам, двенадцать) присоединились в качестве наемников к римской армии, а многие из их менее высокопоставленных и удачливых сослуживцев были проданы в рабство[2]. Становится ясно, что Западная Римская империя отнюдь не собиралась предлагать пришельцам договор вроде заключенного с готами в 382 году. Тот факт, что вандалы, аланы и свевы, несмотря на это, решили переправиться через Рейн, говорит о том, что свою роль сыграл еще какой-то фактор.

Как бы то ни было, я убежден, что предложенное Халсаллом объяснение о самоустранении Рима с северо-запада не дает адекватного ответа на поставленный нами вопрос. Во-первых, доказательства того, что такого рода эвакуация действительно имела место, не слишком убедительны, это аргумент, основанный на отсутствии информации, а не на ее наличии. Многие историки считают, что перенесение столицы галльской префектуры в Арль состоялось после 405 года, и рассматривают его не как причину, а как следствие вторжения варваров из-за Рейна[3]. Более того, на северо-западе осталось достаточно рим-

[1] Первой настоящей помощью с востока были 4 тысячи солдат, которые прибыли в Равенну в 409—410 годах: *Зосим.* Новая история. 6.8.

[2] О рабах см.: *Павел Орозий.* История против язычников. 7.37.13 и далее.

[3] Обычно Константин III или Флавий Констанций считаются ответственными за это перемещение, см.: Chastagnol (1973); ср.: Kulikowski (2000a). Халсалл (Halsall (2007), 209) выражает сомнения по этому вопросу, но не приводит никаких аргументов в поддержку своей точки зрения.

ских войск, чтобы другой узурпатор власти в Западной империи, Константин III, устроил бунт, который в начале 406 года привел его из Британии в Альпы и едва не помог добиться полной власти над западом в 409 году. К тому же, если прекращение дипломатических выплат действительно имело место (в чем мы опять-таки не можем быть уверены, это еще один аргумент, основанный на отсутствии реальных данных), то в этом случае возмутились (и вторглись в Рим) не те варвары. Как мы знаем, римские субсидии получали все крупные варварские племена и союзы в приграничном регионе — франки, алеманны, маркоманы, квады и сарматы. Вторжения 405—408 годов по большей части проходили без участия представителей этих народов. Свевы, жившие близ Рейна, вероятно, могли попасть в категорию недовольных, если другим их названием действительно было квады или маркоманы — однако все прочие пришли либо с востока, из территорий далеко за пределами дипломатических связей Западной Римской империи (готы Радагайса и аланы из союза, пришедшего к Рейну), либо из регионов за пределами территорий основных клиентов Рима (бургунды и оба племени вандалов). Прерванные выплаты субсидий повлияли бы прежде всего на франков и алеманнов, однако эти народы остались на своих местах[1].

Спор можно продолжать долго, однако есть еще одна серьезная проблема, связанная с предположением, будто ослабление власти империи в северо-западном регионе спровоцировало падение границ в 405—408 годах. Первое вторжение, нападение Радагайса (405—406), вообще не касалось северо-запада. Он повел войска через Альпы в Северную Италию, где уж точно не было даже намека на ослабление централизованной власти. Более того, уход легионов с северо-запада, вероятнее всего, лишь укрепил бы военную мощь Рима в Италии. Если перевод войск с северо-запада был основной причиной вторжений 405—408 годов, то почему тогда первая армия захватчиков двинулась не туда, а в совершенно ином направлении?

[1] О Константине III см.: *Зосим.* Новая история. 6.1, где отдельно упоминаются британские, галльские и испанские войска, которых оказалось достаточно для того, чтобы оттеснить вандалов, аланов и свевов в Испанию, благодаря чему узурпатор сумел подойти к самой границе империи: см.: Matthews (1975), 312 и далее. О роли выплат в римской дипломатии см.: Heather (2001).

На мой взгляд, можно узнать больше, если обратиться к идентичности варваров, участвовавших в кризисе. Доступных нам источников недостаточно для того, чтобы реконструировать полную картину событий IV века в Среднедунайском регионе, однако в общих чертах набросать ее можно: к северу и западу от изгиба реки — маркоманы и квады, по обоим берегам реки Тисы — племена сарматов (лимиганты и аргараганты). Дальше к северу обитали вандалы и другие германские племена, но они не принимали прямого участия в приграничных волнениях IV века[1]. Если сравнить такое расположение племен с ситуацией, сложившейся после появления здесь захватчиков в 405 году, станет ясно, что Среднедунайский регион столкнулся с масштабным политическим и демографическим потрясением *до того*, как племена стали пересекать границу Рима с Центральной Европой.

Вандалы впервые появились в поле зрения Стилихона за несколько лет до 405—408 годов, зимой 401/402 года, когда их присутствие стало угрожать мирной жизни Реции, своего рода Швейцарии, принадлежащей Риму. Этот регион не был их местом обитания в середине IV века, тогда они располагались в 600 километрах к северо-западу, в регионе северного течения Тисы и на севере Словакии, прямо у окраин Среднедунайской равнины и старой римской Дакии[2]. Их изначальное переселение к границам Реции (хотя по протяженности эта миграция несравнима с их дальнейшим перемещением в Испанию и Северную Африку) было важным шагом само по себе.

Тот факт, что союз под властью Радагайса, в который, вне всякого сомнения, входили и готы, проник в Италию с запада Карпатских гор, также подтверждает наши заключения. Одно или несколько из многочисленных готских племен, известных с IV века, предположительно присоединились к Радагайсу, сформировав среди его последователей свою коалицию. Так же поступили и аланы — исторические источники сообщают, что при переправе через Рейн они входили в состав более многочисленного и неоднородного войска как самое крупное его подразде-

[1] Относящиеся к теме источники — это, прежде всего: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 17.12—13; *Аноним Валезия.* Извлечения. 6.31—32. Современный обзор о вандалах в IV веке: Goffart (2006), 82—87. Гоффарт делает убедительный вывод о том, что, исходя из источников, они находились в Силезии и в верхнем течении Тисы.

[2] О вандалах в Реции см. примечание на с. 244; об их размещении в IV веке см. предыдущий комментарий.

ление. Другими словами, аланы оккупировали территорию к западу от Карпатских гор приблизительно в 405 году. Но опять-таки, в IV веке их здесь не было. Вплоть до 370 года западная граница их территорий проходила в 15 тысячах километров к востоку, вдоль части русла реки Дон[1]. Различные племена аланов (их политическая структура, похоже, включала в себя множество условно автономных объединений) начали двигаться на запад по следам отступающих тервингов и грейтунгов в середине 370-х годов. Одна группа, заключив союз с гуннами, присоединилась к готам на римской части Балканского полуострова осенью 377 года и даже сражалась с ними в битве при Адрианополе. Еще больший отряд аланов был встречен императором Грацианом на северо-западе Балканского полуострова летом 378 года, и многие из них вошли в его армию в 380 году[2]. Затем обстановка несколько разрядилась, по крайней мере если верить источникам, однако аланы, продвигающиеся на запад, сыграли важную роль в первых приграничных кризисах после 376 года, и продолжительность этого феномена объясняет, почему столько представителей этого народа оказались к западу от Карпат к 406 году. Это обстоятельство делает еще более важным тот факт, что смешанное войско Улдина, также пришедшее в Дакию из земель близ среднего течения Дуная, состояло из гуннов и скиров[3]. В IV веке всех этих народов здесь не было, они даже не появлялись на восточных границах Среднедунайского региона. Бургунды и свевы, если, конечно, последние и впрямь были маркоманами и квадами, уступали численностью всем остальным в начале кризиса 405—408 годов, в котором они действовали наравне с постоянными обитателями Среднедунайского региона и его окрестностей.

Перемещение населения в таких масштабах было совершенно нехарактерным для земель, не граничивших непосредствен-

[1] О готах в IV веке см., например: Heather (1991), глава 3. Об аланах см.: Goffart (2006), 89—90; *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.3.1, который указывает, что самая западная *группа* аланов называлась «людьми Дона», то есть танаитами.

[2] Об аланах в 377 году см.: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.8.4 и далее и Heather (1991), 144—145 и приложение B. О событиях 378 года см.: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.11.16. О призыве в римскую армию см.: *Зосим*. Новая история. 4.35.2.

[3] О групповой идентичности последователей Улдина можно судить исходя из следующих источников: *Созомен*. Церковная история. 9.25.1—7; Кодекс Феодосия. 5.6.3.

но с империей либо ближайшей периферией. Передвижения племен близ границы, как правило, жестко контролировались римлянами. Как мы видели в главе 3, когда члены всего одной группы сарматов, лимиганты, вернулись в 359 году в приграничный сектор Среднедунайского региона, из которого их изгнали всего год назад, Констанций II принял весьма решительные ответные меры, поскольку волнения близ границы имели обыкновенне рано или поздно переходить на территорию империи[1]. Но прибытие такого количества новых народов в Среднедунайский регион сразу перед кризисом 405—408 годов не идет ни в какое сравнение с теми переселениями, которые наблюдал Констанций пятьюдесятью годами ранее. Два крупных племени вандалов, многочисленные аланы, составлявшие по крайней мере часть войска, объединившегося под командованием Радагайса, гунны и скиры Улдина — все они были здесь чужаками. Волнения у границ Западной империи, происходившие в 405—408 годах, были результатом столь же значительного (если не более) кризиса за ее пределами. Там должно было происходить нечто очень серьезное, если все эти племена приняли решенне переселиться к западу от Карпат еще до того, как началось их продвижение по территории Рима, куда более подробно описанное в источниках.

Так что же произошло? Ни один из факторов, имеющих отношение к внутренним событиям в Римской империи, не может дать удовлетворительное объяснение такому скоплению вооруженных отрядов и зависимых от них людей в Среднедунайском регионе до 405—408 годов, хотя они, вне всякого сомнения, помогают нам понять, что произошло дальше — почему Запад не получал поддержки со стороны востока до 409—410 годов и почему нападавшим было выгоднее пойти через Галлию, а не вторгаться в Италию. В 1995 году я высказал мнение, что это знаменовало начало второй стадии продвижения гуннов в Европу, которая и привела к такому сосредоточению германских кланов к западу от Карпат, — и, на мой взгляд, это наиболее вероятное объяснеиие. На это намекает хронологическое соотношение между их продвижением к сердцу Европы и уходом наших захватчиков со Среднедунайской равнины, и, как мы увидим в следующей главе, миграционные пути самих гуннов

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 17.12—13 (о Констанции в 358 году). 19.11.1—3 (возвращение лимигантов в 359 году).

также говорят в пользу данного предположения. Во-первых, у гуннов были весомые причины перебраться в Центральную Европу, а значит, они вряд ли случайно обнаружили образовавшийся в том регионе политический вакуум, созданный уходом вандалов и других племен. Во-вторых, то, как гунны поступали с обитателями соседних территорий, вставших у них на пути, является достаточно весомой причиной для остальных сделать все, чтобы избежать прямого столкновения. Поэтому вторая волна миграции на запад началась одновременно с возобновлением захватнической активности гуннов от Черного моря до среднего течения Дуная, которая, по всей видимости, и имела место в начале V века и произвела эффект, который мы наблюдаем в событиях 405—408 годов, а именно заставила потенциальных противников и впоследствии подданных поспешно освободить новым захватчикам дорогу. Это не только самое простое объяснение скоплению иммигрантов к западу от Карпат, но и самое связное и логичное. Предложенные альтернативы не способны ответить на вопрос, что все эти племена вообще забыли в 405—408 годах к западу от Карпат.

Учитывая, что этот кризис, скорее всего, был повторением событий 376 года, только на сей раз к западу, а не к востоку от Карпатских гор, мы не должны удивляться тому, что источники предлагают схожие и довольно подробные описания миграционных процессов, имевших место в IV веке. У многих племен, участвовавших в этой второй волне переселения, была за плечами долгая история миграции, как и у готов, пришедших в империю во второй половине предыдущего столетия. Единственным исключением, похоже, были свевы (опять же, если предположить, что под этим термином и впрямь понимаются различные подгруппы маркоманов и квадов), которые оставались на своих землях вплоть до переправы через Рейн. Аланы, с другой стороны, всегда были кочевниками — но на них нужно остановиться подробнее. Кочевники, в отличие от привычных нам образов группы, наугад преодолевающей большие расстояния, на самом деле, как правило, совершают цикличные и продуманные передвижения между хорошо знакомыми им летними и зимними пастбищами. Это совершенно иной феномен, нежели географическая дислокация, которую мы наблюдали в конце IV — начале V века, когда целые семьи и народы проходили сотни километров, покидая свои дома навсегда. Как и в случае с готами в конце II века и III столетии,

присущая им мобильность, вызванная отсутствием прочной связи с теми или иными землями, основой сельскохозяйственной экономики, которую мы привыкли наблюдать в современном мире, также сыграла свою роль в осуществлении этих перемещений. И в любом случае различные племенные объединения аланов, участвовавшие в переправе через Рейн, появились близ Среднедунайской низменности, послужившей отправной точкой событий 406 года, преодолев долгий путь от земель к востоку от Дона, а следовательно, в их среде успели укорениться привычки именно мигрантов, а не кочевников[1].

То же самое применимо и к готам Радагайса. Они наверняка обладали тем же опытом, что и тервинги, и участвовали хотя бы в части их переходов, являясь одним из средоточий германской военной мощи, порожденной волной миграции на Черное море в III веке. Поскольку в IV веке готов к западу от Карпат не было, последователи Радагайса до обреченного на провал похода в Италию должны были совершить как минимум одно переселение — с Понта в Среднедунайский регион. Вандалы прошли не так далеко, как готы в III веке, но зато расширили сферу своего влияния по сравнению со временами Маркоманской войны, на юг от Северной и Центральной Польши к регионам бывшей римской Дакии в горах Трансильвании. Они, опять-таки, должны были до всех этих событий переселиться отсюда на запад, к предгорьям Альп, где их присутствие и было замечено в 402 году. Таким образом, во многом второй этап переселения народов касался групп населения с прочно укоренившейся привычкой к миграции, которые вполне могли отреагировать на серьезную угрозу или появление выгодных возможностей сменой своего местожительства.

Следовательно, мотивы, подтолкнувшие этих более поздних мигрантов к действию, вероятно, были схожими с теми, под влиянием которых пустились в путь готы в 376 году. Поскольку дата массового вторжения гуннов в Среднедунайский регион точно неизвестна, мы не можем установить, насколько серьезную угрозу они представляли для местных германцев. Пришлось ли им покидать свои дома в большей спешке, чем тервингам в 376 году? Ответа на этот вопрос нет, что, впрочем, не меняет того факта, что их мотивы были преимущественно по-

[1] О различиях между циклическими передвижениями, являющимися основой экономики кочевников, и «настоящей» миграцией см. главу 5.

литическими и мигрировали они не добровольно, а вынужденно. Они тоже искали новый и безопасный дом. Притока готов, аланов и вандалов на Среднедунайскую низменность и самого по себе, без возможного давления со стороны гуннов, хватило бы для того, чтобы создать там политические проблемы. Если возвращения сравнительно немногочисленного племенного объединения сарматов в приграничный регион в 359 году оказалось достаточно для того, чтобы дестабилизировать ситуацию, то массовый приток чужаков мог породить подлинный хаос.

Однако, как и в 376 году, это вовсе не исключает того, что иммигранты могли учитывать потенциальные экономические и прочие выгоды, которые они могли получить при грамотно организованном переселении на территорию империи. Если основным мотивом переселиться послужила возросшая угроза со стороны гуннов, то, как и в 376 году, знания о возможных преимуществах жизни в империи заставили будущих мигрантов выбрать конечной целью Рим. Следует сделать еще два наблюдения. Во-первых, найти новый дом за пределами империи было бы нелегко. Куда меньшая группа тервингов, которая предпочла уйти от Дуная в 376 году, вместо того чтобы добиваться разрешения перебраться на территорию Рима, в конечном итоге поселилась в Трансильванских горах или близ них. Однако, чтобы удержать эту территорию, им пришлось вытеснить уже обитавших там сарматов. Последние, в свою очередь, двинулись в империю[1]. Сходным образом по дороге к Рейну в 406 году вандалы, как мы видели, встретились в жестоком сражении с франками, в котором они, по утверждениям источников, потеряли 20 тысяч человек (невероятная цифра!) — естественно, такая битва надолго осталась в памяти. Германия вовсе не состояла из свободных плодородных земель, которые можно было занимать кому угодно когда угодно, и если варварам пришлось бы сражаться за любые новые территории, куда бы они ни направились, то в Риме, по крайней мере, уровень экономического развития (а значит, и жизни) был куда выше. И как и тервинги в 376 году, большинство мигрантов второй волны достаточно хорошо знали империю, чтобы отдавать себе отчет в потенциальных преимуществах такого выбора. Активное информационное поле, другими слова-

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.4.13. Я полагаю, что в следующих источниках идет речь о сарматах, которых победил Феодосий перед тем, как возвысился: *Феодорит Кирский.* Церковная история. 5.5; *Латинские* панегирики. 12 (2).12.9—10.

ми, вполне могло заставить наших мигрантов обратить свой взор именно на Рим, точно так же как в 376 году надежды на успех стратегии экономического хищничества подтолкнули готов к решению идти к Дунаю — наравне с вполне реальным страхом перед гуннами. Во-вторых, как мы уже видели, есть все причины полагать, что успех готов в 376 году и их положение полуавтономного субъекта на римской территории послужили дополнительным стимулом для племен, снявшихся с места в начале V века, выбрать пунктом назначения именно Римскую империю.

Однако вряд ли кто-то из этих иммигрантов питал надежды на то, что их желания заполучить свои земли на римской почве будут удовлетворены без яростного сопротивления. Если таковые даже имели место, то они быстро рассеялись благодаря судьбе, постигшей армию Радагайса. Учитывая тот факт, что их миграция была попыткой вынудить Римскую империю пойти на определенные уступки, каждому племени была необходима внушительная военная сила. Как и в 376 году, это означало, что необходимо было набирать отряды из свободных граждан (или представителей аналогичного класса среди аланов)[1]. По тем же причинам, что и в 376 году (а также на более поздних этапах германской экспансии в III веке и скандинавской — в IX), единственным возможным способом миграции оставался массовый переход — с участием десятков тысяч воинов, многие из которых брали с собой семьи. Тот факт, что иммигранты прекрасно представляли себе, какие опасности могли их подстерегать в затеянном походе, ярко проявляется в том, какого рода союзы они заключали, надеясь обеспечить успех задуманного предприятия. Пехотинцы скиры, которые были проданы в рабство как фермеры (*лат.* coloni) после того, как был разбит Улдин, вряд ли имели право выбора, а источники, касающиеся поражения Радагайса, не стоят того, чтобы их комментировать[2]. Но союз вандалов, аланов и свевов был совершенно новым объединением

[1] Кочевой характер экономики аланов позволяет сделать предположение, что ранее им была присуща социальная структура, отличная от сельскохозяйственных племен германцев, она была ближе к экономике вандалов или готов; такой вывод можно сделать из следующего источника: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.2.25.

[2] О скирах см.: *Кодекс* Феодосия. 5.6.3. Судьбы «лучших» последователей Радагайса, вступивших в ряды римской армии, резко отличаются от судеб большинства других, кто был продан в рабство. Это позволяет предположить, что у последних фактически не было выбора, сражаться или нет.

племен, которые в IV веке даже не соседствовали друг с другом. В тот момент он еще был недостаточно прочным, но даже такого рода объединение, скорее всего, потребовало долгих и напряженных переговоров. И похоже, не все были убеждены в правильности этого шага. Высказывались предположения, что множество вандалов-силингов осталось в своих землях, по крайней мере достаточно, чтобы дать этноним «Силезия», и, что куда убедительнее, что свевы по-прежнему обитали в Среднедунайском регионе, еще долго после того, как группа, мигрировавшая в 406 году, достигла северо-запада Испании.

Однако сопротивление империи было таким решительным и бескомпромиссным, что эти новые мигранты в конечном счете были вынуждены сменить стратегию. Улдин потерпел крах из-за дипломатии — посредники из Восточной империи сумели без боя переманить на свою сторону ключевых его сторонников. Им, скорее всего, предложили высокие посты в римской армии, в то время как многие из менее удачливых скиров были проданы в рабство в римские поместья. Судьба армии Радагайса была схожей. Некоторые из его сторонников, обладающие высоким статусом, сбежали с корабля и были приняты в римскую армию. Однако на сей раз масштаб был совсем другим. 12 тысяч «лучших» воинов Радагайса, принятых в армию Стилихона, возможно, с самого начала считали, что если они двинутся в путь в составе крупной группы, то в конечном счете смогут выторговать для себя лично более привлекательные условия при взаимодействии с римскими властями. Однако столь же вероятно, что смена сторон была крайним средством, к которому они прибегли в последний момент, осознав при приближении войска Стилихона, какая военная мощь им противостоит[1].

[1] О войске Улдина см.: *Созомен.* Церковная история. 9.25.1—7; *Кодекс* Феодосия. 5.6.3. Радагайс: *Олимпиодор Фиванский.* История. Фр. 9 (о «лучших»). Павел Орозий (История против язычников. 7.37.13 и далее) указывает также на большое количество простых солдат, которые попали в рабство. «Лучшие» (*лат.* optimates) в труде Олимпиодора иногда также переводятся как «знать», но считать, что в то время существовала знать в таких количествах, просто абсурдно, поэтому это слово может относиться только к группе профессиональных воинов; см. главу 2. Представители элиты — как среди племен, пересекавших Рейн, так и среди бургундов (хотя, конечно, никто не сталкивался с такими мощными и стремительными контратаками Рима, кроме Радагайса и Улдина) — не отделяли себя так резко от общей массы населения.

Как и при переправе через Дунай в 376 году, перемещение племен и племенных объединений, ассоциирующееся с падением центральноевропейских границ Рима, лишь частично подпадает под традиционное представление о переселении германских народов. Во время кризиса 405—408 годов действительно имело место пересечение римских границ крупными группами, смешанными по составу, двинувшимися в путь по причинам, которые скорее крылись во внешних факторах, нежели в происходящих в империи событиях. И даже если некоторые из этих групп были слишком хорошо организованы и не напоминали потоки беженцев, иногда встречаемые в современном мире, их действия нередко можно объяснить в терминах современных миграционных моделей. Не в последнюю очередь переселенцами двигал ряд негативных и позитивных мотивов, к тому же они испытывали огромное влияние со стороны существующих политических структур и информационных полей. Здесь нужно также учесть, что эти объединения были сложными политическими ассоциациями, а не народами в традиционном понимании этого слова. У некоторых племен и объединений, участвовавших в переселении, действительно была своя история. Вандалы-хасдинги, к примеру, участвовали в Маркоманской войне II века. Но, как и все германские племена позднеримского периода, за несколько столетий они подверглись серьезной трансформации, вызванной постоянным взаимодействием друг с другом и с Римским государством, а это означало, что в их обществе появился довольно широкий спектр социальных классов и прав. Эта внутригрупповая сложная система только усилилась, когда были созданы межгрупповые союзы и коалиции, вроде того, что образовался между двумя отдельными племенами вандалов, аланами и свевами, с целью повысить шансы на выживание на римской территории. Это добавляет нарисованной нами картине должный размах, новые политические связи, а в отдельных случаях и культурную неоднородность (как в случае с кочевыми ираноязычными аланами). Даже если у некоторых элементов этих союзов имелись прочные связи друг с другом, это не опровергает того факта, что в империю вторглись новые, импровизированные политические союзы, а не давно существующие неделимые народы.

Поэтому не следует удивляться тому, что римские власти сумели уничтожить некоторые из них, направив основной удар по слабым швам в наспех скрепленной материи — к примеру, они привлекли на свою сторону сторонников Радагайса и Улдена из

числа представителей элиты, даровав умеренно почетные ранги и посты при условии, что они перестанут подчиняться своему предводителю. Но внутренние разногласия, которые вполне естественно могли проявиться после создания еще пока непрочных союзов со сложной структурой, — это лишь часть истории. Другой поразительной чертой племен и объединений, сумевших пережить первые столкновения с Римом, была явная способность к повторению миграционного процесса.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

История всех крупных племен, пересекших границы империи, развивалась схожим образом. За их изначальным — и весьма нежелательным[1] — вторжением на римскую территорию последовали периоды вооруженной борьбы. Им пришлось вынудить империю признать: их не победить, им не навязать привычную для Рима политику по отношению к иммигрантам, построенную на полном подчинении и интеграции. Для тервингов и грейтунгов эта борьба продлилась около шести лет, пока переговоры о компромиссном мирном договоре с Римской империей не были завершены (оно само вступило в силу 3 октября 382 года). Тот факт, что империя пошла на уступки, объясняется лишь военной мощью готов, в особенности их победами над двумя римскими императорами (Валентом в битве при Адрианополе 9 августа 378 и Феодосием в Македонии летом 380 года). Другие, не столь многочисленные народы тех времен — таифалы, сарматы и отдельные племенные объединения готов, — не прошедшие проверку на прочность в боевых условиях, встретили куда более жесткое обращение, за их поражениями последовала полная утрата идентичности, а члены групп были проданы в рабство римским землевладельцам[2].

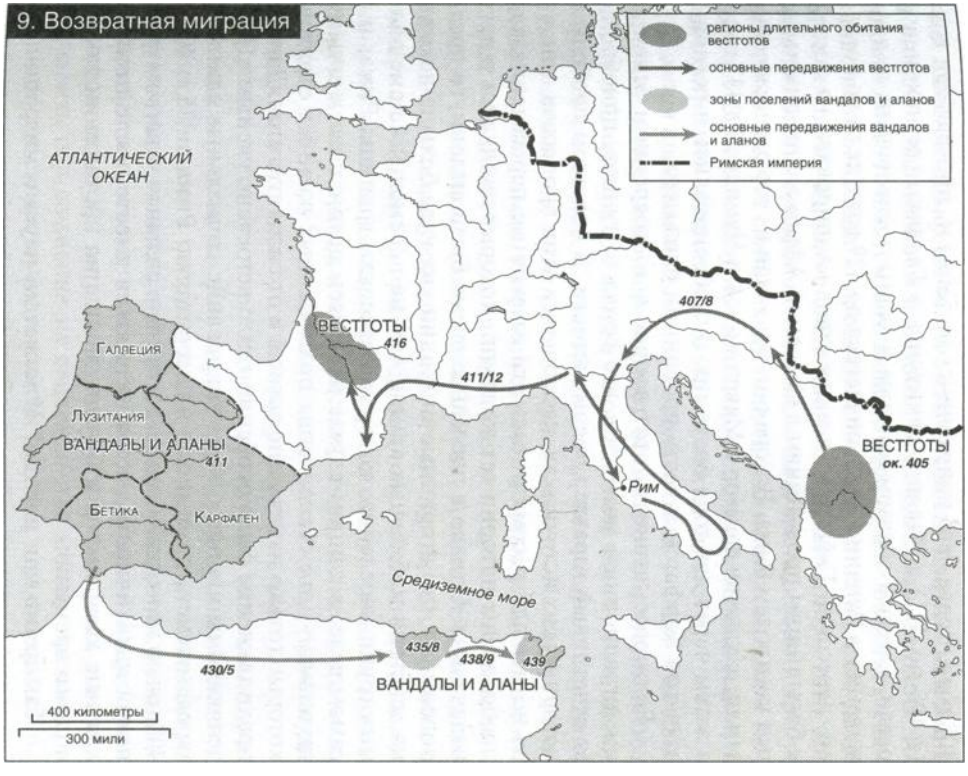
[1] Единственная группа, чей приход был санкционирован властями, — это тервинги, приглашенные Валентом в 376 году, но мне кажется, что у него просто не было выбора, см. ранее.

[2] Ср.: Heather (1991), глава 5 и приложение B. Я не верю, что император Грациан заключил с грейтунгами сепаратный мирный договор летом 380 года. Причины изменения римской политики именно по отношению к этим племенам готов легко объяснимы, см.: Stallknecht (1969). Куликовски (Kulikowski (2002) и Халсалл (Halsall (2007), 180 и далее) недавно пытались доказать, что ничего необычного в 382 году варварам не обещали, но этот случай пока еще не был подробно изучен (см. мою следующую работу).

История мигрантов, участвовавших в кризисе 405—408 годов, развивалась сходным образом. Прибыв без приглашения, они были вынуждены сражаться, чтобы заполучить новые земли. Некоторым не повезло. Многих последователей Улдина и Радагайса, как мы видели, ждала трагическая судьба — они были убиты или проданы в рабство, хотя отдельные представители этих групп сумели договориться с римскими властями. По крайней мере, изначально больше всего повезло вандалам, аланам и свевам. Учинив серьезные разрушения в Галлии, в 409 или 410 году они ворвались через Пиренеи в римскую Испанию, где перед ними открылись новые возможности. В 412 году, через шесть лет после прихода в империю, они разделили между собой часть ее провинций. Вандалы-силинги заняли Бетику, хасдинги — Галлецию, а аланы, будучи на тот момент самой крупной группой союза, заполучили более богатые территории Лузитании и Карфагеники (см. карту 9). Нет доказательств тому, что это разделение земель получило одобрение центральных римских властей, однако, судя по всему, оно представляло собой вполне упорядоченное использование экономических преимуществ региона, выходящее за пределы обычного грабежа[1]. Наличие временного промежутка между вторжением и последующим заселением определенной территории, что в 376 году, что в 406, совершенно оправданно. Большой поток вооруженных мигрантов, которых никто не ждал, не может сразу же прийти к согласию и миру с народами, уже населяющими соответствующий пункт назначения.

Однако нам нужен ответ на вопрос, почему через некоторое время после организации первых поселений (382 и 412 годы соответственно) обе волны иммигрантов снова двинулись в путь. Готы, обосновавшиеся на Балканах в 382 году, по традиционной версии, в 395 году подняли бунт под предводительством Алариха и провели большую часть следующих двух лет в странствиях по Греции в сопровождении семей и целого каравана с пожитками, а в результате добрались до Афин, прошли по Пелопоннесу и вернулись на север к Эпиру близ Адриатического

[1] Вполне может быть, что местные римские землевладельцы заключили договор с захватчиками, чтобы избежать неорганизованного и куда более разрушительного изъятия своего имущества. Ср. Идаций «Хроника» 41 (49): определенные группы захватчиков размещались в определенных провинциях, и возможно, что испанский консул вел переговоры от лица римской стороны.

9. Возвратная миграция
регионы длительного обитания вестготов
основные передвижения вестготов
зоны поселений вандалов и аланов
основные передвижения вандалов и аланов
Римская империя
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ВЕСТГОТЫ
416
407/8
411/12
Галлеция
Лузитания
ВАНДАЛЫ И АЛАНЫ
411
Бетика
Карфаген
ВЕСТГОТЫ
ок. 405
Рим
Средиземное море
435/8
438/9
439
430/5
ВАНДАЛЫ И АЛАНЫ
400 километры
300 мили

моря. После недолгого перерыва они вошли в Италию в 401—402 годах и вернулись на Балканы, где пробыли вплоть до 408 года, после чего направились на запад и, проведя три года (с 408 по 411) в Италии, двинулись в Галлию, где наконец и осели. Схожим образом вандалы и аланы после недолгого проживания в Испании, продлившегося до 429 года, сели на корабли, пересекли Гибралтар и в два этапа мигрировали на восток к богатейшим провинциям в Северной Африке, находившейся под контролем Рима. Вскоре они получили в свое распоряжение земли, заключив договор с Мавританией и Нумидией в 437 году, а затем через два года более прочно обосновались в регионе, захватив Карфаген и часть провинций близ него.

Если рассматривать этот вопрос в долгосрочном аспекте, иммиграционный мотив тех, кто бежал от гуннов, приобретает отчетливый характер прерывистости. В прошлом пробелы в исторических источниках, касающихся этих процессов, никогда не мешали рассматривать эти вторичные переселения как продолжение истории тех же групп, которые двинулись в путь изначально. Однако в последнее время было выдвинуто предположение, что вторичные миграции уже куда больше похожи на действия мобильных армий, чем на перемещение смешанных групп населения, которые пересекли границы Рима; и в самом деле, в данном случае мы имеем дело с совсем иными группами — это становление полноценных военных отрядов, которые только изначально зависели от сил мигрантов. Данное предположение было особенно тепло встречено учеными, разделяющими мнение о том, что древние социальные единицы (вроде племен, вторгшихся на территорию Рима в 376 и 405—408 годах) не могли обладать достаточно сильным чувством групповой идентичности, чтобы держаться вместе после неоднократных конфликтов и бунтов, да еще на протяжении такого долгого времени[1].

Так армии или народы? И может ли наука о миграции помочь нам раскрыть тайну возобновляемой мобильности вандалов, готов и других племен?

Тот факт, что по такому простому и очевидному вопросу могут существовать разногласия, сразу же говорит о том, что наши источники далеки от идеала. Однако они куда больше рассказывают о том, что происходило с готами после 382 года, по крайней

[1] См., например: Kulikowski (2002); Halsall (2007), главы 7—8.

мере в некоторые периоды, и предоставляют вполне надежные свидетельства. В случае с готами главный вопрос заключается в том, действительно ли те, кто взбунтовался против Аларих в 395 году, в дальнейшем действовали от лица всех или хотя бы большинства готов, поселившихся в этих землях в соответствии с договором 382 года. В прошлом это обстоятельство никогда не оспаривалось, однако в свете новых представлений о том, что идентичность варваров должна была быть нестабильной, требуется доказать, что связь между готами, заключившими мир с Римом в 382 году, и взбунтовавшимися последователями Алариха действительно существовала. Но возможно ли это?

Говоря простым языком, ответ только один — «нет». Ни один римский историк не перечисляет всех сил, собравшихся под властью Алариха в 395 году, и не описывает, как именно он набирал сторонников. С другой стороны, речь идет о середине 1-го тысячелетия, поэтому это неудивительно. Не следует требовать доказательств, которые невозможно отыскать, и ни в коем случае нельзя на основании их отсутствия отрицать вполне возможную вероятность того, что в 395 году Аларих действительно возглавил мятеж, причиной которого послужил договор готов с империей 382 года. Спор ведется не о том, действительно ли все готы, поселившиеся здесь согласно договору, приняли потом участие в восстании, а о том, действительно ли именно те готы, которые в 382 году заключили соглашение с Римом, примкнули теперь к Алариху (или хотя бы значительная их часть).

Прежде всего нужно оговорить, что лучшие источники указывают именно на это. Два наших самых ранних, наиболее надежных, живших в интересующий нас период и независимых римских исследователя готского мятежа, Клавдиан на западе и Синезий на востоке, описывают последователей Алариха как тех готов, что в 382 году заключили с Римом мирный договор. Поставить под сомнение их свидетельства можно только при наличии серьезных и убедительных причин, по которым люди, жившие и писавшие свои труды в разных частях империи, для разной аудитории и с разными целями, стали бы намеренно искажать истину. Таковых пока предложено не было[1]. Более

[1] *Клавдий Клавдиан*. Поллентская, или Гетская, война. 166 и далее, 610 и далее (датируется 402 годом); *Синезий Киренский*. О царской власти (датируется 399 годом) и Heather (1988). Ни Куликовски (Kulikowski (2002), ни Халсалл (Halsall (2007), 189—194) не объясняют причины, почему эти авторы якобы сознательно искажали имевшие место события.

того, это простое наблюдение — сильный аргумент само по себе — можно подкрепить. Свидетельства Синезия и Клавдиана в последнее время отвергались исследователями на основании отрывка из труда греческого историка Зосима, который сообщает, что Аларих затеял мятеж еще во времена кампании Евгения, поскольку Феодосий отдал под его командование только варварские отряды наемников, а римские войска. Из этого делался вывод, что его амбиции и как следствие восстание в 395 году не могли касаться готов, подписавших соглашение с Римом в 382 году. Здесь, однако, есть три серьезные проблемы.

Во-первых, то, что изначально было связным рассказом об Алариxе современника тех событий, историка Евнапия, у историка VI века Зосима превратилось в нечто невнятное. Отбросить свидетельства современников Клавдиана и Синезия из-за трех строчек, написанных Зосимом гораздо позже (притом что его видение событий является довольно спорным) без поиска причин, которые могли бы заставить их обоих исказить факты, нецелесообразно с точки зрения методологии[1]. Во-вторых, приписывая Алариху желание обрести реальное влияние и власть в Риме, мы неизбежно сталкиваемся с одной проблемой. Всего через четыре года после начала восстания один генерал варварского происхождения из Восточной империи, некий Гайнас, воспользовался представившейся возможностью и с помощью взбунтовавшихся готских наемников захватил власть в Константинополе. «Зосимовский» Аларих был бы аналогичной фигурой в истории, и это признают те, кто согласен с его точкой зрения, однако из наших двоих авторов-современников тех событий Синезий вполне подробно и верно повествует о Гай-

[1] *Зосим.* Новая история. 5.5.4. Предпочтение достаточно короткого, не современного событиям и путаного сочинения Зосима, а не более ранних источников (использование которых может привести к отличной от общепринятой трактовки событий, связанных с Аларихом) — явление далеко не редкое, см.: Liebeschuetz (1992); Kulikowski (2002); Halsall (2007), 191—194. Среди прочих проблем следует отметить, что Зосим объединил две кампании Стилихона против Алариха (395 и 397) в одну и в его работе отсутствует упоминание о целом десятилетии истории готов под властью Алариха, что стало результатом объединения его двух основных источников: трудов Евнапия и Олимпиодора (*Зосим.* Новая история. 5.26.1; см.: Heather (1991), 210). Следовательно, сказать, что Зосим имел слабое представление о жизненном пути Алариха, будет сильным преуменьшением.

насе (Клавдиан о нем даже не упоминает)[1]. Почему историк стал бы искажать факты об Аларихе, хотя, несмотря на явную враждебность к Гайнасу, историк подробно описывает его действия? В-третьих, мы можем не сомневаться в том, что с самого начала последователи Алариха превратились в грозную военную силу, войско численностью больше 10 тысяч воинов, раз уже в 395 году они смогли противостоять полностью экипированной римской армии. Если мы не согласимся с Клавдианом и Синезием в том, что в восстании участвовали те же самые готы, что поселились на территории империи после подписания договора, то будет необходимо ответить на вопрос: откуда Аларих взял стольких солдат? Это было бы нелегкой задачей, учитывая, что генерал Стилихон к этому времени управлял обеими армиями — и востока, и запада[2].

Второй аргумент довольно прост — в предположении, что готы 382 года сохранили достаточную преемственность политической идентичности за прошедший период, чтобы присоединиться к массовому восстанию, вовсе нет ничего невероятного. Речь идет всего лишь о тринадцати годах. За это время успело подрасти новое поколение, но многие взрослые, участвовавшие в событиях 382 года, к 395 году никуда не делись. И хотя нам, к сожалению, не хватает очень многих подробностей, одни из важнейших пунктов договора 382 года — это касается как поддерживающих эту идею, так и ее критикующих — наделял готов беспрецедентной автономией. Даже виновные в мятеже и смерти императора, они не были полностью разбиты и рассеяны по империи, почему, собственно, Фемистию, представителю и сторонника императора Феодосия, и пришлось проделать попотеть, добиваясь мира с Константи-

[1] Деяния Гайнаса достаточно подробно освещены, хоть и с определенной долей враждебности: *Синезий Киренский*. О провидении, ср.: Cameron и Long (1993).

[2] По-моему, именно поэтому Либешутц (Liebeschuetz (1992) ошибается, считая Алариха командиром одного-двух полков готов в 395 году. Халсалл (Halsall (2007), 192—193) пытается обойти эту проблему, отрицая возможность объединения с готами 382 года, но соглашаясь с тем, что вооруженные силы, поддерживающие Алариха, были велики и в основном состояли из готов и обитателей Балкан. То есть фактически он приходит к выводу, что именно Аларих возглавил мятеж готов в 382 году. Он противится этому заключению, поскольку не верит, что в 382 году был заключен мирный договор, который подтвердил автономию готов, но об этом см. следующее примечание.

нополем. Следовательно, вполне вероятно, что те же самые готы снова начали действовать сообща — через тринадцать лет[1].

Первый договор к тому же оставил нерешенными две крупные проблемы в готско-римских отношениях, и именно они сыграли решающую роль во время мятежа Алариха в 395 году. Во-первых, римляне не признали общего готского предводителя, заключая мирный договор 382 года. Это вполне согласовывалось с устоявшейся политикой империи по ограничению политического единства групп, которые они воспринимали как потенциальную угрозу — этот принцип они применили и к верховным правителям алеманнов в IV веке, как мы уже видели. Тем более тому способствовали изменения в племенных союзах самих тервингов и грейтунгов. И у тех, и у других решение переселиться на территорию империи сопровождалось политическими беспорядками в правящей верхушке и устранением уже установившихся вождей — либо погибавших в бою, либо отстраненных от власти в результате переворотов[2]. При подготовке к битве при Адрианополе Фритигерн пытался исправить ситуацию, и имеются свидетельства того, что борьба за власть продолжалась и после 382 года, сам Аларих тоже вынужден был сперва взять верх над соперниками, претендующими на главенство над всеми готами. Вполне возможно, что его позиция укрепилась только в 394—395 годах. Эта теория скорее соответствует искаженной версии рассказа Евнапия, которую записал Зосим, однако вполне возможно, что Аларих изначально действительно питал надежды на карьеру в римской армии. Однако в конечном итоге он предпочел остаться на стороне готов, и есть доказательство (пусть и косвенное) того, что ему пришлось убрать с до-

[1] *Фемистий*. Речи. 16.211. Существование готской автономии до и после 390 года, помимо Фемистия, подтверждается авторами, одни из которых одобряли действия Феодосия и заключенный им мир (например: Пакатом. Латинские панегирики. 12.(2).22.3—5 — здесь готы изображены как один из зарубежных народов, служащих Феодосию), другие — были настроены скорее враждебно (*Синезий Киренский*. О царской власти, см. примечания Heather (1988). Халсалл (Halsall (2007), 180—184) делает странное замечание о том, что у нас нет свидетельств, подтверждавших готскую автономию в 382 году. Можно предположить, что он недостаточно внимательно читал заключительные слова речи Фемистия, ср.: Kulikowski (2002).

[2] О римской политике по отношению к вождям см.: Heather (2001). Ни первые вожди (Атанарих, династия Эрманариха), ни их прямые преемники (Фритигерн, Алатей и Сафракс) не пережили событий 376—382 годов. Подробнее см.: Heather (1991), 188—192.

роги как минимум одного соперника, чтобы добиться цели. Дальнейшей карьере Алариха и его шурина и преемника Атаульфа угрожали частые вторжения римского генерала готского происхождения по имени Сар, поставившего себе цель срывать все мирные договоры, которые оба предводителя готов пытались заключить с Западной Римской империей (в ее армии и служил Сар). Что особенно интересно, брат Сара, Сергерик, в конечном итоге организовал мятеж, в котором был убит Атаульф и его семья, а сам стал — на некоторое время — правителем готов Алариха. Следовательно, Сар был родом из достаточно важной семьи, чтобы принять участие в борьбе за главенство над готами, и его постоянная враждебность к действующему правителю говорит о том, что приход к власти Алариха, возможно, и был причиной, вынудившей его уйти на службу к римлянам[1].

Популярность Алариха среди готов, более того, была тесно связана с политикой, которую он проводил в связи со вторым нерешенным вопросом мирного договора 382 года — военной обязанностью готов (сохранявших частичную автономию) по отношению к римской армии. Как уже отмечалось ранее, при заключении мирных договоров с чужеземцами нормальной практикой империи было включать такой пункт в договоры, чтобы набирать молодых мужчин в свои войска. Это вполне могло произойти и в 382 году, в результате чего в регулярной рим-

[1] Фритигерн: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.12.8—9; Heather (1991), 175—176, 179—180. Лучший пример борьбы за власть после 382 года — вражда между Фравиттой и Эриульфом. У обоих были свои сторонники — и разные взгляды на установление готско-римских отношений: см.: *Евнапий.* История. Фр. 59 и обзор этого же текста у Зосима (*Зосим.* Новая история. 4.56). Продолжение обзора: Heather (1991), 190—191. Тот факт, что Феодосий устроил празднество в честь готских вождей, подрывает концепцию Халсалла (Halsall (2007), 188—189) о том, что Аларих не мог быть предводителем готов в мятеже 382 года, поскольку у нас нет никаких доказательств того, что сохранилась их социально-политическая иерархия (Халсалл этот инцидент не анализирует). О Саре и Сергерике см.: Heather (1991), 197—198. Ни Куликовски (Kulikowski (2002), ни Халсалл (Halsall (2007) не утруждают себя рассказом о значимости этого эпизода. Однако, на мой взгляд, признание со стороны римлян Алариха предводителем готов имеет то же значение, что и наделение его высшим военным чином (чего Аларих периодически требовал у более сговорчивых представителей Рима — вероятно, с денежными подарками для своих сторонников). Однако отметьте, военный чин был для него лишь дополнительным бонусом, от которого он был готов отказаться, чтобы заключить договор, см.: Heather (1991), глава 6.

ской армии появились отряды готов. Однако, как это раньше произошло с тервингами к северу от Дуная в 332 году, по договору отдельно оговаривалось, что готы должны были поступать на военную службу не на регулярной основе, а по требованию собираться под командованием своих сородичей для участия в конкретных кампаниях. Представители тервингов четыре раза сражались на стороне Рима против Персии, между 332 и 360 годами, и император Восточной Римской империи Феодосий предъявил те же требования к готам Алариха, заручившись их поддержкой в двух гражданских войнах против западных узурпаторов, Максима и Евгения[1].

Есть убедительные доказательства того, что это требование вызывало серьезное недовольство готов. В каждой из кампаний против узурпаторов участие германцев так или иначе сопровождалось бунтами. Решение Феодосия во второй раз искать помощь готов вызвало ожесточенные споры между готскими предводителями о том, как ответить на это требование[2]. Судьба готских отрядов во второй экспедиции наглядно объясняет, почему этот вопрос был таким сложным. В битве на реке Фригид в сентябре 394 года они оказались на передовой в первый же

[1] Куликовски (Kulikowski (2002) — как после и Халсалл (Halsall (2007), 187—189) — считает, что готы не отправлялись на военную службу большими отрядами в годы между договором 382 года и мятежом Алариха в 395 году, но его построения требуют слишком много допущений, чтобы казаться убедительными. «Латинские панегирики» (12.(2)32.3—5) указывают на то, что готов массово брали на службу только для кампании против Максима (особенно тут интересно замечание Паката о том, что было бы слишком опасно их оставить). А вот Евнапий (*Евнапий.* История. Фр. 55) и Зосим (*Зосим.* Новая история. 4.45.3) отмечают попытки Максима подорвать верность готских рекрутов Риму, что опять же говорит о том, что ситуация с ними была не вполне обычной. Ряд источников отмечает участие большого числа готов в кампании против Евгения (*Зосим.* Новая история. 4.58; *Иоанн I Антиохийский.* Фр. 187; *Павел Орозий.* История против язычников. 7.37.19), да и Феодосий устроил пир для готских предводителей именно тогда, когда еще обдумывал ответ послам Евгения (*Зосим.* Новая история. 4.56). На мой взгляд, пир этот был, вероятно, первым шагом к тому, чтобы заручиться их поддержкой.

[2] О мятеже Максима см.: *Евнапий.* История. Фр. 55; *Зосим.* Новая история. 4.45.3, 48—49). Аларих, разумеется, возглавил мятеж после кампании против Евгения. Аргументы, которые приводят Куликовски (Kulikowski (2002) и Халсалл (Halsall (2007), 187—193), не затрагивают ни мятеж Максима, ни важности точной хронологии событий, касающихся пира.

день и понесли серьезные потери. Один римский историк, современник тех событий, отметил, что в той битве Феодосий дважды одержал победу — над узурпатором Евгением и над готами. Учитывая, что частичную автономию готов римляне терпели только потому, что не могли одержать над ними безоговорочную победу, существовала опасность, что подобного рода потери смогут изменить соотношение сил в пользу римлян и те изменят условия договора. Поэтому вряд ли следует удивляться тому, что, едва успев вернуться домой после кампании у реки Фригид, готы взбунтовались вместе с предводителем, которого вынудили переписать условия соглашения 382 года[1].

Многое из того, что нам хотелось бы знать о мирном договоре и готско-римских отношениях, которые он устанавливал, не подлежит реконструкции. Однако, как и в случае с большинством дипломатических соглашений, он, скорее всего, представлял собой компромиссный вариант, который предусматривал более позднее решение самых сложных проблем и разногласий. Тем не менее вполне справедливо будет предположить, что мятеж, поднятый Аларихом в 395 году, по природе своей был именно таким, каким его описывают два наших основных источника. Он был предводителем готов, которые в 382 году заключили с римлянами мирный договор, наделявший их достаточной автономией, чтобы они могли в дальнейшем воспротивиться изменению его условий и добиться своего коллективными действиями, а потери в битве при реке Фригид дали им серьезные причины для беспокойства и недовольства. Это промежуточное заключение в свою очередь ставит перед нами целый ряд вопросов. Почему восстание готов, начатое с целью добиться более выгодных условий, включало в себя дальнейшую миграцию? В конце концов, можно ведь бунтовать, не забирая семью и не снимаясь с места со всеми пожитками[2].

Отчасти это объясняется тем, что в их обществе имела место укоренившаяся привычка к миграции. Как показывает

[1] *Павел Орозий.* История против язычников. 7.35.19 (рассказ о потерях подтверждает Зосим (Новая история. 4.58). Ни Куликовски (Kulikowski (2002), ни Халсалл (Halsall (2007), 187–193) не рассматривают события, бывшие фоном для мятежа готов.

[2] В качестве иллюстраций из менее отдаленного прошлого можно вспомнить как успешный пример аналогичной дипломатической стратегии — Белфастское соглашение в Северной Ирландии, — так и неудачный — Соглашение в Осло по Среднему Востоку.

история, у этой группы и впрямь была тенденция решать проблемы переселением на новое место — они ведь были потомками тех готов, которые в III веке ушли из Польши на побережье Черного моря, а в начале IV — в Валахию, затем предприняли попытку мигрировать к западу от Карпат в 30-х годах IV века и в конечном итоге в 376 году переправились через Дунай. Они многое знали о практических сторонах массовой миграции на большие расстояния и уже не раз продемонстрировали свою готовность прибегнуть к этой стратегии для решения своих проблем. И разумеется, многие из тех, кто перешел Дунай в 376 году, были по-прежнему живы в 395 году. Однако даже племена с укоренившейся привычкой к миграции не снимались с места без очень серьезных причин, и перемещения готов Алариха после мятежа сыграли своеобразную роль в реализации стратегии, направленной на изменение неудовлетворительных условий договора 382 года.

Одним из их мотивов, разумеется, было разграбление римских поселений, встречавшихся им по пути. В 395 году Аларих стал новым предводителем готов и должен был обеспечить политическую поддержку своей власти. Привести последователей к новым богатствам — вот самый верный способ заручиться их поддержкой, и у нас нет причин полагать, что источники лгут, описывая медленное продвижение готов на юг, в Грецию и соседние земли, как продолжительный поход, целью которого были самые обычные грабежи[1]. Однако это лишь половина правды. Алариху нужно было вынудить Римскую империю принять поправки к заключенному в 392 году договору, которые изменили бы ситуацию в пользу готов. Нам мало что известно о процедуре переговоров, однако там, где источники все-таки сообщают некоторые подробности (как, например, в рассказе о втором походе Алариха на Италию между 408 и 410 годами), мы узнаем, что одним из ключевых положений было признание его главенства над своим народом, что, возможно, подразумевало, что он должен был получить какой-либо римский титул, а также экономическую помощь от империи и подходящую территорию для поселения. Под этим скрывалось желание добиться от римлян весьма нехарактерного для них признания того, что готы обладают правом существовать в империи на правах частично независимой единицы. В 382 году римские власти явно пытались их

[1] *Зосим.* Новая история. 5.5.5 и далее.

провести, судя по тому, что Фемистий защищал изменения, внесенные в мирный договор, в сенате в январе 383 года и завершил свою речь надеждой на то, что наступят времена, когда все признаки идентичности готов наконец исчезнут[1].

Все надежды готов и предпосылки для заключения долгосрочного и полноценного мирного договора приходилось с боем вырывать у Римской империи, которая на протяжении долгих веков наслаждалась сознанием своего военного превосходства и не признавала даже возможности сосуществования со сколько-нибудь независимой силой варваров на собственной территории. Вынудить ее пойти на уступки всегда было нелегко, как свидетельствуют сохранившиеся сведения о дипломатических переговорах. В период с 408 по 410 год Аларих неоднократно был готов осесть вместе со своим народом, однако каждый раз им мешала бескомпромиссность империи. Он продемонстрировал немалое терпение, сократив свои требования до минимума, а когда и они не пришлись Риму по вкусу, позволил своим войскам разграбить Рим. На сей раз у миграции была двойная цель — нанести как можно больший вред империи, чтобы вынудить ее пойти на уступки и заключить наконец соглашение, и отыскать подходящие территории, на которых можно было поселиться с надеждой на долгосрочное дипломатическое сотрудничество. Остановка готов в Греции в 395—397 годах была попыткой заставить Восточную империю наконец начать переговоры, и в конечном счете Алариху это удалось. В 397 году представители властей Константинополя, возглавляемые евнухом Евтропием, предложили ему приемлемые условия договора. Однако, пойдя на уступки, Евтропий утратил популярность среди императорской элиты, и это соглашение в конечном счете стало одной из причин его падения в 399 году. За этим последовала неоднократная смена режимов, каждый из которых имел одну общую черту — правители были твердо намерены не вести никаких переговоров с Аларихом, договор с которым тоже быстро упразднили[2]. Такое отношение Восточной империи стало причиной следующего миграционного проекта Алариха — первого вторжения готов в Италию в 401—402 годах. Миграция

[1] *Фемистий*. Речи. 16.211. c—d.

[2] Оказало ли это какой-либо практический эффект на положение Алариха в Иллирикуме в короткой перспективе, остается неясным, поскольку фактически он руководил войском; возможно, у него появилась возможность контроль над рычагами власти.

здесь использовалась для того, чтобы надавить на Западную Римскую империю и вынудить ее заключить с готами соглашение. Однако Стилихон оказал успешное сопротивление военным кампаниям Алариха, и готы, оказавшиеся меж двух огней, вернулись на Балканский полуостров ни с чем — обе половины империи отказались от переговоров.

Ситуация изменилась только после воздействия внешних факторов. Нависшая над империей угроза падения границы с Центральной Европой заставила генералиссимуса Стилихона отчаянно искать новые источники пополнения своей армии. Встретившись с вандалами в битве за Рецию зимой 401/402 года, он прекрасно понимал, что в Среднедунайском регионе назревает серьезная проблема и ситуация там сложилась крайне опасная. Это стало тем более очевидно, когда готы, вандалы, аланы и другие беженцы, спасаясь от гуннов, двинулись к западу от Карпат. Стилихон начал смотреть на готов Алариха как на возможных союзников[1]. Когда летом 408 года Стилихона в конце концов лишили должности (в основном из-за его неспособности справиться одновременно с вторжением варваров и узурпацией власти, которые с 405 года разрывали империю на части), Аларих уже практически заключил с ним договор и теперь направил свои войска обратно в Италию, чтобы получить то, что ему причиталось. Смятение, царившее тогда на римском Западе, говорило о том, что здесь у него больше шансов выторговать подходящие условия, чем на Востоке.

Готы пробыли в Италии три года и были очень близки к заключению договора — по крайней мере, по некоторым вопросам. Однако в конечном итоге бескомпромиссность империи и голод вынудили их уйти, и теперь, под предводительством уже шурина и преемника Алариха, Атаульфа, готы двинулись в Галлию, в надежде на благоприятное стечение обстоятельств для заключения долгосрочного союза и основания поселения. Там, наконец, между 416 и 418 годами наметились условия нового соглашения. Готам выделили процветающие, богатые земли для земледелия и поселения в долине Гаронны в Аквитании, которые были куда плодороднее, чем любой регион Балканского полуострова, но находились при этом гораздо дальше от политических центров Северной Италии, а их предводитель по-

[1] Более подробно эта ситуация будет затронута в моей следующей работе.

лучил признание со стороны римлян. Однако они не добились ни золота, ни высоких постов в политической структуре Римского государства, на которые зарился Аларих в самых амбициозных своих проектах 408—410 годов. Физически и политически готов просто отогнали на окраину империи. Готы соглашались взамен, как и раньше, сражаться на стороне римлян в отдельных кампаниях и отправились в Испанию, чтобы выступить против захватчиков с Рейна[1].

Каким бы странным ни казалось такое поведение с точки зрения современного человека, в тщательно продуманной миграции готов Алариха после 395 года была своя логика. И во всем этом — тем более с учетом последнего варианта соглашения, заключенного в 418 году, — нет ни малейших причин полагать, что он был вынужден искать и набирать последователей не из числа готов, заключивших договор с империей в 382 году. Они пытались вынудить Римское государство — или хотя бы одну из его половин — заключить с ними долгосрочное соглашение, и все передвижения группы были направлены на поиск подходящего политического и географического контекста, в котором можно было бы вести переговоры об основании постоянного поселения. По сути, мы вновь наблюдаем неизбежное влияние римских государственных структур на миграционный процесс готов. На протяжении всего этого периода сплошных передвижений, продлившегося почти двадцать лет, они различными методами пытались обрести достаточно влияния, чтобы вынудить империю изменить многовековую политику. В конечном итоге только кризис 405—408 годов и прежде всего действия захватчиков с Рейна в Испании заставили власти Западной империи согласиться на требования готов.

В заключении этого договора заметную роль сыграло одно обстоятельство чрезвычайной важности. За время продолжительной одиссеи готов, прошедших путь от Балкан до Аквитании, имелись периоды относительной стабильности — с 397 по 401 и с 402 по 407 год на Балканах, с 408 по 411 в Италии, с 412 по 415 в Южной Галлии. В общем и целом в пути они провели всего пять с половиной лет из двадцати с лишним, прошедших от начала мятежа до их поселения в долине Гаронны. Тем не менее период этот был крайне сложным и утомительным, и, как можно ожидать, группа Алариха вовсе не пришла

[1] Подробнее см.: Heather (1991), глава 6.

из пункта отправления в пункт назначения, не претерпев ни малейших изменений. Мы-то знаем, что одиссея эта закончилась вполне успешно. Однако, вынужденные преодолевать тяжелые переходы и терпеть голод и лишения (в особенности в 410—411 годах в Италии и в 414—415 годах в Галлии), ощущать постоянную угрозу со стороны римлян, жить в страхе перед возможным нападением (они ведь сталкивались с их регулярной армией в 395, 397 и дважды в 402 году), готы не знали, чего они добьются в итоге, будут ли результаты стоить затраченных усилий.

В то время как в более старых работах наличие у Алариха войска воспринимается как само собой разумеющееся, более современные авторы справедливо указывают, что состав его должен был существенно измениться за период с 395 по 418 год. Идея о том, что оно росло и уменьшалось в зависимости от того, как его последователи оценивали шансы своего предводителя на успех, получила широкое распространение. На самом деле свидетельств медленного и плавного роста войска куда больше, нежели предполагаемого снижения численности воинов. Тщательный поиск сведений в источниках дает нам лишь горстку отдельных индивидуумов, обладавших высоким статусом и решивших переметнуться на сторону империи, возможно в сопровождении своих собственных отрядов, после поражений в постоянной борьбе за политическое превосходство, которая то и дело вспыхивала в стане готов. Сар и Фравитта, о которых мы уже говорили, входят в их число, как, по всей видимости, и некий Модарес. Однако эти люди относятся к очень специфической категории, и нет никаких свидетельств того, что широкие массы присоединялись к Алариху и затем покидали его. Единственное подтверждение тому, что предводитель готов терял поддержку своих людей, встречается у римского оратора, работавшего на Стилихона, который отчаянно пытался спасти репутацию своего нанимателя, когда тот не сумел одолеть варваров в битве 402 года. Его легковесное утверждение, что последователи Алариха массово покидали своего предводителя, не вызывает большого доверия[1].

Но даже в этом случае доказательства наличия изменений в идентичности народов бесспорны. Начнем с того, что имми-

[1] Фравитта, Сар и Модарес: Просопография Поздней Римской империи. I, 605, 372—373. О битве 402 года см.: *Клавдий Клавдиан*. VI cons. Hon. 229 и далее, ср.: Cameron (1970), 186—187.

гранты 376 года перешли Дунай двумя отдельными племенами — ними были тервинги и грейтунги. Различия между ними исчезли, по моему мнению, к 395 году, по мнению других — к 408. Однако точная дата не столь важна. В землях к северу от Дуная грейтунги и тервинги были обособленными политическими образованиями. На протяжении одного поколения после перехода через Дунай различия между ними стерлись[1]. Два племени стали одним, затем в них начали вливаться новые притоки людей. Близ Рима в 409 году Аларих получил два солидных подкрепления. После победы над Стилихоном множество солдат из римской армии присоединились к готам после того, как их семьи, размещенные в разных итальянских городах, были убиты во время погромов. Весьма вероятно, что по большей части это были те же самые воины, которые всего четыре года назад пришли в Италию с Радагайсом и переметнулись на сторону противника в результате своевременной дипломатической уловки римлян, что привело к падению и смерти их бывшего предводителя. К готам Алариха под Римом присоединилось также немало рабов. Я полагаю, многие из них были германцами, памятуя о том, что менее удачливые сторонники Радагайса были в 406 году проданы в рабство. Но, без сомнения, в числе присоединившихся к Алариху добровольцев были люди самого разного происхождения[2]. Получается, мы уже очень далеко ушли от старой схемы миграции готов, рассмотренной в главе 1.

Получается, что за время военной карьеры Алариха появилось новое и куда более крупное политическое образование, когда после 395 года возобновились миграционные процессы. Полагаю, причины этого вполне очевидны, несмотря на то что

[1] Эти различия исчезли довольно быстро, и из источников, в которых упоминаются события 376 года, только сочинение Аммиана содержит информацию о двух первоначально независимых группах готов. Я полагаю, что и с грейтунгами, и с тервингами в 382 году был заключен мирный договор, а во время мятежа Алариха оба племени решили принять в нем участие, что их в итоге и объединило. Некоторые историки считают, что объединение племен произошло, когда Аларих в 408 году призвал своего родственника Атаульфа из Паннонии: *Зосим.* Новая история. 5.37.1 и далее.

[2] *Зосим.* Новая история. 5.35.5—6. Несмотря на мнение Куликовски (Kulikowski (2002), непонятно, кем могли быть эти варварские солдаты на римской службе, если не остатками тех 12 тысяч воинов, входивших в армию Радагайса, которая была разбита Стилихоном: *Олимпиодор Фиванский.* История. Фр. 9.

о переговорах, наверняка стоявших за этим процессом, нам ничего не известно. Бывшие союзники Стилихона присоединились к Алариху из-за враждебности и агрессии римлян. Они-то надеялись на долгосрочный союз с римлянами и только ради этого покинули Радагайса. Стилихон предложил им весьма привлекательные условия, возможно включавшие те права, которые в 397 году Евтропий даровал Алариху. Однако после падения Стилихона непримиримая неприязнь римлян по отношению к «варварам» вылилась в нападения на их семьи, что заставило воинов передумать. Необходимые предпосылки для объединения тервингов и грейтунгов появились в ходе их совместных кампаний против Римского государства, которые велись с 376 года. И процесс этот, опять-таки, вовсе не был ровным и гладким. После общей победы под Адрианополем племена вновь разошлись зимой 379/380 года, однако, возможно, отчасти причина этого заключалась в том, что у каждого племени был свой предводитель, не желавший уступать власть другому, что было бы необходимо в случае объединения народов[1]. Однако, как следует из всего вышесказанного, это новое и крупное военно-политическое образование было изначально создано для защиты от римской военной угрозы; не будь вечного давления со стороны империи, не было бы и союза. Трещины, появлявшиеся в римской политической структуре, направляли предпринятые готами между 395 и 418 годами шаги, а давление со стороны римской армии подтолкнуло друг к другу несколько обособленных групп иммигрантов. Союз был нужен им для того, чтобы выжить. Есть много примеров того, как те, кто не усвоил урок сразу, в результате расплачивались за это. Изолированные захватнические отряды готов были уничтожены в ходе Адрианопольской кампании, а отколовшиеся подгруппы были покорены римлянами и присоединены к империи на более привычных империи условиях[2]. Процветать на Римской земле можно было только после создания достаточно крупного и прочного союза, чтобы импер-

[1] В моей работе (Heather (1991), 151 и далее) приводится разбор противоречий Зосима.

[2] Подгруппы готов были уничтожены Фритигерном (*Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.9), Себастианом (Там же. Деяния. 31.11) и Модаресом (*Зосим.* Новая история. 4.25), и у нас нет оснований полагать, что этот список исчерпывающий. Общий обзор событий см.: Heather (1991). 213–214, 223–224, 314 и далее.

ская военная машина не расправилась с каждым племенем поодиночке.

Готы Аларика, таким образом, представляют собой великолепный пример групповой идентичности, обусловленной обстоятельствами. Большинство составляющих этой силы, похоже, были готского происхождения, но общая культурная идентичность (если таковая существовала в IV веке, что вполне возможно) вовсе не была обязательным условием для присоединения к группе. Мы знаем по крайней мере о нескольких гуннах, чье присутствие в готском союзе, похоже, было постоянным, а происхождение рабов, присоединившихся к Аларику под Римом, — и вовсе спорный вопрос[1]. Среди готских сообществ подобные союзы не возникали до их прихода на Римскую землю. Именно военная мощь империи объединила тервингов и грейтунгов под Адрианополем, она же привела более удачливых последователей Радагайса к выводу, что их выбор в пользу Рима был ошибочным и их интересам куда лучше послужит присоединение к Алариху. По другую сторону границы агрессия империи была не столь яростной и продолжительной, чтобы могли сформироваться такие крупные союзы, но на римской почве готы были вынуждены объединиться, чтобы выжить в качестве независимого образования. По большому счету, это классический случай. Внешнее давление часто служит катализатором для появления активной групповой идентичности.

У нас нет никаких сведений о переговорах между племенами, которые должны были предшествовать их слиянию, однако, учитывая их прошлое и тот факт, что каждое из них шло своим путем, вряд ли они проходили легко. Это подтверждается тем, что некоторые высокопоставленные готы в конечном итоге покинули свой народ и поступили на службу империи. И разумеется, именно поэтому только внешнее давление могло спровоцировать появление такого союза. И это не означает, что появившаяся в результате групповая идентичность, выкованная в горниле войны, была слабой. Если бы это было так, Римское государство с легкостью разделило бы их объединение (что оно и сделало в свое время с войском Улдина и Радагайса); однако даже последующие дипломатические ошибки предводителей, голод и гибель правителей из первой династии не

[1] *Зосим.* Новая история. 5.45.3; ср.: Liebeschuetz (1990), 75 и далее; Kulikowski (2002).

смогли разрушить этот союз. И на этом важном этапе мы обнаруживаем вторую причину, по которой Рим в конечном итоге согласился на договор. Во втором десятилетии в Галлии собрались куда более значительные силы готов, и, благодаря длительному конфликту с Римской империей, их союз оказался прочнее любого из более ранних[1]. К 418 году римляне были вынуждены признать, что необходимо заключить мирный договор, не в последнюю очередь благодаря тому, что сила, созданная Аларихом, была слишком велика, чтобы ее можно было уничтожить.

Получается, что, несмотря на сравнительную скудость исторических свидетельств, события, разворачивавшиеся с бунта Алариха вплоть до поселения готов в Аквитании в 418 году, лучше всего трактовать как продолжение странствий иммигрантов 376 года, которые мечтали о лучшей доле и по пути объединились с иммигрантами 405—408 годов. Как мы видели прежде, говоря о германском обществе в эту эпоху, разделение армии и народа в корне неверно. В мире, в котором экономические и политические структуры могли содержать лишь ограниченное число профессиональных воинов, организация более крупного войска для серьезного похода неизбежно затрагивает свободных людей — и их семьи. Чтобы обрести хотя бы шанс на успех, Аларих должен был убедить очень многих готов в том, что в их же интересах снова сняться с места и отправиться странствовать. Однако, опять же, как мы видели, иммигранты могли достичь своих целей лишь в том случае, если им удавалось собрать в процессе еще больше сторонников. Таким образом, новая политическая идентичность, созданная в результате их объединения, могла отчасти опираться на уже существующие культурные сходства между различными готскими племенами, вступавшими в союз, но культурная общность ни в коем случае не играла решающей роли. Союз вандалов и аланов показывает, что объединения с сильной политической идентичностью могли состоять из групп с различным происхождением. Куда важнее культурного сходства оказывалось враждебное присутствие Римской империи.

[1] Точную численность войск готов установить невозможно, и остается только строить предположения, но если известно, что в IV веке количество воинов составляло примерно 10 тысяч, тогда вестготов, объединившихся вокруг Алариха, было больше по меньшей мере в два раза, если не в три-четыре.

Предложенный выше анализ, по моему мнению, объясняет все странности и нестыковки этого процесса, в отличие от альтернативной версии. Сложные политические цели и планы Алариха и, главное, острая потребность в землях для постоянного поселения плохо укладываются в модель, объясняющую происходящее деятельностью военных отрядов. К тому же следование последней заставляет нас задуматься о том, где Аларих мог найти такое количество обученных воинов.

Многие из приведенных идей также относятся к другим великим практикам повторной миграции — захватчикам, пришедшим с Рейна в 406 году. Не беспокойтесь, нет никакой нужды вновь приводить здесь суть спора «армия против народа» по отношению уже к их истории после их поселения в Испании в 412 году. Этим я лишь испытал бы терпение читателя, к тому же наши источники в данном случае куда менее содержательны. Какой бы точки зрения вы ни придерживались касательно готов Алариха, вы неизбежно перенесете ее на вандалов, аланов и свевов, двинувшихся в Северную Африку с женами и семьями[1]. И по причинам, сходным с теми, которые мы изучили в случае с готами, у нас нет весомых оснований в этом сомневаться.

Однако в других аспектах миграционные процессы готов и захватчиков с Рейна вполне соотносятся с основными положениями, изложенными в компаративных исследованиях миграции. Логистика, разумеется, играла ключевую роль в формировании индивидуальных маршрутов. Готы Алариха вышли в путь с огромным обозом. Это означает, что они были вынуждены в своем передвижении придерживаться конкретных путей и дорожной системы римлян, которая, особенно на Балканах, ограничивала выбор направления и обусловила, к примеру, передвижение готов по кругу в 395—397 годах. Неспособность договориться о пользовании морским транспортом также не дала Алариху перебросить свои силы в Северную Африку после разграбления Рима осенью 410 года, что в конечном итоге позволило римлянам заблокировать его народ в Южной Галлии, отрезав их от источников продовольствия. Вандалы и аланы также передвигались сухопутно, с караваном повозок, но им больше повезло, чем готам Алариха,— они сумели переправиться в Северную Африку. Отчасти причина их успеха заключается в том, что у них было больше времени на подготовку.

[1] *Виктор Витенский.* История гонений в Африканской провинции. 1.2.

Аларих задумался о переезде в Африку, только когда осада Рима не принесла плодов в виде дипломатического договора и постоянного поселения. Но он отказался от этих планов всего через несколько месяцев, в конце лета или осенью 410 года. Вандалы и аланы, напротив, разворачивали масштабные кампании на Пиренейском полуострове на протяжении десяти лет, а затем отплыли в Северную Африку. У них было множество времени на организацию перевозки людей и имущества, и опять-таки, в отличие от Алариха в 410 году, в 429 году им не грозил гнев империи. Это означало, что они могли спокойно пересечь Гибралтарский пролив и им нужно было меньше кораблей — не было опасности, что на оставшихся на берегу нападут римляне, пока часть войска перевозят в Африку.

Информационные поля также сыграли свою роль. Участие в двух кампаниях против западных захватчиков сделало возможным поздние вторжения готов в западные земли империи. До сих пор их знание европейской географии и о близости к их балканским поселениям довольно плодородных и беззащитных земель Северной Италии было бы минимальным. Вне всякого сомнения, три года, проведенные ими в Италии (в этот же период в 410 году был разграблен Рим), открыли перед ними возможность перебраться в Галлию. По всей видимости, то же самое относится и к вандалам и аланам. Они знали, где в 406 году пролегала рейнская граница Рима, но не могли иметь точных сведений о том, где находится Испания, — и, скорее всего, они даже не подозревали о близости ее южного мыса к Марокко. Продолжительное пребывание этих народов в Испании дало им доступ не только к морскому транспорту (вне всякого сомнения, благодаря местным римским торговцам), но и другие сведения (возможно, из того же источника), которые и позволили им добраться до Северной Африки. В качестве подготовки к этому судьбоносному переходу они экспериментировали с морскими походами — включая морской налет на Балеарские острова в 425 году[1].

В более широком смысле мотивы, побудившие вандалов и аланов к повторным миграциям, также становятся яснее благодаря компаративистике. Союз двух племен двинулся из Испании в Северную Африку во многом по тем же причинам, которые заставили готов Алариха покинуть Балканы и напра-

[1] *Идаций*. Хроника. 77 (86).

виться на запад. Их интересовали богатства новых земель. Центральные провинции римской Африки — Нумидия, Бизацена и Африка (Africa Proconsularis, Africa Vetus — провинция Древнего Рима с центром в Утике, располагавшаяся на территории современного Северного Туниса и средиземноморском побережье современной Западной Ливии. — *Пер.*) — были житницей Рима, и североафриканские купцы продавали свои товары по всему Средиземноморскому региону, не в последнюю очередь в Испанию (как показывает схема распределения североафриканских глиняных изделий), что и привлекло внимание вандалов к этим территориям. В то же время Северная Африка была куда более безопасным для них местом. В то время как для готов повторная миграция стала частью стратегии, направленной на получение дипломатических уступок и привилегий, вандалы и аланы до отъезда из Испании ни разу не заключали договоров с центральнозападными римскими правителями. В 409 году это не имело особого значения, запад был слишком занят Аларихом и вторжениями захватчиков. Однако к середине 420-х годов в Западную империю вернулась стабильность; узурпаторы были разбиты, а готы — призваны к порядку благодаря новому договору. И теперь захватчики с Рейна становятся врагом номер один, против них начинаются масштабные кампании в Испании, в которых принимают участие имперские и готские войска (оказание военной помощи в этом вопросе было одним из условий договора). В период с 416 по 418 год положение вандалов-силингов и аланов ухудшилось настолько, что они были вынуждены отказаться от своих независимых провинций. Выжившие присоединились к вандалам-хасдингам. Политическая стабильность в Западной империи снова была подорвана в середине 30-х годов, и германцы получили передышку — но она вполне могла оказаться только временной.

Помимо богатых земель Северная Африка привлекала уцелевших вандалов и аланов надеждами на бóльшую безопасность. Если бы они поселились там, дальнейшие нападения со стороны империи могли бы осуществляться только со стороны моря, а такие операции потребовали бы куда больших затрат и усилий — что и доказали дальнейшие события. С 440-х по 460-е годы империя предприняла три крупные военные экспедиции против германцев в Северной Африке, и

все они закончились неудачей[1]. Как и готами, захватчиками с Рейна двигали смешанные мотивы (политические и экономические), и, опять-таки, как и готы, с помощью повторной миграции они стремились найти лазейки в римских политических и военных структурах, чтобы обезопасить себя и обеспечить свое процветание. Повторная масштабная миграция была необходима для дальнейшего существования варварских племен на римской территории, и попытки занизить ее важность и размах выглядят весьма неубедительно.

Для захватчиков с Рейна, как и для готов Алариха, изменение взглядов на развивающуюся групповую идентичность происходило куда медленнее. Силы вандалов и аланов, взявшие Карфаген в 439 году, сильно отличались от тех, что в свое время перешли Рейн. Когда члены этих племен боролись за выживание на Римской земле, произошли серьезные изменения в их идентичности. В этом случае они были куда глубже. В то время как войско Алариха было собрано из преимущественно готских элементов, по крайней мере на уровне элиты, состав группы с Рейна был совершенно иным. Два племени вандалов, хасдинги и силинги, обладали известными культурными сходствами, но германоязычные свевы пришли совсем из других земель, а аланы, которых в 406 году в войске было больше всего, были ираноязычными кочевниками с совершенно иными экономическими и социальными устоями, разительно отличавшимися от агрокультурного образа жизни германцев, союзниками которых они теперь стали. В 406 году союз их был крайне ненадежен и хрупок, что подтверждается разделом испанских земель в 412 году, когда племена заняли каждое свою провинцию под главенством собственных предводителей.

Более тесное их слияние произошло по тем же причинам, что и объединение готов Алариха. Военная мощь враждебного для них Римского государства заставила захватчиков быстро усвоить, что лучше держаться вместе и действовать сообща. И снова этот урок им преподала грубая сила — жестокая реальность совместных готско-римских кампаний, в ходе которых силинги были уничтожены (их правителя после разгрома войска увезли в Равенну), а аланы лишились независимости. По-

[1] О середине 410-х годов: *Идаций*. Хроника. 59—60 (67—68); о 420-х годах: *Идаций*. Хроника. 69 (77); о 440-х и 460-х годов: Heather (2005), 289 и далее и 390 и далее.

сле того как в бою погиб их предводитель, остатки войска присоединились к вождям хасдингов. Не будь этого давления со стороны Рима — и союза также могло бы не быть; нет ни малейших предпосылок к возможному слиянию этих народов, и даже пред лицом опасности, исходившей от империи, не все захватчики вступили в новый союз. Свевы упорно сопротивлялись попыткам властителей хасдингов покорить их силой, а часть аланов предпочли принять господство римлян и в конечном счете поселились в Галлии[1].

Получается, что враждебность Римского государства вынуждала народы, желающие сохранить свою независимость, пересмотреть собственную групповую идентичность, чтобы создать более крупный и прочный союз, у которого был бы шанс уцелеть на территории империи. Следовательно, кроме миграции в выживании иммигрантов-варваров сыграл свою роль и особый вид эволюции групповой идентичности.

Воссоздание истории мигрантов 376 и 405—408 годов — это долгое путешествие, под стать тому, какое совершили ее главные герои. К счастью для нас, эти мигранты, чьи странствия по крайней мере частично представлены в источниках, создают нужный нам прецедент, и мы уже установили ряд ключевых элементов миграционного процесса, которые впредь не потребуют длительного изучения и объяснения. Мы доказали, что мигранты могли попасть в Римскую империю в составе крупных военных объединений, путешествующих с семьями и пожитками. Если их амбиции шли дальше обычной интеграции в уклад империи (то есть если они хотели большего, нежели играть роль пушечного мяса или крестьян, возделывающих поля), подобного рода союзы были необходимы. Только обзаведясь союзниками со стороны, они могли собрать войско, которое имело шанс на успех в налетах и походах. И что столь же важно, есть свидетельства того, что иммигранты могли отправляться в повторные миграции — и нередко это делали. У большинства из них уже сложилась традиция жить на ходу — еще до того, как они оказались на римской территории, и повторная миграция и переоценка групповой идентичности (под давлением империи) в условиях постоянного роста групп легли в основу их стратегии долгого существования на римской земле.

[1] Свевы: *Идаций*. Хроника. 63 (71). Аланы: см. удобные списки (Bachrach (1973).

Понятие массовой организованной миграции все-таки придется извлечь из мусорной корзины, куда ее отправили ученые, в свое время преуменьшавшие масштаб важности этого процесса, бывшего ключевым фактором на протяжении тридцати лет после 376 года. Она выступает наравне с волнообразными притоками населения, рассмотренными в прошлой главе, и является важным миграционным явлением 1-го тысячелетия, однако форма ее на деле существенно отличается от традиционно описываемой в научных трудах. Племена, приходившие в империю, откалывались от бóльших групп варварских народностей, мир которых уже был политически, экономически и культурно сложным и развитым. Они не были «народами» — то есть не являлись культурно однородными и едиными группами населения, после ухода которых занимаемые ими земли полностью пустели. Однако сути это обстоятельство не меняет — перед нами по-прежнему массовая миграция как минимум в двух ее аспектах. Даже если она осуществлялась элитой, включение в состав группы свободных воинов и зависящих от них родственников увеличивает основные миграционные единицы до десятков тысяч человек. Переселение было массовым и в качественном аспекте, который также исследуется в трудах, посвященных миграции, — приток населения производил серьезные политические потрясения в пунктах назначения и отправления, а нередко и в них обоих. Мигранты, разрушившие центральноевропейские границы Рима, пришедшие в Восточную империю, без дела не сидели — очень скоро в стычках с ними погиб один император вместе со своей армией, что заставило Рим несколько изменить привычные условия договоров, заключавшихся с варварами. Так пришельцы лишили империю полной власти над несколькими ключевыми провинциями. Последствия их ухода из прежних земель были не менее яркими. Именно этой теме, эпохе переселения народов за пределами Римской империи мы теперь должны уделить свое внимание.

Глава 5
ГУННЫ ИДУТ

В 453 году, через десять лет после хаоса, охватившего земли от Константинополя до Парижа, Аттила скончался от излишеств во время очередной и последней первой брачной ночи. Как следует выпив на сон грядущий, великий завоеватель лег спать и умер от носового кровотечения. Утром его перепуганную невесту обнаружили рядом с трупом. Эта внезапная кончина послужила началом безумной гонки за властью между его сыновьями, которая быстро вылилась в полноценную гражданскую войну. Затем ситуация приняла еще более опасный оборот. В империю Аттилы входили не только гунны, но и немалое число покоренных народов иного происхождения. Гражданская война стала для них возможностью вырваться из-под власти кочевников. Предводителем восстания стал король гепидов по имени Ардарих, а его итогом — масштабная битва на реке Недао в римской провинции Паннония.

«Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают страданию целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных [в бою], если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать [на части]. Думаю, что то было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?] ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула с легким оружием»[1].

[1] *Иордан.* Гетика. 50.261—262.

Это хорошо известный рассказ, и, несмотря на то что характер текста скорее риторический, нежели описательный, он изящно вводит основную тему, которой посвящена эта глава.

Мы уже видели, что нарастание мощи гуннов послужило причиной двух случаев массовой миграции на территорию Рима. Однако, разумеется, оно же спровоцировало серьезные перемещения народностей и за границами империи. Начать следует с самих гуннов. Во время набегов на восточноевропейскую границу Рима в 376 году они действовали в основном к северо-востоку от Черного моря, где-то напротив Кавказа. Но римская Паннония, где произошла битва на реке Недао, включала в себя юго-восточные окраины равнины Альфёльд к западу от Карпат, а империя Аттилы была преимущественно сосредоточена на Среднедунайской низменности, в тысячах километров от Кавказа. В то же самое время, как подчеркивает рассказчик, повествующий об этой битве, гунны никогда не сражались в одиночку. В 70-х годах IV века, при первых нападениях на готов к северу от Черного моря, в битвах участвовали ираноязычные аланские кочевники. В войско Улдина входили германоязычные скиры. После изгнания других гуннов из Паннонии в 427 году восточноримские силы были вынуждены отдать этот регион своим вестготским союзникам, где те и поселились. Спустя всего поколение империя Аттилы подчинила себе по меньшей мере еще три готские народности, вместе с германоязычными гепидами, ругами, свевами (жившими на этих землях, предположительно, еще с 406 года), скирами и герулами, не говоря уже об ираноязычных аланах и сарматах[1]. Большинство из этих не принадлежащих к гуннам народностей, как и сами гунны, обитали близ среднего течения Дуная примерно в 450 году. Но многие из них в IV веке еще не занимали этих земель — а в VI уже освободили их. Гунны не только сами двинулись на запад, в самое сердце Европы, но, похоже, и в какой-то степени помогли собраться на Альфёльде многим другим племенам, большинство из которых ушли из этих краев после распада империи Аттилы.

[1] Гунны и скиры Улдина: *Созомен.* Церковная история. 9.5; *Кодекс* Феодосия. 5.6.3. Подчиненные гуннам готские племена в 427 году: *Феофан Исповедник.* Хронография. АМ 5931; ср.: *Прокопий Кесарийский.* История войн. 3.2.39—40 и Croke (1977). Дата точно не установлена, или 421, или 427 год. Лучший обзор племен, подчиненных Аттиле, — Pohl (1980).

Вопросы, связанные с миграцией и поднятые этим кратким описанием пребывания гуннов в Центральной Европе, ясны. Прежде всего, что привело кочевников в сердце Европы и какую форму принял этот миграционный процесс? Как нам следует рассматривать перемещения групп населения, в том числе и других народов, составлявших империю Аттилы? Что это — обычное переселение элиты или процесс, куда более масштабный?

«СЕМЯ И НАЧАЛО ВСЕГО ЭТОГО НЕСЧАСТЬЯ»

Из всех мигрантов, упоминаемых в этой книге, гунны, пожалуй, наиболее таинственны. Они не оставили ровным счетом никаких собственных письменных памятников, но это для 1-го тысячелетия отнюдь не редкость. Дело осложняется тем, что о них почти ничего не говорится даже в римских источниках — вплоть до времен Аттилы, может, минус полпоколения; первые упоминания о грозных кочевниках появляются в конце 20-х годов V века, самые подробные же сведения и рассказы относятся к середине столетия. К этому времени гуннский мир успел претерпеть коренные преобразования и ничем не напоминал таковой 370 года, когда земли к северу от Черного моря впервые познали мощь гуннского воинства. Причину такой бедности сведений несложно вычислить. С точки зрения римлян во время кризисов 376—380 и 405—408 годов гунны гнали другие народы на земли империи. Эти мигранты в дальнейшем порождали хаос на ее территории. Поэтому римские историки и рассказчики, что вполне логично, сосредотачивались на пришлых племенах, а не на гуннах, ставших первопричиной их проблем.

В результате скудость наших знаний о гуннах просто поразительна. Мы даже не можем сказать, на каком языке они говорили. Большая часть лингвистических данных — это имена собственные, по большей части правителей и их приближенных времен Аттилы. Но к тому времени (по причинам, которые мы проясним немного позже) общепринятым языком, лингва франка в Гуннской империи, стал германский диалект, и многие из записанных имен либо имеют бесспорно германское происхождение, либо похожи на германские, поэтому от них толку мало. Иранский, турецкий и финно-угорский (как

у поздних мадьяр) — все эти версии имеют своих сторонников, но правда заключается в том, что мы не знаем, на каком языке говорили гунны, и, вероятно, никогда не узнаем[1]. Исторические свидетельства, которыми мы располагаем, способные объяснить мотивы и формы миграции гуннов, столь же ограниченны. По словам Аммиана, и объяснять-то было нечего: «Семя и начало всего этого несчастья и многообразных бедствий, вызванных яростью Марса, который своим пожаром сотрясает мир, восходит, как выяснено, вот к какому событию. Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру». Они были столь жестоки, что считали вполне естественным бить людей просто так, без причины. Схожие описания свирепости гуннов обнаруживаются и в других источниках. Зосим, основываясь на рассказе современника этих событий Евнапия, говорит о панике, вызванной первым нападением гуннов на готов, а Иордан в VI веке изображает их порождениями изгнанных готских ведьм и злых духов[2]. Конечно, очень хочется на этом и остановиться, но нам все же необходимы чуть более серьезные аналитические данные, если мы вознамерились отыскать убедительное объяснение миграционных процессов, происходящих в обществе гуннов в конце IV — начале V века.

Мы можем сказать, что изначально гунны — кочевники и животноводы из Евразийской степи. Эта обширная равнина тянется многие тысячи километров от окраин Европы до западных границ Китая. Летом осадки крайне редки, характерная растительность — трава, а потому населяющие ее народы больше зависели от своих стад, чем их соседи. Однако в противовес создавшемуся у вас образу они занимались земледелием и нуждались в экономическом обмене с оседлыми народами, чтобы своевременно пополнять запасы зерна, составлявшего важную часть их рациона. Предположить, что гунны были кочевниками, нас заставляет прежде всего географическое положение земель, на которых они впервые были встречены, — к востоку

[1] См.: Maenchen-Helfen (1973), главы 8—9, в этой работе Менхен-Хельфен отмечает, что у предводителей вроде Аттилы могли быть и «нормальные» гуннские имена, помимо германских прозвищ, — так, Аттила на германском означает «маленький отец».

[2] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.2.1—2; *Зосим.* Новая история. 4.20.3—5 (ср.: *Евнапий.* История. Фр. 42); *Иордан.* Гетика. 24.121—122.

от реки Дон, естественной границы, за которой средний уровень осадков опускается ниже приемлемого уровня, делая невозможным земледелие без дополнительного орошения. Вторая причина — знаменитое описание этого народа, оставленное Аммианом. Гиббон был от него в восторге, и оно весьма красноречиво: «При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания. [...] У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. [...] Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. [...] Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше»[1].

К сожалению (ведь этот образ обладает определенной романтичностью), главное утверждение этого высказывания, о том, что гунны постоянно и хаотично перемещались, в корне ошибочно.

На самом деле уже по одному описанию становится ясно, что здесь что-то не так. Это стандартная практика Аммиана, и она нередко применялась сочинителями в классическом историческом жанре для того, чтобы представить читателям новых героев — непременно с отступлениями. К IV веку н. э. на такие части повествования возлагались определенные ожидания. Слушатели ждали красноречивых, эмоциональных высказываний, искусства риторики, продолжительных ссылок на известных классических авторов. Отступление Аммиана о гуннах их не

[1] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.2.3 и далее.

разочаровало. Но оно богато не только красноречием и цитатами, тут присутствует и очевидная проблема. В уцелевших томах «Деяний» Аммиан в какой-то момент представляет читателям три кочевых народа — аланов, сарацин и собственно гуннов. И в каждом случае эти отступления более или менее схожи, меняются лишь отдельные детали. Такое чувство, что в распоряжении Аммиана имелся готовый шаблон отступления, посвященный кочевникам, и он в нужный момент просто нажимал кнопку «повторить». Это вызывает закономерный вопрос: в каком из этих схожих отрывков сообщаемые им подробности действительно относятся к описываемому народу? В случае с гуннами Аммиан рассказывает много интересного об их политических лидерах, к которым мы вернемся чуть позже, и указывает даже, что они хранили мясо под седлами — это был один из этапов его консервации. Раньше на это заявление не обращали особого внимания, мол, автор неверно трактовал методы лечения потертостей на спинах лошадей — до тех пор, пока современный антрополог и историк в 1920-х годах не обнаружил, что точно так же поступали современные ему монголы. Возможно, стоит присмотреться хотя бы к некоторым заявлениям Аммиана. С другой стороны, говоря о сарацинах, он упоминает о том, что и мужчины и женщины очень любят секс и наслаждаются им. Невольно задаешься вопросом, откуда ему стало об этом известно... Но в общем и целом уже одного факта, что пустынные арабы-кочевники с окраин Плодородного полумесяца, как и ираноязычные аланы и турки или финно-угорские гунны с Евразийской степи, описываются примерно в одних и тех же формулировках, должно было быть достаточно для того, чтобы забить тревогу. И для некоторых этого оказалось более чем достаточно[1].

Первые подозрения подтвердились компаративными данными об укладах кочевников, собранных не так давно антропологами. И разумеется, между разными племенами и группами существует почти столько же различий, сколько самих этих племен. В соответствии с типами пастбищ и водящимися в том

[1] Об отступлении про аланов: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.2; об отступлении про сарацинов: Там же. 14.4. При анализе этих источников подход Менхена-Хельфена (Maenchen-Helfen (1945) куда более критический, чем у Томпсона (Thompson (1995), хотя именно первый указал, что мясо хранилось под седлами. Продолжение данной темы и более современная библиография у G. Kelly (2008), глава 2.

или ином регионе животными различаются и организация, и методы животноводства. Однако есть несколько важных общих черт, и одна из главных заключается в том, что кочевники, как правило, не передвигаются наобум — да и на такие расстояния тоже, это изматывает и людей и животных. Евразийские племена, к примеру изучавшиеся в XX веке, как правило, перемещались на определенные расстояния дважды в год, между конкретными летними и зимними пастбищами. В случае с казахами (до того как Сталин заставил их принять оседлый образ жизни) это расстояние равнялось примерно 75 километрам. Животноводческие группы, принадлежащие к одному большому племени, водили стада по кругу между пастбищами, держась друг от друга на достаточном расстоянии, чтобы трава успевала вырасти после выпаса скота каждой группы. Остальное население проживало в постоянных лагерях, некоторые даже занимались земледелием. И цель долгих переходов здесь — постоянное курсирование между двумя основными пастбищами, ни одно из которых не способно кормить скот круглый год. Летнее пастбище, как правило, находилось где-то в горах или на холмах, где зимой из-за холодов не растет трава; зимнее пастбище — сравнительно недалеко от лагеря, в низинах, где летом из-за жары и сухости травы слишком мало. Так что кочевой образ жизни — это эффективная система использования природных ресурсов, при которой пасти скот можно круглый год. При таком укладе постоянное передвижение служит конкретной цели и не может осуществляться наугад. Кочевники подвержены определенным рискам, они полностью зависят от количества осадков и к тому же живут на неплодородных землях. Однако отправляться в странствия невесть куда, без четкой цели, не зная о кормовой продуктивности новых земель и, что не менее важно, не имея установленных прав пасти на них свой скот, — верный путь к экономической катастрофе[1].

А это означает, что вторжения гуннов в земли аланов к северо-востоку от Черного моря, а оттуда уже в самое сердце Европы нельзя рассматривать — как, к примеру, делал Дж.Б. Бьюри в своих знаменитых лекциях, прочитанных в 20-х годах XX века, — как естественное расширение кочевой экономики. Гунны не просто бесцельно бродили по Евразийской степи, пока случайно не

[1] О кочевниках, особенно в евразийских степях, см.: Cribb (1991); Khazanov (1984); Krader (1963); Sinor (1977), (1990).

угодили в земли к северу от Черного моря, которые пришлись им по вкусу. Решение изменить место проживания, двинуться к западу — осуществленное в два этапа, разделенные примерно одним поколением, — наверняка было принято по конкретным причинам и тщательно просчитано. Потенциальная выгода этого переселения должна была уравновесить риск неудачи в поисках или — что вероятнее — в установлении прав на выпас своих стад на новых территориях[1].

Что же до причины или причин, заставивших гуннов двигаться на запад, однозначного ответа на этот вопрос нет. Римские источники здесь практически бесполезны. Мнение Аммиана, согласно которому нападение на других варваров было для суперварваров гуннов совершенно естественным делом, не слишком нам помогает. Имеющиеся у нас источники и данные говорят о трех факторах, из которых два возможны, а третий более вероятен, на основании которых племена гуннов могли направиться на запад. Одна из возможных причин — изменение климата. Приблизительно в начале V века н. э. Западная Европа переживала период климатического оптимума — долгие, жаркие лета, много солнечного света. Но то, что для западных европейцев было плюсом, для племен, обитавших за Доном, представляло собой проблему, поскольку продолжительная жара означала, что летом будет меньше осадков, а следовательно, и меньше травы. Вполне естественно предположить, что степные кочевники в таких условиях стали бороться за лучшие пастбища, а современный мир очень ярко показывает нам, к каким последствиям это может привести. Первопричина Дарфурского конфликта — суданские кочевые народности, которым пришлось покинуть свои земли, когда глобальное потепление превратило пастбища в пустыню. Но применить этот пример к реалиям IV века нелегко — ведь (по крайней мере, пока) невозможно понять, насколько масштабными или, напротив, минимальными были происходившие тогда изменения климата. У нас нет точных данных на этот счет, так что всегда остается возможность, что последствия их были незначительными. Однако, как мы увидим в последующих главах, кочевые племена покидали эту степь с середины до конца 1-го тысячелетия, а затем за ними последовали другие, а значит, евразийские кочевники вряд ли сталкивались с серьезными экологическими

[1] Bury (1928).

проблемами. И в любом случае, как и тервинги, и грейтунги, над которыми нависла угроза вторжения гуннов, сами гунны, столкнувшись с проблемами экологического характера, могли бы пойти на все четыре стороны. Так что даже фактор климатических изменений не объясняет, почему кочевники отправились именно на запад.

Другой возможный фактор — политическая революция. По крайней мере, два из кочевых племен, последовавших за гуннами из степи в Европу позже в 1-м тысячелетии, поступили так отчасти потому, что пребывали под политическим и военным давлением со стороны других кочевых народов к востоку. В VI веке авары бежали от империи западных турок, мадьяры в IX веке ушли с земель к северу от Черного моря из-за нападений печенегов. Поскольку у нас нет точных сведений о событиях на западе степи в IV веке, было бы глупо исключать возможность того, что основной причиной переселения гуннов стала угроза политического характера[1].

Но даже если внести негативный элемент в миграционную мотивацию гуннов, основанную на сочетании возможных климатических и политических факторов, не приходится сомневаться в том, что эти мотивы сосуществовали, как нередко бывает в крупных миграционных потоках, с некоторыми причинами позитивного характера, побудившими их двинуться именно на запад. Римские источники, описывающие первые вторжения гуннов на окраины империи, не предоставляют сколько-нибудь существенных объяснений того, что именно происходило, но более поздние материалы весьма красноре́чивы. С 390 года и в особеиности к 20-м годам V века и дальше мы обнаруживаем, что гунны весьма активно взаимодействовали с империей. Иногда они устраивали набеги. Огромный отряд, целью которого была как Восточная Римская, так и Персидская империя, прошел через Кавказ в 395 году, до того как основные силы гуннов двинулись в Центральную Европу, есть сообщения и о других, менее масштабных налетах. Иногда гунны служили наемниками в войсках империи. Уже в 80-х годах IV века действия гуннов и аланов привели к дипломатической конфронтации между западным императором Валентинианом II и узурпатором Максимом. В начале V века Улдин обеспечивал военную поддержку Стилихону, до опрометчивого вторжения в восточ-

[1] Авары: Pohl (1988). Мадьяры: Bakony (1999).

норимскую Дакию. С появлением больших отрядов гуниов в Центральной Европе, начиная с 410 года, количество наемников достигло апогея. Вполне возможно, они предоставляли серьезную военную поддержку фактическому правителю Западной Римской империи, Флавию Констанцию, в 410-х годах, но только во времена Аэция, начиная с 20-х годов V века, они стали основной силой и оплотом Западной империи. Благодаря их поддержке Аэций не только сохранил власть, обойдя своих римских соперников, но и сдерживал агрессивные устремления других варварских племен, теперь укрепившихся на землях Западной империи. Кочевники принимали участие в крупных кампаниях против вестготов и бургундов в 30-х годах V века. Затем, наконец, во времена Аттилы, когда гунны стали внушительной силой, они от грабежей и службы в римской армии перешли к полномасштабному завоеванию. За двумя нападениями на восточноримские Балканы последовали вторжения в Галлию и Италию в 451 и 452 годах[1].

Что связывает воедино все действия гуннов? Это лишь разные методы запустить руку в богатства, доступные в куда более развитом средиземноморском мире, находившемся под господством Рима. Целью налетов, разумеется, были разные блестящие вещички и другие приятные трофеи, которые можно было легко продать или обменять; для этого же наемники шли на службу к римлянам. Несмотря на тесные связи с гуннами — а Аэций три года провел среди них в роли заложника, — они не сражались за него без щедрого вознаграждения. И даже Аттила вторгался на территорию Рима, движимый мыслью об обогащении. У нас есть подробные описания дипломатических встреч, которые предшествовали этим нападениям и следовали за ними, и главной заботой гунна всегда был объем дани, которую он мог получить. Новые территории и другие виды прибыли были не столь важны[2]. Если перенесение такого отношения гуннов к империи и в особенности к Средиземноморью на 370-е годы оправдано — а ничто не говорит об обратном, — то в этом случае решение гуннов переселиться на запад в два этапа весьма и весьма разумно. Близость к политическим центрам

[1] Общие обзоры: Thompson (1995); Maenchen-Helfen (1973); ср.: Heather (1995a) об отношениях гуннов с Аэцием.

[2] Почти что полное безразличие Аттилы к территориальным приобретениям проявляется особенно ярко при изучении сохранившихся фрагментов «Готской истории» Приска.

римского мира в Северной Италии и Константинополе принесла бы им куда больше возможностей заполучить богатства империи. Другими словами, гунны действовали точно так же, как готы и другие, преимущественно германоязычные хищники III века: их миграция была реакцией на резкое неравенство в благосостоянии. Как и готы, они двигались от менее развитой внешней периферии империи — а возможно, и с более дальних территорий — в богатые внутренние регионы, где имелось широкое разнообразие возможностей обогатиться, доступных для племен, способных, как они, собрать войско, представляющее весомую военную угрозу.

Здесь также следует сделать важное замечание о природе миграционного потока гуннов — он непрерывно развивался. Ни один источник не называет точной численности гуннских миграционных единиц, однако все современные изучаемым событиям свидетельства указывают на то, что первоначальная экспансия в Северный Понт производилась в основном военными отрядами — небольшими группами, состоящими из воинов-мужчин. Витимир, король грейтунгов, чья смерть и заставила это племя готов двинуться к Дунаю в 376 году, сражался в многочисленных стычках (*лат.* multas clades) с аланами, которых гунны вытеснили на его земли. Это говорит о том, что, несмотря на серьезную дестабилизацию ситуации в целом, еще не приходилось говорить о серьезной, концентрированной силе с единым предводителем. Аммиан также отмечает, что Витимир нанял гуннов, которые помогли ему отразить натиск ланов. Это сообщение иногда сбрасывали со счетов, считая ошибкой переписчика, однако у нас есть причины ему поверить. Оно прекрасно укладывается в общий контекст, в котором многочисленные небольшие отряды кочевников действовали более или менее автономно. Тот факт, что предшественник Витимира, Эрманарих, «долгое время» (*лат.* diu) давал гуннам отпор, также подразумевает скорее череду не слишком серьезных стычек, нежели полноценное военное противостояние. В схожем ключе гунны действовали и в других местах, применяя разнообразные методы и приемы продвижения на запад, когда восточноевропейские границы Рима начали рушиться.

Помимо гуннов, сражавшихся за Витимира, упоминаются и другие: одни вторглись на земли тервингов (дважды), вторые поступили на службу в армию аланов, чтобы сражаться вместе с тервингами и грейтунгами против Рима к югу от Дуная в

377 году, третьи самостоятельно совершали налеты на империю параллельно с карпо-даками в начале 80-х годов IV века[1]. Есть серьезные причины полагать, что все это были независимые группы гуннов, а не одна и та же, появляющаяся в разных местах; к тому же ни для одного из их предприятий, описанных в наших источниках, не потребовалось бы большое войско. Среди немногочисленных подробностей, которые Аммиан приводит в своем рассказе о гуннах этой эпохи, одна выделяется: он утверждает, что ими управляли не короли, но «случайные предводители». Это неясное замечание, значение которого многократно становилось предметом споров, однако оно, опять-таки, неплохо укладывается в общую картину функционирования небольших отрядов кочевников. Поразительно и то, что в эту эпоху мы не встречаем сколько-нибудь значимых предводителей гуннов, чьи имена упоминались бы в источниках[2]. Это похоже на первые, довольно незначительные этапы нашествий славян и викингов, в VI и IX веках соответственно. В обоих этих случаях имена предводителей отрядов начали упоминаться только тогда, когда количество воинов в них существенно выросло.

Однако если экспансия гуннов, скрывавшаяся за кризисом 376—380 годов, осуществлялась силами небольших отрядов, то падение центральноевропейских границ Рима поколение спустя было вызвано миграцией совсем иного масштаба. Намеки на то, что размер отрядов гуннов, рыщущих на окраинах империи, вырос, появляются в источниках еще до начала второго кризиса. Примерно в 400 году современный периоду римский источник наконец называет одного из гуннских предводителей — Улдина. Он обладал достаточным влиянием, чтобы при случае оказать империи отнюдь не лишнюю военную поддержку; его войско состояло из гуннов и скиров. Однако, несмотря на встречающиеся кое-где хвастливые утверждения, будто его власть охватывала землю от закатного края до рассветного, последующие события показывают обратное. Попытка Улдина

[1] Гунны до 376 года: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.3. Гунны и аланы в 377 году: Там же. 31.8.4 и далее. Гунны и карпо-даки: *Зосим*. Новая история. 4.35.6.

[2] «Случайные предводители»: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 31.2.7. Иордан, рассказывая о событиях этой эпохи, упоминает короля гуннов Баламбера, однако на самом деле эти события относятся к 450 году и Баламбер был готским королем Валамиром, см.: Heather (1989), и далее в этой главе.

захватить восточноримские земли провалилась — еще до начала серьезных военных действий, когда предводители части отрядов покинули его. В этот момент он исчезает из наших источников и исчезает там, куда не проникают лучи солнца истории. Это вовсе не описание карьеры предшественника Аттилы. На мой взгляд, внезапное и кажущееся необъяснимым превращение Улдина из союзника в завоевателя ясно указывает на то, что его власть была не настолько прочна, чтобы он сумел удержать свое положение после прихода новых групп гуннов, которые начиная с 410 года занимают главенствующее положение в регионе — и, скорее всего, потому, что эти группы были гораздо многочисленнее и организованнее[1].

Доказательства тому очевидны. Когда дипломат и историк из Восточной Римской империи Олимпиодор в 411—412 годах посетил становища вновь прибывших гуинов в Среднедунайском регионе, он обнаружил, что правят ими разные короли, каждый определенного ранга. Ко времени этого визита гунны успели прожить в Центральной Европе всего несколько лет, и такая сложная политическая структура просто не смогла бы сформироваться из массы независимых отрядов. И более того, сходная система встречается в другом племени кочевников V века, у акациров. Следовательно, весьма вероятно, что вторым этапом миграции гуннов на запад управляли непосредственно короли, встреченные Олимпиодором. И в самом деле, учитывая численность германцев и остальных племен, которых гунны вытеснили со Среднедунайской низменности — многие десятки тысяч, как мы видели, — нельзя не усомниться в том, что несколько независимых отрядов могли слиться в достаточно крупное войско, чтобы захватить эти новые земли. Присутствие королей делает очевидным тот факт, что с северо-востока Черного моря на Альфёльд переселялись куда более крупные и хорошо организованные социальные группы, нежели разрозненные отряды воинов, которые в 376—380 годах стали причиной первого кризиса в регионе[2].

[1] Улдин: *Созомен*. Церковная история. 9.5, и последующий комментарий и полный обзор в Heather (1995a). Аналогичный феномен имел место в эпоху викингов, когда лидеры первой волны небольших групп переселенцев были быстро подчинены другими предводителями, возглавлявшими куда более крупные группы, которые шли следом за первыми, см. главу 9.

[2] *Олимпиодор Фиванский*. История. Фр. 19; ср.: *Приск*. Готская история. Фр. 11.2 (об агафирсах).

Итак, в общем и целом все указывает на то, что миграция гуннов в Европу приняла ту форму, которую мы наблюдали ранее, в III веке, и снова встретим в IX. Изначальный импульс исходил от военных отрядов, которые первыми открывали новые источники обогащения, пока еще без серьезного намерения непременно переселиться в новые земли. Однако, когда их деятельность оказалась весьма и весьма прибыльной, все более крупные и лучше организованные группы начали вовлекаться в этот процесс, возможно, с целью извлечь максимальную выгоду с помощью полноценного захвата новых территорий. В этом случае последующие действия гуннов заставляют нас предположить, что привлекала их не сама земля Среднедунайской низменности в плане ее сельскохозяйственного потенциала (в отличие от, например, викингов, которых Англия в IX веке интересовала в том числе и с этой точки зрения, как и норманнов в XI в.), а тот факт, что благодаря своему удачному расположению у живущих там народов имелись довольно прочные связи с богатой Римской империей. В результате первоначальные мелкие налеты на земли к северу от Черного моря вылились в полноценный приток мигрантов, набирающий силу — до тех пор, пока не появились крупные миграционные группы как часть вполне логичного механизма максимизации прибылей благодаря захвату регионов Альфёльда.

Точный размер групп, участвовавших в этой двухэтапной миграции, нам неизвестен. Готское политическое образование, стабильность которого была подорвана деятельностью гуннских военных отрядов, и лишившиеся своих земель аланы еще на первой стадии миграционного процесса, примерно в 370 году, могли бы собрать войско примерно из 10 тысяч воинов. Однако сложно, основываясь только на этом, вывести сколько-нибудь точное количество гуннов, участвовавших в налетах. На то есть две причины. Во-первых, нападение гуннов не было прямым. Политическая стабильность в землях к северу от Черного моря подрывалась на протяжении долгого периода множественными налетами и мелкими стычками, а не полноценным военным вторжением. И в конечном счете скорее не сами гунны, а усилившееся давление со стороны аланов, на которых наседали кочевники, заставило готов-грейтунгов в 375—376 годах принять решение переселиться в другие земли. Поэтому нет оснований полагать, что численность гуннов должна была непременно равняться десятитысячному войску готов, ведь настоящего сраже-

ния между ними не было. Во-вторых, как и буры в XIX веке, гунны обладали серьезным преимуществом в военном снаряжении. Одним из характерных видов вооружения был лук, давно известный в степях. Теперь, однако, они стали пользоваться длинными луками — до полутора метров длиной вместо привычного одного, таких раньше в западной степи не видели. Эти луки были мощнее, стрелы летели дальше; римские источники весьма красноречиво говорят об этом, сообщая, что гунны были способны смять ряды готов, оставаясь при этом вне досягаемости. Вторым характерным оружием гуннов были мечи, весьма эффективные в ближнем бою — после того как лучники ломали строй противника[1]. Однако насколько серьезное преимущество давали им оружие, до конца не ясно. Кремневые ружья позволили фуртреккерам весьма эффективно действовать против отрядов, в десять раз превышающих их численность. Всего несколько сотен солдат-буров могли обратить в бегство тысячи зулусов и ндебеле практически без ущерба для себя. При таком раскладе небольшие отряды гуннов общей численностью в тысячу человек могли бы одержать победу над целым государством готов, федератом Рима. Но даже длинные луки гуннов вряд ли могли дать им такое же преимущество, как ружья.

У нас нет точных данных и о том, насколько многочисленные силы привели на Альфёльд короли гуннов. Если провести аналогию с монгольскими обычаями, то каждому воину-гунну требовалось несколько пони, чтобы в любой момент иметь возможность сняться с места. Исходя из этого, мы можем сделать предположение о численности всего войска кочевников, поскольку подсчитано, что на Альфёльде могли бы одновременно кормиться не больше 150 тысяч лошадей. Обратные подсчеты скажут нам, что такое количество лошадей означает наличие в регионе 15—30 тысяч воинов, что представляет собой вполне достоверный результат. Однако это не более чем догадка. За неимением точных данных я бы предположил, что набеги и грабежи, проводившиеся с 370 года, косвенной мишенью которых были готские государства-клиенты, осуществлялись отрядами численностью в несколько сотен человек, а большие группы пришли в Центральную Европу только в начале V века, и тогда общее войско, собравшееся в том регионе, составило,

[1] О гуннских луках см.: Heather (2005), 154—158 и последующие комментарии.

скорее всего, от 10 до 12 тысяч солдат. Но это тоже всего лишь догадка, и у других ученых вполне могли получиться совершенно иные результаты.

Но если с точными цифрами мы не слишком продвинулись, то компаративные исследования, посвященные миграции, помогут нам сделать несколько более общих наблюдений об экспансии гуннов в Центральную Европу. Первая фаза их переселения весьма похожа на то, как многие миграционные потоки, куда лучше описанные в источниках, следуют за немногочисленными «разведчиками», деятельность которых показывает основной массе населения выгоды, которые принесет перемещение. И хотя такого феномена не наблюдается в современном мире, даже массовая миграция крупных групп гуннов во второй фазе сообразуется с основополагающим принципом: миграционные единицы будут по своей численности и природе соответствовать стоящей перед ними задаче получения доступа к источникам благ в конкретной среде, в которую направляется миграционный поток. По причинам, которые мы уже рассмотрели ранее, массовая хищническая миграция (вроде предпринятой гуннами) должна непременно включать женщин и детей. Многочисленных иждивенцев, зависящих от воина, нельзя было оставлять дома, если предполагаемые военные действия включают в себя намерение мигрировать в новые земли. Как и в случае со многими другими иммигрантами, о которых мы уже говорили, для гуннов была очень важна мобильность, и это обстоятельство, как опять-таки подчеркивают компаративные исследования, должно было во многом повлиять на их решение попытаться получить больше потенциальных выгод в римском мире. Для этого нужно было лишь рискнуть и переселиться поближе к империи. Дважды в год кочевники и так снимались с места, миграция для них — привычное явление. следовательно, у гуниов были все возможности для того, чтобы организовать переселение больших групп.

Как и в случае с готами, вандалами и аланами, пришедшими на римскую почву, другая важная причина временного промежутка между первой и второй стадиями вторжения гуннов в Европу, скорее всего, заключалась в том, что им было необходимо больше узнать о географии и новых возможностях, которые открылись бы перед ними после изгнания готов и аланов с земель к северу от черноморского побережья. С этой точки зрения массовое нападение гуннов на Римскую и Персидскую

империи через Кавказ в 395 году можно рассматривать как этап обучения. Их вторжение серьезно дестабилизировало регион и получило широкое освещение в римских источниках, не в последнюю очередь потому, что одна группа добралась почти до Святой земли. Однако захватчики понесли серьезные потери, и эксперимент больше не повторялся[1]. Военные успехи вовсе не означают, что сами гунны сочли налет удовлетворительным, и его провал, хоть и не совсем полный, возможно, сыграл свою роль в их конечном решении пойти именно на запад, на Альфёльд, а не куда-либо еще. Знание европейской географии, необходимое для такого переселения, было, вне всякого сомнения, получено благодаря деятельности малых отрядов гуннов, которые оказались к западу от Карпат еще до 405 года — некоторые из наемников служили там в 380-х годах, не говоря уже о гуннах Улдина.

Более того, как показывают исследования многих других случаев, процесс миграции стал причиной серьезных социально-политических преобразований в обществе гуннов. Олимпиодор во время своего визита к ним в 411—412 годах обнаружил, как мы только что видели, политическую систему, состоявшую из нескольких правителей определенного ранга, что вполне соответствует нормальной структуре кочевого общества. Логистика требует, чтобы население было рассеяно по довольно большой территории. Если большие группы с огромными стадами будут проживать на одних и тех же землях, это быстро приведет к истощению пастбищ и экономической катастрофе. В то же самое время малым подплеменам нужна собственная иерархия для решения споров и различных проблем, и поселение должно быть способным, если понадобится, действовать быстро и слаженно, прежде всего для того, чтобы защитить свои права на выпас скота, от которого зависит их жизнь. Правильно организованная децентрализация, в противовес единой власти, — это естественная форма политического управления для кочевых сообществ, и наличие четкой иерархии правителей вписывается в эту картину как нельзя лучше[2].

[1] О расчетах пастбищных земель на Альфёльде см.: Lindner (1981). О массовом вторжении 395 года см.: Maenchen-Helfen (1973), 51—59.

[2] О преобразованиях в племенах кочевников в целом см. исследования, указанные в примечании на с. 297.

Но когда второй римский историк и дипломат — знаменитый Приск — посещал гуннов в середине 40-х годов V века, во времена Аттилы, система иерархии царей уже исчезла. Аттилу окружало множество достойных мужчин, и, хотя изначально он делил власть со своим братом, других представителей королевского ранга у гуннов не было. Ни один источник не объясняет, как именно исчезла система иерархии правителей, однако яблоком раздора между Аттилой и Константинополем была защита, которая гарантировалась пленным гуннам знатного происхождения[1]. Я беру на себя смелость предположить, что род Аттилы, самое позднее во времена его дяди Руа, вытеснил и/или лишил титулов всех остальных царей — этот политический процесс мы уже наблюдали среди готов Аларика и снова увидим у остготов и франков времен Меровингов.

Все это связано с миграцией по следующим причинам. В широком смысле в этих случаях происходило следующее: один предводитель монополизировал политическую поддержку, которая раньше разделялась между несколькими предводителями. Для этого успешному лидеру необходим доступ к беспрецедентному источнику богатства, чтобы обойти своих соперников в борьбе за популярность и перетянуть на свою сторону их сторонников, в процессе вынудив бывших правителей либо покинуть племя, либо принять более скромный пост, не царский. В случае с гуннами новым источником обогащения стали прибыли, получаемые от связей, которые они сумели установить с Римской империей. Любыми правдами и неправдами стать тем, кто распоряжается распределением прибыли, получаемой в результате набегов, наемнической службы и сбора дани, — вот самый короткий путь к политической победе. Хотя такой цели гунны, разумеется, не преследовали, наоборот — их переселение на Среднедунайскую низменность принесло с собой и политическую революцию в их среде.

С позиции качественного аспекта, который присутствует в исследованиях миграции, таким образом, нет причин сомневаться в том, что вторжение гуннов в Европу в конце IV — начале V века должно считаться массовой миграцией. Это был стабильный поток, постепенно увеличивающийся, а не внезапный, единый миграционный порыв, однако политические потрясения, которые гунны вызвали к северу от Черного моря, а

[1] См.: Heather (2005), 325 и далее и комментарии.

затем и в Центральной Европе, более чем очевидны. И не менее мощным было внутреннее потрясение, которое в конечном итоге разрушило их собственную политическую структуру. Дальнейший анализ данного случая миграции ограничивается невозможностью определить тот катализатор, который подтолкнул гуннов к переселению. Римские источники указывают в качестве такового случайность, рассказывая очаровательную байку о неприкаянных охотниках, которые слепо бродили по болотам, а затем вдруг вырвались в богатую, процветающую землю, однако это всего лишь сказка, к тому же основанная — как и большинство отступлений Аммиана — на классических примерах из работ его предшественников[1]. Однако в отсутствие иных сведений, возможно, следовало бы предположить, что именно богатство земель, расположенных на периферии Римской империи, привлекло первых налетчиков и с этого момента миграционный импульс только набирал силу. Новые сведения об изменениях климата и политическом развитии могут со временем оказать свое влияние на эту точку зрения, заставив нас по-другому расставить акценты, дать иную оценку различным факторам, стоявшим за миграцией гуннов. Однако на данный момент лучшим объяснением мне представляется привлекательность богатых земель на границах Рима.

Миграция гуннов повлияла не только на них самих, но также на многие другие племена, составившие в итоге империю Аттилы. Все говорит о том, что миграционная мотивация и процессы, приведшие столько народов на Среднедунайскую низменность в период господства гуннов, весьма отличались от тех, что характеризовали переселение самих кочевников.

ПЛЕМЕННОЕ СОБРАНИЕ

Среди подданных Аттилы не гуннского происхождения гепиды, свевы и сарматы уже в IV веке владели крупными территориями на Среднедунайской низменности, задолго до появления кочевников в Европе. Свевы и сарматы появляются в труде Аммиана при рассказе о вторжении в этот регион

[1] Прокопий Кесарийский (История войн. 8.5) также сохранил часть повествования, первоначально присутствовавшего в работе Евнапия, которое восходит к сочинению Геродота «История» (5.9, о сигиннах).

императора Констанция II в 358 году, а гепиды упоминаются еще и в других источниках как народ, проживающий в землях к северо-западу от римской провинции Дакии (современная Румыния), на восточных рубежах региона. Их присутствие на Среднедунайской низменности во времена Аттилы ничем не примечательно. Однако этого нельзя сказать о большинстве других народностей не гуннского происхождения, вошедших в его империю. В IV веке территории готов и аланов располагались к востоку, а не западу от Карпатских гор, как, скорее всего, и земли герулов, ругов и скиров. Из этих трех народов яснее всего географическое расположение герулов, которые хотя и не упоминаются в источниках IV века, но в III точно находились к северу от Черного моря. Данные об обитании скиров более расплывчаты, однако примерно в 380 году, когда название племени впервые появляется в римских источниках, скиры вместе с гуннами напали на Римскую империю, перейдя границу в нижнем течении Дуная, что означает: они тогда находились к востоку от Карпатских гор. Данных о ругах нет ни в источниках III века, ни IV, однако они, как и готы, были частью вельбарской культурной системы в I и II столетиях. Когда в V веке мы вновь обнаруживаем их рядом с готами, в Среднедунайском регионе, это позволяет нам предположить, что они оказались там, проделав примерно такой же путь, как и готы, — двинувшись на юго-восток к Черному морю в III веке[1]. Итак, как готы и аланы, скиры, руги и герулы, скорее всего, отправились в земли к западу от Карпат, на Среднедунайскую низменность, только в конце IV — начале V века.

Однако у нас больше сведений о готском контингенте населения империи Аттилы. В нее вошли несколько отдельных групп. Одной из них управляли Амалы и их соперники, и она, если верить источникам тех лет, в 60-х годах V века обрела определенную независимость. Вторую в середине 460-х годов возглавлял некий Бигелис, а третья оставалась под жестким контролем сына Аттилы Денгизика до конца 460-х годов. Некоторые из этих готских объединений могли, как и люди Радагайса в 405 году, двинуться на Среднедунайскую низменность до того, как в 410 году гунны установили там свое

[1] О герулах в III веке см. главу 3. Скиры: *Зосим.* Новая история. 4.35.6. Руги: *Тацит.* Германия.

господство[1]. Других, возможно, оттеснили туда сами кочевники, во времена расцвета своей мощи. А некоторые могли пойти по иному пути. По словам Иордана, готы под предводительством рода Амалов двинулись к западу от Карпат только после смерти Аттилы в середине или конце 460-х годов, хотя они признавали его господство в 440-х[2]. Помимо миграции, так или иначе имевшей место, присутствие готов в империи, таким образом, обретает еще большую важность. Оно говорит нам о том, что любой народ, упомянутый в источниках как населяющий империю гуннов, на самом деле мог существовать в виде нескольких независимых друг от друга объединений, а история их переселения на запад, на Среднедунайскую низменность, может оказаться куда более сложной и запутанной.

Если расцвет империи гуннов на первый взгляд сопровождался массовыми переселениями разных групп на Среднедунайскую низменность, то ее упадок стал причиной еще большей волны приходов и уходов. Одними из первых ушли сами гунны. По мере того как все больше бывших подданных Аттилы возвращали себе независимость после победы гепидов в битве при Недао, с которой началась эта глава, военный потенциал Гуннской империи резко снизился — до такой степени, что к концу 460-х годов два сына Аттилы, Денгизик и Эрнак, сочли, что жизнь к северу от Дуная стала слишком опасной. Они попытались найти новые территории в Восточной Римской империи. Эрнак был хорошо принят, получил земли для себя и своих сторонников в Малой Скифии, но Денгизик был разбит восточноримской армией в 469 году. Он погиб, а его голова была выставлена на всеобщее обозрение в Константинополе. К 470 году, через семнадцать лет после смерти Аттилы, гунны как независимая сила в придунайском мире прекратили свое существование — драматический поворот истории.

Решение Денгизика и Эрнака двинуться к югу от Дуная было предвосхищено другими беженцами немного ранее. Раз-

[1] О возможном размещении в Среднедунайском регионе см.: Pohl (1980).

[2] Мы еще вернемся к более подробному разговору о племенах под предводительством рода Амалов. Бигелис: *Иордан*. Сокращение хроник. 336. О третьей группе под контролем Денгизика см.: *Приск*. Готская история. Фр. 49.

ные источники сообщают о вторжении на территорию Византии примерно в 466 году другой группы гуннов под предводительством некоего Хормидака и готов, которых вел Бигелис[1]. Точные обстоятельства нам не известны, но это явно произошло в тот период, когда разные племенные объединения, входившие в империю Аттилы, пытались избежать сражений и стычек, участившихся в Придунайском регионе.

Однако демографическая история Придунайской низменности после смерти Аттилы вовсе не состояла из одной миграции. В соответствии с единственным связным сообщением о том периоде, предоставленным Иорданом, писавшим свой труд в Константинополе в 550 году, только сейчас (в середине 450-х годов) готы под предводительством Амалов двинулись к западу от Карпат, и вел их Валамир. Однако этот рассказ, скорее всего, впервые был записан при дворе племянника Валамира, Теодориха, короля остготской Италии в 520-х годах, а самому Теодориху, родившемуся в середине 450-х, на тот момент уже было больше семидесяти лет, что делает эту историю более достоверной. Однако Иордан и сам не слишком осведомлен о том, как Валамир пришел к власти, поэтому сомнения тоже оправданны[2]. Но если готы под предводительством Амалов только прибыли сюда, это объясняет, почему в конфликтах 460-х годов другие обитатели Среднедунайского региона (прежде всего скиры, свевы руги и гепиды) объединились против них. Как бы то ни было, результатом этой борьбы

[1] Денгизик: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 354—355. Эрнак: *Иордан*. Гетика. 50.266; *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 400—401. Хормидак: Там же. 2, 571. Бигелис: см. предыдущее примечание.

[2] *Иордан*. Гетика. 50.264. Поль (Pohl (1980) предполагает — идя на компромисс, — что готы под предводительством Амалов в это время только вышли из Трансильвании. Немало чернил было потрачено на доказательства связи истории готов, рассказанной Иорданом, с вариантом Кассиодора, который, как мы знаем, работал при дворе Теодориха в Италии. На мой взгляд, все указывает на то, что Иордан работал, опираясь на текст Кассиодора (как он утверждает), и я нахожу различные теории заговора, выдвигаемые против этого утверждения, весьма неубедительными: см.: Heather (1991), глава 2; Heather (1993). Археологические свидетельства более позднего переселения готов на Дунай также вызывают сомнения. Казанский (Kazanski (1991) обозначил конец существования черняховской культуры 450-м годом, но это не общепринятый взгляд, и спор с тех пор ходит по кругу, поскольку он основан на сообщении Иордана о том, что в это время готы жили еще к востоку от Карпат.

стала дальнейшая эмиграция. Неспособность контролировать соперничество и борьбу между подданными повлекла за собой решение гуннов искать пристанища в Римской империи, но они были не одиноки — немало скиров, в том числе сын их разгромленного короля Эдекона, Одоакр, двинулись по той же причине в Западную Римскую империю после второго разгромного поражения в борьбе с готами в 469—470 годах. Следующими отсюда ушли сами готы. Сокрушив (опять же, по словам Иордана) коалицию соперников в кровавой битве близ очередной неизвестной реки в Паннонии, готы под предводительством Амалов в 473—474 годах двинулись на Балканы, принадлежащие Восточному Риму. Итогом стала пятнадцатилетняя остановка, и в тот период к власти пришел Теодорих. Он стал преемником своего отца Теодемира, унаследовавшего власть после гибели брата в одной из битв со скирами. Пребывание готов на Балканах подошло к концу осенью 488 года, когда последователи Теодориха двинулись в Италию, чтобы создать там королевство остготов[1].

Но даже закат империи гуннов, падение скиров и уход готов не положили конец борьбе за господство на среднем Дунае. К 473 или 474 году в регионе остались три основные силы — руги, герулы и гепиды. Следующим пострадало королевство ругов. Обитавшие к северу от Дуная напротив бывшей римской провинции Норик (современная Нижняя Австрия) руги навлекли на себя гнев Одоакра, правившего Италией с 476 года. В 486 году он отправил большое войско на север от Дуная, которое нанесло им тяжелое поражение; погиб их король Фелетей. Это был конец независимого королевства ругов, хотя в дальнейшем группа уцелевших под предводительством сына Фелетея, Фридериха, бежала на юг, на Балканы, где примкнула к готам Теодориха Амала в 487—488 годах, а затем вместе с ними двинулась в Италию[2].

После падения ругов герулы и гепиды остались двумя главными силами в Среднедунайском регионе, но теперь на юг начали двигаться племена лангобардов, из Богемии и земель близ среднего течения Эльбы, изначально в те области, где ранее

[1] Одоакр: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 791—793. О приключениях готов под предводительством Амалов на Балканах см.: Heather (1991), часть 3.

[2] Полный обзор: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 457 и 484—485.

господствовали руги. В I веке они обитали в нижнем течении Эльбы, к югу от Ютландии. Уцелевшие исторические источники, повествующие о переходе, приведшем их в Нижнюю Австрию к концу V века (см. карту 10), были записаны только в IX веке (спустя сотни лет) и полны причудливых подробностей, которые не оставляют сомнений в том, что их авторы не опирались ни на какие промежуточные тексты. Первые достоверные данные о продвижении лангобардов на юг мы получаем из римских источников, и они касаются их появления в Нижней Австрии в 488—489 годах с целью воспользоваться политическим вакуумом, образовавшимся после разгрома ругов. Затем мощь их королевства возрастает в два этапа. Прежде всего, в 508 году их войско сокрушило герулов. Те же более поздние письменные источники сообщают, что примерно в то же время остатки свевов также были разбиты и изгнаны из Среднедунайского региона. Второе свидетельство роста силы лангобардов мы получаем, когда они занимают старую римскую провинцию Паннония к югу от Дуная. Но сведений так мало, что мы не можем даже сказать, произошло это в 520-х годах или 540-х, хотя общая картина вполне ясна. Пробравшись сюда из земель близ Эльбы и Богемии, лангобарды стали господствующей силой в западной половине Среднедунайской низменности ко второй четверти VI века[1]. Гепиды, проживавшие дальше к востоку, теперь стали их основными соперниками.

Что до герулов, понесенное в 508 году поражение вызвало раскол в их рядах. Одна группа вообще покинула Придунайский регион и ушла далеко на север, в Скандинавию. Вторая сперва попыталась укрыться у гепидов. Но требования, которые предъявили хозяева, оказались непомерными, и герулы быстро нашли другое убежище в Восточной империи, где император Анастасий даровал им земли на Дунае в начале 510-х годов. Там они пробыли до 540-х годов, когда умер последний член их королевского клана. Они каким-то образом знали о том, что вторая часть герулов переселилась в Скандинавию, и отправили туда послов с целью подыскать подходящего князя. Однако возвращалась миссия так долго — и не в последнюю очередь потому, что первый кандидат умер по дороге, — что император

[1] Иногда лангобардов также именуют ломбардами. Например, это название встречается в сочинении Павла Диакона «История лангобардов» (1.19). Более современные комментарии см., например: Christie (1995); Jarnut (2003); Pohl и Erhart (2005).

10. Подданные Аттилы
Эльба
Одер
ЛАНГОБАРДЫ?
Висла
Южные Карпаты
Днепр
РУГИ
Дунай
ГЕРУЛЫ
СКИРЫ?
Карпаты
Днестр
АКАЦИРЫ
ГЕПИДЫ
Карпаты
Карпаты
СВЕВЫ
САРМАТЫ
Аквинкум
ГОТЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ АМАЛОВ?
ГОТЫ
Аквилея
Карпаты
Южные Карпаты
Сирмий
Виминациум
Дунай
Адриатическое море
Черное море
богатые захоронения
центральные земли гуннов
общая зона господства гуннов
Римская империя
300 километры
200 мили
Константинополь

Юстиниан, по их собственной просьбе, успел назначить нового правителя для оставшихся в империи герулов. Когда скандинавские послы наконец вернулись, разразилась гражданская война, и дунайские герулы снова разделились. Одна часть их осталась в Восточной империи, другая вернулась к гепидам. В последующей войне между лангобардами и гепидами византийцы отправили отряды «своих» герулов на помощь лангобардам, и те обнаружили, что сражаются со своими бывшими товарищами, которые выступали на стороне гепидов[1].

Однако судьба герулов — лишь несущественное отступление от нашей истории. По мере того как лангобарды набирают силу, революция в Среднедунайской низменности, запущенная с крахом империи гуннов, наконец завершается. Этот исключительно сложный и запутанный процесс длился почти целое столетие, с прибытия первых кочевников на запад от Карпатских гор приблизительно в 410 году и до поражения герулов в 508. Однако у этих событий, отраженных в различных исторических источниках, имеется определенная логика. Все началось с накопления военной мощи на Среднедунайской низменности под руководством гуннов, а после смерти Аттилы за ним последовала продолжительная борьба за первенство среди покоренных ими народов. Некоторые из соперничающих племен покидали регион по мере течения конфликтов, и бурное развитие событий на Среднедунайской низменности в эпоху гуннов — результат взаимодействия враждебных сил, оказавшихся слишком близко друг к другу, — в VI веке наконец сменяется разделением сфер влияния между лангобардами и гепидами. Однако нас интересует миграционная активность, связанная с этими процессами, — прежде всего первоначальная иммиграция в указанный регион по мере нарастания мощи гуннов, за которой после смерти Аттилы последовала эмиграция, хотя готы под предводительством Амалов (вероятно) и лангобарды (совершенно точно) представляют собой явные исключения[2]. Тот факт, что народы переселялись с одних земель в другие, никем не

[1] *Прокопий Кесарийский.* История войн. 6.14—15; ср.: Pohl (1980): археологические свидетельства позволяют предположить, что гепиды с этого момента начали медленно продвигаться на юг в Трансильванию.

[2] Более ранним исключением можно считать уход готов от давления гуннов в 427 году, см. примечание на с. 292. То же самое касается и фракийских готов, как мы скоро увидим. Гепиды также продолжили расширять сферу своего влияния в регионе, см. предыдущие примечания.

отрицается. Но вот природа и масштаб этого явления служат предметом жарких споров.

При традиционном подходе к этим событиям названия, упоминаемые в наших источниках, — готы, руги, герулы, скиры и т. д., — воспринимались как принадлежащие конкретным «народам». Как уже ранее отмечалось, под этим термином понимаются массы людей, включающие в себя мужчин, женщин и детей, объединенные общими и уникальными культурными нормами и, как правило, закрытые для чужаков, в них приняты внутренние браки. Разные фазы миграционной активности, ассоциируемые с расцветом и падением империи Аттилы, таким образом могут быть охарактеризованы в буквальном смысле как часть переселения народов (*нем.* Völkerwanderung). Но исторические свидетельства этих передвижений, однако, весьма скудны. Рассказы римских историков о миграции варваров оставляют желать лучшего, как мы уже видели, даже в тех случаях, когда их передвижения напрямую касались империи. Большая часть переселений, связанных с империей гуннов, происходила за пределами римских границ, и потому подробные сведения о них почти не представлены. Нередко у нас есть лишь указание на то, что группа A двинулась из пункта X в пункт Y, а иногда и эти данные имплицитны, когда ни слова не сказано даже о составе указанной группы.

Пред лицом столь оглушительного молчания любые предположения о масштабе и природе переселения этих групп — или, если еще точнее, отслеживание перемещений *названий* народов (назовем их ярлыками) — могут опираться лишь на общее понимание природы объединений, которые за этими ярлыками скрываются. Это, в свою очередь, означает, что проблема миграции в пределах Гуннской империи тесно связана с активно обсуждаемым вопросом о групповой идентичности варваров. Если вы считаете, что за ярлыками скрываются отдельные формации с развитой групповой идентичностью, тогда при оценке объема миграционных потоков, курсирующих по Альфёльду в период с 410 по 508 год, вы получите весьма высокие цифры. Если же групповые идентичности воспринимать как не более чем набор ярлыков, которые варварские объединения могли принимать или отбрасывать в соответствии с сиюминутной выгодой, то тогда передвижение этих «ярлыков» по карте Европы с демографической точки зрения не будет значить почти ничего. Нет, оно будет играть определенную роль, ведь кто-то

должен был скрываться за тем или иным ярлыком. Однако нет никакой необходимости представлять себе при этом огромные массы людей, передвигающиеся по континенту. Если ярлык «срабатывал» (то есть успешно выполнял функцию, которую считали полезной его носители), то в пункте назначения немногочисленная группа переселенцев могла с легкостью набрать новых рекрутов. Что же в таком случае говорят источники и археологические данные о прочности групповой идентичности в эпоху Аттилы?

ИМПЕРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Будучи очевидцем работы посольской миссии, отправленной к гуннам, историк Приск рассказывает о том, как в лагере Аттилы его внезапно поприветствовал по-гречески некто, с виду похожий на богатого гунна, «так как был хорошо одет и острижен в кружок». В дальнейшем разговоре мужчина рассказал Приску историю своей жизни.

«Он родом грек, но по торговым делам приехал в Виминаций, города на реке Дунай [...] но лишился своего состояния при завоевании города варварами и благодаря своему прежнему богатству был выбран самим Онегеснем при дележе добычи; ибо плениников из числа зажиточных после Аттилы выбирали себе избранные скифы [скиры?] вследствие свободы выбора из множества пленных. Отличившись в происшедших впоследствии битвах с римлянами и акатирским народом и отдав твоему хозяину-варвару по скифскому обычаю приобретенные на войне богатства, он получил свободу, женился на варварской женщине, имеет детей и, разделяя трапезу с Онегесием, считает свою настоящую жизнь лучше прежней».

То, что этот римский купец превратился в гуннского воина, наглядно показывает, что в те времена в империи Аттилы думали о групповой идентичности: она была крайне гибкой и ее можно было легко поменять. Есть еще один важный случай в истории, говорящий о том же. Отец Одоакра, Эдекон (если, конечно, два Эдекона — это и впрямь один и тот же человек), впервые появляется в источниках как вождь гуниов, один из приближенных Аттилы, вместе с Онегесием, чье покровительство сыграло такую роль для бывшего греческого торговца. Но самое интересное в истории Эдекона — он стал королем ски-

ров после смерти Аттилы, несмотря на то что сам не принадлежал к ним. Возможно, он имел право претендовать на трон благодаря браку с высокородной скирийской женщиной, поскольку у его детей, Одоакра и Онульфа, мать якобы была из народа скиров. Однако самого Эдекона называют то гунном, то тюрингом. Два этих случая заставляют нас предположить, что империя Аттилы была этаким плавильным котлом для идентичностей входивших в нее народов, и этот аргумент можно подкрепить более общими сведениями. Многие из военачальников Аттилы носили германские, а не гуннские имена. Это верно для Онегесия и Эдекона и, возможно, также для двоих других — Бериха и Скоттаса. Записанные имена Аттилы и его брата Бледы также германского происхождения — а один из германских диалектов, как мы знаем, был главным языком в империи гуннов, поскольку в нее входило столько германских народностей, что они по численности многократно превосходили гуннов[1]. Все исторические свидетельства, таким образом, указывают на то, что гуннский мир на Среднедунайской низменности был многонациональным.

Археологические находки говорят нам о том же. За почти сорок лет раскопок после 1945 года было найдено множество материалов, относящихся к периоду гуннского господства, преимущественно с захоронений на Альфёльде. Встречаются также клады. Но по этим материалам «настоящих» гуннов можно узнать крайне редко. В общем и целом — и это включая Волжскую степь к северу от Черного моря — археологи обнаружили не более двухсот захоронений, которые можно с относительной уверенностью назвать гуннскими. Они отличаются присутствием луков, одеяниями, не похожими на европейские, деформацией черепов (некоторые гунны обвязывали головы младенцам до того, как череп закостеневал, что придавало ему специфическую продолговатую форму) и наличием котлов особой формы. Количество такого рода захоронений очень невелико. Либо в обычаях гуннов было избавляться от тел так, что не осталось никаких археологических свидетельств, либо требуется другое объяснение такого дефицита гуннских останков. Зато на этих среднедунайских кладбищах в изобилии встречаются останки, судя по всему, германских подданных Гуннской империи. Об-

[1] *Приск.* Готская история. Фр. 11.2.422—435. Эдекон: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 385—386.

наруженные материалы считаются германскими по следующим причинам. Все их характерные черты встречаются почти в том же виде на территориях готов и других германских племен в Центральной и Восточной Европе в позднеримский период, до прибытия гуннов. Материалы V века датированы разными годами, и таким образом получены хронологические горизонты, между которыми и происходит появление германских захоронений в «дунайском стиле»[1].

Как правило, мертвых предавали земле, а не кремировали[2], и характерный погребальный инвентарь встречается в больших количествах только в сравнительно немногочисленных богатых захоронениях. Многих закапывали либо с несколькими ритуальными предметами, либо вовсе без них. Эти предметы включали в себя личные украшения — в особенности крупные полукруглые броши, пряжки, серьги, подвески, золотые ожерелья. Оружие и военное снаряжение также встречаются довольно часто: седла с металлическими вставками, длинные прямые мечи, подходящие для кавалерии, стрелы. Останки также свидетельствуют о некоторых странных ритуалах. Например, теперь довольно часто с мертвыми закапывали сломанные металлические зеркала. Предметы, которые находят в могилах, способы захоронения и, самое главное, то, как одеты покойные, особенно женщины (платья, сколотые фибулами на каждом плече,

[1] О том, как люди одевались, можно судить по тому, где носили булавки и броши, — от одежды зачастую в могилах сохраняются только они. Возможные причины археологической «невидимости» гуннов могут варьироваться от драматических (тела оставляли на волю стихии и диким животным) до прозаических (за кремацией следовало развеивание пепла), или же появился обычай, при котором покойных хоронят без каких-либо предметов, которые могли бы помочь их идентифицировать (что нередко затрудняет датировку средневековых кладбищ в Северной Европе, появившихся после обращения тамошнего населения в христианство). Горизонты гуннского Среднедунайского региона отличаются друг от друга незначительными изменениями в преимущественно схожем погребальном инвентаре, точнее, в узорах и украшениях на тех или иных предметах. В хронологической последовательности (и между слоями есть промежутки) все начинается со слоя Виллафонтана, за которым последовали Унтерзибенбрунн и Домолоспушта-Баксордас. Для ознакомления с этими материалами см.: Bierbrauer (1980), (1989); Kazanski (1991); Tejral (1999). Есть также прекрасные иллюстрации у Вольфрама: Wolfram (1985).

[2] Многие племена германцев в Центральной Европе практиковали кремацию с I по III век, но перед приходом гуннов все большее распространение получает погребение.

и верхние наряды, скрепленные брошью спереди), — все это самым прямым образом связано с ритуальными обычаями, наблюдаемыми в германских захоронениях IV века. Эти элементы и обряды заимствовались в V веке многочисленными подданными Аттилы — и получали дальнейшее развитие. В результате сейчас невозможно отличить гуннские захоронения от германских благодаря одним лишь археологическим данным[1].

Как и судьбы греческого купца и Эдекона, широко распространенная и общая материальная культура германского контингента империи Аттилы заставляет нас предположить, что перед нами своего рода плавильный котел для разных культур. И возможно, процесс ассимиляции зашел даже дальше этого. Один из *возможных* ответов на вопрос, почему мы встречаем так мало гуннских захоронений в V веке, заключается в том, что кочевники начали одеваться как их германские подданные и усвоили их язык.

В этом случае не приходится сомневаться в том, что в империи Аттилы отдельно взятые индивидуумы, которых, возможно, было немало, принимали чужую идентичность, пытаясь добиться богатства и процветания, по мере того как менялись политические условия и появлялись новые возможности. Для некоторых ученых имеющихся исторических и археологических свидетельств достаточно для того, чтобы предположить, что групповая идентичность в этой многокультурной империи была очень мобильной. По существу, каждый, кто оказывался в среде гуннов в конце IV — начале V века, становился полноправным гунном. Изначальное ядро, состоявшее из кочевников, и преимущественно германоязычные народности, пополнившие собой население империи Аттилы и его войска, со временем стали обладателями общей гуннской групповой идентичности, а затем, после смерти Аттилы, они вернулись к своей прежней идентичности, образовав различные племена и группы, обретшие независимость в 450-х и 460-х годах[2]. У меня нет сомнений в том, что эта модель вполне верна в случае с отдельно взятыми людьми и даже группами. Однако она совершенно не

[1] Иногда удается почерпнуть достаточно информации из исторических источников, которые, однако, необходимо использовать в сочетании с археологическими свидетельствами, чтобы опознать определенные группы.

[2] Наиболее современное исследование: Halsall (2007), 474—475; похожий взгляд на Аварскую империю см.: Pohl (1988), (2003).

учитывает наличие весомых исторических свидетельств того, что политические структуры империи накладывали четкие ограничения на степень интеграции в общество гуннов, на степень приобщения чужаков к их групповой идентичности, что наверняка позволяло самим гуннам получать больше материальных благ, чем другие жители империи.

Для начала следует поразмыслить о греческом торговце, о котором рассказывает Приск. Он пришел к успеху, на совесть послужив своему новому хозяину на поле боя и выкупив с помощью награбленного и трофеев свою свободу. И хотя во время успешных кампаний Аттилы в 440-х годах таковых трофеев наверняка было больше чем достаточно, невольно приходится задуматься о том, всем ли римским пленникам так же везло. И скорее всего, ответ будет отрицательным. Если только Онегесий не держал просто огромный стол, за ним вряд ли хватило бы места всем бывшим пленникам, которым он благоволил. К тому же сколько римлян, не имевших никакого боевого опыта, оказались бы умелыми и удачливыми воинами? Куда реже цитируется другой рассказ Приска. В нем речь идет о судьбе двух пленников, которые также угодили на военную службу к гуннам, и те, воспользовавшись хаосом сражения, свели старые счеты со своими хозяевами, повесив их[1]. Я подозреваю, что именно эти отношения, куда менее гармоничные и приятные, чаще всего связывали рабов и их хозяев, а история греческого торговца — счастливое исключение из правила.

Более того, Приск рассказывает о римлянах, попавших в плен по одному. Большинство же населяющих империю Аттилы народов вошли в нее крупными группами. И исторические источники указывают на то, что в таких случаях существующая модель отношений далеко не благоприятствовала легкой и массовой смене идентичности. К Гуннской империи никто не присоединялся добровольно. Доказательства тому многочисленны и убедительны. Народы не гуннского происхождения становились частью империи в результате завоевания или угроз. Это верно прежде всего для акациров, которые стали последними жертвами гуннов во времена Аттилы. Разумеется, этому предшествовали отдельные дипломатические ходы, но суть от этого не меняется: «Аттила без промедления отправил большое войско, некоторых уничтожил. А прочих

[1] *Приск.* Готская история. Фр. 14.

подчинил». Желание избежать той же судьбы и вынудило тервингов и грейтунгов прийти на берега Дуная летом 376 года. На самом деле все данные, которыми мы располагаем, указывают на то, что ряды подданных Аттилы пополнялись не добровольцами, а теми, кто не успел вовремя убраться с его пути[1]. И это указывает на то, что отношения между гуннами и покоренными народами вряд ли были такими уж гармоничными. Это подтверждается более общими данными.

Ключевым для понимания принципов функционирования Гуннской империи является тот факт, что она была по природе своей нестабильна. Этот аспект, как правило, не получает должного внимания со стороны историков, потому что автор большей части повествований о гуннах — Приск, рассказывающий об апогее ее развития при Аттиле в 440-х годах. Если же забросить сеть чуть шире, мы обнаружим множество доказательств ее нестабильности. Поскольку очень многие подданные гуннов стали таковыми не по своей воле, римляне то и дело ослабляли империю кочевников, отделяя от нее народы, многие из которых с готовностью пользовались возможностью ускользнуть. А ведь именно потеря основной массы сторонников послужила причиной поражения Улдина в 408—409 годах, разница лишь в том, что нам неизвестно, какими именно слабыми сторонами в отношениях между гуннами-хозяевами и их подданными пользовались римляне.

Другое доказательство гораздо яснее. К примеру, в 420-х годах Восточная Римская империя вырвала большую группу готов из-под власти гуннов, изгнав кочевников с части Паннонии. Готам выделили земли во Фракии, и впоследствии они верно служили в армии Византии[2]. В других случаях подневольные народы сами перехватывали инициативу: «Руа, царь гуннов, [решил] вступить в войну с амильзурами, итимарами, товосурами, бисками и другими народами, жившими по Истру и прибежавшими под защиту римлян»[3].

Эти события датируются концом 430-х годов, когда Руа, дядя Аттилы, уже добился серьезного успеха, но даже этот успех и доля в награбленном, которую он обещал, были недостаточно

[1] *Приск*. Готская история. Фр. 11.2. С. 259. О тервингах и грейтунгах см. главу 4. Ср.: Понижение статуса и охлаждение отношения к скирам после поражения Улдина, см. примечание на с. 292.

[2] См. примечание 2 и далее в этой главе.

[3] *Приск*. Готская история. Фр. 2. Р. 225.

привлекательной перспективой, которая могла бы гарантировать бездействие покоренных народов. Как и следовало ожидать, смена власти стала временем серьезных потрясений: «По заключении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с сорогами»[1].

Повторное утверждение своего господства над другими народами после того, как вы стали главным гунном в империи, было, скорее всего, необходимостью для вас как для нового правителя. И это было так важно, что при любой возможности предводители гуннов пытались сделать все, чтобы римляне не смогли стать источником неприятностей. В первом договоре, заключенном с Константинополем, Аттила и Бледа вынудили Восточную Римскую империю согласиться с тем, что «римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против гуннов»[2].

После смерти Аттилы все внутренние конфликты резко обострились и вышли из-под контроля. Следовательно, борьба гуннов с покоренными народами не была единичным исключением из правила, но, напротив, говорила о куда более глубоких структурных проблемах в империи Аттилы. Картина внутреннего мира и покоя, которую мы получаем из описаний Приска о посольской миссии, направленной к Аттиле, в корне неверна. Империя была создана завоеванием, поддерживалась силой, и покинуть ее, как показывают события после смерти Аттилы, можно было только с боем.

Причины, по которым существовала столь прочная вражда между правящими и управляемыми, становятся ясны из следующего отрывка «Истории» Приска, в которой речь идет о последнем нападении Денгизика на Восточную Римскую империю в 467—468 годах, спустя почти двадцать лет после того, как историк побывал при дворе Аттилы. Эти записи демонстрируют, как римский провокатор умело разжег рознь между представителями разных народностей в смешанном войске готов и гуннов. Он сделал это, напомнив германцам о том, как гунны в общем и целом вели себя по отношению к ним: «Ибо они, не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [то есть готы], состоя в положении рабов, трудятся для доставления им продовольствия»[3].

[1] *Приск*. Готская история. Фр. 2. Р. 227.
[2] Там же.
[3] Там же.

То, что гунны забирали заготовленные готами запасы, конечно, только часть этой истории. Покоренные народы обязаны были участвовать в войнах. Возможно, описанный Приском превратившийся в гунна купец обрел успех и почет, но таких было абсолютное меньшинство. Как уже отмечалось ранее, не многие римские пленники, не бравшиеся ранее за оружие, могли быть полезны в бою, и во время военных кампаний кочевников такие «воины» погибали либо получали страшные ранения. Для большинства жизнь в Гуннской империи выглядела следующим образом: военное завоевание и последующая экономическая эксплуатация, которая периодически приправлялась необходимостью участвовать в войнах Аттилы.

Что не менее важно — и это обстоятельство отличает империю гуннов от Римской империи — у кочевников не было правительственных структур, которые могли бы успешно управлять делами входящих в нее народов. Как известно, бюрократический аппарат гуннов состоял из одного римского секретаря, посланного Аэцием, фактическим правителем Западной империи, и римского же пленника, способного писать на греческом и латыни. На практике это означало, что покоренные народы должны были неусыпно заниматься собственными делами и решать самостоятельно все свои проблемы. Но это вовсе не означает, что для них все шло точно так же, как прежде. К примеру, завоевав акациров, Аттила поставил одного из своих сыновей правителем над выжившими вождями, устранив нескольких других, противившихся его власти. Точно в такой же ситуации оказались готы, составившие часть войска Денгизика в 467—468 годах (о них речь шла выше): у них были свои вожди и военачальники, но не было общего правителя. Учитывая тот факт, что у всех известных нам независимых племен готов в период с III по V век были верховные правители, даже если власть разделялась, к примеру, между братьями (как у готов, ведомых Амалами), мы вынуждены предположить, что «главенство» и «правление» гуннов на самом деле сводилось к тому, чтобы предотвратить появление лидера в крупных группах побежденных народов[1]. И цель такой стратегии у

[1] Римляне предоставили Аттиле секретарей и пленника Рустиция, который знал язык варваров (*Приск.* Готская история. Фр. 14. P. 289). Эта государственная машина могла вести учет правителей-отступников, бежавших в Рим, отслеживать поставки продовольствия, которые требовались от подчиненных племен, и не только. Акациры: Там же. Фр. 11.2. P. 259. Готы: Там же. Фр. 49.

гуннов была, несомненно, та же, что и у римлян, которые применили ее против алеманнов, поселившихся у границ империи, или же в мирном договоре с готами, пришедшими на Римскую землю. Убрав единого правителя, вы разжигаете борьбу внутри племени и тем самым снижаете вероятность успешного сопротивления вашим войскам.

К таким же выводам нас приводит и политическая история готов, которыми правили Амалы. Рассказы, записанные Иорданом, говорят о том, что Валамир не унаследовал главенство над нимн, но фактически добился его, подчинив соперников, предводителей военных отрядов, и, насколько это было возможно, заручившись поддержкой тех, кого он изначально заставил покориться силой. Точных дат историк не указывает, но, похоже, это произошло после смерти Аттилы, а не до нее, поскольку в них появляется именно та проблема, возникновения которой гуины любой ценой пытались не допустить, а именно создание союза, достаточно крупного и мощного, чтобы действовать независимо. Только после объединнения у этих готов появилось достаточно сил, чтобы либо вторгнуться в Среднедунайскую низменность, либо попросить Константинополь о признании их независимости[1]. И если это было верно для готов, то, возможно, касалось и других народов, составляющих империю гуннов, и тогда мы получаем ответ на вопрос, почему скирам необходимо было найти правителя из военачальников Аттилы по мере ослабления власти гуннов.

Итак, отступив от образа Аттилы во всем его великолепии и блеске, мы начинаем замечать внутреннюю нестабильность его империи. В отличие от Рима, который подчнинял и ассимилировал новые народности веками — или, по крайней мере, тамошних землевладельцев, — превращая их в полноправных жителей империи, постепенно сглаживая острые углы, оставленные завоеванием, у гуннов не было достаточно развитых бюрократических систем, которые моглн бы взять на себя прямое управление покоренными народами. Более того, я подозреваю, что реальные границы власти гуннов и их вмешательство во внутренние дела той или иной группы различались. У гепидов, судя по всему, имелся верховный правитель уже на момент смерти Аттилы, и вполне вероятно, именно поэтому они первыми и стали добиваться независимости. Другие груп-

[1] *Иордан.* Гетика. 48.246—251; Heather (1989), (1996), 113—117, 125—126.

пы, вроде готов под предводительством Амалов, смогли бы обзавестись таковым в середине или конце 450-х годов, чтобы оспорить господство гуннов. А третьи, вроде готов, по-прежнему пребывавших под властью Денгизика в 468 году, так и не сумели этого сделать[1].

Если бы мы располагали более полными и подробными источниками, то дальнейшее повествование наверняка бы открыло бы нам, как Гуннская империя после 453 года стала стремительно уменьшаться, словно луковица, когда разные «слои» подчиненных народов стали по очереди обретать независимость. Пошел обратный процесс — империя теряла мощь, гунны утрачивали господство над другими племенами и власть над покоренными народами. Здесь имелись две переменные, которые, возможно, были взаимосвязаны. Первая — степень сохранности политической структуры различных субъектов государства гуннов. Вторая — расстояние, отделявшее их от центра империи, где стояли лагеря Аттилы, в одном из которых его и посетила посольская миссия Приска. Некоторые племена, жившие неподалеку от них, удерживались на коротком поводке, и любая возможность появления у них единого правителя жестко подавлялась. К правлению Аттилы франки и акациры находились на противоположных границах империи. Нам известно о его попытках вмешаться в один из конфликтов франков, касающийся наследования власти, поэтому даже земли близ Северного Рейна не были вне пределов его досягаемости — а ведь акациры проживали где-то к северу от Черного моря. Между ними располагались различные группы тюрингов, готов, гепидов, свевов, скиров, герулов, сарматов и аланов — и все они в той или иной степени плясали под дудку Аттилы[2].

Стоит поднять вопрос и еще об одном факторе, усложняющем нашу задачу. У нас нет подробных сведений о государстве Аттилы, однако надежный византийский источник дает нам интересную информацию о неких вариантах статусов, бывших

[1] Гепиды: *Иордан.* Гетика. 50.260—261.

[2] Франки: *Приск.* Готская история. 20.3. Акациры: см. примечание 42. Среди зависимых групп племен жестче всего контролировались готы (о них говорилось в цитате из работы Приска, которая приводилась ранее), меньше всего — гепиды, которые и возглавили мятеж против сыновей Аттилы (см. предыдущий комментарий). Между этими племенами по степени контроля находились готы Паннонии под предводительством Валамира: см. примечание на с. 326.

в ходу в аналогичной империи кочевников-аваров, Аварском каганате почти два века спустя. В нем рассказывается о группе восточноримских пленников, которых увезли из родных мест на север и поселили как аварских рабов близ старого римского города Сирмия. Со временем они получили статус свободных людей, но по-прежнему оставались в подчинении у империи, хоть та и даровала им право на самоуправление[1]. В нашем исследовании крайне важно рассматривать все возможные варианты, невзирая на то, что у нас нет источников такого же качества о Гуннском государстве. Возможно, империя Аттилы была устроена схожим образом с наличием промежуточных статусов между полноправными гуннами и их рабами. Однако следует подчеркнуть, что даже последующее возвышение не давало пленникам и их потомкам достаточно прав, чтобы оставаться частью империи просто так, без выполнения определенных обязательств. И когда у этих римлян появилась возможность вырваться из-под власти аваров, они ею воспользовались.

Все это возвращает нас к принципу функционирования групповых идентичностей в Гуннской империи. Они не были неизменными. Положение бывшего греческий торговец Приска наглядно показывает, что отдельные рабы, если им сопутствовало везение, могли получить статус свободного человека среди гуннов — точнее, забыть о первоначальной пропасти между статусом и идентичностью. Но и гуннское ядро империи проходило через серьезную трансформацию групповой идентичности. Раньше я уже упоминал о том, что, насколько нам известно, изначальная идентичность гуннов основывалась на верности нескольким вождям определенных рангов, союз которых и образовывал большое, многочисленное племя, однако эти идентичности более низкого порядка исчезли в ходе политической реорганизации, последовавшей за возвышением династии Руа и Аттилы. Схожие процессы затрагивали и другие кочевые племена, о которых сохранилось больше сведений. Они тоже двигались к западным рубежам Евразийской степи и шли дальше. Например, так называемые турки-сельджуки XI века были не стабильным политическим образованием с долгой историей, а крупным союзом кочевых тюркоговорящих племен, которые временно объединились под удивительно успешным правлением Сельджукидов, устранивших потенциальных соперников и

[1] *Чудеса* святого Димитрия Солунского. II.5.

завоевавших большую часть Ближнего Востока[1]. Однако при всей своей яркости и драматичности такого рода политические процессы порождают победителей и проигравших даже среди тех, кто является их движущей силой, — что, возможно, объясняет, почему, по имеющимся у нас сведениям, некоторые гуннские объединения предпочли последовать за своими вождями, а не за сыновьями Аттилы, когда империя начала распадаться.

И еще более драматической была реорганизация, через которую прошли как минимум некоторые побежденные гуннами народы. Их новые властители постоянно вмешивались в дела политической верхушки, подчиняя своей власти правящие структуры племен, находившихся под почти полным их контролем. Аттила, похоже, нанимал помощников и советников разного происхождения, задачи которых отчасти заключались и в том, чтобы руководить покоренными племенами, статус которых, как мы видели, теоретически мог варьироваться, хотя мы не знаем наверняка, был ли этот принцип в ходу у гуннов. Нужно признать, такой подход был бы весьма разумным. Управлять империей, состоящей из более или менее автономных субъектов, Аттила мог только с помощью верных сторонников, которые бы занимались их делами или контролировали бы местных правителей. В пользу этой стратегии говорит наличие золотых кладов в археологических пределах, ассоциирующихся с империей гуннов в период ее расцвета. Золото обнаруживается в достаточно больших количествах, но даже и это, скорее всего, лишь часть того, чем гунны тогда владели. Сколько таких кладов было найдено и переработано за века постоянных вторжений на территорию Альфёльда, мы никогда не узнаем. Следует подчеркнуть, что золото — редкая вещь в германских археологических остатках до гуннского периода, поэтому количество нового богатства, которое стало доступным после разграбления Рима войсками Аттилы, вряд ли можно переоценить. Помимо военного господства он также использовал право распределения трофеев, захваченных в кампаниях против римлян, и выдавал вождям покоренных народов их долю, чтобы убедить их принять его правление. Точно так же римляне ежегодно приносили дары вождям варваров, которых они только что победили или подчинили иным способом[2].

[1] См., например: Agadshanow (1994).

[2] Продолжение темы см.: Heather (2005), 324 и далее и комментарии.

Однако в то время как плотная концентрация войск, собравшаяся на Альфёльде из всех уголков варварского (и прежде всего германского) мира, превратила равнину в плавильный котел для разных культур, она же помешала полному исчезновению групповых идентичностей, связанных с более крупными племенными объединениями. Причина, по которой гунны покоряли готов, гепидов, герулов и всех остальных, заключалась в том, что после захвата их военный и экономический потенциал можно было использовать себе на благо. Если им всем было позволено стать полноправными, свободными гуннами, как бывшему византийскому купцу, то тогда и отношение к ним по мере завершения этого процесса должно было меняться в лучшую сторону. И в этом случае выгода, которую кочевники получали в результате их завоевания, была бы потеряна. Гуннская империя была, конечно, многонациональна, однако, как часто происходит в мультикультурном обществе, это вовсе не означало, что групповые идентичности в ее границах были либо бесконечно гибкими, либо быстро стирались. Стать гунном — значило обрести более высокий статус, а поэтому многонациональный характер империи, напротив, возводил стены вокруг гуннской идентичности, защищая и оберегая ее. Недостаточно развитый бюрократический аппарат государства позволил покоренным народам сохранить хотя бы местных правителей из их числа, и благодаря этому уже существующее чувство групповой идентичности могло не утратить своей актуальности. В то же время эксплуатация, которую им пришлось терпеть, могла послужить другой причиной сохранения своей групповой идентичности, поскольку желание избавиться от гнета было единственным стимулом однажды сбросить господство гуннов — либо благодаря своевременному уходу в Римскую империю, либо через обретение политической независимости силой. Ни одна из этих возможностей не была бы доступна племени, которое полностью раздроблено и потеряло всякую способность действовать сообща. Поэтому у покоренных кочевниками народностей были все причины сохранить старую идентичность.

Необходимо подчеркнуть, что представление о Гуннской империи, полученное из исторических свидетельств — о том, что это образование с постоянными конфликтами между правящим и управляемыми, — ничуть не опровергается археологическими остатками, даже если придерживаться мнения, что следов гуннов осталось так мало потому, что они начали хоронить мертвецов по

обычаям своих германских подданных. Более того, когда речь заходит об археологических находках, иногда возникает методологическая путаница. Все согласны с тем — теперь, когда научный мир отошел от привычной истории культуры, — что индивидуальные племена не могли иметь каждое свою уникальную, не похожую на прочие материальную культуру. Но иногда звучат утверждения, что если материальная культура, распространенная в каком-то одном регионе, не содержит ярких, выразительных особенностей, то невозможно понять, какая именно идентичность за ней скрывается. Однако это лишь обратное применение старого ошибочного взгляда, распространенного в истории культуры, — что у обособленного народа должна быть обособленная материальная культура. Если отдельных, не слишком существенных различий в региональных остатках материальной культуры недостаточно для того, чтобы говорить об отдельных политических идентичностях, то и отсутствие культурных различий — не показатель отсутствия различий политических. Идентичность касается прежде всего внутренних умонастроений и политических структур, притязаний индивидуумов и готовности целых групп признать эти притязания, но она никак не связана с материальными структурами культуры. Это серьезно ограничивает использование данных археологии в спорах об идентичности, кроме разве что необычных обстоятельств, которые возникают, к примеру, в том случае, если нет иных источников информации о конкретных предметах, имеющих особое предназначение или бо́льшую важность. Тот факт, что все народы в пределах гуннской Европы обладали примерно одной и той же материальной культурой, еще не говорит о том, что не было определенных различий в статусе этих народов или отдельных групповых идентичностей, сохранившихся в едином государстве[1].

РАЗРУШАЮЩИЕСЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Процедура распада Гуннской империи — при учете имеющихся сведений о ее создании и укреплении — подтверждает, насколько важными были эти внутренние идентичности для

[1] Как мы видели, современные антропологические свидетельства показывают, что максимум, что можно установить в подобных обстоятельствах, — это тот факт, что очень немногие предметы способствуют определению групповой идентичности, но это не означает, что таковой вообще не существовало: см. главу 1 и, особенно, Hodder (1982).

каждого входившего в нее народа, если даже последующие трансформации опять-таки были частью этого процесса. Империя была уничтожена изнутри, когда различные ее субъекты после смерти Аттилы вновь с оружием в руках вернули себе независимость. Если они все добровольно и на равных правах приняли гуннскую идентичность, как до этого вообще могло дойти? Действуя сообща, они сумели выманить у Римской империи огромные суммы золотом, что ясно подтверждается среднедунайскими захоронениями. Это был высший уровень хищничества, которого они бы никогда не достигли по отдельности, что подчеркивается как фактическим отсутствием золота в ранних германских остатках, так и тем, что Восточная Римская империя сумела восстановить контроль над Балканами в конце V века после того, как союз, созданный гуннами, распался[1]. И в самом деле, усилия, приложенные народами не гуннского происхождения для того, чтобы вырваться из-под власти гуннов, доказывают, вне всякого сомнения, что низкий статус и постоянная эксплуатация, бывшие частью их жизни, означали, что цена пребывания в империи, как правило, превышала прибыли, получаемые некоторыми индивидуумами в ходе все возраставшей захватнической деятельности, лежавшей в основе ее существования. И когда после смерти Аттилы у покоренных народов появился шанс на освобождение, началась борьба за независимость.

Как и изначальное присоединение их к империи, процесс выхода из-под гуннского контроля сопровождался переосмыслением групповых идентичностей. Если все более многочисленные и сплоченные группы не гуннского населения были лишены собственных предводителей в процессе интеграции в империю кочевников, то потом борьба за положение и власть, вроде той, что свела вместе скиров и Эдекона, разразилась бы по всей территории Аттилы. Валамир, как мы видели, объединил ту группу готов, которой впоследствии стал править род Амалов, но для этого ему пришлось обойти других претендентов и, возможно, даже включить в войско воинов другого происхождения. Кроме уже упоминавшихся крупных племен и союзов, которые в конце 450-х — начале 460-х годов сформи-

[1] Если Аттила мог получать годовые субсидии, измеряемые тысячами килограммов золота, то максимум того, что удалось получить самым успешным последователям гуннов — готам под управлением Амалов, — это 300 килограммов, см.: *Приск.* Готская история. Фр. 37.

ровали государства на руинах империи Аттилы, многие более мелкие объединения также появляются в наших источниках. Например, сороски, амильзуры, итимары, товосуры и биски встречаются в разных фрагментах «Истории» Приска. Некоторые из них в конечном итоге оказались на Римской земле после падения империи гуннов, и хаотическая природа ее распада повлияла и на их дальнейшее устройство в империи, как пишет Иордан: «Савроматы же, которых мы называем сарматами, и кемандры, и некоторые из гуннов поселились в части Иллирика, на данных им землях у города Кастрамартена. Скиры, садагарии и часть аланов [...] получили Малую Скифию и Нижнюю Мезию. [...] Руги же и многие другие племена испросили себе для поселения Биццию и Аркадиополь. Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом в Прибрежной Дакии»[1].

Эти племена были приписаны к одному или нескольким византийским военным фортам на севере Балкан, а потому ни одно из них не могло быть достаточно крупным. Предположительно, похожие группы входили в состав более крупных королевств, начавших появляться после разрушения империи гуннов. Среди потомков тех, кто последовал за Теодорихом из рода Амалов, вторгшимся в Италию в конце 540-х годов, к примеру, были гунны-биттигуры. Ими ранее правили сыновья Аттилы и в 460-х годах отправили их на войну против дяди Теодориха, Валамира. Похоже, в один прекрасный момент биттигуры пересмотрели свою политическую приверженность[2]. Разумеется, это могло произойти при самых разных обстоятельствах, однако трансформация ядра империи гуннов в результате смерти Аттилы была самой удачной возможностью для них сделать это.

[1] *Иордан*. Гетика. 50.265—266. Иордан сам был не понаслышке знаком с состоянием вооруженных групп на Балканах, и, следовательно, можно рассчитывать на то, что этот список точен. Когда именно (в 450-х или 460-х годах) образовались эти поселения, неясно: Эрнак, по всей вероятности, основал свое в конце 460-х годов, хотя может оказаться, что все они относятся к периоду ослабления гуннской власти после 465 г., который также связан с походами на Рим Бигелиса и Хормидака. Отсутствие у Эрнака желания вести активное сопротивление может объяснить, почему предпочтение было отдано ему, а не Денгизику.

[2] *Иордан*. Гетика. 53.272; ср.: *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. 2.13.1 и далее.

Схожей была и судьба ругов, только для них этот процесс несколько затянулся и носил более масштабный характер. Они создали одно из первых королевств-преемников Гуннской империи, но, когда Одоакр разбил их и лишил независимости, руги решили примкнуть к Теодориху. Гепиды и лангобарды продолжили эту традицию сбора разбитых племен под своим крылом. Потерпев сокрушительное поражение, герулы присоединились к последним (хотя сперва им пришлись не по вкусу предложенные условия союза), и к тому времени как лангобарды двинулись в Италию в конце 560-х годов, с ними, по словам Павла Диакона, отправились свевы, герулы, гепиды, бавары, булгары, авары, саксы, готы и тюринги. По крайней мере под тремя первыми названиями из этого списка скрываются неприкаянные бродяги с бывших гуннских территорий на среднем Дунае[1]. Изменения политической идентичности, происшедшие в новых союзах в процессе формирования королевств-преемников после смерти Аттилы, не следует недооценивать. Некоторые — а возможно, и все они — вовсе не были культурно однородными объединениями, закрытыми для чужаков и воспроизводящимися благодаря внутренним бракам, но новыми образованиями, сшитыми кое-как из пестрых лоскутков, в которые вступали остатки народов, желавших вырваться из-под гнета гуннского правления. Даже гепиды, которые уже во времена Аттилы наслаждались относительной свободой (ими даже правил собственный король), вполне могли принять в свою среду новых рекрутов после падения империи. Но в первую очередь этот процесс затронул скиров и готов под предводительством Амалов, которые обрели — или восстановили — свое единство. Вполне возможно, что происхождение других крупных союзов, о которых нам почти ничего не известно — ругов, свевов и герулов, — было столь же туманным.

Эти политические образования не были «народами» и во втором понимании этого термина, которому традиционно при-

[1] *Павел Диакон.* История лангобардов. 2.26 и далее; ср.: Jarnut (2003). Как в сочинении Павла Диакона, так и других ранних лангобардских текстах часто появляется указание на то, что после битв проигравшие войска включались в состав победившей армии, хоть и не всегда на равных условиях: см., например: *Происхождение* народа лангобардов. 2 (упоминаются aldii то есть полусвободные), *Павел Диакон.* История лангобардов. 1.20, 1.27, 5.29.

дается важное значение. Как мы видели, триста лет экономического развития создали — или ускорили появление — социальное неравенство в германском мире. И для готов, предводительствуемых Амалами, как нам совершенно точно известно, это означало, что в их обществе имелись воины двух рангов, возможно перекликающихся с классами свободных и вольноотпущенных. То же касается лангобардов, которые вторглись в Среднедунайскую низменность только после того, как сыновья Аттилы прекратили борьбу за власть. Когда речь заходит о групповой идентичности в этом контексте, у нас появляется новое измерение, которое необходимо учитывать. Только воины более высокого статуса получали в полной мере все преимущества от объединения, к которому они принадлежали, поскольку лишь они обладали соответствующими правами и привилегиями. И только они могли полностью принять групповую идентичность своего племени. Важность этого заключения отчетливо прослеживается в исторических источниках. В какой-то момент, во время завоевания Византией остготской Италии, были убиты все воины-готы, обладавшие высоким статусом и находившиеся в составе их армии в Далмации. Оставшиеся воины с более низким статусом сразу же сдались. И на протяжении всего повествования о той войне Прокопий подчеркивает, что большие потери среди воинов высокого статуса вызывали в обществе готов тревогу и уныние[1].

Из этого следует, что крупные племенные объединения, появившиеся на месте империи гуннов, совершенно точно не были «народами» в традиционном понимании этого слова. Не имея ни культурного, ни иерархического единства, они представляли собой сложный комплекс политических союзов и статусов, которые, как видно по двойственной структуре войска, наверняка включали в себя и рабов, лишенных права носить оружие. Однако при этом не следует впадать в крайности, чрезмерно упрощая картину: не нужно вместо полностью закрытых и цельных групп населения, какими их рисовали ранее, сразу же переходить к противоположному подходу и представлять эти объединения как удобные, сиюминутные союзы, не имеющие ни внутренней структуры, ни стабильности. Сейчас неподходящий момент для подробного рассмотрения этого положения,

[1] Готы: Heather (1996), приложение I. Лангобарды: Ibid. И см. предыдущий комментарий. См. также главу 2.

однако следует сделать здесь два важных замечания. Прежде всего, групповые идентичности не зависели от королевских семей, которые в одном из классических подходов рассматривались как своего рода «социальный цемент», скрепляющий до крайности разрозненные импровизированные союзы с блеклым подобием этнической целостности. Лангобарды, к примеру, признавали королей из различных династий, а не строго из одного королевского рода и при этом ухитрялись оставаться единым племенем, не утрачивая своей идентичности, даже в те периоды, когда у них вообще не было короля. Это хорошо известный факт, но ученые редко признают, что история готов во многом похожа на историю лангобардов — куда больше, чем кажется. В 520-х годах, пытаясь сделать наследником итальянского престола своего внука — у которого имелось множество соперников, в том числе и принадлежащих к правящей династии, — Теодорих Амал, племянник Валамира, задействовал масштабную пропагандистскую кампанию, утверждая, что лишь его род является истинно королевским и потому один должен править готами. Кассиодор помог ему найти «доказательства» справедливости этих притязаний в истории готов, создав генеалогию, согласно которой внук Теодориха был представителем семнадцатого поколения королевской семьи. Однако правители всегда утверждают нечто подобное, и верить им не следует, особенно в этом случае. Заявления Теодориха и приводимая им история его семьи не согласуются с тем, что можно почерпнуть из современных ему источников. Генеалогическое древо Амалов, составленное Кассиодором, было слеплено из сведений, почерпнутых в готских устных преданиях и римских исторических трактатах, и вдохновлено библейскими жизнеописаниями. Господство Амалов над этой ветвью готов укреплялось постепенно примерно с 450 года. Теперь не приходится удивляться тому, что, когда род Теодориха не смог предъявить подходящего наследника, он был срублен под корень — фактически в буквальном смысле, ведь его племянник Теобальд был убит в 536 году за свои вечные неудачи — всего через десять лет после смерти великого короля[1].

[1] Лангобарды: см., например: Jarnut (2003). Ярнут указывает, что королевская власть у лангобардов могла быть временным явлением, функции которой сводились к ведению военных походов. Готы: Heather (1989), (1996), главы 8—9.

К тому же при всей хаотичности политического процесса, запущенного со смертью Аттилы и ставшего причиной появления всех этих объединений, идентичность некоторых крупных племен было не так просто уничтожить. К примеру, руги, присоединившиеся к Теодориху в 487—488 годах, сохраняли свою независимость на протяжении еще двух поколений, вплоть до 540-х годов, когда они все еще оставались узнаваемой народностью среди других, населявших Италию. Герулы также, несмотря на все их злоключения и расколы, сохраняли довольно сильное чувство групповой идентичности еще сорок с лишним лет после поражения, нанесенного им лангобардами в 508 году. Иначе они не стали бы искать себе нового предводителя из традиционно правящего рода среди своих сородичей, ушедших в Скандинавию[1]. Судя по их истории, и руги, и герулы были группами «среднего размера». Они не были так же сильны в военном отношении, как союзы готов, лангобардов или гепидов, создавшие более долгосрочные политические образования, которые в конечном итоге вобрали в себя и часть ругов и герулов. В обоих случаях, однако, имеющиеся свидетельства подвергались сомнению. Посольство герулов в Скандинавию было объявлено «сказкой», а повторное появление ругов в 540 году — изобретением историка Прокопия, который, как утверждается, был весьма склонен любое скопление варваров рассматривать как «народ», а потому ему нельзя верить. Обе эти истории встречаются во всех подробностях лишь в одном источнике, следовательно, их правдивость под большим вопросом. Однако есть ли реальные основания у этих заявлений?

На мой взгляд, их нет. В случае с герулами посольская миссия в Скандинавию весьма подробно описана в середине повествования об их существовании после поражения в битве с лангобардами. Другие части этой истории подтверждаются иными источниками, к тому же Прокопий в общем и целом описывает разрушение их идентичности. Когда две группы герулов в 549 году в конечном итоге выходят в битву друг против друга (одни сражались за гепидов, а другие — благодаря вмешательству Римской империи — за лангобардов), приходится заклю-

[1] О ругах, присоединившихся в Теодориху в 487 году: *Иоанн Антиохийский*. Послание к Несторию. Фр. 214.7; о том, что они все еще выделялись в 541 году: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 7.2.1 и далее (они дважды меняли стороны во время похода готов на Италию). Герулы: Там же. 6.14—15.

чить, что название герулы утратило свое значение и роль определяющего фактора человеческого поведения. Этот рассказ весьма правдоподобен, в нем нет ни противоречивых фактов, ни очевидных ошибок. Разумеется, хотелось бы получить больше подробностей, но в целом повествование Прокопия соответствует обычным критериям, по которым определяется надежность источника, созданного древними и средневековыми историками. В случае с ругами у нас опять-таки имеются другие источники, объясняющие, почему они именно так сыграли свою партию во время завоевания Италии Теодорихом в начале 490-х. На самом деле они дважды сменили сторону — сначала присоединившись к Одоакру, а потом вернувшись к готам. И не следует удивляться тому, что их идентичность — по крайней мере, в пределах одной группы — сохранялась на протяжении еще целого поколения после завоевания варварами Италии.

Единственная причина усомниться в повествовании Прокопия, таким образом, заключается в том, что эти сообщения не укладываются в концепции идентичности современных ученых, которые ставят под вопрос его правдивость. Подверженные влиянию идей Барта, эти ученые разделяют представление о том, что у германских племен середины 1-го тысячелетия не могло быть сильных групповых идентичностей. Но идеи Барта, как мы видели, являются лишь одним из направлений в современных исследованиях идентичности, что не добавляет весомости убеждениям (точнее, предубеждениям) его последователей, уверенных, что групповые идентичности варваров всегда были крайне нестабильными. При разных обстоятельствах — как и в индивидуальных ситуационных моделях — групповая идентичность может быть сильнее или слабее, и в случае с ругами Прокопий даже приводит метод сохранения идентичности: добровольный запрет на браки с представителями иных племен[1]. Учитывая связность рассказа и подробности, приведенные в нем, я готов поверить в сведения, изложенные в нашем источнике. Герулы и руги, может, и не были «народами» в классическом понимании этого слова, распространенном в XIX веке. Нет никаких свидетельств того, что они обладали какими-то

[1] Свидетельства о герулах ставятся под сомнение Гоффартом (Goffart (1988), 84 и далее), о ругах — Халсаллом (Halsall (1999). См. главу 1, в которой дается общий обзор современных теорий групповой идентичности.

ярко выраженными культурными особенностями (хотя нет и противоположных данных), и они действительно принимали в свои ряды чужаков, вступая в различные союзы при распаде империи Аттилы. И конечно, у них, как в других германских племенах этого периода, имелась определенная система социальных статусов. Но тем не менее представители этих групп были связаны групповой идентичностью, которая обладала немалым влиянием на значительную часть населения.

И хотя куда проще поверить в то, что это было верно лишь для малых и менее разнообразных по составу объединений, сказанное нами касается и некоторых из крупных племен. Когда византийцы в 536 году решили завоевать королевство остготов в Италии, их появление вызвало раскол среди германцев; некоторые группы предпочли заключить соглашение с чужаками, нежели остаться в независимом королевстве готов. Один уцелевший документ описывает бедствия человека по имени Гундилас, владельца готского поместья, который несколько раз менял стороны в этом конфликте, отчаянно пытаясь сохранить свое имение, по мере того как чаша весов склонялась то в одну сторону, то в другую на протяжении двадцати лет. Однако ни случаи дезертирства, ни история Гундиласа не отражают реакции большинства готов, сторонников Теодориха и их потомков, на вторжение византийцев. Если бы все из них торопились сбежать или договориться с византийцами, не было бы двадцати лет войны, в которой готы пытались отстоять свою политическую независимость, ведь мирный договор, предложенный захватчиками, заключался в следующем: сохранение земель в обмен на политическое подчинение Восточной Римской империи. И на самом деле повествование Прокопия и иные источники более общего характера свидетельствуют о том, что ядро готского общества, состоявшее из воинов с высоким статусом, которые больше других сделали для создания и сохранения готской групповой идентичности, постепенно уничтожалось в ходе войны по мере того, как они погибали в боях[1]. Эти люди получали максимальную выгоду от поддержания групповой идентичности, даровавшей им высокий социальный статус, и они были готовы бороться за ее сохранность. Я готов предпо-

[1] Папирус Гундиласа (который он сам назвал приложение I) является ключевым документом для Эмори (Amory (1997). См. также: Heather (1996), глава 9, и приложение 1 (2003).

ложить, что воины с высоким статусом, как среди готов, так и среди других германских племен этой эпохи, были опорой и строительным материалом для групповой идентичности и прочность (или, напротив, нестабильность) любого объединения зависела от преданности ему отдельных индивидуумов и их отношения к нему. Это не означает, разумеется, что среди обладателей высокого статуса все испытывали одинаковое чувство преданности своему племени. В современном мире такого не бывает, и нет причин, по которым в древние времена ситуация должна была обстоять иначе.

МИГРАЦИЯ И ИМПЕРИЯ

Нет ни малейшего сомнения в том, что расцвет и падение империи гуннов привели к серьезным переоценкам групповой идентичности даже в рамках класса элитных воинов. В первый раз причиной тому послужило завоевание и механизмы управления, принесенные вместе с расцветом, — в особенности подавление даже возможности появления крупных (а потому опасных) объединений под властью одного предводителя. Во второй раз они были вызваны смертью Аттилы, за которой последовала весьма скорая реорганизация сообществ — среди бывших подданных империи быстро появлялись воинские отряды и войска, достаточно многочисленные, чтобы вырваться из-под власти гуннов. Но нет причин полагать, что один из этих процессов сумел стереть различия между гуннами и покоренными ими народами. Сами кочевники были заинтересованы в том, чтобы сохранить это разграничение, даже несмотря на то что Аттила увещеваниями и лестью поставил правителями других племен полностью или частично подчинившихся ему людей. Без такой демаркации преимущество от покорения всех этих народов было бы сразу же утеряно — к тому же некоторые племена, оставшиеся на периферии империи, те же гепиды, и впрямь, похоже, остались со своими правителями. Империя являлась государственной структурой, в которой полностью изменить групповую идентичность было невозможно. В результате государства-правопреемники начали походить скорее на союзы, нежели на «народы», и появившиеся типы идентичности были скорее политическими по сути, нежели культурно обусловленными, однако довольно устойчивыми, в том числе среди мно-

гочисленных групп тех или иных народностей. Чтобы их победить, требовались немалые военные ресурсы, и даже в случае окончательного разгрома идентичность побежденных племен нередко сохранялась на протяжении еще двух поколений.

По крайней мере, это заключение подтверждается историческими свидетельствами, и нет весомых причин ставить его под сомнение. Источники, на которых основана данная работа, соответствуют всем обычным критериям надежности, и единственной причиной отвергнуть приведенный вывод может быть только заранее, априори сформировавшаяся уверенность в том, что идентичность в V веке не могла функционировать подобным образом. Однако современное понимание групповой идентичности не согласуется с таким подходом; на самом деле в его рамки прекрасно укладывается предположение о том, что групповая идентичность функционировала по-разному на разных уровнях общества и отдельные индивидуумы вполне могли позволить себе ее изменить в соответствии с обстоятельствами. Даже если названия племен и союзов не принадлежали «народам» с однородной культурой, их следует воспринимать серьезно, так как они относились к очень крупным скоплениям людей. Это, в свою очередь, заставляет нас предположить, что, когда эти группы переселялись на Среднедунайскую низменность и вновь покидали ее пределы во времена становления и падения империи гуннов, миграционная активность в регионе должна была резко возрасти. И немногочисленные подробные источники тех лет, доступные нам сегодня, подтверждают это предположение.

НАРОДЫ АТТИЛЫ

Большая часть надежных исторических данных, касающихся вновь переселяющихся варваров, связана с готами — на сей раз с группой, которой правили представители рода Амалов, ворвавшейся в историю Среднедунайского региона под предводительством Валамира, старшего из троих братьев, вскоре после смерти Аттилы. Следует подробнее остановиться на свидетельствах, касающихся этих готов, поскольку они предоставляют нам весьма солидный образец для анализа иных случаев миграции, описанных более скупо. До сих пор остается неясным, правда, прибыли ли они в земли к западу от Карпатских гор после смерти Аттилы, или же их внезапное господство в регионе в середине—

конце 450-х годов было обусловлено объединением под властью Валамира после падения Гуннской империи нескольких отдельных групп, которые уже жили там. Как бы то ни было, в 473 году, вскоре после блестящей победы в сражении на Боли, готы ушли из Паннонии в балканские провинции Восточной Римской империи, уже под предводительством Теодемира, среднего из братьев. За этим последовал ряд переселений на довольно значительные расстояния — из-за сложных политических маневров, осуществлявшихся в течение шести лет. Сначала часть племени прошла около тысячи километров от озера Балатон до провинции Эордея, к западу от Фессалоник. К этому времени Теодемир умер, и власть перешла к его сыну Теодориху. В 475—476 годах они прошли еще 600 километров до Нов на Дунае, затем последовал 800-километровый переход от Дуная до Константинополя, который в 479 году завершился захватом укрепленного порта Диррахий на побережье Адриатического моря.

Переговоры между Теодорихом и Византией после взятия города подробно описаны тогдашним историком Малхом Филадельфийцем, который дает нам кое-какие сведения об этой группе, преодолевшей две с половиной тысячи километров за шесть лет после ухода из Паннонии. В ходе переговоров предводитель готов предложил Адамантию, послу Константинополя, 6 тысяч отборных воинов для участия в ряде возможных кампаний. И это явно были не все воины, которыми он располагал, поскольку остальные, не участвующие в боях, должны были остаться в Диррахии, которому требовался гарнизон как минимум в 2 тысячи человек. Следовательно, в случае с готами Амалов мы имеем дело с войском приблизительно в 10 тысяч человек или чуть более. В ходе тех же переговоров Теодорих упомянул о «многочисленных простых людях, не воинах, прищедших с ним», и женщины и дети составляли часть той группы, которая в дальнейшем двинулась в Италию. Если перед нами не народ в классическом понимании этого слова, то по меньшей мере большая смешанная группа из нескольких десятков тысяч человек, которых Амалы привели на Балканы, точно так же как в 376 году племена готов переправились через Дунай или как крупные племенные объединения пересекли Рейн в 406 году[1].

[1] *Малх Филадельфиец*. События, или Дела византийские. Фр. 20. P. 446.215 и далее (6 тысяч человек). P. 440.83 и далее (не участвующие в боях и обоз). Ср.: *Иордан*. Гетика. 55.281—282 (ранее у Теодориха также было 6 тысяч воинов, которые доказали свое мужество, вернув его из плена в Константинополе). Продолжение темы см.: Heather (1991), глава 7.

Это важнейшее положение было оспорено в одном весьма влиятельном исследовании идентичности готов в Италии (королевстве, которое создали готы Теодориха после странствий на Балканах). В нем утверждается, что о наличии в группе женщин и детей писал лишь один восточноримский историк, Прокопий, а его свидетельство ненадежно из-за классического миграционного топоса. Люди Теодориха якобы были отнюдь не единой группой беженцев, спасавшихся от хаоса, воцарившегося на среднем Дунае после падения империи гуннов, а новым союзом, появившимся на Балканах и состоявшим преимущественно из разрозненных отрядов восточноримской армии, то есть из мужчин-воинов. Однако тот факт, что весьма мобильная группа под предводительством Теодориха включала в себя значительное число женщин и детей, упоминается в ряде источников: не только у Прокопия, но и одного из тогдашних хвалителей Теодориха, которому в 507 году довелось поговорить с некоторыми из тех, кто восемнадцать лет назад последовал за готским вождем, а также в жизнеописании итальянского святого, сочиненного в Италии во время правления Теодориха[1]. Претензии к Прокопию не слишком убедительны, как и те, которые выдвигались против рассказа Аммиана Марцеллина о событиях 376 года. Как и Аммиан, Прокопий сумел привести правдивые описания ряда действий готов. Не все варвары, переселявшиеся с места на место, в его повествовании представлены как «народы». Славянские и прочие боевые отряды, к примеру, обнаруживаются на его страницах в изобилии. Мы также знаем, что, как и готы в 376 году, люди Амала путешествовали в сопровождении длинного каравана. В то время как Теодорих и Адамантий вели переговоры, римское войско напало на медленно движущийся обоз, не успевший укрыться за стенами Диррахия, и захватило 2 тысячи повозок. Предположительно, в этом караване как раз и ехали женщины и дети, а также имущество племени — вместе с семенами зерновых и сельскохозяйственным инвентарем. Поскольку все византийцы, имевшие дело с Теодорихом на Балканах, знали, что любое политическое соглашение с ним должно включать пункт о даровании его готам ненаселенных земель, пригодных

[1] См.: Amory (1997); а также в дополнение к «Истории воин» Прокопия Кесарийского (5.1.6 и далее). *Эннодий Павийский.* Панегирик Теодориху Великому. 26—27. *Жизнь* святого Епифания 118—119 (ср.: 111—112).

для возделывания[1]. Может, они и не были «народом», но эти готы представляли собой большую, смешанную группу, которая вполне могла уметь не только сражаться, но и выращивать урожай. Мысль о том, что одна и та же группа людей могла заниматься и тем и другим, подвергалась сомнению в некоторых недавних исследованиях, однако, как мы уже видели, она не лишена смысла в свете того, что количество профессиональных воинов, которых могло прокормить германское общество на той стадии своего развития, было невелико. Любая крупная военная кампания, предпринимаемая германским племенем в ту эпоху, обретала шансы на успех лишь в том случае, если в ней участвовали не только профессиональные военные отряды, но и более широкий круг населения, мужчины, владевшие землей, обзаведшиеся семьями, и еще не успевшие остепениться молодые люди. Воины-фермеры, какими были, кстати, и буры, являются естественным атрибутом любого аграрного общества, неспособного поддерживать большую профессиональную армию.

Однако даже это обстоятельство не дает нам полного представления о численности племени, которое Теодорих привел в Италию. На Балканском полуострове к его последователям добавились новые добровольцы из другого, тоже готского народа, проживавшего во Фракии какое-то время до появления здесь в 473 году готов, подчинявшихся Амалам. Как долго они там находились — сложный вопрос. Происхождение этих фракийских готов неясно, и они вполне могли быть потомками нескольких разных групп, пришедших на римскую территорию Балканского полуострова. Первый приток мигрантов произошел еще в 420-х годах, когда военная активность римлян, как мы видели, помогла многим готам покинуть земли на среднем Дунае, вырвавшись из-под власти гуннов. Эти готы позднее поселились во Фракии — и именно там мы в 470 году находим вторую крупную группу германцев, причем успевших основа-

[1] Восточная Римская империя захватила 2 тысячи телег с грузом, совершив неожиданный налет (*Малх Филадельфиец*. События, или Дела византийские. Фр. 20), но нет никаких оснований считать, что это был весь обоз. Готам были предложены «незанятые» земли, что подразумевает, что они сами должны были их обрабатывать, и такой же вывод следует из переговоров Теодориха с представителями Константинополя: Там же. Фр. 18.3, с. 430.5 и далее; Фр. 20, с. 438.55 и далее, с. 446.199 и далее; ср.: Heather (1991), 244 и далее.

тельно обжиться здесь. Разумеется, факт остается фактом: между появлением готов в землях Фракии и моментом, когда они упоминаются как независимая сила в тогдашних исторических источниках, прошло как минимум два поколения.

И это заставляет нас задать неизбежный вопрос. Если это одна и та же группа, то осевшие во Фракии готы должны были сохранять свою групповую идентичность на протяжении указанного периода, за время которого у них не было своего короля. Первый известный нам король фракийских готов пришел к власти только в начале 470-х годов, когда племя подняло бунт после убийства их покровителя в Константинополе, полководца Аспара. До этого они обладали особым статусом, статусом федерата. Судя по всему, этим статусом наделялись племена, пользовавшиеся таким расположением империи, что их внутренние связи и союзы не разрушались и после поступления воинов в армию Восточного Рима. К тому же в римских войсках на Балканах между 420-ми и 470-мн годами появляется достаточно полководцев с готскими именами, чтобы можно было смело предположить, что фракийские готы 470-х годов и впрямь имеют прямое отношение к первым поселенцам. Нужно прибавить к этому, что в империи Аттилы имелись и другие готские группы, а ее падение подтолкнуло некоторых из них к переселению в Восточную Римскую империю. Бигелис привел свои войска прямиком к поражению на востоке Византии в середине 460-х годов, а выжившие (возможно, вместе с другими, о которых не сохранилось упоминаний) могли присоединиться к готам, уже служащим в римской армии. И нет причин утверждать, что все фракийские «готы» на самом деле были готами, даже если источники тех лет называют их таковыми[1].

Каким бы ни было их происхождение, к началу 470-х годов появился отдельный элемент вооруженных сил, состоящий из готов, которые оставались при этом полноценным сообществом, со своими женщинами и детьми. К тому времени эта группа насчитывала куда больше 10 тысяч воинов. В 478 году их предводитель — тоже, к сожалению, носивший имя Теодорих, но более известный под прозвищем Страбон, что означает Косой, — получил от Константинополя дань и продовольствие для 13 тысяч мужчин. Этот народ был достаточно сплочен

[1] Подробнее о данном вопросе и полный список источников см.: Heather (1991), 259—263; о Бигелисе см. примечание 1 на с. 312.

и един, чтобы избрать собственного предводителя для проведения переговоров с Восточной Римской империей, и являлся ее надежным союзником. Получая немалую дань (910 килограммов золота в год), они поселились в относительной близости к столице империи и поддерживали прочные связи с отдельными политическими деятелями Византии. Магистр армии и патриций Аспар, их покровитель вплоть до 471 года, был негласным правителем и имел достаточно влияния, чтобы посадить на престол своего кандидата. В частности, именно он стоял за избранием императора Льва I в 457 году. Однако Аспар по-прежнему обладал немалой властью в Константинополе, и Лев — прозванный из-за этого «мясником» — организовал в 471 году его убийство, чтобы обрести наконец политическую независимость. Их близость к человеку такого высокого положения показывает, что фракийские готы были серьезной силой в Восточной империи, и, предположительно, причиной мятежа как раз стал вопрос о сохранении ими привилегированного статуса. Но даже после смерти Аспара Страбон сохранял связи с весьма многочисленной императорской семьей, и другие его сторонники в Константинополе сообщали предводителю варваров обо всем, что происходит при дворе. Очевидная вовлеченность фракийских готов в политические структуры Восточной Римской империи также подтверждает, что некоторые из них жили там в качестве привилегированных воинов еще с 420-х годов[1].

Изначально появление группы готов под предводительством Амалов на Балканах вызвало трехсторонний конфликт — два готских племени боролись за привилегированное положение при дворе императора Восточной империи. Отчасти этот конфликт разрешился, когда Теодорих Амал организовал в 483—484 годах убийство сына Страбона, Рецитаха. Фракийские готы избрали его своим предводителем, когда прежний властитель погиб, объезжая лошадь, — та, встав на дыбы, сбросила его на стойку с копьями, и одно из них вонзилось ему в бок. После смерти Рецитаха большинство фракийских готов решили присоединиться к Теодориху. Об этом не говорит прямо ни один из наших источников, ведь история Восточной Римской империи этого периода сохранилась лишь во фрагментах средневековых рукопи-

[1] О выплатах весом 13 тысяч и 910 килограммов золота в год см.: *Малх Филадельфиец.* События, или Дела византийские. Фр. 18.4, с. 434.12 и далее; Фр. 2, с. 408.22 и далее. Подробнее об этом вопросе и список источников см.: Heather (1991), 253—256.

сей, и в самых надежных из них говорится только об убийстве, а не о его последствиях. Однако именно в этот момент фракийские готы внезапно исчезают из исторических документов в качестве отдельного племени, в VI веке на востоке встречаются лишь немногочисленные их представители, отказавшиеся примкнуть к Амалу. У двух групп были вполне логичные причины объединиться, ведь вместе они могли более эффективно действовать против Константинополя, который своей политикой пытался стравить их друг с другом и потом по-тихому ликвидировать оставшихся. И результаты не заставили себя ждать. Судя по имеющимся у нас сведениям о размере каждой из этих групп, войско Теодориха пополнилось как минимум еще 10 тысячами человек, то есть силы готов фактически удвоились; в дальнейшем в Италии действовала готская армия примерно такой же численности[1].

Убийство Рецитаха завершило этот удивительный процесс слияния. Дядя Теодориха Валамир, вероятно, был первым представителем этого рода, который сумел обрести огромное влияние в результате убийства, подчинения или вытеснения своих соперников, предводителей других готских отрядов, чтобы объединить их в одну сплоченную группу. Произошло это либо на территории Украины до ухода готов в Паннонию, либо на среднем Дунае после смерти Аттилы (если к тому времени эти готы уже успели поселиться там). Вряд ли хоть один из этих отрядов насчитывал больше тысячи человек, куда вероятнее — несколько сотен. Таким образом, на протяжении двух человеческих жизней дядя и племянник превратили род Амалов из незначительного и правящего лишь одной из мелких групп в королевский, властвующий над многочисленным племенем и располагающий войском в 20 тысяч воинов. И эта грозная сила, вместе с женщинами, детьми и обозом с пожитками, насчитывающая от 50 до 100 тысяч душ, двинулась в Италию осенью 488 года.

Разумеется, хотелось бы узнать о них гораздо больше, но для середины 1-го тысячелетия имеющиеся у нас данные достаточно убедительны и подробны. Мы также получили параметры оценки других народов, приходивших на Среднедунайскую низменность и покидавших ее во времена расцвета и падения империи гуннов, и становится кристально ясно, что ни один из других народов, ми-

[1] О смерти Страбона и убийстве Рецитаха см.: *Иоанн Антиохийский.* Послание к Несторию. Фр. 211.4. Фр. 214.3. О войсках Теодориха в Италии см.: Hannestad (1960). Подробнее о данном вопросе см.: Heather (1991), 300—303.

грирующих в этот период, не был такой крупной и чудовищной силой. Ни один источник не называет численности этих меньших племен, находившихся под властью гуннов, которые также вошли в Восточную Римскую империю в 460-х годах, — это люди Хормидака, Бигелиса и двоих выживших сыновей Аттилы. Однако ни у кого из них не было столь привилегированного положения, как у готов Теодориха, и многие в конечном итоге так и остались разрозненными группками, живущими близ дунайской границы Византии. Сложно представить, что хотя бы один из этих «народов» мог выставить больше тысячи, максимум 2 тысяч бойцов, а у большинства наверняка набралось бы лишь несколько сотен[1].

Крупнее этих, но все равно неспособные сравниться по численности с готами Теодориха, были объединения, появившиеся в результате поражения герулов и ругов. Вторая правдоподобная цифра приводится в источнике, повествующем о событиях, происшедших после смерти Аттилы, а конкретнее — в 549 году. Когда герулы, союзники гепидов, и их собратья, выступающие на стороне Византии, встретились в бою в том году, их армии насчитывали около полутора и 3 тысяч человек соответственно. За битвой последовал второй раскол в племени — первый, как вы помните, произошел, когда часть группы герулов, численность которой неизвестна, отправилась в Скандинавию. Вряд ли любая из групп, оставшихся на Среднедунайской низменности, отправила бы всех своих воинов сражаться за чужие интересы. До расколов и сокрушительного поражения, нанесенного герулам лангобардами, они могли собрать от 5 до 10 тысяч воинов, что почти уравнивает их с готами, подчиняющимися Амалам, — до объединения их с фракийцами. О численности ругов у нас нет точных сведений, но тот факт, что Одоакр с легкостью разбил их, говорит о том, что они были в лучшем случае силой среднего порядка в этом регионе, а их войско либо насчитывало столько же воинов, сколько было у герулов, либо немногим меньше[2].

[1] Источники по теме см. примечания на с. 312—313.

[2] О численности герулов в 549 г. : *Прокопий Кесарийский*. История войн. 7.34.42—43. Часто историкам кажется очень привлекательной идея о том, что герулы были малочисленнее готов под предводительством Амалов, поскольку последним часто доводилось одерживать победы в битвах за главенство в Среднедунайском регионе после ухода с политической арены Аттилы. Единственным источником по данному вопросу для нас выступает сочинение Иордана, и, возможно, последователи Теодориха обрели свой высокий статус только после того, как в их ряды влились фракийские готы.

Из всех племен, которые передвигались с места на место в этот период, сложнее всего отследить перемещения лангобардов. Они стали в конце концов господствующей силой на среднем Дунае, это ясно, однако исторический процесс, стоящий за их возвышением, от нас скрыт. Поздние источники лангобардов сообщают, что вторжение в Ругиланд, Королевство ругов, и последующая оккупация Паннонии, не говоря уже о предыдущих политических решениях, приведших их в эти края от устья Эльбы, — словом, все захватнические кампании проходили под предводительством разных королей. Так в нашем рассказе вновь появляется гипотеза вторжения. Между тем все источники тех лет намекают на то, что королевская власть в обществе лангобардов была не так уж сильна. После переселения в Италию второстепенные предводители убили короля и десять лет действовали самостоятельно, без верховного правителя. Следовательно, вполне может быть, что независимые инициативы, выдвинутые менее авторитетными вождями, сыграли важную роль в передвижениях племени, особенно на ранних этапах миграции. Как и в случае с повествованием Иордана об экспансии готов в III веке, на поздние тексты о лангобардах оказал влияние миграционный топос, который представляет все события в привычном для авторов свете — один король, один народ, одно переселение[1].

Однако лангобарды никогда не переселялись в совершенный политический вакуум — с тех самых пор, как двинулись на юг вдоль Эльбы. Поэтому к тому времени, как они оказались в землях герулов, лангобарды успели набрать немалый опыт в сражениях с другими народами. Их вторжение на территорию Среднедунайской низменности, скорее всего, по своей природе было аналогичным экспансии германцев в причерноморские регионы в III веке (см. главу 3). Сначала на новых территориях появлялись отдельные группы, многие из которых были невелики, особенно вначале, затем поток миграции набирал силу и получал способность порождать более крупные объединения в ключевые моменты — то есть для крупных сражений. Другими словами, миграция лангобардов похожа на

[1] Миграционный топос полностью представлен в «Истории лангобардов» Павла Диакона: братья Ибор и Агио привели за собой первую волну из Скандинавии, Агильмунд II привел их в Богемию, а Годо — в Ругиланд, Тато сражался с герулами, а Вахо удалось захватить часть Паннонии.

классическую ее модель, которую можно наблюдать на примере различных групп, от готов в III веке до скандинавов в IX или буров в XIX. Успехи первых мигрантов на новых землях вели по их стопам других, и в конце концов предводители, обладавшие действительно высоким статусом, вели туда своих последователей. Нехватка исторических источников означает, что у нас нет сведений об общей численности групп, участвовавших в этих перемещениях, и, более того, мы не знаем даже о том, состояли ли они только из мужчин или же включали женщин и детей. При переселении в Италию в 560-х годах с места снимались семьями, это совершенно точно, и по крайней мере после поражения герулов в 508 году лангобарды обладали большим войском. И здесь вновь приходится предположить, что такое количество солдат невозможно было набрать из небольших профессиональных отрядов. Если так, то смешанные социальные группы играли важную роль в миграции лангобардов на всех ее этапах, исключая самые ранние.

Археологические свидетельства, связанные с переселением лангобардов, также не слишком информативны. Способом захоронения, типичным для Богемии позднеримского периода, было погребение. В конце IV и начале V века, однако, появляются кладбища с кремированными останками, очень похожие на те, которые до того обнаруживались к северу, откуда и пришли лангобарды (северное течение Эльбы, Северный Гарц, Альтмарк и районы Мекленбурга). Эти новые похоронные обряды, конечно, могли появиться из-за того, что кому-то из богемцев пришло в голову, что мертвых будет лучше сжигать. Однако мы знаем, что немало лангобардов появилось на среднем Дунае уже к концу V века, и, возможно, эти кладбища — прямое указание на пройденный ими путь[1]. Не самое надежное из свидетельств, конечно, однако, как мы уже видели, археологические находки почти никогда не предоставляют прямых доказательств миграции. Материальные культуры народов, населявших земли в северном течении Эльбы, были слишком похожи друг на друга для того, чтобы их перемещения на небольшие расстояния можно было с уверенностью установить по археологическим остаткам, поэтому нельзя сказать, откуда в Богемию пришли первые

[1] См.: Jarnut (2003) и примечания к работе. Как уже было упомянуто в примечании на с. 336, следует рассмотреть возможность того, что ранние короли лангобардов в основном были военными лидерами, ср.: Christie (1995), 14–20.

северные захватчики. И в любом случае мигрирующие группы могли принимать в свои ряды желающих со всего региона.

Вот и археологические свидетельства, обнаруженные на Среднедунайской низменности после утверждения господства лангобардов, недвусмысленно говорят об одном: в течение VI века остатки, обнаруженные в старой римской провинции Паннония, датировка которых не вызывает сомнения, распространились на те территории, где, по данным исторических источников, главной силой стали лангобарды. И, вне всякого сомнения, они напрямую связаны с королевством лангобардов. В то же время в них нет ничего, что коренным образом отличало бы их от других материалов, обнаруженных на Среднедунайской низменности, в особенности от тех, которые найдены на территориях, занятых, согласно историческим источникам, гепидами. Это не означает, что различия между соперничающими королевствами лангобардов и гепидов были несущественными. На самом деле сходство между ними показывает, что материальная культура лангобардов в VI веке развивалась по тому же пути, что и гуннская в V. Со временем она утратила свои отличительные черты и адаптировалась к среднедунайской норме, что подтверждает мысль о том, что, возможно, гунны времен Аттилы почти не оставили археологических следов потому, что быстро усвоили новые нормы материальной культуры. В случае с лангобардами изначальные захоронения кремированных останков заменяются новым обычаем закапывать тела на кладбищах более или менее ровными рядами; мертвецов укладывали по направлению к западу (*нем.* Reihengräber). Лангобардские женщины облачены в те же одеяния (по крайней мере, для похоронного обряда), что и представительницы иных народов, обитающих в регионе, — по одной броши на каждом плече. Изготовленная вручную глиняная посуда со специфическими узорами, характерными для разных племен, живущих в северном течении Эльбы в раннеримский период, уступила место другой, типичной для Среднедунайской низменности. Можно упирать только на то (и это вполне укладывается в современные этнографические параллели), что определенные типы фибул стали характерными для лангобардов и гепидов, поскольку в захоронениях этих двух народов обнаружены совершенно разные модели брошей, каждая из которых получила распространение на соответствующей половине Среднедунайской низменности[1].

[1] См.: Curta (2001), 190—204.

Диапазон миграционного феномена можно рассматривать в тесной связи с расцветом и падением империи гуннов. Порой с мест снимались большие, концентрированные группы — к примеру, те же готы под предводительством Амалов. В 473 году несколько десятков тысяч людей покинули Венгрию и двинулись к Балканам, возможно, та же группа двадцать лет назад пришла в Венгрию из Украины; в 488 году еще более крупное объединение, численность которого могла доходить до 100 тысяч человек, если прибавить к ним фракийских готов и беженцев-ругов, двинулось с Балканского полуострова в Италию. Другие передвижения осуществлялись меньшими группами, уцелевшими после военных конфликтов, в которых нередко терпели поражение ранее господствующие народы, как гунны и скиры в 460-х годах, руги в 480-х и различные группы герулов после 508 года. Завершает картину один хищнический поток мигрантов (вроде уже рассмотренных нами раньше), который составляли лангобарды.

Исторические источники почти не приводят достоверных цифр, однако многие из зафиксированных передвижений вооруженных мигрантов по Среднедунайской низменности и за ее пределами представляют собой массовую миграцию, по крайней мере в качественном аспекте, который применяется в сравнительном изучении миграции. Общее потрясение, вызванное сбором племен под властью Аттилы в первой половине V века, отчетливо проявляется в археологических остатках в так называемом дунайском стиле; исторические источники также повествуют об ордах кочевников, обрушившихся на Средиземноморский регион с невиданной доселе мощью. Под властью гуннов в регионе начинают складываться новые политические и социальные отношения, представляющие собой дальнейшие последствия этих потрясений. И все это ненадежное, шаткое сооружение опиралось на поток римского золота, добываемого войной и угрозами, смазывавшего все винтики гуннской военной машины. Война и прибыли удерживали покоренные кочевниками народы в составе империи благодаря весьма действенному сочетанию угроз и наград, и во всем этом ясно просматриваются резкие перемены в сферах политики и культуры.

Многие из незарегистрированных или едва упомянутых в источниках перемещений групп населения в эпоху распада империи гуннов в качественном отношении напоминают массовую миграцию. Интервенция Одоакра стала серьезным политиче-

ским потрясением для ругов — она уничтожила их королевство, а выживших заставила отважиться на два переселения подряд, причем каждый раз им пришлось преодолеть несколько сотен километров. Сначала они присоединились к Теодориху на римской части Балканского полуострова, затем последовали за ним в Италию. Вторжение готов под предводительством Амалов оказало схожее воздействие на скиров. Вряд ли все скиры и руги после нанесенных им поражений дружно покинули Среднедунайский регион, однако их независимости пришел конец, и многие скиры предпочли поступить на военную службу в Италии, чтобы внести свой вклад в смещающийся баланс сил. Так, в свое время Одоакр стал правителем первого государства — правопреемника Рима на Итальянской земле. Появление лангобардов на среднем Дунае стало потрясением для герулов, независимость и единство которых были уничтожены, и многие из них ощутили необходимость двигаться дальше. Получается, что почти в каждом случае, несмотря на отсутствие точных цифр, говорящих о численности племен и их войск, мы имеем дело с группами, обладавшими существенной военной мощью, и их миграционная реакция на становление и падение Гуннской империи привела к существенной реорганизации политических систем, действующих не только на самой Среднедунайской низменности, но и в смежных и даже удаленных от нее областях — на Балканском полуострове, северном побережье Черного моря и даже в самой Италии. Подробные повествования, дошедшие до нас, в широком смысле подтверждают картину, нарисованную нами на основе анализа функционирования групповых идентичностей в Гуннской империи. «Ярлыки», то есть названия народов, которые мы встречаем в своих источниках, принадлежали действующим скоплениям людей, некоторые из которых насчитывали десятки тысяч индивидуумов. Их жизненный уклад был разрушен или резко изменился из-за бурных событий, связанных с началом и окончанием господства гуннов в Центральной Европе, и в результате многие из них снова двигались в путь.

Здесь можно наблюдать несколько разных типов миграции в действии — от передвижения больших скоплений народа одновременно до миграционных потоков, растянутых по времени. Однако многие из них вышли за пределы привычных моделей «переселения элиты» или «волны продвижения». Не все они описаны так же подробно, как передвижения готской

диаспоры под предводительством Амалов, однако не приходится сомневаться в том, что последствия таких переселений могли быть весьма серьезными и даже губительными, будь то тяготы дороги, война или даже утрата политической независимости. С точки зрения самих мигрантов, нередко их переселения были «массовыми» в самом прямом смысле слова. Для многих групп, как мы видели, имеются либо убедительные (как для готов Амалов или ругов), либо правдоподобные (герулы, гунны, лангобарды) свидетельства того, что они включали в себя мужчин, женщин и детей. В некоторых случаях, как, например, с готами под властью Амалов, эти объединения насчитывали десятки тысяч человек, и нередко, как в 376 и 405—406 годах, они передвигались сплоченными группами[1]. Конечно, ни одна из них не была «народом» в старом понимании этого слова, и у нас имеются доказательства того, что процесс переселения (о чем говорится в том числе в исследованиях компаративного характера, посвященных миграции) нередко вызывал расколы среди мигрантов, которым приходилось порой принимать очень сложные решения. Некоторые готы, ведомые Амалами, в 473 году отказались двинуться на юг в римские земли Балканского полуострова, предпочтя избрать своим вождем младшего брата Теодемира, Видимира. Они двинулись на запад, где в конце концов вошли в королевство вестготов. И на Балканах не все готы были готовы двинуться в Италию с Теодорихом в 489 году. Некоторые предпочли принести клятву верности Византии. Повторный раскол герулов красноречиво свидетельствует о том, насколько нелегко бывало принять решение покинуть обжитые земли. Одних оно привело в Скандинавию, других — к подчинению гепидам, третьих — в Восточную Римскую империю. Все зависело от исхода сражений и тех условий, которые предлагали будущие хозяева[2]. Однако, несмотря на все проблемы с источниками и археологическими свидетельствами, из анализа событий расцвета и падения Гуннской

[1] В разных случаях группы остготов, герулов, гуннов, ругов и лангобардов представляют собой примеры массовой миграции. Переселение лангобардов началось с небольшого потока, но приобрело массовую форму, когда стало ясно, что столкновения с герулами не избежать. То же самое было с готами в III веке.

[2] Видимир: *Иордан.* Гетика. 56.283—284. Прокопий Кесарийский (История войн. 1.8.3) особенно выделяет племена бессасов и годигискулов среди фракийских готов, тех, кто не последовал за Теодорихом; см.: Heather (1991), 302 о других племенах.

империи можно сделать один вывод: миграционные явления вне Римской империи были столь же значительными и масштабными, что и другие, вызвавшие кризисы 376—380 и 405—406 годов.

ПУТИ И СПОСОБЫ

Причины, по которым некоторые из миграционных процессов приняли форму, отличную от встречающихся в современном мире, схожи с теми, которые объясняют появление феномена миграции как такового в контексте 1-го тысячелетия, а потому не требуют повторных объяснений. Возьмем, к примеру, первые два переселения готов под предводительством Амалов, сначала в 473 году на Балканский полуостров, то есть территорию Восточной Римской империи, затем в Италию в 488—489 годах. Мотивация за обоими случаями преимущественно экономическая, то есть добровольная. Первый шаг был предпринят с целью занять место фракийских готов в качестве доверенного союзника Константинополя, чтобы заполучить все преимущества, прилагавшиеся к этому статусу. Помимо иных благ фракийские готы получали платежи, исчисляемые тысячами килограммов золота в год, в то время как готам, вышедшим из Паннонии под предводительством Амалов, полагалось всего несколько сотен. В Италии Теодорих надеялся обрести новые богатства для себя и своих сторонников за счет Одоакра и еще действующих римских налоговых структур. Сохранившиеся постройки Теодориха в Равенне и другие памятники являются весьма красноречивым свидетельством тому, сколько денег по-прежнему поступало в Италию в VI веке — в руки ее тогдашнего правителя. Он также пустил часть доходов от налогов на введение оплачиваемых должностей для наиболее важных своих приближенных — разумеется, с одной лишь целью: заручиться их политической поддержкой. Обе эти стратегии экономического развития и процветания, однако, полностью зависели от наличия военной силы, оказывавшей существенное влияние на политическую ситуацию, — прежде всего нужно было с ее помощью убедить императора Льва I отдать предпочтение новым готским союзникам, а затем расправиться с армией Одоакра. И разумеется, во втором случае имелся дополнительный политический подтекст, ведь отношения между Теодорихом

Амалом и императором Зеноном зашли в тупик. Онн не доверяли друг другу, и несколько столкновений наглядно продемонстрировали, что ни один не мог с легкостью избавиться от другого[1]. В таких миграционных процессах экономические и политические мотивы почти неотделимы друг от друга, и, чтобы получить шанс на успех, Теодорих должен был обзавестись сильной армией. Как мы уже видели, число профессиональных воинов, которых могла поддержать экономика варваров в Европе в ту эпоху, было недостаточным для ведения масштабных кампаний. Следовательно, требовалось участие свободных людей и их семей.

Мотивы, побудившие лангобардов начать захват новых земель, скорее всего, были примерно такими же. Насколько нам известно, их переселение на средний Дунай не являлось реакцией на какую-либо внешнюю угрозу, а было вызвано исключительно преимуществами и богатствами региона. Среднедунайская низменность была периферией Римской империи и на протяженни первых четырех веков н. э. стабильно богатела и развивалась — куда быстрее, чем любой из народов, ироживающих у устья Эльбы. Апогеем неравенства стало завоевание этих территорий Аттилой. Количество золота, найденного в захоронениях гуннского периода на равнине, беспрецедентно для германского мира. И это наверняка лишь малая доля сокровищ, которыми теперь распоряжались короли, правящие здешними землями. Несмотря на нехватку точных сведений, мы можем утверждать, что миграция лангобардов в том числе была вызвана желанием завладеть частью этих богатств — а заодно и получать дань с Константинополя, которую тот исправно платил даже после смерти Аттилы. Однако, для того чтобы запустить руки в эту сокровищницу, нужно было обладать немалой военной силой, чтобы изменить существующие политические условия, — другими словами, нужно было взять верх над герулами. Экспансия лангобардов, может, и началась с прихода небольших отрядов, просочившихся на юг, но и лангобарды, и другие переселенцы в конечном итоге были подхвачены полноценным потоком миграции и образовали более сплоченную группу — самое позднее к моменту ухода из Руги-

[1] Готы под предводительством Амалов получали 136 килограммов золота в год в 460-х годах (*Приск.* Готская история. Фр. 37), а фракийские федераты — 910. О Теодорихе и богатстве Италии см.: Heather (1995b).

ланда, вслед за которым они уничтожили королевство герулов[1]. Даже несмотря на экономические, то есть добровольные по своей сути мотивы, побудившие их покинуть собственные земли, при миграции такого типа всегда свою роль играют и политические соображения. Собирали ли мигранты войска целенаправленно, чтобы обеспечить успех задуманного, или же нет?

Другие приступы миграционной активности, напротив, были вызваны преимущественно политическими причинами. Скиры, руги, герулы и гунны все в разное время столкнулись с мощным негативным и сугубо политическим воздействием, заставившим их покинуть обжитые земли, — военные поражения в борьбе против готов Амалов, Одоакра, лангобардов, плюс на гуннов повлиял процесс постепенного ослабления власти — до тех пор, пока их положение не стало невыносимым. В каждом случае сокрушительное поражение в битве уничтожило способность группы сохранять независимость, несмотря на то что реагировали на него все пострадавшие по-разному. В то время как руги и герулы (по крайней мере, большинство их) массово переселялись в другие земли, скиры, похоже, разбились на маленькие группы, каждая из которых сама решала свою дальнейшую судьбу. В Житии святого Северина упоминается небольшое племя скиров, движущееся в Италию. Примечательно оно лишь тем фактом, что среди них был и Одоакр[2]. История гуннов после Аттилы могла включать в себя оба типа миграции. Как мы отмечали, в середине 460-х годов имеются упоминания и о небольших группах гуннов, и о двух крупных объединениях, которыми правили выжившие сыновья Аттилы, решившие искать убежища на востоке Восточной Римской империи. Экономические факторы определили выбор направления, но не они были причиной, заставившей гуннов вновь пуститься в путь.

Плата за службу и другие привилегии, еще доступные римским солдатам, были, скорее всего, основной причиной, по которой так много скиров и представителей других народностей двинулись к югу от Альп. Более крупные объединения ругов, герулов и гуннов (иногда не одной группой, а несколькими) были вынуждены после военных поражений либо покинуть

[1] Возможно, учитывая децентрализованную политическую систему лангобардов, дальнейшее движение их групп к югу от Дуная в старую римскую Паннонию также приобрело форму разрозненного перемещения, а не единого направленного потока.

[2] *Житие* святого Северина. 6.6.

Среднедунайскую низменность, либо установить новые, неравноправные отношения с теми, кто сильнее их. Природа этих отношений не совсем ясна, однако она опять-таки повлияла на выбор направления миграции. Герулы сочли владычество гепидов над собой чрезмерно обременительным и предпочли стать подданными Византии — пока гражданская война не разделила их вновь, вынудив некоторых вернуться на земли гепидов. Ожидалось, что беженцы будут сражаться за своих хозяев (будь то Византия или королевство гепидов), и, похоже, это не вызывало особых возражений со стороны мигрантов, так что явно не это требование заставило герулов прекратить сотрудничество с гепидами. В обязанности им наверняка вменялась и уплата дани в том или ином виде, но, скорее всего, она была меньше той, которую требовали гунны. Ругам, возможно, больше посчастливилось, и Теодорих Амал предложил им более приемлемые условия. Был момент, когда они переметнулись на сторону Одоакра во время завоевания Италии, однако очень скоро вернулись к прежним союзникам и, похоже, охотно оставались в королевстве остготов вплоть до 540 года, по крайней мере, источники намекают на то, что их жизнь была более счастливой, нежели участь герулов[1].

К сожалению, мы ничего не знаем о том, какие условия Денгизик и Эрнак, сыновья Аттилы, предложили Константинополю. Их переселению на территорию Восточной Римской империи предшествовало требование к императору Льву I даровать им доступ на рынки. Увядающее политическое господство гуннов, очевидно, к середине 460-х годов стало сказываться и на экономике племени, по мере того как ранее покоренные народы стали возвращать себе независимость, тем самым лишая бывших кочевников прибыли. И постоянное ослабление империи в конечном счете заставило их искать лучшей доли в Византии. Одного из сыновей Аттилы это привело к катастрофе, хотя причины до конца не ясны. Византийцы, похоже, видели угрозу в силах Денгизика, которой не представлял его брат Эрнак. Следует отметить, однако, что Эрнака, похоже, вполне устраивала небольшая территория, выделенная ему империей, прямо на границе, к северу от Добруджи, так что можно предположить, что Денгизик предъявил слишком большие требования[2]. Тем не менее для всех

[1] С другой стороны, возможно, учитывая последующий успех Теодориха, на самом деле выбора у них не было.

[2] О рынках см.: *Приск*. Готская история. Фр. 46.

этих групп последствия военных поражений были весьма серьезными. Они превратились в политических беженцев и были вынуждены порой принимать не самые выгодные условия, навязанные более сильными партнерами. По меньшей мере, они утратили все источники доходов, которыми располагали, будучи господствующей силой в том или ином регионе, а нередко, как герулы, были вынуждены еще и выплачивать дань своим «хозяевам». Плюс они обязаны были оказывать им военную поддержку. Разумеется, изучить все аспекты мотивации во всех случаях миграции невозможно, но слияние экономических и политических факторов в каждом из них не вызывает сомнений, причем экономические превалировали среди добровольных мигрантов, а политические — среди недобровольных. Однако из-за того что даже добровольным мигрантам было необходимо повернуть политическую ситуацию к собственной выгоде, чтобы заполучить желанные источники обогащения, им приходилось действовать едиными, слаженными и многочисленными группами. Если размер и форма этих миграционных единиц не встречаются в современном мире, то сложная природа мотивации — очень даже.

Другие аспекты процесса миграции, наблюдаемого на протяжении всей эпохи гуннов, более схожи с современными. В этот период степень приемлемости миграции как основной стратегии для групп населения, уже имеющих склонность к мобильности, просто поразительна. Готы под предводительством Амалов, в конечном итоге оказавшиеся в Италии, не так давно переселились с востока от Карпатских гор к западу, затем двинулись на юг, на принадлежащие Восточной Римской империи земли Балканского полуострова. Там группа преодолела еще полторы тысячи километров — и более того, ведь Теодорих Амал без колебаний менял географическое и политическое положение своего народа, пытаясь вытеснить фракийских готов и стать вместо них важным союзником империи. Хотя подробных сведений у нас очень мало, то же самое, похоже, касается племен лангобардов, поселившихся на среднем Дунае. Временные границы нам неизвестны, однако они каким-то образом оказались там, уйдя с земель близ северного течения Эльбы, несомненно преодолев с перерывами и задержками несколько больших отрезков пути, которые и привели лангобардов в Богемию, откуда они двинулись дальше. Описанный нами принцип применим и к племенам, проигравшим в результате распада Гуннской империи, — самим гуннам, ругам, скирам и герулам. Не в каждом

случае нам известны подробности, однако все эти группы сначала пришли на Среднедунайскую низменность в конце IV или начале V века и ушли с нее в течение одного-двух, максимум трех (в случае с герулами) поколений после распада империи Аттилы. Для представителей этих групп переселение стало привычной, основной стратегией, рефлексом, бережно хранящимся в коллективной памяти, который мог проявиться при нужных обстоятельствах; для них миграция была вполне приемлемой реакцией на куда более широкий ряд стимулов, нежели у племен, всегда занимавших одни и те же территории.

Влияние информационных полей на направленне миграционного потока также очевидно. Информация играла решающую роль в формировании природы отдельно взятых переселений готов под предводительством Амалов. Теодорих Амал десять лет прожил в Константинополе в качестве заложника и обрел свободу лишь к восемнадцати годам, примерно в 472 году. Он вернулся к своему народу в самый подходящий момент, да еще с новостями о том, что фракийские готы получают куда больше золота и привилегий благодаря своим связям при дворе, и о том, что эти самые готы в данный момент устроили бунт против императора Льва I из-за того, что по его приказу был убит их покровитель, полководец Аспар. Уже через год группа Теодориха пришла на юг, пытаясь занять место своих соплеменников и стать главным союзником Константинополя среди всех племен готов. Это не может быть простым совпадением. Готы Теодориха обладали достаточно обширными географическими и политическими познаниями, чтобы понять со временем, что Италия представляет собой весьма привлекательную цель, и это также очевидно и не требует объяснения. Ранее они обитали в Паннонии близ перевалов в Восточных Альпах, которые как раз вели на север Италии. И Одоакр, ее правитель, был сыном старого врага династии Амалов. Еще в 479 году, за десять лет до того, как войска Теодориха двинулись на юг, предводитель готов уже предлагал послу Константинополя Адамантию на переговорах близ Диррахия совместную военную экспедицию в Италию, чтобы свергнуть его[1].

Большинство других мигрантов, стимулом для которых послужил распад Гуннской империи, тоже действовали в пре-

[1] О времени, проведенном Теодорихом в качестве заложника, и о его освобождении см.: Heather (1991), 264—265. О его упоминании похода в Италию в 479 году см.: *Малх Филадельфиец.* События, или Дела византийские. Фр. 20.

делах весьма активных информационных полей. К примеру, вовсе не удивительно, что группы лангобардов поселились в соседней Богемии — они понимали, что Одоакр, разрушив королевство ругов, тем самым создал политический вакуум на их территории, который они могли заполнить. Скиры также вошли в состав армии Аттилы, вторгшейся в Италию в 451 году, и, как и готы Теодориха, поселились неподалеку от дорог, ведущих в нее. Герулы, принявшие владычество сначала гепидов, а затем Византии, остались, разумеется, в регионе, который был выделен для них, и провели в нем как минимум пятьдесят лет, поэтому можно предположить, что и они понимали, куда будет лучше переселиться и с какой целью. У нас остались еще два более интересных случая — руги и более широкая диаспора герулов.

Так или иначе, руги знали, где найти Теодориха, после того как их королевство в 487 году было уничтожено Одоакром. С другой стороны, карьера Теодориха в Восточной Римской империи была поразительно успешной и достигла своего пика, когда он в 484 году получил статус консула, поэтому, возможно, нет ничего удивительного в том, что не столь отдаленные соседи точно знали, где именно на Балканах можно его найти. Куда интереснее случай с герулами, двинувшимися в Скандинавию. По рассказу Прокопия, остается неясным, знали ли они, куда именно идти, когда направились на север после поражения. Вряд ли, скажете вы. Однако герулы, оставшиеся на Дунае, сумели отыскать первую группу через двадцать с лишним лет, когда им понадобился предводитель из королевского рода — несмотря на расстояние в 1800 километров, которые отделяли две части племени друг от друга. Герулы, ушедшие на север, возможно, уже обладали какими-то связями или данными, благодаря которым поняли, что Скандинавия — вполне подходящая цель, и те же сведения, по всей видимости, были переданы тем, кто оставался на Дунае. Или, возможно, эти две части племени все время поддерживали связь. Доказательством тому может послужить один случай со скандинавским королем Родульфом, королем раниев, который позже искал убежища при дворе Теодориха в Италии. Такого рода примеры говорят о том, что вы недооцениваете обмен знаниями за пределами Римской империи — на свой страх и риск[1].

[1] Родульф: *Иордан.* Гетика. 3.24.

Однако знание могло плавно переходить в миграцию только в том случае, если переселение больших групп было действительно реализуемо. Обычно древние источники дают нам не так много важных сведений на этот счет, но в некоторых случаях передвижение было бесспорно ограничено транспортной логистикой. Готы под властью Амалов, как и их предки, следовавшие за Аларихом в 390-х годах, путешествовали с огромным обозом. 2 тысячи повозок, захваченные византийцами в 479 году, скорее всего, были лишь его частью. Засады были не редкостью и происходили и до того, как к Теодориху присоединились фракийские готы, следовательно, караван объединенного племени готов и ругов, двинувшийся в Италию, должно быть, стал еще более впечатляющим. Идя вереницей, 2 тысячи телег и повозок растянулись бы на 15 километров. С таким монстром на привязи готы могли передвигаться исключительно по дорогам, проложенным римлянами на гористых просторах Балканского полуострова. Мы знаем, к примеру, что первый отрезок пути в 473 году они преодолели, воспользовавшись обеими доступными частями военной дороги из Ниша до Фессалоник; позже, в 478—479 годах, отступая на запад от Константинополя, они двинулись по Эгнатиевой дороге. Предположительно, и при вторжениях, и при миграции варвары пользовались основными артериями Римской империи. Более того, вряд ли только готы переселялись с обозами, перевозя личные вещи и членов группы, не участвующих в сражениях. На самом деле есть причины полагать, что таким способом передвижения пользовались все группы мигрантов[1].

Но наибольшее влияние на миграцию, как показывает изучение современных примеров, оказывает «форма» существующих политических структур. Так, господство гуннов привело к появлению на Среднедунайской равнине такого скопления племен, обладавших немалой военной мощью, — либо они пришли туда, подчинившись кочевникам и по их воле, либо тщетно пытаясь избежать их внимания. Опять же, без сдерживающего фактора в виде гуннского владычества все эти племена не смогли бы сосуществовать в такой близости друг к другу, как показывает яростное соперничество, начавшееся между ними сразу после распада империи Аттилы. Восточная Римская империя, сохранившая свое единство и целостность, так-

[1] О маршруте перемещения 473 года: *Иордан.* Гетика. 56.285—286.

же сыграла в происходящем одну из главных ролей. Именно поэтому группа готов под предводительством Амалов двинулась на юг, на Балканский полуостров. Земли здесь не славились плодородными почвами, в отличие, к примеру, от старой римской провинции Паннония, оставшейся позади. Гористые Балканы были привлекательной целью потому, что они находились достаточно близко к Константинополю, чтобы готы смогли оказывать успешное давление на правителей Византии, а значит, выторговать у них часть доходов, получаемых в виде налогов с куда более богатых территорий вроде Египта и других стран Ближнего Востока. Их выбор направления в конечном итоге был продиктован теми же политическими структурами. Если бы Западная Римская империя не прекратила свое существование, у готов не было бы ни малейшей надежды основать независимое королевство на Итальянском полуострове — да и император Византии Зенон вряд ли стал бы поощрять Теодориха на подобное мероприятие. То же самое и с лангобардами — они не могли бы силой захватить земли на среднем Дунае, если бы империя Аттилы не распалась.

Как уже упоминалось, в последние десять лет или около того в некоторых кругах стало модным утверждать, будто расцвет и падение Гуннской империи показывают, что групповая идентичность в те времена была крайне нестабильной и что оба этих процесса не могли оказать влияния на миграцию. Разумеется, источников и подробных сведений по этому вопросу у нас не так много, как хотелось бы. Однако хватает надежных указателей, которые означают, что оба этих утверждения нуждаются в корректировке. Исторические остатки, прежде всего, демонстрируют, что, становясь частью Гуннской империи, другие народы не превращались в гуннов. В империи сохранялось необходимое для ее существования неравенство, и объединение народов происходило отнюдь не на добровольной основе. Все племена не гуннского происхождения были присоединены к ней силой, эксплуатировались элитой и в конечном итоге отвоевали вновь свою независимость. В этом свете уже не приходится удивляться тому, что групповые идентичности более многочисленных групп сохранились, несмотря на влияние различных структур империи. В сохранении этих идентичностей были заинтересованы сами кочевники, поскольку быть гунном

означало занимать привилегированное положение по отношению к другим. А с точки зрения покоренных народов сохранение своей идентичности оставалось самым надежным способом при удобном случае вырваться из-под власти гуннов.

О многих племенах, упоминаемых в наших источниках, данных недостаточно, о других — в особенности это касается лангобардов — крайне мало; однако наши представления об их идентичности не противоречат имеющимся у нас другим сведениям о миграционных процессах, связанных с появлением и распадом империи Аттилы. Готы под предводительством Амалов часто описываются как большая, смешанная по составу группа, включающая не меньше 10 тысяч воинов, передвигающихся вместе с женщинами, детьми и обозом из нескольких тысяч телег. Это описание почерпнуто из различных исторических источников того периода, и сведения, изложенные в них, надежны, подробны и обстоятельны. Такое же описание готов в дороге составляется позже при дворе их короля в Италии. Все эти свидетельства можно оспорить, однако на то должны быть разумные основания, а в этом случае возражения чаще всего основаны лишь на фрагментарном прочтении современной научной литературы, посвященной исследованиям групповой идентичности. Другими словами, образование и распад империи гуннов имели определенные демографические последствия, выразившиеся прежде всего в появлении в сердце Центральной Европы большого количества военизированных групп, которые участвовали в ее укреплении либо воспользовались ее разрушением. Как только сдерживающее влияние гуннской военной мощи исчезло, между этими народами не могло не возникнуть острого соперничества, особенно если учесть их военный потенциал. Меньшие сообщества в результате утратили свою независимость, но в общем и целом многие группы покинули этот регион так же быстро, как вошли в него.

На первый взгляд роль, сыгранная различиями в уровне развития во всех этих событиях, не так очевидна, как, например, при германских завоеваниях в III веке. Большая часть миграционных процессов, о которых шла речь в этой главе, носит преимущественно политический характер и ассоциируется либо с появлением империи Аттилы, либо с ее распадом. Но первое впечатление нередко обманчиво. Гунны сумели построить свою военную машину на Среднедунайской равнине именно из-за различий в уровне развития. Отсюда было очень удобно отправ-

лять отряды для грабежей и набегов — и продумать стратегию защиты, которая позволила бы им претендовать на часть богатств Средиземноморского региона, с которого получала налоги Римская империя. И требования Аттилы, подробно описанные для нас Приском, преимущественно касались денег и золота. Более того, ему бы не удалось сохранить эту военную машину без римских богатств, смазывающих все ее механизмы. Различия в уровнях экономического развития также указывали покоренным народам — после смерти Аттилы — приблизительные направления для переселения, по крайней мере тем, кто не хотел участвовать в бесконечных конфликтах. Большинство, как мы видели, двинулось на юг, привлеченное богатствами Средиземноморья; однако здесь на сцену вновь выходят политические мотивы. Только в том случае, если племя ничего не имело против перспективы разделения и утраты политической независимости, оно могло последовать по тропе, проложенной последним сыном Аттилы и некоторыми из народов, ранее входивших в его империю, — переселиться на юг или восток, ближе к Византийской империи, сохранившей практически всю свою военную мощь. Готы Теодориха были достаточно многочисленны, чтобы какое-то время жить там, но даже их было слишком мало для того, чтобы вынудить Константинополь пойти на заключение долгосрочного соглашения. И это кажущееся исключение из правила на самом деле подтверждает его.

Для тех же, кто ожидал большего, оставались юг и запад. Раньше на западе их ждало непреодолимое препятствие — приграничные форты и укрепления Римской империи вместе с ее войсками. Теперь оно было устранено, поэтому мы уже не наблюдаем здесь модели экспансии III века, когда германские племена устремлялись на восток, надеясь обрести господство в северочерноморских регионах (см. главу 4). Во времена Гуннской империи по Центральной и Южной Европе периодически прокатывались потоки воинов и их семей, движущихся по местным дорогам. Примерно в то же время различные типы миграционных процессов захлестнули и северо-западные окраины Римской империи. Чтобы завершить наш анализ традиционного «переселения народов», нам необходимо теперь обратить свой взор на англосаксов и франков.

Глава 6

ФРАНКИ И АНГЛОСАКСЫ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЭЛИТЫ ИЛИ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ?

Провинции Британии быстро перестали быть частью римского мира — приблизительно в 410 году. Они почти исчезли из вида на следующие два столетия; один современный историк с полным основанием называет их «потерянными веками» британской истории[1]. Когда они наконец снова появляются на горизонте (примерно в 600 году), большая часть плодородных земель Нижней, равнинной Британии (территория, большую часть которой занимает современная Англия), без всякого сопротивления досталась внешним захватчикам. Германоязычные англосаксы заменили коренные кельтские и латиноязычные народы в роли доминирующей социальной элиты. Всего двести лет тому назад англы и саксы еще блуждали по землям по другую сторону Северного моря. Примерно за это же время провинции римской Галлии постигла схожая судьба — они пали перед превосходящими силами пришедших в регион германоязычных франков, которые до того жили к востоку от Рейна. Культурные перемены в Галлии были тем не менее не такими резкими и глубокими, как к северу от Ла-Манша. К югу от реки Луары многие потомки старой римской знати, населявшей этот регион, по-прежнему получали доход со своих поместий, пожалованных их предкам еще римскими императорами, и материальная (да и нематериальная) культура их во многом сохраняла римские традиции. Даже в Галлии. Однако к северу от Парижского бассейна ситуация обстояла иначе. Германские языки распространялись на запад, вытесняя латинский и кельтские, и ни исторические, ни археологические свидетельства не указывают на то, что римская аристократия по-прежнему присутствовала в регионе к началу VII века.

[1] Campbell (1982), глава 2.

Захват Северной Галлии франками ставит перед нами примерно те же вопросы, что и завоевание Южной Британии англосаксами. Какую роль сыграла миграция в политических и культурных переменах, наблюдаемых в этих северо-западных уголках римского мира? И какую форму она приняла? В прошлом англосаксонские и франкские завоевания рассматривались как западные варианты великого и пангерманского феномена «переселения народов», начало которому было положено в конце позднеримского периода. Однако в последнее время они превратились в модели ограниченной миграции, известной как переселение элиты. Классический архетип переселения элиты, как мы видели в главе 1, — это завоевание Англии норманнами в XI столетии. Его характеристики подробно описаны в Книге судного дня, которая сообщает нам о том, кому какие земли принадлежали до появления норманнов — 5 января 1066 года, если быть точным, «в день, когда король Эдуард Исповедник жил и умер», выражаясь ее цветистым языком, — и через двадцать лет после него. Содержащиеся в ней сведения не позволяют усомниться в том, что норманнцы приезжали в Англию небольшими, но политически значимыми группами и стали новым классом землевладельцев. Может ли эта ограниченная форма миграции удовлетворительно объяснить трансформации, происшедшие в Нижней Британии и Северной Галлии в V—VI веках? Компаративный подход подсказывает, что ответ на этот вопрос отрицательный, и, рассматривая оба этих случая вместе, а не по отдельности, как это обычно бывает, мы сможем объяснить почему.

ЭЛИТЫ И МАССЫ

Не приходится всерьез сомневаться в том, что миграция сыграла определенную роль в преобразовании римской Британии в англосаксонскую Англию, однако представления о степени ее воздействия в разные периоды весьма различались. В XIX веке считалось, что многочисленные группы иммигрантов, по крайней мере в Англии, полностью вытеснили коренное романобриттское население кельтского происхождения, а выжившие ушли на запад в Уэльс, Девон и Корнуолл — или же переправились на материк, в Бретань. В Викторианскую, Эдвардианскую и даже последующие эпохи школьников застав-

ляли верить в то, что англосаксонское завоевание, начавшееся с приходом Хенгиста и Хорсы в Кент, триумфально прокатилось по острову. Это представление основывалось исключительно на уцелевших письменных источниках, прежде всего на сочинении Гильды Премудрого «О погибели Британии» и «Англосаксонской хронике». Конечно, в них не так много сведений, как хотелось бы, и с этим никто не спорил, однако на их основании вырисовывалась картина постоянной вражды между англосаксоискими захватчиками и исконными кельтами, в которой наконец победа досталась первым. К 1900 году доказательств этой теории стало больше — язык и географические названия. Уже тогда было установлено, что абсолютное большинство топонимов в современной Англии происходят от англосаксонского диалекта и никак не связаны с кельтским, распространенным на Британских островах, плюс последний не оставил почти никаких следов в современном английском. Кельтские корни встречаются только в названиях некоторых рек. Великая Викторианская эпоха с ее железными дорогами добавила в список третий спорный пункт. Огромное количество кладбищ, обнаруженных в конце XIX века, при строительстве железных дорог, содержат многочисленные свидетельства послеримской материальной культуры, принесенной захватчиками с континента, и почти никаких следов выжившего романобриттского населения. Этот термин тогда еще не существовал, однако считалось, что англосаксы устроили классическую «этническую чистку».

С 1960-х годов всеобщее согласие в академической среде сменилось спорами и дискуссиями, нередко весьма едкими. Никто теперь не верит в массовую этническую чистку, и никто не верит в то, что миграции не было вовсе. Между двумя этими крайностями множество самых разных мнений, но среди них несложно выделить две основные группы. Многие историки и некоторые археологи считают очевидным то, что англосаксонизация равнинной Британии в V—VI веках происходила путем насильственного захвата и военной агрессии, в которых участвовали многочисленные мигранты из Северной Германии и исторических Нидерландов. Вторая группа, напротив, полагает, что в процессе было задействовано незначительное число иммигрантов из континентальной Европы, однако их культурные нормы распространились по всей стране и были добровольно приняты местным населением — то есть это был

классический случай переселения элиты, за которым последовала ассимиляция двух культур. Эту идею поддерживают некоторые историки, но археологов среди ее сторонников куда больше, и она явно сформировалась в условиях отрицания старых моделей массовой миграции, характерных для истории культуры[1]. Почему этот вопрос вызвал такие расхождения?

ИСТОЧНИКИ ПРОТИВОРЕЧИЯ

И вновь, как и во многих других вопросах, рассмотренных в этой книге, важную роль сыграл уход от националистических представлений о прошлом, оказавший чудодейственный эффект. Теперь никому и в голову не могло бы прийти, что кельты и англосаксы могли враждебно относиться друг к другу просто потому, что они были кельтами и англосаксами. И действительно, исторические источники, появившиеся после 600 года, показывают, что королевства англосаксонской Англии воевали друг с другом так же охотно, как и с уцелевшими представителями римской Британии, а иногда даже объединялись с последними против своих собратьев англосаксов. Западная и Северная Британия после ухода римлян также отличалась большим культурным разнообразием. Одним из самых интересных открытий последних лет было обнаружение доказательств того, что на западе в V—VI веках по-прежнему существовало романоязычное население, вероятно бывшая элита Рима. К такому выводу ученые пришли на основе данных, полученных при лингвистическом анализе языка, которым делались надписи на камнях. Северные соседи этих романобриттов всегда были носителями кельтского языка[2].

[1] Старая максималистская традиция опирается на таких ученых, как, например, Фриман (Freeman (1888) и Стентон (Stenton (1971). Ее часто пытались оспорить, но такие исследователи, как Хигхем (Higham (1992) и Халсалл (Halsall (2007), особенно 357—358), являются представителями более цельной минималистической традиции, характерной для последних лет. Среди современных исследователей, которые придерживаются теории о масштабной миграции, можно указать Кэмпбелла, Хэрке и Уэлча (Campbell (1982), Harke (1992), Welch (1992). Хиллс (Hills (2003) придерживается ультраминималистической позиции, которую переняли от него некоторые молодые археологи. Хороший обзор основных позиций по данному вопросу см.: Ward Perkins (2000).

[2] См.: Woolf (2003).

Однако не только изменяющиеся подходы и взгляды позволили по-новому интерпретировать уже имеющиеся данные и свидетельства, но и новые знания тоже. Другим прорывом последних пятидесяти лет стало более четкое представление о том, насколько развитой была римская Британия. Изучение осколков глиняной посуды, найденных методом поверхностного сбора в сочетании с точечными раскопками, показало, что население Британии в позднеримский период было весьма многочисленным. Назвать точную цифру невозможно (последние подсчеты колеблются между 3 и 7 миллионами человек — слишком уж велик разброс), однако ученые согласны в одном: английская почва возделывалась в IV столетии с большим усердием, в таких масштабах, которые соответствуют разве что земледелию в XIV веке. Римская Британия вовсе не была тихой заводью или болотом, как полагали ученые в Викторианскую эпоху, но процветающей частью римского мира. И идею о том, что все это население дружно переселилось на запад под давлением со стороны захватчиков, становится куда сложнее доказать, нежели в те времена, когда Х.Р. Лойн писал: «История поселения англосаксов при более глубоком изучении больше повествует о борьбе человека с лесом, нежели о борьбе саксов против кельтов»[1].

Тот факт, что современные названия преимущественно англосаксонского происхождения, также был подвергнут переосмыслению. И выяснилось, что большинство из них появились только несколько веков спустя после собственно завоевания Британии англосаксами, когда сельские поселения стали более или менее постоянными. Ключевым моментом здесь являлось одновременное появление усадеб — поместий феодалов — и деревень, процесс, который развернулся в полную силу лишь в IX веке и продолжался вплоть до XI. К этому времени англосаксонский успел закрепиться в роли основного языка богатых землевладельцев, поэтому нет ничего удивительного в том, что новые поместья получали англосаксонские названия. Однако, по тому же принципу, раз процесс номинации начался лишь через двести—триста лет после поселения германцев в Британии, обилие англосаксонских названий перестает быть бес-

[1] Х.Р. Лойн цитируется в работе Сойера (Sawyer (1978). Лучший обзор позднеримской Британии по-прежнему представлен в работе Эсмонд-Клэри (Esmonde-Cleary (1989).

спорным доказательством того, что их кельтские и римские предшественники были сметены массовым притоком поселенцев. За эти два с лишним столетия германский язык вполне мог получить распространение и среди местного населения посредством ассимиляции культур[1].

Почти все согласились бы с этими тремя основными сдвигами в понимании англосаксонской миграции. Начальные и конечные пункты англосаксонизации тоже вполне ясны. Нижняя Британия (большая часть которой — современная Англия) к 350 году стала хорошо развитой частью римского мира, но к 600 на ней уже господствовали германоязычные элиты, называющие себя пришельцами из континентальной Европы, появившимися здесь в промежуточный период. Но какую роль в этом сыграла миграция и что произошло с коренным населением, неясно, и эти вопросы являются предметом ожесточенных споров.

В свете стольких разногласий сразу становится ясно: доступные нам материалы и исторические остатки весьма ограниченны. Первый ключевой вопрос — какой именно была римская Британия к началу V века? Мало кто сомневается в том, что еще пятьдесят лет назад она процветала. Правда, нельзя сказать, что в это время ее городах есть следы активных частных вкладов в строительство памятников, как в прежние века. Но то же самое можно сказать обо всей империи позднеримского периода, и, размышляя об этом вопросе, необходимо учитывать и изменяющийся уклад жизни римских землевладельцев, элиты общества, переходящих от стремления к личному обогащению благодаря своим поместьям к службе во благо империи. Раньше они готовы были вкладываться в строительство городских памятников, чтобы обрести популярность и власть. Но к IV веку эта игра была уже не столь популярной. Чтобы решить ряд серьезных проблем, в совокупности известных как кризис III века, среди которых в первую очередь выделяется обретение Персией статуса супердержавы, Римское государство конфисковало все местные фонды, которые раньше и заставляли представителей элиты стремиться к власти на местах. К IV же веку обретение таковой означало великую ответственность при небольшой выгоде. И наслаждаться тратой денег

[1] Обзор англосаксонских поселений и развития топонимов см.: Hooke (1998).

налогоплательщиков теперь могли только люди, обладающие властью на уровне империи, а не отдельно взятых городов. Неудивительно, что у римской элиты по всей стране резко изменились приоритеты. Вместо того чтобы пытаться заполучить власть на местном уровне, они стали готовить своих детей — и сами стремились — к продвижению вверх в бюрократических структурах империи. Облик городов в связи с этим несколько пострадал и поблек, но причиной тому был важный культурный и политический феномен, а не экономический кризис как таковой[1].

И то, что мы знаем о жизни сельских регионов римской Британии, вполне вписывается в эту канву. В IV веке виллы на острове процветали, как никогда ранее. В наличии все признаки благосостояния и богатства — переделка, ремонт, появление красочных мозаик, заменивших старые черно-белые, появление частных христианских часовен. Это примерно такой же прорыв, как появление цветного телевидения, — впрочем, это произошло слишком давно, и большинство моих студентов даже не знают, что когда-то картинка была исключительно черно-белой. Однако главный вопрос в другом: что из этого сельского благополучия сохранилось в IV веке? Из ста тридцати пяти британских вилл, на остатках которых были обнаружены римские монеты, к примеру, к 360 году онн перестали встречаться в шестидесяти пяти. Значит ли это, что сельская экономика римской Британии — лучший показатель общего процветания провинции, нежели экономика городов, — к этому времени пошла на спад, или же монеты — которые никогда и не были основной составляющей экономического обмена в империи — теперь стали играть другую роль?

Некоторые вновь принялись отстаивать идею о серьезном кризисе, которая в современной историографии приближается к археологическому понятию «коллапс системы». Под этим подразумевается, что римские социальные, экономические, а значит, и политические системы в Британии начали рушиться к 400 году, соответственно господство империи на островах ослабло по внутренним причинам, а мигранты-англосаксы потом просто заполнили возникший политический вакуум. Это мнение в известном смысле подтверждается кажущимся уходом регулярных частей римской армии от Адрианова вала в

[1] См.: Heather (1994).

390-х годах. Форты по-прежнему были заняты войсками, но металлические изделия, традиционно ассоциируемые с римской армией, теперь попадаются преимущественно в Нижней Британии, в чем некоторые ученые видят признак того, что некоторые независимые местные предводители заняли освободившиеся приграничные форты. Остатки, найденные в фортах, неоднозначны, и для того, чтобы верно оценить общее состояние римской Британии к V веку, нужно знать, когда именно рухнула сельская экономика, важную роль в которой играли виллы. И здесь нам отчаянно не хватает точных дат. Если благосостояние вилл пошатнулось в конце IV века, то конец собственно римской Британии никак не связан с англосаксонским завоеванием. Но если сельская экономика пришла в упадок после 410 года, то вина за это лежит, скорее всего, на них[1].

Начало истории не слишком ясное, однако, когда мы движемся дальше, проблем, вызванных нехваткой данных, становится еще больше. Хуже всего обстоит ситуация с письменными источниками. Всего лишь один из них — сочинение «О погибели Британии» монаха Гильды — было составлено местным жителем, который жил более или менее близко к нужной эпохе. Точная дата написания его труда не известна и является предметом ожесточенных споров, однако приблизительно оно датируется концом V — началом VI века. Однако у него есть существенный недостаток — Гильда намеревался создать не исторический документ, а поучение для британских королей своей эпохи, в котором он иногда затрагивает события прошлого, желая подкрепить свои мысли о настоящем. Из этого произведения можно вычленить более или менее связное описание завоевания Британии англосаксами, но сведения эти скудны и крайне неполны — к тому же имеются очень разные подходы к прочтению и интерпретации сего труда[2]. Помимо сочинения Гильды есть несколько источников, написанных на континенте и коротко касающихся событий в Британии, и куда более поздние и крайне обрывистые материалы, собранные в «Англосаксонской хронике».

[1] Эсмонд-Клэри (Esmonde-Cleary (1989) в своей работе в основном сосредотачивает внимание на конце римской Британии, так же как и Халсалл (Halsall (2007), 79—81, 357 и далее). Исследования о разрушении системы см.: Faulkner (2000); Jones (1996); Higham (1992). Дарк (Dark (2002) придерживается противоположной позиции.

[2] Недавний пример, в котором упоминаются альтернативные подходы: Halsall (2007), 519 и далее.

Часть рассказов «Хроники», возможно, описывают подлинные события. Среди них чаще всего встречаются истории о королях и их завоеваниях, и часть таковых отличается большей или меньшей степенью точности. Иногда описанные события даже выдерживают проверку географией, как, например, битва при Деорхаме в 577 году, в результате которой англосаксы получили Глостер, Сайренсестер и Бат. Если отправиться в Дирхам-Парк, который теперь находится совсем рядом с Батом, становится ясно, почему им был нужен этот участок. Расположенный на холме, он возвышается над окружающими землями. Однако в обшем и целом сведения «Хроники» слишком ограниченны и неоднозначны. По большому счету речь в ней идет всего о трех королевствах — Уэссексе, Кенте и Суссексе, которые позже вошли в состав государства Альфреда Великого, при покровительстве и содействии которого текст ее и принял нынешнюю форму. Обширные части англосаксонской Англии — от Эссекса до Нортумбрии — либо проигнорированы вовсе (как Эссекс), либо получают крайне скудное освещение (Мерсия и Нортумбрия) в этом повествовании, которое в любом случае славится почти полным отсутствием подробностей. Многие годы так и оставлены пустыми, без указания каких-либо событий, а тем, которые в ней все-таки представлены, редко выделяется больше двух-трех строчек. Для опоры в преподавании перевод на современный английский той части рукописи, которая повествует о V–VI веках, можно спокойно уместить на двух сторонах листа A4, и даже шрифт не придется делать слишком мелким. В нем вы найдете лишь разрозненные эпизоды, а не связное повествование. Более того, форма и хронологические неувязки, встречающиеся в «Хронике» в изобилии, намекают на то, что в какой-то момент автору пришлось додумывать более-менее подходящие даты, исходя из деяний, приписываемых великим героям прошлого и, возможно, почерпнутых в устных рассказах и легендах, но при этом имевших место на самом деле. Такое явление не редкость и в континентальных источниках V и VI веков, которые также опирались на легенды и предания, и эти догадки никогда не были полностью необоснованными. Отчасти хронология могла опираться, к примеру на генеалогические древа и списки королей, бывшие обычными атрибутами королевских династий, — с их помощью можно было восстановить примерный ход событий, сохранившихся в

памяти народа и касающихся конкретных правителей, к примеру, о различных битвах, в которых тот или иной король одерживал победу[1]. Однако суть не меняется, и догадки так и остаются догадками, а не точными данными, что в сочетании со скудностью информации делает «Хронику» далеко не лучшим источником[2]. Более подробные сведения об истории англосаксов мы получаем лишь начиная с VII века — после прибытия в Британию христианских проповедников. Именно на этом рубеже Беда в своей «Церковной истории народа англов» начинает приводить подробные сведения о различных исторических событиях. О периоде с VII столетия и до его дней у него много независимых данных. Однако более древние века Беда освещает, ссылаясь преимущественно на Гильду — как и мы.

Археологических свидетельств у нас на первый взгляд заметно больше. Многочисленные сведения о Римской Британии, которыми мы располагаем, идут рука об руку с 30 тысячами захоронений, принадлежащих к раннему англосаксонскому периоду. Однако в них покоятся останки представителей десяти—пятнадцати поколений, погребенных в промежуток с середины V до конца VII века, то есть во времена, когда, даже по самым умеренным оценкам, общая численность населения Нижней Британии составляла не меньше миллиона человек. Следовательно, даже такое количество захоронений представляет собой лишь незначительный образчик тогдашних обычаев. И еще две проблемы затрудняют интерпретацию остатков. Во-первых, датировка далеко не точная. Начиная с 400 года, в Британию больше не привозились римские монеты. Датировок, полученных с использованием современных методов (радиоуглеродный анализ или дендрохронологический метод), немного, поскольку многие могилы были обнаружены до того, как археология взяла их на вооружение. Поэтому по большей части датирование основывалось на стилистическом развитии погребального инвентаря. Как мы видели в других случаях, погрешность такого метода составляет около двадцати пяти лет, что, конечно, лучше, чем ничего. Но когда целый ряд археологических остатков необходимо соотнести с письменной историей, становится ясно, что способ этот слишком ненадежен и не

[1] Обзор таких свидетельств: Dumville (1977).
[2] Кэмпбелл (Campbell (1982), глава 2) приводит обзор «Хроники».

дает полной уверенности в том, предшествовало то или иное захоронение определенным событиям или было сделано уже после[1].

Вторая проблема еще более серьезна. Ранние англосаксонские кладбища были двух основных видов. В Центральной и Южной Англии археологи обнаружили множество небольших скоплений могил, и некоторые из них изобиловали всевозможным погребальным инвентарем. Дальше к востоку, в регионах Восточной Англии и вдоль северо-восточного побережья было найдено несколько крупных кладбищ, на которых погребали кремированные тела (см. карту 11). И вот эти последние кладбища вызвали много вопросов. Неясно, какому народу они принадлежали. Обычай сжигать мертвецов был чужд позднеримской Британии, зато как вид захоронений, так и сохранившиеся предметы, пережившие процесс кремации, почти полностью идентичны материалам IV и V веков, обнаруженным на юго-востоке Ютландии. Поэтому нет сомнений в том, что германоязычные иммигранты, прибывшие оттуда, устроили эти кладбища в Восточной Англии[2].

С кладбищами, на которых тела умерших погребали, тоже не все гладко. Во-первых, там хватает могил, в которых погребального инвентаря нет вовсе. Кем были эти люди? Бедными англосаксами, потомками граждан римской Британии, в обычаях которых как раз и было закапывать мертвецов без каких-либо предметов, или же кто-то просто решил, что вполне можно хоронить покойников налегке? Не приходится сомневаться в том, что многие из предметов, обнаруженных в могилах с инвентарем (брошн, застежки рукавов, оружие и т. д.), были изготовлены и использовались континентальными германоязычными народами, однако это верно далеко не для всех находок. В общем, можно даже сделать вывод, что появление и распространение таких обрядов и предметов в Англии — не самый надежный материал для того, чтобы судить о масштабах иммиграции англосаксов. В отличие от кремационных захоронений в Восточной Англии одежда, обнаруженная на этих кладбищах, не соответствует ни одному из аналогов в землях на континенте, где обитали другие германоязычные племена.

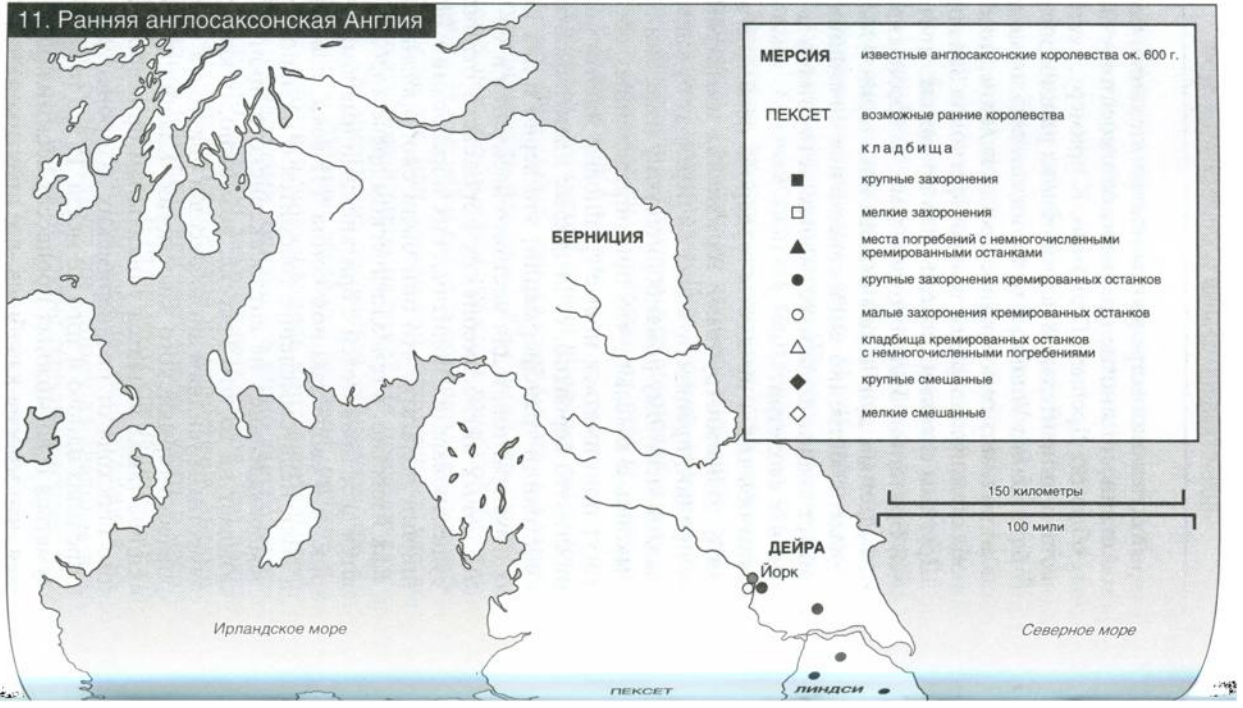
[1] Полезные исследования по теме: Campbell (1982), глава 2; Arnold (1997); Welch (1992).

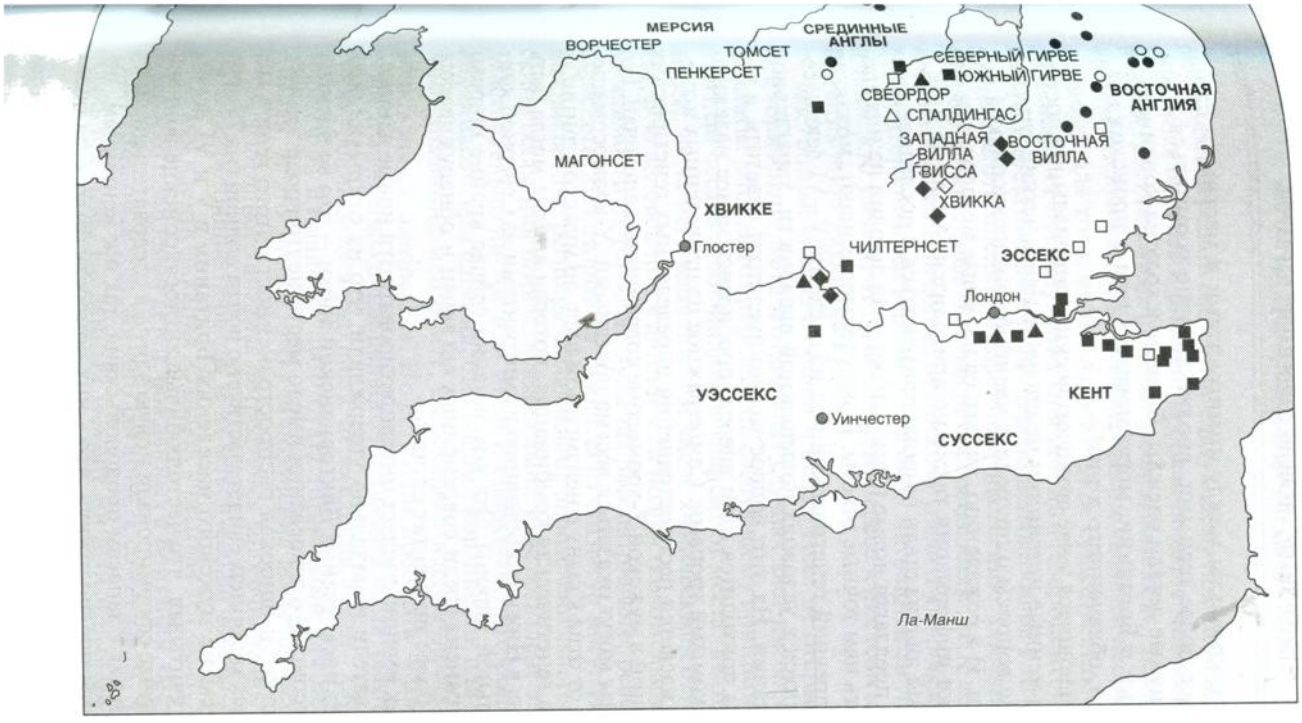
[2] С этим соглашается даже такой противник миграционной теории, как Халсалл: Halsall (1995b), (2007), 357 и далее.

Некоторые сочетания встречаются исключительно в небольших уголках Англии, но многие предметы соотносятся с аналогами в разных областях Древней Германии. К примеру, застежки для рукавов стали отличительной чертой платья ранних англосаксов, живших близ залива Уош, и, в то время как остальные детали их одеяний могли иметь самое разное происхождение, подобные застежки обнаруживались ранее только в регионах Западной Норвегии[1]. Другими словами, похоже, что процессы, протекавшие в Нижней Британии, были схожи с теми, которые скрываются за так называемым дунайским стилем в империи Аттилы (глава 5). Новые, собственно англосаксонские сочетания одежды были заимствованы из самых разных источников в Нижней Британии в V столетии.

Но если обычаи и предметы гардероба свободно курсировали между разными группами германских иммигрантов, нет никаких причин, препятствующих их переходу от англосаксонских чужаков местному романобриттскому населению. Мы теперь свыклись с мыслью, что при определенных обстоятельствах могут приниматься новые групповые идентичности, и в особенности это вероятно, если старые идентичности пребывают в состоянии трансформации, что верно и для англосаксонских иммигрантов, и для местного населения в V—VI веках. Границы новых англосаксонских королевств отличались от ранее существовавших политических образований Британии, и нет причин полагать, что они были скопированы с континента. Как известно, в генеалогическом древе королей Уэссекса имеются двое правителей с британскими именами — Кердик и Кинрик, и в своде законов конца VII века, известном как Правда Инэ, недвусмысленно говорится о наличии в ней богатых землевладельцев не англосаксонского происхождения. Это указывает на то, что Уэссекс, возможно, появился благодаря совместным усилиям англосаксов и бриттов, а не в результате кровавого германского завоевания. Кладбище Уорпертон в Уорикшире также является уникальным примером хронологического перехода от позднеримских захоронений к саксонским в пределах одного и того же места. И это тоже заставляет нас задуматься о возможных процессах ассимиляции культур. Учитывая, что многие кладбища, где практиковалось погребение, использовались на протяжении двух столетий, с V по

[1] См., напрмер: Arnold (1997), 21 и далее.

11. Ранняя англосаксонская Англия
МЕРСИЯ
известные англосаксонские королевства ок. 600 г.
ПЕКСЕТ
возможные ранние королевства
кладбища
крупные захоронения
мелкие захоронения
места погребений с немногочисленными кремированными останками
крупные захоронения кремированных останков
малые захоронения кремированных останков
кладбища кремированных останков с немногочисленными погребениями
крупные смешанные
мелкие смешанные
БЕРНИЦИЯ
150 километры
100 мили
ДЕЙРА
Йорк
Ирландское море
Северное море
ПЕКСЕТ
ЛИНДСИ

МЕРСИЯ
ВОРЧЕСТЕР
ТОМСЕТ
ПЕНКЕРСЕТ
СРЕДИННЫЕ АНГЛЫ
СЕВЕРНЫЙ ГИРВЕ
ЮЖНЫЙ ГИРВЕ
СВЕОРДОР
СПАЛДИНГАС
ВОСТОЧНАЯ АНГЛИЯ
ЗАПАДНАЯ ВИЛЛА ГИССА
ВОСТОЧНАЯ ВИЛЛА
МАГОНСЕТ
ХВИККЕ
ХВИККА
Глостер
ЧИЛТЕРНСЕТ
ЭССЕКС
Лондон
УЭССЕКС
КЕНТ
Уинчестер
СУССЕКС
Ла-Манш

VII век, и контакты между иммигрантами и местными становились все более тесными, вполне логично усомниться в том, что различные детали одежды, бывшие в ходу на континенте и найденные в Британии, могут поведать нам о происхождении умершего, облаченного в них[1].

Ни имеющиеся у нас археологические материалы, ни доступные письменные источники не способны дать четкий ответ на ключевые вопросы о природе и масштабе англосаксонской иммиграции. И к сожалению, надеяться на новые методологии или источники информации также не приходится. Анализы ДНК и изотопный анализ стали широко применяться в последнее десятилетие, предлагая новые пути, однако вряд ли один из них способен дать нам точные ответы. Пока ученые не знают, можно ли извлечь древний генетический код из скелетов V—VI веков, сохранившихся в условиях повышенной влажности, характерной для Британии. На этот вопрос только предстоит ответить, а тем временем приходится идти вперед, пробираясь менее надежными и знакомыми тропами. Самое важное из проведенных исследований касается распространения определенных генетических комбинаций в мужской Y-хромосоме современных англичан. Его результаты могут оказаться весьма полезными. Y-хромосома передается от отца к сыну в неизменном виде по мужской линии, и есть одна генетическая комбинация, которая вполне могла быть принесена в Нижнюю Британию иммигрантами из Северной континентальной Европы. Эта комбинация сейчас крайне широко распространена среди современных англичан и обнаруживается в 75 или более процентах случаев.

Но как именно следует интерпретировать эти новые данные? Исследователи изначально утверждали, что их открытие подтверждает идею ученых Викторианской эпохи — что во времена англосаксонского завоевания имело место нечто вроде этнической чистки, и широкая распространенность этого гена в современных мужчинах свидетельствует о почти полной (на 75 процентов) смене мужского населения Британии в V и VI веках. Однако, учитывая, что честолюбивые англосаксонские воины в любом случае сформировали новую элиту, а следовательно, имели доступ как к запасам продовольствия, так и к женщинам, мы вынуждены предположить, что у них попросту было куда боль-

[1] *Правда* Инэ. 24.2 (ср.: 23.3); ср.: Arnold (1997), 26 и далее, в котором затрагивается тема Уорпертона.

ше шансов передать свои гены следующему поколению, нежели у местных бриттов и римлян. И более поздние математические модели, составленные теми же исследователями, показывают, что значительный численный перевес не является необходимым условием для того, чтобы оказать такое существенное влияние на генофонд последующих поколений (75 процентов). В V—VI веках достаточно было бы перевеса захватчиков в 10—15 процентов по отношению к коренному населению. Следовательно, данные, полученные благодаря исследованиям ДНК современного населения Британии, не помогут уладить спор между теми, кто придерживается версии с массовой миграцией англосаксов, и теми, кто уверен, что имело место переселение элиты и ассимиляция либо эмуляция культур[1].

Изотопный анализ в общем и целом тоже не открывает новых горизонтов, хотя в отдельных случаях дает интересные результаты. Этот метод работает по следующему принципу: минеральный состав зубов индивида зависит от места, в котором он вырос, — на него влияет в том числе химический состав воды, которую человек пил в детстве или подростковом возрасте, — в зависимости от того, чьи зубы вы рассматриваете, ребенка или взрослого. Некоторые из химических сигнатур могут указывать на конкретные регионы, обладающие определенными геологическими особенностями. Следовательно, у вас есть шанс выяснить, действительно ли тот или иной индивидуум, похороненный в англосаксонском одеянии, был родом с континента, или же перед вами римлянин или бритт, сменивший идентичность, этакий волк в шкуре англосакса. Но есть одна проблема — этот метод эффективен только для первого поколения иммигрантов. У ребенка, родившегося уже после переселения в семье двух иммигрантов из Ютландии, зубы будут типичными для Восточной Англии. А это значит, что для получения достоверных данных путем изотопного анализа потребуются многочисленные и весьма дорогостоящие образцы и их максимально точная хронологическая идентификация. Однако, учитывая тот факт, что даже у первого поколения детей, рожденных в Британии, состав зубов будет типичным для данного региона, я сомневаюсь, что стоит ждать прорыва. На данный момент ни изотопный анализ, ни

[1] Ср., например: Weale et al. (2002) и Thomas et al. (2006). Пример показывает, как жили предки в эпоху до Промышленной революции по сравнению с их потомками на той же территории.

анализ ДНК не способны разрешить вопрос о характере миграции англосаксов, споры о котором возникли из-за малочисленности и недостаточной информативности письменных источников и археологических свидетельств[1].

Поэтому сами по себе первоисточники ставят перед нами сложную проблему, не предлагая при этом ее решения. Исторические свидетельства слишком скудны, чтобы по ним можно было нарисовать убедительную картину событий, имевших место в Нижней Британии в V—VI веках, а серьезные трансформации в материальной культуре можно объяснить либо массовым вторжением, либо масштабным столкновением культур с последующим подражанием друг другу. Новое понимание Британии позднеримского периода показывает, что население провинции было слишком большим для того, чтобы могла произойти успешная этническая чистка, однако данные лингвистического анализа свидетельствуют о том, что языки местного населения не оказали практически никакого внимания на германский язык англосаксонского мира, появившегося после позднеантичных Темных веков. На этом аргументы практически иссякают, однако если мы сперва проанализируем данные о самом миграционном потоке англосаксов, а не в контексте его воздействия на Британию, а затем с точки зрения компаративистики соотнесем их с такими явлениями, как «массовая миграция» и «переселение элиты», то получим возможность обойти указанные выше традиционные препятствия.

ПРИХОД САКСОВ

Исторический труд Беды Достопочтенного, написанный в монастыре в современном Джарроу в начале VIII века, называет две даты Adventus Saxonum — прибытия саксонских захватчиков в Британию. Первая — 446 год, заимствованная из сочинения Гильды, в котором сказано, что бритты обратились

[1] Второе объяснение идет по более извилистому пути, через попытки идентифицировать и проанализировать так называемые «эпигенетические» черты скелетов, извлеченных с кладбищ V—VII веков. Они отражают действие унаследованных генов, а не особенности диеты или условий окружающей среды. Удалось установить, что часть населения, погребенного с оружием, заметно выше тех, кто похоронен без него. Но остается открытым вопрос, объясняется ли разница в росте генетическими причинами (то есть следует ли считать ее признаком того, что носители оружия были чужаками) или чем-то еще, вроде разницы в рационе: см.: Harke (1989), (1990).

с просьбой о помощи к Аэцию, фактическому правителю римского запада в середине V века, когда он был «консулом в третий раз». Гильда не называет даты этого обращения, однако у Беды был доступ к консульским спискам, в которых указывалось, что третье консульство Аэция началось в 446 году. Вторая дата — 450—455 годы, заимствованная из династической традиции Кента его времен, в соответствии с которой утверждалось, что основатели ее поселились в юго-восточной части Британии во времена совместного правления императоров Маркиана и Валентиниана III[1]. Однако более современные ученые пришли к мнению, что, каким бы ни был ее масштаб, миграция англосаксов в Нижнюю Британию была не одним коротким событием, а весьма продолжительным процессом.

Единственный рассказ о ее истоках можно обнаружить в сочинении «О погибели Британии». В нем говорится, что захват земель англосаксами проистекал из постоянных набегов пиктов и скоттов (из Ирландии и Шотландии соответственно) на британские провинции, оставшиеся за пределами римской имперской системы. Подробности весьма противоречивы, однако иные источники того периода сообщают, что в 406 году (или около того) римская армия в Британии провозгласила императором узурпатора Константина III, который вскоре подчинил себе часть Галлии, чтобы сражаться с захватчиками с Рейна. В конце концов в 409 году британские провинции вновь взбунтовались, вырвавшись из-под контроля узурпатора. Вскоре после этого они получили (или оно так до них и не добралось) письмо от императора Западной империи Гонория с сообщением о том, что не стоит рассчитывать на защиту империи. Однако к этому моменту такое письмо не могло быть ничем иным, кроме признания де-юре ситуации, существующей де-факто. Гонорий ничем не мог им помочь, и бритты оказались в послеримской картине мира[2].

[1] О событиях 446 года см.: *Беда*. Церковная история народа англов. 2.14, 5.23, 24 (а также: *Гильда Премудрый*. О погибели Британии. 20). О событиях 450 года см.: *Беда*. Большая хроника, год от сотворения мира 4410, ср.: *Англосаксонская* хроника (449) о приходе основателей кентской династии Хенгиста и Хорсы.

[2] Все вполне ясно до 409 года, в который, по словам Зосима (*Зосим*. Новая история. 6.5), произошел британский мятеж. Противоречия начинаются дальше (Там же. 6.10), когда (как обычно переводят данный раздел, хотя текст сильно пострадал) Гонорий повелел британским провинциям самим заняться своей безопасностью. Подробнее о данном вопросе и историографию см.: Salway (2001).

Примерно на этом эпизоде Гильда вновь перехватывает нить повествования. Положение, в котором оказались романобритты, теперь обретшие независимость, в конечном итоге стало настолько невыносимым, что «собрался совет, чтобы решить, как лучше и безопаснее всего прекратить свирепые и весьма частые набеги упомянутых народов. Все собравшиеся там, включая и гордого тирана, были ослеплены; защитой для страны, ставшей на деле ее погибелью, сочли они диких саксов, проклятых и ненавидимых Богом и людьми, и решили пригласить их на остров, как волков в овчарню, чтобы они прогнали северные народы. [...] Так случилось, что выводок детенышей из логова свирепой львицы явился на трех циулах, как это называется на их языке, а по-нашему это боевые корабли под всеми парусами [...] Высадившись, они по указанию злосчастного тирана вначале простерли свои ужасные когти на восточную часть острова, как будто собирались защищать страну, а не завоевать ее. После этого мать выводка, услышав об успехе первых посланцев, послала еще большую стаю их сообщников и отродий, которые вскоре присоединились к своим ублюдкам-сотоварищам. Прибывшие на остров варвары потребовали дать им провизию, как воинам, готовым, по их ложному уверению, сослужить великую службу своим радушным хозяевам. Эта провизия на какое-то время заткнула, так сказать, собачью пасть, но потом они заявили, что припасы на месяц доставлены им не полностью, увеличили свои притязания и стали угрожать, что, если им не дадут большее довольствие, они нарушат договор и опустошат весь остров. Эти слова они не замедлили подтвердить делом. Огонь праведного мщения за прошлые злодеяния пылал от моря до моря, зажженный руками восточных безбожников. Уничтожив все близлежащие города и земли, он не остановился, пока имел пищу, но сжег почти весь этот остров и облизывал западное море своими красными свирепыми языками».

Несмотря на все поражения, которые многих бриттов вынудили, по словам Гильды, либо сдаться и стать рабами захватчиков, либо бежать с острова морем, романобритты не отступили. Даже когда Аэций отклонил их просьбу о помощи, обращенную к Римской империи, они продолжали сопротивляться. Один из них, знаменитый Амвросий Аврелиан, исторический прототип мифического Артура, организовал контрнаступление, завершившееся победой бриттов в битве при Бадонском холме,

местоположение которого, однако, остается неизвестным. После этого на остров вернулись процветание и мир, которые длились на протяжении долгого времени — до того момента, о котором писал Гильда[1].

С точки зрения современного историка в повествовании Гильды есть один весьма существенный недостаток — хронологическая неточность. Когда начались те события, которые он описывает? Гильда не дает никакого указания о том, когда именно консул выдал первое злополучное приглашение саксонским наемникам. Беда полагал, что события после приглашения вплоть до мятежа развивались очень быстро, и поэтому датировал прибытие саксов 446 годом, отталкиваясь от обращения бриттов, оказавшихся в безвыходном положении, к Аэцию, когда тот стал консулом в третий раз. Большинство современных историков возразили бы, что все происходило гораздо медленнее, на основе довольно надежных источников тех лет, которые говорят о нападениях саксов на Британию уже в начале V века, около 410 года. Значит, вполне возможно, что приглашение наемникам было выдано примерно за одно поколение до даты, названной Бедой, что вполне сопоставимо с данными Гильды. И в этом случае повествование Гильды превращается в краткий рассказ о более долгом периоде, чем принято считать. Расширение хронологических рамок завоевания соотносится и с тем фактом, что первые поддающиеся датировке саксонские остатки в Англии относятся к 430-м годам[2].

Что до мятежа саксов, пожар которого разлился «от моря до моря», самая надежная хронологическая привязка, которой мы располагаем, встречается в источнике с континента, так называемой «Галльской хронике 452 года» (названной так исключительно по капризу ученых потому, что ее собрали в Гал-

[1] *Гильда Премудрый*. О погибели Британии. 23—26.

[2] О нападениях саксов в 410 году см. «Галльскую хронику 452 года» (хотя эта хроника не всегда дает отдельные даты для каждого события). О первых датируемых остатках см.: Welch (1992), глава 8. Халсалл в приложениях к своей работе (Halsall (2007) пытается расширить этот общепринятый взгляд, утверждая, что неназванный Гильдой тиран, отправивший приглашение, которого обычно относят к послеримскому периоду, на деле являлся узурпатором Максимом (383—387) и что именно Максим привел первых саксонских наемников в Британию. Это не невозможно, но и очевидно, поэтому вердикта по-прежнему нет. Дальнейшие аргументы, предъявляемые Халсаллом, основаны на этой первой гипотезе и неубедительны.

лии в 452 году), в которой сказано, что Британия пала перед саксами в 441—442 годах. Эта хроника была написана всего через десять лет после изложенных нами событий, и мы знаем, что между романобриттами и галлами существовали довольно тесные связи и после 409 года — об этом подробнее чуть позже, — поэтому сведениям, имеющимся в ней, вполне можно верить. Есть и другие способы реконструировать ход событий, однако представляется вполне естественным наличие связи между бунтом наемников, о котором пишет Гильда, и хаосом, воцарившимся в начале 440-х годов. А к 460-м по крайней мере один предводитель бриттов действовал в Северной Галлии близ реки Луары, что вполне укладывается в рассказ Гильды о том, что некоторые бритты бежали за море. И даже если вы сомневаетесь в том, что эти события действительно связаны, один период масштабного вторжения саксов и уничтожение бриттов в любом случае придется датировать серединой V века, по данным «Хроники»[1]. Но это еще не конец истории. Гильда завершает свой исторический экскурс на весьма оптимистичной ноте, и эта концовка — одна из причин, по которым его текст некоторые сочли более поздней фальшивкой. Благодаря Амвросию Аврелиану, романобриттам в конце концов улыбнулась удача, и, несмотря на отсутствие точных географических данных, общее впечатление, складывающееся от рассказа Гильды, таково: за сорок лет мира после битвы при Бадонском холме саксы не заходили дальше восточного конца острова. Большинство историков датировали бы этот период затишья приблизительно 480—550 годами[2].

Однако, когда начинается подлинно историческая часть сочинения Беды, а открывает ее прибытие римской миссии в Кент в 597 году, почти вся Нижняя Британия была уже под властью англосаксов. Либо имели место масштабные наступления захватчиков в середине-конце VI века, либо успехи романобриттов, на которые намекает Гильда, изрядно преувеличены. Име-

[1] Гильда указывает, что последний раз романобриттриты обращались к властям империи, когда Аэций был избран консулом в третий раз (с 446 года). Это может служить доказательством того, что 440-е годы были очень непростым периодом. Предводителем бриттов, участвовавших в событиях при Луаре, был Риотам: см.: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 945.

[2] См., например: Campbell (1982), глава 2; Higham (1994); Halsall (2007), Приложение.

ющиеся свидетельства говорят скорее о последнем. Если уж на то пошло, «Англосаксонская хроника» главную фазу завоевания в истории Уэссекса датирует как раз концом VI века, когда, под предводительством Кевлина и его племянника Келвульфа, англосаксы впервые захватили обширные части Девона и Сомерсета. Несмотря на недостатки текста, это вполне может указывать на важный заключительный этап завоевания. Большинство королевских династий, правивших англосаксонскими королевствами VII века, которые упоминаются в «Истории» Беды, также, похоже, произошли от предка, действовавшего в последней четверти VI века, а не в более ранние периоды[1]. И это вновь наводит нас на мысль о том, что нечто важное произошло после того, как Гильда завершил свое сочинение.

Континентальные свидетельства также добавляют весомости этому заключению, показывая, что группы саксов оставались полностью мобильными вплоть до VI века. Одна многочисленная группа саксонских мигрантов, насчитывавшая 20 тысяч человек, двинулась на юг в середине столетия и в конечном счете вместе с лангобардами вторглась в Италию. Другая примерно в то же время устроила свой анклав у устья Луары (560-е годы)[2]. Такое бесспорное свидетельство продолжительного демографического роста на родине саксов делает вполне вероятным предположение о том, что все больше представителей этого народа отправлялись в Британию. Континентальное давление, оказываемое с другого направления, также находит свое отражение и в более поздних археологических материалах. Между Скандинавией и Восточной Англией в конце V века появляется связь — возможно, имел место новый миграционный поток из Норвегии, и есть причины полагать, что восточноанглийская королевская династия имела норвежские корни. Повествование Беды в целом не противоречит археологии. Он сообщает, что переселение германцев в Британию затрагивало самые разные народы — в нем приняли участие не только англы, саксы и юты, о которых монах упоминает в первой книге своей «Церковной истории», но и фризы, руги, даны и др.[3] Захоронения на англосаксонских кладбищах (по их традициям мертвых погребали) с V века становятся

[1] См.: Dumville (1977).

[2] *Григорий Турский*. История франков. 4.42; ср.: *Павел Диакон*. История лангобардов. 2.6 и далее.

[3] *Беда*. Церковная история народа англов. 1.15 (англы, саксы и юты), 5.9 (прочие).

все более частыми — от одной каждые четыре года около 500 года до одной каждые два-три года к 600-му[1]. Тому может быть два возможных объяснения: романобритты стали перенимать культурные нормы англосаксов — или же численность иммигрантов неуклонно возрастала. Как бы то ни было, что-то явно изменило соотношение сил, установившееся после битвы при Бадонском холме, в пользу германоязычных иммигрантов — или по крайней мере утвердило превосходство элементов их культуры — в середине или конце VI века. По всей вероятности, продолжившаяся иммиграция с континента сыграла в этом процессе свою роль.

Пусть свидетельств не так много и их трактовка неоднозначна, однако они явно указывают на то, что миграция в Британию с материка в V—VI веках приняла форму потока, как и миграция германцев на юг к Черному морю в III веке или лангобардов в Среднедунайский регион в IV и V (главы 3 и 5) или даже викингов на запад в IX. Это вовсе не было единым, массовым порывом, как, к примеру, у готов в 376 году. Минимальные сроки миграции в Британию вернее всего было бы обозначить 410—575 годами, хотя даже так мы, возможно, существенно недооцениваем ее масштабы. Она, вероятно, также не являлась постоянным и стабильным процессом, поток мигрантов то усиливался, то ослабевал в зависимости от поворотов в борьбе, по крайней мере с некоторыми группами исконного романобриттского населения. Если только Гильда не дал нам ложных сведений о карьере Амвросия Аврелиана (а у нас нет причин полагать, что он бы пошел на это, ведь тогда монах лишился бы доверия и внимания британской политической публики, которая была прекрасно осведомлена о подлинном ходе событий), иммиграция в Британию, скорее всего, стала менее привлекательной перспективой после победы романобриттов при Бадонском холме. Что интересно, и Григорий Турский, и Прокопий отмечают рост присутствия германоязычных народов с земель к северу от Ла-Манша среди континентальных франков в первой половине VI века, а значит, в этот период (который совпадает по времени с затишьем после сражения при Бадонском холме, по большинству хронологий) наблюдалась даже обратная миграция[2]. Более того, миграционный поток явно брал начало в весьма широкой географической области, судя по

[1] Higham (1992), 180—181.

[2] *Григорий Турский.* История франков. 5.26, 10.9; *Прокопий Кесарийский.* История войн. 8.20.8—10; ср.: особенно Woolf (2003).

рассказу Беды о происхождении мигрантов и элементам материальной культуры, свойственным изначально самым разным регионам и получившим распространение в Британии.

Ни один из этих источников не назовет вам общего числа иммигрантов, ставших частью этого потока, просуществовавшего очень долго. Многие из отдельных групп, особенно вначале, могли быть и небольшими. По словам Гильды, первый отряд наемников, прибывший в Британию, уместился на трех кораблях, а значит, мог насчитывать около сотни мужчин. Однако число «три» здесь представляется скорее фольклорным элементом, да и в любом случае не все группы непременно были так же малы[1]. На континенте в V—VI веках отваживались на переселение группы саксов численностью до 20 тысяч человек (включая женщин и детей), следовательно, такого рода крупные объединения вполне могли отправиться в Британию. К примеру, крупные кладбища в Восточной Англии, на которых погребены кремированные останки, судя по всему, оставлены более многочисленными и сплоченными миграционными группами, в отличие от небольших кладбищ в Южной Англии, где тела предавали земле, хотя и они вряд ли принадлежали большому племени в 20 тысяч человек. Может быть и так, что миграционный поток реагировал на изменяющуюся природу сопротивления бриттов. Это центральный мотив повествования Гильды, и причина не самого лестного сравнения в нем исторических событий с текущим положением дел — тот факт, что Амвросий Аврелиан сумел объединить бриттов и собрать многочисленное войско, чтобы дать достойный отпор саксам, однако позже это преимущество было утрачено из-за соперничества между его далеко не столь великими преемниками. Иммигранты, разумеется, непременно отплатили бы Амвросию той же монетой, собрав еще более значительные силы, чтобы атаковать местных жителей, сопротивление которых он столь блестяще организовал. Даже если германцы и прибывали поначалу небольшими группами, мощное сопротивление со стороны бриттов заставило бы их объединиться в более многочисленные группы.

Такое представление о миграционном потоке не подтверждается в письменных источниках, но прекрасно укладывается в картину позднего прибытия в Англию правящих династий ан-

[1] Известный факт, что предполагаемая миграция готов из Скандинавии также проходила на трех кораблях: *Иордан*. Гетика. 1.25, 17.95.

глосаксонских королевств в начале VI века и позднее (и она же служит косвенным доказательством его верности). Возможно, то были предводители, сумевшие объединить разрозненные племена, без чего было бы невозможно вновь поменять соотношение сил в пользу англосаксов. Если принять эту модель в общих чертах, мы увидим, что у данного миграционного потока было немало аналогий. Эволюция миграционных потоков в новые формы, благодаря которым становится проще обходить возникающие на пути препятствия или добиваться реализации более смелых планов, является, как мы видели, общей чертой таких процессов, от переселения готов в III веке и викингов в IX до миграции буров в XIX. Она же является, разумеется, и константой, лежащей в основе функционирования групповых идентичностей, которые формируются и укрепляются пред лицом конфликта (см. главу 1). И все же не следует переоценивать значение проблемы, которую представляли собой даже более-менее объединенные романобритты. Саксы никогда не сталкивались с противником вроде Западной империи, военной мощи которой противостояли континентальные мигранты, приходившие на римскую почву. А потому неудивительно, что итогом англосаксонского завоевания стало множество небольших королевств — по меньшей мере десять, а может, и того больше, — появившихся примерно к 600 году. Новые королевства англосаксонской Англии обладали военной мощью, представленной отнюдь не парой-тройкой судов, однако ввиду отсутствия в Британии серьезного и опасного противника вроде Римской империи, так и не был запущен процесс политического объединения среди мигрантов, через который прошли вестготы, вандалы, франки и остготы, действовавшие в более суровых условиях, когда жизненно необходимы были войска, исчислявшиеся десятками тысяч человек[1].

Не вызывает сомнений и то, что миграционный поток включал в себя женщин и детей. Первые отряды наемников, разумеется, состояли из мужчин, но детали женского костюма явно континентального происхождения (в особенности броши) являются важной частью археологических материалов, обнаруженных на кладбищах. Часть этих материалов вполне могла появиться здесь без участия женщин — как свадебные дары саксонских захватчиков своим невестам из числа романобрит-

[1] См. главу 4.

тов; однако утверждение о том, что женщины вовсе не приезжали на остров, выглядит весьма неправдоподобным, не в последнюю очередь потому, что даже на континенте при миграции саксы брали женщин и детей с собой. Есть две возможные причины, по которым объединения саксов, переселяющиеся в Британию, могли состоять преимущественно из мужчин. Первая — это незначительный масштаб миграции, по крайней мере в некоторые периоды. До появления Амвросия Аврелиана военные отряды численностью в несколько сотен человек и сами справлялись с захватом земель для саксонских предводителей. Если так, то этим предводителям не было никакой нужды искать новых сторонников у себя на родине, а значит, вряд ли на остров стали бы приезжать мужчины с семьями. Вторая причина — логистика. При массовых миграциях этого периода — по крайней мере, документированных — использовались караваны с повозками, на которых перевозили грузы, пожитки и более слабых членов группы, и нередко они насчитывали по несколько тысяч телег. Переселение — нелегкое предприятие само по себе, даже на континенте, но перевозка семей, животных и скарба через Ла-Манш или Северное море в Британию представляла собой еще более сложную с точки зрения логистики задачу. Для того чтобы переправить членов группы, не участвующих в сражениях, нужно было куда больше кораблей — и расходов.

Тем не менее компаративные данные говорят о том, что не нужно переоценивать оба фактора, указанные выше. Анализ ДНК ясно показал, что норвежцы в X и XI веках двинулись в Исландию вместе со скандинавскими женщинами, которых было немало, и прихватили с собой других женщин, из Шотландии, Ирландии и северных и западных островов. Примерно одна треть современного ДНК женщин в Исландии имеет норвежское происхождение. Даже если непосредственные предшественники их предков первыми плыли туда через Северное море, а норвежские женщины, прибывшие в Исландию, были родом с Британских островов, это, в свете данных анализа ДНК, говорило бы о том, что в Британии имелось значительное количество скандинавских поселений, в которых было много скандинавских женщин. И все эти морские путешествия IX и X веков — из Скандинавии на север Британских островов, а оттуда в Исландию — были более долгими, сложными и дорогостоящими, чем таковые в V и VI веках, когда англосаксы

перебирались в Южную Британию. И только присутствием женщин можно объяснить изменения, происшедшие в языке после переселения саксов в Британию. Мы более подробно рассмотрим этот вопрос чуть позже, однако ясно одно: доминирование германского языка иммигрантов, почти не затронутого влиянием исконных кельтских языков, было бы невозможным (ведь грамматических школ у саксов не было), если бы на островах не было матерей германского происхождения, обучавших детей своему языку[1].

Пусть общий масштаб миграции англосаксов в Нижнюю Британию в V—VI веках остается спорным вопросом, но мы можем чуть больше узнать о ее природе — она происходила в форме продолжительного потока, включавшего женщин и детей. Точных данных о причинах миграции у нас нет (из-за скудности источников), но можно смело предположить, что основной мотивацией переселенцев было богатство сравнительно развитой романо-бриттской сельскохозяйственной экономики. Рассказ Гильды ясно намекает на это. По его мнению, именно перспектива получить хорошую плату привела первых саксонских наемников в Англию, а фактической целью их последующего бунта было разграбление острова, в ходе которого можно было бы забрать все мало-мальски ценное, раз на деньги больше рассчитывать не приходилось[2]. Утвердив свое господство, они постепенно стали захватывать власть над землями — а это главный способ укрепиться в этом преимущественно сельскохозяйственном регионе, чтобы надолго обеспечить себе безбедное существование. К 400 году романо-бриттская экономика, возможно, еще не миновала пик развития, пришедшегося на середину IV века, — а даже если и так, она в любом случае была куда более развитой, нежели отсталые регионы, населенные англосаксами по другую сторону Северного моря. И у нас есть неоспоримые доказательства тому, что процветающий остров давно привлекал к себе германцев из менее развитых областей на континенте.

Саксонские пираты пересекали Северное море и высаживались в Нижней Британии еще с середины III века. И хотя у нас нет непосредственных описаний этих событий в источни-

[1] О норвежских ДНК см. главу 9. Об изменениях в языке далее в этой главе.

[2] *Гильда Премудрый*. О погибели Британии. 23—26.

ках — один крупный морской набег саксов на Северную Галлию получает более или менее подробное освещение в труде Аммиана, но о Британии не сказано ни слова, — зато есть косвенные доказательства того, что саксонские моряки оставались угрозой для римско-бриттских землевладельцев на протяжении всего IV столетия. С конца III века римские власти руководили единым военным округом, в который входили земли вдоль обоих берегов Ла-Манша и восточное побережье Британии. Командир округа имел в своем распоряжении военные флотилии, гарнизоны и ряд мощных фортов, некоторые из которых пережили саксонское завоевание. Внушительные укрепления Порчестера (неподалеку от современного Портсмута) были весьма грозными и выполняли защитные функции на протяжении всего Средневековья и вплоть до Наполеоновских войн, когда замок играл роль лагеря для военнопленных — французских моряков. И все эти форты, солдаты, вся линия защиты именовалась litus Saxonum — Саксонский берег, — тем самым не оставляя ни малейшего сомнения касательно источника основной угрозы, с которой она была призвана бороться. Тот факт, что римляне взяли на себя труд возвести такую цепь укреплений, говорит о том, что морские набеги саксов, пусть и не слишком масштабные, были основной и очень частой проблемой в этом регионе[1].

В описанном нами миграционном потоке, растянувшемся во времени на V и VI века, к уже имевшимся мотивам мог на определенном этапе добавиться и стимул в виде дани. Уровень Северного моря начал подниматься, и так быстро, что жители прибрежных поселений были готовы пуститься на поиски новых земель, поскольку их привычная жизнь оказалась под угрозой. Не одна старая деревня на побережье — включая многие терпены, которые мы рассматривали в главе 2, — были покинуты именно в этот период. Опустел целый регион — от побережья Фризии вплоть до Шлезвиг-Гольштейна. В прошлом это явление заставляло ученых предполагать, что основной причиной миграции англосаксов было как раз повышение уровня моря, но они придавали ему слишком большое значение, переоценивали его роль. Восточная Англия, в которой в конечном итоге оказались многие мигранты, также была подвержена

[1] О нападении саксов на Галлию: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 28.5. О «Саксонском береге» см.: Johnston (1977); Rudkin (1986).

этой проблеме, к тому же на рубеже V и VI веков опустели и те регионы Саксонии, которые не примыкали непосредственно к морю. Следовательно, повышение уровня моря может рассматриваться в лучшем случае как второстепенный фактор. К тому же в начале VI века франки под предводительством Меровингов начали регулярно и очень агрессивно вторгаться на территории саксов. Именно этот политический фактор подтолкнул к переселению группу из 20 тысяч саксов, которые в конечном итоге примкнули к лангобардам, поэтому давление со стороны франков вполне могло заставить других обратить свой взор на земли за Северным морем. Тем не менее основной причиной миграции англосаксов, скорее всего, была преимущественно добровольная экономическая мотивация, поскольку переселение началось задолго до того, как появилась серьезная угроза со стороны франков. На ту же мысль наводит и ее природа[1]. Затяжной процесс, в противовес внезапному притоку мигрантов, говорит скорее о стабильной экономической привлекательности для мигрантов пункта назначения, нежели о влиянии серьезного политического кризиса, вроде того, который в 376 году заставил готов искать убежища за Дунаем.

Как показывает существование litus Saxonum, активное информационное поле, необходимое для возникновения любого миграционного потока, уже существовало между Нижней Британией и Северной Германией к 400 году. Англосаксонская миграция протекала по хорошо известным путям и маршрутам и в каком-то смысле представляла собой лишь расширение уже имевшейся германской экспансии в этом направлении. Саксонские пираты были осведомлены о богатстве Римской Британии еще в III—IV веках, и они, вне всякого сомнения, обладали обширными познаниями о прибрежных водах и просторах Северного моря, а также о том, какими путями будет проще всего добраться до цели. Помимо этого, они должны были многое знать и о регионах Британии, удаленных от моря, ведь все реки, ведущие в глубь острова, были частью берегов, до которых доплывали боевые корабли. Суда 1-го тысячелетия были сравнительно небольшими и могли заходить по рекам довольно

[1] О повышении уровня моря см. отличное исследование данного вопроса: Halsall (2007), 383 и далее. О давлении франков: *Григорий Турский*. История франков. 4.10, 14.

но далеко, а потому не ограничивались лишь побережьем и непосредственно примыкающими к нему территориями. Сочинение Гильды свидетельствует о том, что имеющийся у саксов фонд знаний пополнялся на протяжении всего V века — а ведь в основах современных миграционных потоков лежит в том числе развивающееся информационное поле, база знаний. Первые саксы вполне могли быть, как пишет Гильда, наемниками, которым платили предыдущие или потенциальные жертвы их деятельности — в обмен на помощь в обеспечении защиты. Такой ход был запланирован, похоже, еще в конце III века, когда злоупотребляющий своей властью римский военачальник Караузий, изначально назначенный на этот пост как раз для борьбы с саксонскими и франкскими пиратами, принял некоторых из них на службу. Такое явление было широко распространено и в эпоху викингов. Отбить налет с моря сухопутным силам было очень нелегко. Вести о процветании наемников побуждали других вступать в их ряды на берегах Британии, по другую сторону Северного моря. И это могло и не быть частью коварного плана, как полагает Гильда. Первые наемники могли поступать на службу с честными намерениями, однако по мере развития событий — другими словами, при расширении информационного поля — возрастали и их амбиции. Или, может быть, новые группы саксов, лелеявших честолюбивые замыслы, увидели возможность быстрого и капитального обогащения и тоже вступили в игру — так же и в эпоху викингов небольшие отряды воинов в конце концов сменялись многочисленными группами под руководством видных предводителей[1].

Получается, что не новые географические сведения о Нижней Британии превратили набеги саксов в миграцию на протяжении V века, но растущее понимание того, что былое политическое и стратегическое положение дел изменилось до неузнаваемости. Пока Британия оставалась частью Римской империи, любые серьезные попытки саксов завоевать принадлежащие ей территории острова были бы обречены на неудачу. Силы litus Saxonum были вполне способны справиться с налетчиками, которым не хватало ума вовремя отступить — именно такая судьба ждала саксонских грабителей, объявившихся в Галлии во времена

[1] Караузий: *Просопография* Поздней Римской империи. 1, 180. Об аналогичном феномене в период викингов см. главу 9.

Аммиана. Однако стоило Британии выпасть из римской системы, как саксы поняли: теперь можно не ограничиваться периодическими набегами, и это касается не только наиболее алчных из них. По словам Гильды (другие источники также подтверждают эти сведения), налетчики и даже иммигранты из Ирландии и Шотландии — скотты и пикты соответственно — тоже выстраивались в очередь, надеясь поживиться остатками[1]. Привлекательность развитой экономики, выстроенной по образцу римской, была подлинной причиной этих событий, и, как и в случае с другими миграционными потоками, переплетение политических и экономических факторов здесь яснее ясного. Богатство Нижней Британии могло стать доступным для саксонских мигрантов лишь в случае полного захвата политической власти на острове, и это стало возможным только после того, как Британия утратила право на защиту со стороны Римской империи. Скорее всего, в течение одного поколения саксы, жившие на континенте, узнали о том, что теперь британские земли стали беззащитны перед нападением. Серьезные набеги, вероятно, начались еще в 410 году, но лишь ближе к 440-м годам ситуация стала критической, по крайней мере, так утверждали свидетели тех событий, жившие на материке. И вполне вероятно, что именно в это время англосаксы либо поняли, что прежних препятствий к полномасштабному завоеванию больше нет, либо просто дозрели до новых устремлений, от обогащения путем грабежа до полноценного захвата территорий.

Существующие политические структуры влияли на развитие событий и на другом уровне. По сравнению с иными миграционными феноменами той эпохи на материке у нас поразительно много данных об активности небольших групп англосаксов. К 600 году итогом миграционного потока стало, как мы видели, образование сравнительно небольших англосаксонских королевств. Это верно и для романо-бриттского мира, который, по крайней мере в годы после правления Амвросия Аврелиана, не отличался политическим единством. И в одном из недавних исследований был задан вопрос — почему в конти-

[1] *Гильда Премудрый*. О погибели Британии. 20. Археологические свидетельства о вторжении пиктов и особенно скоттов (= ирландцев) в западную Британию неоспоримы, даже несмотря на то что осталось не слишком много исторических источников, подтверждающих это. Хороший современный обзор: Charles-Edwards (2003), введение и глава 1.

ментальной Европе V века так мало примеров захвата власти местным, исконным населением — ведь Амвросий Аврелиан сумел обрести господство, да и небольшие королевства романобриттов во времена Гильды были главной политической силой в Корнуолле и Уэльсе[1].

Отчасти эта странность была результатом транспортной логистики, влияние которой шло куда дальше возможного перекоса в гендерном соотношении среди мигрантов. Миграция англосаксов в Британию приняла форму растянутого во времени притока населения, а не быстрого вторжения из-за невозможности сразу перевезти большое число людей через Северное море. С одной стороны, этот довод представляется сомнительным. Мы не знаем, использовало ли население Ютландии парусники в V веке или нет, а на весельных судах можно было перевезти большое число пассажиров только в один конец, ведь свободного места на них почти не было, его занимали гребцы. Однако парусные суда использовались совсем рядом, дальше по побережью в римских портах на Ла-Манше, и нет причин полагать, что их капитаны не получали больших денег за перевозку саксов в Британию (как их коллеги в других регионах переправляли готов и других германцев через Черное море в III веке или союз вандалов и аланов через Гибралтарский пролив в 429 году). Другие саксы, как мы знаем, в одно время доплывали до Луары — тот еще заплыв на веслах. Следовательно, был фактор важнее наличия парусных судов — вместимость кораблей оставляла желать лучшего, да и их количество было весьма незначительным. При более поздней миграции населения через Атлантический океан полноценного потока также не получилось, скорее тоненький ручеек, и так было вплоть до появления трансатлантических лайнеров в конце XIX века, следовательно, с точки зрения логистики большие скопления англосаксов просто не могли одновременно появиться на побережье Британии[2].

Но политический контекст также сыграл ключевую роль в формировании Британии после завоевания. На континенте мигранты были вынуждены действовать крупными объединения-

[1] См.: Woolf (2003), 345—346.

[2] О морских странствиях см.: Jones (1996). Хотя в данной работе не упоминаются ни римские суда, ни продолжительный характер англосаксонской миграции. О готах на Черном море и о вандалах в Северной Африке см. главу 4.

ми, поскольку им было необходимо располагать существенными силами, либо чтобы выжить и не согнуться перед римской военной мощью, либо чтобы избежать захвата со стороны гуннов. В Британии подобных сложностей не было. Решения местных властей в римских провинциях, и не в последнюю очередь о повышении налогов, действовали на основе городских областей (*лат.* civitas), и эта схема, судя по всему, сохранилась и в послеримский период. Именно доходы, получаемые с налогов в городах, прибыль, которая теперь не отправлялась в Римскую империю, была источником выплат англосаксонским наемникам. Границы некоторых восточных, а следовательно, самых ранних, англосаксонских королевств — Восточная Англия, Эссекс, Линдси и Кент (см. карту 11) — приблизительно совпадают с прежними границами городских владений, что позволяет предположить, что они были основаны мигрантами, захватившими соответствующие города, когда те еще являлись действующими системами. Но эти территории были не слишком велики и не могли содержать крупные вооруженные силы. Это положение, скорее всего, изменилось во времена Амвросия Аврелиана. В дальнейшем, вероятно, мигранты были вынуждены создавать крупные объединения, чтобы отобрать хотя бы часть весьма привлекательных земель Нижней Британии у романобриттов, теперь куда более организованных. Но даже в этом случае ни один романо-бриттский король в VI веке не смог бы выставить армию, подобную тем, которыми распоряжались Римская империя или Аттила Завоеватель, поэтому разница в численности войск оставалась огромной, к тому же любые военные и политические союзы бриттов оказывались лишь временными. Одна из причин, побудивших Гильду написать это сочинение, заключалась как раз в том, что политические лидеры его поколения (он называет пять королей) впустую растрачивали наследие Амвросия, поглощенные пустячными внутренними размолвками[1].

Итак, англосаксонский миграционный поток (по крайней мере, в соответствии с той картиной, которую удалось реконструировать) вовсе не был «переселением народа» и мало напоминал старую культурно-историческую модель массового странствия в сочетании с этнической чисткой. Это был протяженный

[1] Дальнейшее развитие этой темы см., например: Dark (2002); Woolf (2003).

по времени феномен, а не единое событие, как можно было бы предположить по единственной дате, которую приводит Беда, говоря об Adventus Saxonum (приходе саксов). Многие группы, принявшие участие в переселении, могли быть небольшими, особенно поначалу, однако, скорее всего, масштаб миграции увеличивался по мере того, как пришельцы сталкивались с непредвиденными трудностями. Женщины и дети также принимали в нем участие. Основным мотивом было желание извлечь выгоду из захвата земель Нижней Британии, обладавших на тот момент развитой сельскохозяйственной экономикой, однако второстепенные факторы также оказали свое влияние — как минимум на скорость потока в те или иные периоды. К тому же налицо сильное политическое влияние, ведь богатства Британии можно было заполучить, лишь полностью захватив власть над землей. Несмотря на скудность информации, получается, что переселение англосаксов в Нижнюю Британию приняло форму хищнического притока населения. И как можно предположить, основываясь на данных компаративной литературы, посвященной миграции, несложно дать оценку воздействию таких факторов, как доступность информации, логистика и развивающийся политический и стратегический контекст, в рамках которого происходило переселение.

Но что насчет вопроса, которого мы до сих пор избегали? Был ли миграционный приток англосаксов случаем переселения элиты, или вернее будет рассматривать его как иную миграционную модель?

ГРАНИЦЫ ЭМУЛЯЦИИ

Стоит подумать о том, что стоит на кону. В своей классической форме модель переселения элиты и последующей эмуляции культур означала бы, что прибывшие в Британию германцы составили бы небольшой процент общего населения, которое либо полностью, либо частично вытеснило бы исконную романо-бриттскую землевладельческую элиту. Основная масса местного населения осталась бы здесь и существенно превосходила бы по численности иммигрантов, но со временем приняла бы материальную и нематериальную культуру последних, в результате чего иммигранты и местные жители стали бы неразличимы. И здесь мы видим, что абсолютное большинство

романобриттов добровольно отказывались от своих групповых идентичностей, чтобы стать англосаксами. Главное предназначение этой модели — продемонстрировать, что серьезные изменения в материальной и нематериальной культуре, нацеленные на сближение локальной с германской, можно убедительно объяснить только тем, что из-за Северного моря прибывало весьма ограниченное количество англосаксонских иммигрантов. Но это, по сути, лишь часть более широкого неутихающего спора, в котором нередко преуменьшается важность миграции англосаксов как фактора серьезных изменений. И в большинстве предлагаемых вариантов и события, имевшие место в римской Британии до прибытия англосаксов (к примеру, разрушение римских политических и социальных структур), и реакция местного населения на появление германцев (их добровольное решение стать англосаксами) имеют по меньшей мере такое же значение, как и сам миграционный поток. Как таковая эта модель, включая различные ее варианты, по-прежнему остается несвободной от реакции научного сообщества на чрезмерное распространение гипотезы вторжения в прошлом, а следовательно — необъективной[1].

Другая сторона спора теперь уже не поддается легкому определению, поскольку никто больше не верит, что пришедшие англосаксы стерли с лица земли или изгнали со своих территорий практически все местное население. «Массовая» миграция англосаксов стала не такой, как раньше. В определенном смысле она теперь определяется отрицательно на фоне модели переселения элиты. В общем и целом она понимается следующим образом: англосаксонских мигрантов было слишком много, чтобы всех можно было отнести к аристократической элите, и в первую очередь они — а не местное население, добровольно сделавшее выбор в пользу новой идентичности, — ответственны за культурные и прочие преобразования, имевшие место в Нижней Британии в тот период. Итак, предметом споров служит численность англосаксов вкупе с природой их отношений с местным населением. Был ли у романобриттов шанс составить собственное мнение насчет прибытия германцев и отреагировать соответственно — или же мигранты были настроены заведомо агрессивно и стремились к политическому господству? Из двух этих аспектов наиболее сложным поначалу пред-

[1] См., например: Higham (1992); Halsall (1995a), (2007), 357 и далее.

ставляется вопрос о численности пришельцев, поскольку именно на этот счет источники не предоставляют никакой точной информации. Есть лишь весьма приблизительные оценки местного романо-бриттского населения в начале V века и незначительные замечания о масштабе последующего миграционного потока англосаксов. Но если мы не станем привязываться к точным цифрам, обнаружится более продуктивный способ отыскать нужные сведения.

И начать следует с революции в организации сельских регионов, происшедшей на протяжении V—VI веков. Позднеримская Британия делилась на множество больших и средних по размеру поместий, многими из которых управляли виллы, то есть особняки с землей, по совместительству бывшие центром власти вне пределов городов. Земля, как и в большинстве провинций Рима, распределялась неравномерно, и большие территории оказывались в руках сравнительно немногочисленных представителей господствующего класса. К 600 году такое разделение собственности сменилось другим, функционировавшим на иной основе. Мало того что все виллы лишились своей роли и стали бесполезными, границы поместий также не сохранились. Всего в одном или двух случаях высказывались предположения, что старые римские границы поместий по-прежнему использовались в англосаксонский период, и ни одно из них не получило убедительного обоснования. В результате экономическая карта сельской местности была полностью переписана. К 600 году англосаксонские короли создали более крупные зоны в целях обложения их налогами, но по большей части фермерство полагалось на куда меньшие участки, нежели старые римские виллы, и лишь в IX веке в Англии вновь начали появляться крупные централизованные поместья. Тогда возникли первые из маноров, превратившихся в главную силу в сельской местности ко времени создания Книги Судного дня[1].

Это сразу же говорит нам о том, что англосаксонское завоевание вовсе не было обычным случаем переселения элиты в духе классического ее примера — Нормандского завоевания, происшедшего через полтысячелетия. К тому времени, как были собраны данные, записанные в Книге Судного дня, через двадцать лет после битвы при Гастингсе, исконная англосак-

[1] Отличная общая работа по теме: Hooke (1998).

сонская аристократия потеряла все, а ее земли были переданы военачальникам и приближенным Вильгельма Завоевателя, так называемым владельцам лена. Этот процесс дошел вплоть до местных элит, местного дворянства или джентри, потому что владельцы лена, в свою очередь, возвысили своих сторонников, даровав им экономические права на части крупных земельных участков, которые получили сами. Этот второстепенный процесс был такой же политической необходимостью, как и первоначальные щедрые дары Завоевателя своим приближенным, потому что только верная служба этих людей сделала возможным собственно завоевание, следовательно, они ожидали должного вознаграждения и разделения богатств, полученных в результате совместной военной кампании. В результате англосаксонское дворянство, как и аристократия, лишилось власти и своих земель, хотя некоторые сохранили малые участки территорий, некогда принадлежавших им полностью.

Но главной чертой этого процесса был тот факт, что при смене хозяев не изменялись уже существующие границы поместий и сложившиеся принципы манориальной экономики. Маноры продолжали функционировать как действующие сельскохозяйственные предприятия. Были незначительные изменения в деталях, и здесь можно указать на то, что некоторые англосаксонские крестьяне и фермеры пострадали от существенного понижения их статуса. Однако в общем и целом границы поместий и общие принципы работы сельской экономики почти не изменились в результате массовой передачи прав на недвижимость, последовавшей за победой норманнов. Это был максимально выгодный итог для нормандских завоевателей — в экономическом плане. Основной сферой деятельности манора было земледелие — выращивание зерна с использованием рабочей силы, в соответствии с распоряжениями из центра, однако им были нужны и пастбища, и леса, чтобы кормить животных и людей, без которых поместье не могло функционировать. Любое нарушение заведенного порядка снизило бы объем сельскохозяйственного производства и доход новых владельцев поместья[1].

Англосаксонское завоевание в V—VI веках, напротив, не имело ничего общего с передачей прав на собственность. Новые

[1] Относящиеся к теме общие исследования: Hooke (1998); Williams (1991). Отличные примеры: Baxter (2007), глава 7. Об уменьшении прав крестьян см.: Faith (1997), глава 8.

англосаксонские землевладельческие элиты не просто приняли во владение существующие поместья-виллы, хотя это в экономическом плане было бы разумнее. Как и маноры в XI веке, римские виллы были сельскохозяйственными предприятиями, и их продукция в конечном счете обеспечивала богатство процветающего класса сельских землевладельцев. Изменение границ этих поместий означало вмешательство в сельскую экономику, и есть свидетельства тому, что этот процесс, как и можно ожидать, привел к существенному спаду объемов сельскохозяйственного производства. В то время как общая площадь возделываемой земли существенно не изменилась (как показывает спорово-пыльцевой анализ грунтов), а некоторые приграничные районы оказались заброшенными, более сложные системы поместий вышли из употребления. К примеру, часть механизмов дренажных систем близ Темзы в Дорчестере в саксонский период была заброщена, простые и незамысловатые рала пришли на смену тяжелым римским плугам. Последние были дорогостоящим орудием производства из-за расходов на запасы корма на зиму для животных, которые тянули эти плуги. Предположительно, малые сельскохозяйственные производства ранней англосаксонской эпохи не могли себе позволить их содержание, даже если бы хотели[1]. Это также помогает объяснить, почему старые города римской Британии утратили остатки своего величия. Они в любом случае не были центрами индустриального производства, а своеобразными «агрогородами», существующими для выполнения определенных функций в сравнительно развитой сельскохозяйственной экономике, а в обмен на это получали запасы продуктов из сельских регионов для городского населения. Если затронуть организацию сельской экономики, и в особенности если упростить ее функционирование и сократить объемы производства, вы тем самым подорвете основы урбанизма, поэтому неудивительно, что города как таковые исчезают в послеримский период, и даже если некоторые из них сумели сохранить свою административную роль, то только благодаря тому, что в их пределах находились королевские дворцы англосаксов[2]. Следующий вопрос очевиден. Почему англосаксонское завоевание ломает существую-

[1] Об этой проблеме см.: Hooke (1997); Powlesland (1997).

[2] См.: Esmonde-Cleary (1989), 144—154; ср.: Loseby (2000); Halsall (2007), 358—359 и примечания (об исчезновении городов в послеримский период).

щие римские экономические структуры, несмотря на существенные экономические издержки?

Один подход ищет решение этой загадки во внутреннем развитии Британии до прибытия англосаксов. Некоторые рассматривают британский бунт 409 года, о котором пишет Зосим, как крестьянский мятеж, который не только сбросил центральную римскую власть, но и разрушил социальное превосходство класса землевладельцев, которым и принадлежали виллы. Сами виллы, разумеется, стали жертвами этого переворота. Недавно Гай Халсалл возразил, что распад системы сельского хозяйства, важнейшую роль в которой играли виллы, был прямым следствием отделения Нижней Британии от империи, под влиянием которой этот институт и был создан, однако он приводит иной ход его развития. На его взгляд, положение владельцев вилл на вершине социальной лестницы зависело от отношений, выстроенных с империей, и, когда после 410 года эти связи вдруг нарушились, им пришлось работать куда больше, чтобы сохранить высокий статус. Доходы с поместий, которые пускали на различные удовольствия, доступные элите, средства, на которые они раньше обустраивали и украшали свои изысканные виллы или же покупали ценные вещи римского производства (к примеру, средиземноморские продукты питания, качественную посуду и т. д.), теперь приходилось распределять на местах, создавая новые связи со своими сторонниками и помощниками. Эти новые связи заменили империю в структурном плане, позволив землевладельцам сохранить свое положение на новых условиях, но обошлись довольно дорого, и излишков производства либо не было вовсе, либо их просто не хватало на экстравагантные расходы. В результате виллы и торговые связи быстро исчезли, а новый обряд захоронения (погребение с ритуальным инвентарем) получил распространение в Нижней Британии потому, что устраиваемые владельцами поместий пышные похороны с большим количеством ценностей, предназначенных в дар умершему, стали частью борьбы за сохранение своего социального статуса[1].

Но версия о мятеже простых крестьян выглядит не слишком убедительно. Несмотря на воцарившийся в Британии хаос, нет почти никаких свидетельств того, что тогдашняя Западная

[1] О крестьянском мятеже см., например: Jones (1996); ср.: Halsall (2007), 360 и далее.

Римская империя пыталась сделать хоть что-то, зато местная элита взяла власть в свои руки — и именно тогда, когда центральная власть империи не сумела удовлетворить потребности местного населения. Примерно в 409 году Константин III и думать забыл о базе в Британии, полностью сконцентрировавшись на Италии и Испании, где он пытался одновременно сместить императора Гонория и разобраться с захватчиками с Рейна, которые теперь обосновались к югу от Пиренеев. На мой взгляд — и здесь я полностью согласен с Халсаллом, — причины восстания в Британии были самыми что ни на есть прозаическими — это была реакция на пренебрежение Константина, а не социальная революция, направленная против римлян и всего римского. Что не менее важно, в Житии Германа Осерского описывается, как элита Южной Британии, по всем параметрам схожая с римской, просила помощи у еще тогда имперских земель на континенте, чтобы бороться как с восстанием, так и с ересью в 420—430-х годах. Романский язык (упрощенная латынь) оставался основным в политической жизни Нижней Британии в том числе и в V веке, и я склонен верить, что у знаменитого рассказа Гильды о том, как бритты обращались за помощью к римскому военачальнику Аэцию, «трижды консулу», все же есть реальные основания. Все это означает, что романизированное общество Британии, в первую очередь землевладельцы, по-прежнему искало защиты у римлян и связи между островом и империей сохранялись вплоть до 440-х годов. А это делает аргументацию, основанную на классовой борьбе, весьма неубедительной[1].

Версия краха внутренних институтов и систем, предложенная Халсаллом, представляется более правдоподобным объяснением двух из основных феноменов в трансформации Нижней Британии в V веке: исчезновение вилл и появление обычая захоронения тел с погребальным инвентарем. Однако, разбирая спор на эту тему, следует пояснить, почему он вообще ведется. Халсалл — ученый, с которым мы познакомились в главе 1, — указывал, что необходимо избегать термина «переселение» в объяснениях археологических изменений «уже для того, чтобы избавиться от чрезмерно упрощенных и, как правило, безос-

[1] *Константий Лионский*. Житие святого Германа Осерского. 13—18, 25—27. О романоязычной элите см. примечания на с. 369. Известные «Лландафские хартии» могут служить подтверждением связей с римлянами, хотя полной уверенности нет, см.: Davies (1978).

новательных допущений и заменить его более тонкой интерпретацией событий данного периода». Предложенная им версия развития событий в Нижней Британии полностью укладывается в его картину мира, поскольку она целиком и полностью субъективна. Виллы исчезли из-за кризиса в бриттском обществе, что в свою очередь сделало популярными очень дорогие похоронные ритуалы, разжигающие дух соперничества, а англосаксонские иммигранты вообще во всем этом особой роли не играли. Однако, несмотря на то что ранее гипотеза вторжения нередко использовалась слишком активно, не следует априори утверждать, что миграция не играла никакой роли вовсе. Опасность заключается в том, что с подобными аргументами согласятся все, кто разделяет эту точку зрения, просто потому, что в его построениях мигрантам почти не уделяется внимания, вне зависимости от других качеств этой теории[1]. Однако в этом случае я бы сказал, что есть куда более простое и понятное объяснение исчезновения вилл, если вы не боитесь показаться простачком — сторонником миграционной теории, к тому же не следует забывать о том, что краткость — сестра таланта, и о бритве Оккама тоже. И что не менее важно, в эту альтернативную версию лучше укладываются доступные нам сведения.

Прежде всего, нам неизвестно доподлинно, было ли вообще возможным в V веке такое развитие ситуации, какое представляет нам Халсалл, — виллы разрушаются сами по себе в ходе внутреннего, сугубо британского политического процесса. Могло ли нечто подобное произойти за десятилетия после 409 года? Если верить галльской хронике 452 года, нападения саксов начались уже в 410 году, и виллы — крупные, уединенные загородные поместья богатых граждан — были беззащитны перед налетчиками и становились очевидными мишенями. В главе 2 мы коснулись награбленных трофеев, которые алеманны так и не смогли привезти домой после разграбления вилл на

[1] Halsall (1995), 61. Такой подход к миграции «до» и «после» достаточно популярен. Еще один пример: см. примечания Хигхэма в Hines (1997), 179, где переосмысление ряда остатков, предложенное Хайнсом (Hines (1984), получает очень положительную оценку, так как является «более сложным» и исключает миграцию из построений. В главе 4 было приведено два примера того, как стремление свести к минимуму роль миграции привело ученых, в том числе Халсалла, к достаточно спорной методологии при интерпретации свидетельств.

другом берегу Рейна. Одно точно: в тех регионах, где ослаблялись границы империи, первыми всегда страдали виллы[1]. Следовательно, есть все причины полагать, что при появлении внешней угрозы в первую очередь опасность угрожала бы богатым поместьям. На мой взгляд, это обстоятельство делает неправдоподобным предположение о том, что некий продолжительный процесс внутреннего ослабления экономики мог бы развиваться после 409 года, совершенно не затрагиваемый нападениями извне.

Столь же важным является то обстоятельство, что разрушение системы вилл и растущая популярность захоронения с погребальным инвентарем — не единственные феномены, требующие объяснения. И теория Халсалла (как и любая другая версия внутреннего коллапса имеющихся систем) не объясняет, почему социально-экономическая революция V—VI веков сопровождалась глобальными культурными изменениями. Мало того что исчезают поместья в Нижней Британии, к 600 году местная романоговорящая христианская элита заменилась германоязычными язычниками. Халсалл, конечно, признает это и не отрицает масштабной миграции англосаксов, которая и стала причиной этих перемен, хотя он не предлагает сколь-нибудь весомого объяснения и в целом пытается разделить миграцию и процесс социально-экономической трансформации, который ему представляется более важным фактором. Однако следует учитывать еще и глубину этих культурных преобразований.

Большинство предметов, которые клали в могилы, было германского происхождения, но это только одна часть процесса германизации. Больше всего в письменном языке англосаксов, сохранившемся в нескольких текстах, созданных в период после 600 года и до Нормандского завоевания, поражает фактическое отсутствие влияния на него местных кельтских диалектов. Заимствованные слова очень немногочисленны и не взаимосвязаны, в грамматической структуре следов кельтского влияния практически не наблюдается. Это говорит нам об очень важном обстоятельстве: разговорный язык среди различных местных диалектов новой землевладельческой элиты Нижней Британии, сформировавшейся к 600 году, язык, легший в основу письменной формы языка, не просто оставался герман-

[1] Существует много схожих примеров, см., например, анализ падения структур Римской империи на Балканах: Heather (2007).

ским, он был изолирован от контакта с исконными кельтскими языками Британии. В эту эпоху язык передавался устным образом в семьях, прежде всего от матерей к детям. Это одна из причин, по которым, как мы видели, англосаксонский миграционный поток должен был включать в себя существенное количество женщин. И это, кстати, объясняет, почему в более поздних средневековых случаях миграции существенные изменения в языке происходили лишь тогда, когда в процесс вовлекалось крестьянское население (пусть даже только элита вольных землевладельцев с небольшими участками), и никогда в тех случаях, когда имело место лишь переселение сравнительно немногочисленной аристократической элиты, как при Нормандском завоевании[1].

Столь же значительная культурная трансформация прослеживается и в других регионах. Римское общество разделялось прежде всего на классы свободных граждан и рабов. Свободные люди подразделялись на honestiores (высшие сословия) и humiliores (низшие сословия). Honestiores были преимущественно классом землевладельцев. Англосаксонское общество, как следует из наших источников, после 600 года так же, как римское, разделялось на свободных и рабов, но к этим двум классам добавился третий — класс полусвободных или зависимых, в который входили члены общества, не являвшиеся рабами, но находившиеся в пожизненной и наследственной зависимости от определенных представителей класса свободных. Класс свободных людей подразделялся на подгруппы с разной степенью свободы, измеряемые различными вергельдами — «ценой за жизнь», устанавливаемой в зависимости от социального положения человека, к которой мы сейчас вернемся, — но все они были землевладельцами или по меньшей мере арендаторами. Такое же тройное разделение общества обнаруживается у всех континентальных германских племен послеримского периода, в то время как понятие зависимого человека, не обладавшего полной свободой, было чуждо римскому обществу, в котором потомки освобожденных получали полную личную свободу. По

[1] См. обзор литературы (Woolf (2007), 123 и далее), где указываются, помимо всего прочего, Дэнисон (Denison (1993) и Холл (Hall (1983), которые успешно сопротивляются попыткам Пройслера (Preussler (1956) и Пруссы (Proussa (1990) определить более глубокое кельтское влияние на древнеанглийский язык. О примерах изменения языка в эпоху Средневековья см.: Bartlett (1993), 111 и далее.

всей вероятности, такая категоризация социальных классов зародилась среди германских иммигрантов. Конечно, можно представить себе, что каждое из послеримских обществ, в которых господствовали германцы, пришло к этой тройственной системе социального устройства независимо, само по себе, но это кажется маловероятным[1].

Теперь, учитывая все аспекты этих культурных преобразований, мы можем переосмыслить проблему. Очевидно, что нам нужно объяснить приход в упадок системы поместий в V—VI веках и появление захоронений, содержащих германские аксессуары, одежду и оружие. Но в то же время нельзя забывать о том, что новая элита 600 года говорила на германском языке, не испытавшем заметного воздействия со стороны кельтского, и что общество было реорганизовано по германскому образцу. При совокупности этих феноменов более простое объяснение распада системы поместного хозяйства напрашивается само собой, причем такое, которое не вызовет проблем с хронологией и не войдет в противоречие с социально-экономической и культурной революцией.

Начать следует с более вдумчивых размышлений о классическом переселении элиты — Нормандском завоевании Англии. В XI веке, как мы видели, по большому счету произошло следующее — у крупных маноров сменились хозяева, как наглядно показывает Книга Судного дня, однако принципы функционирования поместий не изменились — что было лучшим решением для тогдашней экономической ситуации в целом и для каждого конкретного землевладельца. Но Нормандское завоевание прошло таким образом только потому, что мигрирующая в Британию нормандская элита обладала достаточным статусом и властью, чтобы перехватить управление поместьями, не разделяя их на более мелкие участки. Благодаря Книге Судного дня нам даже известны некоторые подробности происходивших тогда преобразований. К 1066 году в сельской Англии было примерно девять с половиной тысяч маноров, и нормандские переселенцы перераспределили эту собственность между 5 тысячами семей прибывших представителей элиты. К 1086 году король, его вассалы и различные церковные институты стали владельцами многочисленных поместий, однако таковых осталось достаточно для того, чтобы каждый представитель новой

[1] См. главу 2.

элиты получил свое собственное. Но что, если бы у Вильгельма и его приближенных было слишком много сторонников, заслуживающих награды? Что, если бы набралось 15 или хотя бы 10 тысяч достаточно высокопоставленных сподвижников, каждый из которых мог бы требовать награду в виде земельного участка в завоеванном королевстве? В этом случае политически обусловленная необходимость наградить тех, кто сделал Вильгельма I королем Англии и дал ему право распоряжаться землей, перевесила бы более целесообразное с экономической точки зрения стремление сохранить весьма эффективную манориальную систему неизменной. Короли и лорды, не соответствовавшие ожиданиям своих наиболее важных сторонников, как правило, недолго оставались таковыми. Недаром ведь щедрость — измеряемая в дарах, чаще всего состоявших из золота и земли, — считалась главной добродетелью лорда в раннее Средневековье[1]. Если бы переселившаяся в Англию нормандская элита была слишком многочисленной для уже существующей поместной системы, маноры пришлось бы разбить на меньшие участки по политическим соображениям, несмотря на экономическую нецелесообразность такого шага. Нормандское завоевание можно рассматривать как уникальную ситуацию, в которой мигрирующая элита и имеющееся сельскохозяйственное производство были соотносимы по своему масштабу.

Тот факт, что столь же сложная и эффективная система римских вилл не сохранилась после прихода англосаксов, говорит о многом. Для самих пришельцев было бы куда проще и лучше из экономических соображений сохранить существующие сельскохозяйственные единицы. Новые англосаксонские короли Нижней Британии получили бы более эффективную сельскохозяйственную экономику, с которой можно было бы получать налоги, а все представители новой элиты обзавелись бы ценными участками недвижимости. Однако оба этих соображения могли уступить лишь необходимости вознаградить верных сторонников за службу. Так же как и в годы после Нормандского завоевания, награждение вассалов, скорее всего, стало основной причиной последующей аннексии все но-

[1] Это проявляется особенно ярко в литературных источниках: от критики правителей в исторических повествованиях до системы ценностей, лежащей в основе героической поэзии. О том, какой объем денег и земель человек мог получить в течение жизни, см.: Charles-Edwards (1989); Campbell (2000), глава 10.

вых земель, и, более того, способность короля заполучить новые территории оставалась ключевым фактором дальнейшего развития англосаксонского мира. На протяжении VII века только три королевства (Уэссекс, Мерсия и Нортумбрия) были способны расширяться за счет новых приграничных территорий, а эта перспектива, в свою очередь, привлекала сюда воинов, поэтому эти три государства и стали грозной силой периода, предшествующего эпохе викингов[1]. Тот факт, что сельские регионы были полностью реорганизованы, несмотря на негативные последствия такого шага для экономики, говорит о том, что, скорее всего, численность англосаксонских сторонников тогдашних предводителей была слишком значительной, чтобы они могли попросту заменить собой представителей землевладельческого класса.

Это объяснение разрушения поместной системы в Нижней Британии прекрасно вписывается в более широкий исторический контекст общих принципов развития, преобладающих в римском и германском мирах к концу IV века. Экономика в них была преимущественно сельскохозяйственной, но находилась на разных ступенях развития. Римской империей, включая ее британские провинции, управляла сравнительно немногочисленная и богатая элита, в то время как германская экономика поддерживала менее богатую, но более многочисленную элиту (класс свободных людей?). Миграционный поток англосаксов привел представителей второго типа элиты в социально-экономические условия, созданные для первого типа, и чем-то пришлось пожертвовать. Учитывая политически обоснованную необходимость удержать своих сторонников, вознаградив их за военную службу, англосаксонским предводителям пришлось переделать существующее социально-экономическое устройство земель. Когда и как именно это произошло, неясно. Часть римских поместий продолжали функционировать в начале саксонского периода, как и следовало ожидать. Изначально, возможно, иммигранты и собирались жить за счет производимой продукции существующих вилл. Однако, когда их стало больше и они обрели уверенность в том, что их власти на этих землях ничто не угрожает, потребовали долю и в основных ресурсах, в результате чего существующие границы поместий пришлось

[1] Общий обзор о воинах в эпоху до викингов см.: Campbell (1982), главы 3—4.

изменить, и эффективность производства пошла на убыль[1]. Сравнительно недавний передел «белых ферм» в Зимбабве, в ходе которого стало ясно, что продукция с отдельных наделов куда меньше таковой с одного большого хозяйства, может послужить отличной аналогией.

Насколько более многочисленной была новая англосаксонская элита по сравнению со своими предшественниками, сказать трудно. Соотношение землевладельцев и безземельных крестьян как в римскую эпоху, так и в период манориальной системы в Средние века оценивается максимум как один к десяти, а на деле, возможно, было еще ниже. Сейчас мало кто разделяет представления сэра Фрэнка Стентона о раннем англосаксонском обществе как почти целиком состоявшем из свободных крестьян-воинов, но социальная и экономическая власть, как мы видели, была довольно широко распределена между представителями общества континентальных германцев позднеримского периода. Учреждение манориальной системы и более ограниченного круга социальной элиты — то есть воссоздание структур, весьма сходных с социально-экономическим устройством, поддерживавшим менее многочисленный высший класс в Римской империи, — начинается только в VIII веке. Есть предположение, что наличие оружия в могилах V—VII веков могло являться заявлением о статусе свободного человека, поскольку оно вовсе не являлось привилегией лишь воинов. А если так, свободные люди раннего англосаксонского периода могли составлять до половины мужского населения, поскольку примерно в 50 процентах могил встречаются те или иные виды оружия. Однако свидетельства, датируемые VI веком, говорят скорее о том, что свободные составляли от одной третьей до одной пятой общего населения, поэтому говорить о половине слишком смело. Возможно, социальные структуры англосаксов были скорее эгалитарными по своей сути, или же, возможно, представителей среднего класса полусвободных, у которых также были военные обязательства, тоже хоронили с оружием[2]. Так или иначе, неравенство по численности представителей элиты в германском и романобриттском обществах очевидно.

Однако и в этом случае захват англосаксами Британии все равно остается своего рода переселением элиты. В одном из

[1] См.: Hooke (1998), глава 3; Powlesland (1997); Esmonde-Cleary (1989).

[2] О погребении с оружием см.: Harke (1989), (1990). Об аналогичных событиях на континенте см. главу 2.

недавних исследований было подсчитано максимальное возможное соотношение между иммигрантами и местными жителями — даже после демографического коллапса романобриттов оно составляло не больше чем 1:4, и об этнической чистке в представлениях Викторианской эпохи не может быть и речи[1]. В количественном соотношении в генетике населения новых англосаксонских королевств, появившихся к 600 году, было куда меньше иммигрантов, чем местных. Сравнение с Нормандским завоеванием, таким образом, весьма поучительно. В отличие от нормандской германская элита V—VI веков была слишком многочисленной, чтобы влиться в существующие социально-экономические условия, поэтому за переселением не могла не последовать фундаментальная перестройка основных средств производства. Ситуации, породившие два столь отличных друг от друга результата, не следует считать идентичными, несмотря на то что иммигранты в обоих случаях были в меньшинстве. Следовательно, отнести оба этих случая к «переселению элиты» означает создать терминологическую путаницу, поскольку можно будет легко упустить важные различия между ними.

Но что можно сказать о другом ключевом вопросе, о том, какого рода взаимоотношения имели место между иммигрантами и местными? Действительно ли романобритты могли сами определять свою судьбу и после того, как англосаксонские короли захватили власть над их землями? Никто сейчас и не подумал бы о том, что враждебность между ними была неизбежной, просто из-за резких различий двух национальностей, а потому добровольное переосмысление своей идентичности со стороны исконного населения, разумеется, могло иметь место. Правда Инэ, свод законов VII века, показывает, что в землевладельческую элиту англосаксонского Уэссекса вплоть до 690-х годов входили и романобритты, и нет причин, по которым хотя бы некоторые римско-бриттские землевладельцы не могли стать видными членами свиты первых англосаксонских королей. Однако, пытаясь определить, какое распространение получило это явление, необходимо помнить об основной цели англосаксонского миграционного потока. От набегов и нападений наемников перейдя к непосредственной аннексии земель, он по самой своей природе создал соперничество между

[1] Ward Perkins (2000).

англосаксонской элитой и оставшимися представителями высшего класса римской Британии, в котором каждая из сторон стремилась удержать контроль над средствами производства. Конечно, не следует считать, что все римско-бриттские землевладельцы были стерты с лица земли в некоем массовом побоище, однако и рассказ Гильды о насилии и терроре вряд ли является плодом его воображения. Захват земель, как правило, проходит не самым приятным образом — даже нормандцы, сравнительно милосердные завоеватели, временами действовали очень жестоко и не в последнюю очередь — в печально известном опустошении севера зимой 1069/70 года, когда целенаправленно были уничтожены запасы зерна, и погибли десятки тысяч человек[1].

Также необходимо учитывать условия, при которых местная землевладельческая элита могла сохранить свое положение в Уэссексе VII века. Еще один интересный вопрос: а кем, собственно, были эти самые представители высшего класса? В VII веке Уэссекс расширялся к западу, на спокойные просторы современного региона Уэст-Кантри, и многие задавались вопросом, не были ли эти британские землевладельцы новыми подданными королевства, а не жителями нынешних Гэмпшира и Уилтшира, уцелевшими во времена завоевания. Но точного ответа у нас нет. В любом случае, даже если их не лишили земель сразу же. Правда Инэ наделяет этих людей лишь половинной ценностью, выраженной в вергельде или цене за жизнь, по сравнению со столь же богатыми англосаксами. И это очень важное ограничение. Вергельд был важным элементом социального статуса, основой, в соответствии с которой рассчитывались компенсации при улаживании любых спорных ситуаций. Как было недавно указано в одном исследовании, разница в вергельде между иммигрировавшими землевладельцами и местными может даже стать ключом к исчезновению всех представителей элиты не англосаксонского происхождения, выживших после первых столкновений. И из-за разницы в вергельде (допустим, когда местный землевладелец ввязывается в спор с иммигрантом), если бы даже их рассудили по справедливости, назначив плату одному и другому, в результате происходила бы постепенная передача средств местного землевладельца иммигранту. Больший вергельд последнего означал бы, что полученная им ком-

[1] См., например: Kapelle (1979).

пенсация в два раза превышала бы его собственные выплаты за схожее нарушение[1].

И это утверждение только подтверждает то, что мы и так успели вывести из политического контекста. По мере того как англосаксонские иммигранты утверждали свое господство в разных регионах Нижней Британии, у местных землевладельцев появлялось бы все больше причин добровольно перейти грань, разделяющую две нации, и стать англосаксами. Только так у них появлялся шанс сохранить свое положение и собственность, благодаря которой они обладали таким влиянием при римлянах. Однако одного желания мало. У прибывших в Британию предводителей англосаксов (если, конечно, они хотели сохранить власть)[2] были все причины не допускать этого — или, по крайней мере, не давать такой возможности каждому желающему, поскольку им нужно было еще вознаградить собственных сторонников за службу. И эти сторонники в политическом плане были куда важнее для новых королей, чем романобритты, поскольку являлись основой их власти. И как не раз уже было доказано, homo sapiens, или человек разумный, ведет себя как хищник, когда речь идет о захвате богатств своего собрата, и готов пойти на любую жестокость, если того требует ситуация. И даже если, будучи местным землевладельцем, вы бы ухитрились сохранить свои земли, то, как следует из Правды Инэ, это еще не гарантировало безбедного будущего.

Отношения между англосаксами и представителями низших классов римско-бриттского общества вряд ли характеризовалось таким же духом соперничества, поскольку у последних не было ценностей, которые попытались бы захватить пришельцы. И пусть я не верю в бунт крестьян, факт остается фактом — эти классы, не располагавшие землей, вряд ли разделяли интересы владельцев вилл, пожинавших плоды их труда.

[1] Woolf (2007), 127 и далее.

[2] Собственно захват земель, последовавший за Нормандским завоеванием, проходил не под контролем Вильгельма, несмотря на его авторитет и власть, и необходимость прояснить, какие территории кому теперь принадлежали, и стала одной из причин составления Книги Судного дня: Англосаксонская хроника 1085 года. Я полагаю, процесс захвата земель V—VI веков проходил куда более хаотично, учитывая, что централизованная власть у англосаксов была куда слабее, чем у нормандцев XI века, и присвоение земель происходило постепенно вслед за многочисленными мелкими победами, а не после одной решающей вроде битвы при Гастингсе.

Следовательно, у местных простолюдинов были все причины примкнуть к англосаксам. Опять же, вряд ли это было легко и удавалось многим. Мы помним пример римского купца в империи гуннов — если вы позволяете человеку низшего статуса войти в элиту, к нему придется относиться лучше. И разумеется, по этой самой причине люди неизменно мечтают преодолеть рубеж между классами. Но тогда господствующий класс лишается возможности эксплуатировать тех, кто раньше зависел от него, и это налагает ограничения на такого рода продвижение по социальной лестнице. В данном случае, захватив плодородные земли Нижней Британии, англосаксонские иммигранты нуждались в рабочей силе, в подчиненных, которые делали бы всю грязную и тяжелую работу, неизбежную в земледелии, вплоть до изобретения тракторов. В то время как интересы низших классов бывшей римской Британии не слишком противоречили интересам захватчиков, в отличие от землевладельческой верхушки, у иммигрантов были веские причины не давать им массово переходить в новую элиту. Законы и хартии показывают, что многочисленные рабы и полусвободные люди были неотъемлемым элементом социальной структуры новых англосаксонских королевств, и я полагаю, многие представители местного населения оказались в числе зависимых, несмотря на редкие случаи возвышения, вроде истории нашего римского купца, ставшего гуннским воином.

И с этой точки зрения отсутствие следов влияния местных языков на англосаксонский приобретает еще большую значимость. Поскольку языку обучали в семье, а не в образовательных учреждениях, отсутствие заметного влияния кельтского языка на германский, язык новой элиты с 600 года, говорит о многом. Если бы в новую элиту вошло много бывших бриттов, ставших саксами, то и влияние их языка на государственный было бы очевидным. А раз его почти нет — значит, новая элита состояла преимущественно из иммигрантов[1].

Если только вы вовсе не рассматриваете этот вопрос, заранее вознамерившись доказать, что миграция никогда не несет существенных перемен в обществе, будет сложно избежать заключения о том, что англосаксонская миграция сыграла важ-

[1] К этому заключению приходит и Вульф (Woolf (2007). Такой подход характерен для всех историков, которые не занижают значение миграции англосаксов.

ную роль в переустройстве социальных, политических и экономических основ Нижней Британии в V—VI веках. Вырвав эти земли из римской системы, которая формировала их структуру вплоть до 400 года, появление германцев не могло не подтолкнуть их развитие к новым направлениям. Сравнительно небольшой и богатый класс владельцев вилл был обязан своим благополучием старой системе и оказался в опасности, когда связи с ней были разорваны. На мой взгляд, как и у их собратьев в других римских провинциях, они наверняка обладали достаточной властью, чтобы сохранить свое положение, если бы их единственной проблемой были представители низших классов британских провинций. Однако таковые были далеко не единственной проблемой. О процветании Британии было хорошо известно соседям, грабившим ее много веков, и без прямой протекции Римской империи владельцам вилл в любом случае было бы сложно сохранить свои богатства и статус при наличии угрозы со стороны пиктов, скоттов или англосаксов.

Даже если более точные данные о разрушении системы римских вилл в Британии укажут на то, что римское общество распалось до того, как нападения саксов переросли в завоевание, это внесет лишь незначительные коррективы в реконструированную картину тех событий. Как мы более подробно покажем в следующей главе, римско-бриттская землевладельческая элита была сброшена с римского флагмана лишь из-за того, что другие иммигранты, проникшие на территорию Западной Римской империи после 405 года, стали серьезной проблемой для ее основных институтов. Более того, именно англосаксонский миграционный поток определил дальнейший ход событий — тот факт, что сравнительно малочисленная элита была заменена многочисленной, а серьезные культурные, лингвистические и прочие изменения сделали Британию отчетливо германской. Все говорит о том, что в эти века у местного населения было очень ограниченное право голоса в выборе собственной судьбы.

Следовательно, модель «переселение элиты» и последующая эмуляция культур не могут дать удовлетворительное объяснение преобразованиям, наблюдаемым в Нижней Британии в IV—VI веках. Однако при этом англосаксонское завоевание не превратилось и в повсеместную замену существующего населения. При подборе максимально подходящего термина для данной модели следует прежде всего изучить аналогичные пре-

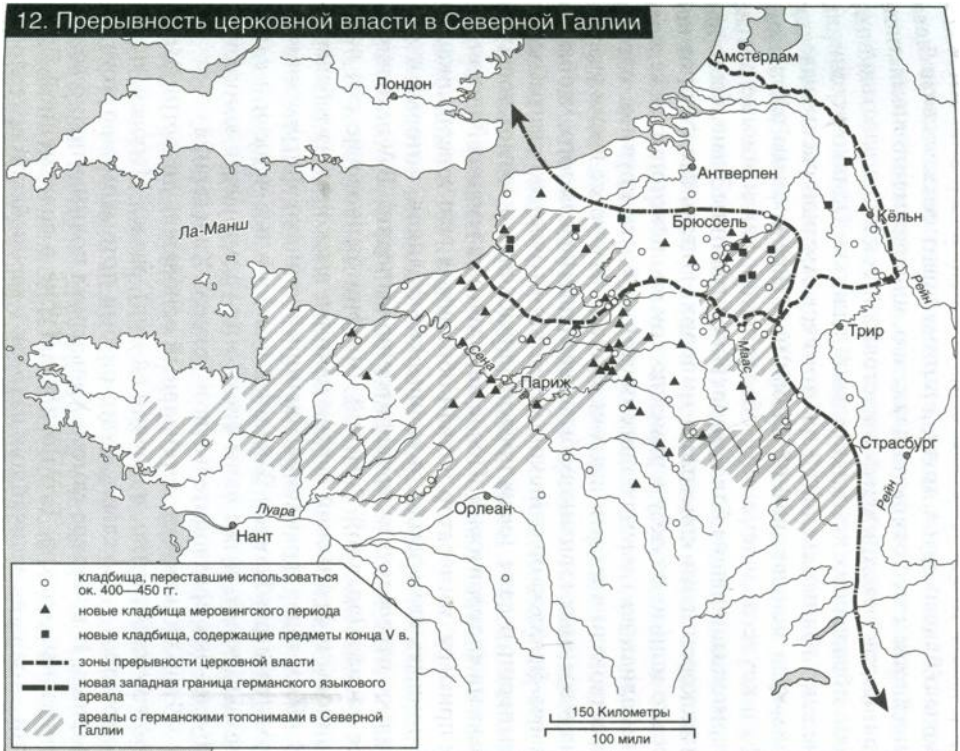
образования, происходившие в это же время в Северной Галлии. Недавно обнаруженные там археологические остатки позволяют нам более пристально исследовать реакцию местного населения, столкнувшегося, как и романобритты, с прибытием алчных до новых земель чужаков.

ФРАНКИ И РИМСКАЯ ГАЛЛИЯ

Вторжение франков в римскую Галлию представляет собой исследовательскую проблему, схожую с той, которую породили столь разные взгляды на Adventus Saxonum, или приход саксов. Приблизительно в то же время, когда, как указывают исторические источники (в данном случае чуть более высокого качества), племя франков набирало силу к западу от Рейна, на широких просторах Галлии к северу от реки Луары получает распространение новый погребальный обряд. Римские похоронные традиции в Галлии, как и повсюду, за века дошли до захоронений без погребального инвентаря. Однако около 500 года в регионе наблюдается внезапное изобилие богатых захоронений с загробными дарами, да и в большинство более скромных могил клали хотя бы какие-то предметы. Мужчин чаще всего предавали земле с оружием и кое-какими личными вещами, женщин — с богатыми украшениями для одежды, имеющими определенное сходство с таковыми в Нижней Британии в ранний англосаксонский период (см. карту 12). Вопрос заключается в следующем: уложатся ли в этом случае все имеющиеся у нас материалы и данные в картину переселения элиты и эмуляции культур?

МАРШ МЕРОВИНГОВ

Расцвет племени франков под властью представителей династии Меровингов произошел в условиях падения Римской империи. Термин «франк» впервые появляется в источниках в конце III века, как и алеманны, но поздние рассказы о более раннем кризисе в том столетии утверждают, что франки сыграли в нем важную роль, и у нас нет причин не верить им. Как мы видели в главе 2, остается неясным, было ли у племен, объединенных под этим названием (ампсиварии, бруктеры, хатты,

12. Прерывность церковной власти в Северной Галлии
Амстердам
Лондон
Антверпен
Брюссель
Кёльн
Ла-Манш
Рейн
Трир
Сена
Маас
Париж
Страсбург
Рейн
Луара
Орлеан
Нант
кладбища, переставшие использоваться ок. 400—450 гг.
новые кладбища меровингского периода
новые кладбища, содержащие предметы конца V в.
зоны прерывности церковной власти
новая западная граница германского языкового ареала
ареалы с германскими топонимами в Северной Галлии
150 Километры
100 мили

хамавы, салические франки) в наших позднеримских источниках, какое-то чувство политической общности. Они жили довольно близко друг к другу, а потому политические связи были неизбежны, и, возможно даже, как их современники алеманны, порой объединялись в настоящий союз под властью вождей, обладавших исключительной властью. Однако источники не дают точных сведений на этот счет, Аммиан рассказывает о них куда меньше, чем об алеманнах. В те времена различные франкские подплеменные объединения, как и многие другие германцы, жившие близ европейской границы Рима, были полупокоренными клиентами империи. Отдельные франки нередко шли на службу в римскую армию, некоторые даже поднимались до командующих постов, а более крупные отряды участвовали в тех или иных кампаниях. И в то же время участие их в военных кампаниях было необходимо для того, чтобы отвлечь франков от слишком успешного и частого разграбления империи и даже (если представлялась такая возможность) от захвата ее территорий. После поражения алеманна Хнодомара, к примеру, император Юлиан обнаружил, что теперь придется защищать свои земли от салических франков, которые попытались переселиться на территорию империи[1]. В V веке начался распад Западной Римской империи, равновесие сил нарушилось, и франкский чертик наконец выскочил из табакерки. В 460-х годах франкские племена начинают фигурировать в политике слабеющей Западной империи все чаще и в самых разных ролях, и все чаще среди них упоминается конкретная группа под предводительством некоего Хильдерика.

Отец Хильдерика, легендарный основатель династии Меровингов (собственно, и давший ей имя), звался Меровей, но все источники утверждают, будто он был потомком морского чудовища. И в карьере самого Хильдерика полным-полно вопросительных знаков. Его могила в Турне в современной Бельгии — одна из величайших находок в европейской археологии. Вскрыв курган в мае 1653 года, исследователи обнаружили поражающий воображение запас золота и драгоценностей, вклю-

[1] Юлиан и франки: *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 17.8.3—5. Это отдельное событие, и невозможно точно сказать, была ли конфедеративная структура франков аналогична алеманнской, но это возможно. Исследования о раннем периоде истории франков и археологии: Zollner (1970); Perin (1987); James (1988); Ament (1996); Reichmann (1996); R. Kaiser (1997).

чая кольцо-печатку, на котором и значилось имя обитателя могилы — король Хильдерик (*лат.* Childeric regis). Многие из предметов впоследствии были украдены с витрины в 1831 году, но они все были описаны, весьма подробно, пусть порой и с ошибками, в первые два года после обнаружения. В то время, к примеру, застежки брошей Хильдерика были сочтены перьями. Жалкие остатки некогда богатого сокровища теперь выставлены в Кабинете медалей в Париже. Что интересно, недавние раскопки места захоронения показали, что, помимо огромного количества золотых изделий, Хильдерик был захоронен с телами по меньшей мере двадцати трех лошадей в трех отдельных ямах. Среди погребального инвентаря присутствовали и золотые детали упряжи несчастных животных. И эти предметы, обнаруженные еще при первых раскопках, породили очередную забавную историческую ошибку. Во времена Наполеона один из археологов, наделенный богатым воображением, утверждал, что это остатки древних королевских часов, и корсиканский император приказал сделать такие со схожими деталями к своей коронации в 1801 году[1].

Жутковатое великолепие погребальных даров Хильдерика говорит о том, что он был могущественным вождем, но оставляет много вопросов и загадок, особенно по сравнению с данными, содержащимися в исторических источниках. Они сводятся к отрывочным и кратким упоминаниям, среди которых выделяется рассказ о том, что он был изгнан на восемь лет за то, что соблазнил слишком многих женщин своих сторонников. Но если забыть о сложностях его личной жизни, даже из этих описаний следует, что приход Хильдерика к власти был тесно связан с агонией римского господства в Галлии в 460-х годах. К тому времени центральные власти в империи все быстрее теряли контроль над налоговой системой, что повлекло за собой их постепенное, но неминуемое ослабление. В Галлии это проявилось в том, что удерживать власть как над римскими командирами войск, так и над различными племенами чужаков (вроде вестготов Аларика), уже обосновавшимися там, становилось все сложнее. Таким образом, в 463 году Хильдерик стоял во главе отрядов франков, служащих у Эгидия, командующего римской армией в Галлии, сражавшейся с вестготами.

[1] Подробнее о могиле Хильдерика см.: Perin и Kazanski (1996); Halsall (2001).

Однако распад империи был к тому времени уже таким сложным процессом, что вестготы в итоге стали союзниками центральных властей империи в Италии в борьбе с Эгидием, восставшим против них. Был ли Хильдерик верен империи или нет — очень спорный вопрос. Ясно одно — под его властью всегда была лишь одна группа франков, и они даже на протяжении следующего поколения действовали разбившись на отдельные военные отряды.

Источники не проливают свет на то, как и почему Хильдерик пришел в власти. Был ли он предводителем франков, продававшим услуги своих воинов Римскому государству, или же пошел по традиционному пути, поднявшись до командующих чинов в римской армии за годы ее угасания? Второй пробел в его резюме касается превращения из союзника и подчиненного Эгидия в 460-х годах в правителя солидного куска земель римской Галлии, коим он стал незадолго до смерти. Когда он скончался, епископ Ремигий Реймсский написал письмо Хлодвигу I, его сыну и наследнику, и в этом послании Хильдерик представлен как правитель бывшей римской провинции Южной Белгики. Судя по этому описанию и по тому, что похоронен он был в Бельгии, власть Хильдерика традиционно сосредотачивалась на севере. Однако те немногочисленные данные о событиях после 460-х годов, которые у нас имеются, говорят о том, что карьера его развивалась на юге в ходе военной службы империи. Недавно было выдвинуто предположение, что подлинным источником его власти являлось управление значительной частью старой имперской регулярной армии после того, как римляне утратили власть над ней. Это вполне возможно, но в этом случае захоронение Хильдерика именно в Бельгии выглядит несколько странно. Не менее правдоподобной является и теория о том, что он был предводителем отряда франков, активно участвовавшим в политике Рима до тех пор, пока из этого можно было извлечь реальную выгоду, а затем вернулся в былые земли франков, едва империя перестала играть сколь-нибудь важную роль в Галлии. Король бургундов Гундобад, к примеру, пошел по тому же пути в то же время. В любом случае Хильдерика необходимо рассматривать как одного из самых успешных военных лидеров, появившихся на руинах римской власти в Галлии, управляющим одним из крупнейших войск из ее бывшей армии и действовавшим вместе с другими подразделениями под командованием сына

и наследника Эгидия, Сиагрия, а также графа Арбогаста и комита Павла[1].

Хотя удача улыбалась Хильдерику, самые серьезные перемены в истории франков произошли во времена его сына. Как пишут в учебниках, Хлодвиг правил с 482 по 511 год, но единственная точная дата — это дата его смерти. Приблизительное время прихода Хлодвига к власти нужно вычленять из других дат в рассказе о его правлении, предоставленном более поздним историком VI века Григорием Турским. Однако надежными его сведения назвать нельзя.

Основные вехи возвышения Хлодвига ясны, однако детали вызывают много вопросов. Сразу после прихода к власти Хлодвиг традиционно занялся расширением своих земель и дошел до самого Парижа, который находился далеко за границами Южной Белгики, нанеся поражение Сиагрию, который, скорее всего, унаследовал остатки земель и войск, находившихся под командованием Эгидия. Победу одержал Хлодвиг, об этом нам известно, однако источниковая база остается весьма скудной. Григорий Турский, единственный автор, сообщающий о ней, датирует ее 485—486 годами, и победа эта в последнее время стала предметом ожесточенных споров, касающихся прежде всего регионов, которыми владел Сиагрий. Но в то время как есть весомые причины сомневаться в хронологии, предложенной Григорием, как мы сейчас увидим, сама по себе кампания была, по всей видимости, реальной[2]. Куда меньше сомнений вызывают общие итоги этой и других кампаний Хлодвига. К своей смерти в 511 году он захватил большую часть Галлии, до того принадлежавшую вестготам, покорил бургундов и распространил влияние франков почти по всему Рейну, среди прочих подчинив и алеманнов. Франкский мир полностью преобразился. Хлодвиг не только завоевал крупные куски бывших римских территорий, он еще и устранил многих своих соперников, других франкских вождей. Григорий Турский называет имена семерых: Сигиберт и его сын Хлодерик, правившие в Кёльне, Харарих и его сын Рагнар и два брата, Рихар и Ригномер, властвовавшие в

[1] О продвижении Хильдерика см.: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 285—286 и комментарии. О «римлянине» Хлодвиге см.: Halsall (2001), (2007), 269—271, 303—306. О Гундобаде см.: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 524—525.

[2] Джеймс (James (1988) начал эту дискуссию, контраргументы ему привели Перин (Perin (1996) и Мак-Джордж (MacGeorge (2002).

Камбре и Ле-Мане. Есть также упоминания о «прочих родственниках», которые то ли являлись правителями независимых территорий, то ли нет. Политически раздробленная территория, власть над которой была разделена между несколькими независимыми правителями, подчинилась воле одного монарха. Григорий также счел нужным упомянуть о том, что после казни своих соперников Хлодвиг принимал на службу их бывших сторонников и забирал богатства, тем самым укрепляя свою власть[1].

Когда именно произошла эта трансформация в политическом устройстве франков, неизвестно. Наш единственный источник — Григорий. Писавший свой труд спустя шестьдесят с лишним лет после смерти Хлодвига, историк явно пытался собрать воедино рассказы об этом короле из разных источников, и во многих случаях хронологию приходилось угадывать. Кампания против вестготов датируется разными источниками 507 годом, но подтверждения временных рамок других событий независимыми источниками у нас нет, а повествование Григория о военных успехах Хлодвига вызывает серьезные подозрения, не в последнюю очередь потому, что кампании, по его стройной версии событий, происходят каждые пять лет правления короля. Возможно, это и впрямь было так и здесь нет ошибки, но возникает ощущение, что Григорий (или более поздний «редактор») просто равномерно расположил их в удобной последовательности. Есть и другие поводы для сомнений. Великую победу Хлодвига над алеманнами Григорий датирует пятнадцатым годом его правления (496), однако в другом источнике, современном тем событиям, разгром алеманнов происходит почти на десять лет позже, чем у Григория. Конечно, кампаний могло быть две, но, если она была одна, значит, ошибается Григорий. Недоверие вызывает также его рассказ об обращении Хлодвига в католичество. По версии Григория, это произошло перед нападением франков на вестготов, принявших арианство, и это дает ему основания представить эту военную кампанию как священную войну за католическую веру, победу в которой Хлодвигу даровал сам Бог. В другом источнике указано, что крестился франк после победы, и есть указания на то, что он как минимум рассматривал вариант обращения в арианство[2].

[1] *Григорий Турский.* История франков. 2.40—42.

[2] О противоречиях, касающихся точной даты крещения Хлодвига, см.: Shanzer и Wood (2002), и более общие работы о его жизненном пути: Wood (1985).

Устранение Хлодвигом своих соперников, других франкских вождей, традиционно датируется 508 годом, потому что Григорий пишет, что убийства и казни произошли после победы над вестготами. Это вполне возможно, но точно так же возможно и то, что он постепенно устранял своих соперников на разных этапах своей карьеры. К примеру, одним из предлогов казни Хараириха стал тот факт, что Хлодвиг не получил от него поддержки в борьбе против Сиагрия. Но Сиагрий потерпел поражение (опять-таки, надо отметить, по хронологии Григория) приблизительно в 486 году, и кажется очень странным, что Хлодвиг ждал больше двадцати лет, чтобы наказать недобросовестного соратника. Невольно задаешься и вопросом о том, как Хлодвиг сумел собрать достаточно сильную армию, чтобы разбить алеманнов и вестготов за такой короткий промежуток, если к тому времени он еще не успел пополнить свои войска военными отрядами других вождей, и на мой взгляд именно это предположение наиболее близко к истине. Тем не менее общая картина ясна. Идя по пути Валамира и Теодориха, вождей остготов (см. главу 5), Хлодвиг создал одно из самых сильных государств — преемников Западной Римской империи, одновременно аннексируя большие участки римских земель и объединяя под своей властью независимые военные отряды[1].

Как тесно с этим процессом была связана миграция франков?

РАЗДЕЛЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

И исторические, и археологические источники показывают, что из франкских королевств VI века образовались два региона, разделенные рекой Луарой. К югу от нее довольно долго сохранялось римское наследие. Многие римские землевладельческие семьи сохранили свои поместья, а также свою культуру и ценности. Как следует прежде всего из сочинений Григория Турского и Венанция Фортуната, даже спустя два поколения после правления Хлодвига эти люди говорили на латинском языке, осознавали свое римское наследие и сохраняли интерес к римской культуре. Это не говорит о том, что появление нового королевства никак не сказалось на их жизни. К примеру,

[1] О параллельном возвышении Теодориха и рода Амалов см. главу 5.

теперь им были недоступны бюрократические карьеры в имперской администрации, а за успех приходилось бороться при королевском дворе Хлодвига и его преемников, которые одни имели право назначать на высокие посты как в мирской, так и в церковной сфере. Экономика продолжала развиваться — Марсель заменил Арль в роли «перевалочного пункта» в торговле со странами Средиземноморья. И тем не менее в земли к югу от Луары редко вторгались варвары и образовывали там свои поселения — возможно, одно-два были расположены близ реки Шаранта и на границе с вестготами в Аквитании. В остальном археологическая картина этого периода вполне соответствует нормам, принятым у народов, подчиненным империи как в плане захоронений — мертвецов закапывали без погребального инвентаря, — так и по материальной культуре в целом. Нет почти никаких признаков иммиграции франков, даже на уровне переселения элиты, как при Нормандском завоевании, и основная римская политическая, социальная и административная единица — город (*лат.* civitas) вместе с высшим классом землевладельцев — осталась на своем месте[1].

К северу от Луары ситуация складывалась диаметрально противоположная. Примерно в период с начала V и до конца VI века жизнь отошла от норм римской эпохи, что отразилось на материальной культуре — примерно так же, как в англосаксонской Англии, о чем мы уже говорили. Как и в Нижней Британии, civitas, оплот римской администрации, уходят в небытие. Нет никаких свидетельств того, что в VI веке воинская служба здесь организовывалась так же, как в других регионах королевства, на основе городского контингента. Социальные и экономические структуры тоже подверглись трансформации. Законодательные источники рисуют общество, теперь разделенное на три основные социальные группы — свободные, полусвободные (то есть находящиеся в перманентной зависимости) и рабы. Вторая из них — и об этом следует помнить — была неизвестна римскому миру. Есть количественные показатели, свидетельствующие о том, что узкий класс аристократии, схожей с римской, сменился более широкой и многочисленной элитой с более или менее закрепившимся влиянием — опять-таки как в англосаксонской Англии. Законодательные источ-

[1] См.: Halsall (2007), 346—347. О возвышении Марселя см.: Loseby (1992), (1998).

ники не делают различий в вергельде между большинством свободных и мелким дворянством; Григорий Турский не причисляет никого из ключевых северных деятелей к «знати» на протяжении весьма продолжительного повествования о событиях VI века (в то время как многие члены римских семей к югу от Луары именуются так); и крупные поместья, основной строительный материал для социально-экономического господства истинной аристократии, только начали вновь возникать в этом регионе в VII веке. Вплоть до этого момента термин «вилла» означал географическую область, а не основную единицу сельскохозяйственного пронзводства[1].

Это не означает, что на этих северных землях не было разделения на богатых и бедных или что прежняя римская элита полностью исчезла. И в VII веке ведущие землевладельцы из столицы римской провинции в Трире именовали себя «сенаторами» в различного рода текстах. Один римский землевладелец раннего меровингского периода даже оставил нам свое завещание — сам епископ Ремигий Реймсский, чье письмо Хлодвигу с поздравлениями по поводу его коронации дает нам важнейшие сведения о приходе Меровингов к власти. Но Трир явно был исключением. Свыше восьмисот текстов (треть от всех, созданных в послеримский период в Северной Галлии) были обнаружены в окрестностях Трира, и ни в одном из других бывших римских городов не нашлось подобных собраний. Да, завещание Ремигия является весомым доказательством того, что часть римской элиты уцелела, однако при этом мы ясно видим, что он был сравнительно небогатым ее представителем по сравнению как с его предшественниками в IV веке, так и с более поздними франкскими землевладельцами VII и последующих веков.

И все эти заключения в целом не противоречат общей картине, согласно которой социальная структура в Северной Галлии вплоть до начала VII века не подразумевала ярко выраженного господства немногочисленной аристократической элиты — в отличие от регионов к югу от Луары, где потомки старой римской аристократии сохранили свое положение. В культурном плане отсутствие преемственности тоже очевидно. На об-

[1] Общий обзор см.: Halsall (2007), 347 и далее. Халсалл (Halsall (1995a) указывает на возвращение земельной базы настоящей аристократии в Северной Галлии в VII веке.

ширных территориях северо-востока церковная преемственность также была прервана при переходе из позднеримского периода в раннее Средневековье (см. карту 12). Следовательно, на какой-то период в эти земли возвращалось язычество — или как минимум прерывалось распространение христианства. В то же время менялся и язык. Германские диалекты превалировали к западу от старой границы империи вдоль Рейна[1].

Материальная культура в землях к северу от Луары также заметно отличалась от таковой в южных регионах королевства. В конце V и на протяжении VI века в моду входит захоронение с погребальным инвентарем (иногда весьма ценным), заменяя захоронения римского образца. Мужчин хоронили не только с личными вещами, но и с оружием — как правило, с длинным мечом (*лат.* spatha), копьем (*лат.* angon), топором (*лат.* francisca) и щитом (от них обычно сохранялись только конические умбоны). Женщин хоронили одетыми с украшениями, и одеяния на каждом плече скреплялись брошами. Сами по себе броши нередко были украшены эмалью, с полудрагоценными камнями в индивидуальной оправе. Такие украшения появились в Риме, но стали весьма популярными в варварской Европе — это характерный элемент дунайского стиля, развившегося в империи гуннов. Даже кладбища изменились. В VI веке многие из этих захоронений располагались на новых кладбищах вдали от старых городов, могилы располагались ровными рядами (отсюда и немецкий термин Reihengräber — ряд могил)[2]. Эти централизованные кладбища, возможно, отражают чувство общности у жителей сельской местности, которые жили не в таком тесном соседстве, как в городах, и напоминают большие кладбища с захоронениями кремированных останков в Восточной Англии. Все это говорит об установлении нового, не римского уклада, и отсутствие всяческих связей между этими двумя мирами не вызывает сомнений. Но каковы причины его появления?

Отдельные регионы Северо-Восточной Галлии в конце III века часто подвергались набегам, и, в отличие от большей

[1] О записях в Трире см.: Handley (2001), (2003). О Ремигии см.: Castellanos (2000). О более масштабных культурных изменениях, особенно в языке, см.: Haubrichs (1996). О перерывах в развитии церковных институтов на севере Франции см.: Theuws и Hiddinck (1996), 66—67.

[2] Один из недавних общих обзоров: Perin и Feffer (1987), т. 2; Wieczorek et al. (1997).

части западных земель Римской империи, местные землевладельцы так и не смогли оправиться от понесенных потерь. Однако это верно лишь для сравнительно небольшой территории к западу от нижнего течения Рейна. А вот Трир и Мозельская долина в целом на протяжении всего IV века оставались центром скопления богатых римлян — здесь были их города, поселки и культура. Сам город много лет был столицей Римской империи. Дальше к северо-западу, в Пикардии, культура действующих поместий, вилл, сумела пережить потрясения III века, в то время как в приграничных землях по-прежнему возводили укрепления и посылали туда войска на защиту от налетчиков. Кризис III столетия надолго подорвал процветание региона между Рейном и Луарой, однако присутствие империи в нем отнюдь не исчезло, и римская культура и уклад жизни сохранялись на большей его части[1]. Следовательно, римские институты и государственные структуры по-прежнему оставались здесь до установления нового порядка.

Некоторые исследователи утверждали, что массовая иммиграция франков еще до возвышения Меровингов сыграла непосредственную роль в процессе исчезновения всяческих следов влияния империи на этих землях. В результате раскопок кладбищ позднеримского периода в этом регионе были обнаружены могилы с погребальным инвентарем, датируемые 350—450 годами. В отличие от захоронений меровингского периода этих могил сравнительно немного, небольшие скопления на кладбищах, где большинство захоронений не содержит никаких загробных даров. Мужчин — а их могилы встречаются на этих кладбищах куда чаще — хоронили с оружием и поясными наборами римских легионеров. Женских могил заметно меньше, некоторые расположены рядом с могилами мужчин, и в них встречаются украшения, предметы из стекла и керамики. Эти захоронения впервые были исследованы как принадлежащие одной группе Хансом Йоахимом Вернером, и он писал, что это могилы франков, упоминания о которых встречаются в исторических источниках и которых вынудили поселиться на территории Римской империи в конце III века в качестве так называемых лаэтов (*лат.* Laeti). Он также указал на то, что эти люди и их потомки стали важным фактором последующей экс-

[1] О сельских поселениях см.: Van Ossel (1992); Van Ossel и Ouzoulias (2000); Lewitt (1991).

пансии франков в данном регионе Галлии во времена Хлодвига I. Наличие этих захоронений говорит о том, что уже на первой стадии поселения франков здесь они подорвали обычный уклад жизни граждан империи. Однако, как было указано Х.В. Бёме, могилы эти появились спустя одно-два поколения после поселения лаэтов, упоминаемых в источниках, и, что еще важнее, здесь покоятся обладатели довольно высокого статуса, в то время как лаэты даже не обладали полной свободой. Бёме предположил, что могилы принадлежали отдельным высокопоставленным иммигрантам-варварам, которых называли федератами (*лат.* Foederati), тем самым связывая их с франкскими военачальниками, которые нередко занимали высокие ранги в римской армии в IV веке[1]. Могилы, утверждал он, принадлежали их чуть менее высокопоставленным соотечественникам. Тем не менее эта теория также основана на связи между захоронениями и группой иммигрантов-франков, обладающих высоким статусом.

Однако недавно Гай Халсалл поставил под сомнение идею о том, что эти могилы вообще принадлежали иммигрантам — на том основании, что захоронения с погребальным инвентарем не практиковались у франков за пределами Римской империи в позднеримский период. Более того, их захоронения в период с 350 по 450 год вообще не обнаружены на землях племени между Рейном и Везером. В этой области была проделана достаточно масштабная и кропотливая работа, чтобы быть уверенными: франкских захоронений попросту нет. По всей видимости, франки избавлялись от покойников способом, который не оставляет археологических свидетельств, — скорее всего, их кремировали и развеивали пепел. К тому же поясные наборы и оружие, найденные в могилах мужчин на земле империи, римского производства. Утверждение, что хоронить мертвецов с оружием могли только германцы, по мнению Халсалла, является анахронизмом, основанным на более поздних традициях эпохи Меровингов, когда у франков действительно вошло в обычай погребение усопших с инвентарем. И изменения в ритуальной сфере вовсе не указывают на то, что в могилах похоронены не римляне, напротив, они говорят о том, что

[1] Werner (1950); Böhme (1974). Самые известные из военачальников франков, которые упоминаются в исторических источниках, — это Фраомар, Эроций, Сильваний, Маллобад, Боуто и Арбогаст.

в IV—V веках среди высокопоставленных граждан этого региона распространяется новый вид погребения. Власти империи предоставляли все меньше поддержки тем, кому ранее благоволили, началось соперничество за социальное превосходство, и новый ритуал захоронения с различным инвентарем стал одним из элементов этого процесса[1]. Аргумент того же характера мы встречали в его рассуждениях о Британии V века, однако в Галлии новый похоронный ритуал появился задолго до того, как стало возможным говорить о сколь-нибудь масштабной иммиграции франков.

Ни одна из этих версий не кажется убедительной. Такие могилы присутствовали в самых разных регионах — на кладбищах близ военных сооружений, в сельской местности и даже на городских погостах, — из чего следует, что при жизни люди, погребенные таким образом, не были единой группой, напротив, занимались разными делами и никак не были связаны друг с другом. Следовательно, сложно рассматривать их как своеобразную франкскую «пятую колонну». Хронология находок и природа мужского погребального инвентаря также говорит о том, что эти люди существовали в рамках империи и соответствующих структур, а не шли против нее. Но и аргумент о социальном кризисе также не вполне убедителен. Захоронения с загробными дарами появились слишком рано, чтобы их можно было связать с ослаблением римской власти в регионе, которое даже Халсалл датирует концом 380-х годов, а я и многие другие склонны считать его следствием кризиса 405—408 годов.

К тому же таких захоронений сравнительно мало. Если это и впрямь следствие борьбы за социальное положение, то она проходила весьма вяло. К тому же обитатели их вполне могли быть германскими иммигрантами (пусть даже и не франками), о чем говорят наряды женщин, чьи могилы порой встречаются рядом с мужскими. Не у каждого мужчины имелась соседка, однако в Пикардии таких парных захоронений примерно половина, а это не так уж мало. И пусть предметы, с которыми хоронили мужчин, действительно римского производства, однако у их соседок встречаются броши, которые представлены только в группе богатых германских захоронений на нижней

[1] Halsall (2007), 152—161, и комментарии. Впервые эту идею выдвинул Халсалл (Halsall (1992). Райхманн (Reichmann (1996), 61—64) рассуждает о погребальных обрядах франков до возвышения Меровингов.

Эльбе, вдали от Рейна, в землях саксов. Тамошние броши отличаются от найденных в Северной Галлии, и последние, возможно, более древние. В этом случае их наличие не доказывает, что мы имеем дело с германскими захоронениями, поскольку римская мода нередко заимствовалась представителями германских элит за границей империи. Но, по крайней мере, пока доказательств ни у кого нет, лишь догадки и утверждения, а потому если такие броши действительно не были распространены в империи, то, возможно, это все-таки могилы иммигрантов, которые процветали в римской системе. В любом случае Халсалл весьма убедительно доказывает, что эти захоронения могут не иметь ничего общего с более поздними могилами эпохи Меровингов и что, даже будь они германскими, это еще не доказательство массового переселения франков в земли между Рейном и Луарой в позднеримский период, которое в дальнейшем могло бы содействовать блестящим победам Хлодвига[1].

Итак, разделение королевства Меровингов на северное и южное нельзя объяснить тем, что земли к северу от Луары уже в позднеримский период были заселены франками. Отчасти разгадка кроется в политической истории этого региона в V веке, в которой франки сыграли свою роль. Заявления о внезапном и масштабном исчезновении римской власти здесь до кризиса 405—408 годов в этом случае столь же неубедительны, как и в случае с Британией[2]. Но по мере того как вторжение и узурпация власти начали сеять хаос, подрывая основы власти Западной Римской империи, как минимум часть Северной Галлии, которая, как и Британия, являлась дальним рубежом империи, была оставлена без защиты. Таким образом, Арморика — Северо-Западная Галлия, ныне Бретань — взбунтовалась одновременно с Британией, в 409—410 годах, вполне возможно, под влиянием Константина III, узурпатора. Однако в то время как Британия окончательно отделилась от империи, здесь ситуация была иной — когда самый серьезный этап кризиса миновал, стали предприниматься серьезные попытки вернуть Северную

[1] О брошах см.: Halsall (2007), 157—159; ср.: Böhme (1974). Более того, как замечает Халсалл, даже если было определено германское происхождение брошей, то решить вопрос с оружием еще только предстоит, поскольку это может оказаться еще одной «новой» привычкой, позаимствованной у римлян.

[2] См. главу 5 и ранее в этой главе.

Галлию под контроль Рима. И на протяжении первой половины V столетия периодически осуществлялись мероприятия, направленные на то, чтобы сохранить власть империи к северу от Луары — путем непосредственных интервенций для борьбы с мятежниками, а также ввода регулярной римской армии, к которой порой присоединялась нерегулярная[1].

Однако эти упорные попытки сохранить имперскую власть в Северной Галлии также упорно подрывались последствиями кризиса 405—408 годов. Как мы увидим в следующей главе, империя быстро теряла контроль над ключевыми регионами, являвшимися источником немалого дохода, а значит, и способность поддерживать свои армии и контролировать командиров. В результате она уже не могла защитить ключевые институты, на которых зиждилась жизнь римских граждан. Положение достигло критической отметки к середине 450-х годов, когда воцарился хаос после распада империи Аттилы (см. главу 5), — и в этих условиях в 460-х годах к власти пришел Хильдерик. Таким образом, процесс отхода Северной Галлии от римского прошлого к франкскому будущему был длительным и очень напряженным. Он начался с перехода через Рейн 31 декабря 406 года и продолжался до тех пор, пока Хлодвиг около 500 года не упрочил свою власть. В этот период в регионе шла нешуточная борьба за власть — римские власти, местные группы (нередко называемые багаудами вслед за бандитскими отрядами III века), захватчики-варвары и поселенцы и, наконец, войска франков. Этот процесс был к тому же крайне жестоким. Не приходится удивляться тому, что римская землевладельческая элита потерпела крах. Их виллы были богатыми и беззащитными; здесь, как и в других регионах, римская армия быстро утратила возможность предоставить гражданам защиту, и поместная система не пережила процесс распада империи[2].

Роль самих франков кажется важной, но не первостепенной. Как мы видели, их войска стали по-настоящему грозной

[1] О бунте Арморики см.: *Зосим.* Новая история. 6.5. О событиях 410-х годов: *Просопография* Поздней Римской империи. 2, 448. Последующая история см.: MacGeorge (2002).

[2] Несколько иной подход по отношению к багаудам у Ван Дама, Дринкуотера и Майнора (Van Dam (1985), 16—20, 25—26; Drinkwater (1989), (1992); Minor (1996), хотя никто из них не отошел по-настоящему от старого марксистского классового подхода, вместо того чтобы взглянуть на происходящее с точки зрения местной взаимопомощи при угрозе исчезновения централизованной римской власти.

силой только к завершению этого процесса, в 460-х годах. Это резко отличает здешний регион от Нижней Британии, где за исчезновением римской протекции быстро последовало прибытие англосаксонских грабителей, наемников и мигрантов, вытеснивших римско-бриттских землевладельцев. А потому на франков, в отличие от англосаксов, нельзя возложить всю ответственность за разрушение римского уклада к северу от Луары, которое началось задолго до того, как франки стали одной из главных военных сил в регионе. Учитывая, что вмешательство Рима в политику франков, скорее всего, осуществлялось с целью, как и в случае с алеманнами, предотвратить появление более крупных и опасных союзов (см. главу 2), объединившиеся франки — это феномен послеримского периода, ведь взлет Хлодвига был бы невозможен, если бы империя сохранила свои военные и политические силы[1]. Но раз у нас есть весомые причины отделить разрушение римского уклада в Северной Галлии от последствий консолидации франков, то какую роль сыграла иммиграция франков в эти земли в VI веке, в эпоху Меровингов?

ЧЕРЕПА И САРКОФАГИ

Для того чтобы ответить на этот вопрос, придется положиться в основном на археологические свидетельства. Григорий Турский ничего не говорит о поселении франков, а в археологии мы сталкиваемся с той же методологической проблемой, которая возникла в Нижней Британии. Новые обряды захоронения в Северной Галлии хронологически совпадают с ростом влияния франков, но действительно ли каждый, кого теперь хоронили с погребальным инвентарем, непременно являлся франкским иммигрантом? Если да, то перед нами вновь случай переселения народов, поскольку новые Reihengräber в сочетании с могилами с инвентарем получили широкое распространение в Северной и Восточной Галлии (см. карту 12).

Уже было немало попыток разрешить проблему идентификации останков. Специалисты по IX и началу XII века были убеждены, что разгадка кроется в форме черепов. Исконные кельты, утверждали они, обладали брахицефальным строением

[1] О политике по отношению к алеманнским королям см. главу 2.

черепа (округлой головой), а пришлые германцы — долихоцефальным (у них головы были продолговатыми). Другие ученые искали ответ в деталях погребального ритуала. Использование саркофагов считалось сугубо римским обычаем, к римским относили и захоронения без погребального инвентаря, который так или иначе встречается в большинстве Reihengräber. К сожалению, эти старые методы не работают. Этнических различий в форме черепа не установлено, а некоторые франки, происхождение которых не вызывает сомнений, были захоронены в саркофагах. Наличие/отсутствие погребального инвентаря — тоже не показатель. Могилы без каких-либо предметов встречаются преимущественно в стороне от Reihengräber, а современные методы ведения раскопок показали, что использование этих кладбищ началось с середины и шло вовне. Настоящее объяснение отсутствия погребального инвентаря хронологическое. С VII века и далее (как было и со старыми англосаксонскими кладбищами-долгожителями... если у кладбищ может быть долгая жизнь) отмечался выраженный спад в использовании погребального инвентаря, вероятно под влиянием христианства — пока захоронения не приняли вновь вид простых погребений, характерных для позднеримского периода[1].

Итак, простого метода, позволяющего отличить римлян от франков, нет. Однако есть убедительные доказательства того, что некоторые мужчины, похороненные с оружием, принадлежали к исконному галло-римскому населению. Отличный тому пример — большое, тщательно исследованное археологами кладбище в Крефельд-Геллеп в нижнем течении Рейна на севере Германии. Оно одно из немногих, которые постоянно использовались с позднеримского до меровингского периода. В начале VI века возле существующего позднеримского кладбища появилось второе, основу которого заложило богатое захоронение. Оно затем продолжило расти за счет стандартных меровингских могил с инвентарем. Однако появление второго кладбища не привело к закрытию первого, и далее события развиваются очень интересно. Погребение с различными предметами — обычным для меровингского периода набором из оружия и украшений для мужчин и женщин соответственно — быстро становится нормой и на другом кладбище. Археолог,

[1] Историография по данному вопросу приводится в работе: James (1988).

проводивший раскопки, и позже другие исследователи заключили (и не ошиблись), что поздне- или послеримское население, пользовавшееся первым кладбищем, переняло новые культурные нормы, принесенные чужаками, которые устраивали пышные похороны на втором. Великолепный пример эмуляции культур. И то, что случилось в Крефельд-Геллеп, вполне могло произойти во всей Северной Галлии, в регионах, где существующие позднеримские кладбища были полностью вытеснены Reihengräber и где, соответственно, проследить процесс эволюции культур не представляется возможным. Многие из этих новых Reihengräber предназначались для покойных галло-римского происхождения, адаптировавшихся к новым нормам эпохи Меровингов[1].

Новая совокупность свидетельств, которая как минимум отчасти отражает этот процесс, состоит из кладбищ, на которых стали появляться пышные захоронения, вроде обнаруженных в Крефельд-Геллеп. Благодаря полувековой работе над хронологией меровингской материальной культуры эта закономерность была подмечена в ряде мест: Мезьер в Арденнах, Лавуа на Мёзе, Пре, Гутлинген, Шауйе в Лотарингии, Рюбенах, Эрувилетт и Бэйл-Бернинг. Очень хочется с ходу объявить, что в них покоились франкские иммигранты, но такие предположения нельзя принимать на веру без доказательств, как стало ясно после Френувиля в Кальвадосе. Здесь генетически обусловленная особенность черепных швов показывает, что в регионе жили одни и те же люди — как на пике популярности пышных погребений, так и когда он миновал, хотя новый обычай впервые появляется на совершенно новом меровингском кладбище. Он позже был заимствован во Френувиле. Судя по всему, этот обычай был взят на вооружение из-за одной высокопоставленной семьи, устроившей первые пышные похороны на новом кладбище, а к середине VI века уже прижился среди местного населения, которое тоже начало пользоваться новым кладбищем[2]. Следовательно, у нас есть неоспоримые доказательства того, что новый обычай захоронения с погребальным инвентарем получил такое широкое распространение в Северной

[1] Обзор ведущихся сейчас раскопок см.: Pirling (1966), Pirling и Siepen (2003).

[2] Джеймс (James (1988), 25—28) проводит обзор этой исследовательской традиции, которая встречается в следующих работах: Werner (1935); Bohner (1958); Perin (1980). О Френувиле см.: James (1988), 110—111. Полезный обзор см.: Perin (1987), 138 и далее.

Галлии отчасти и потому, что местное галло-римское население охотно его переняло.

Но каково происхождение этого ритуала и почему его перенимали? Одна археологическая теория, как мы видели, склоняется к тому, чтобы интерпретировать скопления сравнительно богатых захоронений как доказательство социальной нестабильности и соперничества. Поскольку статус их был не до конца установлен, семьи пытались произвести впечатление на своих соседей. Такое объяснение в текущих условиях кажется вполне правдоподобным. Становление Меровингского королевства навязывало, как мы видели, новые порядки в том, что касается социального статуса (по сравнению со старыми римскими), и он действительно мог стать причиной соперничества[1]. Но это не единственное возможное объяснение — и в данном случае даже не самое убедительное. Во-первых, подобная перестройка социального уклада имела место к югу от Луары, но она не привела к попыткам произвести впечатление пышными похоронными обрядами. Вы могли бы вполне логично возразить, что там, где уцелела старая элита, сохранив больше показателей статусных различий, не было причин состязаться; но это не единственное возражение против теории социальной нестабильности. Прежде всего, аккуратные ряды Reihengräber больше похожи на организованное общественное место, нежели на арену социального соперничества. Их ровные ряды указывают на то, что процесс захоронения так или иначе контролировался. О том же говорит и погребальный инвентарь. Отдельные категории усопших — взрослые, но не пожилые мужчины и молодые женщины в расцвете детородного периода — как правило, погребались с бóльшим количеством предметов, чем другие. Опять же, было выдвинуто предположение, что так делали потому, что их смерти становились потрясением для общества и их больше оплакивали, но из сводов законов мы узнаем, что в тот период процветал вергельд, и вполне возможно, что дело скорее в нем.

В более общем плане законодательные источники действительно указывают на то, что в обществе меровингских франков существовало вполне четкое разделение на классы — свободных, вольноотпущенных и рабов (что в сочетании с возрастом определяет ценность каждого индивидуума) — и что у каждого

[1] См. ранее в этой главе.

из них были конкретные функции. Свободные и вольноотпущенные могли быть призваны на военную службу для сражения, к примеру, но рабы были лишены участия в деятельности, считавшейся привилегией. Другие законодательные источники также регулируют проведение публичных церемоний, если кто-то получает более высокий статус, и по большей части эти сельские сообщества были достаточно невелики, чтобы все друг друга знали[1]. Эти заключения приводят нас к другому объяснению ситуации с Reihengräber. Погребение мужчин, особенно с оружием, служило, разумеется, показателем их статуса, но в то же время было крайне нелегко пытаться претендовать на более высокий статус в небольших, до крайности тесных сельских сообществах.

Следовательно, утверждение, что главной причиной происходящих трансформаций была нестабильность в обществе, спорно само по себе, и исторические свидетельства, связанные с распространением обычая захоронений с погребальным инвентарем, говорят о другом возможном объяснении, хотя элемент социальной нестабильности в нем тоже присутствует. Богатейшим захоронением меровингской эпохи является как раз самое раннее — могила самого Хильдерика. За ней следует ряд богатых, но не столь пышных захоронений, известных как флонхайм-гюглинская группа — название не из тех, что легко слетают с языка. Точные их датировки не подлежат установлению. Стилевые особенности погребального инвентаря настолько схожи с тем, что был найден в могиле Хильдерика, что эти захоронения, скорее всего, совпадают по времени, однако они располагаются за пределами бывшей римской провинции Нижняя Белгика, которую, как традиционно считается, Хильдерик передал потом Хлодвигу. Логично было бы предположить, что это захоронения периода как минимум первых завоеваний Хлодвига, но вполне возможно, что владения Хильдерика вовсе не ограничивались Нижней Белгикой. В любом случае эти захоронения были сделаны в последней четверти V века[2].

Хронология дальнейшего распространения нового способа захоронения вполне ясна. Следующие на очереди — менее богатые, но содержащие очень ценные предметы захоронения,

[1] О трактовке с позиции «общественного давления» см.: Halsall (2007), 350 и далее.

[2] Традиционная аргументация: см., например: Perin (1996) или Wieczorek (1996); и ее критика: см.: Halsall (2007), 269–270.

названные Райнером Кристлейном группой С — опять-таки не самое приятное название, но его хотя бы проще произнести. Эти могилы являются связующим звеном (по хронологии и имеющемуся погребальному инвентарю) между очень немногочисленными богатыми захоронениями, датируемыми концом V века, и более многочисленными, но куда более скромными могилами, характерными для собственно меровингского периода, которые датируются VI веком, а не концом V и принадлежат скорее к его второй половине, нежели к первой.

Эта хронологическая прогрессия говорит о том, что новый похоронный обряд завоевывал все большую популярность по принципу «просочившись сверху вниз» — от «вершины» роскошных захоронений Хильдерика и его непосредственных соратников к средним классам. Новый обычай разительно отличался от былой франкской традиции — кремации с развеиванием пепла, — а значит, нет ничего удивительного в том, что укрепился он только через пятьдесят лет.

Это ощущается скорее интуитивно — то, что пышное погребение распространялось в меровингском обществе по мере того, как население заимствовало (в куда более скромных масштабах) обычаи элиты. Подобный эффект встречается довольно часто, но он не дает исчерпывающего объяснения данному явлению. В случае с самим Хильдериком идея сделать богатое захоронение с огромным количеством золота наверняка была заимствована из захоронений в дунайском стиле, зародившихся в империи Аттилы в пору ее расцвета. Германский мир и до V века знавал богатые захоронения, пусть и не во франкских землях, но, как мы видели в главе 5, именно в империи гуннов входит в обычай в знак уважения к важным людям класть в могилу ценные вещи. Богатство империи кочевников и ее непосредственных преемников затмевает все, виденное ранее, — в том числе и по количеству золотых изделий, в прямом смысле слова зарываемых в землю. Франки не были в числе господствующих народов Гуннской империи, но они достаточно долго пробыли под властью Аттилы, который однажды даже лично вмешался в их дела, разрешив спор о наследовании, следовательно, дунайский стиль мог повлиять на похоронные ритуалы варваров.

С этого времени пышные похороны для вождей становятся нормой и практикуются на протяжении VI века. В этом случае не приходится удивляться тому, что предводители франков, пришедшие к власти спустя поколение после Аттилы, пере-

няли обычаи величайшей империи, которую когда-либо знала неримская Европа. Верно также и то, что Хильдерик и Хлодвиг — предположительно, последний и организовывал похороны отца — пытались изменить саму природу политики франков. Они вполне могли заимствовать обычай гуннов, чтобы подчеркнуть, что Хильдерик — на самом деле или на словах — был особым правителем, не таким, как другие. А это означает, что революционное для тех времен пышное захоронение, организованное Хлодвигом, несло в себе и элемент соперничества. И если могилы флонхайм-гюглинской группы действительно появились в то же время, а не чуть позже, как обычно предполагается, то соперничество должно было быть довольно напряженным, и тогда могилы эти принадлежат соперникам Хильдерика, а не его военачальникам.

Последующее распространение этого обычая в более широкие слои общества не так просто объяснить. За этим процессом явно стояли новые богатства, которые стали доступными обществу франков благодаря их военным успехам, особенно во времена Хлодвига, однако экспансия продолжалась и в периоды правления его сыновей. И на этом фоне, возможно, стоит подумать о более поздних, но тем не менее весьма богатых захоронениях группы С, ставшей главным катализатором в этом процессе. Погребенные в них люди — возможно, не слишком важные предводители, чьи семьи хотели подчеркнуть высокий статус усопших, похоронив их в новых рядах, начало которым положили короли. Это опять-таки связано с социальным соперничеством, поскольку завоевания Хлодвига принесли новые богатства новым людям, и в данном конкретном случае, похоже, победители таким образом хвастались своим новым положением. И постепенно эту привычку усвоили и представители более низких классов, где, вполне вероятно, происходили те же процессы по мере того, как новые богатства, появившиеся в ходе завоеваний, постепенно доходили и до них, пусть и в куда меньших объемах. Появлялись победители, стремящиеся подчеркнуть свой статус, и, возможно, проигравшие, отнюдь не желающие казаться таковыми. И так продолжалось до тех пор, пока новый обычай не закрепился, породив более равнозначные и примерно одинаковые могилы на кладбищах типа Reihengräber в середине VI столетия.

Однако этот процесс длился долго. Новый способ погребения стал нормой только приблизительно к 525 году, спустя

полвека после смерти Хильдерика, а за этот срок на него могли повлиять самые разные факторы. К примеру, в англосаксонской Англии кремация быстро исчезла с приходом христианства, в котором она явно считалась неподобающим похоронным обрядом. И хотя в VI веке христианство только начало распространяться на территориях франков, это тоже могло привести к закреплению обычая погребения покойных, хотя в этом случае такие похороны никак не связаны с желанием покичиться своим богатством[1].

Прямое распространение обряда вниз по социальной лестнице с погребения Хильдерика к более простым могилам второй четверти VI века говорит о том, что новый похоронный обычай непосредственно связан и с возрастанием влияния франков в Европе — и в особенности с соперничеством, порожденным притоком новых богатств, возникшим в ходе завоеваний. Но тот факт, что элемент эмуляции культур так четко прослеживается в распространении захоронений с погребальным инвентарем — и что галло-римляне весьма охотно заимствовали новый способ погребения, — не означает, что никакой иммиграции франков в Северную Галлию не было, или что таковая была весьма незначительной, или что распространение нового обычая с ней не связано. Напротив, есть все причины полагать, что иммиграция франков в Северную Галлию была очень даже масштабной и сыграла важную и непосредственную роль в распространении нового способа погребения.

Доказательства миграции франков на запад от Рейна варьируются от конкретных до более общих. И нам вновь необходимо обратиться к исследованию захоронений на Крефельд-Геллеп. Если (а это вполне возможно) первое и более старое кладбище по-прежнему использовалось местным населением, то возникает закономерный вопрос: кого же тогда хоронили на втором, с момента основания которого и начал распространяться новый погребальный обычай, появившись затем и на первом? Как сразу и предположили археологи: скорее всего, франков-иммигрантов. Богатые захоронения в центре других Reihengräber, с которых начинались новые кладбища, тоже должны принадлежать представителям элиты франкских иммигрантов, под властью которых происходили трансформации в местном сельском обществе; отсюда и образование новых

[1] О прекращении кремации в Англии см., например: Welch (1992).

кладбищ, и принятие нового способа захоронения. На первый взгляд кажется, что археологические свидетельства заводят нас в тупик, как и в случае с англосаксами. С одной стороны, новый похоронный обычай распространялся сверху вниз, начавшись с представителей новой элиты — франкских иммигрантов. С другой — он все-таки получил распространение, и притом довольно широкое, среди местного населения. При отсутствии наглядных и неоспоримых археологических свидетельств — вроде обнаруженных в захоронениях Крефельд-Геллеп или Френувиля — отличить могилы франков от мест погребения галло-римлян невозможно. Любой индивид может с равной вероятностью оказаться как тем, так и другим, а то и обоими разом, поскольку смешанные браки, скорее всего, имели место. Однако на этом спор не заканчивается.

Если бы единственным доказательством иммиграции была горстка могил в сердце новых организованных кладбищ, миграцию франков можно было бы со спокойной совестью назвать переселением элиты с последующей эмуляцией культур. Но у нас есть бесспорное доказательство того, что за процессом ассимиляции культур скрывается куда более масштабный миграционный поток. Стоит задуматься об общих характеристиках преемственности и трансформации в королевстве Меровингов. Как мы видели, новый обычай хоронить мертвых с погребальным инвентарем обнаруживается и к югу от Луары. Однако там он не прижился, и местное население в основном продолжало придерживаться привычных для себя ритуальных обрядов. Следовательно, в королевстве франков этот процесс тоже протекал отнюдь не автоматически. Мало просто забросить пару-тройку франков в Галлию и ожидать, что все вдруг примутся с энтузиазмом хоронить усопших с оружием и ценными предметами.

С ходу можно придумать несколько причин, по которым новый обычай вошел в обиход на севере, но не на юге, однако существует прямая связь между появлением Reihengräber и степенью заселенности региона франками. Как и в англосаксонской Англии, ключевую роль здесь играют лингвистические данные. В целом общий эффект миграции франков был таков: граница распространения германского языка сдвинулась к западу от Рейна на 100—200 километров, по-разному в разных регионах (см. карту 12). Но это был конечный результат сложного процесса, а не явление, возникшее молниеносно, как по

волшебству, в начале VI века. Похоже, началось все с того, что иммиграция франков привела к появлению сети тесно взаимосвязанных языковых островков. Даже в регионах, где в конечном итоге стал превалировать германский язык, крупные римские центры оставались романоговорящими вплоть до IX века, такие как Ахен, Прюм и былая столица Римской империи — Трир. В то же время характер этих названий свидетельствует о том, что германоязычные сообщества продвинулись тогда куда дальше современных языковых границ. Германские топонимы встречаются даже в землях к северо-западу от Парижа, в Нормандии и Бретани, а это значит, что германоговорящая элита пребывала здесь достаточно долго для того, чтобы дать свои названия постоянным поселениям, которые были ими основаны (см. карту 12). В Северной Галлии более или менее постоянные поселения (деревни, а за ними и поместья) появились чуть раньше, чем в англосаксонской Англии, в VII веке, а не в VIII, поэтому редкие вкрапления германских названий вряд ли свидетельствуют о долгом использовании этого языка — лет сто или около того[1]. Тем не менее в англосаксонской Англии островки германских языков могли быть созданы исключительно группами мигрантов, включавшими в себя, помимо мужчин, еще и женщин и детей, и в Галлии распространение германских языков на запад, несмотря на бóльшую его ограниченность, позволяет определить, где скопления франкских иммигрантов были наиболее многочисленными.

Точных сведений у нас нет, однако, судя по всему, процесс, который привел этих иммигрантов в земли к западу от Рейна, во многих ключевых аспектах был схож с тем, в результате которого англосаксы поселились в Англии. Северная Галлия отнюдь не входила в число самых богатых римских провинций, однако в целом была экономически более развитой, чем соседние территории к востоку от Рейна, не принадлежащие империи. К тому же политическое господство франков, обеспеченное победами Хлодвига, означало, что на недавно покоренных территориях было куда проще получить землю, чем на родине. Это не говорит о том, что земли к востоку от Рейна были перенаселены — не более чем Нормандия в 1065 году, просто военные победы приносили новые возмож-

[1] Превосходное недавнее исследование: Haubrichs (1996). О раннем появлении поместий см.: Halsall (1995a).

ности обогащения, и сторонники Хлодвига рассчитывали на свою долю. Учитывая достижения этого короля, ожидания его сторонников, скорее всего, были весьма высоки. И они вполне могли рассчитывать на большее, чем дележ награбленных ценностей, вплоть до получения земельных участков — что произошло в другом государстве — преемнике Римской империи. И такие требования необходимо было удовлетворить[1]. Ведь у королевских сподвижников могли появиться новые предводители, если бы их служба не вознаграждалась должным образом. И распространение богатых захоронений среди новых Reihengräber по всей Северной Галлии, на мой взгляд, является археологически выраженным следствием того, что своих верных соратников Хлодвиг не забывал вознаграждать за службу (как, скорее всего, поступали и его потомки).

Как и в случае с Британией и англосаксами, Северная Галлия начала притягивать живущих близ нее франков плодородными землями и богатством задолго до того, как распад Римской империи позволил им иммигрировать в этот регион. Франки устраивали набеги на приграничные земли близ северного течения Рейна с III века, и порой, при благоприятных политических условиях, целые группы пытались захватить те или иные территории. К примеру, в 350-х годах произошел известный случай — император Юлиан прогнал племена франков, которые, воспользовавшись разразившейся в империи гражданской войной, захватили город Кёльн и часть близлежащих земель. Некоторые из них утверждали, что являются беженцами, на чьи земли напали саксы, поэтому, возможно, у них имелся и дополнительный политический мотив, однако нет ни малейших сомнений в том, что притягивало их сюда прежде всего богатство римской провинции — это ясно по долгой истории набегов и грабежей[2]. Благодаря им успело сформироваться и достаточно надежное информационное поле, которое и запустило миграционный поток — Северная Галлия не являлась terra incognita для франкских мигрантов.

Источники не сообщают нам никаких данных о численности миграционных единиц франков. Степень и стойкость языковых изменений указывают на то, что во многие та-

[1] Я вернусь к этому вопросу подробнее в следующей главе.
[2] *Аммиан Марцеллин*. Деяния. 17.8.3—5.

кие группы входили и женщины, и, предположительно, дети. Если можно рассматривать миграционный процесс как процесс, порождаемый стремлением к политической выгоде, что в широком смысле верно, то эти миграционные группы, скорее всего, состояли из воинов, которых нужно было награждать, и тех, кто от них зависел, — родных, близких и т. д. Однако, как показывают более поздние свидетельства о викингах из Данелага, дело могло обстоять и по-другому, и вместо семей с предводителями, возможно, в новые земли уходило больше воинов. Там целые отряды устраивали поселения, собираясь вокруг своих предводителей; то же самое могло произойти в Галлии при переселении франков. К примеру, законодательные источники указывают на то, что вольноотпущенные оставались в вечной зависимости от того или иного свободного человека, а значит, свободный воин и зависимые от него полусвободные тоже вполне могли переселяться вместе. И это же могло касаться более высокопоставленных лордов и их свободных сторонников (и зависимых от этих сторонников людей).

Языковые острова, скорее всего, появлялись по мере продвижения групп мигрантов. В тех местах, где их становилось больше всего, рано или поздно полностью менялся язык; там, где их было меньше, лингвистическое влияние заметно сейчас только в германских топонимах. В этом случае, однако (чего нельзя сказать об англосаксах), франкская миграция, похоже, началась только после окончательной победы в войне, и, похоже, галло-римский Аврелий Амвросий так и не появился. Следовательно, миграционные группы франков могли быть не столь многочисленными, то есть, опять-таки, четко прослеживается влияние политических структур на миграционный процесс. Параллели с Нормандским завоеванием также наводят на мысль о том, что процесс захвата земель вряд ли находился под полным контролем короля. Книга Судного дня показывает, что за первые двадцать лет после победы в 1066 году было множество случаев незаконного присвоения земель, и вполне возможно, что это сообщение появилось в книге потому, что Вильгельм сам в 1086 году толком не знал, кто из его сторонников владеет какими участками. В обшем и целом вторженне франков в Северную Галлию можно рассматривать как форму целеустремленного расселения народа, и каждый пришелец подыскивал себе подходящий, славный

участок угодий галло-римских земель в надежде его присвоить[1].

Имеющиеся у нас материалы оставляют много вопросов без ответа, однако доказательства массовой миграции франков (пусть и небольшими группами) бесспорны. И ключевой момент для нашего исследования — тот факт, что прослеживается явная связь между миграцией и установлением нового способа захоронения. С одной стороны, на это указывает связь между наличием богатых могил и распространением этого обычая в определенных местностях. К тому же там, где миграции почти не было, к примеру в землях к югу от Луары, не появлялись и Reihengräber. И в этом случае утверждение, что между Reihengräber и миграцией франков существует взаимосвязь, вовсе не противоречит теории о социальной нестабильности, с помощью которой нередко объясняют этот феномен, — мы скорее ее дополняем. С точки зрения франков (как и с точки зрения англосаксов, да и норманнов в схожих обстоятельствах), тот факт, что целью миграции являлось обогащение, означает, что сопутствовать ей будет социальная нестабильность, как минимум на двух уровнях.

Во-первых, среди франкских последователей Хлодвига и его сыновей царило острое соперничество — за бóльшую долю богатств, получаемых в ходе завоеваний (за которые боролись и соратники Вильгельма после 1066 года). И это всем осложняло жизнь — отсюда, возможно, и стремление похвастать своим новым богатством, закопав немалую его часть вместе с усопшим, подражая обычаям, бывшим в ходу в империи Аттилы. И в то же время для местного населения этот процесс также не означал ничего хорошего — в их землях обосновалась новая, чуждая элита, включив их в состав своего королевства, навязав им новые правила, основанные на незнакомой до тех пор концепции трехуровневого социального устройства и правах и обязанностях, соответствующих каждому из этих слоев. Следовательно, местному населению в условиях перетасовки и добавления новых карт в имеющуюся социальную колоду (которые последовали за победой франков) необходимо было так или иначе удержаться на плаву. Для этого нужно было подстраиваться под того или иного члена франкской элиты, если таковой поселялся в непосредственной близости (следы этого процесса, возможно, мы и наблюдаем во Френувиле), или же до-

[1] См.: Holt (1987).

говориться о признании собственного высокого статуса новыми франкскими правителями. Оба этих варианта не могли быть легкими, и нестабильность — причем весьма и весьма острая — должна была сопровождаться принятием культурных и иных норм, практикуемых франками, хвастающимися завоеванным богатством.

Иммиграция и социальная нестабильность — вовсе не противоречащие друг другу объяснения распространения похоронного обычая и появления новых кладбищ типа Reihengräber. Процесс миграции франков как раз и породил соперничество и нестабильность в обществе, которые в данном случае вылились в распространение способа захоронения в дунайском стиле, некогда принятого в империи гуннов. Однако так было лишь вначале. Едва переходный период завершился и было установлено, кто является свободным человеком, кто — зависимым, а кто — рабом, тогда, как следует из природы кладбищ Reihengräber и законодательных источников, новый общественный порядок обрел большую стабильность.

Из проблем, заявленных в источниках, следует, что создание королевства франков включало в себя миграцию на двух или даже трех уровнях. К югу от Луары таковой почти не было. В эти земли были введены всего несколько гарнизонов, и в то время как жизнь элиты изменилась в соответствии с новыми требованиями франкских правителей, культурные и социально-экономические колебания поначалу оказались не слишком значительными. К северу от Луары картина была совершенно иной, хотя лингвистические данные указывают на то, что и здесь процесс был неоднородным. В землях между Рейном и новой германо-романской языковой границей миграция шла более активно, нежели дальнейшая экспансия на запад, там франки появлялись только в некоторых регионах. А вот в обеих частях Северной Галлии революционная природа перемен очевидна. Это не случай переселения элиты (как и завоевание римской Британии англосаксами), это переоценка самого значения элитарного статуса в обществе, а также социальных норм и структуры ценностей, на которые он опирается. Тот факт, что некоторые участники этого процесса, скорее всего, были потомками местных жителей, не делает трансформацию общества менее революционной и не опровергает тот факт, что именно успешная политическая экспансия франков, включающая в себя активную миграцию, сделала все это возможным.

МАССОВАЯ МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Ни экспансия франков в Северо-Восточную Галлию, ни захват англосаксами Нижней Британии не расцениваются в буквальном смысле как «переселение народов», Völkerwanderung. Да и сами народы (*нем.* Völker) по сути таковыми не являлись, поэтому вряд ли могли куда-то переселяться. И вопреки старым концепциям, которые включали в себя процессы вроде этнической чистки, отчасти имевшей место в Британии и некоторых областях к северу от Луары, местные романобритты и галло-римляне стали частью этнического состава населения этих бывших римских провинций к 600 году. Истинность этого утверждения, однако, не отрицает другого. На протяжении предыдущих двух веков в обоих регионах разворачивалась масштабная миграция, достаточно существенная (вне зависимости от точного количества переселенцев), чтобы вызвать масштабные изменения практически во всех сферах — в политике, социально-экономической модели, административной организации и культуре, материальной и нематериальной.

Одним из преимуществ параллельного рассмотрения англосаксонского и франкского завоеваний является тот факт, что оба этих примера указывают на потенциальные риски, связанные с неправомерным употреблением термина «переселение элиты». Нет никаких причин связывать Нормандское завоевание Англии, в ходе которого представители чуждой элиты спокойно вошли в уже существующую социально-экономическую модель, с другими случаями, в которых мигранты, требующие награды за службу у предводителя, приходили в новые земли большими группами, вызывая масштабные изменения в существующем социально-экономическом строе. Тот факт, что иммигранты, скорее всего, составляли меньшинство населения и к северу от Луары, и к югу от Адрианова вала, особого значения не имеет. В обоих регионах англосаксы и франки стали причиной коренных изменений, зашедших куда дальше простого процесса замещения элиты, который имел место во время Нормандского завоевания.

Это поднимает вопрос (возможно, не самый важный) о том, какой термин будет наиболее уместным для обозначения каждой из этих ситуаций. Разные исследователи, полагаю, будут придерживаться разных точек зрения, однако, на мой взгляд, термином «переселение элиты» следует именовать ситуации, в

которых для утверждения господства иммигрантов не потребовались серьезные социально-экономические трансформации, как при Нормандском завоевании. И если вы придерживаетесь того же мнения, то очевидный термин для иных случаев, в которых наблюдалась коренная перестройка общества, — «массовая миграция». У него есть неприятные ассоциации с былыми заблуждениями, однако по сути уже никто не верит в полную замену одного народа другим (то есть в старую версию массовой миграции, представленную гипотезой вторжения); а понятие «массовый» является доступным и на данный момент неопределенным — или неточно определенным. Он также прекрасно увязывается с качественным определением массовой миграции, применяемым в современных исследованиях. Резкие изменения в социально-экономическом устройстве вниз по социальной шкале всегда порождают шок, в любом культурном контексте, о скольких бы мигрантах ни шла речь.

Однако куда более важным, чем уточнение терминологии, остается вывод о том, что в таких случаях, как с франками и англосаксами, миграция не является альтернативным объяснением глубоких культурных преобразований — даже материальная культура меняется, к примеру, благодаря заимствованию нового погребального обряда — и социальной нестабильности. Предполагаемая связь между изменениями в похоронной традиции и социальной нестабильностью присутствует не всегда, а потому каждый случай нуждается в тщательном изучении. Ни редкие могилы с погребальным инвентарем среди преимущественно пустых, ни обилие захоронений с предметами на хорошо структурированных кладбищах (вроде Reihengräber) не могут сами по себе свидетельствовать о нестабильности общества. Преимущество франкских археологических остатков над англосаксонскими проистекает из того факта, что многие из их кладбищ были найдены сравнительно недавно (хотя некоторые из более поздних англосаксонских находок подтверждают наши выводы). Раскопки на них также позволили изучить процесс распространения обычая погребать усопших с разнообразными предметами, и именно это, на мой взгляд, связывает миграцию и условия социальной нестабильности в объяснении происходящего. Видя, что появление богатых чужаков в обществе привело к тому, что местные стали хоронить покойников на совершенно новом кладбище и по чужим обычаям, заставляет прийти к выводу о том, что принятие нового

ритуала было частью реакции местных жителей (отчасти добровольной, отчасти — не совсем, как я понимаю) на проблему, вызванную прибытием новой землевладельческой элиты.

Разумеется, это лишь общая модель происходящего и не везде ситуация развивалась именно так. Близ Крефельд-Геллеп иммигранты и местные, похоже, продолжали и дальше хоронить своих мертвецов на разных кладбищах, но общая необходимость адаптироваться была достаточно сильной, чтобы культуры стали сближаться. Тот факт, что процесс переселения франков начался уже после завоевания, в отличие от англосаксов, которые мигрировали в разгар борьбы, также мог повлечь за собой несколько иные последствия. Длительный конфликт с другими местными группами мог значительно осложнить отношения между пришельцами и покоренными племенами, как в случае с англосаксами и кельтами, у франков же такой проблемы не было. И, как мы видели, лингвистические данные указывают на то, что новая землевладельческая элита Нижней Британии к 600 году практически полностью состояла из иммигрантов.

Помимо этих моментов, миграция франков и англосаксов во многом иллюстрирует и развивает основные темы этой книги. Транспортная логистика — англосаксы дали миру первый пример миграции через море — и активные информационные поля сформировали оба этих потока, однако наиболее важной для нас является тесная взаимосвязь миграции и процессов развития, а также огромное влияние превалирующих политических структур, на которые указывают источники. Миграцию франков и англосаксов можно рассматривать как механизм, при котором происходит переоценка разных путей развития. Несмотря на собственные экономические трансформации в римскую эпоху, Западная Европа, не входящая в империю, существенно отставала от соседствующих с ней провинций, а потому богатство последних было мощным источником притяжения. В отличие от современной экономики тогда источником богатства было прежде всего сельскохозяйственное производство, и мигрантам вряд ли часто предлагали высокооплачиваемые должности, а вспахивать поле одинаково тяжело что к западу от Рейна, что к востоку. Следовательно, основным способом для чужаков заполучить долю этих богатств были набеги с целью хищения ценностей (помимо немногочисленных примеров, когда воинам удавалось сделать хорошую карьеру в

римской армии). На протяжении всего римского периода богатство провинций защищали армии и крепости. Когда Нижняя Британия и Северо-Восточная Галлия вышли из-под непосредственного контроля империи в разные отрезки V века, исчезли препятствия в виде римских военных институтов, не позволявшие пришлым завоевателям захватить богатые земли, и со временем набеги сменились хищнической миграцией, целью которой стал уже захват земель.

Получается, что неравенство в развитии в конечном итоге породило оба этих миграционных потока. Однако и франки, и англосаксы стали следствием, а не причиной коллапса Римской империи. Они сыграли немалую роль в разрушении привычных элементов жизни римских провинций, которые еще сохранились к моменту их появления в Северной Галлии и Британии, но в обоих случаях именно неспособность империи защитить свои границы привлекла к этим территориям внимание иммигрантов.

Но что у нас на более общем плане? Если мы обратим внимание на Западную Римскую империю в целом, какую роль сыграла миграция в ее крахе? И если миграция и развитие часто идут рука об руку, что мы в очередной раз подтвердили в этой главе, то как крах империи повлиял на общеевропейскую модель неравномерного развития, уровни которого до прихода гуннов так разительно различались у Рима и его соседей?

Глава 7
НОВАЯ ЕВРОПА

В 476 году, спустя сто лет после того, как готы впервые попросили ее правителя предоставить им убежище, восточная часть Римской империи по-прежнему была сильным унитарным государством, включавшим в себя большую часть Балкан, Малую Азию, Ближний Восток, Египет и Киренаику. Некоторые мигранты сумели пробраться на Балканы после краха империи гуннов, но большинство были приняты в состав Римского государства на обычных условиях. Готы могли сохранить некоторую автономию, но, после того как группа под предводительством Амалов в 488 году ушла в Италию, они стали лишь незначительной частью военного гарнизона на Балканском полуострове, и их осталось так мало, что они уже не представляли ни политической, ни военной угрозы целостности власти империи.

А вот в Западной империи ситуация была совершенно иной. В IV веке она продолжала доминировать на своих традиционных территориях — от Адрианова вала до Атласских гор в Северной Африке, как и на протяжении последних трехсот пятидесяти лет. Или, если вычеркнуть Британию, четырехсот пятидесяти. К началу VI века это единое образование с долгой историей исчезло. На его месте оказался ряд государств-преемников, большинство из которых, за редким исключением Западных Британских островов, образовалнсь вокруг центров военной силы, и предки составлявших эти центры воинов жили за пределами империи вплоть до 376 года. Вандалы и аланы основали королевство в богатейших землях бывших римских североафриканских провинций, свевы — в Северо-Западной Испании, вестготы — в Юго-Западной Галлии и остальной части Испании, франки — в Северной Галлии, бургунды — в Юго-Восточной, англосаксы — в Британии, а остготы под предводительством рода Амалов — в Италии.

Эта книга посвящена миграции и развитию, а не подробному исследованию распада Западной Римской империи. В наши задачи не входит раскрытие внутреннего развития Римского государства на протяжении его пятисотлетней истории или того, как таковое привело к конечному краху империи (хотя это действительно так). Нашей целью является подробное изучение миграционных феноменов, рассмотренных в прошлых трех главах, и их вклада в одно из величайших потрясений в истории Европы. Традиционно племена, создавшие в дальнейшем свои королевства и пришедшие из-за границ империи, рассматривались как «народы» — сообщества с однородной культурой, включающие в себя представителей разного возраста и пола, с сильной групповой идентичностью, которые на протяжении долгого срока практиковали эндогамию, а не заключали браки с представителями иных народов. В еще более романтических представлениях процессу переселения придавался националистский дух. Явное большинство этих племен, образовавших потом свои королевства, были германоязычными, и, если как следует скрестить за спиной пальцы, можно даже нагло утверждать, что V век стал кульминацией четырехсотлетней борьбы германцев против римской тирании, которая началась с поражения, нанесенного Арминием Вару и его легионам в сражении в Тевтобургском лесу, а то и чуть раньше, в 7 году н. э.

Недавние ревизионистские исследования подвергли пересмотру такие интерпретации в ряде ключевых аспектов. Во-первых, племена, образовавшие варварские королевства, были вовсе не «народами», а случайными объединениями воинов, и в их случае нельзя говорить ни о культурной однородности, ни о сильной групповой идентичности. Во-вторых, их сила заключалась именно в военной мощи, то есть в количестве воинов. Женщин было немного, и эти объединения в целом напоминали скорее большие армии, нежели «народы». Более радикально настроенные исследователи даже утверждали, что наши римские источники поражены общим вирусом «миграционного топоса», который превращал всех чужаков, переселяющихся с места на место, в «народы». Менее радикально настроенные занимали иную позицию — некоторые варвары действительно мигрировали, однако куда важнее (учитывая отсутствие сильного чувства групповой идентичности, которое сохраняло бы целостность таких объединений) были причины, по которым войско собиралось вокруг новых лидеров после того, как за-

вершалось переселение немногочисленных групп варваров. По мнению третьих, в этот период нельзя говорить о сколь-нибудь заметной враждебности между римлянами и чужаками; в одном влиятельном исследовании даже утверждалось, что падение Западной империи было «на удивление мирным» процессом, в котором римляне проявили заметную готовность договариваться с пришельцами, а у тех, в свою очередь, не было ни малейшего намерения разрушать Римское государство. Вместо яростного катаклизма, традиционно изображаемого в историографии, империя якобы исчезла из-за череды случайностей и по согласию сторон, когда варваров-чужаков пригласили на ее территорию и некоторые из видных римских землевладельцев в конечном итоге предпочли договориться с ними, нежели и дальше платить налоги, которые требовались империи для обеспечения своих армий[1].

Итак, как миграционные процессы, которые мы наблюдали в конце IV и V веке, предстают в традиционных и ревизионистских концепциях падения Западной Римской империи? И, что не менее важно, какую роль сыграл ее крах в изменяющейся политической и экономической организации — другими словами, в развитии — всей Европы?

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Часть аргументов ревизионистов вполне убедительна. Никакого заговора варваров, нацеленного на разрушение Римской империи, не было и в помине. Абсолютное большинство иммигрантов, которых мы изучали, пересекали границу и мар-

[1] Радикальное крыло в вопросе об идентичности и предполагаемом миграционном топосе возглавляют Эмори (Amory (1996) и Куликовски (Kulikowski (2002), (2007), но немецкоязычные историки давно уже мыслят в рамках гибкой и подвижной групповой идентичности, см.: Wenskus (1961); Wolfram (1988). Идея о том, что падение Западной империи было на удивление мирным процессом, ассоциируется прежде всего с Гоффартом (Goffart (1980), (1981), (2006). Сочетая эти подходы, Халсалл (Halsall (2007) утверждает, что империя начала осыпаться с краев из-за внутренних противоречий (прежде всего между Востоком и Западом) и вторжение варваров стало следствием, а не причиной ее краха. В разных сочетаниях эти идеи оказали огромное влияние на науку последних двадцати лет, по этому вопросу см. великолепную работу Уорда Перкинса: Ward Perkins (2005).

шировали сотни километров, движимые отнюдь не этим намерением. Более того, разные группы иммигрантов действовали независимо друг от друга и с одинаковым рвением воевали как с империей, так и друг с другом. Вестготы с удовольствием поступили на службу империи, чтобы сразиться с вандалами, аланами и свевами в Испании в 410-х годах, а в 420-х вандалы и аланы сражались уже против своих недавних соратников — свевов. Позже франки боролись с вестготами; покоряя Италию, остготы под предводительством рода Амалов и другие беженцы спасались от последствий краха империи Аттилы и примкнули к армии Одоакра... Даже в 465 году большинство племен к югу от Ла-Манша не могли даже предположить, что дни Западной империи сочтены. Их политические устремления даже в этот период были направлены на заключение выгодного союза с Западным Римским государством — и на то, чтобы помешать своим соперникам сделать то же самое[1]. Есть свидетельства и того, что предводители иммигрантов и римских элит образовывали новые политические связи, устранявшие старые противоречия между римлянами и варварами. Уже в 410 году преемник Алариха, возглавивший объединение вестготов, Атаульф, пытался заручиться одобрением империи своих действий в Галлии, а среди вандалов, покорявших Северную Африку, были и испано-римляне. Такого типа союзы просуществовали вплоть до устранения последнего западноримского императора в 476 году, однако, возможно, именно они заставили готов, бургундов и галло-римских аристократов пытаться самим прийти к власти в империи — в том числе оказывая поддержку Эпархию Авиту в середине 450-х годов[2]. Однако прочие утверждения ревизионистов куда менее убедительны.

МИР В НАШЕ ВРЕМЯ?

В свете таких умозаключений идея о том, что распад единой Западной империи на множество государств-преемников протекал в целом мирно, не выдерживает никакого сравнения с

[1] Мы уже сталкивались с такими примерами в главах 4, 5 и 6. Идея о том, что Западная Римская империя идет к своему концу, сформировалась в сознании ее жителей только после неудачной попытки захвата Северной Африки в 468 году, см.: Heather (2005), глава 9.

[2] Heather (2005), 375—384.

имеющимися у нас фактами. Главное для нее утверждение о том, что внешние объединения и племена, которые в конечном итоге и основали государства в бывших провинциях Рима, приглашались на территорию империи, зиждется на весьма хлипких основаниях. Нет никаких свидетельств того, что хоть один представитель римских властей приглашал готов Радагайса, захватчиков с Рейна (вандалов, аланов и свевов), бургундов или гунна Улдина. Другими словами, все чужаки, внесшие свой вклад в кризис 405—408 годов, были нежеланными гостями на территории империи и встретили яростное сопротивление. То же самое можно сказать обо всех менее значительных участниках раннего кризиса, связанного с ослаблением границ в 375—380 годах, — о таифалах, готах Фарнобия, сарматах, а также гуннах и аланах, объединившихся с мятежными готами осенью 377 года. И об одном из двух крупных племен готов, перешедших Дунай в конце лета или начале осени 376 года, грейтунгах под предводительством Алафея и Сафрака. Сначала их изгнали силой, однако они дождались благоприятного момента — когда стало нарастать напряжение между империей и готами-тервингами — и переправились через реку.

И лишь однажды чужаки вошли в империю с разрешения властей — ими стали готы-тервинги, и даже здесь вполне вероятно, что у Валента просто не осталось выбора. Император был слишком занят войной с Персией летом 376 года, когда готы прибыли на Дунай и попросили убежища. Нужно считать его полным идиотом, чтобы решить, будто его безгранично порадовал бы вдруг вспыхнувший конфликт на границе, в самый разгар уже ведущихся боевых действий, в которых участвовала большая часть армии. Как сообщают источники, решение удовлетворить просьбу тервингов было принято после долгих споров и, похоже, в данных обстоятельствах это было меньшим из зол. Императору не хватало войск, чтобы расправиться и с тервингами, и с грейтунгами, и в ход пошел старинный принцип «разделяй и властвуй»: одни прошли, другие — нет. Это подтверждается наличием планов, разработанных на случай чрезвычайных обстоятельств, целью которых была нейтрализация любой военной угрозы, которую могли представлять собой тервинги, и особое значение в них придавалось контролю за поставками продовольствия и приказам атаковать вождей тервингов в случае неприятностей. В IV веке (и ранее) императоры действительно принимали на военную службу отряды готов

и воинов из других государств-клиентов, даже для участия в гражданских войнах, но это никак не могло послужить причиной для приглашения крупных групп, состоявших прежде всего из вооруженных мужчин, и наделения их правом на постоянное поселение на Римской земле. Куда безопаснее взять на службу вооруженные отряды наемников из-за границы и отправить их домой по завершении кампании[1].

Итак, утверждение о том, что варвары, оказавшиеся на территории империи в конце IV—V веке, сделали это по разрешению и приглашению Рима, в корне неверно. Появилась новая, более утонченная версия объяснения кризиса 405—408 годов — якобы империя, ослабив контроль над важными приграничными регионами, сама фактически пригласила туда чужаков. Нечто подобное мы слышали во времена Фолклендской войны в начале 1960-х годов, когда решение Британии списать тральщик «Эндевор» по финансовым соображениям было воспринято хунтой Гальтиери как признак того, что Британия без боя отдаст Фолклендские острова Аргентине. Корабль до этого долгое время представлял Британию в Южной Атлантике. Применение такого рода аналогии к кризису 405—408 годов делает аргументацию интересной, однако не слишком убедительной. Причинами нашествия варваров называются уход римских войск из приграничных регионов Северной Галлии и прекращение (или как минимум сокращение) выплат дани приграничным клиентам империи. Однако проблема в том, что вторжения 405—408 годов по большей части совершались не теми племенами, которые жили на периферии и получали эту самую дань, а группами, пришедшими из земель за приграничной зоной — иногда, как в случае с аланами, с территорий далеко за ее пределами. В Британии и Северной Галлии оставалось достаточно римских солдат, чтобы узурпатору Константину III практически удалось захватить всю Западную империю осенью—зимой 409/10 года, к тому же в любом случае целью первого нападения (осуществленного Радагайсом) был вовсе не некий регион, из которого римляне практически полностью ушли. В общем, нет причин полагать, будто беспрецедентные набеги варваров имели хоть что-то общее с приглашением Рима, явным или неявным. Чужаки приходили на римскую почву с одной целью — любой ценой утвердиться на ней[2].

[1] См. главу 4.
[2] Halsall (2007), глава 7 и глава 4 ранее.

То, что последовало за первыми набегами, мало чем отличалось от них. За столетие, разделяющее переход готов через Дунай в 376 году и свержение Ромула Августа в 476 году, развернулось множество самых разных политических процессов, ни один из которых не имел конечной целью крах Римской империи. Однако все эти процессы включали в себя периодические конфронтации, нередко весьма серьезные, иммигрантов с Римом. И политика переселенцев за этот век переживала две стадии. В первой фазе главной целью было отстоять свою независимость, не дать римским властям уничтожить ее при первом же столкновении. Тервинги и грейтунги преуспели в этом между 376 и 382 годами. Военная мощь и возможность сбежать в Северную Африку были главным преимуществом племен, пересекших Рейн в 406 году, чтобы успешно пережить первые столкновения с римлянами (и вестготами) в Испании. А вот бургунды поселились на римской территории в 430-х годах, правда куда дальше, чем им хотелось бы, и по разрешению властей империи — однако только после того, как их наголову разбили гунны, и, похоже, нападение кочевников на них спонсировал римский генерал Аэций.

Если этим племенам удалось пережить первые столкиовения с Римом, то многим другим повезло меньше. Несколько групп готов были уничтожены по частям в период с 376 по 382 год, войско Радагайса было разбито в 405 году, многих из его людей продали в рабство, хотя некоторые уцелевшие позже присоединились к Алариху. Захватчики с Рейна понесли серьезные потери между 416 и 418 годами, и та же судьба постигла, как мы уже видели, три ранее отдельных племени — вандалов-хасдингов, вандалов-силингов и аланов, которые объединились в одно. Но в любом случае пережить военное столкновение с Римским государством было не так-то просто. По моим подсчетам, готы, пришедшие в империю в 376 году и поселившиеся в Галлии в 418 году, впоследствии объединившиеся в племя вестготов, провели одиннадцать крупных сражений и множество мелких[1].

[1] По моим подсчетам, одиннадцать кампаний: битва при Салиции (377), Адрианополь (378), поражение Феодосия (379), битва на реке Фригид (393), Македонская кампания (395), Эпир (397), Верона и Полленция (402), поражение Радагайса (406), разграбление Рима (409—410), продвижение Констанция III (413—415) и нападения вандалов (416—418).

Высокий уровень насилия был характерен для миграционной активности в эту первую фазу и определил две ее специфические черты. Во-первых, он помогает объяснить, почему группы иммигрантов нередко снимались с места повторно. Постоянное движение было частью их стратегии выживания, пока они либо добивались компромисса с Римом (вспомним перемещения готов Алариха, к примеру — с Балкан через Италию в Галлию), либо искали более удачные варианты, богатые земли, на которых будет проще закрепиться (объединенное племя вандалов в конечном счете предпочло Северную Африку). Во-вторых, невозможно объяснить, почему, даже без продолжительных масштабных сражений, столько разных племен иммигрантов предпочитали объединяться в более крупные союзы. Новые политические единицы, формирующиеся на Римской земле, — вестготы, союз вандалов и аланов, остготы, — всех их связывает одно и то же: они сумели создать крупные, прочные коалиции, которым было проще противостоять военной мощи Рима. Тем самым они обеспечивали выживание отдельных членов группы и могли выторговать более выгодные для себя условия[1].

Насилие было важным фактором и во второй фазе миграционной политической активности — максимальное укрепление позиций, если удалось сохранить свои войска. Эти две стадии плавно перетекали одна в другую, поскольку даже первые готы-иммигранты, пришедшие в империю в 376 году, ставили перед собой определенные цели, идущие гораздо дальше выживания, и вторая стадия развития достаточно ясна и потому заслуживает упоминания. Ее можно охарактеризовать как появление римско-варварских дипломатических отношений, которые уже не подразумевали даже возможности уничтожения того или иного племенного союза. В случае с вестготами Алариха эта стадия была достигнута приблизительно в 395—418 годах и узнается моментально по количеству последующих дипломатических контактов с Римским государством. После 418 года на переговорах речь шла преимущественно о размере территорий, которые должны были получить готы, и о конкретных условиях, на которых будет основываться их проживание в империи. Однако, несмотря на это, вторая стадия также отличается неоднократными военными конфликтами: сначала в Южной

[1] См. главу 5.

Галлии — в 420—430-х годах готы сочли весьма привлекательной столицу провинции, город Арль, — и столкновения на землях между Луарой и Гибралтаром в конце 460-х и на протяжении 470-х годов, когда готы под предводительством Эйриха основали там крупное и независимое королевство. Коалиция вандалов и аланов, напротив, только достигла второй стадии (середина 440-х годов), когда Западная Римская империя была вынуждена признать их завоевания в Северной Африке, — хотя им так и не удалось закрепиться в том регионе так же надежно, как вестготам в своем. Агония Западной империи включала в себя и две серьезные попытки завоевать королевство вандалов — в 461 и 468 годах. Франки и англосаксы, с другой стороны, никогда напрямую не сталкивались с Римской империей — можно сказать, они сразу перешли ко второй фазе. Тем не менее они тоже шли к цели, используя убийственную смесь завоевания и экспроприации[1].

А теперь посмотрим на события с точки зрения Римского государства — связь между конфликтами, развязанными иммигрантами, и распадом Западной империи не могла быть более очевидной. В упрощенном виде Рим брал налоги со сравнительно развитой сельскохозяйственной экономики, чтобы спонсировать свои армии и иные институты. Других секторов экономики не было, и в целом все соглашаются, что сельскохозяйственная продукция составляла не менее 80 процентов ВВП империи, а многие ученые называют и куда более высокие цифры. В этом контексте деятельность иммигрантов оказывает прямое воздействие на налоговую систему и тем самым существенно подрывает жизненные силы государства. Потеря любых территорий, отошедших группе переселенцев, вроде испанских провинций, которые заполучили захватчики с Рейна в 410-х годах, означали, что указанный регион более не вносит свой вклад в казну империи. Помимо того, все районы, пострадавшие от боевых действий, даже если варварам не удавалось сразу их покорить, не могли выплачивать налоги в полном

[1] Это было верно, хоть и в других временных рамках, и для меньших групп мигрантов — свевов и бургундов. Третий этап, когда новые государства мигрантов начинают соперничать друг с другом, также сопровождался насилием и зачастую становился причиной новой волны миграции, как это, например, случилось с вестготами в Испании (см.: Heather (1996), глава 9), но данные случаи выходят за границы тематики данной работы.

объеме. Спустя почти десятилетие после двухлетнего пребывания готов Алариха в землях близ Рима с их обитателей по-прежнему можно было собрать не менее одной седьмой от суммы, которую они платили ранее. Такие же послаблеиия были сделаны для двух североафриканских провинций, которые не вошли в состав королевства вандалов и аланов в 440-х годах, однако были заняты ими на протяжении трех лет в середине 430-х. Следовательно, для провинций, в которых шли яростные бои, налоги традиционно снижались на шесть седьмых[1].

Если вести учет потерянных и пострадавших провинций в контексте того, что их утрата означала для налоговой системы Западной империи, вы быстро начинаете понимать весь масштаб проблемы, вызванной иммигрантами. Уже в 420-х годах Британия была потеряна для Рима, вместе с долиной Гаронны, отданной вестготам. В придачу к этому почти вся Испания была либо захвачена, либо опустошена войнами, большая часть Центральной и Южной Италии пострадала во время пребывания в этих регионах вестготов в 408—410 годах. Сокращение налоговых выплат, вызванное всеми этими потерями, продемонстрировано в позднеримском списке военных и гражданских представителей власти, именуемом Notitia Dignitatum («Список должностей»), в котором перечисляются воины, служащие в армии Западной империи вплоть до начала 420-х годов. К этому времени почти половина полевых отрядов (по даниым на 395 год) была уничтожена — всего за четверть века. Почти половина тех, кто заменил погибших в армии (62 из 97), оказалась из гарнизонных подразделений, которые на бумаге получили статус регулярной армии. Мало того что регулярная армия не просто лишилась лучших кадров, включенные в нее гарнизонные отряды заменить также было некем. Численность и эффективность ее резко снизились, и это было прямым следствием постепенного разрушения налоговой системы империи[2].

Но худшее было еще впереди. К 445 году богатейшие провинции Западной империи — Нумидия, Бизацена и римская провинция Африка в Северной Африке — отошли вандалам, часть Паннонии (современной Венгрии) — гуннам, бургунды

[1] Подробнее об этой модели см.: Heather (1995). Я должен отметить, что этот подход к развитию империи не сильно отличается от, например, концепции Гоффарта (Goffart (1981), начиная с событий после прихода варваров в империю.

[2] См.: Jones (1964), т. 3, приложение III.

и другие аланы получили меньшие территории в Галлии в середине 430-х годов. К этому моменту почти половина налоговой базы Западной империи вышла из строя, денег катастрофически не хватало. Неудивительно, что в этот период ее законодатели одновременно начинают возмущаться нежеланием землевладельцев платить налоги и пытаются хоть как-то возместить недостающее. Проявление несогласия землевладельцев с налоговой политикой — важный феномен, поскольку у нас есть причины полагать, что в это время власти были вынуждены увеличить налоговые ставки. Более того, вводились новые налоги. Но утверждать, что нежелание богатых платить налоги было главной причиной краха Западной Римской империи, как делали некоторые, — все равно что ставить телегу впереди лошади.

Предоставление налоговых льгот и привилегий богатым и обладавшим хорошими связями гражданам всегда было частью политики империи — помоги своим друзьям стать богаче, и они будут поддерживать тебя, помогая обрести или удержать власть. Этот феномен привлек всеобщее внимание в 440-х годах только потому, что так много провинций либо оказались под контролем иммигрантов, либо получили столь серьезный урон, что доходы Западной империи упали до опасно низкого уровня[1].

Общее снижение военной и политической мощи государства, в свою очередь, выразилось в новой стратегической ситуации, позволившей иммигрантам в середине 460-х годов расширить контролируемые ими территории, причем весьма существенно. К этому времени западноримская армия, ослабленная снижением доходов от налогов, стала бледной тенью самой себя и уже была не способна успешно противостоять вестготам, вандалам и прочим племенам, которые только начали (или уже заканчивали) укреплять свои позиции на бывших территориях Западной империи. Учитывая, какой урон действия пришельцев нанесли налоговой системе, а следовательно, и вооруженным силам Рима, нельзя не заметить прямую причинно-следственную связь между иммиграцией вооруженных чужаков и распадом римского запада.

На этом фоне возрастающая тенденция местных римских аристократов заключать договоры с различными иммигрантами на протяжении V века может расцениваться только как не-

[1] Подробнее см.: Heather (2005), глава 6.

желание платить высокие налоги — весьма несущественный фактор в распаде государства. И вновь нужно оценивать эти мелочи в соответствующем контексте. Местные аристократы, сумевшие договориться с варварами, все были землевладельцами, и поместья, основной источник их дохода, являлись по большей части имуществом недвижимым. Участок и дом нельзя перевезти куда-то, спасаясь от варваров. И если соответствующая территория начинала подпадать под расширяющуюся сферу влияния того или иного племени иммигрантов, выбора у тамошних землевладельцев не оставалось. Им приходилось либо как-то договариваться с предводителями варваров, либо в конечном счете потерять земли, приносившие им богатство и почет. И к соглашению еще нужно было прийти. В Нижней Британии, как мы видели, римская землевладельческая элита не сумела пережить англосаксонское завоевание[1].

Попытки выставить распад Западной Римской империи мирным процессом, вызванным самоустранением местных элит от дальнейшего участия в центральных государственных аппаратах, выглядят крайне неубедительно. Напротив, все политические процессы V века были пропитаны насилием. Элиты могли оказаться меж двух огней, когда их представителям не оставалось ничего другого, кроме как начать договариваться с новыми хозяевами земли вне зависимости от своего желания — и если удавалось это сделать. Здесь нередко упускается из виду существенная разница между центральной римской властью и местными землевладельцами. И вот как раз последние часто заключали договоры с чужаками. Однако этот процесс начался лишь после того, как (и потому что) группы иммигрантов пересекли границы, лишив тем самым Западную Римскую империю доходов от налогов, в результате чего она уже не могла содержать полноценную армию, оставив землевладельцев в провинциях без защиты.

ЗНАЙ СВОИХ ВАРВАРОВ

Когда речь заходит об иммигрантах конца IV—V века, часть ревизионистских аргументов вновь обретает смысл. По большей части эти группы были новыми политическими образова-

[1] О Нижней Британии см. главу 6.

ниями, а не «народами». Остготы и вестготы, франки Хлодвига, союз вандалов и аланов, свевы в Испании — все они были новыми объединениями, созданными на ходу. Новый политический порядок появлялся и среди англосаксов во время завоевания Британии. Из всех племен, позже образовавших королевства — преемники Западной Римской империи, у нас нет точных сведений только о бургундах, об их социально-политической трансформации, и даже это, скорее всего, вызвано нехваткой соответствующих источников, а вовсе не ровным, плавным развитием их как «народа» на протяжении V века, которое было к тому же довольно хаотичным[1].

Но если иммигранты не являлись «народами», то нет причин сразу же принимать столь же упрощенную, но противоположную точку зрения и списывать их как ничего не значащие мелкие образования, не имеющие исторического значения. Многие племена были весьма крупными. У нас не так много надежных данных об их численности, но они подтверждаются способностью иммигрантов противостоять римской регулярной армии, а это говорит о том, что варвары вполне могли выставить на поле боя войско в 10 тысяч бойцов, а порой и в 20 тысяч, особенно после того, как в V веке завершились процессы слияния различных групп. Групповые идентичности в получившихся союзах были вовсе не столь просты и понятны, как представлялось в свое время господам националистам. Даже не все бойцы обладали одинаковым статусом. По меньшей мере в крупных союзах воины четко разделялись на два класса, а возможно, имелся и третий — состоящий из рабов, не имеющих права носить оружие. Сколько таких рабов могло быть, неизвестно, но мы не можем на этом основании сделать вывод, что их численность была весьма незначительной. Некоторые из племенных союзов, образовавших впоследствии королевства, объединились, несмотря на принадлежность к различным культурам; классический тому пример — длительный союз германцев вандалов и ираноязычных кочевников аланов. И то, что произошло при встрече вандалов с аланами на среднем Дунае до начала событий 31 декабря 406 года, заслуживает отдельного рассмотрения[2].

[1] В 430-х годах бургунды первыми потерпели тяжелое поражение от гуннов и переселились на римскую территорию, подробнее см.: Favrod (1997).

[2] Подробнее об образовании этих новых крупных союзов см. главу 4.

Однако на основании этих бесспорных истин прийти к заключению, что новые групповые идентичности ничего не значили, было бы в корне неверно. Полноправное участие в жизни союза было недоступно всем членам группы, о чем говорит существование воинов низшего класса и рабов. Ни те ни другие не вносили столь весомого вклада в формирование групповой идентичности, как воины высокого статуса. Но с другой стороны, право голоса имелось не только у считаных единиц. Королевские семьи сменялись с быстротой, которая свидетельствует о том, что групповая идентичность основывалась вовсе не на преданности той или иной династии. Даже после свержения последнего правителя из рода Амалов остготы сохранили свою идентичность. Я бы сказал, что основными носителями групповой идентичности — то есть теми, для кого она представляла наибольшую выгоду, — в этот период, когда происходила постоянная ее переоценка, — были как раз отряды воинов, обладавших высоким статусом. И, судя по отдельным данным, они могли составлять от одной пятой до трети от всех мужчин, носящих оружие. И даже пусть групповая идентичность варваров регулярно подвергалась пересмотру — скорее в политическом плане, нежели в культурном, — ничто не говорит о том, что ее было легко уничтожить. Среди более крупных объединений превосходным примером тому являются остготы — они вовсе не растворились бесследно в Италии после 493 года. Среди малых племен выделяются герулы и руги, обнаружившие удивительную способность к выживанию даже после разгромных поражений. Пусть они не были «народами» в классическом понимании этого слова, однако союзы иммигрантов оказались не только крупными, но и прочными. И здесь опять-таки сыграла свою роль жестокость той эпохи[1].

Только начиная размышлять о феномене групповой идентичности, социологи предполагали, что группы людей утрачивают политическую и культурную связь в результате физического разделения. Однако одно из самых важных открытий по этому вопросу после Второй мировой войны гласило, что активные групповые идентичности нередко развиваются по прямо противоположному сценарию: интенсивное взаимодействие в форме соперничества.

Развитие групповой идентичности является элементом создания крепкого сообщества, способного защищать свои инте-

[1] См. главу 5.

ресы. И не нужно долго искать примеры в событиях IV и V веков, чтобы обнаружить, что насилие и война — высшая форма соперничества — стимулировали переоценку идентичности, которая и пронзвела на свет новые варварские союзы. Некоторые новые идентичности (в особенности вестготов и коалиции вандалов и аланов) создавались иммигрантами, которым было необходимо закрепиться на римской территории в составе крупного объединения, чтобы сохранить независимость и защититься от традиционной политики империи, сводившейся к разделению угрожающих ей крупных племенных образований. Другие родились при крахе империи Аттилы, породившем яростное соперничество, на сей раз среди многочисленных воннских групп, собранных гуннами на Среднедунайской низменности. А третьи возникли среди племен, надеявшихся захватить земли разрушающейся Западной Римской империи. Вестготы и союз аланов и вандалов могли сыграть в эту игру, сулившую большой куш, поскольку они изначально объединились, чтобы выжить, — но появлялись и другие группы, чтобы принять участие в состязании, прежде всего остготы, франки и лангобарды. Англосаксы, двинувшиеся в Нижнюю Британию, также подпадают под эту категорию.

Все эти новые групповые идентичности были рождены в горниле войны, их породило насилие, и, несмотря на их переоценку и изменения, они оказались довольно долговечными, по крайней мере среди воинов, обладавших высоким статусом и получавших наибольшую выгоду от принадлежности к группе, интересы которой они защищали. Это, конечно, не означает, что каждый член племени (в том числе воины, обладавшие более высоким статусом) был одинаково предан своему народу или что эти идентичности были нерушимы. Ни то ни другое не является верным для современных примеров. Однако идентичности, выкованные в конце IV—V веке, были реальными политическими феноменами, а не просто идеологиями или династическими фантазиями[1].

Миграции, совершенные этими племенами, также были весьма масштабными. Как мы видели, свидетельства переселения крупных, смешанных групп с длинным обозом слишком значимы и весомы, чтобы сбросить их со счета. Аммиан, в частности, был хорошо осведомлен о переселении готов в

[1] О развитии понимания групповой идентичности см. главу I.

376 году и слишком подробно описывает действия и обычаи варваров, чтобы можно было списать это на миграционный топос. Как можно предположить по пересмотренным представлениям о групповой идентичности, большие концентрации населения, в дальнейшем образовавшие свои королевства, не перемещались из пункта А в пункт Б, оставаясь при этом неизменными. Они принимали новых членов, наделяя их, в соответствии со своими порядками, тем или иным статусом из бывших у них в ходу. В германских племенных объединениях новые члены общины становились либо свободными воинами, представителями своего рода элиты, либо зависимыми воинами из менее высокого класса, либо рабами, не имевшими права носить оружие. Но это не дает нам права считать их переселение незначительным феноменом. В отличие от современных миграционных единиц переселенне большими, смешанными группами в тогдашнем историческом контексте имеет смысл, учитывая общий уровень развития неримских сообществ и преследуемые ими цели.

Из всего вышесказанного следует, что в 1-м тысячелетии наблюдается три типа миграции. Первый — переселение смешанных групп чужаков, которые пересекли границу империи из-за прямой или косвенной угрозы их территориям со стороны строящейся империи гуннов. Тервинги и грейтунги в 376 году подпадают под эту категорию — как и, на мой взгляд, готы под предводительством Радагайса, вторгшиеся в Италию в 405—406 годах, а также вандалы, аланы и свевы, пересекшие Рейн вскоре после них. Различные группы, вовлеченные в эти два миграционных импульса, в конечном итоге реорганизовались в два крупных союза — вестготов и коалицию вандалов и аланов, как уже отмечалось выше. Каждая из них могла выставить от 10 до 20 тысяч воинов, и в каждую входили также женщины и дети, не говоря уже о рабах. Мотив у всех этих групп был прежде всего политическим и негативным — страх перед гуннами, однако они также рассчитывали и искали способ, в том числе опираясь на свой непосредственный опыт, обосноваться на римской территории с максимальной выгодой для себя. Племена, вошедшие в союз вестготов, двинулись из Украины на юг Франции через Балканы и Италию, другие — из Центральной Европы (или еще дальше с востока, как аланы) в Северную Африку через Испанию, и все это великолепные примеры миграции на дальние расстояния. Они

передвигались серией долгих скачков с длительными паузами между ними, переселение не было непрерывным, поскольку миграция была частью развивающейся стратегии выживания. Хронологические пробелы также отражают расстояния, которые преодолевались племенами, поскольку информацию о новых возможностях можно было получить только на новом месте. Вандалы — вышедшие из современной Венгрии или приграничных территорий — вряд ли могли с самого начала четко представлять себе, как добраться до Северной Африки из Испании, даже вы вряд ли это знаете[1].

Ко второй категории относятся те группы (во многих из которых присутствовали женщины и дети), которые вышли со Среднедунайской низменности, из сердца империи гуннов, спасаясь от хаоса, разразившегося после смерти Аттилы. Готы под предводительством рода Амалов из Паннонии могли выставить 10 тысяч бойцов — а ведь с ними были еще их семьи. Группы свевов, герулов и ругов, поступившие на службу в армию Италии или присоединившиеся к обозу Амалов, насчитывали каждая по несколько тысяч воинов, к тому же как минимум герулы и руги переселялись с семьями[2]. Мотив этой группы опять-таки был отчасти политическим и негативным — страх перед другими сторонами, вовлеченными в соперничество, последовавшее за развалом империи Аттилы. В то же время здесь присутствует явный элемент авантюризма. Готы под предводительством Амалов принимали тщательно просчитанные решения — сначала прорвались на территорию Восточной Римской империи, а затем объединились с фракийскими готами и двинулись в Италию. В обоих случаях их действия основывались не только на трудностях и сложностях их текущего положения, но и на возможности выгодно устроиться на более богатых территориях. Эта категория отличается от первой не только большей долей авантюризма, но и мень-

[1] Имеются документированные доказательства того, что миграционная мотивация готов в 376 году была политической и негативной. Я считаю, что аналогичный вывод можно с высокой степенью достоверности сделать и для мигрантов 405—408 годов, хотя отсутствие надежных свидетельств делает возможными и прочие варианты (см. главу 5). Они не влияют на мою точку зрения об объемах миграционных потоков в середине первого десятилетия V века.

[2] Свидетельства о свевах отсутствуют, однако тот факт, что многие другие группы перемещались с женщинами и детьми, позволяет нам делать аналогичные выводы и в данном случае.

шими расстояниями. Долгий переход готов Теодориха из Венгрии в Фессалоники, Константинополь, Албанию и Италию впечатляет, но он не столь масштабен, как эпическое переселение вандалов или странствия вестготов.

Миграция франков в Северо-Восточную Галлию и англосаксов в Нижнюю Британию представляет собой третью категорию, хотя между ними есть заметные различия. Проделанный ими путь куда короче, а группы, составившие оба этих миграционных потока, были меньше. Археологические остатки указывают на то, что франки наиболее активно переселялись в территории римской Галлии в радиусе всего 100 километров от прежних границ. Группы англосаксов были вынуждены пересекать Ла-Манш и/или Северное море, однако это не такое уж долгое странствие. Мотивы, подтолкнувшие их к миграции, тоже были иными. Есть предположение, что Северное море в тот период затапливало континентальное побережье, делая давно обжитые регионы непригодными для дальнейшего обитания.

Тем не менее по большей части мотивация переселения франков и англосаксов была позитивной и хищнической. За обеими миграциями последовало устранение власти Римского государства в соответствующих регионах; в обоих случаях племенам мешали армия, флот и укрепления империи, из-за чего приходилось ограничиваться короткими набегами. Оба этих потока заполнили вакуум власти в условно соседних землях, привлеченные их сравнительным богатством, процветанием более развитой экономики и тем фактом, что там было куда проще получить земельные участки. У франков и англосаксов не было нужды действовать, объединяясь в крупные миграционные группы, приближенные по численности к племенам, вошедшим в другие категории, хотя в Британии, где завоевание и миграция шли одновременно, миграционные группы англосаксов по численности превышали франкские. Оба этих потока включали в себя женщин и детей, а не только воинов. Эти экспансии с позитивной мотивацией, осуществляемые преимущественно малыми группами на короткие расстояния, разительно отличаются от более впечатляющих долгих переходов, совершенных крупными союзами, мотивы которых были более смешанными[1].

[1] См. главу 6.

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

Все эти иммигранты представляли собой меньшинство в созданных ими же королевствах. В союзах, возникших в ходе длительной миграции, меньшинства были немногочисленными. Остготы насчитывали десятки тысяч человек, но не более 100 тысяч, хотя реальная цифра могла превышать названную, если у них было много рабов[1]. Население позднеримской Италии, по приблизительным подсчетам, составляло несколько миллионов. Интереса ради возьмем цифру в 5 миллионов — тогда иммигранты-остготы составляли не более 2 процентов от общего населения страны. Играть с цифрами можно бесконечно, но общее соотношение от этого почти не изменится. Иммиграция очень незначительно увеличила общее население послеримской Италии. То же самое можно сказать о союзе вандалов и аланов, а также о бургундах, которые (и последние в особенности) по силе и мощи уступали Остготскому королевству. С точки зрения итальянского, североафриканского и галльского населения, эти миграции вряд ли ощущались даже как переселение элиты — разве что как частичное ее замещение. В королевствах, созданных иммигрантами, многие римские землевладельцы сохранили свои поместья и положение, как и римскую культуру и даже отдельные государственные институты. Вестготское королевство Галлии и Испании тоже из их числа, хотя его история несколько иная. Поселившись изначально в долине Гаронны, готы составили существенное дополнение к местному населению, пусть и оставшись меньшинством. А в более крупном королевстве, возникшем благодаря военным кампаниям Эйриха, которое протянулось от Луары до Гибралтара, соотношение готских иммигрантов и местного населения, скорее всего, было меньше, чем готов под предводительством Амалов в Италии.

Франки в Северной Галлии, в особенности на северо-востоке, и тем более англосаксы в будущей Англии в процентном соотношении представляли собой куда большую часть населения, хотя при этом все равно оставались меньшинством. Вряд ли они составляли больше 10 процентов от населения в покорен-

[1] См. примечание на с. 234. Имеется предположение, что описанные в «Истории Августов» мигранты-готы, передвигавшиеся с большим количеством рабов, на самом деле относятся не к III веку, а к событиям после 376 года.

ных землях, а в некоторых регионах эта цифра могла быть гораздо ниже. Здесь новая землевладельческая элита, появившаяся ко второй половине VI века, вполне могла включать в себя (в особенности в Галлии) прямых потомков местных галло-римлян и романобриттов. Но это не отменяет того факта, что ситуации в Северной Галлии и Нижней Британии существенно отличались от событий в Италии, Северной Африке, Испании и остальной части Галлии. На римском северо-западе элитарный класс и его культурные нормы претерпели полную трансформацию между 400 и 600 годами, а земельные владения, на которых основывалось его господствующее положение, подверглись существенной переделке, в ходе которой старые крупные поместья разбивались на неравнозначные участки. Если миграции готов, вандалов и аланов были восприняты как сравнительно безболезненное и почти ничего не изменившее выборочное замещение элиты, то переселение франков в Северо-Восточную Галлию и англосаксов в Нижнюю Британию представляло собой массовую миграцию с весьма серьезными социальными, политическими и культурными встрясками в соответствующих регионах. И если эти разные по своей сути и характеру случаи сравнивать с полной заменой элиты, наблюдавшейся в ходе Нормандского завоевания, то нужно различать ситуации трех типов: частичное замещение элиты, замена элиты, не затрагивающая существующие социально-экономические структуры, и массовая миграция франков и англосаксов.

Но даже если бы можно было ограничиться случаями частичного замещения элиты, еще остаются уровни, на которых передвижения населения в период с конца IV по VI век не могут рассматриваться иначе (как индивидуально, так и в целом) как массовая миграция. Следует учитывать тот факт, что в промежутках между переходами мигранты по кирпичику разрушили так долго державшееся господство Римской империи — по крайней мере, западной ее части. Империю всегда связывали экономические, политические и административные ограничения, однако ровным счетом ничто не говорит о том, что она бы прекратила свое существование в V веке без вмешательства новых центробежных сил, порожденных появлением на ее территориях больших групп иммигрантов, готовых к бою. В общем и целом благодаря (если данное слово здесь уместно) иммигрантам империя перенесла серьезное политическое потрясение — или как минимум центральная часть, раз римские зем-

левладельцы и даже региональные институты остались на своих местах после ее распада. Это государство было сильным, единым организмом, который в течение пяти веков определял все стороны жизни на своих территориях, на любых уровнях, от культуры и религии до права и распределения земли. Это обстоятельство легко упустить из виду, поскольку империя стала слишком большой и ветхой, оперируя смехотворными средствами и бюрократическими методами, которые не позволяли ей взять местное население провинций под полный и безоговорочный контроль. Тем не менее институты Рима давно создали благоприятные условия, в которых успешно развивались определенные социальные, экономические и культурные аспекты. Для их перечисления потребовалось бы написать еще одну монографию, однако само существование Pax Romana и создаваемые государством транспортные системы обуславливали конкретные способы экономического взаимодействия; законодательная власть регулировала имущественные отношения, а значит, и устанавливала социальный статус, карьерные лестницы (требующие высокого уровня образования для представителей элиты), предопределяла развитие всей системы образования и т. д. Даже институтами религии преимущественно управляло государство. Когда христианство стало основной верой, церковные структуры тесно переплелись с государственными. Учитывая все это, последствия угасания империи не могли не быть колоссальными — крах Рима дал новые направления развития обществу и культуре отдельных провинций, и некоторых из них мы коснемся во второй половине этой главы[1]. В качественном аспекте, учитываемом в современных исследованиях, общие последствия миграции после распада империи гуннов по всем параметрам соответствуют массовой миграции.

По своим итогам приход франков в Северную Галлию и англосаксов в Нижнюю Британию также относится к массовой миграции — в качественном отношении, но на местном уровне. Перераспределение земельных ресурсов этих регионов с нуля между пришлыми элитами стало причиной масштабных

[1] Обособленность и в то же время взаимозависимость обычной жизни в Римской империи от государственных структур часто упускаются из виду, но они были важным историческим феноменом. Достаточно привести один пример: если рассмотреть церковь вне римского контекста, то перед нами окажется до крайности разрозненный мир западного христианства, см.: Brown (1996) и Markus (1997).

культурных, экономических и политических преобразований, которые вполне соответствуют термину «массовый». В других королевствах — преемниках Рима, испытавших на себе лишь частичное замещение элиты, потрясений было куда меньше, несмотря на передачу долн недвижимости иммигрантам. Раньше ученые единогласно заявляли о том, что переселение — как в Британии и Северной Галлии — приняло форму передачи как минимум части собственности римских землевладельцев иммигрантам. Этот пункт проблемы миграции варваров тоже подвергся пересмотру на протяжении последнего поколения — опять-таки в русле общей тендеиции занизить значение краха римского запада. Ревизионисты утверждают, что, по крайней мере поначалу, варвары получали в награду не земельные участки, отнятые у их римских владельцев, а долю налогов, собираемых с этих поместий, и что такого рода обмен породил бы куда меньше проблем и недовольства, чем непосредственный захват земель[1]. У нас нет возможности подробно разобрать конкретные свидетельства, относящиеся к этому вопросу, однако, на мой взгляд, ревизионистская теория не имеет убедительных оснований. Разумеется, имели место региональные варианты договоров, и перераспределение налогов, вполне возможно, было одной из мер, на которую порой соглашались захватчики. Тем не менее я убежден, что именно передача земельных владений — что, по крайней мере, отчасти допускает новейшая версия ревизионистской теории — была основным способом откупа от иммигрантов во всех крупных варварских королевствах, созданных на обломках Западной империи.

Это не говорит о том, что каждый член группы иммигрантов получал одинаковое вознаграждение — или вообще хотя бы что-то. Книга Судного дня (обратимся к примеру, о котором у нас наиболее полные данные, — Нормандскому завоеванию) показывает, что самые важные сподвижники Вильгельма получили куда более щедрое вознаграждение, чем таковые с менее высоким статусом, и что многие рядовые солдаты не получили ровным счетом ничего. Из этого следует, что и иммигранты в Римскую империю наверняка получали награду в соответствии со своим статусом в группе. Но даже если самые крупные на-

[1] Гоффарт (Goffart (1980) первым указал на эту возможность, а затем в следующей работе ответил на критические замечания (Goffart (2006), глава 6); в дальнейшем эти идеи были обобщены и дополнены Халсаллом (Halsall (2007), 422—447).

грады получали только самые важные представители аристократии, им потом, в свою очередь, нужно было наградить своих вассалов (как и арендаторов после 1066 года). Среди групп иммигрантов конца IV—V века земельные участки лично от короля вряд ли получал кто-то, кроме высшей знати, самых важных представителей класса (свободных?) воинов. Менее высокородные его члены или даже все воины более низкого статуса, скорее всего, получали то или иное вознаграждение от воинов с более высоким статусом, в подчинении у которых состояли[1]. И имеющиеся у нас источники также говорят о том, что передача земли новым владельцам в королевствах, вызванная частичным замещением элиты, осуществлялась в пределах конкретных регионов.

В то время как захват союзом вандалов-аланов самых богатых провинций римской Северной Африки (провинция Африка, Бизацена и Нумидия) вызвал потрясения в политической системе целого региона, более глубокие социально-экономические встряски в географическом плане были довольно ограниченны. После завоевания Гейзерих изгнал некоторых крупных римских землевладельцев, а их поместья разделил между своими важнейшими сторонниками. Однако такого рода местные перестановки ограничились провинцией Африка. В Бизацене и Нумидии римские землевладельцы сохранили свои поместья, и здесь шок был ограничен центральными политическими структурами нового королевства. Большей частью земли в провинции Африки владели отсутствующие собственники — она принадлежала семьям италоримских сенаторов, поэтому здесь можно было заполучить земли с минимальными негативными последствиями их насильственного изъятия. В стратегическом плане выбор провинции также обоснован — Африка обращена к Сицилии и Италии, из которых вполне могли последовать контратаки империи[2].

Завоевание Италии остготами под предводительством рода Амалов в политическом плане было столь же серьезным потрясением для местных, что и захват вандалами и аланами Се-

[1] У остготов Теодориха в Италии (о них сохранилось куда больше свидетельств, чем об остальных племенах) имелся лидер-посредник, который играл роль связующего звена между правителем и его рядовыми последователями. Возможно, эти лидеры отвечали за распределение трофеев и собственности между воинами, см.: Heather (1995a).

[2] *Виктор Витенский.* История гонений в Африканской провинции. 1.13; Moderan (2002).

верной Африки, однако на социальном уровне последствия были менее заметны, поскольку в целом Теодорих Великий придерживался мирной политики по отношению к римским землевладельцам в своем новом королевстве, хотя это не говорит о его полнейшем миролюбии. Во время завоевания он угрожал римлянам, отказавшимся поддержать его, лишением земель. После же он большую часть своего правления посвятил установлению хороших отношений с ними, и многие представители прежней элиты сохранили свой статус. Как и Гейзерих, Теодорих, похоже, вознаграждал своих важнейших сторонников крупными земельными наделами, а также правом на ежегодные бенефиции, однако процесс обогащения, судя по всему, прошел без непосредственной экспроприации поместий, как то было в провинции Африка.

Готы селились преимущественно в трех регионах Итальянского полуострова (в Пицене и Самние на адриатическом побережье и между Равенной и Римом, в Лигурии на северо-западе Северо-Италийской равнины и в Венето на востоке), и чаще всего происходила передача земельных участков из рук в руки, о чем свидетельствуют как личные, так и государственные источники. Фермеры, обитавшие и работавшие на них, скорее всего остались на месте. Насколько нам известно, переход поместий к новым владельцам не вызвал серьезных социально-экономических проблем. В Итальянском королевстве Теодориха оказалось проще отыскать наиболее подходящие поместья, чем в менее крупном государстве. Тем не менее военная элита иммигрантов сформировала новую доминирующую политическую силу. Некоторые представители римской элиты участвовали в политике двора, однако, судя по нашим письменным источникам, за мигрантами оставалось последнее слово в таких политических сферах, как наследование престола и военные вопросы. Социально-экономические последствия захвата Италии остготами, похоже, оказались не слишком серьезными, несмотря на то что в политическом плане потрясение было куда как более сильным[1].

[1] Подробнее об этом и данные о свидетельствах о поселениях см.: Heather (1996), глава 8. Стоит отметить, что Гоффарт (Goffart (2006), глава 6) указывает, что нет доказательств того, что государственные или частные земли передавались варварам. Хотя он игнорирует «Сочинения» Валентиана III, в которых указано, что Рим выплачивал компенсации землевладельцам, вытесненным с их владений в римской провинции Африка, из доходов, полученных с государственных земель.

В вестготских и бургундских королевствах сложилась схожая ситуация, но с одним существенным отличием. Законы, принятые в королевстве бургундов, указывают на то, что римским землевладельцам надлежало передать более двух третей своих поместий, в Вестготском же королевстве требовалось отдать одну треть. И это обстоятельство требует тщательного анализа — слишком многое следует учесть, — однако один из наиболее важных факторов заключается в том, что в лучшие годы Вестготское королевство простиралось от берегов Луары до Гибралтарского пролива. Другими словами, оно было куда больше Бургундского королевства, сосредоточенного в долине реки Роны. И если поразмыслить над этим, становится ясно, почему в меньшем королевстве чужакам потребовалась усиленная экспроприация земель, — подходящих участков было куда меньше. За исключением этого различия, основные тенденции были примерно одинаковы во всех бывших провинциях, за исключением Британии и Северо-Восточной Галлии. Во всех государствах, образовавшихся на территории бывшей Римской империи, иммигранты стали причиной серьезных политических потрясений, когда соответствующие территории оказались в их власти, однако исконное население расценило бы миграцию германцев как «массовую» лишь в некоторых регионах, где в руки мигрантов переходили крупные земельные наделы, — к примеру, в провинции Африка и трех очагах поселения остготов в их королевстве. В случае с Вестготским и Бургундским государствами остается лишь догадываться об областях наиболее активного заселения на основе названий и/или археологических остатков[1].

А с точки зрения самих иммигрантов, такие термины, как переселение элиты, частичное или полное, совершенно не отражают природу миграционного процесса. Даже в тех местах, где чужакам удалось в конце концов обосноваться на весьма выгодных для себя условиях, этому предшествовали серьезные потрясения и конфликты, весьма негативно отразившиеся на них самих. В период с 406 по 439 год вандалы и аланы прошли две фазы переселения, сначала с Альфёльда на юг Испании, затем еще на 1800 километров к юго-западу до захвата Карфагена, перед которым им пришлось пересечь Гибралтарский

[1] О бургундских поселениях см.: Wood (1990); о вестготских поселениях ср.: Halsall (2007), 438 и далее.

пролив. Аланы до этого прошли еще 2 тысячи километров на запад, с востока от реки Дон до Альфёльда, в период с 370 по 406 год. Это огромные расстояния, и переходы наверняка тяжело давались самым слабым членам племени — старикам, детям и больным, особенно если учесть, что преодолевались они чаще всего огромными скачками: с Дона в Венгрию, из Венгрии в Испанию, а оттуда — пусть этот отрезок и был немного легче предыдущих — в Северную Африку. И каждое из таких переселений было тяжелым предприятием и приводило к потерям в группах. Помимо этого, в результате странствий возрастной состав группы мог разительно меняться, так как в первую очередь погибали старики и дети. Среди современных политических мигрантов, вынужденных пересекать большие расстояния, из-за утомления в сочетании с болезнями, вызванными чрезмерной скученностью населения, смертность резко возрастает. Почти 10 процентов (целых 100 тысяч) беженцев из Руанды в 1994 году погибли от холеры и дизентерии. Большинство мигрантов 1-го тысячелетия шли по более продуманным маршрутам и были, скорее всего, лучше подготовлены к дороге, однако современные примеры говорят о том, что нельзя переоценивать потери, вызванные условиями пути.

И потери эти возрастали многократно из-за конфликта с Римским государством. Первая переправа через Рейн, скорее всего, принесла больше потерь коренному населению Галлии и Испании, нежели мигрантам. Но, как мы видели, в конце 410-х годов, в ходе ответного нападения римлян одна из двух групп вандалов (силинги) прекратила свое существование в качестве самостоятельной политической единицы и довела аланов — бывших прежде самым опасным племенем из них троих — до того, что те подчинились вандалам-хасдингам. Последующее завоевание аланами и вандалами Северной Африки, судя по немногочисленным уцелевшим источникам, вряд ли включало в себя потери такого же масштаба, но на первых порах сопротивление было весьма жестким[1]. Расстояние и вооруженные столкновения сделали процесс переселения крайне сложным для мигрантов, несмотря на то что в конечном итоге они смогли стать новой элитой в богатейших провинциях-римской Северной Африки.

[1] О конфликте в Испании см. главу 4. О завоевании Северной Африки см.: Heather (2005), глава 6.

Это верно и для остготов, вестготов и бургундов. Возьмем остготов, которые в итоге сумели завоевать Италию. Потрясающее достижение, открывшее для них все богатства этой страны, бери и пользуйся. Потери, понесенные ими в ходе миграции, на первый взгляд не кажутся значительными, однако между 473 и 489 годами они (по крайней мере, изначальная группа, вышедшая из Паннонии под предводительством Амалов) сначала переместились почти на тысячу километров на юг, из Венгрии в Фессалию. К 476 году готы преодолели еще 500 километров на северо-восток, к берегам Дуная. В 478 и 479 годах они прошли 1200 километров — прежде всего на юг, к Константинополю, затем снова на запад (мимо Фессалоник) к Диррахию на адриатическом побережье. По договору с Римской империей в 482—483 годах они, похоже, обосновались в 600 километрах к северо-востоку, на берегах Дуная. В середине 480-х годов часть готских солдат под знаменами императора Зенона выступила против узурпатора Илла в Малой Азии (еще 1100 километров туда и столько же обратно) до осады Константинополя объединенными силами племени (400 километров от Дуная), после чего вся группа двинулась в Италию (1500 километров). Если верить Иордану, все это началось в середине 450-х годов с незначительного путешествия в 700 километров с востока к западу от Карпат.

Конфликтов тоже хватало. Группа ни разу не потерпела таких разгромных поражений, как вандалы и аланы в Испании, однако готы под предводительством Амалов сражались с Восточным Римом, фракийскими готами и узурпатором Иллом — в 473—474, 476—478, 478—482 (включая потерю обоза в 479 году), 484, 486—487 и 489—491 годах. В общем и целом потери их были весьма велики.

Вестготы проделали схожий путь (с востока Карпат в Юго-Западную Галлию) и также понесли значительные потери. Успехи бургундов в этой сфере были куда скромнее — с юга Германии к Рейну, потом на юг до Женевского озера и дальше. Но сравнительно непродолжительные странствия оборачивались потерями, в особенности от гуннов в 430-х годах. Все мигранты подвергались координальным изменениям в ритме жизни, и, как бы сами римляне ни рассматривали этот процесс, его можно назвать только массовой миграцией[1].

[1] Об остготах см. главу 5. Вуд (Wood (1990) приводит несколько заключений о том, что пришлось пережить бургундам.

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Взаимосвязь между миграцией и основными путями развития в период распада Римской империи весьма глубока и многогранна. Богатство римских провинций как магнитом притягивало основные группы мигрантов, прошедших сравнительно небольшие расстояния (франков и англосаксов). Судя по укреплениям, призванным сдерживать их уже в IV веке, существующее экономическое неравенство было не по душе варварам из-за Рейна и Северного моря. И стоило римской централизованной власти рухнуть, как последовало вполне закономерное развитие событий. Армии чужаков, которым римские территории ранее были недоступны благодаря ее военной мощи, сумели захватить наиболее благоприятные регионы, а остальное, как говорится, история.

Разные уровни развития также отчасти объясняют выбор мигрантов, которые предпочли проделать более долгий путь. Их мотивы нередко были составными и смешанными, включали немалую долю негативного компонента, поскольку варвары порой переселялись в края, о которых имели слишком мало информации и где Римская империя еще могла оказать достойное сопротивление захватчикам, поэтому перед ними стояла куда более серьезная военная угроза. Из этого следует, что для реализации подобных проектов были необходимы необычайно весомые причины — которыми послужили события, сопровождающие распад империи гуннов. В наиболее масштабных перемещениях варваров, вызванных возвышением и падением гуннов в 375—380 и 405—408 годах, мотивация была политической и негативной — основной причиной их стало желание избежать господства гуннов. Позже, по мере развития и укрепления империи, мотивы оставались политическими, пусть и более положительными. Это прежде всего касается готов под предводительством Амалов в 470-х годах, но также и племен лангобардов чуть позже, которые двинулись на территорию Римской империи, надеясь закрепить за собой изрядную долю тамошних богатств. Но даже для первых мигрантов 375—380 годов определенную роль в выборе направления сыграло богатство Рима. Агрессия гуннов заставила их принять решение об уходе из своих земель, однако на тот момент они могли искать себе новый дом как на территории империи, так и за ее пределами. И тот факт, что большинство предпочли

первый вариант, говорит о том, что богатство империи играло важную роль. Одна из основных характеристик данного периода такова: варвары из-за границ римской, лучше развитой Европы прибегали к иммиграции как к способу получить доступ к ее экономическим благам — к лучшему или к худшему[1].

К тому же разница в уровнях развития объясняет весьма своеобразную на первый взгляд природу миграционных групп, отправляющихся в долгие странствия. Из-за того что европейские сообщества того периода могли содержать постоянное войско численностью в несколько сотен человек, и не более, любая миграция, включавшая попытку захвата части римской территории, означала, что женщины и дети должны были двинуться в путь вместе с мужчинами. Как мы уже отмечали, им было необходимо набрать крупную армию, в которую входили воины из разных социальных кругов, и многие из них путешествовали вместе с семьями — только так предводители могли заполучить достаточные силы для подобных амбициозных предприятий. Участие семей в миграции определялось и другой чертой экономического развития варварской Европы. Преимущественно аграрные сообщества, по крайней мере среди германских племен к востоку от реки Одер — те, которые заселяли территории распространения пшеворской и черняховской культур, — свидетельствовали, что в центральных и юго-восточных регионах имелась устойчивая тенденция к смене мест проживания. Переселение происходило у каждого поколения или около того — в поисках более плодородных земель для сельского хозяйства. Это, конечно, миграция иного рода, почти ничем не напоминающая масштабные передвижения IV и V веков. Однако компаративные исследования говорят о том, что это в целом свидетельствовало о готовности племен отправиться в долгие, тщательно организованные экспедиции, необходимые для переселения в империю с хотя бы тенью надежды на успех.

И, на мой взгляд, существует еще один уровень, на котором взаимосвязь между миграцией и развитием оказала заметное влияние на происходящее. В конечном счете первые попытки мигрантов, преодолевших большие расстояния в 375—380 и 405—408 годах, закрепиться на римской почве были успешны-

[1] До определенного предела здесь превалируют модели поведения, характерные для III века, но с добавлением негативного мотивационного фактора в лице гуннов (см. главу 3).

ми лишь благодаря их способности быстро пересматривать свою групповую идентичность, создавая новые объединения, слишком крупные для того, чтобы Рим мог легко справиться с ними. Тервинги и грейтунги, появившиеся на Дунае летом 376 года, были весьма многочисленны, и два года спустя в битве при Адрианополе им улыбнулась удача. Ни одна другая битва этой эпохи не заканчивалась такой безоговорочной победой. Она принесла готам бóльшую независимость, дарованную им в соответствии с мирным договором 382 года. На тот момент Рим еще не оставил надежду в будущем пересмотреть эти условия и привести их в соответствие с теми, на которых в империи обычно оставались иммигранты. И одним из ключевых событий, расстроивших эти планы, было заключение союза во времена Аларика между готами, пришедшими сюда в 376 году в результате более позднего похода Радагайса в Италию, благодаря которому и образовалось племя вестготов. Пытаясь договориться с этой грозной силой в 418 году, Рим был вынужден признать, что уничтожить ее в нынешнем состоянии не представляется возможным — им противостояла единая и автономная коалиция готов на территории самой империи. Схожий процесс дал возможность вандалам/аланам и остготам под предводительством Амалов выжить и процветать. Во всех этих случаях без своевременного заключения союзов между иммигрантами Римская империя могла поочередно расправиться с мелкими группами, и такая судьба постигла многих в этот период. Способность объединиться в племя, готовое выставить единовременно 10—20 тысяч воинов или чуть больше, была главным ключом к выживанию[1].

Это означает, что долгая процедура трансформации германского общества, рассмотренная нами выше, прямым образом соотносится с миграционными процессами IV—V веков. Если бы гунны пришли сюда в I веке, а не в IV и надавили на тогдашние германские племена, жившие близ границ империи, итог мог бы быть совершенно иным. Из-за сравнительно небольших политических единиц, существовавших в германском мире I века н. э., слишком многие из них оказались бы вовлечены в сложный процесс политического объединения,

[1] Или, по крайней мере, возможность создавать достаточно мощные армии и сохранять способность передвигаться на большие расстояния, см. главу 4.

чтобы крупный союз действительно мог сложиться. Племена V века, в конечном счете образовавшие варварские королевства, состояли максимум из пяти-шести, а порой двух-трех миграционных единиц. Именно из-за того, что вступившие в союз племена были более многочисленны, чем в I веке, у войска в 20 тысяч воинов появились реальные шансы уцелеть в конфликте с Римским государством. Для того чтобы такой союз образовался в I столетии, пришлось бы объединить не меньше дюжины малых и соперничающих друг с другом групп, и сопутствующие политические проблемы были бы весьма значительными.

Несмотря на это, процессы политического объединения, происходившие среди иммигрантов в конце IV и V веке, протекали непросто. Каждое из сверхплемен, образовавших позже свое королевство, состояло из четырех-пяти единиц, и у каждой группы в его составе были свои предводители. Это означало, что у новых союзов было как минимум четыре-пять потенциальных лидеров и нужно было каким-то образом устранить всех, кроме одного. Угроза со стороны Рима сыграла важную роль в общей готовности создать новые коалиции, и некоторые из потенциальных предводителей, похоже, были готовы добровольно отказаться от своих прав. Из остготов Гезимунд (или Генземунд), сын великого Гунимунда, вошел в историю как независимый готский предводитель, решивший поддержать династию Амалов, из которой происходил Теодорих, а не пытаться добиться власти самому. Однако прочие кандидаты были не столь сговорчивы, и с ними пришлось бороться. Другие представители династии Гунимунда яростно отстаивали собственные права, к тому же Амалам пришлось отклонить притязания другого готского короля, Винитария, прежде чем племя вошло на территорию Восточной Римской империи в 472—473 годах, а затем и соперничавших с ними потомков Триария, возглавлявших фракийских готов. Объединение франков Хлодвигом также предполагало устранение по меньшей мере семи королей. В прочих политических образованиях невозможно столь же тщательно изучить борьбу за власть, однако она, несомненно, имела место[1].

И борьба за власть в новых разросшихся племенах сама по себе стала влиять на принципы их развития, поскольку за-

[1] Об остготах и франках см. главы 5 и 6 соответственно.

висела от ресурсов, доступных на римской почве. Тот факт, что варварские политические объединения за пределами Римской империи были менее многочисленными, является не случайностью, а закономерностью, отражая реальные возможности и ресурсы королей, необходимые для того, чтобы обеспечить себе преданность сторонников; и даже это богатство нередко поступало из римских источников. Но еще большие блага, доступные в империи, взятые открыто или тайно, меняли параметры политических возможностей для варваров, давая их предводителям шанс контролировать куда бóльшие группы сторонников. И даже единственное кажущееся исключение из этого правила таковым не является. На неримской территории Европы в позднеантичном периоде появилась одна межрегиональная держава — империя Аттилы V века. Но даже она не могла обеспечивать себя на ресурсах неримской экономики. Напротив, она зависела от постоянного притока римского богатства в форме награбленных трофеев и выплат дани и распалась, едва этот источник дохода был перекрыт. Уровни экономического развития народов за пределами империи были не способны поддерживать мощные политические структуры, необходимые для того, чтобы создать на римской почве государство — преемник Рима[1].

Существующее неравенство в развитии, таким образом, определило два основных направления миграции — на запад и юг, и варвары устремились туда, побуждаемые расцветом и упадком империи гуннов и крахом Римской империи, а также саму природу миграционных единиц. И все это, разумеется, укладывается в рамки современных исследований случаев миграции. Как мы видели, основные миграционные модели тесно связаны с моделями разных уровней развития. В случае с переселением «народов» в конце IV века и в V столетии миграционные процессы не только отражали существующее неравенство развития в разных регионах Европы, но и стали причиной их серьезной перестройки. Это верно как для разных групп мигрантов, ставших в дальнейшем племенами, образовавшими новые государства, так и в целом для этой части света.

[1] Как мы видели, свидетельства Приска позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что первоочередной целью Аттилы при нападении на Римскую империю было захватить часть ее богатств.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Приблизительно в 510 году Теодорих Амал, остготский король Италии, писал императору Византии Анастасию: «Вы [Анастасий] — прекраснейшее украшение всех государств; вы — благотворная защита всего мира, к которой по праву обращаются все другие правители с благоговением: прежде всего мы [Теодорих], которые с Божьей помощью научились в вашей Республике искусству справедливого управления римлянами. Наша королевская власть — подражание вашей и создана по вашему образцу — образцу единственной империи».

На первый взгляд здесь потоки лести, но это не так. В 507—508 годах флот Анастасия регулярно наведывался к восточному побережью Италии, и император также поддерживал нападения франков на одного из основных союзников Теодориха — короля вестготов Алариха II. И на этом фоне становится ясно, что самая важная часть письма — следующие несколько его строк: «И в той мере, в какой мы следуем вам, мы превосходим другие народы... Мы полагаем, что вы не потерпите того, чтобы несогласия сохранялись между двумя Республиками, которые некогда были едины под властью прежних властителей и которые должны быть связаны не одним лишь чувством любви, но активно содействовать друг другу всеми своими силами. Пусть всегда в Римском государстве будет единая воля и единая цель».

Из первоначальной лести Теодориха вытекает грамотно сформулированный аргумент, который в этом контексте фактически представляет собой дипломатическое требование. Его можно перефразировать следующим образом: «Восточная империя — образец совершенной, божественной нравственности, и я полностью разделяю ее устремления; следовательно, я — единственный легитимный римский правитель в Риме, и мое королевство — как и ваше — стоит выше прочих государств-преемников. Вам следует заключить союз со мной, а не с франками». И его претензии были услышаны. Он преодолел кризис 507—508 годов, существенно упрочив свое положение. Франки разбили королевство вестготов в битве при Вуйе в 507 году, однако морские рейды Восточной Римской империи не помешали Теодориху отщипывать куски территорий там и тут. В 511 году он стал правителем Вестготского и Остготского королевств, объединив под своей властью Италию, Испа-

нию и Южную Галлию. Он также правил частью Балкан, некогда принадлежавших римлянам, имел немалое влияние на королевства вандалов и бургундов и управлял союзом, протянувшимся до самой Тюрингии в Западной Германии. В расцвет своей власти он обрел господство на западном побережье Средиземного моря и управлял доброй третью (а то и половиной) старой Западной империи. Его стиль правления — как можно предположить по его письмам — также был римским. Он строил дворцы в римском стиле, проводил в них римские церемонии, следил за объектами общественной инфраструктуры и даже спонсировал обучение латинскому языку и литературе. И эти сигналы понять было несложно. Один из римских подданных Теодориха славил его как «августа», наделив самым высоким титулом из всех существующих[1].

Глядя на Теодориха во всем его грозном великолепии, вы можете подумать: а изменилось ли что-нибудь после того, как Западная Римская империя пала в руки пришлых варваров? Во втором десятилетии, спустя сорок лет после смещения Ромула Августа в Западной Европе по-прежнему господствовала Средиземноморская империя. Тот факт, что власть теперь принадлежала совсем другим людям, словно ни на что не повлиял. Но первое впечатление бывает обманчивым. Восстановление Теодорихом Средиземноморской Западной империи оказалось мимолетным. Во второй половине тысячелетия центр имперской силы на западе располагался уже не на Средиземном море, а гораздо дальше на севере.

ИМПЕРИИ ФРАНКОВ

На первый взгляд может показаться, что франки перехватили бразды правления легко и естественно, в ходе плавно развивающихся событий. Средиземноморская империя готов Теодориха не пережила кризис престолонаследия, разразившийся сразу после его смерти в 526 году. Вопреки желанию короля, его государство вновь было разделено на остготскую и вестготскую части, в которых правили его внуки. Последние надежды на то, что появится единый правитель, который воз-

[1] *Кассиодор*. Варии. 1.1; ср. обобщенно: Heather (1996), глава 8, и все комментарии.

родит былое величие Западного Рима, угасли за двадцать лет военного противостояния, начавшегося в 536 году, когда Восточная Римская империя под управлением Юстиниана (527—565) уничтожила Остготское королевство, как оно само уничтожило вандалов в начале 530-х годов. Юстиниан пошел на серьезный риск, начав западные кампании, поскольку это решение проистекало из поражения в войне с Персией — императору была отчаянно нужна победа, чтобы укрепить свой пошатнувшийся авторитет. Однако при более пристальном рассмотрении становится ясно, что распад империи Теодориха отражает более фундаментальные процессы перераспределения сил во всей Европе, ставшие результатом двух взаимосвязанных феноменов: развития варварской Европы и падения Римской империи.

К концу IV века, до начала великой эпохи переселения, в Европе, как мы видели, отмечалось резкое неравенство в уровнях развития. К югу от реки Дунай и к западу от Рейна располагались территории империи с самой высокой в Европе плотностью населения, с наиболее развитыми системами обмена, способными обеспечить существование городов и торговлю на малых и больших расстояниях, со сравнительно немногочисленной и богатой землевладельческой элитой и государственными структурами, обладающими реальной властью. Они могли мобилизовать ресурсы провинций империи для обеспечения таких масштабных проектов, как профессиональная армия, крупные строительные программы и правительственная бюрократия. Римская империя граничила на внутренней периферии с полузависимыми королевствами-клиентами, которые получали торговые привилегии и дипломатические субсидии, однако при этом были вынуждены терпеть вмешательство Рима в свою политику и оказывать определенные — чаще всего экономические и военные — услуги империи, чего она периодически требовала.

Эти государства-клиенты были частью обширной имперской системы, однако их отношения с ней не были ровными и гладкими. Они нередко прибегали к силе или к угрозам, чтобы получить максимальную выгоду из тесного соседства с Римом — и минимизировать сопутствующую эксплуатацию. Как мы видели, империя периодически устраивала военные кампании, надеясь достичь прямо противоположного результата. Доходы, скапливавшиеся на периферии благодаря взаимодействию

с Римом — торговле, набегам и дипломатии, также сыграли важную роль в политической трансформации региона. Династии, желавшие свободно распоряжаться новыми богатствами, доступными благодаря соседству с империей, должны были обзавестись сильными армиями — и справились с этой задачей благодаря прибыли, которую теперь начали получать. Однако важную роль при этом играло согласие населения с происходящим, ведь чем большую власть обретал тот или иной предводитель, тем более надежную защиту от империи он мог предложить своим сторонникам. Все эти процессы подталкивали политические образования на внутренней периферии империи к созданию еще более крупных и мощных коалиций, и их воздействие ярко проявляется в новых союзах, появившихся близ европейских границ Рима в III столетии.

За пределами внутренней периферии — мы по-прежнему смотрим на происходящее с точки зрения Рима — лежала периферия внешняя. Здесь население по большей части не взаимодействовало с империей напрямую, однако их земли служили источником разнообразного сырья и иных ресурсов, которые поступали в нее через внутреннюю периферию. Следовательно, они получали часть доходов, поступавших в варварскую Европу все пятьсот лет, на протяжении которых существовала ее связь с Римом. Внешнюю периферию также затронули некоторые аспекты трансформации, развернувшейся в ближайшем приграничье, — не в последнюю очередь потому, что отдельные представители ее населения периодически организовывались и перехватывали контроль над богатствами, доступными в землях близ границы. Это началось с мелких набегов еще в I веке н. э., однако проявилось более полно в приходе по-военному организованных групп с внешней периферии на внутреннюю (во время так называемой Маркоманской войны II века) — и в особенности в экспансии готов и других народов с внешней периферии к римской границе в III столетии.

Точную границу между внутренней и внешней периферией установить невозможно. И на деле они, скорее всего, сливались. Периодическими вторжениями групп с внешних земель в приграничные дело не ограничивалось — римские дипломатические связи также расширялись и выходили за пределы ближней периферии. В IV веке, к примеру, время от времени империя вступала в дипломатические отношения с бургундами в долине Майна, за приграничными землями алеманнов на

южной границе вдоль Рейна. Предел внешней периферии, однако, несложно установить. Нет никаких признаков взаимодействия — прямого или косвенного — с римским миром в археологических остатках соответствующего периода далеко к востоку от Вислы или к северу от лесостепной зоны на юге России (см. карту 2). Вплоть до позднеримского периода население большей части этой огромной территории сохраняло простой уклад железного века, возникший здесь задолго до рождения Христа.

Следовательно, в самом широком смысле развитие народов в римский период создало уже четыре крупные зоны в Европе по сравнению с «трехскоростной» Европой начала тысячелетия. Римская/кельтская Европа к западу от Рейна и к югу от Дуная была в целом более развитой, чем германская к западу от Вислы, а та, в свою очередь, опередила народы, населявшие земли на востоке. К IV веку ускоренное развитие, вызванное контактами с Римской империей, разделяет некогда цельную среднюю зону германской Европы на внутреннюю и внешнюю периферии, о которых мы только что говорили[1]. Миграционная активность, ассоциируемая с падением римского запада, не только отражала неравномерное развитие четырех зон Европы, но и до неузнаваемости преобразила их. Глубокая природа этих перемен отчетливо видна, если мы присмотримся к королевству меровингских франков к северу от Альп и Пиренеев и подумаем о том, почему оно стало единственным центром межрегиональной власти на западе после раскола империи Теодориха.

Как мы показали в прошлой главе, продвижение франков к статусу сверхдержавы резко ускорилось во время правления Хлодвига. Он не только объединил прежде отдельные группы, но и использовал эту силу для завоевания крупных территорий, на которых ныне находятся Франция и Западная Германия. И с распадом Готской империи Теодориха для франков открылся прямой путь к господству и дальнейшей экспансии. С начала 530-х годов сыновья и внуки Хлодвига сумели так или иначе утвердиться на куда более обширных территориях. Как и Теодорих до них, они осознавали свои достижения. Внук Хлодвига Теодеберт I в письме Юстиниану приблизительно в 540 году объявил себя правителем многих народов, включая вестготов, тюрингов, саксов и

[1] См. главу 2, однако необходимо учитывать, что миграция в III веке частично переместилась с внешней на внутреннюю периферию.

ютов, а также повелителем Франкии, Паннонии и северного побережья Италии — разве что не нарекся императором открыто. Прерогативой римских императоров был выпуск золотых монет. Эта традиция осталась с тех времен, когда у многих римских городов были свои монеты, и соблюдалась после 476 года. Теодеберт же начал выпускать собственные золотые монеты, и многие из его меровингских потомков последовали его примеру[1].

Но приход франков к имперской власти трудно объяснить лишь удачным стечением обстоятельств, вроде уничтожения Юстинианом Остготского королевства. Это значило бы упустить его реальную значимость. При всей своей славе даже Теодориху было нелегко удерживать готовых в любой момент выйти из-под контроля франков. Его система альянса 510-х годов была создана для сдерживания дальнейшей франкской экспансии и покоилась на весьма шатком объединении королевств вестготов и остготов, которые, при всей амбициозности и целеустремленности Теодориха, неизбежно бы разделились после его смерти. И едва необычайная, но крайне непрочная коалиция готов развалилась в 526 году, вновь началась экспансия франков, задолго до нападения Юстиниана на остготскую Италию. В начале 530-х годов бургундские и тюрингские королевства, лишенные поддержки готов, быстро проиграли Меровингам, и все это произошло до того, как первые восточноримские войска вошли в Италию[2]. Кампании Юстиниана лишили Западное Средиземноморье последнего шанса на появление силы, способной сдержать франков, — а впрочем, это все равно вряд ли удалось бы сделать. Но суть в том, что в послеримском мире основной источник межрегиональной власти в Западной Европе был расположен не на Средиземном море, а к северу от Альп и Пиренеев.

Это беспрецедентное достижение, к которому нельзя относиться легкомысленно — а это вполне возможно, если рассматривать события тех лет с точки зрения современного человека. Учитывая текущее положение дел, нас не удивляет тот факт, что Франция, страны Бенилюкса и Западная Германия стали

[1] О Теодеберте, в частности, см.: Collins (1983); ср. с работой о росте силы Меровингов в целом: Wood (1994), главы 3—4.

[2] Решение Юстиниана двинуться на запад было вызвано соображениями военного характера, см.: Brown (1971). О распаде квазиимперского образования Теодориха см.: Heather (1996), 248 и далее; об экспансии Франков см.: Wood (1994), главы 3—4.

основой мощного военно-политического образования. Однако в VI веке н. э. это означало резкое прощание с прошлым. В древнем мировом порядке в Западной Евразии народы Средиземноморья благодаря богатым ресурсам достигли такого высокого уровня развития, что государства, основанные в этом регионе, всегда были сильнее северных[1]. В VI веке впервые в истории появилась империя, использующая ресурсы земель, расположенных дальше к северу. И это явление было непосредственным результатом процессов развития, действовавших на окраинах империи в римский период. Социальные, экономические и политические преобразования на периферии имели тенденцию к созданию более сильных обществ в экономическом и политическом ключе, и приход к власти франков раскрыл весь потенциал этой новой силы.

Когда в землях к северу от Альп исчезла власть Рима, а затем и влияние готов, Хильдерик, Хлодвиг и их потомки поглотили как бывшие римские территории к западу от Рейна, так и немалые регионы на бывшей внешней и внутренней периферии на другом берегу реки. К востоку от Рейна другие, так называемые рипуарские франки быстро стали частью растущего королевства, как и алеманны — еще при жизни Хлодвига, после разгромного поражения в 505—506 годах. В дальнейшем с помощью завоевания и установления господства выявились пять разных степеней контроля и гегемонии Меровингов над восточными соседями — фризами, саксами, тюрингами и баварами. Превосходство франков признавали даже в некоторых регионах англосаксонской Англии. Эта новая сила простиралась от Атлантического океана на западе до реки Эльбы на востоке (карта 13), а значит, включала в себя как значительную часть бывших римских территорий к западу от Рейна, так и крупные регионы внутренней и внешней периферий империи к востоку[2].

Древний мир видел средиземноморские державы всех форм и размеров, и в этом смысле государства-преемники, основанные прошедшими долгий путь мигрантами вроде остготов Теодориха, были лишь новой вариацией хорошо знакомого явления. Однако теперь в Европе появился совершенно новый

[1] Когда стала очевидна способность Рима покорить все известные территории в средиземноморских пределах.

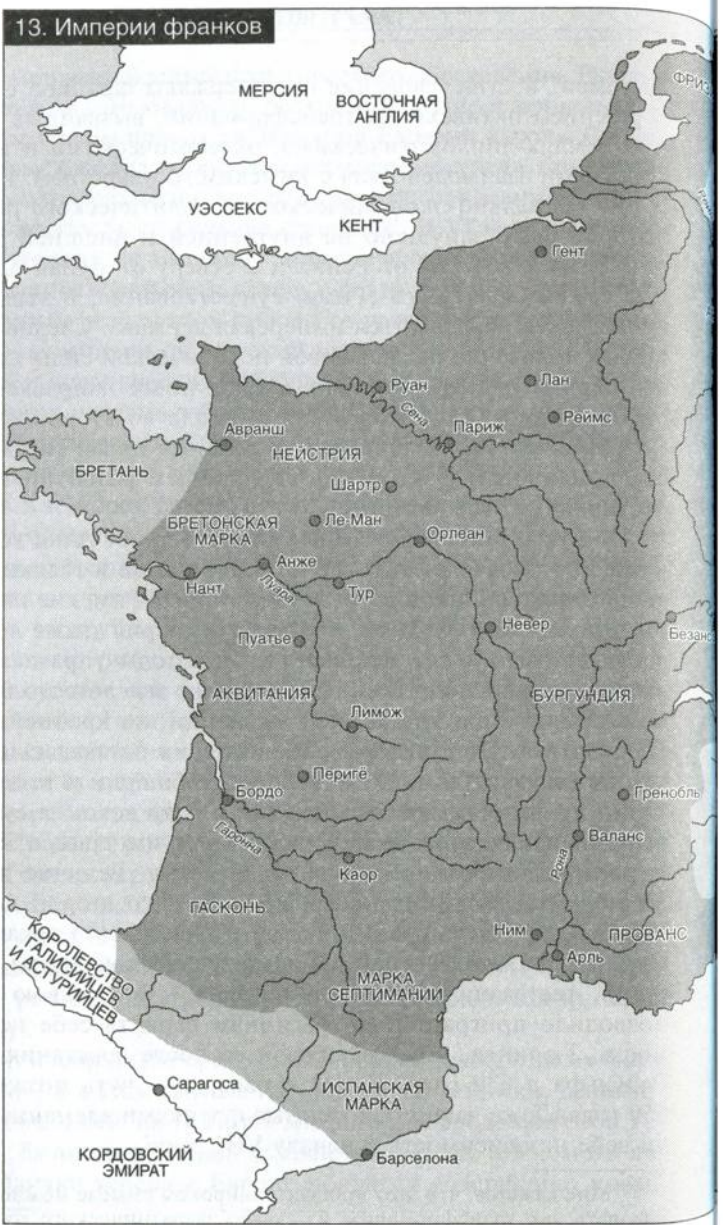
[2] См.: Wood (1994), главы 3—4.

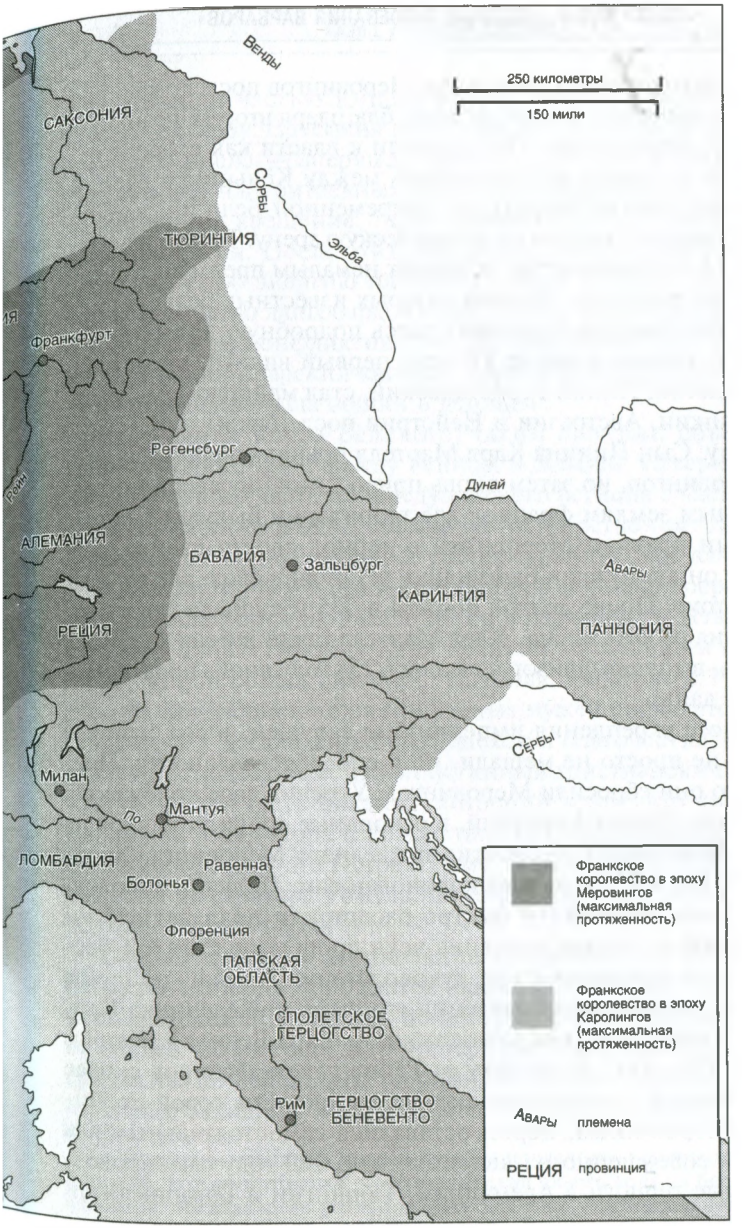
феномен, и существование сверхдержавы франков стало завершением пятивековых трансформаций, вызванных в северных землях дипломатическими, экономическими и прочими способами взаимодействия с Римским государством. Без ускорения социально-экономического и политического развития, которое было запущено на внутренней и внешней периферии Рима к востоку от Рейна и к северу от Дуная благодаря уже самому факту его (Рима) существования, в этих землях не могла бы образоваться имперская держава. Следовательно, вызвав появление на свет новой политической силы на севере, эти первые трансформации заложили новое направление развития Европы, по которому она пошла во второй половине 1-го тысячелетия. Начиная с VI века эта новая сверхдержава стала основным фактором в дальнейшем развитии народов, населяющих этот регион.

Но путь становления империи к северу от Альп во второй половине тысячелетия вовсе не был ровным и гладким, как у ее предшественников в Средиземноморье. Римские императоры приходили и уходили, в III веке империя также лишилась части приграничных территорий. И методы управления также не оставались неизменными. Однако в целом это был процесс органичной, внутренней эволюции, по крайней мере до III столетия. По сути, Римская империя оставалась одним и тем же государством, включавшим в себя одни и те же территории на протяжении большей части пяти веков ее существования[1]. Однако этого нельзя сказать про империю в Западной Европе во второй половине тысячелетия. Величие империи Меровингов достигло пика в VI веке, а ко второй половине VII большая часть реальной власти оказалась в руках региональных блоков местной землевладельческой элиты, в Нейстрии, Австразии и Бургундии (карта 13). Это, в свою очередь, позволило приграничным регионам вернуть себе независимость. Тюринги, похоже, обрели ее после восстания герцога Радульфа в 639 году, саксы и бавары — чуть позже, после 650 года. Даже давно покоренные франками алеманны вернули себе независимость к началу VIII века[2].

[1] Мне кажется, что этот процесс в широком смысле можно характеризовать как трансформацию из сугубо захватнического государства в то, что можно назвать коалицией сообществ, существующей на основе единой системы взглядов, см.: Heather (2005), главы 1 и 3.

[2] Полезное исследование по теме: Wood (1994), главы 13 и 15.

13. Империи франков
МЕРСИЯ
ВОСТОЧНАЯ АНГЛИЯ
УЭССЕКС
КЕНТ
Гент
Руан
Лан
Сена
Париж
Реймс
Авранш
НЕЙСТРИЯ
БРЕТАНЬ
Шартр
БРЕТОНСКАЯ МАРКА
Ле-Ман
Орлеан
Анжер
Нант
Луара
Тур
Невер
Пуатье
АКВИТАНИЯ
БУРГУНДИЯ
Лиможь
Перигё
Бордо
Гренобль
Гаронна
Валанс
Рона
Каор
ГАСКОНЬ
Ним
ПРОВАНС
Арль
КОРОЛЕВСТВО ГАЛИСИЙЦЕВ И АСТУРИЙЦЕВ
МАРКА СЕПТИМАНИИ
Сарагоса
ИСПАНСКАЯ МАРКА
КОРДОВСКИЙ ЭМИРАТ
Барселона

Венды
250 километры
150 мили
САКСОНИЯ
Сорбы
ТЮРИНГИЯ
Эльба
Франкфурт
Регенсбург
Рейн
Дунай
АЛЕМАНИЯ
БАВАРИЯ
Зальцбург
Авары
КАРИНТИЯ
ПАННОНИЯ
РЕЦИЯ
Сербы
Милан
По
Мантуя
ЛОМБАРДИЯ
Равенна
Болонья
Флоренция
ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ
СПОЛЕТСКОЕ ГЕРЦОГСТВО
Рим
ГЕРЦОГСТВО БЕНЕВЕНТО
Франкское королевство в эпоху Меровингов (максимальная протяженность)
Франкское королевство в эпоху Каролингов (максимальная протяженность)
Авары племена
РЕЦИЯ провинция

За политическим ослаблением Меровингов последовало воскрешение империи — в том же веке, благодаря второй франкской династии, Каролингам. Они пришли к власти как сторонники Меровингов, земли их находились между Кёльном и Мецем, приблизительно на территории современной Бельгии, именно там Меровинги и вышли на историческую арену. Те, кто изучают историю I-го тысячелетия, обладают немалым преимуществом в старой как мир игре «Назови пятерых известных бельгийцев». Нет необходимости приводить здесь подробную историю Каролингов, однако в конце VII века первый видный представитель династии, Пипин Геристальский, стал майордомом Северной Франкии, Австразии и Нейстрии после битвы при Тертри в 687 году. Сын Пипина Карл Мартелл правил сначала как вассал Меровингов, но затем вновь присоединил к северным традиционным землям франков все территории бывшей Галлии, которыми правили Меровинги в период своего расцвета. К 733 году он двинулся в Бургундию, установив свою власть и на юго-востоке. После долгой борьбы в 375 году была завоевана Аквитания на юго-западе. Карл Мартелл также воевал к востоку от Рейна, вынудив фризов и саксов в 738 году вновь начать платить ему дань[1].

Процесс укрепления империи был запущен, и его сыновья и внуки не просто не мешали, но и способствовали ему. Прежде всего они сбросили Меровингов. Укрепив свое положение, сын Карла, Пипин Короткий, в рекордные сроки поднялся на невиданную высоту — сместил последнего Меровинга, Хильдерика III, и в 752 году был коронован сам. Получив королевскую власть, Каролинги быстро расширили подвластные им территории, и вторая половина века прошла под эгидой беспрестанных завоеваний под руководством Пипина, но с еще большим успехом при правлении его сына и наследника Карла, более известного как Charlemagne — Карл Великий (Karolus Magnus, 768—814). К востоку от Рейна власть франков скорее была условной — проживавшие там народности порой подчинялись Меровингам, порой оставались самостоятельными, а иногда и совершенно независимыми. К 780 году самопровозглашенные герцоги в Алеманнии, Тюрингии и Баварии были

[1] Подробнее, особенно о характере власти Карла Мартелла и стратегий, которые позволили ему укрепить власть, см.: Wood (1994), глава 16; Fouracre (2000).

устранены, и частью империи стала Фризия, находившаяся дальше к северу. Саксония в конечном итоге тоже была полностью подчинена — впервые, но лишь в начале IX века, спустя двадцать лет изнурительных кампаний, включавших в себя насильственное крещение, переселение жителей и масштабные кровопролития. После этих блестящих успехов Карл Великий направил свою энергию на взятие новых рубежей. Независимое королевство лангобардов было сокрушено в середине 770-х годов, и в ходе конфликтов, пик которых пришелся на 796 год, он уничтожил Аварский каганат. Захваченные в результате этого похода сокровища вошли в легенды[1].

Завоевания Карла Великого, таким образом, объединили Галлию, территорию между Рейном и Эльбой, Северную Италию и большую часть Среднедунайского региона с частями Северной Испании в одно общирное государство (см. карту 13). Меровингам порой удавалось распространить свое влияние на крупные части этих земель, но никогда в форме непосредственного правления, и их власть не простиралась до Италии или среднего Дуная. Поэтому Карл Великий не стеснялся говорить о том, что он создал империю. Начиная примерно с 790 года в работах придворной коллегии ученых мужей появляется общая тенденция к восхвалению его успехов и благочестия, которые свидетельствуют о том, что он истинный христианский император. Не может быть никаких сомнений в том, что коронация Карла как императора в Рождество 800 года неспроста состоялась в соборе Святого Петра в Риме. Спустя 324 года после низложения императора Ромула Августа на западе вновь родилась полноценная империя[2].

Однако при всем великолепии и важности ее культурного наследия империя Каролингов оказалась столь же шаткой, как меровингская. К концу IX века каролингские короли никуда не делись, но их господство теперь распространялось лишь на сравнительно небольшую территорию вокруг Парижа. В других регионах Западной Франкии власть вновь оказалась в руках

[1] Известно, что после захвата короны последовало обращение к папе Захарию, который ответил, что королевская власть должна быть в руках человека, обладающего реальной властью, а не у номинального правителя. Менее известен тот факт (который, однако, возможно, имел даже большее значение), что смена династии также санкционировалась Ассамблеей франков. Хорошее исследование: McKitterick (1983).

[2] Об этом подробнее см.: Collins (1998).

многочисленных местных герцогов, каждый из которых был полноправным хозяином в своем домене (управляя правосудием, выпуском монет, назначениями церковных служителей и т. д.), которая при Карле Великом была сосредоточена в одних руках и распространялась на всю империю. Иногда эти права даровались формально, иногда узурпировались. Как метко выразился один хронист того времени, Регино Прюмский, после смерти внука Карла Великого, Карла Лысого, в 871 году, каждая провинция сотворила себе князей из «своих рядов». На западе империя Каролингов расцвела и угасла за один век после коронации Карла Великого[1].

В Восточной Франкии, за Рейном, сохранилось большее единение, а в результате здесь во второй половине 1-го тысячелетия появилась 3-я Франкская империя. Еще один внук Карла Великого, Людовик II Немецкий, правил необычайно долго, оставив в наследие потомкам политический союз крупных герцогств Восточной Франкии — изначально Саксонии, Тюрингии, Франконии, Швабии и Баварии, к которым Людовик прибавил Лотарингию и Эльзас (карта 14). Объединенное Восточно-Франкское королевство пережило угасание династии Людовика на рубеже IX—X веков и сплотилось еще теснее при Конраде (король Восточно-Франкского королевства в период с 911 по 918 год), изначально герцоге Франконии; затем при Генрихе, сыне Оттона Сиятельного, сына Людольфа, герцоге Саксонии с 912 года и короле восточных франков с 919 года до своей смерти в 936. После вступления на престол Генрих Птицелов за три года вынудил швабов и баваров признать его королем восточных франков. Затем он успешно возглавил кампанию против кочевников-мадьяр, язычников, пришедших на Среднедунайскую низменность из западных степей примерно в 900 году. Они быстро стали главным врагом для здешних королевств, устраивая набеги на Северную Италию и Южную Францию и разбив три крупные армии франков в период с 907 по 910 год. Благодаря тщательно проработанной программе военных реформ в конце 920-х годов Генрих наконец разгромил их в битве при Риаде (в Северной Тюрингии) в 933 году. Эта победа упрочила его положение как короля, однако окончательно утвердил власть династии и вознес ее на новые высоты его сын Оттон I Великий.

[1] Отличное исследование: Dunbabin (2000).

14. Империя Саксонской династии
250 километры
150 мили
МАРКА БИЛЛУНГОВ
Гамбург
Бремен
Эльба
СЕВЕРНАЯ МАРКА
Одер
САКСОНИЯ
ФРИЗИЯ
ПОЛЬША
Хильдесхайм
Магдебург
ЛУЖИЦКАЯ МАРКА
НИЖНЯЯ ЛОТАРИНГИЯ
Кёльн
Рейн
ТЮРИНГИЯ
МЕЙСЕНСКАЯ МАРКА
ФРАНКОНИЯ
Майнц
Трир
Вюрцбург
Бамберг
ВЕРХНЯЯ ЛОТАРИНГИЯ
БОГЕМИЯ
Регенсбург
ЭЛЬЗАС
Дунай
БАВАРИЯ
ШВАБИЯ
Дунай
Констанц
Зальцбург
КАРИНТИЯ
ВЕНГРИЯ
ВЕРОНА
Рона
По
славянские марки
империя при Саксонской династии
герцогства

Нельзя сказать, что это далось ему легко. Лишь в 950 году Оттону удалось окончательно подчинить себе мятежных герцогов и устранить родственников, претендующих на престол. Он также весьма эффективно продолжил одно из главных дел своего отца — экспансию на восток. Оттон отправился в успешный поход на Италию в 951 году, захватив большую часть ее северных и центральных регионов. Это показало, что теперь он стал самым влиятельным правителем в землях латинского христианства, и этот статус он подтвердил, нанеся сокрушительное поражение язычникам мадьярам в битве на реке Лех в 955 году. Теперь он обрел славу верховного владыки и идеологическую легитимность, поскольку, разумеется, сам Бог позволил ему разбить язычников, с которыми не смогли справиться другие христианские правители. Вооружившись этими аргументами, Оттон был твердо намерен убедить папу короновать его как императора. В 961 году начался 2-й Итальянский поход, после которого, в 962 году, его желание сбылось. Появилась третья империя в истории второй половины 1-го тысячелетия. Основанная изначально на унаследованных от отца Оттона землях в Саксонии, империя эта была по существу близка каролингской, фактически став прямой наследницей Восточно-Франкского королевства IX века[1].

Франкские империи в Северной Европе господствовали в том числе в крупных регионах Западной и Западно-Центральной Европы между 500 и 1000 годами. Они не отличались такой стабильностью, как их римская предшественница, твердая власть императоров сменялась периодами продолжительного политического хаоса (650—720 и 850—920 годы). И все это происходило потому, что все три империи основывались на более слабой государственной структуре. В Римской империи местная власть была сосредоточена в руках региональных элит, но при этом центральный аппарат сохранял основные рычаги влияния. Они имели право требовать налоги с самого крупного сектора экономики — сельского хозяйства — и получать значительные ежегодные поступления. Эти доходы шли на содержание профессиональной армии, госаппарата и государственных законодательных структур (на сами законы и судопроизводство), которые были средоточием легитимности в римском мире. При

[1] Подробнее про империю во времена Оттонидов см.: Leyser (1989); Reuter (1991).

всех своих ограничениях и недостатках (а таковых было множество) Римская империя обладала довольно крупным государственным аппаратом для своей эпохи. Три Франкские империи второй половины тысячелетия существенно отличались друг от друга, но ни одна из них не взимала налоги систематически, чтобы поддерживать многочисленную профессиональную армию. Основой их военной мощи были воины-землевладельцы в подвластных им регионах. Иногда мужчин можно было вынудить пойти на военную службу, но обычно за нее требовалась та или иная награда. И поскольку все эти поздние правители не пополняли каждый год свою казну благодаря развитой налоговой системе, богатство постоянно утекало из центра империи в карман землевладельческой элиты.

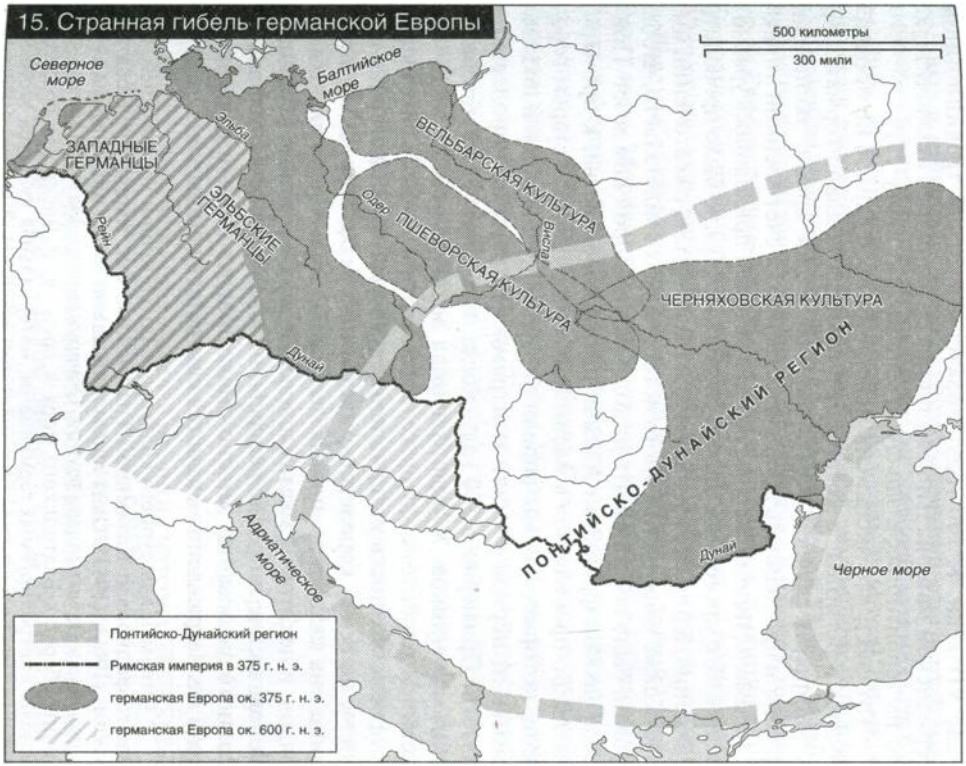
Как уже было замечено, три Франкские империи второй половины 1-го тысячелетия образовывались тогда, когда сложившиеся обстоятельства благоприятствовали хищнической политике военной экспансии. Полученные таким образом доходы позволяли правителям (будь то Меровинги, Каролинги или Оттониды) вознаградить своих сторонников и не понести при этом никаких финансовых потерь. Однако стоило прекратиться экспансии, как тут же возвращалась политическая раздробленность, когда средства снова начинали утекать из центра, ресурсы которого более не пополнялись[1]. Как мы увидим, этот аспект политической жизни франков второй половины 1-го тысячелетия сыграет важную роль в дальнейшей трансформации варварской Европы и также во многом объясняет неровный, прерывистый характер франкского империализма. Тем не менее, глядя на события тех лет со стороны, можно с уверенностью сказать о появлении и существовании в тот период доминирующей западноевропейской силы, чье влияние распространялось на многие регионы континента. И разумеется, именно взгляд со стороны — то есть точка зрения варваров в остальной части Европы — будет интересовать нас в последующих главах этой книги. Но прежде чем мы приступим к подробному рассмотрению реакции прочих членов европейского сообщества на новый стимул к развитию, порожденный появлением североевропейской империи, а также характера сопутствующей ему экспансии, необходимо коснуться еще двух важнейших преобразований древнего мирового порядка.

[1] См.: Reuter (1985), (1990).

СТРАННАЯ ГИБЕЛЬ ГЕРМАНСКОЙ ЕВРОПЫ

Первое произошло приблизительно в то же время, что и возвышение первой династии франков — Меровингов. Их империя, как мы видели, простиралась от Атлантики до Эльбы, и, если мы сравним этот регион с преобладающими зонами развития в Европе в VI веке, станет очевидно, что его протяженность к востоку от реки Рейн практически полностью повторяла старые границы периферии Римской империи — внутренней и внешней, — которая сохранила определенную преемственность германской материальной культуры и соответствующих ей уровней социально-политической организации во времена падения Римской империи. Это крайне важный момент, который легко упустить из виду, поскольку он затрагивает области Европы, история коих практически (или вовсе) не освещается в сохранившихся исторических источниках. Однако их значимость бросается в глаза сразу, даже после краткого обзора археологических остатков.

В позднеримскую эпоху преимущественно германские внутренняя и внешняя периферии Римской империи включали в себя значительные территории, протянувшиеся преимущественно с северо-запада на юго-восток Европы. На севере ее ширина составляла приблизительно тысячу километров, от восточного берега Рейна до земель сразу за Вислой. На юге она еще немного расширялась — 1300 километров от Железных Ворот до западного берега реки Дон (карта 15). Народности, населявшие эту территорию, характеризовались довольно высокой плотностью и быстрым ростом населения, сравнительно развитым сельским хозяйством, связью с Римской империей и наличием материальных культур, которые, как правило, включали в себя значительное количество искусно изготовленных металлических предметов и керамических изделий. К VI веку культурный коллапс распространился почти на весь регион. На Украине и в Южной Польше это произошло, когда распались черняховская и южная пшеворская системы, в начале V века. В Средней Польше коллапс можно датировать примерно 500 годом, в Померании близ Балтики — 500—525 годами. В регионе между Эльбой и Зале полный коллапс произошел в самом конце VI века; между Эльбой и Одером нет никаких признаков того, что германское превосходство сохранилось и в VII столетии. К югу от этого региона, в Богемии и Моравии, резкий спад в количестве

15. Странная гибель германской Европы
500 километры
300 мили
Северное море
Балтийское море
Эльба
ЗАПАДНЫЕ ГЕРМАНЦЫ
ЭЛЬБСКИЕ ГЕРМАНЦЫ
Рейн
ВЕЛЬБАРСКАЯ КУЛЬТУРА
Озер.
ПШЕВОРСКАЯ КУЛЬТУРА
Висла
ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
Дунай
ПОНТИЙСКО-ДУНАЙСКИЙ РЕГИОН
Дунай
Адриатическое море
Черное море
Понтийско-Дунайский регион
Римская империя в 375 г. н. э.
германская Европа ок. 375 г. н. э.
германская Европа ок. 600 г. н. э.

остатков германского типа наблюдается в V—VI веках, за которым следует полное их исчезновение в середине VI — начале VII века. К 700 году характерные стили традиционной германской материальной культуры сохранились исключительно на территориях к западу от Эльбы (см. карту 15)[1].

Тот факт, что экспансия меровингских франков не продвинулась в регионы, в которых произошел коллапс германской культуры, неслучаен. Как и римская в свое время, экспансия франков проводилась преимущественно за счет военной аннексии земель, потенциальные выгоды которой приходилось уравновешивать с многочисленными расходами. Нужно было проводить сражения, а они случались часто и были весьма ожесточенными, пусть даже у нас не так много исторических свидетельств, чтобы можно было восстановить их ход. Однако порой нам везет. Природа захвата франками Алеманнского королевства, к примеру, наглядно проявляется в масштабных разрушениях старых городищ, которые, как мы видели во главе 2, появились в позднеримский период и стали центрами исполнения королевской власти. Примерно в 500 году, когда, как явствует из исторических источников, Хлодвиг одержал великую победу, они — по крайней мере, те, о которых нам известно, — были захвачены, и преемственность материальной культуры нарушилась так или иначе по всему королевству алеманнов. Были заброшены городища, на кладбищах появляются следы новых похоронных обрядов, в некоторых местах и вовсе возникают новые кладбища. Человеческие и прочие ресурсы, необходимые для столь агрессивного завоевания, можно смело тратить лишь в том случае, если вознаграждение окажется соответствующим[2].

[1] Феномен культурного коллапса, с более точной хронологией, был идентифицирован Казимиром Годловским: см., например: Godlowski (1970), (1980), (1983). Одна аномалия выделяется на общем фоне — так называемая Ольштынская группа. Обнаруженная в Мазовии на юго-восточных берегах Балтийского моря к востоку от Вислы, за пределами земель, контролируемых германцами, материальная культура этого племени характеризуется присутствием ряда традиционно германских предметов и большим количеством средиземноморского импорта, которые относят эту группу к VI веку. Разумеется, невозможно определить, принадлежали ли эти остатки вновь прибывшим германским иммигрантам или одному из местных племен (возможно, балтоязычных), перенявших новый тип материальной культуры. В любом случае просуществовала она недолго, поскольку Ольштынских остатков, датируемых VII веком, нет, см.: Barford (2001), 33, с примечаниями.

[2] См., например: Koch и Koch (1996); Wieczorek (1996); Hummer (1998).

Разрушение привычных для Центральной Европы основ, доминирование германской материальной культуры в V и VI веках означали, что к востоку от Эльбы не было сколь-нибудь значительных и крепких политических образований с развитой экономикой и накопленными средствами, которые можно было бы грабить. За века до н. э. и после Рождества Христова Римская империя расширилась до тех пределов, в рамках которых в ту эпоху война еще могла оставаться выгодной, и в VI веке Меровинги поступили точно так же. Единственным регионом германской Европы, сохранившим старые культурные традиции и не попавшим в руки франков, была Скандинавия — полуостров Ютландия, юго-западные острова Балтийского моря и южное побережье современных Норвегии и Швеции. С другой стороны, власть Меровингов осуществлялась в соседней Саксонии лишь в форме утверждения своего господства, а не прямого завоевания, и, возможно, это защищало Скандинавию от возможных нападений со стороны франков. Но это исключение в целом не противоречит сказанному. Только те регионы внутренней и внешней периферии Рима, в которых сохранялись развитие и преемственность культуры, стоили ресурсов, затрачиваемых на завоевание. В этом плане новые модели развития позднеримского периода сыграли важную роль в определении границ новой державы послеримского мира[1]. С этим ясно. Но что именно произошло в других регионах древней Германии? Что внезапно прервало развитие местных материальных культур?

Рассуждая об этом феномене, необходимо верно понимать его природу. Как доказал польский археолог Казимир Годловский, коллапс культур включал в себя исчезновение в V и VI веках долго существовавших моделей развития материальных культур в обширных областях Центральной Европы. Эти культуры нередко уходили корнями в начало тысячелетия, порой и еще дальше. Однако, когда преемственность была нарушена, это проявилось практически в каждом районе и сказалось на соответствующих остатках материальной культуры — на всем, от старых экономических связей со Средиземноморьем, порождавшим поток римского импорта, до устоявшихся традиций ремесла в изготовлении глиняной посуды и металлических изделий. В техно-

[1] Эти саксы никогда не были полностью покорены Меровингами. Скандинавский мир хотя и оказался под влиянием франков, но был полностью изолирован, и ему удалось избежать их прямого влияния.

логическом плане производство керамики резко упростилось, гончарные круги вышли из употребления. Это совпадает по времени с резким сокращением количества разновидностей горшков и даже общего объема производимых товаров. Масштабы металлургического производства также заметно уменьшились, количество украшений, производимых тогда (или как минимум тех, что дошли до наших дней), сокращается почти до нуля. Поселения становятся куда меньше[1]. Археологические находки говорят о внезапном упрощении изделий в каждой категории, по которым традиционно анализируется, сравнивается и датируется деятельность населения того или иного региона в римский период, и все это указывает на резкие перемены образа жизни.

Как можно объяснить эти поразительные изменения археологических находок?

В соответствии с интерпретацией, предложенной Годловским, традиционные культурные мотивы исчезли вместе с населением, их производившим. Как явствует из надежных исторических источников, коллапс материальной культуры географически и хронологически совпадает с известными нам переселениями германоязычных племен на римскую территорию. Черняховская и пшеворская системы фактически исчезли в то же время, когда готы, вандалы и прочие племена были вытеснены со своих земель вследствие появления Гуннского государства в Центральной Европе (глава 5), в то время как постепенное угасание германской материальной культуры близ Эльбы в V столетии ассоциируется с переселением англов, саксов и других в Британию, а также переходом лангобардов в Среднедунайский регион. Эти миграционные потоки продолжались и в VI веке, как мы видели, — вполне возможно, как реакция на распространение франкской гегемонии на восток, вынудившей немалое число саксов присоединиться к лангобардам и отправиться с ними в Италию[2].

Хронологические рамки этих феноменов слишком близки, чтобы это можно было объяснить простой случайностью, однако уход германских народов — не единственное возможное

[1] Подробнее см.: Parczewski (1993), 120 и далее (1997).

[2] Исторические источники также позволяют установить возможную аналогию с Ольштынской группой. Как мы уже видели в главе 5, часть герулов, разбитых лангобардами в 508 году, переместились на север от Среднедунайского региона и затем оказались в Скандинавии. Следовательно, можно предположить, что другие группы германцев, тоже решивших переселиться, зашли дальше на восток.

(и даже не самое вероятное) объяснение. Поскольку археологические культуры необходимо рассматривать как системы, исчезновение установившихся культурных форм априори может иметь несколько причин. В этом случае, как подчеркивали и другие исследователи после Годловского, мы имеем дело с исчезновением орнаментальных изделий из металла, оружия и определенного вида керамической посуды, изготовленной на гончарном круге, а их производили по большей части для представителей германской элиты. Соответственно, отсутствие таких изделий в наблюдаемом контексте археологических остатков может указывать на исчезновение из данного региона политического и военного классов, для которых они производились. Многочисленный — возможно, весьма многочисленный, хотя и невидимый для археологии — класс крестьян, которые использовали куда более простую материальную культуру, вполне мог остаться на месте[1]. Следовательно, теоретически можно объяснить коллапс культуры любым маркером на миграционной шкале — от полной эвакуации населения до ухода элиты. В какой именно точке имеющиеся свидетельства указывают на то, что история людей, стоявших за исчезновением германской культуры, также прерывается?

Мы еще вернемся к более подробному рассмотрению некоторых из этих умозаключений в следующей главе, когда перейдем к славянским народностям, в конечном итоге установившим свое господство в освобожденных германцами областях Центральной и Восточной Европы. Пока же можно ограничиться еще несколькими общими наблюдениями. Прежде всего, коллапс германской культуры никоим образом не говорит о полной эвакуации жителей с обсуждаемых территорий. Как мы видели в случае с готами к северу от Черного моря, есть причины полагать, что многие группы исконного населения, покорившиеся готским захватчикам в III веке, не участвовали в более поздней миграции готов, двинувшихся в Римскую империю в 376 году. К тому же и численность переселившихся в империю германских племен не настолько велика, чтобы за их спинами остались огромные и совершенно пустые территории.

Разумеется, невозможно установить, сколько людей было подхвачено миграционными потоками, порожденными станов-

[1] См., например: Urbanczyk (1997b), (2005).

лением и крахом империи гуннов и новыми возможностями к экспансии, которые появились у ближайших соседей Рима, терявшего способность поддерживать неприкосновенность своих границ. Но возможно, здесь стоит попытаться пойти от противного. Вспомним, сколько мигрантов точно покинули области, пережившие культурный коллапс. У нас есть вполне надежные указания на численность вестготов и остготов — примерно или чуть больше 20 тысяч воинов. Армии вандалов, аланов и свевов, скорее всего, насчитывали приблизительно столько же, по крайней мере до 406 года, когда они понесли тяжелые потери в Испании. Да и войско бургундов, пусть и не могло сравниться с ними, было отнюдь не маленьким. Мы не знаем, сколько беженцев со Среднедунайской низменности было принято в армию Италии или в ряды военных на римском востоке Балканского полуострова, но, судя по численности, которую указывают для герулов, различные племена, о которых нам известно, также могли выставить около 10 с лишним тысяч воинов, а то и вдвое больше. Самые противоречивые сведения у нас о численности англосаксов. Оценки варьируются от 20 до 200 тысяч человек[1].

Если мы примем за отправную точку максимальную цифру — по причинам, которые сейчас станут ясны, — то получится, что численность германских воинов, ушедших из регионов, переживших культурный коллапс, составляла 100 тысяч человек или чуть больше, но никоим образом не 200. Это утверждение, конечно, основывается на догадках и предположениях, но это число не такое уж большое и притом поясняет, как иммигранты сумели своими силами обрушить Западную Римскую империю, которая упорно сопротивлялась их вторжению. К тому же я полагаю, что цифра 100 тысяч не включает тех, кто погиб в ходе военных действий. Тем не менее порог в 100 тысяч или чуть больше дает нам приблизительное число, от которого можно отталкиваться. Общая численность людей, участвовавших в миграции, зависит от того, как часто женщины и дети сопровождали воинов, и от весьма неоднозначного вопроса о том, сколько рабов попадало в этот поток. В данном случае давайте снова возьмем максимально возможное число — и, несмотря на недавние попытки отрицать это обсто-

[1] Франкские мигранты на севере Франции заслуживают отдельного комментария, хотя остается неясным, пришли ли они сюда из региона, также пережившего культурный коллапс, поэтому мне пришлось избежать дальнейших упоминаний о них.

ятельство, у нас хватает доказательств тому, что бóльшая часть крупных групп была смешанной по возрасту и полу, есть весомые причины принять эту точку зрения. Как мы видели, в традиционных исследованиях количество воинов умножали на пять, чтобы получить примерную численность смешанных групп, но множитель скорее должен равняться четырем. С другой стороны, даже в этом случае рабы по-прежнему остаются вне общей картины. С учетом всего этого максимальное число ушедших из регионов, которые испытали культурный коллапс, может составить около полумиллиона человек[1].

Мы проводим эти расчеты потому, что нам известна площадь пострадавшей территории. Коллапс германской культуры затронул области между Эльбой и Вислой на севере и Железными Воротами Дуная и нижним Доном на юге. Грубо говоря, это почти миллион квадратных километров. Чтобы миграции позднеримского периода полностью опустошили эти земли, плотность населения в них должна была бы составлять 0,5 человека на квадратный километр. Эта цифра невозможно мала. Даже если предположить, что аграрный строй был не слишком развитым, уход полумиллиона человек не смог бы опустошить такую территорию. Конечно, наши цифры основаны на догадках и гипотезах, однако в одном из недавних исследований было выдвинуто предположение (и вполне обоснованное), что в Понтийско-Дунайском регионе, как его называет автор (см. карту 15), в античный период проживало от 3 до 4 миллионов человек, а население в период раннего Средневековья одного только Альфёльда оценивалось в 300 тысяч человек. Все цифры, приведенные в последних двух абзацах, приблизительны, однако можно смело отбросить вероятность того, что культурный коллапс в Центральной и Юго-Восточной Европе был вызван полным опустошением земель вследствие ухода населения[2].

Выходит, причина коллапса германской культуры — исчезновение лишь конкретных элитарных групп из затронутых им

[1] См. главу 4.

[2] См.: Batty (2007), 39—42. В регионах Великой Польши, где отмечался коллапс пшеворской и вельбарской культур, масштабные археологические исследования указывают на то, что плотность населения после культурного коллапса составляла примерно 1 человека на квадратный километр, см.: Barford (2001), 89—91 (с примечаниями). Это опять же указывает на то, что миграция полумиллиона человек была весьма серьезным явлением, но они составляли максимум треть населения, а потому этот регион не мог совершенно опустеть, к тому же многие из более южных регионов, вероятно, были более густо заселены.

областей. Но этот вывод необходимо привести в соответствие еще с двумя наблюдениями. Во-первых, несмотря на все трансформации, имевшие место в предыдущие века, германское общество IV века не управлялось некой малочисленной элитой. Перераспределение власти не раз имело место в период с I по IV век, однако элита германского мира по-прежнему оставалась заметно более крупной частью населения, нежели крошечный класс землевладельцев, доминировавший в римском мире. Как мы видели в главе 2 и что подтверждают события так называемого «переселения народов», следует мыслить в рамках социальной и политической власти (и групповых идентичностей), разделяемых широким слоем олигархов или свободных людей, составляющих от одной пятой до одной третьей всех воинов. В миграциях, по крайней мере в крупных объединениях вроде готов и лангобардов, участие принимали не только эти главенствующие группы землевладельцев. В них представлены минимум два класса воинов — возможно, уравниваемых со свободными и полузависимыми социальными классами, встречающимися в раннесредневековых кодексах, — цельного элитного войска тогда не было и в помине. Иногда они брали с собой и рабов, не говоря уже о семьях[1]. И в этом случае переселение элиты отнюдь не являлось явлением мелкого масштаба.

Во-вторых, как мы увидим в следующей главе, все указывает на то, что численность населения в некоторых областях и впрямь резко снизилась. Опять-таки, это говорит о том, что германская миграция все же оказала заметное влияние на демографический состав регионов, и два этих явления явно тесно связаны между собой. Германская элита, во-первых, была многочисленной и, во-вторых, обладала некоторым количеством зависящих от нее людей (рабов и полусвободных), а потому, когда группа мигрантов покидала определенную область, в ней вполне могли остаться опустевшие регионы[2].

Получается, что не только преобладавшие тогда модели развития определяли принципы миграционных процессов в конце IV века и в V столетии, но и наоборот: миграции также оказывали влияние на процесс развития. Одним из главных следствий этого взаимодействия, как мы видели, было появление имперской державы беспрецедентного типа в Западной Евра-

[1] См. главу 2.
[2] См. главу 8.

зии, основанной на североевропейских ресурсах. Поскольку Римская империя пала в результате возникновения крупных и хорошо организованных военных объединений, пришедших из периферии и обосновавшихся в самом сердце ее бывших территорий, процесс ее разрушения происходил параллельно с трансформациями в крупных регионах периферии. Культурный коллапс, вызванный уходом довольно многочисленной и неоднородной элиты германской Европы, полностью изменил социально-экономическую, а значит, и политическую организацию былой периферии Рима и означал второе серьезное нарушение древнего миропорядка — не менее важное, чем становление империи франков в Северной Европе. Он оказал серьезное влияние и на появление славянской Европы, как мы увидим в главе 8, но этот процесс также во многом был обусловлен третьей глобальной перестройкой старого миропорядка, развернувшейся в середине 1-го тысячелетия.

ИЗ АРАВИИ

Вплоть до начала VII века восточная часть Римской империи, со столицей в Константинополе, оставалась доминирующей силой Средиземноморья. При всей прочности своего положения в 510-х годах Теодорих Вестгот не пытался открыто заявить о своих притязаниях на роль императора из страха вызвать неудовольствие правителей Константинополя. И в следующем поколении верность его суждений получила подтверждение, когда войска Юстиниана спустя двадцать лет суровых войн, начавшихся еще в 536 году, сыграли важную роль в становлении империи к северу от Альп, уничтожив Остготское королевство в Италии. За этой военной авантюрой последовало успешное и быстрое завоевание королевства вандалов в Северной Африке в 532—534 годах. Затем, в начале 550-х годов, в поздний период правления Юстиниана, Восточная Римская империя укрепилась и на юге Испании. Господство Константинополя на Средиземном море установилось окончательно всего за двадцать лет.

Падение Восточного Рима в VII веке с этих высот имперского величия было столь же драматическим, как и его западного собрата в V веке. В начале 610-х годов возникла угроза завоевания его давним врагом, Персией Сасанидов, которая

захватила многие из ключевых доходных регионов — Сирию, Палестину и Египет. К 626 году персидская армия уже стояла лагерем на южном берегу Босфора, в то время как их союзники, кочевники авары, осаждали Константинополь. Как ни странно, империя сумела избежать казавшегося неминуемым поражения. Константинополь выстоял в осаде, а император Ираклий I провел ряд военных кампаний через Армению в Месопотамию, которые к осени 628 года поставили Персию на грань исчезновения. Шахиншах из династии Сасанидов, Хосров II, положивший начало политике завоевания, потерял трон, и большая часть покоренных им территорий вернулась под управление Ираклия.

Однако не успели высохнуть чернила на повествовании о великой победе византийского императора (рабочее название «Иногда они возвращаются»), как его пришлось отправить в ближайшую сточную канаву. Из давно забытого угла Ближнего Востока вырвался новый враг — арабские племена, объединившиеся всего за десятилетие благодаря исламу и Мухаммеду, сметающие все, что оказывалось у них на пути. Победы Ираклия обратились в прах, когда, незадолго до конца его правления, Сирия, Палестина и Египет были вновь утрачены, а Малая Азия превратилась в поле яростных сражений. К 652 году арабская армия завоевала всю Персию, а еще через два поколения новая мусульманская империя протянулась от Индии до Атлантического океана[1].

Подробности этой удивительной революции в мировой истории не являются темой данного исследования. Достаточно будет сказать — и это не вызовет удивления, — что у краха Восточной Римской империи причин было найдено не меньше, чем у распада Западного Рима. Традиционные объяснения вертятся вокруг завоеваний Юстиниана в Западном Средиземноморье — якобы ему не хватило чувства меры, а в результате он оставил после себя государство на грани банкротства из-за чрезмерно большой территории. Однако, как выразился один британский премьер-министр, «неделя — долгий срок в политике», поэтому этот аргумент не кажется весомым. Юстиниан умер в середине 560-х годов, арабское завоевание началось через семьдесят лет — спустя три поколения. Конечно, некая связь между этими событиями может существовать, однако они не слишком похожи на причину и следствие. Более недавние исследования, сосре-

[1] Хороший современный обзор: Kennedy (2007).

доточенные на внутренних причинах распада Константинополя, переключились на поиск альтернативных вариантов — периодические эпидемии, обрушившиеся на Средиземноморский регион после 540-х годов, и (возможно, как следствие первых) экономический спад на римском Ближнем Востоке в VI столетии.

В этих версиях есть крупицы истины, однако необходимо учитывать и внешние факторы, и не в последнюю очередь разрушительную двадцатипятилетнюю войну между Константинополем и Персией, которая предшествовала арабским завоеваниям. Конфликты между Персией и Восточной Римской империей вспыхивали на протяжении всего VI века, но по большей части они оставались локальными, ограничиваясь землями союзников Византии на Кавказе или осадами тех или иных стратегически важных крепостей. Но такое положение дел продлилось недолго, и в начале VII века две державы встретились на поле боя лицом к лицу, после чего наступило затишье. Когда ситуация казалась безнадежной, Ираклий дал персам отпор, но условия мирного договора 628 года показывают, что итогом войны стала ничья — обе стороны были слишком измотаны, чтобы продолжать. Несмотря на победы Ираклия, Константинополь не сумел вновь отвоевать все территории, утраченные с 602 года. Это, разумеется, отчасти объясняет успехи арабов в войне с обеими империями[1].

Однако необходимо уделить внимание и арабскому миру. На передний план здесь выходит новая религия Мухаммеда, объединяя ранее разрозненное население. Однако, как в случае с образовавшимися из новых союзов на бывшей периферии в конце IV века — начале V государствами — преемниками Западной Римской империи, здесь тоже имеется своя предыстория, и она крайне важна. В целом имеющиеся у нас данные говорят об уверенном увеличении территории и мощи арабских государств — клиентов Западной Римской империи в период с IV по VI век — то же самое происходило близ европейских ее границ с I по IV столетие[2]. Нас здесь интересуют более общие последствия революции VII века в распределении основных сил в Европе. Выделяются два из них.

Во-первых, усиление ислама уничтожило Восточный Рим как имперскую державу. По документам, созданным в обсуж-

[1] Почему давно устоявшаяся традиция минимальных военных конфликтов между двумя империями в итоге завершилась масштабным и разрушительным столкновением, остается главным вопросом.

[2] Это становится особенно ясно в работе Sartre (1982).

даемый период в Константинополе, это не так заметно, ведь сам город не был взят мусульманами, пока в 1453 году во время осады войсками Мехмеда II Завоевателя не была из огромной пушки пробита брешь в Феодосиевых стенах, близ современной автобусной остановки Топкапы. На протяжении семисот лет, предшествующих этому событию, правители города называли себя римлянами (несмотря на то что писали по-гречески) и сохраняли все старые римские представления о собственном господстве — утверждали, что они являются избранными Богом императорами, задача которых утвердить подобающий порядок во всем мире.

Однако, как в любом историческом контексте, необходимо смотреть глубже. И тогда вы поразитесь тому, какой мощи лишился Константинополь начиная со второй половины VII века. Исламское завоевание отняло у Византии богатейшие ее провинции — Сирию, Палестину, Египет в первом поколении, за которыми примерно через сорок лет последовала Северная Африка и наконец Сицилия. Малую Азию Восточный Рим сохранил, но она стала главным полем битвы в дальнейших конфликтах с молодым мусульманским государством, и археологические остатки показывают, как серьезно пострадала его экономика. Все великие города древности (те, которые уцелели, ведь некоторым это не удалось) уже не были центрами скопления населения, производства и обмена, превратившись в военные крепости и командные пункты. Чеканка монет фактически остановилась, и все указывает на крайнее упрощение экономики. До этих потрясений Восточная Римская империя была во многом схожа с Османской империей XVI века (до нас дошли весьма интересные налоговые ведомости последней). С их помощью можно завершить точный список потерь Константинополя в ранний период — по объему государственного дохода (хотя масштабы катастрофы и без того очевидны). А если провести соответствующие расчеты, делая необходимые поправки, становится ясно, что усиление ислама лишило Византию от 60 до 75 процентов государственного дохода — то есть на 60—75 процентов урезало ее возможности[1].

Последствия этого ослабления проявляются с абсолютной ясностью в полной картине европейской истории с начала VII века. Византия уже не являлась доминирующей силой на

[1] Полезные исследования см.: Whittow (1996); Haldon (1990).

Средиземноморье и крупным игроком на более широкой европейской сцене. По-прежнему играя важную роль в Восточном Средиземноморье, во многих других аспектах Восточная Римская империя превратилась в государство — сателлит мусульманского мира, уже неспособное определять свою судьбу. Чередующиеся периоды процветания и упадка тесно связаны с историей развития нового мусульманского государства — в обратной пропорции. В периоды политического единства мусульманских земель Византия угасала; когда же — как порой случалось — мусульман охватывали раздоры, положение Византии несколько улучшалось. В общем, претензии правителей Константинополя на имперское величие и звание преемника Рима после VII века были лишь химерой. Потери, понесенные ими от арабов, говорили о том, что эти императоры правили государством — преемником Рима, ничем не отличавшимся по сути от молодых держав, появившихся на руинах Западной империи. Я лично предпочитаю использовать термин «Византия» для Восточной Римской империи с середины VII века в качестве признания масштабности тех перемен, которые принесли с собой в Средиземноморье полчища мусульман[1].

Во-вторых, у монеты имелась и обратная сторона — сплочение мусульманского мира создало новую сверхдержаву на юго-восточных рубежах Европы. Она захлестнула не только немалую часть Византии, и в первую очередь самые богатые ее провинции, но и ее старого врага, империю Сасанидов. Результатом этого, когда к VIII веку пыль немного улеглась, стало появление гигантской империи, протянувшейся от Испании до Северной Индии. Управление такой территорией при наличии исключительно средневековых коммуникаций — настоящий логистический кошмар, а здесь к тому же имелись серьезные идеологические разногласия в вопросах о том, кто и как, собственно, должен ею управлять. Поэтому не приходится удивляться тому, что внутренней стабильности как таковой в новом государстве не существовало. Однако даже несмотря на то, что контроль над захваченными землями хромал на обе ноги и ослабевал по мере удаления от столиц, и Омейядский халифат с центром в Дамаске в период с 660-х годов по середину VIII века,

[1] Их территории резко расширились в X веке, после того как Аббасидский халифат стал раздробленным политическим образованием, которое фактически перестало существовать, когда сельджуки в XI веке получили контроль над исламским миром.

и Аббасидский халифат с центром в Багдаде с конца VIII века до начала X представляли собой сильные и богатые государства имперского типа, могуществом превосходившие даже Римскую империю в самом ее расцвете[1]. Эта сверхдержава, образовавшаяся на ближневосточных рубежах Европы, находилась слишком далеко и не могла напрямую влиять на историю миграции и развития варварской Европы, однако косвенное ее воздействие на эти процессы было очень велико. Она не только убрала со сцены Восточную Римскую империю. Как мы увидим в следующих главах, ее дипломатические и экономические щупальца протянулись через Кавказ к западной степи, а оттуда — в Восточную и даже Северную Европу.

КОЛЛАПС СИСТЕМ И РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Отчасти падение Западного Рима (и Восточного, кстати, тоже) следует понимать как результат процессов развития, действовавших на протяжении полутысячелетнего существования империи. По большей части новые стратегические принципы, превалировавшие в Европе с 500 года, были обусловлены появлением новой сверхдержавы в Северной Европе, которая, в свою очередь, возникла исключительно благодаря трансформациям, происходившим в течение предыдущих пятисот лет. Как мы видели, в конце V века франки стали новой силой на внутренней периферии старой империи. Они присоединили к своим родным землям бывшие римские территории к западу от Рейна и другие регионы внутренней и внешней периферии Рима. Так появилась новая имперская держава, впервые опиравшаяся на ресурсы Северной Европы, не граничащей непосредственно со Средиземноморьем. Смело можно сказать, что в долгосрочной перспективе Римская империя собрала плоды собственного разрушения. Ее экономические, военные и дипломатические щупальца изменяли соседние народы до тех пор, пока те не стали достаточно сильны, чтобы разорвать ее на части.

Но, несмотря на то что природа послеримской империи в каком-то плане была почти ожидаемой, свою роль сыграла и стандартная толика исторической случайности. Оценивая общие тенденции развития, вы можете подумать, что приграничн-

[1] См.: Kennedy (2004).

ные римские территории должны были достаться еще более амбициозным и агрессивным местным правителям — по мере того как со временем экономические и политические изменения приносили им все больше власти и постепенно стирали изначальный перевес, позволивший империи установить свое господство на этих землях. И действительно, нечто подобное начинало происходить еще в римский период. В III веке трансильванская Дакия и земли между Карпатами и Дунаем должны были перейти к готам и другим набравшим силу народам на восточноевропейской периферии империи, в то время как на западе алеманны захватили покинутые жителями Декуматские поля. В IV веке схожим образом отличающийся повышенной агрессией король алеманнов вроде Хнодомара смог утвердиться в западной части долины Рейна, а салические франки пытались продвинуться к западу от границы по нижнему течению той же реки. В то время империя еще была достаточно сильна, чтобы сдерживать подобные поползновения, однако тенденция прослеживается вполне четко.

Зато расцвет и падение империи гуннов проходили по другому сценарию и создали беспрецедентный всплеск политически мотивированной миграции, вызвавшей внезапные и непредсказуемые перемещения на территорию Рима воинственно настроенных и хорошо организованных групп с внутренней и внешней его периферии. Во время первого кризиса 375—380 годов на римскую почву с внутренней периферии из-за границы по нижнему Дунаю ступили готы, сарматы и таифалы, за которыми в 405—408 годах последовали германцы со среднего и верхнего Дуная — свевы (будь даже они по факту маркоманами и квадами) и бургунды. Среди народов с внешней периферии, участвовавших в этих событиях, можно вспомнить аланов, отдельные группы которых проникли на территорию империи и в 375—380 и 405—408 годах, в последнем случае — в сопровождении хасдингов и вандалов-силингов, обитавших где-то на границе внутренней и внешней периферий: их земли были не так далеко от границы, но до нас не дошли сведения о каких-либо дипломатических связях между ними и Римом до потрясений эпохи гуннов[1]. Из-за этих миграций Западная империя внезапно ока-

[1] По крайней мере, до II века, когда отношения между Римом и вандалами были установлены и определены в ходе Маркоманской войны, см. главу 2.

залась лишена немалой доли налогов вследствие потери важнейших для нее земель, что, в свою очередь, предопределило полное и столь же быстрое разрушение ее военной и политической систем.

При нормальном развитии ситуации мало-помалу на севере Европы появилась бы новая сверхдержава (по мере того, как соперничающие друг с другом предводители разных народов обретали бы новые земли и власть, то и дело бросая вызов правителям империи), но после появления гуннов резко изменились и временные рамки, и отчасти сама природа этого процесса. В IV веке дальняя граница внешней периферии Рима, на которой доминировали преимущественно германоязычные племена, отличающаяся вполне определенными системами материальной культуры, простиралась на немалые расстояния. В VI веке, после миграций эпохи гуннов и ассоциируемого с ними коллапса пшеворской, вельбарской и черняховской культур, следы старых культурных систем исчезли из земель к востоку от Эльбы и близ Среднедунайской низменности. В исторических источниках не встречаются упоминания о каких-либо крупных политических образованиях, существовавших там ранее в римский период. Падение Западной Римской империи, таким образом, сопровождалось резким сокращением территорий, на которых господствовали германцы, и объединением большей части земель, оставшихся в собственности франков. И скорость распада Западного Рима, и резкое сокращение германской Европы стали итогами миграционных процессов, запущенных гуннами. В общем и целом это привело к кардинальным изменениям в европейской истории.

Пытаясь оценить всю полноту влияния, оказанного Римской империей и ее крахом на тенденции развития Европы, мы приходим к парадоксальным выводам. Во-первых, в римский период (скажем, до 350 года) контакты с Римом способствовали распространению более развитых политических структур и сложных моделей экономического взаимодействия по широким просторам Европы. Я не знаю, «хорошо» или «плохо» это для человеческой истории. Поступь цивилизации не так легко оценить. Однако я уверен в том, что это явление величайшей важности. Однако, во-вторых, падение империи резко сократило географическую протяженность более развитой Европы по мере того, как миграционные процессы — отчасти хищнические по своей природе и преимущественно негативные по мотивации — утя-

гивали вооруженные и политически организованные группы на юг и запад. Тот факт, что новая Франкская держава оказалась более слабым государством, до определенной степени сгладил былой контраст между развитой и неразвитой Европой, существовавший в римский период. Тем не менее к VI веку более развитая Европа (считая и империю, и приграничные территории) занимала куда меньшую площадь, после падения Рима сложившись, как карточный домик.

Однако в более долгосрочной перспективе этот второй фактор окажется менее важным, чем тот факт, что Средиземноморье перестало быть господствующим регионом в Западной Евразии. Франки начали этот процесс, построив первую империю в Северной Европе. Он был завершен расцветом ислама, превратившего Восточный Рим в Византию, государство-сателлит, и разрушил политическое, а в конечном итоге и культурное единство Средиземноморья. Это освободило север от постоянной угрозы стороннего политического вмешательства, характеризовавшего старый мировой порядок. Падение Римской империи было родовыми потугами Европы, поскольку германская и арабская экспансии положили конец господству Средиземноморья над северными регионами. К концу 1-го тысячелетия развитая Европа и составляющая ее группа христианских королевств простиралась не только до Эльбы, как в 500 году, но до самой Волги на востоке. Миграция и развитие, инициировавшие эту поразительную трансформацию Европы, станут основной темой оставшихся глав.

Глава 8
СОЗДАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ЕВРОПЫ

Одна из самых крупных языковых групп современной Европы, славянская, насчитывает почти 270 миллионов человек, а славяноязычные страны занимают почти половину Европейского континента. Последнее было верно и в конце 1-го тысячелетия. Уже в 900 году славяне заняли обширные территории к востоку от Эльбы и даже кое-какие регионы к западу от нее, в Богемии и близ реки Зале. Восточные границы их расселения в данный период не до конца ясны, но эти народы, очевидно, занимали большую часть европейской территории России — доходя на востоке до реки Волги и на севере до озера Ильмень. Славяноязычные племена занимали и большую часть Балканского полуострова (карта 16).

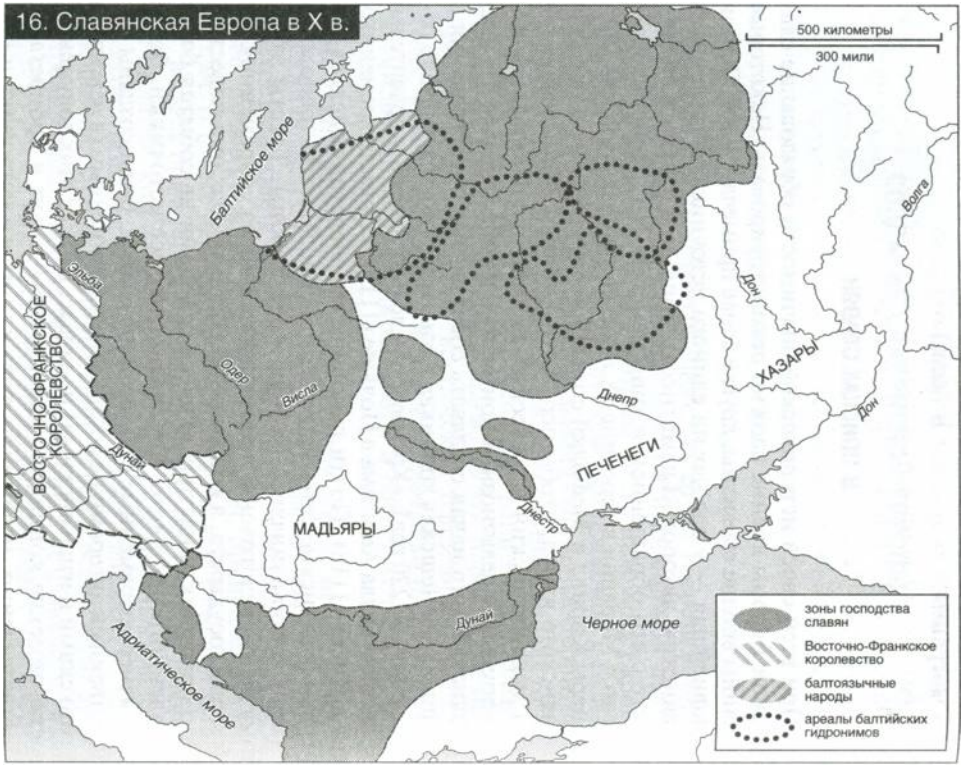
Но такой размер славянская Европа обрела не так давно. В римский период Европа вплоть до реки Вислы, почти на 500 километров дальше к востоку, чем западная граница земель на Эльбе, позже ставших территорией славян, принадлежала германцам. В тот же период Балканы были частью Римской империи, и здесь обитали этнически разнородные группы, говорившие на латинском и греческом, а также ряде местных диалектов и языков. Названия рек (гидронимы) также указывают на то, что большая часть центральной Европейской России одно время контролировалась носителями балтийских, а не славянских языков, в то время как ее северо-западные регионы находились в руках финских народностей (карта 16). Что еще более поразительно, упоминаний о «славянах» нет ни в одном из античных источников (греческих или латинских), написанных до свержения последнего императора Западного Рима, Ромула Августа, в 476 году, и это несмотря на то, что знания некоторых римских географов о Северной и Восточной Европе были довольно обширны. В англоязычных кругах исследователей вопрос о расцвете славянской Европы обсуждается не так часто, однако это

одна из интереснейших и важнейших историй всего 1-го тысячелетия. Откуда она взялась и какую роль в ее появлении сыграла миграция?

В ПОИСКАХ СЛАВЯН

При всей своей исторической значимости образование славянской Европы крайне сложно реконструировать. Некоторые причины вполне очевидны, другие более примечательны. Первая и главнейшая — у нас нет ни единого источника, оставленного славянским автором. Грамотность пришла в славянский мир вместе с его обращением в христианство. Но это произошло только в Моравии в середине IX века, когда византийские миссионеры Кирилл и Мефодий создали первую письменность для славянского языка, чтобы перевести Библию. За последующие века даже латинский и греческий алфавит использовались исключительно в религиозных контекстах, и лишь в начале XII века славянский мир начал создавать собственные повествования о прошлом — «Чешская хроника» Козьмы Пражского (начало составления — 1220 год), «Хроника или деяния князей и правителей польских» Галла Анонима в Польше (1115) и Повесть временных лет в Киеве (1116). Почти половина тысячелетия отделяет эти первые славянские летописи от того периода, когда господство славян устанавливалось на просторах Европы. Тексты эти к тому же сосредоточены преимущественно на современной им истории государств, в которых они составлялись, они повествуют о правящих династиях лишь со ссылками на события более отдаленного прошлого. Следовательно, все источники, более или менее современные становлению славян, были созданы византийскими авторами на востоке и послеримскими (в основном франкскими и итальянскими) на западе. Во всех этих документах греко-римские концепции «варварства» живут и процветают. Соответственно, надежность того или иного источника и степень искаженности реальности в зависимости от предубеждений автора и слушателей остаются под вопросом.

Однако эта проблема кажется незначительной на фоне другой, куда более серьезной. Даже наши сторонние наблюдатели очень мало писали о славянах. Восточноримские источники коротко сообщают о славянизации Балкан в VI—VII веках, в западноримских кое-где проскальзывает упоминание о рассе-

16. Славянская Европа в X в.
500 километры
300 мили
Балтийское море
Эльба
ВОСТОЧНО-ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Одер
Висла
Дунай
Днепр
Дон
Волга
ХАЗАРЫ
ПЕЧЕНЕГИ
Днестр
МАДЬЯРЫ
Дунай
Черное море
Адриатическое море
зоны господства славян
Восточно-Франкское королевство
балтоязычные народы
ареалы балтийских гидронимов

лении славян на запад вдоль Карпатского хребта и в предгорья Альп, а источники эпохи викингов проливают свет на последний рывок славянских племен на северо-восток к озеру Ильмень. Однако славянизация крупных регионов Северной Европы между Эльбой и Волгой не освещается ни в одном историческом документе. Было бы неплохо в этой ситуации оценить объективность сведений, сообщаемых теми или иными авторами, но по большей части нам даже не от чего отталкиваться. Данные из письменных источников настолько скудны, что создание славянской Европы приходится изучать фактически как доисторические времена, полагаясь почти исключительно на археологические остатки.

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

И мы вновь многим обязаны двум поколениям ученых после Второй мировой войны, которые внесли огромный вклад в археологические изыскания в странах восточного блока. Когда я впервые поехал в Польшу, в одной только Варшаве в Институте археологии было около 2 тысяч студентов, из которых каждый должен был принять участие в трех экспедициях, чтобы получить диплом. В стране было еще несколько археологических институтов, и схожая тенденция прослеживалась по всему бывшему советскому блоку. Соответственно, было обнаружено множество материалов дописьменной Европы, и не в последнюю очередь артефактов VI, VII и VIII веков, сыгравших важную роль в становлении славян. Археологи Центральной и Восточной Европы особенно успешно распознавали специфические скопления памятников материальной культуры, которые по месту и времени создания вполне можно было связать с тем или иным славянским племенем обсуждаемого периода. Остатки, относящиеся к корчакской системе, и связанные с ней пеньковские памятники состоят из простых собраний керамики, преимущественно горшков, которые ассоциируются с поселением из хижин (обычно около десяти), отчасти ушедших в землю, в них непременно имелась печь, сложенная из камней в одном углу. Порой рядом с поселениями обнаруживались небольшие кладбища с захоронениями кремированных останков в простых урнах, сделанных вручную. Все это черты небольших аграрных сообществ, практикующих смешанное земледелие,

обеспечивающих себя почти всем необходимым и использующих железные орудия. Как и ожидается, их находят обычно в тех местах, где хватает плодородной земли, на участках как раз над поймами ближайших рек. Памятники корчакской культуры также примечательны почти полным отсутствием привозных товаров и изысканных металлических изделий, как местных, так и импортируемых[1].

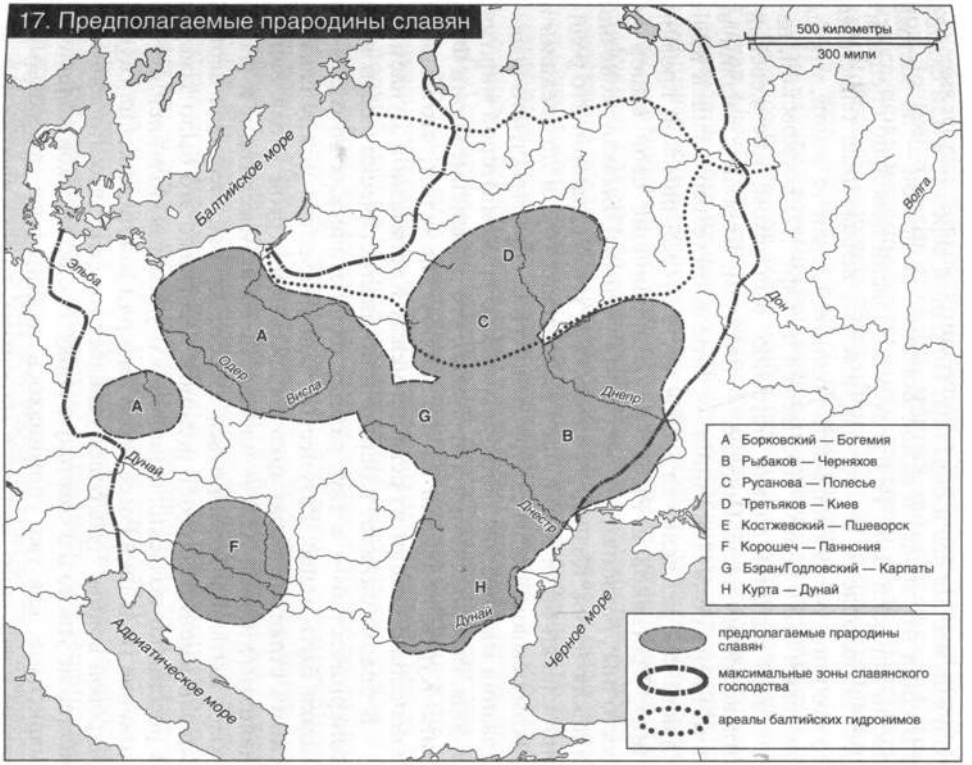
Связь корчакских памятников с ранними славянами не вызывает сомнений, однако проблем с ними хватает. И главная из них — хронология. Памятники корчакской культуры не включают в себя металлические изделия и более изысканную глиняную посуду, стиль которых мог бы меняться со временем, тем самым предоставляя основу для приблизительной датировки. Германские археологические остатки первой половины тысячелетия можно датировать с точностью до двадцати пяти лет, корчакские памятники — только двухсотлетним пернодом, между 500 и 700 годами. Есть технологические методы датировки — радиоуглеродный анализ или дендрохронология, с их помощью можно дать более точную датировку, там, где есть дерево или углерод, но они весьма дорогостоящи и в большинстве мест просто недоступны.

Еще сложнее соотнести памятники корчакской культуры и группы ранних славян. Насколько тесные связи существовали между ними, какие именно племена оставили этот след? Все славяноязычные сообщества начала V века вели тот образ жизни, на который указывают корчакские материалы, или нет? И действительно ли только славянские племена создавали такие изделия? Некоторые славяне, без сомнения, принадлежали к этой культуре, но это не говорит о том, что то же самое верно для всех. Более того. Нет причин полагать, что в простых фермерских сообществах на территории, где встречаются корчакские памятники, не говорили на разных языках[2].

Изучение ранней истории славян уже давно осложняется и другими проблемами. Природа их становится очевидной при взгляде на карту земель, которые на протяжении последнего

[1] Эти остатки Борковский изначально назвал «пражскими», поскольку были обнаружены на территории современной Чехии в 1940 году.

[2] Почти для всех племен, которые обитали за внешней периферией Рима, был характерен этот образ жизни. Следовательно, будет неразумно связывать корчакские остатки исключительно с ранними славянами, как часто делалось при старом подходе, характерном для истории культур (см. главу 1).

17. Предполагаемые прародины славян
500 километры
300 мили
Балтийское море
Эльба
Одер
Висла
Днепр
Дон
Волга
Дунай
Днестр
Адриатическое море
Черное море
A
B
C
D
E
F
G
H
A Борковский — Богемия
B Рыбаков — Черняхов
C Русанова — Полесье
D Третьяков — Киев
E Костжевский — Пшеворск
F Корошеч — Паннония
G Бэран/Годловский — Карпаты
H Курта — Дунай
предполагаемые прародины славян
максимальные зоны славянского господства
ареалы балтийских гидронимов

века с небольшим считались родиной славян (см. карту 17). Даже при беглом ее изучении вы заметите, что вариантов много и они весьма разнообразны. По одной версии, земли славян доходили на западе до самой Богемии, по другой — на востоке достигали реки Дон. И у этих разногласий довольно специфическая подоплека. Во-первых, имелась выраженная тенденция со стороны ученых называть родиной славян те земли, откуда они сами были родом. Пройдемся по карте 17: Борковский, назвавший родиной славян Богемию, был чехом; Костжевский, отдавший эту честь Польше, — поляком; Корошец, выдвинувший на эту роль Паннонию, — югославом (север бывшей Югославии как раз включал в себя часть старой римской провинции); Третьяков и Рыбаков, остановившие свой выбор на восточных регионах, — советскими учеными. Бывали, конечно, и исключения. Казимир Годловский, утверждавший, что родиной славян были земли близ Карпатских гор, и пришедший к такому выводу после скрупулезного и беспристрастного исследования материалов, обнаруженных со времен Второй мировой войны, был поляком, и я не думаю, что румынские корни Флорина Курты повлияли на его заключение о том, что славяне изначально вышли из региона между Карпатами и Дунаем.

В целом, однако, влияние националистических идей и их соперничество — в двух разных идеологических эпохах — не может быть яснее. Разумеется, соперничество между славянскими странами было ярко выраженной чертой эпохи национализма в конце XIX — начале XX века. Мыслители и философы пытались возвыситься в своих кругах, связывая первых славян именно со своей родиной. Особенно это было заметно в российско-польских отношениях, учитывая подчиненное положение Польши в Российской империи вплоть до конца Первой мировой войны. Чуть более удивляет тот факт, что это соперничество не угасло и в советскую эпоху. В классической концепции марксизма, как уже упоминалось, любого рода самосознание, кроме классового, является «ложным», то есть идеологией, порожденной элитой с целью управления массами. Вряд ли можно было ожидать, что советские исследователи всерьез заинтересуются вопросом, как и где возникло «ложное» этническое сознание славян, однако, помимо прочих парадоксов, удивляет то, как советская эпоха спаяла воедино марксизм и национализм, да так, что даже шва не осталось. Логичное (по тем временам) предположение, что сама судьба избрала славян стать

первым народом, который должен воплотить в реальность новый марксистский мировой порядок, добавило остроты старому соперничеству, и последствия этого могли быть весьма суровыми. До 1980-х годов польские ученые, сомневавшиеся в том, что славяноязычные народы всегда населяли земли между Одером и Вислой — то есть территорию Польши после Второй мировой, нередко наказывались за свои взгляды[1].

Порой эти соперничающие представления об истории славян использовались для того, чтобы отклонять чужие притязания. Густав Коссинна, как мы видели в главе 1, был готов на основе предполагаемого прошлого германцев оправдать территориальные притязания современной Германии; и отчасти Костжевский, перенявший методы Коссинны, действовал так же. Он утверждал, что сердце нового Польского государства — восстановленного после Первой мировой войны — всегда было населено славяноязычными племенами, и это высказывание было направлено не только против притязаний России, но и против Коссинны. Подобрать же тому доказательство было не так просто. В «Германии» Тацита написано, что германоязычные племена — в особенности столь ярко отметившиеся в истории готы — занимали территории к востоку до самой реки Вислы в I веке н. э. На первый взгляд данное утверждение невозможно увязать с теорией о том, что на этих же самых землях издревле жили славяне. Костжевский, однако, уверял, что готы и другие германские племена были лишь незначительной частью населения при большинстве «незаметных» славян. Дабы отстоять свою точку зрения, Костжевский взялся проследить историю этого большинства от раннего Средневековья к раннеримскому периоду (через пшеворскую культуру) и даже до 1000 года до н. э. (через так называемые поморскую и лужицкую культуры)[2].

Еще один поворот в этом противостоянии внесло вполне естественное желание славянских интеллектуалов ассоциро-

[1] См. карту в: Barford (2001), 326. После падения железного занавеса появилась возможность обсуждать указанную тему менее пристрастно. Подробнее о политизации изучения истории славян см., например: Barford (2001), особенно введение и главу 13; Curta (2001), глава 1.

[2] Юзеф Костжевский (Kostrzewski (1969) приводит подробное изложение собственной позиции, выработанной им к концу своей насыщенной жизни. Он учился с 1910 года под руководством Коссинны, а Вторую мировую войну провел прячась от гестапо, поскольку его взгляды на раннюю, исключительно славянскую Польшу были признаны неприемлемыми.

вать славян с «лучшими» — другими словами, наиболее технологически развитыми — скоплениями древних памятников. Когда Гитлеру показали однажды предположительно древнегерманские материалы из Балтики времен бронзового века, он пришел в восторг, ведь в то же самое время египтяне уже строили пирамиды. И по контрасту коллекция простой глиняной посуды, изготовленной вручную, производила уже не столь глубокое впечатление. Подобные заключения искажали и историю славян — многим ученым хотелось ассоциировать своих предполагаемых предков с более изысканными изделиями, нежели непрочная глиняная посуда. Рыбаков называл прародиной славян Украину, связывая с ними одно из самых крупных скоплений памятников железного века в Восточной Европе — черняховскую культуру. Как мы видели, они указывают на крупные поселения, оружие и орудия из железа, посуду самых разных видов, изготавливаемую на гончарном круге, и интересные украшения. Естественно, изготовивший их народ куда лучше подходит на роль предков славян, чем любые другие восточные европейцы, ютившиеся в низких землянках с одинаковой посудой, вылепленной вручную. Точно так же поступал и Костжевский — в плане развитости пшеворская культурная система была одной из «лучших» в железном веке в Центральной Европе.

По завершении эпохи нацистов доводы Костжевского находят больше отклика, чем изначальные аргументы Коссинны, однако изыскания обоих ученых с равной силой опирались на требования тогдашней политики, как и многие другие альтернативные исследования истории славян, проводившиеся примерно до 1970-х годов. Создание максимально выгодного варианта предыстории Центральной и Восточной Европы соответствовало политическим задачам. Но в последнем поколении ученых, и в особенности после падения Берлинской стены (хотя интеллектуальные революции к тому времени уже продолжались около десяти или более лет в разных частях советского блока), старые политические императивы утратили немалую часть своей силы. В 70-х годах Марк Щукин указал, что хронологическое совпадение между расцветом и падением черняховской культурной системы к северу от Черного моря и усилением и ослаблением влияния готов в этом регионе слишком сильно, чтобы говорить о том, что здесь якобы господствовали вовсе не германцы. Славяноязычные племена, возможно, и жили на этой территории, однако сформировала ее облик военная мощь готов. В Польше

представления Костжевского о преемственности славянской культуры тоже были поставлены под сомнение, когда выявилось отсутствие связи между доисторическими лужицкой и поморской культурами 1-го тысячелетия до н. э. и вельбарской и пшеворской системами, занимавшими те же земли в римский период[1]. Аргументы в пользу славянских народов с непрерывной историей, обитающих между Одером и Вислой примерно с 1000 года до н. э., утратили убедительность, и в целом ранняя история славян перестала быть разменной монетой в отчаянных попытках обойти соперников, приуменьшить роль германоязычных племен и отнести все «лучшие» скопления археологических памятников к славянским народам. Это не означает, что по всей Европе в этом вопросе наступили мир и согласие, но нынешние споры стали куда спокойнее и ведутся уже исключительно во имя прошлого.

Отбросив в сторону все эти досадные помехи, что мы сейчас знаем о славянизации Европы?

ПРАСЛАВЯНЕ

Начать можно только с первого упоминания о славянах в письменных источниках европейской истории. Славяне — точнее, склавины — появляются впервые к северу от границы Восточной Римской империи по нижнему Дунаю в первой половине VI века. Приблизительно в 550 году византийский историк Прокопий Кесарийский описывает многочисленные набеги склавинов и антов, которые, по его утверждению, родственны друг другу, через Дунай на балканские провинции Константинополя. Вторжения эти (точнее, вторжения антов) начались во время правления Юстиниана I (518—527), хотя анты в конечном

[1] Shchukin (1975), (1977). В Польше работа Годловского с пшеворской системой и раннеславянскими культурами была ключевой; ее результаты для англоязычных специалистов изложены в издании Goldlowski (1970). Благодаря его работе и работе его учеников вельбарская и пшеворская системы были связаны с германоязычным населением, а более ранние археологические «доказательства» того, что носители последней включали лишь немногочисленных скандинавов, — опровергнуты. Годловский также продемонстрировал, какой огромный археологический сдвиг отличает Польшу германского периода (когда в ней доминировали германцы) от славянской Польши раннего Средневековья.

итоге стали союзниками Византии. К 530-м и 540-м годам склавины представляли собой куда большую угрозу, и, судя по рассказу Прокопия, нападали они все чаще и яростнее. Приведенные им имена предводителей этих племен указывают на то, что оба народа были славяноязычными, и у нас нет причин сомневаться в том, что сведения Прокопия по большей части верны[1]. Следовательно, начиная примерно с 500 года славянские племена объявляются на территории современной Валахии и Южной Молдавии, между Карпатами и Дунаем.

В этом же регионе были найдены памятники корчакской культуры, датируемые приблизительно тем же периодом. Сами по себе они не подлежат точной датировке, но среди корчакских материалов в Валахии и Южной Молдове археологи обнаружили чужеземные предметы, время изготовления которых можно приблизительно указать. Брошь конца V века была обнаружена вместе с корчакской керамикой в Драгословени в Валахии, в типично корчакской землянке, и в том же регионе нашли знаменитое кладбище, Сарата-Монтеору, где в могилах оказались несколько брошей и ременных пряжек конца IV — начала V века. В Молдавии тоже в некоторых местах традиционно корчакские памятники обнаруживались вместе с привозной керамикой, изготовленной на гончарном круге и относящейся к V веку или самому началу VI, а в ходе раскопок близ Кишинева среди корчакских предметов было найдено зеркало гуннского образца середины V века. Конечно, неизвестно, сколько та или иная вещь ходила по рукам, но среди памятников корчакской культуры встречается достаточно изделий середины и конца V века, чтобы подтвердить: она получила распространение на этой территории в конце V — начале VI века, в то же время, когда, по словам Прокопия и других византийских авторов, впервые отмечается появление здесь славян[2]. Это признается всеми. Но было ли оно следствием миграции, или же славянские племена жили здесь все время?

Традиционный ответ — миграция. Расположенный близко к римской границе и включавший земли, бывшие частью империи во II и III веках, Прикарпатский регион довольно подробно

[1] Прокопий Кесарийский (История войн. 8.40.5) сообщает, что нападения начались во времена Юстина. Различные славянские набеги регулярно упоминаются в сочинении Прокопия о правлении Юстиниана. Хороший современный анализ см.: Curta (2001), глава 3.

[2] См.: Barford (2001), 41–42; Curta (2001), 228–246.

описан в источниках первой половины 1-го тысячелетия. Однако отсутствие упоминаний о славянах вовсе не говорит о том, что регион пустовал вплоть до 500 года. В римский период его занимали другие, неславянские племена. Что столь же поразительно, нет свидетельств того, что славяне играли сколь-нибудь заметную роль в империи Аттилы, под чьим контролем находились в том числе и эти земли. В разные моменты и разных источниках упоминаются те или иные покоренные народы, но славян нет вовсе. Лучшее доказательство, приводимое в пользу того, что славяне в мире Аттилы все-таки были, заключается в том, что якобы слово strava — которым, по словам Иордана, гунны обозначали надгробную речь над могилой своего предводителя — происходит из славянского языка. Может, это и так, но мы ничего не знаем о языке самих гуннов, так что, возможно, у него, напротив, гуннское происхождение. И это слишком зыбкое основание для утверждения, будто никем не упоминаемые славяне играли важную роль в империи Аттилы.

Среди аргументов в пользу миграции есть и более веские. Примерно в то же время, что и Прокопий, в Константинополе работал историк Иордан, и он дает следующее описание славян в середине VI века: «Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вислы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна [...], до Днестра, и на север — до Вислы. [...] Анты же — сильнейшие из обоих [племен] — распространяются от Днестра до Днепра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов».

Многое из этого согласуется с данными Прокопия, с небольшим дополнительным указанием на то, что склавины и анты происходят от раннего племени под названием венеды. Возможно, это важный момент, поскольку, в отличие от славян, венеды упоминаются в источниках римского периода. Как мы видели, Тацит размещает их к востоку от Вислы в широкой полосе между финнами на арктическом севере и Карпатскими горами. Плиний чуть раньше тоже слышал о венедах (Venedae, как он называл их), но никакой более информации он не приводил. Географ

II века Птолемей знал о них не больше — разве что привел чуть больше имен и названий. Нет сомнения в том, что венеды существовали и жили в Восточной Европе в первой половине тысячелетия, но более ничего римляне о них не знали. Эта часть Европы была для них чуть менее загадочной, чем дальние земли, где «у людей были человеческие лица и черты, но тела животных», но лишь самую малость. И разумеется, главное — если сравнить эти ранние упоминания с тем, что писал Иордан, вполне логичным будет предположить, что появление славян, потомков венедов, в Прикарпатском регионе примерно в начале VI века было результатом их миграции с севера[1].

Сведения Иордана отчасти совпадают с одним из самых известных аргументов в ранних изучениях истории славян, берущим начало в лингвистике и подтверждающимся весьма весомыми археологическими находками. Во всех современных славянских языках название дерева граб происходит от праславянской основы, в то время как обозначения березы, лиственницы и тиса — преимущественно германские заимствования. Как утверждалось в начале XX века, это потому, что грабы были основной растительностью на «прародине славян». В ходе исследований единственной подходящей местностью оказался уголок близ Припяти на территории Полесья, болотистая зона в 350 километрах к северу от Карпат (см. карту 17). Разумеется, это привело к многочисленным раскопкам в районе Припяти, и в результате продолжительных работ там в 1950—1960-х годах Ирина Русанова сообщила о нахождении самых ранних памятников корчакской культуры. Она же обнаружила одно из крупнейших корчакских поселений, в результате чего пражская культура была переименована в корчакскую — из-за характерных вросших в землю хижин и изготовленных вручную горшков, говорящих о ее большей древности[2].

Однако это некогда стандартное представление о раннеславянской истории недавно было поставлено под сомнение Флорином Куртой, который возразил, что, напротив, древние сла-

[1] Иордан. Гетика. 5.34—35; ср.: Тацит. Германия. 46.2 (о венедах) и 46.4 (о том, что находится дальше). Подробнее о венедах см.: Плиний. Естественная история. 4.97; Птолемей. География. 3.5.1, 7.

[2] Этот «деревянный» аргумент впервые привел польский ботаник Йозеф Ростафинский в 1908 году: Curta (2001), 7—8. Работы Русановой опубликованы только на русском языке, подробнее о них (включая обзор источников) см.: Curta (2001), 230 и далее.

вяне появились именно там, где они впервые упомянуты, — в юго-восточных предгорьях Карпат. Его выводы основаны на истории и археологии. Для начала, он отрицает истинность утверждения Иордана о том, что славяне происходят от венедов. Иордан кое в чем опирается на «Германию» Тацита, и Курта утверждает, что связь между венедами и славянами — изобретение Иордана на основании данных Тацита и является еще одним примером хорошо известной тенденции римских авторов утверждать, будто нет никаких «новых варваров» — лишь прежние под новыми именами. На археологическом фронте Курта также критикует выводы Русановой, считая, что корчакские материалы Прикарпатского региона старше таковых в Полесье, а следовательно, не могут происходить от них. Курта более настойчиво — и это главная тема его основного исследования — привлекает внимание к довольно солидному корпусу исторических и археологических свидетельств, указывающих на то, что славяне, связанные с Византией в VI веке, быстро подверглись динамичному процессу социально-политической и экономической трансформации. Именно этот процесс, по его утверждению, и создал «первых» славян или праславян[1].

Многие из выводов Курты весьма убедительны. Его разрушение хронологии Русановой весьма убедительно. Корчакские материалы из Полесья, разумеется, не старше таковых, найденных к югу от Карпат. Вполне возможно, что именно где-то близ Карпатских гор и находится территория, которую было бы вернее всего назвать прародиной по крайней мере тех славян, которые в VI веке оказались близ границ Византии. Сам Курта считает, что они обитали к юго-востоку от нее. Еще одна более новая теория, предложенная Володимиром Бараном и развитая в дальнейшем польскими археологами так называемой краковской школы, гласит, что, возможно, следует обратить взоры на северо-восток. Здесь, в современном Подолье, были обнаружены многочисленные ранние корчакские материалы (более древние, чем полесьевские еще дальше к северо-востоку). Проблема с датировкой памятников корчакской культуры остается актуальной, однако в Подолье чуть больше датируемых предметов, чем в избранном Куртой регионе на юго-востоке. Прикарпат-

[1] См.: Curta (1999), (2001), особенно 39—43 (Иордан); 230 и далее (Русанова); главы 3 и 6 (о быстрых трансформациях в сообществах славян, произошедших благодаря контактам с Восточной Римской империей).

ские корчакские поселения Курты также появились лишь через столетие после заселения этой области. Поэтому вполне вероятно, что первые славяне, появившиеся в исторических документах, действительно были потомками племени, жившего к северо-востоку от Карпат. Если так, то они быстро расселились по Европе. Корчакские материалы Подолья могут опережать валахские и молдавские в лучшем случае на поколение (около двадцати пяти лет) или два[1].

И я не уверен в правоте Курты относительно Иордана. По определению, поскольку сам Иордан не оставил никаких записей касательно своих методов работы и поскольку способов проверить приводимые им сведения у нас нет, мысль о том, что он изобрел связь между венедами лишь на основании указаний Тацита, может оставаться лишь предположением. Она не является проверяемым фактом, и есть данные, говорящие отнюдь не в ее пользу. Иордан начал карьеру в роли армейского писца при византийском военачальнике, чье войско стояло на дунайской границе в то время, когда участились набеги славян. Он также приводит — и вновь, предположительно, отталкиваясь от собственных знаний — точную информацию о поселении к югу от границы в нижнем течении Дуная различных групп, пришедших сюда после распада империи Аттилы. Это говорит о хорошем знании региона и подтверждает вероятность того, что у Иордана имелась подлинная информация о том, что по крайней мере сами славяне думали о своем происхождении. Вполне возможно, что он предоставил нам самую раннюю историческую справку о славянских группах в действии, упомянув о войне готского царя Винитария с антами. Вызывает вопросы только хронология. Иордан считал, что Винитарий жил в конце IV века, но на деле он был предводителем одного из тех отрядов, которые разгромил Валамир, чтобы в конечном счете создать объединенне остготов под предводительством Амалов, возможно после смерти Аттилы. Но у Иордана выходит, что упомянутая война произошла до того, как эти самые готы двинулись к западу от Карпатских гор к Альфёльду, чтобы не возникло противоречий при рассказе о действиях славяноязычных антов на восточных пред-

[1] Godlowski (1983); Parczewski (1993), (1997: обзор на английском); Kazanski (1999), глава 2; ср.: Barford (2001), 41 и далее (для тех, кто открыт новому).

горьях Карпат в V веке. Нужно еще учесть тот факт, что термин «венды» (произошедший от старого римского названия венеды (venedi) начиная с VII века использовался многими средневековыми западноевропейскими народами для обозначения своих славянских соседей, а миграция, как мы увидим далее, была отличительной чертой славяноязычных племен с VI века. Большие группы склавинов и антов из Молдавии и Валахии в начале VII столетия окажутся на Балканах, и уже в VI веке есть упоминания о славянах, переселяющихся на запад по центральноевропейским возвышенностям. Учитывая, что, как мы не раз видели раньше, у групп населения вырабатывается привычка к миграции, это лишь добавляет весомости предположению, что первые славянские племена выдвинулись в регион в недавнем прошлом. Всего этого, разумеется, достаточно, чтобы сделать вывод Курты о ненадежности сведений Иордана как минимум неубедительным, и, на мой взгляд, вполне возможно, что это один из тех редких случаев, когда древний историк действительно знал, о чем говорит[1].

Но здесь есть даже более важный момент. Начиная примерно с 500 года, как мы чуть позже убедимся, начался процесс масштабной экспансии, который сделает славяноязычные племена главной силой на просторах Европы от Эльбы до Волги. Этот процесс не слишком подробно описан в источниках, но кажется весьма неправдоподобным утверждение, что начало ему могло положить всего одно-единственное племя, занимавшее территории Молдавии и Валахии. Даже если забыть об утверждении Иордана о венедах и признать, что склавины и анты появились именно там, где они впервые упоминаются, вам еще придется объяснить явление славянизации в целом. Помимо названия упомянутого дерева лингвистика предоставляет нам два важных и более общих положения.

Во-первых, современные славяноязычные группы (восточные, западные и южные) примечательны тем, что они по-прежнему близки друг другу — так близки, что языки остаются взаимно понимаемыми. Все предполагает, что такая близость проистекает не из процессов лингвистической конвергенции в недавнем прошлом, а из того факта, что они раз-

[1] Иордан. Гетика. 48.247 (Бож и анты) и о хронологии: Heather (1989) (см. главу 5); Иордан. Гетика. 50.265–266 (гуннские и прочие поселения на Дунае, см. главу 5).

делились на довольно поздней стадии. Во-вторых, славянские языки в целом наиболее тесно связаны с балтийскими, а гидронимы балтийского происхождения были когда-то куда более широко распространены в Восточной Европе, чем сейчас (см. карту 1б). Как мы видели в случае с англосаксами в Англии, названия крупных рек имеют странную тенденцию переживать даже серьезные культурные трансформации. Следовательно, незадолго до разделения славянского праязыка на ветви должен был произойти раскол между славяно- и балтоязычными племенами. Ранее они говорили на одних и тех же древних близкородственных индоевропейских диалектах[1]. Взятые в столь же широком аспекте, археологические свидетельства дают схожую картину. Единственными возможными создателями крайне простых земледельческих сообществ, оставивших после себя памятники корчакской и родственных ей культур начала VI века, — земледельческие же племена в Европе к востоку от Вислы и северу от Карпатских гор в римский период. На это указывают все имеющиеся свидетельства. Славяноязычное население Европы явно появилось где-то среди народов Восточной Европы, не принадлежащих к германским. Даже если Иордан выдумал связь между склавинами и антами (в чем я сильно сомневаюсь), остается большая вероятность того, что он был прав.

СЛАВЯНИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ

Однако лингвистика не в силах помочь нам с хронологией. Мы знаем, что славянская языковая группа появилась сравнительно недавно, но что это означает на деле? Некоторые эксперты утверждают, что отделение ее от балтийской группы началось только в середине 1-го тысячелетия — в то время, когда славяноязычные племена начинают появляться в наших источниках. Другие считают, что произошло это раньше — может, даже на тысячу и более лет. Такой разброс мнений имеет значение, когда доходит дело до попытки проследить славянизацию Европы, начавшуюся примерно с 500 года. Было ли тогда крайне мало славяноязычных групп, поскольку

[1] Хорошее исследование о причинах долгого развития простых земледельческих культур в Восточной Европе см.: Dolukhanov (1996).

языковое разделение только начиналось, а значит, они были представлены лишь склавинами и антами, носителями корчакской и пеньковской культур? В этом случае получается, что весьма немногочисленный народ к X веку уже стал доминировать на территории Европы. Если же, напротив, отделение славянской семьи началось гораздо раньше, то склавины и анты могли быть лишь двумя подгруппами куда более многочисленного славяноязычного населения. Сейчас дать точный ответ невозможно, но большинство экспертов считают, что славяне откололись от балтийцев задолго до середины 1-го тысячелетия. Тогда экспансия славян уже не вызывает изумления, поскольку выходит, что они к тому времени населяли не только Молдавию и Валахию[1]. Тем не менее следует помнить об обоих вариантах, пытаясь объяснить внезапную экспансию славян по трем основным направлениям: к югу на Балканы, к западу и северу к Эльбе и Балтийскому морю, к востоку и северу к Волге и дальше, к границам арктической тундры.

БАЛКАНЫ

Экспансия славян на Балканы довольно полно описывается в более или менее современных ей восточноримских и византийских исторических источниках. До обнаружения новых археологических данных они предоставляли нам большую часть более или менее надежных сведений о раннеславянской истории. В итоге, как всегда бывает, когда слишком много умных людей изучают одни и те же источники, содержащие ограниченный набор сведений, область исследования превращается в шахматный матч, в котором на каждый гамбит находится ответ. К счастью, у нас нет необходимости вдаваться в подробности этих споров, поскольку общие черты славянской экспансии на Балканы вполне ясны.

Как мы только что видели, набеги славян на Балканы стали многочисленнее и масштабнее к середине VI века. В 547–548 годах большой отряд направился на юго-запад от Дуная через Иллирик и проник далеко на юг, дойдя до крупно-

[1] Полезный обзор лингвистических свидетельств см.: Birnbaum (1993); Nichols (1998).

го порта в Адриатике Эпидамна (Дурреса). Прокопий сообщает, что налетчики захватили много крепостей, чего раньше не наблюдалось. Этот успех спровоцировал новые нападения. На следующий год 3 тысячи славян пересекли Дунай и двинулись к реке Эвр (Марица). Там они разбили местное римское войско и захватили крупное поселение Топирос, заманив гарнизон города в засаду. Сообщается о том, что во время последующей резни и грабежа были убиты 13 тысяч жителей мужского пола, а многие женщины и дети — захвачены в плен. В 550 году беспрецедентно крупное войско двинулось на юг мимо Ниша с весьма амбициозной целью — захватить Фессалоники, хорошо укрепленную столицу Западных Балкан. В конечном итоге налетчики свернули с дороги, двинувшись через горы в Далмацию и бежав от многочисленной римской армии, двинувшейся на север через Балканы, чтобы завершить завоевание остготской Италии. Когда армия прошла, налетчики вернулись на запад Балкан, нанеся поражение второй, импровизированной армии Рима близ Адрианополя. После этой победы они оказались всего в дне пути от столицы империи, Константинополя[1].

Однако нет причин полагать, что эти славяне уже тогда всерьез собирались поселиться на территории империи. Антам была дарована старая римская крепость Туррис, по мирному договору 540 года, но она находилась к северу от Дуная, и целью заключения мира было желание помешать дальнейшим набегам со стороны склавинов. Некоторые славянские топонимы, возможно, фигурируют в перечнях Прокопия балканских фортов, восстановленных или построенных императором Юстинианом (527—565), но если и так, тот факт, что они относятся к крепостям, может означать, что они стали результатом принятия славянских рекрутов в римскую армию, а вовсе не миграции. В любом случае в те годы славяне еще не представляли собой достаточно серьезной силы, чтобы всерьез попытаться завоевать любую часть Балкан или же захватить важные центры вроде Фессалоник[2]. Но ситуация резко изменилась

[1] *Прокопий Кесарийский.* История войн. 7.29.1—3 (547 год), 7.38 (548 год), 7.40 (550 год). В другой работе Прокопий сообщает, что эти набеги были ежегодными. *Он же.* Тайная история. 18.20; ср.: Curta (2001), 75—89.

[2] Туррис: *Прокопий Кесарийский.* История войн. 7.14.32—35. О крепостях подробнее см.: Curta (2001), 150 и далее.

примерно в 570 году, с появлением империи аваров — Аварского каганата.

Авары будут так часто фигурировать на следующих страницах, что на них, пожалуй, стоит остановиться подробнее. Они представляют собой следующую волну воинов-кочевников, после гуннов, которые покинули Евразийскую степь и создали империю в Центральной Европе. К счастью, о них нам известно куда больше, чем о гуннах. Авары были тюркоязычными и ранее были главной силой, стоявшей за объединением кочевых племен на границах Китая. В начале VI века они уступили лидирующую позицию одному из соперников, так называемым западным тюркам, и появились на границах Европы в качестве политических беженцев, объявив о себе прибывшим ко двору императора Юстиниана посольством в 558 году. Император рассматривал их как новую пешку в великой дипломатической игре «Разделяй и властвуй», с помощью которой он пытался предотвратить серьезные неприятности с северо-востока. Однако быстро выяснилось, что такой подход был излишне оптимистичен. Недовольные навязываемой им ролью, авары быстро создали империю, ставшую весьма грозной силой. Присоединив к своей коалиции кочевников-булгар, к 570 году они переместились на Альфёльд, к старому лагерю Аттилы, а там включили и гепидов в быстро растущий список подвластных им народов. Их появление также подтолкнуло лангобардов к тому, чтобы уйти на более безопасные земли Италии по другую сторону Альп[1]. И как будто всего этого мало, приход аваров стал также поворотным моментом в истории славян.

Как и многие их соседи на Среднедунайской равнине, славяне Карпатского региона стали мишенью агрессии аваров. Анты, судя по всему, пострадали больше всего от их рук во время карательной кампании 604 года, в результате которой они утратили свою политическую независимость. С одной стороны, расцвет Аварского каганата вынудил некоторые славянские племена попытаться переселиться к югу от Дуная, чтобы избежать подчинения. В этом регионе яростные нападения аваров на Восточную Римскую империю, участившиеся в 570-х и 580-х, а затем в 610-х годах, предоставляли славянским племенам возможность избежать с помощью миграции ответных

[1] Об аварах см., например: Pohl (1988), (2003); Whitby (1988); Daim (2003) (обзор археологических свидетельств Аварского каганата).

ударов со стороны римлян. В то же время властям Константинополя приходилось защищать свои восточные территории в Сирии, Палестине и Египте от персов, а после — арабов. Эти провинции были куда более солидным и надежным источником доходов, чем раздираемые войнами Балканы, а потому их защита, естественно, была приоритетнее.

Новая эра наступила в 580-х годах. Император Маврикий (582—602) оказался втянут в серьезный военный конфликт с Персидской империей, в ходе которого большая часть войск была переброшена с Балкан на Ближний Восток, и авары не упустили представившуюся возможность, проведя череду яростных нападений во Фракии. В то же самое время склавины начали весьма агрессивные кампании во Фракии и Иллирике, а в 586 году нанесли первый серьезный удар по Фессалоникам, столице последнего. В тот же самый год, «пятый год правления императора Маврикия», как гласит одна из известных рукописей, «Монемвасийская хроника», славяне захватили весь Пелопоннес, за исключением части восточного побережья, которое по-прежнему осталось в руках римлян. В соответствии с «Хроникой», это привело к массовой эвакуации «всех греков» из захваченных регионов — жители Патр двинулись в Регий в Калабрии (Южная Италия), жители Аргоса — на остров Урок, коринфяне — на Эгину, спартанцы — в Сицилию и саму Монемвасию, расположенную на скалистом, хорошо укрепленном полуострове в Южном Пелопоннесе.

Однако славянизация Пелопоннеса произошла вовсе не так рано. «Монемвасийская хроника» — поздний текст, и, хотя в нем приведены кое-какие подлинные данные, процесс переселения славян описан довольно хаотично. В 590-х годах, благополучно выиграв Персидскую войну, Маврикий нанес контрудар по захватчикам Балкан. Он дипломатично уплатил антам за нападение на склавинов, досаждающих своими атаками, в то время как его армии нанесли серьезные поражения основным силам аваров в 593—595 годах и позже, начиная с 599 года. В 602 году его войска действовали уже к северу от нижнего Дуная, осуществив ряд упреждающих нападений, уничтоживших некоторые славянские племена целиком. Письма папы Григория I того же периода показывают, что христианская власть в целом была восстановлена в Иллирике — в том числе и в Пелопоннесе. Все славянские поселения (каковые, несо-

мненно, к тому моменту имелись) не пережили контратак Маврикия[1].

Но это еще не конец истории. С 604 года, как и в 580-х годах, преемники Маврикия, Фока и Ираклий, оказались втянуты в новый конфликт с Персией, который к 610-м годам протекал дьявольски разрушительно для империи, потерявшей контроль почти над всем Египтом, Палестиной и Сирией. В 614 году произошла катастрофа. Фессалоники с трудом удалось отстоять. А вот Салона, крупнейший римский город на далматском побережье, оказалась во власти аваров и славян, вместе с другими важнейшими городами на севере Балканского полуострова, вроде Ниша и Сердики. Затем они дошли до Пелопоннеса на юге, где — помимо всего прочего — славянские налетчики вышли в прибрежные воды на долбленых лодках. Возникла угроза взятия Константинополя после недельного осаждения его аварами в 626 году. И по мере нарастания этой военной угрозы переселение славян продолжалось — и набирало обороты[2].

Ираклий в конечном счете выиграл войну с Персией, но сразу же столкнулся с угрозой со стороны арабов-мусульман. И в отличие от 590-х годов на сей раз не было времени и возможности возместить ущерб, нанесенный римскому укладу на Балканах. Катастрофические события 614 года стали свидетельством падения дунайской границы Византии и проложили путь славянскому переселению на большую часть Балканского полуострова — от Добруджи на северо-востоке до Пелопоннеса на юго-западе. Воссоздать все детали этой картины невозможно, но ряд набросков, благодаря различным источникам, не оставляет ни малейших сомнений относительно масштабов этого процесса. В Македонии на севере Балканского полуострова, как видно по «Чудесам святого Димитрия Солунского», славянские поселения близ реки Струмы рядом с Фессалониками к середине VII века стали постоянными. По одному из описываемых в книге эпизодов становится ясно, что несколько славянских племен поселились неподалеку от города приблизительно в 670 году, что подтверждается последующими событиями. В конце 680-х годов император Юстиниан II сумел, хоть и временно, перейти

[1] См.: Whitby (1988), особенно 156 и далее.

[2] О Персидской войне см. главу 7. О катастрофе 610-х годов: *Иоанн Никиусский*. Хроника. 109; *Чудеса* святого Димитрия Солунского. I.12, 13—15, II.1, 2. Осада Константинополя упоминается в «Пасхальной хронике» (626).

в наступление в Македонии, покорив славянские племена и восстановив власть империи над этими землями. Частью этого процесса было переселение 30 тысяч славян в Малую Азию. У этих сведений имеются археологические подтверждения. В Македонии и сопутствующих областях в VII веке культуры, схожие с корчакской, не получили распространения, но отдельные корчакские памятники были обнаружены в Сербии и Хорватии — Барак-Мунджак, Осиек, Стиневач, Винковцы[1].

Дальше к востоку, во Фракии, славянских поселений также хватало. Когда примерно в 680 году появилось первое государство булгар к северу от Гемских гор, в этом регионе уже жили семь славянских племен. Они расселились по дуге в нагорьях, вокруг будущих центральных земель булгар на Дунайской равнине. И здесь археологические находки отличаются от македонских. В слоях VI века встречаются редкие вкрапления славянской керамики в изделия местного производства — на кладбищах и в сельских регионах вокруг некоторых крепостей приграничного региона, в особенности в Силистре и Видине. Однако в ходе раскопок в Северной Болгарии в таких местах, как Попина, к примеру, были обнаружены материалы корчакского типа без каких-либо чужеродных примесей. Это и похожие места датировались VI веком, но теперь ясно, что они появились позднее, определенно после падения дунайской границы в 614 году, отметившего начало полномасштабного заселения этой части Балкан славянами. И в археологическом, и в историческом плане ситуация изменилась из-за прибытия тюркоязычных кочевников-булгар, но сопряженные с ним события стали следствием более ранней славянской миграции[2].

Письменные и археологические источники также подтверждают присутствие славян дальше к югу, в самом сердце современной

---

[1] *Чудеса* святого Димитрия Солунского. II.4, 5. В «Чудесах...» (II.4) упоминаются речане, струмяне и сагудаты, напавшие на Фессалоники, в II.1 к ним прибавляются ваюниты и берзиты. О перемещениях см.: *Феофан Исповедник*. Хронография (год 6180 (687/8). Позже Юстиниан пытался использовать их для борьбы с арабами, но в решающий момент они перешли на сторону врага во время битвы при Севастополе в 692 году: *Феофан Исповедник*. Хронография (год 6184 (691/2), где указана цифра 30 тысяч воинов. Об археологических находках на севере и западе Балкан см.: Kazanski (1999), 85—86, 137; Barford (2001), 58—62, 67 и далее.

[2] Семь славянских племен: *Феофан Исповедник*. Хронография (год 6171 (678/9). О развитии археологической картины см.: Kazanski (1999), 138; Barford (2001), 62 и далее, а также примечания. Подробнее о булгарах см.: Gyuzelev (1979).

Греции и Пелопоннеса. В «Чудесах святого Димитрия Солунского» мимоходом упоминаются другие славяне, белегезиты, обосновавшиеся близ Фессалии и Деметрии. Поздние тексты упоминают и об иных славянах на Пелопоннесе, не в последнюю очередь о милингах и эзеритах близ Патр, которые в начале IX века взбунтовались из-за дани, наложенной на них начавшим оживать Византийским государством. Здесь археологические отголоски присутствия славян больше похожи на материалы, найденные в Македонии на северо-западе Балкан, нежели на обнаруженные во Фракии на северо-востоке. Это единичные, немногочисленные находки корчакских материалов без признаков того, что славянские иммигранты сохранили основные аспекты своих культурных систем. А некоторые из материалов, которые приписывались им, оказались иного происхождения. На кладбище в Олимпии, к примеру, нашли двенадцать захоронений кремированных останков с погребальным инвентарем и урнами, похожими на корчакские. Скорее всего, это византийские солдаты, возможно славянского происхождения, а вовсе не независимые славяне-иммигранты. Более убедительные комплекты славянской керамики были найдены в Аргосе, Мессине и Деметрии, и в целом в Греции, как по всему Балканскому полуострову, часто обнаруживались пальчатые броши-фибулы, которые часто использовались славянами (но не только ими) в раннем Средневековье. Есть и другие возможные объяснения малому количеству остатков славянского происхождения. Прежде всего — первые археологи, которых совершенно не интересовали средневековые материалы, они фактически разоряли основные места раскопок в Греции в конце XIX века и выбрасывали все, что было произведено позже классического периода. Тем не менее выходит, что переселение славянских племен в Грецию не привело к появлению полноценных систем материальной культуры, сходных с корчакской[1].

К середине VII века славянская миграция затронула более или менее весь Балканский полуостров, но это только часть

[1] *Чудеса* святого Димитрия Солунского. II.4; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей (Патры). Об археологии см.: Kazanski (1999), 85—86, 137; Barford (2001), 67—68 и особенно точный критический обзор Курты (Curta (2001), 233—234), в котором дается ответ на чрезмерно энергичные попытки предыдущих исследователей использовать эти свидетельства в качестве доказательств сведений «Монемвасийской хроники» о ранней и массовой славянизации Пелопоннеса, см., например: Charanis (1950).

картины. Согласно одному источнику, северо-запад Балкан ждала еще одна волна переселения славян. Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» гласит, что первая волна смешанных групп славян поначалу захлестнула земли, теперь принадлежащие Хорватии, Сербии, Черногории и Македонии, где они поселились в качестве подданных аваров в те времена, когда в Центральной Европе устанавливалась власть каганата (с 560 года и дальше). За ними чуть позже, но во время правления Ираклия (610—641), последовали еще два куда лучше организованных славянских племени — сербы и хорваты, прибывшие с севера и изгнавшие большую часть аваров из этого региона, подчинив себе оставшихся и установив собственное правление в Сербии и Далмации соответственно. В случае с хорватами упомянутый трактат приводит две версии развития событий, одна явно византийская, вторая — хорватская. Как несложно догадаться, они расходятся в ответах на следующие вопросы: были ли хорваты приглашены на Балканы или же действовали по собственной инициативе и обязались ли они принять господство Византии в качестве главного условия поселения.

Это знаменитые рассказы, но неясно, что с ними делать. Сербские и хорватские националисты воспевали их как правдивый рассказ об их «народах», пришедших на Балканы хорошо организованным множеством. Но проблемы, созданные этими версиями, очевидны. Они уникальны, а значит, не имеют подтверждения. К тому же обе истории появляются в сравнительно позднем источнике («Об управлении империей» — рукопись середины X века) и по стилю изложения больше напоминают легенды — хорватов, к примеру, привели на юг пятеро братьев. Не приходится удивляться тому, что их нередко сбрасывают со счетов. С другой стороны, арабские источники X века подтверждают существование других сербов и хорватов к северу от Карпатских гор в тот же период, и в целом описанный в трактате ход событий не невозможен. Если предположить, что в этих рассказах есть зерно истины, значит, более организованные группы славян сумели обрести независимость от аваров, двинувшись на юг, на Балканский полуостров, и установив контакты с Византией при жизни Ираклия. И действительно, северные сербы сами освободились от владычества аваров — пусть и на время — в союзе с бывшим франкским купцом, Само, около 630 года, как раз во

время правления Ираклия. В это время в Аварском каганате был кризис — после сокрушительного поражения при осаде Константинополя в 626 году, который привел к тому, что тогдашний каган утратил влияние. Немало булгар также вырвались из-под власти аваров, бежав в Италию, поэтому рассказ о том, что другие славянские племена поступили схожим образом, по приглашению Византии или без такового, вполне правдоподобен[1].

Но если это действительно так, то сербы и хорваты в VII веке вовсе не были цельными, едиными народами, ответственными за полную смену населения в этих регионах Балканского полуострова. Как мы видели, куда лучше документированные случаи миграции в 1-м тысячелетии никогда не приводили к полной смене этнического состава населения — часть местных народов остается всегда. И у этой истории, возможно, есть еще один поворот. Названия племен сербы и хорваты, вместе с некоторыми именами их предводителей, могут происходить скорее из иранской, нежели славянской языковой группы. Высказывалось предположение, что оба этих племени изначально управлялись центральной группой из иранских кочевников[2]. Это отнюдь не невозможно. Могло случиться так, к примеру, что славянские группы, поселившиеся на севере Причерноморского региона, стали частью военного союза, управляемого иранскими кочевниками. У нас нет ни единого доказательства, говорящего в пользу этой идеи, однако обычно кочевники вроде гуннов действовали именно так близ границ Европы. Сербы и хорваты могли вернуть независимость за счет аваров во время правления Ираклия, возможно около 630 года, когда в каганате был кризис, а византийцы использовали их как сдерживающую силу для ограничения господства аваров на Балканах. Это вполне правдоподобно. А вот стоит ли считать их в этот период сугубо славянскими племенами или же правильнее рас-

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. 30, 31 (соответственно хорватская и византийская версии прихода хорватов); 32 (сербы). Само: *Фредегар.* Хроника. 4.48; ср.: 4.72 (о булгарах). Подробнее см.: Pohl (2003). Исследователи расходятся по вопросу о том, насколько достоверным источником является труд Константина Багрянородного «Об управлении империей».

[2] Подробнее см.: Barford (2001), 73—75; Curta (2001), 64—66, и примечания. Также ведутся споры о персидском происхождении некоторых имен вождей антов (упоминания о которых сохранились), однако этимологи не могут дать на этот вопрос однозначный ответ.

сматривать их как конфедерацию, управляемую ираноязычными кочевниками, совершенно неясно. Неясным остается и еще один вопрос: представляло ли их появление собой новую волну славянской иммиграции на северо-запад Балканского полуострова, или же они сыграли роль организующего фактора для племен, уже обитающих там, но до той поры подчиненных аварам. Если верно последнее, то их ситуация вполне схожа с историей булгар на востоке Балкан.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Экспансия славян в Центральную Европу между Эльбой и Вислой была столь же основательной. Главным ее свидетельством является короткий и незатейливый документ высочайшей исторической важности — так называемый «Баварский географ». Датируемый приблизительно 820 годом, он был создан неизвестным географом, работавшим где-то в Баварии. Он содержит перечень соседей Франкской империи между реками Одером и Эльбой и даже указывает степень их влияния и силы, давая оценку каждого государства по количеству городов (*лат.* civitates), входивших в него (карта 18). К вопросу о том, как именно эти города могли выглядеть, можно вернуться в главе 1. Главное для нас сейчас — тот факт, что у всех них славянские названия. Из других источников нам известно, что некоторые славяноязычные племена проникали и дальше, к западу от Эльбы, до прихода к власти Каролингов, но эти иммигранты редко приходили в таких количествах, чтобы поколебать давно устоявшееся господство германоязычных саксов и тюрингов. «Географ» иссякает на реке Одер, и, вполне возможно, о регионах дальше к востоку, между Одером и Вислой, в каролингской Европе в начале IX века знали очень и очень немногое[1].

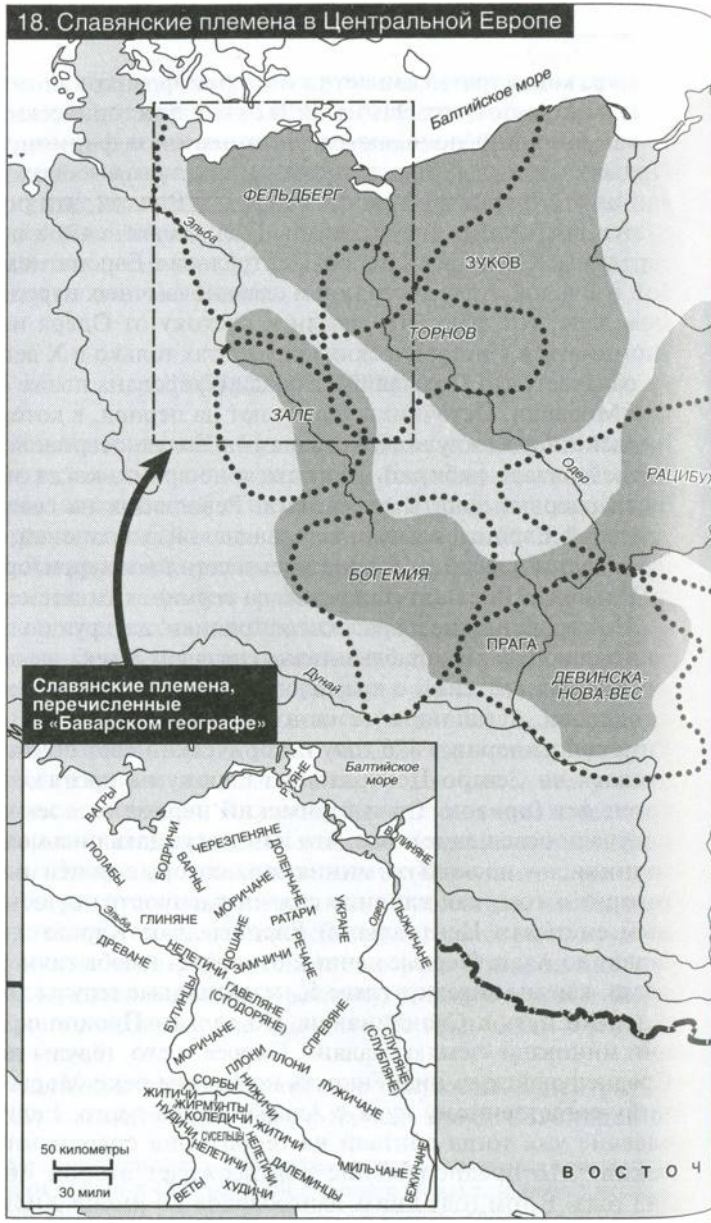
Более полную картину славянского господства в Центральной Европе мы получаем лишь в начале эпохи Оттонидов в

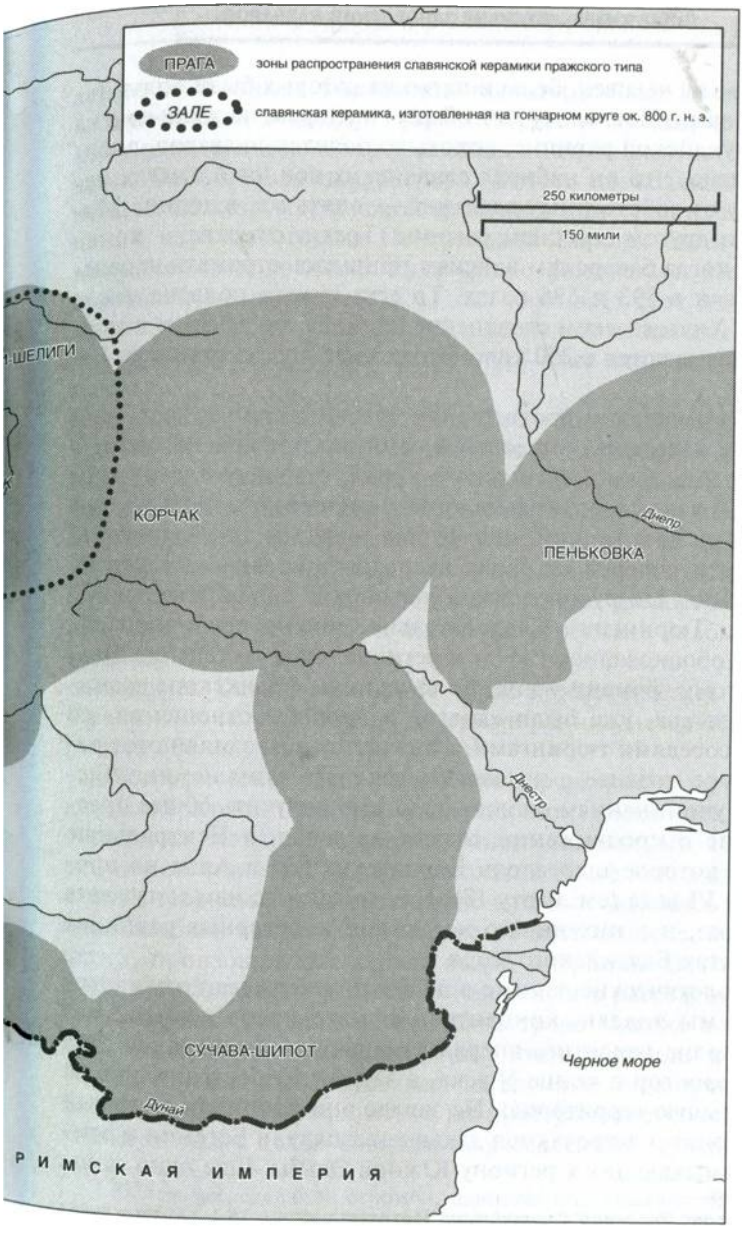
[1] Данные, приведенные в «Географе», лежат в основе всех сведений о размещении славян в Центральной Европе в IX веке, и любые исследования о предыдущих столетиях нужно начинать, учитывая этот документ. Каролингские дипломатические маневры были сосредоточены на племенах, обитавших в этих районах: полабских славянах, богемцах и моравах.

X веке, когда третья династия империи франков потянулась к землям к востоку от Эльбы. В 962 году в исторических источниках внезапно появляются упоминания о формирующемся Польском государстве, тем самым доказывая господство славян на его территории между Одером и Вислой, что подтверждается арабскими документами. Получается, самое позднее с середины X века вся Северо-Центральная Европа между Эльбой и Вислой стала достоянием славяноязычных народов. В самом деле, тот факт, что земли к востоку от Одера начинают упоминаться в исторических документах только в X веке, вовсе не означает, что Польша была славянизирована позже Богемии или Моравии. Источники указывают на период, в который взаимодействие между этими странами и западноевропейской империей начало набирать обороты, а не время, когда эти земли были впервые заняты славянами. Революция на севере Центральной Европы, вызванная славянской экспансией, очевидна — ведь в первой половине тысячелетия вся территория между Эльбой и Вислой принадлежала германским племенам[1].

Но каролингские и арабские источники, датируя полную славянизацию Европы приблизительно началом X века, не дают почти никаких сведений о хронологии или природе исторических процессов, лежащих в ее основе. После падения Западной Римской империи в 476 году исторический свет почти не проливался на Северо-Центральную Европу на протяжении трех сотен лет (притом что и в римский период эти земли редко получали освещение). Все, что нам могут дать письменные источники, — несколько миниатюр, которые почти ничего не говорят о том, как влияние славян распространялось по горным системам Центральной Европы — от Карпатских гор к западу до Альп. Первые данные относятся к событиям 512 года, когда, как мы видели в главе 5, неугомонные герулы двинулись в долгий путь к Скандинавии. По словам Прокопия, сначала они миновали «землю славян». Скорее всего, герулы покинули Среднедунайскую низменность по долине реки Моравы, главному естественному пути с Альфёльда на север. Если так, то славяне уже тогда обитали на территории современной Словакии. Это предположение подтверждает второй инцидент, 543 года. В том году князь лангобардов по имени Хильдегесий атаковал восточноримскую армию во главе войска, насчитывав-

[1] О X веке см. главу 10. О Римской эпохе см. карту 1.

18. Славянские племена в Центральной Европе
Балтийское море
ФЕЛЬДБЕРГ
Эльба
ЗУКОВ
ТОРНОВ
ЗАЛЕ
Одер
РАЦИБУЖ
БОГЕМИЯ
ПРАГА
ДЕВИНСКА-НОВА-ВЕС
Дунай
Славянские племена, перечисленные в «Баварском географе»
Балтийское море
ВАГРЫ
ВИНЯНЕ
БОДРИЧИ
ЧЕРЕЗПЕНЯНЕ
ДОЛЕНЦАНЕ
ВАРНЫ
ПОЛАБЫ
МОРИЧАНЕ
ГЛИНЯНЕ
РАТАРИ
УКРАНЕ
ПЫЖИЧАНЕ
Одер
Эльба
ДОШАНЕ
ДРЕВАНЕ
НЕЛЕТИЧИ
ЗАМЧИЧИ
РЕЧАНЕ
ГАВЕЛЯНЕ (СТОДОРЯНЕ)
БУТУНЦЫ
МОРИЧАНЕ
СПРЕВЯНЕ
СЛУПЯНЕ (СЛЕПЯНЕ)
ПЛОНИ
ПЛОНИ
ЛУЖИЧАНЕ
СОРБЫ
ЧЕХИЧИ
ЖИТИЧИ
ЖИРМУНТЫ
КОЛЕДИЧИ
ЖИТИЧИ
ХУДЫНИ
СИСЕЛЬЦЫ
НЕЛЕТИЧИ
ДАЛЕМИНЦЫ
МИЛЬЧАНЕ
БЕЖУНИЧАНЕ
ВЕТЫ
ХУДЫНИ
50 километры
30 мили
ВОСТОЧ

ПРАГА
зоны распространения славянской керамики пражского типа
ЗАЛЕ
славянская керамика, изготовленная на гончарном круге ок. 800 г. н. э.
250 километры
150 мили
ШЕЛИГИ
КОРЧАК
ПЕНЬКОВКА
Днепр
Днестр
СУЧАВА-ШИПОТ
Черное море
Дунай
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

щего 6 тысяч человек, большинство из которых были опять-таки славянами. Поскольку лангобарды в те времена жили еще на Среднедунайской равнине, вплоть до появления аваров, вполне вероятно, что он набирал славянских воинов в землях неподалеку от собственных владений — опять же, в долине Моравы или другом соседнем регионе. Третья отметка — конец VI века, когда баварским войскам пришлось отражать нападения славян в 593 и 595 годах. То есть спустя полвека после случая с Хильдегезием славянские племена, по данным источника, оказываются в 250 километрах к западу, на границах Баварии.

Схожую картину продвижения славян на запад дает один из самых известных эпизодов в раннеславянской истории — приключения Само, франкского купца, ставшего славянским князем. В ходе своего весьма яркого жизненного пути он, помимо иных достижений, стал отцом двадцати двух сыновей и пятнадцати дочерей от своих двенадцати славянских жен. К 630 году под его руководством славянские сорбы появляются у границ Тюрингии[1]. Следовательно, можно предположить, что они обосновались где-то в регионе южного течения Эльбы. К этому времени у них, по сведениям франкского хрониста Фредегара, уже были «долгие и прочные отношения» со своими соседями тюрингами, а значит, сорбы заняли этот регион самое позднее в начале VII века. По этим немногочисленным упоминаниям вполне возможно получить общее представление о продвижении славян на запад, в Центральную Европу, которое шло вдоль Карпатских гор и Альп на протяжении VI века (см. карту 18). Но это все, что нам могут дать источники, и в них ничего не сказано о северных равнинах или берегах Балтийского моря.

Археологические данные в целом подтверждают эту картину. Как мы видели, концентрации материалов корчакского типа, вполне вероятно, впервые появились на внешней дуге Карпатских гор в конце V века, а затем распространились на куда большую территорию. На западе они проникли на самый край Карпат и встречаются дальше к западу, в Богемии и землях, примыкающих к региону Южной Эльбы. Еще одно скоп-

[1] 512 год: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 6.15.1—2. Хильдегезий: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 7.35.16—22; ср.: Curta (2001), 82, и все отсылки на исследования о Словакии (его основная область интересов). Само: *Фредегар*. Хроника. 4.48, 68.

ление памятников корчакской культуры было обнаружено дальше к северо-западу, в Мекленбурге и Лужице (см. карту 18). Археологическая картина здесь иная, нежели на большей части Балканского полуострова. Вместо нескольких разрозненных находок корчакской керамики или странных захоронений на плоскогорьях Центральной Европы были обнаружены целые корчакские культурные комплексы. Не просто отдельные предметы, но все, что проливает свет на корчакский образ жизни — включая земледельческие методы и принципы социального взаимодействия, — все это было найдено здесь.

При обнаружении эти находки были датированы серединой V века. Но сейчас ясно, что памятники корчакской культуры в Богемии относятся, самое раннее, к 550-м годам. И это полностью соответствует повлиявшим на хронологию находкам в Моравии, чуть дальше к востоку, где корчакские материалы, по современным оценкам, просто не могли появиться раньше середины VI века. Дендрохронология также предоставила точные датировки корчакских поселений в регионе Эльбы и Зале, к западу от Богемии. Здесь принятая хронология тоже была расширена. Остатки на Эльбе—Зале приписывались к концу V века — началу VI; теперь же самые ранние материалы датируются 660-ми годами[1].

Географическое распространение корчакских материалов по югу Центральной Европы, таким образом, дополняет картину экспансии славян, рисуемую немногочисленными историческими источниками. Новая хронология также положила конец старым теориям о том, что славяне впервые оказались в землях близ Эльбы в конце V или начале VI века, а после, в VII столетии, произошла уже вторая волна миграции. Эта гипотеза была предложена по возможной аналогии с расселением сербов и хорватов на Балканском полуострове. Однако основывалась она на появлении совершенно новой керамики в регноне Эльбы, которая изготавливалась не вручную, а на ручном гончарном круге. Географическое распространение подтипов такой керамики в целом совпадает с расселением основных пле-

[1] Объем исследований огромен, наиболее современные: Brachmann (1997); Parczewski (1997); Kazanski (1999), 83—96; Barford (2001), 39—44; Brather (2001). В них упоминаются и актуализируются сведения, приводимые исследователями ранее, см., например: Donat и Fischer (1994); Szydlowski (1980); Brachmann (1978); Herrmann (1968).

менных союзов, известных по эпохам Каролингов и Оттонидов (см. карту 18): лютичи (фельдбергская керамика), лужичане (торновская керамика) и сорбы (лейпцигская керамика). Раньше считалось, что появление новых типов керамики отмечает прибытие в регион этих племенных групп. Дендрохронология, однако, показывает, что поселения, в которых были обнаружены эти типы посуды, изготовленной на гончарном круге, датируются не концом VI столетия или VII веком, а концом VIII—IX. К этому времени каролингские источники, в которых описывается этот регион, достаточно многочисленны, чтобы можно было полностью исключить возможность дальнейшей масштабной миграции. Новые типы посуды, следовательно, являются результатом распространения новых технологий ее изготовления среди славян, уже обитавших в регионе Эльбы. Более поздние даты к тому же объясняют тот факт, что часть обнаруженной посуды напоминает керамику Каролингской империи VIII века, которая оказала на нее явное влияние[1].

Из всех этих материалов складывается вполне четкая картина заселения этих земель славянами, продвинувшимися на запад с северных предгорий Карпатских гор до северных границ Словакии приблизительно в 500 году. Примерно через пятьдесят лет материальная культура корчакского типа появилась на юге в речных долинах Среднедунайской низменности, а затем проникла дальше, в Богемию. Еще через пятьдесят лет славянские племена уже оказались у границ Баварии и обосновались в регионе Эльбы—Зале.

Пока все идет неплохо, но мы еще не дошли до ключевого момента в завоевании Северной Европы славянами. Как мы видели, источники IX и X веков показывают, что в этот период славяноязычные племена господствовали на всей северной части Европейской равнины между Эльбой и Вислой, а на севере их владения доходили до Балтийского моря. Но этот регион куда больше того, который мы получили, идя по «тонкой ниточке» корчакских поселений на центральноевропейских плоскогорьях и вверх по течению Эльбы, да и исторические источники упоминают о славянах лишь после того, как те уже обосновались здесь. Что говорят археологиче-

[1] О новом гончарном круге см.: Barford (2001), 63 и далее, 76—79, 104—112; Brather (2001); ср.: Brather (1996). Предыдущие воззрения на повторную миграцию см.: Brachmann (1978) и примечания.

ские остатки о процессе славянизации Северо-Центральной Европы?

Первая фаза его, похоже, прослеживается в Могилянских раскопах близ Кракова на юго-востоке Польши. Найденные там остатки поселений, пожалуй, правильнее всего будет рассматривать как местный вариант корчакских аналогов близ Карпатских гор, сходство с которыми не вызывает сомнений. В Могиляиском городище найдены схожие керамические изделия ручного производства, в нем присутствуют те же земляные хижины, уходящие в землю, с каменными очагами. Однако — и это единственная причина, по которой им дано другое название, — вдоль могилянских поселений не обнаружены кладбища. Произвести дендрохронологическую датировку их невозможно, поэтому пока приходится полагаться на данные, полученные старым методом. Они основаны на том факте, что в большей части Центральной Европы остатки корчакского типа, которые не подлежат датировке, сменяют более многочисленные, а значит, и проще датируемые материалы, порожденные германоязычными племенами, обитавшими на этих землях до славян до начала культурного коллапса. Следовательно, самые поздние даты для германских остатков в этом регионе являются одновременно самыми ранними датами из возможных для начала славянского заселения этих земель, если соблюдаются два условия. Во-первых, пришлые славяне не могли сосуществовать с германцами, обладавшими более богатой материальной культурой, на которой и строится хронология. Во-вторых, между исчезновением германских материалов в том регионе и появлением славянских не должно быть слишком большого интервала.

Оба этих условия выполнить не так-то просто, но описанный подход неплохо работает там, где есть возможность проверить его по дендрохронологическим данным, — на юге. К примеру, нет свидетельств тому, что ранее доминирующие германские культуры в Северной и Восточной Словакии и Северо-Восточной Моравии продолжили существовать после 500 года. В Южной Словакии, Моравии и Нижней Австрии (территория Австрии к северу от Дуная), напротив, обнаружено достаточно более поздних германских материалов, чтобы можно было предположить, что германцы жили здесь вплоть до 550 года. В Богемии культуры германского типа тоже су-

ществовали примерно до этого времени[1]. Эти хронологии в целом совпадают с новой датировкой самых ранних славянских поселений в этом регионе, следовательно, этот метод можно использовать и в тех землях, где более современные методы датировки пока не применялись.

В римский период Краков, родина могилянских поселений, оказался на южных рубежах старой пшеворской системы. Ее коллапс совпал, как мы видели в главе 5, со становлением империи гуннов приблизительно в первой половине V века. Фибула явно не местного производства, найденная в могилянском селении Радзеюв-Куявский, может быть датирована концом V — началом VI века, а начало второй и очевидной культурной фазы в этой группе отмечается появлением металлических изделий, датируемых 600 годом, которые были обнаружены в могилянском раскопе № 45 и предоставили ученым самую раннюю дату в VI веке для других остатков. Получается, можно предположить, что славяноязычные носители культуры корчакского типа заняли регионы, освободившиеся в результате коллапса пшеворской культуры в Юго-Восточной Польше в конце V — начале VI века, вскоре после того, как они впервые появились в Карпатском регионе[2].

Однако раннее Средневековье на большей части современной Польши не характеризуется широким распространением остатков корчакского типа. В регионе к северу от Люблина, доходящем на западе до самой Эльбы, развивалась другая самостоятельная археологическая система — так называемая суковско-дзедзицкая культура (см. карту 18). Вплоть до настоящего момента этот второй тип поселений и могилянские поселки четко разграничивались. Хотя некоторые малые глиняные изделия этих групп идентичны, более крупные резко отличаются по форме, и в обеих этих культурах наблюдается большее разнообразие видов керамики, нежели у гончаров, работавших в русле корчакской традиции. Некоторые из горшков даже напоминают изготовленные вручную имитации тех, которые ранее использовались в тех же землях в период господства пшеворской культуры германцев. Землянки со срубами (*нем.* Grubenhäuser), являющиеся отличительной чертой корчакской

[1] Более общие работы см.: Godlowski (1980), (1983) и главу 7. Лангобарды направились в Италию в 568 году, чем очень сильно изменили картину археологических остатков Среднедунайского региона.

[2] Barford (2001), 53—54, 65—66, и примечания.

культуры, также в целом не встречаются в регионе, где получила распространение суковско-дзедзицкая культура. Помимо изолированного их скопления в плодородных регионах с лёссовой почвой (Мазовия, Куявия и Хелмно), основной тип домов здесь — наземная деревянная хижина. Эта отличительная черта местных построек является одним из оснований для утверждения, что Польша стала славяноязычной совершенно иным путем и ее историческое развитие отличалось от такового в Моравии, Богемии и землях близ южного течения Эльбы. Некоторым ученым суковско-дзедзицкая и корчакская культуры кажутся столь непохожими, что первая приписывается отдельному славянскому племени. По разным предположениям, это либо коренной народ Польши — который долгое время подавлялся германской элитой, — либо пришел в эти земли после 500 года, и не с Карпат, а со второй «славянской прародины» за пределами прикарпатских регионов, где господствовала корчакская культура, возможно из Белоруссии. В соответствии с обоими этими предположениями, славянизация Центральной Европы, очевидная по источникам эпохи Каролингов, была продуктом двух одновременных, но независимых друг от друга волн экспансии славян — носителей культуры корчакского типа с Карпат и суковско-дзедзицкой культуры из Белоруссии или самой Польши[1].

В утверждении о том, что Польша стала славянской сама по себе, неким уникальным способом, прослеживается влияние старых националистических представлений. К тому же предположение о том, что единственно по типам построек можно четко разграничить два племени, было опровергнуто дальнейшими раскопками, в ходе которых обнаружились землянки в трех регионах, где их до этого не находили, — Вышогруд, Шелиги и Змиево. В Вышогруде, более того, землянки и наземные хижины существовали одновременно, в одном и том же месте. Эти открытия заставляют предположить, что в ходе дальнейших исследований будут обнаружены новые землянки корчак-

[1] Общая информация см.: Kobylinski (1997); Barford (2001), 65—67, 76—77. О более ранних взглядах см.: Herrmann (1983). Погребальные обряды, характерные для суковско-дзедзицкой культуры, неизвестны, вероятно, они включали в себя ритуалы, не оставляющие археологических свидетельств; например, трупы могли оставлять на поверхности или кремировать без каких-либо дополнительных действий или опознавательных знаков.

ского типа на территориях суковско-дзедзицкой культуры и тем самым будет стерта якобы четкая грань между этими системами[1]. При этом из-за неоднозначности лингвистических данных можно выдвинуть предположение, что славяноязычные племена были расселены на больших территориях к северу от Карпат и к востоку от Вислы уже в конце V века, а корчакские подольцы были лишь одной из нескольких народностей. Также вполне вероятно, что это более разнообразное славяноязычное население, если оно существовало, позже оказалось бы вовлечено в обширную славянизацию регионов вроде Польши. И большее разнообразие видов горшков, использовавшихся в ареале суковско-дзедзицкой культуры, поразительно — и говорит о том, что, в отличие от могилянской группы, суковско-дзедзицкие поселения необходимо рассматривать как более специфический феномен, нежели просто один из вариантов польской корчакской культуры. Возможно, причина кроется в том, что сюда пришли славяне другого происхождения, но, как мы вскоре увидим, дело, скорее всего, в условиях, с которыми столкнулись иммигранты, прибыв в Польшу.

Как быстро новая суковско-дзедзицкая культура распространилась по землям между Вислой и Эльбой, сказать сложно, поскольку внутренняя хронология системы еще не установлена. Коллапс германской культуры в более северных пшеворском и вельбарском ареалах произошел около 500 года или чуть позже, что соответствует редким упоминаниям о нем в труде византийского историка Феофилакта Симокатты, по которому можно предположить, что некоторые славяне достигли Балтийского моря к 590-м годам (или, с тем же успехом, можно не предполагать). С другой стороны, современная датировка суковско-дзедзицких поселений в Лужице (территория бывшей ГДР) указывает на то, что они относятся к более позднему периоду. Скандинавские металлические изделия, обнаруженные среди остатков суковско-дзедзицкой культуры, показывают, что самая ранняя дата для этого поселения — первые годы VIII века. Точные дендрохронологические данные с самого комплекса Суков-Дзедзице и часть колодцев в том же регионе также относятся к VIII веку. Но эти даты применимы только к западной части ареала суковско-дзедзицкой культуры и, поскольку есть причины полагать, что славяне расселялись преимущественно

[1] См.: Kobylinski (1997).

с востока на запад, вовсе не вступают в противоречие с некоторыми артефактами в Польше, датируемыми VI столетием. В данный момент, однако, это все сведения, которые у нас есть, хотя более серьезные научные изыскания, разумеется, со временем предоставят больше информации.

Таким образом, в общих чертах распространение славяноязычных племен по всему северу Центральной Европы, отмеченное в источниках Каролингской эпохи, захлестнуло земли на Эльбе с двух разных направлений — если не сказать из двух отправных точек. С одной стороны их продвижение обозначено лентой пражско-корчакских поселений, вьющейся по нагорьям Центральной Европы к Богемии — и местами даже дальше, до областей западнее Эльбы. Эта траектория продвижения просуществовала больше века, примерно с 500 по 600 год. Вторая линия экспансии характеризуется распространением суковско-дзедзицкой культуры на севере Европейской равнины, которое было не менее успешным. Ее ареал постепенно расширялся, пусть и медленнее, чем считали раньше, и со временем дошел до Эльбы на западе (приблизительно к 700 году). Многое здесь остается неясным, но в целом начальный этап славянизации Европы к западу от Вислы можно обрисовать, опираясь на письменные и археологические источники.

МАТЬ-РОССИЯ

У нас есть две отсылки, касающиеся славянизации европейской части России вплоть до Волги. Первая взята из исторических источников. Благодаря мусульманским географам X века мы знаем, что территории к востоку от Вислы, соответствующие современным Белоруссии и Волыни, в этот период находились под контролем так называемых восточных славян. Самое полное описание этого региона в конце раннего Средневековья, однако, встречается в более позднем источнике, Повести временных лет, текст которой в его нынешнем варианте появился в начале XII века. В соответствии с летописью, приблизительно в 900 году несколько отдельных славяноязычных племен заняли обширный регион Восточной Европы. Речь в Повести по большей части идет о полянах, славянском племени, поселившемся близ Киева, где и была

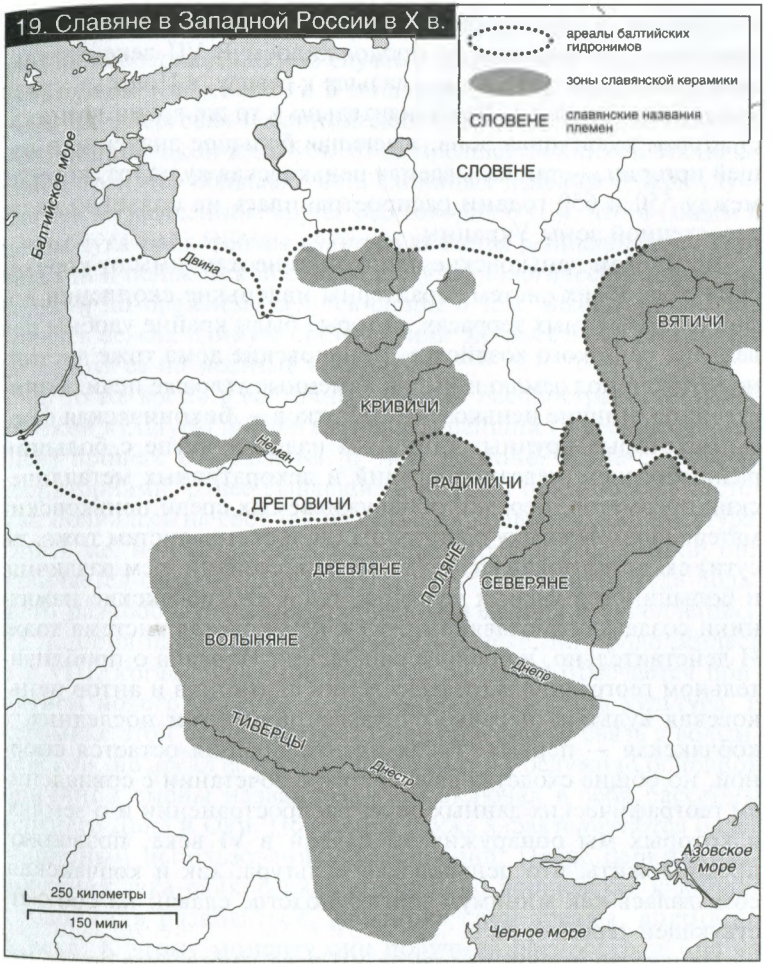
составлена летопись, но вкратце упоминаются и другие племена, и их приблизительное расположение. Повесть по сути своей ретроспективна, но нет причин считать, что сообщаемые в ней сведения серьезно искажают картину распространения славяноязычных племен по Восточно-Европейской равнине на рубеже тысячелетий. Византийские источники, и прежде всего «Об управлении империей» (но здесь сообщаемые сведения более надежны, так как это текст того же периода), в общем подтверждают приводимые в ней данные. К концу 1-го тысячелетия славянские племена господствовали на большей части Восточно-Европейской равнины, заняв территории к востоку от Днепра и, в случае словен, дальше к северу, до озера Ильмень (карта 19)[1].

С современной точки зрения не вызывает никакого удивления распространение славян по всей матушке-России, но наш второй источник показывает, что так было не всегда. Все основные названия рек на огромной территории между Вислой и Волгой, к северу от слияния Припяти и Днепра, не славянского, а балтийского происхождения. Следовательно, приходится заключить, что на этих землях некогда господствовали балтийские народы. Ситуация, наблюдаемая в X веке, когда славяне более или менее укрепились в этом регионе, по всей видимости, была в тот или иной момент создана славянской экспансией. Это главная загадка предыстории России[2]. В условиях полного отсутствия исторических источников как можно понять, какая именно из череды археологических культур, наблюдаемых на просторах России в 1-м тысячелетии, является свидетельством первого проникновения славян в земли, на которых прежде господствовали балты?

Это еще одна сфера, на которой сказалось положительное влияние широких археологических изысканий, развернутых в коммунистической Европе после 1945 года, и здесь тоже многие программы позднесоветской эпохи были в итоге упразднены. Благодаря этому сейчас стало возможным проследить более или менее ясную историю славян, начиная с носителей корчакской культуры, живших близ Карпатских гор около 500 года. К середине VI века материалы корчакского типа распространились

[1] Полезные исследования см.: Franklin и Shepard (1996), 71 и далее; Goehrke (1992), 34—43.

[2] О лингвистических свидетельствах см.: Birnbaum (1993); Nichols (1998).

19. Славяне в Западной России в X в.
ареалы балтийских гидронимов
зоны славянской керамики
СЛОВЕНЕ
славянские названия племен
СЛОВЕНЕ
Балтийское море
Двина
ВЯТИЧИ
КРИВИЧИ
Неман
РАДИМИЧИ
ДРЕГОВИЧИ
ДРЕВЛЯНЕ
ПОЛЯНЕ
СЕВЕРЯНЕ
ВОЛЫНЯНЕ
Днепр
ТИВЕРЦЫ
Днестр
Азовское море
250 километры
150 мили
Черное море

не только на запад и юг, но также на восток, на Украину. В этот период типичное поселение данной культуры — собственно Корчак — образовалось на реке Тетерев в Житомирской области, и расширение ее продолжилось. В VII веке корчакские памятники появляются дальше к северу, в Полесье, среди болот близ Припяти. Приблизительно в то же время возникает вторая культурная зона, имеющая большое значение в нашей истории, — так называемая пеньковская культура, которая между 550 и 650 годами распространилась на большую часть лесостепной зоны Украины.

Во многом пеньковские памятники неотличимы от корчакских. Для обеих систем характерны маленькие скопления домов на пойменных террасах, которые были крайне удобны для ведения сельского хозяйства. Пеньковские дома тоже частично уходили под землю и имели каменные угловые печи. Единственное отличие пеньковских остатков — биконическая форма некоторых крупных глиняных изделий вкупе с большим разнообразием железных орудий и декоративных металлических предметов, нередко обнаруживаемых среди пеньковских материалов. Человеку со стороны (да и специалистам тоже, по сути) сходства покажутся куда более весомыми, чем различия, и большинство ученых уверены, что если корчакские памятники создавались славянами, то и пеньковская система тоже. И действительно, на основе сообщения Иордана о приблизительном географическом расселении склавинов и антов пеньковская культура нередко считалась продуктом последних, а корчакская — первых. Такая идентификация остается спорной, но общие сходства двух систем в сочетании с совпадением географических данных об их распространении и о землях, в которых мы обнаруживаем славян в VI веке, позволяют предположить, что пеньковская культура, как и корчакская, создавалась как минимум при господстве славян на соответствующей территории[1].

Однако во второй половине VII века начинается эпоха перемен. В регионах, где ранее была представлена корчакская культура, и на большей части пеньковского ареала (вкупе с

[1] О свидетельствах см.: Goehrke (1992), 14—19; Parczewski (1993); Kazanski (1999), 96—120; Barford (2001), 55—56, 82—85, 96—98. Термин «господство славян» был тщательно подобран, чтобы напомнить читателю, что культурно-историческая интерпретация может оказаться ошибочной в славянскую эпоху, как произошло с германской, см. главу 1.

обширной территорией к северу по обе стороны от Днепра, которая ранее не входила в границы распространения обеих систем) между 650 и 750 годами появилась новая культура — лука-райковецкая. Как и в случае с другими археологическими культурами той же эпохи в западных землях славян (торновская, фельбергская и лейпцигская системы), главное отличие лука-райковецкой культуры от ее предшественников заключается в том, что большая часть глиняных изделий теперь улучшалась на медленном круге. Все говорит о том, что в общем и целом лука-райковецкая культура является реинкарнацией корчакской и пеньковской систем в эру технологического прогресса, хотя по-прежнему ведутся споры о том, можно ли рассматривать ее как единую систему, или же вместо этого следует разделить ее на местные варианты.

В то же время в восточных ареалах распространения пеньковской культуры продолжается дальнейший (и весьма очевидный) процесс ее развития. В этом регионе, вкупе с другими территориями, ранее выпавшими из зоны пеньковской системы, появилась на свет так называемая волынцевская культура. Опять же, не считая слегка измененных форм керамики, она отличается от лука-райковецкой только наличием куда большего разнообразия в металлических изделиях и укреплениях. Ее история началась опять-таки в VII веке, но продолжилась и в VIII, когда очередной виток ее развития отмечается принятием нового термина — роменско-борщевская культура. В керамике этой системы прослеживается четкая связь с волынцевской, но ареал ее гораздо шире (что и послужило основной причиной смены названия) — он включал в себя бассейны верхнего Дона и Оки. Поселения также характеризуются более обширным использованием укреплений. После периода становления лука-райковецкая и роменско-борщевская культуры продолжали развиваться, расширяя свои ареалы, вплоть до X века. К этому моменту они получили распространение на территориях, где проживала большая часть славянских племен, упомянутых в Повести временных лет (см. карту 19), и, похоже, нет причин сомневаться в том, что между славянами X века и этими двумя археологическими системами существует прямая связь[1].

[1] Подробнее см.: Goehrke (1992), 20—33; Barford (2001), 85—89, 96—99.

Становление и угасание материальных культурных систем Восточно-Европейской равнины сейчас несложно проследить, и связь между корчакской и пеньковской культурами и известными славяноязычными племенами VI века, а также между лука-райковецкой и роменско-борщевской культурами и славяноязычными племенами X века кажется вполне прочной.

Но это не исторический нарратив, и все вышеизложенное не следует принимать за таковой. Сейчас можно с относительной уверенностью говорить лишь о последовательном развитии традиций керамики на Восточно-Европейской равнине во второй половине 1-го тысячелетия. Исторические источники также подтверждают, что поздние фазы развития волынцевской и роменско-борщевской культур совпадают географически и хронологически с господством славянских племен X века. Но горшки не люди, и попытки понять человеческую историю, скрывающуюся за сменяющимися традициями изготовления посуды, а также их взаимосвязь с общими историческими моделями образования государственности и миграции приводят к появлению новых вопросов.

Два из них особенно важны. Во-первых, появление посуды, изготовленной на гончарном круге, затрудняет понимание того, насколько прямым было преобразование корчакского и пеньковского сообществ в лука-райковецкое и волынцевское. Появились ли новые системы оттого, что корчакские и пеньковские гончары переняли новую технологию изготовления керамики? Если так, то, учитывая, что корчакские и пеньковские культуры, по всей видимости, принадлежали славянам, то же самое можно утверждать и о лука-райковецкой и волынцевской. Так обычно и считается, но за преображением керамики может скрываться куда более сложный процесс, и улучшенные методы изготовления керамики (а посуда, произведенная на круге, превосходит изготовленную вручную) могли перенять неславяне. Во-вторых, какая именно история скрывается за последующим распространением узоров, характерных для лука-райковецкой и волынцевской культурных систем, на север и восток с VIII по X век? Имела ли место обширная экспансия носителей этой культуры, или уже существующее местное население просто перенимало обычаи соседей? К этим вопросам мы еще вернемся.

Но за ними стоит еще более серьезная проблема, возникающая, когда археология встречается с лингвистикой. Являет-

ся ли установленное распространение корчакской и пеньковской культур к северу, в направлении, в коем в дальнейшем продолжают расширяться лука-райковецкая и волынцевская системы, свидетельством первой фазы славянизации России и Украины и, как следствие, исключения этих земель из сферы господства балтов? С одной стороны, это вполне вероятно. Некоторые лингвисты, как мы видели, датируют разделение славянских и балтийских языковых семей серединой 1-го тысячелетия н. э., соответственно, появление культур корчакского типа на Карпатах совпадает с этим языковым поворотом. Если так, то последующее распространение на север и восток культур, считающихся родственными, вполне может говорить о ранней славянизации матушки-России.

Но другие лингвисты считают, что разделение балтийских и славянских языков состоялось раньше, возможно, даже во 2-м тысячелетии до н. э. И тогда другие археологи скажут, учитывая образ жизни их носителей, в условиях которого появлялись новые культуры, что некоторые системы, обнаруженные там, где встречаются гидронимы балтийского происхождения, и относящиеся к середине 1-го тысячелетия (в особенности так называемая колочинская культура), очень схожи с теми, кои породили корчакскую систему, а значит, можно предположить, что последняя и впрямь принадлежала славянам, а первая — нет. Опять-таки, это априори возможно. Тогда в распространении корчакской системы мы усматриваем способность одного наиболее успешного славянского племени к расширению своего влияния среди уже существующего населения — в массе своей также славянского происхождения. Первая модель — по которой политическое господство и появление языка идут рука об руку — напоминает более масштабный процесс, который мы уже наблюдали на Балканах и в Центральной Европе. Но менее драматический вариант, в котором Россия и Украина стали славянскими еще до рассматриваемого нами периода, тоже нельзя исключать[1].

[1] Возможные объяснения тому даны в двух недавно вышедших работах по раннеславянской истории. Казански (Kazanski (1999), особенно 120—142) утверждает, что общие сходства в образе жизни между носителями пражско-корчакской, пеньковской и колочинской культур указывают на то, что если первые две были славянскими, то такой же являлась и третья. На его взгляд, большая часть Восточно-Европейской равнины, территории распространения колочинской культуры, уже была

МИГРАЦИЯ И СЛАВЯНЕ

С дальних предгорий Карпат, занимаемых ими в конце V века, в VII столетии славянские племена уверенно переселялись на юг, на Балканы, после периода агрессивных набегов, продлившегося на протяжении большей части VI века. Другие славяноязычные группы в то же время двинулись в Южную Польшу (могилянская группа начала VI века) и на запад, вдоль северных предгорий Карпат, достигнув Моравии в первой половине VI века, Богемии — во второй и слияния Хафеля, Зале и Эльбы в начале VII. Вторая волна достигла Эльбы чуть позже, направившись на север и запад от Вислы, но, как мы видели, внутренняя хронология суковско-дзедзицкой культурной системы остается неясной. Динамическому продвижению славян на запад в VI веке не уступали их действия на Украине, по другую сторону Карпат, где и корчакская, и родственная ей пеньковская археологические культуры распространились в VI веке на огромные территории. Но даже такая экспансия не объясняет господство славяноязычных племен на землях, ранее занятых балтами, которое наличествует в X веке. Распространение лука-райковецкой и волынцевской систем за ареалы корчакской и пеньковской отражают этот феномен, но, как мы видели, история, скрывающаяся за их продвижением, может быть куда сложнее, нежели можно предположить по линейной эволюции материальных культур.

Без исторических источников невозможно определить, насколько обширными были владения славян в Восточной Европе в середине 1-го тысячелетия. Географический масштаб их расселения и количество разных форм, которые оно принимало, наводят на мысль о том, что славян к этому моменту было

заселена славянами к VI веку (см. карту 16). Корчакская/пеньковская экспансия, начавшаяся в VII веке, ознаменовала собой политическую, но не лингвистическую революцию. Барфорд (Barford (2001) идентифицировал образование пражско-корчакской системы как начало славянизации, когда балты и славяне окончательно отделились друг от друга. Соответственно, он считает, что распространение пражско-корчакской культуры на север и восток в VII веке, за которой последовало образование лука-райковецкой, волынцевской и роменско-борщевской традиций, представляет собой не только политическую революцию, но и момент, когда славяне впервые заполучили господство над этими территориями, хотя пока еще и включали большую часть местного населения в свои новые социальные структуры.

куда больше, чем два племени склавинов и антов в Молдавии и Валахии, но даже при этом продвижение славян на восток, особенно в европейскую часть России, остается неясным. Распространение пеньковской, лука-райковецкой и волынцевской систем в разных регионах Восточно-Европейской равнины может говорить либо о начале славянизации этих территорий, либо об установлении господства какого-то одного славяноязычного племени над другими. И что еще более важно, оба этих варианта дают нам лишь самые смутные наброски славянской экспансии.

Каким образом славяне установили свое господство на огромной части Европы и что вызвало эту фундаментальную революцию в ее истории?

Понять историю племен, стоящую за образованием славянской Европы, еще сложнее, чем изучать миграционную активность германских племен, так или иначе связанных с падением Римской империи, — по двум причинам. С одной стороны (и это ключевой момент), в исторических источниках слишком много пробелов. С другой стороны, вторая причина осталась бы актуальной, даже если бы мы получили больше данных. Появление склавинов и антов в Прикарпатском регионе к 500 году само по себе является революцией, ведь ранее славян в этих землях не было. Но другие славянские племена затем в разные периоды распространились по огромной территории, создав славянскую Европу в том виде, в каком она предстала в конце 1-го тысячелетия, — Моравия, Богемия и Украина в VI веке, Балканы в VII, лесные зоны России в VIII и IX и север Центральной Европы в какой-то из этих периодов. Сложно представить, что экспансии, осуществляемые с таким временным и географическим промежутком, могли происходить в одной и той же форме.

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ

В условиях отсутствия надежных исторических источников масштабы славянской миграции сложно оценить. Единственные правдоподобные данные относятся к VI веку — мы располагаем приблизительной численностью отрядов славянских налетчиков, составлявших несколько тысяч человек. В одном случае смешанный отряд гуннов, антов и склавинов численно-

стью 1600 воинов прорвался на территорию Восточной Римской империи; в другом 3 тысячи славянских грабителей выплатили гепидам по золотой монете на человека, чтобы их переправили через реку. Смешанный отряд Хильдегесия, в который входили гепиды и славяне, насчитывал 6 тысяч человек, и «элитное» войско из 5 тысяч славян предприняло попытку сокрушить укрепления Фессалоник в 598 году[1]. Эти данные вполне надежны, но они не имеют отношения к хищнической миграции, которая захлестнула Балканы в VII веке, а Карпаты и нагорья Центральной Европы — в VI. Вряд ли одни и те же группы принимали участие в этих процессах.

По различным контекстам миграции (от Центральной Европы в VI веке до озера Ильмень в IX) можно предположить, что в создании славянских государств сыграли свою роль самые разные процессы, а потому следует ограничиться пока событиями VI и VII веков в Центральной Европе и на Балканах, о которых упоминается хотя бы в некоторых исторических источниках. Но даже в этих двух случаях в археологических материалах налицо два совершенно разных ее итога. В некоторых областях (в особенности в предгорьях Карпат, Моравии, Богемии, между Эльбой и Зале и в Западной и Южной Украине в VI веке, вместе с регионами Фракии вскоре после 600 года) итогом преобразований стало более или менее полное распространение в новых территориях памятников материальной культуры корчакского типа во всех сферах: быт, технологии и социальный уклад. Эти зоны отличаются археологически лишь формой некоторых керамических изделий. И совершенно другой итог мы видим во многих других регионах, где тоже доминировали славяне, но где среди археологических остатков встречаются лишь редкие корчакские элементы среди скопления разнородных артефактов. Такие находки характерны для большей части бывших римских территорий на Балканах и севера Европейской равнины к западу от Вислы с VII века, где при раскопках были обнаружены несколько горшков корчакского типа, а не вся система, перенесенная в новый регион. И любая выдвигаемая теория славянской экспансии должна объяснять оба этих явления.

[1] Смешанный отряд из 1600 гуннов, антов и склавинов: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 5.27.1. 3 тысячи славян: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 7.38. Хильдегесий: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 7.35.16—22. 5 тысяч славян в Фессалониках: *Чудеса* святого Димитрия Солунского. I.12.

Несмотря на отсутствие письменных источников, перенос социально-экономической системы носителей культуры корчакского типа в новые регионы намекает на особый вид миграционного процесса. Стандартные поселения (а значит, и стандартные социально-экономические единицы), преобладающие в этих регионах, были небольшими. Корчакские поселки обычно насчитывают от десяти до двадцати небольших хижин, каждая из которых явно предназначалась для полноценной семьи. По сути, эти хижины также указывают на максимальный размер миграционных групп, задействованных в распространении «чистой» корчакской культуры. Корчакская Европа явно была создана продвижением таких групп вовне с предгорий Карпат, и они переселялись либо полноценными сообществами (как максимум), либо еще меньшими группами, которые встречались только в пункте назначения. Корчакские жилища могли вмещать около пяти человек, следовательно, славянская миграционная единица могла насчитывать от пятидесяти до ста человек. При сравнении этого феномена с другими формами миграции, которые мы наблюдали, становится ясно, что спровоцировавший его процесс должен напоминать экспансию по модели «волна продвижения» (см. главу 1, раздел «Миграция и вторжение»). Примерно за сто пятьдесят лет, как мы видели, корчакские памятники распространились с предгорий Карпат до нижнего течения Эльбы, сохранив свои основные особенности. Долгая хронология остатков говорит о том, что эта группа европейских славян была более консервативной, чем считалось ранее. Раньше исследования ограничивали корчакские поселения V веком, максимум началом VI, но теперь мы знаем, что некоторые группы сохраняли свой образ жизни на протяжении двух или даже более веков, постепенно, маленькими группами, распространяя его по территории Европы[1].

[1] Возможно, модель «волны продвижения» согласуется с тем фактом, что одни и те же имена использовались разными славянскими народностями, оказавшимися в различных местах в результате миграционного процесса. Обычное объяснение, предлагаемое этому феномену, гласит, что изначально объединенные племена раскололись на группы, которые двинулись в разных направлениях, по мере того как миграция славян набирала обороты. Такой процесс также может объяснить, почему пражско-корчакские, пеньковские и даже отчасти колочинские материалы порой обнаруживали на Балканах в смешении. Однако это не решает другой проблемы — лучше всего документированные примеры многократно употребляемых имен относятся к сербам и хорватам, которые, похоже, являлись военными специалистами (см. далее в этой главе), а не членами консервативного социального объединения, которое пронесло корчакскую культуру в ее полной форме по всей Европе.

Однако здесь необходимо добавить небольшое но. Считается, что «волна продвижения» — это модель случайного, хаотического переселения, в ходе которого прирост населения вынуждает небольшие группы покидать свои дома и выдвигаться на поиски нового участка с подходящей для возделывания землей. Применение этой модели в распространении первых земледельческих поселений Европы показало, что подобный метод расселения подразумевает перемещение людей примерно на километр в год. Но корчакские славяне прошли с предгорий Карпат до региона Эльбы—Зале, то есть почти 900 километров, всего за сто пятьдесят лет. В их случае, при такой скорости, применение модели «волны продвижения» невозможно. Одна из вероятных причин заключается в том, что переселение славян — как и франкских иммигрантов в Северной Галлии — не было хаотическим или случайным. Византийский военный трактат «Стратегикон Маврикия» сообщает, что некоторые славяне предпочли поросшие лесом нагорья открытым равнинам, и полоса корчакских поселений на нагорьях Центральной Европы подтверждает эти сведения. Если так, то выбор пункта назначения для каждого нового поколения корчакских славян сводился к поиску похожих условий, и это действительно не лишено логики. На равнинных просторах Европы доминировали более крупные политические силы (будь то Византия, франки или авары), поэтому, чтобы сохранить независимость и жить дальше в небольшом сообществе, которые были характерны для корчакского мира, о низменностях лучше было забыть. Для корчакских славян миграция стала способом сохранения традиционного уклада, включавшего в себя небольшие социальные организации, во времена возможного роста населения[1].

Поселение славян на Балканах в VII веке, напротив, включало в себя перемещение более крупных миграционных групп — с места снимались целые племена. Вокруг Фессалоник несколько крупных славянских объединений, имеющих свои названия, обитали в долине реки Стримон уже в середине VII века. Наш источник, «Чудеса святого Димитрия Солунского», сообщает о том, что другое славянское племя, упо-

[1] *Стратегикон* Маврикия. 11.4. Перемещавшиеся племена были небольшими, а значит, испытывали тягу к дополнительной защите, а вовсе не огромную любовь к непроходимым землям. Об индоевропейской волне продвижения см.: Renfrew (1987).

минавшееся выше, велегезиты, занимало земли дальше к югу. Еще южнее, на Пелопоннесе, славянские племена проживали и в начале IX века — милинги и эзериты. То же верно и для славянской Богемии IX века, и для более обширных регионов, описываемых в «Баварском географе». В этих областях Центральной Европы и, возможно, также на Пелопоннесе крупные племена вряд ли мигрировали целиком в новые регионы, где в дальнейшем их и обнаруживали авторы исторических источников, но создавались уже на месте в процессе развития местных сообществ, переселившихся туда в результате более фрагментированного типа миграции, схожего с «волной продвижения». Богемия, по крайней мере, изначально была заселена славянскими мигрантами, создавшими «чистую» корчакскую культуру, поэтому ее более организованная структура в IX веке, скорее всего, являлась итогом дальнейшего развития.

Однако не представляется возможным объяснить размер племени и организацию быта велегезитов или других сообществ VII века, поселившихся вокруг Фессалоник, результатами постмиграционного процесса. На этих территориях не обнаруживается памятников исконно корчакской культуры, и исторические данные о существовании этих племен появляются вскоре после первоначальной миграции. Текст «Чудес» современен тем событиям и был составлен на месте, в нем упоминается один инцидент приблизительно 670 года. Но само переселение, как мы только что видели, не могло произойти вплоть до 610-х годов. В этом случае временной отрезок едва составляет два поколения и не кажется достаточно большим для того, чтобы новый социально-политический уклад возник в рамках миграции больших семей[1].

Как в этом случае могли выглядеть эти крупные племена? Исторические источники описывают ранних славян как народ, живущий небольшими группами, но что следует понимать под «небольщими»? Некоторые и впрямь были очень малы. Корчакская система была, вероятно, распространена по Европе в

[1] Политический контекст также позволяет предположить, почему балканские поселения были взяты крупными отрядами. В случае с Пелопоннесом названные славянские группы отличались от местного грекоговорящего населения, поэтому опять-таки названные единицы были, скорее всего, именно славянскими, а не появились в результате реорганизации среди местных и пришлых групп.

VI и VII веках группами, насчитывавшими меньше ста человек. Однако, как подчеркивается в одном недавнем исследовании, в других регионах славянских земель в VI столетии происходили серьезные социально-политические сдвиги. На многочисленных страницах своей «Истории», посвященных передвижениям славян в период с 530 по 560 год, византийский историк Прокопий не называет ни одного славянского вождя или предводителя. Однако в последней четверти VI века все внезапно меняется. В ряде византийских источников появляются разные славянские предводители, и о них сообщается достаточно подробностей, чтобы можно было сделать вывод: речь идет о видных политических фигурах. К примеру, территорию, которой правил некий Мусокий, можно было пересечь за три дня, следовательно, она простиралась на 100—150 километров. Правление другого вождя, Ардагаста, продлилось без малого десять лет, примерно с 585 до 593 года. Под командованием Перигаста было достаточно людей, чтобы убить тысячу византийских солдат. Дабритас был так уверен в военной мощи своего племени, что решился на убийство послов Аварского каганата, бросив гордое заявленне, типичное для мужчин тех времен: «Кто из рожденных мужчин, кто из тех, кого согревают лучи солнца, осмелится нацелиться на нашу мощь? Другие не покорят нашей земли — мы покорим их».

Земли, простирающиеся на 100 с лишним километров, даже с невысокой плотностью населения, указывают на социальные группы в несколько тысяч индивидуумов, и это подтверждается дошедшей до нас цифрой из надежного источника. После того как в ходе внезапного нападения были разорены земли Ардагаста, между римлянами и аварами начался спор о том, кому следует забрать пленников. Вопрос был решен в пользу аваров, и римляне передали им свыше 5 тысяч человек. Это говорит о том, что под началом славянских вождей конца VI века было около 10 тысяч человек, никак не несколько десятков тысяч. И пусть эта цифра не столь велика, но мы здесь явно имеем дело с совершенно иным масштабом, отличным от небольших единиц, распространявших корчакскую культуру дальше на север. И если, отталкиваясь от случая с Ардагастом, мы подсчитаем приблизительную численность славянских иммигрантов, принадлежащих к четырем племенам, поселившимся на окраинах Византии к 600 году, то получим несколько десятков тысяч человек. Это заключение совпадает с византийскими ис-

точниками о более позднем установлении мира в этом регионе, в 680-х годах, которое включало в себя переселение 30 тысяч славян в Малую Азию[1].

Сербы и хорваты могут представлять собой третий тип миграционных групп славянской диаспоры VI—VII веков. Конечно, полагаться полностью на труды византийского императора X века нельзя, так как в них хватает неточностей и ошибок, однако если в них есть хоть зерно истины, то сербы и хорваты откололись от Аварского каганата, который использовал их в качестве военной силы. Кампании аваров между 570 и 620 годами были многочисленны и разнообразны, и эти условия вполне подходят для быстрого социально-политического развития славянских племен, ставших частью военной машины кочевников, развернувшейся в Центральной Европе. Так появилась третья группа славянских мигрантов, которая была либо достаточно многочисленной, либо достаточно мощной в военном плане, чтобы сбросить власть аваров. Возможно, у них имелось войско, схожее с «элитным» отрядом славян в 5 тысяч человек, внезапно напавшим на Фессалоники. Если так, то миграция сербов и хорватов могла принять форму переселения элиты, которая охарактеризовалась выходом крупного войска из Аварского каганата и его поселением на собственной территории на Балканах. Это спорно, но вполне возможно, и у нас есть независимые источники того периода, подтверждающие, что развитие славянского общества в ту эпоху характеризовалось появлением военных предводителей. По крайней мере, они свидетельствуют о том, насколько разносторонними были миграционные процессы, которые и сделали возможной «славянизацию Европы».

Сравнение исторических и археологических свидетельств, таким образом, приводит к кажущемуся парадоксу. В тех регионах Европы, где происходило распространение корчакской

[1] Мусокий: *Феофилакт Симокатта*. История. 6.8.13—6.9.15. Ардагаст: Там же. 1.7.5, 6.7.1—5, 6.9.1—6. Перигаст: Там же. 7.4.8 и далее. Дабритас: *Менандр Византиец*. История. Фр. 21. Спор о пленниках: *Феофилакт Симокатта*. История. 6.11.4—21. О социально-политических преобразованиях славянских племен рядом с восточными границами Римской империи см.: Curta (2001), особенно глава 7. Для того чтобы сохранить пропорциональность, необходимо уточнить, что группа из 10 тысяч человек не могла выставить на поле боя больше тысячи — 2 тысяч воинов и они были куда меньше (в десятки раз), чем германские народы в эпоху гуннов (см. главу 4).

материальной культуры, имел место миграционный процесс, в котором участвовали небольшие социальные ячейки. С другой стороны, есть исторические сведения о переселении куда более крупных объединений славян (будь то племена или военные силы — если сербы и хорваты и впрямь являлись таковыми) в те регионы, где археологи не обнаружили следов масштабного распространения «чистых» социально-экономических систем корчакского типа. Это на первый взгляд кажется удивительным. Здравый смысл подсказывает, что чем крупнее сообщество, тем больше вероятности, что оно сохранит свой уклад. Однако, если поразмыслить, станет ясно, что славянские социальные объединения появились совсем недавно, в рамках процессов быстрого социально-политического и экономического развития, протекавших среди славян близ Византийской границы либо в Аварском каганате. Мы вернемся к этим процессам в главе 10, но есть все причины полагать, что по большей части их переселение было спровоцировано динамическим взаимодействием между соседними группами, а также возможностями и опасностями, выпавшими на их долю из-за близости к крупным и богатым империям — Византии и Аварскому каганату. Другими словами, именно крупные славянские племена, в отличие от малых фермерских хозяйств корчакского региона, были больше подвержены влиянию процессов, которые могли заставить их отказаться от старых корчакских культурных норм.

В связи с нехваткой данных нет причин долго рассуждать об этой проблеме, но стоит поразмыслить о том, что все это может нам сказать о славянских миграционных группах, которые существовали в условиях, не получивших вообще никакого освещения в сохранившихся исторических источниках, — на севере Центральной Европы в VII—VIII веках и в европейской части России в VIII—IX. В Центральной Европе, между Вислой и Эльбой, археологи обнаружили третий вариант результатов миграции. Суковско-дзедзицкая культура, разумеется, пополнялась местными традициями славян, уже живущих на тех или иных территориях, и прежде всего это касается типов керамических изделий. Но могилянская культура, которая и начала процесс славянизации, является, по сути, вариантом корчакской, и даже суковско-дзедзицкая культура в ранние периоды не ушла так далеко от старых норм. На первоначальных островках ее распространения (см.

карту 18) заселение происходило в виде создания маленьких открытых деревень, похожих по размеру на корчакские, но в них обычно встречались наземные хижины, а не землянки. Хотя и впитавшие чужую культуру больше всех остальных, первые славянские миграционные группы, скорее всего, мало отличались по размеру от тех, которые создали корчакскую Европу. Почему в таком случае они так легко отошли от норм корчакской системы — это вопрос, к которому мы скоро вернемся.

О миграционных процессах в европейской части России мы можем судить лишь по археологическим остаткам, то есть по косвенным свидетельствам. Но некоторые характеристики обнаруженных поселений, как в случае с корчакскими в Европе, могут многое рассказать нам о типе социальной единицы, вовлеченной в процесс экспансии, а следовательно, и пролить свет на сам процесс. Возьмем, к примеру, поселение борщевской эпохи на холме близ села Новотроицкого в Северной Украине. Крутые склоны холма служили ему природной защитой, и археологи обнаружили скопление из пятидесяти землянок, датируемых VIII—IX веками. Значит, общее население деревушки составляло несколько сотен человек. Выбор места и характер самого поселения позволяют предположить, что условия жизни были далеко не мирные, о том же говорит конец его существования — поселок, по всей видимости, был уничтожен в ходе набега. Новотроицкое — не единичный пример. Роменско-борщевские поселения обычно располагались в местах, где легче держать оборону, — на вершинах холмов или в болотах, нередко их обносили стеной, и плотность населения в них была довольно высокой.

Это позволяет сделать два вывода. Во-первых, расселение славян по этой территории было отнюдь не беспрепятственным. Такие поселения строят лишь в случае необходимости, и его судьба показывает, что без таких мер было не обойтись. Во-вторых — и это следует из первого утверждения, — экспансия славян в этом регионе, скорее всего, совершалась группами, достаточно многочисленными для того, чтобы возводить и поддерживать укрепленные поселения. Если экспансия встречала сопротивление, маленькие группы просто не удержались бы в регионе. Их должно было быть достаточно, чтобы построить поселок, в котором можно защитить себя и свои семьи.

Несмотря на нехватку письменных памятников, похоже, что миграционные группы, действующие на северо-западе России с VIII века, были гораздо больше тех, что ранее распространяли корчакскую культуру и ее варианты в Центральной Европе и к востоку от Карпат, в Россию и Украину. Эти укрепленные поселения резко отличаются от небольших незащищенных в корчакской, пеньковской и даже колочинской системах VI и VII веков, подчеркивая, что в более поздний период миграция славян вступила в новую эру. Мы по-прежнему видим экспансию, начало которой было схожим скорее с «волной продвижения», нежели с внезапной оккупацией обширных территорий, но со временем ее природа изменялась, пока более крупные социальные группы не стали переселяться на спорные территории. В целом экспансия славян в европейскую часть России вполне могла принять форму, которую мы наблюдали в других условиях, современных и исторических, когда поток небольших миграционных групп задает темп и в конечном счете они реорганизуются в более крупные, встретив на пути яростный отпор — как сделали готы и другие германцы в III веке, викинги — в IX и буры — в XIX[1].

Материалы, способные прояснить природу и масштаб миграционных потоков славян, весьма скудны и далеки от идеала. Но все это только делает раннесредневековую историю интереснее, и в любом случае их вполне хватает для того, чтобы понять: экспансия славян принимала самые разные формы, вытекающие из различных условий, в которых она происходила. С одной стороны, мы имеем точные копии поселений корчакского типа, протянувшиеся от подножий Карпат до широких просторов Центральной и Восточной Европы, от Эльбы до Украины. В роменско-борщевскую эру дальше к северу и востоку нормой становятся более капитальные постройки, возводившиеся группами славян численностью в несколько сотен человек. И от них резко отличается переселение в VII веке целых «племен» на территорию Балкан, ранее принадлежавшую Риму, где онн могли объединяться в группы до 10 тысяч человек — если мы не ошибаемся, считая, что силы, подчинявшиеся вождям вроде Ардагаста или Перигаста, мигрировали целыми группами. Источников мало, о подробностях можно

[1] Общие работы по теме см. примечание 39. О Новотроицком см.: Liapushkin (1958).

спорить бесконечно, и совершить ошибку очень легко. Но славянизация Европы определенно включала в себя самые разные типы миграционной активности, и размер групп варьировался от нескольких семей, с одной стороны, до нескольких тысяч человек, с другой.

ИММИГРАНТЫ И МЕСТНЫЕ

Написанный примерно в 600 году византийский военный трактат, нередко приписываемый императору Маврикию (582—602), содержит весьма занимательный комментарий об отношении одной из первых славянских групп к пленникам, захваченным во время набегов: «Взятые в плен у них не обращаются навсегда в рабство, как у других народов, но состоят в неволе только на определенный срок, а затем им предлагается на выбор: или, заплатив выкуп, вернуться на родину, или оставаться у них свободными в качестве друзей»[1].

И это сразу поднимает главную проблему, необходимую для понимания поразительно быстрого становления господства славян от Эльбы до Волги в раннее Средневековье. С одной стороны, никто не утверждает, что элемент миграции вовсе не присутствовал в этом процессе, — ведь они действительно расселялись по другим регионам. С другой стороны, старые культурно-исторические квазинационалистические представления о славянах как о «народе», некой единой группе населения, которая вышла из одного географического пункта и двинулась, постоянно увеличиваясь, по просторам Европы, не вызывают доверия. Схожим образом более ранние миграции германцев в IV—VI веках (хотя они и превратились со временем в переселение крупных миграционных групп) были не настолько масштабными, чтобы опустели целые регионы Европы, которые затронул коллапс германских культур. Большинство этих областей вновь появляются в источниках Каролингской эпохи как принадлежащие славянам, но первые мигранты из их числа, по большей части, взаимодействовали с местным населением. Следовательно, перед нами встают две основные исследовательские задачи: во-первых, определить с точки зрения демографии, насколько масштабным феноменом была миграция славян; во-вторых, понять,

[1] *Стратегикон* Маврикия. 11.4.

какого рода отношения формировались у пришельцев с местным населением в тех или иных пуиктах назначения.

Сведений из источников тех лет у нас нет, но есть причины полагать, что переселенцы сталкивались с немногочисленным местным населением в регионах, затронутых коллапсом германской культуры, и даже, в редких случаях, обнаруживали совершенно незанятые земли. О населении некоторых областей у нас сохранились данные. В Богемии, к примеру, в позднеримский период наблюдалось значительное сокращение численности жителей. Двадцать четыре основных места раскопок (по большей части кладбищ) существовали с раннеримского периода, а в поздней Античности их осталось всего четырнадцать. Следовательно, славянские иммигранты в Богемни обнаружили не совсем пустые земли, но жителей там стало гораздо меньше, нежели в былые времена. В других регионах необходимые данные предоставляют спорово-пыльцевые диаграммы. Пыльцу разносит ветер, н она опускается в том числе в водоемы со стоячей водой. Образец можно взять со дна — чаще всего озера — и исследовать. Продолжительное ведение сельского хозяйства проявляется в непрерывном образовании слоев, в которых мало пыльцы с деревьев или травы или в наличии пыльцы одних и тех же сортов злаков. Пыльцевые диаграммы невозможно получить в большей части Европы, но имеющиеся указывают на то, что в некоторых местах значительная часть неславянского населения никуда не ушла. Образцы с балтийского острова Рюген и из Саалеланда показывают более или менее непрерывную сельскохозяйственную деятельность с римского до славянского периода, несмотря на то что оба этих региона стали славянскими еще до IX века. Но в других областях картина иная. Во многих районах Мекленбурга в бывшей ГДР пыльцевые диаграммы указывают на внезапное возобновление ведения сельского хозяйства в тот же период. По крайней мере, здесь иммигранты славянской эпохи, похоже, начинали возделывать землю с нуля. Схожие данные о перерыве в возделывании земли и ее зарастании лесом также получены в Бискупине, в современной Польше[1].

Там, где пыльца не в силах нам помочь, приходится ориентироваться по более общим признакам. Некоторые указывают

[1] О Богемии см.: Godja (1988); ср. более общую работу Kolendo (1997). О польских исследованиях см.: Brachmann (1978), 31—32; Herrmann (1983), 87—89. Отсутствие преемственности рассматривается в: Henning (1991). О германском культурном коллапсе см. главу 7.

на то, что не следует недооценивать демографический элемент славянизации. По словам Прокопия, незадачливые герулы, изгнанные с земель в среднем течении Дуная в 512 году, двинулись на север по владениям славян, а затем в «пустые земли», прежде чем наконец вышли в Скандинавию. Пустой регион, судя по всему, — это север Центральной Европы, где-то за Моравскими Воротами, и это сообщение говорит о резком сокращении населения в том регионе, поскольку земли между Моравскими Воротами и Скандинавией в римский период были заселены. Есть также причины полагать, что миграционный процесс вызвал бы существенный прирост населения у славянских иммигрантов. Лимит роста популяции человека лишь один — доступные продовольственные ресурсы. Если производится больше еды, больше детей выживают, выше сопротивляемость болезням, и парам часто разрешают жениться в более молодом возрасте, а в результате население может увеличиваться с поразительной быстротой. В случае со славянами мы не можем опираться на точные подсчеты, но у нас много причин полагать, что демографические последствия переселения были довольно заметными. Прежде всего, миграция вывела славян из лесной зоны России и привела на более плодородную почву Центральной Европы. К тому же корчакские и пеньковские земледельцы быстро переняли более эффективный тип плуга, использовавшийся в Римской империи и на ее периферии к 400 году, забыв о своих сохах и ралах. Новые плуги позволили им не рыхлить, а перемешивать почву, чтобы сорняки гнили в ней, увеличивая и сохраняя ее плодородность, а значит, получать больший урожай. Даже если мы не можем назвать точных цифр, приходится прийти к выводу, что миграция вызвала рост населения в славяноязычных племенах, что, в свою очередь, позволило им быстрее колонизировать новые земли в Центральной Европе. Не все славяне, конечно, могли лично обеспечить тройной прирост населения, как сделал франкский купец Само, давший жизнь двадцати двум сыновьям и пятнадцати дочерям — с незначительной помощью своих двенадцати жен, — однако прирост населения был вполне ощутимым[1].

[1] *Фредегар*. Хроника. 4.48. О сельском хозяйстве и его распространении см.: Barford (2001), глава 8, (2005), с примечаниями. Надежные данные о росте населения имеются лишь по нескольким регионам, но археологические изыскания в Великой Польше показали, что плотность населения возросла с показателя меньше 1 человека на квадратный ки-

В то же время у нас есть другие косвенные подтверждения данных, полученных с помощью пыльцевых диаграмм с Рюгена и Саалеланда. Суковско-дзедзицкая система, занимавшая главную часть современной Польши, отличается большим количеством глиняных изделий корчакского типа, но, как мы видели, ее остатки отличаются куда большим разнообразием видов горшков. В придачу к стандартным горшкам корчакского типа для приготовления пищи (которые обладают, как правило, более широкой горловиной, нежели традиционные варианты) в суковско-дзедзицких поселениях обнаруживаются самые разные горшки средних размеров, округлые миски и пузатые кувшины. И большая часть посуды не корчакского типа выглядит как сделанные вручную варианты керамических изделий, которые изготавливались на гончарном круге в том же регионе пшеворскими гончарами в последний век германского господства. Эти сходства могут объясняться тем, что корчакские гончары находили пшеворскую керамику в заброшенных поселениях, но больше подобных имитаций нигде не встречается. Куда более вероятно, что мы видим результаты взаимодействия между корчакскими славянами и местным постпшеворским населением, по-прежнему проживающим в этих землях.

Разнообразие имеющихся свидетельств — как специфических, так и более обыденных — говорит о том, что демографическую значимость коллапса германской культуры и славянской иммиграции не так легко охарактеризовать. Немалая часть крестьянского населения продолжала заниматься своим делом, по крайней мере в некоторых зонах старой германской Европы, несмотря на переселение больших групп в IV—VI веках. Однако археологические свидетельства из Богемии указывают на то, что все-таки нужно учитывать общее снижение численности местного населения, которое, как показывают пыльцевые диаграммы, могло в некоторых местах даже привести к полному прекращению сельскохозяйственных работ — то же самое нередко обнаруживалось в приграничных рубежах Рим-

лометр в 500 году до 3 на квадратный километр к 900 году и до 7 человек на квадратный километр к 1200 году, см.: Barford (2001), 89—91, с примечаниями. Признаки развития сельскохозяйственных технологий свидетельствуют о том же, но в качественном аспекте. К примеру, плуги стали использоваться в северных регионах российской лесостепи во второй половине 1-го тысячелетия, см.: Levaskova (1994).

ской империи в период после ее распада[1]. Если к этой картине прибавить еще вовлеченные в миграционный процесс славяноязычные группы, численность которых быстро росла по мере того, как они усваивали более развитые способы ведения сельского хозяйства на плодородных почвах, то, пожалуй, переселение славян и впрямь следует рассматривать как серьезный демографический сдвиг, даже если оно не всегда и не всюду принимало форму повторной колонизации покинутых территорий.

В некоторых кругах утверждение, что миграции крупных масштабов в 1-м тысячелетии не было вовсе, а значит, она не могла и спровоцировать серьезных демографических (в противовес политическим и культурным) перемен, превратилось в мантру, а значит, стоит подробнее остановиться на этом моменте. Когда речь идет об обществе со строгой иерархией, культурный коллапс, ассоциируемый с исчезновением элиты, не сопровождается массовым исходом населения. Как мы видели ранее, согласно «Монемвасийской хронике», появление славян на Пелопоннесе привело к полной эвакуации исконного греческого населения. Однако, когда славяне близ Патры в начале IX века подняли бунт, среди них проживало и местное греческое население. Возможно, греки со временем вернулись из Калабрии, но в это сложно поверить. С точки зрения логистики эвакуация по морю населения целого региона была бы невозможна, учитывая, какие корабли тогда имелись в наличии. При схожих обстоятельствах на западе только богатые представители класса землевладельцев, обладавшие движимым имуществом, бежали прочь.

Нечто похожее, разумеется, произошло и на Пелопоннесе, хотя «Хроника» рисует другую картину, — на это указывает реакция на возрастающее давление со стороны славян жителей других регионов Балкан. Другой более поздний источник, хотя считается, что он опирается на более ранние письменные памятники, сообщает, что Салона на северо-западе сдалась славянам, так как город охватила паника, стоило жителям узнать, что все товары и богатство местная знать свозит к кораблям в гавани. Константин Багрянородный тоже рассказывает о том, что жители Рагузы по-прежнему помнят, что город их был основан иммигрантами, спасавшимися из Питавры. Далее назы-

[1] См.: Halsall (2007), 383 и далее.

ваются их имена: Григорий, Арсафий, Викторин, Виталий, архидиакон Валентин — отец протоспафария Стефана. Протоспафарий — высокий придворный чин, что, вкупе с упоминанием среди этих людей архидиакона, намекает на переселение как раз небольшой группы знатных и богатых людей — возможно, со своими слугами и родней, — а не на массовое бегство всего населения[1]. Культурный коллапс и переселение элиты в римский период, следовательно, скорее всего, касались небольшого процента населения, и вполне вероятно, что славянские иммигранты на Балканах всегда тесно сосуществовали с местными жителями, которые были довольно многочисленны.

Социально-экономическая ситуация в германской Европе в позднеримский период была, однако, совершенно иной. Несмотря на масштабные трансформации, происходившие в течение предыдущих четырех веков, в ней не было ничего похожего на иерархическое разделение на страты, характерное для позднеримского или ранневизантийского общества. Новые германские элиты действительно появились в период с I по IV век, однако по-прежнему представляли собой куда больший процент населения, нежели малочисленный класс землевладельцев, господствовавший в римском мире. Как мы видели в главе 2, все указывает на то, что социальная и политическая власть были разделены между сравнительно широким классом олигархии или свободных людей, а не немногочисленными аристократами. И участие в Völkerwanderung также не ограничивалось господствующим классом. Мы видим по меньшей мере два отдельных социальных класса воинов, не считая рабов, численность которых не указана, и они в иных случаях составляли войско в 10 с лишним тысяч человек, не говоря уже о женщинах и детях[2]. Переселение такой элиты, с большим количеством последователей, оказывало бы совершенно иной эффект на регион, нежели бегство нескольких знатных римлян с имуществом и семьями. Однако все это не опровергает тот факт, что большая часть севера Центральной Европы оставалась заселенной во времена славянской экспансии.

И как, опираясь на эти свидетельства, следует характеризовать отношения между местным населением и иммигрантами,

[1] О «Монемвасийской хронике» см.: Charanis (1950). Патры и Рагуза см.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. 49—50; ср.: (об эвакуации Салоны) Whitby (1988), 189—190 и комментарии.

[2] См. главу 4.

что здесь, что в других регионах, к примеру на Балканах и в европейской части России, где славяноязычные переселенцы столкнулись с уже обитавшими там народами?

Один сравнительно новый подход к проблеме явно основан на сведениях из «Стратегикона» и ряде более общих наблюдений о влиянии на местную материальную культуру установления господства славян в Центральной и Восточной Европе. Самым заметным его результатом стала замена (по крайней мере, в регионах, затронутых коллапсом германской культуры) более крупного и сложного меньшим и простым, практически во всех аспектах жизни, от технологии изготовления керамики до размеров поселений. Это упрощение, как утверждается, было не просто случайным последствием захвата крупных территорий народами, пришедшими из лесов Восточной Европы (которые вели очень простой образ жизни), но и основной причиной их успеха. Считается, что мы видим не столько захват славянами новых земель, сколько распространение привлекательной культурной модели, с энтузиазмом усвояемой мирным крестьянским населением Центральной Европы, оставшимся после того, как старые элиты двинулись на юг и запад в Римскую империю. Как следствие, славяне рассматриваются как носители альтернативного образа жизни, этакие средневековые странники-хиппи, которые повсюду встречали поддержку, в отличие от их более поздних товарищей в тэтчеровской Британии 1980-х годов. Как сообщает Прокопий, среди славян тех времен превалировали уравнительные и резкие, пусть и примитивные идеологии, и они показались весьма привлекательными крестьянам, которые тяжким трудом обеспечивали военную элиту германской Центральной Европы, каковая их ранее эксплуатировала[1]. Эта модель представляет славянизацию как процесс переселения не-элит и эмуляцию культур, в котором при небольшом количестве мигрантов их образ жизни получал стремительное распространение по регионам Центральной Европы, так как его усваивала значительная часть

[1] Urbanczyk (1997b), (2005). У нас нет прямых доказательств оправданности такого взгляда на германских крестьян, но аналогом могут служить римские земледельцы, которые иногда искали спасения (условного) от тяжких повинностей в регионах за границей империи. Среди деяний императора Констанция к северу от Дуная в 358 году значится, как мы видели, «освобождение» крестьян, ушедших к северу от границы, см. главу 3.

местного населения. Но действительно ли эта модель соответствует имеющимся у нас данным?

По крайней мере, в некоторых районах славянские мигранты обращались с местным населением более благородно, чем, к примеру, в англосаксонской Англии. Ассимиляция, несомненно, имела место. «Стратегикон» указывает, что ранние славянские племена были «открыты» в плане групповой идентичности и готовы, как мы видели, принять пленников в качестве полноправных членов своего общества. Это примечательно. Многие сообщества принимают чужаков, но последним чаще всего приходится занимать, по крайней мере изначально, более низкое социальное положение. К примеру, германские миграционные группы периода «переселения» полного равенства не предлагали. Они завершали миграционный процесс обществом, в котором имелись сформировавшиеся социальные различия между двумя классами воинов и рабами, и новым рекрутам, набранным по пути, высокое положение явно не предоставлялось. Однако, не имея строгой социальной иерархии, которую нужно было бы защищать, ранние славяне были нацелены на привлечение рекрутов, а потому перед чужаками не ставили никаких преград. Помимо «Стратегикона», другие источники не описывают процесс ассимиляции в действии, однако это сообщение косвенно подтверждается историей Само. Чужак, франкский купец, обладавший нужными качествами, стал уважаемым человеком среди сорбов и других славян аваро-франкского пограничья[1].

Прием чужаков действовал и на менее высоких социальных уровнях. Рост населения, вызванный улучшением технологий земледелия, не может служить адекватным объяснением тому, с какой скоростью огромные просторы Европы стали с 800 года принадлежать славянам. Эта проблема остается, даже если отталкиваться, как я, от предположения, что славянская языковая семья окончательно оформилась до середины 1-го тысячелетия и, как следствие, что славяноязычные народности были более широко рассеяны по Европе уже в 500 году, чем можно предположить по указывающим на них памятникам корчакской культуры. Создание почти полностью славянской Европы от Эльбы до Волги, таким образом, похоже, и впрямь подтверждает поглощение солидной части местного населения. Это,

[1] *Фредегар.* Хроника. 4.48; ср.: Urbanczyk (2002).

разумеется, говорило бы об исторических условиях, в которых носители славянских языков перенимали бы более развитые технологии земледелия от своих соседей и, в случае с суковско-дзедзицкой системой, более сложные виды керамики[1]. Это вовсе не означает возврата к старым националистическим идеям об исконных «рабах-славянах» между Одером и Вислой, которые потом триумфально освободились от германского господства. Напротив, мы, если честно, не имеем ни малейшего представления о том, какой была лингвистическая и культурная идентичность оставшихся в этом регионе крестьян после коллапса германской культуры, — но, предположительно, они тоже были германцами, поскольку оставались под властью германских народов на протяжении нескольких веков. Как бы то ни было, им предстояло влиться в развивающиеся нормы славянского культурного контекста. Такие масштабные слияния разных культур, нужно подчеркнуть, вполне согласуются с современными исследованиями этничности, которые установили, что группы возводят более крепкие или слабые барьеры вокруг себя в зависимости от обстоятельств. Ранние славяне — по крайней мере, некоторые из них — таким образом представляются примером группы, которая возвела очень слабый барьер, отделяющий их от чужаков, и именно об этом, по сути, говорится в «Стратегиконе». Также стоит оговорить, что это уникальное сообщение, а не топос, характерный для любого римского автора, рассказывающего о варварах.

Однако при этом очень важно не перескакивать с этого утверждения к выводу о том, что славяне заняли огромные просторы Европы в результате относительно мирного процесса. В бывшей ГДР в советскую эпоху было крайне важно с идеологической точки зрения находить подтверждения мирного сосуществования славян с исконным германским населением, и имеющимися данными нередко манипулировали. В эти годы был обнаружен ряд поселений, в которых, как заявлялось, германцы и славяне какое-то время мирно жили бок о бок. Два из них — в Берлине (Марцан и Хеллерсдорф), другие находились в разных регионах, из них самые важные — Дессау-Могискау и Торнов.

[1] Это также может объяснить, как славяне переняли германские гидронимы и топонимы, так, остров Рюген и Силезия, например, восходят к названиям племен ругов и силингов соответственно.

Падение Берлинской стены спровоцировало серьезные пересмотры этих утверждений. Позднегерманские и раннеславянские материалы были действительно обнаружены в одних и тех же местах, это было очевидно, но вот идея об их сосуществовании проверки не выдержала. В Хеллерсдорфе германцы и славяне жили в разные периоды, о чем свидетельствуют раскопки в слоях осадочных пород. Результаты говорили о невозможности совместного проживания этих народов в одном поселении, что было после 1989 года подтверждено радиоуглеродным анализом. В Марцане тем же методом германские материалы были датированы 240—400-ми годами, а славянские — 660—780-ми. В этом случае датировка радиоуглеродным анализом лишь подтвердила результаты дендрохронологической датировки, которая указала на то, что остатки древесины славянских времен относятся к VIII веку. Стремясь доказать сосуществование двух народов, археолог счел дендрохронологическую датировку слишком «неправдоподобной», чтобы нужно было обнародовать ее результаты[1]. Более поздняя экспансия славян в Северо-Западной России, как мы видели, явно встречала сопротивление, поэтому отношения иммигрантов с местными вряд ли можно назвать мирными. Не все доказательства их мирного существования сфабрикованы, но ни тот ни другой вариант не является единственным способом взаимодействия пришельцев с местными, о которых говорится в источниках.

Со временем, по мере того как культурная и лингвистическая трансформация, захлестнувшая Центральную и Восточную Европу во второй половине тысячелетия, обретает четкую форму, славяне становятся доминирующей силой в этих землях. Славянское общество, может, и было открытым для чужаков, но лишь для тех, кто хотел присоединиться к ним и стать славянами во всех смыслах этого слова. Мир, созданный славянской иммиграцией, не подразумевает, что пришельцы и местные будут мирно жить своей жизнью, сохраняя все былые различия. Напротив, он породил монолитную культурную форму, в которую главный вклад внесли славяне. Они не просто вошли в общество Центральной Европы и встали во главе уже существующих структур, поэтому здесь мы имеем дело не с

[1] См.: Henning (1991), подробнее о политическом давлении в ГДР и соответствующие корректировки работ Herrman (1984), (1985), 33 и далее.

моделью переселения элиты в духе Нормандского завоевания. Они переписали социальные нормы, подстроив их под свои собственные. Другими словами, славянизация стала в чем-то похожа на романизацию — она свелась к созданию нового социально-экономического и политического порядка, поглощающего все остальные, с мощным культурным элементом, который стал единственным из существующих. В конечном итоге у населения не было реального выбора, присоединяться к славянам или нет, и славянский язык стал господствующим на всей этой огромной территории.

Нельзя не удивиться и тому, как долго славянские общества оставались настолько открытыми для чужаков, желающих стать их частью на равных правах. Конечно, к 800 году, как мы увидим в главе 10, в некоторых из них произошло расслоение и появилось хищническое отношение к пленникам. К этому времени их уже не принимали в свое общество как равных, но пускали в весьма прибыльное дело — работорговлю. Отсутствие — до IX века — настоящей дифференциации в материальной культуре, которая и отражала бы наличие элиты, может заставить вас подумать, что славяне закрыли свое общество для чужаков сравнительно поздно. Но, как мы видели ранее, элиты могут благоденствовать и без существенных излишков и дорогих товаров. Если зависящие от тебя слуги делают всю тяжелую работу, пока ты больше ешь и наслаждаешься отдыхом, ты тоже становишься, по сути, «элитой», даже не обладая большим количеством блестящих вещичек.

Важно помнить и о том, что, хотя первые славяне, упоминавшиеся в источниках, переселялись небольшими группами — некоторые из них были откровенно маленькими, — то это не делало их мирными. Небольшие отряды славян устраивали налеты на римские Балканы почти беспрерывно с середины VI века, и они быстро получили репутацию весьма воинственного народа. Некоторым пленникам, попавшим к ним в руки, сильно не повезло. 15 тысяч захваченных римлян были посажены на кол близ города Топирос в 549 году, да и другие, убитые в 594-м, когда захвативший их отряд окружили, нашли бы заявления «Стратегикона» о щедрости и гостеприимстве славян по отношению к пленникам весьма неубедительными[1].

[1] Топирос: *Прокопий Кесарийский*. История войн. 7.39. События 594 года: *Феофилакт Симокатта*. История. 7.2.1—10.

Лучше организованные объединения вроде сербов и хорватов, если верить трактату «Об управлении империей», были, вероятно, еще более грозными, раз они сумели освободиться от господства Аварского каганата. Следовательно, размышляя о славянизации Европы, необходимо понимать, что экспансия происходила в период, когда славянское общество уже было затронуто серьезными изменениями. Одним из результатов стало появление вооруженных групп, весьма боеспособных, а потому сложно представить, чтобы в регионах, где они действовали, славянизация протекала исключительно путем мирного присоединения.

Принимая тот факт, что рассказ «Стратегикона» об этнической открытости действительно правдив по отношению к некоторым из групп, следует все же избегать чрезмерно романтического представления о ранних славянах. Их экспансия проводилась самыми разными сообществами с разной мотивацией, и вполне возможно, что они взаимодействовали с местным населением в новых землях по-разному. В некоторых регионах центра Северной Европы славянская иммиграция стала фактически повторной колонизацией земель, покинутых германскими мигрантами эпохи Völkerwanderung, или же и вовсе заселением территорий, покрытых лесом и потому ранее не возделываемых. Там, где местное население все же сохранилось, хотя и не в виде государственных структур, славянские иммигранты, возможно, пошли по пути «воссоздания элиты», примерно как в ранней англосаксонской Англии или Северо-Восточной Галлии. Здесь в итоге появились новые способы объединения исконного населения с пришлым. Но даже если некоторые славянские племена были открыты для чужаков, а процесс славянизации в целом протекал более мирно, чем в Галлии или Англии, иммигранты стали господствовать — притом безраздельно — в созданных обществах[1].

В целом, несмотря на отсутствие точных цифр, не приходится сомневаться в том, что в качественном соотношении, на которое опираются современные исследования, славянская экспансия должна рассматриваться как пример массовой ми-

[1] Это альтернативное объяснение событий, причем куда более убедительное, чем идеологическая националистическая модель «подчиненных» славян, которые якобы обитали здесь под властью германоязычной элиты.

грации. Политические и культурные потрясения, вызванные их миграционными потоками в пунктах назначения, были весьма ощутимыми. Большая часть Балканского полуострова, Центральная Европа вплоть до Эльбы на западе, большая часть Украины и огромная территория запада России стали зоной господства славян за три или четыре века после 500 года. Это было ново. На немалой части этих земель раньше господствовали германцы и балты — или же они входили в состав Восточной Римской империи. Учитывая нехватку достоверных сведений, кто-то может возразить, что экспансия славян была медленным процессом, а потому не могла стать настоящим «потрясением». И в этом есть зерно истины. Коллапс германской культуры говорит о том, что в некоторых регионах, на которые распространилась власть славян, первое потрясение произошло еще до того, как они прибыли сюда. Исчезновение социально-политической элиты и традиций материальной культуры, развивавшейся семь столетий, не могло не повлиять на местное население и тем самым подготовило почву для славянской экспансии в форме переселения небольших миграционных групп. Однако в других регионах становление славянского господства было внезапным, и оно нередко утверждалось силой. Вплоть до 610-х годов византийские войска с трудом сдерживали натиск славян по дунайской границе, не давая налетам превратиться в полноценное переселение. И когда граница пала, началась масштабная миграция. Укрепленные поселения роменско-борщевской эпохи тоже говорят о том, что нет причин полагать, будто Балканы были единственным регионом, где экспансия славян встречала яростное сопротивление, для преодоления которого требовались более крупные и агрессивные миграционные единицы.

Миграционный процесс также вызвал шок — оцениваемый по экономическим и социально-политическим сдвигам — по крайней мере среди некоторых славянских племен. Нам мало что известно о них до этих событий — только то, что они появились где-то на восточных рубежах Великой Европейской равнины. Как мы видели, общий характер культурных систем корчакского типа говорит о простом образе жизни их носителей, практикующих несложные виды земледелия и не обладающих многочисленными материальными ценностями, и в целом это определение совпадает с описаниями раннеславянского общества в византийских источниках, которые подчер-

кивают бедность, простоту и сравнительное равноправие в их среде. Миграция в конечном счете изменила все это, в каких-то народах быстрее, в каких-то медленнее. Одним из первых ее итогов стало появление класса профессиональных воинов, который оформился еще на предгорьях Карпат. Это было необходимо, чтобы в полной мере воспользоваться своей нынешней близостью к балканским провинциям Римской империи и устраивать успешные набеги на них. В дальнейшем эти изменения распространились гораздо шире по землям, на которых господствовали славяне[1]. Не приходится сомневаться в том, что по своим характеристикам славянская экспансия должна рассматриваться как массовая миграция. Однако почему она вообще имела место и почему сопутствующие ей процессы протекали именно так?

МИГРАЦИЯ, РАЗВИТИЕ И СЛАВЯНЕ

Поскольку в экспансии славян участвовали самые разные типы миграционных групп, функционирующие в самых разных контекстах, не следует удивляться тому, что среди них встречались и самые разные типы мотивации. Некоторые славяне переселялись по большей части из-за добровольной и экономической мотивации. Это верно для большинства славянских захватчиков на римских Балканах в VI веке, чья деятельность имела лишь одну цель — заполучить часть богатств, скопившихся здесь. Грабежи были одним из способов сделать это, но славянские наемные войска в эти годы также находились на службе Византии — другой способ достижения той же цели. В особенности в выигрыше остались анты, став официальными союзниками Византии с 530-х годов. В более широком смысле именно переселение склавинов и антов в Молдавию и Валахию к югу и востоку от Карпат приблизило их к Византии и предоставило им новые способы обогащения. Нет причин полагать, что они не являлись одной из целей миграции.

Материальные выгоды, которые несли с собой определенные элементы миграционной активности славян с V по VIII век, очевидны, если сравнить славянскую материальную культуру в начале этой эпохи с той, которая появилась в конце. Более

[1] См. главу 10.

сложные и изысканные металлические изделия, включая таковые из драгоценных металлов, большее разнообразие материальных благ и даже типов построек — все это появилось в указанный период и в основном принадлежало классам воинов, которые теперь могли воспользоваться новыми возможностями, представившимися в результате близости к развитой Европе. Очевидно, что сейчас мы пытаемся восстановить миграционную мотивацию не по непосредственным свидетельствам, а основываясь на действиях мигрантов и их последствиях, однако такой подход не лишен смысла[1]. Это также означает, что миграция славян — по крайней мере, некоторых — относится к типу, который мы уже встречали ранее, когда племена из менее развитой периферии передвигались к самой империи или хотя бы в земли, граничащие с ее непосредственными соседями, где в изобилии открывались новые возможности обогащения. А еще переселение славян соответствует одному из важнейших заключений современных исследований миграцин: неравенство в богатстве и развитии обеспечивает один из важнейших стимулов для перемещения.

Но по мере того как происходила экспансия славян, интеграция внешней периферии и имперской Европы достигла нового пика. Славяне появились среди простейших земледельческих сообществ, обитавших где-то к востоку от Вислы и северу от Карпат в первой половине тысячелетия, независимо от того, можно верить Иордану, считавшему их потомками венедов или нет. В то время они были частью мира, который никогда не вступал в контакт с Римской империей, несмотря на полутысячелетнюю историю. Это поднимает не менее важный вопрос. Археологические свидетельства говорят о том, что славяне стремились выйти из периферии, чтобы получить больше богатств, однако нужно понять, почему это произошло лишь в конце V—VI веке, а не раньше. У них было множество возможностей двинуться в путь с целью обогащения на протяжении пяти столетий, но они этого не сделали. Почему миграционный процесс начался именно в этот период?

Наиболее правдоподобных вариантов ответа два. Первый вполне очевиден и возвращает нас к революции, вызванной расцветом и падением империи гуннов на периферии Римской империи. Споры о демографическом масштабе миграций гер-

[1] Отличный обзор см.: Barford (2001), главы 3—8.

манцев будут идти и дальше, но их политическое воздействие на периферию, где ранее доминировали другие германские племена, неоспоримо. Результатом двух волн вторжения, в 376—380 и 405—408 годах, и последовавшей за ними борьбы за власть на среднем Дунае после смерти Аттилы было, как мы видели, резкое сокращение территорий, в которых господствовали германцы в Центральной и Восточной Европе, а также регионов, которые ими контролировались. Какое бы влияние коллапс германской культуры ни оказал на демографическую ситуацию в целом, он выразился в том числе в исчезновении из Центральной и Восточной Европы мощных военных и политических структур. Это сыграло ключевую роль для славян, сделав возможной их экспансию на рубежи Византии, потому что ушли в небытие многие из мешавших им германских политических образований, ранее монополизировавших выгодные позиции у имперской границы. Теперь славяне могли попасть на эту периферию — воинственные, хорошо организованные соседи им больше не препятствовали.

Эту мысль следует еще немного развить. Чтобы удачно воспользоваться представившимися в силу близости византийской границы возможностями обогащения, славянским племенам пришлось превратиться в более организованные сообщества с большим военным потенциалом. Разумеется, этот процесс был двусторонним, поскольку движимое имущество, изымаемое ими у жителей империи, в свою очередь позволило новым славянским предводителям возможность оказывать покровительство своим сторонникам, что было необходимым условием успеха. Степень реорганизации, через которую им пришлось бы пройти в римский период, если бы амбициозные славяне тогда попытались состязаться с уже хорошо организованными германскими государствами-клиентами, занимавшими приграничную зону, была бы гораздо выше, а значит, ее было бы труднее достичь. Притом эта трансформация должна была произойти в лесах восточных рубежей Великой Европейской равнины еще до того, как славянские племена начали бы продвигаться к периферии в поисках более выгодного положения. Иначе они бы не смогли составить конкуренцию уже имевшимся там германцам. Трудно представить, что какой-нибудь славянский вождь смог бы найти достаточно ресурсов в тех краях в первой половине тысячелетия, чтобы собрать столько сторонников, что у него появился бы шанс бросить вызов и потеснить герман-

цев. Расцвет и падение Гуннской империи создали вакуум власти к северу от границы по нижнему течению Дуная, что и позволило небольшим отрядам славян двинуться в этот регион.

Вторая часть ответа скорее гипотетическая, но проистекает из первой. Если изначальной зоной, где появились те славяне, которым в VI веке предстояло двинуться в римскую часть Балкан, и впрямь было Полесье или же предгорья Карпат, то мы получаем тот же регион, где в IV веке была распространена преимущественно готская черняховская культурная система (см. главу 3). Отсюда можно сделать вывод, что трансформация славянского общества стала реакцией на господство готов и была направлена на то, чтобы избавиться или хотя бы свести к минимуму ее худшие последствия. Как и гуннская или аварская империя, черняховская система могла требовать от покоренных народов экономической поддержки в виде продовольствия и, теоретически, солдат в свое войско. В этом случае особое значение приобретает упоминание первой славяноязычной группы в позднеантичном историческом трактате в контексте конфликта с готами. Иордан пишет об одной из великих побед вождя готов Виинтария, правившего в середине V века, над какими-то антами: «Когда [Винитарий] вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее, и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных»[1].

Один пример, разумеется, не доказывает, что все обстоятельства были именно такими, однако говорит в пользу нашего предположения. То же самое нередко происходит в современном мире, когда даже в случае миграции с отчетливой экономической мотивацией имеются и серьезные политические причины. Без политических преобразований, порожденных гуннами, даже новые, более закаленные в боях славяноязычные сообщества вряд ли смогли бы заполучить экономические возможности приграничного региона, которые достались им сравнительно легко, когда их бывшие германские хозяева ушли с дороги.

Во второй половине VI века в разных славянских миграционных потоках баланс между экономическими и политическими мотивами варьируется. Мотивация, стоящая за распростра-

[1] *Иордан.* Гетика. 48.247.

нением культуры корчакского типа, в ходе которой семейные поселки появлялись в нагорьях Центральной Европы, отчасти может быть объяснена ростом населения, вызванным не только приемом чужаков, но и доступностью большего количества продовольствия. Но даже экспансия корчакской культуры могла иметь политический подтекст. Начнем с того, что она могла быть во многом упрощена трудностями, уведшими готов, герулов, свевов, ругов и других в Среднедунайский регион, а лангобардов — на юг из Богемии и более далеких земель (см. главу 5). Эти конфликты происходили в конце V — начале VI века, именно в тот период, когда славяне — носители корчакской культуры — двигались от Карпат на запад, и могли облегчить им захват Моравии и Богемии. У корчакских племен мог быть и еще один политический мотив. Как мы видели, этих мигрантов, переселяющихся небольшими фермерскими сообществами, необходимо отличать от более крупных и военизированных образований, которые в тот же период возникали дальше к востоку и югу благодаря прямому контакту с Восточной Римской империей. Корчакские мигранты могли двинуться в путь, чтобы избежать поглощения этими новыми, более сильными славянскими структурами. Постнационалистические взгляды применимы и к славянам. Нельзя делать вывод о сильном чувстве общности между разными славянскими народностями на основании того, что они все говорили на родственных языках, и корчакские мигранты сделали выбор, отличный от такового их сородичей, поглощенных мыслями о римских богатствах. Одной из причин, побудивших их двинуться в путь, могло быть желание избежать ненужного и хищнического внимания соседей.

Расцвет мощи аваров также добавил динамичности славянскому миграционному процессу. Аварский каганат действовал примерно так же, как Гуннская империя до него, — его мощь зависела от покоренных племен, обеспечивавших его военной и экономической поддержкой. Короче говоря, то была гегемония, установленная военным завоеванием и поддерживаемая устрашением. Византийские исторические источники приводят массу примеров того, как Аварский каганат усиленно старался не терять лицо даже после серьезных поражений, поскольку любой признак слабости был сигналом для наиболее воинственно настроенных подданных о том, можно попытаться

поднять бунт. Историк Менандр сохранил для нас один особенно удачный пример. Аварский предводитель, которому не везло в осаде Сингидунума (современный Белград), попросил у градоначальника большой выкуп, чтобы он мог отступить, не запятнав своей чести. А в 626 году, когда последняя хитрость аваров, пытавшихся взять Константинополь, не увенчалась успехом, славяне пустились в бегство, а авары начали их убивать[1].

Милитаризация славян в Прикарпатье, таким образом, сделала их потенциально полезным субъектом Аварского каганата, который поспешил покорить часть их племен. Преследуя эту цель, авары были не прочь сослужить службу Византии и нападали на отдельные сообщества славян в 570-х и 580-х годах — и даже спускались по Дунаю на римских кораблях, чтобы атаковать группы, ставшие источником неприятностей на границе (вероятно, в регионе Банат и Валлахии) к юго-западу и югу от Карпат соответственно. Славянские племена, как правило, входили в империю кочевников отнюдь не в результате мирных переговоров, и их отношения с аварами были, за неимением лучшего слова, двойственными. С одной стороны, как мы уже видели, в каком-то смысле военная машина аваров (с помощью персов и арабов) проделала дыру в обороне византийской части Балкан и сделала возможным переселение туда славян в VII веке. С другой — господство аваров само по себе было тем, чего многие славянские племена стремились избежать — или сбросить, если им не повезло подпасть под него. Сербы и хорваты, поселившиеся на Балканах, сделали именно это, как мы видели, — как и сорбы дальше к западу под предводительством Само. Фредегар, автор источника, в котором описывается этот случай, недвусмысленно называет причину восстания: «Когда бы [авары] ни выступали против других народов, они стояли у лагеря в строю, готовые к бою, пока сражались славяне. [...] Каждый год [авары] зимуют со славянами, спят с их женами и дочерями, и вдобавок славяне платят дань и терпят много других тягот»[2].

Господство аваров, таким образом, давало славянам еще больше причин уйти из Прикарпатского и Среднедунайского

[1] *Пасхальная* хроника. (626); подробнее об аваро-славянских отношениях см.: Whitby (1988), 80 и далее; Curta (2001), 90 и далее.

[2] *Фредегар*. Хроника. 4.48.

регионов. Во-первых, пусть даже сообщества, первоначально распространявшие корчакскую культуру, были другого происхождения, поскольку они стали расселяться до того, как авары стали серьезным фактором, их дальнейший путь из Богемии к Зале и за Эльбу во второй половине VI века, определенно был проделан в том числе для того, чтобы избежать вступления в Аварский каганат. Это вполне могло подтолкнуть другие славяноязычные племена к тому, чтобы пойти на север, в Польшу, более или менее в тот же период[1]. Во-вторых, авары ответственны за продвижение более крупных славянских сообществ на Балканы после 610 года, которое было бы невозможным, если бы первые не нарушили целостность византийской границы. Но это были те же самые славяне, которые за предыдущие полвека попеременно то сражались с аварами, то служили им, поэтому есть причины полагать, что они также хотели убраться туда, где до них не могли бы добраться бывшие хозяева (прихватив с собой жен и детей). В-третьих, авары, как и гунны, поселили часть подданных близ своих центральных владений на Альфёльде. Исторические источники отмечают, что так они поступили, помимо прочих, с булгарами и гепидами, а также с сообществами римских пленников, захваченных на Балканах. Археологические свидетельства указывают и на то, что та же судьба постигла те славянские племена, которые находились в их полной власти[2].

Мотивация и контекст, таким образом, подводят нас к объяснению разносторонности миграционного процесса, наблюдаемого среди славян. Тот факт, что их экспансия иногда проводилась как более крупными, так и небольшими группами, как мирно, так и довольно агрессивно, не должен нас смущать. Иногда превалировали политические мотивы, иногда экономические. Какие из них преобладали в случае экспансии на Восточно-Европейскую равнину с VII века и на протяжении последующих, сказать невозможно в силу отсутствия исторических источников, в которых можно было бы почерпнуть све-

[1] Могилянская группа предшествовала прибытию аваров, но оно вполне могло ускорить процесс возникновения суковско-дзедзицкой культуры, хотя, как мы видели, внутренняя хронология слишком неясна, чтобы можно было основывать на этом утверждении дальнейшие построения.

[2] Об истории и археологии Аварского каганата см.: Pohl (2003); Daim (2003).

дения о самом процессе и о его политических характеристиках. Группы, двинувшиеся к востоку от Днепра в более поздний период, быстро начали извлекать выгоду из торговли мехами и рабами, которая начала формироваться в этом регионе с VIII века, как мы увидим в главе 10, но эта ли причина привела их на восток, или же мы имеем дело со случайным последствием миграции, сказать невозможно.

МИГРАЦИЯ И СЛАВЯНСКАЯ ЕВРОПА

В качестве реакции на неравенство в богатстве и развитии, в сложном переплетении экономических и политических мотивов, во влиянии на его разнящиеся итоги окружающих политических структур миграционные потоки славян второй половины V века и последующих времен обрели формы, схожие с более современными случаями. Некоторые из миграционных групп были «цельными» и включали в себя мужчин, женщин и детей всех возрастов, как те, которые мы уже наблюдали в германском мире. Такого рода группы, как мы видели, отражают специфику условий, сформировавшихся в 1-м тысячелетии, и в современном мире сравнительно редки. Но в общем и целом сравнение уместно. Природа и направление славянских миграционных потоков отвечают более глубоким принципам, стоящим за современными потоками. По некоторым своим характеристикам славянская миграция напоминает потоки более поздних эпох, описания которых сохранились в письменных источниках.

Как правило, несколько индивидов, чаще молодых мужчин, первыми переселяются в новый регион. Затем знания о новых возможностях достигают более широкого слоя населения. Славянские набеги на Балканы в VI веке, предшествовавшие их заселению после 610 года, в известном смысле сыграли ту же роль. Молодые мужчины, участвовавшие в этих набегах, получали знания об основных маршрутах и возможностях, которые предлагает целевой регион, на своем (иногда горьком) опыте, и эти знания сформировали полноценную миграцию VII века. Новая и основанная на достоверных данных хронология расселения корчакских мигрантов на запад по нагорьям Центральной Европы показывает, что этот миграционный процесс продолжался куда дольше, чем было принято считать. Помимо

всего прочего, это означает, что у задействованных в нем групп было предостаточно времени на то, чтобы собрать необходимые знания о своем новом доме между переселениями, и это обстоятельство было чрезвычайно важным. В современных примерах активное информационное поле (пусть и не всегда точное) о месте назначения играет очень важную роль в стимулировании и направлении миграционных потоков. Это отчасти объясняет, почему германские мигранты V века, переселявшиеся на большие расстояния, передвигались отдельными «скачками», с длительными перерывами между ними — им было нужно собрать информацию. То же самое, похоже, касается славянских миграционных групп VI и VII веков[1].

Миграционный поток славян роднит с современными еще и то обстоятельство, что одни и те же племена, похоже, участвовали не в одном, а в череде переселений, продолжавшихся несколько поколений. Как показывают современные исследования, привычка к миграции иногда создается у целого сообщества. Когда друзья и родственники мигрируют или помнят, как делали это в прошлом, это увеличивает вероятность того, что миграция будет перенята в качестве жизненной стратегии другими членами той же группы. Миграционный профиль славян идеально подходит под это описание. Гипотетический первый переход в Молдавию и Валахию в конце V — начале VI века был повторен через два-три поколения потомками тех самых мигрантов, но они двинулись уже на территорию византийских Балкан. Тем временем последующие поколения направились на восток и запад, на Украину и в нагорья Центральной Европы, а затем обе эти ветви ушли на север, и все это на протяжении нескольких поколений. Миграция явно успела укорениться в качестве жизненной стратегии во многих славянских группах, и, накапливая знания об окружающих территориях, новые мигранты готовились двинуться в путь. Прежние успешные перемещения только усиливали их привычку к миграции.

Более того, склонность к миграции как к жизненной стратегии была, возможно, заложена в первых славянских мигрантах конца V века в связи с несовершенством их земледельческих технологий. Кем бы ни были первые славяне, мы знаем, что они появились где-то к северу от Карпат и к востоку от Вислы. Будучи земледельцами, а не кочевниками в полном смысле этого

[1] См. главу 4.

слова, славяне, жившие в этом регионе, до 500 года не могли похвастать развитой технологией земледелия, которая позволяла бы долгое время поддерживать плодородность полей, а потому каждое поколение или около того переселялись на новое место. Так продолжалось еще около века во второй половине тысячелетия. Недавние раскопки в раннеславянской деревне Дулчинея в Валахии показали, что это поселение в десять—пятнадцать домов несколько раз меняло расположение, когда поля ее обитателей истощались. Как и германцы в раннеримский период, у которых подобные небольшие переселения в конечном счете вылились в полноценную масштабную миграцию, тот факт, что славянские фермеры не были привязаны к конкретному участку земли, позволял им сравнительно легко воспользоваться возможностями, которые открыло для них резкое сокращение численности германцев на периферии империи[1]. Конечно, им пришлось двинуться в новом направлении и пройти куда больше, но славяне были достаточно мобильны, чтобы это не составило особого труда.

Однако неясно, породила ли славянская экспансия сколь-нибудь значимую обратную миграцию, сопутствующий переселению феномен в современных миграционных потоках. Помимо налетчиков, возвращавшихся домой после успешных набегов, об обратной миграции речь не идет ни в одном из наших исторических источников. С другой стороны, археологические свидетельства распространения корчакской культуры на север и восток с Карпат в Россию и Северную Украину в VII веке и далее вполне могут говорить об аналогичном процессе, если первоначальный импульс для миграции славян пришел именно с этого направления. Обратная миграция чаще всего возникает в связи с эмоциональными трудностями и другими проблемами, вызванными попаданием в новое окружение, а также невозможностью достичь успеха в пункте назначения. В этом случае расцвет империи аваров, со всеми требованиями, которые она предъявляла к покоренным славянским народам, а также присущая им любовь к восточноевропейским лесам могли подтолкнуть корчакских мигрантов к изменению направления. Но это лишь догадка — есть и другие варианты. Более сложные технологии земледелия, усвоенные у развитого мира, в сочетании с новыми заслугами на военном поприще могли

[1] О Дулчинее см.: Curta (2006), 56—57.

дать славянским народностям, первыми переселившимся в Прикарпатье, стратегическое преимущество над теми, кто когда-то делил с ними территорию европейской части России, что и позволило им со временем расселиться по ней — вытесняя местное население.

Наконец, транспортная логистика вряд ли могла сыграть важную роль в формировании славянского миграционного процесса. В отличие от англосаксов им не нужно было переплывать море, хотя, когда они устраивали набеги на римские Балканы, реки вроде Дуная или Савы могли преградить им путь. Как упоминалось ранее, в 550—551 годах 3 тысячи славянских воинов выплатили гепидам по золотой монете каждому за то, чтобы те помогли им уйти через реку с территории империи, но это, возможно, говорит о том, что важна была скорость передвижения, а не о том, что они не способны были переправиться сами. В начале 610-х годов славяне на долбленках весьма успешно грабили побережья Греции, и такой же флот применялся, пусть и менее эффективно, при осаде аварами Константинополя в 626 году. Следовательно, система европейских рек вряд ли представляла какие-либо сложности для мигрирующих славян, особенно если учесть, что ценных вещей у них было не так много, а значит, они передвигались без огромных караванов, бывших постоянными спутниками их германских товарищей в V веке. По крайней мере, ни один источник не отмечает, что славяне пользовались телегами, и это касается в первую очередь славянских налетчиков, которые не зависели от римской дорожной сети и передвигались свободно, в отличие от готов Теодориха или Алариха. Верно ли это для более крупных объединений славян, поселившихся близ Фессалоник, неизвестно, но на то намекает основная линия их продвижения на запад по центральноевропейским нагорьям, избранным корчакскими племенами, где груженные скарбом телеги стали бы серьезной помехой[1].

Возможно, нам следует рассматривать феномен скопления поселений корчакского типа как своего рода миграционную стратегию. Обычно при анализе их простых землянок в сочетании с несложной керамикой упор делается на технологическую простоту и, соответственно, известную отсталость первых славяноязычных групп, упомянутых в источниках. Однако не-

[1] О славянских землянках см.: *Пасхальная* хроника (626); *Чудеса* святого Димитрия Солунского. II.1.

давно было указано, что, при всей простоте этих материалов, сделаны они добротно и весьма эффективно выполняли свои функции. Более того, появилось предположение, что корчакские поселения представляют собой упрощенную версию славянской материальной культуры тех лет, созданную специально для того, чтобы максимально облегчить переселение. Довод о том, что славянская материальная культура идеально соответствует поставленным задачам, попал в цель, и это вполне разумный ответ на любые попытки принизить историческую значимость ее носителей. Однако, если учесть общий образ жизни обитателей европейской части России, где и появились славяне, можно найти более очевидное объяснение простоте корчакской культуры: она отражает начальный этап развития славянской материальной культуры, на основе которого появились более сложные и разнообразные варианты, а не является особой формой материальной культуры, упрощенной ради миграции. Но если обнаружатся современные корчакской норме и при этом более сложные формы славянских поселений, то приведенный выше аргумент получит весомое подтверждение[1].

Любое исследование миграции славян затрудняется ограниченным количеством доступных источников. Процессы, протекавшие со второй половины V века и легшие в основу расселения упоминаемых в них славянских племен по европейской части России к концу тысячелетия, по большей части скрыты от нас. То, как экспансия продвигалась дальше на запад, тоже неясно, особенно история людей, лежащая за распространением суковско-дзедзицкой системы из Польши на север и запад. Даже в оккупации славянами Балкан, сравнительно подробно описанной, имеется ряд загадок. Как именно сербы и хорваты избавились от господства аваров и какова была первоначальная природа этих племен? В некоторых аспектах мы можем надеяться на пополнение сведений. Вряд ли, конечно, будут обнаружены новые исторические источники, однако рано или поздно найдутся новые археологические материалы, которые можно будет трактовать более объективно, учитывая все нюансы. А значит, однажды у нас, возможно, появится более четкое представление о том, как именно шла славянская миграция в малонаселеиных и политически раздробленных регионах, и о том, какой процент германских или других местных жите-

[1] Buko (2005), глава 3.

лей остался в затронутых этим процессом землях. И более ясной станет хронология суковско-дзедзицкой системы.

В настоящий момент следует подчеркнуть сложность славянского миграционного процесса в целом: он принял несколько разных форм, протекал в разное время и в разных местах. В некоторых контекстах небольшие группы населения взяли на вооружение способ, напоминающий модель «волны продвижения», хотя продвижение корчакских славян по нагорьям Центральной Европы было, вполне вероятно, не случайным. В других имел место изначально небольшой поток, затем разросшийся по мере того, как усиливалось сопротивление, и славянские мигранты (так же, как готы, буры и викинги) были вынуждены реорганизоваться и передвигаться бóльшими группами. Об этом свидетельствуют более крупные, обнесенные стенами поселки, характерные для периода расселения славян на северо-восточных рубежах Великой Европейской равнины. В других местах действовали еще более крупные объединения, насчитывавшие по несколько тысяч человек, и здесь мы смотрим на модифицированные формы продвижения, предложенные еще гипотезой вторжения, которую мы наблюдали у германских мигрантов, в особенности когда многочисленные группы двинулись к византийским регионам Балкан в конце VI века и начали аннексировать эти земли в VII. Варианты, смахивающие на модель «волны продвижения», соотносятся с добровольным, экономически мотивированным перемещением, хотя политически контекст всегда был важнейшим условием успеха; более крупные «племенные» миграции были, как правило, менее добровольными и имели политические мотивы.

Следует также остановиться на том, что, какого бы размера ни были миграционные единицы, мы имеем дело со славяноязычными переселенцами, ставшими главной культурной силой на просторах Центральной и Восточной Европы. Как видно по границам славянской Европы, мигранты весьма успешно установили свое господство и уже в VI веке снискали славу умелых воинов. Славянизация отличалась и элементом добровольности, по крайней мере на ранних этапах, поскольку некоторые славянские группы были открыты для местного населения, желавшего перенять новые культурные нормы. Но вряд ли действительно можно рассматривать славян как самых успешных хиппи, которых когда-либо знала Европа. Может, у них не

было цирков, тог, латинской поэзии и центрального отопления, но они не менее успешно навязывали другим новый социальный порядок, устанавливая его во всей Центральной и Восточной Европе, как делали римляне на западе и юге. Их военные успехи заставляют сомневаться в том, что им это удалось лишь потому, что местные считали, будто стать славянами — отличная идея.

Менее мирная картина жизни ранних славян, на мой взгляд, подтверждается природой первых славянских государств, сформировавшихся в IX—X веках, и процессами дальнейших преобразований, которые и вызвали их к жизни. Экспансия, длившаяся с VI по IX век, была частью той же истории, и во многом первые переселения славян и образование их государств были вызваны все теми же силами. Но природу этих сил можно понять до конца лишь в том случае, если рассматривать славянизацию как часть более обширной и серьезной трансформации Северной и Восточной Европы, которая заявила о себе грозными завоеваниями эпохи викингов. Следовательно, прежде, чем мы вернемся к процессам образования славянской государственности, необходимо изучить последний скачок миграционной активности в Европе 1-го тысячелетия. И хотя его связь с образованием славянской государственности означает, что экспансия северян к югу и востоку от Балтики будет в центре нашего внимания, ее можно понять лишь в контексте миграции скандинавов в целом.

Глава 9
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВИКИНГОВ

«Чтобы достичь Гренландии, поверни налево в середине Норвегии, держись так далеко к северу от Шетландских островов, чтобы видеть их, только если видимость очень хорошая, но к югу от Фарерских островов, чтобы море наполовину закрывало горные склоны. Что до Исландии, держись так далеко к югу, чтобы видеть лишь стаи птиц над нею и китов».

Так, в приблизительном пересказе, выглядят навигационные указания в исландской средневековой рукописи[1], и от них волосы на голове становятся дыбом. Как можно с такими подробными инструкциями проплыть мимо цели? Все, что нужно, — это умение распознать, когда видимость близ Шетландских островов очень хорошая, а когда нет, а если видимость плохая (как часто и бывает), попытаться угадать, где находится остров; на глаз прикинуть высоту Фарерских островов и интунтивно понять, как проплыть по прямой между ними с помощью звезд. Прибавьте к этому глубокие познания в флоре и фауне морей вокруг Исландии, удачу, благодаря которой бурный атлантический ветер не собьет вас с курса (а если собьет — пусть вам повезет и вы вернетесь на нужный курс), и вы на месте. И все это в крохотной деревянной лодке, под парусами, без радио (и никаких спасательных средств, даже

[1] «From Hernar in Norway one should keep sailing west to reach Hvarf in Greenland and then you are sailing north of Shetland, so that it can only be seen if visibility is very good; but south of the Faroes, so that the sea appears halfway up their mountain slopes; but so far south of Iceland that one only becomes aware of birds and whales from it» (цитата из «Книги Хаука» XIV века, приведена в Bill (1997), 198). («Из Хернара в Норвегии следует плыть на запад, чтобы достичь Хварфа в Гренландии, и держись так далеко к северу от Шетландских островов, чтобы видеть их, только если видимость очень хорошая, но к югу от Фарерских островов, чтобы море наполовину закрывало горные склоны, но так далеко к югу от Исландии, чтобы видеть лишь стаи птиц над нею и китов».)

если бы оно у вас было). С учетом всего этого, тот факт, что викинги, открывшие восточное побережье Америки, попали туда в поисках Гренландии, кажется не таким уж удивительным. В конце 1-го тысячелетия, судя по всему, в северной Атлантике кишмя кишели храбрые, умелые, безнадежно заблудившиеся скандинавы, наудачу «открывавшие» разные страны.

Но, несмотря на все эти сложности, между 800 и 1000 годами скандинавы с энтузиазмом бороздили воды самой разной глубины. Помимо их хорошо известных открытий в Северной Атлантике, они также плавали по рекам Западной и Центральной Европы, а также европейской части России — в судах всех видов и размеров и с самыми разными целями. В эти века бесстрашные мореплаватели-викинги вырвались за пределы родной Балтики, чтобы торговать, грабить, переселяться и создавать политические образования от Геркулесовых столбов до Уральских гор. Общества, которые встречались им в странствиях, да и их собственные, в процессе менялись до неузнаваемости. Задача этой главы — не рассказать в целом об эпохе викингов, а изучить степень важности миграции скандинавов в разных ее фазах и сравнить ее формы, мотивы и последствия как с современными примерами, так и с другими раннесредневековыми случаями переселения, рассмотренными в этой книге.

ВИКИНГИ И ЗАПАД[1]

В Западной Европе яростные набеги викингов начались в конце VIII века. Первый масштабный разрушительный набег викингов произошел в 793 году: разграбление известного монастыря на острове Линдисфарн близ побережья Нортумбрии в Британии 8 июня (кстати, в день моего рождения). За два года налетчики обогнули северное побережье Шотландии и добрались до западных островов, где разграбили ирландский монастырь на острове Ратлин. Эти два деяния были, судя по все-

[1] С точки зрения британцев, имеется склонность выделять два главных этапа викингского вторжения: один в IX веке, а второй в конце X — начале XI века. Последний сильно отличается по своей природе, поскольку был централизованно организован датской монархией и слабо походил на миграцию, подробнее об этом в главе 10.

му, совершены по большей части норвежцами, приведенными к северным побережьям Британских островов ветрами и течениями. Весенний восточный ветер принес норвежских грабителей через Северное море к Шетландским и Оркнейским островам, затем — на северо-восток Шотландии. Им пришлось пройти по открытому морю между побережьями Норвегии и Шетландских островов, не видя земли. Весьма смелое предприятие — но не сказать чтобы из ряда вон выходящее. Доплыть из Бергена в Западной Норвегии до Шетландских островов вполне реально за тот же срок, за какой можно обогнуть юг Скандинавии через Скагеррак и выйти в Балтийское море. А уж если вы до них добрались, можете смело действовать дальше, не теряя землю из вида. Шотландия находится близко, и прямые прибрежные маршруты привели норвежцев, обогнувших ее северное побережье, к Гебридам, в Ирландское море, на запад Британии и наконец в саму Ирландию. Затем — что очень удобно, если нет желания здесь задерживаться, — осенние ветра Северного моря, западные, возвращали их домой. Если бы сезонные ветры и течения шли в обратном направлении, мы бы сейчас писали о средневековых вторжениях шотландцев в Норвегию[1].

В то время как Северная Британия и Ирландия подвергались нападениям, неприятности начались и по обе стороны Ла-Манша. Между 786 и 802 годами (точную дату инцидента установить невозможно из-за небрежностей системы датировки, применяемой в англосаксонских хрониках) состоялся первый в эпохе викингов набег, получивший освещение в источниках, — три корабля с норвежцами на борту подошли к Портленду на южном побережье Британии. Местный королевский посланник хотел проводить их к королю, но они убили его; есть мнение, что он принял их за торговцев. Корабли вышли из Хордаланна в Норвегии. Другое свидетельство не такое прямое, но недвусмысленное. В 792 году Оффа, король Мерсии и владыка Англии к югу от Хамбера, дал разрешение прибрежному монастырю в Кенте подготовить убежище для монахов вдали от моря, под защитой еще стоящих римских стен города Кентербери. Схожие приготовления имели место к югу от Ла-Манша. В 800 году император Карл Великий укрепил защитные сооружения в устье реки Сены. Но викинги уже за-

[1] О путешествиях в этих северных водах см.: Crawford (1987), глава 1.

брались гораздо дальше. В предыдущем году они обогнули побережье Британии, чтобы напасть на монастырь на острове Нуармутье в устье Луары в Западной Франции. Десять лет спустя император решил расположить флот в Генте и Булони, чтобы противостоять морским набегам[1].

Как и в разграблении Линдисфарна, в инциденте в Портленде участвовали викинги из Норвегии. Однако в IX веке на этом южном фронте хозяйничали преимущественно скандинавы из Дании. Опять-таки дело в географической близости, сделавшей восточное побережье Англии и всю зону Ла-Манша доступной датским мореплавателям. Однако это лишь тенденция. «Норвежцы», «датчане» и даже «шведы» — пустые термины для эпохи викингов. В ее начале ни одни из них не существовали как цельное политическое образование, и предводители набирали людей по всему Балтийскому региону.

НАБЕГИ

Некоторые аспекты яростных, но мелких набегов, характерных для первой фазы активности викингов в Западной Европе, описаны в источниках лучше и полнее, чем другие. Разбой в Северной Британии начался рано и с размахом. Уже к середине IX века Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова не только были разграблены, но и стали объектами масштабной колонизации. В исторических источниках об этом почти ничего не сказано, но на западных островах к 850 году уже успели прочно обосноваться норвежские предводители, а об их проживании на северных архипелагах красноречиво говорят топонимы и археологические остатки. Со временем все старые названия рек на Шетландских и Оркнейских островах были вытеснены. Каждое название на них происходит из древнескандинавского языка. Археологические свидетельства также указывают на полный захват северянами этих архипелагов — поселения пиктов были полностью вытеснены новыми, скандинавского типа. На северных и западных островах старые круглые и восьмиугольные строения, свойственные кельтской

[1] Библиография о викингских походах на запад почти бесконечна, но следует обратить внимание на Nelson (1997), Keynes (1997) и O'Corrain (1997) и соответствующие главы в Forte et al. (2005) и Loyn (1995).

и пиктской традициям, быстро сменились скандинавскими, с прямыми линиями и углами, то есть принадлежащими к совершенно другой культурной традиции. На Гебридах в изобилии встречаются названия древнескандинавского происхождения, а по сути — превалируют, и с археологическими материалами схожая ситуация. Остров Мэн и, возможно, западные регионы Уэльса в этот период увидели не только набеги, но и начало переселения[1].

Дальше к югу, в Англии, Ирландии и на континенте, исторические источники помогают создать более ясную картину. Редкие отсылки на нападения скандинавов появляются в источниках с континента и с островов первых десятилетий IX века, но затем частота набегов резко возрастает. В ирландских письменных памятниках первые имена вождей викингов появляются в «Ирландских анналах» в середине IX века — чем больше контактов, тем больше знаний. И летопись тому ярчайший пример. Монастыри в Ирландии (и не только на побережье) впервые стали мишенью в 836 году. Чтобы добраться до них, викинги прошли по внутренней системе рек и озер острова — еще один признак того, что они куда лучше изучили свою цель. В то же время тяжелый удар был нанесен по портам в Ла-Манше. Между 835 и 837 годами порт Дорестад во Фризии за три года подвергся нападению три раза, Шеппи в Кенте был атакован в 835, Уэссекс — в 836-м. В то же время викинги вынудили монахов Нуармутье покинуть монастырь и начать долгое отступление в глубь материка. На протяжении следующих двадцати лет скандинавы продвинулись еще дальше. В 844 году один отряд пересек Бискайский залив, чтобы напасть на испанское христианское королевство Галисия (теперь северо-запад Испании), а затем двинуться на юг в Аль-Андалус — богатые земли Мусульманской Испании. Пожалуй, самый масштабный набег пронзошел в 858 году, когда они обошли Испанию, вошли в Гибралтарский пролив и разграбили побережье Италии. Перезимовав на Средиземноморье, тот же отряд в 859 году обрушился на земли вверх по реке Роне и даже похитил короля Памплоны в Северной Испании, когда

[1] См.: Crawford (1987), глава 4 (топонимы), 136 и далее (типы поселений); ср.: Ritchie (1993). Намеки на то, что могло происходить на севере, можно почерпнуть, анализируя события в Ирландии (см. следующий комментарий).

тот возвращался в свою резиденцию в 861 году. За него взяли выкуп в 60 тысяч золотых[1].

Однако такие масштабные набеги были исключением, а не правилом. Обычно скандинавы не заходили дальше юго-запада Франции и системы реки Гаронны в Аквитании. Нападениям в конце концов был дан отпор силами правителей региона — Карла Лысого, внука Карла Великого, и его племянника Пипина, — но даже проблемы Аквитании были несущественными по сравнению с грабежами, происходившими дальше к северу, по обеим сторонам Ла-Манша. Здесь рост агрессии викингов выразился в трех показателях: увеличение количества отрядов, увеличение частоты и длительности набегов и, как в Ирландии, расширение зоны грабежей с помощью речных систем, ведущих в глубь материка или острова. В 841 году был разграблен богатый монастырь Сен-Вандриль, в 843-м — город Нант. Через два года вождь скандинавов по имени Регинхарий (как и в Ирландии, это очень важный период: хронисты начинают называть имена предводителей викингов) вместе со своими соратниками прошел вверх по Сене и добрался до самого Парижа, где ворвался, пожалуй, в самый богатый монастырь Западной Европы — аббатство Сен-Жермен. Но монахи были предупреждены об опасности. Реликвии монастыря — в том числе останки самого святого Германа Парижского — и все сокровища были вывезены в убежище вверх по течению Сены. Вернувшись через шесть недель, монахи обнаружили, что церкви были нанесены незначительные повреждения и сгорела часть пристроек. Самый большой ущерб понес их винный погреб, который обнаружили скандинавы — с вполне предсказуемым результатом. А вот Парижу повезло меньше. Регинхарий за свои труды получил больше 3 тонн золота и серебра — откупные, дань и награбленное.

Примерно с 850 года уровень агрессии вновь возрастает. Скандинавы начали зимовать в Западной Европе, убрав тем

[1] См., например: *Ирландские* анналы (807, 811, 812, 813); упоминания о нападениях становятся почти что ежегодными начиная с 821 года, что дает нам основания предположить, что нападения на Ирландию участились незадолго до начала атак на Англию и на континент. «Ирландские анналы» (848) называют вождя викингов Торира «tanaise rig», что может означать наследника или правую руку короля (Charles-Edwards (2006), т. 2, 11). Следовательно, он мог быть ярлом (*др.-норв.* Jarl), а не королем (см. ниже). О событиях в Англии и на континенте см.: Nelson (1997); Keynes (1997).

самым перерыв в набегах, длившийся раньше с ноября по март, когда Северное море было слишком опасным для мореплавания. Это был зловещий знак — привязанность грабителей к родной земле в Скандинавии явно была не так уж сильна. Их дружины заняли острова Танет и Шеппи в Восточном Кенте на зимы 850/51 и 854/55 годов соответственно. Земли близ Сены на севере Франции страдали от постоянных набегов между 856 и 866 годами. К этому времени викинги стали такой привычной частью политической жизни, что их нанимали враждующие стороны для решения внутренних разногласий. В 862 году правитель Бретани, герцог Саломон, и его соперник, герцог Роберт Анжуйский, каждый наняли по отряду викингов. Нередко им платили и за то, чтобы они сражались с другими норманнами. В 860 году Карл Лысый заплатил предводителю викингов Веланду за то, чтобы он напал на северян, сеявших хаос по берегам Сены. Бурный процесс торгов несколько замедлил заключение договора, но в 861 году Веланд честно выполнил свою часть сделки, явившись с двумя сотнями кораблей. Однако политические отношения той эпохи были сложной вещью, и он получил откупные от своих предполагаемых жертв. Но они, по крайней мере, разбились на несколько менее грозных отрядов зимой 861/62 года. Заплатить «знакомым» викингам за защиту от незнакомых было стандартной тактикой в те времена. Отец Карла, Людовик Благочестивый, нанимал на службу датского конунга Харальда в 820-х годах, а сам Карл опробовал тот же метод с Регинхарнем, который через несколько лет сам с превелнким удовольствнем двинулся по Сене в Париж[1].

В Ирландии ситуация тоже обострилась. Между 830 и 845 годами «Ирландские анналы» описывают нападения на пятьдесят монастырей и еще девять набегов на дома и церкви в более крупных регионах вроде Ленстера и королевства Уи Нейллов. К середине IX века крупные монастырские центры вроде Армы, Килдэра и Клонмакнойса были весьма богаты, а потому привлекали грабителей. Столкнувшись с агрессией северян, ирландские короли ответили на нее с не меньшей яростью. В 848 году Маэлсехнайлл, верховный король Тары, разбил войско викингов в графстве Мит — в битве погибло около семисот

[1] Подробнее см.: Nelson (1997); Keynes (1997); Coupland (1995), 190–197.

северян. В том же году король Манстера и Ленстера добился еще большего успеха в графстве Килдэр. Скандинавский ярл Торир и его войско в 1200 человек погибли на поле боя. Новости о победах ирландцев дошли до дворов франкских королей, но торжествовать было рано. В 849 году появилось зловещее новообразование. Впервые в «Ирландских анналах» отмечается прибытие вождя викингов, которого они величали «королем». Стоявший во главе флота из ста двадцати кораблей, этот норманн подчинил своей воле тех викингов, которые уже находились на западе, а заодно собрал больше дани с несчастных ирландцев. К 853 году в ирландских водах уже властвовали два конунга, коих некоторые источники называют «братьями», и они заставили всех викингов, прибывших на остров до них, признать их власть. Они оставались в ирландских водах до середины 860-х годов.

О личностях этих конунгов ведется много споров, но они, вполне возможно, и впрямь были братьями — Ивар Бескостный и Олав Белый, — которые в 866 году обратили внимание на Англию, где, как мы сейчас увидим, начали сеять хаос с помощью, предположительно, третьего брата — Хальвдана. Твердой уверенности нет, но, скорее всего, они прибыли на Британские острова прямиком из Скандинавии в 850-х годах, а вовсе не родились в Шотландии и/или на Гебридах, как иногда утверждают. Есть и более поздние сведения, больше смахивающие на легенды, сохранившиеся в источниках, написанных спустя два с лишним века после рассматриваемых событий, и по ним тоже выходит, что трое вождей были сыновьями Рагнара Лодброка по прозвищу Кожаные Штаны, смерть которого в змеиной яме короля Нортумбрии Эллы II (после весьма примечательной карьеры грабителя и разбойника, в ходе которой он по ошибке разграбил итальянский город Луни, думая, что это Рим), как считается, положила начало завоеванию Англии скандинавами. Многое из этого вызывает серьезные сомнения, однако легендарный Рагнар вполне мог помнить о славных похождениях Регинхария в Париже, и высокое положение Ивара, Олава и Хальвдана говорит о том, что они были родом из весьма уважаемой семьи. Они вполне могли бы быть сыновьями Регинхария, но этот бравый викинг погиб не в змеиной яме Эллы. Он простился с жизнью при дворе Хорика I, правителя Дании, где, как говорят, святой Герман сам сразил викинга за разграбление его монасты-

ря[1]. Если так, то теряется мотив мести, которым в сагах объясняется ярость братьев в нападениях на Нортумбрию, однако в общем и целом семейные связи Ивара, Олава и Хальвдана не имеют в нашем случае особой важности. Главное для нас — новая эра активности викингов, начало которой было положено их появлением на основном острове Британии.

MICEL HERE

Процесс возрастания агрессии достиг пика в 860-х годах, когда все англосаксонские королевства были завоеваны войсками викингов, в основном датского происхождения, названными «великими армиями» (на англосаксонском — micel here). Первая великая армия собралась в королевстве Восточная Англия зимой 866/67 года, позаимствовав лошадей и все необходимое у хозяев. В 867 году она напала на Нортумбрию, воспользовавшись борьбой за власть, разделившей военные силы королевства между двумя претендентами, Осбертом и Эллой. Два короля в конце концов объединились, но к тому времени уже было слишком поздно. Викинги ворвались в Йорк и убили их обоих. В 868 году, обнадеженная успехом, великая армия обратила свои взгляды на Мерсию, но соединенные силы Мерсии и Уэссекса дали им отпор. Эта незадача не предотвратила завоевание Восточной Англии в 870 году, и последующие длинные кампании в конечном счете привели к победе северян над Мерсией в 874 году.

Теперь мишенью стал Уэссекс, которым правил король Альфред, но четырехлетняя война завершилась его великой победой при Эдингтоне в 878 году и позволила королевству сохранить независимость — пусть и с большим трудом. Критический момент наступил зимой 877/78 года, когда викинги захватили Альфреда врасплох и ворвались в самое сердце его королевства. Тогда он спрятался на острове Этелни (где и произошел знаменитый инцидент с пирогами, которые подгорели, пока король думал, как спасти королевство). Весной,

[1] См.: O Corrain (1997) и очень подробные комментарии Charles-Edwards (2006), а также комментарии к переводу «Ирландских анналов». О двух королях см. революционную работу: Smyth (1977). Подробнее о смерти Регинхария писал Герман I в сочинении «Созерцание предметов церковных, или Толкование на литургию», см.: Nelson (1997).

несмотря на пироги, Альфред вернулся, собрал войска и одержал блистательную победу. После битвы при Эдингтоне предводитель викингов Гутрум принял христианство и ушел в Восточную Англию. Победа Альфреда ограничила завоевание Англии скандинавами, но не смогла предотвратить разделение уже захваченных земель. По обе стороны от Эдингтона отдельные группы викингов в 876 году поделили между собой Нортумбрию, а в 877 — Мерсию. Последователи Гутрума сделали то же самое с Восточной Англией в 880 году. Так появился Данелаг[1].

Один важный фактор победы Альфреда заключался в том, что нападение викингов на Уэссекс было последним. И так называемые Великие армии были коалициями. Вот что делало их «великими». К примеру, первая, 865 года, была создана союзом конунгов, которые то ли были сыновьями Рагнара, то ли нет, с другими отрядами, некоторые из коих были довольно большими и подчинялись независимым предводителям второго ранга, которые назывались ярлами (норвежский эквивалент графа). К 878 году и нападению на Уэссекс некоторые из составных сил армии либо выбыли из нее, либо оставались, но уже без особого энтузиазма, поскольку захват земель в Нортумбрии в 876 году и в Мерсии в 877 означал, что некоторым из них — тем, у кого уже появились свои владения, — теперь было что терять. Но Эдингтон лишь обозначил конец первого раунда эпохи великих армий. Некоторые из составных частей первой Великой армии — а с 866 года она постоянно то включала в себя новые отряды, то теряла старые (о чем мы поговорим позже) — могли при разделе остаться без земель. В конечном счете еще больше викингов, вне всякого сомнения ободренных успехами грозного войска, вскоре присоединились к нему. В «Англосаксонских хрониках» говорится о появлении особо крупного воинства, перезимовавшего на Темзе в Фулеме — который тогда находился за пределами Лондона — в 879/80 году.

Все эти новые викинги, вкупе с теми, которые пока не сумели реализовать свои ожидания, были готовы сражаться. Но возможности в Англии вдруг оказались ограниченными, с од-

[1] Полезные обзоры см.: Coupland (1995), 197—201; Keynes (1997). Текст «Англосаксонской хроники» сам по себе очень неплох (для средневекового произведения!).

ной стороны, яростным сопротивлением Уэссекса под управлением короля Альфреда, с другой — решением Гутрума после битвы при Эдингтоне сохранять мир. Потому неудивительно, что они начали искать другие варианты. Франкские источники отмечают возобновление масштабных кампаний скандинавов на континенте весной 880 года.

Честолюбивые воины, остававшиеся в Фулеме, покинули Англию в поисках новых возможностей обогатиться. Политическая ситуация на континенте выглядела многообещающе. Три королевства уже выбыли из состава империи Карла Великого, и ими правили его внуки: Западное королевство Карла Лысого, Среднее королевство старшего, Лотаря II, и Восточное королевство Людовика II Немецкого. Сын Лотаря умер бездетным, оставив Среднее королевство без наследника, и Карл и Людовик никак не могли его поделить. Заметив эту благоприятную возможность, вернувшиеся викинги сосредоточились на прибрежной зоне Северной Лотарингии (ныне Бельгия и Голландия) и на окраинах Восточного и Западного королевств. В 880 году фортуна была на стороне франков. Одна группа викингов на Шельде была разбита Людовиком Немецким и понесла серьезные потери — погибло больше 5 тысяч воинов. Другой группе скандинавов дальше к востоку, в Саксонии, повезло больше — они убили двух епископов и двенадцать графов, вместе со многими их сторонниками. Но главные победы ждали викингов в ближайшие годы в южных графствах в Нижних землях — Исторических Нидерландах, некогда сердце Лотарингии.

В 881 году, несмотря на поражение, в котором, по некоторым данным, погибли 9 тысяч воинов, Великая армия разграбила Камбре, Утрехт и дворец Карла Великого в Ахене, а также сожгла Кёльн и Бонн. И вновь она представляла собой смешанное войско под предводительством трех скандинавских конунгов — Годфрида, Зигфрида и Горма. Стареющий Людовик Немецкий был слишком болен, чтобы оказать серьезное сопротивление, и скончался 20 января 882 года. Теперь силы франков собрались под началом последнего выжившего сына Людовика, Карла Толстого. Карл решил последовать примеру Альфреда Великого, правителя Уэссекса, заключив договор с Годфридом, включавший в себя обращение конунга в христианство — очевидно, он надеялся таким образом разделить силы скандинавов и управлять ими в дальнейшем. Три года все шло

по плану, несмотря на нападения викингов на города по Шельде в 883 году, вплоть до Соммы и Амьена в 884 году. В это время правитель Западно-Франкского королевства погиб на охоте. Это побудило викингов к более активным действиям, и в 885 году Годфрид пред лицом превосходящих сил нарушил уговор. От него быстро избавились, но викингам улыбнулась удача дальше на западе — огромные войска их двинулись в глубь страны, миновали Париж и добрались до Реймса в 886—887 годах. Раздоры в королевстве не позволяли франкам дать отпор скандинавам вплоть до 891 года, когда Арнульф, незаконнорожденный внук Людовика Немецкого и король Восточно-Франкского государства (который сверг своего дядю Карла Толстого в 877 году) застал большую армию датчан в их укреплениях на реке Диль близ Лёвена в современной Бельгии. Франки разрушили стены и нанесли серьезное поражение противнику, убив двух предводителей и захватив шестнадцать королевских знамен[1].

Вновь разгоревшееся сопротивление франков возымело тот же эффект, который мы наблюдали после побед Альфреда десятилетием раньше. Поняв, что больше легких побед на континенте не предвидится, большая часть Великой армии вернулась в Англию, где 880-е годы прошли тихо и спокойно, не считая одного набега на Рочестер в 886 году. Но Альфред понимал, что угроза со стороны скандинавов не исчезла. На протяжении этих лет «Англосаксонская хроника» отмечала основные места активности скандинавов в каждом году, создавая ощущение, что за их передвижениями следили с трепетом и страхом. Альфред положил начало масштабному строительству укрепленных центров — бурхов — по всему королевству. Под его руководством не только возводились защитные сооружения, но также организовывались их гарнизоны, переоснащалась армия. В 860-х и 870-х годах первая Великая армия прошла по Англии почти без сопротивления, за короткое время миновав большие расстояния. Крепости изменили это обстоятельство. Их было не так легко взять и нельзя было миновать не покорив, так как вооруженные воины гарнизона измотали бы противника, делая вылазки. Альфрёд явно планировал

[1] О природе Великих армий см. особенно Brooks (1979); ср.: Smyth (1977). О перемещении войск между Англией и континентом см. подробнее: Nelson (1997); Keynes (1997).

истощить силы викингов, прежде чем выйти в решающий бой со своей новой армией — притом тогда, когда он сам сочтет это необходимым.

И его тактика сработала почти идеально. Вновь, как в 860-х и 870-х годах, армия викингов вернулась несколькими отдельными отрядами. Первое войско на двухстах кораблях высадилось в Восточном Кенте, укрепившись в Эпплдоре, второе сошло на берег неподалеку от устья Темзы, обосновавшись в Милтон-Роял близ Ситтингборна. Несмотря на то что некоторые даны из Данелага объединились с вновь пришедшими конунгами, первые три года кампании не принесли скандинавам особой удачи, и контраст с предыдущей Великой армией получился очень ярким. В то время как первая прошла всю Англию вдоль и поперек и даже смогла зимой 877/78 года добраться до центральных земель Уэссекса, второй не удалось выиграть ни одной решительной битвы с грозными войсками Альфреда, а редкие набеги утратили всякую решительность из-за контратак и неудачных осад. В результате скандинавы остались преимущественно на периферии Уэссекса — в регионах Кента и Эссекса, силы их угасали из-за нехватки продовольствия. Опытные военачальники славятся тем, что умеют выигрывать войны, делая ставку на победу в решающем сражении, но в случае Альфреда битвы следовали слишком быстро друг за другом, чтобы подобная тактика принесла плоды. Как сообщают англосаксонские хроники, «впоследствии, летом этого года [896] армия датчан разделилась — одна часть ее двинулась в Восточную Англию, другая — в Нортумбрию; а те, у кого не хватило денег, сели на корабли и отправились на юг через море, к Сене»[1].

Основное действие вновь переносится на континент, где к тем викингам, которым не удалось собрать достаточно средств, чтобы закрепиться в Англии, присоединились новые силы. К концу IX века присутствие викингов в Ирландии сократилось до нескольких укрепленных прибрежных анклавов, главными из которых были Лимерик, Уэксфорд, Уотерфорд и прежде всего Дублин. За последнее десятилетие века ирландские короли объединились и стали бороться даже против оставшихся

[1] Исследования реформ Альфреда представлены в изобилии, но имеет смысл обратить внимание на Brooks (1979). Также с интересными подробностями можно ознакомиться в, например: Smyth (1995); Abels (1998). Многие источники, относящиеся к данному вопросу, удобно собраны и переведены в Keynes и Lapidge (1983).

скандинавов. Отдельные силы викингов в Лимерике, Уэксфорде и Уотерфорде были разбиты одна за другой, а в 902 году даже дублинские северяне были выбиты из крепости. Некоторые беженцы поселились на острове Мэн и западном побережье Британских островов, прежде всего в Камбрии и Уэльсе. Но изгнанные из Ирландии норманны, вероятно, также внесли свой вклад в события, развивавшиеся в Северной Франции[1].

К сожалению, континентальные источники в этот период становятся слишком фрагментированными и неполными, чтобы можно было восстановить всю историческую картину. Даже летописи вроде «Англосаксонской хроники» тогда писались как хвалебные или торжественные речи, призванные поведать о деяниях королей. Но начало X века стало временем серьезной политической раздробленности в Западно-Франкском королевстве, когда наследники Карла Великого утратили власть в целых областях, проиграв ее местным управителям. В этих условиях никто не стал бы писать связные исторические повествования, и подробный ход событий уже не восстановить.

Тем не менее нам известно, что набеги викингов продолжались. Независимое королевство Бретани пало под их наступлением в 910-х годах, некоторые его политические лидеры бежали во дворы Уэссекса в поисках убежища. Господство скандинавов в Бретани длилось двадцать лет, пока местная династия не вернула себе свои права и привилегии в 936 году при герцоге Алене II. Пребывание скандинавов здесь никак не отразилось на топонимике, но оставило великолепное языческое захоронение с ладьей на Груа. Перед лицом такого давления на северных и южных рубежах своих владений король франков прибег к старой схеме. В 911 году земля близ порта Руан в устье Сены была дарована предводителю викингов по имени Роллон. Так зародилось герцогство Нормандия. Второе официальное поселение викингов было расположено в Нанте в 921 году, в устье Луары, хотя оно продержалось всего шестнадцать лет. Цели здесь вполне ясны — франки пытались заручиться поддержкой предводителей скандинавов, которые помогли бы контролировать угрозу со стороны других викингов. Но такие поселения — лишь часть картины. В ту же эпоху другие группы норманнов обосновывались на полуострове Котантен и в Северной Нормандии близ Байё. Но мы не знаем (и, возможно, никогда не

[1] Подробнее см.: Nelson (1997); O Corrain (1997).

узнаем), какие именно объединения скандинавов из Англии и Ирландии внесли свой вклад в поселения в Руане и Нанте и прибывали ли в тот период новые их сородичи из Скандинавии.

Но это, по сути, детали. Сочетание силового и санкционированного расселения в Англии, Ирландии и Северной Франции в первые два десятилетия X века заставило большинство искателей приключений из Скандинавии, прибывших на запад в конце IX века, принять оседлый образ жизни[1].

Эпоха набегов и Великой армии на западе, таким образом, создала огромную скандинавскую диаспору. Северные и западные берега Британии, включая, вероятно, остров Мэн, были заселены в начале IX века. Фарерские острова к северо-западу стали следующими на очереди, хотя этот процесс в источниках не отражен. Северяне явно заселили их самое позднее к середине IX столетия, и на этом колонизация эпохи Великих армий не закончилась. Самый известный ее рубеж — массовое переселение скандинавов в Исландию за поколение до 900 года. «Официальная» история этого заселения, рассказанная самими исландцами в XII веке, гласит, что действия укрепляющейся централизованной власти в Норвегии в те времена вынудили норвежцев и более ранних поселенцев на северных и западных островах двинуться дальше в поисках нового дома. Однако, возможно, это порождение анахронизма, отражающего тягу норвежских королей XII века к северным землям, ведь, по нашим данным, конунги IX века не обладали такой же властью. Но конец IX столетия и впрямь был отмечен появлением альтернативного источника централизованной власти на северных и западных островах (между 860 и 880 годами): графство ярла Мёра в Оркни. Именно эта новая и весьма требовательная политическая структура подтолкнула скандинавских поселенцев к переселению в Исландию. А из Исландии, разумеется, они в середине X века добрались и до Гренландии. Ярлы Оркни также, похоже, были ответственны за организацию кампаний на северных рубежах Шотландии, которые позволили еще большему числу скандинавов отправиться в том числе в Кейтнесс, который был отвоеван у пиктов примерно в тот же период[2].

[1] О Бретани см.: J. Smith (1992), 196—200; Searle (1988), 29—33. Достаточно контрастный обзор истории Нормандии см.: Bates (1982); Searle (1988), особенно главы 5 и 8.

[2] Об Оркни см.: Crawford (1987), 51 и далее; об Исландии и атлантической диаспоре см.: Rafnsson (1997).

Окончательное расселение чужаков в эпоху Великих армий, по сути, было повторным. Ирландские короли разрушили предыдущие поселения северян, и кульминацией этого процесса стало изгнание викингов из Дублина в 902 году, что привело еще больше скандинавов в поселения на острове Мэн и в Западной Британии. Однако в 914 году большой скандинавский флот бросил якорь близ Уотерфорда, добравшись туда из Британии. Через три года к нему присоединился некий конунг Ситрик, потомок династии короля Ивара I, правившей в Дублине с середины IX века. Мобилизовав флот, Ситрик вновь захватил Дублин. В то же время его брат Рагналл стал королем скандинавов Йорка, и после смерти последнего Ситрик стал править объединенным королевством Дублина и Йорка. Это странное политическое порождение эпохи викингов просуществовало тридцать очень сложных лет (хотя в подробности его истории мы вдаваться не будем), до того как поражение, нанесенное Эйрику Кровавой Секире в 954 году, не разорвало связь и не направило каждый из двух норманнских центров по своему пути: Йорк стал частью объединенной англосаксонской Англии, а Дублин сыграл свою роль в политике Ирландии[1]. Но создание этой западной диаспоры было лишь частью куда более масштабного явления. В то же время, как отряды грабителей и Великая армия занимались переделкой Западной Европы, другие скандинавы исследовали русла рек Западной России.

ВИКИНГИ В РОССИИ

В начале X века — что было важной дипломатической победой мусульманского мира — волжские булгары официально объявили о переходе в ислам. Между булгарами и центром ислама — халифатами — находились хазары, занимавшие территории в нижнем течении Волги и между Черным и Каспийским морями с VII века (карта 20). Отношения между халифатами и хазарами долгое время были спокойными, и помимо дипломатических связей появились и торговые. Булгары оказались вовлечены в этот стабильный мир взаимовыгодного обмена в VIII и IX веках, когда они стали частью прибыльного торгового со-

[1] Общий обзор см.: O Corrain (1997); более детальное, хотя и слегка противоречивое исследование см.: Smyth (1979).

юза. Их обращение в ислам было объявлением своей культурной принадлежности и логичным итогом участившихся контактов с мусульманским миром, который в раннем Средневековье находился на пике богатства и политического единства. Это был мир удивительного богатства и роскоши придворной жизни, где ученые интересовались сохранением древних традиций греческого и римского образования, не в последнюю очередь в науке и географии, то есть предметах, фактически позабытых христианством.

Когда Волга была втянута в эту орбиту, не только посольства халифатов, но и купцы, путешественники и ученые, которым были интересны люди и обычаи этой дикой и неизведанной части света, двинулись на север. В землях булгар, на болгарском базаре, одном из величайших рынков раннесредневекового мира, они повстречали множество странных народов. Они быстро поняли, что самыми важными были ар-рус. Будучи этнографами лучших школ, эти исламские доктора ливингстоны не удовлетворились тем, что слышали об ар-русах, и тем, что лично видели их на булгарских базарах и рынках, но двинулись на запад и север, чтобы взглянуть на их земли. Здесь они обнаружили нечто среднее между государством и объединением торгующих князей. У русов был король, живший на укрепленном острове. У него было войско, состоявшее из многих воинов, которым он платил, собирая по 10 процентов всех доходов купцов. Были еще жрецы, но выше всех стоял торговый класс, устанавливавший правила в соответствии со своими интересами. Оскорбление одного из его представителей могло стоить вам жизни или 50 процентов собственности[1].

Кем были эти русы и откуда они взялись?

РУСЬ

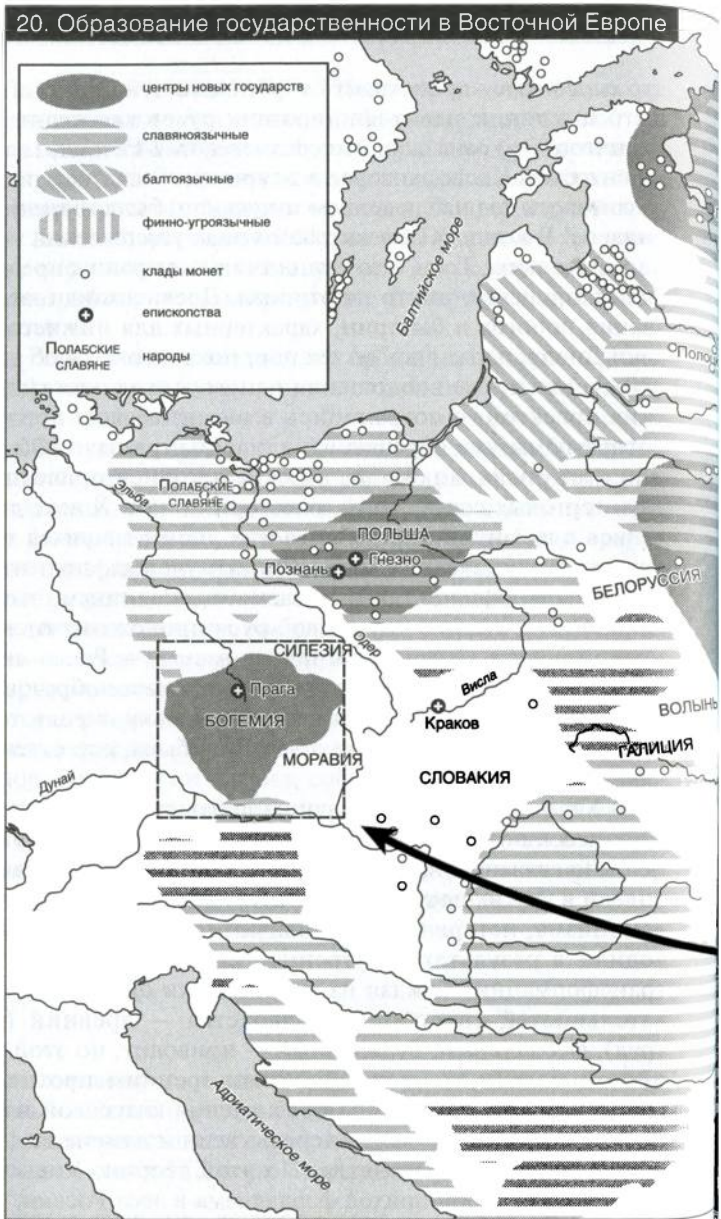
В прошлом вопрос об идентичности русов был до крайности спорным. Первый раунд битвы — как обычно — прошел на почве националистического рвения, которым были отмечены все изыскания конца XIX века. Скандинавские ученые считали,

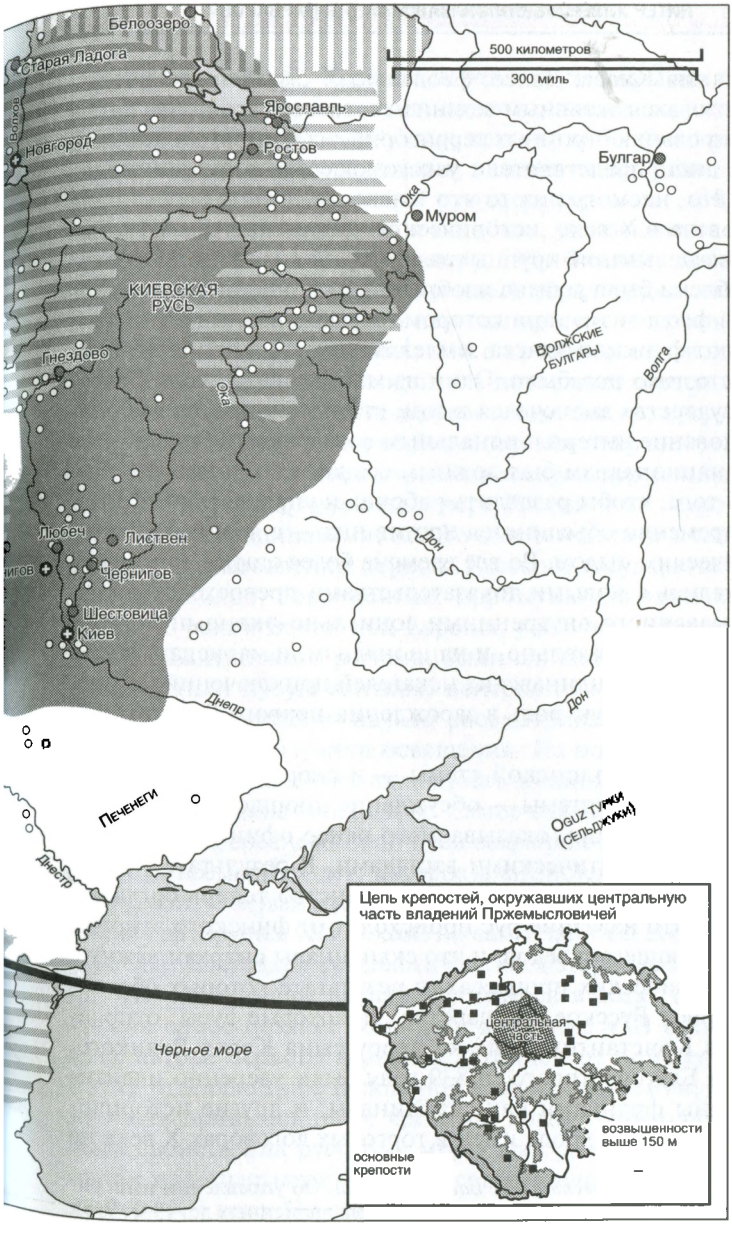
[1] Различные документы дошли до нас в выдержках, сделанных в Средние века из сочинений Ибн Русты (см.: Wiet (1957), Ибрахима ат-Тартуши (см.: Miquel (1966) и Ибн Фадлана (см.: Canard (1973); ср.: Melnikova (1996), 52—54.

что слово «рус» происходит от финского этнонима, обозначавшего шведов, и идентифицировали русов как скандинавских викингов. Это означало, что средневековая Россия, государство с центром в Киеве, которое из скромных зачатков постепенно развивалось под наблюдением мусульман, была творением скандинавов! В конце XIX века такого рода утверждения без ответа не оставались. Того, что скандинавы сыграли определенную роль в процессе, никто не отрицал. Древнескандинавские названия порогов и быстрин, характерных для нижнего течения реки Днепр, держались до тех пор, пока в советскую эпоху они не исчезли в ходе воплощения одного из великих гидравлических проектов, и сохранились в византийском источнике, к которому мы уже обращалнсь в главе 8, трактате «Об управлении империей». Также две русские летописи приводят тексты двух торговых соглашений, о которых они в X веке договаривались с византийцами, и у многих упоминавшихся там были чисто скандинавские имена. Однако ученых, подготовивших ответ славянофилов так называемым западникам, это не смутило. Они считали, что слово «рус» происходит от названия мелкой реки в Северном Причерноморье — Рос — и утверждали, что скандинавы участвовали в процессе образования государственности лишь постольку-поскольку, в роли торговцев или наемников. А средневековая Русь была, естественно, создана славянами.

В XX веке русская революция добавила новых спорных аргументов к позиции славянофилов. Это, разумеется, уже никак не было связано с националистической гордостью. Как мы уже видели в других случаях, в соответствии с догмами марксизма-ленинизма, исторически основные эпохальные сдвиги происходили в результате внутренней социально-экономической трансформации. Каждая из канонически описанных последовательностей способов производства — древний (рабский труд), феодальный, буржуазный — приводит, по этой теоретической модели, к масштабным внутренним противоречиям (марксистский термин для обозначения классовой напряженности), которые, в свою очередь, вели к замене ее на следующий способ производства. По этой теории, Киевская Русь знаменовала собой приход феодализма в леса России. Но были здесь и свои проблемы. Никто не мог отыскать каких-либо свидетельств, говоривших о широком использовании рабского труда, которое должно было бы предшествовать феодализму,

20. Образование государственности в Восточной Европе

Белоозеро
Старая Ладога
Ярославль
Новгород
Ростов
500 километров
300 миль
Булгар
Ока
Муром
КИЕВСКАЯ РУСЬ
Гнездово
Волжские Булгары
Волга
Ока
Любеч
Листвен
Чернигов
Шестовица
Киев
Дон
Днепр
Дон
Печенеги
Oguz тюрки (сельджуки)
Днестр
Черное море
Цепь крепостей, окружавших центральную часть владений Пржемысловичей
центральная часть
возвышенности выше 150 м
основные крепости

до основания Киева. Далее, феодальный строй теоретически характеризовался активным ведением сельского хозяйства путем эксплуатирования огромных территорий, из которого извлекали прибыль лишь представители узкого класса воинов-землевладельцев. Но, несмотря на то что Киевская Русь так или иначе существовала в X веке, исторические свидетельства не указывают на возделывание крупных территорий вплоть до XI столетия. Проблема была решена изобретением концепции «государственный феодализм», при котором государственные структуры выполняют функции класса землевладельцев, а проблему рабства просто тихо позабыли. Один из многих парадоксов Советского государства заключался в том, что идеология в нем сочетала следование интернациональным воззрениям Маркса — по которой национализм был ложным сознанием, развитым элитами для того, чтобы разделить рабочих и управлять ими, иначе те непременно объединятся против них — с яростным националистическим пылом. Во все времена более старые аргументы переплетались с новыми доказательствами превосходства развития, вызванного внутренними социально-экономическими факторами. Следовательно, и национализм, и марксизм уверяли, что горстка скандинавских искателей приключений не могла сыграть серьезную роль в зарождении первого Русского государства[1].

С падением Берлинской стены — и скоропостижным развалом советской системы — обсуждение прошлого России избавилось от давления, оказываемого ранее официальной точкой зрения и политическими взглядами. В результате ученые начали приходить к согласию. Большинство теперь соглашаются с тем, что название рус происходит от финского этнонима, обозначающего шведов, и что скандинавы сыграли важную роль в исторических процессах, в результате которых образовалось первое Русское государство. Некоторые русы, отправленные из Константинополя ко двору сына Карла Великого, Людовика Благочестивого, в 839 году были уверенно идентифицированы франками как скандинавы, и другие исторические свидетельства вроде имен в торговых договорах X века не

[1] О «реках» см.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Глава 9. О торговых договорах см.: *Повесть* временных лет (941, 944). Подробнее о спорах см.: Franklin и Shepard (1996), 27—50; Melnikova (1996), 47—49; Duczko (2004), 3 и далее, а также все указанные источники.

менее убедительны. Коллапс советской системы также сделал возможным открытое признание того, что на территории европейской части России обнаружено куда больше материалов скандинавского происхождения, чем считалось ранее. Некоторые рассказы мусульманских путешественников, при всех этнографических искажениях и ошибках, указывают на северное происхождение русов. К примеру, Ибн Фадлану довелось наблюдать в землях булгар похоронный обряд русов с погребальной ладьей, и его рассказ о нем сам по себе навевает мысли о викингах. Полный подробностей о кровавых жертвоприношениях животных и даже людей, он повествует о расположении тела и загробных даров на ладье и о том, как ее, нагруженную, вытянули на берег и подожгли, а остатки покрыли землей. На вершине получившегося кургана воткнули деревянный шест[1].

Выходит, что ар-русы на севере России и их островной король были скандинавами, но что они там делали и какую роль сыграли в становлении первого Русского государства?

Источников, современных прибытию скандинавов в эти земли по рекам Восточной Европы, у нас нет. Юго-восточные рубежи Балтийского региона были слишком далеко от европейских (или мусульманских) центров грамотности VIII века, когда было положено начало рассматриваемым событиям, а потому они не получили освещения. Из поздних текстов есть несколько указаний на активность викингов в России в некоторых скандинавских сагах. Самое связное повествование о предыстории средневековой Руси сохранилось в так называемой Повести временных лет, которое в английской историографии звучит как «Первая русская хроника». Уцелевший вариант рукописи датируется XIV веком, но сам текст был составлен в начале XII. Благодаря археологическим материалам нам известно, что скандинавы начали появляться в лесах Европейской России самое позднее во второй половине VIII века, поэтому даже автора первого варианта летописи от описываемых событий отделяло три с половиной века как минимум, и большая их часть пришлась на те времена, когда грамотность еще не была свойственна русскому миру. Автор, вероятно, работал в одном из монастырей Киева (в современной Украине), столице Руси XII века. Но скандинавы пришли на юг, в Киев, срав-

[1] Ибн Фадлан описывает русов похожими на северян: высокие, светлокожие, с рыжеватыми волосами.

нительно поздно, и на протяжении долгого времени, как мы увидим, земли близ Днепра играли куда большую роль в истории Руси, нежели территории близ Волги.

По большей части события, стоявшие за образованием Руси, происходили далеко к северу и востоку от регионов, представлявших первостепенный интерес для автора текста. Он имел приблизительное представление о них и пишет о прибытии будущей правящей династии Рюриковичей в Северную Русь, куда пригласили ее будущего основателя, скандинава по имени Рюрик (сюрприз!). Там обитала группа из пяти племен, которые долго воевали друг с другом, — финские народы чудь, меря и весь и славянские кривичи и словене (см. карту 19). Рюрик пришел, предположительно, с двумя братьями, Синеусом и Труворром, установил порядок, и на том дело и кончилось. Мы вернемся к вопросу о правдоподобности этого исторического момента, но главное в том, что письменные источники почти ничего не рассказывают нам о ранней истории русов[1]. И на передний план выходят археологические материалы.

Пытаться восстановить ход истории по археологическим остаткам, как мы не раз видели ранее, — опасная затея. Они могут многое поведать об общем пути развития культуры, но ничего не говорят о частностях, о том, что происходит в коротких временных промежутках, которые как раз крайне важны для истории. Тем не менее, как в случае со славянизацией Европы, повышенный интерес Советского государства к дописьменной истории привел к тому, что после 1945 года было обнаружено огромное количество ранее неизвестных материалов, в том числе и совершенно поразительные находки. Прежде всего, теперь стало совершенно ясно, что в середине VIII века, за тридцать—пятьдесят лет до того, как на западе началась эпоха набегов викингов, скандинавские искатели приключений продвигались на юг и восток от Балтийского региона в европейскую часть России. Балтика не была препятствием для их перемещений в 1-м тысячелетии. Следы скандинавских сообществ, укрепившихся на западе южного побережья Балтийского моря, в современной Померании, известны давно и могут быть датированы V—VI веками. Однако до VII столетия ни одно из

[1] *Повесть* временных лет (860—862). О литературной традиции см.: предисловие к переводу (Cross и Sherbowitz-Wetzor (1953) и подробнее: Franklin и Shepard (1996), 27 и далее; Melnikova (1996), главы 7—8.

них не дожило — группы, оставившие эти свидетельства, либо были поглощены пришедшими славянами, либо вернулись на родину. Но после короткого перерыва в середине VII века скандинавские материалы начали откладываться дальше к востоку, в Балтийском регионе и на землях, где господствовали эсты, начиная от Эльблонга и Гробини. В VIII веке присутствие норманнов становится заметным в Януве в дельте Вислы, и примерно тогда же викинги начинают исследовать реки, впадающие в Финский залив, что выразилось в появлении постоянного, пусть и небольшого поселения, основанного на реке Волхов близ озера Ладога. Благодаря дендрохронологии мы знаем, когда начался процесс колонизации. Дерево, использованное для самых первых домов, было срублено в 737 году[1].

Что эти скандинавы делали в северных лесах, становится ясно по более поздним историческим свидетельствам. С великого Ага-Базара в Булгаре мусульманские торговцы уезжали на север, чтобы встретиться со своими коллегами из русов, продававших прежде всего рабов и меха, а также янтарь, мед и воск. Те же товары шли и византийцам в X веке, и, возможно, в свое время скандинавы пришли на юг и восток Балтики, чтобы собрать эти плоды северных лесов. За вычетом рабов, это классический пример того, как в Античности функционировала торговля на дальние расстояния, несмотря на стоимость и издержки транспортировки. Скандинавы были способны получать товары в одной экологической зоне — субарктическом севере, где жестокий холод заставляет животных обзаводиться пышным мехом такой густоты, что все южные животные страдали бы от перегрева, — и продавать их в другой по высоким ценам.

У нас нет источников тех лет, которые сообщали бы о том, как именно скандинавские торговцы в VIII веке добывали свои товары, но более поздние письменные памятники проливают свет на эту загадку. Работорговля, естественно, была сопряжена с насилием. Рабы, как правило, добровольно не предлагают свои услуги. И опять письменные источники сообщают нам важные сведения. Арабские географы указывают, что русы регулярно нападали на балтоязычные прусские племена, обитавшие близ востока Балтики, и менее сильные восточные славя-

[1] Отличное исследование: Noonan (1997); комплексный подход см.: Duczko (2004).

не жили в страхе перед своими соседями — более могучими западными славянами[1]. О том, что этот страх явно был тесно связан с деятельностью работорговцев, говорит тот факт, что арабские серебряные монеты находят у славян к западу от Вислы, но не к востоку. Между зоной, где действовали русы, и регионом западных славян находится пустая территория (см. карту 20). Должно быть, именно из этих земель увозили большинство несчастных жертв, которым предстояло попасть на мусульманские рынки.

Другие товары они вполне могли получать в результате более добровольного сотрудничества. Судя по данным из исторических источников, кожи и меха, добываемые в северных лесах и продаваемые потом скандинавскими купцами, нередко называются данью. Это слово намекает на элемент принуждения, и эта теория находит подтверждение. Одна история появляется в повествовании IX века Житие святого Ансгара, христианского миссионера в Скандинавии, где описывается набег шведов на куршей на юге Балтики, которые перестали платить оговоренную дань. И, как явствует из источников, скандинавы в России облагали данью славянские племена, оказавшиеся в пределах их политической орбиты. Дань могла взиматься и по шкале микроэкономики. Во вставке к англосаксонскому переводу Орозия, выполненному при дворе короля Альфреда (и, возможно, им самим), рассказывается о разговорах короля с путешественником Оттаром (Охтхере). Оттар регулярно плавал на север вдоль западного побережья Норвегии со своими спутниками и получал меха, птичьи перья, китовую кость и веревки для кораблей, свитые из шкур тюленей и китов в качестве дани от лапландцев (саамов), живущих за арктическим кругом. Оттар работал в Северной Норвегии, а не России, но есть причины полагать, что скандинавские торговцы в тех землях тоже без колебаний прибегали к мерам принуждения[2].

Однако имеющиеся у нас сведения вовсе не говорят о том, что отношения между скандинавскими торговцами и местными производителями строились исключительно по этой схеме. Во-первых, даже Оттар приобретал часть товаров собственными усилиями. Опять же, как купец рассказывал королю Аль-

[1] *Ибрахим ат-Тартуши.* Записка о славянах.

[2] *Житие* святого Ансгара. 30. Об Оттаре см.: Lund (1984); ср.: Melnikova (1996), 49—52.

фреду, он и его пятеро друзей убили шестьдесят китов за два дня. В целом (и это применимо и к Оттару) процесс сбора товаров, скорее всего, проходил следующим образом: небольшие группы скандинавов переходили от одних крупных сообществ местных жителей к другим, которые были центральным звеном торговой цепи. Звероловный промысел, к примеру, — настоящее искусство, которое требует знания звериных троп, поэтому изредка бывающие в этих краях скандинавы не смогли бы сами добывать меха в нужных количествах, а значит, большая часть их поставлялась, скорее всего, местным населением[1].

Так продолжалось до X века, когда в трактате «Об управлении империей» появляется довольно подробное описание зимних путешествий купцов из русов среди своих славянских подданных, в ходе которых собирались товары для торговли в следующем году. И весь процесс соединения разных регионов русских лесов — в каждом из которых производились отдельные товары — в более широкую систему обмена, действующую благодаря речным системам России, контролировался сравнительно небольшой группой скандинавов, действовавших более или менее независимо друг от друга. На это указывают рассказы мусульман о северном короле, получавшем свою долю с доходов самостоятельных купцов, и о том, как эти самые купцы работали. Ибн Фадлан, к примеру, описывает, как некоторые из них совершают жертвоприношения своим богам торговли, а затем произносят соответствующую молитву: «Прошу тебя ниспослать мне купца с большим количеством динаров и дирхемов, который купит все, что я пожелаю продать, и не станет торговаться и спорить со мной...» «Если же [купец] не сможет сразу продать свой товар и ему придется здесь задержаться, то пусть вновь вернется с подарком — во второй раз и в третий»[2].

Торговцы могли путешествовать группами, но продавали товары они каждый по отдельности. То же самое следует из торговых договоров, которые русы заключали с Византией в X веке. Эти документы показывают, что, хотя верховной властью обладал великий князь Киевский, имелись и меньшие

[1] Как мы увидим в главе 10, есть веские основания полагать, что многие рабы приобретались у местных посредников.

[2] *Ибрахим ат-Тартуши*. Записка о славянах. (См. примечание на с. 616.) О зиме на Руси в первой половине X века, см.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. 9.

скандинавские князья, действующие в других центрах вверх и вниз по речной системе, у коих были свои представители на переговорах и которые отдельно упоминаются в окончательных вариантах договоров[1].

Получается, что скандинавские торговцы работали в лесах небольшими и отдельными группами, что сделало бы их уязвимыми перед нападением, если бы их отношения с местными были откровенно враждебными. На этом фоне просто поразительно, что столько мусульманских серебряных монет — плоды торговли — так широко встречаются в российской лесной зоне (см. карту 20). Это может указывать на то, что скандинавские торговцы подкупали славян и других местных жителей, чтобы уменьшить их недовольство, отдавая им часть своих доходов. Славяне могли получать прибыль и другими способами. В трактате «Об управлении империей», к примеру, говорится о том, что русы привозили товары по реке Днепр и по Черному морю в Константинополь на судах, купленных у славянских кривичей и лендзян, которые делали их зимой[2]. Получается, поставка кораблей для речного судоходства не была обязательной, и это вновь указывает на то, что отношения скандинавов и славян были построены не только на принуждении. Приходится рассматривать скандинавскую эксплуатацию северных лесов как деятельность ряда небольших компаний с определенными правами, которые вели переговоры и отвечали каждая за свою сферу. Местные поставляли товары, по крайней мере большую часть, скандинавы отвечали за организацию и транспортировку, поскольку обладали знаниями, необходимыми для того, чтобы доставить эти товары на далекие рынки и базары и вернуться с прибылью. Такая картина уводит нас далеко от другой, стерильной, нарисованной западнической теорией, подчеркивая симбиотические отношения, которые явно существовали на местном уровне. IX—X века — это время не противостояния скандинавов и славян, а деятельности небольших и, в экономическом плане, конкурентоспособных производителей, работающих совместно. Каждое индивидуальное торговое предприятие, состоящее

[1] *Повесть* временных лет (911, 944), подробные комментарии см.: Franklin и Shepard (1996), 106 и далее, 118 и далее. Сравнение показывает, что среди прочего возросло число русов, торговавших с Константинополем.

[2] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. 9.

из скандинавов и местного населения (будь то финны, балты или славяне), продавало одни и те же продукты на одних и тех же рынках.

КОРОЛЬ НА СЕВЕРЕ

Рынок сбыта товаров, получаемых в Старой Ладоге, был преимущественно западным. Поселение было основано здесь в то же время, как по всей Балтике и побережьям Северного моря заключались торговые соглашения, но задолго до того, как появились хотя бы какие-то контакты между Россией и мусульманским миром. Меха и другие товары, имевшиеся на берегах Ладожского озера, в те времена поставлялись на кораблях на запад, чтобы их покупали представители элиты латинского христианства. В частности, в середине VIII века наступил расцвет Каролингской династии и ее сторонников, и многие меха привозились на рынок именно для них. Однако скандинавские искатели наживы вскоре поняли весьма важный факт, касающийся европейской географии. В то время как некоторые реки Европейской России текли на север и впадали в Балтийское море, другие устремлялись на юг, к Черному и Каспийскому морям. Это равнинный регион, и реки, текущие как на юг, так и на север, проходят необычайно близко друг к другу. Следуя по реке Волхов на юг от Ладожского озера, норманны открывали новые возможности. Череда речных устий, в особенности текущей с запада на восток Оки, в сочетании с разведанными ими сухопутными маршрутами, по которым суда можно перетащить волоком обычно на катках от одной речной системы до другой, дала скандинавам доступ к Черному и Каспийскому морям по двум основным маршрутам — через Днепр и Волгу.

Из них наиболее привлекательным был именно Волжский путь, несмотря на то что письменные источники — как киевские, так и византийские — больше пишут про Днепр, на котором в конечном счете был основан сам Киев. Но при раскопках в землях на среднем течении Днепра были обнаружены скандинавские материалы, относящиеся к концу IX века, но не более ранние, и есть неоспоримые доказательства того, что Волжский маршрут был открыт гораздо раньше. Прежде всего это мусульманские серебряные монеты, которые купцы из ру-

сов получали в обмен на свои товары. Многие тысячи таких монет оказались на северо-западе России и в Балтийском регионе. Для датировки особую ценность имеют клады, а не единичные находки. Самая поздняя из монет в кладе указывает на примерное время его захоронения, и там, где таких скоплений много, есть надежда на то, что временной промежуток между выпуском и отложением был не слишком большим. В лесах Северо-Западной России самая ранняя поздняя монета (выразимся так), обнаруженная на данный момент, была отчеканена в 787 году. Заложим небольшой временной промежуток перед захоронением и получаем, что клад оказался в земле примерно в 800 году. Похожие скопления были обнаружены в Скандинавии и в Балтийском регионе. Мусульманское серебро явно стекалось на север вплоть до 800 года (самое позднее), но процесс начался немного раньше, за одно-два поколения до того, как был открыт днепровский маршрут[1].

И это вполне понятно. Волжский маршрут вел прямиком к Каспийскому морю и экономически развитому миру исламских халифатов, столица которого тогда находилась в Багдаде Аббасидов. Туда стекались налоги с огромной империи, протянувшейся от Атлантики до Индии, и поглощались двором, отличавшимся потрясающим великолепием. Это был настоящий центр спроса на предметы роскоши. Южные рубежи Волжского маршрута уже были хорошо изведаны, поскольку хазары задолго до этого покупали меха у северян в среднем течении этой реки. Днепровский маршрут был более сложным, включал в себя преодоление порогов, для чего судно надлежало переносить по берегу, и выходил в Черное море, а не Каспийское, возле Крыма. До исламского мира по-прежнему можно было добраться, отправившись на восток, но пришлось бы сделать крюк, поэтому наиболее удобный торговый путь вел оттуда в Константинополь. Как мы видели, Византия к тому времени утратила былое величие и влияние, свойственные ей при Юстиниане, а мусульманские халифаты с их великолепными дворами представляли собой куда более привлекательный рынок для сбыта предметов роскоши, которые как раз и привозили скандинавы. Неясно, часто ли скандинавы добирались до самого Каспийского моря. Некоторые, безусловно, регулярно бывали там, но путь был долгим, поэтому наверняка задей-

[1] Отличное исследование см.: Noonan (1997).

ствовались посредники. Во второй половине VIII века число скандинавов, вовлеченных в торговлю, было весьма невелико. Не считая Старой Ладоги, лишь в одном поселении Северо-Западной России, Сарском городище, были обнаружены как серебряные монеты, так и скандинавские материалы, датируемые IX веком[1].

В условиях нехватки письменных источников полная картина дальнейших событий не подлежит восстановлению, но развивающиеся контакты скандинавов с Востоком могли пойти по той же траектории, которую мы уже наблюдали дальше к западу. С одной стороны, приток арабских серебряных монет в Скандинавию и Балтику медленно, но верно увеличивался. По мере того как шло время, росло число пришельцев с севера, либо самих норманнов, либо их посредников, которые, путешествуя по воде, продавали северные товары на мусульманских рынках. Теоретически, это могло бы произойти, даже если бы новые скандинавы не селились к югу от Балтики, но сохранилось достаточно археологических остатков, свидетельствующих о том, что так они и поступали.

В 839 году, как мы видели, шведские викинги явились ко двору каролингского императора Людовика Благочестивого. Они были направлены Константинополем и достигли города только после сложного путешествия по землям жестоких племен — и искали более простой маршрут для возвращения домой. Если, что вполне вероятно, они спускались по Днепру, то им приходилось нести лодки мимо порогов, и местные жители быстро поняли, что это отличное место для засады. В 972 году один из поздних князей Руси, Святослав, лишился жизни — и головы — в этом самом месте. (Кочевники-печенеги превратили череп в чашу[2].) Послы сообщили императору, что их общество достаточно организовано для того, чтобы обзавестись собственным правителем, который назывался каганом, и от его имени попытались установить дружественные отношения с Константинополем. Это упоминание кагана русов в 839 году интригует, но, по крайней мере, оно говорит о

[1] Об археологических свидетельствах ранней фазы скандинавской активности на севере России см.: Duczko (2004), глава 2. О сравнении Константинополя и халифата как потенциальных рынков см. главу 7.

[2] Шведские викинги: *Бертинские* анналы (839). Здесь следует задаться вопросом: в первый ли раз был испытан этот маршрут по Днепру. О смерти Святослава: *Повесть* временных лет (972).

том, что скандинавские иммигранты в лесах России начали понемногу создавать некое политическое образование. Однако на западе приблизительно в тот же период другие политические образования викингов (на Гебридах и в Ирландии) были разрушены появлением более сильных «королей» в середине века, следовательно, политическое развитие на востоке тоже шло отнюдь не по прямой.

Вероятно, в 860 году викинги откуда-то из России впервые напали на Константинополь. Две сотни ладей переплыли Черное море и разграбили окраины города. Византийцы считают, что своим спасением они обязаны вмешательству Девы Марии и, каким бы ни было реальное число налетчиков, нападение было очень серьезным[1]. За ним последовали напряженные дипломатические усилия, направленные на то, чтобы предотвратить повторные набеги. Это включало в себя отправку христианских миссионеров в русские леса. Но после первоначальных заявлений об успехе со стороны византийского патриарха в 867 году миссионеры бесследно исчезли, и нет никаких упоминаний о дальнейших дипломатических контактах с севером еще на протяжении тридцати с лишним лет. Это заставляет предположить, что политическая власть тех, к кому были направлены миссионеры, оказалась недолговечной — что, как мы знаем, было правдой для большей части скандинавских династий эпохи викингов. Есть и другие признаки беды. В более или менее то же время поселение на Ладоге было сожжено. Дендрохронологический метод датировки показал, что трагедия произошла между 863 и 871 годами. Пожар был не случайным. Изначальное поселение состояло из отдельных деревянных домиков, и все они были уничтожены одновременно. Вряд ли случайный пожар мог распространиться с такой скоростью и эффективностью по всему поселку. В тот же период персидский историк сообщает, что русы напали на порт Абаскос на юго-восточном побережье Каспийского моря, но это событие можно датировать лишь очень приблизительно 864—883 годами[2].

Ввиду отсутствия лучших исторических источников неясно, как собрать эту головоломку. Но поджог Старой Ладоги и на-

[1] Скорее всего, речь идет о славянских долбленках, которые выдалбливались из ствола дерева, а не о лангскипах, которые преобладали на западе.

[2] О нападении на Абаскос и его последствиях см.: Franklin и Shepard (1996), 50 и далее; Duczko (2004), глава 1.

падения на Абаскос и Константинополь указывают на то, что на арене появились новые силы скандинавов, и, что поразительно, то же самое в это же время произошло дальше к западу — появились новые короли и собрали Великие армии. Я подозреваю, что одновременно начавшиеся беспорядки близ северных водных путей в России и внезапное появление силы, способной напасть на Константинополь, говорят о вторжении куда лучше организованных и более крупных войск скандинавов и на восток, и на запад. Как и на западе, эти новые пришельцы, разумеется, попытались бы захватить контроль над уже существующими прибыльными предприятиями. Развивающиеся диаспоры викингов на востоке и западе в IX веке напоминают мне о Чикаго времен сухого закона. Сначала небольшие группы начали зарабатывать, изготавливая и нелегально продавая самодельные алкогольные напитки, затем подключились более организованные банды, требуя долю прибыли или борясь с организациями соперников, по обстоятельствам. Как только приток средств стал стабильным, вмешались власть имущие, захватив контроль над предприятиями и потребовав свою долю — ровно 10 процентов, если верить Ибн Фадлану.

В России конкуренцию усиливал еще один фактор. Судя по обнаруженным кладам монет, приток арабского серебра на север существенно замедлился в период между 870 и 900 годами. Это замедление совпадает с периодом внутриполитического хаоса в Аббасидском халифате — «анархией в Самарре», который продлился с 861 по 870 год. Кризис такого рода и масштаба, разумеется, существенно снизил спрос на предметы роскоши при дворе халифа, что привело к росту конкуренции между различными группами скандинавов, продававшими меха и рабов из Северной России. Это, возможно, отчасти объясняет борьбу за власть над остатками северной торговой сети, и становится ясно, почему византийские послы ничего не добились. Однако со временем порядок был более или менее восстановлен, не только в мусульманском мире, но и на севере — процесс, о котором мы можем кое-что узнать, несмотря на отсутствие письменных источников, благодаря косвенным свидетельствам[1].

Старая Ладога была отстроена, возможно, в X веке, на сей раз из камня. Скандинавские материалы (более ранние, вплоть

[1] Об анархии в Самарре см.: Kennedy (2004).

до 900 года) были обнаружены в ряде других северных поселений: Новгородское городище (Рюриково городище), Тимерёво, Михайловское, Петровское, Псков, Ярославль и Муром. Эти поселения все были основаны там, где был прямой доступ к главному торговому маршруту вниз по Волге (см. карту 20), а значит, и возможность получать прибыль. В этих городах обнаружено больше скандинавских материалов, чем в других поселениях IX века. К ним относятся в том числе женские украшения, что позволяет предположить наличие смешанного пришлого населения, а не просто северян-мужчин, которое проживало по крайней мере в некоторых городах.

Эта новая волна скандинавской миграции совпала с возобновлением притока серебра из исламского мира, которое с 900 года начинает появляться в беспрецедентных количествах. Судя по обнаруженным кладам, около 80 процентов мусульманского серебра, оказавшегося в Северной России и Скандинавии между 750 и 1030 годами (когда его поток фактически пересох), попали туда после 900 года. Деньги поступали и по другому маршруту. К 920-м годам волжские булгары, с которых мы и начали, утвердили свое господство на средней Волге и приняли ислам. Сообщения мусульманских путешественников показывают, что большая часть скандинавских русов к этому времени уже не торговали напрямую с исламским миром. Торговля в основном велась в землях волжских булгар, куда приезжали мусульманские и скандинавские купцы. Это же отражается на происхождении монет X века, обнаруженных в кладах. В то время как в VIII и IX веках монеты преимущественно чеканились в великих центрах исламского мира, современных Иране и Ираке, монеты X века имеют другое происхождение, они были изготовлены в основном на территориях новой династии Саманидов в Восточном Иране. Добыча в серебряных шахтах Хорасана, которые они контролировали, достигла пика и оценивалась в 120—150 тонн серебра в год, что равняется 40—45 миллионам монет. Неудивительно, что земли Саманидов притягивали всех, у кого было что — или кого — продать, и хорошо знакомые торговые пути вели из их земель на восток к средней Волге. Огромный и богатый новый рынок, к которому вели более простые маршруты, привлекал еще больше скандинавов, чем раньше, в леса России[1].

[1] О монетах см.: Noonan (1997).

Это спровоцировало появление новой и более грозной силы среди русов, о которой упоминали мусульманские путешественники этой эпохи: островного короля. Все, что мы знаем об этом короле и о политическом образовании, правителем которого он являлся, говорит о том, что его следует воспринимать как «саро di capi» (*ит.* «босс боссов». — *Пер.*). Он получал долю в 10 процентов со всех торговых операций и добивался покорности с помощью постоянного вооруженного отряда, составлявшего четыреста человек. Если данные Повести временных лет верны, то первым из этих королей должен был быть Рюрик, основатель династии, но это ничем не подтверждено. Кем бы ни был этот правитель, жил он совершенно точно в Новгородском городище. Скандинавы начали заселять эти места в конце IX века, и, как пишут мусульманские путешественники, то был остров, находящийся там, где река Волхов вытекает из озера Ильмень (см. карту 20). В отличие от других скандинавских поселений этой эпохи оно было обнесено стенами, и это подтверждает предположение о том, что здесь жили люди, облеченные властью. Любой осмелившийся не подчиниться приказам, исходящим отсюда, мог разделить участь обитателей Старой Ладоги вниз по Волхову, чьим домам так не повезло в 860-х годах. Вне всякого сомнения, некоторые из них обнаружили головы лошадей в своих постелях незадолго до пожара[1].

Но такая политическая структура вряд ли могла быть достаточно стабильной, и при всем богатстве, которое текло по землям Северной Руси в начале X века, ее нельзя было назвать мирным и процветающим краем. Прежде всего потому, что большую часть денег приносила работорговля. По своей природе это занятие жестокое и неприятное, включающее в себя вооруженные набеги, в ходе которых захватывались жертвы, и их усмирение при перевозке на рынок. Налеты, целью которых было обогащение или добыча новых товаров, тоже не прекратились. Результатом обоих торговых договоров с Византией, к примеру, стали военные демонстрации, целью которых было уговорить императора и его советников предложить им более выгодные условия торговли. Мусульманские источники также говорят о масштабном набеге на прикаспийские земли в

[1] Об археологических свидетельствах скандинавских поселений в эту эпоху см.: Franklin и Shepard (1996), 91 и далее; Duczko (2004), главы 3–5.

912 году. И внутренняя нестабильность в этом мире также имела место. Торговая колонизация европейской части России проводилась, как мы видели, несколькими независимыми друг от друга группами скандинавов, а не единой организованной структурой. Можно быть уверенными в том, что, по крайней мере, на начальном этапе не было необходимости отдавать долю в 10 процентов некоему королю севера. И при таких процессах всегда есть возможность появления новых соперников нынешнего «босса».

Король в Новгородском городище, похоже, одержал победу на севере. Но в то время как мусульманские путешественники больше узнавали о нем, политическое образование, главой которого он являлся, подрывалось появлением второго центра скандинавов в Киеве, дальше к югу, близ естественной переправы в среднем течении Днепра. В соответствии с Повестью временных лет, скандинавы впервые пришли в Киев, когда два приближенных Рюрика, Аскольд и Дир, получили его разрешение покинуть Новгород и отправиться в Константинополь. По пути они прибыли в Киев и решили поселиться там, откуда позднее они на двухстах ладьях организовали нападение на Константинополь. Повесть указывает, что они прибыли в Киев в 862 году, а набег на византийскую столицу состоялся в 863—866 годах. Примерно двадцать лет спустя преемник Рюрика, человек «из его племени», по имени Олег, правивший от имени юного сына Рюрика Игоря, двинулся на юг со смешанным войском из скандинавов, финнов и славян. Аскольд и Дир поверили обману и погибли, затем была поставлена крепость, а местных славян обложили данью. Олег объединил север и юг, и появилось Русское государство. Эти события в летописи произошли в 880—882 годах.

Общая канва истории передана вроде бы верно. Киев был более поздним и второстепенным центром активности скандинавов в Западной России. Это одно из нескольких поселений на берегах Днепра, где обнаружены материалы скандинавского происхождения, но лишь после 900 года. Ключом к дальнейшему освоению Днепра стало поселение в Гнездово, которое фактически контролировало переход от озера Ильмень к верхнему течению Днепра и дало викингам возможность двинуться с севера от Ладоги на юг к Черному морю. Скандинавы обосновались в Гнездово лишь в конце IX века, а потом уже в Киеве и других городах: Шестовице и в городище близ Яро-

славля, где были обнаружены следы пребывания скандинавов примерно в тот же период, и в других вроде Любеча и Чернигова, которые упоминаются в исторических источниках. Присутствие скандинавов с 900 года в землях на среднем течении Днепра не вызывает сомнений, однако археологические изыскания указывают на то, что здесь было гораздо меньше викингов, чем на севере, где материалы, датированные началом X века, встречаются куда чаще[1]. Если в целом хронология событий, предложенная Повестью временных лет, верна, то другие аспекты истории, изложенные в ней, куда менее убедительны.

Прежде всего, конкретные даты, указанные в ней, — лишь более поздняя попытка как-то структурировать устные источники, и полагаться на них нельзя. Нападение на Константинополь мы уже рассматривали, его дата взята из византийской «Хроники» Георгия Монаха, которая не называет скандинавских предводителей, участвовавших в набеге. На каком-то этапе составления Повести временных лет кто-то решил, что нападение на Константинополь, описанное в византийском источнике, — то же самое, которое совершили Аскольд и Дир, и остальная история датируется в соответствии с этим предположением. Но оно, возможно, было ошибочным. Обширные раскопки в Киеве не предоставили скандинавских материалов, которые бы датировались периодом, предшествовавшим 880-м годам (раскопки на Подоле), следовательно, нападение на Константинополь, совершенное в 860-х и упоминавшееся в византийских источниках, было совершено теми, кто проживал в землях к северу от Киева.

В истории, рассказанной в Повести временных лет, много других недочетов. Ее составители, по-видимому, были весьма озадачены вопросом взаимосвязи Олега с Рюриком. В киевской традиции он предстает его родственником, но в северной традиции, по версии Повести временных лет, которая, похоже, появилась в Новгороде, он лишь военачальник Рюрика, не претендующий на родство. Мысль о том, что Аскольд и Дир озаботились бы разрешением Рюрика, прежде чем двинуться на юг, тоже не слишком убедительна[2]. Как мы видели, в IX и

[1] См.: Franklin и Shepard (1996), глава 3; Melnikova (1996), 54—60; Duczko (2004), глава 6.

[2] См.: Likhachev (1970); Melnikova (1996), 105—109.

начале X века великий князь Руси был не более чем primus inter pares (*лат.* первый среди равных), и экспансия скандинавов осуществлялась совокупностью независимых инициативных объединений, «босс» которых объявился гораздо позже, чтобы потребовать свою долю. Нет причин полагать, что продвижение к Киеву, кто бы ни пускался в путь, принимало иные формы. Более того, есть куда более важная проблема — почему викингская Русь в конечном счете покорилась этому второстепенному и позже появившемуся центру — южному Киеву, а не северному Новгороду, особенно если учесть, что Киев был расположен на Днепре, соответственно, на торговом пути в Византию, которая была в целом менее успешной и процветающей. Однако это загадки для следующей главы. Пока мы рассмотрим продвижение скандинавов на восток и запад как миграционный поток.

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Вопрос масштаба является одним из основных противоречий в исследованин миграции викингов. В прошлом имелась тенденция нитерпретировать эпоху викингов в свете традиционных воззрений на классическое германское «переселение народов». Считалось, что в путь пускались десятки, если не сотни тысяч, и к этому их подталкивало отсутствие необходимых для жизни ресурсов: так родился поток, который захлестнул Западную Европу и погрузил ее в море беспрецедентной жестокости. Старые учебники цитировали известную англосаксонскую молитву: «От ярости северян, Боже, защити нас», и легко находятся более научные ее эквиваленты. Учебник латинской грамматики, скопированный в Ирландии в 845 году и оказавшийся в монастыре Святого Галла на континенте, содержит приписку на полях — короткую, но весьма выразительную поэму на древнеирландском: «Ветер нынче жесток, взбивает белую пену, и страшиться не стоит диких викингов, бороздящих тихое море»[1].

К борьбе с этими воззрениями в 1960-х годах присоединился один из самых видных англоязычных историков, специализирующихся на эпохе викингов: Питер Сойер. Он утверждал,

[1] Цит. по: O Corrain (1997), 94.

что традиционные взгляды переоценивают возможные масштабы сил скандинавов. Большинство летописцев, чьи труды уцелели и повествуют о жестокости викингов, были церковниками, если не монахами, а церкви и монастыри, как мы видели, были для норманнов лакомыми кусочками, обещавшими богатую добычу. Следовательно, как утверждает ученый, в источниках есть тенденция сгущать краски, подчеркивая жестокость викингов. Но ведь Темные века в целом были временем далеко не гуманным. Единственное, что, пожалуй, было новым в это время, — язычники-скандинавы нападали на христианские учреждения куда более дерзко, чем обычно. Что не менее важно, наши христиане-летописцы игнорировали другие важные аспекты активности скандинавов в регионе, такие как торговля, которые были не столь жестоки или вообще миролюбивы, и приводимые ими цифры, касающиеся численности викингов, преувеличены. С этой точки зрения более точными являются как раз сообщения о небольших силах: как, к примеру, три корабля, на которых было девяносто—сто человек, участвовавших в первом инциденте в Портленде. К тому же, писал Сойер, у нас почти нет данных о том, что с викингами были женщины и дети. Деятельность скандинавов обеспечивалась не миграцией «целого» народа, но боеспособными отрядами, общая численность которых доходила до нескольких сотен человек как максимум[1].

Это замечание было в высшей степени верным и соответствовало тому, что происходило в первые десятилетия IX века. Предположение, что в эпоху викингов действовали по большей части военные отряды, кажется вполне вероятным, пусть и имеются отдельные исключения. Но по мере того как активность скандинавов на западе нарастала, в игру, судя по всему, вступили более крупные силы, нежели те, о которых писал Сойер. «Ирландские анналы», к примеру, сообщают о том, что в 830-х годах два флота викингов по шестьдесят кораблей действовали в ирландских водах одновременно. Потрясающая Гокстадская ладья, обнаруженная в норвежском Вестфолле в 1880 году и выставленная сейчас в Осло, могла спокойно вместить около тридцати человек, возможно, чуть больше. Тридцать с лишним мужчин на каждой ладье — значит, каждый флот включал в себя больше тысячи воинов, и эта цифра совпадает с данными

[1] См.: Sawyer (1962).

о потерях скандинавов в битвах, указанными в том же источнике. В 848 году произошло три сражения, которые провели три разных ирландских короля против разных войск викингов, которые понесли потери в 700, 1200 и 500 человек. И когда флоты скандинавских конунгов обрушились на западные побережья в 850-х годах, ирландские, английские и континентальные источники все — и весьма последовательно и убедительно — сообщают о том, что они насчитывали от ста до двухсот кораблей. А значит, речь идет об армии в несколько тысяч человек[1].

Эти подсчеты подтверждаются материалами эпохи Великих армий. Эти армии были многосоставными, смешанными, и каждая из них состояла из сторонников независимых королей и конунгов, к которым порой присоединялись воины под командованием ярлов. Первая Великая армия, собравшаяся в Восточной Англии зимой 866/67 года, включала в себя, помимо других, войска Ивара и Олава — которые исчезли из ирландских вод между 863 и 871 годами (Ивар — это, по всей видимости, Ингвар из «Англосаксонских хроник»), и викингов, донимавших франков на реке Сене большую часть предыдущего десятилетия. Континентальные источники указывают на паузу в набегах скандинавов между 866 и 880 годами, что совпадает с первой фазой активности Великой армии в Англии, и отплытие норвежцев из франкских вод, вероятно, было спровоцировано Карлом Лысым, отдавшим приказ выстроить укрепленные мосты через Сену, существенно затруднившие скандинавам доступ к внутренним территориям. Помимо Ивара, в «Англосаксонских хрониках» упоминаются еще два конунга — Хальвдан (видимо, третий брат Ивара и Олава) и Багсекг — и пять ярлов (двое по имени Сидрок, старший и младший, Осберн, Френа и Харальд). Эти короли и ярлы вели за собой независимые дружины, объединенные в армию. В 875 году к ним присоединились еще три конунга — Гутрум, Оскетель и Анвеид. Теперь в Англии собралось одиннадцать отрядов под предводительством независимых друг от друга командиров. И еще больше викингов прибыло всего через несколько лет, чтобы перезимовать в Фулеме в 879/80 году. На таких же принципах существовали более поздние Великие армии.

[1] *Ирландские* анналы (848).

Не все эти контингенты постоянно действовали как части единой армии. Отряды приходили и уходили в зависимости от того, где открывались новые возможности. Но пять конунгов, по крайней мере пять ярлов и другие силы помимо них командовали большинством воинов. В 878 году Хальвдан погиб в Девоне вместе с 840 (по другой версии — 860) своими сторонниками, а значит, войско конунга насчитывало около тысячи человек. В «Хрониках» также сказано, что эта армия прибыла на двадцати трех судах, то есть на каждом было по тридцать шесть человек, что соответствует вместимости корабля вроде Гокстадской ладьи. Утверждение, что каждый отряд, входивший в Великую армию, насчитывал минимум несколько сотен, максимум — около тысячи человек, соответствует численности войск, действовавших в Ирландии после 830-х годов, когда набеги участились. Если наши предположения верны, то Великие армии — каждая из которых состояла из полудюжины таких отрядов — должны были насчитывать несколько тысяч воинов, но, вероятнее всего, не более 10 тысяч. И это вполне подходящий размер для армий, сумевших завоевать англосаксонские королевства[1]. К тому же их было несколько. В исторических источниках описаны две Великие армии, обрушившиеся на Англию — одна между 865 и 878 годами, вторая — в период с 892 по 896 год. Еще две армии такой же численности напали на северное побережье континента в 880-х годах плюс еще силы, действующие попеременно в Нормандии/Бретани и в Ирландии в последнее десятилетие IX века и первые двадцать лет X. С учетом всего этого, даже допуская, что в состав некоторых из них в разное время входили отчасти одни и те же люди, мы получаем как минимум 20 тысяч воинов, странствовавших по Европе.

Это напрямую касается масштабов миграции викингов, поскольку в Восточной Англии и Северной Франкии именно Великие армии превратили завоевание в переселение. Было ли это частью изначального замысла или нет, но первая Великая армия уничтожила три из четырех независимых королевств ан-

[1] Хальвдан: *Англосаксонская* хроника (878). Спор о размерах Великих армий подробно изложен в работе Брукса (Brooks (1979); ср.: Smyth (1977) об их структуре и об Иваре и Олаве (эту информацию также позже приводит Сойер). На континенте после великой победы на реке Диль Франки убили двух скандинавских конунгов и захватили шестнадцать королевских знамен.

глосаксонской Англии IX века и отдала существенную часть их ресурсов в руки своих воинов. Первые поселения 870-х годов разрослись благодаря приходу скандинавов из более поздних Великих армий. Одна из них была описана в 896 году, а ведь могли быть и другие. На континенте последующая активность Великой армии в конечном счете привела, как мы видели, к появлению поселений в Нормандии и Бретани, одно из которых было санкционировано, другие — нет. Сколько норманнских воинов, участвовавших в кампаниях Великой армии, в конечном счете остались на западе, нам неизвестно, но многочисленные поселения, скорее всего, в совокупности вмещали больше 10 тысяч человек, даже если некоторые предпочли вернуться с награбленным добром в Балтику. Это немалая цифра, но и не огромная, учитывая, что общее население регионов, затронутых миграцией скандинавов, насчитывало в те времена сотни тысяч человек[1].

Однако в случае с Великой армией переселение приняло весьма узнаваемую форму. Очень красноречив в этом плане раздел «Англосаксонских хроник», касающийся 896 года, в котором описывается распад второй Великой армии, атаковавшей Англию: «Летом этого года армия отправилась частью в Восточную Англию, частью в Нортумбрию; а те из них, что были без гроша, достали себе корабли и отправились на юг, через море, к Сене». В этом сообщении есть свои загадки. Возможно, упоминание о богатстве свидетельствует о том, что викинги должны были покупать недвижимость в Данелаге, а не просто забирать себе понравившиеся участки? Я в этом сомневаюсь, но, как бы то ни было, в этом отрывке прослеживается четкая связь между членами Великой армии, обретшими богатство и поселившимися в Британии. Одинокие викинги не тащились за моря, чтобы сражаться в опасных боях вдали от дома и затем поселиться там в роли бедных крестьян. Они хотели не просто обосноваться на западе, но и занять более привлекательную социально-экономическую нишу. Чтобы стать крестьянами, не было нужды сражаться. Англосаксонские лорды всегда искали тех, кто стал бы трудиться на них[2].

[1] О поселениях: *Англосаксонская* хроника (876, 877, 880). Книга Судного дня позволяет сделать вывод, что общее население Англии в 1086 году составляло полтора миллиона человек и поселения располагались далеко не на всей территории страны.

[2] *Англосаксонская* хроника (896).

Ответ на вопрос о том, как взаимоотношения в отдельных отрядах Великой армии могли после раздела земель между воинами эволюционировать в образование полноценных поселений, кроется в исследованиях многочисленных материалов времен основания области Данелаг в Линкольншире. Сам Линкольн был одним из пяти боро (областей) Центрального Данелага, в которых действовала более или менее независимая власть; в Данелаге после 878 года имелись короли, но никогда не было единого правителя. Центр Линкольна, вероятно, был свидетелем поселения здесь скандинавов и существенно разросся в конце IX—X веке. За пределами города поселение викингов происходило в двух формах. Большие поместья были переданы норманнам без изменений. Эта особенность закреплена в названиях некоторых из них, ставших гибридными, вроде Гримстона, где Грим — имя норвежца-хозяина — соединяется с англосаксонским суффиксом, означавшим поселение (-tun), и таких топонимов на территориях бывшего Данелага очень много. Другие имения были разделены на части, видимо, для того, чтобы передать их викингам, имевшим меньше влияния, но при этом обладавшим определенным авторитетом. Об этом говорит наличие норвежских топонимов (оканчивавшихся на -by и -thorp и нередко сочетавшихся с именем владельца) и мелких землевладельцев с непривычно высоким статусом (сокменов) в официальной документации Линкольншира, появившейся после того, как Англосаксонское государство X века вернуло себе эти территории. Те же самые сокмены, видимо, оставались верны вкусам северян в том, что касается узоров на металлических изделиях, на протяжении всего X века.

Если Линкольншир являлся не единственным примером поселения (а все указывает именно на это), то тогда воины Великой армии, обретя землю, сохранили свой уклад и общественный строй, поскольку их города организовывались предводителями для тех, кто уже получил достаточно средств, чтобы удовлетворить свои стремления, и готов был довольствоваться небольшим участком, как и норманды. Те же, кто еще не достиг своей цели, по всей видимости, забирали награбленное и отправлялись на поиски нового предводителя. Все земли, на которых селились скандинавы, были отобраны у англосаксов. Некоторые были позаимствованы у землевладельцев, погибших в бою или изгнанных с его территорий, — хотя не похоже, чтобы класс англосаксонских землевладельцев полностью вы-

мер в Данелаге. Но есть доказательства того, что скандинавы отбирали земли в том числе у церковных учреждений, которые к IX веку владели приблизительно четвертью всех земельных ресурсов Англии[1].

Если ситуация в Линкольншире является типичной для того периода, то можно предложить следующую модель заселения Данелага и Северной Франкии. Стандартной миграционной группой являлся отдельный отряд Великой армии, доходивший до тысячи человек — чуть больше, если его вел конунг, чуть меньше, если предводительствовал ярл, — но ни в коем случае не вся армия целиком. Лидеры этих отрядов организовывали присвоение и распределение земель между теми, кто готов был поселиться на захваченной территории. Некоторые важные вопросы — вроде того, кто имеет право претендовать на участок и какого размера, — скорее всего, решались заранее на переговорах, в результате которых и появились Великие армии. Этот процесс принимал форму аналогичную частичному переселению элиты, которую мы наблюдали в V веке при миграции германцев на территорию бывших римских провинций в Европе, разве что сокмены с их участками (-bys и -thorps) могли представлять собой элиту более низкого класса, чем сторонники предводителей, приходивших на Римскую землю. Основные причины так полагать — это небольшие размеры принадлежавших сокменам участков, приведенные в Книге Судного дня, на которых их потомки жили до 1066 года, и тот факт, что их приход спровоцировал более значительные культурные изменения на лингвистическом и прочих уровнях, которые не имеют аналогов на послеримском западе.

Как минимум в Северном Данелаге норвежский стал основным языком, в то время как германские языки в свое время не вытеснили латинский и его диалекты нигде, за исключением англосаксонской Англии, где переселение элиты было более или менее полным. Что до объяснения лингвистических изменений и наличия большого количества скандинавских названий, некоторые ученые сочли разумным предположить, будто за поселениями воинов из Великой армии появились и деревни, полные скандинавских крестьян. Но это кажется излишним. Как минимум 10 тысяч викингов — а возможно, го-

[1] См.: Vince (2001); Leahy и Paterson (2001); ср. более общую работу Hart (1992); хорошее исследование топонимов см.: Fellows-Jenson (2001).

раздо больше — должны были получить участки в процессе распределения земель, их было вполне достаточно для создания господствующего класса норвежских землевладельцев на местном уровне, что и объясняет дальнейшие культурные изменения. Для сравнения: Нормандское завоевание включало в себя переселение примерно 5 тысяч новых землевладельцев на всю территорию Англии, а не только ее часть, поэтому нет причин сомневаться в том, что новая норвежская элита жила в более тесном контакте с англосаксонскими крестьянами, нежели нормандцы, пришедшие в Британию следующими.

Однако воины Великой армии отвечали лишь за один этап миграции северян на запад. В Ирландии переселение приняло другую форму. Там скандинавы так и не смогли — а возможно, и не пытались — уничтожить единство королевств и тем самым заполучить обширные территории. Вместо этого мы видим лишь незначительные поселения, сосредоточенные в нескольких прибрежных городах, и прежде всего — в Дублине. Все они были довольно большими, с развитой экономикой. После восстановления целостности территории ирландские короли X века состязались друг с другом за власть над ценными торговыми и денежными сферами Дублина. Тем не менее, хотя миграционный поток здесь вновь принял форму организованных военных отрядов, количество перманентных переселенцев с севера в Ирландию составило максимум несколько тысяч человек[1].

На северных и западных островах и в Северной и Западной Шотландии метод заселения больше напоминал Данелаг в том плане, что скандинавы захватили контроль над большей частью земель в регионе. Сохранившиеся источники не называют никаких цифр и не описывают сам процесс поселения, но его последствия говорят сами за себя, отразившись на географических названиях. На северных островах — Шетландских и Оркнейских — топонимы нескандинавского происхождения не сохранились вовсе. Весь прежний слой наименований был стерт в результате давления северной культуры эпохи викингов. На западных островах и в регионах Шотландии, затронутых этим процессом, замена названий была не столь полной, но и здесь наименования скандинавского происхождения широко распространены. Миграция какого масштаба в IX веке была способна привести к такому интересному итогу?

[1] См.: O Corrain (1997), (1998); Smyth (1979).

Когда местная топонимика была проанализирована впервые, ученые сочли, что полное исчезновение старого слоя названий объясняется тем, что исконное, по всей видимости, кельтское население этих регионов было полностью истреблено — в ходе раннесредневековой этнической чистки. В более современных исследованиях топонимики, однако, подчеркивается, что современное распространение норвежских названий является следствием всех тех веков, когда скандинавы господствовали в этих землях, а не быстрого и полного завоевания. Миграция северян явно была масштабной, замена топонимов не смогла бы произойти, если бы они не захватили полностью основные территории, отдав их наиболее влиятельным норвежцам, которые стали частью местного общества на том же уровне, что и сокмены в Данелаге. Но этнической чистки для этого бы не потребовалось, и недавно обнаруженные археологические свидетельства это подтвердили. Даже там, где дома норвежского типа полностью заменили более ранние постройки пиктов, как в местечке под названием Баквой, тщательно проведенные раскопки показали, что многие мелкие предметы местного производства по-прежнему оставались в обиходе, а значит, старое население жило бок о бок с пришельцами с севера, хоть и в зависимости от них[1].

Не может быть никаких сомнений в том, что на западных островах и в самой Шотландии местное население уцелело, поскольку здесь встречаются названия разного происхождения. Более того, «Ирландские анналы» рассказывают, в нескольких отрывках 850-х годов, о деятельности Галл-гайдел — «скандинавских ирландцев». Эти загадочные люди вызвали много споров, но, похоже, именно от них произошло название Галлоуэй, и ученые сошлись на том, что они обитали, скорее всего, на Гебридах и были кельтами, которые быстро ассимилировались с норвежскими поселенцами[2]. Структура ДНК современного населения этих регионов подтверждает это предположение. 40 процентов современного населения Шетландских островов обладает типами ДНК, которые указывают на их происхождение от скандинавских предков. В Оркни потомки северян составляют 35 процентов, а в Шотландии и на западных остро-

[1] Полезная работа Ritchie (1993), 25—27.

[2] *Ирландские* анналы (856, 857, 858); ср.: O Corrain (1998), 326—327; Charles-Edwards (2006), т. 2, 4—5.

вах — около 10 процентов[1]. Однако, как мы уже видели в случае с англосаксами, опасно считать современные типы ДНК своего рода ископаемыми остатками эпохи переселения. За прошедшие века произошло много самых разных событий, которые могли вызвать преимущественное распространение какого-то одного типа. Тем не менее это показывает, что, хотя приток норвежцев в эти края был достаточно существенным, ни о какой этнической чистке и речи быть не может. Более точная характеристика миграционных групп, действующих в этом регионе, также основана на археологических остатках из последнего региона, задействованного в миграции норвежцев на запад: Северной Атлантики.

Колонизация Фарерских островов скандинавами нигде не описана, однако, поскольку Исландию они начали заселять в 870-х годах, а Фарерский архипелаг находится по пути к этому острову, можно предположить, что процесс начался самое позднее в середине IX века. Данных об Исландии у нас гораздо больше. Там, с начала XII века, чего не было больше ни в одном регионе, захваченном скандинавами, колонисты начали записывать свою историю — изначально, судя по всему, для того, чтобы закрепить право собственности на землю. Приблизительно в 1100 году исландцы указывали, что заселение их острова началось с четырехсот колонистов, каждый из которых стал владельцем крупного фермерского хозяйства — в те времена это была основная форма поселения на острове. Эти четыреста поместий являлись центрами более крупных, взаимосвязанных сетей сельскохозяйственной активности, и было подсчитано, что число собственно ферм самых разных размеров и форм достигало 4 тысяч. Каждый участок занимала одна семья и ее слуги, и получается, что население Исландии к 1100 году составляло несколько десятков тысяч человек. В исландской литературе также сохранились некоторые сведения о характере миграционных групп, приплывавших на остров. Затраты, необходимые для того, чтобы добраться из Скандинавии (или с Британских островов, откуда пришли многие поселенцы) до Исландии, были весьма существенными. Поэтому в большинстве своем колонисты, похоже, были богачами, способными купить или нанять корабли для перевозки людей и всего необходимого для

[1] О ДНК см.: Helgason et al. (2000), (2001), (2003); Goodacre et al. (2005).

успешного ведения сельского хозяйства. Менее обеспеченные люди либо вовсе не могли участвовать в заселении Исландии, либо присоединялись к одному из более преуспевающих лидеров. Из этого следует, что мы имеем дело с более продолжительными миграционными потоками, а не с отдельными вспышками миграционной активности, как было в Англии и Франкских королевствах, когда отряды Великой армии высадились на их землях. Мы не знаем, сколько людей переехало в Исландию под предводительством этих аристократов, но один такой флот в дальнейшем двинулся в Гренландию и насчитывал двадцать пять кораблей, тринадцать из которых не смогли завершить плавание и добраться до цели[1].

В Исландии, разумеется, не было местного населения, с которым пришлось бы воевать, поэтому поселенцы могли появляться здесь малыми группами, а не крупными отрядами, соединившимися в дальнейшем в Великую армию, необходимую для завоевания политического Lebensraum (пространства) в англосаксонской Англии. Возможно, то же самое верно и для западных и северных островов. Там, как мы видели, местные землевладельцы быстро покорились пришельцам, но любые политические структуры, существовавшие здесь до викингов, скорее всего были небольшими и слабыми, а потому норвежцам не нужна была большая армия, чтобы взять над ними верх. Следовательно, вполне возможно, что отдельные аристократы или же небольшие группы, состоявшие из богачей и их последователей, могли с легкостью заполучить нужную территорию. Опять-таки, в отсутствие письменных свидетельств, все эти заключения носят умозрительный характер, но факт остается фактом: крупное политическое образование — графство Оркни — появилось в норвежском обществе на северных и западных островах только в конце IX века, спустя долгое время после того, как процесс заселения был завершен. Возникновения этого графства было достаточно для того, чтобы заставить некоторых живущих в нем северян двинуться в Исландию, где они могли вновь обрести независимость. Оба этих случая подтверждают, что последующий мнграционный поток в Исландию и Гренландию был схож с тем, который положил начало господству норвежцев на западных и северных островах в начале IX века.

[1] Полезное исследование см.: Rafnsson (1997).

Несмотря на многочисленные пробелы в имеющихся у нас сведениях, можно сделать кое-какие выводы о скандинавских миграционных потоках, направлявшихся на запад в IX веке и начале X. Выделяются два разных типа миграционных единиц, каждая из которых соответствует своему контексту. Там, где нужно было взять верх над крупными политическими образованиями, чтобы обеспечить возможность заселения новых территорий, основной миграционной группой становился крупный военный отряд, насчитывавший около тысячи воинов. Эти отряды также были способны объединяться для победы над более грозным противником — вроде англосаксонских королевств. Там же, где серьезного сопротивления от местного населения опасаться не приходилось или где жители создавали незначительные политические образования, с успехом справлялись меньшие миграционные группы под предводительством богатого аристократа. Получается, что общее количество населения, задействованного в разных миграционных потоках, было весьма существенным. Больше 10 тысяч норвежских воинов (а возможно, и вдвое больше) участвовали в заселении, путь к которому был проторен победами Великой армии в Англии и на континенте. Еще несколько тысяч обосновались в Ирландии и, возможно, чуть больше в северной зоне скандинавской миграции, распространившейся на север Британии и острова Атлантики.

Но есть еще один важный вопрос, которого мы пока не касались. Сколько воинов брали с собой женщин и детей из Скандинавии? Если в среднем от взрослого мужчины зависели четыре-пять человек (обычный размер семьи), то их присутствие или отсутствие радикально меняет общую оценку миграционного потока, которая, при наличии зависимых от каждого воина людей, может варьироваться от нескольких десятков до 100 тысяч человек. О Великих армиях у нас мало данных, но, как ни странно, они все-таки есть. Часть воинов из второй Великой армии, двинувшейся на Англию в 890-х годах, оставили женщин и детей в Данелаге, отправившись на войну с англосаксами. Но мы не знаем, у скольких воинов были зависимые от них люди и каково их происхождение. Привезли ли викинги своих близких из Скандинавии или обзавелись семьями по дороге?

Кое-какая информация на этот счет была получена из недавних анализов ДНК современной Исландии. Особой мигра-

ционной или иммиграционной активности на острове не было с самой эпохи викингов, поэтому здесь больше вероятность того, что современные типы ДНК приблизительно соответствуют таковым первых колонистов. В этом исследовании изучались Y-хромосомные варианты, которые передаются исключительно по мужской линии, и митохондриальные ДНК, передающиеся только по женской. И был получен поразительный результат. Среди мужского населения Исландии 75 процентов мужчин обладают Y-хромосомами, указывающими на принадлежность своих носителей к скандинавам, и только 25 процентов мужчин происходят от жителей Британских островов. Но у женщин картина другая. Всего 36 процентов женщин современной Исландии имеют скандинавское происхожденне, а 62 процента обладают ДНК, указывающей на то, что их предки родом с Британских островов. Значит, треть женщин проделали путь до Исландии из Скандинавии, однако около двух третей составляли женщины, которых викинги встречали в своих странствиях.

Схожие данные были получены и на Фарерских островах. А вот в той части Шотландии, где поселились викинги, и на северных и западных островах картина уже иная. В этих регионах нет существенной разницы между процентом норвежских мужчин и женщин среди современного населения, что говорит о том, что, возможно, в этих первых регионах норвежской колонизации основной миграционной единицей была семья, следовательно, количество мужчин и женщин среди колонистов, пришедших из Скандинавии, было примерно одинаковым. Однако к тому времени, как викинги стали осваивать Фарерские острова и Исландию, все больше мужчин привозили с собой женщин с Британских островов. Каким было соотношение северянок к британкам среди женшин, сопровождавших воинов Великой армии, неизвестно, но данные, полученные в результате анализа ДНК, указывают на то, что первые тогда все-таки приезжали в Британию. Получается, что при подсчете общей численности скандинавских мужчин-переселенцев умножать надо не на четыре-пять, а на два или три, учитывая, что их сопровождали женщины[1].

[1] Великая армия: *Англосаксонская* хроника (892). О ДНК см. примечание 47. Как мы видели в случае с англосаксонскими свидетельствами (глава 6), всегда остается возможность ошибки при расчетах масштабов миграции в прошлом с опорой на современные данные.

Миграция викингов в Восточную Европу приняла совершенно иные формы. В России нет ни малейших признаков того, что норвежцы собирались в армии и завоевывали политическое пространство для дальнейшей колонизации, да и независимых фермеров из Скандинавии, ведущих хозяйство на больших участках, там тоже фактически не было. Судя по археологическим остаткам, вторжение северян осуществлялось в два этапа. Следы первой фазы (с конца VIII века до начала IX) были обнаружены в основном в двух местах: в древнейших слоях Старой Ладоги и в укрепленном Сарском городище на Верхней Волге. Но в Старой Ладоге раскопки велись на незначительной территории в полгектара, поэтому мы не можем судить о реальных размерах поселения во времена его основания и тем более о численности скандинавов в Сарском городище. Поскольку данных у нас немного, есть искушение предположить, будто лишь горстка торговцев с севера начала изучать речные маршруты европейской части России в этот период, если бы не тот факт, что на севере имелся «каганат» под управлением норвежцев, упоминания о котором встречаются уже в 839 году. Он бы не мог появиться без существенного притока скандинавских иммигрантов и без определенных усилий, направленных на его организацию. Возможно, в будущем будут обнаружены новые свидетельства миграции норвежцев в Россию в VIII — начале IX века.

Как и на западе, поток мигрантов существенно вырос во второй половине IX — начале X века. В этот период скандинавская миграция была сосредоточена в трех зонах (см. карту 20). Первая — земли вдоль реки Волхов между озерами Ладога и Ильмень. На севере Старая Ладога была отстроена и достигла своего максимального размера — 10 гектаров. Дальше к югу лежало Новгородское городище (Хольмгард в норвежских сагах), как мы видели, оно было центром власти в регионе — укрепленное поселение, обнесенное каменными стенами в 3 метра высотой и в 3 метра толщиной. Третьим известным скандинавским центром здесь был Изборск-Псков. На кладбищах всех этих поселений обнаружилось достаточно скандинавских материалов, чтобы можно было сделать вывод о наличии полноценных норвежских сообществ, состоявших из мужчин и женщин, сохранивших прежний образ жизни на новом месте. В землях близ этих центров — в Приладожье — были обнаружены редкие скандинавские остатки, а значит, в этом ре-

гионе вполне могли жить и норвежские фермеры, а не только торговцы[1].

Вторая зона, в которой скандинавское присутствие ощущается очень отчетливо, — поселения вдоль Верхней Волги. В ходе раскопок в XIX веке были обнаружены норвежские материалы в Ярославле, Переславле, Суздале и Владимире. Методы, применяемые тогда, были слишком неточными, чтобы можно было что-то утверждать наверняка. Более недавние и осторожные работы в ряде других мест региона подтверждают существенное влияние скандинавов. В конце IX — начале X века поселение в Тимерёво, к примеру, разрослось настолько, что занимало больше 10 гектаров. При раскопках там было обнаружено больше пятидесяти жилых домов и кладбище. Этот город в дальнейшем населяли финны и славяне, помимо скандинавов, но норвежцы пришли туда первыми. Следы присутствия норманнов были также обнаружены в Петровском, где было два поселения, и Михайловском, где находилось кладбище, содержащее четыреста захоронений (из них 63 процента — кремированные останки). Большая часть скандинавских остатков здесь датируется X веком.

Третья зона поселения располагалась на реке Днепр, хотя ее, возможно, следует разделить на две, поскольку регион верхнего течения Днепра давал доступ к волжскому маршруту, а вот от городов в его среднем течении можно было добраться только до Черного моря и Византии. Самое большое скандинавское поселение, обнаруженное здесь на данном этапе, — это Гнездово на верхнем Днепре (возможно, это Смалески (Смоленск) из саг). В 920-х годах оно утроилось в размерах и «обросло» укреплениями, а кладбище, теперь частично поврежденное, содержало как минимум 3 тысячи могил — а возможно, вдвое больше. Первый археолог здесь заявил, что лишь около тысячи из них принадлежало скандинавам, но это сильно заниженная оценка, не соответствующая реальности. Гнездово было основано северянами, они же были основным его населением, которое, после периода роста в X веке, насчитывало примерно тысячи человек. Дальше к югу, в среднем течении Днепра, в Киеве — как и ожидалось — тоже обнаружены скандинавские остатки. Три холма близ реки были за-

[1] И можно предположить, что скандинавы оказались здесь еще до славянских иммигрантов.

няты скандинавами в начале X века. Однако куда больше северных материалов найдено в 100 километрах к северу, в Чернигове и Шестовице, которые в X веке были крупными поселениями[1].

Эти географические скопления скандинавских городов прекрасно укладываются в общую картину, учитывая природу деятельности викингов. На севере, близ Волхова, они были необходимы для того, чтобы контролировать главный торговый маршрут в Балтику; на Верхней Волге и верхнем Днепре поселенцев интересовал легкий доступ к торговому пути в мусульманский мир; поселения в среднем течении Днепра появились, поскольку эта река вела в Константинополь. Скандинавские поселения, таким образом, возникали близ важных торговых путей, и все города, обнаруженные археологами на данном этапе, наверняка являлись торговыми центрами, где купцы устанавливали связи с местными добытчиками мехов из соседних регионов, а весной отправлялись либо к волжским булгарам, либо в Константинополь.

Все это вполне очевидно и ясно, но невозможно понять, сколько скандинавов принимали непосредственное участие в этих восточных миграционных потоках. Во-первых, все обнаруженные остатки сконцентрированы в торговых центрах. Были ли у северян деревни и фермы, вроде тех, какие они устраивали в Исландии и на северных и западных островах? Редкие находки близ реки Волхов позволяют предположить, что так оно и было, хотя бы в этой зоне, следовательно, иммигрантов было больше, чем можно подумать. Есть также причины сомневаться в том, что на сегодняшний момент обнаружены все скандинавские поселения в России. Старая Ладога и Сарское городище не смогли бы поддерживать описанный в источниках «каганат», но других поселений, существовавших к 839 году, пока не найдено. И я сомневаюсь, что даже те четырнадцать известных скандинавских городов показывают нам полную картину. Мы ничего не знаем о соотношении женщин и мужчин среди иммигрантов, хотя первые определенно присутствовали во всех поселениях X века, исключая те, что находились на среднем Днепре. Слишком много неизвестных переменных, чтобы можно было попытаться хоть примерно угадать численность иммигрантов. Но в любом случае к X веку здесь было не меньше

[1] Исследования по данному вопросу см.: примечание на с. 635.

10 с лишним тысяч скандинавских мужчин — и это, скорее всего, преуменьшение.

Понять, какого рода миграционные группы осуществляли колонизацию России, нам опять-таки мешает отсутствие исторических источников. Однако по крайней мере некоторые из них являлись небольшими и собирались вокруг торговцев — искателей приключений вроде Оттара и его спутников, которые либо владели собственным судном, либо внесли за него долю платы — практика, которая описана как минимум на одном руническом камне. Знаменитые рунные камни в Свиннегарне в Упланде были поставлены в середине XI века, чтобы почтить память группы местных торговцев, которым не удалось вернуться из экспедиции под предводительством некоего Ингвара[1]. Это, конечно, произошло позже, и группа была куда больше, однако странствия людей вроде Оттара по российским рекам были, скорее всего, обычным делом. В то же время мы должны помнить, что с IX века в целом отмечается увеличение притока скандинавов — вторжения и переселения проходят более организованно, под предводительством ярлов или конунгов, чьи отряды насчитывали несколько сотен человек. Потребовалась бы не одна группа такого масштаба, чтобы уже в IX веке установить первый Русский «каганат», и, как мы видели, одновременно с началом эпохи Великих армий на западе куда более крупные силы северян начали действовать и на российских реках.

Таким образом, скандинавская миграция в Россию, скорее всего, сочетала в себе стабильный поток небольших торговых групп, часть которых в конечном счете там поселилась, с более редкими вторжениями больших военных отрядов. Как и на западе, и в те и в другие миграционные группы, вероятно, входили женщины, но мы не знаем, как часто такое происходило. Общий итог этих миграционных потоков, однако, разительно отличался от такового на западе. Скандинавы приходили в Россию, чтобы получать доходы благодаря торговле ее природными ресурсами, а не для того, чтобы грабить поселения или отнимать землю у прежних владельцев и захватывать новые территории. В России нет признаков даже частичного замещения элиты. Норвежцы здесь создали новый вид элиты, пред-

[1] Аналогичные руническое камни устанавливались в большом количестве в позднюю эпоху викингов, см.: B. Sawyer (1991).

ставители которой зарабатывали деньги, соединяя регионы, богатые необходимыми материалами, с центрами потребления в Западной Европе и на Ближнем Востоке.

Конечно, важно тщательно анализировать данные, чтобы определить разные типы миграционных потоков скандинавов, однако игры с числами, как часто бывает в случае с 1-м тысячелетием, ни к чему не приводят. Либо мы вовсе не знаем, сколько было мигрантов, либо не знаем их процентного соотношения с местным населением, либо ни того ни другого. Но опять же, качественный подход позволяет узнать чуть больше. Миграционный поток принимает разные формы. Захват земель на северо-западе проводился небольшими местными элитами, которые могли позволить себе корабль и небольшой отряд; Данелаг и Северная Франкия были покорены конунгами и ярлами, стоявшими во главе крупных отрядов, а одновременное участие торговцев и военных предводителей позволило скандинавам обосноваться в европейской части России. Даже там, где производился захват земель, миграция скандинавов не похожа на спровоцированное гуннами массовое переселение в Римскую империю в конце IV—V веке. Миграция норманнов всегда осуществлялась в форме продолжительных потоков, иногда на протяжении одного-полутора веков, а не внезапной волной массового переселения. На мой взгляд, она больше всего напоминает переход северных германских племен на юг и восток, к Черному морю, во II и III веках, или (из более современных примеров) переселение буров — в особенности на западе, где мы видим поток, менявший форму и набиравший силу по мере того, как скандинавское население осознавало масштаб открывающихся возможностей.

Несмотря на эти вариации, миграция викингов вызывала довольно серьезные политические и нередко культурные потрясения во всех затронутых ей регионах. На северных и западных островах, вместе с Данелагом и Нормандией, местные политические и социально-экономические структуры были полностью выведены из строя. Местные элиты были либо полностью, либо частично заменены, лишились земель; иногда старые королевства уничтожались, и на их месте появлялись новые политические образования. Здесь необходимо признать, что уровень насилия был довольно высоким. При изучении истории англосаксонской Англии не может не поразить тот факт, что практически не сохранилось хартий старых королевств Нор-

тумбрии и Мерсии до IX века, то есть до того, как на их территории был образован Данелаг. В остальных местах, где господствовали викинги, подобных документов тоже осталось не слишком много, но некоторые уцелели. В Данелаге они не сохранились потому, что монастыри, в которых они содержались, были сожжены. Мы знаем также, что в королевстве Нортумбрия, на родине Беды, в VII—VIII веках была создана сильная христианская литературная и научная традиция. Алкуин, величайший ученый раннего Средневековья, был нортумбрийским клириком и оставил подробное описание библиотеки в Йорке. Викинги уничтожили все книги вместе с учреждениями, в которых они хранились. В некоторых местах были разрушены даже епископские канцелярии. Три древнеанглийские епархии так и не были восстановлены после эпохи викингов[1].

Некоторые поселения эпохи Великих армий недолго продержались в роли независимых политических образований. В начале X века Уэссекс покорил Данелаг, и появилось объединенное Английское королевство. Но даже это признак политических потрясений, вызванных миграцией норвежцев. Если бы викинги не уничтожили Мерсию и Нортумбрию — главных соперников Уэссекса, вряд ли монархия в этом королевстве обрела бы такое могущество, к тому не было никаких предпосылок. Что не менее важно, завоевание Данелага Уэссексом не привело к возвращению аннексированных земель их бывшим владельцам: сокмены присутствовали здесь вплоть до 1066 года. То же самое верно и для Шотландии, где появление единого объединенного королевства вместо трех, ранее существовавших, — Дал Риады скоттов, государства пиктов и Стратклайда бриттов — во многом было вызвано ущербом, который понесли два последних в ходе нападений викингов[2].

В других регионах плоды переселения викингов просуществовали довольно долгое время. Много воды утекло по Сене, и поселению в Руане суждено было со временем стать герцогством Нормандия. Северные и западные острова Британии вместе с Северной Шотландией и островами в Атлантике также надолго вошли в скандинавскую федерацию. И все связи между различными скандинавскими купцами, наряду с конун-

[1] См.: Wormald (1982).

[2] Подробнее об Англии и Шотландии в поствикингский период см.: Campbell (1982); Broun et al. (1998); Davies (1990) (в главе 4 рассматривается история Уэльса).

гами, пришедшими, чтобы получать свою долю с их прибыли, в конечном итоге создаст первое Русское государство, к которому мы вернемся в следующей главе и которое более или менее успешно развивалось вплоть до нашествия монголов. Из всех регионов, которые пострадали от нашествия викингов, только в Ирландии и Уэльсе последствия его были не такими разрушительными, но даже в этих случаях можно утверждать, что появление норвежцев спровоцировало очередной виток политического развития, двинувшегося по новым и сложным траекториям[1]. Думать здесь только о цифрах — значит за деревьями не увидеть леса. В качественном плане «шок», который испытали все общества, сыгравшие (как правило, против воли) роль хозяев для скандинавских мигрантов, вполне очевиден. В этом смысле мы снова видим миграционные потоки, которые можно назвать только массовым переселением. Но мы изучили пока лишь одну сторону скандинавского миграционного процесса, и остается еще один важный вопрос. Почему переселение скандинавов произошло именно в этот период и приняло столько разных форм?

ВИКИНГСКИЙ ПРОРЫВ

Причины, повлекшие за собой миграцию скандинавов в IX—X веках, тяготели, по крайней мере вначале, к позитивным экономическим мотивам — в противовес негативной политической матрице мотивации. Такой вывод сильно поразил бы ученых, изучавших этот вопрос до середины XX века. Тогда в основном считалось, что во всем виновато перенаселение, вызвавшее великий исход мужчин, женщин и детей из Скандинавии. Многие считали, что готы тоже вышли из Скандинавии, которая была, как говорит Иордан, «чрево народов». К тому же не так давно мир увидел новые примеры массовой миграции, в особенности в Соединенные Штаты в конце XIX — начале XX века. В этом контексте сам собой напрашивался вывод о том, что переселение викингов было лишь одним из многочисленных примеров миграции в чужие земли, которая происходила, когда уровень населения в Скандинавии достигал максимума.

[1] Исследования по теме указаны в примечаниях на с. 643—645.

Однако тщательное изучение географии и демографии региона, ставшее возможным благодаря современным археологическим методам, ясно показывает, что ключевые зоны Балтики — Ругаланд, Эланд и Готланд — были более густо населены в VI веке, чем в IX. К тому же только в XI веке — уже после того, как завершилась эпоха викингов, — началась масштабная вырубка лесов с целью создания возделываемых полей по всей Дании. Хронологическое противоречие очевидно. Если перенаселение стало такой проблемой в IX веке, почему расчистка новых земель не началась тогда? Конечно, существует вероятность того, что в то время ресурсов в Западной Норвегии, где фьорды и горы всегда ограничивали сельскохозяйственную деятельность, уже не хватало. Это могло бы объяснить, почему далеко не бедствующие норвежские фермеры и их семьи и слуги оказались в первых рядах на раннем этапе заселения северных и западных островов. Но это применимо только к небольшой части Скандинавии, и даже здесь мы говорим о вероятности, а не о свершившемся факте. В общем и целом миграция норманнов не может быть объяснена перенаселением в Скандинавии[1].

В большинстве случаев поселению викингов в той или иной местности предшествовал долгий период, на протяжении которого она становилась мишенью набегов с целью грабежа. И какое-то время движимое имущество и ценности увозились в Скандинавию, а не использовались для того, чтобы их обладатель с комфортом устроился на новой родине, будь то Запад или Восток. За исключением разве что северных и западных островов Британии, до 860-х годов существенная миграция скандинавов не наблюдалась, и именно целенаправленный поиск возможности разбогатеть был основной характеристикой деятельности викингов. На Востоке купцы гнались за мусульманским серебром. Это поразительно, но более 2 тысяч серебряных дирхемов были обнаружены в кладах, состоявших из пяти и более монет в разных регионах России и Балтики. К тому же это только те монеты, которые сохранились. Серебро всегда считалось драгоценным металлом, и невозможно угадать, сколько других дирхемов за прошедшее тысячелетие было переплавлено десяток-другой раз в самые разные изделия, от украшений до церковной утвари. Торговля с Востоком, кото-

[1] См., например: P. Sawyer (1982), (1997a); Sawyer и Sawyer (1993), глава 2, и комментарии.

рая в экономическом плане была главным направлением, началась позже торговли с Западом. Старую Ладогу основали задолго до того, как были открыты речные пути в мусульманский мир, и местные торговые связи приносили достаточно большую прибыль, чтобы появились и другие торговые центры (к этому моменту мы вернемся чуть позже).

Помимо торговли, а иногда и бок о бок с ней шли грабежи, которые позволяли викингам изрядно обогатиться как на Западе, так и на Востоке. Набеги приносили самые разные трофеи, в том числе и рабов, — и нет сомнения в том, что, как мы увидим в следующей главе, викинги сыграли ключевую роль в появлении международной сети работорговли в эти века. Это очень важный момент, который делает довольно глупыми попытки отдельных ученых смягчить краски при характеристике скандинавов, преуменьшить уровень жестокости, выставляя их всего лишь мирными торговцами. Когда торгуешь рабами, набеги не могут не быть важной частью коммерческой деятельности. К тому же в них можно захватить высокопоставленных пленников, за которых заплатят хороший выкуп, и это дает возможность требовать откупные, чтобы отплыть со спокойной совестью. Самые разные способы разбогатеть в результате успешных набегов приносили скандинавам огромные суммы. Об этом можно судить по описанному в источниках случаю — и у нас нет причин полагать, что здесь летопись искажает события, — когда в результате набега викингов на Франкское королевство в IX веке они получили 340 килограммов золота и 20 тысяч серебра[1].

Даже переселение северян, когда оно наконец началось, по крайней мере отчасти могло быть вызвано позитивными экономическими мотивами. Поскольку ничто не говорит о том, что земельные ресурсы в Скандинавии были недостаточными в эпоху викингов, то, очевидно, они захватывали чужие территории просто потому, что на новом месте была лучше сама земля либо условия для земледелия и получения доходов с участка — по сравнению с их родиной. Такая картина в целом подтверждается имеющимися у нас источниками. На западе норвежские мигранты обосновались уже в качестве господствующего

[1] О дирхемах см.: Noonan (1997), 145 (ср. комментарии арабских путешественников о невероятном количестве серебра у русских торговцев, см. примечания на с. 645). О Франкии см.: Nelson (1997), 37.

класса землевладельцев. Их поместья варьировались в размере. Конечно, самые крупные отошли ярлам и годарам — воинам, получившим земли, на которых в дальнейшем сохранилось большинство гибридных названий. Но даже такие скандинавские мигранты, как сокмены, становились влиятельными землевладельцами. Их поместья были невелики, но они являлись их полноправными хозяевами и наверняка управляли ими, используя труд зависимых, несвободных крестьян, в то время как сами пользовались широкими политическими правами и обладали высоким социальным статусом. Даже если некоторые фермы были невелики, есть все причины полагать, что для мигранта их обретение было весьма желательным итогом участия в сражениях — воин получал более высокий уровень жизни, нежели тот, которым обладал бы на родине. На востоке основные скандинавские поселения — по крайней мере, насколько можно судить по археологическим данным и письменным источникам — были нацелены на расширение торговой сети. Скандинавы отправились в Россию, чтобы установить контакты с местными охотниками и/или оказаться на более выгодной позиции вблизи одной из важнейших торговых артерий — рек. В некоторых регионах, как, к примеру, вблизи Волхова, онн обосновывались на плодородных землях до того, как туда добрались славяноязычные племена, поэтому здесь, как и на западе, скандинавы вполне могли присваивать себе новые территории.

Но правдивость этих предположений не влияет на суть вопроса. Реальная миграция скандинавов — возможно, отчасти исключая северные и западные острова — проистекала из предыдущих контактов, которые все были направлены на одно: обогащение.

Была и другая причина тому, что миграция стала вторичным явлением после торговли и набегов. Именно такая деятельность позволила норманнам создать обширное информационное поле знаний о востоке и западе, без которого переселение было бы невозможным. Скандинавский север никогда не был полностью отрезан от остальной Европы. В римский период Янтарный путь вел с южных берегов Балтийского моря в Центральную Европу и к Черному морю, и этот маршрут обеспечивал и поддерживал контакты между севером и югом. Часть населения Ютландии принимала участие в англосаксонском завоевании римской Британии, у правящей династии Восточ-

ной Англии были родственные связи в Норвегии, а в начале VI века группа герулов со среднего Дуная после поражения мигрировала на север. Тем не менее торговля и набеги в конце VIII и в IX веке открыли большему числу скандинавов возможность установить более тесные связи с населением как Западной Европы, так и европейской части России, которых у них никогда не было, тем самым спровоцировав появление активных полей географического, экономического и даже политического знания, сделавших поселение возможным[1].

Необходимость накопления географических познаний, возможно, наиболее очевидна. Без долгого периода проб и ошибок даже те весьма смутные навигационные инструкции, с которых началась эта глава, никогда не появились бы. Маршрут по Северному морю / Северной Атлантике был открыт отважными исследователями, которые двинулись в путь по неизведанным просторам из Западной Норвегии к Оркнейским островам, а затем обогнули с севера Британские острова, чтобы отправиться в Атлантику и проложить дорогу к Фарерским островам, Исландии, Гренландии и, наконец, в Северную Америку. Возможно, ирландцы уже знали о Фарерских островах и Исландии, что и привлекло внимание скандинавов к Атлантике, но сообщения о том, что первые норвежцы якобы обнаружили в Исландии ирландских монахов, не были подтверждены археологическими изысканиями[2]. Менее сложными, но не менее важными были действия других групп скандинавов, изучавших британские, ирландские и континентальные речные системы. Сейчас легко принимать это как должное, но подробные знания о них было необходимо собрать до того, как норвежские грабители двинулись вверх по реке и привели свой флот к внутренним заливам и озерам Ирландии, проплыли по Тренту, чтобы разграбить мерсийский королевский оплот в Рептоне, или добрались по Сене до богатств монастыря Сен-Жермен и Парижа.

Систему российских рек викинги тоже изучали долго и тщательно. В середине VIII века они, похоже, только и делали, что плавали по рекам, впадавшим в Балтийское море, в поисках лучших угодий, где можно было бы получить качественные

[1] Подробнее о римском периоде см. главу 2.

[2] Полезные исследования см.: Crawford (1987), глава 1; Bill (1997); Rafnsson (1997).

меха. Затем последовал огромный шаг вперед — скандинавы выяснили, куда ведут их притоки, в каких направлениях можно расширить свое влияние и как в конце концов добраться до самого Багдада. Нужно было научиться избегать порогов, мелководий и отмелей, а также продумать систему транспортировки судов волоком между реками. Все это требовало обширных познаний и организации, не говоря уже о смене судов. Близ Ладоги было необходимо сменить мореходные суда на речные, и археологические материалы показывают, что некоторые обитатели тех мест зарабатывали на жизнь, предоставляя торговцам такую возможность. В других районах самой серьезной проблемой была организация перевозки судов по суше. Требование, чтобы население Смоленска вместо дани помогало русским князьям с волоковой переправой кораблей, встречается лишь в грамоте 1150 года, но это самый ранний из уцелевших подобных документов, и он наверняка отражает давно устоявшуюся практику. Если подумать, какое обилие информации было необходимо собрать, промежуток в два поколения между образованием Старой Ладоги и началом торговли на западных рынках и первыми контактами с мусульманским югом представляется вполне логичным. Большой объем географических знаний, которые было необходимо усвоить скандинавским искателям приключений в любом регионе, где они действовали, отражается в географических текстах средневековой Скандинавии. В них хватает сведений, заимствованных из классических сочинений и Библии, что неудивительно для традиций церковного образования, но таковые сочетаются с довольно специфическими и точными сведениями, которые явно были получены опытным путем за долгие века странствий[1].

Экономические данные тоже были крайне важны. Без понимания природы рынков и знания о почти неограниченном спросе на товары, привозимые из северных лесов, в мусульманском мире торговля по системам российских рек никогда бы не набрала обороты. Совершенно другие знания экономического плана получили викинги, грабившие Запад, — а именно они усвоили, что в христианских монастырях можно найти огромное количество драгоценных металлов, а иногда, особенно

[1] См.: Melnikova (1996), 3—18 (о смеси практических, библейских придуманных указаний в средневековой скандинавской географии); и 31—44 (превосходный обзор основных российских речных маршрутов и их пересечений).

в Ирландии, еще и захватить очень важных людей. По сути, к сфере экономики относится и понимание того, что земельные участки в разных регионах имеют разную ценность, что и привело впоследствии к их заселению.

Политическое знание регионов также было крайне важным, не в последнюю очередь в вопросах, касающихся непосредственно миграции. Учитывая, что скандинавы хотели поселиться на новых территориях в качестве богатых, преуспевающих землевладельцев, доминирующих в обществе, им было необходимо понимать принципы уже существующих социально-политических структур в месте назначения. Следовательно, перед тем, как двинуться в путь, они должны были знать наверняка, что смогут вытеснить уже существующую элиту, либо своими силами, либо с помощью небольшой группы своих сторонников (как, судя по всему, было на западных и северных островах). Или же им нужно было точно знать, какое потребуется собрать войско, чтобы получить такие же результаты там, где социальное и политическое единство было более прочным, как в англосаксонской Англии и Северной Франкии, и набрать достаточно воинов, чтобы добиться успеха. Действительно ли они с самого начала планировали сокрушить эти королевства, неясно, но ключевая черта Великих армий — это их численность, достаточная для того, чтобы уничтожить военную и политическую мощь англосаксонских королевств. Без уничтожения соответствующих структур не было бы последующего захвата и перераспределения земель. Некоторые случаи требовали более специфических знаний о политической ситуации в пункте назначения. Сложно поверить в то, что Великая армия, собравшись в Восточной Англии, по чистой случайности двинулась потом в Нортумбрию. Для них было открыто любое направление (кроме востока — там пришлось бы пуститься вплавь), но они отправились на север, где в то время шла гражданская война. Схожим образом перемещения основных сил викингов в конце IX века — начале X из Англии и Ирландии на континент и обратно по мере того, как появлялись и пропадали перспективы обогащения, происходили в результате появления соответствующих сведений.

Мы, конечно, уже сталкивались с важностью активных информационных полей в каждом миграционном импульсе 1-го тысячелетия. Накапливать нужные знания в эпоху викингов было гораздо сложнее, и этот процесс занимал больше времени, чем

в других случаях, из-за огромных расстояний и большого разнообразия географических регионов, которые он охватывал. Даже по прямой от Рейкьявика до Багдада 5 тысяч километров, а на деле путь включает в себя преодоление опасных вод, береговых линий и речных отмелей. По тем же причинам переселение скандинавов сталкивалось с более сложными логистическими проблемами, нежели любой другой миграционный поток из тех, которые мы успели рассмотреть[1].

Помимо основного акцента — стремления к накоплению богатства — точнее, добыче такового, поскольку разграбление монастырей не предполагает особенных усилий в накоплении, — другая черта, характеризующая миграцию викингов в целом, — это предпочтение водных видов транспорта любым другим. Торговля, грабежи и даже переселение — все это основано на изучении моря и речных систем. Таким образом, первостепенную роль играл доступ к соответствующему виду транспорта — кораблям, которые стоили недешево. Только с появлением трансатлантических лайнеров — в особенности с большим количеством мест третьего класса — в конце XIX века стала возможной перевозка большого количества пассажиров при сравнительно невысоких затратах. До того морские переходы были слишком дорогостоящими, чтобы стала возможной массовая миграция бедных людей по воде, разве только государства по каким-то своим соображениям не выделяли отдельных средств на нее, будь то бесплатный проезд для рабочих, необходимых в новых колониях, либо транспортировка преступников в Ботанический залив. Немногие имеющиеся у нас свидетельства указывают на высокую стоимость путешествия морем в эпоху викингов. Именно по этой причине, как следует из саг и других исландских литературных источников, колонизация Северной Атлантики проводилась аристократами — пусть даже сравнительно незначительными. Только они могли позволить себе покупку кораблей, несмотря на то что с ними ехали далеко не столь богатые слуги и свободные мужчины, которые либо входили в отряды, необходимые для подчинения пиктов и скоттов, либо помогали с расчисткой земли под фермы на Фарерских островах и в Исландии. Конунги, позже пришедшие в западные воды, предположительно,

[1] Напрашиваются некоторые аналогии с англосаксонским завоеванием Британии, см. главу 6.

частично оснащали собственный флот, а также нанимали на службу тех, у кого уже был свой транспорт. Когда бывший король шведов вернулся, чтобы заново обосноваться в Бирке, к примеру, у него было одиннадцать собственных кораблей и еще двадцать один нанятый. Служба в войске конунга либо ярла, который мог позволить себе собственный флот, скорее всего была одним из способов для менее богатых людей добраться до новых земель и, вероятно, стала дорогой к успеху, по которой прошли многие из сокменов Данелага.

Альтернативным вариантом для тех, у кого было меньше денег, но все-таки имелись какие-то средства, была покупка корабля в складчину. Рунический камень из Орхуса рассказывает о некоем Ассере Саксе, который внес часть платы за торговый корабль. На том же камне говорится, что он был членом экипажа военного корабля — и, возможно, некоторые корабли налетчиков оснащались на деньги, собранные подобным образом. В одном франкском источнике упоминаются компании викингов, зимовавшие на Сене в 861/62 году, которые он называет братствами. Это крайне интересное слово указывает на то, что на каждом корабле плыла отдельная группа скандинавов, владевшая им совместно. Схожий вывод следует и из изучения надписей на руническим камнях в Южной Швеции, почтивших память тех, кто так и не вернулся из экспедиции Ингвара в Россию. Тот факт, что их семьи — предположительно — могли позволить себе поставить такие камни, опять-таки намекает на то, что они принадлежали не к самым бедным слоям общества[1].

Получается, главной логистической проблемой являлась необходимость получить корабль, к тому же нужные суда существенно отличались друг от друга. Один известный отрывок из «Саги об Эгиле» часто цитируют. В нем говорится, что Эгиль порой отправлялся в торговые путешествия, а иногда — в рейды. История Ассера Сакса, упомянутого на руническом камне, подтверждает правдивость этого рассказа, пусть наши сведения и почерпнуты из источника поствикингской эпохи. Но это вполне вероятно — ведь даже торговцы всегда отправлялись в путь с оружием. В свое первое путешествие в Данию святой Ансгар попросился на борт к торговцам, которые сражались

[1] Ассер Сакс: Орхусский рунный камень № 6, ср.: Roesdahl (1991), 58. *Бертинские* анналы (862), ср.: Nelson (1997), 36.

целый день, когда на них напали пираты. Но для двух этих видов деятельности — торговли и грабежей — требовались разные типы кораблей (возможно, поэтому на рунном камне и отмечается, что Ассер Сакс участвовал и в том и в другом). На боевых кораблях плавали в основном мужчины, которые гребли и сражались, они отличались более мелкой посадкой, чтобы можно было заплывать в речные устья и подниматься по течению. Торговые суда были шире в киле, чтобы помещалось больше товаров. В некоторых случаях корабли приходилось менять в дороге на речные суда. В России, как мы видели, славяне являлись поставщиками речных лодок — долбленок (слово намекает на то, что такая лодка делалась из цельного ствола дерева), в которых плавали по Днепру[1].

Следовательно, на скандинавскую миграцию в эпоху викингов оказывали сильное влияние сопряженные с ней логистические проблемы. Транспортные расходы — важный фактор, объясняющий, почему миграционные группы, принимавшие в ней участие, были менее многочисленными, чем таковые времен так называемого Völkerwanderung. Да, плыть куда быстрее, чем идти, но и куда дороже, а потому вряд ли бедные скандинавы могли позволить себе отправиться на поиски богатства. Это, на мой взгляд, еще одна причина не верить в массовую миграцию скандинавских крестьян в Данелаг после поселения там Великой армии. Почему кто-то стал бы оплачивать им транспортные расходы, если на месте уже с избытком представлена бесплатная рабочая сила в лице покоренных англосаксов? Возможно, этот же фактор следует учитывать, пытаясь определить, сколько женщин и детей могли сопровождать воинов на запад. Как мы видели, в имеющихся у нас данных хватает пробелов, но опять же если на месте есть множество женщин, то транспортные расходы могли оказаться одним из факторов, который существенно сокращал количество скандинавок, отправлявшихся в путь.

Более того, необходимо учесть еще один очень важный момент, касавшийся мореходных технологий, на которых основывалась миграция. Таковые являлись не только дорогостоящими — следует помнить о том, что они по большей части

[1] Об Ассере Саксе см. предыдущий комментарий. О типах кораблей см.: Bill (1997). О долбленках см.: Melnikova (1996), 33. Из-за течений, мелководий и отмелей на реке Волхов кораблям пришлось идти по Ладоге.

были еще и инновационными. Морская навигация к 800 году существовала на Средиземном море, Ла-Манше и даже в Северном море на протяжении многих веков. Но хотя суда, специально спроектированные для прибрежного плавания, широко использовались в Балтийском регионе, мореходные корабли были новым явлением начала Викингской эпохи. Характерным представителем морского транспорта в Балтийском регионе в позднеримский период была знаменитая Нидамская лодка. Сделанная в 310—320 годах, она, по сути, была военным каноэ, приводимым в движение четырнадцатью парами весел. Ее обнаружили в середине XIX века — она явно была частью ритуального жертвоприношения вместе со снаряжением воинов, которые плавали на ней, в таком же болотном захоронении, как те, которые столько рассказали нам о военных отрядах (см. главу 2). Существование такой лодки может свидетельствовать о том, что ее бывшие владельцы, по всей видимости, переоценили свои силы в очередном набеге. Однако нас интересует тот факт, что судно годилось лишь для плавания вдоль побережья. Без парусов оно не смогло бы развивать большую скорость, а строение корпуса было слишком ненадежным для плавания в открытом море. Более того, вплоть до VIII века ситуация не изменялась. Археологи-подводники не сумели обнаружить ни одного корабля скандинавов, предназначенного для дальнего плавания, который был бы произведен до 700 года. Второй известный источник подтверждает это. Среди прочих сокровищ на острове Готланд были обнаружены камни с рисунками, на некоторых из них изображены корабли в Балтийском море. Ни на одном рисунке до VIII века нет парусных судов.

Точную хронологию событий до VIII века восстановить невозможно. Изображения, редкие богатые захоронения вроде Гокстадской ладьи, остатки судов, потерпевших крушение (не в последнюю очередь пять кораблей из Скулделева, которые, отслужив свое, были затоплены, чтобы заблокировать морские входы во фьорд Роскилле), свидетельствуют о поворотном моменте в истории мореплавания. У кораблей нового типа было две отличительных особенности. Во-первых, корпус стали делать с расчетом на открытое море. Обшивка внакрой в сочетании с цельным центральным килем и высокими кормой и носом создали корпус с высоким надводным бортом, притом достаточно прочный и гибкий, чтобы не затонуть, если его захлестнут волны, и не рассыпаться на части под их ударами. Как и в

случае с современными небоскребами, вершины которых на сильном ветру могут раскачиваться на 6 метров в каждую сторону, гибкость означала прочность, в то время как крепкий, несгибаемый корпус не выдержал бы ударов волн. Во-вторых, появилась технология плавания под парусами. Она включала в себя не только изучение самих парусов и того, как с их помощью можно сделать ветер своим союзником, но также всего, что касалось мачт и способов их крепления к корпусу. К началу VIII века все эти знания были собраны воедино, и корабли, способные переплыть океан, вытеснили боевые ладьи, курсировавшие вдоль берегов. Переселение скандинавов было бы невозможным без этой технологической революции, и она началась меньше чем за век до того, как викинги вторглись в западные воды[1].

Это наблюдение дает первые ответы на некоторые ключевые вопросы о причинах возникновения скандинавского миграционного потока в конце 1-го тысячелетия. По сути, эпоха викингов началась именно тогда, а не раньше, так как ее сделали возможной развивающиеся морские технологии в Балтийском регионе. Но это только половина ответа. Почему эта технология, бывшая совсем рядом на протяжении веков, появилась в Балтике только примерно в 700 году?

Корабельных бортовых журналов у нас, конечно, нет, но более широкий круг свидетельств позволяет нам сделать довольно точные предположения о том, что происходило. Распад Западной Римской империи в V веке вызвал серьезные сбои в уже установившихся межрегиональных торговых структурах в Северной Европе. Тем не менее к VII веку торговые потоки вновь окрепли, дав королям возможность организовать торговые центры. Условия были весьма прямолинейны. Король гарантировал защиту любой торговой деятельности, происходящей на основанном им рынке, а в обмен получал с купцов процент в виде налогов и таможенных сборов. Постоянно пополняющийся корпус археологических остатков указывает на революцию, произошедшую вскоре после этого, когда один торговый центр за другим — в научной литературе они, как правило, называются эмпории — начали появляться у Ла-Манша и на побережьях Северного моря. Одним из первых был обнаружен Дорестад, уже известный по скоплениям монет, скрывавшийся

[1] См. подробнее: Bill (1997).

вверх по течению Рейна у самого устья (см. карту 20). Древесина, из которой делались стоявшие в нем корабли, указывает на то, что он функционировал уже в 650 году. Он был в числе самых важных торговых центров северного побережья континента, к их числу принадлежали Квентович, вверх по течению от современной Булони, и эмпорий на датском острове Валхерен. К северу от Ла-Манша процветал Хэмвих (старый Саутгемптон), появившийся чуть позже Дорестада, в 675 году; Лондонвик в Средней Саксонии, торговый порт выше по течению от старого римского города Лондона, располагался на берегах Темзы, за улицей, которая сейчас называется Стрэнд. Новая торговая сеть возникла в зоне Ла-Манша / Северного моря, но быстро распространилась в Ютландию, а оттуда в Балтику. Райб, эмпорий на западном побережье Ютландии, к 700 году уже функционировал, а в VIII столетии открылись и другие рынки в Балтийском регионе: Бирка и Рерик были в числе первых, чуть позже появился Хедебю. Именно для того, чтобы удовлетворять растущий спрос Западной Европы, представляемой этой цепочкой рынков, и была основана Старая Ладога[1].

Конечно, возможно, это просто хронологическое совпадение, но я сильно сомневаюсь в этом. Люди, как правило, совершают технологический прорыв, когда имеется четкая мотивация. Весьма вероятно, что скандинавы развивали морские технологии, позволявшие пересекать океан, именно для того, чтобы получить долю новых богатств, порождаемых развивающейся североевропейской торговой сетью. Хронология совпадает — и мотивация тоже имеется.

Наши источники позволяют предположить, что изначально большую часть мореплавателей составляли фризские торговцы, но в конечном итоге они уступили своим скандинавским конкурентам. И всегда именно посредники, а не производители извлекают наибольшую выгоду из любой системы обмена. Чаша весов начала клониться в сторону викингов в VIII веке, когда скандинавские купцы начали приобретать корабли, позволявшие им перевозить товары самим, а не просто поставлять сырье и материалы другим. Это отмечает начало переориентации системы торговли. Норвежские грабители и купцы эпохи викин-

[1] Отличное недавнее исследование см.: Wickham (2005), 680—690, 809—811, относительно раскопок, в которых принимало участие в основном молодое поколение исследователей.

гов не только прибрали к рукам торговлю, но и перенаправили ее в центры, находящиеся под их собственным контролем. Разграбление старых торговых центров было увлекательной игрой, в которой принимали участие все уважающие себя викинги, и к X веку из них по-прежнему функционировали только Руан, Йорк и Дублин, да и те находились под контролем скандинавов. Намеренно ли они стремились устранить конкуренцию, представленную другими торговыми центрами, мы не знаем, но результат говорит сам за себя[1]. Переселение скандинавов в IX—X веках необходимо рассматривать как следствие установления сети эмпориев VII—VIII веков. Мощный стимул, созданный потоками новых богатств, текущих по северным водам, заставил скандинавских кораблестроителей резко улучшить свои навыки и в конечном итоге выманил скандинавских купцов и искателей приключений за пределы прибрежных вод Балтийского моря.

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

До сих пор мы разбирали положительные (то есть экономические) мотивы, определившие различные виды деятельности диаспоры викингов, будь то торговля, грабежи или собственно переселение. В этом плане миграционный элемент сводится к своему классическому виду, при котором основные показатели богатства действуют как один из основных рычагов, провоцирующих расселение человечества. Слово «положительный», разумеется, является жаргонизмом из исследований современной миграции и применимо исключительно к точке зрения самих викингов, тех, которые получали больше всего денег. У всех тех, кто терял свои земли, тех, чьи дома были разграблены, тех, кто навсегда расстался с родными, попав в рабство, было бы совершенно другое мнение о деятельности норманнов. Но даже с точки зрения тех скандинавов, которые принимали участие в переселении, имелась и более негативная политическая мотивация, которая нередко — как и в современных миграционных потоках — действовала одновременно с позитивными мотивами.

[1] Эмпории были центрами движимого богатства, поэтому возможно, что случайное происшествие стало основой для последующих событий, по крайней мере, это наиболее вероятная догадка.

Речь идет о заселении Исландии. Как мы видели, ранние исландские источники утверждают, что поселенцы приезжали сюда с 870-х годов, чтобы избежать растущего политического давления норвежской монархии. Виновником было, вероятно, графство Моор на Оркнейских островах, но в любом случае исландским рукописям вполне можно верить. У переселения мог быть довольно сильный негативный политический мотив. Есть причины полагать, что такого рода мотивы применимы в целом к эпохе викингов, по крайней мере с 850-х годов и далее. В своей знаменитой работе Патрик Вормальд несколько лет назад предположил, что массовый исход воннов из Скандинавии, неотъемлемая черта этого периода, был признаком серьезного политического кризиса в регионе. Свидетельства, говорящие в пользу такого предположения, весьма убедительны. Ее происхождение до конца неясно, однако сильная «датская» монархия появилась в Южной Ютландии и на прилегающих островах к 700 году. С середины VIII века она обладала достаточной властью для того, чтобы начать масштабные общественные работы, выкопав канал и земельные укрепления вдоль своей южной границы — Даневирке — и прорезав другим каналом остров Самсё. В каролингских источниках начала IX века мы встречаем упоминание об одном из королей Дании, Готфриде, который мог собрать сотни кораблей и тысячи воинов и вынудил купцов переместиться из прилегающих славянских территорий (нравилось им то или нет) в свой собственный новый эмпорий в Хедебю, предположительно ради доходов с таможни и налогов.

Но не следует полагать, будто результатом такой политики стала политическая стабильность. Сам Готфрид в конечном итоге был убит, и франкские анналы первой половины IX века позволяют нам реконструировать часть последующей бурной политической истории региона, когда либо представители двух ветвей одной династии, либо две разные династии боролись за власть. Однако в середине IX века уровень насилия вышел за рамки обычного. При втором посещении Скандинавии миссионер святой Ансгар обнаружил, что король Хорик II и все придворные, с которыми он был знаком, мертвы и с 850 по 950 год нет никаких признаков объединенной датской монархии. Иногда делаются предположения, что это лишь иллюзия, созданная молчанием франкских источников, но корни проблемы уходят куда глубже. Первой фигурой, обладавшей реальной властью,

стал Харальд Синезуб из династии Еллингов в середине X века. И среди его знаменитых памятников есть рунический камень, на котором имеется надпись, гласящая, что объединение территорий под его властью — личная заслуга конунга. Я не вижу причин ему не верить, поскольку это заявление ни в чем не противоречит другим имеющимся у нас свидетельствам. Получается, после века весьма активной деятельности, описанной в многочисленных источниках, монархия в Дании пала. Как указал Патрик Вормальд, этот раскол во многом совпал с массовым исходом населения из Скандинавии — как на восток, так и на запад — и прежде всего уезжали предводители, обладавшие высоким статусом, и их воины. Именно этот более поздний феномен, как мы видели, лег в основу эпохи Великих армий, и вряд ли то, что начало ее соотносится с угасанием политических структур на родине норманнов, является совпадением[1].

Как и в случае с другими миграционными потоками 1-го тысячелетия, внешнеполитические структуры оказали свое влияние и на скандинавов. В основе развития лежит принцип «одного зонтика», который касается в равной степени и политики, и экономики. Более богатые земли либо возможности личного обогащения увлекали норвежцев за пределы Балтийского региона, но природа политических структур, действующих там, где это богатство можно было обрести, определяли способы и механизмы, с помощью которых скандинавские переселенцы могли бы получить к нему доступ. Как мы видели, местные политические структуры оказывали прямое влияние на размер миграционных единиц северян. Там, где они были незначительными, пришельцам не было нужды объединяться в большие группы, будь то северные и западные острова Британии или даже север Атлантики. Это было бы верно и для Северной России, если, конечно, там действительно имел место захват территорий. Там, где политические структуры были развитыми и эффективными, скандинавам приходилось либо искать более сложные способы обогащения, вроде торговли с исламским миром вместо прямых конфронтаций, либо развивать симбиотические отношения с королями Ирландии.

[1] См.: Wormald (1982). Подробнее о «первом» Датском государстве см.: Roesdahl (1982), особенно главы 5 и 8; Hedeager (1992); Lund (1995), 202—212.

Или же они могли собраться в достаточно большую армию, чтобы получить шанс победить в боях, которые непременно последовали бы после их вторжения, как было в эпоху Великих армий в Англии и Северной Франкии. Здесь для поселения на собственных условиях скандинавам прежде всего нужно было разрушить местные политические структуры, и Великие армии стали средством к достижению этой цели. Более краткосрочные политические факторы также оказывали влияние на избираемую форму миграции. Великая армия атаковала Нортумбрию первой, поскольку королевство было охвачено гражданской войной, и на протяжении следующих тридцати лет северяне сновали по Ла-Маншу из Англии в королевство франков и обратно, в зависимости от укрепления и ослабления тамошних монархий.

Миграция и политическое развитие, однако, в эпоху викингов были взаимосвязаны еще на одном уровне. Вернемся к работе Вормальда — что именно вызвало резкий политический кризис в Скандинавии в середине IX века? У нас нет современных тем событиям скандинавских письменных памятников, а франкские хронисты не обладали информацией из первых рук, поэтому ситуация не освещается ни в одном из более или менее крупных источников. Однако можно в общих чертах предположить, что происходило в Скандинавии за пятьдесят лет до убийства Хорика II. Мы успели установить, что в целом итогом эпохи викингов, характеризовавшейся совокупностью торговли и грабежей, стал огромный приток богатств на север из совершенно новых источников — мусульманское серебро, драгоценные металлы с запада, рабы и меха, отправлявшиеся для продажи на восток и запад. Более того, эти притоки богатства не находились под прямым контролем монархии Ютландии. Когда Каролинги желали покончить с пиратством, им приходилось идти на поклон к датским конунгам. Что еще более важно, богатство, обретаемое за морем, нередко тратилось на продвижение политических амбиций на родине. В Житии святого Ансгара приводится весьма показательный рассказ о короле Анунде, который был изгнан из Бирки, но затем заработал достаточно денег на западе, чтобы нанять крупное войско и с его помощью вернуть себе власть. Франкский источник тоже рассказывает нам довольно загадочную историю о том, что Регинхарий, разграбивший аббатство Сен-Дени, погиб при дворе Хорика, возможно в результате стараний Каролингов. Может, и так, но

у Хорика наверняка были свои причины нанести удар, и это уводит нас прямиком к новой стороне рассматриваемой проблемы, которую я бы добавил к построениям Вормальда[1].

Я бы сказал, огромный поток денег в Скандинавию, появившийся в первые пятьдесят лет деятельности викингов, и вызвал политический кризис, уничтоживший датскую монархию и приведший к тому, что столько высокородных конунгов двинулись на запад. Как показывает история Анунда, в Балтике в IX веке богатство означало власть. Золото и серебро позволяли нанимать и контролировать более крупные отряды. Датская монархия 800-х годов, однако, была политическим образованием довикингской эпохи. Получая свою долю доходов с экономических потоков — не в последнюю очередь с помощью торговой сети эмпориев, как показывает строительство Годфридом Хедебю, — монархия не контролировала их и не являлась основным получателем прибыли от новых богатств, текущих в Балтику благодаря деятельности северян. Эти богатства по большей части оказывались в руках других и становилнсь прямой угрозой датской монархии. Ей было необходимо оставаться самой богатой структурой в регионе, чтобы заручиться преданностью достаточного количества воинов и сохранить свое положение. Хорнк, разумеется, понимал это и, возможно, именно поэтому поумерил амбиции Регинхария, но приток золота и серебра был так велик, что старая структура власти, построенная преимущественно на северных источниках обогащения, уже не смогла себя поддерживать. Схожие процессы происходят в современных развивающихся странах, где негосударственные организации, прежде всего наркокартели, порой получают больше денег, чем государственные структуры, опирающиеся на налоги, и в итоге становятся фактической властью во всех регионах (или в большинстве таковых)[2]. Более того, движимого имущества стало так много (причем оно находилось в самых разных руках), что политическим следствием притока богатства в эпоху викингов могла стать только резко возросшая конкуренция между скандинавскимн предводителями.

[1] Анунд: *Житие* святого Ансгара. 19. Регинхарий.

[2] Этот феномен лег в основу концепции «нового Средневековья» в теории международных отношений. Суть этой концепции в том, что у стран третьего мира нет монополии на власть и влияние даже в их номинальных границах. Подробнее об этом см.: Friedrichs (2004), глава 7.

Получается, что именно приток богатства стимулировал кризис в политической системе Балтики. И массовый отъезд из страны предводителей и знати, характерный для периода Велнких армий, был вызван осознанием того, что на родине конкуренция слишком велика, а потому шансов сделать успешную карьеру куда больше за морем. Было слишком много людей, которые могли стать новыми хориками, и каждый из них мог нанять войско, а потому устанавлнвать свое господство в Ютландии скоро уже не было смысла. Следовательно, сильный негативный мотив проявляется не только в заселении Исландии, но и вся эпоха Великой армии может быть рассмотрена как продукт потрясающе интересной взаимосвязи экономических и политических мотивов, миграции и развития. Разумеется, воины более высокого статуса отправлялись на запад, надеясь обрести богатство, но одной из причин, по которым они были склонны остаться там, а не вернуться в Скандинавию — тенденция, хорошо прослеживаемая в Данелаге и Северной Франкии, — был тот факт, что политическое соперничество в Скандинавии стало таким напряженным, что на его фоне попытка найти свою нишу где-нибудь на западе (или в Северной России) представлялась довольно привлекательной.

Переселение скандинавов эпохи викингов показывает, что миграция и развитие в 1-м тысячелетии были тесно взаимосвязаны и протекали по-своему, не как в других случаях, которые мы наблюдали в более ранних периодах. Балтика не была отрезана от остальной Европы, но до конца VIII века оставалась фактически захолустьем, а затем оказалась затянута в североевропейские торговые сети — изначально, судя по всему, в качестве поставщика ценного сырья. Но народы Скандинавии быстро оценили открывшиеся перед ними возможности, и новая технология мореходства позволила им получать более серьезную прибыль и, впоследствии, освоить новые рынки в богатом мусульманском мире. Более тесные торговые связи с Западом принесли с собой знание о разных способах обогащения, и так началась эпоха скандинавов, в которой тесно переплетались торговля, грабежи и миграция.

Как и во многих других случаях, основной причиной переселения в эпоху викингов стало неравномерное распределение богатства, и миграция на запад была неотъемлемой частью реакции на изначальное неравенство.

Однако в эту эпоху непосредственное перемещение больших групп в более богатые регионы было менее выраженным, нежели в других схожих случаях — когда племена с внешней периферии Римской империи в разное время переселялись поближе к границе или приходили с внутренней и внешних периферий непосредственно на территорию империи в гуннский период. При миграции викингов, по крайней мере изначально, захватываемые богатства возвращались в Скандинавию, поток шел в оба конца. Эта разница объяснялась логистикой, которая и придает эпохе викингов характерные для нее особенности.

Центральным элементом миграции скандинавов были корабли, стоимость которых ограничивала ее масштабы и доступность. Даже когда процесс начался, он не мог принять форму миграции огромных смешанных групп населения, как было в IV и V веках. Как мы видели, некоторые группы, снимавшиеся с места в более ранние эпохи, могли насчитывать до 100 тысяч мужчин, женщин и детей. В IX—X веках скандинавские предводители перевозили отряды воинов, другие аристократы — своих приближенных и крестьян, а менее зажиточные в складчину покупали корабль для набегов и/или торговли. Но не у всех был доступ к виду транспорта, обеспечивавшему все эти блага, а идти пешком было бы слишком далеко — и мокро.

Таким образом, мы снова возвращаемся к кораблям, и даже несмотря на то, что они во многом ограничивали миграцию, именно они сделали ее возможной. То, что мы видим, — это начало ранней фазы европейской интеграции. Передвигаясь по суше, ранние средневековые народы могли продвинуться максимум на 40 километров в день. Ладьи викингов преодолевали вчетверо большее расстояние за двадцать четыре часа. Получается, что в результате развития корабельной технологии в Балтике в VIII веке Европа стала в четыре раза ближе к Скандинавии, чем раньше. Это средневековый вариант постройки аэропорта или скоростных железнодорожных путей до Балтики. И едва появился новый транспорт, скандинавы поняли, что по сравнению с их непосредственными соседями остальная часть Европы предлагает куда больше интересных возможностей. Итогами остались довольны многие в Норвегии, но далеко не все, для большинства ничего не изменилось. Не каждая фаза европейской интеграции в истории имела такие положительные последствия, как намерение избежать возможности повторения Второй мировой войны, очевидное с 1945 года.

В результате миграции скандинавов культуры Центральной и Восточной Европы приняли приблизительно ту форму, которая будет характеризовать их в 1000 году. По сравнению с римской эпохой во второй половине тысячелетия германская Европа резко уменьшилась, когда земли на периферии, на которых прежде господствовали германцы, стали частью огромных славянских территорий. На их размеры незначительно повлияла скандинавская экспансия на запад России, потому что нет признаков того, что норвежские иммигранты хотели уничтожить славянские культуры, сливаясь с местным населением и навязывая ему свою. Но раз мощный союз миграции и ассимиляции наконец вытеснил культурные уклады римской эпохи, заменив их другими, родственными тем, которые действуют сегодня, мы должны изучить еще одну сторону создания Центральной и Восточной Европы. К 1000 году этот регион не просто был во власти славян и немногочисленных скандинавов, но и увидел образование мощных государственных структур, заменивших незначительные сообщества, характерные для римского периода. Какова была природа этих новых образований и почему они теперь господствовали на огромных территориях, где ранее люди действовали группами по несколько сотен человек?

Глава 10
ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Зимой 999 года правитель Священной Римской империи Оттон III уехал из Рима. Он был саксом, не римлянином, и не так чтобы очень святым, но притяжение имперского города было таким сильным, что он приехал туда, чтобы одновременно заявить о собственной важности и воспользоваться его религиозным влиянием — провести синод с целью устроить разнос архиепископу, периодически доставлявшему ему проблемы. Это было более или менее обычным делом — если, конечно, вам повезло быть императором. Что по-настоящему удивляет — и в чем действия Оттона представляют интерес для данного труда — это его следующий шаг. Обычно зимой император охотился или отправлялся в какое-нибудь приятное место, чтобы собрать синод или совет, и/или проводил зимние христианские праздники среди своих людей, духовников или мирян. Но Оттон занялся совсем другими вещами. Император услышал о чудесах, творящихся в склепе недавно почившего христианского мученика, епископа и миссионера Адальберта, и решил съездить в усыпальницу. Казалось бы, в этом тоже нет ничего необычного. Императоры 1-го тысячелетия, римские или нет, считались Божьими помазанниками, а потому интересовались проявлениями божественной силы. Но здесь ситуация как раз и становится интригующей.

Прежде чем отправиться в миссионерское странствие, которое и погубило его, Адальберт был епископом Пражским в Богемии. Оттон, однако, собирался не в Прагу и даже не в Богемию, а в Польшу. Тамошний правитель, тогдашний представитель правящей династии Пястов, Болеслав Храбрый, выкупил тело Адальберта и построил великолепную усыпальницу в Гнезно. О том, что произошло далее, мы расскажем словами тогдашнего хрониста, епископа Титмара Мерзебургского: «[Оттон] был принят местным епископом Унгером и введен им в

церковь. Добиваясь для себя милости Христовой, он со слезами призывал заступничество мученика Христова. Немедля он основал там архиепископство [...]. Архиепископство он вверил Радиму, брату названного мученика, подчинив ему Рейнберна, епископа Кольбергской церкви, Поппо Краковского и Иоанна Бреславского. Исключение составил лишь Унгер Познанский. Устроив здесь алтарь, он с почетом вложил туда мощи святых. Завершив тогда все дела, император получил от названного князя богатые подарки и — что особенно было ему по нраву — 300 рыцарей в латах. На обратном пути Болеслав сопровождал его с превосходной свитой вплоть до Магдебурга, где они торжественно справили Вербное воскресенье»[1].

Нам интересен прежде всего фон, на котором разворачивалась императорская деятельность Оттона.

В начале 1-го тысячелетия в Польше и Богемии господствовали германцы, которые жили преимущественно в деревянных хижинах, больших и маленьких, ютившихся среди обширных лесов. К концу 1-го тысячелетия лесов по-прежнему осталось немало, но правящие в Богемии и Польше династии Пржемысловичей и Пястов были славянскими. Деревянные хижины сменились замками, соборами и вооруженными рыцарями, которые, как мы сейчас увидим, стали стандартным аксессуаром власти в Центральной и Восточной Европе. Мало того, Центральная Польша стала местом, куда не зазорно было отправиться императору, и подходящим регионом для размещения независимой провинции христианской церкви, с собственным архиепископом. Если визит императора стал недостаточно убедительным доказательством того, что Польша была принята в ряды европейских христианских держав, то учреждение здесь архиепископства говорит об этом прямым текстом.

И в этом Польша была не одинока. В Праге, как мы видели, тоже имелся епископ, и, хотя Богемии было далеко от статуса архиепископства, в ней хватало замков, соборов и рыцарей. Династия Пржемысловичей была обращена в христианство в лице самого святого Вацлава — точнее, просто Вацлава, раз мы имеем дело с историческим деятелем — в 920-х годах. Последующие ее представители то пользовались благоволением Саксонской династии, то лишались его, но то же самое можно сказать и о правителях Польши, и это не меняет того факта,

[1] *Титмар Мерзебургский.* Хроника. 4.45—46.

что обе славянские правящие династии обладали немалым весом. Первым славянским государством, потребовавшим и получившим признание на столь высоком уровне, была «Великая» Моравия, возникшая на обломках старой империи аваров в середине IX века. Она была первым славянским государством, принявшим христианство, и сюда же в 860-х годах, среди других миссионеров, пришли известные византийские святые Кирилл и Мефодий, создавшие первую письменную форму славянского языка, чтобы переводить самые важные христианские писания для новообращенных[1].

В Скандинавии тоже, после бурной эпохи викингов, дела шли в том же направлении. С середины X века начала формироваться мощная государственная структура, располагавшаяся в Ютландии и на Датских островах, которой управляли представители династии Еллингов, названной по месту, из которого они происходили. Бывшая изначально языческой, династия перешла в христианство, начиная с Харальда Синезубого, и, сохраняя свой военно-морской потенциал, больший, чем у славян той эпохи, тоже начала возводить замки и соборы, и скандинавы в дальнейшем поочередно то воевали с правителями Священной Римской империи, то получали от них знаки благоволения. Вскоре последовали браки между датскими и славянскими (прежде всего польскими) династиями, и все они

[1] Классическое представление в английской историографии об этих трех королевствах см.: Dvornik (1949); ср.: Dvornik (1956). Исследований по данному вопросу сейчас огромное количество, но я приведу указания на работы на западноевропейских языках. Историки, занимающиеся вопросами изучения славян, всегда стремились публиковать (и эта тенденция набирает обороты) свои работы именно на этих языках, хотя бы с определенной периодичностью. Важные дополнения к работам Дворника, в первую очередь общие работы, см., например: Barford (2001); Curta (2006); и во вторую — работы, посвященные ряду славянских государств, см., например: Manteuffel и Gieysztor (1968); Settimane (1983); Brachmann (1995); Urbancyzk (1997a), (2001); Curta (2005); Garipzanov et al. (2008). Кроме того, имеются исследования, посвященные отдельным королевствам, например: Польша: Manteuffel (1982); Urbancyzk (2004); Богемия: Wegener (1959); Graus и Ludat (1967); Turek (1974); Sasse (1982); Prinz (1984); Godja (1988), (1991); Моравия: Dittrich (1962); Bosl (1966); Graus и Dostal (1966); Poulik et al. (1986); Bowlus (1995); M. Eggers (1995). Эти работы стали основой для моего взгляда на процесс образования государственности в Восточной Европе в конце I-го тысячелетия. Дальше в этой главе я буду указывать на некоторые специфические проблемы, однако все приведенные исследования следует считать первостепенными.

являлись частью одной и той же широкой дипломатической и культурной орбиты[1].

Как мы видели в прошлой главе, скандинавская экспансия продвигалась не только на запад, но и на восток, и одним из главных ее последствий здесь стало появление Руси под властью династии Рюриковичей с центром в Киеве. Эта династия придерживалась традиционных языческих верований чуть дольше своих западных собратьев и, при учете особенностей ее происхождения, не так быстро перешла к замкам и церквям. Однако ждать пришлось не так уж долго — князь Владимир крестил свое государство в конце 980-х годов и вскоре после 1000 года возвел в Киеве знаменитую Десятинную церковь (церковь Успения Пресвятой Богородицы). Построенная из камня и кирпича, 27 метров в длину и 18 в ширину, она обладала тремя нефами, тремя апсидами и куполом и была величайшим зданием из тех, которые можно было встретить так далеко на северо-востоке Европы[2].

В последние два века 1-го тысячелетия, таким образом, в Центральной и Восточной Европе начали появляться новые политические образования, обладавшие немалым весом, — в некоторых регионах, принадлежавших к наименее развитым частям Западной Европы. С их возникновением Европа наконец приняла более или менее ту форму, которая знакома нам сегодня, — переплетение условно схожих и культурно взаимосвязанных политических структур, ютящихся на западном конце евразийского земельного массива. Но какой была природа этих новых образований и каким образом они появились? Какое отношение они имели к славянской и скандинавской экспансии, которые мы изучали на протяжении последних двух глав? Означало ли это, что в одних регионах старой варварской

[1] Дворник был осведомлен о том, что подобное имело место, однако он не писал о Дании так же подробно, как о славянах. Исследования, посвященные вопросу образования скандинавских государств, указаны в предыдущем комментарии. В дополнение к указанным исследованиям, об образовании Датского государства в эпоху викингов, наиболее полезными будут Randsborg (1980); Roesdahl (1982); Hedeager (1992); Sawyer и Sawyer (1993); Rumble (1994); Lund (1997).

[2] Дворник подробно рассказывает об образовании государственности на Руси (см. комментарий на с. 678 и работы, указанные в нем). Подробнее см., например: Kaiser и Marker (1994); Franklin и Shepard (1996); Melnikova (1996); Duczko (2004); ср. с работами о государственных структурах: D. Kaiser (1980), (1992).

Европы возвысились славянские династии, а в других — скандинавские, или же миграция оказалась ключевым элементом в процессе образования государственности?

ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ

Как нередко бывает при изучении истории 1-го тысячелетия, легче задать вопросы, нежели получить ответы, и причины тому все те же — хотя к концу этого периода ситуация с источниками существенно улучшается по сравнению с эпохой экспансии славян. В славянский мир наконец приходит письменность — как мы видели, с обращением Моравии в христианство в середине IX века. Но их письменные памятники того периода имели лишь религиозное значение, и как в последний век 1-го тысячелетия, так и в последнее столетие 2-го даже латинский и греческий в новых государствах оставались языками преимущественно религиозной сферы. Только в начале XII века хронисты при дворах новых династий начали создавать свои повествования о прошлом — Козьма Пражский в Богемии, Галл Аноним в Польше и автор Повести временных лет в Киевской Руси. Эти тексты содержат кое-какую полезную информацию, однако все они как минимум отчасти являются хвалебными и воспевают представителей соответствующих династий, а рассказы о IX и X веках носят едва ли не мифологический характер[1].

Поэтому необходимость вынуждает нас вновь обращаться к историческим текстам, созданным сторонними наблюдателями — в странах Западной и Южной Европы, с которыми наши новые государства быстро вошли в контакт. Эти материалы тоже вызывают сомнения, хотя в целом проблем с ними гораздо меньше, чем с античными, с которыми мы имели дело ранее. Первая причина: в них куда больше сведений. Результатом транспортной революции викингов стала более тесная связь Скандинавии с просвещенной Европой, а Моравия, Польша и Богемия были ее непосредственными соседями. И в грамотной Европе писали гораздо больше — благодаря возросшему интересу к наукам в IX веке в эпоху Каролингского возрождения.

[1] Первый датский летописец, Саксон Грамматик, писал свой труд на семьдесят пять лет позже, чем его славянские коллеги.

Император Карл Великий стремился повысить уровень грамотности — это было частью его более широкой программы церковной реформы. И тенденция продолжилась после развала империи Каролингов. Не надо забывать и о том, что мусульманские авторы тоже сообщали немало важных сведений из совершенно другого региона. Словом, в этом случае нам куда больше повезло с источниками[1].

Вторая причина не менее важна, чем первая. За короткий срок все новые государственные образования были обращены в христианство. Это не означало, что их отношения с более развитой Европой, от которой они переняли новую религию, протекали без конфликтов. Отнюдь. Но тот факт, что они приняли христианство, означал, что их уже нельзя рассматривать как варваров-«чужаков», относиться к ним с тем же пренебрежением, какое античные авторы проявляли ко всем неримлянам. В 1002 году, вскоре после своих успехов в Польше, Оттон III отправился в еще одно путешествие — на сей раз на встречу с Создателем. Сыновей он не оставил, поэтому преемником стал его кузен Генрих II, чье воцарение вызвало войну между Священной Римской империей и Польским государством, продлившуюся более десяти лет. Большая часть этих событий любовно описана епископом Титмаром Мерзебургским, но его повествование отличается отсутствием сколь-нибудь серьезной демонизации поляков, несмотря на ярость сражений. По меньшей мере отчасти это объясняется тем, что они приняли христианство, — это ясно по критике в адрес Генриха, который объединился с язычниками-славянами, жившими на Эльбе, против поляков[2].

В придачу к этому новые скандинавско-славянские государства представляют собой еще одно поле исследований, которое серьезно выиграло от советского археологического безумия послевоенных лет. Изначально, разумеется, имели место

[1] Подробнее о новых культурных особенностях Каролингской эпохи и последующего времени см.: McKitterick (1989), (1994).

[2] Полезное исследование «Хроники» Титмара Мерзебургского см.: Schröder (1977). Дворника очень интересовала проблема принятия этими государствами христианства; помимо работ, упомянутых в примечании на с. 678, см.: Dvornik (1969). Во многих исследованиях, перечисленных в комментариях на с. 678—679, рассматривается вопрос принятия христианства, но можно указать работы, в которых приводятся дополнительные сведения и анализ, см., например: Wolfram (1979), (1995); Kantor (1990); Urbańczyk (1997b); Wood (2001).

привычное искажение трактовок и подтасовка, но появилось столько данных, что подобного рода построения утратили достоверность еще до падения Берлинской стены. В общем и целом эпоха коммунизма принесла в науку огромный пласт информации, которая в противном случае не была бы обнаружена. Выходит, и письменные памятники, и археологические материалы могут многое рассказать о новых династиях и политических структурах, которые были ими возведены. Итак, что мы можем почерпнуть из них о функционировании этих новых государств?

ГОСУДАРСТВО И ПЕРИФЕРИЯ

Как и их предшественники на периферии Римской империи в IV веке, эти новые образования по отдельным критериям не вписывались в современную концепцию термина «государство». Преимущественно германские сообщества римского приграничья были ограничены в своей способности предпринимать централизованные действия. В политическом плане они имели конфедеративный характер, что означало, что их общие правители должны были уживаться с другими «королями», обладавшими реальной властью, правда преимущественно в одной конкретной местности, а не в целом над «народом». Они также были ограниченны по количеству ресурсов — человеческих и экономических, — которые можно было перераспределять ради общей цели. Королевские отряды насчитывали всего несколько сотен человек, даже если группа в целом могла выставить войско в 10 с лишним тысяч. Не осталось никаких свидетельств тому, что они могли возводить крепости либо другие постройки. Не были эти группы и столь многочисленны, хотя в этом отчасти виновато вмешательство римлян, несмотря на то что королевство тервингов дальше к востоку занимало немалую территорию от Дуная до Днестра. По контрасту с ними новые политические образования в Северной и Восточной Европе в конце 1-го тысячелетия производят куда большее впечатление.

Географически новые государства IX—X веков были огромны. Русь простиралась от Киева до Новгорода с севера на юг и от Днепра до Волги с востока на запад. В целом ее территория насчитывала миллион квадратных километров или око-

ло того. Другие государства тоже были куда крупнее, чем их германские аналоги в позднеримский период. Богемия была наиболее скромных размеров, однако ее название обманчиво, поскольку тогда королевство включало в себя еще и бóльшую часть современной Словакии (или Моравии, как она называлась в IX и X веках) — это куда более серьезная территория, чем те, которыми могли похвастать римские государства-клиенты. Польская династия Пястов властвовала от Одера до Волыни и Галиции за рекой Вислой — просто огромная территория по меркам первой половины тысячелетия. Даже Дания была крупнее, чем можно счесть по ее современным размерам. Династия Еллингов быстро присоединила к ней близлежащие острова (Эланд, Сконе и Зеландию) и утвердила свое господство почти во всех плодородных регионах Южной Норвегии, в особенности близ Осло-фьорда и в современной Западной Швеции. В полном соответствии с традициями викингов и логистикой 1-го тысячелетия эти разные области соединила вода, дав Харальду Синезубому и его сыну и внуку, Свену и Кнуду, весьма обширную территорию и мощь, достаточную, чтобы завоевать густонаселенное и процветающее Англосаксонское королевство за двадцать лет войны, начавшейся в середине 990-х годов[1].

Различия между этими образованиями и среднестатистическими государствами—клиентами римского периода еще заметнее, если взглянуть на правоспособность правительства — власть, которой оно обладало, — и институты, с помощью которых она реализовывалась. По данным археологии, наиболее яркое наследие этих более поздних государств — замки. Эти новые политические власти возводили десятки укреплений. К 1000 году династия Пястов поставила в своих владениях не менее пятидесяти замков. Пржемысловичи также контролировали центральные регионы с помощью крепостей и их гарнизонов. Династии X века шли по стопам своих моравских предшественников в IX. Укрепления Пястов и Пржемысловичей сооружались преимущественно из дерева (на случай, если слово «замок» напоминает вам о грандиозных каменных постройках вроде тех,

[1] В дополнение к исследованиям, упомянутым в начале данной главы, см. также: Scragg (1991); Cooper (1993); Sawyer (1993); Lund (1993); Rumble (1994); Sawyer и Sawyer (1994) и Lund (1994). О реабилитации репутации Этельреда и о военном потенциале датской монархии см., например: Keynes (1987).

которые возводил в Уэльсе Эдуард I), но моравы быстро научились строить из камня, и не без причины. Один из наших хронистов говорит о смятении, в которое пришли войска Каролингов в 869 году, внезапно столкнувшись с «неприступными» (по-видимому, каменными) укреплениями Растижа (возможно, Старе-Место в Чехии). В предыдущие кампании в Моравии они сжигали дотла все, что стояло у них на пути, но теперь им это не удалось. С помощью укрепленных центров моравы контролировали регионы. Главный политический центр в Нитре был окружен кольцом фортов: Девин, Нови-Вой, Колика и Братислава.

Отдельные города в Киевской Руси также были хорошо укреплены, но здесь археология предоставляет нам более уникальные отголоски власти и влияния Рюриковичей. К югу и востоку от Киева на протяжении более 100 километров тянутся Змиевы валы — стены изначально высотой 3—4 метра, с внешней стороны которых располагались двенадцатиметровые рвы. Они были сооружены в начале XI века (поэтому их вполне можно включить в книгу, которая рассматривает события до 1000 года), для защиты от печенегов, последних кочевников, вышедших из степей к северу от Черного моря. И если новые славянские династии стали знатоками замкостроения, то этот обычай, по крайней мере частично, заимствовали и скандинавы. Одна из самых интересных находок послевоенной археологии в Дании — ряд укрепленных центров, датируемых, благодаря дендрохронологии, правлением Харальда Синезуба. Названные «треллеборгскими замками» (по первому обнаруженному), они отличаются размерами, но все представляют собой круговые строения с симметричным расположением внутренних залов. В целом будучи государством, разные части которого связывались между собой преимущественно водными путями, правящая династия Еллингов была не так одержима стремлением строить замки. Тем не менее список памятников конца 1-го тысячелетия впечатляет, подчеркивая способность этих новых государств разворачивать масштабное строительство. Государства — клиенты Рима были способны возвести максимум одну неубедительную стену вокруг городища правителя (как делали алеманны) либо попытаться починить уже существующие римские стены (как делали тервинги), но даже это приводило группу на грань раскола. Остается неясным также, отражали ли такие единичные укрепленные поселения (вроде

алеманнских) власть государства или государственного образования (о которой бесспорно свидетельствуют регулярные и масштабные постройки конца 1-го тысячелетия) — или же подчеркивали авторитет наиболее видного лидера[1].

Способность этих новых государств содержать постоянные войска также удивляет. Это логично, конечно, поскольку строить крепости, для которых нет гарнизона, — на редкость бессмысленное занятие. У нас нет подробных сведений о положении дел в Моравии, хотя усилия разных правителей династии Каролингов взять под свой контроль эту территорию (и их постоянные неудачи) красноречиво свидетельствуют о военной мощи первого из новых государств. О Польше у нас больше данных. Один из арабских географов говорит, что король из Пястов был способен содержать вооруженное войско в 3 тысячи вооруженных рыцарей, которым он платил из собственных средств. Цифра спорная — в отличие от описания, поскольку Болеслав Храбрый в договоре об архиепископстве в 1000 году обещал в любой момент оказать помощь императору, прислав триста вооруженных воинов.

Ключевое слово в латинском источнике — loricati; lorica означает «кольчуга». И наличие постоянных воинов с такой дорогой экипировкой — а кольчуга являлась самым дорогим элементом тогдашнего военного доспеха — было революционным достижением конца 1-го тысячелетия. Тот факт, что войско Пяста обладало таким снаряжением, указывает на то, что они шли в ногу со временем. И обещание по первой же просьбе выслать триста человек вполне соотносится с указанной Ибн Фадланом численностью войска — несколько тысяч человек, поскольку никто бы не согласился отправить большинство своих людей на чужую войну. Что не менее важно, княжеская дружина была лишь частью военной машины Пястов, которая опиралась на воинскую обязанность, навязанную по крайней мере некоторым категориям населения. Опять же, источники начала XI века не дают нам полного описания этой системы,

[1] Подробнее об укреплениях Ростислава (князя Великой Моравии) см.: *Фульдские* анналы (869) (ср. 855). О славянских и датских крепостях см. работы: Kurnatowska (1997a); Dulinicz (1997); Petrov (2005). Про алеманнов см. главу 2. Следует указать, что политическое образование тервингов распалось, когда их лидер приказал начать сооружать укрепления, но это случилось одновременно с нападением гуннов: *Аммиан Марцеллин.* Деяния. 31.3.8 и глава 4.

но в кампаниях против преемника Оттона, Генриха II, мы видим, что армия Пястов насчитывала много тысяч воинов, способных действовать отдельными подразделениями, идя к общей цели, — как в 1003 году, когда войско из 3 тысяч человек было лишь одной из четырех польских дивизий, участвовавших в обороне страны против имперской военной мощи Генриха. Больше всего здесь поражает цена. Германские отряды позднеримского периода насчитывали всего несколько сотен, и доспехи тогда носила разве что немногочисленная элита. Постоянное войско Пястов насчитывало в десять раз больше человек, и у них была самая передовая экипировка той эпохи. В источниках тех лет не освещается вопрос, откуда на нее брались деньги, однако поздние исследования проливают свет на эту загадку. Области под контролем Пястов управлялись из ближайшего замка, и из собранных налогов треть шла командиру гарнизона (вероятно, на содержание войска) и две трети — королю. Были и другие, вероятно более важные источники дохода, но вполне возможно, что зачаточный вариант более поздней системы налогообложения уже существовал во времена Пястов, помогая им поддерживать свои войска[1].

Свидетельства военной мощи других государств были схожими. По-другому и быть не может. Пясты, Пржемысловичи и Рюриковичи регулярно воевали друг с другом, и чаша весов клонилась то в одну сторону, то в другую, в зависимости от обстоятельств (обычно от того, какое из государств переживало династический кризис). Эта цикличность была бы невозможной, если бы все три государства не обладали военными силами, приблизительно равными по численности и природе. К примеру, Киевская Русь взяла на себя обязательство предоставить византийскому императору войско в несколько тысяч человек. Этого хватило, чтобы император Василий II сохранил трон во время мятежа, и такая цифра свидетельствует о военной мощи Киевской Руси, отправившей в Византию лишь часть общего войска. И опять-таки, эти силы состояли частично из отрядов профессиональных воинов, которые нередко упоминаются в наших письменных источниках, и частично — из населения крупных городов государства. У нас нет точных

[1] *Ибн Фадлан.* Записка о путешествии на Волгу. *Титмар Мерзебургский.* Хроника. 4.46. Польские войска в 1003 году: *Титмар Мерзебургский.* Хроника. 5.36—37. О других источниках обогащения см. далее в этой главе.

данных о численности войск, но в Повести временных лет встречаются упоминания о двух региональных отрядах — один из Новгорода, участвовавший в междоусобице 1015 года, второй из Чернигова (при описании событий 1068 года). Оба насчитывали по 3 тысячи человек. Подобные отряды появляются и в ранних чешских источниках, хотя всеобщая воинская обязанность фиксируется лишь в более поздних документах. Однако, опять-таки, я уверен в том, что одни эти отряды дали бы правителям Богемии возможность так же успешно действовать на международной политической арене[1].

Династия Еллингов редко принимала участие в междинастических склоках, однако и ей пришлось отражать враждебные притязания последующих императоров, и, как мы видели, она успешно вела затяжной конфликт с королевством англосаксов при Свене и Кнуде. Как именно им это удалось, остается неясным. Полагались ли онн на свои отряды и наемников и/илн на силы, мобилизованные по воинской обязанности со всего государства? В датских источниках XIII века мобилизованное войско называется leding, и в том веке оно могло дать королю флот из тысячи судов, каждым из которых управляли сорок воинов. Но неясно, существовал ли некий предок этого войска во времена Свена и Кнуда, помимо наемников, услугами которых они, разумеется, тоже пользовались. На мой взгляд, это весьма вероятно. Введение воинской обязанности — одна из основных привилегий любого правителя, и сложно представить, что династия Еллингов могла добиться таких успехов, не обладая правом созывать воинов на службу хотя бы в некоторых из подконтрольных территорий. О том же говорят и более серьезные источники. Более или менее современный той эпохе «Панегирик королеве Эмме», жене сначала Этельреда Неразумного, а затем Кнуда Великого, сына Свена Вилобородого, отмечает, что, собирая отряд разведчиков, Свен повелел, чтобы в нем не было «ни рабов, ни вольноотпущенных, ни людей низкого происхождения». Это похоже на приказ об общей мобилизации, и, разумеется, скандинавские общины за морем, вроде тех, что были созданы на островах Шотландии в эпоху

[1] В одном из византийских источников сообщается о том, что число русов, помогавших Василию II, составляло примерно 6 тысяч: Franklin и Shepard (1996), 161—163. Региональные группы: *Повесть* временных лет (1015, 1068). Вооруженные отряды часто упоминаются в богемских источниках, см.: Kantor (1990).

викингов, организовывались быстро и с четко обозначенной воинской повинностью[1].

Но власть центральных политических структур не сводилась к ведению войны. Мы уже познакомились с Десятинной церковью князя Владимира в Киеве. Это был Эмпайр-стейт-билдинг тех времен (по крайней мере, в землях близ Днепра), но церковь была лишь частью дворцового комплекса, возведенного князем на Старокиевской горе. Двухэтажные каменные залы, каждый по 40 метров в длину, были построены к югу, западу и, возможно, северо-востоку от церкви. Пол был выложен глазурованной керамической плиткой, в том числе среди орнаментов встречался орел, один из старейших символов империи. Здания были украшены мозаиками и рисунками. И это еще не самые грандиозные постройки. Великолепнейшая из христианских базилик, обнаруженных в Великой Моравии, была возведена в Микульчице и занимала 400 квадратных метров, а значит, по размерам приближалась к Десятинной церкви, хотя о ее убранстве известно не так много. Это один из двадцати пяти каменных храмов, построенных в Моравии в IX столетии, и наверняка было много деревянных. Дания и Богемия также могли похвастать сооружением более или менее впечатляющих церквей, не в последнюю очередь главных соборов Роскилле и Праги. Однако, как и подобает тем, кто так рано обрел независимое архиепископство, Пясты посрамили своих соперников в религиозной гонке сооружений. Собор в Познани представлял собой огромную базилику с тремя нефами, занимавшую как минимум тысячу квадратных метров; гробница Адальберта в Гнезно была украшена по приказу Болеслава Храброго крестом из чистого золота, который якобы весил втрое больше его. Было подсчитано, что в Польше под управлением Пястов было построено еще тридцать—сорок церквей к смерти Болеслава в 1025 году[2].

---

[1] *Панегирик* королеве Эмме. II.4. Люнд (Lund (1986), (1993) настаивает на том, что армия состояла исключительно из наемников, но описания в «Панегирике» указывают скорее на смешанное войско, и следует заметить, что куда менее могущественные графы Оркни облагали военными обязательствами население своих земель с первых лет, см.: Crawford (1987), 86—91. Я считаю, что в природе Датского государства, как и в славянских, были заложены существенные различия между отдельными частями королевства, см. далее в этой главе.

[2] О Десятинной церкви см.: Franklin и Shephard (1996), 164—165. Также библиография по данной проблеме указана в перечисленных выше работах и Kurnatowska (1997a); Shepard (2005); Font (2005).

Способность новых государств к быстрому развитию сказывалась и на системе коммуникаций. В письменных источниках тут и там упоминается о строительстве новых мостов и дорог, к примеру в Повести временных лет. В целом ранние монастырские документы из Польши и Богемии указывают, что работы по возведению мостов и дорог — это королевская привилегия, которой правители не лишались даже при передаче того или иного участка церкви. Другими словами, трудоспособное население могло быть брошено на работы по строительству дорог по приказу правителя. Что это могло значить на практике, выяснили датские археологи. Одно из великих послевоенных открытий здесь — мост в Равнинг-Энге, который был построен приблизительно (по данным дендрохронологии) во времена Харальда Синезубого. Восьмисотметровый, частично насыпной, частично на сваях, мост тянулся по болотистому региону Центральной Ютландии. На него ушло четыреста секций и тысяча семьсот столбов. Не сравнить с Золотыми Воротами в Сан-Франциско, но тем не менее это великолепное сооружение, из числа тех смелых решений, которые были необходимы для того, чтобы сделать болотистые части севера Европейской равнины доступными для наземного транспорта[1].

С учетом подобных мероприятий — а я выбрал лишь несколько примеров — новые государства Северной и Восточной Европы и впрямь представляются мощными и сильными. Правители обладали значительной властью над населением. Представителей элиты могли в любой момент бросить в бой, более бедный класс — отправить строить дороги, дворцы, церкви и укрепления. Правители имели право мобилизовать и экономические ресурсы, чтобы поддерживать свои войска, не говоря уже о христианских священнослужителях, которые под покровительством князей становились все многочисленнее. Нет ни малейшего сомнения в том, что их достижения умаляют таковые государств, образовавшихся на периферии Римской империи. Тем не менее были и важные направления, в которых возможности новых стран оставались весьма ограниченными.

Прежде всего, они не слишком утруждались ведением записей, даже несмотря на то что письменность играла в них более важную роль, чем в государствах—клиентах Римской им-

[1] О датской транспортной инфраструктуре см.: Randsborg (1980), 75 и далее; Roesdahl (1982), глава 3.

перии IV века. Международные договоры периодически составлялись на бумаге. В Повесть временных лет включены тексты двух торговых соглашений, заключенных в 911 и 944 годах между правителями Киева и Византийской империи. Все внутренние свидетельства указывают на то, что тексты эти подлинные, однако Повесть была составлена спустя двести лет. Папские архивы также содержат краткий, но весьма интересный текст, известный как «Дагоме юдекс» (*лат.* Dagome Iudex). Его содержание было скопировано в регистр папы Григория VII примерно в 1080 году. При тщательном анализе (автор ошибочно считал, что в оригинале речь идет про Сардинию!) выяснилось, что это последние свидетельства интересного международного маневра конца 1-го тысячелетия, когда в 991 году Мешко I из династии Пястов (отец Болеслава Храброго) даровал папе немалую власть в своем королевстве в обмен на то, чтобы тот надавил на императора. Польский оригинал исчез; но, похоже, он мог дать представление об общем дипломатическом фоне действий Оттона в 1000 году[1].

Грамотность играла роль и в управлении внутренними ресурсами, но в изучаемый нами период весьма незначительную. Самые старые данные о дарственных на землю из Богемии датируются примерно 1000 годом. Они подробно рассказывают о земельных грантах монастырям, которым покровительствовали монархи, и позволяют понять, как именно короли делили свою власть над людьми и их трудом с новыми религиозными институтами. Но даже в Богемии в этот период такие тексты немногочисленны и редки, а в большинстве других новых государств подобные документы начинают появляться в письменной форме куда позже, в конце XI века или, как в случае с Киевской Русью, только в XII. Судя по письменным памятникам той эпохи, дошедшим до наших дней, эти ранние документы указывают на то, что правители обладали всеми правами в сфере производства и услуг, и, как и ранняя англосаксонская Англия, новые государства были способны оценить экономический потенциал населения и территорий и вести учет выполнения обязательств, налагаемых на оные, однако скудность письменных свидетельств говорит о том, что эти процедуры очень редко отражались на бумаге.

[1] Подробнее см.: Dvornik (1949), 105—110, и приложение 5, хотя детальные описания указанных территорий вызывают сомнения.

Это подтверждается и другими письменными источниками, сохранившимися с ранних этапов существования этих государств, — сводами законов. До 1000 года имелись свидетельства письменного распространения правил и положений лишь в церковной среде. Среди материалов, переведенных в письменную форму, к примеру, были два византийских сборника церковных правил и императорских указов — Номоканон. Канонические сборники правил и уложений в письмеиной форме довольно рано появились в Богемии — сохранившиеся экземпляры датируются второй половиной X века. Но, несмотря на упоминания княжеских эдиктов в текстах хроники и на несомненные доказательства способности правителей добиться их выполнения, молодые государства не оставили никаких письменных указов, датируемых этим периодом. Первые примеры светских сводов из Польши и России датируются XIII веком, но даже они больше напоминают кодексы существующих обычаев, нежели изъявления королевской власти, и в этот период органы местного управления по-прежнему пользовались немалой законодательной властью. Опять же, сравнение с положением дел в Западной Европе позволяет нам рассмотреть ситуацию в перспективе. Тексты церковных правовых актов появились в англосаксонской Англии вместе с миссионерами в начале VII века, но только в X королевское законодательство начало обретать письменную форму, и уже монархи в XII и XIII веках ввели сложную систему законодательной бюрократии и учета, необходимую для того, чтобы люди могли прийти со своим делом в централизованные суды[1].

Однако несовершенство бюрократической системы — не основная причина рассматривать эти новые политические образования как недоразвитую форму государственности. При изучении их общей истории в период с 950 по 1050 год невозможно не обратить внимания на потрясающую способность в два счета продавать друг другу обширные территории. Возьмем, к примеру, Моравию (территория современной Словакии). Она попала в руки Пржемысловичей во времена Болеслава I Грозного (929/35—967/72), затем отошла полякам при

[1] О Моравии и Богемии см.: Jirecek (1867) и Friedrich (1907) (приводятся тексты источников) и Kantor (1983), (1990) (их обзор). О России см.: D. Kaiser (1980), (1992).

Болеславе Храбром в 1003 году, вернулась к Пржемысловичам в 1013, после к Пястам в 1017, а два года спустя ее вновь заполучили Пржемысловичи. Моравию передавали из рук в руки чаще и быстрее прочих (политический вариант игры «Передай другому»), но и у иных территорий была схожая судьба. Силезия и Вроцлав принадлежали Пржемысловичам в середине X века, перешли к Пясту Мешко I в 989—990 годах, вернулись к Пржемысловичам в 1038 и были наконец официально переданы Пястам в обмен на ежегодную выплату 230 килограммов серебра и 14 килограммов золота в 1054 году. Краков в Южной Польше пострадал от схожего кризиса идентичности, кочуя от Пястов к Пржемысловичам. Современный юго-восток Польши от верхнего течения Буга до Карпат примерно так же переходил из рук в руки, но уже между Пястами и Рюриковичами. Находившийся под властью Рюриковичей со времен князя Владимира в 981 году, он вернулся к Пястам в 1018, затем вновь к Рюриковичам при Ярославе Мудром в 1030-х годах.

Схожие мотивы прослеживаются (пусть и в меньшем масштабе) на внешних рубежах земель Еллингов. Юг Норвегии близ Осло-фьорда был предметом споров соперничающих землевладельцев с запада — он принадлежал Олафу Трюггвассону в 990-х годах, потом династии Олафа Харальдссона, от которого произошли короли Норвегии. Западное побережье современной Швеции тоже в конечном итоге было отнято у Еллингов шведскими правителями, чьи земли находились дальше к востоку[1]. Это указывает на то, что, пожалуй, не следует рассматривать эти государства как целостные территории, обладающие четкими границами. В Центральной и Восточной Европе власть любой династии оставалась весьма условной и неопределенной.

В то же время у каждой из указанных династий имелись регионы, которые постоянно находились под их контролем и над которыми правители сохраняли неизменную власть, крайне редко передавая их в руки соперников из других династий (если такое вообще происходило). Сердцем земель Пястов была Великая Польша, территория с центром в Гнезно между реками Одер, Варта и Висла, которую в 1000 году посетил От-

[1] Данная схема неприменима к Моравии, которой так и не довелось стать центром объединения государства — этой возможности ее лишили мадьяры, чья мощь возросла в 890-х годах; после этого она стала лишь одной из поглощенных территорий.

тон III. Ее границы четко обозначены распространением пястовских замков X века (см. карту 20). Пржемысловичи правили в Богемии, центром ее были земли вокруг Праги, опять-таки обозначенные ранними крепостями правителей. У Киевской Руси было два центра, как мы увидели в прошлой главе: Новгород на севере и Киев с землями близ среднего Днепра на юге. Даже в куда меньшей Дании династия Еллингов правила Ютландией и крупными островами куда увереннее и тверже, чем всем регионом, отдельные части которого в разные моменты то и дело входили в Балтийскую империю Кнуда. Во время самого серьезного кризиса в истории династии Пржемысловичей, в 1003—1004 годах, польские гарнизоны Пястов дошли до самой Праги, но их торжество продлилось недолго, как и аннексия богемцами Гнезно в 1038 году. В остальном эти центральные территории оставались под контролем соответствующих династий, и нам следует, говоря об этих государствах, выделять «ядро» и «периферию»: центральные территории подлежали непрерывному, более жесткому контролю, а периферийные могли передаваться другим, если власть династии начинала угасать.

Это общая раннесредневековая особенность, типичная для государственных образований, полагающихся не столько на бюрократический аппарат, сколько на силу и харизму тех или иных монархов. Последнее ясно по регулярным объездам владений, в ходе которых правитель со своим войском забирал излишки продовольствия и уделял внимание делам своих знатных подданных. Такого рода личное управление отлично работало в маленьких королевствах, но при этом порождало характерное разделение на ядро и периферию в большем географическом масштабе, что приводило к тому, что реальную власть лидер сохранял лишь над теми регионами, которые регулярно посещал. Все имеющиеся у нас свидетельства говорят о том, что объезды являлись основным механизмом управления в новых государствах на севере и востоке Европы. Основное экономическое право правителя, указываемое в самых ранних богемских и польских текстах, к примеру, состояло в сборе дани продовольствием — самый простой способ прокормиться самому и накормить своих приближенных. По причинам логистики такого рода оброк всегда собирали в непосредственной близости к источнику, а не везли в единый

центр. Крупные замки Пястов и Пржемысловичей вполне могли служить местными центрами сбора дани[1].

У Киевской Руси было иное происхождение, и объезд владений с целью укрепления политической власти не являлся приоритетом для первых скандинавских торговцев, забиравших лишь меха, рабов и другие товары, даже несмотря на то, что такие объезды нередко приходилось делать зимой. Однако к концу X века они совершаются регулярно, появляется более централизованное управление. Когда именно возникли необходимые логистические структуры, неясно. Однако в Повести временных лет отмечается, что, помимо отмщения древлянам за убийство мужа, вдова князя Игоря Ольга (ок. 890—969) сделала многое для благоустройства городов, торговых центров и охотничьих угодий в своих владениях, как дальше к северу, близ Новгорода, так и на юге, по реке Днепр и близ его притока, реки Десны. Охота была главным княжеским развлечением и основным занятием воинов правителя. В «Поучении Владимира Мономаха» сказано, что он ездил на охоту до ста раз в год. Соответственно, организация охотничьих заповедников была — странным образом — важным шагом в установлении единой схемы управления. Я склонен думать, что усилия Ольги касались укрепления самых разных институтов поддержки единой власти, которые уже существовали близ основного центра — Киева[2].

Датские правители из династии Еллингов также пустились в странствия по своим землям, и некоторые из их ранних проектов (вроде возведения моста близ Равнинг-Энге) явно были направлены на то, чтобы сделать путешествия более быстрыми и легкими, что наводит на мысль о регулярных объездах королем своих владений. Для чего еще могли предназначаться датские круговые замки, если не для отдыха монарха? При обнаружении их сочли военными базами, построенными для войск Свена и Кнуда, пытавшихся завоевать Англию. Но они были возведены гораздо раньше, еще во времена Харальда Синезубого, отца Свена. Да и их расположение, как не раз отмечалось, не могло служить военным целям. При более присталь-

[1] Подробное исследование на английском языке см.: Dvornik (1949). Отличное исследование, посвященное объезду владений, см.: Randsborg (1980), 75 и далее. О богемских документах см.: Lowmianski (1960); Gorecki (1992).

[2] *Повесть* временных лет (945—955).

ном рассмотрении обманчиво схожий интерьер построек мог служить разным целям: некоторые залы были оснащены очагами и могли использоваться как жилые помещения либо предназначаться для развлечений, другие играли роль хранилищ, в третьих размещались ремесленники (кузнецы или даже золотых дел мастера)[1]. Наиболее вероятный ответ на эту загадку, на мой взгляд, заключается в том, что они были построены для того, чтобы дать Харальду Синезубому больше возможностей осуществлять практическое политическое руководство с помощью объездов, что является весьма интересным моментом в территориальном распределении, осуществлявшемся под контролем Еллингов.

Таким образом, новые государства Северной и Восточной Европы по своей сути парадоксальны. Способные на весьма эффективное управление и наращивание политических структур на огромных территориях, они при этом оставались довольно хрупкими. Неразвитость бюрократического аппарата означала, что правители контролировали в полной мере лишь сравнительно небольшие территории, а более крупные земли на периферии в любой момент могли отойти соперникам во времена династических кризисов. Управление с помощью объездов во многом объясняет их кажущуюся парадоксальной природу, однако оставляет некоторые вопросы без ответов. Откуда взялись эти династии и как вообще пришли к власти?

ДИНАСТИЯ

995 год, восток Богемии, место слияния Либицы и Эльбы, утро Дня святого Вацлава. Не прохладное, приятное или хотя бы спокойное — ведь День святого Вацлава попадает на 28 сентября. Мы не остановились у леса или у фонтана Святой Агнессы. Мы стоим рядом с группой мужчин у деревянного замка в Либице, где проживает могущественная семья Славникович, главой которой в данный момент является Собебор, сын князя Славника. Четверо из его семи братьев в замке, хотя сам он гостит у императора Германии. Тишину нарушают крики и звуки битвы, развязанной Болеславом II, нынешним гла-

[1] См., например: Roesdahl (1982), 147—155. Например, в Фюркате четверть зданий были жилыми, а треть использовались как склады.

вой второй могущественной чешской династии Пржемысловичей и племянником святого Вацлава. Действуют воины быстро и решительно. В завершение битвы они сжигают поселение и замок; мужчины семейства Славникович и их приближенные убиты. Их власть закончилась, раз и навсегда, в одной из самых стремительных и эффективных атак всех времен — в этом она не уступает тому случаю, когда одним февральским утром 1929 года шесть членов ирландско-немецкой «северной» банды Багса Морана были поставлены у стены гаража и расстреляны подручными итальянского мафиози из южной группировки. Разница лишь в том, что в 995 году никто и не думал об алиби. В отличие от Аль Капоне Болеслав II не озаботился тем, чтобы отправиться отдыхать в другой регион, и в любом случае тогда еще не продавались путевки во Флориду[1].

И это не просто интересная история — бойня в День святого Вацлава стала кульминацией политического процесса, скрывавшегося за приходом Пржемысловичей к власти в Богемии. Благодаря близости к империи франков и собственной рано образовавшейся литературной традиции, которая предоставила нам два собрания текстов X века (одно появилось во времена Вацлава в 930-х годах, другое, созданное в конце века, связано с Адальбертом), Богемия также предоставила нам наиболее полное описание появления и укрепления династии. Они также настраивают нас на нужный лад, чтобы мы могли лучше понять истоки всех новых династий Центральной и Восточной Европы. Конечно, имелись значительные различия в соответствующих политических процессах, однако у них было достаточно общего, чтобы можно было на опыте Богемии судить о том, как новая «игра династий» велась по всей Центральной и Восточной Европе.

Из исторических источников совершенно ясным становится один важный момент — и притом хорошо известный. Появившись после распада империи аваров, уничтоженной Карлом Великим после 800 года, Богемия была разделена на отдельные политические единицы с собственными предводителями (которых франкские источники называют duces, что в широком смысле означает «лидер» или «воевода», а не «герцог» в совре-

[1] Собебор умрет в Праге в 1004 году, сражаясь с изгнанным Яромиром Пржемысловичем, который вернулся в Прагу вместе с польской армией: *Титмар Мерзебургский*. Хроника. 6.12. Общий обзор см.: Urbanczyk (1997c).

менном представлении, то есть пышный наследуемый титул). Источники IX и X веков предоставляют нам несколько кадров, проливающих свет на происходящее, и становится ясно, что Пржемысловичи пришли к власти фактически в результате естественного отбора, в котором выживала сильнейшая из княжеских династий.

Первый такой кадр из 845 года, когда четырнадцать duces из Богемии приехали на крещение в Регенсбург, во двор франкского короля Людовика Немецкого. То есть было четырнадцать воевод, каждый из которых правил сравнительно небольшой территорией. Но их число быстро уменьшалось. В 872 году всего пять чешских князей явились ко двору Людовика Немецкого, а к 895 году их осталось всего двое. Конечно, возможна историографическая ошибка. Я сомневаюсь в том, что имеющиеся у нас источники достаточно полно описывают происходящее, а потому мы не можем быть до конца уверены в том, что уже к 895 году в игре остались всего два основных лидера. Это бы означало, что Славниковичи и Пржемысловичи каким-то образом ухитрились мирно сосуществовать еще около века до решающей схватки, а это представляется маловероятным. Но общая картина ясна. Образование государства в Богемии стало результатом политического процесса, продлившегося почти двести лет от разрушения Карлом Великим империи аваров, и в ходе этого процесса одна династия постепенно уничтожала соперников, чтобы получить контроль над их землями. Схожие процессы происходили среди германских племен ранее в этом тысячелетии, и вряд ли каждый этап был таким же кровавым, как бойня в День святого Вацлава. Возможно, некоторые из видных семейств были готовы в обмен на сохранение жизни отказаться от своих притязаний. Тем не менее есть причины полагать, что нередко в ход шло насилие[1].

Насколько мы можем судить, схожие династические игры стояли за возникновением еще двух новых государств, появившихся на обломках аварской империи, — Великой Моравии и Польши. Великая Моравия появилась первой, в середине IX века. Каролингские источники 800—820-х годов походя упоминают целую череду региональных незначительных предводителей, стоявших во главе собственных объединений, ко-

[1] *Фульдские* анналы (845, 872, 895), а также исследования, указанные выше.

торые появлялись по мере того, как господство аваров в Центральной Европе сходило на нет. Один из них, Войномир, выступил вместе с франками против аваров, некий Маиомир упоминается вскользь, а вот Людевит начал борьбу против гегемонии Каролингов. Информация в источниках слишком неполная, чтобы мы могли понять, как эти разные династии заключали союзы либо истребляли друг друга, чтобы в итоге получилось государство вроде Великой Моравии. Ясно одно: между ними шло соперничество, и у нас есть тому подтверждение. Первый исторически достоверный князь Моравии, возможно подлинный основатель будущей династии, звался Моймир, и каролингские источники отмечают, по-видимому, ключевой момент в 830-х годах (точно датировать это событие не представляется возможным, оно произошло между 833 и 836 годами), когда он изгнал из Нитры в Словакии своего соперника, князя Прибину, чтобы расширить свои владения. Утвердившись на новой территории, династия и впредь при любом удобном случае стремилась заполучить больше земель. Мощь Каролингов сдерживала их амбиции в западном направлении на протяжении большей части IX века, но, по мере того как империя в начале 890-х годов стала клониться к закату, моравы распространили свое господство и на Богемию. Эту династию могло ждать блестящее будущее, если бы их успехи не оборвались в 896 году с появлением кочевников-мадьяров в Центральной Европе[1].

Если бы нам приходилось отталкиваться только от сохранившихся письменных памятников, укрепление польской династии Пястов осталось бы окутанным тайной. Их государство внезапно появляется в источниках времен Оттона I в 960-х годах уже как полностью сформированное образование под управлением Мешко I. Центром Пястов была территория к западу от Вислы, за приграничным регионом между Эльбой и Одером, а значит, новое Польское государство располагалось слишком далеко от империи, чтобы наши хронисты могли наблюдать за его ростом и развитием. Даже неизвестный автор «Баварского географа» не знал, что происходило в землях так далеко к востоку. Благодаря чуду дендрохронологии, однако,

[1] Подробнее см.: Wolfram (1995); ср.: отличные точки зрения на географию данной проблемы: Bowlus (1995); M. Eggers (1995). Но на общий политический процесс география не слишком повлияла.

археологические свидетельства — которые, как правило, куда лучше фиксируют долгий процесс развития, нежели политические документы, — в этом случае ярко характеризуют по крайней мере последние этапы возвышения Пястов. Поскольку династия строила свои замки из дерева — как почти все в Европе в первой половине X века, — за последние десять лет стало возможным назвать точные даты их возведения. И результаты поражают.

Появление первого Польского государства всегда описывали как долгий, медленный процесс политического объединения, который постепенно собирал земли под властью одной династии. Как мы сейчас увидим, долгие процессы помогают создать подходящие условия, однако археология с поразительной ясностью указывает на то, что последний этап прихода Пястов к власти был быстрым и жестоким. Замки, построенные этой династией, относятся преимущественно ко второй четверти X века, а это означает, что она очень быстро простирала свое господство на земли Великой Польши, начав со сравнительно небольшой территории (см. карту 20). Более того, во многих местах их деревянные замки сменяли куда более крупные укрепленные центры, многие из коих были построены еще в VIII веке, которые, судя по всему, были уничтожены одновременно с началом строительства пястовских. Вывод из этого можно сделать лишь один. Возникновение пястовской Польши, образования, которое внезапно появляется на страницах исторических источников в середине X века, включало в себя уничтоженне давно существующих местных сообществ и утверждение военного превосходства Пястов. Сколько таких сообществ являлись «племенами», за неимением лучшего слова — то есть единицами, перечисленными в «Баварском географе» и проживавшими на западных рубежах славянского мира, — остается неясным, как и их точные ареалы[1]. Получается, как и в случае с Великой Моравией и Богемией, Польское государство

[1] Традиционно в историографии, в соответствии с марксистскими принципами, существовал образ тридцати небольших «племен» в VII веке, которые в IX веке превратились в восемь крупных. По большей части это умозрительное заключение, которое базировалось на сведениях «Баварского географа», где, однако, ничего не сказано о землях за Одером (см. главу 8), и по аналогии с Богемией, ср.: Barford (2001), глава 12. Модель может быть не так уж далека от исторической реальности, однако необходимо учитывать, что финал оказался куда более жестоким, см. в особенности: Kurnatowska (1997a); Dulinicz (1994), (1997).

появилось в результате утверждения военного господства одной династии, когда Пясты истребили своих соперников, стоявших во главе других, более ранних политических образований.

Многое остается неясным и в возвышении Рюриковичей. Как мы видели в прошлой главе, Повесть временных лет слишком сосредоточена на Киеве и излагает события с точки зрения наиболее выгодной Рюриковичам, уже пришедшим к власти, а потому не дает достоверного взгляда на запутанную историю ранней Руси. К тому же — по крайней мере, на нынешней стадии — археологическая картина не столь ясна, как в пястовской Польше. Тем не менее основные вехи скандинавского вторжения в Россию вполне понятны, а значит, можно разобраться и в политических преобразованиях, сделавших возможным появление государства Рюриковичей.

Одной из основных проблем является тот факт, что Повесть временных лет дает крайне неубедительную версию (и датировку) событий, благодаря которым политическая власть перешла от Рюрикова городища на севере к Киеву. Летопись называет слишком раннюю дату появления Киевской Руси и, похоже, скрывает факты то ли прерывания династии, то ли ее временного отстранения от власти, в нарочито подчищенном и выправленном рассказе об отношениях между Олегом, первым политическим лидером, ассоциирующимся с Киевом, и Игорем, сыном и наследником Рюрика. Олег предстает в летописи как собирающий армию на севере и покоряющий земли в среднем течении Днепра. Однако рассказ о нем завершается тем, что в результате его действий ежегодная дань в 300 гривен была навязана Новгороду в обмен на мир. Она, как отмечает летопись, выплачивалась до смерти князя Ярослава в 1054 году, что вполне могло остаться в памяти людей вплоть до времени составления Повести в начале XII века. Выходит, дань — предположительно исторический факт. Но почему правитель, пришедший с севера покорять юг, как утверждает летопись, в итоге требует дань с севера?

Есть еще две важные проблемы. Во-первых, торговые договоры с Византией подтверждают, что в X веке скандинавы не из династии Рюриковичей правили собственными поселеннями на Руси и обладали в них вполне независимой властью, поскольку у каждого были собственные представители на переговорах. Во-вторых, до конца X века летопись приводит лишь

краткую и упрощенную версию историн династии Рюриковичей. С этого момента передача власти следующему поколению всегда включает в себя соперничество и междоусобицы, но до того (хотя хорошо известно, что первые князья были преимущественно полигамны, как и их потомки) Повесть упоминает лишь об одном сыне, к которому спокойно и без каких-либо потрясений переходит власть.

В это сложно поверить. Торговый договор с Византией 944 года говорит о том, что у Игоря было два племянника, явно не последние люди в государстве, раз они оба удостоились отдельного упоминания. Об их дальнейшей судьбе в Повести ничего не говорится, и сложно не сделать вывода о том, что историю подправили, чтобы создать впечатление об уверенном и неизменном господстве династии. Вызывает вопросы и история Олега — был ли он кровным родственником Рюрика, сначала покорившим Киев и затем навязавшим свою власть северу? Или же князь пришел со стороны и, возможно, женился на женщине, принадлежавшей к правящей династии, чтобы постфактум легитимировать свою власть? И как в таком случае власть от него перешла к сыну Рюрика Игорю? Сложно поверить в то, что у Олега не было своих наследников, и что тогда с ними сталось? Политика Руси в начале X века была, по всей видимости, куда грязнее и запутаннее, чем показано в Повести, и независимые предводители викингов и самопровозглашенная династия постоянно боролись за власть.

Подробностей этой внутренней политической борьбы мы никогда уже не узнаем, но зато прекрасно видим, какого рода мир предстает перед нашими глазами. На этом этапе, как указал один исследователь, это не столько государство, сколько «пресловутая компания Гудзонова залива», состоящая из условно независимых торговых компаний, расположенных в разных центрах вдоль основных рек и связанных друг с другом необходимостью выплачивать откупные самым могущественным из них. Они действовали согласованно лишь при определенных обстоятельствах, к примеру когда нужно было собрать все силы, чтобы получить более выгодные условия торговли с Византией — и, разумеется, поспорить из-за цен. Таким образом, Русь в начале своего существования была иерархической зонтичной организацией торговцев, вне всякого сомнения созданной с помощью грубой силы. Но даже так первые торговцы-искатели приключений или их потомки обладали

существенной властью и независимостью и даже в 944 году управляли собственными областями[1].

Однако к XI веку это объединение независимых правителей, не принадлежащих к династии Рюриковичей и сидящих в своих землях, уже исчезло. К этому времени ответом на династические беспорядки, которые регулярно сопровождали переход власти от поколения к поколению, стал иной принцип: каждому претенденту давались собственные вотчины. Это происходило и до 1000 года, в Повести временных лет приводится длинный список из двенадцати городов, дарованных Владимиром своим двенадцати сыновьям, родившимся от более или менее официальных его союзов. Сколько других детей у него было от трехсот наложниц, которых он содержал в Вышгороде, еще трехсот в Белгороде и двухсот в Берестовом, не указано. Получается, в какой-то момент в X веке потомки князей-торговцев были лишены независимой власти, а их некогда самоуправляемые земли — включены в территории, которыми владела династия. Вполне возможно, что это был постепенный процесс, продолжавшийся на протяжении довольно долгого времени. Примером этого может служить то, как Олег расправился с Аскольдом и Диром (насколько, конечно, рассказ об этом может считаться историческим фактом). Повесть временных лет также отмечает более поздние примеры схожих деяний. Во время междоусобицы между двумя сыновьями Святослава, Ярополком и Владимиром, по-прежнему основывались новые торговые поселения. Два скандинавских вождя по имени Рогволод (Рёгнвальд) и Тур создали собственные торговые центры в Полоцке и Турове. Их дальнейшая судьба неизвестна, но оба города вошли в число тех двенадцати, которые были переданы сыновьям Владимира, и к тому времени их основатели явно остались не у дел. Во время той же междоусобицы другая видная династия местного значения и существовавшая куда дольше (происходившая от Свенельда) тоже угасла[2]. Полная картина подавления и покорения независимых торговых родов скрыта от нас, но этот процесс явно имел место, и финальная стадия его ознаменовалась вступлением торговых поселений в полноценный политический союз. Хотя уникальное

[1] Об образовании государства на Руси см.: Franklin и Shepard (1996), глава 3.

[2] *Повесть* временных лет (974 год: Свенельд; 978 год: Рогволод (Рёгнвальд) и Тур; 993 год: о наложницах).

происхождение государства Русь говорит о том, что Рюриковичи были изначально лишь одной из нескольких торговых княжеских династий, а не предводителями одной из нескольких региональных племенных групп, как Пясты и Пржемысловичи, тем не менее утверждение господства правящего рода с помощью насилия было основополагающим явлением в процессе формирования государства.

То же верно и для последнего из новых государств, Дании, хотя здесь этот процесс тоже существенно отличался от того, что происходило в странах — наследниках Аварской империи. В небольшом поселении Еллинг в Центральной Ютландии есть церквушка, не самая значительная по размеру, и два огромных кургана: северный насчитывает 65 метров в диаметре и 8 в высоту, южный — 77 и 11 соответственно. В северном кургане располагается обшитая деревом комната, датируемая методом дендрохронологии 958 годом, которая стала предпоследним местом упокоения конунга Горма. Сын и наследник Горма, Харальд Синезубый, похоронил отца там, но перенес тело в церковь, когда сам принял христианство, вероятно в 965 году. Как и мормоны, Харальд боялся, что его предки могут оказаться лишенными радостей новой веры. Он не только перезахоронил тело, но и возвел великолепный рунический камень, надпись на котором гласит: «Харальд король поставил эти камни в честь Горма, отца своего, и Тюры, матери своей. Харальд, покоривший всю Данию и Норвегию, кто крестил датчан».

История Дании значительно отличается от других государств тем, что нам своевременно напоминают о том, что политическое развитие не всегда идет по прямой линии. Как мы видели, сильная централизующая политическая структура существовала на юге Ютландии и до эпохи викингов, по меньшей мере с середины VIII века, когда была сооружена система укреплений Даневирке. Но эта монархия была уничтожена притоком нового богатства в Скандинавию. Оно переходило напрямую в руки воинов, те обретали власть, а потому новые источники дохода не могли не стать причиной политической революции. Старая монархия пала, потому что слишком много «королей» могли теперь содержать собственное войско, и в таких условиях о политической стабильности не может быть и речи[1].

[1] Подробнее о династии Еллингов см. исследования, указанные выше. Подробнее о судьбе государства в IX веке см. главу 9.

К середине X века появляются признаки важных перемен. Во-первых, конунгов становится меньше. Источники эпохи викингов указывают на то, что в Скандинавии IX века существовало несколько королевских родов. Помимо потомков одной большой (может, двух) и наиболее могущественной династии, которые боролись за власть в Южной Ютландии (Годфрид, Харальд и их потомки), были и независимые конунги в Вестфолле к западу от Осло-фьорда в Норвегии в IX веке, а также на острове Борнхольм. В Бирке и Швеции дальше к востоку тоже были свои правители. Во-вторых, немало других конунгов появлялось в западных водах в эпоху Великих армий, начиная с 860-х годов, и они наверняка тоже приплывали из регионов Скандинавии. По моим подсчетам, в разные моменты упоминается около дюжины таковых: недостаточно, чтобы полагать, будто слово «король» или «конунг» означало статус, который может получить человек любого происхождения, особенно если учесть, что встречаются и фигуры, занимающие куда менее значительное положение, — ярлы, не притязавшие на титул королей. А вот начиная со времен Харальда Синезубого, напротив, в исторических источниках то и дело упоминаются другие «короли», чаще всего в Швеции, изредка — в Норвегии. Получается, что изменилось значение слова (как и в других культурных контекстах) — с «человека из очень важной семьи» до «правителя большой территории», как мы и понимаем его сегодня[1].

Династия Еллингов, похоже, пришла к власти, объединив под своей рукой отдельные территории, в которых были собственные правители, в хаосе второй половины IX века. Возможно, именно ее успех закрепил новое значение слова «король». Жена Горма, Тюра, в другой надписи зовется «гордостью Дании». На основании регулярного употребления было убедительно доказано, что к 900 году mark в названии Дании Danmark означало «регионы, граничащие с Датским королевством»; другими словами, территории, не являющиеся основными центрами датской монархии, — возможно, Северная Ютландия или южные Балтийские острова. Значит, как и в других случаях, несмотря на существенные различия в историческом контек-

[1] О королях, связанных с Великими армиями в IX веке, см. главу 9. Подробнее о моделях развития в X веке см. в исследованиях, указанных в примечании на с. 678—679.

сте, политическая деятельность династии Еллингов в целом характеризовалась тенденцией к приобретению — объединению под своей властью регионов, которые до тех пор оставались независимыми. Этот процесс был начат Гормом и продолжен последующими представителями династии. Харальд Синезубый добавил к списку побед династии Южную Норвегию после битвы близ Лим-фьорда, но правили они ею не напрямую, а через ярлов Ладе. Свен и Кнуд сохраняли господство над этим регионом на протяжении большей части своего правления и порой присоединяли к своим владениям западное побережье современной Швеции. Но, несмотря на это, память о былой независимости не исчезла. Судя по историческим трудам, посвященным истории Дании XI века, Ютландия и острова Фюн и Зеландия по-прежнему периодически становились центрами сепаратистских сил[1].

Следовательно, политические процессы, приведшие к появлению этих новых государств, были схожими. Во всех случаях одна династия сумела устранить либо понизить влияние своих соперников, правивших в соседних регионах, чтобы установить свое господство на большей территории. Превратности этого процесса объясняют тенденцию государств обмениваться спорными территориями. Учитывая, что все эти земли были изначально независимыми, несложно понять, почему некоторые из них сохраняют способность к автономной политической активности еще долгое время после признания господства правящей династии, особенно в условиях, когда многое зависит от регулярности посещений своих владений князем и от его личной харизмы, а не от отлаженного бюрократического аппарата, с помощью которого можно было бы управлять государством. Но, несмотря на изобилие захватывающих историй и деятелей, обладающих удивительным шармом, источники, повествующие о достижениях той или иной династии, почти не проливают свет на процесс формирования государств на севере и востоке в конце 1-го тысячелетия. История знает множество примеров, когда яркие индивидуумы пытались укрепить свою власть и устранить соперников. Однако в большинстве случаев такого рода притязания не приводили к появлению новых и весьма впечатляющих госу-

[1] Общие работы см. предыдущий комментарий. О mark в названии Дании Danmark см.: Lund (1984), 21—22; ср.: Lund (1997).

дарственных образований. Значит, кроме личных устремлений тех или иных князей, нам нужно осмыслить более глубокие структурные трансформации, приведшие к такому непредсказуемому итогу.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Многие из этих перемен были схожи с теми, которые породили более крупные политические образования на окраинах Римской империи в первой половине тысячелетия. Анализируя динамику событий, можно с уверенностью сказать, что глубокие и важные социальные и экономические преобразования сыграли крайне важную роль в процессе формирования государств Северной и Восточной Европы. Самым ярким и убедительным примером тому являются славянские государства, но в немалой степени это верно и для Скандинавии.

Вплоть до середины 1-го тысячелетия славяне или покоренные ими народы не характеризуются значительным социальным неравенством. Какой бы ни была их географическая родина, славяноязычные племена, появившиеся на рубежах Средиземноморья в VI веке, явно вышли из неразвитых, поросших лесами регионов Восточной Европы, где поселения были небольшими (преимущественно деревушки), а фермеры железного века не могли похвастаться большими излишками урожая. Соответственно, и материальных маркеров, помогающих разграничить социальные статусы, было немного. Положение дел резко изменилось в VI веке в результате миграционных процессов, благодаря которым некоторые славяне получили прямую связь с более развитым Средиземноморским регионом. Появившийся беспрецедентный поток богатства — прибыль от набегов, делившаяся более или менее поровну, военная служба и дань — спровоцировал рост неравенства в обществе, в котором начали формироваться новые социальные структуры. Они отчетливо проявляются с 575 года, когда возвышается новый класс военных лидеров, контролирующих значительные территории и войска численностью в несколько тысяч человек, несмотря на то что есть причина полагать, что другие элементы славянского общества, представленные в памятниках корчакской культуры, сохранили прежние, эгалитарные социальные формы и прибегали к альтернативным спо-

собам миграции (и избегали византийских границ), чтобы сохранить их[1].

Новые славянские государства IX и X веков создавались при выраженной акцентуации этого первоначального неравенства. Это проявляется ярче всего в существовании военных отрядов — классового двигателя социальной и политической власти, сыгравшего столь важную роль в трансформации германского мира. Предположительно, новые славянские вожди VI века пользовались поддержкой своих последователей, однако в тот период крупные постоянные войска не упоминаются в исторических источниках и не играют роль крупной силы, военной либо социальной. Контраст с государствами IX и X века поразителен. Арабские географы отмечают, что Мешко Польский содержал собственное войско в 3 тысячи человек — и это лишь один пример из многих, подчеркивающий важность наличия крупных персональных отрядов в те времена. В Богемии четырнадцать воевод, явившихся на крещение в 845 году, пришли «со своими людьми», и ранние богемские источники, ассоциируемые с Вацлавом, говорят и о его дружине, и о дружине его брата, Болеслава I. Франкские тексты также упоминают «людей» Моймира и Святоплука из моравов; не менее важную роль играли постоянные отряды и на Руси. Опять-таки, арабские географы сообщают о четырехстах людях верховного князя Руси на севере примерно в 900 году, и княжеские дружины играют роль групп давления в нескольких случаях, описываемых в Повести временных лет. К примеру, именно необходимость удовлетворять потребности своих «людей» вынудила Игоря повысить дань, которой он обложил древлян. Возможно, в дальнейшем он пожалел о том, что поддался их давлению, поскольку, как мы знаем, это привело его к смерти от рук разъяренных налогоплательщиков. И, как было в случае с германцами у границ Римской империи, увеличение численности постоянных отрядов повышало шансы того или иного вождя на подавление соперников и навязывание разного рода обязательств (вроде военной и трудовой повинностей) на большую часть населения. Следовательно, эти войска играли важнейшую роль в становлении государств, не в последнюю очередь (как было у германцев) потому, что они представляли собой важную ступень, ведущую к обретению

[1] См. главу 8 и Curta (2001), глава 7.

власти. Даже в конце VI века не было никаких свидетельств того, что власть в славянском обществе переходила по наследству, даже если отдельным индивидам удавалось снискать всеобщую поддержку[1]. Но к IX и X векам династии превратились в главные политические силы, и наследование власти стало нормой.

Однако появление постоянных войск было лишь одним аспектом процесса социальной трансформации. Отчасти неудачи при попытках охватить картину событий с максимальной полнотой проистекают из невозможности определить, с чего все началось. Идея об эгалитарном славянском обществе в 500 году укоренилась как в исторических трудах, так и в более популярной мифологии. Она ложится в основу представления славянизации как этакого «движения хиппи», которое к тому же находит подтверждение в византийских источниках, отмечавших, что славянское общество не обладает выраженной социальной дифференциацией и имеет склонность принимать пленников как свободных и равных его членов. Но к таким представлениям о всеобщем равенстве у славян следует относиться с опаской. Вспомним те аргументы, к которым мы прибегали, говоря о германцах: существуют и нематериальные маркеры статуса, которые являются не менее жесткими — если обладающие ими могут меньше работать, получать больше продуктов, а их слово имеет больший вес при решении споров[2].

Но даже если мы сочтем стартовой точкой эволюции славянских обществ начальный этап разделения эгалитарного общества в VI веке (а, как мы видели, эгалитаризм, если он существовал, быстро пришел в упадок благодаря одновременным процессам миграции и развития), то к X веку многое успело измениться. Теперь не только наследовалась политическая власть (и к тому же весьма весомая благодаря постоянным войскам), но и славянское общество в целом претерпело эволюцию, распавшись на четко дифференцированные (а значит, скорее всего, также наследуемые) категории статусов, подчиненные строгой иерархии.

[1] Мешко Польский: *Ибрахим ат-Тартуши*. Записка о славянах. Богемия: *Фульдские* анналы (845), а также тексты, переведенные в Kantor (1990). Моравия: *Фульдские* анналы (894). Россия: *Ибн Фадлан*. Записка о путешествии на Волгу; *Повесть* временных лет (945—946). О германцах в IV веке см. главу 2. О славянах в VI веке см.: Curta (2001), глава 7.

[2] Подробнее см. главы 8 и 11 (о мире ранних германцев).

В самом низу социальной лестницы находятся группы несвободного населения, ставшие неотъемлемой частью славянского и скандинавского обществ конца 1-го тысячелетия. Работорговля была важным явлением в Центральной и Восточной Европе начиная с VIII века. Также, по мере того как развивались новые государственные структуры, важной составляющей их экономической модели стало несвободное крестьянство. По имеющимся у нас источникам сложно сказать, обладало ли население крепостных деревень более высоким статусом, нежели рабы, которых продавали, — возможно, их статус соответствовал «вольноотпущенным» либо «полусвободным» классам, которые мы видели в германском мире. В любом случае к X веку большая часть славянского населения получила пожизненный наследуемый низкий статус (или статусы, если рабов и крепостных нужно различать). Какой бы модели славянского общества до VI века мы ни отдали предпочтение, разница между прежней и нынешней слишком велика.

Столь же прочно на социальной шкале закрепился противоположный класс — людей, облеченных высоким статусом, которые нередко называются «лучшими» (*лат.* optimates) в наших источниках. Указано, что такие люди, к примеру, в Богемии посещали ассамблеи, чтобы одобрить кандидатуру Адальберта Славниковича на пост епископа Пражского в 982 году, они называются правителями собственных поселений под властью Рюриковичей на Руси (некоторые из них были достаточно независимыми, чтобы отправить собственных представителей в Константинополь на обсуждение торговых договоров). Отдельные представители высшего класса появляются и в составе свиты великопольского князя в начале XI века. Предположительно, их принимали у себя польские и другие князья, на пирах во время объезда своих владений. Их существование в Моравии веком раньше, возможно, отражено археологически в пяти так называемых княжеских жилищах, обнаруженных на территории в 100 гектаров вокруг Микульчице, хотя они вполне могли принадлежать младшим представителям правящей династии. Наши материалы указывают на то, что этот класс состоял изначально из трех элементов. Во-первых, это ярые сторонники новой династии. Во-вторых, в него входила элита, происходившая от изначально независимых богачей (будь то славяно-скандинавские торговые компании на Руси или «племенные» группы в Богемии, Моравии и Польше), которые не

противились господству новой династии. Третьи представители этого класса — младшие члены правящего рода. До и даже после принятия христианства многоженство оставалось обычным делом, в результате чего таких младших княжеских отпрысков становилось все больше, особенно при правителях вроде Владимира, который, как мы знаем, держал сотни наложниц. Со временем эти три класса слились в один, составив наконец знать полноценных государств.

Как и в раннегерманском мире, существовал и большой класс свободных людей, находившийся между знатью и несвободными крестьянами. Они появляются в некоторых письменных законодательных источниках из всех новых государств, кроме Моравии, которая просуществовала слишком недолго, чтобы оставить таковые. Судя по схожим классам в других культурах Европы конца 1-го тысячелетия, эта группа, скорее всего, составляла костяк военных сил, которыми располагали королевства, помимо профессиональных отрядов князей. Все прочие функции возлагались на несвободное население, вроде трудовых повинностей при строительстве потрясающих архитектурных памятников той эпохи. Военная служба, напротив, была показателем высокого статуса, несмотря на очевидную опасность[1].

Даже если вы не верите в равноправное славянское общество VI века, нельзя не признать, что оно претерпело полную реструктуризацию между 500 и 1000 годами. Славянский мир VI века порождал лидеров, возвышавшихся и терпевших крах на протяжении своей жизни, без заметного элемента наследования. Нет также признаков существования передаваемых по наследству титулов и владений или перманентно несвободных групп населения. Возможно, это было верно по крайней мере для некоторых славянских племен VII века. Тот факт, что франкский купец, чужак вроде Само, сумел в этот период стать предводителем среди других славянских князей, похоже, указывает на то, что duces оказались на вершине социальной пирамиды вовсе не по праву рождения и не по принципам иерархии. Но к X веку это обстоятельство изменилось, и, что не менее важно, новые государства позднего периода не смогли бы появиться без указанных преобразований. Наследуемая династическая власть, социальный и военный круги сторонников и знати, дифференцированные слои населения, которые можно было

[1] О германском мире см. главу 2.

вынудить или убедить принять на себя необходимые функции вроде обеспечения знати продовольствием либо выполнения трудовых/воинских повинностей, — все это ключевые элементы новых государственных структур, и все они не были представлены в VI веке.

На вопрос о том, когда именно и как появлялись эти новые элементы, очень сложно дать однозначный ответ. Скорее всего, процесс происходил постепенно. Некоторые перемены явно берут начало в глубоком прошлом. Едва возникнув на обломках Аварской империи после кампаний Карла Великого в 790-х годах, центральноевропейское славянское общество уже характеризовалось приходом к власти могущественных князей. За пару десятилетий летописные источники называют нам несколько имен — Войномир, Маномир и Людевит, которые собирали немалые войска для достижения своих целей. Такая власть вряд ли могла появиться у них ни с того ни с сего — и, скорее всего, зародилась еше в аварский период. О том же говорит тот факт, что и в Моравии, и в Богемии мы встречаем других лидеров — duces, — передающих власть над определенными землями по наследству уже в IX веке. С другой стороны, нужно учитывать и тот факт, что по большей части укрепления, сооружаемые на славянских территориях вплоть до IX века, похоже, были убежищами, построенными общими усилиями. При раскопках не обнаружено признаков того, что здесь могла проживать знать (сомнительно, что здесь вообще постоянно проживали люди), или того, что возводили их по приказу того или иного богатого человека[1]. Если класс лидеров, наследующих власть и статус, уже появился к IX веку, то нужно не переоценить степень его социальной власти.

Что не менее важно, образование государства спровоцировало резкие трансформации в обществе. Наиболее очевидное преобразование из всех — накопление богатства определенными династиями, которые привели к появлению у их представителей постоянных войск и увеличению их влияния. В то же

[1] О лидерах в послеаварскую эпоху см. исследования, указанные в примечании на с. 698. У Вицтраха и его сына были собственные крепости в Богемии: *Фульдские* анналы (857). О Моравии см. работы, указанные в примечании на с. 678. Подробнее об изменении особенностей фортов см.: Godja (1991), глава 3; Kurnatowska (1997a) и примечания. У ранних славян не было ничего похожего на Рундер-Берг или другие укрепления вождей алеманнов в IV веке, см. главу 2.

время большая часть зарождающейся аристократии новых государств была, по сути, побочным продуктом самопродвижения династии — либо путем возвышения главных сторонников и младших родственников, либо путем подчинения своей воле правителей ранее независимых регионов. Постройка замков в Богемии, Моравии и Польше также включала в себя разрушение старых общих укреплений и их замену на принадлежащие династии. И пусть работорговля началась уже в VIII веке, в IX и X она резко набрала обороты. Оба этих сравнительно поздних достижения, вероятно, сыграли важную роль в увеличении процента несвободного населения (если не стали тому причиной). Я склонен полагать, что более долгий, постепенный процесс развития привел к появлению группы предводителей, власть которых передавалась по наследству, примерно к началу IX века, но и процесс формирования государства, запущенный с распадом империи аваров, тоже повлиял на развитие ситуации.

Насколько эта более общая модель социальной трансформации применима к Дании — уже другой вопрос. Процесс образования государства там существенно отличался от такового в других регионах, потому что на севере он заключался скорее в преобразовании государства. Структура близкая к государственной, сравнимая со славянскими и славяно-скандинавскими, уже существовала в Южной Ютландии и на островах с VIII века, пока в эпоху викингов ее не разрушил приток богатства. Как можно предположить (и как утверждают источники), скандинавское общество вошло в последние два века тысячелетия с большей степенью социального неравенства, нежели в славянском мире. Источники эпохи викингов описывают конунгов, ярлов, свободных и несвободных (пленников и рабов) как данность того времени. И это логично, не только потому, что окологосударственные структуры уже существовали там, но также и потому, что Скандинавия (или по меньшей мере Дания) была частью германского мира (пусть и принадлежала к его внешней периферии), взаимодействовавшему с Римской империей в первой половине тысячелетия и участвовавшему — на что указывают римские товары и захоронения с оружием в болотах — в ранних процессах социально-политических преобразований. Формирование государственности в Дании в конце IX и X веке было, судя по всему, скорее историей о возвышении и перераспределении уже имевшихся блоков власти, во

главе которых стояли те или иные династии, а не о фундаментальных социальных изменениях, которые характеризовали процесс образования государства у соседствующих с ними славян[1].

Социальная революция, являвшаяся отчасти причиной, отчасти — следствием, была совершенно необходима для образования государства в те времена, по крайней мере в землях славян. Но столь масштабные социальные преобразования невозможны без параллельной экономической реорганизации, и, опять-таки, у нас предостаточно свидетельств тому, что этот процесс имел место в Центральной и Восточной Европе на том же временном отрезке. Как и в случае с социальными трансформациями, некоторые этапы экономической перестройки предшествовали образованию государств и были необходимым условием для их существования. Дальнейшие перемены были инициированы уже самими государственными структурами.

Сложнее всего проследить за развитием сельскохозяйственной экономики, то есть за производством продовольствия. Нужно помнить, что славяноязычные племена контролировали огромную территорию, с самыми разными природными зонами, и сельское хозяйство не могло везде развиваться по единому пути. Тем не менее имеющиеся у нас свидетельства указывают (пусть и в самом общем ключе) на то, что количество излишков производства резко возросло. Процесс революционных преобразований протекал с разной скоростью в разных регионах и условиях, но суть ясна: возделывалось все больше земли, появлялись более продуктивные методы в плане как применяемых технологий, так и поддержания плодородности почвы. Разумеется, во второй половине 1-го тысячелетия в Центральной и Восточной Европе активно велась расчистка земли и вырубка лесов. В тех частях Польши, где удалось взять пробы пыльцы из озер, соотношение травы и деревьев к зерновым резко уменьшилось именно в эти века, с 3:1 до 1:1, что говорит об увеличении возделываемых участков как минимум вдвое. Но полученный результат нельзя применить ко всей славянской Европе. Я бы предположил, что эти изменения были не такими резкими к северу и востоку. Тем

[1] См. особенно Roesdahl (1982); Hedeager (1992); Sawyer и Sawyer (1993).

не менее даже на территории матушки-России распространение славянских культур на север и восток ассоциировалось с расширением полноценного земледелия в лесостепи и лесных зонах с умеренным климатом на Восточно-Европейской равнине. В любом случае увеличение возделываемых территорий не вызывает сомнений, пусть даже мы не можем указать точные цифры и даты для конкретных регионов[1].

За распространением более эффективных методов обработки земли также несложно проследить — в общих чертах. Первые контакты между славянами и Средиземноморьем привели к тому, что они заимствовали более совершенные плуги, которые переворачивают почву, чтобы гниющие сорняки и ботва насыщали почву питательными веществами. Это, естественно, увеличило количество урожая и срок культивации полей. Дальнейшие изменения к лучшему еще не проявились в полной мере к тому времени, как образовались новые государства в IX и X веках. Вершиной средневековых достижений в сельском хозяйстве стало появление поместного хозяйства. Преимущества манориальной системы лежат на поверхности — это самообеспечиваемая интегрированная производственная единица, с большой рабочей силой, в которой технологии культивирования могли долго оттачивать для повышения эффективности (особенно в вопросах ротации севооборота для сохранения плодородности почвы), а расходы (прежде всего на пахотные орудия) можно было разделить на всех и тем самым существенно снизить. Она также стала инструментом жесткого социального контроля, но это другая история. Для нашего исследования первостепенное значение имеет тот факт, что сельскохозяйственное производство в Центральной и Восточной Европе полностью перешло на поместную систему только с XI века — уже после того, как появились новые государства. Это открытие стало неприятным ударом для убежденных марксистов, поскольку, по их идеологии, все эти государства должны были являться «феодальными», а их развитие происходить благодаря манориальным системам, но в данном случае хронология сомнений не вызывает. Однако даже если поместья едва-едва начали появляться в IX и X веках, у нас есть важные доказательства того, что уже были запущены ключевые преобразования. Об этом

[1] О Польше см.: Donat (1983); ср.: Barford (2001), 153—159 и все примечания.

говорит прежде всего количество ржи, обнаруженное в пробах пыльцы, — оно существенно возрастает во второй половине изучаемого периода. Использование ржи, которую сеют осенью, а не весной, ассоциируется с переходом на схему ротации, основанную на трех видах культур, а не двух. Такой подход свидетельствует об увеличении возделываемых участков (две трети вместо половины) и о лучшем сохранении плодородности почвы. Это достижение, возможно, также подтверждает замечание арабских географов о том, что славяне собирали не один, но два урожая каждый год[1]. В будущем ждали и другие важные достижения, но факт остается фактом: к XI веку в Центральной и Восточной Европе производили куда больше продовольствия, нежели пятьсот лет назад.

И по нескольким причинам это было ключевым фактором формирования государства. До того как появились значительные излишки продовольствия, предводители бы попросту не смогли (как было и у германцев в первой половине тысячелетия) содержать большое постоянное войско и поддерживать своих ближайших сторонников, не участвующих непосредственно в сельскохозяйственном производстве. Без экономических излишков была бы невозможна и социальная дифференциация. К тому же остается принцип «больше еды — больше людей»[2], и образование государства могло бы не произойти вовсе, если бы не рост населения. Правители получили необходимую рабочую силу для многочисленных строительных проектов. Что еще более важно (но, увы, не поддается измерению), рост плотности населения в Центральной и Восточной Европе в значительной мере увеличил и конкуренцию — борьбу за доступные ресурсы. Необходимость принадлежать к определенному сообществу, чтобы процветать, всегда была главной причиной, по которой индивидуумы были готовы смириться с минусами, неизбежно сопровождающими его создание. Проще говоря, причина, по которой крестьяне — или как минимум некоторые из них —

[1] В дополнение к исследованиям, указанным в примечании на с. 678, см. современные работы о сельскохозяйственном расширении: Henning (2005); Barford (2005). Они показывают, что переход к поместной системе скорее был следствием образования государства, а не предшествовал ему (как утверждает марксизм). Сельскохозяйственное расширение приобретало разные формы в период с VI по X век.

[2] Среди причин, которые мы раньше рассмотрели, доступность еды была одним из главных ограничительных факторов роста населения.

соглашались отдавать излишки продовольствия и трудиться во благо возвышающихся династий, заключалась в том, что им предлагали военную защиту и сохранение участков[1].

Но в варварской Европе произошло куда больше перемен в период с 500 по 1000 год — они не ограничились ростом населения, которое производило больше продовольствия. Другие экономические достижения были не менее важны для формирования государств. Военным отрядам, к примеру, были необходимы доспехи и оружие, и, как мы видели, новые правители X века контролировали значительные запасы драгоценных металлов (чего стоил только золотой крест, поставленный Болеславом Храбрым на могиле Адальберта), а также другие ресурсы, помимо рабочей силы, необходимые для возведения, украшения и отделки престижных строений вроде соборов и дворцовых комплексов, ставших отличительной чертой того периода. Отчасти способность правителей организовать такие проекты проистекала из общих процессов экономического развития, затронувших всю Центральную и Восточную Европу в этот период, над которыми у них не было власти. И отчасти она была обусловлена политикой самих представителей династий.

Самое важное неэкономическое явление в эти годы — рост международной торговли мехами и рабами. Некоторые из ее западных нитей начали функционировать еще в VII веке, но только в VIII они протянулись к Балтике, а в начале IX — уже по всей Восточной Европе. Мы уже выяснили, какую роль сыграли скандинавские мореходы в создании и укреплении торговых связей севера с югом, а востока — с западом и каким было значение этих новых сетей в истории викингов. Соответственно, в эту эпоху шла активная торговля сырьем — преимущественно людьми и мехами, которые привозились из Северной и Восточной Европы, а в обратную сторону шел поток совсем других товаров. Предположительно, немалую их часть составляли византийские шелка, но в наших письменных источниках почти не встречаются упоминания о них, археологических же свидетельств нет вовсе. Дело в том, что великолепные, прекрасно выделанные шелка были основным товаром, который Византия могла предложить в обмен. Зато среди археологических материалов в изобилии встречаются

[1] Аналогичные процессы у германцев см. главу 2.

серебряные монеты, прежде всего из мусульманских стран, но хватает и западноевропейских. Они сохранились в огромных количествах: как мы видели в главе 9, в кладах было обнаружено свыше 220 тысяч мусульманских монет (в скоплениях от пяти штук), по последним подсчетам. Эта цифра еще больше поражает, если учесть, что серебро всегда высоко ценилось. Сохранившиеся монеты — скорее всего, лишь верхушка серебряного айсберга, который не раз переплавлялся за последующие века.

Князья, разумеется, были особенно заинтересованы в притоках средств. Не в последнюю очередь потому, что они могли брать часть в качестве налогов, предлагая торговцам безопасные места для осуществления обмена и взимая за это соответствующую плату. В начале IX века тогдашний король Дании до первого ее распада, Годфрид, вынудил купцов, которые ранее вели торговлю на славянских землях в месте под названием Рерик, перебраться в его новый торговый центр Хедебю в Ютландии. Их переселение описано в источнике того периода и нашло подтверждение в археологии. Дендрохронологическая датировка старейшей древесины из Хедебю показывает, что, как и говорится в источнике, город был построен приблизительно в 810 году, когда Годфрид достиг пика своего могущества. Интересы короля в этом случае были исключительно экономическими. Прага, один из главных центров династии Пржемысловичей в Богемии, также была, по сообщениям мусульманских географов, центром работорговли. Налоги, должно быть, обогащали правителей, и роль работорговли здесь была столь велика, что одной из причин убийства Вацлава стала его попытка запретить ее.

Киев, ставший столицей Рюриковичей в X веке, был важнейшим торговым центром. Византийские и русские источники подтверждают, что он был стартовой точкой для торгового флота Руси, который начиная с X века прибывал в Константинополь каждую весну. А к началу XI, как сообщает Титмар Мерзебургский, город мог похвастать восемью рынками. Только о Польше у нас нет точных сведений, в источниках не пишут о ее участии в новых международных торговых сетях, но, возможно, эти материалы до нас просто не дошли. На землях Пястов было обнаружено такое количество мусульманских серебряных монет, что не приходится сомневаться: их население так или иначе принимало в торговле самое активное уча-

стие[1]. Так что все наши династии успешно черпали из нового потока богатства.

Но их роль не сводилась лишь к сбору налогов. Правители порой пытались реструктурировать существующие торговые пути, чтобы выжать из них максимум прибыли. Это легче всего продемонстрировать на примере Рюриковичей. В X веке эта династия проводила общую мобилизацию войска в двух случаях — в 911 и 944 годах, чтобы вынудить власти в Константинополе даровать русским купцам более выгодные условия торговли, включая предоставление бесплатных постели и пропитания в городе на месяц, в течение которого торговцы будут вести дела. Поэтому не вызывают удивления (учитывая, какими были изначальные интересы скандинавов на Руси) сообщения источников о том, что представители правящей династии и сами активно участвовали в торговле, а потому у них были все причины добиваться роста рынков и их количества. Но я бы не стал с порога утверждать, что это верно лишь для Рюриковичей. Торговые связи Византии с Русью хорошо документированы, и, на мой взгляд, вполне вероятно (хотя в дошедших до нас текстах такой информации нет), что и у других династий был свой интерес в развитии международных торговых связей — на тех условиях, которые были наиболее выгодными для них[2].

Несмотря на то что нам известно не так много, как хотелось бы, мы можем прийти к выводу, что все эти династии играли весьма активную роль в организации экономики, по крайней мере своих центральных земель. Картина складывается на основании данных исторических источников и археологических материалов. С точки зрения археологии центральные земли польской и богемской династий в X веке поражают сравнительно высокой плотностью населения. Опять же, это наблюдение основывается на знаниях о хронологии типов керамики, распространение которых указывает на существова-

[1] Хедебю см.: *Анналы* королевства франков (808) и Roesdahl (1982), 70—76. Прага: *Ибн Руста*. Дорогие ценности. Киев: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Глава 9; ср.: *Титмар Мерзебургский*. Хроника. 8.2. Участие Польши в торговых сетях становится ясным на основе карты распространения серебряных дирхемов, см. карту 16.

[2] *Повесть* временных лет (911, 945). Еще в 808 году Годфрид переместил торговцев в Хедебю, поскольку хотел получать налоги (см. предыдущий комментарий).

ние поселений. Археологические материалы говорят о том, что такая плотность населения была не случайной, это результат намеренного вмешательства. Ключевым моментом возвышения династий Пржемысловичей и Пястов было уничтожение укрепленных центров, ассоциировавшихся со старыми социально-политическими структурами, то есть «племенами», и замена их своими замками в конце IX и начале X века соответственно. Этот процесс, похоже, сопровождался насильственным переселением по крайней мере части жителей из покоренных земель в центральные территории. Такие случаи упоминаются в наших источниках. Повесть временных лет, к примеру, связывает князя Владимира в конце X века с массовым переселением разных групп населения (славян, кривичей, чуди и вятичей) в земли близ реки Десны. Здесь причиной могло стать убеждение, а не сила. В других случаях — в Польше и Богемии — у нас есть лишь археологические материалы, свидетельствующие о последствиях подобных перемещений, то есть о неожиданном росте плотности населения на новом месте, однако ранние тексты (которые все были подарены монастырям) из этих стран (да и из Руси тоже) проясняют цель таких переселений. Из них мы узнаем об основной экономической модели тех времен, которая известна как крепостное право (о нем мы уже говорили). Несвободные крестьяне были необходимы для выполнения определенных экономических функций для князя, вроде содержания пчел или разведения лошадей, помимо обеспечения его продовольствием. Тот факт, что они были несвободными, говорит о том, что они поселились здесь не по своей воле[1].

Короли — или князья и их советники — достаточно разбирались в экономике, чтобы извлекать максимальную выгоду из земель, принадлежащих династии. И их действия указывают на то, что они жили в мире, где почти ничто не препятствовало развитию рыночной экономики при обращении товаров сельскохозяйственного производства, так как, вместо того чтобы производить и затем продавать все подряд, каждое поселение выполняло конкретную задачу. Это неудиви-

[1] Исследования о разрушении племенных укреплений, см. примечание на с. 715. О крещении Владимира см.: *Повесть* временных лет (1000). О крепостных деревнях и организации центральных районов Богемии и Польши см. соответственно: Godja (1991), главы 3—4; Kurnatowska (1997a).

тельно — так же поступали Каролинги в IX веке, которые тоже использовали труд несвободных крестьян в некоторых регионах — и не противоречит археологической картине (включающей в себя залежи монет и тот факт, что крестьяне платили налоги продовольствием, а не деньгами). Северная и Восточная Европа в то время отличались экономикой, которой не хватало перемен. Мусульманского серебра было достаточно, но оно оставалось слишком дорогим для повседневных покупок. Расплатись монетой в булочной — и вернешься домой с несколькими мешками хлеба, который зачерствеет раньше, чем ты успеешь его съесть. Поэтому, хотя короли и предпочитали получать налоги в монетах, поскольку их проще пустить в оборот, они могли их требовать лишь в том случае, когда у крестьян была возможность расплатиться деньгами, полученными при продаже излишков купцам.

Вышеизложенное добавляет новое измерение к тенденции этих государств конца тысячелетия к четкому разделению на центр и периферию. Это не случайное порождение логистических ограничений либо объездного управления, оно отражает важные вехи возникновения государства. Благодаря политике пришедших к власти династий ядро и периферия отличались и по плотности населения, и по экономической организации. В Киевской Руси, из-за особенностей ее происхождения, процесс формирования ядра обретает особую важность. Вплоть до середины X века династия Рюриковичей обнаруживала тенденцию менять центр своих владений. Сначала он располагался на севере, судя по всему, в старом Новгородском городище, а в конце IX века был перенесен на юг, на реку Днепр, в Киев, когда на юг пришел Олег со своим войском.

Понять причины, стоявшие за этой переменой, не так легко. На первый взгляд такое решение кажется странным, поскольку Рюриково городище, как отмечалось раньше, было лучше расположено и из него было удобнее контролировать торговые пути вдоль Волги в мусульманские страны, которые были куда богаче того, что вел по Днепру в Константинополь. Однако у Киева имелись другие преимущества. Стоящий в лесостепи, он идеально подходил для управления прилегающими территориями (современная Украина), которые в VII—VIII веках были заселены славянскими крестьянами. Они создавали свои поселения здесь задолго до прибытия скандинавов. Поляне господствовали в землях вокруг Киева, из других племен по-

близости жили древляне, северяне, радимичи и дреговичи (см. карту 19). Отличавшийся менее выгодным расположением для торговли, Киев предлагал скандинавским выскочкам куда больше возможностей для использования человеческих и экономических ресурсов. Уже во времена Олега, как гласит Повесть временных лет, войско великого князя состояло не только из скандинавов, но и из славян и финнов. И великому князю, желавшему стать не просто очередным князем-купцом, Украина могла предложить гораздо больше, чем север. Но, несмотря на это, Рюриковичи были еще не готовы отказаться от кочевой жизни. Сын и наследник Олега, Святослав, участвовал в долгих кампаниях, дойдя до Волги на востоке и до Кавказа на юге. Повесть временных лет сообщает, что незадолго до смерти он подумывал в третий раз перенести столицу — теперь уже на Дунай. А вот сын и наследник Святослава, князь Владимир, сумел создать и укрепить экономическое ядро в Киеве и на прилегающих территориях вдоль Десны, раз и навсегда сделав центральные земли современной Украины сердцем Русского государства[1].

Разумеется, мы многого не знаем о том, как формирование государства переплеталось с экономическим развитием, происходившим в конце 1-го тысячелетия. Первый серьезный пробел — отсутствие подробных сведений о добыче железа и работе со сталью. Армии, служащие новым династиям, нуждались в оружии и доспехах, но у нас нет сведений о том, как именно удовлетворялся имеющийся спрос. Тем не менее общая картина вполне ясна. Формирование государства было бы невозможным без некоторых важных социальных и экономических преобразований, подготовивших для него почву — появление более продуктивных и развитых методов ведения сельского хозяйства, последующий рост населения, резкий рост количества движимых ценностей и более развитая социальная иерархия, сформировавшаяся благодаря их неравномерному распределению.

Но если эти перемены стали благоприятным фоном для возникновения государства, то дальнейшие социальные и экономические преобразования были делом рук непосредственно

[1] Армия Олега: *Повесть* временных лет (880—882). Святослав: *Повесть* временных лет (971—972). О Владимире см. предыдущий комментарий и общий обзор: Franklin and Shepard (1996), глава 4.

правителей, и они крайне важны. В сфере экономики князья не только получали прибыль с новых международных торговых сетей (собирая налоги), но и активно расширяли их при каждом удобном случае. Сельскохозяйственное производство в центральных регионах их княжеств также было максимизировано. Однако к 1000 году ни один из этих процессов еще не был завершен. Начиная с XI века не только было реорганизовано сельскохозяйственное производство (путем учреждения первого варианта поместной системы), но к тому же внуки и правнуки правителей начали нанимать посредников, чтобы пойти еще дальше и посулить тысячам немецких крестьян такие выгоды, чтобы они не могли отказаться от переселения на восток[1]. Даже несмотря на то, что до конца тысячелетия все эти процедуры еще не были завершены, мы получили частичный ответ на свой вопрос. Амбицни правителей приносили просто невероятные результаты в этот период, потому что в условиях глубоких социальных и экономических трансформаций они фактически пытались распахнуть дверь, которая уже и так начала открываться.

Но это в лучшем случае половина ответа. Притязания князей стали запальным механизмом формирования государства, будучи одновременно причиной и следствием политической революции, которую мы наблюдали, а глубокие социальные и экономические преобразования подготовили для нее почву. Но что лежало за теми, первыми, социальными и экономическими переменами, давшими возможность выскочкам из новых династий переделать карту Центральной и Восточной Европы?

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

В советские времена все было легко и просто. Начиная с V века, нередко сосуществуя с местным населением, эгалитарные славяне получили господство над землями, которые в дальнейшем станут славянской Европой. Затем последовал долгий, медленный процесс внутреннего социального и экономического развития, продлившийся четыреста—пятьсот лет, пока на-

[1] Подробнее см.: Bartlett (1993), глава 5. По максимальным подсчетам, более 200 тысяч германцев переселились к востоку от Эльбы, прельстившись выгодными условиями.

конец не сформировались классы в рамках манориальной системы сельского хозяйства, и появились первые государства, основанные на неравномерном распределении контроля над сельскохозяйственными средствами производства. Это всегда больше походило на марксистскую сказочку, нежели на историческую реальность, и в более современных работах нередко подчеркивается, что на деле процесс образования государства был весьма сложным и бурным. Во многих местах славяне впервые появились лет на сто пятьдесят позже, чем считалось раньше, первый аналог поместной системы возник после того, как сформировалось государство, а не предшествовал ему, и археологические материалы говорят о внезапной и кровавой завершающей стадии процесса, когда династии с помощью грубой силы, а не в ходе долгосрочной социально-экономической революции уничтожили прежний социально-политический порядок и заменили его собственным. И теперь нам нужно понять, почему именно в IX и X веках династии вдруг сумели захватить власть — и взялись за дело с таким рвением. Как и при появлении крупных политических образований в германском мире в первую половину тысячелетия, ключевую роль сыграла постоянно расширяющаяся сеть связей между славянской Европой и более развитыми соседствующими с ней империями.

ИМПЕРСКИЕ ИГРЫ

Славянские страны в Центральной Европе напрямую контактировали с двумя сменившими друг друга империями: Каролингской в VIII—IX веках и Оттонидской в X. Они не были столь же могущественны, как Римская, но имеющейся мощи было более чем достаточно для того, чтобы их военные и дипломатические устремления имели серьезные последствия для соседних славянских и скандинавских обществ. Как и в римский период, непосредственные контакты между Каролингами и Оттонидами и их соседями осуществлялись путем имперской агрессии. Обе эти империи конца 1-го тысячелетия поддерживали свою территориальную целостность, раздавая щедрые дары местным элитам, которые не только управляли собственными территориями, но и снабжали императоров военной силой.

Но императоры из династий Каролингов и Оттонидов, во-первых, не обладали огромным финансовым резервуаром, который Римская империя обрела в Средиземноморье, и, во-вторых, толком не получали налогов даже с тех земель, которые контролировали. Поэтому «дарами» местным элитам нередко становилась недвижимость — к примеру, земли из императорских владений, что порождало тенденцию к расколу империи изнутри, по мере того как местные правители обретали слишком большую власть. Единственное, что могло повлиять на этот порочный круг, — экспансия, дававшая императорам доступ к альтернативной, возобновляемой форме богатства и возможность получать налоги систематически, а также награждать местные элиты, не подрывая собственную власть. Следовательно, основной причиной экспансии становилось стремление сохранить централизованную власть, и для поздних империй агрессия играла куда более важную роль, чем даже для Рима. Они обе нападали на своих соседей при любом удобном случае. За девяносто лет, разделяющих приход к власти Карла Мартелла в 715 году и последние годы правления его внука, Карла Великого, армии Каролингов находились в бою постоянно, за вычетом всего пяти лет. В первой половине X века стабильный «натиск на восток» со стороны изначально герцогской династии Саксонии стал одной из ключевых причин, по которым Генриху I и его сыну Оттону I удалось победить всех соперников и стать наследниками империи Каролингов[1].

Хищническая экспансия всегда была сопряжена с грабежом, но реальной прибылью от нее становилась долгосрочная, систематическая эксплуатация. Это касалось и тех территорий, которые не были полностью покорены и сохраняли частичную автономию. Со времен Генриха I Богемия была вынуждена платить ежегодную дань, а после 950 года — оказывать военную поддержку династии. Примерно десять лет, с середины 960-х годов, великопольский князь Мешко I тоже выплачивал им дань. На земли, полностью подчиненные империи, возлагалось еще более тяжкое бремя. Успешные кампании против так называемых полабских славян (небольших групп, живших в разных регионах между Эльбой и Одером (см. карту 14) в первой половине X века) позволили Оттонидам установить де-

[1] О каролингской экспансии и ее структурной значимости см.: Reuter (1985), (1990).

вять центров сборов («городов» — их называли urbes или, как сказано в наших источниках, burgwards) к востоку от Эльбы. Они получали от славян то, что в хартиях именуется изящным эвфемизмом «ежегодные дары», часть коих разделялась между двумя священнослужителями — фаворитами Оттонидов, архиепископами Магдебургским и Мейсенским. Хартии, дарованные названным епархиям Оттоном I, закрепили за ними эти права. Но не только церковные институты получали прибыль с новых притоков материальных благ. Приграничные укрепления (которые назывались марками) в ходе этого процесса (фактически) колонизации пользовались большим успехом у вельмож Оттона — из-за дополнительных возможностей обогащения. Их распределение вызвало яростные споры среди богатых семей, когда одна ветвь получала лакомый кусочек, а другая — нет. Приграничные укрепления стали причиной раздора между братьями Германом и Вихманом Биллунгами. Герман получил важный пост и всю жизнь хранил верность Оттону; зависть вынуждала Вихмана вступать в любой враждебный императору лагерь, за что бы ни боролись «силы оппозиции»[1].

Лучший пример процессу колонизации — государство, которое так и не сумело сформироваться: полабские славяне. Как мы видели, они ощутили на себе весь гнет имперской власти Оттонидов. Однако в 983 году, воспользовавшись тем, что династия была занята решением других проблем, они подняли бунт — и какое-то (очень недолгое) время им даже везло. Ненависть полабских славян к Оттонидам — и в особенности к церковным институтам, которые богатели на их трудах, — выразилась в яростных нападениях на церкви и священников, которые любовно описаны в наших христианских источниках. Но в этом бунте больше всего поражает тот факт, что его первоначальный успех был обеспечен политической реорганизацией общества. Когда полабские славяне попали под власть Оттонидов, они представляли собой небольшие политические объединения. Но успех мятежа был обусловлен созданием нового союза, вылившегося в появление нового этнонима — лютичи. Наши источники начинают использовать его сразу после мятежа. Лютичи — не новый народ, но новое, общее название для нескольких старых. Как и их германские товарищи по несчастью у рубежей Римской империи, полабские славяне на

[1] О раздорах см.: Leyser (1989). О burgward см.: Reuter (1991).

собственном горьком опыте поняли, что, только объединившись в большую группу, они смогут противостоять имперской агрессии[1].

Однако, когда первая стадия экспансии и завоевания закончилась, легче жизнь под боком у империи не стала. Правление Оттона III ознаменовалось прекрасными отношениями с Богемией и Польшей, кульминацией коих стало путешествие императора к могиле Адальберта. Однако после его смерти политика империи резко изменилась. Оттон не оставил сыновей, и после прихода к власти его кузена Генриха II в 1003 (1002. — *Пер.*) году начался период почти постоянных войн между империей и княжеством Пястов, в ходе которых новый император с удовольствием сделал своими союзниками язычников — полабских славян — в войне против своих христианских собратьев. Конечно, у Генриха были на то свои причины, но такая непоследовательность в политике свидетельствует о том, что народы, проживавшие за Эльбой, рассматривались империей как люди второго сорта, а значит, желание эксплуатировать их воспринималось как естественное и законное и проявлялось вновь и вновь. Такое отношение к ним не могло объясняться сложной и продуманной идеологией, как у римлян, чье необъективное и неприязненное восприятие варваров позволяло при желании считать их едва ли не животными. Поляков и богемцев отчасти защищало то, что они стали христианами, ведь не случайно позднее именно язычники на Эльбе и в Балтике ощутили на себе весь гнет «праведной», идеологически подкованной формы империализма. Речь идет о так называемых Северных крестовых походах, в ходе которых тевтонские рыцари огнем и мечом прорубали себе путь на север и восток. Однако даже христианские государства страдали от своего более низкого (с точки зрения империи) статуса и не могли быть уверены в том, что инстинктивное желание империи обогащаться, нападая на чужаков, не будет однажды реализовано за их счет[2]. И действительно, дипломатия IX и X веков полна резких поворотов в политике империи, вроде того, от которого пострадали поляки в начале XI столетия.

---

[1] Подробнее о полабских славянах и отличное собрание материалов по теме см.: Lübke (1984—1988) и Lübke (1994), (1997) — дальнейший подробный анализ.

[2] Полезное исследование см.: Dvornik (1949). О Северных крестовых походах см., например: Christiansen (1980).

К примеру, в конце VIII века, когда Карл Великий вел долгую и сложную кампанию по завоеванию Саксонии, одно племя полабских славян, ободриты, были его главными союзниками. Живущие на восточной границе саксов, которую Каролинги атаковали с юга и запада, ободриты стали крайне полезным вторым фронтом, и Карл Великий был им очень благодарен за поддержку. В обмен он даровал славянам новые земли, торговые привилегии, оказывал прямую и дипломатическую поддержку. Но как только Саксония была присоединена к империи (и в особенности когда стала ее центром), ободриты внезапно обнаружили, что больше не нужны. Из ценного союзника они превратились в потенциальных подданных, и политический курс империи развернулся на 180 градусов. Даже в те периоды, когда не было вооруженных столкновений, агрессивная дипломатия франков стала обычным делом и достигла своей кульминации на роковом пиру, устроенном Геро I, маркграфом Восточной Саксонской марки, когда были убиты тридцать предводителей ободритов. Это перекрывает даже «достижения» римлян, знавших толк в застольных кровопролитиях, — те обычно убивали по одному вождю зараз. Непредсказуемость жизни на рубежах империи была главным поводом для беспокойства и у правителей моравов в следующем веке. Взять хотя бы ранние годы правления князя Святополка I. Он получил власть с помощью правителя Восточно-Франкского королевства в 870 году; затем, спустя всего три года, когда политика империи изменилась, князь был заточен и пробыл в плену несколько месяцев, а в конечном итоге разграбил Баварию, желая отомстить за такое обращение[1]. Живя у границ могущественной империи, когда при этом большинство ее жителей считает вас людьми второго сорта, вы бы тоже опасались таких резких перемен в ее политическом курсе. В любой момент та или иная фракция могла попытаться набрать очков, заняв более жесткую — и более прибыльную — позицию по отношению к вам.

Примеры можно перечислять очень долго, но в этом нет нужды. Нас интересует общий эффект хищнической политики империи, сказавшийся на тех народах, в чью сторону она была направлена. Восстание полабских славян — яркий пример

[1] Геро: *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. 2.20; Heather (1997) (в целом об ободритах). Святополк: *Фульдские* анналы (870—872).

того, во что выливается обоснованная неприязнь к захватчикам, но примерно такое же отношение мы встречаем и у других. Недоверие Моравской династии к империи, к примеру, проявляется особенно ярко в религиозной сфере. Как и многие представители новых династий, правители Моравии решили принять христианство. Однако, вместо того, чтобы креститься у Каролингов, они рассмотрели все возможные альтернативные варианты, пригласив к себе в том числе византийских проповедников, с благословения папы, в 863 году. Они пошли на это исключительно из-за чувства неприязни к франкам, а значит, империя и любые ее действия вызывали подозрения у моравов. В конце концов после смерти Мефодия они были вынуждены креститься у Каролингов, после чего его оставшиеся ученики были изгнаны, а их место в 885 году заняло франкское духовенство, но ожидание неприятностей от империи на этом не закончилось. Оно выразилось в том числе в уже описанном нами случае в 882 году, когда Святополк, князь Великой Моравии, и его люди захватили в плен франкских графов Веринара и Веццелина и отрезали им языки, правые руки и гениталии.

Они мстили за то, как с ними обошелся Энгельшальк, когда был властителем того же приграничного региона, и пытались помешать его сыновьям продолжить дело своего отца. Смысл их действий очевиден, а месть — весьма символична. Я, конечно, не знаток образа мыслей среднестатистического средневекового морава, но это определенно в лучших традициях мафии, тот случай, когда увечья наносились с определенным умыслом. Я бы предположил, что они отрезали графам языки и правые руки, показывая, что ни словам, ни действиям их верить нельзя, а отсечение гениталий выражало надежду на то, что род этот прервется. Ненависть к имперским правителям, доведенная до такого предела, могла стать основой, практической и идеологической, на которой могли утвердиться новые династии. Создание крупного союза всегда подразумевало, что кто-то откажется от власти, уступив ее другому, но князья вполне могли пойти на это, если бы таким способом удалось избежать худших последствий хищнической политики империи. И хотя полабские славяне и моравы были самыми яркими примерами, есть причины полагать, что такой же эффект агрессия империи оказывала на все приграничные страны, в том числе Польшу, Богемию и Данию.

Подобное «зло, обернувшееся благом» было основным следствием военных и дипломатических контактов с империей и помогло нашим династиям успешно создать свои государственные структуры. Однако были и более позитивные аспекты. К примеру, если имперская политика велась в вашу пользу, перед вами открывались безграничные возможности. Путешествие Оттона III к гробнице Адальберта было международным событием колоссальной важности, и Болеслав Храбрый, как и многие современные правители на саммитах, наверняка был рад показать своим поддаиным, как высоко его ценит император. С другой стороны, разумеется, возможно, Оттона заинтересовал огромный крест из чистого золота, весть о котором привела в действие калькуляторы в головах его сопровождающих, сообразивших, сколько выгоды можно получить в случае успешной войны с Пястами (что и привело к двадцатилетнему противостоянию, но это другая история).

Нет, разумеется, нельзя сказать, что страдала только одна сторона. Как и правители империи, представители новых династий должны были заручиться политической поддержкой своих сторонников, чтобы править эффективно, и дары были таким же частым явлением к востоку от Эльбы, как и на западе от нее. Их взгляды на брак тоже не способствовали улучшению ситуации. Под влиянием христианства они начали отходить от полигамии к серийной моногамии, но жениться поочередно на нескольких женщинах и, как следствие, иметь множество потомков было нормой — пусть и не в масштабах Само в VII веке, у которого было двенадцать жен и тридцать семь детей. Такая невоздержанность приводила к спорам о преемственности и яростному соперничеству. Ярослав Мудрый, сын Владимира, к примеру, окончательно закрепился на троне только в 1018 году после продолжительной усобицы со сводным братом Святополком, которая шла с переменным успехом и унесла жизни еще как минимум троих братьев. Сам Владимир точно так же сражался со своим сводным братом Ярополком в 970-х годах, и тогда погибло примерно столько же представителей династии. Победить в такого рода войнах можно было лишь путем мобилизации воинов, служащих другим вельможам и приближенным князей, но за службу их следовало награждать. И, как и в римский период, успешные грабежи более богатых и развитых территорий империи были весьма эффективным способом удовлетворить притязания подданных, при этом не обанкротив-

шись. Судя по данным источников, ответные набеги полабских славян преимущественно сводились к тактике «бей и бери», но точно так же действовали, пусть и более продуманно, другие приграничные династии. Все конфликты с моравами в IX веке, с богемцами или поляками в X непремеино сопровождались с их стороны насильственным изъятием ценностей[1].

Помимо богатства и престижа, тесные контакты с империей также помогали закрепить власть новых династий — более законными методами. О двух из них мы узнаем из источников. Славянские государства X века в военном плане шли в ногу со временем, средн них хватало прекрасно экипированных рыцарей. До 800 года ничего подобного не было в помине. В IX веке даже саксонские армии Восточио-Франкского королевства и Каролингской империи состояли преимущественно из пехоты и легкой кавалерин. Саксонская кавалерия эпохи Оттонидов, облаченная в кольчуги и тяжелую броню, появилась лишь в конце IX — начале X века, когда саксы наконец пошли в ногу со временем. На этом фоне остается лишь удивляться тому, что в Польше и Богемии X века существовала тяжелая кавалерия. Нам мало известно о славянских методах ведения войн до IX века, но можно предположить, что если саксы не могли похвастать новейшими доспехами и броней, то у славян их не было тем более. Так как они смогли все о них разузнать и взять новые технологии на вооружение за какие-то сто лет? Наиболее правдоподобный вариант — знания просочились из нмперии на восток, за Эльбу. Уже в 805 году в указе, изданном в Тьонвиле, император Карл Великий пытался ввести ограничения на торговлю со славянами, разрешив ее лишь в специально отведенных центрах на границе вдоль Эльбы, включая Бардовик, Магдебург, Эрфурт, Халльштадт, Форххайм, Регенсбург и Лорх, — не в последнюю очередь потому, что его тревожили поставки оружия. Можно сделать вывод о том, что оружие и доспехи свободно продавались за границу, поскольку даже в империях бюрократический аппарат был недостаточно разви-

[1] О христианизации Моравии см. исследования, указанные в примечании на с. 678. О Веринаре см.: *Фульдские* анналы (882). Насилие и разбой были неотъемлемыми атрибутами всех войн в этот период, это видно по «Хронике» Титмара Мерзебургского, Повести временных лет, «Деяниям архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского и «Славянской хронике» Гельмольда. В последних двух источниках подробно рассказывается о войнах и набегах между империей и полабскими славянами.

тым, чтобы эффективно осуществлять таможенный контроль. Разумеется, мысль о современном каролингском снаряжении была весьма привлекательной для славянских народов, которые вполне могли встретиться в бою с франкской армией, к тому же такой импорт влиял и на внутреннюю политику. Неспроста в раннесредневековой Европе армия ассоциировалась с монархией. Приобретение снаряжения, которое могло обеспечить войску перевес в битве, было необходимым и давало новым правителям больше шансов расправиться с соперниками и подавить бунты. Таким образом, импорт военных технологий из империи ускорил процесс формирования государств на периферии[1].

С учетом вышесказанного интерес представляет и экономическая организация центральных регионов новых государств. Как мы видели, в них быстро появилась нестройная система больших поместий, на землях которых крепостные крестьяне выполняли определенные функции, помимо обеспечения поставок продовольствия. Такого рода организация превалировала и в империи Каролингов в IX столетии, в особенности в менее развитых регионах к востоку от Рейна. Возможно, это вполне разумный способ обеспечить население необходимыми продуктами в условиях нерыночной экономики, и в славянских землях к востоку от Эльбы он появился сам по себе. Однако существует возможность, что перед нами еще один плод тесных контактов между империей и ее периферией.

По сравнению с римским периодом в этой мешанине связей отсутствует дипломатическая манипуляция, в которой были весьма искусны римские императоры, систематически возвышавшие определенных правителей путем перестройки политической географии, чтобы дать им преимущество, если те или иные предводители могли обеспечить сохранность границ. Каролингские и оттонидские императоры тоже периодически возвышали своих фаворитов (вроде ободритов), но в источниках нет никаких намеков на то, что они пытались вмешиваться в политические структуры своих соседей. Однако существует вероятность, что дипломатические связи с другой империей могли сыграть важную роль на ранних этапах этих процессов трансформации. Моравия, Богемия и в какой-то степени Польша

[1] О развитии саксонских войск см.: Leyser (1982), эссе 1 и 2. О Тьонвильском указе см.: Boretius (1883), 44.7.

могут рассматриваться как государства-преемники Аварской империи, уничтоженной Карлом Великим в конце VIII века. Нам мало что известно о внутреннем управлении в Аварском каганате, но имеющиеся данные позволяют предположить, что он был устроен примерно так же, как империя гуннов. Разумеется, как и гунны, авары создали конфедерацию, основанную на неравенстве, в которой войско изначального кочевого ядра удерживало контроль над теми подданными, не слишком довольными их господством. Существовали более и менее высокие статусы, которые могли занимать субъекты в системе иерархии. Наиболее интересный пример функционирования последней — случай, когда одна группа, многие из членов которой были потомками римских пленников, получили статус свободных (противоположный рабам) и разрешение на избрание собственного лидера. Это тоже похоже на обычаи гуннов и наводит на мысль о том, что, не имея сложного государственного аппарата, авары управляли подчиненными народами, назначая правителей, которым могли доверять. В таком случае господство аваров могло помочь укрепить власть предводителей, которые периодически появлялись у славянских племен к началу VII века, когда новые лидеры начинали контролировать новые потоки материальных благ, прежде всего тех, что поступали из Византии. Это сочетание — развитие в VI веке, ускоренное последующими манипуляциями аваров, — является, на мой взгляд, наиболее правдоподобным объяснением того, что за распадом империи аваров последовало быстрое появление славянских князей, облеченных общепризнанной властью[1].

Военные и дипломатические контакты между этими новыми государствами и соседней империей принимали самые разные формы. Устремления Франкского королевства были чаще всего хищническими, что проявилось в волнах агрессии, исходящих от его границ. При благоприятных обстоятельствах на них следовал ответ со стороны новых государств (либо отдельных частей), когда славяне устраивали набеги с целью хищения ценностей, доступных к западу от Эльбы. В этом нет ничего удивительного, но оба феномена при этом обнаружили сильную тенденцию к ускорению процесса образования государств,

[1] *Чудеса* святого Димитрия Солунского. II.5; ср. быстрое появление таких видных лидеров, как Людевит, в исследованиях по теме (см. примечание на с. 698).

предоставляя правителям из молодых династий идеологическую базу либо средства, позволяющие повлиять на него. Помимо этих основных контактов, имелись и иные, менее значимые, которые играли ту же роль — прежде всего заимствование военных и иных технологий и те редкие моменты, когда император благоволил тем или иным князьям, способствуя их обогащению.

Оценивая общие закономерности развития государств с IX века, мы должны обратить внимание на две особенности. Во-первых, говоря о двух главных последствиях соседства с империей, следует отметить положительное влияние негативного фактора (использование чужой агрессии в роли идеологического фундамента для построения собственного государства) и позитивного (возможность грабить земли империи, превращая их в источник обогащения). При сравнительном анализе судьбы полабских славян с государствами Пястов и Пржемысловичей можно сделать вывод, что положительное влияние негативного фактора являлось более важным. У полабских славян было более удобное положение для регулярных грабежей, поскольку они проживали непосредственно на границе с империей и с удовольствием предавались этому занятию, но при этом франкам было слишком легко дать им отпор. И разумеется, суть имперской мощи в том, что при должном старании и отсутствии помех она куда сильнее всех соседних государств. Следовательно, в прямом столкновении между полабскими славянами и империей победитель мог быть только один. Польша находилась гораздо дальше, изолированная географически от непосредственной агрессии франков, в то время как Богемию защищали Богемский лес (Шумава), Рудные горы и массив Крконоше. Получается, что сам по себе доступ к богатым землям не мог стать подходящей основой для формирования государственности. Он был полезным ресурсом, но лишь в том случае, если вам удавалось пережить ответные удары империи и использовать себе во благо порождаемую ими неприязнь.

Во-вторых, разные типы контактов, позитивные и негативные, подталкивали целевые сообщества в одном и том же направлении на протяжении довольно долгого времени — разумеется, если им удавалось отразить попытки завоевания, регулярно предпринимаемые Франкским королевством. Мощный объединяющий фактор в виде борьбы за выживание, плюсы редкого проявления благосклонности со стороны им-

перии, потоки награбленного богатства, экспорт военного снаряжения и заимствование административных элементов — все это помогло представителям новых правящих родов укрепить свою власть в регионах. И эффект, способствующий их продвижению, был вызван не только военным и дипломатическим взаимодействием.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Очевидно, что для того, чтобы действия, направленные на формирование государства, были успешными, правителям нужно согласие хотя бы некоторых групп населения, так или иначе участвующих в процессе. По крайней мере, в Моравии, Богемии и Польше новые правители возвысились изначально в собственном сообществе или «племени», а затем уже сумели заручиться согласием на получение более широких полномочий, что, разумеется, напрямую зависело от их успехов и достижений. Даже когда появились более крупные государственные структуры, князьям по-прежнему было необходимо согласие народа, как минимум со стороны optimates центральных земель и, возможно, свободного класса, если мы правы в своем предположении о том, что его представители играли важную роль в жизни славянского общества на рубеже тысячелетий. В то же время в других аспектах формирование государства нередко протекало с применением грубой силы. При расширении сферы своего влияния за пределы первоначальной группы нередко уничтожались убежища или укрепления соседей, многих из которых впоследствии переселяли в Центральный регион. Большие и хорошо экипированные военные отряды были ключевым компонентом новых государственных структур, и сложно даже представить себе, что эти войска могли не играть ведущей роли в разрушении старого политического порядка и перемещении населения.

Все это подчеркивает чрезвычайную важность того, что правители были способны накапливать богатство в беспрецедентных количествах. Немалая их часть уходила на нужды отрядов. Воинам была нужна еда — и много. Сравнительный анализ потребностей дружин (часть которых относится исключительно к новым государствам) говорит о том, что они ожидали прежде всего соответствующего питания. И это вовсе не

говорит об их жадности. Все утро воины избивали огромные бревна утяжеленными вдвое мечами (чтобы одновременно нарабатывать мастерство и мышцы) и тренировали разум, на что уходило много калорий. Однако еда — это даже не половина дела. Как мы видели, отличительная черта княжеских армий этих новых королевств — самые современные доспехи и оружие, особенно защитная броня, которая стоила очень дорого, и не важно, покупали ли ее (как, очевидно, было поначалу — судя по Тьонвильскому указу) у франкских кузнецов либо производили у себя (к чему все и пришло). Именно боевой потенциал войск позволял проводить быструю, яростную экспансию, которая характерна для формирования государств Пржемысловичей, Пястов и даже моравских князей. Но на их производство уходило много денег. Отсюда очевидный вопрос: откуда брались эти средства и как попадали в руки правителей?

Глядя на Центральную и Восточную Европу IX–X веков, мы приходим к выводу, что самый вероятный ответ таков: князья получали доходы от сетей международной торговли мехами и рабами. Опять же, есть известное сходство между этим феноменом и процессами, в свое время преобразившими германские сообщества на окраинах Римской империи. Там римские легионы постоянно нуждались в продовольствии и рабочей силе, будь то солдаты или просто рабы. Как мы отмечали, стабильный поток платежей, идущий через границу, помог создать новые социальные структуры, которые укрепили союз германцев в позднеримский период. Однако между этими двумя случаями есть и существенные различия. Во-первых — масштаб происходящего. Торговля мехами и рабами в более поздний период шла с куда большим размахом, как в географическом, так и в экономическом ключе, чем во времена Римской империи. Рабы, разумеется, всегда стоили дорого, но торговля мехами, которая в начале тысячелетия вовсе не упоминается в источниках, приносила куда больше доходов, чем любой обмен товарами с римлянами. К тому же нет признаков того, что в римские времена рабы поставлялись из таких далей, с севера. И я не склонен считать случайностью тот факт, что более поздние торговые сети оставили более заметный след в наших источниках, как исторических, так и археологических, чем их ранние аналоги.

Во-вторых, и это одна из причин, по которым так увеличился масштаб, торговые сети конца 1-го тысячелетия действо-

вали опираясь на несколько источников спроса на ценные товары. Похоже, изначально источником спроса была Западная Европа, куда товары с севера Руси поставлялись с середины VIII века. Торговый центр в Старой Ладоге появился через пару поколений — задолго до того, как были установлены хоть какие-то связи с мусульманским миром. Это вполне логично, поскольку рост спроса в Западной Европе в этот период совпадает с расцветом династии Каролингов. Но скоро в игру вступает и мусульманская сторона. Уже в начале IX века на север потекли рекой мусульманские монеты, а значит, часть товаров теперь поступала к новым покупателям — элите империи Аббасидов. Это был самый ее расцвет, поэтому тамошний спрос на товары вскоре затмил таковой на западе, судя по количеству исламского серебра, оказавшегося в Балтийском регионе. Связь с мусульманским миром не была прервана даже после распада халифата Аббасидов в начале X века, поскольку там быстро сформировалось государство-преемник под управлением династии Саманидов из Восточного Ирана, которой принесли баснословное богатство серебряные шахты. Наконец, в середине — конце IX века на арену выходит и Константинополь. Византия была не столь богата, как исламский мир, однако быстро стала третьим источником спроса на элитные товары[1].

Сравнительное изобилие источников также позволяет нам изучить функционирование этой торговой сети более подробно, нежели в случае с римским периодом. Мы уже ознакомились с основными водными маршрутами, которые в IX веке открыли скандинавские путешественники, — в частности, путь по Волге и ее притокам в исламский мир, вниз по Днепру и через Черное море — в Константинополь. Были и сухопутные маршруты, ведущие через Центральную Европу в Западную, в которых важным промежуточным пунктом была Прага. Также нам кое-что известно о том, где обычно ловили рабов. Арабский географ сообщает, что русы искали своих жертв на западе, в то время как «западные славяне» шли на восток. Это подтверждается распространением мусульманских серебряных монет, которые шли на север в обмен на рабов и меха. Появляются целые их скопления. Два главных, как и ожидается, идут вдоль Волги и ее притоков и в Скандинавии. Однако третье находит-

[1] Подробнее о данном вопросе и исследования по теме см. главу 9.

ся между Одером и Вислой, прямо в сердце государства Пястов. Еще интереснее отсутствие монет на огромных территориях к востоку от Вислы и к северу и западу от Днепра. Таким образом, картина распространения монет подтверждает сообщения арабских географов. Регионы, где монеты не были обнаружены, — те самые, откуда увозили рабов, оказавшихся между молотом (русы) и наковальней (западные славяне)[1].

Это наводит на размышления о том, как именно правители получали доходы от новых торговых сетей. Все они, конечно, собирали налоги, но Рюриковичи, как мы видели, этим отнюдь не ограничивались. Активно участвуя в их работе, они развивали рынки, а не просто облагали их налогами. И раз продавали там преимущественно рабов, могла существовать тесная связь между развитием новых торговых сетей и появлением необходимых князьям дружин. Насилие и террор — норма в работорговле, не только потому, что жертвы отчаянно сопротивляются, но и потому, что запуганных людей проще перевозить. Я помню, как еще студентом взял учебник о средневековом рабстве и начал лениво пролистывать его (он был написан на французском, да и предмет был не так уж важен для моего тогдашнего исследования). Но мое внимание привлекла карта, на которой значком со скрещенными мечами были отмечены места боев. Это показалось мне странным. Приглядевшись, я понял, что это не мечи, а ножницы, а речь шла о «points de castration». В переводе это не нуждается. Женщинам везло не намного больше. Арабские географы с удовольствием описывали варварскую природу северных обществ и смаковали отвратительность русских торговцев рабами. Ибн Фадлан называет их самыми грязными из Божьих созданий, обращая внимание в том числе на их нелюбовь к личной гигиене. Он также говорит только о женщинах и детях среди рабов, которых продавали по Волге, с наслаждением вуайериста упоминая о том, как часто между работорговцами и их жертвами происходили сексуальные контакты.

Разобраться в этом довольно сложно. Если верить письменным источникам, можно подумать, что в исламские страны продавали вообще одних только женщин, но я не знаю, сто-

[1] О рабах у русов и западных славян см.: *Ибрахим ат-Тартуши.* Записка о славянах; ср.: McCormick (2001) (об общей важности новых связей).

ит ли этому верить. Возможно, на такие расстояния перевозить мужчин было попросту опасно, поскольку путешествовали русы по воде, до берега было не так уж далеко — в отличие от более поздней продажи рабов через Атлантику. Однако я не сомневаюсь в том, что сексуальная эксплуатация играла важную роль в выборе жертв. Так было всегда, когда дело касалось подневольных женщин, и остается только гадать, где Владимир раздобыл триста наложниц, которых он держал в Вышгороде, триста — в Белгороде и двести — в Берестовом[1].

Но нам важно другое, а именно — что прекрасно обученные и экипированные дружины были превосходным орудием не только для формирования государства, но и для захвата рабов. Некоторые набеги проводили посредники, но русы грязной работы тоже не гнушались, и есть причины полагать, что то же самое верно и для западных славян, возможно подданных Пястов и Пржемысловичей. Как мы видели, немало мусульманских монет обнаружено в землях первых, неподалеку от областей, откуда, судя по данным источников и отсутствию монет, увозили рабов. На мой взгляд, вполне можно предположить, что, как и Рюриковичи, Пясты вооружали и тренировали своих воинов не только на деньги налогоплательщиков, но и на доходы, получаемые от активного участия в международной работорговле.

Ценность новых торговых связей заключалась не только в том, что они приносили новые доходы. Не менее поразительным был общий эффект от возникновения новых структур власти, которые максимизировали приток финансов и контролировали его направление. Как и при современной глобализации, новые связи порождали баснословно богатых победителей — и полных неудачников. Выигрывали прежде всего новые правители и их ближайшие сторонники — предводители и воины дружин. В роли проигравших, разумеется, выступали люди, которых увозили в рабство, но также это коснулось и ближайших соседей, потерявших независимость и превратившихся в

[1] *Ибн Фадлан*. Записка о путешествии на Волгу; ср.: Повесть временных лет (993) о Владимире. Если торговали в основном женщинами, то это означает, что вдоль порогов Днепра русам приходилось самим волочить суда, но это может быть и художественным преувеличением. Разумеется, западная работорговля (по суше и по морю) касалась как мужчин, так и женщин: ср.: Verlinden (1955), источник карты остается под вопросом.

крепостных крестьян для оккупантов. И опять-таки, как и в наши дни, новые контакты между более и менее развитыми обществами не ограничивались лишь экономикой. Идеи и технологии тоже пересекали границу, и вызванные ими изменения были крайне важными.

Наиболее важным идеологическим аспектом, сократившим многовековой разрыв в развитии, была христианская вера. Христианство формально приняли правители большей части Скандинавии и Центральной и Восточной Европы к концу 1-го тысячелетия. Династия Пястов крестилась в 970-х годах, датчане под правлением Харальда Синезубого — примерно в то же время, Пржемысловичи — лет на двадцать раньше, а Рюриковичи — примерно через десять лет при князе Владимире. Моравы, конечно, приняли христианство раньше других, в середине IX века. Однако, при всей пользе и активном насаждении новой веры, новые правители за пределами имперской Европы считали один момент, связанный с ней, весьма досадным. Со времен Карла Великого получила распространение идея (хотя сама по себе далеко не новая), что титул императора наделяет человека высшей властью, так как он поставлен Богом править на земле от Его имени. Следовательно, принятие христианства фактически равнялось признанию законности притязаний империй, и, разумеется, это заставляло князей колебаться. Имелись и сугубо практические опасения. К примеру, если у вас нет собственной, абсолютно независимой церковной епархии, то все доходы, идущие в ваших землях на религиозные цели (к примеру, десятина), будут контролироваться не вами, поскольку они должны направляться в архиепископскую епархию. Архиепископы тоже могли (по крайней мере, теоретически) повлиять на назначение епископов, поэтому «имперский» архиепископ мог в любой момент вмешаться в выборы епископа в вашем государстве.

Эти потенциальные проблемы, разумеется, долго мешали Моравской династии принять христианство. Ее представители пытались решить эту проблему, обратившись к папе и Византии, а не к слишком уж тесно соседствующим с ними франкам. Возможно, по тем же причинам англосаксонские проповедники, а не находящиеся прямо под боком имперские священники сыграли ключевую роль на ранних этапах христианизации Скандинавии. Однако в дальнейшем поддержка соседней империи оказалась слишком притягательным фактором, и лучшим

вариантом решения проблемы стало принятие христианства, предлагаемого ею, но при этом — как сделала Польша — следовало получить право на собственного архиепископа, тем самым обезопасив себя от самых серьезных угроз[1].

Зачем вообще принимать христианство? Одно важное преимущество мы уже рассмотрели. Принятие веры богатой, развитой имперской Европы было важным шагом, если вы хотели избавиться от статуса «варвар» и получить доступ в клуб избранных христианских наций. Даже если затем вам угрожали проблемы, связанные с имперской гегемонией — или, по крайней мере, притязаниями на таковую, — это все равно лучше, чем оставаться варваром, ведь в этом случае империя и вовсе не будет знать границ, если тамошняя знать сочтет, что можно поживиться за ваш счет. Эта проблема, разумеется, и привела к конечному угасанию полабских славян, несмотря на то что в начале XI века они какое-то время пользовались расположением Генриха II, желавшего с их помощью сдержать рост власти Пястов. К этому моменту все амбициозные правители уже успели понять: принятие христианства означает получение существенных преимуществ, в том числе во внутреннем управлении государством.

Они делятся на несколько категорий. Во-первых, принятие христианства ставило князей на новый идеологический уровень. В 1-м тысячелетии христиане считали, что ни один правитель не смог бы прийти к власти, не будь на то воли Божьей. Таким образом, обращение в христианство позволяло князьям утверждать, будто они избраны высшей силой, тем самым возвышая себя и принижая своих соперников. Это могло оказаться полезным при тогдашних политических условиях, когда наиболее амбициозные князья едва-едва успели подняться над другими, нередко — грубой силой. Во-вторых, христианство было религией Писания — основные тексты, комментарии к ним и практические правила, появившиеся за века для организации необходимых мероприятий, существовали в письменной форме. Поэтому в раннесредневековой Европе христианские священники в целом были более грамотны, чем даже

[1] Аналогичная тенденция — избежать христианизации от соседней империи прослеживается и в случае с болгарами, которые стремились избежать подобных связей с Византией, подробнее см., например: Browning (1975). У болгар тоже ничего не вышло, однако, как и в Польше, у них появился собственный архиепископ.

представители элиты. Служители церкви могли стать полезными слугами новообращенных правителей, и мы знаем, что нередко так и получалось. В дальнейшем именно грамотность церковников сделает возможным функционирование более бюрократических форм управления — в особенности в том, что касается подсчетов и сборов налогов, получаемых наличными деньгами. В-третьих, и, разумеется, это проистекает из второго, христианство требовало немалых затрат. Строения, книги, постоянные священники — все это стоило очень дорого. Поэтому установление христианства всегда требовало введения новых налогов — в конце 1-го тысячелетия нередко в форме десятины, — которые шли на необходимые религиозные мероприятия. Все говорит о том, что правители придерживали часть собранных средств и использовали их в собственных целях, иногда напрямую присваивая долю десятины, иногда — косвенно. Косвенный метод работал лучше, поскольку короли и князья нередко сохраняли за собой право назначать священнослужителей высшего сана вроде епископов и аббатов, а потому могли отдать предпочтение своим сторонникам и тем самым заручиться их финансовой и иной поддержкой[1].

Этот список всегда вызывал у меня сомнения. К примеру, заверения и притязания всегда подлежат проверке. То, что обращенные в христианство правители стремились обрести больший авторитет, выдавая себя за Божьих избранников, еще не означало, что таковыми их считали все остальные, и в большинстве случаев переход в новую веру практически не сказывался на основной политической культуре. Новообращенных правителей могли свергнуть или убить, им могли противоречить — точно так же, как и их предшественникам-язычникам. Особенно ярко это проявилось, к примеру, в том, что Болеслав II решил покончить со Славниковичами в День святого Вацлава. Выбор даты, разумеется, не был случайным, и невольно начинаешь думать, что успех подобной затеи в такой праздник как бы оправдывает действия правителя, несмотря на всю их жестокость. Но Болеслав II был сыном и наследником Болеслава I Грозного, младшего брата Вацлава, убийцы,

[1] Наличие замечательного сочинения Беды и многих других источников со времен начального этапа христианизации Англии означает, что англосаксонский случай нередко становился основной моделью для изучения подобных идей. Отличное исследование см.: Mayr Harting (1972); ср.: Mayr-Harting (1994) (сравнение с Болгарией).

ставшего заменой брату. Возможно, любовь к кровопролитиям и уничтожению соперников была у потомков Болеслава I в крови, и они предпочитали заниматься этим непременно в конце сентября, выбирая символическую дату, которая станет напоминать потенциальным соперникам об их возможной участи.

Второе предполагаемое преимущество, скорее всего, не имело серьезного веса, поскольку не могло пригодиться новообращенным князьям, а потому вряд ли входило в их расчеты. Учитывая, сколько времени прошло между принятием христианства и появлением развитой грамотной администрации у англосаксов, где этот процесс хорошо описан в источниках и занял несколько веков, мы вряд ли можем считать, что князей подтолкнули бы к смене конфессии мечты о потенциальной революции в правительстве в далеком будущем[1].

Получается, что из всех преимуществ, которыми, как традиционно считается, сопровождается переход в христианство, весомым является только третье, и как раз оно, как и желание избавиться от ярлыка «варвары», стало важным фактором для большинства правителей, крестившихся в IX и X веках. К тому времени система сбора налогов в церковной сфере была так хорошо отлажена в имперской Европе, что включить в систему новые территории было несложно — и этот шаг мог принести князьям и королям значительную прибыль[2]. Однако я склонен верить, что оба этих преимущества меркли на фоне еще одного, о котором не так часто говорят. Его важность, хотя это кажется парадоксальным, проистекает из исторических условий, в которых новой вере активно противостояли.

Будучи грамотной религией развитого мира, обладавшей развитой идеологией и престижем, ассоциировавшейся с успе-

[1] Но почти ничто не указывает на то, что обращение в христианство изменило природу политического соперничества в славянском мире не более чем в англосаксонском — о нем см. замечательную работу Вормальда (Wormald (1978). С управленческой точки зрения то же самое — последние англосаксонские королевства стали христианскими в 681 году, когда Уэссекс завоевал остров Уайт, но зачатки административной системы, неплохо работавшей благодаря грамотности, на мой взгляд, появляются лишь два-три поколения спустя, и только в IX—X веках количество письменных свидетельств быстро возрастает.

[2] Каролингское право закрепило десятину в конце VIII века, см.: McKitterick (1977). Последующая христианизация славян выглядела несколько иначе, у них церковные налоги (так же, как и у англосаксов) не были жестко регламентированы.

хом и процветанием, христианство обычно «побеждало» в столкновениях культур в раннее Средневековье: примерно так же «Левайс» и «Макдоналдс» разошлись по всему миру, поскольку ассоциировались с ведущим мировым брендом, каковым является Америка. Лишь изредка контакт с христианством вызывал яростное сопротивление (как и успехи Америки в современном мире). Мы ранее сталкивались с одним примером, когда предводители готов-тервингов в IV веке начали преследовать христиан, поскольку эта религия ассоциировалась у них с господством Рима. Еще пару примеров данного явления можно наблюдать шестьсот лет спустя. Яркая антихристианская идеология была центральной во время бунта полабских славян против империи Оттонидов после 983 года, когда многочисленные церкви и монастыри были разграблены и сожжены, и даже над телами епископов, извлеченными из захоронений и ограбленными, нападавшие надругались. Немного иная антихристианская идеология, исходящая от князя, имела место на Руси примерно в тот же период. Хотя вдова Игоря Ольга перешла в христианство под влиянием Византии и крестилась во время визита в Константинополь в 957 году, ее сын Святослав и внук Владимир, правившие поочередно после ее смерти, фактически насаждали язычество, вопреки воле матери. Здесь проблема была скорее культурного плана, поскольку хищная организация Византийской церкви еще не успела поднять голову в Киеве[1].

Но в этих примерах агрессивного отношения к христианству интересно следующее: природа исконной религии должна была измениться, чтобы у нее появился шанс ему противостоять. Чтобы объединить столько разных народов и оградить их от влияния христианства, Владимир не стал запрещать разных богов, но возвысил Перуна, старого балтийского и славянского бога грома и молний, сделав его верховным, и заставил подданных поклоняться ему. Владимир объединял скандинавов, славян, финнов и бог знает кого еще, а потому для создания религиозного единства необходимо было выбрать один из, судя по всему, многочисленных культов, которым следовали его подданные. И даже среди полабских славян, культура которых

[1] О тервингах см. главу 2. О мятеже 983 года см.: Reuter (1991); Lübke (1994) (подробно о «Хронике» Титмара Мерзебургского). Повесть временных лет является основным источником, когда речь заходит о событиях на Руси, о ней см. подробный обзор с рассмотрением предыдущей историографии Shepard (2005).

была более однородной, антихристианство повлекло значительную перестройку их собственной религии. Другие верования не запрещались и здесь, но новый союз лютичей скреплялся в том числе общим культом — Радегаста. Все платили жрецам бога и храмам, у Радегаста просили совета перед каждой битвой, отдавая десятую часть трофеев. Нам мало что известно о славянских богах и язычестве до обращения этих народов в христианство, но тот факт, что правителям приходилось учреждать единый культ, чтобы бороться с христианством, говорит о том, что богов было великое множество и у каждого «племени» имелись свои[1].

На этом фоне христианство предлагало правителям, желающим объединить под своей властью огромные территории, удобный выход из положения. Наличие самых разных языческих верований, с которыми им приходилось иметь дело, было частью культурной системы, принадлежащей старому политическому порядку. В этих условиях христианство было очень привлекательным благодаря санкционированной нетерпимости: отказу мириться с существованием иных религиозных культов. Переход в христианство позволял правителю истребить старые религиозные практики, независимо от того, хватает ли у него священников на то, чтобы повсюду вместо языческих культов создать полноценные церкви. Тем самым он мог сломать один из основных культурных барьеров, который в противном случае мог помешать его попыткам утвердить новый политический порядок. Помимо других, более «положительных» преимуществ, христианство давало возможность уничтожить существующие религиозные структуры, что сделало его идеальным идеологическим аккомпанементом к процессу политического объединения.

РАВНЫЕ И ПЕРИФЕРИЯ

Новые государства, появившиеся в Северной и Восточной Европе к концу 1-го тысячелетия, были продуктами долгих и сложных трансформационных процессов, многие из которых

[1] Владимир: *Повесть* временных лет (978—980) и комментарии Shepard (2005). О полабских славянах см. исследования, указанные в примечании на с. 726.

уходили корнями в далекое прошлое. Миграционная экспансия конца V века и на протяжении VI способствовала первичной социальной дифференциации среди славяноязычного населения Европы. Империя аваров затем, судя по всему, установила принцип наследования власти в тех славянских группах, которые оказались в числе ее подданных, и новые государства IX—X веков сумели существенно увеличить объем сельскохозяйственной продукции и численность населения в той части Европы, которая была среди всех варварских земель наименее развитой. По крайней мере, некоторые из этих преобразований способствовали появлению крупных социально-политических единиц, основанных по большей части на взаимном согласии, когда отдельные индивиды соглашались нести тяготы, неизбежно сопровождавшие жизнь в большом сообществе, в обмен на экономическую и политическую безопасность, которую обещали союзы такого рода. Об этом свидетельствуют укрепления на холмах, возводимые вплоть до начала IX столетия, которые явно предназначались для коллективного использования, то были убежища, необходимые всем, а не форты, выстроенные по приказу некой важной персоны.

Пока процесс образования государства в общем укладывается в рамки социальных перемен, которым иногда дается название «политическое взаимодействие равных». В переводе с марсианского это означает, что перед вами мир, в котором перемены происходят постепенно в ходе соперничества между социальными единицами, численность и сила которых приблизительно равны[1]. Однако этот эволюционный процесс за последние два века изучаемого периода быстро сменился резкими скачками в развитии, катализатором которых стало растущее число контактов с внешним миром. Прежде всего Карл Великий уничтожил Аварскую империю, спровоцировав борьбу за власть среди ее бывших субъектов. И пока шла эта борьба, новые торговые сети в сочетании с военными и дипломатическими связями принесли немало материальных благ в Восточную и Северную Европу, не в последнюю очередь в виде драгоценных металлов. Получение доступа на богатый рынок затем

[1] Подробнее о концепции «политического взаимодействия равных», а также обзор некоторых конкретных примеров см.: Renfrew и Cherry (1986).

позволило самым успешным династиям обзавестись дружиной — и обеспечить ее новейшим снаряжением, — а затем быстро утвердить свое господство силой.

Пока шел этот процесс, состоявший из двух стадий, для вас, как участвующего в нем князя, главной задачей было обеспечить себе подходящее положение (географическое и/или экономическое), чтобы извлекать максимальную прибыль из нового богатства, движущегося в обе стороны по торговым сетям. Из четырех династий, которые внезапно возвысились за последние два века тысячелетия (не считая моравов, которые недолго продержались), три нашли идеальное положение для процветания. Прага, столица Пржемысловичей, была главным центром сухопутных маршрутов работорговли в Центральной Европе. Рюриковичи сами участвовали в торговле рабами и мехами, и отдельные намеки в арабских источниках и подозрительное скопление арабских монет указывают на то, что и Пясты нашли свою нишу. Возможно, то же самое касается и моравских князей, поскольку маршруты, пересекающиеся в Праге, проходили и по их землям, однако свидетельств тому у нас нет. На территории славянской Европы прослеживается отчетливая связь между позицией первого типа на торговых сетях — и успешным формированием государства.

Самая большая загадка во всем этом — династия Еллингов в Дании, о чьем участии в новых торговых операциях у нас нет никаких данных. Образование государства на Ютландии и соседних островах уходило корнями в более далекое прошлое, нежели в Северной и Восточной Европе. Учитывая, что здесь уже существовало государство до начала эпохи викингов, формирование нового королевства в Дании могло заключаться в возвращении к тому, что и без того было еще живо, а потому у тамошних правителей не было необходимости гоняться за новыми богатствами, чтобы обеспечить свое войско. Однако на это можно возразить, что судьба династии Еллингов тоже была тесно связана с международными торговыми сетями. Когда Святослав, великий князь Руси, в 960-х годах начал свои агрессивные кампании на восток, к Волге, серебро перестало поступать на север в Скандинавию, хотя оно по-прежнему доходило до России. Несложно сделать вывод, что, как и при нападении на Константинополь, Рюриковичи нацелились здесь на свою долю в прибыли и намеревались, помимо всего прочего, убрать скандинавских торговцев с Волжского маршрута.

После короткой паузы скандинавские купцы, очевидно, нашли альтернативный путь на юг, и примерно через десять лет деньги вновь потекли в их земли. Затем, в 980-х годах, потоки мусульманского серебра в Балтику резко прекратились.

Именно в это время скандинавские грабители снова начали появляться в водах Западной Европы, в особенности у процветающего Англосаксонского королевства Этельреда Неразумного, у которого эти викинги X века регулярно требовали дань в виде серебряных монет и слитков. Мы знаем наверняка, что Этельред платил дань скандинавам, поскольку десятки тысяч англосаксонских монет и слитков сохранились в Скандинавии. Их распространение говорит о том, что пересыхающая река мусульманского серебра (возможно, результат вмешательства Рюрковичей на Волге) вынудила северных скандинавов искать альтернативные источники дохода, и династия Еллингов возглавила этот процесс. Поступив так, она избежала судьбы рода Готфрида в первой половине IX века, власть которого была подорвана первыми притоками материальных ценностей в Балтику в эпоху викингов. Тот факт, что династия Еллингов сама вела нападения на запад, тоже указывает на то, что их власть так или иначе зависела от мусульманского серебра, источник которого оказался перекрыт. Возможно, они получали доход с налогов — или даже с торговли или обмена товарами, как Рюриковичи[1]. Если так, то датская династия не так сильно отличается от других успешных родов X века.

Другие виды контактов с имперской Европой также играли важную роль в укреплении династий. Обернуть агрессию империи (при условии, конечно, что, в отличие от полабских славян, вы не находитесь с ней в слишком тесном соседстве) в свою пользу — идеальный способ заручиться поддержкой изнутри, если ваша династия способна обеспечить эффективное управление. Новые военные технологии, экономическое развитие, вера империи, не говоря уже о богатстве, получаемом в ходе грабежей более богатых приграничных имперских земель, — все это тоже формы взаимодействия с имперской Европой, которые стали двигателями прогресса при образовании новых государств и катализаторами преображения славянской Восточной и Северной Европы в IX—X веках. И разумеется, даже первичная социальная стратификация в VI веке и заим-

[1] Подробнее о распространении монет см.: Noonan (1997), (1998).

ствование более развитых методов возделывания почвы связаны так или иначе с более ранними контактами такого рода. Если воспользоваться терминологией аналитиков, то модель центра-периферии (когда речь идет об обмене между партнерами, неравными по силе и развитию) больше подходит к картине, которую мы видим в конце тысячелетия, нежели модель «политического взаимодействия равных», и нужно обратить внимание на две характерные особенности первой. Для начала, взаимодействие осуществлялось через самые разные контакты. Перед нами вовсе не модель, основанная исключительно на экономической составляющей, то есть торговле, в отличие от случаев с более ранними обществами. Политические, идеологические, даже технологические контакты тоже сыграли свою роль, направляя социально-политические перемены. К тому же, в отличие от германцев в первой половине тысячелетия, государства за пределами империй отнюдь не были пассивными получателями имперских даров. Напротив, население севера и востока Европы, по крайней мере его часть, принимало активное участие в обменных процессах, стремясь получить максимум выгоды от положительных аспектов и минимизировать отрицательные[1].

Наконец, остается поразмыслить о роли миграции в разворачивающейся перед нами драме. По сравнению, скажем, с западными государствами — преемниками Римской империи в V веке миграция сыграла довольно незначительную роль на финальных стадиях формирования государств в Северной и Восточной Европе. Из пяти рассмотренных государственных структур лишь одна — под управлением Рюриковичей — сформировалась благодаря вмешательству иммигрантов, и даже там, как мы видели, скандинавских пришельцев было сравнительно немного. Сложно представить, как Киев и Новгород могли бы оказаться связанными без решительной деятельности скандинавских купцов и их желания получать долю из операций друг друга. Но их было слишком мало для того, чтобы управлять хотя бы военными силами нового государства, в которое вошли славяне, финны и другие народы. Это миграция куда меньшего масштаба, чем даже в государствах — преемниках

[1] О сравнительном исследовании как древних, так и современных примеров см.: Gottmann (1980); Rowlands et al. (1987); Bilde et al. (1993); Champion (1995). Очень важна общая концепция посредничества, см.: Wilson (2008).

Римской империи, созданных путем частичного замещения элиты. Но Датское, Польское, Богемское и Моравское государства были созданы исключительно из местных групп населения. И элемент миграции здесь кажется еще более незначительным, нежели в те времена, когда германские племена собирались на окраинах Римской империи во II и III веках н. э.

В этой первой революции среди европейских варваров поздней Античности роль миграции порой оказывалась более важной, порой — менее, и она всегда шла бок о бок с процессами социально-экономической и политической трансформации. Однако, как правило, имело место перемещение населения, в особенности в направлении к римским границам, где контакты с развитым Средиземноморьем, приносившие большие доходы, можно было максимизировать. Славянская эпоха началась с аналогичной схемы миграции в конце V—VI веках, когда славяноязычные группы вступили в контакт с Византийской империей и нашли способы извлекать выгоду из близости к ней, что запустило глубокие процессы преобразований в их собственных сообществах. Но когда в IX—X веках процесс формирования государства резко ускорился, миграционная модель может привлечь внимание исключительно своим отсутствием. Новые славянские и скандинавские государства сформировались на тех же землях, без попыток переселиться к центру притяжения в лице более развитой имперской Европы.

Нам необходимо рассмотреть еще лишь одну проблему, прежде чем данное исследование варварской Европы подойдет к завершению. Почему давно установившиеся миграционные модели, так часто встречавшиеся на протяжении двух третей тысячелетия, резко прекратили свое существование в последних его веках?

Глава 11
КОНЕЦ МИГРАЦИИ И РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

В середине 890-х годов последняя волна грозных кочевников вторглась в сердце Европы. Пройдя по следам гуннов и аваров, мадьяры постепенно перешли с северного побережья Черного моря к Альфёльду. И итог был вполне предсказуемым — точно таким, как в прежние времена: «[Мадьяры] опустошили всю Италию, и после смерти от их рук многих епископов италийцы попытались одолеть их, и двадцать тысяч человек пали в битве в один день. Они ушли тем же путем, каким пришли, и возвратились домой, уничтожив большую часть Паннонии. Они коварно направили послов баварам с предложением мира, чтобы разведать их земли, что — увы! — принесло зло и потери, невиданные ранее, в Баварское королевство. Ибо мадьяры пришли нежданно, великой армией, переправились через реку и вторглись в королевство Бавария грозным войском, и за один день принесли страшное опустошение, убивая и сея разрушения огнем и мечом, на территорию в пятьдесят миль в длину и пятьдесят в ширину»[1].

Жители Альфёльда и соседних регионов, в том числе Великой Моравии, располагавшейся на территории современной Словакии, вскоре были покорены, и отряды мадьяр свирепой волной прокатились по северу Италии и югу Франции, с яростью, которой не видели и во времена Аттилы, в то время как полноценные их армии трижды разбили противников из Восточно-Франкского королевства за первое десятилетие X века.

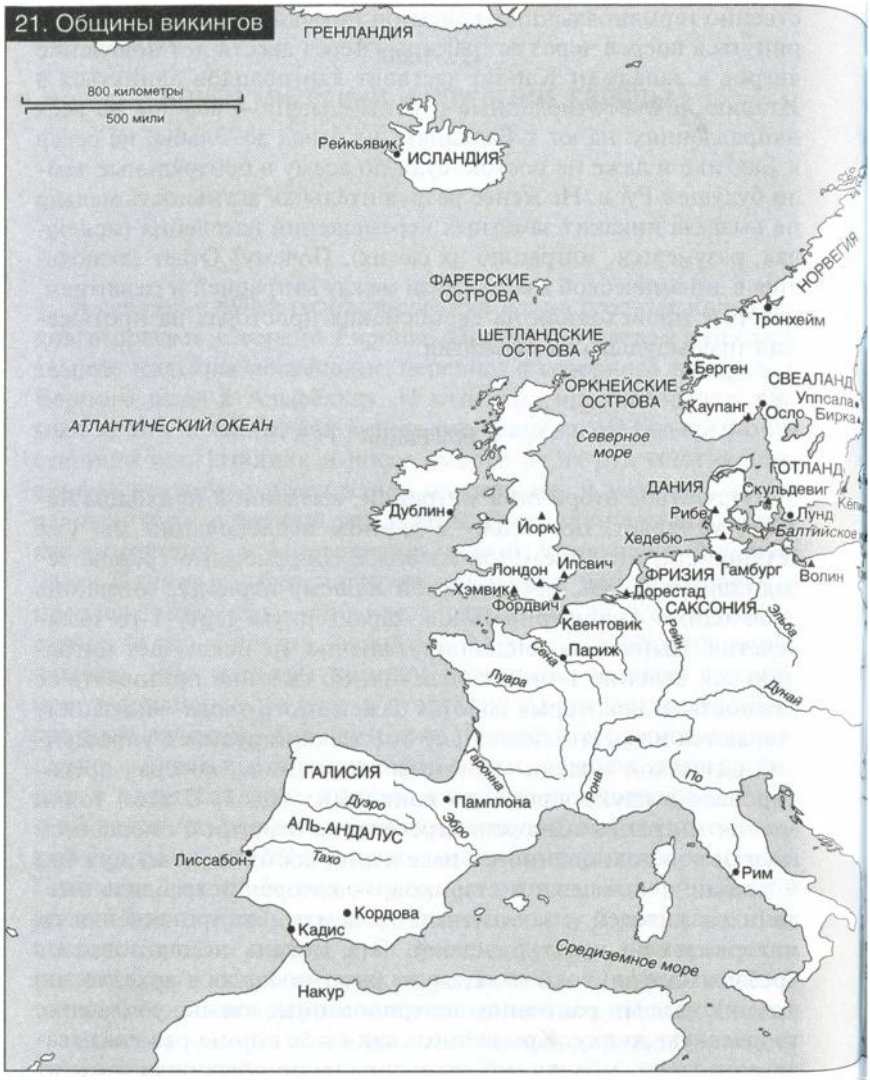
Но один элемент обычных для кочевников развлечений отсутствовал в путешествии мадьяр по Европе. Пятьсот лет назад две волны нашествия гуннов на запад (к северному побережью Черного моря в 370-х годах, затем, через поколение, на Среднедунайскую равнину) вынудили полузависимых, преимуще-

[1] *Фульдские* анналы (900).

ственно германоязычных клиентов Римской империи массово ринуться вперед через ее границы. Через двести лет появление аваров к западу от Карпат заставит лангобардов двинуться в Италию, а многочисленные группы славян — вообще во всех направлениях: на юг к Балканам, на запад до Эльбы, на север к Балтике и даже на восток, судя по всему в центральные земли будущей Руси. Не менее разрушительная активность мадьяр не вызвала никаких заметных перемещений населения (исключая, разумеется, миграцию их самих). Почему? Ответ заключается в динамической взаимосвязи между миграцией и развитием, которые происходили на европейских просторах на протяжении предыдущего тысячелетия.

МИГРАЦИЯ

Отсутствие вторичной миграции, вызванной приходом мадьяр, удивляет, поскольку в данном исследовании мы уже установили, что, несмотря на более современные тренды сегодняшней науки, посвященной нашему периоду, миграцию необходимо рассматривать как характерную черту 1-го тысячелетия. Нынешняя тенденция, конечно, не исключает миграцию как явление 1-го тысячелетия, но склонна принижать ее важность. В некоторых работах даже самого слова «миграция» стараются избегать, поскольку оно ассоциируется с упрощенной развязкой модели «гипотезы вторжения», которая превалировала в науке вплоть до конца 60-х годов. С этой точки зрения миграция означала переселение огромной смешанной группы — «полиоценного» населения, состоящего из мужчин и женщин, молодежи и стариков, — которая истребляла имеющихся жителей и захватывала их земли, быстро заменяя их материальную культуру своей. Эта модель использовалась чрезвычайно широко и затянула развивающуюся археологию в тупиковые миграционно-центрированные схемы, убивавшие творческую жилку. Кроме того, как с тех пор не раз указывали археологи, модель, по сути, ничего не объясняла, потому что никогда не задавалась вопросом о том, *почему* большие группы могли вести себя подобным образом. Поэтому вполне логично, что в дальнейшем археологи сосредоточились на других потенциальных причинах изменений материальной культуры. И их великое множество. Все, от смены религии до

21. Общины викингов
ГРЕНЛАНДИЯ
800 километры
500 мили
Рейкьявик
ИСЛАНДИЯ
ФАРЕРСКИЕ ОСТРОВА
ШЕТЛАНДСКИЕ ОСТРОВА
ОРКНЕЙСКИЕ ОСТРОВА
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
НОРВЕГИЯ
Тронхейм
Берген
СВЕАЛАНД
Уппсала
Каупанг
Осло
Бирка
Северное море
ГОТЛАНД
ДАНИЯ
Скульдевиг
Рибе
Лунд
Балтийское
Дублин
Йорк
Хедебю
Ипсвич
Лондон
ФРИЗИЯ
Гамбург
Волин
Хэмвик
Дорестад
Фордвич
САКСОНИЯ
Эльба
Квентовик
Рейн
Сена
Париж
Луара
Дунай
ГАЛИСИЯ
Эбро
Памплона
Дуэро
Рона
По
АЛЬ-АНДАЛУС
Тахо
Лиссабон
Рим
Кордова
Кадис
Средиземное море
Накур

▲ эмпории VIII в.
Баренцево море
Белое море
Старая Ладога
Волхов
Белоозеро
Новгород
Ярославль
Булгар
Ока
Гнездово
Висла
Киев
Дон
Днепр
Волга
Итиль
Днестр
Дунай
Черное море
Каспийское море
Аральское море
ТРАНСОКСАНИЯ
ХОРЕЗМ
Константинополь
Тигр
Евфрат
Багдад

сельскохозяйственных инноваций и социального развития, могло оказать на нее огромное влияние. Крайне подозрительное отношение к миграции также пересекло междисциплинарные границы. Некоторые историки, специализирующиеся на периоде раннего Средневековья, теперь убеждены в том, что абсолютно все, что хоть как-то относится к старой гипотезе вторжения, не имеет связи с реальностью, а потому готовы считать недостоверными любые исторические источники, в которых встречаются упоминания о схожих с миграцией феноменах.

Однако целью данного исследования было заново, беспристрастно изучить все данные о миграции в 1-м тысячелетии, чтобы прежде всего переосмыслить ее в свете того, что собой представляет миграция в современном мире. И с этой точки зрения один из важнейших выводов заключается в том, что сведения о переселении в 1-м тысячелетии более весомые и вразумительные, чем было принято считать в последнее время. Глубоко укоренившееся желание избежать упоминания миграции (более успешное, чем в случае Бэзила Фолти в сериале «Фолти Тауэрс», который изо всех сил старался не говорить с немцами о войне) теперь не давало им в ходе обсуждения поворотных моментов истории 1-го тысячелетия прийти к наиболее правдоподобному варианту развития событий и тем самым затрудняло анализ общих закономерностей развития, которые тогда имели место.

Из всех компаративных исследований следует непреложный вывод: одна из основных особенностей поведения человека разумного — использование движения, то есть миграции (я снова вернулся к этому, но думаю, меня простят...) в качестве стратегии для улучшения качества жизни, не в последнюю очередь для того, чтобы получить больше еды либо материальных ценностей. Размер миграционной единицы, баланс мотивации, тип места назначения и другие элементы варьируются в зависимости от обстоятельств, но общая суть явления присутствует так или иначе. На практике продолжают упоминаться две модели миграции, даже в работах, максимально нацеленных на принижение ее роли, — это «переселение элиты» для обозначения переселения больших групп людей и «волна продвижения» для малых миграционных единиц. Их преимущество в том, что они отличаются от старой гипотезы вторжения. Замещение элиты предполагает, что в целом в процессе приняло участие не

так уж много людей и что их миграционная активность не оказала чрезмерно серьезного воздействия. Одна элита сменилась другой — что тут такого? Модель «волна продвижения» оперирует смешанными миграционными единицами (преимущественно семьями), но колонизация новых земель протекает медленно, постепенно, преимущественно мирным путем и не является намеренной, а намерение было одним из ключевых элементов старой модели вторжения, которая больше всего смущает нынешних ревизионистов. Сколько случаев миграционной активности в Европе можно успешно описать, опираясь на эти модели?

МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ

Некоторые — безусловно можно. С небольшими ошибками в хронологии, классический, прекрасно документированный пример переселения элиты — это Нормандское завоевание Англии в 1066 году. За последующие двадцать лет, как указано в Книге Судного дня, иммигранты, то есть нормандская элита, захватили сельскохозяйственные поместья Англии, прогнав или уничтожив уже имеющихся землевладельцев. Но подавляющее большинство исконного населения осталось на своих местах и после прибытия нормандцев. Под эту категорию подпадает и распространение вельбарской культуры (по крайней мере, отчасти) в I—II веках н. э., в какой-то степени и славянских систем, в особенности поселений корчакского типа, появлявшихся на преимущественно незаселенных нагорьях Центральной Европы, — они подходят под модель «волна продвижения». Однако в целом при изучении событий 1-го тысячелетия становится ясно, что эти модели слишком просты и узки, чтобы охватить все описанные в источниках случаи миграционной активности.

Несомненно, сами эти модели нуждаются в пересмотре. Они либо объединяют в одну группу существенно отличающиеся друг от друга феномены, тем самым создавая путаницу, либо вследствие узкой направленности становятся почти неприменимыми — по крайней мере, при работе с миграционными потоками 1-го тысячелетия. В ее нынешнем виде модель «замещения элиты» не учитывает специфику Нормандского завоевания, когда вторгшаяся в страну новая элита смогла с легкостью стать на

место старой, оставив существующие социально-экономические структуры без изменений, а последствия для общей массы населения оказались не слишком значительными, хоть и не настолько минимальными, как утверждают желающие минимизировать важность миграции[1]. Но такая модель применима лишь в том случае, когда пришлая элита по численности приблизительно равна старой, и я почти уверен (хотя доказать свою точку зрения не смогу), что на протяжении всей истории человечества она подойдет лишь к незначительному проценту случаев.

Разумеется, в 1-м тысячелетии н. э. хватает примеров, когда вторгшаяся элита (пусть даже сравнительно небольшой группой, а иногда и вовсе составляющей крайне малый процент по сравнению с общей численностью населения) все же оказывалась слишком многочисленной, чтобы обойтись без переделки имеющихся земельных владений. В этих случаях существующая поместная структура нарушается как минимум частично, происходит перераспределение и земель, и рабочей силы. В результате смещается баланс между элитой и иными классами населения, а значит, общие последствия миграционного процесса являются весьма серьезными. Такого рода переселение элиты не могло не оказать заметного влияния на социально-экономический строй, а возможно, и на культуру, поскольку население было вынуждено тесно контактировать с пришлой элитой, более многочисленной, чем местная. Именно такие контакты, которые мы с V века наблюдали в англосаксонской Англии и франкской Галлии к северу от Парижа и, возможно, в меньшей степени в Данелаге после 870 года, порождали существенные культурные изменения, в том числе лингвистические, поскольку местное население было вынуждено вписываться в рамки поведения, продиктованные новой и сравнительно многочисленной элитой чужаков, живущих с ними бок о бок[2].

Случаи частичного замещения элиты опять-таки отличаются от уже описанных нами. Они наиболее часто встречаются в средиземноморских регионах старого римского запада в V—VI веках. Здесь имела место реорганизация экономики, вызванная необходимостью подстроить ее под чужаков — готов,

[1] О том, насколько норманды изменили порядок управления жизнью деревни, см.: Faith (1997).

[2] См. особенно главы 6 и 9.

вандалов, бургундов и прочих, — но при этом уцелела значительная часть старой римской элиты. В дальнейшем уже пришельцам приходилось цепляться за свою культуру, и меняться начинал их язык, а не язык местных. Однако это еще не говорит о том, что такая форма миграции — самая ограниченная из всех, встречающихся в 1-м тысячелетии, — оказывала лишь незначительное влияние на затронутые ею регионы. В первом случае политика в стране определялась новой элитой за счет местного населения, по крайней мере в том, что касалось смены королевской власти, и общие политические последствия были достаточно глобальными, чтобы спровоцировать серьезную структурную перестройку. Исчезновение на краткий либо более долгий срок масштабной централизованной системы налогообложения сельскохозяйственного производства и последующее ослабление государственных структур на послеримском западе объясняется, вероятнее всего, милитаризацией жизни представителей высшего класса, последовавшей за созданием этих структур из-за обосновавшейся здесь элиты чужаков.

Модель «волны продвижения» тоже требует существенного теоретического пересмотра. Основная проблема с ней, даже в довольно важных случаях вроде распространения вельбарской культуры в I—II веках, заключается в том, что в Европе 1-го тысячелетия почти не осталось пустой, нетронутой земли, если первые земледельцы обрабатывали ее еще 4 тысячи лет тому назад. К 1000 году здесь по-прежнему было много лесов, и мы прощаемся с европейской историей в момент, когда новая волна сельскохозяйственной активности начала их прореживать. Но фермеры расчищали землю на протяжении тысячелетий, и лучшие места давным-давно были обжиты человеком. В таких условиях экспансия, осуществляемая наугад и не встречающая сопротивления (к примеру, семьями времени корчакской культуры либо большими родами), редко могла иметь место. Возможно, носители корчакской культуры и впрямь расселялись семьями либо большими родами по новым территориям, не встречая сопротивления — но лишь благодаря тому, что они шли не наугад, а тщательно выбирая незанятые, периферийные земли на нагорьях Центральной Европы. Но последующее склонение огромных территорий к славянской культурной модели и сообщения об агрессии славянских племен в других регионах указывают на то, что принуждение могло иметь место. Скорее всего, то же самое верно и для первых

вельбарских поселенцев. Вначале экспансия вельбарской культуры, похоже, действительно осуществлялась небольшими социальными единицами, но опять-таки пшеворские сообщества стали частью их культурного горизонта в результате их же активности. Возможно, слияние произошло добровольно, но я подозреваю, что наиболее правдоподобную модель происходящего нам дают примеры миграции малого масштаба эпохи викингов.

Небольшие миграционные единицы скандинавов начали прибирать к рукам земли в Северной Шотландии и на северных и западных островах Британии к началу IX века. В этом случае логистические проблемы (вроде трудностей в приобретении кораблей) налагали определенные ограничения, которых не знали носители корчакской или вельбарской культуры. Поэтому, как сообщают источники, при последующей экспансии скандинавов в Исландию и Гренландию миграционные единицы должны были организовываться ярлами или менее знатными землевладельцами (holds), обладавшими достаточными средствами для покупки или аренды кораблей. Но в то время как Исландия и Гренландия были практически незаселенными территориями, на севере Шотландии и островах сложилась совсем иная картина, и действия норманнов здесь были весьма агрессивными. О старой гипотезе, включающей в себя этническую зачистку, речи не идет, но местное население так или иначе получило более низкий статус и со временем усвоило культурные традиции чужаков. Следовательно, миграция малыми группами вовсе не обязана была быть мирной. При встречах с местным населением, не обладавшим крупными политическими структурами с региональными центрами, небольшие миграционные единицы могли успешно утвердиться на новой территории силой. Получается, к модели «волна продвижения» мы должны добавить варианты миграции малыми группами, которые действовали обдуманно и/или агрессивно. И тогда эта модель будет применима к многочисленным случаям прихода чужаков в уже заселенные территории Европы 1-го тысячелетия; не только к вельбарской, корчакской и скандинавской экспансии, но, возможно, и к раннегерманскому переселению к Черному морю в III веке или переходу германцев с Эльбы на Декуматские поля; или даже к передвижению славянских объединений на север и восток в Россию в VII—IX веках.

Из имеющихся у нас данных становится ясно, что нельзя провести четкую грань между волной продвижения и масштабной миграцией. Тот факт, что миграция началась с переселения небольших групп, еще не означает, что ситуация не менялась в дальнейшем. Лучший тому пример из имеющихся у нас — викинги. Изначально набеги и переселение скандинавов в конце VIII — начале IX века осуществлялись исключительно малыми группами. В самом первом вооруженном конфликте принимали участие команды трех судов — возможно, сто человек, — и у нас нет причин полагать, что поселения в Шотландии и на островах основывались куда более крупными группами. Однако, по мере того как нарастало сопротивление и доходы и появлялось желание поселиться в более плодородных областях Британских островов, путь к которым преграждали более крупные политические структуры в виде англосаксонских королевств, более влиятельные скандинавские предводители начали присоединяться к потоку, и среди мигрантов образовались крупные коалиции. Процесс достиг своей кульминации в эпоху Великих армий, с 865 года, когда появились союзы, собранные с целью захвата пригодных для поселения территорий сначала в англосаксонской Англии, а затем и в Северной Франкии. Если ранние набеги осуществлялись группами в сто человек, то войска Великих армий насчитывали от 5 до 10 тысяч. Необходимо помнить и о том, что в эпоху викингов предпочтение отдавалось водным путям, так как это обстоятельство накладывало на мигрантов определенные ограничения, не игравшие роли в других случаях, однако эволюция потока от грабительских отрядов до Великих армий является замечательным (и хорошо описанным в источниках) примером того, как (в случае военного и финансового успеха) изначально скромная по своим масштабам миграция может постепенно привлекать все большее число участников. Для более ранних примеров источниковая база не столь хороша, к тому же у них не было проблем с водным транспортом. Тем не менее набирающая обороты миграция викингов является полезной моделью, на основе которой можно анализировать ряд других миграционных феноменов 1-го тысячелетия, не в последнюю очередь переселение готов во II—III веках и лангобардов в IV—V, которое начиналось с малого, но выросло в масштабе и привело к появлению достаточно крупных войск, способных вести серьезные сражения с римской армией и местными соперниками (вроде кар-

пов). Она отчасти применима и к захвату бывшей римской Британии англосаксами, а также к алеманнам в III веке.

Даже за вычетом наиболее спорных аспектов, весь объем данных по 1-му тысячелетию указывает на необходимость пересмотра существующих на данный момент миграционных моделей. Но помимо продвижения малых групп, замещения элиты и миграционных потоков, постепенно набирающих обороты, источники порой сообщают о крупных, смешанных группах, пускающихся в путь, состоящих из 10 и более тысяч воинов, которых сопровождают зависящие от них женщины и дети. И мало того что такие рассказы вызывают сомнения, будучи слишком близкими к старой гипотезе вторжения, но еще и такого рода миграционные единицы не фигурируют в современных условиях, когда большие, смешанные группы мигрантов срываются с места лишь в том случае, если мотивация политическая и негативная — то есть когда население стремится избежать притеснения, погромов и кровопролития, как было в Руанде в начале 1990-х годов. Но в источниках 1-го тысячелетия представлена совсем иная картина. Они приводят более позитивные мотивы и отмечают определенный уровень организации в группах, вторгшихся с хищническими целями на чужие земли. Можно ли поверить в то, что нам сообщают источники? Следует ли считать переселение крупных, смешанных и организованных групп частью общей картины миграции 1-го тысячелетия?

ВТОРЖЕНИЕ

Даже при применении самых современных методов датировки — вроде анализа ДНК или радиоуглеродного анализа — археологические материалы, способные повлиять на исход этого спора, в лучшем случае являются тупым орудием. По-прежнему ведутся яростные споры о том, сможем ли мы хоть когда-нибудь получить достаточное количество образцов ДНК, доступных для изучения, из человеческих останков 1-го тысячелетия, сохранившихся во влажной и холодной земле Северной Европы. С того времени в демографии произошло слишком много изменений, чтобы процент распределения современных генотипов мог дать нам ясную картину процентного соотношения их предков, живших полторы тысячи лет тому назад, исключая

разве что Исландию (действительно уникальный случай), где до прибытия викингов не было собственного населения[1]. Радиоуглеродный анализ тоже может показать, лишь где именно индивид обзавелся коренными зубами. У детей двух иммигрантов, к примеру, зубы будут такими же, как у исконного населения, и к анализу такого рода автоматически прилагается тенденция к занижению важности миграции. Аргументы, построенные на более традиционных типах археологических изысканий — появление в одних регионах предметов или обычаев, характерных для других, — вряд ли будут более убедительными.

Причины тому ясны. К рождению Христа большая часть Европы уже была поделена и возделывалась на протяжении тысяч лет. И поскольку даже самые агрессивные и жаждущие господства иммигранты обычно стремились использовать местных в роли рабочей силы на полях, миграция не сопровождалась опустошением целых областей. Далее, как показывают все компаративные работы (и что подтверждают современные примеры), когда мигранты занимают уже заселенную территорию, итогом — в материальном и нематериальном культурных аспектах — всегда является взаимодействие. Как правило, в материальной культуре той или иной группы есть лишь несколько предметов, обладающих важным значением, которые будут сохраняться, хорошо то или плохо, на протяжении долгого времени. Все остальное при определенных обстоятельствах может изменяться, поэтому вряд ли можно ожидать, что миграция будет сопровождаться полным переносом материальной культуры из пункта А в пункт Б без малейших потерь в условиях 1-го тысячелетия. Некоторые элементы будут сохраняться всегда в материальной культуре региона, в который осуществляется миграция, а поэтому при желании можно объяснить наблюдаемые изменения внутренним развитием сообщества. Разные предметы и идеи могут перениматься и без непосредственного участия людей, и, если археологически наблюдается лишь ограниченный перенос части культурных особенностей, всегда можно найти другое объяснение происходящему, не обращаясь

[1] Как мы видели в главе 6, 50—75 процентов распространения хромосом, возможно являющихся «англосаксонскими», у современного английского населения может в равной степени объясняться приходом группы чужаков, составившей в V—VI веках 50—75 процентов населения... или же всего 10 процентов, если у них были явные преимущества в размножении.

к переселению вовсе. Но тот факт, что это *возможно*, еще не говорит о том, что так будет *правильно*, и присущая археологическим свидетельствам неоднозначность толкования иногда сбивает с толку. Как и полагается неоднозначности. Если археологические материалы могут толковаться двояко (а обычно так и бывает), то они не доказывают наверняка, что миграция сыграла важную роль в наблюдаемых культурных переменах, — но не доказывают они и обратного. Вывод из этого один — археологические свидетельства сами по себе не решат проблему. И на этом нужно настаивать, поскольку в последнее время наметилась тенденция в некоторых работах утверждать, что неоднозначность археологических остатков опровергает наличие миграции, хотя это не так. Приходится вновь обратиться к письменным памятникам. Но можно ли, ссылаясь на исторические источники, убедительно показать важность того факта, что большие, организованные и разнородные по составу группы захватчиков меняли место жительства в 1-м тысячелетии?

Ответить на вопрос сложно. Есть ясные примеры того, как миграционный топос (вводящие в заблуждение стереотипные взгляды на вторжение) использовался при трактовке более сложных событий, искажая их суть. Рассказ Иордана об экспансии готов в Северном Причерноморье в конце II—III веке — классический тому пример, как и картины прошлого лангобардов в IV—V веках, встречающиеся в источниках Каролингской эпохи и после нее. Но в других случаях исторические данные о конкретных волнах массовой миграции, в которой участвовали 10 с лишним тысяч воинов и их семьи, куда более достоверны: к примеру, рассказ о тервингах и гревтунгах, попросивших убежища на территории Римской империи в 376 году, или переселение остготов Теодориха Амала в Италию в 488—489 годах. В обоих этих случаях неоднократно делались попытки поставить под сомнение надежность наших главных информаторов, Аммиана и Прокопия соответственно, но они не слишком убедительны. Аммиан в своем труде описывал передвижение разных племен варваров по римской территории, и только здесь он пишет о больших смешанных группах, состоящих из мужчин, женщин и детей. В то, что он был подвержен влиянию некоего миграционного топоса в этом случае, но не во всех остальных, крайне сложно поверить. То же самое и с Прокопием: его работа — не единственный источник сведений об

остготах Теодориха, переселяющихся в Италию. В исследовании они выступают в качестве «народа» — фактически в том самом значении, в котором этот термин функционировал в дискурсе гипотезы вторжения (большая смешанная группа мужчин, женщин и детей). Один современник того процесса описывал его точно так же — при Теодорихе и других непосредственных участниках, собравшихся при его дворе. Конечно, в суде такого рода показания не стали бы основанием для вынесения приговора, но по надежности эти сведения ничем не уступают другим источникам 1-го тысячелетия. Отвергать их на основании некоего предполагаемого миграционного топоса — значит подходить к ним пристрастно[1].

Не совсем в той же категории по надежности, но тем не менее в рамках обычного для 1-го тысячелетия уровня правдоподобия находится и ряд свидетельств, указывающих на то, что перемещения такого рода осуществлялись крупными, организованными объединениями вандалов и аланов, а также готов под управлением Радагайса в 405 году[2]. Конечно, нам не хватает сведений, однако наиболее вероятное развитие карьеры Алариха Вестгота указывает на то, что все началось с мобилизации тервингов и грейтунгов 376 года, по договору в 382 году поселившихся на Балканах, на несколько последующих переходов, начиная с 395 года. Все это примеры миграции больших, смешанных групп, которые вполне соответствуют обычным требованиям, определяющим надежность материалов 1-го тысячелетия. И их достаточно для того, чтобы мы не спешили отбрасывать ряд других примеров, в которых доказательства менее убедительны, — в особенности случаи миграции, связанные с расцветом и падением империи гуннов, когда собирались крупные, вооруженные, преимущественно германские объединения, которые по очереди уходили с Альфёльда по мере того, как между ними нарастало соперничество в эпоху распада государства кочевников. Здесь доказательства миграции крупных групп либо представлены не полностью (как

[1] Эти случаи, упоминаемые Аммианом Марцеллином и Прокопием Кесарийским, были подробно разобраны в главах 4 и 5.

[2] В этих случаях у нас нет точных данных о том, что племена действительно пересекали границу, но надежные источники тех лет описывают, по крайней мере, их последующие передвижения — в Испанию и Северную Африку соответственно — и присоединение к Алариху, характеризуя эти группы именно так.

в случае с ругами или герулами), либо являются скорее косвенными, нежели прямыми (скиры, свевы, аланы). Да, встречаются случаи переселения, которые раньше ошибочно утрамбовывали в рамки гипотезы вторжения, однако есть и немало примеров массовой миграции, которые не стоит сбрасывать со счетов, заведомо считая искаженными. И даже к готам и лангобардам следует присмотреться внимательнее.

В обоих случаях мы имеем дело с текстами, составленными много позже анализируемых событий. Иордан писал о том, что произошло за триста лет до него, а лангобардские авторы IX и последующих веков — о миграционной активности, завершившейся за четыреста—пятьсот лет до того. С одной стороны, несложно понять, откуда могли взяться ошибки, но это не главное. Ни в том ни в другом случае миграция не являлась плодом фантазии историков. Общие данные о готах во II—III веках и лангобардах в IV—V указывают на то, что переселение больших групп и впрямь сыграло в их прошлом ключевую роль.

У нас больше сведений о готах. Здесь мы располагаем источниками, современными описываемым событиям, и, по ним, готы находились на севере Польши в I—II веках, а в середине III — уже в Северном Причерноморье. И на севере Причерноморья в III веке произошла масштабная культурная революция, в ходе которой появился целый ряд обычаев и предметов обихода, раньше не встречавшихся в местной материальной культуре. Более того, некоторые из наиболее ярких новых черт были привычными аспектами жизни (и смерти) в Польше I—II веков. Эти археологические находки не доказывают, что готы мигрировали с Балтики к регионам близ Черного моря, но, если прибавить к ним данные из письменных источников тех лет, мы получим весомый аргумент в пользу этой гипотезы. И в то же время исторические источники, как мы видели, указывают на то, что, даже если переселение поначалу осуществлялось множеством отдельных групп, некоторые из них к тому же были прискорбно малы, а не единым «народом», это обстоятельство не оставалось неизменным на протяжении всего миграционного процесса. Готы III века — великолепный пример миграционного потока с нарастающей мощностью, который не останавливался до тех пор, пока тервинги не заняли место карпов и не получили господство над землями между Дунаем и Карпатскими горами на рубеже III—IV веков.

Ситуация с лангобардами схожая, хотя сведений о них у нас существенно меньше.

Мы знаем, что лангобарды проживали в регионе близ нижней Эльбы, к югу от современной Дании, в I—II веках н. э. В этом случае нет никаких исторических документов, в которых бы говорилось о заметных перемещениях населения из этого региона куда-либо в римский период, и имеющиеся у нас археологические свидетельства указывают на то, что если таковые и имели место, то они были довольно незначительными, как первые отряды готов, пришедшие к Черному морю. Однако в 490-х годах лангобарды уже присутствовали на верхней Эльбе — и в таком количестве, что сумели уничтожить господство герулов в западной части Альфёльда, выставив против них свои основные силы. Следовательно, какой бы ни была ее нача́льная стадия, экспансия лангобардов к Дунаю, как и продвижение готов к Черному морю, в конечном итоге приняла форму бо́льших волн миграции. Ни Иордан, ни авторы наших лангобардских источников не взяли концепцию массовой миграции с потолка, даже если они исказили ее сущность. И чтобы реабилитировать их окончательно, упомянем и о том, что последующие перемещения готов и лангобардов, произошедшие в период между этими первыми малыми потоками и временем составления наших источников, приняли форму миграции больших, смешанных групп, движущихся в сторону Италии. Так переселялись остготы в 488—489 годах и лангобарды восемьдесят лет спустя[1].

При более тщательном рассмотрении получается, что ни Иордан, ни лангобардские авторы не дают нам повода сомневаться в реальности миграций больших объединений, описанных в других источниках. При этом важно помнить о том, что даже точные примеры масштабной миграции в 1-м тысячелетии не совпадают со старой моделью «гипотезы вторжения». Даже самые большие группы не являлись некими неизменными «народами», переселяющимися из одной местности в другую. Население могло расти и уменьшаться. Вероятно, это относится прежде всего к растянутым миграционным потокам, вроде переселения готов во II—III веках и лангоба́рдов в IV—V, но все закономерности процесса четко описаны только для случаев массовой миграции. Решение о переселении на такие

[1] О миграции готов и лангобардов см. подробнее главы 3 и 5.

расстояния всегда давалось нелегко и часто вызывало расколы. Тервинги, двинувшиеся в империю в 376 году, оставили к северу от Дуная довольно многочисленное меньшинство членов старой группы, оставшихся верными прежнему предводителю. Отец Теодориха Амала вызвал новый раскол, двинувшись с паннонскими готами на римские Балканы в 473 году, а сам Теодорих в свое время оставил позади как минимум часть готской элиты, которая в дальнейшем погрузилась в военно-политическую иерархию Восточной Римской империи. Вспомним о наборе рекрутов — к лангобардам во время перехода в Италию присоединилась смешанная группа из 20 тысяч саксов, вместе с потомками самых разных народов, уцелевших в ходе борьбы за власть на осколках империи Аттилы близ среднего Дуная. Теодорих Амал принял ругов в свою группу, складывавшуюся на протяжении двух поколений под руководством его дяди и его собственным. Схожими были отношения между двумя группами вандалов и аланов, которые вместе пересекли Рейн и так удачно сплотились пред лицом контратаки Рима в Испании, что к тому моменту, как они в 429 году вторглись в Северную Африку, выжившие, объединившись под властью хасдингов, превратились в куда более крепкое политическое образование, нежели дышащий на ладан союз, возникший двадцать три года назад. Как указано в более современных исследованиях, эти перемещения напоминали не снежный ком, а бильярдные шары.

Другое существенное отклонение от старой модели вторжения — это тот факт, что при глубоком анализе эти более крупные группы были смешанными не только по полу и возрасту, но и статусу. Взгляды на переселение германцев, сформировавшиеся в эпоху национализма в XIX — начале XX века, рисовали картины вторжения огромных групп свободных и равных воинов, за которыми следовали семьи. Но в больших группах отмечалось существование двух отдельных категорий воинов, различающихся по положению, и есть причины полагать, что рабы, не захваченные в сражении, тоже принимали участие как минимум в некоторых таких переходах. Только воины с высоким статусом входили в категорию «свободных», и тот факт, что они по определению принадлежали к элите, говорит о том, что эта группа была в меньшинстве. Ключевые решения о миграции принимались меньшинством участников, у менее важных воинов и рабов было мало влияния — или вовсе не было

никакого. Признание существования этих различий в статусе и их важности изрядно ограничивает модные сейчас представления о свободе, равенстве и праве каждого выбирать групповую идентичность по своему вкусу — и заставляет задуматься об их применении на практике. Какой идиот захотел бы стать воином низкого класса или рабом, если групповая идентичность зависела исключительно от индивидуального выбора? А значит, нам нужно быть осторожными в попытках определить, какие масштабы могли принять происходящие процессы. Поскольку большая часть населения варварской Европы не могла решать собственную судьбу, право присоединиться или не присоединиться к массовой миграции было только у некоторых классов населения, принадлежащих к элите[1].

Последняя модификация старой гипотезы вторжения, касающейся массовой миграции, затрагивает предположение о том, что в результате агрессии больших групп истреблялось уже имеющееся население. Есть несколько примеров масштабных вторжений в 1-м тысячелетии, но ни в одном случае имеющиеся у нас свидетельства не говорят о массовой этнической чистке. Местное население могло сделать выбор: покориться или уйти, который был особенно тяжел для местной элиты, терявшей больше всех в результате прихода новых хозяев. Но у нас нет ни одного надежного документа, в котором бы сообщалось о том, что этот выбор приводил к полной эвакуации людей с обширных территорий. Местное население как минимум становилось хорошей рабочей силой, и во многих иммигрирующих группах присутствовали социальные категории более низкого класса, в которые с легкостью вписывались недавно покоренные народы.

Эти замечания важны, но они остаются поправками и не опровергают утверждения о том, что сведения о переселении больших, смешанных и организованных групп мигрантов 1-го тысячелетия иногда бывают убедительными. Националистические представления о неких «народах», предках современных наций, расчищающих огромные области, чтобы поселиться там самим, могут быть отправлены на свалку истории. Группы, упоминаемые в наших источниках, были политическими единицами, которые могли расти или распадаться, в которых люди могли

[1] Идеи, указанные здесь и в предыдущих главах, были подробно разобраны в Heather (2008a).

занимать более высокое или низкое положение и которые в результате сложных процессов появлялись на новых, уже заселенных территориях. Однако, пусть этот вариант модели вторжения подтверждают имеющиеся у нас источники (и не опровергают археологические остатки), может ли он удержать позиции, несмотря на то что в современных миграционных процессах подобного явления не наблюдается? Ответ тесно переплетается с ответом на еще более важный и широкий вопрос: почему европейская миграция приняла именно такие формы в 1-м тысячелетии? Чтобы выяснить это, нам придется определить модели переселения народов в период с Рождества Христова до 1000 года и сопоставить их со всем тем, что может сказать нам современная компаративистика о миграции как общечеловеческом феномене.

МЕХАНИКА МИГРАЦИИ

Механика миграции 1-го тысячелетия во многом совпадает с теми случаями, которые наблюдались в эпоху Нового времени, по коей у нас есть обширная источниковая база, затрагивающая ранние и более поздние примеры переселения. И активные информационные поля, влияющие на выбор пункта назначения, играют одинаково важную роль — как в 1-м тысячелетии, так и в последующие эпохи. Экспансия германцев к Черному морю в III веке явно основывалась на имевшихся у них сведениях о регионе, собранных благодаря торговле по Янтарному пути. Славянские племена впервые пришли на Балканы в качестве грабителей, а затем применили собранные знания, чтобы превратиться в поселенцев, когда позволили политические условия. Скандинавская экспансия на запад в эпоху викингов также основывалась на сведениях, приобретенных благодаря торговле по международным сетям VIII века, а те, кто двинулся на восток, только через двадцать лет или около того сумели пробраться по рекам Западной России к крупным центрам исламского мира, где был высокий спрос на северные товары. Они открыли земли к востоку от Балтики для западных рынков. К этим примерам, не вызывающим никакого сомнения, я бы добавил несколько других. Но за бессистемными на первый взгляд миграционными потоками (когда разные сообщества проникали на римскую территорию

до и после 400 года, то пускаясь в путь, то останавливаясь) скрывался важный аспект — они собирали информацию о новых подходящих пунктах назначения, а затем шли дальше. Готы, особенно тервинги, вошедшие в империю в 376 году, уже знали о Балканах, но не об Италии и Галлии, куда они двинулись в следующем поколении. Прошло двадцать лет (за которые они успели принять участие в двух гражданских войнах в империи, которые нередко уводили воинов очень далеко, и как раз в том направлении), прежде чем они были готовы к новому путешествию. Как и вандалы и аланы — Испания была последним пунктом в их первом миграционном плане, и только через двадцать лет, за которые они совершали пробные путешествия за море, они решили рискнуть и пересечь Гибралтарский пролив, оказавшись в Северной Африке. И в целом продвижение миграционных потоков с нарастающей интенсивностью — явно результат собираемых знаний. Именно тот факт, что первые небольшие отряды, проникая в новый регион, оказывались в более выигрышном положении, подталкивал других к участию в миграции. В некоторых современных случаях, как при расселении буров к северу от Капской колонии, первопроходцами становились специально для этого нанятые разведчики, проверявшие, есть ли возможность полноценной экспансии. Но того же эффекта можно было достичь, обратившись к слухам.

Изучение современной миграции также подразумевает поиски ответа на ключевой вопрос: почему люди из того или иного сообщества решают двинуться в путь, в то время как другие при схожих обстоятельствах остаются на месте? Чтобы разобраться в этой сложной проблеме, необходимы настолько подробные сведения, которых по 1-му тысячелетию просто нет, и все же остановиться на ней необходимо. В тех случаях массовой миграции, которые получили хоть какое-то освещение в источниках, решение переселиться в новые земли никогда не обходилось без раскола группы. То же самое верно (и даже в большей степени) для растянутых во времени миграционных потоков. Многие германцы ушли из Польши к Черному морю в III веке, но многие остались, о чем говорит тот факт, что вельбарская и пшеворская культурные системы продолжили функционировать. Точно так же многие англы и саксы не уплыли в Англию в V—VI веках, и Скандинавия не опустела в эпоху викингов. Такая реакция была вполне естественной, учитывая

размах планируемой миграции, и народы 1-го тысячелетия точно так же ощущали тяготы миграции, как и современные люди, даже если мы не можем подробно изучить их впечатления и реакции.

Стресс проявляется в наши дни в том числе в феномене возвратной миграции. При пристальном рассмотрении станет ясно, что все современные потоки характеризуются возвращением существенной части иммигрантов на родину. Опять-таки, у нас слишком мало сведений о том, как обстояла ситуация в 1-м тысячелетии, но некоторые аспекты эпохи викингов говорят о том, что этот феномен тоже имел место. На начальных этапах экспансия скандинавов была нацелена на обогащение, с помощью торговли или грабежей или и того и другого. По достижении цели приходилось принимать решение о том, что с этим богатством делать дальше. Некоторые предпочитали остаться на новом месте на востоке и западе (о чем говорят ранние поселения в Северной Шотландии и на островах), другие возвращались с нажитым добром в Скандинавию и в конечном итоге перевернули политический строй Балтики. Памятуя об этом примере, я (как и другие) готов поверить сообщениям о том, что некоторые англосаксы тоже в конечном итоге предпочли вернуться на континент[1].

Со стрессом, вызванным миграцией, связана и другая проблема, которую, к счастью, мы можем рассмотреть подробнее, — это влияние на модель передвижения укоренившейся привычки к перемещению. В современных потоках традиция повышенной мобильности часто играет ключевую роль, определяя, какие именно индивиды в той или иной группе будут склонны к повторному переселению. Те, кто снялся с места один раз, более склонны к повторной миграции, и, что довольно странно, эта привычка переходит от поколения к поколению. Дети и внуки мигрантов скорее снимутся с места, чем другие люди. Традиция личной или семейной мобильности порождает готовность попытаться решить свои проблемы или открыть новые возможности путем переселения. При должной мотивации кто угодно будет готов переехать, но те, у кого сложилась миграционная привычка, принимают такое решение легче и быстрее.

Действие этого фактора прослеживается как минимум на двух разных уровнях в 1-м тысячелетии. Во-первых, как мини-

[1] Об англосаксонской обратной миграции см. главу 6.

мум два из более обширных миграционных потоков (вельбарские и пшеворские германцы во II и III веках и ранние славяне триста лет спустя) включали в себя сообщества, чьи земледельческие методы не могли поддерживать плодородие земли дольше чем одно-два поколения. Общая локальная мобильность была нормой жизни для этих групп, и есть причины полагать, что эта хаотическая экспансия типа «волна продвижения» со временем превратилась в направленный миграционный поток, когда оставшиеся на старых землях начали получать сведения о том, какие возможности доступны в новых, далеких территориях. Во-вторых, более специфическая форма тяготения именно к дальним перемещениям сформировалась у ряда народов 1-го тысячелетия. Готы тервинги IV века примечательны тем, что большинство из них в 376 году решили искать убежища в Римской империи. Но на это решение во многом повлияли воспоминания о недавних миграциях. Та же самая группа готов захватила земли в Валахии и Молдавии между нижним Дунаем и Днестром за период с 290 по 310 год, а уже через поколение, в 330-х, предприняла попытку уйти на новое место на внешних рубежах Среднедунайского региона. Дети тех, кто пришел в Молдавию и Валахию в 330-х годах, в 376 году отправились на поиски новой жизни в Римскую империю. Это верно и по отношению ко многим другим народам, втянутым в процессы становления и распада Гуннской империи, одни из которых бежали в Римскую империю во время кризисов 376—380 и 405—408 годов, другие сначала оказались на среднем Дунае под властью гуннов и/или под их давлением и обрели независимость после смерти Аттилы. Готовность северян двинуться в Исландию и Гренландию во второй половине IX века отчасти была вызвана тем фактом, что они являлись непосредственными потомками викингов, иммигрировавших в Шотландию и на острова. На самом деле примеры вроде готов или славян показывают, как переселение, импульс к которому дается общей традицией локальной мобильности, затем порождает более специфическую традицию дальней мобильности, которая стоит за миграцией тервингов на римскую почву в 376 году. Точно так же внутренние мигранты в Европе в конечном итоге создали волну миграции в Северную Америку в XIX веке.

Помимо эмоциональной составляющей остается еще вопрос о финансовых затратах, которые являются важным фактором в расчетах любого мигранта. В 1-м тысячелетии основным спо-

собом передвижения, как мы знаем, были пешие переходы с обозом. Транспорт не стоил ничего — не считая утомленных животных, людей и сломанных колес, следовательно, принять участие в переселении могли очень многие. Тем не менее сопутствующие расходы все-таки были, прежде всего потенциальная нехватка еды, ведь, сорвавшись с места, люди уже не смогут вести привычную сельскохозяйственную деятельность. Соответственно, прежде необходимо было собрать как можно больше запасов продовольствия, если позволяли обстоятельства, а значит, классическим временем начала переселения была осень — сразу после сбора урожая этого года, пока еще хватало травы для прокорма быков, тянущих телеги, и других животных. Готы Алариха двинулись в Италию в 401 и 408 годах осенью, готы Радагайса — осенью 405-го. Вандалы, аланы и свевы, пересекшие Рейн в самом конце 406 года, также ушли с земель близ среднего Дуная осенью[1].

Как обычно, у нас мало сведений о дальнейшем влиянии стоимости миграции, за исключением приведенного общего вывода, но логистические проблемы периодически упоминаются в наших источниках. Прежде всего, продолжительное путешествие делало группы весьма уязвимыми в экономическом ключе. Флавий Констанций сумел поставить готов Алариха (теперь под предводительством Атаульфа и Валлии) на колени, моря их голодом в 414—415 годах. К тому времени они питались чем придется, не возделывая полей и не собирая урожай, уже шесть или семь лет. Позже в V веке после распада империи гуннов уцелевшие источники сообщают нам кое-что о логистических стратегиях, применяемых Теодорихом Амалом. Его люди прошли по Балканам в 470-х годах с телегами, груженными посевным зерном, и среди прочих пунктов в его переговорах с Римом значилось обеспечение их пригодной для возделывания землей. Даже на ходу эта группа всегда пыталась установить постоянные экономические связи с балканскими сообществами, а не просто грабила их. Это означает, что местные могли продолжать возделывать землю и выращивать излишки урожая, с которых готы постоянно получали свою долю, а уничтожив их в набегах, последователи Теодориха насытились бы лишь однажды.

[1] Хотя иногда это и оспаривается, но, скорее всего, осень 376 года стала началом миграции тервингов, см.: Heather (2005), 153.

Логистический фактор оказывал еще большее влияние на потоки мигрантов, которым требовался не только наземный транспорт. Массовый доступ к морским странствиям стал возможным лишь после появления кают третьего класса на огромных трансатлантических лайнерах второй половины XIX века. До того дорожные расходы существенно ограничивали количество людей, способных принять участие в экспансии заморских земель. И опять-таки, эпоха викингов является тому великолепным примером, лучше прочих представленным в источниках. Корабли были очень дороги, и даже специализированные торговые суда могли увезти лишь небольшое количество пассажиров и их товаров. Таким образом, менее зажиточным викингам приходилось покупать или нанимать корабль в складчину (хотя мне интересно, сколько владельцев продали бы или сдали в аренду свои корабли для откровенно грабительских набегов?) — или же присоединиться к предводителю с более высоким статусом[1]. Логистические ограничения играли еще большую роль, когда доходило до переселения, для которого были необходимы люди разного положения, да еще и объемистый сельскохозяйственный инвентарь. Одни расходы на переправу через море делают предположение Стентона об этапе массового переселения норвежских крестьян в Данелаг крайне неубедительными. Кто бы стал платить за это, когда на месте уже были покоренные англосаксы, бесплатная рабочая сила? Мы также видим последствия сложностей логистики в исландских поселениях, где каждую миграционную единицу возглавлял представитель высокого класса, предположительно покрывавший большую часть дорожных расходов. Этим же, возможно, объясняется ограниченное количество женщин, участвовавших в норвежском миграционном потоке, — по сравнению с сухопутными переходами изучаемого периода. Анализ современных ДНК указывает на то, что женщины составляли лишь треть иммигрантов, приехавших в Исландию (напрямую или с остановками) из Скандинавии; остальных привозили с более близких Британских островов. Возможно, это свидетельствует о том, что у большинства воинов просто не было средств, чтобы привезти с собой своих скандинавских возлюбленных. С другой стороны, учитывая, что в миграции участвовали довольно состоятельные

[1] Это ограничивало возможность социальных (а не политических) изменений, поскольку богатство, поступавшее в Скандинавию, в основном оседало в руках и без того богатых.

мужчины, язычники, которые были полигамны, возможно, женщин вскоре стало больше, чем мужчин, когда у каждого викинга появилась не только его подруга из Скандинавии, но и еще пара дамочек из Британии или Ирландии.

Источников, описывающих миграцию в эпоху викингов, досадно мало, однако другие примеры морских путешествий — переправа англосаксов через Северное море и вандалов и аланов через Гибралтарский пролив — не могут похвастаться даже столь скудным количеством подробностей. Однако они, скорее всего, сталкивались с теми же логистическими сложностями. Возможно, вандалы и аланы смогли с помощью угроз и силы заполучить хотя бы часть необходимого транспорта, но я уверен, что им пришлось заплатить за все остальное из своего кармана. И есть причины считать, что тот факт, что они могли перевозить лишь сравнительно небольшое количество людей зараз, обусловил выбор места высадки — Марокко, вдали от хорошо защищенной сердцевины римской Африки, куда они в конечном счете и направились. Невозможность переправить сразу большой отряд, скорее всего, стала причиной и растянутой по времени миграции англосаксов в Южную Британию.

Пока все идет неплохо — современная компаративистика проливает новый свет на миграцию 1-го тысячелетия, даже несмотря на скудность имеющихся данных. Но некоторые важные вопросы по-прежнему остаются без ответа. Прежде всего, можем ли мы поверить в то, о чем нам говорят источники, — что в 1-м тысячелетии большие, смешанные и организованные группы населения отправлялись в путь на самом деле? И если да, то как нам объяснить этот феномен в тогдашних условиях и тот факт, что ничего подобного не наблюдается в более поздних и лучше документированных случаях? Опять же, современные исследования миграции, на мой взгляд, могут помочь ответить на этот вопрос, но для этого нам потребуется изучить миграцию 1-го тысячелетия на фоне куда более широких трансформаций, происходнвших параллельно с ней в варварской Европе.

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Компаративистика дает нам два основных ориентира, когда речь заходит о возможных причинах наблюдаемых миграционных потоков. Прежде всего, весьма вероятно, что значительная

разница в уровнях экономического развития между двумя соседними областями создаст миграционный поток от менее развитой к более богатой. Слово «соседний» имело разные значения в различные эпохи, в зависимости от того, какие виды транспорта были доступны, да и ситуации, которая могла бы создать «естественный» отток людей, могут помешать правительственные структуры в любом из регионов или же недоступность подробных сведений. Но если все спокойно, отток населения станет одним из результатов разного уровня развития, итогом наследуемой тенденции гомо сапиенс использовать передвижение в качестве стратегии для достижения наилучших результатов. Второй момент столь же очевиден. В подавляющем большинстве случаев полная мотивация любого отдельно взятого мигранта будет сложной смесью принуждения и доброй воли, экономических и политических мотивов. Есть исключения, не в последнюю очередь — беженцы, покидающие дома из-за страха перед неминуемой смертью, но большинство мигрантов испытывают воздействие всех четырех факторов. Взятые вместе, эти наблюдения подчеркивают, что миграцию почти всегда нужно рассматривать с учетом основных параметров экономического и политического развития. Такой подход, на мой взгляд, способен дать удовлетворительные объяснения как общему масштабу миграции 1-го тысячелетия, так и кажущейся странной природе характерных для нее миграционных единиц.

МИГРАЦИЯ В РИМСКУЮ ЕВРОПУ

В начале 1-го тысячелетия наиболее развитым регионом Европы — в экономическом и политическом планах — было Средиземноморье, объединенное под властью Рима, к которому недавно добавились латенские земли юга и запада. Латенская Европа отличалась развитыми сельскохозяйственными технологиями, излишки продовольствия могли поддерживать довольно плотное население; производство и обмен иных товаров в других секторах экономики тоже были на уровне. Римляне не просто завоевали народы, бывшие носителями латенской культуры, двинувшись на север, — их захватническая активность сошла на нет приблизительно на внешних границах латенской Европы, и вряд ли по чистой случайности. Причина проста: за

этим регионом выгоды от завоеваний переставали покрывать расходы. За латенской Европой лежали территории германоязычных носителей постъясторфской культуры. Здесь наблюдались немалые колебания в экономическом развитии, не в последнюю очередь потому, что некоторые народы довольно давно поддерживали связь со своими латенскими соседями. Однако в целом политические образования здесь были меньше, чем в латенской Европе, даже до того как последняя вошла в состав Римской империи, а сельскохозяйственное производство оставалось менее эффективным. Общая плотность населения тоже была ниже, и здесь куда меньше признаков иных видов производства и обмена или явной разницы в богатстве и статусе (по крайней мере, выражаемой материальными культурными ценностями). За ясторфской Европой, на северных и восточных рубежах Европейской равнины, по-прежнему жили народы железного века, земледельцы (насколько позволяли природные условия), но их сельскохозяйственные практики отличались еще меньшей продуктивностью, небольшие поселения существовали недолго, и их обитатели почти не обладали какими-либо материальными благами.

На фоне этой трехскоростной Европы (см. карту 1), в соответствии с компаративными исследованиями миграции, следовало бы ожидать притока населения из менее развитых регионов в более развитые (то есть на юг и запад). И в римский период — первые три века — происходит именно это. Экономические и социально-политические структуры более развитой империи поглощали население из менее развитых соседних регионов самыми разными способами, в особенности из соседних, преимущественно германоязычных постъясторфских регионов. Многие входили в империю добровольно, в роли рекрутов для римской армии, — или недобровольно, рабами, необходимыми для ее экономики. Эти миграционные потоки хорошо известны и не требуют дальнейшего обсуждения. Однако более крупный и стабильный приток германского населения во II—III веках также входит в эту категорию, в том смысле, что те группы тоже двигались преимущественно на юг и запад к более развитой Европе. Полное понимание их истории, однако, требует знания о том, как более тесные контакты с Римской империей со временем изменили трехскоростную модель развития, превалировавшую в самом начале тысячелетия.

Во-первых, военные и политические структуры Рима во многом объясняют географически асимметричный результат германской экспансии в эти годы. Силы, стоявшие за ней, действовали на всей территории, находившейся под контролем германцев, но образовавшиеся миграционные потоки оказали наибольшее влияние на земли к юго-востоку и в особенности к северу от Черного моря, а не на юго-запад. На юго-западе германцы захватили лишь Декуматские поля, не продвинувшись дальше, — жители покинули Восточную Дакию, и политические структуры к северу от Черного моря были полностью перестроены. Масштаб миграции в каждом из этих направлений вряд ли был одинаков, однако это же и объясняет, почему они достигли разных результатов. Потоки на юг и восток выступали против клиентов Рима в приграничной зоне, а не напрямую против военной мощи империи. В результате вероятность успеха была гораздо выше, чем на юго-западе, где приходилось сталкиваться непосредственно с римскими легионами.

Почему успешные предводители этих потоков стремились поселиться у границ империи, а не двинуться через нее, также объясняется отчасти взаимодействием с римским миром в первые два века н. э. Оперирование торговыми механизмами (как при перевозке на дальние расстояния предметов роскоши, так и при торговле с соседями продукцией сельского хозяйства), перспективы грабежа богатых римских земель и склонность империи способствовать процветанию своих клиентов посредством регулярных выплат означали, что в первые два века существования империи новые богатства скапливались при дворах германских королей, находившихся в непосредственной близости к границе. Трехскоростная Европа таким образом получила четвертую передачу — в виде внутренней приграничной зоны клиентов и федератов, которые были богаче своих бывших собратьев на образовавшейся внешней периферии постъясторфской Европы. Дело было не только в том, что военные действия было безопаснее вести на землях за границей империи, но и в том, что двухвековой опыт взаимодействия с Римом и последующее накопление богатств сделали приграничную зону привлекательной мишенью для хищнической экспансии. До того как процессы развития вступили в действие, у амбициозных германских вождей не было причин уходить с севера Центральной Европы на юг или с земель к северу от Карпат-

ских гор на юго-восток, поскольку потенциальные прибыли были бы минимальными.

Такая трактовка событий конца II—III века также объясняет кажущуюся странной форму, которую принимали по крайней мере некоторые миграционные единицы, участвовавшие в этих потоках. Описанная в письменных памятниках первая попытка зачерпнуть из источника новых богатств, скапливающихся у имперских границ, приняла форму набега. Когда власть вождя маркоманов в Богемии, Ваниия, начала ослабевать по причине старости, его изгнанный соперник сумел собрать войско в Центральной Польше (возможно, взяв и людей с севера), чтобы разграбить его двор, большую часть богатства которого составляли дипломатические выплаты и доля предводителя от доходов римских торговцев. Я не могу это доказать, однако готов поспорить, что это лишь один пример из множества и подобное происходило очень часто. Однако быстрые набеги были не самым эффективным способом заполучить богатства, теперь стекающиеся в приграничные земли. По причинам, связанным прежде всего с торговлей, римскими дипломатическими методами и даже легкостью, с которой можно было грабить римские территории, лучшие возможности получить прибыль из новых связей с империей представлялись в непосредственно приграничной зоне, и, если честолюбивые вожди народов, живших на внешней периферии, желали разбогатеть, им оставалось только попытаться переселиться в приграничье. Поэтому не приходится удивляться тому, что набеги во II—III веках сменились миграцией — более амбициозные вожди и их последователи с внешней периферии стремились взять под свой контроль новые источники богатства, исходящего из Рима и скапливающегося в варварской Европе.

Но к концу I века н. э. вблизи границы не было потенциальных теплых местечек, которые бы не были уже заняты тем или иным вождем, и их жители вряд ли бы отказались от своей крайне выгодной позиции без боя. Следовательно, чтобы прочно обосноваться у границ Рима, было необходимо разрушить уже существующие там политические образования. Это объясняет, почему миграционные потоки II—III веков в конечном итоге включали в себя немалые военные силы, исчисляемые тысячами воинов, а не просто отряды в сто—двести человек. Такие отряды хороши для набегов, но их недостаточ-

но для того, чтобы переформировать политическое образование, а потому у амбициозных выходцев с внешней периферии не оставалось иного способа достичь цели, кроме как собрать крупное войско.

Стоит приостановиться, чтобы поразмыслить над этой формой миграционной экспансии в свете более современных и лучше документированных примеров. Такого рода намеренное хищническое вторжение со стороны тысяч вооруженных индивидуумов сейчас, как правило, не встречается, и поэтому некоторые утверждают, что и в прошлом его быть не могло. На это можно возразить, что, во-первых, такие действия хоть и не часто, но имели место в современном мире — точно такая же форма миграционной активности наблюдается у буров времен Великого трека. В их случае отряды могли быть меньше, поскольку у них было колоссальное преимущество над зулусами и матабеле в виде огнестрельного оружия. Во II—III веках любое технологическое преимущество было бы на стороне племен с внутренней периферии, поскольку они могли закупать римское оружие и снаряжение, поэтому вторгающиеся на их земли войска должны были не уступать в численности тем, которыми распоряжались правители приграничных государств.

Во-вторых, нужно задуматься о том, почему современные миграционные потоки, даже масштабные, действуют на основе малых, отдельных миграционных единиц, в которые входит всего несколько человек. Ответ прост: размер миграционной единицы обусловлен способом, которым современные переселенцы пытаются извлечь выгоду из более развитых экономик. В современных условиях индивидуальные иммигранты могут получить доступ к новым благам, найдя работу в промышленном секторе или секторе услуг, за которую хорошо платят — по крайней мере, с точки зрения самого иммигранта. Основополагающий принцип здесь заключается не в том, что миграционные единицы всегда небольшие, а в том, что они соответствуют способам получения прибыли при переселении в страну с более развитой экономикой. Все страны Европы 1-го тысячелетия были преимущественно сельскохозяйственными, с крайне низким уровнем развития технологий. В результате даже на развивающейся периферии Римской империи мигрант вряд ли мог найти более или менее хорошо оплачиваемую работу, за исключением тех немногих, кто мог поступить на военную службу к одному из вождей приграничных наро-

дов. Тем, кто хотел получить сразу большую прибыль, переселяться поодиночке или в составе маленькой группы не было смысла. В этих условиях необходимо было прибыть с большим войском, чтобы разбить имеющегося правителя и заставить империю признать вас в роли ценного торгового и дипломатического партнера в этом регионе приграничья. Хотя такого рода миграционные группы не встречаются в современном мире, они прекрасно укладываются в рамки основополагающих принципов, определяющих все потоки. Масштабное хищническое вторжение было лучшим способом получить доступ к новым богатствам с помощью миграции в 1-м тысячелетии — каковым сейчас является индивидуальное переселение.

Уровни развития также объясняют другую странность этих перемещений II—III веков — тот факт, что многих воинов сопровождали женщины и дети. Германская Европа в первых веках н. э. была отсталым регионом, где на маленьких фермах производили мало излишков продовольствия. В результате экономика не могла поддерживать большие профессиональные войска; запасов сельскохозяйственной продукции, которыми располагали короли в IV веке, и то хватало лишь на отряд в сто—двести человек. Значит, как и в случае с бурами, они не смогли бы набрать достаточно профессиональных военных для проведения масштабной разведки в поисках приемлемого местечка в римском приграничье — таких специалистов в германском мире было слишком мало. Нужны были рекруты из более широкого класса, а у большинства из них были семьи. Эти воины, разумеется, не стали бы надолго оставлять жен и детей — за исключением разве что некоторых совсем молодых, — но даже недолгая разлука, пока разведывательный отряд ищет пригодную для поселения местность, могла подвергнуть их серьезной опасности. Следовательно, в тогдашних условиях было вполне естественно для разведывательных отрядов численностью 100—200 человек брать с собой многочисленных членов своих семей[1]. Женщины были даже в разведывательных отрядах буров. Более крупные экспедиции всегда производились смешанными группами, и женщины отнюдь не стояли в сторонке, когда дело доходило до битвы; они заряжали ружья и даже стреляли из них при необходимости. Герман-

[1] Они также, возможно, включали в себя рабов, не участвовавших в сражениях: см. главу 4.

ским женщинам II века заряжать было нечего, но и они, без сомнения, играли свою роль, даже в важных военных экспедициях. Хотя в источниках германские миграционные потоки кажутся странными, как по размеру, так и составу, в свете компаративных исследований они отвечают всем принципам миграционного поведения, если учесть различия между 1-м и 3-м тысячелетиями.

VÖLKERWANDERUNG И ПРОЧЕЕ

Эволюционирующие модели развития и миграции в римский период достигли пика в так называемом переселении народов — Völkerwanderung. Во второй половине IV—V веке в европейской истории появляется череда групп мигрантов, насчитывающих 10 и более тысяч воинов с семьями, которых оказалось вполне достаточно, чтобы уцелеть при прямом столкновении с военными и политическими структурами Рима. В общем и целом эти необычные волны массовой миграции были спровоцированы пересечением в критический момент нескольких тесно связанных путей развития. Во-первых, к периоду с середины до конца VI века процессы экономического и политического развития среди германцев достигли той точки, на которой политические структуры стали обладать достаточной силой, чтобы удерживать вместе огромные отряды воинов и их семей в довольно крепком союзе. Во-вторых, эти структуры были созданы благодаря миграционным процессам II—III веков и появились достаточно быстро после них, чтобы сохранить тенденцию к миграции, способную активизпроваться при благопрнятных обстоятельствах — либо если того требовали условия жизни. И в-третьих, что, возможно, является другой стороной той же монеты, в их экономических структурах не успела укорениться традиция возделывания одних и тех же земель, а потому германцы считали вполне приемлемым перенести свою деятельность на новые территории.

На фоне долгого развития германского мира (и в особенности недавних событий кризиса III века) существование и активность этих крупных миграционных групп вполне объяснимы, но это не должно скрыть от нас необычную природу их действий. Поскольку, хотя их союз был более прочным, чем таковые I века, ни одна из групп, изначально пришедших с

периферии империи, сама по себе не была достаточно велика, чтобы успешно противостоять ей, однако результатом их коллективной деятельности, как мы видели, стал крах Римского государства. И этот весьма неожиданный исход сам по себе был итогом пересечения связанных исторических событий и долгосрочных моделей развития.

Во-первых, свою роль сыграл нечаянный стимул, предоставленный гуннами, из-за которых немало племен (преимущественно германских) перешли границы по Рейну и Дунаю и ступили на римскую почву приблизительно в одно и то же время, тем самым не дав Риму уничтожить их. Если бы эти группы — даже притом, что они были многочисленнее прежних, а их союзы — крепче, — прибыли в империю поочередно, их бы уничтожили; плюс их по-прежнему было слишком много, чтобы они могли составить общий коварный план по разрушению Римского государства. Ключевым элементом, которого не хватило германскому миру на периферии, в отличие от арабов, была нехватка собственного Мухаммеда, который бы предоставил им новую идеологию, альтернативную римской. Но во-вторых, едва вновь пришедшие германцы утвердились на имперских землях, как процессы политического объединения, которые были запущены уже давно, довольно быстро достигли кульминации. Этот момент часто упускался в традиционной националистской историографии. Настаивая на том, что группы, основавшие в конечном итоге государства — преемники Римской империи, — это древние и неизменяющиеся «народы»[1], исследователи упускали тот факт, что большая часть их описывается как новые коалиции, сформировавшиеся на территории империи из нескольких племен (обычно трех-четырех), которые были не связаны друг с другом по ту сторону границы. Вестготы и остготы, меровингские франки, коалиция вандалов и аланов — их появление стало новым шагом в сторону организации варварских политических структур, это был новый виток эволюции, создавший достаточно крупные объединения (способные выставить 20 тысяч воинов или даже больше) для уничтожения Западной империи[2].

[1] Разумеется, миграционный топос Иордана стал тому основной причиной, см. главу 3.

[2] Одним из государств, которые не были образованы этой коалицией, являлись бургунды, однако у нас нет практически никаких письменных источников, способных помочь нам понять их историю в V веке, что очень печально.

Союзы такого масштаба (а без вторжения гуннов все эти народы вряд ли устремились бы к римским границам) создавались в процессе миграции отнюдь не случайно. Новые и куда более крупные политические образования, ставшие основой государств — преемников империи, не смогли бы появиться вдали от границы. Уровень экономического развития, превалирующий на периферии в IV веке, не позволял производить достаточно излишков продовольствия, чтобы политические лидеры могли набрать столько последователей. Только когда у них появилась возможность напрямую черпать из экономики империи и когда внешняя угроза в лице Рима стала дополнительным стимулом к объединению, германцы получили прочную экономическую и политическую базу для подобных коалиций. Политические структуры были продуктом превалирующих уровней развития (и ограничивались ими же), а потому новые сообщества, создавшие в дальнейшем государства, не могли бы образоваться в сугубо варварских культурных условиях[1].

Но если переселение народов и впрямь можно рассматривать как кульминацию развития варварских обществ в римскую эпоху, то его итоги коренным образом изменили пути развития во всей Европе. Для начала, новые государства, возникшие на бывшей территории Западного Рима, сделали имперскую Европу значительно менее «имперской». Эпицентр межрегиональной власти в Западной Европе решительно сместился к северу приблизительно в середине тысячелетия, вторая половина коего прошла под эгидой не Средиземноморской империи, а преимущественно франкских династий, чье господство основывалось на экономических и демографических ресурсах, имевшихся к северу от Альп между Атлантическим океаном и Эльбой. Опять-таки, это явление можно рассматривать как главный итог тенденций развития, заложенных в римский период. Тот факт, что новая империя в Западной Европе была основана на солидном куске бывших римских владений, включив в себя немалую часть ее периферии, — явный признак того, что эта самая периферия за предыдущие века претерпела глубокие преобразования в результате взаимодействия с Римом. В начале 1-го тыся-

[1] История империи гуннов подтверждает, что огромная межрегиональная держава, созданная Аттилой и его предшественниками, могла существовать только благодаря притоку богатств из Средиземноморья, см. главу 5.

челетия в землях по обе стороны от Рейна не могла бы существовать империя, там было слишком мало населения и средств, но развитие в римскую эпоху на обоих берегах реки радикально изменило ситуацию. В то же время политические структуры послеримской Западной Европы, где господствовали франки, и прежде всего милитаризация землевладельческой элиты означали, что это новое имперское государственное образование отличалось от своего предшественника. Не имея возможности систематически облагать сельскохозяйственное производство налогами, она была менее грозным и самодостаточным формированием, а значит, ей требовалась прибыль, получаемая в ходе экспансии, — только тогда правители смогли бы объединить под своей властью всех крупных землевладельцев. А если обстоятельства не позволяли вести экспансию, начинались периоды раздробленности, когда власть быстро утекала из центра в области на периферии. Периоды централизованной власти при внешней агрессии — отличительные черты империи — чередовались во второй половине тысячелетия с временами раскола там, где римский империализм ранее навязывал более крепкий порядок. В некотором смысле существующее в Европе на протяжении первых пяти веков неравенство было отчасти подорвано тем фактом, что имперская Европа стала менее имперской.

Еще более важным и интересным (особенно с учетом того, что оно не получило широкого освещения) является общее влияние переселения народов на варварскую Европу. К VI веку германская Европа, существовавшая в римский период, была почти полностью разрушена. Там, где вплоть до IV века социально-экономические и политические структуры управляли огромной территорией от Рейна до Вислы на севере и Дона (на пике своего расцвета) на юге, в 550 году их прямые потомки в основном сохранили лишь земли к западу от Эльбы с небольшим кусочком Альфёльда, который вскоре будет уничтожен аварами (см. карту 15). Переселение народов сыграло центральную роль в этой революции, но не из-за того, что пришельцы опустошали целые регионы, уничтожая всех местных. Кое-где отдельные поселения и впрямь переставали существовать, но, даже если считать по максимуму, отток населения из германской Европы с IV по VI век был не настолько масштабным, чтобы Центральная и Восточная Европа полностью обезлюдели. Однако переселение народов действительно убрало из внутренней

и внешней периферий вооруженные и организованные объединения социальной элиты, которые ранее господствовали здесь. С точки зрения варварской Европы, в этот период произошел крах не только Римской империи, но и более крупных квазигосударственных образований и организаций на периферии, огромное количество которых переместилось в регионы старой внутренней периферии (между Рейном и Эльбой и на Альфёльд) и бывшие западные территории Рима.

Первая революция в варварской Европе приостановила полутысячелетнее, почти непрерывное развитие больших регионов Центральной и Восточной Европы. Она также стала причиной второй и не менее важной трансформации. После коллапса германской культуры народы из третьей зоны Европы, каковая имелась в начале римского периода, начали активно развиваться, и у них впервые появились прочные политические, экономические и культурные связи с остальной Европой. Римляне знали о существовании венедов, населяющих ближайший из этих малоразвитых регионов. Тацит в I веке указывал, что они живут между Вислой и Карпатами; Птолемей через пару поколений привел названия нескольких племенных объединений. Но, что примечательно, нет никаких признаков того, что эти народы участвовали в политических событиях первой половины тысячелетия хотя бы каким-то образом. Венеды не совершали набегов в римские земли, в повествованиях о Маркоманской войне или кризисе III века о них ни слова, они даже не вошли в состав империи Аттилы, которая покорила самые разные народы Центральной и Восточной Европы. Да и распространение римских товаров говорит о том, что эти народности к востоку от Вислы и северу от Карпат не играли сколь-нибудь важной роли в торговых сетях, протянувшихся в римскую эпоху через весь варварский мир, хотя некоторые маршруты проходили по их территориям.

Однако почти сразу же после распада германской Европы славяноязычные племена начали приходить туда из малоразвитых регионов и все чаще упоминаться в летописях, повествующих об общеевропейской истории. К середине тысячелетия они появились к югу и востоку от Карпат, подойдя вплотную к границе Восточной Римской империи, и начали совершать набеги на византийские земли. Их успехи могли быть результатом предшествующих контактов с готами и другими более организованными племенами с германской периферии Рим-

ской империи, которым в наших исторических источниках почти не уделяется внимания[1]. В любом случае новые контакты с Византией резко ускорили зарождающиеся процессы развития, начавшие действовать в этих славянских племенах, когда набеги и дань принесли им беспрецедентное количество движимого имущества и стимулировали милитаризацию и формирование крупных политических образований. Это позволило им получить максимум прибыли от новых связей с территориями Константинополя. Примерно такие же преобразования наблюдались в германском мире в раннеримский период, и после коллапса германской Европы славяноязычные племена уже превратились во «вторую» варварскую силу, бросившую вызов цивилизации Восточного Рима в Юго-Восточной Европе.

На этом этапе второй приход кочевников прервал уже запущенные процессы развития и сыграл роль катализатора в дальнейшем преображении варварской Европы. Как и гунны, авары быстро создали мощную военную коалицию в Центральной Европе, которая, помимо всего прочего, поглощала в огромных количествах богатства Средиземноморья и привозила их в теперь преимущественно славянские земли. Это, разумеется, вызвало борьбу за контроль над новыми доходами, которая ускорила процесс формирования класса военных предводителей в славянском мире (начавшийся еще до прихода аваров). Что не менее важно, их правительственные структуры, как и гуннские, были не способны управлять таким количеством подданных напрямую, поэтому авары действовали через правителей-посредников, выбираемых из представителей тех или иных народов. У нас нет подробной информации об их империи, но есть причины полагать, что это со временем укрепило социальную власть избранных лидеров и тем самым подтолкнуло славян к политическому объединению (и не только их)[2]. В-третьих, влияние аваров вылилось в появление более широкой славянской диаспоры, так как некоторые их племена двинулись дальше, не желая покоряться кочевникам. Масштабное поселение их на востоке бывших римских Балкан — в противовес набегам — стало возможным лишь тогда, когда Аварская империя (вместе с Пер-

[1] Один уцелевший отрывок иллюстрирует готско-славянские отношения, см.: *Иордан*. Гетика. 48.247 и главу 6.

[2] Источники позволяют предположить, что у некоторых славянских племен имелась вполне развитая политическая и военная организация благодаря притоку богатств в VI веке, см. главу 8.

сидской, а затем и арабскими завоеваниями) уничтожила военное превосходство Константинополя в регионе. Но по крайней мере некоторые из этих славян испытывали негативную мотивацию (желание избежать господства аваров) такой же силы, что и позитивная (желание поселиться на римской территории). В остальных случаях нам не хватает данных из письменных источников, но то же самое желание избежать господства аваров явно сыграло важную роль в дальнейшем расселении славянских племен, начиная с 550 года: на запад к Эльбе, на север к Балтике и даже на восток в сердце России и Украины. Остается неясным, действительно ли это продвижение на восток было первым появлением славян в Западной России, или же мы имеем дело с экспансией уже обитавших там племен, которые обрели более четкую политическую организацию и военную мощь благодаря контактам с византийцами и аварами, а потому теперь сумели утвердить свое господство над другими племенами, не обладавшими этим преимуществом.

Как бы то ни было, процесс славянизации — установления господства славяноязычных народов на огромной территории Центральной и Восточной Европы — вновь сочетал в себе миграцию и развитие, которые тесно переплелись. Взаимодействие с лучше развитой экономикой Римской империи привело к появлению новых притоков материальных благ, которые ускорили политическую консолидацию и милитаризацию по крайней мере некоторых славянских племен. Но группы, получившие выгоду от этого нового богатства, сумели это сделать лишь потому, что уже переселились в приграничные земли, поближе к Риму, после краха империи гуннов — именно с этой целью. Социально-политическая революция, которую они пережили впоследствии, подготовила их, особенно после дополнительного стимула, предоставленного аварами, к тому, чтобы распространить свое господство путем дальнейшей миграции по всей Центральной и Восточной Европе. Одним из способов наверняка было поглощение многочисленных местных народов, переживших губительные процессы, которыми сопровождался коллапс германского мира. В каких-то случаях поглощение протекало мирно, о чем говорят некоторые византийские источники, но в то же время многие славянские племена становились милитаризованными, и результаты славянизации на удивление монолитны. Если некоторые группы, в особенности носители корчакской культуры, оставались мирными ферме-

рами вплоть до начала VII века, то многие другие прошли через быструю трансформацию, когда новые доходы принесли с собой социальную дифференциацию и милитаризацию. И в дальнейшем славянизацию Европы осуществляли опасные, вооруженные славяне, а не мирные корчакские фермеры — по крайней мере, в тех регионах России, где славянское господство устанавливалось сообществами, насчитывавшими по несколько сотен человек, возводившими одно укрепленное поселение за другим на явно враждебной территории.

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Богатство Византии и вмешательство аваров отмечают самое начало куда более масштабного процесса развития, развернувшегося на огромной территории, подконтрольной славянам, во второй половине тысячелетия. К X веку его результатом стали первые окологосударственные династические структуры, которые увидела Северная и Восточная Европа. Возможности этих новых образований по-прежнему были существенно ограничены к концу X века, и граница между центром и периферией была хорошо заметна на огромных территориях, номинально находившихся под их контролем. Правительственные механизмы, основанные на объездных практиках, были не способны управлять такими владениями с равной эффективностью, и это проявляется в тенденции обмениваться большими приграничными регионами. Тем не менее эти государства были способны вести централизованно организованную деятельность, результаты которой производят сильное впечатление. Будучи куда крупнее германских государств — клиентов Рима, появившихся на окраинах империи в IV веке, славянские страны также оказались способны и на более грандиозные деяния. Они строили все более и более крупные здания, содержали большие, прекрасно экипированные и обученные армии и быстро переняли некоторые культурные нормы у более развитой имперской Европы — прежде всего христианскую религию.

Все указывает на то, что трансформационные механизмы, породившие эти новые государства, по своей природе были схожи с теми, которые стояли за появлением более крупных германских государств-клиентов на римской периферии в IV веке. В обоих случаях новая сеть контактов — через торгов-

лю, набеги и дипломатию — привела к беспрецедентным притокам доходов в варварские сообщества. Внутренняя борьба за контроль над ними привела к милитаризации и выдвижению князей, основателей будущих династий, которые в конечном счете, захватив новые богатства, потратили их на то, чтобы создать постоянную военную машину, способную закрепить их власть и уничтожить и/или запугать ранее существующие местные структуры. В результате потенциальных соперников планомерно устраняли и власть постепенно централизовывалась.

Но если начальные процессы были одинаковы, то скорость развития отличалась — славянский мир во вторую половину 1-го тысячелетия развивался куда быстрее, чем германский в первой. Объяснение этому отчасти заключается в большем количестве стимулов, действующих в варварской Европе после 500 года. Западные регионы славянских территорий устанавливали всевозможные связи со сменившими друг друга франкскими империями в Западной Европе — экономические, военные и дипломатические. В то же время двести лет господства аваров в сердце Центральной Европы тоже оказали свое воздействие на славянскую клиентелу, как и взаимодействие с дальней и менее могущественной империей — Византийской. Не менее, а то и более важным является тот факт, что варвары-славяне взаимодействовали с четвертой и еще более сильной державой — исламским халифатом. Нет никаких признаков ведения торговли (будь то рабами или мехами) между Центральной и Восточной Европой и Ближним Востоком и Средиземноморьем в первой половине тысячелетия, поэтому поздние торговые пути стали источником таких доходов, о которых в римский период нельзя было и мечтать. И, судя по огромному количеству сохранившихся мусульманских серебряных монет и их нахождению преимущественно в центральных регионах новых славянских государств, мы можем смело предположить, что этот дополнительный стимул сыграл важную роль в трансформации славянской Европы.

Второе очевидное объяснение более быстрого развития славянской Европы — влияние новых военных технологий последних двух веков тысячелетия (прежде всего рыцарей в броне и замков), которые изрядно облегчили жизнь правителям, сумевшим установить контроль над всеми источниками обогащения, помогая им устрашить потенциальных противников. Несмотря на то что контроль новых государств над перифе-

рийными территориями был нестабильным, власть, которую они осуществляли в центральных землях, поражает (и пугает). Жесткий контроль и сила, стоявшие за разрушением старых племенных укреплений и возведением на их месте новых династических (как в Богемии, так и в Польше), очевидны по археологическим находкам последних лет. Династическая власть стоит и за переселением покоренных народов в центральные регионы новых государств, и в их экономической организации, теперь проиллюстрированной археологическими свидетельствами и ранними документами, сохранившимися до наших дней.

Природа и общее значение этих процессов развития не может быть яснее, и их последствия неисчислимы. Самым важным является, пожалуй, первое появление Европы как единого образования. К X веку сети экономических, политических и культурных контактов протянулись по всей территории от Атлантики до Волги, от Балтики к Средиземноморью. Ранее фрагментированные земли с крайне неравномерным уровнем развития, изолированные от более цивилизованных регионов в начале тысячелетия, теперь превратились в зону, объединенную разными уровнями взаимодействия. Европа стала новым образованием не в географическом, но общечеловеческом плане, и к 1000 году взаимодействие между сообществами от Атлантики до Волги впервые оказалось достаточно тесным, чтобы за этим термином появилось реальное значение. Торговые пути, религиозная культура, способы правления, даже модели ведения сельского хозяйства — все это создало заметную общность между разными народами Европы к концу тысячелетия.

Однако для данного исследования процессы развития интересны именно той ролью, которую они сыграли в устранении условий, порождавших масштабные, часто хищнические формы миграции — будь то в виде концентрированных волн переселения народов либо более обычных потоков с нарастающей мощностью, которые периодически действовали в Европе 1-го тысячелетия. Неравенство в развитии разных народов и регионов по-прежнему сказывалось, но не проявлялось так остро, как раньше. Новые торговые системы в сочетании с более широкой сельскохозяйственной экспансией (последняя к концу периода была далека от завершения) означали, что политически организованные институты власти в Центральной и Восточной Европе теперь могли получать немалые доходы в собственных регионах. Сельскохозяйственные и иные эконо-

мические достижения также означали, что народы все больше укреплялись в определенных географических зонах, как минимум в своих центральных территориях.

В результате позитивные стимулы, периодически подталкивавшие большие группы к массовой миграции, были устранены или как минимум изменены. Миграция никогда не была легким или предпочтительным вариантом решения проблем в Европе 1-го тысячелетия, скорее стратегией, которую порой применяли, когда потенциальные преимущества стоили долгих переходов в частично знакомую местность без каких-либо гарантий успеха. Как только социальные элиты смогли обогащаться без необходимости перемещаться куда-либо, они перестали прибегать к этой стратегии. И разумеется, чем реже они к ней прибегали, тем ниже была вероятность такого решения, поскольку укоренившаяся привычка к миграции ослабевала в них самих и в подвластных им народах, ведь более эффективные земледельческие технологии порождали более стабильные методы возделывания почвы. И элита, и другие классы населения варварской Европы укрепились на своих территориях и вряд ли стали бы прибегать к миграции даже пред лицом серьезного стимула, который в других обстоятельствах вынудил бы их сменить место обитания.

Это, на мой взгляд, основное объяснение проблемы, с которой началась эта глава. В то время как готы и другие германцы (хотя, разумеется, не все) отреагировали на угрозу со стороны гуннов (как и славяне на приход аваров) попыткой обрести новый дом в других землях, появление кочевых мадьяр на Альфёльде не вызвало новой волны миграций. Действия, природа и судьба Моравского государства являются идеальным примером этого отличия. Вместо того чтобы бежать прочь, моравы остались и боролись с мадьярами, как и армии Франкской империи. Они ироиграли (что не раз случалось и с их франкскими товарищами), но тот факт, что моравы никуда не ушли, говорит о том, что они прочно обосновались в своих землях, и о совершенно иной природе политической силы в варварской Европе, развившейся к концу 1-го тысячелетия. Ранее ограниченные сельскохозяйственные технологии приводили к общей местной мобильности, а заметное неравенство в уровне благосостояния и развития подталкивало наиболее предприимчивых варваров пуститься на поиски более привлекательного места, как правило поближе к имперским богатствам. Од-

нако моравы строили замки и церкви из камня, благодаря средствам, получаемым от более эффективного ведения сельского хозяйства и широким сетям обмена. Вложив столько денег и сил в свои земли, они бы не смогли с легкостью все бросить и уйти. То же самое верно и для других новых династий конца 1-го тысячелетия. Все они успели куда обстоятельнее обосноваться на конкретных территориях, чем более ранние народы, — благодаря развивающемуся сельскому хозяйству и торговым сетям, давшим им другие способы обогащения вдали от имперских границ. В целом процессы развития устранили резкое неравенство, которое прежде делало массовую миграцию в глазах европейских варваров вполне приемлемым и здравым способом поправить свои дела. Но держащиеся за свои территории жители Центральной и Восточной Европы считали иначе.

Но разумеется, это не означало, что миграции пришел конец. Некоторые люди вечно пребывают в движении, надеясь обрести благополучие или улучшить условия своей жизни, и в европейской истории начиная с X века по-прежнему периодически происходили случаи массовой миграции. Однако с конца 1-го тысячелетия средневековая миграция, как правило, принимала одну из двух характерных форм. С одной стороны, мы видим переселение элит, преимущественно рыцарей. Нормандское завоевание — наиболее масштабный и успешный пример данного явления. Гораздо чаще встречались отряды в 100—200 хорошо вооруженных воинов, надеющихся урвать себе маленькое княжество, сместив местную элиту и/или установив свои права на экономическую поддержку со стороны несвободных классов. Продуктивное прикрепление крестьянства к земле и применение новых военных технологий были ключевыми факторами, придавшими миграционным процессам именно такую форму. Замки и доспехи позволяли установить господство в небольшой области благодаря тому, что часть людей фактически не могла оттуда уйти. Другая распространенная форма миграции — намеренный наем крестьян для работы на земле, когда лорды предлагали выгодные условия аренды и привлекали посредников, проводящих целые кампании. И здесь опять-таки сыграли свою роль новые модели развития, поскольку дополнительная продуктивность сельского хозяйства при использовании новых технологий возделывания почвы, появившихся в конце 1-го тысячелетия, создала потребность в

дополнительном наборе рабочей силы, чтобы максимизировать прибыль с земли. Славянские государства прошли долгий путь, но все-таки по-прежнему отставали от Западной и Южной Европы по уровням экономического развития. Поэтому они стали основными клиентами посредников при наборе крестьян в более развитых странах Европы, где высокая плотность населения не давала крестьянам возможность получить больше земли на хороших условиях. В результате сотни тысяч крестьян из Западно-Центральной Европы шли на восток, привлеченные возможностью получить участок на куда лучших условиях, чем дома, и славянизация большой части бывшей германской Европы, имевшая место в раннем Средневековье, в каком-то смысле пошла в обратном направлении благодаря притоку германоязычных крестьян[1].

ТРЕТИЙ ЗАКОН НЬЮТОНА ДЛЯ ИМПЕРИЙ?

Обе эти поздние средневековые формы миграции хорошо описаны в научных источниках, поскольку функционировали они в эпоху распространения грамотности в большей части Европы, а потому их роль в европейской истории нельзя оспорить, в отличие от более ранних миграционных процессов 1-го тысячелетия. Однако сохранение этих различных форм в более позднюю эпоху не расходится с общей идеей этой книги: что масштабная хищническая миграция, в которой участвовали представители разных социальных классов (в отличие от рыцарской экспансии), сыграла важнейшую роль в формировании Европы 1-го тысячелетия. Более поздние миграционные формы соответствовали экономическим и политическим условиям, сложившимся к высокому Средневековью. Массовый хищнический миграционный поток, проанализированный в этой книге, — когда в одну большую группу входили и крестьяне, и элита, которые в дальнейшем переселялись по отдельности, — точно так же соответствовал своему времени и месту. В 1-м тысячелетии крайне разные уровни развития сочетались с отсутствием привязки людей к земле и сравнительно низкой продуктивностью сельского хозяйства. Это означало, что экономика варварской

[1] Отличный обзор этих новых моделей см.: Bartlett (1993), особенно главы 2 и 5.

Европы могла поддерживать лишь незначительное количество профессиональных воинов, поэтому сильному и честолюбивому лидеру было необходимо собрать крупный (а значит, включавший разных по положению людей) отряд, с помощью которого можно было бы захватить и удержать прибыльные регионы на окраинах более развитой имперской Европы. Это, в свою очередь, создало формы миграции, отличающиеся от тех, которые встречались в высоком Средневековье, и от тех, которые мы наблюдаем в современном мире. Миграция в 1-м тысячелетии выглядит так не потому, что наши источники искажали реальную картину из-за неких культурных стереотипов, а потому, что исторические условия отличались от более поздних. Однако тогдашние ее типы соответствуют основным принципам современной миграции: выбор направления и формы миграционной единицы преимущественно определялись основными моделями развития.

Другими словами, необходимо при анализе недостатков старой модели «гипотезы вторжения» не лишить миграцию статуса важного фактора, во многом объясняющего историю 1-го тысячелетия, а создать ряд более сложных миграционных моделей, укладывающихся в имеющуюся у нас картину. В более аналитическом плане миграция перестает быть ловушкой, упрощенной альтернативой «более сложным» объяснениям, основанным на социальных, политических и экономических переменах. При правильном подходе (и это главная идея, которая бросается в глаза в компаративных исследованиях) миграция — не отдельный и альтернативный вариант объяснения социальных и экономических преобразований, а дополнительная, вторая сторона той же монеты. Формы миграции определяются основными экономическими и политическими условиями и являются еще одной ступенью в их эволюции; они отражают существующее неравенство, а иногда даже способствуют его устранению, и только с этой точки зрения можно увидеть истинное значение феномена миграции. Из этого утверждения вытекает следующее: археологам, изучающим доисторическую эпоху, не стоит поспешно отбрасывать хищническую миграцию, как один из периодически появляющихся факторов, сформировавших более глубокое прошлое Европы. Если я прав в своем предположении о том, что хищнические формы миграции, периодически наблюдаемые в I веке, появились благодаря относительной географической близости между зонами с резкой

разницей в уровнях развития при существовании обществ, в которых фермеры были одновременно и воинами, притом не привязанными к своей территории, то схожие условия вполне могли сложиться и в более древние времена, и периодическая хищническая миграция вполне могла стать естественным их следствием.

Однако для нашего исследования это сторонняя проблема, и, размышляя о преображении варварской Европы в 1-м тысячелетии в целом, мы не можем сомневаться в том, что развитие сыграло в нем куда более важную роль, чем миграция. При старых подходах придерживались противоположной точки зрения, считая ключевым появление упоминаемых в источниках народов в соответствующих землях на карте Европы — пока все современные нации не оказались на своих местах. С этой точки зрения переселение и прибытие были событиями огромной исторической важности, а что происходило потом — обсуждалось отдельно. Но это в корне неверно. Куда важнее момента прибытия, который нередко ни к чему не приводил, было динамическое взаимодействие между империями более развитой Европы и варварами, преимущественно германцами (в первой половине тысячелетия) и славянами (во второй). Именно эти контакты, а не сам факт миграции создали новые социальные, экономические и политические структуры, сделавшие бывшую варварскую Европу похожей на своих имперских соседей к концу тысячелетия. Это не говорит о том, что трансформации эти были положительным явлением или что имперская Европа непременно лучше. Имеющиеся у нас свидетельства подталкивают к выводу о том, что именно новые связи с имперской Европой и реакция варварских обществ на них в конечном итоге уничтожили зияющую пропасть неравенства в развитии, существовавшего на рубеже двух эр. Это второй вывод, к которому я надеялся прийти. Не вся Европа была христианской, не везде в ней были государства с замками, рыцарями и крестьянами в 1000 году, но даже тот уровень, которого достигли бывшие варвары, здорово удивил бы Тацита в I веке, считавшего, что Восточная Европа населена «существами с человеческими лицами и чертами, но телами и членами животных». По такой трактовке варварская Европа перестала быть варварской[1].

[1] *Тацит.* Германия. 46.4.

Миграция играла свою роль — иногда очень важную — в ходе исторических событий. Если взять определение массовой или масштабной миграции, предлагаемое современной компаративистикой — а я нашел его весьма полезным, — миграцию можно характеризовать как центральное явление в ключевые моменты тысячелетия. Возможно, прежде всего это касается «неприятностей» с гуннами, когда на римской почве за короткое время появилось много больших, организованных германских племен, которые сумели подорвать мощь Римского государства и вызвать коллапс старых политических структур варварской Центральной Европы. Это, в свою очередь, привело к появлению славянской диаспоры со своими последствиями — прежде всего масштабной славянизацией Центральной и Восточной Европы, — которая остается важной частью европейского ландшафта и по сей день. Это отнюдь не незначительные феномены. Но даже если так, миграция должна занимать второстепенное положение после социальной, экономической и политической трансформации, когда мы пытаемся объяснить, как именно варварская Европа прекратила свое существование за 1-е тысячелетие. Во-первых, помимо необычных эпизодов вроде появления гуннов или аваров миграционные модели определялись моделями развития и были вторичны по отношению к ним. Только когда пришлые кочевники добавили сильный политический мотив, картина стала обратной и уже миграция начала определять пути развития, уничтожив Западный Рим и германскую Европу одним махом.

Во-вторых, даже без гуннов эти процессы развития в конечном итоге подорвали бы мощь Римской империи. При всестороннем анализе свидетельств и источников 1-го тысячелетия становится ясно, что жизнь вблизи более мощной в военном плане и экономически более развитой империи, склонной к агрессии, приводит к переменам в сообществах на периферии и их общий эффект сводится как раз к созданию новых структур, способных более успешно сдерживать негативные последствия столь тесного соседства. В 1-м тысячелетии это произошло в двух отдельных случаях. Первый — появление германских государств — клиентов Римской империи в IV веке, второй (и куда более яркий) — формирование новых славянских государств в IX—X веках. Я считаю, что это не случайное совпадение, а модель развития, которая объясняет, почему империи, в отличие от бриллиантов, не вечны. Действия, характерные

для них, сочетание экономических возможностей и агрессии, которые свойственны их природе, вызывают соответствующую реакцию у тех, на кого они направлены, что в дальнейшем приведет к подрыву способности империй сохранить перевес в силе, который изначально и возвысил их над другими. Не все они страдали от нашествий вроде гуннского так же, как Рим, и пали так быстро. На протяжении истории человечества куда больше государств медленно распадались на части, теряя один приграничный регион за другим, по мере того как правители периферии набирали силу и переходили к хищнической политике. Короче говоря, объяснение их преходящей природы заключается в том, что существует третий закон Ньютона для империй. Давление их силы порождает обратную и столь же мощную реакцию среди народов, на которых оно направлено, пока они не реорганизуются, чтобы затупить лезвие имперского меча. Успокаивает ли это вас или пугает, я полагаю, зависит от того, живете вы в империи или на периферии и на какой стадии сейчас этот сложный процесс. Однако существование такого закона — общий вывод, который мы сегодня можем сделать, проанализировав взаимодействия между императорами и варварами 1-го тысячелетия.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

GCS — Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte,
CSEL — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum,
CC — Corpus Christianorum,
SC — Sources Chrétiennes.

Adam of Bremen, *History of the Bishops of Hamburg*, ed. Schmeidler (1917); trans. Tschan (1959)
Agathias, *History*, ed. Keydell (1967); trans. Frendo (1975)
Ammianus Marcellinus, ed. and trans. Rolfe (1935—1939)
Anglo-Saxon Chronicle, ed. and trans. Whitelock et al. (1961)
Annals of Fulda, ed. Pertz and Kurze (1891); trans. Reuter (1992)
Annals of St Bertin, ed. Waitz (1883); trans. Nelson (1991)
Anonymous Bavarian Geographer, ed. Bielowski (1946)
Anonymous Valesianus, ed. and trans. in Rolfe (1935—1939), vol. 3
Aurelius Victor, *Caesars*, ed. Pichlmayr (1911); trans. Bird (1994)
Bede, *Ecclesiastical History*, ed. and trans. Colgrave and Mynors (1969)
Caesar, *Gallic War*
Cassiodorus, *Variae*, ed. Mommsen (1894b); trans. Hodgkin (1886); Barnish (1992)
Chronicle of Ireland, trans. Charles-Edwards (2006)
Chronicle of Monemvasia, ed. and trans. Charanis (1950)
Chronicon Paschale, ed. Dindorf (1832); trans. Whitby and Whitby (1989)
Claudian, *Works*, ed. and trans. Platnauer (1922)
Codex Theodosianus, ed. Mommsen and Kreuger (1905); trans. Pharr (1952)
Constantius, *Life of St Germanus*, ed. Noble and Head (1995), 75—106
Consularia Constantinopolitana, ed. Mommsen (1892)
Cosmas of Prague, *Chronicle of Bohemia*, ed. Bretholz and Weinberger (1923)

Crith Gablach: ed. Binchy (1970).
De Administrando Imperio, ed. and trans. Moravcsik and Jenkins (1967)
Dio Cassius, *Roman History*, ed. and trans. Cary (1914—1927)
Encomium of Queen Emma, ed. and trans. Campbell (1949)
Ennodius, *Works*, ed. Vogel (1885)
Eugippius, *Life of Severinus*, ed. Noll and Vetter (1963); trans. Bieler (1965)
Eunapius, *Histories*, ed. and trans. Blockley (1982)
Eutropius, *Breviarium*, ed. Santini (1979); trans. Bird (1993)
Fredegar, *Chronicle*, ed. and trans. Wallace-Hadrill (1960)
Gallic Chronicle of 452, ed. Mommsen (1892)
Gallus Anonymous, *Chronicle*, ed. Maleczynski (1952); trans. Knoll and Schaer (2003)
Gildas, *Ruin of Britain*, ed. and trans. Winterbottom (1978)
Gregory of Tours, *Histories*, ed. Krusch and Levison (1951); trans. Thorpe (1974)
Helmold, *Chronicle of the Slavs*, ed. Lappenberg and Schmeidler (1909); trans. Tschan (1966)
Herodotus, *Histories*
Historia Augusta, ed. and trans. Magie (1932)
Hydatius, *Chronicle*, ed. Mommsen (1894); trans. Burgess (1993)
Ibn Fadlan, ed. and trans. Canard (1973)
Ibn Jaqub, ed. and trans. Miquel (1966)
Ibn Rusteh, ed. and trans. Wiet (1957)
Jerome, *Chronicle*: an online edition and English translation may be found at http:// www.tertullian.org./fathers/jerome_chronicle_oo_eintro.htm
John of Antioch, ed. Mueller (1851—1870); trans. Gordon (1966)
John of Nikiu, *Chronicle*, trans. Charles (1916) (from the Ethiopian)
Jordanes, *Romana* and *Getica*, ed. Mommsen (1882); *Getica*, trans. Mierow (1915)
Laws of Ine, ed. Liebermann (1903—1916); trans. Whitelock (1955)
Life of Anskar, ed. Trillmich et al. (1978); trans. Robinson (1921)
Malchus, ed. and trans. Blockley (1982)
Menander Protector, ed. and trans. Blockley (1985)
Miracles of St Demetrius, ed. Lemerle (1979—1981)
Notitia Dignitatum, ed. Seeck (1962)
Novels of Valentinian III, ed. Mommsen and Kreuger (1905); trans. Pharr (1952)
Origo Gentis Langobardorum: see Paul the Deacon
Olympiodorus of Thebes, ed. and trans. Blockley (1982)
Orosius, *Against the Pagans*, ed. Arnaud-Lindet (1990—1991); trans. Defarri (1964)

Panegyrici Latini, ed. and trans. Nixon and Rogers (1994)

Passion of St Saba, ed. Delehaye (1912); trans. Heather and Matthews (1991)

Paul the Deacon, *History of the Lombards*, ed. Bethmann and Waitz (1878); trans. Foulke (1974)

Paulinus of Pella, *Eucharisticon*, ed. and trans. Evelyn White (1961), vol. 2

Peter the Patrician, ed. Mueller (1851—1870)

Pliny, *Natural History*

Priscus, ed. and trans. Blockley (1982)

Procopius, *Works*, ed. and trans. Dewing (1914—1940)

Prosper Tiro, *Chronicle*, ed. Mommsen (1892)

Ptolemy, *Geography*

Royal Frankish Annals, ed. Kurze (1895); trans. Scholz (1972)

Russian Primary Chronicle, trans. Cross and Sherbowitz-Wetzor (1953)

Saxo Grammaticus, *History of the Danes*, ed. Knabe et al. (1931—1957); trans. Fisher (1996) (Books I—IX); Christiansen (1980—1981) (Books X—XVI)

Socrates, *Historia Ecclesiastica*, ed. Hansen (1995); trans. in *Nicene and Post-Nicene Fathers*, vol. 2

Sozomen, *Historia Ecclesiastica*, ed. Bidez and Hansen (1995); trans. in *Nicene and Post-Nicene Fathers*, vol. 2

Strabo, *Geography*

Strategicon of Maurice, ed. Dennis (1981); trans. Dennis (1984)

Synesius of Cyrene, ed. Garzya (1989)

Tacitus, *Annals*; *Histories*; *Germania*

Themistius, *Orations*, ed. Schenkl et al. (1965—1974); trans. Heather and Matthews (1991) (*Orations* 8 and 10); Heather & Moncur (2001) (*Orations* 14—16 and 34)

Theodoret, *Historia Ecclesiastica*, ed. Parmentier and Hansen (1998); trans. in *Nicene and Post-Nicene Fathers*, vol. 3

Theophanes, *Chronographia*, ed. Niebuhr (1839—1841); trans. Mango and Scott (1997)

Theophylact Simocatta, *History*, ed. De Boor and Wirth (1972); trans. Whitby and Whitby (1986)

Thietmar of Merseburg, *Chronicle*, ed. Holtzmann (1935); trans. Warner (2001)

Victor of Vita, *History of the Persecution in Africa*, ed. Petschenig (1881); trans. Moorhead (1992)

Widukind of Corvey, ed. Lohmann and Hirsch (1935)

Zonaras, *Chronicle*, ed. Weber (1897)

Zosimus, *History*, ed. Paschoud (1971—1989); trans. Ridley (1982)

БИБЛИОГРАФИЯ

Abels, R. (1998). *Alfred the Great: War, Kingship and Culture in Anglo-Saxon England* (London)

Achelis, H. (1900). 'Der älteste deutsche Kalender', *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft* 1, 308—335

Adamson, S. et al., eds. (1990) *Papers from the 5th International Conference on English Historical Linguistics* (Amsterdam)

Agadshanow, S.G. (1994). *Der Staat der Seldschukiden und Mittelasien im 11.—12. Jahrhundert* (Berlin)

Ament, H. (1996). 'Frühe Funde und archäologische Erforschung der Franken in Rheinland', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 22—34

Amory, P. (1997). *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489—554* (Cambridge)

Anderson, B. (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (London)

Anokhin, V.A. (1980). *The Coinage of Chersonesus* (Oxford)

Antony, D.W. (1990). 'Migration in Archaeology: the Baby and the Bathwater', *American Anthropologist* 92, 895—914

——— (1992). 'The Bath Refilled: Migration in Archaeology Again', *American Anthropologist* 94, 174—176

Arnaud-Lindet, M-P., ed. and trans. (1990—1991). *Orose: Histoires contre les païens* (Paris)

Arnold, C.J. (1997). *An Archaeology of the Early Anglo-Saxon Kingdoms*, 2nd ed. (London)

Arnold, E. (1973). *The Kingdom of the Scots: Government, Church and Society from the Eleventh to the Fourteenth Century* (London)

Bacall, A. (1991). *Ethnicity in the Social Sciences: A View and a Review of the Literature on Ethnicity* (Coventry)

Bachrach, B.S. (1973). *The Alans in the West* (Minneapolis)

Bailyn, B. (1994). 'Europeans on the Move, 1500—1800', in Canny (1994), 1—5

Bakony, K. (1999). 'Hungary', in Reuter (1999), 536—552

Barford, P. (2001). *The Early Slavs* (London)

——— (2005). 'Silent Centuries: The Society and Economy of the Northwestern Slavs', in Curta (2005), 60—102

Barnes, T.D. (1998). *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality* (Ithaca; London)

Barnish, S.J.B. (1992). *The Variae of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator* (Liverpool)

Barrett, J.C. et al., eds. (1989). *Barbarians and Romans in North-west Europe from the Later Republic to Late Antiquity* (Oxford)

Barrow, G.W.S. (1973). *The Kingdom of the Scots: Government, Church and Society from the Eleventh to the Fourteenth Century* (London)

Barth, F., ed. (1969). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Ethnic Difference* (Boston)

Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change 950—1350* (London)

Bassett, S., ed. (1989). *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms* (London)

Bates, D. (1982). *Normandy before 1066* (London)

Batty, R. (2007). *Rome and the Nomads: The Pontic-Danubian Realm in Antiquity* (Oxford)

Baxter, S. (2007). *The Earls of Mercia: Lordship and Power in late Anglo-Saxon England* (Oxford)

Bentley, G.C. (1987). 'Ethnicity and Practice', *Comparative Studies in Society and History* 29, 25—55

Bethmann, L. and Waitz, G., eds. (1878). *Pauli Historia Langobardorum*, Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum (Hanover)

Bichir, G. (1976). *The Archaeology and History of the Carpi* (Oxford)

Bidez, J. and Hansen, G.C., eds. (1995). *Sozomenus Kirchengeschichte* (Berlin)

Bieler, L. (1965). *Eugippius: The Life of Saint Severinus* (Washington)

Bielowski, A., ed. (1946). *Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii, Monumenta Poloniae Historica* 1, 10—11

Bierbrauer, V. (1980). 'Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Sudosteuropa', in Wolfram and Daim (1980), 131—142

——— (1989). 'Ostgermanische Oberschichtsgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters', in *Peregrinatio Gothica* 2, *Archaeologia Baltica* 8 (Lodz), 40—106

Bilde, P. et al. (1993). *Centre and Periphery in the Hellenistic World* (Aarhus)

Bill, J. (1997). 'The Ships', in P. Sawyer (1997a), 182—201

Binchy, D.A. (1970a). *Celtic and Anglo-Saxon Kingship: the O'Donnell Lectures for 1967—8 delivered in the University of Oxford on 23 and 24 May 1968* (Oxford)

———, ed. (1970b). *Crith gablach* (Dublin)

Bird, H.W. (1993). *Eutropius Breviarium* (Liverpool)

——— (1994). *Liber de Caesaribus of Sextus Aurelius Victor* (Liverpool)

Birley, A.R. (1966). *Marcus Aurelius* (London)

——— (2005). *The Roman Government of Britain* (Oxford)

Birnbaum, H. (1993). 'On the Ethnogenesis and Protohome of the Slavs: the Linguistic evidence', *Journal of Slavic Linguistics* 1.2, 352—374

Blair, J. (1994). *Anglo-Saxon Oxfordshire* (Oxford)

Blench, R. and Spriggs, M., eds. (1998). *Archaeology and Language II: Correlating Archaeological and Linguistic Hypotheses* (New York)

Blockley, R.C. (1981). *The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*, vol. 1 (Liverpool)

——— (1983). *The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*, vol. 2 (Liverpool)

——— (1985). *The History of Menander the Guardsman* (Liverpool)

Boeles, P.C.J.A. (1951). *Friesland tot de elfde eeuw* (Gravenhage)

Böhme, H.-W. (1974). *Germanische Grabfünde des 4 bis 5 Jahrhunderts zwischen untere Elbe und Loire. Studien zur Chronologie und Bevölkerungsgeschichte* (Munich)

——— (1975). 'Archäologische Zeugnisse zur Geschichte der Markomannenkriege (166—80 n. Chr.)', *Jahrbuch des römischgermanischen Zentralmuseums Mainz* 22, 155—217

Bohner, K. (1958). *Die frankischen Altertumer des Trierer Landes*, 2 vols. (Berlin)

Bohning, W.R. (1978). 'International Migration and the Western World: Past, Present and Future', *International Migration* 16, 1—15

Boretius, A., ed. (1883). *Capitularia regum Francorum* (Hanover)

Borodzej, T. et al. (1989). *Période romaine tardive et début de la période des migrations des peuples (groupe de Masłomecz)* (Warsaw)

Borrie, W.D. (1994). *The European Peopling of Australasia: A Demographic History, 1788—1988* (Canberra)

Bosl, K. (1966). *Das Grossmährische Reich in der politischen Welt des 9. Jahrhunderts* (Munich)

Bowlus, C. (1995). *Franks, Moravians, and Magyars: the Struggle for the Middle Danube, 788—907* (Philadelphia)

Brachmann, H. (1978). *Slawische Stämme an Elbe und Saale: zu ihrer Geschichte und Kultur im 6.—10.* (Berlin)

——— (1993). *Der frühmittelalterliche Befestigungsbau in Mitteleuropa: Untersuchungen zu einer Entwicklung und Function im germanisch-deutschen Gebiet* (Berlin)

———, ed. (1995). *Burg—Burgstad—Stadt: zur Genese mittelalterlicher nichtagrarischer Zentren in Ostmitteleuropa* (Berlin)

——— (1997). 'Tribal Organizations in Central Europe in the 6th—10th Centuries ad: Reflections on the Ethnic and Political Development in the Second Half of the First Millennium', in Urbanczyk (1997a), 23—38

Brather, S. (1996). *Feldberger Keramik und frühe Slawen: Studien zur nordwestslawischen Keramik der Karolingerzeit* (Bonn)

——— (2001). *Archäologie der westlichen Slawen: Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa* (Berlin)

Braund, D.C. (1984). *Rome and the Friendly King: The Character of Client Kingship* (London)

——— (2005). *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the early Roman Empire (Sixth Century BC — First Century AD)* (Exeter)

Bretholz, B. and Weinberger, W., eds. (1923). *Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag,* Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum, n.s. 2 (Berlin)

Brooks, N. (1979). 'England in the Ninth Century: The Crucible of Defeat', *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th series, 29, 1—20

Broun, D. et al., eds. (1998). *Image and Identity: The Making and Remaking of Scotland through the Ages* (Edinburgh)

Brown, P. (1971). *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad* (London)

——— (1996). *The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity, AD 200—1000* (Oxford)

Browning, R. (1975). *Byzantium and Bulgaria: A Comparative Study across the Early Medieval Frontier* (London)

Buko, A. (2005). *Archeologia Polski* (Warsaw)

Burgess, R. (1993). *The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana* (Oxford)

Bury, J.B. (1928). *The Invasion of Europe by the Barbarians* (London)

Cameron, A.D.E. (1970). *Claudian: Poetry and Politics at the Court of Honorius* (Oxford)

Cameron, A.D.E. and Long, J., with a contribution by Sherry, L. (1993). *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius* (Berkeley)

Campbell, A. (1949). *Encomium Emmae Reginae* (London)
Campbell, J., ed. (1982). *The Anglo-Saxons* (Oxford)
——— (2000). *The Anglo-Saxon State* (London)
Canard, M. (1973). *Miscellanea Orientalia* (London)
Canny, M., ed. (1994). *Europeans on the Move: Studies on European Migration 1500—1800* (Oxford)
Carroll, M. (2001). *Romans, Celts and Germans: The German Provinces of Rome* (Stroud)
Cary, E. (1914—1927). *Dio's Roman History* (London)
Castellanos, S. (2000). 'Propiedad de la tierra y relaciones de dependencia en la Galia del siglo VI. El Testamentum Remigii', *Antiquité Tardif* 8, 223—227
Chadwick-Hawkes, S., ed. (1989). *Weapons and Warfare in Anglo-Saxon England* (Oxford)
Champion, T.C. (1995). *Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology* (London)
Champion, T.C. and Megaw, J.V.S., eds. (1985). *Settlements and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium BC* (Leicester)
Chapman, R. and Dolukhanov, P., eds. (1993). *Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe* (Aldershot)
Charanis, P. (1950). 'The Chronicle of Monemvasia and the Question of the Slavic Settlements of Greece', *Dumbarton Oaks Papers* 5, 141—166
Charles, R.H. (1916). *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu* (London)
Charles-Edwards, T.C.E. (1989). 'Early Medieval Kingships in the British Isles', in Bassett (1989), 28—39
———, ed. (2003). *After Rome* (Oxford)
——— (2006). *The Chronicle of Ireland* (Liverpool)
Chastagnol, A. (1973). 'Le repli sur Arles des services administratifs gaulois en l'an 407 de notre ère', *Revue Historique* 97, 23—40
Childe, V.G. (1926). *The Aryans: A Study of Indo-European Origins* (London)
——— (1927). *The Dawn of European Civilization* (London)
Christiansen, E. (1980). *The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100—1525* (London)
——— (1980—1981). *Saxo Grammaticus: Danorum Regum heroumque historia: Books X—XVI* (text and translation), 3 vols. (Oxford)
——— (2002). *The Norsemen in the Viking Age* (Oxford)
Christie, N. (1995). *The Lombards: The Ancient Longobards* (Oxford)
Christlein, R. (1978). *Die Alamannen* (Stuttgart)
Claessen, H.J.M. and Skalnik, P. (1978). *The Early State* (The Hague)
——— (1981). *The Study of the State* (The Hague)
Claessen, H.J.M. and van de Velde, P. (1987). *Early State Dynamics* (Leiden)

Claessen, H.J.M. and Oosten, J.G. (1996). *Ideology and the Formation of Early States* (Leiden)

Clark, G. (1966). 'The Invasion Hypothesis in British Archaeology', *Antiquity* 40, 172—189

Cohen, R., ed. (1995). *The Cambridge Survey of World Migration* (Cambridge)

———, ed. (1996). *Theories of Migration* (Cheltenham)

———, ed. (1997). *The Politics of Migration* (Cheltenham)

——— (2008). *Global Diasporas: An Introduction*, 2nd ed. (Abingdon)

Colgrave, B. and Mynors, R.A.B., eds. (1949). *Bede's Ecclesiastical History of the English People* (Oxford)

Collins, R. (1983). 'Theodebert I, "Rex Magnus Francorum" ', in P. Wormald (ed.), *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society* (Oxford), 7—33

——— (1998). *Charlemagne* (Basingstoke)

Collinson, S. (1994). *Europe and International Migration*, 2nd ed. (London)

Constantinescu, M. et al., eds. (1975) *Relations Between the Autochthonous Population and the Migratory Populations on the Territory of Romania* (Bucharest)

Cooper, J., ed. (1993). *The Battle of Maldon: Fiction and Fact* (London)

Coupland, S. (1995). 'The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England', in McKitterick (1995), 190—201

Courtois, C. (1955). *Les Vandales et l'Afrique* (Paris)

Crawford. B. (1987). *Scandinavian Scotland* (Leicester)

Cribb, R.J. (1991). *Nomads in Archaeology* (London)

Croke, B. (1977). 'Evidence for the Hun Invasion of Thrace in ad 422', *Greek, Roman and Byzantine Studies* 18, 347—367

Cross, S.H. and Sherbowitz-Wetzor, O.P., eds. (1953). *The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text* (Cambridge, MA)

Cunliffe, B. (1997). *The Ancient Celts* (Oxford)

Cunliffe, B. and Rowley, T., eds. (1976). *Oppida: The Beginnings of Urbanization in Barbarian Europe: Papers Presented to a Conference at Oxford, October 1975* (Oxford)

Curta, F. (1999). 'Hiding behind a Piece of Tapestry: Jordanes and the Slavic Venethi', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 47, 1—18

——— (2001). *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700* (Cambridge)

———, ed. (2005). *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages* (Ann Arbor)

——— (2006). *Southeastern Europe in the Middle Ages 500—1250* (Cambridge)

Daim, F. (2003). 'Avars and Avar Archaeology: An Introduction', in Goetz et al. (2003), 463—570

Dark, K.R. (2002). *Britain and the End of the Roman Empire* (Stroud)

Davies, W. (1978). *An Early Welsh Microcosm: Studies in the Llandaff Charters* (London)

——— (1990). *Patterns of Power in Early Wales* (Oxford)

De Boor, C. and Wirth, P., eds. (1972). *The History of Theophylact Simocatta* (Stuttgart)

Defarri, R.J. (1964). *Orosius: Seven Books of History Against the Pagans* (Washington)

Delehaye, H. (1912). 'Saints de Thrace et de Mesie', *Analecta Bollandia* 31, 161—300

Demandt, A. (1984). *Der Fall Roms: die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt* (Munich)

Demougeot, E. (1979). *La Formation de l'Europe et les invasions barbares: II. De's l'avènement de Dioclétien (284) à l'occupation germanique de l'Empire romain d'Occident (début du VIe siècle)* (Paris)

Denison, D. (1993). *English Historical Syntax* (Harlow)

Dennis, G.T., ed. (1981). *Das Strategikon des Maurikios* (Vienna)

——— (1984). *Maurice's Strategikon: Handbook of Byzantine Military Strategy* (Pennsylvania)

Dindorf, L., ed. (1832). *Chronicon Paschale* (Bonn)

Dittrich, Z.R. (1962). *Christianity in Great Moravia* (Groningen)

Dolukhanov, P.M. (1996). *The Early Slavs: Eastern Europe from the Initial Settlement to the Kievan Rus* (London)

Donat, P. (1983). 'Die Entwicklung der Wirtschaftlichen und Gesellschaftlichen Verhältnisse bei den slawischen Stämme zwischen Oder und Elbe nach archäologischen Quellen', in *Settimane* (1983), 127—145

Donat, P. and Fischer, R.E. (1994). 'Die Anfänge slawische Siedlung westlich der Oder', *Slavia Antiqua* 45, 7—30

Drijvers, J.W. and Hunt, D., eds. (1999). *The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus* (London)

Drinkwater, J.F. (1989). 'Patronage in Roman Gaul and the Problem of the Bagaudae', in *Patronage in Ancient Society*, ed. A. Wallace-Hadrill (London), 189—203

——— (1992). 'The Bacaudae of Fifth-Century Gaul', in Drinkwater and Elton (1992), 208—217

——— (1998). 'The usurpers Constantine III (407—411) and Jovinus (411—413)', *Britannia* 29, 269—298

——— (2007). *The Alamanni and Rome 213—496* (Oxford)

Drinkwater, J.F. and Elton, H., eds. (1992) *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* (Cambridge)

Duczko, W. (2004). *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe* (Leiden)

Dulinicz, M. (1994). 'The Problem of Dating of the Strongholds of the Tornow Type and Tornow-Klenica Group', *Archeologia Polski* 39, 31—49 (English summary)

——— (1997). 'The First Dendrochronological Dating of the Strongholds in Northern Mazovia', in Urbanczyk (1997a), 137—142

Dumville, D.N. (1977). 'Kingship, Genealogies and Regnal Lists', in Sawyer and Wood (1977), 72—104

Dunbabin, J. (2000). *France in the Making, 843—1180*, 2nd ed. (Oxford)

Dvornik, F. (1949). *The Making of Central and Eastern Europe* (London)

——— (1956). *The Slavs: Their Early History and Civilization* (Boston)

——— (1969). *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, 2nd ed. (Hattiesburg, MS)

Earle, T.K., ed. (1984). *On the Evolution of Complex Societies: Essays in Honor of Harry Hoijer, 1982* (Malibu)

———, ed. (1991). *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology* (Cambridge)

Eggers, H.J. (1951). *Der römische Import im freien Germanien*, Atlas der Urgeschichte 1 (Berlin)

Eggers, M. (1995). *Das 'Grossmährische Reich': Realität oder Fiktion?: eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donauraumes im 9. Jahrhundert* (Stuttgart)

Elton, H. (1996). *Frontiers of the Roman Empire* (London)

Esmonde-Cleary, S. (1989). *The Ending of Roman Britain* (London)

Evelyn White, H. (1961). *The Works of Ausonius* (London)

Faith, R. (1997). *The English Peasantry and the Growth of Lordship* (Leicester)

Farrell, R.T., ed. (1978). *Bede and Anglo-Saxon England* (Oxford)

———, ed. (1982). *The Vikings* (London)

Faulkner, N. (2000). *The Decline of Roman Britain* (Stroud)

Favrod, J. (1997). *Histoire politique du royaume burgonde (443—534)* (Lausanne)

Fellows-Jenson, G. (2001). 'In the Steps of the Vikings', in Graham-Campbell et al. (2001), 279—288

Fielding, A. (1993a). 'Mass Migration and Economic Restructuring', in King (1993), 7—18

——— (1993b). 'Migrations, Institutions and Politics: The Evolution of Emigration Policies', in King (1993), 40—62

Fisher, P., trans., ed. Davidson, H.E. (1996). *Saxo Grammaticus: The History of the Danes: Books I—IX* (Woodbridge)

Font, M. (2005). 'Missions, Conversions, and Power Legitimization in East Central Europe', in Curta (2005), 283—296

Forte, A. et al. (2005). *Viking Empires* (Cambridge)

Foulke, W.D. (1974). *History of the Lombards* (Philadelphia)

Fouracre, P. (2000). *The Age of Charles Martel* (Harlow)

———, ed. (2005). *The New Cambridge Medieval History: vol. 1, c. 500 — c. 700* (Cambridge)

Franklin, S. and Shepard, J. (1996). *The Emergence of Rus 750—1200* (Harlow)

Freeman, E.A. (1888). *Four Oxford Lectures 1887* (London)

Frendo, J.D. (1975). *Agathias History* (Berlin)

Fried, M.H. (1967). *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology* (New York)

Friedrich, G. (1907). *Codex Diplomaticus et Epistolaris Regni Bohemiae*, vol. 1 (Prague)

Friedrichs, J. (2004). *European Approaches to International Relations Theory: A House With Many Mansions* (London)

Frolova, N.A. (1983). *The Coinage of the Kingdom of Bosporos AD 242—341/2* (Oxford)

Fulford, M. (1985). 'Roman Material in Barbarian Society c. 200 BC — AD 400', in Champion and Megaw (1985), 91—108

Garipzanov, I. et al., eds. (2008). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe* (Turnhout)

Garzya, A. (1989). *Opere di Sinesio di Cirene: epistole, operette, inni* (Turin)

Geary, P. (1983). *Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages* (Vienna)

——— (1988). *Before France and Germany: The Creation and Transformation of the Merovingian World* (New York)

——— (2002). *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe* (Princeton)

Gebuhr, M. (1974). 'Zur Definition alterkaiserzeitlicher Fürstengräber vom Lubsow-Typ', *Prähistorische Zeitschrift* 49, 82—128

Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism* (Ithaca)

Geuenich, D., ed. (1998). *Die Franken und die Alemannen bis zur 'Schlacht bei Zulpich'*

Gillet, A., ed. (2002). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages* (Turnhout)

Godja, M. (1988). *The Development of the Settlement Pattern in the Basin of the Lower Vltava (Central Bohemia) 200—1200* (Oxford)

——— (1991). *The Ancient Slavs: Settlement and Society* (Edinburgh)

Godlowski, K. (1970). *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe* (Cracow)

——— (1980). 'Das Aufhören der Germanischen Kulturen an der Mittleren Donau und das Problem des Vordringens der Slawen', in Wolfram & Daim (1980), 225—232

——— (1983). 'Zur Frage der Slawensitze vor der grossen Slawenwanderung im 6. Jahrhundert', in Settimane (1983), 257—302

Godman, P. and Collins, R., eds. (1990). *Charlemagne's Heir* (Oxford)

Goehrke, C. (1992). *Frühzeit des Ostslaventums* (Darmstadt)

Goetz, H.-W. et al., eds. (2003). *Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World* (Leiden)

Goffart, W. (1980). *Barbarians and Romans AD 418—584: The Techniques of Accommodation* (Princeton)

——— (1981). 'Rome, Constantinople, and the Barbarians in Late Antiquity', *American Historical Review* 76, 275—306

——— (1988). *The Narrators of Barbarian History (AD 550—800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon* (Princeton)

——— (2006). *Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire* (Philadelphia)

Goodacre S. et al. (2005). 'Genetic Evidence for a Family-Based Scandinavian Settlement of Shetland and Orkney during the Viking Periods', *Heredity* 95, 129—135

Gordon, D.C. (1966). *The Age of Attila* (Ann Arbor)

Gorecki, P. (1992). *Economy, Society and Lordship in Medieval Poland 1100—1250* (New York)

Gottmann, J., ed. (1980). *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics* (London)

Gould, J.D. (1980). 'European Inter-Continental Emigration, The Road Home: Return Migration from the USA', *Journal of European Economic History* 9.1, 41—112

Graham-Campbell, J. et al., eds. (2001). *Vikings and the Danelaw* (Oxford)

Graus, F.J. and Dostál, A. (1966). *Das Grossmährische Reich: Tagung der wissenschaftlichen Konferenz des Archäologischen Instituts der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, Brno-Nitra, 1.—4.x.1963* (Prague)

Graus, F. and Ludat, H., eds. (1967). *Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit* (Wiesbaden)

Green, D.H. (1998). *Language and History in the Early Germanic World* (Cambridge)

Gyuzelev, V. (1979). *The Proto-Bulgarians* (Sofia)

Haarnagel, W. (1979). *Die Grabung Feddersen Wierde: Methode, Hausbau-, Siedlungs- und Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur* (Wiesbaden)

Hachmann, R. (1971). *The Germanic Peoples* (London)

Haldon, J.F. (1990). *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge)

Hall, C. (1983). *Periphrastic Do: History and Hypothesis* (Ann Arbor)

Halsall, G. (1992). 'The Origins of the Reihengräberzivilisation: Forty Years On', in Drinkwater and Elton (1992), 196–207

——— (1995a). *Settlement and Social Organization: The Merovingian Region of Metz* (Cambridge).

——— (1995b). *Early Medieval Cemeteries: An Introduction to Burial Archaeology in the Post-Roman West* (Skelmorlie)

——— (1999). 'Movers and Shakers: The Barbarians and the Fall of Rome', *Early Medieval Europe* 8, 131–145

——— (2001). 'Childeric's grave, Clovis' Succession and the Origins of the Merovingian Kingdom', in Mathisen and Shanzer (2001), 116–133

——— (2005). 'The Barbarian Invasions', in Fouracre (2005), 35–55

——— (2007). *Barbarian Migrations and the Roman West 376–568* (Cambridge)

Handley, M. (2001). 'Beyond Hagiography: Epigraphic Commemoration and the Cult of the Saints in Late Antique Trier', in Mathisen and Shanzer (2001), 187–200

——— (2003). *Death, Society and Culture: Inscriptions and Epitaphs in Gaul and Spain, AD 300–750* (Oxford)

Hannestad, K. (1960). 'Les forces militaires d'apre`s la guerre gothique de Procope',

Classica et Mediaevalia 21, 136–183

Hansen, G.C., ed. (1995). *Sokrates: Kirchengeschichte* (Berlin)

Harhoiu, R. (1977). *The Treasure from Pietroasa, Romania* (Oxford)

Härke, H. (1989). 'Early Saxon Weapon Burials: Frequencies, Distributions and Weapon Combinations', in Chadwick-Hawkes (1989), 49–61

——— (1990). ' "Warrior Graves?" The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite', *Past and Present* 126, 22–43

——— (1992). *Angelsächsische Waffengräber des 5. bis 7. Jahrhunderts* (Cologne)

——— (1998). 'Archaeologists and Migrations: A Problem of Attitude?', *Current Anthropology* 39.1, 19–45

Hart, C. (1992). *The Danelaw* (London)

Haubrichs, W. (1996). 'Sprache und Sprachzeugnisse der merowingischen Franken', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 559–573

——— (2003). 'Remigo aus Goddelau: Ostgermanen, Westgermanen und Romanen im Wormser Raum des 5./6. Jahrhunderts', in *Runica—Germanica—Mediaevalia*, ed. W. Heizmann and A. van Nahl (Berlin), 226—242

——— (forthcoming). 'Ein namhaftes Volk: Burgundische Namen und Sprache des 5. und 6. Jahrhunderts', in *Die Burgunder: Ethnogenese und Assimilation eines Volkes*, ed. V. Gallée (Worms), 135—184

Heather, P.J. (1986). 'The Crossing of the Danube and the Gothic Conversion', *Greek Roman and Byzantine Studies* 27, 289—318

——— (1988). 'The Anti-Scythian Tirade of Synesius' De Regno', *Phoenix* 42, 152—172

——— (1989). 'Cassiodorus and the Rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun Domination', *Journal of Roman Studies* 79, 103—128

——— (1991). *Goths and Romans 332—489* (Oxford)

——— (1993). 'The Historical Culture of Ostrogothic Italy', in *Teoderico il grande e i Goti d'Italia, Atti del XIII Congresso internazionale di studi sull'Alto Medioevo* (Spoleto), 317—353

——— (1995a). 'The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe', *English Historical Review* 110, 4—41

——— (1995b). 'Theodoric King of the Goths', *Early Medieval Europe* 4.2, 145—173

——— (1996). *The Goths* (Oxford)

——— (2001). 'The Late Roman Art of Client Management and the Grand Strategy Debate', in Pohl and Wood (2001), 15—68

——— (2003). 'Gens and regnum among the Ostrogoths', in Goetz et al. (2003), 85—133

——— (2005). *The Fall of Rome: A New History* (London)

——— (2007). 'Goths in the Roman Balkans c. 350—500', in Poulter (2007), 163—190

——— (2008a). Review of John Drinkwater (2007), *Nottingham Medieval Studies* 52, 243—245

——— (2008b). 'Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period', in Garipzanov et al. (2008), 17—50

——— (forthcoming). 'Why Did the Barbarian Cross the Rhine?', *Late Antiquity*

Heather, P.J. and Matthews, J.F. (1991). *The Goths in the Fourth Century: Translated Texts for Historians* (Liverpool)

Heather, P.J. and Moncur, D. (2001). *Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius, Translated Texts for Historians* (Liverpool)

Hedeager, L. (1987). 'Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland: Rome and Northern Europe from ad 1—400', in Rowlands et al. (1987), 125—140

——— (1988). 'The Evolution of Germanic Society 1—400 ad', in Jones R.F.J. et al. (1988), 129—144

——— (1992), trans. John Hines. *Iron-Age Societies: From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700* (Oxford)

Hedeager, L. and Kristiansen, K. (1981). 'Bendstrup — A Princely Grave from the Early Roman Iron Age: Its Social and Historical Context', *Kuml* (1981), 150—162

Helgason, A. et al. (2000). 'Estimating Scandinavian and Gaelic ancestry in the male settlers of Iceland', *American Journal of Human Genetics* 67, 697—717

——— (2001). 'mtDNA and the Islands of the North Atlantic: Estimating the Proportions of Norse and Gaelic Ancestry', *American Journal of Human Genetics* 68, 723—737

——— (2003). 'A Reassessment of Genetic Diversity in Icelanders: Strong Evidence from Multiple Loci for Relative Homogeneity caused by Genetic Drift', *Annals of Human Genetics* 67, 281—297

Henning, J. (1991). 'Germanen-Slawen-Deutsche: Neue Untersuchungen zum frühgeschichtlichen Siedlungswesen ostlich der Elbe', *Praehistorische Zeitschrift* 66, 119— 133

——— (2005). 'Ways of Life in Eastern and Western Europe during the Early Middle Ages: Which Way was Normal?', in Curta (2005), 41—59

Herrmann, J. (1968), *Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stamme zwischen Oder/Neisse und Elbe* (Berlin)

——— (1983), 'Wanderungen und Landnähme im Westslawischen Gebiet', in Settimane (1983), 75—101

——— (1984), *Germanen und Slawen in Mitteleuropa* (Berlin)

Hermann, J. et al., eds. (1985). *Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert*, 2nd ed. (Berlin)

Higham, N. (1992). *Rome, Britain and the Anglo-Saxons* (London)

——— (1994). *The English Conquest: Gildas and Britain in the Fifth Century* (Manchester)

———, ed. (2007). *The Britons in Anglo-Saxon England* (London)

Hills, C. (2003). *The Origins of the English* (London)

Hines, J. (1984). *The Scandinavian Character of Anglian England in the pre-Viking Period* (Oxford)

———, ed. (1997). *The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective* (Woodbridge)

Hodder, I. (1982). *Symbols in Action: Ethnoarchaeological Studies of Material Culture* (Cambridge)

——— (1991). *Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archaeology* (Cambridge)

Hodder, I. and Hutson, S., eds. (2003). *Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archaeology* (Cambridge)

Hodges, R. and Bowden, W., eds. (1998). *The Sixth Century: Production, Distribution, and Demand* (Leiden)

Hodgkin, T. (1886). *The Letters of Cassiodorus: A Condensed Translation* (London)

Holmes, C., ed. (1996). *Migration in European History* (Cheltenham)

Holt, J.C. (1987). '1086' in Holt, ed., *Doomsday Studies* (Woodbridge), 41—64

Holtzmann, R., ed. (1935). *Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon*, Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum, vol. 9 (Berlin)

Hooke, D. (1997). 'The Anglo-Saxons in England in the Seventh and Eighth Centuries: Aspects of Location in Space', in Hines (1997), 65—99

——— (1998). *The Landscape of Anglo-Saxon England* (London)

Hummer, H.J. (1998). 'The Fluidity of Barbarian Identity: The Ethnogenesis of Alemanni and Suebi ad 200—500', *Early Medieval Europe* 7, 2—26

Ilkjaer, J. (1995). 'Illerup Adal (Danemark). Un lieu de sacrifices du IIIe siècle de n.è. en Scandinavie meridionale', in Vallet and Kazanski (1995), 101—112

Ilkjaer, J. and Lonstrup, J. (1983). 'Der Moorfund im Tal der Illerup-A bei Skanderborg im Ostjutland', *Germania* 61, 95—126

Ionita, I. (1975). 'The Social-Economic Structure of Society During the Goths' Migration in the Carpatho-Danubean Area', in Constantinescu (1975), 77—89

James, E.F. (1988). *The Franks* (Oxford)

——— (1989). 'The Origins of Barbarian Kingdoms: The Continental Evidence', in Bassett (1989), 40—52

James, S. (1999). *The Atlantic Celts: Ancient People or Modern Invention?* (London)

Jarnut, J. (2003). 'Gens, Rex, and Regna of the Lombards', in Goetz et al. (2003), 409—428

Jerome, H. (1926). *Migration and Business Cycles* (New York)

Jirecek, H. (1867). *Codex Juris Bohemici*, vol. 1 (Prague)

Johnston, D.E., ed. (1977). *The Saxon Shore* (London)

Jones, A.H.M. (1964). *The Later Roman Empire: A Social Economic and Administrative Survey*, 3 vols. (Oxford)

Jones, M.E. (1996). *The End of Roman Britain* (Ithica)

Jones R.F.J. et al., eds. (1988). *First Millennium Papers: Western Europe in the First Millennium* (Oxford)

Kaiser, D.H. (1980). *The Growth of the Law in Medieval Russia* (Princeton)

———, ed. (1992). *The Laws of Rus': tenth to fifteenth centuries* (Salt Lake City)

Kaiser, D.H. and Marker, G., eds. (1994). *Reinterpreting Russian History: Readings 860s—1860s* (Oxford)

Kaiser, R. (1997). *Die Franken: Roms Erben und Wegbereiter Europas?* (Idstein)

Kantor, M. (1983). *Medieval Slavic Lives of Saints and Princes* (Ann Arbor)

——— (1990). *The Origins of Christianity in Bohemia* (Evanston)

Kapelle, W.E. (1979). *The Norman Conquest of the North: The Region and Its Transformation 1000—1135* (Chapel Hill, NC)

Kazanski, M. (1991). *Les Goths (Ier—VIIe sie'cle apre's J.-C.)* (Paris)

——— (1999). *Les Slaves: les origines, Ier—VIIe siècle après J.-C.* (Paris)

Kelly, C. (2008). *Attila the Hun: Barbarian Terror and the Fall of Rome* (London)

Kelly, G. (2008). *Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian* (Cambridge)

Kennedy, H. (2004). *The Court of the Caliphs: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty* (London)

——— (2007). *The Great Arab Conquests: How the Spread of Islam Changed the World We Live In* (London)

Keydell, R., ed. (1967). *Agathias Historiae, Corpus Fontium Historiae Byzantinae* (Berlin)

Keynes, S. (1986). 'A Tale of Two Kings: Alfred the Great and Aethelred the Unready', *Transactions of the Royal Historical Society* 36, 195—217

——— (1997). 'The Vikings in England, c. 790—1016', in Sawyer (1997a), 48—81

Keynes, S. and Lapidge, M., eds. (1983). *Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred, and Other Contemporary Sources* (London)

Khazanov, A.M. (trans. Julia Crookenden, with a foreword by Ernest Gellner) (1984). *Nomads and the Outside World* (Cambridge)

King, R., ed. (1993). *Mass Migration in Europe: The Legacy and the Future* (London)

King, R. and Oberg, S. (1993). 'Europe and the Future of Mass Migration', in King (1993), 1—4

Kivisto, P. (1989). *The Ethnic Enigma: The Salience of Ethnicity for European-Origin Groups* (Philadelphia)

Klose, J. (1934). *Roms Klientel-Randstaaten am Rhein und an der Donau: Beiträge zu ihrer Geschichte und rechtlichen Stellung im 1. und 2. Jhdt. n. Chr.* (Breslau)

Kmiecinski, J. (1968). *Odry: cmentarzysko kurhanowe z okresu rzymskiego w powiecie chojnickim* (Lódz)

Knabe, C. and Herrmann, P., eds. (1931—1957). *Saxonis Gesta danorum* (Copenhagen)

Knoll, P.W. and Schaer, F. (2003). *Gesta principum Polonorum* ['The deeds of the princes of the Poles'] (Budapest)

Kobylinksi, Z. (1997). 'Settlement Structures in Central Europe at the Beginning of the Middle Ages', in Urbanczyk (1997a), 97—114

Koch, R. and Koch, U. (1996). 'Die frankische Expansion ins Main und Neckargebiet', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 270—284

Kokowski, A. (1995). *Schätze der Ostgoten* (Stuttgart)

Kolendo, J. (1997). 'Central Europe and the Mediterranean World in the 1st—5th Centuries ad', in Urbanczyk (1997a), 5—22

Kossinna, G. (1928). *Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit* (Leipzig)

Kostrzewski, J. (1969). 'Über den gegenwärtigen Stand der Erforschung der Ethnogenese der Slaven in archäologischer Sicht', in Zagiba (1969), 11—25

Krader, L. (1963). *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads* (The Hague)

Kristiansen, K. and Paludan-Muller, C., eds. (1978). *New Directions in Scandinavian Archaeology* (Copenhagen)

Krüger, B. et al., eds. (1976—1983). *Die Germanen: Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*, 2 vols. (Berlin)

Krusch, B. and Levison, W., eds. (1951). *Gregory of Tours: Historiae*, Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Merovingicarum 1.1 (Berlin)

Kuhn, W. (1963). 'Die Siedlerzählen der deutschen Ostsiedlung', in *Studium Sociale. Karl Valentin Muller dargebracht* (Cologne), 131—154

——— (1973). *Vergleichende Untersuchungen zur mittelalterlichen Ostsiedlung* (Cologne)

Kuhrt, D., ed. (1984). *The Politics of Return: International Return Migration in Europe* (New York)

Kulikowski, M. (2000a). 'Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain', *Britannia* 31, 325—345

——— (2000b). 'The Notitia Dignitatum as a Historical Source', *Historia* 49, 358—377

——— (2002). 'Nation versus Army: A Necessary Contrast?', in Gillet (2002), 69—84

——— (2007). *Rome's Gothic Wars* (Cambridge)

Kunzl, E., ed. (1993). *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz*, 4 vols. (Mainz)

Kurnatowska, Z. (1995). 'Frühstadische Entwicklung an den Zentrum der Piasten in Grosspolen', in Brachmann (1995), 133—148

——— (1997a). 'Territorial Structures in West Poland Prior to the Founding of the State Organization of Miesco I', in Urbanczyk (1997a), 125—136

——— (1997b). 'Die Christianisierung Polens im Lichte der Materiallen Quellen', in Urbancyzk (1997a), 101—121

Kurze, F., ed. (1895). *Annales Regni Francorum 741—829*, Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum, vol. 6 (Hanover)

Lappenberg, J.M. and Schmeidler, B., eds. (1909). *Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum*, 2nd ed. (Hanover)

Leahy, K. and Paterson, C. (2001). 'New Light on the Viking presence in Lincolnshire: the Artefactual Evidence', in Graham-Campbell et al. (2001), 181—202

Leach, E.R. (1954). *Political Systems of Highland Burma: A Study of Kachin Social Structure* (London)

Lemerle, P. (1979—1981). *Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius* (Paris)

Lenski, N. (1995). 'The Gothic Civil War and the Date of the Gothic Conversion', *Greek Roman and Byzantine Studies* 36, 51—87

——— (2002). *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD* (Berkeley)

Levaskova, V.P. (1994). 'Agriculture in Rus', in Kaiser and Marker (1994), 39—44

Lewitt, T. (1991). *Agricultural Production in the Roman Economy AD 200—400* (Oxford)

Leyser, K. (1982). *Medieval Germany and its Neighbours, 900—1250* (London)

——— (1989). *Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony* (Oxford)

Liapushkin, I.I. (1958). *Gorodishche Novotroitskoe* (Moscow)

Liebermann, F., ed. (1903—1916). *Die Gesetze der Angelsachsen* (Halle)

Liebeschuetz, J.H.W.G. (1990). *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom* (Oxford)

——— (1992). 'Alaric's Goths: Nation or Army?', in Drinkwater and Elton (1992), 75—83

Likhachev, D.S. (1970). 'The Legend of the Calling-in of the Varangians', in K. Hannestad et al. (eds.), *Varangian Problems*, 178—185

Lindner, R. (1981). 'Nomadism, Huns, and Horses', *Past & Present* 92, 1—19

Lohmann, H.-E. and Hirsch, P., eds. (1935). *Widukindi monachi Corbeiensis Rerum Gestarum Saxonicarum*, Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum, 5th ed. (Hanover)

Loseby, S.T. (1992). 'Marseille: a Late Antique Success Story?', *Journal of Roman Studies* 82, 165—185

——— (1998). 'Marseille and the Pirenne Thesis I: Gregory of Tours, the Merovingian kings and 'un grand port', in Hodges and Bowden (1998), 203—229

——— (2000). 'Urban Failures in late Antique Gaul', in Slater (2000), 72—95

Lowmianski, H. (1960). 'Economic Problems of the Early Feudal Polish State', *Acta Poloniae Historica* 3, 7—32

Loyn, H. (1995). *The Vikings in Britain* (Oxford)

Lubke, C. (1984—1988). *Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an)* (Berlin)

——— (1994). 'Zwischen Triglav und Christus: Die Anfänge der Christianisierung des Havellandes', *Wichmann-Jahrbuch des Diozesangeschichtsverein Berlin*, n.f. 3, Jahrgang 34—35, 15—35

——— (1997). 'Forms of Political Organization of the Polabian Slavs (until 10th c.)', in Urbanczyk (1997a), 115—124

Lund, N. (1984). *Two Voyagers at the Court of King Alfred: Othere and Wulfstan* (York)

——— (1986). 'The Armies of Swein Forkbeard and Cnut: leding or lith?', *Anglo-Saxon England* 15, 105—118

——— (1993). 'Danish Military Organization', in Cooper (1993), 109—126

——— (1994). 'Cnut's Danish Kingdom', in Rumble (1994), 27—42

——— (1995). 'Scandinavia', in McKitterick (1995), 202—227

——— (1997). 'The Danish Empire and the End of the Viking Age', in Sawyer (1997a), 156—181

Lund Hansen, U. (1987). *Römischer Import im Norden: Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien während der Kaiserzeit unter besonderer Berücksichtigung Nordeuropas* (Copenhagen)

McCormick, M. (2001). *Origins of the European Economy: Communications and Commerce, AD 300—900* (Cambridge)

MacGeorge, P. (2002). *Late Roman Warlords* (Oxford)

McKitterick, R. (1977). *The Frankish Church and the Carolingian Reforms, 789—895* (London)

——— (1983). *The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751—987* (London)

——— (1989). *The Carolingians and the Written Word* (Cambridge)

———, ed. (1994). *Carolingian Culture: Emulation and Innovation* (Cambridge)

———, ed. (1995). *The New Cambridge Medieval History. Vol. II, c. 700 — c. 900* (Cambridge)

Maenchen-Helfen, O.J. (1945). 'Huns and Hsiung-nu', *Byzantion* 17, 222—243

——— (1973). *The World of the Huns* (Berkeley)

Magie, D. (1932). *The Scriptores Historiae Augustae* (London)

Maleczynski, K., ed. (1952). *Anonima tzw. Galla Kronika* (Cracow)

Mango, C. and Scott, R. (1997). *Chronographia: The Chronicle of Theophanes Confessor* (Oxford)

Manteuffel, T., translated with an introduction by A. Gorski (1982). *The Formation of the Polish State: The Period of Ducal Rule, 963—1194* (Detroit)

Manteuffel, T. and Gieysztor, A., eds. (1968). *L'Europe aux IX.—XI. siècles aux origines des états nationaux: Actes du Colloque international sur les origines des états européens aux IX.—XI. siècles, tenu à Varsovie et Poznan du 7 au 13 septembre 1965* (Warsaw)

Markus, R.A. (1997). *Gregory the Great and his World* (Cambridge)

Mathisen, R.W. and Shanzer, D., eds. (2001). *Society and Culture in Late Roman Gaul: Revisiting the Sources* (Aldershot)

Matthews, J.F. (1970). 'Olympiodorus of Thebes and the History of the West (ad 407—425)', *Journal of Roman Studies* 60, 79—97

——— (1975). *Western Aristocracies and the Imperial Court AD 364—425* (Oxford)

——— (1989). *The Roman Empire of Ammianus* (London)

Mayr Harting, H. (1972). *The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England* (London)

——— (1994). *Two Conversions to Christianity: The Bulgarians and the Anglo-Saxons* (Reading)

Melnikova, E.A. (1996). *The Eastern World of the Vikings* (Gothenburg)

Mierow, C.C. (1915). *Jordanes: Getica* (New York)

Minns, E.H. (1913). *Scythians and Greeks: A Survey of Ancient History and Archaeology of the North Coast of the Euxine From the Danube to the Caucasus* (Cambridge)

Minor, C. (1996). 'Bacaudae — A Reconsideration', *Traditio* 51, 297—307

Miquel, A. (1966). 'Ibn Jacub', *Annales* 23, 1048—1063

Moderan, Y. (2002). 'L'établissement des Vandals en Afrique', *Antiquité Tardif* 10, 87—122

Moisl, H. (1981). 'Anglo-Saxon Royal Genealogies and Germanic Oral Tradition', *Journal of Medieval History* 7, 215—248

Mommsen, T., ed. (1882). *Jordanes Romana et Getica*, Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi 5.1 (Berlin)

———, ed. (1892). *Chronica Minora 1*, Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi 9 (Berlin)

———, ed. (1894a). *Chronica Minora 2*, Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi 11 (Berlin)

———, ed. (1894b). *Cassiodori Senatoris Variae*, Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi 12 (Berlin)

Mommsen, T. and Kreuger, P., eds. (1905). *Codex Theodosianus* (Berlin)

Moorhead, J. (1992). *Victor of Vita History of the Persecution in Africa* (Liverpool)

Moravcsik, G. and Jenkins, R.J.H., eds. (1967). *Constantine Porphyrogenitus: De administrando imperio* (Washington)

Mueller, K., ed. (1851—1870). *Fragmenta Historicorum Graecorum*, vols. 4—5 (Paris)

Muller-Wille, M. (1999). *Opferkulte der Germanen und Slawen* (Darmstadt)

Myhre, B. (1978). 'Agrarian Development, Settlement History and Social Organization in Southwest Norway in the Iron Age', in Kristiansen and Paludan-Muller (1978), 224—235, 253—265

Nelson, J.L. (1991). *The Annals of St-Bertin* (Manchester)

——— (1997). 'The Frankish Empire', in Sawyer (1997a), 19—47

Nichols, J. (1998). 'The Eurasian Spread Zone and the Indo-European Dispersal', in Blench and Spriggs (1998), 220—266

Niebuhr, B.G., ed. (1839—1841). *Theophanes Chronographia* (Bonn)

Nixon, C.E.V. and Rodgers, B.S. (1994). *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini* (Berkeley)

Noble, T.F.X. and Head, T., eds. (1995). *Soldiers of Christ: Saints and Saints' Lives from Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Pennsylvania)

Noll, R. and Vetter, E., eds. (1963). *Eugippius Vita Sancti Severini, Schriften und Quellen der Alten Welt* 11 (Berlin)

Noonan, T.S. (1997). 'Scandinavians in European Russia', in Sawyer (1997a), 134—155

——— (1998). *The Islamic World, Russia and the Vikings, 750—900: The Numismatic Evidence* (Aldershot)

O Corrain, D. (1997). 'Ireland, Wales, Man, and the Hebrides', in Sawyer (1997a), 83—109

——— (1998). 'The Vikings in Scotland and Ireland in the Ninth Century', *Peritia* 12, 296—339

Ørsnes, M. (1963). 'The Weapon Find in Ejsbøl Mose at Haderlev: Preliminary Report', *Acta Archaeologica* 34, 232—248

——— (1968). *Der Moorfund von Ejsbøl bei Hadersleben. Deutungsprobleme der grossen nordgermanischen Waffenopferfunde: Abhandlung der Akademie der Wissenschaft in Göttingen* (Göttingen)

Painter, K. (1994). 'Booty from a Roman Villa found in the Rhine', *Minerva* 5, 22—27

Palade, V. (1966). 'Atelierele pentru lucrat pieptini din os din secolul at IV-leas e.n. de la Birlad-Valea Seaca', *Arheologia Moldovei* 4, 261—277

Parczewski, M. (1993). *Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen* (Vienna)

——— (1997). 'Beginnings of the Slavs' Culture', in Urbanczyk (1997a), 79—90

Parmentier, L. and Hansen, G.C., eds. (1998). *Theodoret: Kirchengeschichte*, 3rd ed. (Berlin)

Paschoud, F. (1971—1989). *Zosimus: Historia Nova*, 6 vols. (Paris)

Pearson, M.P. (1989). 'Beyond the Pale: Barbarian Social Dynamics in Western Europe', in Barrett (1989), 198—226

Peregrinatio Gothica 1. (1986). *Archaeologia Baltica* VII (Lodz)

Peregrinatio Gothica 2. (1989). *Archaeologia Baltica* VIII (Lodz)

Perin, P. (1980). *La datation des tombes mérovingiennes* (Geneva)

——— (1987). *Les Francs à la Conquête de la Gaule* (Paris)

——— (1996). 'Die Archäologische Zeugnisse der frankischen Expansion in Gallien', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 227—232

Perin, P. and Feffer, L.C. (1987). *Les Francs à l'Origine de la France*, 2 vols. (Paris)

Perin, P. and Kazanski, M. (1996). 'Das Grab Childerichs I', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 173—182

Pertz, G.H. and Kurze, F., eds. (1891). *Annales Fuldenses, sive, Annales regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensibus, Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus* (Hanover)

Petrov, N.I. (2005). 'Ladoga, Ryurik's Stronghold, and Novgorod: Fortifications and Power in Early Medieval Russia', in Curta (2005), 121—137

Petschenig, M., ed. (1881). *Victoris Episcopi Vitensis Historia persecutionis Africanae provinciae* (Vienna)

Pharr, C. (1952). *The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions* (New York)

Phillips, J.R.S. (1988). *The Medieval Expansion of Europe* (Oxford)

——— (1994). 'The Medieval Background', in Canny (1994), 9–25

Pichlmayr, F., ed. (1911). *Sexti Aurelii Victoris liber de Caesaribus* (Leipzig)

Pinder, M., ed. (1897). *Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII* (Bonn)

Pirling, R. (1966). *Das römisch-fränkische Gräberfeld von Krefeld-Gellep* (Beriin)

Pirling, R. and Siepen, M. (2003). *Das römisch-fränkische Gräberfeld von Krefeld-Gellep 1989–2000* (Stuttgart)

Platnauer, M. (1922). *The Works of Claudian* (London)

PLRE: The Prosopography of the later Roman Empire, ed. A.H.M. Jones et al., 3 vols. (Cambridge, 1971–1992)

Pohl, W. (1980). 'Die Gepiden und die Gentes an der mittleren Donau nach dem Zerfall des Attilareiches', in Wolfram and Daim (1980), 239–305

——— (1988). *Die Awaren: ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567–822 n. Chr.* (Munich)

——— (2000). *Die Germanen* (Munich)

——— (2003). 'A Non-Roman Empire in Central Europe: The Avars', in Goetz et al. (2003), 571–595

Pohl, W. and Erhart, P. (2005). *Die Langobarden: Herrschaft und Identität* (Vienna)

Pohl, W. and Wood, I.N., eds. (2001) *The Transformation of Frontiers from Late Antiquity to the Carolingians, Proceedings of the Second Plenary Conference, European Science Foundation Transformation of the Roman World Project* (Leiden)

Poulik, J. et al., eds. (1986). *Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit* (Prague)

Poulter, A., ed. (2007). *The Transition to Late Antiquity on the Danube and Beyond* (Oxford)

Powlesland, D. (1997). 'Early Anglo-Saxon Settlements: Structures, Forms, and Layout', in Hines (1997), 101–124

Preucel, R. and Hodder, I., eds. (1996). *Contemporary Archaeology in Theory* (Oxford)

Preussler, W. (1956). 'Keltischer Einfluss im Englischen', *Revue des Langues Vivantes* 22, 322–350

Prinz, F. (1984). *Böhmen im mittelalterlichen Europa* (Munich)

Proussa, P. (1990). 'A Contact-universals Origin for Periphrastic Do, with Special Consideration of OE-Celtic Contact', in Adamson (1990), 407–434

Raev, B.A. (1986). *Roman Imports in the Lower Don Basin* (Oxford)

Rafnsson, S. (1997). 'The Atlantic Islands', in Sawyer (1997a), 110–133

Randsborg, K. (1980). *The Viking Age in Denmark: The Formation of a State* (London)

Rau, G. (1972). 'Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Wechsel-Raum', *Acta praehistorica et archaeologica* 3, 109—214

Reichmann, C. (1996). 'Frühe Franken in Germanien', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 55—65

Renfrew, C. (1987). *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins* (London)

Renfrew, C. and Bahn, P. (1991). *Archaeology: Theories, Methods and Practice* (London)

Renfrew, C. and Cherry, J.F., eds. (1986). *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change* (Cambridge)

Reuter, T. (1985). 'Plunder and Tribute in the Carolingian Empire', *Transactions of the Royal Historical Society*, 75—94

——— (1990). 'The End of Carolingian Military Expansion', in Godman and Collins (1990), 391—407

——— (1991). *Germany in the Early Middle Ages c. 800—1056* (London)

——— (1992). *The Annals of Fulda* (Manchester)

———, ed. (1999). *The New Cambridge Medieval History: vol. 3, 900—1024* (Cambridge)

Ridley R.T. (1982). *Zosimus: New History* (Canberra)

Ritchie, A. (1993). *Viking Scotland* (Bath)

Robinson, C.H. (1921). *Anskar: The Apostle of the North, 801—865* (London)

Roesdahl, E., trans. S. Margeson and K. Williams (1982). *Viking Age Denmark* (London)

———, trans. S. Margeson and K. Williams (1991). *The Vikings* (London)

Rolfe, J.C., ed. (1935—1939). *Ammianus Marcellinus* (London)

Rostovzeff, M.I. (1922). *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxford)

Rowlands, M. et al., eds. (1987). *Centre and Periphery in the Ancient World* (Cambridge)

Rudkin, D. (1986). *The Saxon Shore* (London)

Rumble, A.R., ed. (1994). *The Reign of Cnut: King of England, Denmark and Norway* (London)

Rystad, G. (1996). 'Immigration Policy and the Future of International Migration', *International Migration Review* 26.4, 555—586

Sabbah, G. (1978). *La méthode d'Ammien Marcellin: recherches sur la construction du discours historique dans les Res Gestae* (Paris)

Salt, J. and Clout, H., eds. (1976). *Migration in Post-War Europe: Geographical Essays* (Oxford)

Salway, P. (2001). *A History of Roman Britain* (Oxford)

Sanchez-Albornoz, N. (1994). 'The First Transatlantic Transfer: Spanish Migration to the New World', in Canny (1994), 26—36

Santini, C., ed. (1979). *Eutropius Breviarium ab urbe condita* (Stuttgart)

Sartre, M. (1982). *Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine: Revue d'Études Latines* (Brussels)

Sasse, B. (1982). *Die Sozialgeschichte Böhmens in der Frühzeit: Historisch-archäologische Untersuchungen zum 9.—12. Jahrhundert* (Berlin)

Sawyer, B. (1991). 'Viking-Age Rune-Stones as a Crisis Symptom', *Norwegian Archaeological Review* 24, 97—112

Sawyer, B. and Sawyer, P.H. (1993). *Medieval Scandinavia: From Conversion to Reformation c. 800 —1500* (Minneapolis)

Sawyer, P.H. (1962). *The Age of the Vikings* (London)

——— (1978). *From Roman Britain to Norman England* (London)

——— (1982), 'The Causes of the Viking Age', in Farrell (1982), 1—7

——— (1993). 'The Scandinavian Background', in Cooper (1993), 33—42

——— (1994). 'Cnut's Scandinavian Empire', in Rumble (1994), 10—22

———, ed. (1997a). *The Oxford Illustrated History of the Vikings* (Oxford)

——— (1997b). 'The Age of the Vikings, and Before', in P. Sawyer (1997a), 1—18

Sawyer, P.H. and Wood, I.N., eds. (1977). *Early Medieval Kingship* (Leeds)

Schenkl, H. et al., eds. (1965—1974). *Themistii Orationes* (Leipzig)

Schmeidler, B., ed. (1917). *Adam von Bremen: Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum (Hanover)

Schmidt, L. (1933). *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung: Die Ostgermanen*, 2nd ed. (Munich)

Scholz, B.W. (1972). *Carolingian Chronicles* (Ann Arbor)

Schröder, F.J. (1977). *Völker und Herrscher des östlichen Europa im Weltbild Widukinds von Korvei und Thietmars von Merseburg* (Munster)

Scragg, D. (1991). *The Battle of Maldon, AD 991* (Oxford)

Searle, E. (1988). *Predatory Kinship and the Creation of Norman Power 840—1066* (Berkeley).

Seeck, O., ed. (1962). *Notitia dignitatum* (Frankfurt am Main)

Service, E.R. (1975). *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution* (New York)

Settimane [Centro italiano di studi sull'alto Medioevo: Settimane di studio] (1983). *Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo, Atti del xxx Congresso internazionale di studi sull'alto Medioevo* (Spoleto)

Shanzer, D. and Wood, I.N., eds. and trans. (2002). *Avitus of Vienne: Letters and Selected Prose* (Liverpool)

Shchukin, M. (1975). 'Das Problem der Cernjachow-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur', *Zeitschrift für Archäologie* 9, 25—41

——— (1977). 'Current aspects of the Gothic Problem and the Cherniakhovo Culture', *Arkheologichesky sbornik* 18, 79—92 (English summary)

——— (1990). *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe: Ist Century BC — Ist Century AD* (Oxford)

——— (2005). *The Gothic Way: Goths, Rome, and the Culture of the Chernjakhov / Sintana de Mures* (St Petersburg)

Shennan, S. (1989). *Archaeological Approaches to Cultural Identity* (London)

Shepard, J. (2005). 'Conversions and Regimes Compared: The Rus' and the Poles, ca. 1000', in Curta (2005), 252—282

Sherwin-White, A.N. (1973). *The Roman Citizenship*, 2nd ed. (Oxford)

Siegmund, F. (1998). 'Social Structure and Relations', in Wood (1998), 177—198

Sinor, D. (1977). *Inner Asia and its Contacts with Medieval Europe* (London)

——— (1990). *The Cambridge History of Early Inner Asia* (Cambridge)

Skalnik, P., ed. (1989). *Outwitting the State* (New Jersey)

Slater, T., ed. (2000). *Towns in Decline AD 100—1600* (Aldershot)

Smith, A.D. (1986). *The Ethnic Origin of Nations* (Oxford)

Smith, J.M. (1992). *Province and Empire: Brittany and the Carolingians* (Cambridge)

Smyth, A.P. (1977). *Scandinavian Kings in the British Isles, 850—880* (Oxford)

——— (1979). *Scandinavian York and Dublin: The History and Archaeology of Two Related Viking Kingdoms* (New Jersey)

——— (1995). *King Alfred the Great* (Oxford)

Speidel, M.P. (1977). 'The Roman Army in Arabia', *Aufstieg und Niedergang der Antiken Welt* II. 8

Stallknecht, B. (1969). *Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike* (Bonn)

Stenton, F. (1971). *Anglo-Saxon England* (Oxford)

Steuer, H. (1982). *Frühgeschichtliche Sozialstrukturen Mitteleuropa* (Göttingen)

——— (1998). 'Theorien zur Herkunft und Entstehung der Alemannen: Archaeologische Forschungsansatze', in Geuenich (1998), 270—334

Stockwell, S., ed. (2008). *The British Empire: Themes and Perspectives* (Oxford)

Syme, R. (1968). *Ammianus and the Historia Augusta* (Oxford)

——— (1971a). *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta* (Oxford)

——— (1971b). *The Historia Augusta: A Call for Clarity* (Bonn)

Szydlowski, J. (1980). 'Zur Anwesenheit der Westslawen an der mittleren Donau im ausgehenden 5. und 6. Jahrhundert', in Wolfram and Daim (1980), 233 —237

Tejral, J. et al., eds. (1999). *L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations* (Brno)

Theuws, F. and Hiddinck, H. (1996). 'Der Kontakt zu Rom', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 64—80

Thomas, M.G. et al. (2006). 'Evidence for an Apartheid-like Social Structure in Early Anglo-Saxon England', *Proceedings of the Royal Society* 273, 2651—2657

Thompson, E.A. (1965). *The Early Germans* (Oxford)

——— (1966). *The Visigoths in the Time of Ulfila* (Oxford)

——— (1995). *The Huns* (Oxford)

Thorpe, L. (1974). *Gregory of Tours: The History of the Franks* (London)

Todd, M. (1975). *The Northern Barbarians 100 BC — AD 300* (London)

——— (1992). *The Early Germans* (Oxford)

Trillmich, W. et al., eds. (1978). *Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hambürgischen Kirche und des Reiches*, 5th ed. (Darmstadt)

Tschan, F.J. (1959). *Adam of Bremen: History of the Archbishops of Hamburg-Bremen* (New York)

——— (1966). *Helmold, Priest of Bosau: The Chronicle of the Slavs* (New York)

Turek, R. (1974). *Böhmen im Morgengrauen der Geschichte von den Anfängen der slawischen Besiedlung bis zum Eintritt in die europäische Kulturgemeinschaft (6. bis Ende des 10 Jahrhunderts)* (Wiesbaden)

Ucko, P. (1995). *Theory in Archaeology: A World Perspective* (London)

Urbanczyk, P., ed. (1997a). *Origins of Central Europe* (Warsaw)

——— (1997b). 'Changes of Power Structure During the 1st Millennium ad in the Northern Part of Central Poland', in Urbanczyk (1997a), 39—44

———, ed. (1997c). *Early Christianity in Central and East Europe* (Warsaw)

———, ed. (2001). *Europe around the Year 1000* (Warsaw)

———, ed. (2004). *Polish Lands at the Turn of the First and the Second Millennia* (Warsaw)

——— (2005). 'Early State Formation in East Central Europe', in Curta (2005), 139–151

Vallet, F. and Kazanski, M., eds. (1995). *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* (Paris)

Van Dam, R. (1985). *Leadership and Community in Late Antique Gaul* (Berkeley)

Van Es, W.A. (1967). *Wijster: A Native Village Beyond the Imperial Frontier 150–425 AD* (Groningen)

Van Ossel, P. (1992). *Etablissements ruraux de l'antiquité tardive dans le nord de la Gaule* (Paris)

Van Ossel, P. and Ouzoulias, P. (2000). 'Rural Settlement Economy in Northern Gaul in the Late Empire: An Overview and Assessment', *Journal of Roman Archaeology* 13, 133–160

Verlinden, C. (1955). *L'Esclavage dans l'Europe Médiévale* (Bruges)

Vertovec, S. and Cohen, R. (1999). *Migration, Diasporas, and Transnationalism* (Cheltenham)

Vince, A. (2001). 'Lincoln in the Viking Age', in Graham-Campbell et al. (2001), 157–180

Voets, S. et al., eds. (1995). *The Demographic Consequences of Migration* (The Hague)

Vogel, F., ed. (1885). *Ennodius Opera*, Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi 7 (Berlin)

von Schnurbein, S. (1995). *Vom Einfluss Roms auf die Germanen* (Opladen)

Waitz, G., ed. (1883). *Annales Bertiniani* (Hanover)

Wallace-Hadrill, J.M. (1960). *The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar* (London)

Ward Perkins, B. (2000). 'Why did the Anglo-Saxons not become more British?', *English Historical Review* 115, 513–533

——— (2005). *The Fall of Rome and the End of Civilization* (Oxford)

Warner, D.A. (2001). *Ottonian Germany: The Chronicon of Thietmar of Merseburg* (Manchester)

Weale, M.E. et al. (2002). 'Y Chromosome Evidence for Anglo-Saxon Mass Migration' *Molecular Biology & Evolution* 19.7, 1008–1021

Wegener, W. (1959). *Böhmen/Mähren und das Reich im Hochmittelälter* (Cologne)

Welch, M. (1992). *English Heritage Book of Anglo-Saxon England* (London)

Wells, P.S. (1999). *The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe* (Princeton)

Wenskus, R. (1961). *Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes* (Cologne)

Werner, J. (1935). *Münzdatierte austrasische Grabfunde* (Berlin)

——— (1950). 'Zur Entstehung der Reihengräberzivilisation', *Archaeologica Geographica* 1, 23—32

Weski, T. (1982). *Waffen in germanischen Gräbern der älteren römischen Kaiserzeit südlich der Ostsee* (Oxford)

Whitby, L.M. (1988). *The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare* (Oxford)

Whitby, L.M. and Whitby, J.M. (1986). *The History of Theophylact Simocatta* (Oxford)

——— (1989). *The Chronicon Paschale* (Liverpool)

Whitelock, D., ed. (1955). *English Historical Documents, vol. 1, c. 500—1042* (London)

Whitelock, D. et al. (1961). *The Anglo-Saxon Chronicle: A Revised Translation* (London)

Whittaker, C.R. (1994). *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study* (Baltimore)

Whittow, M. (1996). *The Making of Orthodox Byzantium, 600—1025* (London)

Wickham, C. (1992). 'Problems of Comparing Rural Societies in Early Medieval

Western Europe', *Transactions of the Royal Historical Society*, 6th series 2, 221—246

——— (2005). *Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean, 400—800* (Oxford)

Wieczorek, A. (1996). 'Die Ausbreitung der frankischen Herrschaft in den Rheinland vor und seit Chlodwig I', in *Die Franken: Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren, König Chlodwig und seine Erben* (Mainz), 241—261

Wiet, G. (1957). *Les Atours Précieux* (Cairo)

Williams, A. (1991). *The English and the Norman Conquest* (Woodbridge)

Wilson, J. (2008). 'Agency, Narrative, and Resistance', in Stockwell (2008), 245—268

Winterbottom, M., ed. and trans. (1978). *Gildas: The Ruin of Britain, and other works* (London)

Wolfram, H. (1979). *Conversio Bagoariorum et Carantanorum: das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien* (Vienna)

——— (1985). *Treasures on the Danube: Barbarian Invaders and their Roman Inheritance* (Vienna)

———, trans. T.J. Dunlap (1988). *History of the Goths* (Berkeley)

——— (1994). 'Origo et Religio: Ethnic Traditions and Literature in Early Medieval Texts', *Early Medieval Europe* 3, 19—38

——— (1995). *Salzburg, Bayern, Österreich: die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und die Quellen ihrer Zeit* (Vienna)

———, trans. T.J. Dunlap (1997). *The Roman Empire and its Germanic Peoples* (Berkeley)

Wolfram, H. and Daim, F., eds. (1980). *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert, Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, phil.-hist. Kl. 145 (Vienna)

Wolfram, H. and Pohl, W., eds. (1990). *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern, Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, phil.-hist. Kl. 193 (Vienna)

Wood, I.N. (1985). 'Gregory of Tours and Clovis', *Revue Belge de Philologie et d'Histoire* 63, 249—272

——— (1990). 'Ethnicity and the Ethnogenesis of the Burgundians' in Wolfram and Pohl (1990), 53—69

——— (1994). *The Merovingian Kingdoms* (London)

———, ed. (1998). *Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective* (Woodbridge)

——— (2001). *The Missionary Life: Saints and the Evangelization of Europe, 400—1050* (Harlow)

Woolf, A. (2003). 'The Britons: from Romans to Barbarians', in Goetz et al. (2003), 345—380

——— (2007). 'Apartheid and Economics in Anglo-Saxon England', in Higham (2007), 115—129

Wormald, C.P. (1978). 'Bede, Beowulf and the Conversion of the Anglo-Saxon Aristocracy', in Farrell (1978), 32—95

——— (1982). 'Viking Studies: Whence and Whither', in Farrell (1982), 128—153

——— (1986). 'Celtic and Anglo-Saxon Kingship', *Studies in Medieval Culture* 20, 151—183

Zagiba, F., ed. (1969). *Das heidnische und christliche Slaventum* (Wiesbaden)

Zollner, E. (1970). *Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts* (Munich)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7
Введение 11

Глава 1. Переселенцы и варвары 17
Глава 2. Глобализация и германцы 64
Глава 3. Все дороги ведут в Рим? 140
Глава 4. Миграция и падение границ 214
Глава 5. Гунны идут 291
Глава 6. Франки и англосаксы: переселение элиты или переселение народов? 366
Глава 7. Новая Европа 452
Глава 8. Создание славянской Европы 518
Глава 9. Переселение викингов 600
Глава 10. Первый Европейский союз 676
Глава 11. Конец миграции и рождение Европы 750

Основные источники 798
Библиография 801

Научно-популярное издание

Хизер Питер

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВАРВАРОВ

Падение Рима и рождение Европы

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурыгина*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 16.05.2016.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68. Уч.-изд. л. 45,61.
М: Тираж 1 500 экз. Заказ № 6042
ОИ: Тираж 1 500 экз. Заказ № 6041

ООО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

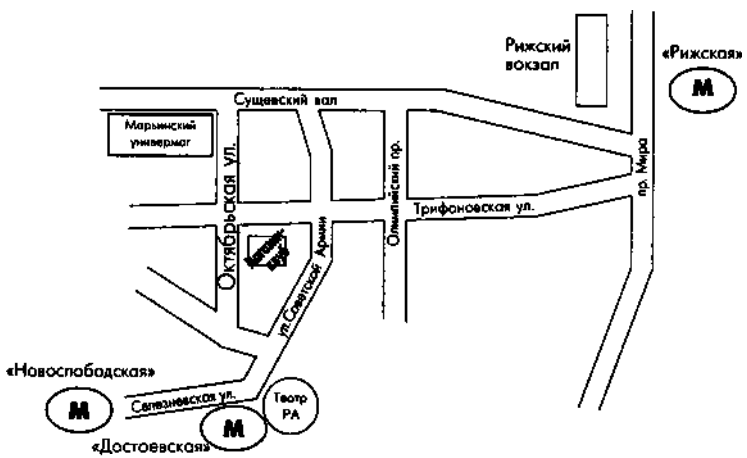
WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

Действительно низкие цены!
Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение по телефону о поступлении новинок!

Фирменный магазин «Издательства Центрполиграф»

предлагает более 3000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии и словари.

Москва, ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: (495) 684-49-89; вт—пт — 10.00—18.30, сб — 10.00—17.00.

КНИГА ПИТЕРА ХИЗЕРА, АВТОРИТЕТНОГО СПЕЦИАЛИСТА ПО ИСТОРИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, ПОСВЯЩЕНА ВЕЛИКОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ НАРОДОВ В 1-М ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. АВТОР ДАЕТ ВСЕСТОРОННЮЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ПЕРИОДА, СТАВШЕГО КЛЮЧЕВЫМ ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИЙ И СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ ФРАНКОВ, ГЕРМАНЦЕВ, СЛАВЯН И ДРУГИХ НАРОДОВ; АНАЛИЗИРУЕТ МОДЕЛИ И ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ, ЗАТРОНУВШИХ ЗАПАДНУЮ ЧАСТЬ КОНТИНЕНТА. ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ ПИТЕР ХИЗЕР УДЕЛЯЕТ МАСШТАБНОЙ СЛАВЯНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И УКРЕПЛЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ, КОТОРЫЕ СУЩЕСТВУЮТ СЕЙ ДЕНЬ. ОТСТАИВАЯ ОПРЕДЕЛЯЮЩУЮ РОЛЬ МИГРАЦИИ В ПРЕОБРАЖЕНИИ ВАРВАРСКОЙ ЕВРОПЫ, ИСТОРИК НЕ УМАЛЯЕТ ВАЖНОСТЬ ВНУТРЕННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ, А ТАКЖЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР, РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА, ПИСЬМЕННОСТИ И РЕМЕСЕЛ. ОПИСЫВАЯ ПРОЦЕСС РОЖДЕНИЯ НОВОЙ ЕВРОПЫ, ПИТЕР ХИЗЕР УБЕДИТЕЛЬНО ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО МИГРАЦИЯ — КЛЮЧЕВОЕ ЯВЛЕНИЕ 1-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, ОПРЕДЕЛИВШЕЕ СОВРЕМЕННУЮ КАРТУ МИРА.

17 Чел Читай-город РЧ
10.09.2016 ООО "ГРАМОТА"
Великие завоевания варваров Падение Ри
а и рождение Европы (ОИ) Хизер
9785227070586 ВК:
Цена 803 руб.
Номер 4058358
Код 2545343
ТБК 11-7110